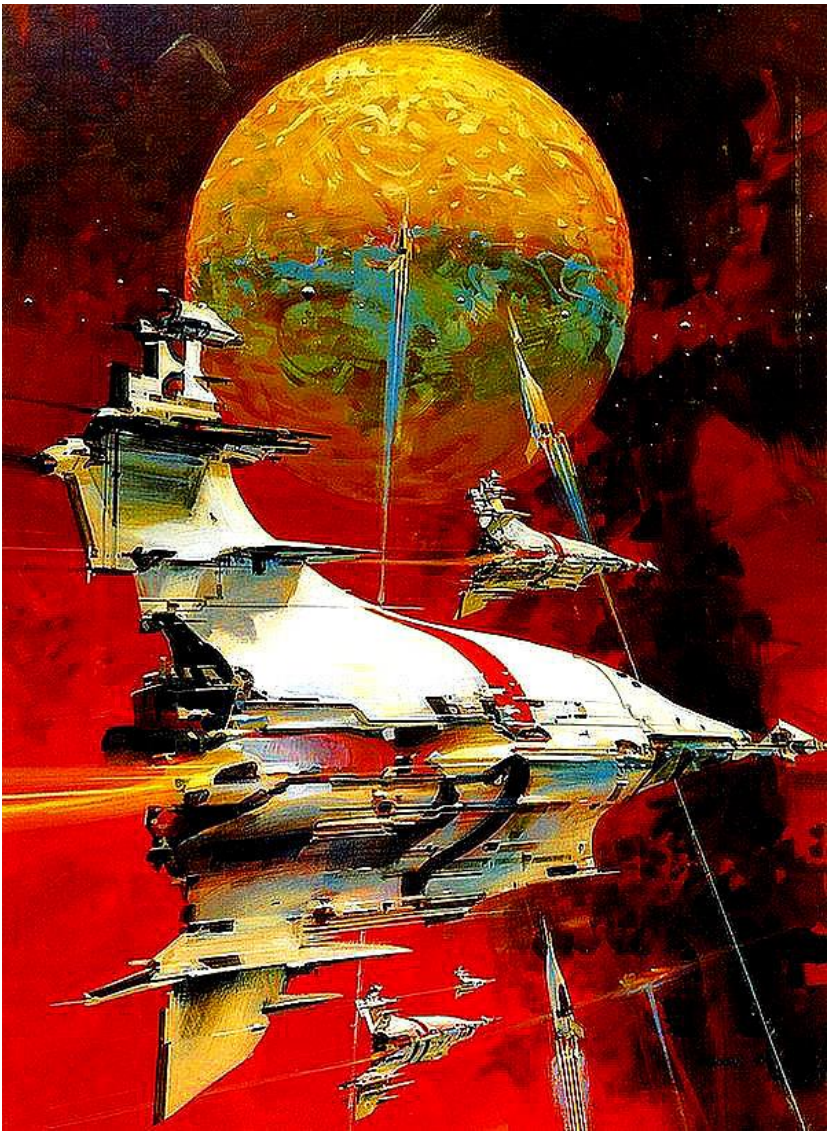


ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Клиффорд Саймак

МИР КРАСНОГО СОЛНЦА

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 12

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

Публикации и иллюстрации:

Wonder Stories, December 1931
The World of the Red Sun •
interior artwork by Frank R. Paul

Wonder Stories Quarterly, Spring 1932
The Voice in the Void •
interior artwork by Frank R. Paul

Wonder Stories, March 1932
Mutiny on Mercury •
interior artwork by Frank R. Paul

Astounding Stories, June 1932
Hellhounds of the Cosmos •
interior artwork by M. Marchioni

Wonder Stories, November 1932
The Asteroid of Gold •
interior artwork by Frank R. Paul

Marvel Tales of Science and Fantasy, March-April 1935
Fantastic Stories of Imagination, July 1961
The Creator •
interior artwork by Dan Adkins

Astounding Science-Fiction, July 1938
Rule 18 •
interior artwork by Charles Schneeman

Astounding Science-Fiction, October 1938
Hunger Death •
interior artwork by George Wert

Astounding Science-Fiction, November 1938
Reunion on Ganymede •
interior artwork by uncredited, by Howard V. Brown

Thrilling Wonder Stories, December 1938
Startling Stories, March 1949
The Loot of Time •
interior artwork by uncredited

Thrilling Wonder Stories, April 1939
Madness from Mars •
interior artwork by H. W. Wesso

Astounding Science-Fiction, June 1939
Hermit of Mars •
interior artwork by H. W. Wesso, by Graves Gladney

Astonishing Stories, April 1940
The Space-Beasts •
interior artwork by Eron, by Jack Binder

Astounding Science-Fiction, May 1940
Rim of the Deep •
interior artwork by Frank Kramer

Astounding Science-Fiction, August 1940
Clerical Error •
interior artwork by W. A. Koll

Astounding Science-Fiction, November 1940
Sunspot Purge •
interior artwork by Frank Kramer

Astounding Science-Fiction, March 1941
Masquerade •
interior artwork by Eron

Thrilling Wonder Stories, April 1941
Earth for Inspiration •
interior artwork by uncredited

Astounding Science-Fiction, July 1941
Spaceship in a Flask •
interior artwork by Frank Kramer

Comet, July 1941
The Street That Wasn't There •
interior artwork by John R. Forte, Jr.

Astounding Science-Fiction, July 1942
Tools •
interior artwork by Frank Kramer

Astounding Science-Fiction, March 1943
Shadow of Life •
interior artwork by Frank Kramer

Astounding Science-Fiction, July 1943
Hunch •
interior artwork by A. Williams, by William Timmins

Science Fiction Stories, July 1943
Infiltration •
interior artwork by uncredited

Planet Stories, Fall 1943
Message from Mars •
interior artwork by Joseph Doolin

Astounding Science Fiction, January 1944
Ogre •
interior artwork by Frank Kramer

Astounding Science Fiction, April 1944
Lobby •
interior artwork by Frank Kramer

Planet Stories, Summer 1944
Mr. Meek—Musketeer •
interior artwork by Graham Ingels

Planet Stories, Fall 1944
Mr. Meek Plays Polo •
interior artwork by Graham Ingels

A Death in the House and Other Stories
Nine Lives • (1957)

Fantastic Universe, August-September 1953
The Questing of Foster Adams •

Super Science Stories, May 1950
The Call from Beyond •
interior artwork by Virgil Finlay

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Перевод: А. Евстигнеев, А. Орлов, А. Филонов, А. Кузнецова, В. Альтштейнер, В. Ковальчук, В. Яковлева, Е. Монахова, Е. Бутенко, И. Иванов, И. Почиталин, И. Тетерина, И. Шефановская, К. Королев, Н. Рахманова, С. Зубков.

Работа с текстом и иллюстрациями: by formally

CLIFFORD D. SIMAK

МИР КРАСНОГО СОЛНЦА

1

— Готов, Билл? — спросил Харл Свенсон.

Билл Крессман кивнул.

— Тогда прощай, год тысяча девятьсот тридцать пятый! — воскликнул великан-швед и с силой дернул рычаг.

Самолет содрогнулся и недвижно завис во мгле. В мгновение ока абсолютная чернота, точно краска с дьяволовой палитры, смыла солнечный свет и обрушилась на двоих исследователей.

Над приборной доской горели электрические лампочки, но их тусклый свет не мог побороть тьму, сочившуюся сквозь кварцевые иллюминаторы.

Чернота поразила Билла. Он ожидал какой-нибудь перемены — какой-нибудь, но к подобной не был готов. Он привстал в кресле, потом вновь опустился.

— Страшно? — усмехнулся Харл, глядя на него.

— Черта с два, — выдавил Билл.

— Ты путешествуешь во времени, парень, — объяснил Харл. — Ты уже вне пространства, в струе времени. Пространство вокруг тебя искривлено. Пока ты находишься в пространстве, путешествовать во времени нельзя — пространство сковывает ток времени, не дает ему идти быстрей некоторого предела. Но изогни пространство вокруг себя — и ты заскользишь во времени. Вне пространства нет света, здесь царит тьма. Нет и тяготения, не проявляется ни одна из вселенских сил.

Билл кивнул. Они уже повторяли это друг другу много, много раз. Двойные стенки, чтобы противостоять вакууму, в который должен был нырнуть самолет при повороте рычага, выбрасывающего его из пространства в струю времени. Тепловая защита против абсолютного нуля, что правит там, где невозможно тепло. Крепления для ног, чтобы не перевернуться там, где отсутствует тяготение. Хитроумная система

нагревателей, чтобы не застыли моторы, не превратились в лед бензин, масло и вода. Мощные воздухогенераторы для пассажиров и двигателей.

Годы — десять лет — труда, и сумма денег, измеряемая семизначным числом. Иногда они ошибались, нередко терпели неудачу. Открытия, сделанные ими по дороге, могли бы перевернуть мир и преобразить индустрию, но исследователи и словом не обмолвились о них. Только одно притягивало их — путешествие во времени.

Познать будущее, нырнуть в прошлое, победить само время — этому двое молодых ученых посвятили все свои усилия и наконец добились успеха.

Цель была достигнута в 1933 году. Несколько последующих месяцев были потрачены на эксперименты и постройку самолета с машиной времени. Они запускали крохотные самолетики с миниатюрными машинами времени — те, жужжа, пролетали через лабораторию и внезапно исчезали. Быть может, они и сейчас несутся сквозь неисчислимые эпохи.

Потом была построена маленькая машина времени, установленная на путешествие на один месяц в будущее. Ровно через месяц, с точностью до секунды, она материализовалась на полу лаборатории, выпав из потока времени. Это окончательно подтвердило — путешествие во времени возможно.

Теперь в струе времени оказались Харл Свенсон и Билл Крессман. Толпа на улице изумленно вздохнула, когда огромный трехмоторный самолет внезапно растворился в воздухе.

Харл склонился над приборной доской. Его чуткий слух различал в зябком бормотании моторов неумолимую хватку абсолютного нуля, впивавшегося в металл, несмотря на все предосторожности.

То был опасный путь, но единственно возможный. Нырни они в поток времени с земной поверхности — остановившись, они могли бы обнаружить себя погребенными

слоями нанесенной за века почвы; могли вынырнуть под построенным над ними зданием или в водах канала. Здесь же, в воздухе, им не могло помешать ничто из случившегося за те столетия, сквозь которые они мчались с почти невообразимой скоростью. Их несло мимо времени.

Кроме того, гигантская машина должна была послужить им транспортным средством, когда они выскользнут из струи времени в пространство, а может, и способом бегства — кто знает, что может ожидать их в будущем, удаленном на несколько тысячелетий?

Моторы стонали все сильнее, даже на холостом ходу — включенные на полный ход, они разнесли бы пропеллеры на куски. Но разогревать их следовало. Иначе они просто заглохнут. А выйти в пространство с тремя мертвыми двигателями — это верная катастрофа, которую исследователи и не могли надеяться пережить.

— Поддай мощности, Билл, — напряженно произнес Харл.

Билл осторожно надавил на акселератор. Моторы протестующе заныли и взорвались ревом. Здесь, в кабине, наполненной воздухом, звук был слышен. Снаружи, в потоке времени, царила тишина. Харл прислушивался в отчаянной надежде, что пропеллеры выдержат.

Билл отпустил педаль, винты вновь замедлили вращение; моторы гудели ровно.

Харл глянул на часы. Несмотря на то, что в струе времени, казалось бы, время как таковое не движется, стрелки наручного хронометра, как и прежде, отсчитывали минуты и секунды пространства-времени. Восемь минут... еще семь, и придет пора выходить в пространство.

Измученные моторы могли выносить вакуум и невообразимый холод не дольше пятнадцати минут.

Харл посмотрел на счетчик времени. Стрелка показывала 2816 — на столько лет ушли они в будущее. Когда истекут пятнадцать минут, этот срок перевалит за пять тысяч.

Билл тронул его за руку:

— Ты уверен, что мы еще над Денвером?

Харл усмехнулся:

— Если нет, то мы с тем же успехом можем очутиться в миллиарде милях от Земли. Приходится рисковать, но, как доказывают все предыдущие эксперименты, мы должны вынырнуть точно в том месте, откуда ушли в поток времени. Мы занимаем дырку в пространстве, и смещаться ей некуда.

Начали болеть легкие — то ли сдавали воздухогенераторы, то ли в пустоту снаружи уходило больше воздуха, чем исследователи рассчитывали. Атмосфера становилась все более разреженной. Но моторы работали ровно. Очевидно, нарушилась герметичность кабины.

— Долго мы уже? — промычал Билл.

Харл глянул на часы.

— Двенадцать минут, — ответил он.

Счетчик времени показывал 4224.

— Еще три, — прикинул Билл. — Думаю, выдержим. Моторы работают. Холодает только, и воздух разреженный.

— Протекаем, — пробормотал Харл.

Минуты тянулись бесконечно. Билл пытался думать. Предположительно они все еще висели над Денвером. Менее четверти часа назад они находились в 1935 году, а теперь несутся со скоростью молнии сквозь века — 350 лет в минуту. Должно быть, снаружи идет год этак 6450-й.

Он глянул на свои руки — они посинели от холода. Тепло улетучивалось еще быстрее воздуха, но и того становилось все меньше. Дышать все труднее. Если они потеряют сознание, то замерзнут и вечно будут нестись сквозь эпохи — оледенелые трупы в бешеной скачке. Земля под ними исчезнет в космосе. Родятся новые миры, закружатся новые галактики, а они все будут плыть в потоке времени. Стрелка счетчика дойдет до ограничителя, сломается, и ее обрубок упрется в конец циферблата в тщетной попытке отсчитать течение лет.

Билл потер руки и нервно глянул на циферблат. 5516.

— Еще четверть минуты, — отрывисто бросил Харл, держа правую руку на рычаге, а запястье левой, с хронометром, — перед глазами. Зубы его стучали.

Билл взялся за штурвал.

— Давай! — взревел Харл.

Он рванул рычаг.

Они висели в небе.

Харл вскрикнул от удивления.

Внизу в сумерках раскинулись руины огромного города. На востоке, простираясь до самого горизонта, катило волны море. Берег его представлял собой песчаную пустыню.

Моторы загремели, разогреваясь.

— Где мы? — воскликнул Харл.

Билл только головой покачал.

— Это не Денвер, — произнес швед.

— Да уж, не похоже, — Зубы Билла все еще стучали.

Он покружил, прогревая моторы. Никаких следов человека.

Под вызывающий рык двигателей самолет описал широкую дугу и, ведомый твердой рукой Билла, начал спуск к ровной полосе песка близ одной из наиболее крупных белокаменных руин. Он коснулся земли, подняв облако пыли, подпрыгнул, вновь ударился о песок, прокатился немного и замер.

— Приехали. — Билл выключил моторы.

Харл устало потянулся. Билл поглядел на счетчик времени. Стрелка показывала 5626 лет.

— Мы в семь тысяч пятьсот шестьдесят первом году, — медленно и задумчиво произнес он.

— Пистолет взял? — спросил Харл.

— Да, — Рука Билла машинально потянулась к бедру, нащупывая в кобуре кольт 45-го калибра.

— Тогда выходим.

Харл распахнул дверь, исследователи вышли. Песок блестел под ногами. Заперев дверь, Харл пристегнул ключи к поясу.

— Еще не хватало потерять, — пробормотал он.

Холодный ветер дул над пустыней, стонал среди руин, расплескивал тонкую колючую пыль. Времялетчики зябко вздрагивали, несмотря на теплую одежду.

Харл схватил Билла за руку, указывая на восток. Там карабкался в небо огромный тускло-красный шар.

— Солнце, — прошептал Билл, приоткрыв от изумления рот.

— Да, — подтвердил Харл. — Солнце.

Исследователи молча уставились друг на друга.

— Это не семь тысяч пятьсот шестьдесят первый год, — выдавил наконец Билл.

— Да, скорее семисотпятидесятитысячный, если не больше того.

— Значит, счетчик ошибался.

— И очень сильно ошибался. Мы двигались во времени в тысячу раз быстрее, чем рассчитывали.

Они помолчали, разглядывая ландшафт. Руины, куда ни кинь взгляд, лишь развалины, на сотни футов вздымающиеся над песками. Многие из них еще сохранили красоту и благородство пропорций, превосходящие все, на что способно было двадцатое столетие. Ослепительно белый камень мерцал в вечных сумерках, которые не могли развеять слабые лучи огромного кирпично-красного светила.

— Должно быть, счетчик отмерял тысячелетия вместо лет, — задумчиво произнес Билл.

Харл безрадостно кивнул:

— Хорошо еще, если не десятки тысячелетий.

Серая собакоподобная тварь, поджав хвост, в мгновение ока проскользнула по гребню дюны и исчезла.

— Это руины Денвера, — сказал Харл. — А море, которое мы видели, должно быть, покрыло весь восток Северо-Американского континента. Над поверхностью остались, наверное, лишь Скалистые горы, но они превратились в пустыню.

Да, мы отмотали добрых семьсот пятьдесят тысяч лет, а может, и семь миллионов.

— А что же с людьми? — спросил Билл. — Как думаешь, они выжили?

— Не исключено. Человек — выносливое животное. Его нелегко убить, и он приспосабливается почти к любому окружению. Не забывай, эти перемены происходили постепенно.

Билл обернулся, и его крик зазвенел у Харла в ушах. Швед развернулся всем телом и увидел, как к ним несется, прыгая по дюнам, разношерстная орда дикарей. Безоружные, одетые в шкуры, они, однако, явно собирались напасть на исследователей.

Харл выдернул кольт из кобуры. Широкая ладонь шведа сомкнулась на рукояти, палец нашарил спусковой крючок. С пистолетом в руке он чувствовал себя увереннее.

До орды оставалась едва сотня ярдов. Развевались на ветру шкуры, злобные, кровожадные вопли не оставляли сомнения в намерениях дикарей.

Безоружные. Харл усмехнулся. Сейчас он им устроит кровавую баню. В этой толпе человек пятьдесят. Многовато, но не слишком.

— Ну что, покажем им? — бросил он Биллу.

Громыхнули два револьвера. Толпа дрогнула, но не остановилась, оставив двоих умирающих на песке. И снова плюнули огнем кольты. Люди спотыкались, визжали, падали. Остальные рвались вперед, топча упавших. Похоже было, что нет силы, способной их остановить. До них оставалось едва пятьдесят ярдов, когда барабаны опустели. Двое исследователей начали было перезаряжать револьверы, вытаскивая патроны из поясов, но, прежде чем они успели открыть огонь, толпа навалилась на них.

Билл ткнул дулом в лицо врагу и спустил курок. Ему пришлось сделать шаг в сторону, чтобы падающий труп не придавил его. Чей-то узловатый кулак врезал ему по голове, и

Билл упал на колени. Он успел застрелить еще двоих противников, прежде чем остальные набросились на него.

В шуме схватки он услыхал грохот револьвера Харла.

Множество рук вцепились в Билла, множество тел придавили его к земле. Он боролся отчаянно и самозабвенно — руками, ногами, зубами. Он чувствовал, как тела вздрагивают от его ударов, как кровь течет по рукам. Песок, поднятый множеством ног, забивался в глаза и уши, ослепляя и оглушая его.

В нескольких футах поодаль дрался Харл, дрался так же яростно, как и его товарищ. Лишенные оружия, они вернулись к тактике своих первобытных предков.

Казалось, что долгие минуты они сражались с нападавшими; в действительности же не прошло и нескольких секунд, прежде чем их задавили общей массой, связали по рукам и ногам и бросили, стянутых веревками, точно охотник — куропаток в сумку.

— Билл, — позвал Харл, — ты ранен?

— Нет, — ответил Билл, — Но здорово избит.

— Я тоже.

Они лежали на спине и пялились в пустое небо. Толпа нападавших двинулась в сторону самолета. Вскоре до ушей пленников донесся металлический звон. Очевидно, дикари пытались вышибить дверь.

— Пусть себе колотят, — сказал Харл, — Сломать что-то им не под силу.

— Кроме пропеллеров, — поправил Билл.

Звон продолжался некоторое время. Потом нападавшие вернулись и, развязав пленникам ноги, поставили их.

В первый раз исследователям представился случай как следует разглядеть тех, кто захватил их в плен. То были высокие, пропорционально сложенные люди, судя по виду, отнюдь не голодавшие. Внешность их, однако, была совершенно варварской. Волосы неровно обкорнаны, как и бороды. Ходили они, ссутулившись и приволакивая ноги, походкой человека отчаявшегося или ведущего пустую жизнь.

Шкуры, в которые они одевались, были хорошо выделаны, но грязны. Оружия не было ни у кого, а глаза их беспокойно бегали, как у диких зверей, постоянно ждущих опасности.

— Идите, — приказал один из дикарей, здоровый мужик с торчащим передним зубом. Он произнес это слово по-английски, пусть несколько по-иному, чем было принято в двадцатом веке, но несомненно на чистом английском языке.

И исследователи двинулись в путь, сопровождаемые своими пленителями, — тем же путем, каким пришли люди будущего. Они прошли мимо мертвецов, но дикари едва удостоили взглядом своих бывших товарищей. Человеческая жизнь явно ценилась здесь дешево.

2

Они пробирались между чудовищными развалинами. Дикари переговаривались между собой хотя и на английском, но с таким акцентом и добавляя в него такое количество незнакомых слов, что понять их было решительно невозможно.

Наконец они достигли чего-то, что могло быть улицей. Она петляла между развалинами; по обочинам стояли люди — среди них и дети, и женщины. Все пялились на пленников и оживленно болтали.

— Куда вы ведете нас? — спросил Билл шедшего рядом с ним конвоира.

Тот запустил пальцы в бороду и плюнул в песок.

— На арену, — произнес он медленно, чтобы человек двадцатого века мог понять его.

— Зачем? — Билл тоже старался говорить внятно.

— На состязания, — ответил дикарь коротко, словно расспросы его раздражали.

— Какие состязания? — осведомился Харл.

— Скоро узнаете, — прорычал другой конвоир. — Сегодня, в полдень.

Этот ответ вызвал у дикарей взрыв хохота.

— Узнают, — хихикнул кто-то, — когда встретятся с порождениями Голан-Кирта!

— Порождениями Голан-Кирта? — воскликнул Харл.

— Придержи язык, — злобно рыкнул человек с торчащим зубом, — а то тебе его вырвут.

Больше путешественники во времени вопросов не задавали.

Они ковыляли дальше. Даже хорошо слежавшийся песок все же подавался под ногами; от усилия ныли икры. К счастью, люди будущего не торопились, удовлетворенные, очевидно, и такой скоростью.

Немало ребятишек собрались поглазеть на процессию, они бежали рядом, пялясь во все глаза на людей двадцатого века и вереща какую-то ерунду. Тех немногих, кто подходил слишком близко или визжал слишком громко, стража отшвыривала подзатыльниками.

Почти пятнадцать минут карабкались они по песчаному склону, прежде чем добрались до гребня и увидели в лощине перед собой арену. То было огромное сооружение без крыши, избежавшее большей частью всеобщего разрушения. Кое-где виднелись следы ремонта, но производившие его явно уступали по мастерству первоначальным строителям. В поперечнике здание достигало полумили, имело совершенно круглую форму и построено было из того же белого камня, что и весь разрушенный город. Двое людей двадцатого века потрясенно взирали на его громаду.

У них, однако, не было времени рассмотреть здание подробнее — стража гнала их вперед. Они медленно спустились по склону и, подталкиваемые людьми будущего, прошли под одной из грандиозных арок на арену.

Со всех сторон вздымались ряд за рядом трибуны, рассчитанные на тысячи зрителей. По другую сторону арены, под трибунами, располагался ряд стальных клеток.

Стража подгоняла исследователей вперед.

— Похоже, нас посадят в клетку, — заметил Билл.

Человек с торчащим зубом расхохотался, точно услыхал хорошую шутку.

— Ненадолго, — пообещал он.

Приблизившись, исследователи заметили, что часть клеток занята. В некоторых люди цеплялись за решетки, наблюдая, как конвой бредет по песчаной арене. Обитатели других сидели неподвижно, без малейшего интереса глядя на новоприбывших. Многие, судя по их виду, находились здесь уже давно.

Подойдя к одной из камер, они остановились. Один из людей будущего отпер дверь огромным ключом и распахнул; заскрипели ржавые петли. Грубо схватив пленников, стража освободила им руки и швырнула в камеру. Дверь затворилась с глухим звоном, скрежетнул в замке ключ.

Исследователи поднялись из грязи и отбросов, покрывавших пол клетки, и, сидя на корточках, беспомощно наблюдали, как люди будущего уходят по арене, к арке, через которую они вошли.

— Похоже, мы влипли, — констатировал Билл.

Харл вытряхнул из кармана пачку сигарет.

— Закуривай, — предложил он хмуро.

Они закурили. Дымок от табака, выращенного в 1935 году, выплывал из камеры, струясь над руинами Денвера, озаренными умирающим солнцем.

Раздавив окурок в песке, Харл принялся тщательно исследовать их тюрьму. Билл присоединился к нему. Они осмотрели стены дюйм за дюймом, но без успеха. С трех сторон их окружала неприступная каменная кладка, железные ворота не обнаруживали и признака слабины. Исследователи вновь уселись на корточки.

Харл глянул на часы.

— Мы шесть часов как сели, — заметил он, — но, судя по теням, еще утро. А ведь когда мы заходили на посадку, солнце уже взошло.

— Дни стали длиннее, чем в тысяча девятьсот тридцать пятом, — объяснил Билл. — Земля вращается медленнее. В нынешних сутках, должно быть, не меньше сорока восьми часов.

— Тише, — прошипел Харл.

До них донесся гул голосов. Исследователи прислушались — людские крики и скрежет стали. Шум исходил откуда-то справа и приближался.

— Если бы нам только оставили револьверы, — простонал Харл.

Гул доносился уже со всех сторон.

— Это пленники, — выдохнул Билл. — Их, наверное, кормят или еще что-то.

Он оказался прав. К их клетке подошел старик. Он был сутул; седая борода скрывала тощую грудь, длинные волосы величественно рассыпались по плечам. В руках он нес кувшин объемом примерно с галлон и огромный каравай хлеба.

Но внимание Билла и Харла привлекли не хлеб и не кувшин. За набедренную повязку старика рядом со связкой ключей были заткнуты два револьвера 45-го калибра.

Старик поставил кувшин и хлеб на землю, поискал в связке ключей, выбрал один и, открыв окошко внизу железных ворот, осторожно пропихнул провизию внутрь клетки.

Двое исследователей переглянулись. Им в головы пришла одна и та же мысль — пока старик стоит рядом с решеткой, его легко схватить. А с револьверами они получат шанс добраться до самолета. Но старик вытащил револьверы из набедренной повязки. Затаив дыхание, путешественники во времени смотрели, как он укладывает их рядом с хлебом и кувшином.

— Приказ Голан-Кирта, — пробормотал он. — Он сам прибудет на игры. Он приказал вернуть вам оружие — так игры станут интереснее.

— Интереснее, как же, — хохотнул Харл, покачиваясь на носках. Жители будущего, не имевшие, по-видимому,

никакого оружия, явно недооценивали смертоносность револьверов.

— Голан-Кирт? — переспросил Билл негромко.

Только сейчас старик обратил на него внимание.

— Да, — ответил он, — Разве не знаете вы о Голан-Кирте, о Том-кто-явился-из-космоса?

— Нет, — сказал Билл.

— Неужто вы и впрямь то, о чем болтают? — спросил старик.

— Что ты слышал о нас?

— Что вы прибыли из времени, на огромной машине.

— Это правда, — вмешался Харл, — Мы из двадцатого века.

Старик медленно помотал головой:

— Я не знаю ни о каком двадцатом веке.

— Откуда ж тебе знать? — усмехнулся Харл, — Он кончился, наверное, с миллион лет назад.

Старик вновь покачал головой.

— Годы? — спросил он, — Что такое годы?

Харл со свистом втянул в себя воздух.

— Год, — объяснил он, — это мера времени.

— Время неизмеримо, — безапелляционно объявил старик.

— Но мы в двадцатом веке измеряли его, — возразил Харл.

— Человек, который воображает, что может измерить время, — глупец, — Старик был тверд.

Харл протянул ему руку, показывая часы на запястье.

— Это, — заявил он, — измеряет время.

Старик едва глянул на хронометр.

— Этот глупый механизм, — сказал он, — не имеет ко времени никакого отношения.

Билл предостерегающе положил ладонь на плечо друга.

— Год, — медленно объяснил он, — это наше обозначение одного оборота Земли вокруг Солнца.

— Вот оно что, — вздохнул старик, — Почему же вы сразу так не сказали? Движение Земли ведь не связано со временем. Время полностью относительно.

— Мы пришли из эпохи, — сказал Билл, — когда мир был совсем иным. Не подскажешь ли, сколько раз с тех пор Земля обернулась вокруг Солнца?

— Как я могу сделать это, — спросил старик в ответ, — когда мы говорим, не понимая друг друга? Могу сказать лишь: с тех пор как явился из космоса Голан-Кирт, Земля совершила пять миллионов оборотов.

Пять миллионов оборотов! Пять миллионов лет! Пять миллионов лет после некоего события, которое само по себе могло произойти через многие миллионы лет после двадцатого века. По меньшей мере пять миллионов лет в будущем; возможно, намного больше! Счетчик времени ошибался — но до этой минуты путешественники и представления не имели насколько.

Двадцатый век. Слово поблекло, стало нереальным. В эпоху, когда солнце превратилось в кирпично-красный шар, а Денвер — в груду руин, двадцатый век стал всего лишь позабытым мгновением в великом марше времени, далеким, как тот позабытый миг, когда зверь обернулся человеком.

— Ваше солнце всегда было таким? — спросил Харл.

Старик покачал головой:

— Наши мудрецы говорят нам, что некогда солнце было таким горячим, что на него было больно смотреть. Они утверждают, что светило остывает и в будущем угаснет совсем. Конечно, — старик пожал плечами, — прежде чем это случится, все люди будут мертвы.

Старик захлопнул и запер окошко, собираясь уходить.

— Постой! — воскликнул Харл.

Старец обернулся к нему.

— Чего тебе еще? — зло пробурчал он себе в бороду.

— Садись, друг, — сказал Харл, — Мы хотим поговорить.

Старик заколебался, потом вновь повернулся к ним.

— Мы пришли из тех времен, когда солнце обжигало взор. Мы видели Денвер великим и славным городом. Мы видели, как на этих землях растет трава, поливаемая дождем, и там, где сейчас море, мы видели просторы равнин, — заговорил Харл.

Старик осел на землю по другую сторону решетки. Глаза его вспыхнули дикой радостью, костлявые руки вцепились в железные прутья.

— Вы видели молодость мира! — вскричал он, — Вы видели зеленую траву и падающий дождь. Ныне дождей почти нет.

— Мы видели все, о чем рассказываем, — подтвердил Харл. — Но мы хотели бы знать — почему с нами обошлись как с врагами? Мы пришли как друзья, в поисках друзей, хотя готовы были и к войне.

— О да, готовы к войне, — дрожащим голосом проговорил старик, не сводя глаз с револьверов, — Это могучее оружие. Мне рассказывали, что вы усеяли пески телами, прежде чем вас схватили.

— Но почему не отнестись к нам как к друзьям? — настаивал Харл.

— Здесь нет друзей, — прокашлял старик, — С тех пор как пришел Голан-Кирт, все сражаются против всех.

— Кто такой этот Голан-Кирт?

— Голан-Кирт пришел из космоса, чтобы править миром, — нараспев произнес старик, будто читал псалом, — Он не Человек, не Зверь. Нет в нем добра. Он — всененавидящий. Он — суть Зла. Ибо нет во Вселенной ни дружбы, ни доброты. Нет подтверждения тому, что космос добр. Издревле наши предки верили в любовь. Это было ошибкой. Зло сильнее добра.

— Скажи мне, — спросил Билл, придвигаясь к решетке, — ты сам видал Голан-Кирта?

— Да, видал.

— Расскажи о нем, — попросил Билл.

— Я не могу, — В глазах старика бился страх, — Не могу!

Он вжался в решетку, голос его упал до знобкого шепота.

— Люди из времени, слушайте. Его ненавидят, ибо он учит ненависти. Мы подчиняемся, ибо должны. Он держит наши мысли в ладони. Он правит лишь внушением. Он не бессмертен. Он боится смерти... он напуган... есть путь, доступный отважным...

Лицо старика побледнело, глаза вспыхнули ужасом. Мышцы его напряглись, когтистые пальцы отчаянно вцепились в решетку. Он прижался к воротам, тяжело дыша. Прерывистым шепотом он выдавливал из себя слова:

— Голан-Кирт... ваше оружие... ничему не верьте... закройте мысли для его внушения... — Он остановился, переводя дыхание, — Я боролся... — продолжал он сбивчиво, — Я победил... рассказал вам... Он... убил меня... но не убьет вас... вы знаете...

Старик умирал. Широко раскрыв глаза, исследователи смотрели, как он борется со смертью, выигрывая драгоценные секунды.

— Ваше оружие... убьет его... его легко убить., тому, кто не... верит в него... он...

Шепоток прервался, и старик медленно соскользнул в песок перед клеткой. Исследователи глядели на обмякшее тело.

— Убит внушением, — выдохнул Харл.

Билл кивнул.

— Это был храбрый человек, — сказал он.

Харл внимательно осмотрел труп. Протянув руку, он подтащил тело человека будущего к самой решетке, нащупал кольцо с ключами и оторвал его от набедренной повязки.

— Отправляемся домой, — сказал он.

— И устроим по пути большой фейерверк, — добавил Билл.

Он поднял револьверы и заполнил барабаны патронами.

Харл со звоном перебирал ключи. После нескольких попыток замок со скрежетом подался, и дверь, скрипя, распахнулась.

Исследователи быстро вышли из клетки. На мгновение они задержались в безмолвном салюте у распростертого тела старика. Со снятыми шлемами люди двадцатого века стояли у тела героя, плеснувшего своей ненавистью в лицо тому страшному врагу, который научил ненависти всю его расу. Как ни мало сообщил он друзьям, его сведения дали намек на то, чего следует ожидать.

Повернувшись, исследователи невольно замерли. Толпы людей будущего заполняли амфитеатр, поспешно рассаживаясь. Доносился приглушенный гул собирающейся толпы. Народ сходился посмотреть на игры.

— Это несколько осложняет дело, — заметил Билл.

— Не думаю, — ответил Харл, — Нам в любом случае надо разделаться с Голан-Киртом. Эти — не в счет. Как я понял, он полностью контролирует их. Если снять контроль, психология и поведение этих людей могут совершенно измениться.

— Значит, надо уничтожить Голан-Кирта и посмотреть, что получится, — подытожил Билл.

— Один из наших пленителей говорил о его порождениях, — задумчиво произнес Харл.

— Он может быть способен вызывать галлюцинации, — заметил Билл. — Или заставить человека поверить во что-то, чего на самом деле нет. Конечно, этим людям кажется, что какие-то твари появляются из пустоты на его зов.

— Но старик-то знал, — возразил Харл, — Он знал, что это всего лишь внушение. Если бы все люди здесь знали это, власть Голан-Кирта тут же кончилась бы. Люди перестали бы верить в его всемогущество, а без этой веры внушение, которым он повелевает, бессильно.

— Старик получил свое знание каким-то мистическим способом и поплатился за болтливость жизнью. Но и он не знал всего. Он полагал, что это существо явилось из космоса.

— Возможно, — покачал головой Харл, — оно действительно пришло из космоса. Не забывай, мы находимся в пяти миллионах лет в будущем. Я полагаю, разум этого

существа грандиозен, но оно обладает телом — старик ведь видел его, — и это нам поможет.

— Старик сказал, что эта тварь не бессмертна, — добавил Билл. — Значит, она уязвима, и наши револьверы могут пригодиться. И еще одно — мы не должны верить ничему, что видим, слышим или чувствуем. Голан-Кирт действует одним лишь внушением, и убить нас попытается тоже внушением, как убил старика.

Харл кивнул.

— Весь вопрос в силе воли, — сказал он. — Вопрос блефа. Очевидно, сила воли этих людей ослабла, и Голан-Кирт нашел, что их мыслями удобно управлять. Они рождаются, живут и умирают под его властью. Это ярмо передается по наследству. Наше преимущество в том, что мы пришли из эпохи, когда от человека еще требовалось шевелить мозгами. Быть может, человеческий разум выродился потому, что по мере того, как наука облегчала жизнь человека, потребность в разуме уменьшалась. Некоторые, видимо, еще рождаются, но их слишком мало. Мы же скептики, спорщики, жулики. Голан-Кирту будет потруднее справиться с нами, чем с этими жителями будущего.

3

Билл вытащил сигареты, и исследователи закурили. Медленно они прошли по огромной арене, сжимая револьверы. Трибуны постепенно заполнялись людьми. С рядов сидений несся нарастающий рев. Исследователи узнали его — это был крик толпы, что жаждет крови и смерти.

— Точно футбольные болельщики, — прокомментировал Харл, ухмыляясь.

Все новые тысячи зрителей рассаживались на трибунах, но очевидно было, что даже все население разрушенного

города могло заполнить лишь малую часть грандиозного амфитеатра.

Исследователи терялись на громадной арене. Над ними, почти в зените, висело разбухшее красное солнце. Казалось, что они бредут в сумерках по пустыне, ограниченной белыми скалами.

— Когда это место строили, Денвер, должно быть, был большим городом, — заметил Билл. — Только представь, сколько же народу может сюда вместиться. Интересно, для чего им понадобилась этакая громада?

— Этого мы уже не узнаем, — ответил Харл.

Они приближались к центру арены.

Харл остановился.

— Знаешь, — сказал он, — я тут шел и соображал: у нас неплохие шансы против этого Голан-Кирта. Последние пятнадцать минут мы только и думаем о том, как бы от него избавиться, а он и не пытался уничтожить нас. Хотя он может просто выжидать. Не думаю, чтобы он мог читать наши мысли так же, как мысли старика. Того он прикончил при первом же предательском слове.

Билл кивнул. И, словно в ответ на слова Харла, чудовищная тяжесть обрушилась на него. Билл ощутил, что умирает. Колени его подогнулись, голова начала кружиться. Перед глазами поплыли пятна, желудок свел мучительный спазм.

Он шагнул вперед, пошатнулся. Чья-то рука схватила его за плечо и яростно встряхнула. Это мгновенно прояснило его мысли. Сквозь рассеивающуюся мглу он увидел лицо своего друга — белое, изборожденное морщинами. Задвигались губы.

— Держись, старик! Все в порядке. Ты чувствуешь себя отлично.

Что-то щелкнуло в его мозгу. Это внушение — внушение Голан-Кирта. Нужно сопротивляться. Вот оно что — сопротивляться!

Билл встал, расставив ноги, с усилием расправил плечи и улыбнулся.

— Черт! — воскликнул он, — Да со мной все в порядке. Я себя прекрасно чувствую.

Харл хлопнул его по спине.

— Так держать! — гаркнул он. — Он и меня едва не уложил. Но мы будем драться, парень. Мы будем драться!

Билл зло рассмеялся. В голове прояснилось, силы словно вливались в тело. Они выиграли первый раунд.

— Но где сам Голан-Кирт? — поинтересовался он.

— Невидим, — прорычал Харл. — Но мне кажется, что свои лучшие трюки он в этом состоянии выкидывать не может. Мы заставим его показаться и устроим ему разминку.

До их ушей долетел бешеный рев толпы. Сидевшие на трибунах увидели и поняли, что творилось в центре арены. Они требовали продолжения.

Внезапно за спинами исследователей послышался треск. Оба дернулись, узнав знакомый звук — стрекот пулемета, — и в ту же секунду рухнули в песок, стремясь зарыться в него поглубже.

Вокруг взмывали фонтанчики песка. Руку Билла пронзила резкая боль: одна из пуль нашла его. Это конец, подумал он. На обширной арене некуда спрятаться от пулемета, стрекочущего за спиной. Еще один всплеск боли, теперь в ноге. Еще одна пуля.

И вдруг он дико расхохотался. Нет никакого пулемета и никаких ран. Все это внушение, направленное на то, чтобы они поверили, что умирают, — трюк, который мог на самом деле убить их.

Он встал и поднял Харла. Рука и нога все еще ныли, но он не обращал на это внимания. Все в порядке, яростно повторял он себе, все в полном порядке.

— Это опять внушение! — крикнул он Харлу. — Нет никакого пулемета!

Харл кивнул. Они обернулись. Всего в паре сотен ярдах позади них скорчилась за щитком пулемета фигура цвета хаки; дуло плевалось пламенем, раздавался непрерывный треск.

— Это не пулемет, — напористо произнес Билл.

— Определенно не пулемет, — согласился Харл.

Они медленно пошли в сторону стрелка. Пули свистели вокруг них, но ни одна не попала в цель. Боль в руке и ноге Билла исчезла.

Внезапно пулемет растворился в воздухе, а с ним и фигура в хаки. Вот только что были, а в следующее мгновение — исчезли.

— Я так и полагал, — заметил Билл.

— Но старый гад пока силен, — ответил ему Харл, — Вон еще фантомы.

Швед указывал на одну из арок. Сквозь нее шеренга за шеренгой проходили солдаты в форме цвета хаки, в металлических шлемах, с ружьями наперевес. Офицер прокричал команду, и войска выстроились в боевом порядке.

Пронзительный вой трубы привлек внимание исследователей к другой арке, откуда выдвинулась когорта римских легионеров. Тускло поблескивали на солнце щиты, отчетливо слышалось бряцание оружия.

— Знаешь, что мне кажется? — спросил Харл.

— Ну?

— Голан-Кирт не может внушить нам ничего нового. Пулеметы, солдаты, легионеры — обо всем этом мы ведь знали и раньше.

— Как получается, что мы видим вещи, о которых знаем, что их не существует? — поинтересовался Билл.

— Понятия не имею, — ответил Харл. — В этом деле есть много такого, чего я не понимаю.

— Ну, шоу-то он устроил превосходное, — заметил Билл.

Трибуны гремели. До ушей исследователей доносились пронзительный визг женщин, гулкий рев мужчин. Толпа наслаждалась представлением.

Огромный злобный лев кинулся, жутко рыча, на людей из прошлого. Стук копыт возвестил о прибытии фантомов-кавалеристов.

— Пора что-то делать, — сказал Харл.

Он поднял револьвер и выстрелил в воздух. Наступила тишина.

— Слушай, Голан-Кирт! — заорал Харл так, что его слышно было во всех уголках огромной арены. — Мы вызываем тебя на бой! Мы не боимся твоих тварей — они не могут навредить нам. Мы хотим драться с тобой!

Молчание повисло над потрясенной толпой. Первый раз ее богу был брошен открытый вызов. Толпа ждала, что две одинокие фигурки на арене будут поражены громом.

Но ничего не происходило.

Снова раздался голос Харла.

— Выползай из своей норы, жаба толстобрюхая! — прогремел он, — Выходи и дерись, если у тебя хватит храбрости, поганый трус!

Толпа могла и не понять точного значения всех слов, но суть оскорбления уловила. Угрожающий гул донесся с трибун, и толпа качнулась вперед. Люди перепрыгивали через низкий барьер перед передним рядом сидений и мчались через арену.

И тогда раздался могучий, суровый глас:

— Стойте! Я, Голан-Кирт, буду говорить с этими людьми.

Харл заметил, что и солдаты, и лев исчезли. На арене не осталось никого, кроме его самого, Билла и пары десятков людей будущего, застигнутых на бегу этим исходящим ниоткуда голосом.

Исследователи напряглись в ожидании. Харл покрепче упер ступни в песок, заменил отстрелянный патрон на новый. Билл вытер лоб рукавом.

— Теперь дело за мозгами, — бросил Харл товарищу.

Билл усмехнулся.

— Две посредственности против одного гения, — пошутил он.

— Гляди! — воскликнул Харл.

Прямо перед ними, на высоте чуть больше человеческого роста, появилось пятно света. Маленький яркий шар пульсировал, разрастаясь.

Исследователи зачарованно смотрели, как пульсация ускорялась, распространяясь на весь шар. Свет мерк, обозначились контуры чудовищного тела — вначале смутные, они постепенно становились все четче и яснее.

Прямо в воздухе, без какой-либо опоры, висел огромный мозг, примерно двух футов в поперечнике. Виднелись обнаженные извилины. Ужас этого зрелища усиливался двумя крошечными, почти поросячьими, близко посаженными глазками, лишенными век, и клювом, висевшим на атрофированном личике прямо под лобными долями мозга.

Только огромным усилием воли исследователи смогли сдержать омерзение и ужас.

— Привет тебе, Голан-Кирт, — процедил Харл с явным сарказмом.

Говоря, он поднял руку, и спусковой крючок начал медленно сдвигаться под его пальцем. Но, прежде чем Харл успел прицелиться в гигантский мозг, рука его остановилась, и он застыл, точно оледенев, под действием жуткой мощи, извергаемой Голан-Киртом.

Билл вскинул руку, и выстрел его кольта громом разорвал тишину. Но в момент выстрела руку исследователя отбросило в сторону, точно могучим ударом, и пуля миновала огромный мозг на долю дюйма.

— Наглые глупцы! — проревел голос — нет, не голос, ибо в нем не было звука, лишь слуховое ощущение.

Замершие исследователи поняли, что это телепатия: висевший перед ними мозг посылал мощные волны мысли.

— Наглые глупцы, вы собрались сразиться со мной, Голан-Киртом? Со мной, чей разум в сотню раз превосходит оба ваших вместе взятых? Со мной, хранящим знания всех эпох?

— Да, мы собрались сразиться с тобой! — прорычал Харл. — И мы сразимся с тобой. Мы знаем, что ты есть. Ты не

пришел из космоса, ты — результат эксперимента. Несчетные века назад тебя соорудили в лаборатории. Ты не бессмертен. Ты боишься нашего оружия. И пуля в твоем мерзком мозгу тебя прикончит.

— Да кто вы такие, чтобы судить меня? — пришла мысленная волна. — Вы, с вашими жалкими мозгами двадцатого века? Вы непрошеными вломились в мое время, вы оскорбили меня. Я уничтожу вас. Я, пришедший из космоса много эонов назад, дабы править той частью Вселенной, что я объявил своей, не боюсь ни вас, ни вашего жалкого оружия.

— Но все же ты остановил нас, когда мы собрались опробовать наше жалкое оружие на тебе! Если бы я мог дотянуться до тебя, мне не потребовалось бы оружие. Я голыми руками смог бы разодрать тебя на части.

— Говори, говори, — рокотали мысленные волны. — Говори, чем ты считаешь меня, а когда закончишь, я сокрушу вас. Пылью на ветру станете вы, золой на песке. — В голосе чудовища звучала неприкрытая насмешка.

Харл повысил голос почти до крика. Он сделал это намеренно, в надежде, что люди будущего услышат, поймут, наконец, истинную природу тирана Голан-Кирта. И они услышали, и рты их раскрылись от изумления.

— Ты был когда-то человеком, — ревел Харл, — великим ученым. Ты специализировался на изучении мозга. И наконец ты открыл великую тайну, позволившую тебе развить свой мозг до невиданной степени. Уверенный в своих способностях, хорошо понимавший, какую власть можешь получить, ты превратил себя в живой мозг. Ты мошенник и самозванец. Обманом ты поработил этот народ на миллионы лет. Ты не из космоса — ты человек или был когда-то человеком. Ты извращение, мразь...

Мысленные волны, испускаемые мозгом, дрожали, будто от гнева.

— Вы лжете. Я пришел из космоса. Я бессмертен. Я уничтожу вас... убью вас...

Внезапно Билл рассмеялся, громко и раскатисто. Хохот возник, как разрядка от невыносимого напряжения, но, пока Билл смеялся, он увидел ситуацию с иной стороны — путешественники из двадцатого века, обогнавшие свое время на миллионы лет, бранятся с мошенником, изображающим из себя бога перед людьми, которые не родятся еще через сотни веков после его, Билла, смерти.

Он ощутил, как чудовищная мощь Голан-Кирта смыкается вокруг него. Пот струился по его лицу, мышцы подергивались. Силы покидали его. Он прекратил смеяться, и тут же страшный удар потряс его. Он пошатнулся.

Внезапная мысль поразила его. Смех! Смех — это тоже сила. Хохотать и высмеивать — вот что отвернет удар.

— Смейся же, смейся! — крикнул он Харлу.

Харл подчинился, не раздумывая. Оба исследователя разразились смехом. Они хохотали, закатывались. Почти не думая, что говорит, Билл насмехался над огромным мозгом, высмеивал его, глумился, бросал ему оскорбительные клички и непечатную брань.

Харл начал понимать, что за игру затеял Билл. Сверхъестественный эгоизм страшного мозга не мог вынести насмешек, должен был потерять свою хватку под ливнем колкостей. Многие века к нему, благодаря его страшной силе, не осмеливались обращаться иначе как с величайшим почтением. Он забыл, что такое презрение, и оно стало смертельным оружием, обращенным против него.

Харл присоединился к Биллу в глумлении над Голан-Киртом. То был праздник насмешки. Исследователи не сознавали, что именно говорят, — сознание само реагировало на опасность, колкости и грубости сами слетали с языка, перемежаемые дьявольским хохотом.

Но, несмотря на смех, они чувствовали силу огромного мозга. Они ощущали, как растет его гнев. Боль пронизывала

их тела, принуждала пасть на песок, корчась в агонии, но они продолжали смеяться и выкрикивать гадости.

Казалось, вечность сражаются они с Голан-Киртом, взвизгивая от хохота, тогда как их тела от макушек до пят подвергались изощреннейшей пытке. Но они не осмеливались прекратить смех, свое убийственное глумление над противостоящим им сверхъестественным разумом. Это было их единственное оружие, без которого волны внушения захлестнули бы их своей неуемной яростью, раздирая каждый нерв в их телах.

Они чувствовали бешенство огромного мозга, в буквальном смысле обезумевшего от злобы. Они вывели его из себя! Они по-настоящему ранили его — смехом. И — бессознательно — позволили своему смеху ослабнуть. Усталость заставила их замолчать.

Внезапно мозг вновь обрушился на них всей своей мощью, точно черпая ее из некоего тайного источника. Страшный удар согнул их пополам, перед глазами поплыл туман, мысли спутались, каждый нерв и сустав сотрясла боль. Словно раскаленное железо жгло их, сотни игл вонзались в тело, острейшие ножи рассекали плоть. Исследователи шатались, как слепые, чертыхаясь и плача от боли.

Сквозь багровый туман муки пробился шепоток, мягкий, чарующий, манящий, указывающий путь к спасению.

— Оберните свое оружие против себя. Окончите эти мучения. В смерти нет боли.

Шепоток порхал в мозгу. Вот он, выход! Зачем терпеть нескончаемую пытку? Смерть безболезненна. Дуло, прижатое к виску, спущенный курок — и забвение.

Билл приставил револьвер к виску. Палец его напрягся на спусковом крючке. Но вдруг Билл расхохотался. Какая шутка! Какая прекрасная шутка. Собственной рукой лишить Голан-Кирта его добычи.

Чужой голос пробился сквозь его хохот — голос Харла.

— Дурак! Это Голан-Кирт! Это Голан-Кирт!

Он увидел, как ковыляет к нему его друг, с лицом, искаженным от боли, как шевелятся побелевшие губы, выдавливая предупреждение.

Рука Билла опустилась. Безумный смех его окрасился горечью. Чудовищный мозг бросил на стол свой козырь и проиграл, но едва не прикончил их при этом. Если бы не Харл, валяться бы ему сейчас на песке, самоубийце с разнесенной на куски головой.

И внезапно они ощутили, как хватка Голан-Кирта ослабевает, мощь его тает, гаснет. Они победили его!

Они ощущали, что страшный мозг еще борется, стремясь вновь обрести утерянную власть. Долгие годы ему не приходилось ни с кем бороться, он был неоспоримым владыкой Земли. Бесплодный гнев и опустошающий ужас сплетались в извилинах Голан-Кирта. Он наконец побежден, побежден пришельцами из давно позабытой эпохи. Он потерпел поражение от оружия, которого не знал и о котором не догадывался, — от насмешки.

Силы его неуклонно таяли. Люди двадцатого века чувствовали, как ослабевают его объятия, как врага охватывает отчаяние.

Они прекратили смеяться. Бока их ныли, саднило горло. И только тогда они услышали, как гремит от хохота арена. Смеялась толпа. Неистовый ее рев походил на бурю. Люди будущего ревели, сгибались от хохота, топали ногами, откидывая головы, визжали в сумрачное небо. Они смеялись над Голан-Киртом, освистывали его, выкрикивали оскорбления. Это был конец его правления. Многие поколения людей будущего ненавидели его той ненавистью, которой он научил их. Они ненавидели и боялись его. Но теперь страх исчез и ненависть освободилась от оков.

С престола Господа Бога он пал до уровня смешного мошенника. Он стал жалкой тварью, клоуном без маски, просто голым, беззащитным мозгом, чье вековое правление зиждилось лишь на обмане.

Точно в тумане, люди двадцатого века наблюдали, как корчится гигантский мозг под ударами насмешек прежних его подданных, засмеиваемый до смерти. Теперь он уже не был властен над жителями умирающего мира. Его близко посаженные глазки горели яростью, злобно щелкал клюв, но он устал, слишком устал, чтобы восстановить свое могущество. Голан-Кирту пришел конец!

Револьверы путешественников во времени взметнулись почти одновременно. Дула нацелились на мозг, и тот уже не мог отвратить опасность.

Револьверы коротко рявкнули, плюнув ненавистным огнем. От удара пуль мозг перевернулся в воздухе, кровь плеснула из пробитых огромных дыр. С мерзким чмоканьем грянулся он оземь, дернулся и замер.

Путешественники во времени осели на песок; колени их подогнулись, глаза закрывались от усталости. Кольты еще дымились.

Над ареной плыл громовой рев жителей будущего:

— Слава освободителям! Голан-Кирт мертв! Царство его окончено! Слава спасителям человечества!

Эпилог

— Повернуть время назад невозможно. Вы не можете вернуться в собственное время. Я не имею представления о том, что случится, если вы все же попытаетесь, но твердо знаю, что это невозможно. Нам известно, что путешествие в будущее возможно, но у нас недоставало умения построить машину времени. Под властью Голан-Кирта не было прогресса техники, лишь непрерывный процесс упадка. Но мы знаем, что невозможно обратить время вспять. Наш народ просит вас — не пытайтесь.

Седые борода и волосы старого Агнара Ноула развевались на ветру. Он говорил вполне серьезно, брови его тревожно сошлись.

— Мы любим вас, — продолжал он, — Вы освободили нас от тирании мозга, что правил нами несчетные поколения. Мы нуждаемся в вас. Оставайтесь с нами, помогите нам возродить эту землю, построить машины, дайте нам те удивительные знания, которые наша раса потеряла. И мы

отплатим вам сторицей — мы еще не все позабыли из того, что знали перед пришествием Голан-Кирта.

Харл покачал головой.

— Мы должны хотя бы попытаться, — ответил он.

Люди двадцатого века стояли у самолета. Вокруг, в тени молчаливых руин Денвера, собралась плотная толпа людей будущего, пришедших попрощаться с путешественниками во времени.

Ледяной вихрь выл над пустыней, неся на себе груз песка. Кожаные одежды людей будущего трепетали на ветру, выводившем свою скорбную песнь среди полуразрушенных стен.

— Если бы существовал хоть малый шанс на успех, — сказал Агнар, — мы помогли бы вам. Но мы не хотим отпускать вас на верную смерть. Мы достаточно эгоистичны и хотим, чтобы вы остались, но мы слишком любим вас, чтобы задерживать. Вы научили нас, что ненависть бессильна, вы уничтожили ненависть, правившую нами. И мы желаем вам только добра.

Вернуться во времени невозможно. Так почему не остаться? Вы так нужны нам! С каждым годом наша земля родит все меньше и меньше плодов. Мы должны найти способ получать искусственную пищу, иначе нам грозит голод. Это лишь одна из проблем, а есть и другие. Вы не можете вернуться. Останьтесь, помогите нам!

— Нет, — Харл вновь покачал головой, — мы должны попытаться. Мы можем потерпеть поражение, но мы должны хотя бы попытаться. Если мы победим — мы вернемся с учебниками и инструментами для вас.

Агнар продернул бороду сквозь пальцы.

— Вы потерпите неудачу, — сказал он.

— Но, если нет — мы вернемся, — ответил Билл.

— Да, если победите, — пробормотал старик.

— Мы отлетаем, — объявил Билл, — Мы благодарны вам за вашу заботу. Но мы должны попытаться, хотя, поверьте, нам и жаль расставаться с вами.

— Мы верим вам! — воскликнул старик, крепко пожимая им руки на прощание.

Харл распахнул дверь самолета, и Билл вскарабкался внутрь.

Харл задержался, стоя в проеме с поднятой рукой.

— До свидания, — произнес он. — Мы вернемся.

Толпа взорвалась прощальными кликами. Харл задраил за собой дверь.

Взревели моторы, заглушая крики людей будущего; самолет покатился по песку и с легким толчком оторвался от земли. Билл сделал три круга над разрушенным городом, в немом прощании с теми, кто тихо и скорбно смотрел на них с земли.

Затем Харл повернул рычаг. Снова полная тьма, снова они висели в пустоте. Пропеллеры чуть рокотали, едва вращаясь. Прошла минута, вторая...

— Кто сказал, что нельзя путешествовать назад во времени?! — торжествующе воскликнул Харл, указывая на стрелку счетчика, медленно скользившую по циферблату в обратную сторону.

— Может, старик все-таки оши... — Билл так и не закончил фразы. — Выключай, — заорал он, — выключай ее! У нас двигатель глохнет!

Харл отчаянно рванул за рычаг. Мотор смолк на секунду, чихнул, побулькал и вновь запел ровно. Двое исследователей с побелевшими лицами смотрели друг на друга. Оба понимали, что на долю секунды разминулись с возможной катастрофой — и смертью.

Снова они парили в небе, снова видели кирпично-красное солнце, пустыню и море. Внизу громоздились руины Денвера.

— Мы недалеко ушли в прошлое, — заметил Харл, — Ничего не изменилось.

Они сделали круг над руинами.

— Нам лучше сесть в пустыне, чтобы починить двигатель, — предложил Харл. — Не забывай, мы вернулись назад

во времени, и Голан-Кирт еще правит этими местами. Мне вовсе не улыбается еще раз его убивать. Может и не получиться.

Самолет начал снижаться. Харл направил его вверх, но поврежденный двигатель вновь забулькал и начал давать перебои.

— Это уже насовсем! — вскрикнул Билл. — Надо садиться, Харл, и попытаться что-то сделать, иначе конец.

Харл мрачно кивнул.

Перед ними расстилалось огромное поле арены. Выбор один — сесть или разбиться. Билл направил самолет вниз, сломанный мотор чихнул в последний раз и окончательно смолк. Мимо мелькнули белые стены амфитеатра, самолет ударился о песок, прокатился по арене и замер.

Харл распахнул дверь.

— Наш единственный шанс — быстро починить двигатель и взлететь! — вскричал он, — Я не собираюсь еще раз встречаться с этим гигантским мозгом. — И тут он замолк, — Билл, — прошептал он наконец, — у меня что, галлюцинации?

Перед ним, всего в нескольких ярдах от самолета, на песке арены стояла колоссальных размеров статуя, изображавшая его и Билла.

Даже с того места, где стоял Харл, видна была надпись на пьедестале, выполненная буквами, весьма схожими с английскими. Исследователь прочел ее вслух, медленно, спотыкаясь иной раз на странно начертанных знаках.

Эти люди, Харл Свенсон и Билл Крессман, пришли из времени, дабы уничтожить Голан-Кирта и освободить род человеческий.

Ниже шла еще одна строка.

Они могут вернуться.

— Билл, — всхлипнул он, — мы не вернулись в прошлое. Мы улетели еще дальше в будущее. Погляди на камень — он

весь растрескался, искрошился. Эта статуя стоит здесь уже тысячи лет!

С пепельным, ничего не выражающим лицом Билл рухнул в кресло.

— Старик был прав, — взвизгнул он. — Прав! Мы никогда не увидим двадцатого века!

Он рванулся к машине времени, лицо его исказилось.

— Эти инструменты, — визжал он, — будь они прокляты! Они врали! Все время врали!

Он ударил кулаками по циферблатам; зазвенело стекло, кровь потекла по изрезанным рукам.

Мертвая тишина стояла над равниной.

— А где люди будущего? — нарушил молчание Билл, — Где они?

Он сам ответил на свой вопрос.

— Они все умерли, — закричал он, — все! Они вымерли — от голода, потому что не могли производить искусственную пищу. Мы одни! Одни в конце мира!

Харл стоял в дверях. Над стенами амфитеатра висело в безоблачном небе огромное красное солнце. Ветер шевелил песок у подножия рассыпающейся статуи.

— Я отдал бы левый глаз за возможность исследовать кости Келл-Рэбина, — сказал я.

Кеннет Смит фыркнул.

— Тебе придется отдать больше, чем один-единственный левый глаз, — проворчал он, — Да ты отдашь оба глаза, а не один левый, хочешь ты того или нет.

Лед тихонько зазвенел о стенки стакана, когда он, отхлебнув, медленно покачал его в пальцах.

Мы сидели на террасе Земного клуба. Далеко впереди, на горе Афелум, мерцали огни Храма Салдабар, где покоились знаменитые кости, почитаемые всем марсианским народом. В долине далеко внизу переливались многоцветные огни Дантана, великого марсианского города, второго по величине на планете и первого по значению межпланетного рынка.

Несколькими милями севернее сияли огромные, вертящиеся сигнальные огни космопорта, одного из самых больших во Вселенной. Гигантские пучки света, сверкающие, пронизывающие сумрак ночи, были различимы даже в сотнях миль над поверхностью планеты, они символизировали маяки, указующие навигаторам путь домой сквозь ледяные глубины космоса.

Это было прекрасное, захватывающее дух зрелище, но моя душа, в общем-то, не была тронута. По террасе ходили и другие люди, они разговаривали, курили, выпивали и наслаждались грандиозностью и красотой панорамы, открывавшейся перед ними. Я, как только мог, старался отвлечься, но не удержался и снова перевел свой взгляд с освещенного ночного города и огней порта на тусклое мерцание Храма Салдабар, напоминающего слабый свет лампады. Храм находился на вершине самой высокой горы, одной из немногих сохранившихся гор Красной планеты.

Я обдумывал опасную мысль. Я знал, насколько это гибельно. Для пришельца всегда очень опасно слишком интересоваться святынями чужой расы.

— Да, — неторопливо продолжил мой друг, — Ты отдашь больше, чем левый глаз. Если полезешь в это дело, наверняка лишишься обоих, причем в один миг и самым болезненным образом. Они, например, возьмут и сразу после экзекуции набьют твои глазницы солью. Могут еще и язык тебе отрезать, а могут вообще покромсать на кусочки, а потом испробовать на тебе огонь и кислоту. И когда наконец марсиане соберутся убить тебя — а это рано или поздно непременно случится, — ты будешь по-настоящему рад смерти.

— Да, да. Я и сам давно сделал вывод, — отпарировал я, — что это опасно — пытаться посмотреть на скелет Келл-Рэбина.

— Опасно! Да, вернее сказать, это будет чистое самоубийство. Ты не знаешь этих марсиан так, как я. Я их изучил и узнал все, что возможно, об их истории. Ведь меня носило туда-сюда, из космопорта в космопорт, лет десять или даже больше. И я их даже узнал. Отличные люди, если с ними торговать, такие обходительные и вежливые, что лучшего и желать нечего, но у них есть свои подводные камни. Для них табу то, что священно, и самое главное среди этих запретных тем — Келл-Рэбин. Ты это знаешь не хуже меня. Если посмотреть, так они забавные люди. Требуется время, чтобы с ними познакомиться, но они совсем не плохие ребята. Изучай их, любопытствуй, как они живут, но при этом смотри в оба! И вот еще — опасно даже просто произносить имя Келл-Рэбина. Я, например, и не подумаю упоминать о нем там, где марсиане смогут меня услышать.

— Допустим, все это так, — ответил я, — Но пойми, ты предлагаешь мне, всю жизнь отдавшему изучению марсианской расы, взять и перестать размышлять о том, что за феномен этот Келл-Рэбин, что это был за человек! Один беглый взгляд на его кости уже многое бы мне дал. Ведь я хочу

когда-нибудь раскрыть тайну происхождения марсиан. Один взгляд на древние кости может помочь определить, правда или нет, что их раса имеет то же происхождение, что и наша. А это означает новый взгляд на положение вещей в целом.

— И ты думаешь, — прорычал Кен, — не стоит принимать во внимание, что кости Келл-Рэбина для марсиан то же, что щепка от Животворящего Креста для истинного христианина или волос с головы пророка для мусульманина? Ты когда-нибудь думал о том, что каждый человек с каплей марсианской крови в жилах будет биться до последнего, чтоб защитить свою святыню от рук чужака?

— Ты слишком серьезно все это воспринимаешь, — миролюбиво проговорил я, — И я с тобой согласен, но какой удачей стала бы для меня возможность взглянуть на них один-единственный раз!

— Ладно, — ответил мой друг, — Когда-нибудь я смогу все бросить на какое-то время и попробовать себя в разграблении могил.

— Если получится, дай мне знать, — сказал я. — Я бы очень хотел взглянуть.

Он рассмеялся и поднялся на ноги. Я слышал, как он уходил — пол террасы звенел под его шагами.

Я сидел в своем кресле и любовался слабеньким мерцанием марсианского храма, расположенного на горе. Храм высоко возносился над таинственными просторами четвертой планеты. Я думал о храме и костях Келл-Рэбина.

В могущественном храме Салдабар почитаемый скелет лежал долгие века, с незапамятных времен, о которых уже никто ничего и не помнит. Если просмотреть всю официальную марсианскую историю — историю, отражающую многие тысячи лет, куда более древнюю, чем подробно описанная история Земли, то получается, что кости всегда лежали здесь, охраняемые жрецами, почитаемые всей планетой. Большинство легенд и религиозных преданий, имеющих отношение к самой священной реликвии, не давали ответа на

вопрос, кто такой был Келл-Рэбин. Единственными людьми, которые могли знать о том, что это была за мифическая личность, являлись жрецы. Хотя, возможно, даже они не имели о том никакого представления.

«Прекрати об этом думать», — свирепо велел я себе, но прекратить не мог.

А через три недели я получил документ, предписывающий мне немедленно убраться с планеты. Сразу после того, как я попытался легальным путем — через гражданские и духовные власти — добиться разрешения изучить Храм Салдабар под наблюдением Совета Жрецов.

Мне продемонстрировали постановление, в котором говорилось о «необычном и вредоносном любопытстве к марсианской религии». В документе в особенности подчеркивалось, что мне запрещено возвращаться на Марс под угрозой смерти.

Это был тяжелый удар. Долгие годы я работал на Марсе. Я стал одним из самых авторитетных экспертов по современной марсианской цивилизации, в ходе своей работы собрал огромное количество сведений, относящихся к истории планеты.

У меня, конечно, были друзья марсиане в высоких кабинетах, но когда я попытался обратиться к ним, надеясь, что они замолвят за меня словечко, то обнаружил, что они мне больше не друзья. Абсолютно все категорически отказались меня видеть, а один даже публично оскорбил, причем не только словами, но и вульгарной ухмылкой, которая выглядела так, словно он был рад, что со мной случилась такая беда.

Посол Земли лишь покачал головой, когда я пришел к нему за помощью.

— Я ничего не могу для вас сделать, мистер Эшби, — сказал он печально. — Я глубоко сожалею, но не в силах ничем помочь. Вы же знаете марсиан. Никто не знает их лучше, чем вы. Вы совершили ошибку. Для них ваша просьба стала

самым чудовищным нарушением их религиозных запретов, какое только возможно. Я ничего не могу для вас сделать.

Я стоял на палубе лайнера, уносившего меня прочь с Марса, которому была посвящена вся моя жизнь, и молчал, бессознательно сжимая кулаки и глядя, как уменьшается планета.

— Однажды, когда-нибудь... — пробормотал наконец я, но это было обычным утешением страдающей гордыни. На самом деле я ничего не собирался делать.

Я увидел знакомую загорелую физиономию Кеннета Смита на экране видеофона.

— Ну ладно, — заявил он, — Я их добыл.

— Добыл что? — не понял я.

— Я добыл, — сказал он медленно, — кости Келл-Рэбина.

Казалось, в один миг мое сердце подпрыгнуло и забилось в горле, не давая толком дышать. На мое лицо, должно быть, легла смертная бледность, губы высохли, будто присыпанные пылью, так, что я не мог вымолвить ни слова.

Огромный страх смешался с огромной эйфорией, поднялся во мне, словно настоящая буря, и заставил буквально затрястись от возбуждения. Руки дрожали, да что там, все мое тело трепетало, как осиновый лист.

— Ты смотришь на меня так, точно увидел перед собой призрака, — усмехнулся Кен.

Я сглотнул и попытался заговорить. Мне это удалось, хоть и не сразу. Голос оказался едва громче шепота.

— Я видел, — сказал я, — Я видел призраки легионов марсиан, поднимающихся из могил, чтобы отомстить за кощунство над их святыней.

— Да пусть себе поднимаются, — зарокотал мой друг с экрана. — Эти чертовы кости у нас, не так ли? Марсианам придется попотеть, чтоб вернуть их обратно.

В его голосе звучали несгибаемая твердость, жесткость и надменная холодность — то, чего я никогда не слышал в нем раньше.

— Но почему, что случилось, Кен? — недоумевал я, — Где ты?

— Я был в пустыне Гровдас на Марсе, — ответил он. — Занимался исследованиями. Нашел месторождение уранита, которое набито радием под самую завязку. Эта находка должна была сделать меня богатейшим человеком во Вселенной.

— Ну, так это прекрасная новость...

— Это не прекрасная новость, — отрезал Кен, и в его голосе вновь появилась твердость. — Марсианское правительство забрало у меня все, что я нашел и добыл, и мне пришлось бежать с одним-единственным долларом в зубах. Какая-то чертова статья, или что-то вроде того, в старом соглашении, в которой говорится, что представители чужих рас не могут заявлять свои права на месторождения радиоактивных элементов, имеющиеся на планете.

— Да, невесело, — посочувствовал я.

— Невесело. — Он оскалился, как кошмарное чудовище преисподней, — Это слишком невесело. Марсиане заплатят в десять раз больше, чем стоит весь мой уран, за свои ненаглядные кости. Теперь праздник будет на другой улице. Тем временем ты можешь зайти и осмотреть реликвию, которая, помнится, тебя так интересовала. Я сейчас в Чикаго. Ящик заперт. Думаю, ты с удовольствием вскроешь его.

Я резко прервал связь и, чтобы устоять на ногах, ухватился за край стола. Меня попеременно бросало то в жар, то в холод. Это означало... что же это означало? Кеннет Смит похитил у марсиан то, что имеет для них наибольшую ценность. Самая дорогая вещь на всей планете! Не только Кеннет Смит, но и я сам впутан в эту историю. Ни единого мгновения я не сомневался в том, что именно наш короткий разговор на террасе Земного клуба тремя годами раньше подсказал моему другу идею. Мои слова помогли ему придумать план самой грандиозной мести во Вселенной, и теперь он осуществил ее. Он мстит маленьким сгорбленным людям

Марса, нашим общекосмическим родичам и друзьям по торговому соглашению.

Я испытывал раскаяние. Я знал, как должен поступить. Но выходка Кена давала мне возможность, перед которой не было сил устоять. Слишком долго, слишком страстно я мечтал осмотреть эти знаменитые кости. Была и другая причина, во многом очень схожая с той, что подвигла Кена на кражу марсианской реликвии. То, что меня изгнали с Марса, запретили появляться там под страхом смерти, насмеялись надо мной, нанесло жесточайший удар моей гордости. Надо признать, марсиане с нами обоими поступили отвратительно. Сейчас я не думал о возможном вреде, который своим поступком мы оба наносим марсианам. Раскаяние больше не мучило меня, и теперь, вспоминая о душевных страданиях, терзавших меня вот уже три года, я испытывал мрачное удовлетворение, которое становилось глубже с каждым мгновением. В известном смысле, похищение мощей было и моей собственной местью марсианам — в той же мере, как и месть Кена.

Я чувствовал тем не менее необъяснимый ужас, некое тяжелое предчувствие. Объект поклонения марсиан осквернен, и я мог представить себе, что обрушится на того, кто посмел украсть священные реликвии, если его поймают жители Красной планеты. То, что они немедленно узнали о краже и уже идут по следу, я не сомневался. Я задрожал в приступе неодолимого физиологического ужаса, когда представил себе зловещих марсиан, разыскивающих меня.

Они, в конце концов, могут просто потребовать, чтобы земные власти доставили нас на их суд. Но это будет выход лишь на самый крайний случай. Марсиане — гордые люди и не захотят, чтобы о случившемся стало известно посторонним. Это сделает их посмешищем всей Вселенной. Мы с моим другом, скорее всего, будем иметь дело со священниками Марса.

Я рассмеялся и резко открыл ящик стола. Пальцы сжались вокруг небольшого предмета, металлического и

холодного. Я вынул этот предмет и торопливо сунул его в один из карманов. Наверное, мне понадобится оружие, а маленький электропистолет, который выбрасывал яркие молнии, был самым эффективным оружием, существовавшим в мире. Даже марсиане, при всей тысячелетней истории их прекрасной торговой цивилизации, не имели ничего, что можно было сравнить с электропистолетом. Оружие являлось секретом Земли и имелось только у землян.

Я поднялся на ноги и снова рассмеялся — это был горький смех завоевателя, знающего, что его победа пуста, поскольку еще до рассвета он встретится с противником, которого ему не одолеть. Это была великая победа Земли и глубочайшее поражение марсиан. Ни мой друг, ни я не имели оснований любить людей Красной планеты, более того, у нас обоих было достаточно причин их ненавидеть. Со стороны Кена, конечно, было опасным идиотством красть кости Келл-Рэбина, и в ответ последует очень сильный удар... особенно если Кен к нему не подготовится как следует.

Я спустился на первый этаж дома и оттуда заказал аэротакси до самого Вашингтона.

Кен впустил меня и немедленно запер за мной дверь. Потом мы обменялись крепким рукопожатием и долго стояли, глядя друг другу в глаза.

— Ты сделал это, Кен, — сказал я.

— Не волнуйся ты так, — ответил он, — Уж я как-нибудь вывернусь. Я просто вспомнил, как ты говорил, что мечтал взглянуть на эти косточки. Я начал думать об этом сразу после неудачи с радием. Я сел и стал изо всех сил думать, как мог бы опустить целую расу, которая всучила мне этот проклятущий договор. Если бы не ты, я бы просто где-нибудь по дороге выкинул ящик в космос. И найди они его там, на полпути между Землей и Марсом, я бы не жадничал. Но раз ты так мечтал осмотреть эту ерунду, я привез ящик сюда. Можешь изучать чертовы кости сколько тебе вздумается.

Он пригласил меня пройти в следующую комнату.

— Самая отвратительная вещь из того, что можно себе вообразить, — рассказывал он мне, — Они дали мне найти это месторождение, а потом отняли. Конфисковали... угрожали мне смертью, если я посмею протестовать. Сказали, что запросто прибьют меня, потому что эта статья старого договора предусматривает десять лет строгого заключения для чужака, который немедленно не доложит о такой своей находке надлежащему ведомству. Они знали, что я трудился как вол, чтобы найти это месторождение, и ни словом не предупредили.

Он остановился и повернулся ко мне:

— Два года я работал там, в этой адской пустыне. Я бесконечно страдал от голода и жажды, едва не помер от немыслимой жары. И жара, и удушающая красная пыль, ядовитые рептилии и насекомые, одиночество — все сразу. Я почти сходил с ума. Я потерял три пальца на левой руке, когда укололся каким-то чертовым ядовитым сорняком. Я нашел месторождение, рыл радий — тонна за тонной. Даже не представляю, насколько сильно я отравлен радиацией. Да одна-единственная тонна могла отправить меня на тот свет!

А потом осталась сущая ерунда. Все, что мне нужно было сделать, — это щелкнуть пальцами, и Вселенная лежала бы у моих ног. Я работал, два года таскался по марсианским пустыням, я потерял молодость и здоровье, три пальца, два года жизни... ради чего? Ради чего, я спрашиваю? Чтобы эти надутые марсиане, их поганые высшие чиновники, набили свое необъятное брюхо, чтобы они могли навешивать драгоценные камни на каких-нибудь жеманных баб или приносить щедрые дары священникам, охраняющим скелет какого-то идиота, который давным-давно должен был превратиться в пыль?

Его лицо перекосилось от ярости. Этот человек был ненормальным! Это был не тот Кен Смит, которого я видел последний раз около трех лет назад. Это был другой человек — человек, который сошел с ума из-за страшной жары и

ужасного одиночества в необозримых пустынях Марса, человек, который до последнего предела озлобился из-за подлой несправедливости чужой расы, никогда не понимавшей и не желавшей понимать людей с Земли.

Он вскинул руки над головой и показал на потолок. Сквозь преграду его взгляд устремлялся вовне, в слепую темноту космоса, где среди сонма небесных светил сияла красная звезда.

— Когда они обнаружат, что произошло, — воскликнул он, — они начнут бояться! Черт их побери, надеюсь, их вонючие маленькие душонки ссохнутся. Они познают свет надежды и ужас, которые познал я. Они все религиозные люди, а я отнял у них религию! Я, человек, которого они сломали, завладел реликвией, которая для них драгоценней всего на свете. Однажды, если они не узнают обо всем сами, я позволю им узнать — обязательно позволю, — что это я тряс заплесневелые кости Келл-Рэбина в их священной коробке и хохотал над тем, как они дребезжат!

Нет никаких сомнений. Этот человек сумасшедший, просто-напросто помешанный.

— И если они так хотят получить их, так страстно, как я думаю, — прошептал он, — возможно, я их верну... за цену в десять раз большую, чем мое месторождение радия. Я их разорю. Я заставлю их копаться в их мерзкой пустыне следующие сто лет, пока они не соберут сумму, которую я потребую. И они всегда будут помнить, что человек с Земли гремел костями Келл-Рэбина! Вот что их добьет!

— Парень, — окликнул я его, — ты совсем свихнулся? Они уже знают, они не могут не знать. Ну как же, ведь рака пропала. Они наверняка сейчас прочесывают всю Солнечную систему в поисках тебя и раки.

— Они не знают, — бросил в ответ мой друг, — Я запутал следы. Я понимал, что у меня не будет шансов выбраться оттуда даже на своем собственном корабле, если они сразу же обнаружат пропажу. В Храме Салдабар по-прежнему лежит рака, совсем такая же, как эта, в которой хранятся кости

Келл-Рэбина, но она пуста... Рака, которую я взял и поместил на месте полной. Я пробрался в храм и сделал фотографии с помощью электрокамеры, а потом по этим фотографиям за несколько недель собрал другой ларец, сделав его похожим на настоящий как две капли воды. В одном из углов второй раки спрятано послание всем священникам Марса, и когда кто-ни-будь из них найдет послание, они узнают, куда делись кости Келл-Рэбина.

Звонкий голос наполнил комнату.

— Мы нашли послание, Кеннет Смит, — произнес неизвестный, — И мы уже здесь, чтобы забрать обратно священную реликвию и тебя.

Мы обернулись и позади себя, прямо в этой же комнате, увидели священника с Марса, одетого во все свои живописные облачения. В руке он держал оружие.

Я глянул ему за спину и обнаружил, что дверной замок исчез. Смешно, когда человек вдруг обращает внимание на некие маленькие, незначительные детали как раз в самый ответственный и захватывающий момент.

Священник медлил стрелять. Я был уверен — даже при том, что мой пистолет все еще лежит в кармане, я могу опередить его. Священников Марса не учат пользоваться оружием.

И еще я понимал, что быстрая смерть от его оружия предпочтительней пленения. Это придало мне решимости, и моя рука скользнула в карман. Мне оставалось лишь выхватить оружие и выстрелить, когда грозовой раскат расколол воздух.

Кеннет Смит держал пистолет в руке. Выглядело это так, словно оружие все время находилось в его пальцах. Мой друг был очень быстр, слишком быстр, особенно если сравнивать его с марсианским священником.

Священник корчился на полу — не человек больше, скорее обугленная масса плоти. Вонь горящих волос и кожи смешивалась с острым запахом ионизированного воздуха.

В коридоре раздался громкий топот, и сквозь распахнутую дверь мы увидели второго священника, несущегося к нам со всех ног. Мы выстрелили одновременно, и человек осел на полпути, бездыханный, рухнул на пол.

— Мы их поджарили! — прохрипел я. Волнение душило меня, мысли путались.

— Нам надо убираться отсюда, — рявкнул Кен, — Быстрее, на крышу. Тут всего два этажа. У меня есть небольшой флаер.

Беглецы

Сунув пистолет в карман, он кинулся в соседнюю комнату. Пока я стоял, ошеломленный и плохо представляющий, куда идти, он снова появился, держа в руках побрякивающий ларец около трех футов в длину.

Кен схватил меня за руку, и мы, перемахнув через еще дымящееся тело, выскочили в коридор. То и дело открывались двери номеров, из комнат выглядывали люди. Где-то неподалеку раздавался топот бегущих ног, а мельком глянув на табло, которое показывало местонахождение лифта, я убедился, что кабина поднимается.

Мы выбежали на лестницу и помчались наверх. Едва мы добрались до крыши, из лифта вывалила возбужденная толпа людей — почти сразу за нашими спинами. Не оглядываясь на преследователей, мы стремглав помчались к маленькому красному флаеру Кена, и в этот момент какой-то мужчина кинулся нам наперерез. Я с разгону приложил предприимчивого охотника прямым ударом левой, и мы понеслись дальше.

Забравшись в кабину и втащив меня, Кен надавил на стартер. Двигатели взревели, и машина дернулась. Сзади неслась целая толпа. Двое преследователей, на несколько футов опередившие остальных, вцепились в наш флаер,

будто всерьез надеялись помешать нам взлететь. Напрасная надежда. Через несколько секунд их руки соскользнули, ребята покатились прочь, а флаер рывком взмыл в воздух.

Мы нарушали все правила воздушного движения, которые только можно было вспомнить, когда на бешеной скорости мчались прочь от отеля. Взбешенные водители воздушных такси кричали нам вслед разные гадости, и не у одного капитана воздушного пассажирского или грузового судна, должно быть, перехватывало дыхание, когда мы закладывали виражи прямо перед носом их кораблей, причем на такой скорости, которая категорически запрещена над городом на нижних, переполненных транспортом уровнях. Дважды регулировщики движения устремлялись за нами, и оба раза мы от них ускользали Никакой другой пилот, кроме Кеннета Смита, знаменитого космического бродяги, не рискнул бы устроить такую безумную гонку на маленьком красном кораблике, а главное — не сумел бы благополучно ее завершить.

Через полчаса мы успешно выбрались за пределы города и летели над пригородной зоной. Очевидно, что убийство марсианских священников будет расследоваться и описание нашего флаера, а возможно, и нас самих уже распространено по всей Земле. Любой полицейский корабль тут же устремится за нами в погоню.

Тем временем надвигалась ночь, и нам, разумеется, нужно было где-нибудь остановиться и передохнуть — в каком-нибудь безопасном месте, где нас никто не заметит. За полчаса до наступления полнейшей темноты, когда сумерки еще только сгущались над плоскими долинами Земли, мы заметили на крыле корабля, летевшего позади нас, золотой круг и поняли, что полиция у нас на хвосте. Впрочем, прежде чем этот корабль смог заметно приблизиться, опустилась ночь, и, продолжая полет без огней, мы от него оторвались.

Часом позже из-за горизонта выскользнула луна, и в ее свете мы обнаружили, что уже добрались до Скалистых гор и летим над их зубчатыми хребтами.

Мы спешно собрали «военный совет». Широкомасштабный поиск, конечно, уже ведется. Убийство двух священнослужителей власти, безусловно, сочтут самым гнусным преступлением, какое можно себе представить, преступлением, которое будет иметь межпланетный резонанс. Полиция перевернет в этих краях каждый камень. Красный флаер легко опознать. Существует только один путь — бросить корабль прежде, чем нас заметят.

Мгновением позже две фигуры — одна сжимала окованный металлом ларец — выглянули из быстро летящего флаера, на миг замерли, сдерживая головокружение, а потом спрыгнули. Над головами в какой-то момент выросли и набухли одуванчики парашютов. Красный флаер с широко распахнутыми дверцами и огрызающейся выхлопной трубой унесся прочь, не замеченный никем. Двумя месяцами позже я узнал, что остатки разбившегося вдребезги флаера нашли на следующее утро за несколько сотен миль от того места, где мы выпрыгнули с парашютами.

Похоже, чтобы избавиться от флаера, мы выбрали самое дикое и пустынное место, какое только могли. Мы без труда приземлились и, как только наши ноги коснулись земли, отстегнули парашюты. В воздухе был разлит упоительный аромат сосны, сильный ветер шумел в кронах деревьев. Когда я шел, мелкие камни вылетали у меня из-под ног.

Мы нашли густые заросли низкорослого вечнозеленого кустарника и, спрятавшись в них, забылись тревожным сном, а проснулись, лишь когда лучи поднимающегося над горизонтом солнца пробились сквозь мягкие иголки и коснулись наших лиц.

Все утро, пока мы пытались решить, что нам делать, мне приходилось бороться с навязчивым желанием поискать укрытие и там, в тишине и покое, полюбопытствовать содержимым раки, в которой на протяжении веков хранились

кости Келл-Рэбина. Но под конец я сумел справиться с нетерпением. Честно говоря, я просто боялся открывать ее. Я боялся, что, оказавшись на открытом воздухе, без какой-либо защиты, драгоценные кости рассыплются в прах. Рака, когда ее откроют, должна находиться в лаборатории, где будут под рукой специальные консервирующие средства и инструменты, используемые в археологии. Открывать раку здесь, в этом диком горном краю, слишком рискованно. Я решил ждать.

Голод вскоре погнал нас вперед. Нам повезло подстрелить небольшого горного козла из электропистолета Кена, чем мы до предела истощили заряд. У нас не было соли, но мы ели мясо, слегка поджаренное на огне, с наслаждением диких зверей. А еще мы собирали ягоды и ели их.

В течение нескольких недель мы шли через горы, волоча за собой драгоценный ларец. Никому из нас не пришло в голову избавиться от него, поскольку для Кена он означал месть и возможный выкуп, а для меня — реальный шанс раскрыть самые сокровенные тайны марсианской расы и, конечно, тоже месть, причем мое желание отомстить было лишь чуть менее острым, чем у моего полусумасшедшего друга. Итак, хотя лямка, привязанная к раке, до крови натерла наши плечи — все-таки чертовски тяжелая штука, которая превращала и без того тяжелый путь в настоящее испытание, — мы упрямо не выпускали ее.

У нас обоих выросли бороды, а у меня появился загар, который был лишь немного бледнее приобретенного Кеном в пустынях Марса, иссушенных палящим солнцем. Зато я потерял весь накопленный лишний вес до последнего фунта, мое лицо осунулось и похудело. Я сомневаюсь, что кто-нибудь из не самых близких моих знакомых узнал бы меня теперь, то же можно было сказать и о Кене, который сильно изменился за годы скитаний по марсианским пустыням.

Неторопливо бредя по лесам, мы наконец добрались до одиноко стоящего маленького городка, затерянного среди холмов, и, пока Кен сторожил раку с костями Келл-Рэбина на окраине, я отправился за покупками. Там я честно приобрел потрепанный чемодан в небольшом магазинчике хозяйственных товаров и присвоил кое-какую одежду в одном универмаге, самом крупном в городе.

Этим же вечером, когда самолет, направлявшийся на восток, оторвался от земли, в нем находились двое альпинистов, обросших бородами и одетых в лохмотья. Эти пассажиры, как и все сильные люди, отличались немногословностью и, судя по всему, в прошлом были космонавтами. Разумеется, никто и не выдвигал нелепых предположений, будто они неожиданно разбогатели и теперь отправляются в большой город поразвлечься. Их багаж состоял только из одного чемодана и какого-то старинного ларца.

В Чикаго мы приобрели крепкий сундук и положили в него марсианские кости. Через полчаса сундук уже покоился в надежном подземном хранилище Первого Лунного банка, а мне и Кену вручили по экземпляру ключей. Мы считали, что это очень глупо — держать раку у себя, пока полиция не прекратила наши поиски. Причиной того, что мы очень хотели как, можно скорее вернуться в город, из которого столь поспешно бежали, являлось наше решение обосноваться и жить именно здесь.

В тот же день, положив раку в хранилище, мы освободили номер в гостинице. После чего посетили некоего надежного человека, который жил в одном из наименее фешенебельных районов города. Мы оставили у него изрядную сумму денег, но зато ушли совершенно другими людьми. Мы не были больше Кеннетом Смитом и Робертом Эшби, которых знал, наверное, весь мир, также мы больше не были и бородатыми альпинистами, которые летели на восточном экспрессе со своим жалким багажом. Наши лица стали настоящим рукотворным произведением искусства. Умелец вложил нам в нос и щеки небольшие металлические

пластинки, но так, чтобы их можно было в любой момент убрать, впрочем, они не причиняли никакого дискомфорта. Каждому из нас сделали новую прическу, ничего общего с тем, что было раньше. Да, просто притворство, обман — но зато весьма эффективный. В течение следующих недель я не раз сталкивался на улицах лицом к лицу со своими бывшими друзьями, но они меня не узнавали и проходили мимо.

Мы поселились в скромном маленьком доме в спальном районе и выжидали время. Когда об убийцах двух марсианских священнослужителей все забудут, мы начнем действовать.

А потом однажды Кен не вернулся в наше жилище. Я подождал несколько часов, потом отправился его искать. Но долгие недели упорных поисков не принесли никакого результата. Он не был арестован, его тело не лежало в морге, он не попадал в больницу, не садился на самолет.

Мне пришлось принять очевидный факт — моего друга схватили марсиане!

Неотвратимый смертный приговор повиснет надо мной с того момента, как я ступлю на марсианскую землю. Мне запрещено возвращаться на планету.

Но я вернулся. Я невольно задержал дыхание, проходя таможенный досмотр. Сумеет ли моя маскировка, которая была так эффективна на Земле, обмануть и марсиан? Проверка, впрочем, была довольно поверхностной, и я вздохнул с облегчением. В декларации я назвался бизнесменом, путешествующим для собственного удовольствия, — еще один непримечательный турист среди бесчисленных толп землян, каждый год ненадолго покидающих прозаическую родину, чтобы окунуться в странную и немного жуткую жизнь чужой планеты.

Я снова находился на Красной планете. Снова я стоял лицом к лицу с народом, которому мы с моим другом бросили вызов. Моя цель очевидна — миссия спасения, возможно, месть. Пункт назначения — Храм Салдабар.

Мой друг много рассказывал мне об этом храме. Мы не раз беседовали о нем. В моем сознании, в памяти навсегда отпечатался тот путь, который мой друг прошел дважды, когда похищал кости Келл-Рэбина. Все, хорошенько взвесив, я составил план — почти такой же, который разработал и успешно реализовал Кен. Второй раз в истории планеты чужак собирался вторгнуться в святая святых, причем той же дорогой, что и в первый.

Гора Афелум была окутана темнотой. Два часа назад солнце соскользнуло за горизонт, и оставался еще час до того, как засияет Деймос, самая большая луна Марса.

Я дрожал на холодном ветру, который, завывая, несся из пустыни и развевал полы моего черного плаща. В кобурах на моем поясе прятались два электропистолета, к запястью простым кожаным ремнем была прикреплена дубинка с утяжеленным концом, опасное и бесшумное оружие. В кармане пиджака я на всякий случай припрятал маленький фонарик и пакет концентрированной прессованной пищи, ибо не знал, сколько времени придется таиться в огромном темном храме, массивные стены которого грозно возвышались передо мной. Я не знал, сколько потребуется времени, чтоб найти моего пропавшего друга или убедиться, что его здесь нет.

Было как раз время службы, и я ждал. Я вовсе не хотел вламываться в здание, забитое молящимися паломниками. Я предпочел подождать и убедиться, что в храме находятся только священнослужители. Более всего мне подходил глухой полночной час, сразу после того, как сменится стража. Раньше никак нельзя, во время смены караула убитый охранник будет обнаружен, и тогда марсиане тут же начнут прочесывать храм, а меня такой поворот событий совершенно не устраивал. А в то, что мне удастся просочиться внутрь, не убрав одного или нескольких охранников, я не верил. Это было невозможно.

Словно огромной сверкающей драгоценностью, погруженной в черный водоем ночи, я любовался далекими огнями Дантана. Косясь на них, я вдруг захихикал с жестоким весельем, потому что попытался представить, какой переполох поднялся бы там, если бы народы Марса и Земли узнали о похитителе священных костей и кощунстве в храме. Факт воровства до сих пор держится в секрете. Марсианское правительство и клан священнослужителей не любят гласности в вопросах такого рода.

Когда-нибудь, возможно в качестве финального аккорда своей мести, я распространю сведения о случившемся по всей Солнечной системе. Я сумею донести информацию до всех обитаемых миров, от маленьких горнодобывающих поселений на Меркурии до последних торговых аванпостов на ледяных просторах Плутона. Марсиане и их религия станут посмешищем всей Вселенной. Возможно, тогда, но уже слишком поздно, высшие официальные власти и священнослужители пожалеют, что не обошлись с нами более снисходительно. Мне было приятно думать об этом, пока я сидел на корточках в темноте перед храмом, ожидая, когда же настанет нужное время. Может, я тоже слегка свихнулся. Может, и не слегка.

Звенящий голос рассек темноту, и огонь на мгновение вспыхнул в нише стены. Другой голос ответил. Зазвенели церемониальные мечи, которые священники вешали на пояс перед тем, как заступить на пост — исключительно в качестве символа исполняемых обязанностей.

Стража сменялась. Вдали на храмовой стене раздался еще один зов, на который последовал положенный отклик, вновь сопровождаемый звоном, стали. Все это было древней церемонией, очень старой традицией. Размещение постов, процедура смены стражей, как и обязательное ношение мечей, сохранились с давних времен.

Этой ночью, впрочем, в страже возникнет настоящая нужда, подумал я жестоко.

Я осторожно двинулся вперед, чтобы добраться до плотной тени, падающей от стены, левой рукой нащупал грубые камни и тихо пошел, скользя пальцами по неровной кладке. Несколько раз я останавливался и вглядывался, вслушивался изо всех сил, напрягая органы чувств. О моем присутствии, я был убежден, никто не подозревал, но я не хотел рисковать. Любой марсианский храм, а в особенности Храм Салдабара, — опасное место для человека с Земли.

Мои чуткие пальцы, которыми я вел по шершавой каменной стене, наткнулись на щель, и я понял, что достиг задних ворот, выбранных мной для того, чтоб попасть в храм.

Задерживая дыхание из опасения, что стражники могут что-нибудь услышать, я со всеми предосторожностями заглянул за угол ниши, в которой были расположены ворота. Прямой, застывший, словно истукан, в той позе, которая предписывалась древними канонами марсианской храмовой страже, священник-воин стоял точно перед воротами. Кончик массивного меча был уперт в камень у его ног, обе руки сжимали рукоять.

Я собрался, крепко ухватился пальцами за край стены, чтобы сильнее оттолкнуться, поудобнее устроил в ладони свинцово-тяжелую дубинку и прыгнул.

Стражнику никогда не приходилось поднимать кончик меча с земли. И я вообще сомневаюсь, что он узнал во мне землянина. Едва появившись перед ним, я как следует размахнулся и с силой обрушил оружие на его череп. Парень ничего не успел сделать. Я поддержал оседающего стража левой рукой, а правой железной хваткой зажал ему рот, чтоб ни единого звука не вырвалось наружу. Мягко опустил тело на каменные плиты и двинулся к воротам. Положив руку на тяжелый запор, я на мгновение остановился, прикидывая, не стоит ли вернуться и надеть одежду мертвого стражника, но решил этого не делать. Его облачение сковало бы мои движения, а мой рост, в случае чего, выдаст меня не хуже, чем одежда землянина.

Дверные петли едва слышно скрипнули, когда я проскользнул внутрь, но на слабый звук никто не обратил внимания, и, хотя я терпеливо ждал несколько томительных минут, готовый удариться в бегство при малейшем намеке на тревогу, вокруг царила прежняя тишина и безмятежность.

Коридор, в который вели ворота, был полон черного как смоль мрака, и, когда я закрыл дверь за своей спиной, на миг меня охватил неясный ужас, который опускается на каждого, способного представить себе, какие неведомые опасности могут таиться в темноте. Я подумывал, не воспользоваться ли фонариком, но все-таки пришел к выводу, что даже самый слабый огонек может выдать меня и разрушить все мои планы.

Из разговоров с Кеном, который дважды прошел этот путь, когда искал в храме раку с костями Келл-Рэбина, я прекрасно знал, что, продолжая идти по этому коридору, доберусь до огромного зала в центре храма. Я знал, что этот коридор идет прямо приблизительно две сотни шагов, а потом резко поворачивает направо.

Я шел по коридору до тех пор, пока он не пересекся с другим, которым, видимо, пользовались чаще и поэтому ярко освещенным. Меня одолевал инстинктивный страх чего-то неизвестного, возможно опасного, подстерегающего меня в темноте. Когда я достиг освещенного коридора, ощущение ужаса стало совершенно невыносимым, но я справился с паникой и, переборов себя, продолжил путь в темноте. Я ничего не видел, но моя рука скользила по стене коридора, поэтому я понимал, куда именно надо идти. Я двигался вперед, стараясь ступать так, чтобы мои шаги были абсолютно беззвучны.

Я добрался до поворота и увидел впереди слабый свет. Должно быть, он падает оттуда, где коридор вновь соединяется с освещенным проходом. Я медленно шел вперед, готовый в любой момент начать действовать.

У самого пола с левой стороны я заметил маленькое пятно света и остановился, намереваясь выяснить его происхождение. Я ничего не мог понять, пока не скользнул от правой стены, за которую держался, к левой, и тогда увидел, что луч света идет из маленькой удлиненной трещины в древней кладке. Очевидно, за стеной находилась комната, а свет пробивался из-за того, что раствор, соединяющий каменные блоки, просто раскрошился.

Навострив уши, я услышал невнятное бормотание на марсианском. По всей видимости, в комнате, откуда свет через дырку в стене падал в коридор, находилось несколько священников.

Решив непременно узнать, что там происходит, я плавно скользнул вдоль стены.

На расстоянии полудюжины футов от дыры я резко остановился. Моя нога поднялась, чтобы сделать следующий шаг, но я так и не опустил ее. Я был, наверное, похож на пойнтера, который внезапно сделал стойку перед птицей. Я уверен, что в тот момент совершенно уподобился собаке, учуявшей след, ибо напряженно вслушивался в слова, которые случайно донеслись до меня.

Нет сомнений, отчетливо — словно говорящий был совсем рядом со мной — звучала английская речь, и голос, который я узнал... голос человека, которого я разыскивал. Кен Смит!

— Нет, черт побери. Ты сгниешь в аду, прежде чем я скажу тебе. Я тряс эту вашу мерзкую коробку. Тряс и хохотал, когда слышал стук костей. Я их тряс, ты понимаешь, мерзкая рожа? Это просто кости, грязные гнилые кости, такие же, какими станут и мои собственные через пару месяцев, и как твои, когда ты помрешь...

Голос становился все пронзительней и пронзительней и внезапно перешел в ужасающий вопль боли, от которого

меня прошиб холодный пот, выступивший из каждой поры моего тела.

Вопль длился и длился, и на его фоне я едва мог разобрать слова марсианина.

— Кеннет Смит, ты расскажешь нам, где находятся священные мощи Келл-Рэбина. До тех пор мы не дадим тебе милосердного освобождения. Помни, мы можем оставить тебя здесь с включенным током, сильным... сильнее, чем он был только что, и забыть о тебе на годы. Возможно, тогда ты скажешь нам. Отныне ты бессмертен, ты не умрешь от боли. А вот выдержишь ли ты вечную пытку?

И снова я услышал голос своего друга, высокий и пронзительный:

— Я скажу вам, где кости... Скажу.

Я прекрасно чувствовал напряженное ожидание тех, кто стоял по ту сторону стены.

— ...Я скажу вам, где кости Келл-Рэбина, когда ваша вонючая планета превратится в кровавую пыль и развеется между звезд.

Гул голосов марсиан рассыпался, как злобная барабанная дробь. Вопль зазвучал снова, он поднялся до того предела, что, казалось, еще чуть-чуть — и лопнут барабанные перепонки.

Я прильнул к дырке в стене и, непроизвольно вцепившись руками в край огромного блока, со всей силы рванул камень на себя, почувствовал, что он чуть-чуть сдвинулся с места, что было сил дернул — и камень освободился. Я как безумный начал раскачивать и вытаскивать соседние блоки, пытаясь сделать отверстие достаточно большим, чтобы в него протиснуться.

Все это время ужасный вопль бил по моим и без того напряженным нервам, заставляя торопиться и прикладывать все силы без остатка. Впрочем, этот жуткий крик полностью заглушал хруст каменной кладки и звук падающих камней.

Наконец последний блок был освобожден, и я, отвалив его, втиснулся в проем, на ходу хватаясь за кобуры. Прежде чем мои ноги коснулись пола, я уже держал оба пистолета.

Странная картина предстала передо мной. На столе в одной части комнаты лежало обнаженное человеческое тело с разверстым черепом, без лица и с изуродованной шеей. На другом столе, рядом с которым собрались пятеро марсианских священников, стоял небольшой прибор, прикрепленный двумя проводами к прозрачному цилиндру около трех футов высотой.

Этот небольшой цилиндр, однако, приковал к себе мой взгляд и наполнил ужасом душу. Он был наполнен какой-то прозрачной жидкостью, и в ней плавал обнаженный, пульсирующий человеческий мозг. Прямо перед мозгом висело лицо — лицо Кеннета Смита! Его черты были искажены болью, а тот пронзительный вопль, который я слышал и раньше, исторгался прямо из этого цилиндра. Под лицом тянулись какие-то странные спиральные шнуры, это, похоже, были органы речи.

Я обезумел от горя и ненависти. В два прыжка достиг стола, где стоял цилиндр, отшвырнул оказавшегося на моем пути священника и щелкнул выключателем прибора, стоявшего рядом с цилиндром. Внезапно жидкость в цилиндре стала мутной, и вопль оборвался. Когда я отпрянул от стола, чтоб взять на прицел священнослужителей, которые довольно быстро справились с изумлением, краем глаза я заметил, что цилиндр принял совсем иной вид, чем раньше, — скучно-серый, непрозрачный металлический экран.

Священнослужители бросились было вперед, но я ткнул в их сторону двумя пистолетами, они отступили, невнятно ворча.

— Одно слово, — зашипел я, — и я вас поджарю. Стойте, где стоите.

Они поняли. У них не было оружия, и они знали, что такое электропистолеты. Они также знали, что землянин, добровольно проникший в марсианский храм, будет

действовать отчаянно, он не станет колебаться, убивать или нет, — он убьет беспощадно.

Я начал быстро соображать. Итак, я попал в очень затруднительное положение. Если я убью священников, то, возможно, смогу выбраться из храма тем же путем, каким в него и попал. Я нашел своего друга, однако не могу увести его с собой. Но не смогу и бросить его здесь. Когда я уйду, цилиндр и маленький прибор, который, судя по всему, обеспечивает его функционирование, должны отправиться со мной. Немыслимо оставить Кена Смита, или то, что осталось от Кена Смита, страдать от немыслимых пыток в руках этих демонов. Если случится самое худшее, я направлю один из пистолетов на цилиндр и просто-напросто разнесу в клочья то, что содержится в его бесцветном содержимом. Так будет лучше, чем бесконечно мучиться в руках марсиан.

Мой взгляд упал на изуродованное тело, которое лежало на втором столе. Я точно знал, что это было тело Кена Смита. Он сказал нечто вроде «мое тело здесь». Мерзкие марсиане вырезали его мозг и поместили в цилиндр. Они упоминали о том, что он бессмертен.

Согбенные маленькие человечки, стоящие передо мной, прямо под прицелом пистолета, имели на лицах одинаковое стоическое выражение, которое так характерно для марсианской расы. Все они были облачены в одежды, свидетельствовавшие об их высоком положении в храмовой иерархии. Я жестоко улыбнулся, и они вздрогнули от моей улыбки. Я подумал о том, сколь редких птиц мне довелось поймать. Их жизни лежали на весах, равновесие которых зависело от двух спусковых крючков моих пистолетов, и священники должны были — это понимать.

— Покажите, как работает эта штука, — приказал я тому, кто стоял впереди.

Священнослужитель качнул головой, но я сделал повелительное движение одним из пистолетов, и он быстро шагнул вперед.

— Одно неверное движение, — предостерег я, — и вы все будете испепелены. Я пока здесь, но скоро уйду с этим цилиндром. Может, я позволю вам жить, может, и нет.

Выражение их лиц не изменилось. Надо признать, это многое о них говорило — они были мужественными людьми.

— Что ты хочешь знать об этом приборе? — спросил марсианин, который шагнул вперед.

— Я хочу поговорить с человеком внутри цилиндра, — ответил я, — Я не хочу, чтобы он мучился, я просто хочу с ним поговорить.

Священнослужитель опустил руку на прибор, но я оттолкнул его.

— Нет, — сказал я, — Ты скажешь мне, что делать. Если ты обманешь...

Я не закончил угрозу. Он понял меня и так. Он облизнул свои тонкие губы и кивнул.

Я положил один из пистолетов на стол так, чтобы иметь возможность схватить его в любой момент, и опустил руку на машину.

— Ты должен повернуть этот красный рычажок обратно в зеленую зону, — сказал марсианин, — В этом положении рычажка мозг в цилиндре становится так же активен, как и при жизни, и не страдает. За этой зоной начинается пытка. Прибор очень прост...

— Да, — кивнул я. — Так и должно быть. Но меня не интересует прибор. Я хочу поговорить с другом. Что мне нужно для этого сделать?

— Ты должен закрыть переключатель, который в самом начале открыл.

Я медленно повернул переключатель, и он занял исходное положение. Однако я стоял спиной к цилиндру и не мог видеть, что произошло, но, поскольку вопля не последовало, я понял, что священнослужитель сказал правду.

— Ты здесь, Кен? — спросил я.

— Именно здесь, Боб, — прозвучал знакомый голос.

— Слушай внимательно, Кен, — велел я, — У нас мало времени. Какая-нибудь чертова неприятность может произойти в любой момент. У тебя есть идеи, как выбраться отсюда?

— Путь через коридор открыт? — спросил голос моего друга.

— Пока да, по крайней мере я так думаю. Стражник мертв.

— Тогда поджарь священников и, когда будешь уходить, пристрели меня. Только пообещай, что сначала прибьешь священников. После того что они со мной сделали... Ты понимаешь. Глаз за глаз. Поджарь их мозги, устрой им такую же вечную жизнь, какую они дали мне. И, прежде чем уйдешь, убедись, что я готов.

— Нет, Кен. Я возьму тебя с собой.

— Ты свихнулся, Боб.

— Может, я и свихнулся, — отпарировал я, чувствуя, что начинаю злиться, — Но либо мы оба спасемся, либо оба останемся здесь.

— Но, Боб...

— У нас нет времени спорить. Ты знаешь это место лучше, чем я. Есть еще какие-нибудь идеи?

— Ну ладно. Выключи меня. Отсоедини цилиндр от прибора и сунь меня под мышку. И маленький приборчик тоже. Он тебе понадобится... или, скорее, мне. Он с помощью провода подключается к источнику питания. Отсоедини его от здешнего провода. Уничтожь священнослужителей и двинули отсюда. Вот и все. Если ты выберешься, мы оба выберемся. Если нет, уничтожь меня, прежде чем смыться.

— Вот это разговор, — подбодрил я Кена, — Что бы эти животные ни сделали с тобой, это не имеет значения. Мы же друзья.

— Точно, мы друзья. Только сейчас сражаться можешь один ты.

Мои пальцы легли на выключатель.

— Еще секунду, Боб. Я подумал вот о чем. Прикинь, ты не можешь прихватить еще парочку таких цилиндров?

— Насколько они тяжелые?

— Не знаю. Думаю, не слишком.

Священнослужители тревожно зашевелились, и я рявкнул на них.

— Если ты можешь это сделать, — пробубнил голос моего друга, — загляни в комнату слева от тебя. Ты увидишь дверь. Там все заставлено этими цилиндрами. Мозги мертвых

священников, ты понимаешь. Возьми один из них. Это нам поможет.

— Хорошо. — Я начал поворачивать выключатель.

— Не забудь о священниках. Черт побери, покажи им...

Голос оборвался, как только я выключил прибор.

За моей спиной послышалось тихое звяканье, и я мгновенно обернулся. В двери, которая вела в освещенный коридор, стоял еще один священник. На его лице было написано безграничное удивление. Он уже открыл было рот, чтоб поднять тревогу, но я выстрелил раньше.

От выстрела я едва не ослеп. На секунду зажмурился, но, не теряя времени даром, развернулся на каблуках. И очень вовремя — все пятеро священнослужителей в то же мгновение кинулись на меня. Дуло пистолета было всего в нескольких дюймах от груди ближайшего ко мне марсианина, но я успел нажать на спусковой крючок. Священника на мгновение омыло бледным голубым пламенем, окутавшим его с ног до головы. На миг марсианин заколыхался передо мной, словно призрак, а затем почернел и начал падать, его обугленное тело рассыпалось на куски, едва коснувшись пола. Пистолет потрескивал и ревел, и я понял, что такой шум, должно быть, слышен в самых дальних уголках храма. Электропистолет не самое тихое оружие.

Двое из священников умерли в двух футах от меня, еще один почти коснулся моего горла своими тощими искривленными пальцами, прежде чем я успел ткнуть его пистолетом в живот и показать ему все, на что способно мое оружие. Он просто испарился во вспышке чудовищной энергии, которая чуть не сбила меня с ног.

Шатаясь от потрясения, я заметил, что последний оставшийся в живых священник бросился в открытую дверь. Мой палец лег на регулятор, и я построил луч так, чтобы он мог ударить далеко вперед. Я сделал это машинально, но, к моему счастью, все-таки сделал. Использовав весь заряд, пистолет выплюнул яркую молнию через всю комнату,

отправил бегущего священника в небытие и заодно разнес всю противоположную стену, обрушив обломки каменной кладки в освещенный коридор, чем был совершенно блокирован проход.

Комната наполнилась тошнотворной вонью сгоревшей плоти и неприятным резким запахом озона. Я почти оглох от грохота электропистолета в небольшой сводчатой комнате, мои натянутые нервы дрожали после всего того, что я увидел и совершил, — после смерти этих священников, стоявших так близко от меня. Я услышал слабые крики, доносящиеся откуда-то из глубины здания, и подумал, что, наверное, сейчас все священнослужители Марса несутся в эту часть храма.

Наткнувшись на стол, я все же выдернул разъемы из прибора и опустил небольшое приспособление в карман, затем поднял цилиндр и изумился, насколько он легок.

Потом я вспомнил. Да, я должен взять еще один цилиндр. Есть ли у меня время? Мой друг объяснил, почему он хочет, чтобы я взял второй цилиндр. Я был почти уверен, что успею заглянуть в соседнюю комнату, а потом пробиться наружу.

Я решил попробовать. Поставив цилиндр обратно на стол, я побежал к двери, про которую говорил Кен. На полпути к ней я выхватил один из пистолетов. У меня не было времени возиться с замком. Каждая секунда на счету. На бегу направив пистолет на замок, я нажал курок. Мощный заряд снес кусок двери, и, подпрыгнув, я сильно ударил ногой и распахнул ее настежь. Я влетел в комнату, которая была так велика, что в первый момент я даже растерялся. На бесконечных полках, которые отделялись друг от друга лишь узким проходом, стояли ряды цилиндров, точно таких же, как тот, где находился мозг Кена Смита.

Я схватил первый попавшийся, сунул под мышку и бегом вернулся в соседнюю комнату.

Я слышал разъяренные голоса священников — они яростно расчищали коридор, который завалил камнями мой выстрел. В поле зрения пока никого не было видно.

С победным воплем я схватил цилиндр, в котором находилось все, что осталось от моего друга, и нырнул в узкую щель, сделанную мной между комнатой и темным коридором.

Оказавшись в мрачном проходе, я устремился вперед и мчался до тех пор, пока не решил, что добрался до поворота. Плюнув на осторожность, я вытащил фонарик и рассек кромешную темноту полосой яркого света. Позади себя я услышал пронзительный крик, а потом последовал выстрел из миниатюрного огнемета, но расстояние было слишком велико, и бледный язык пламени зачах на полпути ко мне.

Мой собственный страх дышал мне в спину, и я рванул вперед. Огнемет продолжал стрелять. Достигнув наконец поворота, я остановился, сунул в карман фонарик и вытащил один из моих пистолетов. Выглянув из-за угла, я нажал курок и быстро отступил. За эту краткую секунду, с помощью одного-единственного выстрела, превращающего в пепел все на своем пути, я успел очистить коридор.

Пошатываясь как пьяный, я вышел из ворот храма в темную холодную ночь. Я едва не споткнулся о тело мертвого стражника, но зато очнулся и вновь бросился бежать. За моей спиной слышался гул голосов, исполненных страха и злобы. Разъяренные, перепуганные священники пытались перерезать мне путь к отступлению. Слишком поздно.

Темнота поглотила меня, и через полчаса я летел на флаере, который загодя спрятал неподалеку от храма. Я держал путь в пустыню Арантиана. На соседнем сиденье лежали два цилиндра, совершенно идентичные по виду и форме, но в одном находился мозг землянина, а во втором — марсианина.

— Это решительно ни к чему, Кен, — сказал я, — Я испробовал уже абсолютно все. Это просто нелепая случайность, что я прихватил цилиндр того марсианина, который умер еще до того, как земляне пришли на Марс. Мы теперь можем узнать о цилиндрах лишь то, что знали о них священнослужители тех лет. Он сболтнул немало, главным образом когда я пригрозил разбить молотком его цилиндр. Эти марсиане, похоже, любят свою вечную жизнь в этих дурацких сосудах. Из страха он рассказал все, что знает. Но все, что он знает, — это то, как мозги помещают в цилиндры. Он утверждает, будто невозможно вынуть какой-либо из них и вернуть обратно в тело.

Я сидел сбоку от цилиндра, в котором плавали мозг и лицо Кеннета Смита.

— Да, Боб, — прозвучал голос моего друга, его губы двигались довольно медленно. — Похоже, что я заключен здесь до конца жизни, которая, как уверяет наш марсианский друг, будет длиться вечно, раз уж я попал в одну из этих штук. Забавно, как они научились делать вещи вроде этой. Какая-то химия, которая позволяет мозгу оставаться живым. Я полагаю, Тарсус-Эгбо сказал тебе, что это за хрень.

— Сказал. Весьма неохотно, надо признать, но я повернул рычажок и дал ему повыть пятнадцать минут. Я засек время. Когда я выключил, он был готов рассказать мне все, что знал, о составе вещества.

— Какие у тебя планы, Боб?

— Сложный вопрос, Кен. Хотелось бы попробовать вернуться с тобой на Землю, но это совершенно невозможно, по крайней мере еще несколько лет. Марсиане будут потрошить каждый уходящий корабль, прочесывать частым гребнем. Возможно, я смог бы незаметно выскользнуть — но человек, пойманный с одним из этих сосудов!.. Парень, это будет просто кошмар! Если мы сможем вернуться на Землю,

считай, мы спаслись. Пока мы на Марсе, за нами обоими идет охота — за осквернение храма. Правда, на Земле нас будут преследовать за убийство двух священнослужителей, но мы сможем как-нибудь решить эту проблему. Я тут с тобой завяз, хотя это, пожалуй, не так и важно.

— Крепкий парень, — проговорил Кен, — Если я когда-нибудь стану для тебя чересчур тяжелой ношей, просто разбей резервуар и иди своей дорогой.

— Ты же знаешь, что я никогда этого не сделаю, Кен. Мы же друзья, не так ли? Если бы марсиане засунули в цилиндр меня вместо тебя, ты бы действовал так же. Я был бы мерзким человечишкой и плохим другом, если бы бросил тебя.

Мы на некоторое время замолчали, продолжая сидеть и глядеть на красную пустыню — песок и колючки, расстилавшиеся на многие мили вокруг, — бескрайнюю пустыню, в которой больше не было ничего.

— Если что-нибудь случится... — снова начал я. — Ну, что-нибудь такое, ты понимаешь... Если марсианские корабли обнаружат нас, или если... ну, ты понимаешь... Я обещаю выпустить в тебя всю обойму. Я не допущу, чтобы ты снова попал в их руки.

— Вот именно, — откликнулся Кен, — Просто скажи: «Пока, парень, я не хочу этого делать, но это лучший выход» — и грохни молотком. Только убедись, что врезал как надо. Эта штука может оказаться очень крепкой. Наверное, ее не просто разбить.

Солнце медленно клонилось к закату, красная пустыня постепенно остывала, и я почувствовал, что начал замерзать. Я передернул плечами и поднялся на ноги.

— Пожалуй, пойду чего-нибудь поем. Я скоро вернусь.

— Да не торопись, — ответил Кен, — Мне нравится пейзаж. Оставь меня так, не выключай. Только поверни немного к западу. Я люблю смотреть на закат.

— Ладно, старик.

Я похлопал по цилиндру и слегка повернул его, чтобы мой друг мог видеть, как опускается солнце.

Мы скрывались уже несколько недель. Не было на Марсе более подходящего места для того, чтобы спрятаться, чем великая пустыня, пустыня красного песка, населенная только злобными колючими кустарниками, ядовитыми насекомыми и рептилиями.

Сперва мы были полны надежд, что получим полезную информацию от мозга марсианина, который я стащил из храма. Больше всего я хотел найти способ извлечь мозг Кена из цилиндра и вернуть его в человеческое тело. Для этого, конечно, нужно было бы найти человека, готового отдать свое тело, и хирурга, который выполнил бы операцию, а это казалось не такой уж сложной проблемой. Однако, как выяснилось, такого способа нет. Раз мозг оказался в цилиндре, то он останется там навсегда. Марсианин торжественно заверил меня, что химическое вещество, в котором плавает мозг, имеет достаточную концентрацию, чтобы питать те органы, которые в него поместили, безгранично долго. Когда цилиндр отключали от прибора, мозг впадал в состояние анабиоза и ему не требовался питательный раствор.

Я предложил Кену вернуться в храм и попытаться добыть цилиндр, в котором содержался бы мозг священнослужителя, умершего совсем недавно, надеясь, что за те долгие годы, прошедшие со смерти Тарсуса-Эгбо, марсианская наука шагнула вперед. А вдруг они узнали какой-нибудь способ вернуть мозг в тело, ведь может оказаться и так!

Кен запретил мне. Он доказал, что это слишком опасно. Несомненно, храм, после всех наших эскапад под его крышей, сейчас охраняется более чем тщательно, и у меня будет лишь один шанс на тысячу, что я выберусь оттуда живым. Кен также заметил, что не следует думать, будто священники знают способ вернуть мозг в тело, что они вообще пытаются найти его. Быть заключенным в цилиндр и являлось вершиной амбиций марсианских священнослужителей. Это означало вечную жизнь — то, что ими больше всего и ценилось. Даже если, подчеркнул Кен, они в принципе могут найти решение этой сложной задачи, они не станут ею

заниматься, поскольку жизнь в цилиндре кажется им самым лучшим способом существования. Я был вынужден согласиться с ним.

А еще я понял, что Кен просто боится одиночества. Он очень болезненно ощущал свою беспомощность. Он слишком зависел от меня. Кена пугала мысль о том, что, оставленный хоть на какое-то время на произвол судьбы, он тут же снова окажется в руках марсиан. Я вздрогнул, только представив, что может случиться с ним, если марсиане снова доберутся до него.

Сперва мне было жутковато разговаривать с мозгом моего друга, заключенным в прозрачный цилиндр, но, понимая, что нет иного выхода, кроме как раз и навсегда примириться с таким положением дел, мы смогли продолжать поддерживать отношения по-прежнему. Кен подшучивал над своей беспомощностью, пока я наконец не сумел абстрагироваться от того, что он уже немного не тот Кеннет Смит, которого я знал раньше, что он уже не совсем человек.

Я поел и только-только сунул в зубы послеобеденную сигарету, как мой друг окликнул меня. Я бросился к цилиндру.

— Что случилось, Кен?

— Посмотри туда, Боб. Прямо передо мной, ну, там, где я только и могу что-то увидеть. Я пытаюсь понять, есть там что-нибудь или нет. Я бы поклялся, что видел какое-то белое пятно. Прямо между теми двумя холмами, где садится солнце.

Я напряг зрение, но передо мной по-прежнему расстилалась лишь голая пустыня. Я так ему и сказал.

— Там что-то странное, — продолжал Кен, — Я уверен, что я видел нечто странное. Похоже на необычное строение. Возможно, мои чувства как-то искажает эта посудина. С другой стороны, я многие возможности потерял, и те, что остались, скорее всего, начинают развиваться. Я смотрю на эту штуку уже какое-то время и, пожалуй, поручусь, что это не плод моего воображения.

— Но откуда может здесь, посреди пустыни, в добрых пяти сотнях миль от ближайшего жилья, взяться какое-то здание?

— Я не знаю, — ответил Кен, — Это старая планета. Здесь много непонятных вещей. Достань Тарсуса-Эгбо и подключи его. Он, наверное, за все эти годы, проведенные в цилиндре, стал видеть куда лучше самого глазастого орла. Если моя теория верна, он сможет нам помочь.

Я сходил к флаеру и взял второй цилиндр.

— Я не хочу тебя надолго отключать, — сказал я Кену, — Думаю, достаточно будет пары минут, чтобы узнать, есть там что-нибудь или нет.

— Подключи нас одновременно, знаешь, я долго думал об этом и теперь уверен, что к этому прибору может быть подключено сразу несколько цилиндров.

— Ты действительно так думаешь? Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Я уверен в этом. Ты же понимаешь, все, на что я способен, — это думать, вот я и думаю. Уверен, я разгадал принцип работы этой штуки. Я хочу поговорить с Тарсусом-Эгбо. Это, наверное, будет изумительное ощущение — болтать с другим маринованным мозгом.

— Ну... если ты уверен...

— Вперед, Боб. Ничего не случится.

Вытащив второй провод, я затаил дыхание, подсоединяя к приборчику еще один марсианский цилиндр. При малейшем признаке неполадки я был готов вырвать штепсель из разъема, но ничего страшного не произошло. Цилиндр с марсианином медленно начал светиться и приобрел свою обычную прозрачность.

Тарсус-Эгбо поморгал, словно просыпался от глубокого сна.

— Кор, — поприветствовал я его по-марсиански.

Он важно отозвался.

Я передвинул цилиндр, чтобы марсианин мог видеть моего друга.

Кен быстро изложил свою просьбу, и марсианин серьезно ответил:

— У меня действительно очень хорошее зрение. Землянин, твое предположение верно. У помещенного в цилиндр действительно обостряются имеющиеся способности. Я уверен, что разгляжу здание, если оно там, конечно, есть. А теперь передвинь мой цилиндр так, чтобы я мог туда посмотреть.

Я развернул цилиндр, а Кен подробно объяснил Тарсусу-Эгбо, где он видел странное здание.

— Ты прав, землянин, оно там есть, — ответил марсианин, — Это пирамида, одна из множества стоявших в этой пустыне в мое время, но их, еще до моей смерти, почти все уничтожили.

— Зачем? — удивился Кен.

— Тому есть две причины, — начал марсианин, — Эти сооружения были возведены древними людьми, которые следовали нечестивой религии и использовали пирамиды как храмы. Те, кто уничтожал эти постройки, получали огромную награду, поскольку в пирамидах неизменно находили несметные сокровища. Набожность и надежда на прибыль подхлестывали мой народ в их богоугодном деле. Вид уцелевшей пирамиды бесит меня. Я думал, что теперь-то уж все они должны были быть стерты с лица земли. Это оскорбление Келл-Рэбина, оскорбление всего Марса, что она до сих пор стоит здесь. Это нечистый след самого омерзительного культа, который когда-либо находил приверженцев на нашей прекрасной планете.

Мне показалось, будто я услышал слабый смех, исходящий из цилиндра Кена, но не был уверен, потому что он тут же заговорил:

— Что ты скажешь, Тарсус-Эгбо, если мой друг уничтожит эту пирамиду? Сможет ли он это сделать? Как думаешь, он найдет там богатство?

— Это была бы великая служба Марсу, если он сделает это, — с чувством сказал марсианин, — Я поблагодарю его, и

верховный священнослужитель тоже его поблагодарит. Возможно, когда твой друг умрет, он удостоится чести быть заключенным в цилиндр, так же, как и ты. Я прощу ему тот вред, который он нанес мне в безрассудном поиске знаний, и вознесу хвалу за разрушение пирамиды.

— Но, — возразил Кен, — мой друг не нуждается в твоей благодарности, равно как и в благодарности верховного священника. На самом деле, — на этот раз я уверен, что слышал смех, — он вряд ли захочет с ним встретиться. И я, пожалуй, буду возражать, если он захочет оказаться в цилиндре. Его интересует только богатство, которое можно найти в пирамиде.

— Если это все, чего он хочет, — прогремел Тарсус-Эгбо, — он его там найдет. Сокровища, которые потрясут его воображение. Драгоценности, которые подобны пламени, и драгоценности, подобные льду, камни, которые наливаются глубокой синевой, как предвечернее небо. Также он там найде...

— Подожди, — загудел Кен, — Ты понимаешь, что ты во власти моего друга? Ты понимаешь, что он может очень разозлиться, если не обнаружит в пирамиде тех сокровищ, которые ты так ярко расписал? Ты понимаешь, что он может прийти в дикую ярость и разобьет твой цилиндр, уничтожив твое бессмертие? Мой друг скор на расправу, и лучше не испытывать его терпение.

— Он найдет сокровища, удивительные сокровища, в этой пирамиде, — настаивал марсианин, охваченный ужасом.

— Но откуда ты знаешь, что твои соотечественники не забрали их оттуда? Если пирамида до сих пор стоит посреди пустыни, то это вовсе не значит, что и сокровища тоже там.

— Они там, — повторил марсианин, — Если бы мой народ нашел пирамиду, ее бы сровняли с песком пустыни.

— Я думаю, это все, что он может нам сказать, Боб, — сказал Кен, и я отсоединил цилиндр марсианина.

— Для меня все это новость, — признался я своему другу. — Я очень долго изучал историю марсиан, пока они не вышвырнули меня прочь, но я первый раз в жизни слышу об этих невероятно древних строениях.

— Неудивительно, что ты ничего не слышал, — успокоил меня Кен. — Это слишком тесно связано с их религией. Думаешь, ты мог бы хоть что-то узнать об этом культе от самих марсиан? Мы наткнулись на следы их еще более древних религий помимо их воли и очень дорогой ценой.

— Это совершенно меняет дело, — кивнул я.

Кен на мгновение замешкался, потом продолжил свою мысль:

— Я понимаю. С помощью сокровищ, которые расписал Тарсус-Эгбо, можно многого добиться. Добиться всего, чего бы нам захотелось. Эти богатства, Боб, если мы сможем их добыть, чрезвычайно важны для нас. Ведь это означает, что мы сможем продолжить свою отложенную партию против марсиан. Это будет означать, что после всего случившегося нам не придется отказываться от мести. Это означает также, что наконец, приняв все необходимые меры предосторожности, ты сможешь исследовать кости Келл-Рэбина. Стоит попробовать.

— Да, стоит, — ответил я. — И мы попробуем этой же ночью. Мы сможем долететь до пирамиды за несколько минут.

— Да уж, от меня теперь, кроме советов, ничего не добьешься. Хотелось бы мне по-прежнему иметь пару крепких рук, чтобы помочь тебе. Двое могли бы сделать больше, чем один. Но все, что я могу, — это сидеть в стороне, поддерживать разговор и давать советы.

— Ну и хорошо, старик, — утешил я его, — Теперь я тебя отключу. Я подсоединю прибор к генератору во флаере и подключу тебя снова, так что ты ничего не пропустишь.

— Не волнуйся ты из-за меня, — запротестовал Кен, — Я и так для тебя слишком большая обуза...

— Слушай, заткнись, — бросил я и выдернул разъем, заставив его замолчать самым эффективным образом.

Я бился целый час и при помощи тех немногих инструментов, которые были под рукой, сумел приоткрыть запечатанную дверь огромной пирамиды, которая мрачно возвышалась посреди холодной ночи марсианской пустыни. Надо мной висели две луны, и тысячи звезд были приколоты к черно-синему небу наподобие драгоценных булавок. Ночной ветер пустыни тоскливо завывал, натыкаясь на пирамиду. Атомный генератор флаера мягко гудел, снабжая энергией фонари и пульт управления. К нему я подключил и прибор, который позволял цилиндру с мозгом Кена находиться в рабочем состоянии.

— Думаю, сегодня я чертовски хорошо потрудился. — Я обернулся к цилиндру, и мой друг пробурчал мне в ответ что-то ободрительное.

Огромный камень, правда, сдвинулся лишь чуть-чуть, и я снова всем телом налег на металлический прут, которым пользовался как рычагом. Гигантский блок сдвинулся еще на пару дюймов, и я вновь напрягся. Так я и боролся с ним, пока не убедился, что еще немного — и он вывалится.

— Я его почти победил, — сказал я Кену, — Я тебя немного отодвину с дороги. Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Да, не очень-то хочется погибнуть сейчас, когда мы в одном шаге от величайшего открытия. — Он засмеялся.

— Этот марсианин мог солгать.

— Нет, — решительно отмел мое предположение Кен, — Он говорил правду. Эта угроза насчет того, что ты разрушишь его драгоценный цилиндр, если он лжет, заставила бы его немедленно сменить песню. Забавно, как много значения эти ребята придают вечной жизни, да еще такой. Если со мной ничего не случится, я, пожалуй, попробую нанять кого-нибудь, чтобы меня вставили в голову, когда мне будет сотни две лет. Больше я здесь не выдержу.

Хохоча, я взял цилиндр и перенес его на несколько футов, а потом закончил работу. Еще несколько рывков, камень выскочил из паза и рухнул, глубоко зарывшись в песок.

Второй камень мне удалось вынуть значительно быстрее, с третьим и четвертым дело пошло и вовсе легко. В конце концов получилась достаточно большая дыра, чтобы протиснуться в нее и исследовать внутренние помещения пирамиды.

Подсвечивая себе фонариком, чей свет скакал передо мной, как заяц, я пролез в образовавшуюся щель и мягко спрыгнул на пол, вымощенный огромными каменными плитами вроде тех блоков, из которых была построена сама пирамида.

Я поводил фонариком из стороны в сторону, и вдруг в круг света попал огромный каменный куб, очевидно, алтарь, установленный посередине помещения. Впрочем, как оказалось позднее, к алтарю эта штука не имела почти никакого отношения. А перед алтарем, расставленные в ряд, стояли огромные сундуки. Сундуки с сокровищами!

Сердце мое подпрыгнуло, и я подбежал к сундукам. Ухватившись за один из них, я попытался поднять крышку, но обнаружил, что не в состоянии это сделать. Крякнув, я поднял сундук и с трудом — поскольку он был тяжелый — выбрался из пирамиды и выволок добычу.

Вооружившись все тем же металлическим прутом, я набросился на крышку и, отодрав металлические части и расколов деревянное основание, справился с ней. Когда я откинул раскуроченную крышку, на миг мне показалось, что таинственный живой огонь опалил мое лицо, ударил по глазам, я заслонил их и отступил.

Последний вызов

Передо мной лежали сокровища древних жителей Марса. Сокровища, которые хранились за священными стенами призрачной пирамиды!

Тарсус-Эгбо говорил правду! Вот он, выкуп планеты! Вот оно, сокровище, о котором мы даже и мечтать не могли! Здесь лежали редчайшие драгоценности, которые то нежно сияли в мягком свете двух лун, то вдруг вспыхивали загадочным огнем, словно перед нами продолжали свой танец живые существа.

Кен завизжал:

— Это сокровище, Боб! Это сокровище! Мы богаты, богаты, как никто! Мы триллионеры! Теперь мы можем продолжить! Теперь мы можем запихнуть кости этого Келл-Рэбина в глотку проклятых марсиан! Теперь мы заставим их заплатить за все, заплатить... заплатить, черт их побери, за мой радий, за мое тело, за весь тот ад, через который они нас заставили пройти! Мы их поймали, мы их поймали... прямо за их мерзкое горло!

Вид мерцающих драгоценностей пробудил мою прежнюю ненависть, всю страстную жажду мести, которая меня обуревала. Эти камни символизировали могущество, возможность нанести ответный удар Марсу. Хотя мы на какое-то время совсем забыли о наших планах... Но нет, они всегда, как я теперь понимаю, скрывались в глубине нашего сознания, выжидая удобного момента, мига освобождения — освобождения, которое дали сокровища. Красный туман заволакивал мой взгляд, от возбуждения я едва мог дышать. Кен был прав! С помощью всего этого мы схватим Марс за горло, мы сможем запихнуть заплесневелые мощи Келл-Рэбина в глотки представителей высшей власти и священнослужителей!

Сумасшедшие? Да, пожалуй, мы сошли с ума. Думаю, мы всегда были такими — я с тех пор, как меня изгнали с Марса, а Кен с тех пор, как у него отобрали его радиевое месторождение.

— Да, это сокровище, Кен, — Я задыхался, — Это сокровище, и, кстати, еще не все. В пирамиде есть еще четыре таких же сундука!

Я наклонился над драгоценностями, глубоко погрузил в них пальцы и вытащил полную горсть камней, которые мерцали и вспыхивали, испуская голубые, красные, белые и зеленые искры. Некоторые упали на песок и переливались там разноцветными бликами.

— Смотри, Кен! — воскликнул я. — Да, черт возьми, на все это мы сможем купить целую планету. Мы можем купить весь Марс и отправить его в преисподнюю, если захотим!

Я швырнул камни на песок перед ним и бросился обратно к пирамиде. Один за другим я вытаскивал сундуки и с помощью того же прута взламывал крышки. Все они были доверху полны драгоценностями. По размеру камни сильно отличались — некоторые не больше горошины, зато другие чуть ли не с кулак. Скорее всего, приношения, сделанные какому-нибудь древнему богу. Приношения, сделанные людьми, которых ветер времени стер в пыль тысячелетия назад.

— Ты уверен, что это все? — спросил Кен.

— Тебе мало? — усмехнулся я.

— Более чем достаточно, — согласился мой друг. — Но если есть еще, то нам они пригодятся.

Молча согласившись с ним, я снова полез в пирамиду. Я медленно обследовал все закутки и углы, и в конце концов очередь дошла до каменного куба в центре. Я обогнул алтарь. Едва ли понимая, что делаю, я поднял обутую в тяжелый ботинок ногу и с силой стукнул по алтарю. Не знаю, зачем я это сделал, поскольку вполне допускал, что это единый монолит.

Когда я врезал по алтарю, одна из боковых плит сдвинулась с места. Видимо, поворотный механизм был установлен на задней стороне куба, от моего удара он сработал, закрывающий отверстие щит качнулся, и изнутри вылетел длинный, узкий ящик. Я отпрыгнул в сторону, он с грохотом ударился о каменный пол и раскололся.

Я вскрикнул и едва не упал, все-таки стараясь держать луч света направленным на ящик. Из него выкатилось что-

то круглое и белое, и, пока оно катилось, я понял, что это человеческий череп.

Дрожа как осиновый лист, я придвинулся ближе к сломанному ящику, ногой откидывая с дороги куски расколовшегося в щепы старого дерева. Мой фонарик высветил человеческий скелет, скелет землянина! Немного испуганный, я нагнулся и осмотрел кости. Они были в жалком состоянии, но принадлежали, безусловно, жителю Земли, не марсианину. Разогнувшись, я подошел к черепу, поднял его и осмотрел зубы. Их было тридцать два. Тридцать два, в то время как марсиане могли похвастаться не более чем двадцатью четырьмя. Череп рассыпался в моих руках. Он, должно быть, был невообразимо стар.

Я выбрался на свежий воздух. Скелет землянина в древней марсианской пирамиде, которая была закрыта, в которую не проникал ни один смертный взгляд, тысячи и тысячи лет! Что это может означать? Что за ужасный секрет скрывает Красная планета? Земляне приземлились на Марсе, на своем первом космическом корабле всего несколько столетий назад. А я нашел скелет, которому несколько тысячелетий... Ошеломленный, я зашатался от головокружения, дрожа и пытаясь понять суть Удивительного открытия, которое только что совершил.

Земляне, похоже, посещали Марс прежде! Другие цивилизации, вознесшиеся на неизмеримые высоты задолго до зарождения той, частью которой являемся мы. Были ли это люди Атлантиды, люди Му[1] или народ, забытый прежде, чем эти два достигли расцвета?

Другие земные расы посещали Марс... Но почему я нашел скелет в одной из пирамид, в храме древней религии, древней даже для столь обремененной годами планеты, как

---

[1] Некогда высокоразвитая, очень древняя цивилизация на не существующем сейчас материке Лемурия (Му), следы которой находят на некоторых островах Микронезии. — Здесь и далее везде, за исключением особо оговоренных случаев, примечания переводчика.

Марс? Возможно ли, что... могли ли земляне считаться богами? Могла ли гордая марсианская раса... могла ли гордая религия?..

Я, спотыкаясь, сел на песок и, громогласно хохоча, запрокинул голову, глядя, как две луны мягко мерцают над мертвыми сокровищами пустыни.

За последние несколько лет случилось множество событий, и когда я думаю об этом, то поражаюсь, насколько много всего я пережил. Только пять лет прошло с тех пор, как я и Кеннет Смит, с сокровищами и цилиндром, в котором находился марсианин Тарсус-Эгбо, смогли тайно покинуть Красную планету на космическом корабле некоего капитана, решившего рискнуть жизнью за пару пригоршней драгоценных камней. Мы тайно прилетели на Землю, и капитан высадил нас в необитаемой части Скалистых гор.

Около года мы прятались в горах и обсуждали наши дальнейшие планы. Наконец, уверенный, что и Земля, и Марс давно потеряли наш след, я надежно спрятал драгоценности, кроме тех, что лежали у меня в кармане, оставил в укрытии оба цилиндра и отправился «в мир».

Теперь в маскировке уже не было нужды. Когда я взглянул в зеркало, то даже сам легко поверил, что мне за сорок. Мои волосы поседели, лицо избороздили глубокие морщины и шрамы.

В Чикаго мне пришлось поволноваться, извлекая ларец, в котором хранились кости Келл-Рэбина из хранилища. Но представленные мной документы были в порядке, и у полиции не возникло причин проверять или возражать, так что мой сундук был без помех передан мне на руки.

Впереди меня ожидало много работы, и я занялся делом. Я понимал, что у меня может оказаться мало времени, потому не терял ни минуты. И найму чертежников, электриков, экспертов по радио, лаборантов, и получению разрешений на металл и другие материалы — всему этому я должен был уделить внимание лично, и я работал, не покладая рук.

Я платил огромные деньги, но драгоценности, которыми мы завладели, предоставляли колоссальную возможность покупать все, причем с легкостью, недоступной даже самым богатым людям планеты. За сокровища древней пирамиды я приобретал самые лучшие материалы, нанимал самых опытных мастеров, добивался самых быстрых темпов работы.

Месяцем позже я уволил последнего работника, который трудился на постройке мощнейшей радиовещательной станции. Она высится в десяти милях от того места, где я сейчас сижу и пишу все это. Это самая мощная станция во Вселенной, мощнее даже, чем знаменитые станции Юпитера. Моя станция — гордость Земли, Меня приветствуют по всей планете — как одного из величайших благотворителей. С помощью этой станции послание может достичь даже ледяного Плутона, расположенного настолько далеко, что Солнце с его поверхности кажется не более чем еще одной звездой среди тысяч звезд.

Если бы только Земля заподозрила, что за сообщение будет отправлено в эфир с моей станции самым первым, радиовещательную точку немедленно уничтожили бы приказом правительства. Если бы только Марс заподозрил, что произойдет не далее, как через час, флот боевых кораблей тут же покинул бы поверхность планеты, чтобы в течение нескольких часов блокировать Землю.

Земля назовет меня изменником, Марс занесет мое имя в самые черные списки, мои знакомые скажут, что я сошел с ума. Я безумен, безумен от страданий, безумен в своем сумасшедшем желании унизить жестокую и заносчивую расу. Мое безумие породило замечательный план мести, ужасный, холодный, просчитанный до мелочей. И мир не подозревает ни о чем. И марсиане, которые восхваляют мою филантропическую деятельность, не подозревают.

Сумасшедший, безумный, скажете вы, настоящий маньяк. Как, я вас спрашиваю, я мог не сойти с ума? Кто-нибудь сможет сохранить рассудок, если день за днем, лицом

к лицу будет сидеть с мозгом своего друга, упакованным в металлический цилиндр? Постоянно и неудержимо вспоминая прежние дни, когда эта штука в цилиндре ходила на двух ногах, смеялась и шутила, наслаждалась хорошей сигаретой...

Все-таки я должен спешить. Я потерял много времени.

Последние четыре года я жил в ужасе, что кто-нибудь узнает меня, что я буду разоблачен как убийца марсианских священнослужителей в одном из отелей Чикаго или как человек, который нанес оскорбление марсианской религии и осквернил храм Салдабар.

Я держал себя в руках. Я получил репутацию осторожного, скромного, замкнутого человека. Я не позволял себя фотографировать и не давал интервью. Я оставался Великой Загадкой, и потому обо мне больше, чем о ком-либо еще, говорили и писали.

Я не желал себе славы и не стремился к ней, поскольку жизнь не представляла для меня никакой ценности. Наоборот, я боялся, что буду разоблачен до того, как пробьет мой час, прежде чем я закончу подготовку к осуществлению всех своих планов. Теперь этот час близок, и даже если я проживу чуть дольше, чем планирую, мир ничего не будет знать обо мне.

Осталось подождать совсем немного. Мною все хорошо продумано, все подготовлено. Работа с радиовещательной станцией закончена. Здесь, среди скал самого большого горного массива Северной Америки, есть огромный подвал, втайне выдолбленный по моему приказу. Сегодня ночью доктор Джон Е. Бар-стон, самый знаменитый хирург Земли, осуществит в этом подземелье сложнейшую операцию. Потом он уйдет и заберет с собой большой ларец с драгоценностями, всем, что осталось от великого марсианского сокровища. Он возьмет его себе, как плату за молчание. Люди, которые построили подземелье, живут теперь в колониях на Меркурии, и они тоже будут молчать. Мне это стоило нескольких пригоршней сияющих камней.

Моя месть — мой сокрушающий удар. Через несколько часов Марс станет объектом насмешек всей Вселенной. Через несколько часов марсианская религия станет посмешищем.

Марсиане, которые выгнали меня со своей планеты, которые украли радиевые копи, а затем и тело моего друга, марсиане, которые превратили меня и Кеннета Смита в изгоев, почувствуют, что такое наш гнев. Я ударю их по самому болезненному, самому уязвимому для насмешек чувству — религиозности. Я отниму у них их гордую религию, я обрушу их карточный домик, я унижу их мерзких священнослужителей. Я украду их веру, как они украли тело Кеннета Смита.

Добрый старый Кен! Мы остались друзьями, как и десять лет назад. Он изумительно держится. Он делает вид, будто его ужасное положение не имеет для него особого значения. Но я знаю, он очень тяжело переживает то, что с ним случилось, так же тяжело, как и я. Он так от меня зависит. Я тот, кто его включает и выключает. Я тот, кто поворачивает его цилиндр, чтобы он мог видеть окружающую обстановку. С течением времени его чувства и мозг развиваются. Его разум настолько обострился, что теперь мой друг представляет собой буквально сгусток чистой логики. Его основная страсть — месть, месть марсианской расе, и я ему в этом помогаю.

Здесь у меня электронная запись моего голоса. Совсем скоро я включу станцию на всю мощь, и прежде, чем они ее отключат, каждое живое существо во Вселенной узнает мою историю. Каждый человек узнает, как кости Келл-Рэбина были украдены из Храма Салдабар, и марсиане несколько лет поклонялись пустой коробке. Они узнают о скелете, найденном мною в пирамиде посреди пустыни Арантиан, и о религиозном неистовстве, которое подвигло марсиан разрушить все пирамиды, какие им только удалось найти.

Также они узнают всю правду о Келл-Рэбине, чьи кости были предметом поклонения в течение неисчислимых

столетий, как святые мощи и почитаемые реликвии. Они узнают, что кости Келл-Рэбина — кости землянина, человека, который, должно быть, жил на Земле за миллионы лет до того, как Му поднялись из моря. Они узнают, что марсианская раса поклонялась землянам как богам и что кости Келл-Рэбина были уложены в раку и превратились в объект поклонения через много лет после его смерти... А из того, что кости Келл-Рэбина и кости в старой пирамиде принадлежат землянам, слушатели и сами смогут сделать соответствующий вывод.

Ну а марсиане, что ж они? Когда мои слова долетят до горнодобывающих станций Меркурия и торговых аванпостов Плутона, где к тому моменту уже будет гордая религия Марса? Растоптана, раздавлена, уничтожена! Уничтожена, как труд Кена Смита на их ужасных радиевых копях, как само его тело. Мои слова отнимут у них то, что было им дороже всего, вся их религия станет ничем, вся их вера превратится в пустые слова, которые просвистел ветер.

Марсиане поклонялись землянину! Марсиане, уверенные, что они поклоняются богу столь великому, что остальные народы не стоят даже их взгляда, узнают, что они поклонялись вовсе не богу, а человеку с Земли, одному из презираемых, деловитых, жадных до денег людей с третьей планеты.

И потом, когда все будет сделано, я поспешу дать мои последние указания. Они будут обращены к доктору Барстону, и произойдет это в подземелье, которое выбито в холодных скалах. Несколько недель назад я передал в его руки полное руководство, продиктованное мне Тарсусом-Эгбо, касательно процесса перемещения человеческого мозга в цилиндр. Такой цилиндр, специально сконструированный под руководством и по указаниям марсианина, ожидает меня в подземелье.

Там, в подземелье, я буду лежать на операционном столе, а доктор Барстон извлечет мой мозг из отведенного ему природой места и поместит в цилиндр. А когда он уйдет

с сундуком драгоценностей под мышкой, в пещере останутся три цилиндра, стоящие в ряд... ожидая чего?

Доктор закроет за собой каменную дверь, и штыри автоматически запрут помещение. Мы трое, Кеннет Смит, Тарсус-Эгбо и я сам, будем находиться в самом сердце горы, ожидая своей судьбы.

Возможно, через миллион лет человеческая наука настолько продвинется вперед, что нас сумеют найти, и, может быть, тогда они уже будут знать, как извлечь нас из цилиндров и вернуть нам тела. Может быть, люди никогда не придут, и мы навечно останемся в глубокой дреме, напоминающей смерть. Возможно, мы никогда не пробудимся ото сна, может, никто никогда не подключит к нам небольшой прибор. Если кто-нибудь обнаружит вход в наше подземелье, он найдет здесь начертанную на металлических страницах полную информацию о том, кто мы и что с нами надо делать. Этим указаниям при желании ему легко будет следовать.

Меня ничто больше не держит в этой жизни. Наверное, мне следовало бы умереть. Идея операции — это предложение Кена, и я в конце концов согласился с ним. Я собирался, когда мщение будет совершено, поступить проще — разрушить его цилиндр, а потом убить себя. Но он настоял на операции, как на более перспективном пути.

Всего несколько минут ожидания. Я должен приступить к передаче сообщения. А потом мне придется спешить, чтобы отдать последние указания доктору Барстону. Моя последняя мысль будет, я знаю, об успешной реализации моего замысла, вне зависимости от того, буду ли я жить вечно, или, в ходе неудачной операции, закончу свои дни сегодня. Все равно. И тот и другой исход для меня одинаково приемлем. Моя месть сегодня свершится.

Когда нож рассечет мой череп, вся Вселенная будет слушать мои последние слова, и имя Келл-Рэбина отныне станет вызывать лишь гомерический хохот.

Сенсационное исчезновение.

Пожар на новой внепланетной радиовещательной станции скрыт покровом глубокой тайны.

Выдержки из прессы
Вентнор, Калифорния, пятое октября.

Когда новая гигантская межпланетная станция IXXB прошлым вечером начала свою первую трансляцию, каждый обитатель Вселенной, затаив дыхание, замер у своего радиоприемника в ожидании сенсационного сообщения, с которым должен был выступить ее благородный владелец, мистер Роберт Хамфри. Со строительством станции было связано много таинственного и необъяснимого, она уникальна по своей мощности, но, кажется, нет ни одного столь же уникального человека, кто смог бы завоевать доверие немногословного господина Хамфри, кто намекнул бы, в чем заключалась суть его загадочного сообщения. Завеса упала бы с этой тайны во время первой передачи.

Мистер Хамфри потратил много сил, чтобы привлечь повышенное внимание публики к своей речи, которая должна была прозвучать на торжественном открытии. Но, вместо того чтобы самому взять микрофон, он предпочел использовать запись. Видимо, готовясь к передаче, владелец студии остался недоволен первыми вариантами текста или звучанием собственного голоса. Поскольку он планировал сделать свое обращение ярким и запоминающимся, он лично несколько раз редактировал текст, желая добиться стопроцентного успеха.

Станция, как известно, должна была начать работу в восемь часов ровно, и общественность не только Земли, но и других планет Солнечной системы находилась в нетерпеливом ожидании первой передачи. Причина, конечно же, была в том, что мистер Хамфри приложил немало усилий и средств на рекламу в газетах и на радио, которая транслировалась на других станциях, кроме того, он использовал все возможности, чтобы разжечь интерес к своей

вступительной речи. В рекламных объявлениях использовались самые сенсационные заголовки. Несомненно, мистер Хамфри хотел быть уверен, что все жители Солнечной системы в установленный час прильнут к своим радиоприемникам. Такие заголовки, как «Самая драматическая история во Вселенной», «Открытия, которые перевернут Вселенную», разумеется, послужили причиной появления разнообразных догадок по поводу того, что это будет за передача, и усиленно подогревали общественный интерес.

За несколько минут до наступления исторического момента над городом разразилась страшная гроза, и всего через пару минут после восьми часов в студию огромной станции ударила молния. В эфире прозвучали лишь слова диктора, представившего мистера Хамфри, и самое начало записи: «Леди и джентльмены, я хочу раскрыть вам самую драматичную тайну всех времен...». После удара молнии передача прервалась, ибо в студии начался пожар. Поскольку диктор и двое сотрудников студии были оглушены, огонь быстро распространился, и запись погибла в огне.

На всей радиостанции не нашлось копии записи, но, что наиболее странно, Боба Хамфри, как выяснилось, не было в здании. Он чудесным образом исчез. В настоящий момент ситуация становится все более загадочной, поскольку уже шестнадцать часов о мистере Хамфри нет никаких сведений. Очевидно, что, если бы он находился рядом со станцией, он мог бы лично продолжить передачу или предоставить другую запись. Огонь был не слишком силен, и главную радиоэлектростанцию не повредил, пострадала только студия. Станция приступила к работе через три часа после того, как потушили пожар. Но мистер Хамфри упорно молчит. Кое-кто из сотрудников станции сообщил, что, прощаясь с ними накануне вечером, известный филантроп предупредил, что «они должны будут искать себе новое место работы». Неприятная шутка внушает страх и недоумение...

Том Кларк смотрел на саблю, которую держал в руке. Ей следовало бы находиться в каком-нибудь музее, ибо вещь была уникальная. Лезвие ярко блестело, а рукоять являла собой настоящее произведение искусства, в котором древние достигли невероятных высот.

Не одно столетие прошло с тех пор, когда эта сабля в последний раз собирала свою кровавую жатву. Но сегодня, в помещении атмосферной станции, которая наполняла кислородом исполинский кварцевый купол в сумеречном поясе планеты Меркурий, обнаженный клинок вспыхнул и ожил, снова превратившись в оружие. Он не был больше бесценным реликтом прошлого, обреченным оставаться любопытной диковинкой в глазах расы, давным-давно позабывшей о его истинном предназначении.

Эта сабля принадлежала Бену Джейкобсу — фамильная реликвия, из сентиментальности передаваемая от отца к сыну на протяжении многих поколений. Без сомнения, она стоила целого состояния, поскольку в земных музеях подобное оружие было представлено всего несколькими экземплярами. Но теперь Бен Джейкобс лежал навзничь на полу станции, сраженный дюжим селенитом.

Для Джейкобса эта сабля была символом. Он привез ее с Земли на эту богом забытую планету, где единственным признаком жизни был десяток громадных кварцевых куполов, установленных над десятком же рудников, которые целиком и полностью принадлежали Вселенской Горнодобывающей компании и ею же управлялись.

Всего лишь двадцать четыре часа назад он рассказал Тому историю этой сабли. Теперь Джейкобс лежал без движения на полу, а благородную сталь обагрила кровь поверженных врагов.

Том осторожно опустил острие клинка на пол и обвел взглядом неподвижно лежавшие тела. Их было три. Одно

принадлежало марсианину — желтокожему уроду, с восемью конечностями и безобразными бородавками, усеивавшими кожу. На безволосой голове, почти отсеченной от туловища, красовались три глаза: два там, где их полагалось иметь всем землянам, а третий на макушке. Его нос и сведенный предсмертным оскалом рог казались очень крупными, а уши так и вовсе были почти вдвое больше, чем у людей.

Оставшиеся два тела принадлежали селенитам, обитателям Луны. Они были гигантского роста, но при этом обладали маленькими головками, непропорционально развитыми торсами, длинными мощными руками и короткими, но необычайно сильными ногами, имеющими то же строение, что и задние лапы кенгуру.

Том снова поднял клинок и провел пальцами вдоль лезвия, они тут же стали красными и липкими.

Он угрюмо рассмеялся. Сабля, это древнее оружие, добавила еще одну строку к длинному списку, которому, как гласили легенды, было положено начало в тысяча восемьсот пятнадцатом году, в самом конце Наполеоновских войн. Столетие за столетием этот клинок считался фамильной ценностью, памятным сувениром. Однако сегодня он вновь заявил о себе. Он ожил и вспыхнул, глубоко впился в плоть и кости, покрыл себя кровью.

Перешагнув через труп одного из селенитов, Том подошел к распростертому телу Бена Джейкобса. Он собственными глазами видел, как могучий кулак одного из теперь уже бездыханных лунян свалил Джейкобса с ног, словно быка, но все же оставалась надежда, что человек еще жив.

Опустившись на колени, он приложил ухо к груди поверженного владельца древнего оружия. И не уловил ни единого, даже самого слабого, звука. Том взглянул на голову Джейкобса, и то, что он увидел, бесспорно свидетельствовало об одном: блестящий молодой ученый, отвечавший за работу атмосферной станции, мертв.

Том поднялся и обвел взглядом зал, в котором поселилась смерть. Огромное помещение со множеством шкал, трубок, проводов, регулирующих клапанов, движущихся поршней и громадной приборной панелью по центру являло собой упорядоченную путаницу. Тишина, которую мерный гул оборудования лишь подчеркивал, навалилась на него со всех сторон, и он внезапно понял, что остался единственным живым землянином на Шахте Номер Девять.

Снаружи, возможно, еще рыскали селениты и не исключено, что и марсиане, но их едва ли осталось так уж много. Единственный станционный пулемет, в минуту изрыгавший более ста пятидесяти атомных пуль, успел заметно проредить толпу мятежников, прежде чем камень, запущенный одним из селенитов, свалил с ног Макгрегора, их радиста. Последний, которого бунт застал врасплох, не сумел добраться до своей кабинки, чтобы передать сигнал бедствия, и философски, как истинный шотландец, сделал то, что мог: вытащил пулемет и принялся косить толпу вопящих рудокопов, которые крушили радиостанцию.

Если бы Макгрегор находился на своем посту, где ему и надлежало пребывать в то время, когда он перебрасывался в картишки со старым Энди Шварцем, главным инженером, сообщение о восстании и просьба о помощи были бы отправлены без промедления. С этим он не справился, но зато спас шахту и дорогостоящую аппаратуру от разгрома, простонапросто сократив количество рук, готовых громить.

Восстание стало для всех полной неожиданностью и разразилось в тот момент, когда вторая смена выходила из шахты, а третья готовилась к спуску. И едва только началось нападение, рудокопы, приписанные к первой смене, очевидно, по условному сигналу, вырвались из своих бараков и присоединились к мятежникам.

От бригадиров-землян, по всей видимости, аккуратно избавились, потому что наверх не поступало никаких предупреждений о том, что в шахте что-то не так. Неладное заподозрили лишь после того, как рудокопы поднялись наверх

без бригадиров. Удар был нанесен, прежде чем они успели задать вопрос о судьбе отсутствующих землян.

— Это все проклятые марсиане! — прокричал Хэл Итон, молоденький табельщик, всего шесть недель как прилетевший с Земли, и рухнул, сраженный мощным ударом кирки огромного селенита.

Том, выхватывая атомный пистолет из кобуры, уже знал, что Итон не ошибся. Марсиане были известными на всю Солнечную систему смутьянами и предателями. Когда-то вольный, но спесивый народ, считавший свою культуру и науку самыми прогрессивными во всей Вселенной, они до сих пор, сотни лет спустя, возмущались подневольным положением, в которое попали, — иначе людям было никак не обуздать их дьявольскую хитрость и непомерное самомнение. Они вечно сколачивали тайные общества, постоянно затевали локальные революции. Все знали: если где-то началась какая-то смута, дело вряд ли обошлось без марсианина.

Том навел пистолет на толпу мчащихся к нему селенитов и нажал на спусковой крючок. Раздался резкий зловещий хлопок. Возглавлявший шайку лунянин исчез, оставив после себя облачко белой пыли, а его занесенная лопата с лязгом упала на землю.

Автоматический пистолет начал выплевывать заряд за зарядом. Даже тупоголовые селениты, которым было неведомо чувство страха, не могли устоять под дулом пистолета, обращавшего всякий раз, когда раздавался его голос, одного из их собратьев в горстку пыли.

Во всех концах огромного купола слышался шум стрельбы и топот множества ног по утрамбованной земле. Но больше не раздавалось никаких звуков. Было что-то жуткое в том, как эти с трудом соображающие, похожие на быков селениты шли в атаку: безмолвные, неповоротливые, вооруженные лишь своими кирками или даже без них, просто с голыми руками.

Где-то неподалеку от атмосферной станции послышалась частая дробь, чем-то похожая на стук капель по жестяной крыше. Кто-то вытащил пулемет. Удачная мысль! Приняв внешнюю видимость порядка на станции за чистую монету и уверовав в повсеместную безопасность, бывший управляющий, мягкотелый болван, которому было совершенно нечего делать на такой должности, распорядился за ненадобностью убрать пулемет подальше. Он продержался всего шесть месяцев и был по собственной просьбе переведен обратно на Землю. Очень жаль, что ему не довелось пожать плоды своего бестолкового управления.

Мимо головы Тома просвистел камень. Луняне возвращались. Они отступили за груду отработанной породы. Теперь они показались из-за отвала с полными пригоршнями камней и устремились к землянину, швыряя булыжники прямо на ходу.

Том вскинул руку с пистолетом и прицелился. Не успел он спустить курок, как камень, запущенный с немалой силой, угодил ему прямо в локоть. Пистолет выпал на утоптанную землю.

Том наклонился, чтобы поднять его, как еще один булыжник ударил его под ребра и опрокинул набок. Камни посыпались на него со всех сторон, он попытался подняться на колени, но снова был сбит.

Луняне уже почти обступили его. Целились они из рук вон плохо, а не то ему моментально пришел бы конец. Однако рано или поздно попадания перестанут быть только случайными. В конце концов кто-нибудь засветит ему камнем в голову, и его песенка будет спета. На долю секунды у него вспыхнула надежда, что какой-нибудь острый булыжник прикончит его до того, как эти оборванцы до него доберутся.

— Лежи, я разберусь с этими ребятами!

Том вывернул шею — и в ту же секунду гневно застрекотал пулемет. Перед входом в атмосферную станцию старый Макгрегор, с седой шевелюрой, похожей на львиную гриву,

в разодранной рубахе, яростно перемалывал зубами слишком большой кусок жевательного табака, припав к прицелу пулемета. Дуло, изрыгавшее огненную смерть, казалось, дрожало от возбуждения.

Над головой Тома пели свою убийственную песнь пули, а за спиной у него — он знал это — жаждавшие его смерти селениты один за другим превращались в облачка белого пепла.

Медленно, по-пластунски, не поднимая головы от земли, ибо у него не было никакого желания схлопотать одну из этих смертоносных пуль, он пополз к Макгрегору.

Стрекот пулемета и свист пуль утихли.

— Все чисто, приятель, — крикнул старый Макгрегор, и Том, вскочив на ноги, бросился вперед, забыв о пистолете, который остался лежать там, куда он его уронил.

Когда до старика, который вынимал пустой магазин, чтобы установить новый, оставалось несколько считанных шагов, из-за угла атмосферной станции выскочил марсианин, а за ним еще два селенита.

Не успел Том предупредить своего друга, как один из селенитов запустил в Макгрегора камнем и попал ему точно в висок.

Старик медленно завалился набок. Марсианин и оба селенита помчались к двери атмосферной станции.

Том рванулся вдогонку, совсем позабыв, что остался безоружен. Пробегая мимо Макгрегора, он заметил, что седая голова старого друга покоится в луже крови, а его черты уже тронуты смертной бледностью.

Том выругался себе под нос и бросился к троице мятежников, которые неуклюже, при помощи грубой силы, пытались вскрыть запертую дверь станции.

Увидев бегущего к ним человека, оба селенита, которых годами приучали повиноваться землянам, тут же забыли о бунте, в ужасе завопили и дружно налегли на дверь. Тяжелые створки не выдержали удара и разлетелись.

Том оказался на пороге в тот самый момент, когда один из верзил свалил молодого Джейкобса на пол чудовищным ударом кулака.

На крик ярости, вырвавшийся у Тома, все трое мигом обернулись к нему. Физиономии обоих лунян оставались бесстрастными, если не считать бусинок глаз: они горели безумным огнем; черты безобразного марсианина свело в оскал загнанного в угол зверя.

Лишь тогда Том сообразил, что его руки пусты. Его взгляд упал на саблю, лежавшую на столике слева от входа. Всего лишь сутки назад он слушал историю этого самого оружия из уст Джейкобса. То была захватывающая история, повесть о тех временах, когда люди сражались один на один.

Левая рука Тома потянулась к ножнам, и едва он выхватил клинок из его убежища, как все трое бросились на него.

Прижимаясь к столу, он ударил ближайшего к нему селенита, и тот отшатнулся, воя от боли и хватаясь за живот. Острие оружия окрасилось алым.

Второй лунянин застыл на месте, и Том, воспользовавшись представившейся возможностью, бросился на него с занесенным клинком. Верзила попытался увернуться, но клинок, просвистев в воздухе, угодил ему в основание шеи и вонзился глубоко в плоть. Лунянин осел на пол, и оружие осталось у землянина в руках.

Массивный гаечный ключ, пущенный рукой марсианина, пролетел на волосок от головы Тома и попал в батарею бутылок, выставленных на полке на стене.

— Ну, погоди у меня, — прорычал Том, обращаясь к марсианину, и тот, злобно скалясь, попятился от наступавшего землянина.

Уцелевший селенит, все так же зажимая ладонью рану на животе, неуклюже вклинился между землянином и марсианином. Том без лишних слов прикончил его ударом в горло.

Перешагнув повалившееся ничком тело, он приблизился к марсианину, который забился в угол зала.

И тут, вытянув все шесть рук со скрюченными, словно когти, пальцами и ощерив клыкастый рот, марсианин бросился в атаку.

Том, застигнутый врасплох, шарахнулся и, споткнувшись о мертвого селенита, растянулся во весь рост, а марсианин почти оседлал его.

Землянин смотрел прямо в красные глаза нападавшего, ощущал его скрюченные пальцы на своем горле. Из оскаленного рта ему на щеку стекала слюна.

Изо всех сил Том ударил марсианина кулаком и попал ему в висок. Оглушенный ударом, тот на миг разжал пальцы, и Том, рванувшись в сторону, вывернулся из-под насевшего на него противника.

Оба одновременно вскочили на ноги и оказались лицом к лицу.

Том поднял саблю.

— Сдаюсь, сдаюсь, — прошамкал марсианин, и в его глазах при виде занесенного клинка мелькнул страх.

С кривой улыбкой Том с силой опустил клинок на желтокожую голову. Марсианин нелепо раскинул все восемь конечностей и осел на пол, его голова едва не отлетела от тела.

Том обтер клинок и вернул его обратно в ножны.

Джейкобс был мертв. Макгрегор тоже. Не было никаких сомнений в том, что и все остальные земляне, кроме него, были убиты.

Он стоял в центре зала и пытался сообразить, что же делать дальше.

Скорее всего, на станции еще оставалось несколько десятков лунян и марсиан. Вероятно, они уже громили все вокруг, пытаясь таким глупым способом отомстить господствующей расе землян, принуждавших их работать на рудниках и в лесах на нескольких отдаленных планетах.

Он хладнокровно взвесил ситуацию. Первым делом он вооружится, найдет остатки мятежников и уничтожит их.

Потом будет ждать, пока не придет помощь. Когда с Шахты Номер Один не смогут с ними связаться, они заподозрят неладное и отправятся на разведку. О его бедственном положении станет известно буквально через несколько часов.

Атмосферная станция, даже лишившись управления, проработает еще довольно долго, и разведывательная группа успеет прибыть вовремя.

В ящике в шкафу Том нашел пистолет и, убедившись, что он заряжен, сунул его в кобуру.

По пути к двери его взгляд привлекла одна из шкал. Стрелка бешено трепетала. Сначала он изумился, потом пришел в отчаяние. Очевидно, какой-то недоумок умудрился открыть один из воздушных шлюзов в куполе, и теперь кислород утекал в практически безвоздушную пустыню планеты. Вскоре атмосфера под куполом перестанет отличаться от атмосферы снаружи, и любому человеку, оставшемуся без какого-либо средства защиты и кислородного генератора, придет конец.

У него оставался единственный выход. Нужно добраться до одной из машин и попытаться спастись на Шахте Номер Восемь, расположенной в десяти милях отсюда.

Уже у самой двери он осознал, что все еще сжимает в руках саблю, и почти уже бросил ее, но потом вдруг передумал и решил взять с собой. Он и сам не знал зачем. Быть может, сказал он себе с ухмылкой, семья Джейкобса захочет получить свою реликвию обратно, когда, вернее, если он вернется на Землю.

Едва он очутился за дверью, как неистовый ветер, явление, доселе под исполинским куполом небывалое, ударил ему в лицо и чуть не сбил с ног. Это в открытый шлюз уходил воздух.

Сражаясь с мощными воздушными потоками, гулявшими под куполом, Том преодолел двор и добрался до ангара, где стояли машины.

Там он обнаружил настоящий разгром — жалкий металлолом, оставшийся от трех машин, раскуроченных каким-то тяжелым инструментом, скорее всего кувалдой. Всего машин было четыре. Одна пропала. Очевидно, шайка мятежников разбила три машины и, оставив в целости и сохранности последнюю, бежала на ней, открыв по пути воздушный шлюз. Без пары-тройки марсиан тут наверняка не обошлось. Тупоголовые селениты не обладали достаточным интеллектом, чтобы открыть дверь, не говоря уж о том, чтобы вести машину.

Том разразился проклятиями. Через час атмосфера под куполом станет такой же, как в пустыне снаружи, где не может выжить ни один человек. И зачем только этим тупым чиновникам во что бы то ни стало потребовалось настоять, чтобы на каждой шахте непременно работало по нескольку марсиан? Уж лучше бы они сразу изничтожили всю эту расу.

И с машинами то же самое. Почему компания не предоставила им вместо машин легкие ракетопланы? Опять сэкономить решили! Конечно, машина обходится примерно вдвое дешевле ракетоплана. Какое дело олухам из начальственных кабинетов до горстки людей на этих выселках? Хотя что машины, что ракетопланы — все равно их бы разгромили. Ему надо было выбираться из этой передряги.

Воздушные потоки, стремящиеся к открытому шлюзу, гремели плохо закрепленными листами оцинкованной стали на крыше ангара.

У Тома мелькнула мысль попытаться закрыть шлюз, но он тут же отбросил ее, поскольку эта задача была для него невыполнима. По всей видимости, воздух уходил через шлюз номер три, расположенный в доброй полумиле к

востоку. Слишком много времени уйдет, чтобы туда добраться, но даже если у него и получится, воздушные потоки подхватят его, как соломинку, и унесут в ужасную пустыню, где разреженная атмосфера убивает любую жизнь.

Оставалась единственная надежда.

В машинах хранились металлические скафандры как для землян, так и для их подчиненных марсиан и лунян. Скафандры были оборудованы небольшими кислородными генераторами. Выработанный ими воздух охлаждался миниатюрными рефрижераторами, сходными с большой холодильной установкой, которая была подсоединена к атмосферным генераторам под куполом. Скафандр, наполненный прохладным воздухом, который несколько смягчал невыносимую жару пустыни, вполне можно было использовать для непродолжительных вылазок за пределы купола или машины, но представлялось сомнительным, чтобы в таком скафандре человек мог преодолеть десять миль по обжигающим меркурианским пескам.

Находясь в скафандре, человек не мог ни есть, ни пить. Одна мысль о долгих часах без воды ужасала его, но делать было нечего. Это была единственная его надежда — если только мятежники не догадались заодно уничтожить и скафандры тоже. К счастью, в шкафчике одной из разбитых машин он обнаружил несколько скафандров.

Атмосфера под куполом с каждой минутой становилась все менее пригодной для дыхания, и сердце у Тома колотилось как бешеное, когда он влез в один из скафандров и подключил кислородный генератор.

Он пристегнул к скафандру кобуру с пистолетом и саблю Джейкобса и неуклюже побрел вперед, направляясь к уже все равно открытому шлюзу номер три.

Несмотря на ветер, который швырял в него пригоршни мелких камешков и тучи пыли, он пересек двор, преодолел лабиринт улочек и очутился на окраине поселения, пройдя примерно половину пути до шлюза.

Позади послышался грохот — это опрокинулся один из домиков, крепления которого сорвало ветром.

Обернувшись, он увидел, как ветер кувыркает второй домик, взметая обломки щитов и щепки высоко в воздухе. Листы гофрированного железа, сорванные с крыш зданий, кружили над двором.

Том застонал. Он столько лет проработал на Вселенскую Горнодобывающую компанию, что она стала частью его жизни, чем-то очень родным. Удар по ней был ударом по нему. Шахта Номер Девять, скорее всего, будет полностью разрушена ужасным ветром, который бушевал под огромным куполом. Он уже разгромил ее ничуть не хуже, чем это сделали бы победившие мятежники, если бы их осталось достаточно, чтобы произвести разрушение.

Отважные люди погибли, защищая станцию. Люди, которых он знал многие годы. Старый Макгрегор с неизменной плиткой табака за щекой и сердцем льва. Молодой Джейкобс, блестящий ученый, замечательный юноша со своей старинной саблей — саблей, которая теперь висела на боку у Кларка.

Не обращая внимания на слезы, которые застилали глаза, он развернулся и побрел дальше.

Кислородный генератор работал исправно. Однако Том понимал, что не пройдет он и нескольких миль, как его передвижение станет куда как менее приятным. Где-то в глубине души его грызли мучительные сомнения в собственной способности преодолеть эти десять миль лишенной воздуха раскаленной пустыни. Но он упорно давил эти мысли, сознавая, что сомнения лишь сокращают его шансы добраться до Шахты Номер Восемь.

Ветер начал стихать, но он не торопился, поскольку знал, что приближаться к шлюзу слишком быстро опасно, его могло подхватить потоком и, покрутив немного, с размаху швырнуть на землю.

Поселение у него за спиной превратилось в груду обломков, и лишь атмосферная станция продолжала неколебимо стоять на своем месте.

Убийственные воздушные потоки через несколько минут почти совсем стихли, и Том, поразмыслив, решил, что, пожалуй, пора выбираться наружу, благо до шлюза было уже рукой подать. Он двинулся в ту сторону.

Добредя до шлюза, Том заметил, что внутренний люк, плотно прижатый к воздушной камере, не поврежден, в то время как внешний сорван с петель и валяется в сотне футов, глубоко зарывшись в песок.

Некоторое время Том стоял в воздушной камере и думал. Если он сумеет закрыть внутренний люк и если атмосферная станция все еще работает, то через некоторое время снова восстановятся сносные атмосферные условия. Он подозревал, что вновь наполнить огромный купол живительным кислородом будет делом не одной минуты. Но сколько именно часов на это уйдет, не знал. Он ведь был геологом, а не инженером. Пока установка будет вырабатывать кислород, он может находиться в скафандре и ждать, когда прибудет спасательная группа.

Он взялся за дверцу люка и медленно потянул ее. Она с глухим звуком встала на место, но характерного щелчка, с которым автоматические задвижки входили в пазы, так и не услышал.

Лицо Тома под шлемом побледнело. Шлюз был сломан, выведен из строя в ходе исполнения дьявольского плана мятежников, задумавших уничтожить станцию. Последняя надежда рухнула. Теперь ему оставался лишь путь через пустыню.

С широко раскрытыми глазами он вышел из воздушной камеры. Слева от него, в нескольких сотнях ярдов, на боку лежала машина, которую, по-видимому, угнали марсиане и селениты.

С учащенно бьющимся сердцем Том бросился вперед. Судя по всему, что-то произошло. Десять против одного, что бедные недоумки не учли: открыв две двери одновременно, они окажутся в столь же бедственном положении, как и те, кто остался внутри купола. Первый же порыв ветра подхватил машину вместе с ее пассажирами и понес на верную гибель.

Добравшись до машины, он обнаружил, что три иллюминатора разбиты. Он заглянул внутрь и увидел трупы шестерых лунян и двух марсиан с вытаращенными от ужаса глазами и окровавленными ртами.

Надежда, вспыхнувшая в его душе при виде машины, угасла, едва он оценил масштаб повреждений. Оказалось, что, кроме трех разбитых иллюминаторов, сломаны еще и некоторые механизмы. С незначительными повреждениями он мог бы и справиться и, подняв машину при помощи домкратов, воспользоваться ею в своем вынужденном путешествии по пустыне.

Теперь и эта надежда рассыпалась в прах.

На мгновение он задумался, не разумнее ли будет остаться неподалеку от купола и ждать прибытия спасательного корабля.

Однако после непродолжительных размышлений он пришел к выводу, что это была бы чистой воды авантюра. Если спасательный корабль не прибудет в течение ближайших трех часов, они обнаружат в скафандре его труп, поскольку продержаться в нем дольше — выше человеческих возможностей. В лучшем случае он свихнется от дискомфорта и жары, с которой миниатюрный рефрижератор в конце концов перестанет справляться.

Он должен победить пустыню. Другого выбора не было. Может быть, он доберется до Шахты Номер Восемь, а может быть, и нет.

Песок скользил у него под ногами, а солнце, огромный огненный шар, извечно пылающий над восточным

горизонтом, безжалостно поджаривало левый бок, но Том начал свой долгий путь.

Он шагал по миру, в котором не было ни единой живой души. Всюду, куда ни глянь, расстилался желтый и белый песок, сухой, словно пыль, давным-давно утративший всю влагу, которая когда-то могла содержаться на поверхности этой планеты. Там и сям возвышались причудливые груды булыжников. Здесь не было даже намека на жизнь: нигде ни деревца, ни травинки, поскольку не было ни сколько-нибудь существенной атмосферы, ни воды. То была мертвая планета, навеки прикованная к своему деспотичному повелителю, Солнцу, планета, вращающаяся вокруг собственной оси столь медленно, что одно выжженное зноем полушарие постоянно было обращено к безжалостному светилу, тогда как второе, насквозь промерзшее и погруженное в вечную ночь, смотрело в бескрайний космос.

Здесь, в сумеречном поясе, находилось единственное место, где могли существовать люди, но только имея в полном своем распоряжении все средства защиты от этой убийственной планеты. Здесь, на границе между смертоносной жарой и столь же смертоносной стужей, где лучи солнца всегда падали почти горизонтально, человек мог жить, если у него были установки для выработки кислорода и надежные кварцевые купола.

Слева находилось раскаленное горнило этого мира, справа — скованный запредельным морозом ледник.

Казалось, целую вечность Том, спотыкаясь, брел по раскаленной пустыне. Коварный песок ускользал из-под ног и снова и снова ставил его на колени. Несмотря на незначительную силу тяжести, он продвигался вперед очень медленно: скафандр был тяжелым. На Земле его вес расплющил бы человека в лепешку.

Он преодолел уже примерно мили четыре, когда увидел невдалеке возвышающийся скалистый хребет, серый и складчатый. Это было одно из тех мест, где горная порода выходила на поверхность планеты.

При виде его Том вздохнул с облегчением. Скала сулила тень, кратковременное спасение от палящих лучей солнца. Едва волоча ноги, он двинулся к хребту.

Путь казался бесконечным, но Том все же добрел до скалы и без сил опустился в ее тени, привалившись к огромному валуну. Он блаженно вздохнул и закрыл глаза. Надолго задерживаться здесь он не мог, но намеревался как можно лучше распорядиться тем временем, которое у него было.

Открыв глаза, он увидел две тени, которые скользили по песку, направляясь прямо к нему. По всей видимости, позади него на скале находились какие-то живые существа.

Том молниеносно вскочил на ноги и очутился лицом к лицу с двумя марсианами, облаченными в сверкающие скафандры.

На долю секунды он застыл в изумлении, потом его рука метнулась к кобуре. Но пальцы в стальной перчатке сжали пустоту. Лицо Тома побледнело. Где-то по пути пистолет выпал и теперь лежал на меркурианском песке, в котором не остается следов.

Марсиане не отводили взгляда от его пустой руки. Он поднял глаза и увидел, как их безобразные лица за стеклами шлемов медленно расплываются в одинаковых гадких улыбках. Они поняли, что он потерял пистолет, что он теперь легкая добыча.

В руках у них были здоровые дубинки, выточенные из дерева и, скорее всего, утяжеленные на концах увесистой свинчаткой, и сейчас марсиане, поудобнее перехватывая свое оружие, надвигались на него.

Вынимая руку из кобуры, он задел рукоять сабли, и его пальцы сомкнулись на ней.

Он медленно отступил перед неторопливо приближающимися марсианами на пару шагов и выхватил клинок из ножен.

Сверкнула сталь, и марсиане, поняв, что у их противника обнаружилось какое-то невиданное оружие, безмолвно бросились на него — пять рук вытянуты вперед, как обычно бывает при нападении, шестая сжимает занесенную дубину.

Том понимал, что самая большая для него опасность — если дубинки его врагов пробьют стальной скафандр или не менее прочное стекло шлема, тем самым лишив его искусственной атмосферы и обрекая на быструю, но мучительную смерть.

Он знал, что в затрудняющем движения громоздком скафандре не сможет уклониться от удара дубинки, и потому прибегнул к иной тактике.

Острие клинка прочертило сверкающую прямую, нацеленную точно в запястье марсианина, который, приблизившись на расстояние удара, уже опускал занесенную дубину. Сталь беззвучно обрушилась на сталь, ибо в безвоздушном пространстве звук не может распространяться. Но рука марсианина дрогнула, и дубинка пролетела мимо цели — шлема Тома — на значительном расстоянии.

Теперь Том занялся другим марсианином. Если бы ему удалось пробить бронированный скафандр второго нападавшего, у него остался бы лишь один противник.

Марсианин взмахнул дубиной, но острие клинка устремилось к нему, и шестирукий поспешно отступил назад, подальше от грозного оружия. Том воспользовался своей позицией и снова ударил, целясь в бронированный нагрудник, причем проделал это с такой силой, что марсианин потерял равновесие и растянулся на песке.

Каждую секунду ожидая удара сзади, Том круто развернулся, но его опасения были напрасны: его первый противник лежал без движения — груда блестящей брони в тени хребта.

Каким-то непостижимым образом острие сабли, когда он пытался отразить удар дубины, пронзило сталь скафандра. Прокол, должно быть, оказался совсем крошечным, но

марсианин погиб, как только воздух хлынул из скафандра наружу.

Том быстро обернулся ко второму марсианину, который все еще силился подняться с земли. Один мощный и хорошо нацеленный пинок — и тот полетел кувырком и снова грохнулся навзничь. Сжимая обеими руками рукоять занесенной сабли и готовясь вложить всю свою силу до последней капли в удар, который должен был разрубить прочную сталь, Том шагнул к поверженному врагу.

Марсианин протянул к нему стиснутые руки в жесте покорности и мольбы о пощаде — ни дать ни взять нашкодивший пес, пытающийся увильнуть от заслуженного наказания. Том смотрел прямо в его желтое бородавчатое лицо, на котором застыл ужас. Ужас этот был вполне понятен, поскольку любой представитель низшей расы, поднявший руку на землянина, тем самым автоматически обрекал себя на смерть. Пощады обычно ждать не приходилось.

Том смотрел в это уродливое лицо за стеклом шлема, и в его сердце закралось нечто вроде сочувствия.

Он медленно опустил саблю, потом вновь поднял ее и с вопросительным взглядом потыкал им в разные стороны.

В глазах поверженного марсианина мелькнуло понимание, и его губы медленно зашевелились. Он показал в направлении скалы.

По его губам Том прочитал одно слово: «Корабль».

«Не только Меркурий»

Марсиане пришли с корабля. Но где они взяли корабль? На протяжении веков все марсиане до единого были не более чем рабами, пусть строптивыми, но все же рабами высшей расы.

Том ткнул пальцем в тело мертвого марсианина, потом в своего пленника.

— Сколько еще? — спросил он одними губами.

Марсианин покачал головой. Он ткнул в себя, потом в своего погибшего товарища и снова сделал отрицательный жест. Судя по всему, их было только двое.

Том отступил на шаг, не выпуская сабли из рук, и знаком приказал бывшему противнику подниматься.

С клинком наготове он медленно шагал за пленником по песку, потом вверх по скалистому выступу. На вершине гряды марсианин остановился и одной из шести своих рук ткнул вниз.

Том взглянул в ту сторону и увидел небольшой ракетоплан, стоящий на песке. На его серебристом носу красовалась древняя эмблема Марса — красный равносторонний треугольник внутри синего круга, который, в свою очередь, был заключен в желтый квадрат.

Он изумился: кроме как в исторических музеях, эту эмблему никто не видел уже много лет.

Когда они очутились внутри летательного аппарата и воздушные шлюзы были закрыты, Том откинул назад шлем и принялся жадно глотать чистый воздух.

Марсианин тоже снял свой шлем, и они очутились лицом к лицу друг с другом.

— Не знаю, почему я оставил тебе жизнь, — сказал Том, — но я это сделал. Однако учти: одно неверное движение — и тебе конец.

— Да, хозяин, — ответил марсианин смиренным и раболепным голосом.

— Где вы взяли этот ракетоплан? — спросил Том.

— Мы с друзьями взяли его и еще десять таких же с Шахты Номер Один несколько часов назад.

— С Шахты Один! — вскричал Том, хватаясь за саблю. — Там что, тоже было восстание?

— Сегодня в один и тот же час произошли восстания на всех шахтах Меркурия.

Том шагнул вперед.

— И все они удались?

— Не знаю, хозяин. Наверное, все. Они были тщательно подготовлены.

— А эмблема Марса?

— Мы с Тарсом Корсом нарисовали ее, пока ждали, когда прибудут наши с Шахты Номер Девять. Они должны быть здесь с минуты на минуту. Если они не появятся в ближайшие полчаса, я буду должен произвести разведывательный полет вокруг купола.

Том мрачно улыбнулся.

— Надевай шлем, — велел он, — Ты сейчас же закрасишь вашу поганую эмблему и нарисуешь поверх нормальную. И можешь не ждать своих дружков с Девятой. Все они мертвы. Кроме того, если кто-то куда-то и полетит, то за штурвалом буду я. Понял?

Марсианин кивнул и натянул шлем. Под руководством землянина он закрасил эмблему Марса и нарисовал на ее месте стилизованное золотое солнце, символ Земли.

Когда они снова вернулись на корабль, Том, ни на секунду не спуская глаз с пленника, обследовал машину. Это оказался один из полицейских летательных аппаратов, которые правительство держало на Шахте Номер Один на случай экстренных вызовов, — скоростной истребитель, рассчитанный на выполнение сложных маневров.

Он был оборудован четырьмя орудиями: одним лучеметом, стреляющим тепловыми лучами Эллисона, и еще тремя скорострельными орудиями.

С виду все было в полной исправности.

— Как вы заполучили эти машины? — спросил Том.

Захватить полицейских врасплох было совершенно невозможно, ведь они были известными бойцами.

— Мы хорошо подготовились, хозяин, — учтиво сообщил марсианин.

Том фыркнул. Еще бы вы не хорошо подготовились, подумал он про себя. Судя по тому, что рассказывал этот малый, Меркурий в одночасье оказался в руках марсиан,

которые использовали недалеких лунян как пешки, чтобы положить конец владычеству землян.

— А где огнестрельное оружие? — поинтересовался он, — Как получилось, что вы напали на меня с дубинами? На корабле что, нет пистолетов?

— Все было очень сложно, — пояснил марсианин, — В наши с Тарсом Корсом задачи входило только захватить ракету и прилететь сюда, чтобы встретить наших с Шахты Номер Девять. Без сомнения, если бы они пришли, они принесли бы огнестрельное оружие.

— И что же вы собираетесь делать теперь, когда Меркурий оказался в вашей власти?

Марсианин развел все шесть клешнеобразных рук разом.

— Это начало, хозяин, только начало. Мы собираемся добиться независимости.

— Держите карман шире, — усмехнулся Том. — Или вы не понимаете, что через несколько часов здесь будет отряд истребителей, которые уничтожат вас всех до единого.

Марсианин гаденько улыбнулся.

— Но, хозяин, — последнее слово он произнес с легким сарказмом, — восстал не только Меркурий.

Том вздрогнул.

— Ах ты, мразь! Ты хочешь сказать...

— Повсюду, в один и тот же час марсиане ударили, при поддержке прочих рас, которые вы поработили. На Марсе, на Земле, на Венере, на каждой планете и спутнике...

— Довольно! — заорал Том, — Еще одно слово, и я сверну твою вонючую шею. Ах вы, недоумки несчастные! Вы осмелились выступить против своих хозяев!

— Да, хозяин, — ответил марсианин.

Том набросился на него и, взмахнув кулаком, словно кнутом, хлестанул прямо по этому ухмыляющемуся, желтому, усыпанному бородавками лицу. Марсианин закружился волчком, проехал по скользкому металлическому полу и с глухим стуком врезался в угол.

Том стоял, широко расставив ноги, и сердито смотрел на марсианина.

— Садись вон туда, — рявкнул он, указывая на пилотское кресло, — и делай, что я тебе скажу. Только без глупостей, а не то я изрублю тебя на мелкие кусочки.

Насмерть перепуганный марсианин выбрался из угла и шмыгнул в кресло.

— А теперь слушай меня, — сказал Том, — Есть еще по меньшей мере десять машин, которые вы, свиньи, украли. Мы отправляемся за ними. Мы уничтожим столько марсиан и лунян, сколько сможем, прежде чем прикончат нас самих. Мы вдвоем сделаем это, ты и я, ты меня понял? Мы будем мстить...

Марсианин приподнялся было в кресле, но Том отвесил ему оплеуху, и тот упал обратно.

— Если мы выберемся из этой передряги, — пообещал ему Том, — я поклянусь, что ты был со мной, что ты остался мне верен. Я порекомендую, чтобы тебе дали особые привилегии. Ты меня понял?

Марсианин кивнул.

— Но, если ты подведешь меня, я прикончу тебя собственными руками. А теперь заводи двигатель и полетели. Будешь вести ракетоплан прямо, пока я не прикажу тебе сделать что-нибудь другое. Помни, я все время буду позади тебя, у орудийного пульта, а твоя жизнь в моих глазах не стоит и ломаного гроша.

Марсианин рванул стартер, и ракетные двигатели ожили. Корабль с ревом помчался вперед и плавно, без малейшего усилия, оторвался от земли.

Через несколько минут на горизонте показался сияющий купол Шахты Номер Восемь.

Корабль снизился, и Том увидел у одного из воздушных шлюзов самолет. Рядом с ним стояла машина, из которой одна за другой выскакивали фигурки в металлических скафандрах. Еще одна машина показалась из воздушного

шлюза и поехала к ракетоплану, на котором сиял символ Марса. Победители перебазировали свои силы к похищенному кораблю.

Том крутанул колесико и в перекрестье оптического прицела поймал захваченный марсианами ракетоплан. Но, прежде чем он успел прикоснуться к рычагу и выпустить тепловой луч, пол под его ногами тошнотворно накренился.

Он мгновенно обернулся и бросился на марсианина.

— Поднимай корабль! — закричал он.

Марсианин не повиновался, и Том одним ударом вышиб пилота из кресла.

Сквозь смотровое окошко он мельком заметил несущуюся на них землю. Крепкий кораблик затрещал по всем швам: Том резко рванул его вверх, когда до земли оставалось всего несколько футов. Ракетные двигатели оглушительно взревели, и корабль на чудовищной скорости устремился ввысь.

Марсианин лежал ничком на полу у шкафчика и не подавал никаких признаков жизни. Том не рассчитал удара, который выбросил беднягу из кресла.

На высоте в одну милю Том выровнял корабль и чуть опустил его нос. Далеко внизу разгонялся марсианский корабль. Прямо над горизонтом мелькнул купол Шахты Номер Девять, которую он покинул несколько часов назад.

Том снова набрал высоту. Затевать сражение не имело смысла. Он не мог вести корабль и одновременно управляться с орудиями.

Том выругал безмолвную фигуру на полу. Если бы только этот олух выполнил свою задачу... Впрочем, вряд ли стоило его винить. Он сам в подобных обстоятельствах, скорее всего, поступил бы точно так же.

Он глянул в иллюминатор и увидел далеко позади марсианский корабль, быстро сокращавший расстояние. Должно быть, эмблема Земли на носу его ракетоплана не осталась незамеченной.

Он снова склонился над панелью управления и разогнал кораблик до максимальной скорости. Возможно, он на своем более легком суденышке сумеет уйти от марсиан.

На горизонте высился купол Шахты Номер Семь, а несколько минут спустя показалась и Шахта Шесть. Шахты Пять и Четыре давно остались позади, и марсианский корабль наконец отстал.

Впереди появился еще один купол. Над ним висел огромный серебристый корабль, в котором Том узнал транспорт с Шахты Один.

У него на глазах купол, находившийся прямо под брюхом корабля, треснул и обрушился, и вокруг него медленно вспухло облако пыли.

Марсиане, захватившие транспорт, пустили в ход имевшийся на его борту гигантский генератор теплового излучения, чтобы полностью разрушить купол. Похоже, они задумали стереть с лица планеты все, что было создано руками человека.

Алая ярость захлестнула Тома, он бросился к орудийному пульту, направил дуло лучемета точно вниз, рванул пусковой рычаг и намертво заклинил его в таком положении.

Вернувшись на место пилота, он пустил корабль в пологое пике, намереваясь провести свой ракетоплан точно над транспортом, с таким расчетом, чтобы луч рассек захваченное марсианами судно и остановил тем самым дальнейшее разрушение куполов. Он знал, что лучевые генераторы на менее крупных летательных аппаратах недостаточно мощные, чтобы повредить исполинские кварцевые сооружения.

Стрелка скорости уперлась в предельную отметку, и корабль понесся вниз, испуская тепловые лучи.

Том выровнял свою машину, и почти в тот же миг, когда транспорт исчез под ее брюхом, он услышал слабый щелчок.

За орудийным пультом стоял марсианин, намертво вцепившись в рычаг лучемета. Он держался за металлический

поручень, который тянулся вокруг пульта. Он еще не до конца оправился от удара. Голова у него явно кружилась, но полуулыбка, игравшая на его омерзительном лице, сказала Тому, что он успел дотянуться до пульта вовремя и спас транспорт.

Мгновение двое стояли, схлестнувшись взглядами, потом рука Тома метнулась к рукояти сабли, и он выхватил оружие из ножен. Не было произнесено ни единого слова.

Вид клинка в руках Тома, похоже, вдохнул в марсианина жизнь. Он отскочил от орудийного пульта и бросился в дальний конец корабля. Землянин устремился за ним.

Корабль сильно накренился, и оба потеряли равновесие. Том, не выпуская оружия из рук, с размаху врезался в стену.

Дверца одного из шкафчиков на противоположной стороне распахнулась, и оттуда посыпались самые разнообразные инструменты, со звоном разлетевшиеся по полу.

С грехом пополам поднявшись на ноги, Том принялся взбираться по наклонному полу к орудийному пульту. Краешком глаза он заметил марсианина, съежившегося в уголке кабины.

Вытянутые пальцы Тома почти коснулись рукоятки рычага, но в последний момент землянин обернулся, чтобы посмотреть на марсианина.

От увиденного у него из груди вырвался крик: марсианин, стоя на коленях перед одним из иллюминаторов, намеревался ударить по кварцу увесистым гаечным ключом. Если кварц разобьется, им обоим конец. Воздух хлынет из корабля наружу, и они оба задохнутся.

Марсианин непроизвольно обернулся на крик и промахнулся мимо цели. Ключ с лязгом угодил в обшивку, ударив на волосок левее иллюминатора.

Марсианин торопливо замахнулся еще раз, и в тот же миг Том швырнул в него саблю. Грозное оружие закрутилось в воздухе. Его острие вонзилось марсианину в основание черепа и вошло глубоко в плоть, после чего он завалился

набок, а гаечный ключ с грохотом упал на металлический пол.

Том смотрел на него во все глаза. Он и не думал убивать марсианина, когда метнул в него саблю. В его намерения входило не дать желтолицему разбить иллюминатор, а потом сойтись с ним врукопашную. Впрочем, это было уже неважно. Рано или поздно один из них все равно должен был погибнуть. Им двоим на этом корабле места не было.

Он добрался по наклонному полу до приборной панели. Нос корабля задрался кверху, и они направлялись в открытый космос. Том взялся за рычаги и направил корабль вниз.

Его взгляду открылась панорама Меркурия. Он поискал глазами купола всех девяти шахт, но обнаружил, что уцелели лишь шесть из них, от трех осталась лишь гора обломков. Справа виднелся край горячего бока планеты, где вечно бурлили расплавленные руды и над озерами жидкого свинца поднимались испарения, перемешавшиеся со стелющимися газами, которые клубились над солнечной половиной Меркурия.

Между сумеречным поясом и этим клокочущим котлом, словно граница, тянулся невысокий хребет, который вздымался то выше, то ниже над уровнем этого расплавленного моря. Иногда Том замечал, как вязкая жижа металла вдруг начинала вспучиваться, и тогда следовал выброс, который мог угодить в сумеречную зону, где раскаленная лава медленно текла еще несколько миль, прежде чем окончательно застыть. Он подозревал, что именно в этом явлении крылась загадка появления скалистых хребтов, у одного из которых он наткнулся на двух марсиан.

Слева от него простиралась ледяная пустыня холодной стороны планеты. Там, навеки скованные стужей, сохранились жалкие остатки меркурианской атмосферы и воды, превратившиеся в лед и иней.

Он взглянул туда, где возвышались купола, и увидел, что корабли мятежников быстро поднимаются от Шахты Три. Исполинский транспорт, более медлительный и

неповоротливый, чем маленькие ракетопланы, виднелся далеко внизу справа.

Том невесело усмехнулся. Кораблики собрались атаковать его, а транспорт, слишком ценный, чтобы марсиане и селениты могли позволить себе потерять его, уходил прочь, дабы не попасть под шальной луч.

Он позаботится об этом. Кроме него, некому уничтожить этот транспорт. Слишком опасно оставлять его в руках мятежников, ибо, имея его, они могут покинуть Меркурий. Этот транспорт был единственным кораблем на планете, который мог передвигаться в космосе. Он прилетел сюда всего за несколько часов до восстания с грузом, предназначенным для шахт, а потому большей частью состоявшим из взрывчатки. Том не знал, разгрузили его или нет.

Корабли стремительно приближались к нему. Он видел, как поблескивает в лучах солнца символ Марса, нарисованный на носу переднего из них. За первым следовало еще по меньшей мере с десяток таких же небольших кораблей.

Они находились на слишком большой высоте, чтобы он мог атаковать транспорт. Придется прорываться. Том понял, что должен быть осторожен. Он неплохо умел управлять кораблем, и в этом заключалось его преимущество перед марсианами и селенитами, которые были совершенными профанами. Во всем прочем перевес был на стороне его противников.

Их было слишком много против него одного, к тому же на каждом их корабле имелся стрелок.

Он резко дернул корабль вверх и заблокировал рычаги. Потом выбрался из кресла пилота и двинулся к орудийному пульту. Там он направил сопло излучателя чуть вперед и вниз. Три скорострельных орудия он нацелил прямо вперед и привязал к каждой управляющей рукоятке по куску медной проволоки. Рукоятку лучемета он выжал до упора и зафиксировал ее в таком положении, после чего вернулся на свое место, зажав в руке концы проволочек.

Он осторожно уложил проволочки так, чтобы они были под рукой, затем взялся за штурвал и, описав длинную петлю, бросил корабль круто вниз.

К тем, как теперь выяснилось, тринадцати ракетопланам, которые первыми начали его преследовать, добавилось еще несколько. Лишь тогда Том в полной мере осознал, насколько ничтожны его шансы. Сопло под днищем его корабля изрыгнуло смертоносный тепловой луч, и он на головокружительной скорости помчался навстречу врагам. Он стремительно несся к головному кораблю. Том ясно видел, как подергивается одно из скорострельных орудий, установленных на нем, и понял, что его обстреливают. Однако пока ни один из атомных зарядов не попал в цель, и он очень сомневался, что мятежники вообще попадут — на таком-то расстоянии. Огромное даже для профессионала, а у марсиан и опыта-то никакого не было.

В полумиле над головным кораблем он резко остановился и взмыл вертикально вверх, набирая необходимую высоту. От нее зависел успех. Пока он держится над нападающими, все будет хорошо, но стоит ему опуститься ниже, как он тут же окажется в их власти.

Под ним корабль, возглавлявший погоню, попал наконец в луч Эллисона и, развалившись на части, полетел вниз облаком дымящихся обломков. Еще один, потеряв правое крыло, на мгновение затрепыхался в воздухе, но потерял управление и начал падать, все быстрее и быстрее, вопреки всем отчаянным попыткам пилота выправить положение.

Натужно ревя двигателями, корабль Тома перекувырнулся и снова начал снижение. Почти прямо под собой землянин увидел три корабля мятежников и дернул медную проволочку. Одно из скорострельных орудий грозно застрочило, и ракетоплан противника исчез в облачке белого дыма. Рука Тома рванула рукоять, и корабль отозвался на резкую смену курса возмущенным стоном металла. Однако еще одно суденышко марсиан, пролетевшее прямо под

носом корабля землянина, тоже растворилось в белом облаке, которое начало медленно оседать на поверхность планеты.

Том прекратил снижение, и в это мгновение один из марсианских кораблей сделал мертвую петлю, а в наивысшей точке выполняемой фигуры из его днища вырвался луч, который, к огромной радости землянина, пролетел далеко в стороне от его корабля.

Справа, над самым краем гребня, отделявшего сумеречную зону от раскаленной стороны планеты, Том увидел транспорт, серебристый и неповоротливый. В пространстве между ними не было ни единого корабля! Затаив дыхание, Том бросил корабль в пологое пике. Они со свистом понеслись на транспорт, и сердце у Тома ликующе запело.

Должно быть, там заметили его маневр, поскольку неуклюжий транспорт зашевелился и медленно начал разворачиваться в попытке скрыться. Но его конструкция не была приспособлена для гонок. У него не было ни единого шанса ускользнуть от быстрого, словно молния, корабля землянина.

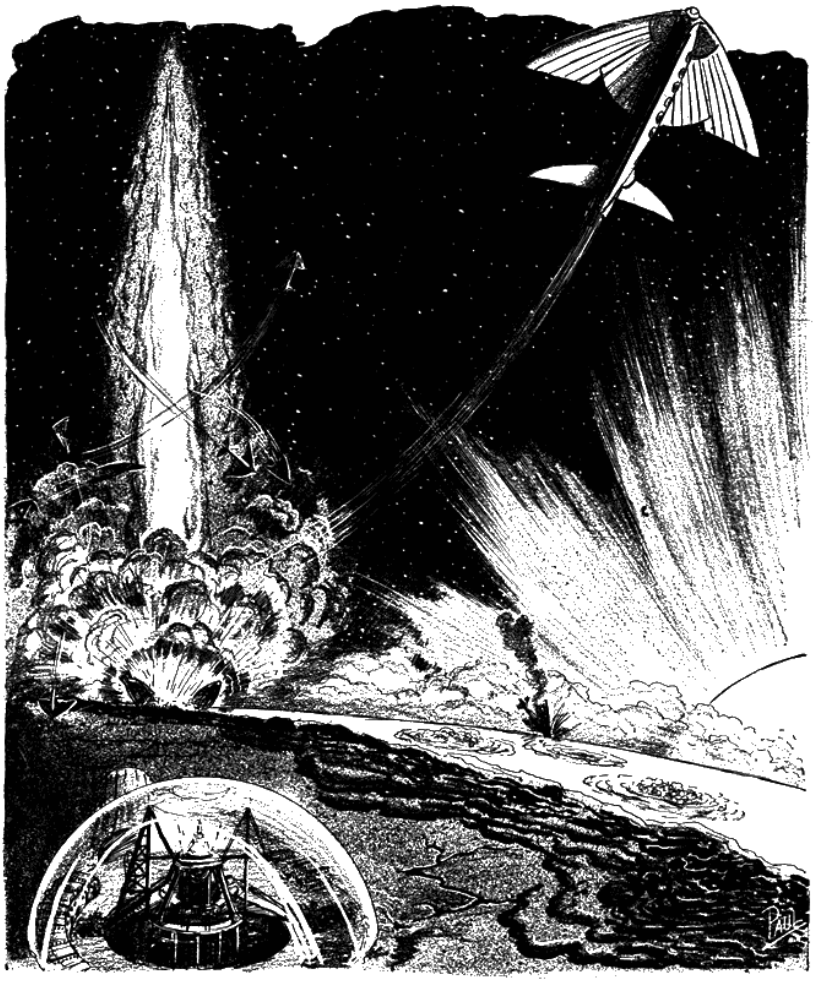
Когда до транспорта оставалось не больше сотни футов, Том с криком рванул рукоятку назад, и маленький кораблик с ревом взмыл вверх. Внизу под ним транспорт, попавший под луч, развалился на две части и полетел в кипящее море.

Накренив машину, Том глянул вниз сквозь небольшой иллюминатор в боку корабля. Он изумленно ахнул и тут же осекся.

Там, куда рухнул транспорт, бил исполинский гейзер из расплавленной руды и камня. Часть огромной гряды откололась и медленно погружалась в этот кипящий котел. Словно чудовищным раскаленным языком лизнув пространство над собой, гейзер обрушился вниз, и величественный поток расплавленного металла хлынул в пробоину, образовавшуюся в хребте. Над морем заклубились огромные облака плотного газа, закрыв происходящее белесой пеленой. Корабли марсиан, словно опавшие листья на осеннем

ветру, подхватило и разметало ударной волной небывалой силы, и они, потеряв управление, понеслись вниз, к поверхности земли. Единственное, что спасло Тома от подобной участи, — то, как он поспешно набрал высоту после меткого выстрела в транспорт.

Транспорт действительно был нагружен взрывчаткой и приземлился всего за несколько часов до начала всеобщего восстания. По всей видимости, его не успели разгрузить, и



он взорвался, когда искалеченный корабль рухнул в кипящее море.

На высоте трех миль Том остановился и глянул на поверхность сумеречного пояса. Расплавленный металл полноводной рекой изливался сквозь брешь в скале и быстро растекался по поверхности планеты, не встречая на пути никаких препятствий. В воздухе не было видно ни единого корабля.

И вот на глазах у Тома раскаленный вал налетел на Шахту Номер Три и, на короткое мгновение встав на дыбы, накрыл ее. Даже с такой огромной высоты Том видел трогательно маленькие фигурки, которые пытались спастись от гигантской волны. Он знал, что в громоздких скафандрах им не убежать далеко.

Часть расплавленного металла, похоже, уже начала застывать, но новый вал перехлестнул образовавшуюся преграду и помчался дальше. Один из потоков мало-помалу преодолел сумеречный пояс, но его остановило ледяное дыхание другой стороны Меркурия, не позволив вторгнуться в свои промерзшие владения.

Том заметил, что застывающий металл понемногу поворачивает вспять бурный поток, который продолжал хлестать сквозь пролом в скале. Уже через несколько часов посреди сумеречной зоны встанет новая преграда, протянувшаяся от бурлящего океана до скованного морозом ледника, и под этой преградой будет похоронено неудавшееся восстание на Меркурии. Землянин снова утвердил свое господство.

На приборной панели вспыхнул синий огонек. Том протянул руку и, включив тумблер, наклонился над маленьким микрофоном.

— Том Кларк, геолог Вселенской Горнодобывающей компании, планета Меркурий, прием, — сказал он.

— Джеймс Смит, командир судна «Звездный людоед», планета приписки Земля, на связи, — отозвался далекий голос, — Мы сейчас находимся недалеко от орбиты Венеры. В

составе флотилии пять кораблей, и мы направляемся подавить восстание на Меркурии. Держитесь!

— Отошлите обратно четыре корабля, — сказал Том, — Нужен только один, чтобы забрать уцелевших. Мятеж подавлен.

— Сколько уцелевших? — коротко спросил голос.

— Всего один, — ответил Том, — Это я.

Газета с красочным описанием самых последних из множества кошмарных событий, которые разыгрались на Земле за последние шесть месяцев, отправилась в печать. Заголовки кричали о том, что Шесть Углов, крошечная деревушка в Пенсильвании, была уничтожена Кошмаром. Еще одна статья на первой полосе рассказывала об Ужасе в долине Амазонки, который заставил напуганных туземцев уйти вниз по течению реки. Другие статьи повествовали о случившихся там и сям смертях, в которых винили «Черный Ужас», как его называли.

Зазвонил телефон.

— Слушаю, — отозвался редактор.

— Вас вызывает Лондон, — послышался в трубке голос телефонистки.

— Соединяйте.

Он узнал Терри Мастерса, специального корреспондента. Трансатлантическая телефонная линия совсем не исказила его голос.

— Ужас вовсю нападает на Лондон, — сообщил Мастерс, — Их тысячи, и они полностью окружили Лондон. Все дороги перекрыты. Полчаса назад правительство объявило в городе военное положение. Предпринимаются попытки организовать сопротивление врагу.

— Секундочку! — крикнул в трубку редактор.

Он нажал кнопку на столе, и через секунду ответный звонок подтвердил, что печатный цех на связи.

— Остановите машины! — в переговорную трубу приказал редактор, — Даем другой материал на первую полосу!

— Хорошо, — слабо донеслось из трубы, и редактор вернулся к телефону.

— А теперь давайте, — сказал он, и голос на том конце провода забубнил, рассказывая историю, которую еще через

полчаса прочитал весь мир и содрогнулся в леденящем страхе, проглядывая сенсационные заголовки.

— Вудс, — велел редактор «Пресс» корреспонденту, — поезжайте и поговорите с доктором Сайлесом Уайтом. Он позвонил мне и попросил кого-нибудь прислать. Это как-то связано с Ужасом.

Генри Вудс без единого слова поднялся из кресла и вышел из кабинета. Когда он проходил мимо телеграфного аппарата, тот со сводящей с ума методичной медлительностью выстукивал историю падения Лондона. Всего полчаса назад с него сошли «молнии» о нападении на Париж и Берлин.

Вудс вышел на улицу, запруженную перепуганными представителями человеческого рода. Шесть месяцев кошмара, многочисленных загадочных смертей, истребления деревень, довели землян до ручки. Теперь, когда Ужас завладел Лондоном, а Париж и Берлин отчаянно боролись за жизнь, весь мир обезумел от страха.

На каждом углу проповедники вешали о конце света, приписывая Ужас воле Всевышнего, разгневанного всеобщей греховностью, и убеждали людей готовиться к вечности.

Ежесекундно ожидая нападения Ужаса, люди бросали работу и собирались на улицах. Местами движение было парализовано по многу часов, практически никакие правила не действовали. Торговля и транспорт пришли в упадок: насмерть перепуганные люди бежали из крупных городов, безуспешно пытаясь укрыться в сельской местности от смерти, которая шествовала по стране.

Из громкоговорителя на фасаде магазина музыкальных инструментов несся экстренный выпуск последних известий.

— Стало известно, — размеренно читал диктор, — что примерно десять минут назад прекратилось всякое сообщение с Берлином. В Париже отчаянные попытки обуздать Ужас оказались напрасными. Взрывчатые вещества

раздирают его на части, но не уничтожают. Ужас разлетается и тут же воссоединяется снова — не всегда в той же форме, что и прежде. Новый газ, один из наиболее ядовитых, созданных человечеством, не оказал на этих существ никакого воздействия. Электрические и тепловые пушки не возымели совершенно никакого эффекта.

В экстренном сообщении, которое нам только что передали из Рима, говорится, что многочисленный Ужас был замечен с воздуха к северу от города. Похоже, в первую очередь они нападают на столицы крупнейших стран мира. Из Вашингтона пришло сообщение, что к городу подтянуты все известные оборонительные средства. Нью-Йорк также готовится к...

Генри Вудс проталкивался сквозь толпу, топчущуюся перед громкоговорителем. Гул возбуждения постепенно сменялся молчанием — немотой оглушенных людей, испуганным безмолвием толпы, столкнувшейся с силой, которую она не в состоянии понять. Осажденный мир с бесполезным оружием наперевес стоял перед врагом, которого никто не знал.

Корреспондент в отчаянии принялся оглядываться в поисках такси, но со вздохом покорности судьбе осознал, что ни одна машина не проехала бы в такой давке. Трамвай, увязший в потоке людей, которые теснились и толкались вокруг него, стоял неподвижно — как символ поражения.

Похоже, единственный из необъятного моря охваченных страхом мужчин и женщин, у кого была четкая цель, газетчик принялся прокладывать себе дорогу сквозь толпы, запрудившие улицы.

— Прежде чем перейти к сути дела, — полчаса спустя говорил доктор Сайлес Уайт, — давайте сперва еще раз вспомним все, что нам известно об этом так называемом Ужасе. Расскажите-ка мне точно, что вы о нем знаете.

Генри Вудс беспокойно заерзал на стуле. Почему старый дурак не перейдет прямо к делу? Шеф голову оторвет, если

этот материал не успеет в очередной номер. Он украдкой бросил взгляд на циферблат. В запасе еще почти час. Может быть, у него все-таки получится. Если бы только этот старый гриб перестал ходить вокруг да около!

— Мне известно ровно столько же, — признался он, — сколько и всем остальным.

Пронзительные глаза седого ученого пробуравили газетчика.

— Что именно?

Ничего не попишешь, со вздохом подумал Генри. Придется плясать под дудку старого хрыча.

— Насколько нам известно, — начал он, — Ужас появился на Земле приблизительно шесть месяцев назад.

Доктор Уайт одобрительно кивнул.

— Вы весьма точно формулируете факты, — заметил он.

— То есть?

— Вы говорите «насколько нам известно».

— Ну и что из этого?

— Потом поймете. Продолжайте, пожалуйста.

Газетчику вдруг пришла в голову смутная мысль, что непонятно, кто у кого берет интервью: он у ученого или ученый у него.

— Впервые об их появлении стало известно, — продолжил Вудс, — ранней весной. Тогда они уничтожили небольшую деревушку в провинции Квебек. Все ее обитатели, за исключением горстки спасшихся бегством, были обнаружены мертвыми — кто-то убил их и обглодал. Создавалось впечатление, что людей сожрали дикие звери. Беженцы были сами не свои от страха и лопотали что-то о черных тенях, которые посреди ночи напали из темного леса на их деревушку.

Следующее упоминание о них появилось примерно неделю спустя: в сельской глуши где-то в Польше они убили и сожрали обитателей нескольких хуторов. В течение еще одной недели было уничтожено множество деревень

практически во всех странах мира. Из глубинки приходили слухи об убийствах, творящихся под покровом ночи, о мужчинах и женщинах, получивших ужасные увечья, о забитом скоте, о домах, разгромленных какой-то неведомой титанической силой.

— Сначала они появлялись только ночью, а потом, похоже, осмелели и начали нападать даже среди бела дня, причем их стало больше.

Газетчик умолк.

— Вы это хотели услышать? — спросил он.

— Это только часть, — отозвался доктор Уайт, — но далеко не вся информация. Как выглядит Ужас?

— Вот с описанием уже сложнее, — сказал Генри, — Судя по сообщениям, они имеют самый разнообразный вид. Одни большие, другие маленькие. Одни похожи на животных, другие — на птиц или рептилий, третьи принимают самый жуткий облик, какой только может породить воображение существа, обитающего в мире, совершенно чуждом нашему.

Доктор Уайт поднялся, прошелся по комнате и встал напротив журналиста.

— Молодой человек, — спросил он, — а вы сами допускаете, что Ужас пришел к нам из совершенно чуждого мира?

— Не знаю, — ответил Генри. — Мне известно, что некоторые ученые полагают, будто они прилетели к нам с какой-то другой планеты — возможно, даже из какой-то другой солнечной системы. Во всяком случае, на Земле никогда еще не было ничего подобного. Они всегда угольно-черного цвета и словно состоят из вещества, напоминающего деготь, — ну, знаете, такие липкие на вид, бр-р. Имеющееся в распоряжении людей оружие не причиняет им никакого вреда. Взрывчатку против них применять без толку, реактивные снаряды тоже. Они преспокойно проходят сквозь ядовитый газ и едкие химикаты и, похоже, получают от этого удовольствие. Хитроумные электрические преграды оказались бесполезными. Высокая температура этим тварям нипочем.

— Значит, вы тоже считаете, что они прилетели с другой планеты или даже из другой солнечной системы?

— Я не знаю, что и думать, — признался Генри. — Если они прибыли из космоса, у них должны бы иметься какие-то средства передвижения, но тогда наши астрономы засекли бы их задолго до приземления. Если эти средства передвижения маленькие, то их должно быть много. Если же транспорт один, то его размеры должны быть поистине грандиозными. Так или иначе, они не могли проскочить незамеченными. Ну, разве только...

— Разве только — что? — оживился ученый.

— Разве только они перемещались со скоростью света. Только в этом случае они остались бы невидимыми.

— Не просто невидимыми, — фыркнул Уайт, — а несуществующими.

Генри хотел было задать давно вертевшийся на языке вопрос, но старик его опередил.

— Вы можете представить себе четвертое измерение? — спросил он.

— Нет, не могу, — ответил Вудс.

— А предмет, у которого всего два измерения?

— Смутно.

Ученый хлопнул в ладоши.

— Вот теперь мы подходим к делу! — воскликнул он.

Генри Вудс пристально посмотрел на собеседника. Старый хрыч, должно быть, тронулся умом. Какое отношение измерения имеют к Ужасу?

— Вам что-нибудь известно об эволюции? — продолжал допрашивать газетчика Уайт.

— Кое-какое представление имею. Это процесс роста — своего рода лестница, по которой простые организмы карабкаются вверх, постепенно становясь более сложными.

Доктор Уайт хмыкнул и задал еще один вопрос:

— Известно ли вам что-нибудь о теории расширяющейся Вселенной? Вы замечали, что все, пребывающее в

совершенном равновесии, имеет тенденцию выходить из-под контроля?

Генри медленно поднялся на ноги.

— Доктор Уайт, — сказал он, — вы позвонили в редакцию и сказали, что можете сообщить нам кое-что интересное. Я пришел, чтобы выслушать вас, но вы только и делаете, что задаете вопросы мне. Если у вас нет информации, которую стоит опубликовать в нашей газете, то я, пожалуй, пойду.

Доктор протянул руку, и Вудс заметил, что та слегка дрожит.

— Сядьте, молодой человек, — велел он. — Понимаю ваше нетерпение, но я как раз подошел к сути моего дела.

Газетчик повиновался.

— Я разработал гипотезу, — снова заговорил доктор Уайт, — и провел несколько экспериментов, которые, похоже, ее подтверждают. Предполагая, что гипотеза верна, я ставлю на кон свою репутацию. И не только ее, но еще и жизни нескольких отважных людей, всецело верящих в меня и мою теорию. Откровенно говоря, это не самое главное, ведь если я ошибусь, мир обречен, а если окажусь прав, он будет спасен от полного уничтожения.

Вам никогда не приходило в голову, что наши эволюционисты могли ошибаться, что лестница эволюции ведет вниз, а не вверх? Теория расширяющейся Вселенной, мнение, что все сущее, выбитое из равновесия потерей энергии и пришпориваемое вселенскими катастрофами, движется к тому времени, когда все придет в упадок и космическое пространство будет заполнено клубящейся пылью разрушившихся миров, подтверждают такую точку зрения.

Сказанное не относится к человеческому роду. Без сомнения, наша эволюция направлена вверх: мы произошли от одноклеточных тварей, копошившихся в иле первобытных океанов. По тому же принципу, возможно, развивались и тысячи других разумных видов на дальних планетах других галактик. Однако эти примеры идут вразрез с основной

эволюционной тенденцией всего космоса и являются всего лишь случайными отклонениями от общего курса космической эволюции, которая на фоне вечности не более чем доля секунды на фоне миллиона лет.

Итак, отбросив эти варианты как несущественные, будем считать, что космическая эволюция движется не в восходящем, а в нисходящем направлении: не от простого к сложному, а, наоборот, от сложного к простому.

Допустим, жизнь и разум дегенерировали. Как определить, что такая дегенерация имела место? В чем она могла проявиться? Какие изменения претерпевала бы жизнь, переходя от одной стадии к другой? Какова была бы природа этих стадий?

Ученый, сверкая глазами, подался вперед в своем кресле. Газетчик ответил просто:

— Понятия не имею.

— Господи! — воскликнул старик. — Да неужели вы не понимаете, что дело в измерениях? Из четвертого измерения в третье, из третьего во второе, из второго к первому, из первого к сомнительному существованию или уровню, который находится за рамками нашего понимания, или, быть может, к забвению и концу жизни. Почему бы четвертому измерению не возникнуть из пятого, пятому — из шестого, шестому — из седьмого... и так далее — вплоть до бог знает какого измерения?

Доктор Уайт помолчал, чтобы дать собеседнику возможность осознать всю важность его утверждений. Однако Вудс не оправдал возложенных на него надежд.

— Но какое отношение это все имеет к Ужасу? — спросил он.

— У вас что, совсем нет воображения? — возмутился старик.

— Ну, не знаю... По-моему, есть. Но я все равно не понимаю.

— Мы имеем дело с вторжением существ из четвертого измерения, — прошептал старик с таким видом, как будто опасался говорить вслух. — На нас напала форма жизни, которая стоит на лестнице эволюции на одно измерение выше, чем мы. Говорю вам, мы сражаемся с ордой нечисти из космоса, по уровню интеллекта неизмеримо превосходящей людей. В том, что касается знания, между нами лежит пропасть столь широкая и глубокая, что поражает воображение. Они смотрят на нас как на животных, если не на кого-нибудь похуже. Для них мы просто корм, нечто пригодное в пищу, как для нас — овощи, злаки и мясо домашних животных. Быть может, они долгие годы следили за развитием человеческой расы, видели, как разрастается жизнь в нашем мире, и щелкали своими чудовищными челюстями в предвкушении удовольствия. Они дождались, пока стол будет накрыт должным образом, и теперь пируют.

Их мысли и идеалы в корне отличаются от наших. Возможно, у нас с ними вообще нет ничего общего, за исключением первичной основы всякой жизни: инстинкта самосохранения и необходимости питаться.

Возможно, они пришли сюда по собственной воле. Я предпочитаю думать так. Может быть, они лишь следуют за естественным ходом событий, повинуются какому-то непреложному закону, установленному неизвестным нам высшим существом, которое присматривает за космосом и решает, кто или что имеет право на существование, а кто или что — нет. Если это так, значит, в мои рассуждения вкралась ошибка, ибо я полагал, что жизнь каждого уровня дегенерирует вместе с самим уровнем, что этот уровень подчиняется тем законам эволюции, которые управляют жизнью на нем. Я совершенно убежден, что это вторжение — хорошо спланированная кампания, что какая-то раса из четвертого измерения нашла способ пробиться сквозь пелену силы, отделяющей ее уровень от нашего.

— Но почему вы уверены, что эти существа четырехмерны? Я не вижу в них ничего такого, что предполагало бы

наличие дополнительного измерения, — возразил Генри Вудс.

— Ну разумеется, они трехмерны. Иначе они не смогли бы жить в нашем трехмерном мире. Те двухмерные объекты, которые известны нам, только иллюзии, проекции третьего измерения. Как тени. На одном конкретном уровне не могут сосуществовать разные измерения.

Чтобы напасть на нас, им пришлось бы расстаться с одним измерением. Очевидно, они это сделали. Можете представить, какой несусветной глупостью с вашей стороны была бы попытка напасть на двухмерный объект. Для вас он не имел бы массы. То же верно и для других измерений. И еще. Существо с любого уровня не может причинить вред обитателю более высокого уровня. Совершенно очевидно, что, хотя Ужас утратил одно материальное измерение, он тем не менее сохранил определенные качества четвертого измерения. Они-то и делают его неуязвимым для всех средств воздействия, которыми мы располагаем на нашем уровне.

Теперь газетчик, затаив дыхание, сидел на краешке кресла.

— Но если все так, то у нас нет никакой надежды. «Что мы можем сделать с этими тварями?» — едва слышно спросил он.

Доктор Уайт придвинул свое кресло ближе, и его пальцы яростно стиснули колено собеседника.

— Мальчик мой! — В голосе ученого слышался боевой задор, — Мы должны нанести им ответный удар. И сделаем это! Мы вторгнемся на четырехмерный уровень этой нечисти!

Генри Вудс вскочил на ноги.

— Как? — вскрикнул он, — Вы что, нашли?..

Доктор Уайт кивнул.

— Я нашел способ переместить трехмерный уровень в четвертое измерение. Идемте, я вам кое-что покажу.

Машина была огромной, но производила впечатление несложной конструкции: стоящий вертикально большой параллелепипед из какого-то странного черного металла и примыкавшие к нему со всех сторон параллелепипеды поменьше. На верхушке большого параллелепипеда была установлена полусфера из какого-то странного вещества, показавшегося Генри похожим на матовое стекло. На одной стороне большого параллелепипеда имелся пульт управления — с виду относительно простой: рычаг, длинная стеклянная панель, две вертикальные трубки и три циферблата.

Рядом с сооружением из пяти параллелепипедов на полу лежал обточенный до выпуклости диск из прозрачного материала, сквозь который проглядывала замысловатая путаница проволочной сетки.

Прямо над ним с потолка свисал еще один диск, но его выпуклость была более выраженной.

Провода соединяли диски между собой и тянулись от них к прямоугольной машине.

— Суть в том, чтобы правильно применить две силы: электрическую и силу тяжести, — гордо пояснил доктор Уайт. — Надлежащим образом приложенные, они преобразуют трехмерный уровень в четырехмерный. Чтобы вернуть объект на трехмерный уровень, используется обратный процесс. Принцип работы машины...

Доктор Уайт едва не пустился в пространные объяснения, но взгляд на часы сказал Генри, что номер вот-вот отправят в печать, и газетчик не позволил старику уйти далеко в сторону от темы.

— Секундочку, — сказал он. — Вы предлагаете отправить существо из третьего измерения в четвертое? Но разве оно сможет там находиться? Вы сами только что сказали, что на каждом конкретном уровне может существовать лишь одно измерение.

— Вы ничего не поняли, — рявкнул доктор Уайт. — Я не отправляю объект из третьего измерения в четвертое, а превращаю трехмерное существо в четырехмерное. Я добавляю

измерение — и существо автоматически перемещается на другой уровень. Я обращаю эволюцию вспять. Третье измерение, в котором мы сейчас существуем, миллионы эр назад развилось из четвертого. Я отправляю объект назад, через эти миллионы эр, на уровень, сходный с тем, на котором неизмеримо давно обитали его предки.

— Но, господи боже мой, почему вы так уверены в успехе?

Глаза доктора блеснули, и он потянулся к звонку.

Слуга появился почти мгновенно.

— Приведите собаку, — рявкнул старик.

Слуга исчез.

Доктор Уайт повернулся к Генри.

— Молодой человек, сейчас вы поймете, почему я убежден в успехе эксперимента. Я уже отправлял кошек и собак в четвертое измерение и благополучно доставлял их в эту комнату. А теперь продемонстрирую вам, как это происходит. Уверяю вас, то же самое я могу делать и с людьми.

Появился слуга с маленькой собачкой на руках.

Ученый подошел к пульту управления странной машиной.

— Давайте, Джордж, — сказал он.

Слуга, очевидно, уже давно работал со стариком и без объяснений понял, что от него требуется. Он подошел вплотную к диску на полу и замер. Собака тихонько заскулила, словно почувствовав что-то неладное.

Старый ученый медленно повернул рычаг вправо, и в то же мгновение комнату наполнил слабый гул, мгновенно превратившийся в оглушительный рев, едва только Уайт поднял рычаг. С обоих дисков ударили странные снопы голубого света, которые пересеклись посередине и образовали светящуюся фигуру в форме песочных часов.

Свет не переливался и не сверкал. Он казался резким и колючим, и Вудс ощутил неимоверную мощь, исходящую от странных голубых лучей. Как сказал старик? Превратить

существо из третьего измерения в существо из другого измерения? Да, тут без силы не обойтись.

Под его изумленным взглядом слуга шагнул вперед и бросил собачку прямо в сноп света. Буквально на миг мелькнув в прозрачном голубом потоке, несчастное создание исчезло.

— Смотрите в шар! — закричал старик.

Генри вскинул глаза к полусфере на верхушке машины...

И ахнул.

Внутри шара, в самом его матовом сердце, светилась картина, от которой голова у Вудса пошла кругом. Ни один человек не смог бы вообразить то, что предстало глазам газетчика. Это было искаженное изображение причудливого пейзажа, подобный которому едва ли существовал на земле.

— Четвертое измерение, сэр, — пояснил слуга.

— Нет, — поправил его старик, — Это только трехмерный образ четвертого измерения — всего лишь проекция, тень, дающая нам представление о четвертом уровне.

Черное пятно начало медленно затягивать пейзаж. Мало-помалу оно обрело определенную форму. Это озадачило репортера. Пятно казалось знакомым и было живым — оно двигалось. Вудс готов был поклясться, что уже где-то видел его.

— А это, сэр, та самая собака, — отважился заметить Джордж.

— Была собака, — снова поправил его доктор Уайт. — Один бог знает, во что она превратилась теперь.

Он обернулся к газетчику.

— Вам достаточно доказательств? — осведомился он.

Генри кивнул.

Ученый медленно потянул рычаг. Рев утих, свет померк, проекция внутри полусферы стала расплывчатой.

— Как вы собираетесь это использовать? — спросил газетчик.

— У меня есть девяносто восемь добровольцев, которые согласились, чтобы я спроецировал их в четвертое измерение, где они смогут разыскать существ, напавших на нас, и отплатить им тем же. Они отправятся туда через час.

— Где у вас телефон?

— В соседней комнате.

Репортер выскочил за дверь. Свет между двумя дисками совсем погас, и на нижнем появилась маленькая собачка. Сжавшись в комочек, она дрожала всем телом и тихонько поскуливала.

Уайт приблизился к диску, поднял животное на руки и погладил по шелковистой головке.

— Хорошая собачка...

Маленькое существо прижалось к нему, постепенно успокаиваясь, уже начиная забывать то жуткое место, откуда только что вернулось.

— Все готово, Джордж? — спросил старик.

— Да, сэр. Люди рвутся в бой, — ответил слуга и добавил: — Если хотите знать мое мнение, ребята что надо

— Это такие храбрецы, каких еще не видела Земля, — мягко заметил ученый, — Каждый из этих искателей приключений часто смотрел в лицо опасности и ни разу не дрогнул. Прирожденные бойцы. Единственное, о чем я сожалею, это о том, что не удалось набрать побольше им подобных. Тысяча таких парней одержали бы верх над любым противником. Увы. Все остальные претенденты на участие в эксперименте оказались трусливыми глупцами. Они решили, что я выживший из ума старик, и смеялись мне в лицо. Мне! Единственному, кто стоит между ними и Ужасом, и может спасти их от полного уничтожения, — Его голос взвился почти до крика, но потом снова вернулся к нормальному тону: — Быть может, я посылаю девяносто восемь отважных героев на верную гибель. Но искренне надеюсь, что это не так.

— Вы же в любую минуту можете вернуть их обратно, сэр, — заметил Джордж.

— Да-да, конечно, — не слишком уверенно пробормотал старик.

На пороге появился Генри Вудс.

— Когда мы начинаем? — осведомился он.

— Мы? — воскликнул ученый.

— Ну да. Неужели вы думаете, что я останусь в стороне? Боже, это же величайшая сенсация всех времен! Я собираюсь принять участие в этой экспедиции как специальный военный корреспондент.

— Они поверили? Они напишут об этом? — вскричал ученый, вцепляясь в рукав газетчика.

— Ну, редактор сначала отнесся скептически, но, после того как я поклялся всем, чем только мог, что это правда, согласился опубликовать материал. Только не рассчитывайте, что ради него задержат тираж.

— Этого я не ожидал. Я просто рискнул. И почти не сомневался, что они тоже надо мной посмеются.

— Так, когда мы начинаем? — напомнил Генри.

— Вы говорите серьезно? «Вы действительно намерены присоединиться к тем парням?» — недоверчиво спросил старик.

— Еще как! Попробуйте меня остановить.

Доктор Уайт взглянул на часы.

— Мы начинаем ровно через тридцать четыре минуты.

— Десять секунд.

Джордж с часами в руках чеканил слова, и сама их рубленая четкость выдавала переполнявшее его волнение.

Голубой свет с шипением метался от диска к диску, комната содрогалась от грохота машины, перед которой стоял доктор Уайт. Он держался за рычаг и не сводил взгляда с приборов.

Люди, которым предстояло переместиться в другое измерение, чтобы разыскать там неведомого врага и сразиться с ним, выстроились в очередь перед диском. Возглавлял строй высокий мужчина с ручищами-кувалдами,

обветренным лицом и всклокоченной копной волос. Следом за ним стоял маленький задиристый кокни... Генри Вудс был в очереди пятым. Кое-кто из пестрой компании искателей приключений, понимая, что в третьем измерении находиться им осталось не больше нескольких секунд, явно боялся. Все эти люди отозвались на загадочное объявление, весьма приблизительно представляя себе, что предстоит делать, однако бесстрашно согласились выполнить предложенную работу. Да, для них это была работа, пусть и чудная. И они взялись за нее, как брались в своей жизни за другие, столь же опасные, хотя и не столь необычные.

— Пять секунд, — отрубил Джордж.

Теперь рычаг был поднят. В молочной дымке полусферы показался чудовищно искаженный пейзаж. Свет стал резким, колючим, шипение превратилось в визг. Машина равномерно грохотала, производя впечатление чудовищно мощного устройства.

— Время!

Высокий мужчина шагнул вперед. Его нога ступила на диск. Второй шаг — и его окутал голубой свет, третий — и человек исчез. Маленький кокни последовал за ним.

Чувствуя, что вот-вот сдадут нервы, Генри двинулся следом за четвертым мужчиной. Ему было смертельно страшно, хотелось выскочить из очереди и убежать куда глаза глядят — подальше от этого холодного, равнодушного света. На его глазах три человека вошли в перекрестье голубых снопов, замерцали — и словно испарились. На диск ступил четвертый.

На лбу у Вудса выступил холодный пот. Словно робот, он поставил ногу на диск. Номера четвертого уже и след простыл.

— Давай живей, приятель, — рявкнул за его спиной следующий доброволец.

Генри шагнул, споткнулся о край диска и полетел головой вперед в колонну света.

Его объял жгучий жар, в следующий же миг сменившийся столь же обжигающим холодом. Словно чья-то великанская рука вдруг на секунду придавила Вудса к диску, а потом ему показалось, что тело расширяется, взрывается и, разлетаясь на части, уносится в разные стороны...

Он ощутил твердую почву под ногами, широко раскрыл глаза и увидел чужую землю — окрашенный в мрачные тона край безбрежных серых пустошей и нависающих черных

утесов. В раскинувшемся перед ним пейзаже было что-то неправильное — нечто неосязаемое, трудноопределимое.

Он огляделся вокруг, ожидая увидеть остальных. Никого! Он был совершенно один в этом унылом, безрадостном краю. Случилось что-то ужасное! Неужели только он благополучно добрался из третьего измерения? Неужели произошла какая-то жуткая авария? И он теперь один?

Его охватила внезапная паника. Если что-то случилось, если все остальные где-то в другом месте, не получится ли так, что машина не сможет вернуть его обратно, в его собственное измерение? Что, если теперь он обречен вечно торчать на этом ужасном четвертом уровне?

Он взглянул на свое тело и смятенно вскрикнул.

Нет, эта нелепая карикатура, кошмарный, омерзительный комок плоти, нечто вроде фантасмагорического чудища, подсмотренного в снах умалишенного, не могла быть его телом!

Однако это уродство существовало наяву. Руки — хотя на самом деле появившиеся на их месте придатки были лишь чем-то сродни рукам, служили для тех же целей, что и руки в третьем измерении, — сказали ему то же самое. Он стал существом четвертого измерения, но его четырехмерный мозг еще не перестроился полностью на четырехмерные мысли и продолжал цепляться за непокорные остатки прежнего, трехмерного, мышления. Он пока что не владел своими четырехмерными глазами и видел все, что его окружало, сквозь мутную призму миллионов эр трехмерного существования. Да, картина была намного отчетливее, чем в полусфере в лаборатории доктора Уайта, но он не сможет ясно разглядеть ее, пока разум окончательно не избавится от влияния третьего измерения. А на это, вероятно, потребуется время.

Он ощупал свое непривычное тело придатками-руками и обнаружил бугры перекатывающихся мускулов, мощные сухожилия, крепкую, упругую плоть. Ощущение здоровья

нахлынуло на него, и он заурчал, как животное — как животное с этого кошмарного четвертого уровня.

Но ужасные звуки, сорвавшиеся со слюнявых губ, издавал не он, а голоса множества людей.

И только тогда до него наконец дошло, что он вовсе не один. Здесь, в этом уродливом теле, сосредоточились тела, разумы, сила и дух всех остальных девяноста восьми участников эксперимента. В четвертом измерении все миллионы трехмерных объектов составляли единое целое. Возможно, часть третьего измерения, называемая Землей, развилась — или выродилась? — из какого-то фрагмента распадающегося четвертого измерения. Вернувшись на четвертый уровень, третье измерение автоматически подчинилось загадочным законам эволюции и приняло форму уровня-прародителя, невообразимо далекого от расы его потомков. Он больше не журналист Генри Вудс, а сущность, которая в незапамятные времена произвела на свет третье измерение. И он не один, ибо заключает в себе тела и души других сынов этой древней сущности.

Он почувствовал, что растет, ощутил, как тело увеличивается в размерах и наполняется жизненной силой тех, кто бросился в колонну света в лаборатории, чтобы вернуться сюда и слиться с ним воедино.

Впрочем, тело не принадлежало единолично ему. Разум был не только его разумом. Отныне это местоимение относилось к общей сумме всех добровольцев, согласившихся на эксперимент доктора Уайта.

Внезапно его охватило новое чувство — ощущение завершенности, превосходной физической формы. Он понял, что последний из девяноста восьми человек ступил на диск и все они сейчас собрались здесь, в этом исполинском теле.

Теперь его зрение прояснилось. Подробности пейзажа, ускользнувшие от его внимания прежде, теперь стали узнаваемыми. Ужасные мысли мелькали в мозгу — тяжелые, мрачные, черные мысли. Пейзаж начал казаться ему

знакомым, уже когда-то виденным, родным. Явления, представившиеся бы немыслимыми разуму из третьего измерения, воспринимались как самые обычные. Он наконец-то обрел четырехмерное зрение, в мозгу роились четырехмерные мысли.

В сознание просочились воспоминания, и его наполнили видения: мрачные пещеры, озаренные адским пламенем, безбрежные моря, безжалостно швыряющие волны высотой в милю, на утесы что вздымаются к нависшим небесам. Он вспомнил бурую пустыню, усеянную алыми валунами, серебристые скалы из поблескивающего, как металл, камня. И где-то в глубинах памяти возникло вдруг что-то еще — смутно знакомое ощущение, в котором смешались ненависть, всепоглощающая страсть и жгучая жажда крови какого-то другого существа.

Он больше не был составным организмом, сложенным из обитателей третьего измерения, а превратился в существо с другого уровня, снедаемое страстной ненавистью и непреодолимым желанием отомстить. И внезапно он понял, кто и почему всколыхнул в его душе эти чувства. Осознал и то, что существо, на которое они направлены, где-то рядом. Громадные кулачищи сжались и вновь расправились.

Каким образом это стало ему понятно? Быть может, благодаря некой способности, присущей обитателям высшего уровня, но совершенно не свойственной землянам? Впоследствии он не раз задавался этим вопросом, однако в тот миг знал лишь, что где-то совсем рядом бродит заклятый враг, и не пытался отыскать источник этой уверенности.

Бормоча что-то на наречии, которое существо из третьего измерения сочло бы полной бессмыслицей, пылая яростью, которая красной пеленой застилала сознание, он зашагал по склону к бесплодной равнине, и от великанских шагов, неуклонно приближавших его к цели, содрогалась земля.

У подножия холма он остановился, и из горла вырвался вызывающий рык, заставивший покачнуться утесы вокруг пустоши. Скалы, словно передразнивая, эхом отразили угрожающий рев.

И снова он взревел, изливая в этом звуке жгучее презрение к врагу, который рыскал где-то поблизости.

И снова скалы отразили его вызов, но на этот раз эхо, огласившее пустошь, утонуло в другом устрашающем вопле...

В дальнем конце пустоши появилась исполинская фигура. С гневным рычанием существо двинулось ему навстречу, неуклюже переставляя уродливые, бесформенные ноги. Несмотря на ковыляющую походку, оно стремительно приближалось и одну за другой изрыгало чудовищные угрозы.

Совсем немного не дойдя до противника, великан остановился, и лишь тогда в его глазах забрезжило осознание.

— Ты Мал-Шафф? — проревел он на своем гортанном языке, и на безобразном лице отразились изумление и испуг.

— Да, я Мал-Шафф, — пророкотал незваный гость. — Вспомни, Оуглат, тот день, когда ты уничтожил меня и мой уровень. Я вернулся, чтобы отомстить. Разгадал загадку, о которой ты даже не подозревал, и пришел. Ты, глупец, и вообразить не мог, что, послав своих приспешников кормиться на другой уровень, снова напал на меня. И я здесь затем, чтобы убить тебя.

Оуглат бросился на него, и тот, кто некогда был Генри Вудсом, газетчиком, и еще девяноста восемью мужчинами, но теперь стал Мал-Шаффом из четвертого измерения, ринулся навстречу врагу.

Мал-Шафф ощутил силу Оуглата, почувствовал острую боль от удара гигантского кулака и взмахнул чудовищными руками, метя прямо в ухмыляющееся лицо противника. Его кулаки врезались в твердую плоть, и кости под ними затрещали и подались.

Ноздри Мал-Шаффа наполнились ужасным смрадом зловонного дыхания врага и его немытого тела. Он качнулся на искривленных ногах, увернулся от мощного пинка и, бросившись вперед, ткнул оттопыренным большим пальцем сопернику в глаз.

Оуглат взвыл от боли и, нагнув голову, бросился на противника. Мал-Шафф отскочил назад, и его шишковатый кулак грозно выметнулся вперед, навстречу разъяренному врагу, чьи скрюченные пальцы тянулись к его горлу, а острые когти полосовали плечи. В отчаянии он ударил, и Оуглат кувырком отлетел в сторону. Одним стремительным шагом Мал-Шафф сократил разделявшее их расстояние и с размаху всадил кулак прямо в слюнявую пасть Оуглата. Яростно тесня еле держащегося на ногах врага, он молотил кулаками словно кувалдами. В конце концов Оуглат пошатнулся и ничком рухнул на песок.

Мал-Шафф кинулся на поверженного врага и наподдал ему когтистой ногой, безжалостно раздирая плоть. В этой схватке не было и речи об игре по правилам, о милосердии никто даже не заикнулся. Шла беспощадная битва не на жизнь, а на смерть; пощады быть не могло.

Поверженное чудище взвыло, но вой оборвался: жуткие челюсти с острыми клыками сомкнулись на теле Мал-Шаффа, когти в поисках опоры впились глубоко в плоть.

Мал-Шафф, в сознании которого бушевал ошеломляющий вихрь странных эмоций, осыпал противника убийственными ударами, рвал и полосовал его когтями. Они катались по песку, словно два титана, схлестнувшиеся в поединке, и над местом смертельной битвы зависла густая туча пыли.

В отчаянии Оуглат, приложив всю свою силу до последней капли, разорвал хватку противника и отбросил его в сторону.

Два чудища вскочили на ноги с налитыми малиновой яростью глазами и сквозь облако пыли буравили друг друга ненавидящими взглядами.

Рука Оуглата медленно подобралась к грозному черному цилиндру, висевшему на ремне у пояса. Уродливые пальцы обхватили оружие, и великан навел его на Мал-Шаффа. Губы его растянулись, и лицо исказила отвратительная ухмылка.

Сжав кулаки, Мал-Шафф наблюдал, как громадный палец врага медленно нажимает кнопку на цилиндре. Страх пригвоздил его к земле, в то время как на задворках сознания какой-то слабый голос тщетно пытался объяснить весь ужас непонятной штуки, которую держал в руках Оуглат.

Потом из цилиндра, словно винтообразный столб пара, вырвалась разноцветная спираль. Она со всего размаху ударила в грудь Мал-Шаффа, и в этот миг он заметил в красных глазах Оуглата мерзкую искру ликования.

Там, куда влетела спираль, защипало, но ничего не произошло. Странно. Ведь он так боялся этого оружия и был уверен, что оно предвещает ужасную гибель, однако испытывал сейчас лишь ощущение легкого пощипывания.

Какую-то долю секунды Мал-Шафф стоял столбом, потом сорвался с места и, раскинув руки, двинулся на Оуглата. Из его горла полились жуткие звуки — речь обитателей четвертого измерения:

— Разве я не говорил тебе, подлый сын Саргоута, что разгадал загадку, о которой ты никогда не подозревал? Хотя ты давным-давно уничтожил меня, я вернулся. Бросай свое никчемное оружие. Я из низшего измерения и потому неуязвим для твоего орудия уничтожения. Ах ты жирный...

Он разразился потоком мерзостей, которые никогда не могли бы прийти в голову существу из третьего измерения.

Оуглат, каждая черточка лица которого была искажена страхом, отшвырнул оружие и, развернувшись, неуклюже заковылял прочь по равнине.

Мал-Шафф бросился за ним.

Мал-Шафф уверенно нагонял Оуглата и, когда их разделяло всего несколько шагов, сумел ухватить врага за ноги.

Оба рухнули на землю, но падение заставило Мал-Шаффа разжать пальцы, и оба вскочили на ноги практически одновременно.

Пустошь огласил горловой рев, и между высокими утесами заметалось эхо. Теперь все решала только сила. От зубодробительных ударов, которыми обменивались противники, покрывалась синяками плоть и трещали кости. Когда сражающиеся бросались в нападение или пытались уйти от удара, массивные ноги оставляли в песке глубокие борозды. Кровь — кровь существ из четвертого измерения — покрывала тела обоих и окрашивала песок в свой жуткий оттенок. Пот струился ручьями, дыхание вырывалось прерывистыми толчками.

Мертвенное солнце ползло по пурпурному небу, а эти двое все еще бились друг с другом: Оуглат из древних и Мал-Шафф, возрожденный из мертвых. То была битва великанов, затмевавшая даже титанические схватки давным-давно позабытых богов и героев из тех времен, когда трехмерная Земля была еще юной.

Мал-Шафф не имел представления о времени. Их единоборство могло длиться и секунды, и часы. Казалось, прошла уже целая вечность. Он пытался сражаться по правилам, но у него ничего не вышло. В то время как одна часть его стремилась уклоняться от соперника, дожидаться, когда тот откроется, а до тех пор беречь силы, другая часть гнала его вперед, заставляла безостановочно молотить ненавистное чудовище, сошедшееся с ним в схватке.

Создавалось впечатление, что Оуглат увеличивается в размере, становится более проворным, обретает все новые и новые силы. Его удары ранили все больнее, а точно нанести удар по нему становилось все труднее.

Но Мал-Шафф, пригнув голову и неутомимо работая кулаками, упорно пытался достать врага. Казалось, чем

сильнее и крупнее становится Оуглат, тем стремительнее слабеет и уменьшается в размерах он сам.

Это было очень странно. Оуглату тоже давно пора выдохнуться. Его удары должны бы сделаться менее точными, а движения медленными и неловкими.

Однако ничего подобного не происходило. Оуглат рос, несомненно, черпая силы из какого-то загадочного источника. В его тело откуда-то текла свежая энергия. Но откуда?

Громадный кулак врезался в челюсть Мал-Шаффа. Его оторвало от земли, и через миг он уже летел по песку.

Отчаянно хватая ртом воздух, слишком измотанный, чтобы подняться навстречу врагу, который черной горой маячил за тучей пыли, Мал-Шафф вдруг понял, из какого источника Оуглат пополняет запас сил. Он отзывал своих приспешников из третьего измерения! И те, возвращаясь в тело своего прародителя, вливали в него все новую и новую мощь!

Это конец, подумал Мал-Шафф, но через силу поднялся на ноги, чтобы отразить нападение своего исконного врага. С боевой песней на губах, неизмеримо древней зловещей песнью смерти, которая всплыла в его памяти сквозь туманную толщу бесчисленных тысячелетий, он нанес убийственный удар прямо в потрясенное лицо несущегося на него Оуглата...

Молочно-белая сфера на верхушке машины в лаборатории доктора Уайта сияла мягким светом, и внутри ее боролись две фигурки.

Перед машиной, не снимая рук с пульта, стоял доктор Сайлес Уайт. За спиной у него столпились журналисты и фотографы.

Уже несколько часов прошло с тех пор, как девяносто восемь человек — девяносто девять, считая Генри Вудса, — вошли в колонну пронзительного голубого света и были перемещены сквозь неизмеримую толщу времен на другой

уровень существования. Все эти часы старый ученый простоял как истукан перед своей машиной, не сводя глаз с шара.

Окно было открыто, и с улицы доносился голос торговца газетами: «Пресс» опубликовала величайшую сенсацию всех времен. Телефон надрывался, и Джордж снял трубку. В дверь несколько раз позвонили. Старый слуга с бесстрастным выражением лица ввел в комнату журналистов, засыпавших его бесчисленными вопросами. Джордж отвечал кратко, не сообщая никаких подробностей. Репортеры едва не передрались за право воспользоваться единственным телефоном в доме, и в конце концов стали тянуть жребий. Кое-кто побежал к соседям, чтобы позвонить от них.

Прибыли фотографы, засверкали вспышками и защелкали камерами. В комнате творилось нечто невообразимое. В те редкие мгновения, когда по телефону не разговаривал кто-нибудь из журналистов, аппарат заливался пронзительными трелями. Властные голоса требовали доктора Сайлеса Уайта. Джордж, не сводя взгляда с хозяина, ровным тоном отвечал, что доктор Сайлес Уайт занят и его нельзя беспокоить.

С улицы доносился гортанный шум тысяч голосов. Дом осаждали сотни охваченных страхом людей, и все взгляды были прикованы к окнам лаборатории доктора Сайлеса Уайта. Цепочки полицейских едва сдерживали напор толпы.

— Почему они так медленно двигаются? — спросил один репортер, глядя на полусферу. — Смотрите, еле шевелятся. Похоже на замедленную съемку.

— Это иллюзия, — ответил доктор Уайт. — По всей видимости, между нами и четвертым измерением существует разница во времени. Там оно должно течь медленнее. Возможно, причина в том, что четвертый уровень куда больше третьего. На самом деле те двое яростно сражаются. Это смертельная битва! Смотрите!

Гротескная рука одной из фигур в дымчатой полусфере медленно потянулась вперед и поползла, нацеленная в

голову другой фигуры. Вторая фигура столь же медленно отклонилась в сторону — слишком медленно. Кулак продолжал неспешно двигаться в том же направлении и в конце концов коснулся головы, а тело нападающего плавно подалось в сторону противника. Голова другого странного существа неестественно извернулась, отклонилась назад, и оно неторопливо опрокинулось.

— Что говорит Уайт?.. Да неужели вы не можете выжать из него какое-нибудь заявление? Он молчит? Хорошенький же из вас репортер, если вы не способны развязать человеку язык. Спросите его о Генри Вудсе. Сочините репортаж о том, как Вудс вошел в голубой свет. Спросите Уайта, сколько еще это будет продолжаться. Черт побери, да сделайте же хоть что-нибудь! И не отрывайте меня от дел до тех пор, пока у вас не будет на руках настоящего материала! Да, я сказал — настоящего материала! Вы что, плохо слышите? Ради бога, раздобудьте хоть какую-нибудь стоящую информацию!

Редактор швырнул трубку.

— Брукс! — рявкнул он. — Свяжитесь с военным министерством в Вашингтоне. Спросите, намерены ли они поддержать Уайта. Давайте, шевелитесь. За дело! Как с ними связаться? Понятия не имею. Свяжитесь — и все. Да побыстрее!

Пишущие машинки стрекотали словно досужие кумушки, перекрывая стоящий в редакции гул. Вокруг сновали курьеры, сжимая в грязных руках белые листы бумаги. Телефоны трезвонили вразнобой, и в сизом дыму от трубок и сигарет слышались резкие голоса взмокших журналистов, которые лихорадочно облекали в слова поразительные события, сотрясавшие мир.

Редактор, без галстука, расстегнув ворот рубахи и закатав по локоть рукава, барабанил пальцами по столу. Последние сутки в редакции творилось настоящее безумие, и он ни на минуту не покидал своего кресла. Он смертельно устал. Когда выдастся свободная минутка, когда напряжение

спадет, он уснет как убитый. Но сейчас возбуждение поддерживало его на ногах. Надо работать. Таких новостей мир не помнил. Каждая новая заметка означала необходимость верстать все заново, готовить еще один экстренный выпуск. Даже сейчас печатные машины работали на полную мощность, а газеты, на которых едва высохла типографская краска, в два счета расхватывала публика.

В отдел городских новостей, размахивая листком бумаги, ворвался человек и положил листок перед редактором. Все, кто находился в комнатке, словно почувствовав что-то необычное, сгрудились вокруг.

— Только что пришло, — выдохнул человек.

Это было телеграфное сообщение:

«Рим. Черный Ужас отступает по всему фронту. Хотя он, по всей видимости, все так же неуязвим для любого известного людям оружия, осада с города практически снята. Причина неизвестна».

Редактор пробежал текст глазами.

Далее следовало еще одно сообщение:

«Мадрид. Черный Ужас, последние два дня окружавший город кольцом темного кошмара, спасается бегством, стремительно исчезая...»

Редактор нажал на кнопку. Послышался ответный звонок.

— Наборный цех, — крикнул он, — готовьте новую первую полосу. Да, еще один экстренный выпуск! У всех глаза на лоб вылезут!

Телефон залился отчаянным звоном. Редактор схватил трубку.

— Да. Что такое?.. Уайт заявил, что требуется помощь? Понятно. Вудс и все остальные слабеют? Сильно досталось, говорите?.. Нужны еще люди для отправки на другой уровень? Необходимо подкрепление?.. Да, ясно. В общем,

скажите ему, что он все получит. Если он может подождать полчаса, народ отправится туда тысячами. Я буду не я, если мы этого не сделаем! Только скажите Уайту, пусть продержится! Вся страна придет на помощь!

Он бросил трубку.

— Ричардс, — велел он, — сделайте заголовок: «Нужна помощь», «Требуется подкрепление» — ну, что-нибудь в таком роде, понимаете? Так, чтобы брало за душу. Скажите мастеру, чтобы отыскал самый крупный шрифт, какой только есть. Хоть в целый фут высотой. Сейчас он будет как никогда кстати.

Редактор вновь повернулся к телефону:

— Девушка, свяжите меня с военным министром в Вашингтоне. Да, лично с министром. И ни с кем другим. Вы хорошо меня поняли?

В ожидании соединения редактор обвел взглядом вопросительные лица журналистов, обступивших стол.

— Через два часа, — пояснил он, для убедительности грохнув кулаком по столу, — вся армия Соединенных Штатов отправится строем вслед за Вудсом!

Кровавое солнце садилось за край странного мира, но, казалось, никак не могло собраться с духом и окончательно нырнуть за исполинские черные утесы, нависающие над чернильными тенями у их подножий. Пурпурное небо потемнело и стало похожим на мягкий черный бархат. Вспыхнули огромные звезды.

В сгущающихся сумерках темнел гигантский силуэт Оуглата — жуткого бесформенного великана. Он стал выше, шире, огромнее. Теперь голова Мал-Шаффа едва доставала противнику до груди; громадные ручищи казались игрушечными по сравнению с руками Оуглата, а ноги — прутиками.

Раз за разом он едва уворачивался от пытающегося схватить его Оуглата. Стоит лишь оказаться во власти врага — и тот разорвет его на куски.

Поединок превратился в игру в прятки, точнее — в кошки-мышки, а мышкой на этот раз был Мал-Шафф.

Солнце медленно опускалось, и все вокруг погружалось в сумрак. Лихорадочно соображая, как уцелеть, Мал-Шафф дожидался темноты. Он ловко подводил их поединок все ближе и ближе к непроницаемой тьме, укрывавшей подножия могучих утесов. В темноте есть шанс скрыться. Сил продолжать этот неравный бой больше не было. Оставалось лишь бегство.

Солнце уже село. Тьма стремительно окутывала пространство бескрайним покрывалом, создавая иллюзию, будто само мрачное небо опускается на землю.

От непроглядной черноты под утесами Мал-Шаффа отделяли всего несколько шагов. Он молнией кинулся в эту тьму и утонул в ее объятиях.

Взревев, Оуглат бросился следом.

Почти касаясь плечами исполинской каменной стены, которая уходила на сотни футов ввысь, Мал-Шафф несся вперед, и страх придавал прыти его подламывающимся ногам. За спиной слышался рев врага. Оуглат разыскивал его. Безнадежная затея: в кромешной тьме врагу нипочем не найти его — Мал-Шафф был уверен в этом.

Измученный и задыхающийся, он упал у подножия стены, хватая ртом воздух. Кровь гудела в висках, и все силы, казалось, иссякли. Он лежал неподвижно и смотрел на чуть менее темную пустошь, расстилавшуюся впереди.

Так он лежал, отдыхая. Его взгляд бесцельно бродил по пустоши и вдруг наткнулся на холм, вздымающийся из земли в отдалении — справа от него. Тот показался Мал-Шаффу смутно знакомым. В голове забрезжили воспоминания о чем-то очень важном, связанном с этим холмом.

Внезапно его охватило необъяснимое беспокойство. Далеко позади слышался разъяренный рык Оуглата, но Мал-Шафф едва замечал его. Пока землю окутывала тьма, врага можно было не опасаться.

А вот холм вызывал беспокойство. Мал-Шафф вдруг почувствовал, что должен подняться на вершину. Этому решению не было никаких разумных объяснений. Здесь, у подножия утеса, он определенно находился в большей безопасности, но его словно звал какой-то голос, дружеский голос с вершины холма.

Мал-Шафф поднялся на гудящие ноги и двинулся вперед. Каждая клеточка тела отчаянно протестовала, но он, упрямо переставляя ноги, механически шел дальше.

Очутившись у подножия холма, он заглушил странный настойчивый голос, который звучал у него в голове, и ненадолго остановился, чтобы дать отдых измученному телу. Нужно было набраться сил для подъема.

Он понимал, что впереди ждет опасность. Как только он покинет спасительную черноту у подножия утеса, Оуглат непременно заметит его. А это верная гибель. Лить на вершине холма он будет в безопасности.

Внезапно пейзаж залило мягкое зеленое сияние. Только что вокруг было темно, хоть глаз выколи, а через миг вдруг стало светло, как днем, — словно кто-то включил гигантский фонарь.

Мал-Шафф в ужасе огляделся в поисках источника света и над самым горизонтом увидел громадный зеленый шар, который прямо у него на глазах поднимался по небесной лестнице.

Луна! Огромный зеленый спутник, стремительно вращающийся вокруг этого проклятого мира!

Ошеломляющий страх охватил Мал-Шаффа, и с высоким пронзительным криком гнева он помчался вперед, позабыв про терзаемое болью тело и саднящие легкие.

На его крик эхом отозвался издалека другой, и из мрака вокруг утесов в конце пустоши выскочила черная фигура. Оуглат напал на след!

Мал-Шафф бешено понесся по склону, взбежал на гребень и ничком бросился на землю, обессиленный почти до предела.

Странное ощущение довольства овладело Мал-Шаффом. Новые силы хлынули в него, и былое возбуждение битвы с прежней мощью запульсировало в крови.

Что-то непонятное происходило не только с его телом, но и с сознанием. Мир вокруг казался необычным, как будто скрывал в себе какую-то неуловимую, непостижимую тайну. Откуда-то из глубин разума упорно пробивался вопрос: кто он такой и что собой представляет? Странные мысли! Он Мал-Шафф! Но всегда ли он был Мал-Шаффом?

В памяти всплыла колонна пронзительного света, существа, которые вступали в этот свет... Их тела ничем не напоминали его собственное, но он был одним из этих существ. А еще что-то такое об измерениях, о других уровнях, о том, что один уровень замыслил напасть на другой...

Он кое-как поднялся на кривые ноги и замолотил по исполинской груди могучими ручищами с длинными когтями. Потом запрокинул голову, и из его горла вырвался рев, от которого даже у самых отважных храбрецов кровь застыла бы в жилах.

Внизу бродивший по пустоши Оуглат услышал его клич и ответил на него своим, столь же кровожадным.

Мал-Шафф сделал шаг вперед — и окаменел. В его сознании прозвучал резкий приказ вернуться на прежнее место и ждать нападения там.

Он отступил назад и встал, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и чувствуя, как с каждой секундой в него вливаются все новые и новые силы и тело, увеличиваясь в размерах, обретает еще большую, чем прежде, мощь. Глаза застилала красная пелена ненависти, с языка одно за другим слетали вызывающие оскорбления в адрес того, кто в этот самый миг приближался к подножию холма.

Оуглат поднялся на вершину — и ночь превратилась в кромешный ад. Исполненные гнева и ярости крики, словно прибой, бились о черные утесы. На губах взбешенного великана выступили хлопья пены, красные глаза сузились до щелочек, челюсти ходили ходуном.

Когда врагов разделяло всего несколько футов, Оуглат бросился в атаку.

Мал-Шафф был готов к бою. Теперь они сравнялись друг другом в размерах, и исход кровавого поединка был непредсказуем.

Почувствовав под пальцами мягкое горло врага, Мал-Шафф усилил хватку. Обезумевший Оуглат в ответ осыпал его градом чудовищных ударов, однако все попытки громадного чудовища вырваться из хватки соперника были безрезультатными.

Теперь над пустошью стояла тишина. Сама ночь, казалось, погрузилась в мрачные раздумья, наблюдая за поединком на вершине холма.

Все больше и больше становился Мал-Шафф, пока не вознесся над Оуглатом словно исполин.

Тогда он разжал пальцы, но едва Оуглат попытался удрать, протянул руку и, ухватив врага за шкирку, вскинул его высоко над головой, а потом швырнул оземь. Прыгнув на распростертое тело, Мал-Шафф принялся топтать его, расплющивая и вбивая в землю. С дикими криками он исступленно месил ногами то, что еще недавно было Оуглатом — Черным Ужасом.

Когда от противника не осталось и следа, Мал-Шафф отошел в сторону и огляделся.

И тут он впервые заметил, что на гребне холма в безмолвии столпились другие чудовищные фигуры. Он обвел их взглядом, не зная, удивляться их появлению или сердиться.

— Это же Мал-Шафф! — воскликнул один из неизвестных.

— Да, я Мал-Шафф. А вам что за дело?

— Но послушай, Мал-Шафф, ведь Оуглат давным-давно тебя уничтожил!

— А я, — отозвался Мал-Шафф, — только что уничтожил Оуглата.

Чудища молчали и беспокойно переминались с ноги на ногу. Потом еще один великан выступил вперед.

— Мал-Шафф, — начал он, — мы считали тебя мертвым. Но, как видно, ошибались. Мы рады, что ты снова среди нас. Оуглат, который когда-то пытался убить тебя, но не сумел, погиб от твоей руки. Туда ему и дорога. Оставайся и живи с нами в мире и согласии. Мы приветствуем тебя.

Мал-Шафф поклонился.

Словно и не было никаких мыслей о третьем измерении. В памяти Мал-Шаффа промелькнули странные, щемящие воспоминания о бурой пустыне, усеянной алыми валунами, о серебристых скалах из поблескивающего словно металл камня, о безбрежных морях, обрушивающих волны на вздымающиеся к небесам утесы. И не только о них. Перед его внутренним взором возникли огромные дворцы из сверкающих драгоценных камней, причудливые картины ночных празднеств в глубоких черных пещерах, озаренных сполохами поистине адского пламени.

Он снова поклонился.

— Благодарю тебя, Батазар.

Не оглядываясь, Мал-Шафф зашагал вниз по склону вместе с остальными.

— Что?! — крикнул редактор в трубку, — Что вы сказали?! Доктор Уайт мертв?! Самоубийство?! Да, понял. Эй, Робертс, живо сюда! Срочно возьмитесь за этот материал.

Когда будете писать, — сказал он, передавая трубку своему подчиненному, — особо подчеркните, что Уайт очень разволновался из-за провала эксперимента, а главное — из-за невозможности вернуть людей обратно в третье измерение. Расхваливайте его на все лады за то, что он положил конец Черному Ужасу. Это настоящая сенсация.

— Я все понял, шеф. Сделаю, — ответил Робертс и, обращаясь уже к собеседнику на другом конце провода, проговорил — Ладно, Билл, давай, выкладывай, что там у тебя…

— Последний заряд — и заканчиваем. Пойдем поедим чего-нибудь и поспим, — предложил брату Винс Дрейк.

Вернон Дрейк кивнул.

— У меня уже нервы на пределе, не могу так долго не вылезать из скафандра, — сказал он. — Мы сегодня, похоже, сделали больше, чем надо, Винс.

— Да, работенка не из легких, — согласился тот, — Но чем раньше мы доставим груз на Землю, тем быстрее сможем купить новую модель «Орленка».

Парочка легко поскакала по каменистой поверхности астероида к космическому кораблю. Звездолет — серебристый монстр, уцепившийся за астероид, — своим видом нарушал коричневато-серую монотонность маленького мирка. Сила притяжения была слабой, такой слабой, что братьям, когда они работали, приходилось обвязывать вокруг пояса тросы, а их свободные концы прикреплять к «Орленку». Сам же корабль был надежно заякорен на планетоид при помощи магнитных дисков — иначе он при малейшем толчке отправился бы в космос.

Прыгнув в полную силу, человек мог легко оторваться от поверхности крошечной планеты и оказаться вне приделов ее притяжения. Отсюда и необходимость «швартовать» себя тросом к кораблю. Мало радости случайно вспорхнуть с каменной платформы и не иметь возможности приземлиться обратно. Сначала братья экспериментировали с утяжеленными ботинками, потом с магнитными дисками, крепившимися к подошвам, но и то и другое оказалось слишком громоздким и неудобным.

Над головой, на фоне бархатистой черноты абсолютного космоса, по своему неизменному пути двигались звезды. Астероид — каменная глыба около пяти миль в длину, вполовину меньше в ширину и мили четыре в толщину — быстро кружился в пространстве. За завесой тьмы, которая

окутывала маленький безвоздушный мирок, можно было наблюдать торжественную процессию созвездий, поражавшую царившим в ней порядком.

В той стороне, где находилось Солнце, милях в пятнадцати от астероида, на котором обосновались Дрейки, виднелся закатывающийся за горизонт Близнец. Астероид с золотом и Близнец, два небольших небесных тела — по сути, просто куски камня, вращавшиеся в пространстве один вокруг другого, — составляли часть пояса астероидов, который остался от мифологической планеты, располагавшейся между Марсом и Юпитером (и разлетевшейся на тысячи мелких осколков много миллионов лет назад).

То здесь, то там из темноты выступали смутные очертания других астероидов пояса, лишь некоторые из которых тускло мерцали, отражая свет далекого Солнца. Порой совсем близком проносились огромные каменные обломки, летящие неизвестно куда сквозь пространство. Иногда на астероид, где расположились Винс и Вернон, обрушивались метеоритные дожди: его бомбардировали маленькие метеоры, летящие со скоростью пули. Множество опасностей подстерегало здесь, но ставки были высоки, и братья предпочли рискнуть.

Две каменные глыбы, вращающиеся одна вокруг другой, настоящие космические близнецы... Но Близнец представлял собой просто огромную скалу, тогда как тот астероид, на котором Винс и Вернон производили взрывные работы, был весь пронизан желтыми прожилками золота. Руда была богатая, невероятно богатая, такая богатая, что практически рассыпалась прямо в пальцах. Стоимость того, что звездолет сможет взять на борт только за один раз, достигнет шестизначного числа. Космическая сокровищница! Золотая кладовая в межзвездной пустоте!

Братья добрались до корабля, и Винс опустился на колени, чтобы присоединить провода к детонатору. Заряды закладывали в узкие шурфы с таким расчетом, чтобы взрыв получился не слишком сильным. Если переборщить, то из-

за слабой гравитации часть богатого золотой рудой грунта будет выброшена в космос и утрачена навсегда. Такое случалось несколько раз, пока Дрейки не научились верно определять количество взрывчатки.

— Держись, — предупредил Винс.

Вернон ухватился за ступеньку наружной лестницы «Орленка». Винс взялся за другую ступеньку, а свободной рукой нажал на плунжер детонатора.

Шума не было, лишь яркие вспышки сверкнули там, где была заложена взрывчатка. Планетоид отчаянно задрожал под ногами. «Орленок так резко подскочил на месте, что едва удержался на магнитных якорях. В полумиле от корабля, там, где сработали заряды, фонтаны мелких каменных осколков взметнулись вверх, но не упали обратно, а разлетелись в разные стороны. Обломки руды один за другим исчезли из виду, становясь отдельными фрагментами в массе себе подобных, которая составляла пояс астероидов.

— Ну, теперь на борт, — сказал Винс. — Перекусим и выспимся хорошенько. Мы сегодня славно поработали.

— Но прежде всего я сброшу с себя скафандр, — заявил Вернон. Поворачиваясь к двери, он взглянул вверх и замер в изумлении, — Гляди, Винс! — крикнул он.

Появившись откуда-то из пустоты и закрыв собой часть неба, прямо над ними застыл огромный черный корабль. Ничто не предвещало его появления. Он внезапно выплыл из непроницаемой космической тьмы и грозной тучей навис над маленьким мирком. Сопла ракетных двигателей не изрыгали пламя.

В наушниках переговорных устройств обоих братьев раздался повелительный голос:

— Стойте, где стоите. Не двигайтесь. Мы спускаемся, и вы у нас на прицеле.

Голос доносился с корабля.

— Кто вы такие, черт побери? — возмущенно спросил Вернон.

— Говорит Макс Робинсон, капитан космического корабля «Звездный скиталец».

Макс Робинсон со «Звездного скитальца»! Лица обоих братьев побледнели под шлемами. Самый известный космический пират! Непревзойденный грабитель, кровожадный бандит, гроза межпланетного пространства. Откуда он узнал о дивном сокровище, таящемся на маленьком астероиде?

Сказать было нечего. Два молодых минера поначалу не осознали подлинного значения визита Робинсона. Все произошло так внезапно, что не было никакой возможности осмыслить ситуацию.

— Проклятый грабитель! — с горечью в голосе сказал Вернон и почувствовал, как пальцы брата словно тиски сжимают его руку.

— Никто не смеет, — голос в наушниках звучал холодно и бесстрастно, — безнаказанно говорить так с Максом Робинсоном.

Винс снова сдавил руку брата, и это удержало Вернона от очередной резкой фразы.

Оба стояли тихо, наблюдая, как гигантское судно медленно снижается, собираясь отдать якоря совсем недалеко от того места, где стоял «Орленок». Через освещенные иллюминаторы братья видели людей на борту корабля. Лица тех, кто был свободен от работы, появлялись то тут, то там в кругах света. Пираты взирали на крошечный мирок, который они почтили своим присутствием.

Трап медленно откинулся вниз, наружная дверь воздушного шлюза была быстро разблокирована и открыта.

— Добро пожаловать на мой корабль, — раздался голос Робинсона, — Входите с миром.

В голосе пирата отчетливо звучала угроза. Братья понимали, что постоянно будут находиться под прицелом всего оружия, какое только есть на «Звездном скитальце», за

исключением разве что времени, которое проведут в шлюзовой камере.

Длинными прыжками минеры двинулись вперед и ступили на трап вражеского корабля. Здесь они остановились, чтобы освободиться от тросов, обхватывавших талии.

— В чем дело? — рявкнул Робинсон.

— Нужно снять страховку, — объяснил Винс, — Сила притяжения здесь такая слабая, что мы привязываем себя к нашему кораблю.

— Правильная мысль, — одобрительно усмехнулся Робинсон, — Никогда не забуду, как один из моих людей однажды спрыгнул с примерно такого же, как вот этот, паршивого маленького астероида. Мы носились вокруг в течение нескольких часов, прежде чем подобрали его. Мертвого. Отправился с перепугу в мир иной. — Братья снова услышали утробный смешок пирата.

Винс и Вернон промолчали. Ни один из них в тот момент не мог найти ничего смешного в том, что испуг довел человека до последней черты и его призвала к себе смерть. Избавившись от страховок, братья поднялись по трапу в шлюзовую камеру. Дверь за ними бесшумно поднялась на тросах и закрыла проем. Послышалось резкое шипение, продолжавшееся несколько минут, и наконец внутренняя дверь открылась.

Вернон снова почувствовал предостерегающее пожатие руки брата, когда из шлюзовой камеры они вступили внутрь корабля. Несколько членов экипажа тут же подскочили к «гостям» и проворно ощупали сверху донизу их наполненные воздухом скафандры.

— Не беспокойтесь, — успокоил пиратов Вернон, — у нас нет оружия.

Люди Робинсона расступились.

Братья отстегнули и откинули назад шлемы, после чего перекрыли клапаны кислородных баллонов. Скафандры вмиг обмякли и стали свободно облегать тела.

Разглядывая корабль, Винс и Вернон пришли к заключению, что «Звездный скиталец», оборудованный массой различных приспособлений, которые обеспечивают комфорт и безопасность космического путешествия, отвечает всем самым современным требованиям.

В отсеке рядом с ними находились шесть членов команды. Их лица не внушали доверия; подонки, набранные в тех космических портах, что пользуются самой дурной славой во Вселенной. Наверняка, большинство из них — преступники, скрывающиеся от правосудия.

— Капитан хочет вас немедленно видеть, — сказал один из бандитов.

— Не возражаете, если мы снимем скафандры? — спросил Вернон, — Не очень-то приятно таскаться в них целый день.

— Валяйте. Вряд ли от этого кому-нибудь будет хуже, — проворчал пират, — Но все же поторопитесь.

Братья быстро расстегнули скафандры и вылезли из них, оставив валяться на полу.

— Капитан не из тех, кого можно заставлять ждать, — наставительным тоном произнес тот же бандит.

Минеры последовали за своим провожатым по центральному коридору в носовую часть корабля. Перед дверью проводник остановился и постучал.

— Войдите, — раздался командный голос, который Дрейки уже слышали в наушниках переговорных устройств.

Проводник распахнул дверь и жестом пригласил братьев войти внутрь. Винс и Вернон переступили порог, дверь за ними закрылась, и Дрейки оказались лицом к лицу с Максом Робинсоном, самым жестоким и неуловимым космическим пиратом во всей Солнечной системе.

Он был одет в яркую, украшенную золотыми пуговицами униформу, зеленовато-голубую, с красным кружком на груди в качестве знака отличия. В глаза бросались высокий лоб и квадратная челюсть, но ничего чрезмерного в них не было. Широкий плоский нос подрагивал над едва

заметными усиками, а губы были полные и красиво очерченные. Такое лицо могло принадлежать среднестатистическому земному бизнесмену... если только не смотреть этому человеку в глаза, в которых читались лишь холодный расчет и патологическая жестокость.

Робинсон сидел за большим столом из прекрасного резного камня. Этот великолепный образец марсианского искусства, наверное, был частью добычи, захваченной пиратами в каком-нибудь спаленном дотла поселении, куда Робинсон со своей бандой вандалов «заглянул», чтобы пополнить запас продовольствия. На стенах были развешены картины — истинные шедевры мирового искусства. В стенных нишах стояли изящные вазы и статуи. Пол был застлан пушистым ковром.

— Ну, как вам нравится мой кабинет? — осведомился Робинсон.

— Он обставлен с большим вкусом, чем можно было ожидать, — ответил Винс.

Скрытый смысл этих слов не остался незамеченным.

— Когда вы познакомитесь со мной поближе, — проворковал хозяин кабинета, — вас ожидает еще много сюрпризов.

— Не сомневаюсь, — сказал Винс.

Глаза Робинсона сузились. Казалось, он был готов перейти на резкий тон, но потом изменил свое намерение.

— Вы тут добываете руду?

— Нет, занимаемся исследованиями, — солгал Винс.

— Нашли что-нибудь?

— Немного свинца.

— Ай-ай, как плохо, — с насмешливым сочувствием в голосе запричитал Робинсон. — Совсем плохо. Вы так долго торчите на этом астероиде, а нашли всего лишь немного свинца? Забавно. Мы видели вас двадцать дней назад, пролетая мимо. И когда сегодня снова вас заметили, решили, что вы, видимо, нашли что-то интересное. Поэтому и спустились.

Винс промолчал. Сказать было нечего.

— И взрывные работы вели, — продолжал пират, — в том же самом месте. Интересно. Мне кажется, занимаясь исследованиями, вы должны были сделать много пробных взрывов.

— Мы очень надеялись найти что-нибудь действительно ценное, — объяснил Вернон, — Как раз решили, что пора заканчивать с этим. Если ничего не обнаружим после последнего взрыва, то не станем продолжать разведку. Мы и без того потратили впустую кучу времени на этом астероиде.

— Ты прав, — Голос Робинсона был шелковисто-мягким. — Вы не станете продолжать разведку... Ни на этом астероиде, ни на каком бы то ни было другом.

— Это почему? — изобразил непонимание Вернон.

Робинсон, казалось, не слышал вопроса. Он всем телом навалился на стол и с размаху стукнул кулаком по полированной крышке.

— Что вы нашли?! — проревел пират.

— Свинец, — настаивал на своем Винс.

Робинсон взял маленький молоточек и ударил в гонг, стоявший у него на столе. Дверь отворилась, и в комнату вошел человек, который привел Дрейков в кабинет капитана.

— Устройте этих джентльменов со всеми удобствами, — распорядился главарь пиратов, — Я хочу своими глазами взглянуть на эту их свинцовую копь.

Слуга с дьявольской усмешкой на губах кивнул братьям, чтобы те следовали за ним, и повел пленников по коридору. В самом хвосте корабля он остановился и отпер ключом тяжелую дверь.

— Входите, — сказал проводник.

Братья вошли внутрь, дверь со скрипом закрылась. Секундой позже ключ со скрежетом повернулся в замке.

В тюремной камере «Звездного скитальца» стояли четыре привинченные к полу металлические кровати. Другой мебели не было.

Вернон тяжело опустился на одну из кроватей.

— И что нам теперь делать? — спросил он.

— Ждать. Попробуем определить, какие у нас шансы, — ответил Винс, — Может статься, что никаких. Но если будет хоть один, мы должны использовать его на все сто. Надо постараться не злить Робинсона, но в то же время сохранить достоинство. Мы не должны давать ему повод думать, что боимся его — того, что он может с нами сделать. Мы изложили ему свою историю и не отступимся от сказанного: мы занимались исследованиями и обнаружили свинец. Даже если он найдет здесь тонны золота, для нас это все равно будет свинец.

Предложенная братом линия поведения вызвала у Вернона скептическую усмешку.

Винс сел на кровать и положил руку на плечо брата.

— Нам не повезло, братишка, — сказал он. — Мы в руках худшего бандита во всей Вселенной. Мы... — Он умолк, подыскивая слова.

— Да, знаю, — отозвался Вернон, и оба молча уставились в серую стену прямо перед собой.

Винс нарушил молчание:

— Нет смысла себя обманывать, — после паузы заговорил Винс.

— Никакого, — согласился Вернон. Голос его звучал так же напряженно, как и голос брата.

— Но мы должны помнить, — продолжил Винс, — что это не первый раз, когда Дрейки попадают в переделку. Кто-то из них счастливо выбирался из любых передряг, кто-то нет. Но все они всегда оставались Дрейками. Не было среди них ни одного труса или слюнтяя. Никто со слезами не просил о пощаде. Они никогда не забывали того, чему их учили. У нас есть нечто такое, чего нет, никогда не было и не будет у Робинсона, так что победа еще может остаться за нами. Что бы ни случилось, он получит мало удовлетворения от своей авантюры.

И снова братья на некоторое время погрузились в молчание.

— Давай спать, — предложил Вернон.

Винс ответил одобрительным кивком.

— Отличная идея, — сказал он и, стремясь лишний раз выразить поддержку и понимание, сжал плечо брата так, что у того даже кости хрустнули.

Усталые как собаки после долгих часов, проведенных в тесных скафандрах за добычей золотого сокровища из недр затерянного маленького астероида, они спали долго-долго, а когда проснулись, в камере стоял стол, уставленный тарелками с едой.

Вернон подошел к единственному имевшемуся в их темнице иллюминатору. Снаружи кипела работа. Несколько подъемных кранов высились над поверхностью маленького астероида, и, казалось, весь экипаж «Звездного скитальца» был занят изъятием золотого запаса планетоида. Огромные прожекторы, в спешке установленные кое-как, освещали сцену действия, выхватывая отдельные детали картины, в то время как другие оставались в глубокой тени. Скафандры блестели и сверкали, и абсолютную темноту космического пространства внезапно прорезали вспышки взрывов. «Звездного скитальца» то и дело пробивала дрожь, волной прокатывавшаяся от носа до хвоста корабля. Тяжело нагруженные люди с трудом взбирались по трапу и исчезали за дверью шлюзовой камеры.

— Что они делают? — сонно поинтересовался Винс, не вставая с кровати.

— Иди посмотри сам.

Братья стали вместе наблюдать за происходящим.

— Наши заряды, — сказал Вернон.

Винс обреченно кивнул. Оба брата отвернулись от окна, и их внимание привлек стол, заставленный едой.

— Отрава? — предположил Вернон, но Винс покачал головой.

— Это не похоже на Робинсона, — рассудил он, — недостаточно кроваво. Что за радость: отправить в вечность две

несчастные души с помощью дозы стрихнина. Робинсон любит эффекты.

— Надеюсь, ты прав, — сказал Вернон.

— Какая разница, прав я или нет? — урезонил брата Винс, — Мы хотим есть, не так ли? Я лучше проглочу отраву, чем стану голодать.

Кухня на пиратском корабле была недурная, и братья, во рту у которых уже целые сутки не было ни крошки, отдали должное угощению Робинсона.

Через час появился человек, отводивший пленников в камеру, и убрал со стола...

— Капитан просил передать вам, что он нашел золото, — важно произнес охранник.

— Скажите капитану, что он нашел свинец, — поправил его Винс.

Время шло. Близнец уже десять раз обернулся вокруг своего брата-двойника. Добыча золота не прерывалась ни на минуту. Очевидно, Робинсон разделил экипаж на смены, и работа шла безостановочно. Поверхность планетоида покрылась огромными воронками. Было ясно, что пираты не прекратят взрывные работы, пока золото не иссякнет либо пока их корабль не будет нагружен до отказа.

Еду пленникам давали через определенные промежутки времени, и они спали, когда им того хотелось. Часть времени братья проводили у иллюминатора, наблюдая за тем, что происходит вокруг корабля. Они попросили у своего тюремщика колоду карт и коротали время за игрой, делая невероятно высокие ставки, — воображаемые, конечно. Ни тот ни другой не заикался о том, что лежало камнем на душе, и не заводил речь о возможности побега. Оба знали, что любая попытка закончится плачевно.

Побег с корабля без скафандров означал неминуемую смерть, причем смерть ужасную, ведь на астероиде не было воздуха. Окажись у них скафандры, все равно бежать с корабля пришлось бы на глазах у толпы пиратов. И даже если бы им удалось целыми и невредимыми добраться до

«Орленка», оружие, которого на «Звездном скитальце было полно, в один момент могло испепелить и их самих, и крошечный звездолет. Все это было яснее ясного.

Близнец восемнадцатый раз обернулся вокруг своего космического компаньона, когда Дрейков снова потребовал к себе Робинсон. Они шли по коридору, позади важно вышагивал охранник. Вернон быстро протянул руку и крепко пожал руку брата. Братья двигались по дороге смерти. Ни один не усомнился в этом ни на мгновение. Не в обычаях Макса Робинсона оставлять в живых людей, которых он ограбил. Ему было невыгодно иметь в Системе слишком много врагов, ненавидящих его той лютой ненавистью, которая вырастает только на почве личной обиды.

Однако братья шагали, расправив плечи, высоко подняв головы, и в их уверенной поступи не было и намека на обреченность людей, идущих на эшафот.

Они не стали дожидаться, пока охранник доложит о том, что пленники доставлены. Винс постучал костяшками пальцев по металлической двери кабинета Робинсона.

— Войдите, — отозвался пират.

Братья остановились перед украшенным чудесной резьбой столом, за которым восседал самый страшный и ненавистный человек во всей Солнечной системе.

Робинсон окинул их взглядом прищуренных глаз, и презрительный смешок застрял у него в горле.

— Этот ваш астероид, — начал он, — неплохая штучка. Здесь сокровищ столько, что и во сне не приснится. Он просто нашпигован золотом.

— Он нашпигован свинцом и в настоящий момент кишит грабителями, — мягким тоном поправил Винс.

Робинсон сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей, но Вернон, внимательно наблюдавший за хозяином кабинета, заметил, что реплика брата задела того за живое.

— Это достойно сожаления, — елейным голоском продолжал пират. — Открыть такой огромный склад золота — и все потерять. Сила духа, которую вы проявили в сложившихся

обстоятельствах, впечатляет. Вы достойны лучшей доли, чем та, какая обычно ожидает моих... моих...

— Жертв, — подсказал Вернон.

— Именно! — просиял Робинсон, — Как ты догадался?

— Просто я все время на шаг впереди вас, — объяснил Вернон.

Робинсон, однако, был полон решимости не терять лицо, потеряв терпение. Сперва он намеренно прибегал к насмешкам, чтобы сломить дух пленников, а теперь уже принуждал себя сохранять игривый тон.

Пират вскинул голову.

— Я получил все, что хотел, — заявил он, — может быть, даже больше того, на что имел право. Ведь это ваш рудник. Вы открыли, что здесь есть золото. Его еще много осталось. Я не намерен сюда возвращаться. В Системе еще много подобных сокровищ, да и сокровища сами по себе ничего не значат для Макса Робинсона. Что есть сокровище в сравнении с удовольствием от процесса его получения!

— Надеюсь, — ввернул Винс, — вы получили большое удовольствие от нашего рудника.

Робинсон с издевкой кивнул.

— Разумеется, — сказал он, — поэтому я и решил оставить вас в живых — здесь, вместе со всеми вашими копями. Я уже достаточно сделал дурного в своей жизни. Мне до зарезу нужно совершить несколько актов милосердия, чтобы искупить свои грехи.

Винс почувствовал, что Вернон, стоявший сбоку от него, заволновался, и поспешил успокоить брата пожатием руки. Вернон замер... в ожидании, когда же Робинсон вытащит джокера из рукава.

— Жаль только, — говорил тем временем пират, — что у меня мало кислородных баллонов. Я смогу оставить вам только три. По одному для каждого из вас и еще один на двоих. Как уж вы там будете его делить — ваше дело. — Робинсон торжественно посмотрел на пленников. — С сожалением должен вам сообщить, что я буду вынужден на время

удалить ваш корабль из пределов досягаемости. В противном случае, уверен, вы воспользуетесь им немедленно и тут же рванете на Марс, чтобы сообщить кому следует о моем присутствии в этой части Солнечной системы. А мне, знаете ли, до поры до времени хотелось бы сохранить инкогнито.

— Вот хитрец! — воскликнул Винс. — Старый лис.

Робинсон ухмыльнулся.

— Я собираюсь перенести ваш кораблик всего на несколько миль отсюда — поставлю его на якорь на Близнеце, и вы сможете им любоваться. Один из моих людей (до того как он совершил некий опрометчивый поступок и стал искать моего покровительства, он преподавал математику в земном колледже), так вот, этот человек рассказал мне, что на протяжении нескольких тысяч лет вращение парных астероидов постепенно замедляется, их орбиты сближаются, пока в конце концов оба астероида не соединятся. Когда это произойдет, вы сможете добраться до своего корабля и вернуться на Землю или на Марс, не причинив мне по крайней мере вреда.

— Если кислорода хватит, — заметил Винс.

— А вот об этом-то я и не подумал! — воскликнул пират. — Может статься, кислорода и не хватит на такой долгий срок.

— Вполне возможно, — поддержал его мысль Винс.

— По крайней мере, вы будете иметь счастье всегда иметь возможность видеть свой корабль, когда Близнец будет находиться над горизонтом, — утешил братьев Робинсон.

При последних словах Винс подпрыгнул, налетел всем телом на стол, опрокинул его и выбил пирата из кресла. Кресло с глухим стуком повалилось на застеленный ковром пол. Ваза, стоявшая в стенной нише, закачалась и упала. Ударившись об стоявшую ниже статую, она разбилась на тысячи мелких осколков.

Винс, слегка помятый столкновением со столом, с трудом поднялся на ноги.

Вернон перепрыгнул через стол и исчез за ним. Винс тут же последовал за братом. Вернон и Робинсон сцепились на полу в клубок, из которого на мгновение появлялась то чья-то рука, то нога.

Винс включился в борьбу. Его руки дотянулись до могучей шеи пирата и как тисками сдавили горло.

В коридоре послышался топот ног.

— Быстрее! — крикнул Винс. — Прием, которому учил нас Кан!

Вернон молниеносно вскочил на ноги. Потом резко опустился и, навалившись всей тяжестью своего тела, надавил коленом на поясницу Робинсона. Винс, пальцы которого, как стальные щупальца, все еще обвивали горло врага, дернул тело пирата вверх и назад, вложив всю свою силу в этот решающий рывок. Послышался резкий хруст, позвоночник переломился.

Винс ослабил хватку, и тело рухнуло на пол.

Тут вышибли дверь. Братья одним движением перепрыгнули через стол и оказались в центре круга из дюжины пиратов, прежде чем те успели пустить в ход оружие. Работая кулаками, как поршнями, Винс и Вернон бросились в атаку. Схватка перемещалась по комнате из угла в угол. Пираты боялись использовать оружие в таком тесном помещении.

Винс рассчитался со своим первым противником точным ударом в висок, но следующий удар смазал — кулак неловко скользнул по гранитному подбородку другого пирата. Потом кто-то сильно ударил Винса в грудь, но он достойно ответил, сшибив нападавшего с ног. Следом на голову Винса опустился кулак чудовищного размера, едва не повалив его на пол. Пока он силился прийти в себя, другой удар припечатал его к стене. Перед ним замаячило чье-то лицо, и Винс с размаху поразил цель. По физиономии расплылось красное пятно, и она исчезла из поля зрения. Потом последовала череда кулачных ударов... сильных ударов...

Винс поймал взглядом Вернона, которого окружили посередине комнаты со всех сторон; увидел, как отключился

один из пиратов, когда брат попал ему кулаком в горло; потом заметил, как брат упал — кто-то ударил его сзади. И снова на Винса посыпались удары, от которых он не мог уклониться, как ни старался... тупая боль, вспышки света в голове и потом... ничего.

Винс очнулся, и глаза ему резанул яркий свет электрических лампочек, голову пронзала пульсирующая боль. Собравшись с силами, он сел и огляделся вокруг.

Все члены экипажа «Звездного скитальца» толпились в комнате, сжимая в руках оружие. В нескольких шагах от него Вернон пытался подняться с пола.

Потом, неуверенно переставляя ноги, брат направился к нему. Винс, превозмогая боль, заставил себя встать и встретился взглядом с Верноном.

— Неплохая была потасовка... пока она продолжалась, — криво усмехнувшись, сказал Вернон.

Винс заметил, что у него недостает одного из передних зубов, а вокруг рта запеклась кровь.

— Наша последняя добрая драка, братишка, — произнес он.

Пираты взяли пленников в плотное кольцо и с тревогой следили за ними.

— Почему они не разделались с нами, братишка? — спросил Винс.

— Распоряжение Робинсона, — объяснил Вернон, — он жив.

— Как это?!

— Робинсон жив.

— Что ты несешь?! — возмутился Винс, — Впервые слышу, чтобы человек остался в живых после приема Кана.

— Его так просто не убьешь. Робинсону на роду написано быть повешенным.

Среди пиратов, окружавших Дрейков, возникло какое-то движение. Они разомкнули круг, чтобы дать пройти в центр еще двум головорезам. Эти двое несли на сцепленных руках покалеченного человека.

Робинсон взглянул на братьев взглядом, полным страдания. Ноги его беспомощно болтались, будто отчаянно, но без всякой надежды стремились дотянуться до пола. Лицо пирата превратилось в перекошенную болью и злостью маску.

— Вы собирались убить меня! — взвизгнул он.

— Мне очень жаль, — сказал Винс.

— Жаль?!

— Жаль, что не удалось.

Робинсон пробормотал что-то себе под нос.

— Бредит, — прокомментировал Вернон, а Винс кивнул.

Но они ошибались.

— Крепкие орешки, — бормотал Робинсон, — но ничего, одни на астероиде, без корабля, вы быстро сломаетесь. Плохо, что меня здесь не будет, когда вы станете драться из-за третьего баллона с кислородом, что я не смогу услышать, как вы будете жалобно скулить, видя свой корабль так близко... и в то же время так далеко. Да, очень плохо, что я не могу подождать, чтобы увидеть вас сломленными, уничтоженными.

Руки Винса, хоть и опущенные вдоль туловища, непроизвольно сжались в кулаки, и он сделал шаг вперед по направлению к пирату.

— Слушай, Робинсон, тебя самого уже больше не будет. Ты просто жалкий калека. Ты никогда снова не встанешь на ноги. Нет на свете человека, который сможет вылечить тебя. У тебя сломан позвоночник... жизнь твоя висит на волоске. Каждую оставшуюся минуту ты будешь сознавать, что всего один неудачный поворот, одно неловкое движение могут отправить тебя в вечность. Надеюсь, с божьей помощью ты проживешь до ста лет, ежесекундно испытывая страх смерти.

— Это ты сломленный человек... бесполезная, выпотрошенная ракушка, — поддержал брата Вернон. — Эти руки переломали тебе кости... сломали тебя... И я чертовски рад, что нам удалось это сделать... Ты глумливая, низкая свинья!

— Уведите их, — распорядился Робинсон.

Пираты подскочили к Винсу и Вернону, скрутили им руки за спиной и поволокли к выходу.

Близнец показался над горизонтом кувыркающегося мира.

Два человека сидели на гребне каменистой гряды, обняв друг друга за плечи, и смотрели на астероид. На фоне его тусклого свечения серебристым пятнышком выделялся знакомый силуэт — «Орленок».

— Посмотрим на него в последний раз, — сказал Винс, — Вряд ли у нас хватит кислорода, чтобы дождаться, когда астероиды снова обернутся друг вокруг друга.

— А что нам делать с этим? — Вернон ткнул носком ботинка запасной баллон с кислородом.

— Ты сам знаешь, что нам с этим делать.

Вернон кивнул.

— Однажды о нас напишут в газетах, и наша история потрясет мир, — сказал он, — если, конечно, нас когда-нибудь найдут. Два мертвых человека в космических скафандрах с полным кислородным баллоном у ног. Загадка: почему ни один из них не воспользовался кислородом?

— Я должен что-то сказать, — прервал брата Винс, — Трудно подобрать слова. Стоит ли вообще говорить об этом своему брату... ну, ты понимаешь, каково это.

— Конечно. Лучше ничего не говорить. Я чувствую то же самое.

— На тебя можно положиться, — сказал Винс.

— На тебя тоже, — ответил Вернон.

— С тобой и умереть не страшно, братишка. Я всегда представлял себе, что мы окончим свои дни иначе. Может быть, с оружием в руках на какой-нибудь отдаленной планете или на борту старого доброго «Орленка», если он взорвется где-нибудь в открытом космосе... но только не так. Впрочем, какая разница...

— Никакой, — согласился Вернон.

Они молча смотрели, как Близнец быстро поднимается в зенит. Несколько маленьких метеоров пробуравили астероид, подняв над воронками тучи пыли.

— Если один из них упадет на нас, все будет кончено, — заметил Вернон.

— Смотри! — крикнул Винс, — Близнец падает!

Вернон вскинул голову.

Близнец падал! Падал, вращаясь вокруг своей продольной оси. Он стал заметно ближе даже за те несколько мгновений, что Вернон смотрел на астероид.

— Метеор, — воскликнул Винс, — огромный метеор. Ударился в него и сбил с орбиты! Только так можно объяснить то, что происходит.

— Он вернет нам наш корабль! — сказал Вернон.

— Он раздавит его, — поправил Винс, — И нас в придачу. Он рухнет прямо на нас.

— Нет, «Орленок» не пострадает, — возразил Вернон, — Смотри, астероид поворачивается. Тот конец, который сейчас наверху, окажется внизу, когда Близнец столкнется с нашим астероидом. А корабль будет на вершине. Он уцелеет!

— Ей-богу, ты прав, — выпалил Винс, — Скорее, братишка, нам надо убраться отсюда. Набери в руки камней, сколько сможешь, и прыгай так, как никогда раньше не прыгал! Пусть тебя унесет подальше от края.

Винс нагнулся и подобрал несколько булыжников.

— Давай шевелись! — прикрикнул он на брата.

Вернон побежал. Он большими скачками несся к ближайшему краю планетоида, прибавляя скорости при каждом прыжке. Потом он подпрыгнул вверх, как будто им выстрелили из гигантской рогатки. Он поднимался выше и выше, пока не превратился в едва заметное пятнышко на фоне черного неба.

Винс, проскакав как мячик по поверхности астероида, вложил всю свою силу в последний прыжок, крепко оттолкнувшись обеими ногами от скалы. Он несся прочь от

(Illustration by Paul)

астероида со скоростью поезда-экспресса. Вскоре он заметил, что надутый воздухом скафандр — скафандр его брата — тоже оторвался от астероида. Потом Винс парил в пространстве, глядя на то, как Близнец неумолимо приближается к той глыбе камня, которую они с братом только что

покинули. В результате столкновения с метеоритом астероид, похоже, не только был сбит с орбиты, но и изменил направление вращения, и «Орленок» теперь находился на вершине астероида. Планетоиды сблизились настолько, что кораблю явно не грозила опасность оказаться раздавленным, когда они встретятся: это должно было произойти с минуты на минуту, и «Орленок» просто не успеет оказаться внизу.

Винс греб руками в пустом пространстве, стараясь повернуться спиной к астероиду. Затем он что было силы швырнул камень подальше от себя. Тело его рывком подалось назад, движение мягко замедлилось, и Винс завис в пространстве.

Следующий камень — и новый рывок... и еще один... и еще... Косясь через плечо, Винс видел, что двигается в правильном направлении.

Неподалеку он заметил Вернона, который тоже бросал камни.

И еще один камень... но на этот раз движение не замедлилось. Винс понял, что попал под действие гравитации и падает.

Внезапно его охватил страх. Где он просчитался? Его снова притянет к себе астероид, раньше, чем произойдет столкновение с Близнецом? Или планетоиды уже столкнулись?

Отчаянная попытка перевернуться увенчалась успехом, и Винс увидел под собой ощетинившуюся зубцами скал каменистую поверхность. В следующие несколько секунд все его внимание было сосредоточено на том, чтобы при столкновении с нею не порвать скафандр и не разбить шлем.

Винс обеими ногами коснулся камней, мягко упал и перекатился, прикрывая руками шлем. Казалось, что все вокруг трясется и качается, как во время землетрясения. Винс вскочил, но снова потерял равновесие.

Падая, он успел ухватить взглядом вырисовывавшиеся впереди знакомые серебристые очертания, покачивавшиеся

и подскакивавшие в такт колебаниям поверхности астероида. Винс был на Близнеце, который, должно быть, уже столкнулся со своим двойником..., и «Орленок» находился в нескольких десятках метров от него.

Но где же Вернон? Удалось ли ему вернуться на твердую почву? Или его унесло куда-то в неведомые дали? Когда произошло столкновение, первый астероид тоже мог сойти с орбиты. Оба теперь, вероятно, несутся сквозь пространство невесть куда. Если Вернон не попадет в зону действия силы притяжения астероидов, он обречен кружить в пространстве — один, во тьме, без всякой надежды на помощь.

От этой мысли все существо Винса болезненно сжалось. Удастся ли ему вовремя найти брата? Или он когда-нибудь обнаружит лишь плавающий в пустоте труп человека, умершего от недостатка кислорода?

Винс поднял голову, чтобы взглянуть на звездолет, и крик радости вырвался из его горла. По качающейся под ногами поверхности астероида к нему медленно брел человек. Вернон! Его брат! Живой!

Слова не шли у Винса с языка, он будто онемел.

— Винс, с тобой все в порядке? Винс! Винс, что с тобой?

— Конечно, со мной все в порядке, братишка.

Братья подошли друг к другу и обнялись.

— Мы использовали свой единственный шанс, — сказал Винс.

— Нам ничего другого не оставалось, — отозвался Вернон, — Не могли же мы стоять и ждать, пока нас раздавит в лепешку.

Рука об руку они побрели по-маленькому, колеблющемуся под ногами мирку к своему «Орленку».

СОЗДАТЕЛЬ

Предисловие

Я пишу эти строки на исходе времен, когда Земля, приближаясь к умирающему светилу, скользит по краю бездны, в которой ее ждет огненное погребение. Два ее собрата уже сгорели в пламени Солнца. Сумерки Богов — это история; и наша планета неуклонно скатывается в небытие, от которого нет спасения и которое однажды, когда придет пора платить по счетам, постигнет даже само время.

Старая Земля, завершая небесный путь, все медленнее вращается вокруг своей оси. Медленно и уныло тащится она к могиле, защищенная лишь клочьями прежнего воздушного одеяния, и дни ее становятся все длиннее. Из-за того, что атмосфера истончилась, небо утратило прозрачную голубизну, и серый мрак окутал планету, нависая низко над ее поверхностью. Кажется, будто все кошмарные порождения космоса, точно прожорливые волки, дышат в спину этой древней царице небес. А над ночной стороной далекие звезды с каждым разом вспыхивают все ярче, словно кольцо свирепых глаз сжимается вокруг затухающего костра.

Земля, должно быть, скорбит о своей скорой гибели, поскольку сбросила все пышные покровы и великолепные украшения. Среди бескрайних пустынь и искореженных пустошей она установила странные нерукотворные изваяния. Наверное, это и есть те храмы и алтари, перед которыми она, памятуя о вселенском могуществе добра и зла, возносит молитвы в свои последние часы, подобно человеку, возвращающемуся перед смертью к старой вере. Заунывные ветры поют гимн безнадежности над бесплодными песками и скалами. Воды безжизненных океанов плещут о безлесные, источенные временем берега, отбивая ритм последнего

бравого марша престарелой планеты, которая исполнила свой долг и ступает на путь, ведущий к нирване.

Низкорослые мужчины и женщины, наследники великой расы, память о которой они сохранили лишь в сказаниях, передаваемых от отца к сыну, обитают подобно гномам в недрах земли. Земли, нянчившей их племя с незапамятных времен, когда далекие предки тех, кому суждено было стать царями природы, выползли на сушу из первобытной слизи морей. Теперь их усталые потомки ждут того дня, когда, если верить преданиям, солнце по-новому засияет на небе и бесплодные пустыни зазеленеют молодой травой. Я знаю, что этот день никогда не наступит, однако не собираюсь разочаровывать их. Я знаю, что легенды лгут, но зачем мне разрушать последнюю опору, которая осталась у людей в эти дни, зачем убивать негасимое пламя надежды — единственную отраду в их бесцветной жизни...

Эти человечки были добры ко мне, а кроме того, хотя между нами и лежат миллионы лет, мы с ними одной крови. Они считают меня богом, предвестником того, что день, которого они ждут так долго, уже не за горами. Мне грустно сознавать, что однажды они назовут меня лжепророком.

Я пишу все это безо всякой цели и смысла. Мои маленькие друзья спрашивали, чем это я занимаюсь и почему, но, похоже, не поняли моих объяснений. Они не видят толка в том, чтобы покрывать причудливыми знаками хорошо выделанные шкурки маленьких грызунов, которыми кишат их норы. Единственное, на что хватает их разумения, — они уверены, что, когда я закончу свой труд, им надлежит взять эти шкурки и хранить их как священную реликвию.

Я не надеюсь, что записанное мной когда-нибудь будет прочитано. Я описываю свои приключения в таком же духе и с такой же смутной целью, которые, должно быть, были присущи моему предку — первому человеку, выдалбливающему руническое послание в камне.

Я понимаю, что моя рукопись будет последней в истории. Величественные города Земли превратились в могильники.

Дороги, которые некогда расчерчивали ее поверхность, исчезли без следа. Теперь здесь не колесят машины, не гудят моторы. Последние потомки человеческой расы жмутся друг к другу в пещерах, ожидая прихода дня, который никогда не наступит.

Первые опыты

Возможно, кто-то скажет, что мы со Скоттом Марстоном совершили непозволительное, что мы слишком глубоко проникли в тайны, прикасаться к которым не имели права.

Может быть, это и так. Однако я все равно ни о чем не жалею и уверен, что Скотт Марстон, где бы он сейчас ни был, тоже не испытывает ни малейшего раскаяния.

Наша дружба зародилась в одном маленьком калифорнийском колледже. Мы со Скоттом были родственными душами и вели сходный образ жизни, и эти обстоятельства естественным образом сблизили нас. И хотя мы выбрали для себя совершенно разные области науки (он учился на техническом факультете, а я — на психологическом), нас обоих привела в колледж чистая жажда знаний, а не мечты о материальных благах, которые может дать образование.

Мы сторонились бурной жизни студенческого городка и не участвовали ни в одной из легкомысленных проделок своих однокашников. Мы почитали за счастье часы, проведенные в библиотеке или за выполнением самостоятельной работы в пустой аудитории. Наши дискуссии могли показаться невероятно занудными, поскольку ничуть не затрагивали жизнь колледжа, которая протекала вокруг нас во всем ее пышном великолепии.

Последние два года мы со Скоттом жили в одной комнате в студенческом общежитии. По причине бедности наши апартаменты были самыми захудалыми, но мы и не подозревали об этом. Мы жили одним лишь постижением

науки. Наши сердца пылали истинным исследовательским энтузиазмом.

Разумеется, со временем мы определились каждый со своей областью научных интересов. Скотта захватила загадка времени, и он стал все чаще проводить немногие часы, оставшиеся от обязательных занятий, за изучением этой непостижимой стихии. Он обнаружил, что о времени известно крайне мало. Все, что могла предложить наука на сей счет, это невразумительные уравнения, которые ставили в тупик даже своих создателей.

Меня же занесло в совершенно иные дали — я заинтересовался психофизикой и гипнозом. Занимаясь изучением последнего, я зашел в тупик: мои изыскания привели меня в дебри противоречащих друг другу выводов, многие из которых балансировали на грани оккультизма.

Мой друг посоветовал мне искать решение в мире физическом, а не духовном. Он настаивал, что, если я хочу совершить настоящий прорыв, я должен следовать духу и букве чистой и беспристрастной науки, а не гнаться за блуждающими огоньками, чье существование не доказано.

По окончании обязательного обучения мы оба получили предложение остаться в колледже в качестве преподавателей: Скотт — физики, а я — психологии. Мы с радостью согласились, поскольку не имели ни малейшего желания менять нашу жизнь.

Новый статус практически никак не сказался на нашем образе существования. Мы по-прежнему жили в обшарпанной комнате в общежитии, обедали в том же ресторане и рьяно спорили по ночам. Тот факт, что мы перестали быть учащимися в общепринятом смысле этого слова, ни на йоту не изменил наших научных занятий.

На второй год после получения преподавательской должности я пришел к тому, что позже назвал «теорией элементарных частиц разума». Я стал разрабатывать ее, а мой друг с энтузиазмом поддерживал меня в этом начинании и оказывал любую помощь, какую только мог.

Моя теория была прекрасна своей простотой. Я исходил из гипотезы, что сновидение есть плод человеческого сознания, что, когда мы спим, наше второе «я» отправляется странствовать. Пока тело отдыхает, разум вырывается на свободу и путешествует, где ему вздумается.

Однако я пошел на шаг дальше. Я предположил, что эти странствия являются реальными, а не воображаемыми, что некая ничтожно малая часть нашего существа в действительности покидает тело, чтобы посетить диковинные места и пережить удивительные приключения, которые мы видим во сне.

Такой подход переводил сновидения из мира субъективных переживаний, к которому их до сих пор было принято относить, в мир материальный, доступный объективному научному исследованию.

Это теперь я называю мою теорию «теорией элементарных частиц разума». Мы со Скоттом говорили о ней как о теории клеточного сознания, хотя, разумеется, прекрасно понимали, что о клетках в биологическом понимании тут не может идти и речи. Я представлял себе частицы сознания скорее, как некие своеобразные электроны, хотя предполагать своеобразие у электронов, конечно же, смешно.

Скотт возражал, что тут больше подошло бы представление о структурных единицах сознания как о неких волнах, излучаемых разумом. Мы так и не узнали, кто из нас был ближе к истине, да это уже и не имеет значения.

Как вы, возможно, уже догадались, мне не удалось получить стопроцентных научных доказательств моей теории. Однако дальнейшие события частично подтвердили ее.

Это может показаться странным, но именно Скотта Марстона я должен благодарить за то, что моя гипотеза перестала быть чисто умозрительной.

Пока я ломал голову над загадкой снов, Скотт бился над не менее зубодробительной загадкой времени. Как-то он сообщил мне по секрету, что его исследования продвигаются вполне успешно. Порой он пытался поделиться своими

достижениями, но я с рождения был не в ладах с цифрами и не мог ровным счетом ничего понять в ужасающе длинных цепочках формул, которые он расписывал мне.

Когда однажды он заявил, что наконец открыл силу времени, я воспринял это как нечто вполне естественное. Скотт утверждал, что временная сила в физическом понимании идентична силе, которая действует по вектору, лежащему в четвертом измерении. Поначалу его открытие существовало только в виде хитросплетения уравнений, графиков и формул, записанных на клочках бумаги, но потом мы объединили наши капиталы — и Скотт собственными руками стал собирать некую машину.

В законченном виде она напоминала приземистое недоброе создание, скорчившееся на письменном столе. Внутри нее что-то мощно гудело и стучало, и эта мощь имела совершенно непостижимое происхождение.

— Она работает на времени, больше ей ничего не нужно, — заявил Скотт, — Она искажает и искривляет течение времени и тем самым высасывает энергию из четвертого измерения. Если бы у нас была машина побольше, мы могли бы вызвать такие напряжения в темпоральном поле, что этот мир перешел бы на новый уровень существования.

Внутренне содрогаясь, мы смотрели на гудящую металлическую махину и пытались осмыслить значение нашего открытия. На миг нас охватил страх при мысли о том, что мы слишком бесцеремонно обошлись со стихией, которой, быть может, надлежит оставаться за пределами человеческого познания.

Однако в то же время Скотт понимал, что пока ему удалось лишь ковырнуть покровы этой глубочайшей тайны, поэтому мой друг продолжил свои изыскания с утроенной энергией. Ему стало жалко часов, которые уходили на преподавание. А порой нам с ним приходилось питаться в общежитии жалкими крохами, потому что все наши средства уходили на приобретение очередной составляющей темпорального генератора.

Однажды настал день, когда мы поставили горшок с комнатным растением в специально предназначенный для него ящик в машине. Затем мы включили темпоральный генератор, а когда через несколько минут открыли ящик, растения там не оказалось. Горшок с землей были на месте, но цветок исчез. Мы перерыли землю и обнаружили, что от него не осталось ни единого корешка.

Куда подевался цветок? И почему с горшком и землей не произошло ничего?

Скотт заявил, что растение было вытеснено в иное измерение, которое лежит между линиями искажения темпорального поля, вызванного машиной. Он заключил, что темпоральная сила, открытая им, предпочтительнее действует на живые организмы, нежели на неодушевленные предметы.

Мы снова поместили горшок в машину, но спустя двадцать четыре часа он никуда не делся. Тогда нам пришлось сделать вывод, что темпоральная сила вообще не оказывает никакого воздействия на мертвую материю.

Позже оказалось, что мы были очень близки к истине, но тогда не смогли постичь ее во всей полноте.

Сон

Спустя год после появления на свет темпорального генератора мой друг получил наследство. Некий его родственник, о котором сам Скотт почти забыл, очевидно, не забыл Скотта и упомянул его в завещании. Наследство было довольно скромное, но нам, годами перебивавшимся с хлеба на воду, оно показалось целым состоянием.

Скотт уволился с должности преподавателя и настоял на том, чтобы я последовал его примеру. Теперь, говорил он, мы сможем заниматься наукой, ни на что не отвлекаясь.

Мой друг тут же бросился сооружать новый темпоральный генератор, больше прежнего, я же с энтузиазмом занялся экспериментами, идея которых зародилась у меня уже давно.

Вот тогда мы и додумались объединить усилия.

Раньше нам всегда казалось, что между нашими исследованиями пролегает непреодолимая пропасть, которая исключает всякую возможность сотрудничества, кроме разве что обоюдной посильной помощи. Однако, чем дальше мы продвигались каждый в своей работе, тем меньше становилась эта взаимовыручка, потому что исследования усложнялись и требовали все большего знания предмета.

Идея объединиться осенила меня после того, как мне уже не в первый раз приснился один особенно красочный сон. Мне привиделось, что я стою в огромной фантастической лаборатории, которая простирается почти что в бесконечность. Она была битком набита сложной и незнакомой аппаратурой и жуткого вида механизмами. Когда этот сон явился мне впервые, лаборатория была подернута этакой дымкой и казалась ненастоящей. Однако с каждым разом, когда сновидение повторялось, детали проступали все четче. Вскоре я уже мог после пробуждения удивительно подробно воссоздать многое из того, что видел в лаборатории. Я даже набросал на бумаге изображения некоторых машин и показал рисунки Скотту. Мой друг согласился, что такое можно увидеть только во сне. Наяву ни один человек, сказал он, не смог бы нафантазировать подобные механизмы без подсказок.

Скотт высказал предположение, что мои упражнения по части гипноза определенным образом натренировали «элементарные частицы» моего разума, так что теперь они возвращаются из своих странствий с более точными и подробными воспоминаниями. Я же выдвинул гипотезу, что мои «частицы разума» стали более многочисленны и это самым положительным образом сказывается на красочности сновидений.

— Интересно, — проговорил я, размышляя вслух, — подействует ли твой генератор на «частицы разума»?

Скотт задумчиво продудел себе под нос простенький мотивчик.

— Интересно, — сказал он.

Тот примечательный сон приходил ко мне через примерно равные промежутки времени. Если бы я не был столь увлечен работой, он уже давно прискучил бы мне. Но я был в восторге, обнаружив в себе самом объект исследования.

Как-то поздно вечером Скотт вручил мне устройство, напоминающее наушники от старого радиоприемника, с которым он возился часами, но цель своих занятий не объяснял.

— Пит, — сказал он, — пожалуйста, передвинь свою кровать поближе к столу и надень этот шлем. Когда ты заснешь я подключу его к темпоральному генератору. Таким образом мы сможем понять, действует ли моя машина на твои частицы разума.

Он заметил мое замешательство и добавил:

— Не бойся. Я буду рядом и не спущу с тебя глаз. Если что, я тут же выдерну шнур из разъема и разбужу тебя.

Тогда я надел шлем и заснул, а Скотт Марстон сидел на стуле у моей кровати.

В ту ночь я будто наяву бродил по лаборатории. Я не встретил там ни одной живой души, но исследовал помещение из конца в конец. Я отчетливо помню, как брался за рычаги и рукоятки, о назначении которых могу только догадываться. Из центрального зала множество открытых арочных проемов вели в помещения поменьше. Их я осматривать не стал. Архитектура лаборатории и арок выглядела невероятно чужеродной. Я замечал это и раньше, но никогда еще не мог оценить ее инакость в таких мельчайших подробностях.

Я открыл глаза и увидел озабоченное лицо Скотта Марстона, склонившегося надо мной.

— Что произошло, Пит? — спросил он.

Я схватил его за руку.

— Скотт, я был там. Я разгуливал по лаборатории. Я вертел в руках инструменты. Она и сейчас стоит у меня перед глазами, четче, чем когда-либо!

В его глазах загорелся безумный огонек. Скотт вскочил со стула и навис надо мной, ворочающимся в постели.

— Пит, ты хоть понимаешь, что мы нащупали? Ты понимаешь, что теперь мы можем путешествовать во времени, заглянуть в будущее, исследовать прошлое? Больше того, нам даже ни к чему ограничивать себя нашим измерением, нашим планом существования! Мы можем путешествовать по параллельным мирам! Отправиться назад, в миг зарождения вечности, и своими глазами увидеть, как появляется на свет из лона пустоты Вселенная! Или вперед, в день, когда все сущее сойдет на нет из-за истощения запасов энергии, когда само пространство растворится в небытии и останется только замороженное время!

— Скотт, ты свихнулся?

Его глаза сияли.

— Нет, Пит. Я упиваюсь победой! Мы построим новый темпоральный генератор, такой мощный, чтобы превратить каждую клеточку наших тел в частицы разума, и тогда мы сможем брать с собой в странствия не только сознание, но и тело. Мы проживем тысячи жизней, заглянем сквозь миллиарды лет! Мы побываем на невообразимых планетах и в неизвестных веках! Само время теперь в наших руках!

Он стиснул кулаки и с силой свел их перед грудью.

— Помнишь тот цветок, который мы засунули в генератор? Господи, Пит, ты можешь себе представить, что с ним произошло? Какие доисторические времена хранились в памяти растения? Где оно теперь? Может, в каменноугольном периоде? Вернулось в эпоху, от которой ведет свой род?

Шли годы, но мы едва замечали их течение.

Наши виски припорошило сединой, глянец молодости слегка облупился. Мы так и не прославились, потому что

даже самые легковерные умы с трудом могли принять наши открытия.

Скотт, как и задумывал, построил новый темпоральный генератор, больше прежнего. Он многократно усовершенствовал его, добавлял новые приспособления и много-много раз перестраивал свое детище. Окончательная модель имела мало общего с первоначальной. Словно бог некой чужой расы, она поселилась в нашей мастерской.

Что до меня, то я продолжал развивать свою теорию элементарных частиц разума, все глубже погружаясь в изучение снов. Совершенно естественно, что работа у меня продвигалась медленнее, чем у моего друга. Ведь мне приходилось иметь дело с категориями почти абстрактными, хотя я делал все возможное, чтобы перевести их в практическую плоскость; а исследования Скотта имели под собой куда более прочное материальное обоснование.

Разумеется, вскоре мы решили попробовать перенестись в лабораторию из моего сна, прихватив с собой свои физические оболочки. Для этого мы собирались, используя темпоральную силу, преобразовать наши тела, до последней клеточки, до последнего электрона, в частицы разума. Возможно, это был самый грандиозный и смелый замысел в истории человечества.

Чтобы помочь своему другу лучше представить себе, как выглядит лаборатория, я побывал в ней множество раз при помощи темпорального генератора, стараясь запечатлеть в памяти как можно больше мельчайших подробностей. Потом я по памяти рисовал схемы и наброски и показывал их Скотту.

Однако, чтобы по-настоящему вложить ему в голову картину грандиозного зала из моих снов со всем фантастическим оборудованием, которым он был набит, мне пришлось прибегнуть к гипнозу.

День, когда Скотт, заснув под действием темпорального генератора, проснулся, чтобы рассказать мне о месте, где я бывал так много раз, был днем нашего триумфа. Только

тогда мы отважились поверить, что первый и, возможно, самый трудный этап нашего эксперимента завершен.

Я с головой погрузился в изучение психологии отшельников Востока, которые, как известно, достигли небывалых высот в искусстве концентрации, владения собой и подчинения тела воле разума.

Хотя мои изыскания нельзя назвать приятными, они все же указали нам верный путь. Теперь мы знали, как силой воли помочь темпоральному генератору преобразовать наши телесные оболочки в совокупности частиц разума. Последнее было совершенно необходимо, чтобы мы могли наяву перенестись в лабораторию, которая стала нам обоим такой знакомой.

Конечно же, мы бывали не только в той «лаборатории грез». Благодаря действию генератора и Скотт, и я посещали во сне самые удивительные места, о нахождении которых в пространстве и времени нам оставалось только догадываться. Мы наблюдали картины, которые неминуемо свели бы нас с ума, если бы мы увидели их наяву, когда рассудок не замутнен дремой. Порой мы просыпались мертвенно бледные и срывающимся от страха шепотом рассказывали друг другу о кошмарах, обитающих где-то в бездонных глубинах космоса некоего неизведанного измерения. Оцепенев от ужаса, мы смотрели на шаркающих, покрытых слизью тварей, выглядевших как потомки созданий или даже как те самые создания, которых описывали в своих манускриптах чернокнижники прошлого. В местах, далеких от цивилизации, до сих рассказывают жуткие истории об этих существах.

Но загадочная лаборатория оставалась целью, на которой мы сосредоточили свои усилия. Она была первой из бесконечного множества картин, открывшихся нам, и мы хранили ей верность, а путешествия во все прочие места рассматривали лишь как побочные экскурсии по скрытым мирам.

И однажды настал день, когда мы решили, что продвинулись в своих исследованиях достаточно далеко и отточили навыки в достаточной степени, чтобы без опасений за собственные жизни отважиться наяву совершить путешествие в до боли знакомую и все же неизведанную лабораторию из снов.

Темпоральный генератор, законченный и усовершенствованный, громоздился перед нами, словно уродливое ископаемое родом из доисторической эпохи. Ни на что не похожий голос машины разносился по всему дому, он то повышался до пронзительного визга, то опускался до глухого бормотания. Ее полированные бока зловеще блестели, а вокруг, под самыми невообразимыми углами друг к другу, были установлены зеркала. Их поверхности ловили свечение электронных ламп, выстроившихся по росту на верхней панели машины, и наше творение купалось в этих святотатственных лучах.

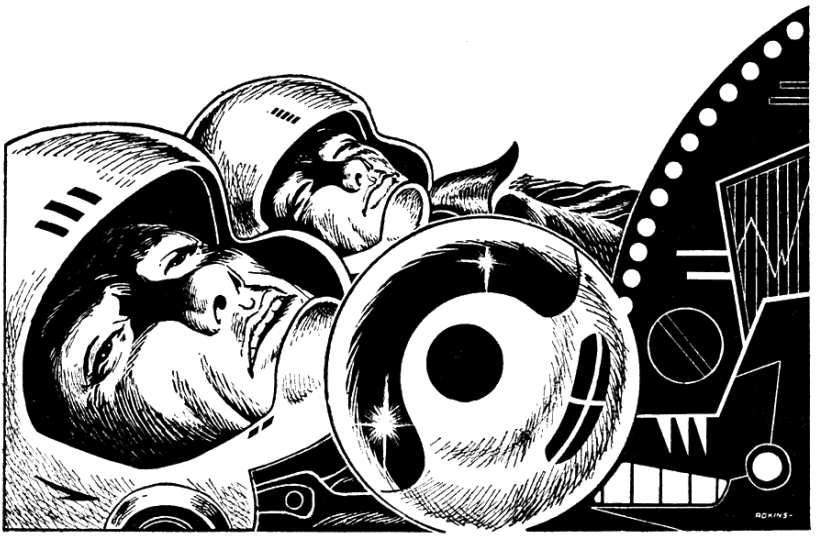
Мы стояли перед генератором, и в волосах наших была седина, а на лицах морщины — признаки преждевременного старения. Мы принесли нашу молодость в жертву своим амбициям и непомерному любопытству.

За десять лет мы создали машину, способную, как я понимаю теперь, убить нас. Но тогда нашей самоуверенности не было пределов. Десять лет мы обрабатывали металл и стекло, укрощали и приручали загадочные силы природы. Десять лет мы обрабатывали собственные мозги, оттачивали восприятие и воображение, добиваясь того, чтобы образ таинственной лаборатории представал перед нашим внутренним взором, стоило только пожелать. И по мере того, как мы углублялись в работу, лаборатория стала нашей второй жизнью.

Скотт нажал кнопку на боковой поверхности машины, люк распахнулся, и перед нами открылась внутренняя

камера, черная, как зияющая пасть чудовища. В этой темной утробе не было ни намека на грубую мощь и силу, которые чувствовались во внешности машины. И все же в ней таилось и то, и другое.

Скотт шагнул через порог угольно-черной камеры, опустился в кресло с откидывающейся спинкой и положил руки на пульт управления. Я втиснулся рядом и закрыл люк. Непроглядная тьма поглотила нас. Мы оба надели шлемы. Всесокрушающая энергия наполнила нас, запульсировала в наших телах, словно пытаясь разорвать их на куски.



Мой друг слепо вытянул руку. Я нащупал ее в темноте. Наши ладони сжались в крепком рукопожатии людей, отправляющихся навстречу неведомому.

Усилием воли я заставил себя сосредоточиться на лаборатории, напряженно вспоминая каждую деталь ее обстановки. Потом Скотт, должно быть, передвинул рычаг и запустил машину на полную мощность. Боль пронзила мое тело, потом возникло головокружение... А потом я позабыл о своем теле. Лаборатория была ближе. Она грозила меня захлестнуть, как волна. Я тонул, быстро приближаясь к ней,

падая в нее. Я превратился в чистую мысль, несущуюся в заданном направлении... И мне было очень худо.

Мое падение прекратилось внезапно, толчка от столкновения с землей не было.

Я стоял в лаборатории. Пол под моими ногами был холодным — я ощущал это.

Я огляделся и увидел Скотта Марстона. Мой друг был абсолютно гол. Разумеется, мы оба прибыли обнаженными — темпоральный генератор не мог перенести одежду вместе с нами.

— Мы живы, — констатировал Скотт.

— И без единой царапины, — добавил я.

Мы переглянулись и серьезно пожали друг другу руки. Это был наш новый триумф, и рукопожатие с успехом заменило взаимные поздравления.

Потом мы стали разглядывать помещение, в котором очутились. Это было весьма колоритное место. Разноцветные жидкости застыли в блестящих сосудах. Мебель тонкой работы, сделанная из полированного переливчатого дерева, невозможно было отнести ни к одному из известных человеку стилей. В окна струился яркий и чистый дневной свет. Большие шары, свисающие с потолка, дополняли освещение, заливая лабораторию мягким сиянием.

Сквозь один из арочных проемов в комнату вплыл конус света — сливочно-белого, с ускользающим розоватым отливом. Мы со Скоттом во все глаза уставились на это диво. На первый взгляд, это был свет, но в то же время... Конус был непрозрачным, и, хотя казалось, что он сияет неимоверно ярко, глазам не было больно смотреть на него.

Перевернутый вниз вершиной конус футов десяти высотой быстро приближался к нам. Его продвижение было абсолютно бесшумным. Ни малейшего подобия звука не нарушало тишину. Конус остановился в нескольких шагах перед нами, и у меня родилось ощущение, что он внимательно рассматривает нас.

— Кто вы?

Голос заполнил всю комнату, но, кроме меня и Скотта, в лаборатории не было ни единого человека, а мы оба молчали. Мы ошарашенно уставились друг на друга, потом перевели взгляды на конус света, застывший перед нами.

— Говорю я, — произнес конус, и мы со Скоттом внезапно уверились, что слова исходят именно из этого пятна света.

— Я не говорю, — продолжал наш собеседник. — Неверное выражение. Я думаю. Вы слышите мои мысли. А я столь же хорошо слышу ваши.

— Телепатия, — предположил я.

— Вы употребили странный термин, — откликнулся конус, — Однако образ, который возник в вашем мозгу при его произнесении, говорит о том, что вы плохо представляете себе принцип.

Я прочел в ваших мыслях, что вы прибыли с планеты, которую называете Землей. Я знаю, где находится Земля. Я понимаю, что вы смущены и озадачены моим появлением, моими способностями и тем, как мало сходства между мной и всем, с чем вам приходилось сталкиваться. Не бойтесь. Я рад вашему появлению. Я понимаю, вы много и усердно трудились, чтобы попасть сюда. Здесь с вами не случится ничего дурного.

— Я — Скотт Марстон, — представился мой друг, — А это — Питер Сэндс.

Мысли светового конуса окутали нас. В них был легкий привкус упрека, оттенок сожаления о том, что мы проявили такую непозволительную самовлюбленность.

— Здесь нет имен. Наша индивидуальность говорит сама за себя. Однако, поскольку ваш склад ума требует идентификатора в виде имени, можете мысленно называть меня Создателем. А теперь мне бы хотелось, чтобы вы познакомились еще кое с кем.

Конус издал звон — очень странный звон, в котором, казалось, прозвучало столь же странное имя. Раздался топоток ног, и из смежного помещения в лабораторию вбежали три звероподобных создания. Два из них выглядели одинаково:

бочкообразные туловища, короткие и толстенькие ноги с круглыми подушечками вместо ступней, которые отделялись от пола с чмокающим звуком. Рук у этих существ не было, но на выпуклой груди каждого росло щупальце наподобие слоновьего хобота, однако снабженное пучком меньших щупальцев-усиков на конце. Природа не позаботилась снабдить этих созданий шеями, и головы их росли прямо на покатых плечах. Над макушками покачивались плюмажи перьев веселенькой расцветки.

Третий вошедший являл собой полную противоположность первым двум. Длинный и тощий, он более всего напоминал гигантское насекомое или трость. Его долговязые ноги имели по три коленных сустава. Несообразно длинные руки едва не доставали до полу. Глядя на его туловище, я подумал, что длины моих пальцев, пожалуй, хватит, чтобы двумя руками обхватить его за талию. Голова представляла собой вытянутый шар, посаженный на верхушку туловища-палки. Это создание больше походило на человека, чем первые два, но это была пародия на человека, шарж, вышедший из-под пера ядовитого карикатуриста.

Конус заговорил, обращаясь, похоже, к этим троим.

— У нас новые гости, — сказал он, — Полагаю, они попали сюда тем же образом, что и вы. Они — великие ученые, столь же великие, как вы. Вы подружитесь.

Потом он снова переключился на нас.

— Существа, которых вы видите, явились сюда так же, как вы, и так же пользуются моим гостеприимством. Возможно, их вид кажется вам нелепым. Позвольте вас заверить, что ваша внешность для них выглядит ничуть не менее противоестественной. Они вам братья, соседи. Вы с ними прибыли из одной...

Перед моим внутренним взором возникла картина: я будто бы вглядывался сквозь необъятное космическое пространство, наполненное кружащимися мотыльками света.

— Он имеет в виду Солнечную систему, — предположил Скотт.

Я осторожно нарисовал в воображении схему Солнечной системы.

— Нет! — Отрицание ударило нас, словно молния.

И снова возник образ необозримого пространства и множества светящихся точек, наполняющих его: водовороты туманностей, звездные системы, могучие двойные звезды и «острова Вселенной» — галактики.

— Он говорит о нашей Вселенной, — сказал Скотт.

— Но ведь и так ясно, что эти существа прибыли из нашей Вселенной, — возразил я. — Ведь Вселенная включает в себя все, верно? Все сущее...

И снова наши разумы обожгло несогласие Создателя.

— Ты ошибаешься, землянин. Твое знание здесь ничего не стоит. Вы не более чем младенцы. Однако идем — я покажу вам, из чего состоит ваша Вселенная.

Наша Вселенная?

Потоки света протянулись от конуса к нам. Мы отпрянули, но они обвили нас за талии и мягко приподняли. Мы услышали чужие успокаивающие мысли, которые убеждали нас всецело поручить себя заботам Создателя и перестать бояться.

Под действием этих заверений мои страхи притихли. Я почувствовал, что нахожусь под защитой великодушного существа, наделенного великим могуществом и способного к состраданию, и это могущество и сострадание защитят меня от всего на свете. Вот уж воистину — Создатель.

Конус света тем временем заскользил по лаборатории и поставил нас на крышку огромного стола, расположенную в семи футах от пола.

На столешнице, прямо перед собой, я увидел овальную ванночку, сделанную из материала наподобие стекла. В длину она была не больше фута, в ширину — вдвое уже, а в

глубину — дюйма четыре. Ванночку заполняла сероватая субстанция вроде шпатлевки. Лично мне она напомнила серое вещество мозга.

— Вот это, — заявил Создатель, указывая световым щупальцем на отвратительную массу, — и есть ваша Вселенная.

— Что?! — воскликнул Скотт.

— Именно так, — торжественно провозгласил Создатель.

— Но это совершенно невозможно! — уверенно сказал Скотт. — Вселенная безгранична. Одно время было принято считать, что она конечна, ограничена изгибами пространства. Однако, изучая свойства времени, я убедился, что Вселенная, состоящая из миллионов пересекающихся измерений, не имеет границ ни во времени, ни в пространстве. Я вовсе не хочу сказать, что никогда не наступит время, когда вся материя перестанет существовать, но я могу со всей ответственностью утверждать...

— Ты тщеславный грубиян, — загрохотал гнев Создателя в наших головах. — Это — ваша Вселенная. Я создал ее. Я сотворил ее. И не только. Я создал жизнь, которой она изобилует. Мне было интересно посмотреть, какие формы может принять жизнь там, и я направил мощные мысленные вибрации и вызвал жизнь. Я почти не надеялся, что ее носители обретут достаточно высокоразвитый интеллект, чтобы найти дорогу в мою лабораторию. Однако, как оказалось, по меньшей мере пять индивидуумов обладают достаточно восприимчивым мозгом, чтобы уловить мои вибрации, и достаточным интеллектом, чтобы вырваться из своей Вселенной. Эти пятеро — вы и те трое, кого вы видели.

— Вы хотите сказать, — вкрадчиво начал Скотт, — что создали материю, а потом и жизнь?

— Да.

Я во все глаза уставился на серую массу. Вселенная! Миллионы галактик, в каждой из которых — миллионы звезд и планет... И все это заключено в какой-то серой замазке!

— В жизни еще не сталкивался с такой наглой ложью! — заявил Скотт с презрительной насмешкой. — Если это —

Вселенная, то почему мы настолько ее больше? А если я ненароком наступлю на эту миску и разнесу весь мир вдребезги? Нет, так не годится...

Световое щупальце схватило моего друга и подняло его над столом. Конус света стал вспыхивать то красным, то пурпурным. Гневные вибрации Создателя наполнили комнату.

— Дерзновенный! Ты смеешь перечить Создателю! Смеешь называть его великое творение выдумкой! Ты, с твоими ничтожнейшими познаниями! Ты, образчик искусственной жизни, созданной мной, имеешь наглость заявлять, что я, твой Создатель, лгу!

Я стоял, окаменев от ужаса, а Скотт болтался в воздухе у меня над головой, удерживаемый световым щупальцем. Я видел лицо своего друга. Оно было застывшим и бледным, но не выражало и тени страха.

— Надо же, какой обидчивый бог! — насмешливо сказал Скотт.

Создатель мягко поставил его на стол рядом со мной. Потом до нас донеслись его мысли — в них не было и намека на ярость, которая сотрясала все вокруг минуту назад.

— Я не обидчив. Я выше этого, выше всех ваших мелочных страстишек. В своем развитии я почти достиг вершины — чистой мысли. В свое время я совершу этот последний шаг. Иногда я теряю терпение, когда приходится иметь дело с вашими ничтожными мозгами, вашим невежеством, вашей самовлюбленностью, но обычно я совершенно бесстрастен. Мне уже нет нужды испытывать чувства.

Я поспешил вмешаться.

— Мой друг говорил сгоряча, не подумав, — объяснил я, — Вы же понимаете, все это для нас так необычно... Ничего подобного нам прежде переживать не случалось. Поэтому нам так трудно поверить.

— Знаю, понимание дается вам нелегко, — согласился Создатель. — Сейчас вы находитесь в высшей Вселенной, сверх-Вселенной, если угодно. Электроны и протоны, из которых состоят ваши тела, выросли в миллионы раз, и

соответственно увеличилось расстояние между ними. Это все вопрос относительности. Я не собирался создавать вашу Вселенную как таковую. Я лишь создал протоны и электроны. Я создал материю. А потом жизнь — и заразил ею материю.

От троих ваших предшественников я узнал, что созданные мною протоны и электроны сами в свою очередь состоят из протонов и электронов. Это оказалось для меня неожиданностью. Я затрудняюсь это объяснить. И начинаю подозревать, что никому не дано разгадать до конца все тайны материи и жизни. Вполне возможно, что известные вам протоны и электроны тоже состоят из миллиардов более мелких частиц.

— А я осмелюсь предположить, — глумливо заявил Скотт, — что вы, Создатель, в действительности — не более чем частица жизни, обитающая во Вселенной, которая является не чем иным, как массой материи на столе некоей большей лаборатории.

— Возможно, — признал Создатель. — Мои великие познания научили меня скромности.

Скотт хихикнул.

— А сейчас скажите мне, что требуется вам для поддержания жизни: пища и прочее, — сказал Создатель. — Я позабочусь, чтобы вы получили все необходимое. Кроме того, вы, несомненно, захотите построить машину, которая вернет вас, на Землю. Вам будут выделены помещения, где вы сможете заниматься чем вам будет угодно. Когда построите машину, вы можете возвратиться на Землю. Если у вас не возникнет такого желания, можете оставаться моими гостями столько, сколько захотите. Я хотел, чтобы вы побывали здесь лишь потому, что мне было любопытно, какие формы приняла созданная мною жизнь.

Световые щупальца плавно опустили нас на пол, и Создатель проводил нас в наши апартаменты. Это оказалось смежное с лабораторией помещение, куда вел широкий и высокий арочный проем. Хотя наше новое жилище никак

нельзя было назвать уединенным, оно было красиво. Оформленное в пастельных тонах, оно радовало глаз и успокаивающе действовало на нервы.

Мы как можно четче вообразили себе кровати, стулья и столы. Мы описали пищу, которая нам требовалась, и ее химический состав. В описании воды необходимости не возникло. Создатель мгновенно понял, что мы имеем в виду. Похоже, вода была единственной частью нашего мира, которая была в ходу в этой высшей Вселенной, куда мы спроецировали себя.

Мы получили все необходимое удивительно быстро. Вскоре у нас уже была еда, одежда и мебель. Все это Создатель, очевидно, синтезировал в своей лаборатории.

Позже мы узнали, что подобный синтез — комбинирование химических элементов и придание формы конечному продукту — здесь никого не удивляет. Этим занималась огромная, но отнюдь не сложная машина.

Скотт заказал Создателю также сталь, стекло и инструменты. Все это было доставлено в мастерскую по соседству с лабораторией, где уже трудились над своими машинами трое наших соседей по Вселенной.

Механизм, над которым трудилось долговязое существо (мы со Скоттом прозвали его человек-трость), внешне напоминал своего изобретателя. Это была пирамида, состоящая из сотен длинных стержней.

Машина «слонолюдей» выглядела совершенно прозаически: топорный короб, сделанный из какого-то упругого материала, однако ее внутреннее устройство было очень сложным и, на наш взгляд, не имело ничего общего с какими-либо плодами технического прогресса на Земле.

Человек-трость с самого начала игнорировал нас, за исключением тех случаев, когда мы пристально разглядывали его. Слонолюди, напротив, держались дружелюбно. Едва нас представили друг другу в мастерской, как они тут же выразили желание завязать знакомство. Мы попытались заговорить с ними, но они лишь стояли перед нами и

бессмысленно моргали. Затем они стали прикасаться к нам своими длинными хоботами, отчего мы почувствовали легкие покалывания электрических разрядов, различающихся по силе, словно бы через наши тела пытались передать телеграмму.

— У них нет органов слуха, — сказал Скотт, — Они общаются при помощи электрических импульсов, которые испускают их хоботки. Говорить с ними без толку.

— Возможно, лет через тысячу мы расшифруем их электрический язык, — согласился я.

После нескольких тщетных попыток наладить общение Скотт решил вплотную заняться строительством темпорального генератора, а слонолюди вернулись к своей работе.

Я подошел к человеку-трости и попробовал завязать разговор с ним, но получилось не лучше, чем со слонолюдьми. Раздраженный, что его отрывают от дела, он принялся бешено жестикулировать. Губы его при этом активно шевелились, но я ничего не услышал. В отчаянии я понял, что человек-трость пытается что-то сказать мне, но звуки, которые он издает, слишком высоки для моего слуха. В этой мастерской собрались представители трех разумных рас, причем все мы обладали высокоразвитым интеллектом, иначе просто не смогли бы попасть в эту высшую реальность. Однако мы были начисто лишены возможности поделиться друг с другом мыслями. И даже если бы нам удалось наладить обмен идеями, вряд ли мы смогли бы найти общий язык.

Тогда я стал рассматривать машины. Они резко отличались друг от друга и не имели ничего общего с нашей. Без сомнения, принципы их работы тоже были совершенно разными.

В этой мастерской, смежной с лабораторией Создателя, представители трех различных рас трудились над тремя различными механизмами. Однако все три машины были предназначены для одного и того же, и все три расы преследовали одну и ту же цель!

Поскольку я не мог ничем помочь Скотту, собиравшему новый темпоральный генератор, большую часть времени я проводил, слоняясь по лаборатории и наблюдая за работой Создателя. Порой мы с ним разговаривали. Иногда он объяснял, чем занимается, но, боюсь, из его объяснений я понял немногое.

Однажды он позволил мне рассмотреть в микроскоп частицу материи, которая, по его утверждению, содержала в себе нашу Вселенную.

То, что я увидел, совершенно ошеломило меня. Невероятно сложный механизм показал мне протоны и электроны! По моим земным представлениям, они были сгруппированы довольно странно, почти в точности изображая модель нашей Солнечной системы! У меня возникло подозрение, что супермикроскоп каким-то образом искажает пропорции и создает иллюзию, будто расстояния между частицами меньше, чем на самом деле. Должно быть, это делалось, чтобы вся группа протонов и электронов помещалась в поле зрения.

Но это же невозможно! Ведь линзы, через которые я смотрел, сами состояли из протонов и электронов! Откуда же в них могла взяться такая фантастическая сила?

Создатель прочел мои мысли и попытался объяснить, но его объяснения содержали лишь туманные интервалы, загадочные математические уравнения и пирамидальные нагромождения гигантских формул. По сравнению с ними уравнения Эйнштейна казались простейшими, и я подумал, что самые сложные математические формулы, придуманные человечеством, для Создателя столь же элементарны, как для нас — обычное сложение.

Должно быть, он тоже это понял, потому что больше не пытался мне ничего объяснять. Однако Создатель дал понять, что по-прежнему не против, если я буду навещать его за работой. Со временем он так привык к моему присутствию, что почти перестал замечать меня.

Тем временем в умелых руках Скотта строительство нового темпорального генератора успешно продвигалось вперед. Я видел, что другие две машины тоже почти готовы, однако мой друг работал гораздо быстрее. Я подсчитал, что все три механизма будут закончены примерно одновременно.

— Мне здесь не нравится, — сказал как-то Скотт, — Я хочу поскорее собрать генератор и убраться отсюда. Слишком уж Создатель не похож на нас. Его мышление и эмоциональные реакции могут не иметь с нашими ничего общего. Он стоит на гораздо более высокой ступени развития, чем мы. И я не настолько глуп, чтобы тешить себя иллюзией, будто он воспринимает нас как равных. Он утверждает, что создал нас. Так это или нет, не знаю. Лично я в это не верю, зато верит он. А раз так, то ему ничто не мешает считать нас собственностью, которой он может распоряжаться по своему усмотрению. Я хочу удрать, пока ничего не произошло.

Пока мы разговаривали, к нам подошел один из слонолюдей. Он легонько постучал меня хоботом по плечу и остался стоять, бессмысленно вытаращившись на нас.

— Забавно, — хмыкнул Скотт, — Этот парень пристает ко мне весь день. Похоже, он хочет что-то сказать, да не знает как.

Набравшись терпения, я попробовал объясниться с ним на языке жестов, но «слоник» только молча глазел на меня и не двигался с места.

На следующий день я разжился у Создателя запасом бумаги и чем-то вроде карандаша. Запасшись письменными принадлежностями, я подошел к слонолюдям и стал рисовать простые картинки, но меня опять постигла неудача. Соседи по Вселенной лишь хлопали глазами. Рисунки и схемы решительно ничего им не говорили.

Однако человек-трость, наблюдавший за моими манипуляциями из своего угла, дождался, когда слонолюди вернутся к работе, подошел ко мне и протянул руки, предлагая вложить в них бумагу и карандаш. Я так и сделал. Некоторое

время он рассматривал мои рисунки, затем вырвал лист и бешено застрочил на нем. Лист блокнота, когда человек-трость вернул его мне, был исписан иероглифами. Я не имел понятия, с какой стороны к ним подступиться. После этого мы вдвоем надолго засели за блокнотом. Мы усыпали весь пол обрывками бумаги, покрытыми нашими каракулями. И пришли в отчаяние, когда нам не удалось продвинуться дальше символов, обозначающих количественные числительные.

Во всяком случае, стало ясно, что не только слоноподобные создания, но и человек-трость пытаются что-то сообщить нам. Мы со Скоттом часто говорили об этом, ломая голову над способом связаться с нашими товарищами по заключению.

Созидание и разрушение

Вскоре после тех событий я обнаружил, что могу читать мысли Создателя, которые он не адресует мне. Думаю, это стало возможным по той причине, что наш гостеприимный хозяин последнее время не обращал на меня внимания, увлекшись работой. Должно быть, когда он был погружен в решение своих задач, его мысли распространялись бесконтрольно, и благодаря этой утечке я мог уловить образы, не предназначенные для меня.

Сперва это были скорее едва уловимые ощущения, чем мысли. Сообразив, что происходит, я сосредоточился и попытался заглянуть в разум Создателя, чтобы узнать, что скрывается в его сознании. У меня бы ничего не получилось, если бы я не практиковался так упорно в искусстве владения собственными мыслями, чтобы осуществить наш замысел и попасть сюда при помощи темпорального генератора. Без этой практики я вряд ли сумел бы без спроса прочитать

мысли Создателя, не говоря уже о том, чтобы скрыть от него это.

Вспомнив о подозрениях Скотта, я подумал, что моя неожиданно обретенная способность может нам пригодиться. Однако я прекрасно понимал, что от нее не будет никакого прока, если о ней узнает Создатель. Тогда он насторожится и позаботится о том, чтобы я не смог уловить ничего из того, что творится в его разуме. Моя единственная надежда состояла в том, чтобы не вызвать у него подозрений. Поэтому мне нужно было не только читать его мысли, но и частично держать в секрете свои.

Постепенно мне удалось сложить из подслушанных обрывков целостную картину.

Создатель искал способ уничтожения вещества, его полной аннигиляции. Открыв метод создания материи, он теперь экспериментировал с ее уничтожением.

Скотту я о своем открытии ничего не сказал, поскольку боялся, что он невольно выдаст меня.

С течением дней я понял, что Создатель ищет такой метод уничтожения материи, который не требовал бы высоких температур. Ученые Земли, как мне было известно, считали, что абсолютная аннигиляция материи происходит при четырех миллионах градусов по Фаренгейту. Сначала я думал, что Создатель изобрел способ каким-то образом контролировать такой запредельный жар. Однако пытаться разрушить материю, вообще не повышая температуры... Думаю, только тогда я наконец осознал, сколь непреодолимая интеллектуальная пропасть лежит между человеком и этим сотканным из света существом.

Не знаю, сколько времени мы провели в мире Создателя, прежде чем Скотт объявил, что машина, которая должна вернуть нас домой, готова и можно провести несколько опытов. В этом удивительном месте время имело странную особенность — оно утекало сквозь пальцы совершенно незаметно. Хотя тогда я об этом не задумывался, но не могу припомнить, чтобы Создатель прибегал к каким-либо способам

измерения времени. Возможно, время для него было лишним уравнением в системе. А может быть, он был бессмертен, и потому счет дней не имел для него смысла.

Слонолюди и человек-трость уже закончили конструировать свои машины, однако почему-то дожидались нас. Жест уважения? Тогда мы могли только гадать об этом.

Пока Скотт проводил заключительные тесты своего детища, я отправился в лабораторию. Создатель работал на своем излюбленном месте. Со дня нашего прибытия он почти не обращал на нас внимания. Теперь мы собирались покинуть его, но он не выказывал по этому поводу ни малейшего сожаления или намерения пожелать нам доброго пути.

Я подошел к нему, раздумывая, стоит ли попрощаться. За последнее время мое уважение к Создателю возросло. Мне хотелось поговорить с ним на прощание, и все же...

Тут я уловил тень его мыслей и окаменел. Мгновенно и невольно мой разум запустил щупальца в сознание Создателя и ухватил то, что занимало его более всего на свете: «Разрушить массу созданного вещества... Вселенную, которую я сотворил... Создать материю... уничтожить ее. Это продукт эксперимента. Опробовать мои разрушительные...»

— Ах ты изверг! Убийца! — заорал я и бросился на него с кулаками.

Невесомые щупальца метнулись ко мне, обхватили поперек туловища, вздернули в воздух и швырнули через всю лабораторию. Я упал, заскользил по гладкому полу и врезался в стену.

Я тряхнул головой и попытался встать. Мы должны сразиться с Создателем! Нельзя позволить, чтобы наш мир уничтожило существо, которое сотворило его!

У меня ныло все тело, но я поднялся на ноги и принял боевую стойку.

Однако Создатель не двинулся с места. Он застыл, и между ним и причудливой машиной человека-трости протянулся лиловый луч. Луч, похоже, удерживал Создателя, парализовал его. Человек-трость стоял подле своей

машины, держа руку на рычаге, и глаза его горели безумным огнем.

Скотт весело хлопнул его по тощей спине:

— Молодчина, старик! Снежной королеве следовало бы у тебя поучиться!

В моей голове воцарился хаос. Машина человека-трости предназначалась вовсе не для возвращения в родной мир. Это было оружие — оружие, способное обездвижить Создателя.

По конусовидному телу Создателя пробегали разноцветные волны. В лаборатории стояла мертвая тишина. Машина человека-трости не издавала ни звука, ничем не выдавая своей жуткой мощи. Лиловый луч оставался неподвижен. Он казался лиловым копьем, пригвоздившим Создателя к месту.

Опомнившись, я крикнул Скотту:

— Быстрее! Вселенная! Он хочет уничтожить ее!

Скотт кинулся в лабораторию. К столу, на котором стоял контейнер с искусственной материей, мы подбежали вместе. Позади нас раздавался топоток слонолюдей.

Когда мы были у стола, гибкий хобот обхватил меня за талию и забросил на столешницу. Вселенная оказалась прямо передо мной, на расстоянии вытянутой руки. Я схватил ванночку вместе с ее содержимым и передал Скотту, который ждал внизу. Потом, повиснув на руках, спрыгнул со стола и побежал следом за остальными.

Едва мы все оказались в мастерской, человек-трость передвинул какой-то рычаг в своей машине. Лиловый луч погас. Создатель — исполинский конус света — закачался, но быстро выровнялся и поплыл в арке.

В проеме внезапно возникла завеса, сотканная из лилового сияния. Создатель ударился о нее и отпрянул.

Сияние пологом нависло над нашими головами, окружило нас со всех сторон, застелил ось по полу, заворачиваясь кверху...

— Он решил заключить нас в шар из этой лиловой ерунды! — крикнул Скотт, — Должно быть, это защитное поле, но я представить себе не могу, какой природы. А ты можешь?

— Мне все равно, что это, главное — что оно работает! — пропыхтел я, пытаясь отдышаться.

Сквозь лиловый свет я продолжал видеть Создателя. Раз за разом он налетал на наше убежище, и раз за разом его отбрасывало прочь.

— Мы движемся, — заметил Скотт.

И правда, огромный лиловый шар поднимался вверх, унося с собой нас пятерых, наши машины и части интерьера комнаты, где мы еще совсем недавно находились. Коснувшись перекрытия, шар прожег его, как паяльная лампа прожигает тонкий лист стали. Вскоре мы пронзили все здание насквозь и оказались под чистым голубым небом чужого мира.

Под нами осталось прекраснейшее строение, настоящее архитектурное чудо, обезображенное круглой шахтой, которая осталась там, где прошел лиловый шар. А вокруг простирались заросли желтой и красной растительности самых причудливых форм, ничуть не похожих на земные.

Шар резко подпрыгнул и завис в воздухе на некотором расстоянии от здания. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался разноцветный лес. Лаборатория, из которой мы сбежали, была единственным признаком цивилизации. Ни дорог, ни озер, ни далеких гор — ничего, что нарушило бы однообразие красно-желтого моря, протянувшегося до самого горизонта.

Возможно, подумал я, Создатель был единственным хозяином этой планеты. Может быть, он — последний потомок некой загадочной расы... Или никакой расы и не было никогда, а Создатель и сам является продуктом эксперимента, как те, кого он создал? Но если так, то кто или что запустило реакцию, в результате которой появился на свет этот зловещий энергетический конус?

Тут все мысли вылетели у меня из головы: человек-трость протянул худую и длинную руку к Вселенной, которую все еще держал Скотт. Затаив дыхание, я смотрел, как он бережно поставил контейнер на пол мастерской (кусок пола, заключенный в шар, воспарил вместе с нами) и выдвинул из своей машины какой-то стержень. С кончика стержня сорвалось слабое лиловое свечение и омыло Вселенную. Вскоре она оказалась заключена в светящуюся оболочку, которая становилась все плотнее и плотнее по мере того, как лиловое сияние окутывало ее слой за слоем. Когда я прикоснулся к этому кокону, оказалось, что он вовсе не твердый и не хрупкий. На ощупь он был гладким, мягким и вязким, но мои пальцы не оставили на нем вмятины.

— Он делает то же самое, что и с нами, — сказал Скотт, — Похоже, машина проецирует эту лиловую субстанцию на поверхность шарика, а там она застывает слоями.

Я присмотрелся и понял, что мой друг прав. Маленький шар становился все плотнее, его толщина уже была заметна, я чувствовал ее, хотя разглядеть не мог, словно ее невозможно было воспринять зрительно.

Тогда я взглянул вниз, на лабораторию, и увидел, что на крыше здания громоздится какой-то странный механизм, а рядом с ним стоит Создатель.

— Должно быть, это какое-то оружие, — предположил Скотт.

И только он это сказал, как машина извергла столп алого света. Сияние огненной колонны было столь нестерпимым, что я машинально закрыл глаза руками. Алый свет на миг омыл наш шар, а потом соскользнул с него огромной каплей, которая полетела вниз, к лаборатории, оставляя за собой кроваво-красный след.

Наш шар содрогнулся от взрыва, когда капля достигла земли. Там, где стояла лаборатория, осталась лишь гигантская воронка глубиной до самого скального основания. Растительность на много миль вокруг превратилась в пепел. Создатель исчез. Под нами во все стороны простирался пустой

и яркий мир. Разумные существа Вселенной доказали, что они сильнее своего Создателя!

— Если в этих эмпиреях обитают и другие создатели, они на миллион лет зарекутся пробовать стрелять в наш шарик, — слабо улыбаясь, сказал Скотт, — Эта лиловая броня отражает любые атаки. Вбивает яд прямо в глотку отравителю. Пит, это серое вещество, уж не знаю, Вселенная оно или нет, здесь в безопасности. Здесь его сам черт не достанет.

Человек-трость с непроницаемым, как и всегда, лицом переключил что-то в своей машине. Я видел, что она попрежнему работает, облекая кокон Вселенной все новыми слоями. Я представил, что она будет продолжать это делать вечно, и у меня закружилась голова.

Слоноподобные создания уже забирались в свои машины.

Скотт слабо улыбнулся.

— Представление окончено, — сказал он. — Занавес. Пора в путь.

Он шагнул к человеку-трости.

— Если хочешь, можешь воспользоваться нашей машиной, — предложил ему Скотт, очевидно забыв, что тот не понимает ни слова, — Ты упустил свой шанс выбраться отсюда, когда построил эту штуку вместо такой, которая могла бы вернуть тебя домой. Наша машина может перенести тебя куда пожелаешь.

Он указал пальцем на темпоральный генератор, потом на Вселенную, потом постучал по своей голове. Потом они с человеком-тростью вместе подошли к машине, и Скотт принялся показывать на приборы и жестами объяснять их предназначение.

— Не знаю, понял ли он, — сказал мой друг по завершении разговора, — но я очень старался.

Когда я шел к темпоральному генератору, мне показалось, что на физиономии человека-трости промелькнула улыбка. Однако мне так и не суждено было узнать, померещилось мне или нет.

Я знаю, в чем была моя ошибка. Когда я садился в машину, то был очень взволнован, мои мысли были переполнены событиями, очевидцем которых я стал. Я подумал о координатах в пространстве, но я забыл о временной составляющей!

Я представлял себе Землю, не думая о годах. Я хотел очутиться на Земле, но я забыл пожелать очутиться в своей эпохе. И как следствие, когда Скотт нажал на рычаг, меня выбросило на Землю, но вовсе не в мое время.

Как я понимаю, поскольку жизнь в сверх-Вселенной Создателя в миллиарды раз крупнее, чем жизнь в нашей Вселенной, то она и течет в миллиарды раз медленнее. Секунда сверх-Вселенной — годы по нашим меркам. Время, которое я провел в мире Создателя, равняется миллионам лет по земному летосчислению. И я думаю, что темпоральный генератор перебросил мое тело по прямой, тогда как для того, чтобы я вернулся в свой двадцатый век, перенос должен был осуществляться по кривой в четырехмерном пространстве с учетом оси времени.

Конечно, это все чистая теория. Возможно, дело вовсе не в этом, а виновата машина. Возможно, надо было учесть в вычислениях влияние лилового шара...

Как бы там ни было, я попал на умирающую планету. Таков мой удел: будучи человеком двадцатого века, доживать свои дни в родном мире спустя миллионы лет после моего рождения. И я, представитель сравнительно молодой династии в истории Земли, теперь стал вождем и полубогом последнего племени, умирающего вместе со своей планетой.

Когда я сижу у входа в свою пещеру или жмусь вместе с остальными к жалкому костерку, я часто гадаю, что стало со Скоттом Марстоном. Вернулся ли он в двадцатый век? Или его, как и меня, занесло в чужую эпоху? Жив ли он? Попал ли он на Землю? Порой мне кажется, что он ищет меня,

преодолевая лабиринты времени и пустоту пространства. Меня, своего спутника в самом отчаянном предприятии, на какое когда-либо решался человек.

И еще меня часто мучает вопрос: вернулся ли человек-трость с помощью нашего темпорального генератора на родную планету? Или так и остался пленником лилового шара? И насколько огромным вырос шар?..

Теперь я понимаю, что наши отчаянные попытки спасти Вселенную ничем не могли помочь Земле, потому что Земля, живущая в более быстротечном времени, уже катилась к своему погребальному костру на Солнце задолго до того, как Создатель стал вынашивать свои разрушительные замыслы.

Но как же тогда другие миры? Другие планеты, которые вращаются вокруг чужих солнц в водовороте космоса? А планеты и цивилизации, которые еще не родились? Как же жизнь, которая существует в солнечных системах далеких галактик?

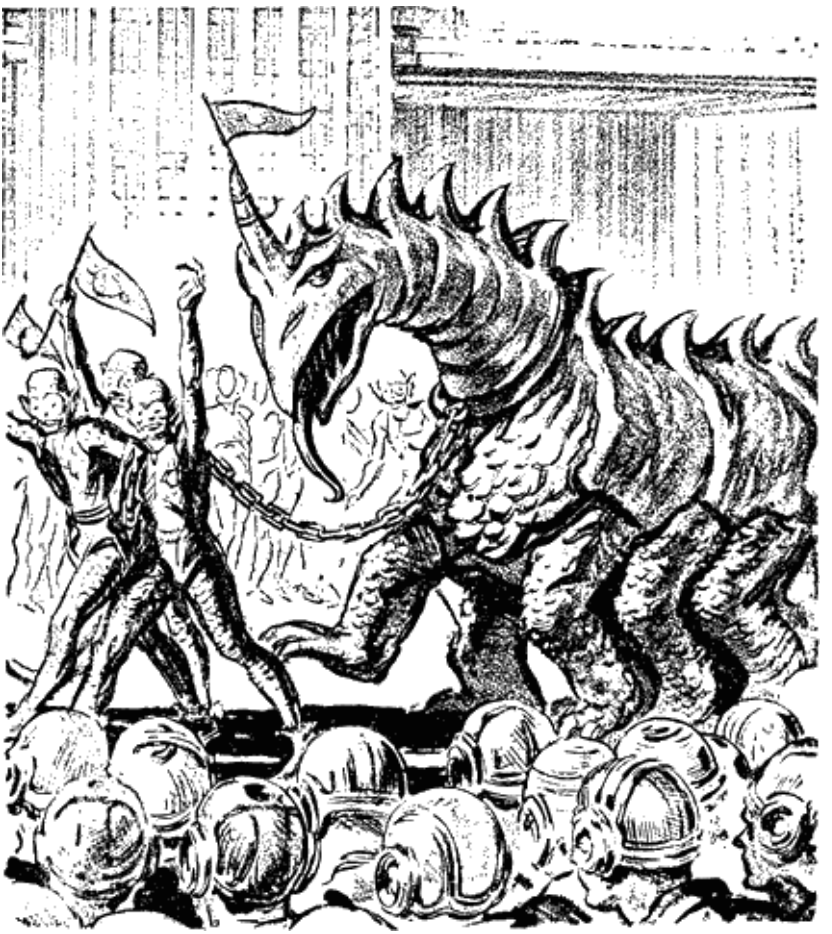
Они в безопасности, в безопасности до скончания времен. Лиловый шар будет вечно хранить творение Создателя.

Пункт XVIII: Каждый игрок соответствующей команды должен располагать документами, подтверждающими, что в крови его предков на протяжении по крайней мере десяти поколений не было ни малейшей примеси крови выходцев с иных планет. Проверка вышеупомянутых документальных свидетельств и утверждение игрока в составе команды вменяется в обязанности Межпланетного Спортивного Контрольного комитета.

Из раздела «Условия допуска» «Официального Устава ежегодных соревнований по футболу между сборными Земли и Марса», 2479 год

I

Исполинская чаша стадиона эхом отозвалась на гортанный боевой клич друзеков — древнего племени, населявшего марсианские пустыни. Казалось, этот клич способен



поколебать даже небесный свод. Марсианские трибуны зарябили пурпурно-красными сполохами: гости с Марса размахивали руками и вопили, не в силах сдержать восторг победы. Игра закончилась со счетом 19:0. Уже шестьдесят седьмой год подряд команда землян терпела сокрушительное поражение. И уже сорок второй год кряду ей не доводилось отыграть ни одного мяча.

Давным-давно прошли те времена, когда землянам удавалось время от времени победить «Красных бойцов». Те дни помнили лишь седобородые старцы, невнятно бормотавшие себе в бороду повести о легендарных событиях древности. Для «Зелено-золотых» настали черные дни.

И в этом году лучшие из лучших земных спортсменов, отборнейшие сливки футболистов-землян снова были буквально сметены несокрушимой стеной рвущихся вперед марсиан, развеяны в клочья яростным напором защитников ворот Красной планеты.

Но упрекнуть землян в капитулянтстве не мог никто. Каждый член команды бился так, будто на карту была поставлена его собственная жизнь, вкладывал в игру все силы без остатка, каждую частичку души и разума, всю неукротимую отвагу до последнего. Да и плохой земную команду не назовешь — она была хороша. Эти одиннадцать человек представляли всю Землю, они были отобраны со всего мира за свои прошлогодние достижения и целый год тренировались под руководством Снеллинга, одного из лучших тренеров в истории футбола. Все это было тут ни при чем — просто марсианская команда была лучше.

Взревела медь оркестров. Команды покинули поле. Марсианский боевой клич сотрясал небеса, раз за разом вырываясь из луженых глоток и волной прокатываясь по трибунам.

Земляне тихо покидали свои места, а марсиане оставались, трубя на весь свет о своей удали. Когда же они все-таки покинули амфитеатр, то по заведенной с незапамятных времен традиции всех болельщиков света ненадолго

заполонили Нью-Йорк, устроив по улицам шествие со своим талисманом — нелепым десятиногим зимпа. Некоторые из марсиан допьяна упились бокка — крепчайшим марсианским напитком, на торговлю которым в земных пределах был наложен строжайший запрет, но тем не менее в избытке имевшимся в раскиданных по всему городу многочисленных пивнушках. Произошло несколько стычек между болельщиками сторон, и кое-кто из марсиан угодил за решетку. Бедлам царил до полуночи, когда Марсианский Особый, шедший футбольным чартерным рейсом, огромный космический лайнер, с ревом и грохотом вырвался из своей колыбели и умчался в сторону Марса.

Тем временем в редакции «Вечерней ракеты» спортивный обозреватель Хэп Фолсуорт бурно разглагольствовал, подавляя ярость и не скрывая отчаяния:

— Да просто земляне уж не те, что прежде! «Крепкие и рослые парни напрочь перевелись, — провозгласил он, — Мы чересчур изнежились и размякли от такой жизни». С каждым поколением мы становимся чуточку изнеженней. Тяжелый физический труд больше не нужен, машины все делают за нас. Машины добывают руду, машины возделывают нивы, машины производят для нас все — от космических кораблей до английских булавок. Нам осталось лишь нажимать на кнопки и давить на рычаги. Черта с два нарастишь мускулы, нажимая на кнопки!

Откуда брали выдающихся игроков прошлого? Двести-три-ста лет назад — тысячу лет назад, если угодно! — взревел Хэп. — Я вам отвечу, где их набирали! Их набирали в шахтах, на лесоповале и на фермах — везде, где без здоровья и силенки просто не выжить.

Но мы чересчур сообразительны и устроили все так, что больше никому не приходится трудиться. Крепкие земные парни еще не перевелись, их множество — но все они или на марсианских копях, или на венерианском лесоповале, или на стройках Ганимеда. Но у каждого в жилах течет хоть

капля марсианской или венерианской крови, чтоб ей пусто было! А пункт восемнадцатый гласит, что они должны быть кристально чисты на протяжении десяти поколений! Если хотите знать мое мнение, то дерьмо это, а не правило!

Хэп оглядел присутствующих, чтобы узнать, как они воспринимают его разглагольствования. Кажется, все были целиком и полностью на его стороне, и Хэп продолжил речь. В его словах не было ничего нового, то же самое было тысячу раз сказано тысячами спортивных обозревателей на тысячу разных ладов, хотя суть оставалась неизменной. Но Хэп пересказывал это после каждой игры, наслаждаясь собственными речами. Откусив кончик венерианской сигары, он повел дальше:

— А вот марсиане не изнежены. Их планета настолько стара и истощена, прямо натуральный рудник, а не планета, что им не до мягкотелости. У них есть и здоровье, и силенки, а их тренерам удается вколотить в их толстолобые головы чуточку футбольной смекалки. Да чего там, для них футбол — это мышцы, хотя игре их обучили именно мы.

Прикурив, он с наслаждением затянулся сигарой и спросил у застывших в почтительном молчании окружающих:

— Скажите-ка, кто-нибудь видел нынче Рассела?

Все покачали головами. Спортивный обозреватель обдумал ответ и лишенным эмоций голосом сказал:

— Когда он покажется, я ему так наподдам, что он взовьется прямо в стратосферу. Я два дня назад послал его взять интервью у тренера Снеллинга, и он с тех пор не показывается.

— Наверно, появится на следующей неделе, — предположил курьер, — Небось, отсыпается где-нибудь.

— Еще бы мне этого не знать! — простонал Хэп. — А когда он явится, то притащит такую байку, что главный расцелует его за то, что не забыл нас.

Тренер Огаст Снеллинг держал перед командой ежегодную речь, посвященную итогам игры с марсианами.

— Когда вы сегодня вышли на поле, — говорил он, — я благословил вас и молил показать все, на что вы способны, все, чему я учил вас. И что же? Вы отправились на поле и подвели меня! Вы подвели Землю. Вы подвели пятьсот тысяч человек на трибунах, выложивших хорошие денежки за то, чтобы полюбоваться футболом. А вы позволили этим тупицам гонять себя по полю. Вы разыграли дюжину славных комбинаций, каждая из которых могла стать результативной. А добились вы результата? Нет!

Вы просто свора сосунков. Хороший тычок в ребра — и вы с хныканьем валитесь наземь. Может, кто-нибудь из вас попадет в сборную будущего года, а может, и нет. Но если попадете, я хочу, чтобы вы хорошенько запомнили: когда мы отправимся на Марс, я намерен вернуться с кубком, даже если его придется украсть. В противном случае я остановлю корабль на полдороге и вышвырну всех вас за борт, а потом выпрыгну сам.

Впрочем, его слова мало что значили, потому что тренер Снеллинг, король всех земных тренеров, с небольшими вариациями говорил то же самое земным командам после каждой игры с марсианами на протяжении последних двадцати лет.

За матовым стеклом исполинской машины зароились неясные, странные, чудовищные тени. Алексис Андрович вглядывался, затаив дыхание. Тени на мгновение оформились, а затем растаяли, но сохраняли отчетливость достаточно долго, чтобы Алексис рассмотрел то, что хотел видеть, и этот мимолетный взгляд наполнил его душу безграничной радостью триумфа.

Первый шаг сделан. Сделать второй будет потруднее, но теперь, когда Алексис получил настоящее подтверждение своей теории, дело пойдет быстрее.

Выключив машину, Алексис вышел в раздевалку, помыл руки, втиснулся в пальто, распахнул дверь и заковылял вверх по ступенькам на улицу.

Проспект встретил его дребезжащими криками механических газетчиков.

— Земля проиграла 19:0!.. Прочтите, как это было!.. Спецвыпуск! Спецвыпуск!.. — снова и снова повторялись записанные на встроенных в них магнитофонах слова.

Стоило сунуть монету в щель и потянуть за рычаг, как автомат выдавал пламенеющую пурпурными заголовками газету с цветными снимками узловых событий игры.

Перемигивались радужные неоновые фонари, по широкому и гладкому, будто полированному, тротуару быстро и почти беззвучно ползли уборочные машины. А в воздухе, над головами, стоял гул воздушного уличного движения.

Откуда-то доносился приглушенный звук боевого клича марсианских пустынь: болельщики с Красной планеты продолжали праздновать победу.

Не обращая внимания ни на боевые кличи, ни на рев газетных автоматов, погруженный в собственные мысли, Алексис Андрович шел в свою сторону. Спорт его не интересовал; он направлялся в парк, чтобы насладиться стаканом пива и порцией сыра.

А в штате Висконсин в 45-м году Раш Калвер бился над высшей математикой. Экзамены были уже на носу, и Раш откровенно обзывал себя дураком и каялся, что пошел на математику, а не на зоологию. Так или иначе, а в цифрах он не силен.

Было уже поздно. Остальные студенты давным-давно уснули. Яркий лунный свет разрисовал дом напротив изящными серебряными квадратами и прямоугольниками. Ночной ветерок нежно шелестел листвой вязов. По Стейт-стрит промчалась одинокая машина, и старинные часы на башенке концертного зала начали вызванивать час.

Раш утер пот со лба и снова уткнулся в книгу.

Погрузившись в зубрежку, он не расслышал, как дверь его комнаты распахнулась и снова тихо закрылась. Он не

оборачивался до тех пор, пока вдруг позади него не шаркнули чьи-то шаги.

В комнате находился рослый незнакомец.

Раш поглядел на него чуть ли не с отвращением. Пришелец был одет в пурпурные шорты и металлизированную рубашку, мерцавшую бликами и переливавшуюся в свете настольной лампы. Голова у него была почти лысая, а лицо покрывала необычайная бледность, будто незнакомец сильно напудрился.

— Что, прямиком с маскарада? — поинтересовался Раш.

Незнакомец поначалу не ответил, продолжая молча разглядывать сидевшего над книгой студента.

Когда же он заговорил, то голос у него оказался негромким, а в произношении проскальзывал какой-то незнакомый Рашу акцент.

— Простите за вторжение, — произнес незнакомец. — Я не хотел вас беспокоить. Я просто хотел знать, не вы ли Раш Калвер, защитник висконсинской футбольной команды.

— Скажи спасибо за мою доброту, что я не послал тебя ко всем чертям, — с чувством промолвил Раш, — Уже почти три часа я бьюсь над математикой, а ты явился лишь за тем, чтобы узнать, не я ли Раш Калвер. Может, тебе еще и автограф дать?

— Не совсем понял, — улыбнулся незнакомец. — Про автографы мне ничего не известно. Но у вас имеются какие-то трудности? Быть может, я сумею помочь.

— Если тебе это удастся, браток, — провозгласил Раш, — я ссужу тебе кой-чего из одежки, чтоб по пути домой ты не угодил в каталажку. Легавые нашего брата студента не очень-то жалуют.

Незнакомец подошел к столу, взял книгу, посмотрел на нее и отбросил в сторону.

— Просто. Элементарно. Касательно проблемы.

Он наклонился и повел пальцем по тетрадному листу.

— Вот так... и так... и так...

— Ого, да это же просто! — вытаращив глаза, возликовал Раш, — А мне ни разу так не объясняли. Теперь я понял, что к чему.

Поднявшись со стула, он встал перед незнакомцем.

— Кто же вы такой?

II

Не вынимая сигары изо рта, Хэп Фолсуорт зарычал на Джимми Рассела:

— И ты пришел с пустыми руками?! Ты, изворотливый, как дьявол, репортер «Вечерней ракеты»?! Да ты можешь сделать хоть что-нибудь, Христа-бога-душу-мать?! Я даю тебе элементарное поручение. «Просто забеги к тренеру Снеллишу, — говорю я, — и выясни состав земной команды». Это по плечу любому курьеру, а ты возвращаешься с пустыми руками! А тебе и делов-то было, что попросить у тренера список, и все тут!

— Ну, ты, свихнувшийся на космосе бродяга! — огрызнулся Джимми, — Если это так уж просто, так валяй, сделай это сам. Если б ты оторвал свой зад от кресла и разведал, что происходит, а не рассиживался туг, выдумывая очередную остроту, ты мог бы назваться газетчиком. Я еще неделю назад мог тебе сказать, что вокруг земной команды затевается что-то темное. Повсюду носятся разнообразнейшие слухи. А сколько мы об этом напечатали? Сколько напечатали об этом «Утренний космический путь» и «Вечерняя звезда»? А ты высиживаешь тут и заявляешь миру, что Снеллинг всего-навсего прибег к этакому психологическому оружию, чтобы вывести марсиан из себя. Что он выйдет на арену с каким-нибудь новым материалом или новыми комбинациями. Слушай, да этот старый ворон не изобрел новой комбинации со времен первого искусственного спутника Земли!

Хэп фыркнул, затушил сигару, угрожающе ткнул указательным пальцем в сторону коллеги и рявкнул:

— Ты! Да я уже был репортером, когда ты пеленки пачкал. Ставлю пять против одного, что позвоню Снеллингу и он даст мне список игроков.

Вместо ответа Джимми молча взял визафон и поставил его перед Хэпом.

Тот набрал номер длины волны тренерского кабинета. На экране появилось чье-то лицо.

— Я бы хотел поговорить с тренером, — сказал Хэп.

Экран на мгновение погас, потом включилась другая линия, и на экране показался Снеллинг.

— Скажи-ка, тренер... — начал Хэп, но закончить не успел.

— Слушай, Хэп, — перебил тренер, — ты мой друг, я тебя очень люблю. Ты говорил обо мне чудесные слова, когда все вокруг только и жаждали моей крови. Если я кому чего и скажу, то только «Вечерней ракете». Да только не собираюсь я ничего говорить. Нечего мне говорить, парни, зарубите это себе на носу. А если ты еще раз подошлешь мне кого-нибудь из своих пронырливых репортеришек, он получит от меня пяткой по роже, уж это я тебе обещаю!

Экран погас.

Хэп онемел от изумления, а Джимми не смог удержаться от смеха.

— Ладно, выкладывай денежки, — отсмеявшись, потребовал он.

В кабинете тренера никого не было. Джимми обрадовался — это вполне соответствовало его планам.

У него никак не выходил из головы нехороший огонек во взгляде главного, когда тот давал ему задание. Задание прежнее — добыть список земной команды, да только ни слова о том, как именно его добывать. Ни намека, хотя само собой разумелось, что получить его от самого тренера уж

никак нельзя. Значит, надо измыслить какой-нибудь иной способ.

И хотя главный ни словом не обмолвился о путях получения списка, зато не пожалел слов, расписывая, что будет с Джимми, если он вернется с пустыми руками. «О редакторы, все вы таковы! — мрачно размышлял Джимми, — Никакой благодарности. А вместо сердца айсберга кусок. Кто дал “Ракете” сенсационный материал о грандиозном синдикате, игравшем на тотализаторе и пытавшемся купить победу для земной команды? Джимми! Кто опроверг байку о знаменитом ограблении ювелирного корабля на орбите Каллисто, когда целая правительственная клика — кстати, потом дружно отбывавшая наказание в лунной колонии — пыталась замять дело на Земле и на Небесах? Снова Джимми. Кто первый сообщил по телефону, а потом написал очерк очевидца о групповом убийстве Денни Карстена — в результате чего продали лишних шесть тысяч экземпляров газеты? Опять-таки Джимми! Не кто иной, как Джимми Рассел, репортер “Вечерней ракеты”. И что же? Вот он я, брожу здесь в поисках списка игроков, а если вернусь порожняком, так предо мной разверзнутся врата ада!»

Джимми на цыпочках прокрался в кабинет тренера. Не привыкнув добывать новости подобным манером, он чувствовал себя не в своей тарелке и нервничал.

На столе лежали какие-то бумаги, и Джимми поглядел на них с надеждой. Если повезет, искомый список находится среди них. Молниеносно оглядевшись, Джимми скользнул к столу и начал быстро пролистывать бумаги.

И тут послышались шаги.

Репортер стремительно бросился к стоявшему в углу металлическому шкафчику для одежды и спрятался за ним. Хотя метнулся он туда чисто рефлекторно, от неожиданности, но, уже оказавшись на месте, удовлетворенно хмыкнул: укрытие оказалось весьма удобным. Отсюда легко подглядеть, где же тренер держит список.

В комнату вошел Снеллинг. Не глядя ни направо, ни налево, он устремился вперед...

И посреди комнаты исчез.

Джимми с недоверием протер глаза. Снеллинг не появился. Ну ладно, исчез, спорить нечего, — но вот куда? Джимми еще раз оглядел комнату. По-прежнему никого.

Джимми с опаской вышел из-за шкафчика. Никто его не окликнул.

Тогда он дошел до центра комнаты, где исчез тренер. Похоже, ничего необычного. Остановившись, Джимми медленно обернулся вокруг — и, пораженный, застыл как изваяние.

Перед ним прямо из ничего возникло отверстие, очерченное бледным кругом света. Внутри было что-то вроде туннеля, полого уходившего вниз, — в этот-то туннель тренер Снеллинг и ушел.

Джимми осторожно ступил в туннель, одновременно кляня себя за безрассудство. Ничего не произошло. Джимми прошел еще несколько шагов и остановился, оглянувшись через плечо, — но позади ничего не было видно, кроме размытого пятна устья туннеля. Протянув руки в стороны, он коснулся стен, оказавшихся твердыми и холодными как лед.

Он осторожно, пригнувшись, пошел по туннелю, готовый при первой же опасности перейти к обороне или обратиться в бегство — это уж как повезет. И вдруг всего через пару-тройку шагов перед ним замаячило второе устье — и снова лишь едва заметным абрисом. Ни единого намека на то, что ждет по ту сторону.

Джимми секунду поколебался и решительно бросился вперед.

И тут же застыл, разинув рот. Вокруг раскинулась неведомая глушь, а посреди этой глуши, прямо перед ним — футбольное поле. На поле суетились игроки в зелено-золотой форме — таинственная земная команда. Вокруг поля высились могучие, кряжистые дубы. Позади просеки виднелись

узкая речушка и дальние голубые холмы, терявшиеся в застилающем горизонт воздушном мареве.

В дальнем конце поля стояло полдюжины шатров — должно быть, сделанных из шкур, с грубо намалеванными на них красной и желтой охрой стилизованными фигурками. От разведенных перед шатрами костров тянулся синеватый дымок, и даже до Джимми долетал терпкий запах горящего дерева.

Тренер Снеллинг стремительно шагал через поле навстречу репортеру, а за ним следом рысцой трусило полдесятка бронзовокожих мужчин, облаченных в замшевые лосины с бахромой, с украшениями из звериных клыков и мелких косточек. Голову одного венчал пышный плюмаж.

Джимми ни разу в жизни не видел индейцев — эта раса вымерла давным-давно. Зато он видел их изображения в исторических книгах, описывающих древнюю Америку, и потому ни на секунду не усомнился, что видит членов туземного североамериканского племени.

Но тренер был уже совсем рядом. Джимми выдавил из себя улыбку.

— Хорошенькое укрытие вы отыскали, тренер! Отличное местечко, чтобы ребята потренировались, не опасаясь, что им будут мешать. Этот туннель и меня поначалу с толку сбил.

Тренер Снеллинг в ответ даже не усмехнулся. Судя по всему, вид Джимми радости ему не доставил.

— Тебе тут нравится? — спросил тренер.

— Еще бы, чудесное местечко, — согласился Джимми, осознав, что избранная им тактика разговора ни к чему не ведет.

— А как тебе понравится провести здесь недельки три? — неулыбчиво поинтересовался тренер.

— Никак не выйдет. Шеф ждет меня с минуты на минуту.

Двое коренастых индейцев шагнули вперед, положив тяжелые руки репортеру на плечи.

— Ты останешься здесь, — подвел черту тренер, — до конца игры.

Хэп Фолсуорт подошел к столу редактора и настойчивым тоном поинтересовался:

— Скажи-ка, ты послал Рассела выяснить состав команды?

— Разумеется, как ты и просил. — Редактор поднял взгляд от бумаг. — А что, этот борзописец еще не вернулся?

— Еще не вернулся?! — роняя пену с губ, разбушевался спортивный обозреватель. — А ты не знаешь, что он никогда не возвращается вовремя? Может, он вообще не вернется! Я слыхал, тренер жаждет его крови.

— Чем это он не угодил тренеру?

— Рассел спросил его, собирается ли тот использовать в этом году те же три комбинации, что и в прошлые десять лет, — пояснил Хэп.

— Не знаю, что теперь поделать. Можно было послать кого-нибудь из ребят.

— Мистер, — фыркнул Хэп, — если Рассел не раздобудет материал, то уж никто не раздобудет. Этот чертяка — лучший репортер из всех, какие обретались в нашей газетенке. Но в один прекрасный день я ему все ребра переломаю, чтобы дать выход своим чувствам.

Редактор пошелестел бумагами и заворчал под нос:

— Значит, он снова взялся за свое. Вот погодите, дайте мне только добраться до этого проспиртованного гения. Я замариную его в банке с бокка и продам в музей. И помоги мне Аллах, если я не выполню своего обещания!

III

Игра почему-то откладывалась. Величайшая толпа болельщиков, какую когда-либо вмещал стадион марсианского города Гуджя Танта, изливала свое возмущение в ропоте и реве.

Марсианская команда уже вышла на поле, а вот земная еще не показывалась.

Игра должна начаться в ближайшее время, ведь ее следует окончить до заката — в противном случае землян ждет суровое испытание внезапным похолоданием марсианских сумерек. Хоть на стадионе и поддерживалось высокое давление воздуха, составляющее золотую середину между земным и марсианским и не дающее преимущества ни одной из команд, но обогреватели не предусмотрены, а мороз марсианской ночи наступает быстро и безжалостно.

«Что-то не в порядке с земной командой, — пронесся по толпе слух. — Восемнадцатое правило. Контрольный комитет совещается».

— Я догадывался, что, раз список земной команды так и не объявили, тут что-то не то, — бурчал рассерженный болельщик, — Должно быть, газетные бредни про новую таинственную команду были правдивыми. Но, по-моему, это часть планов Снеллинга по запугиванию марсиан.

— Снеллинг отнюдь не дурак, — буркнул в ответ сосед по трибуне, — Но психологией в этой игре не отыграешь ни мяча. Он просто обязан нам продемонстрировать что-нибудь эдакое после того, что было написано о команде.

«Красные бойцы» начали на поле свою разминку, и марсианские трибуны откликнулись неистовыми боевыми кличами прежних дней.

Стадион окружал колоритный марсианский город — причудливые здания, нежные переливы красок. А вокруг города раскинулись рыжие равнины, кое-где отмеченные лиловыми пятнами редких пустынных рощиц. С небес тускло сияло крохотное солнце, каким оно и должно быть на четвертой планете.

— Вон идут! — выкрикнул кто-то.

На поле трусцой выбежала земная команда, и трибуны приветственно взревели. Длинная колонна игроков рассыпалась небольшими группами, чтобы провести разминку.

Рев трибун вздымался волной крещендо, достиг пика и начал спадать, пока на трибунах не воцарилось полнейшее молчание.

Прозвучала трель свистка, и на поле вышла судейская коллегия. Команды выстроились. В неярких лучах солнца сверкнула монета. Капитан землян что-то сказал судье, ткнув большим пальцем в сторону северных ворот. «Зелено-золотые» взяли мяч, и команды разбежались.

Земляне заняли оборону.

Носок ботинка врезался в мяч, и тот овальным снарядом взмыл высоко в воздух, медленно вращаясь в полете.

«Красные бойцы» ураганом понеслись к воротам противника. Марсианский игрок раскрыл ладони и схватил падающий мяч.

Команды столкнулись, обратившись в водоворот движения.

Игроки валились на стороны, раскатываясь по земле. Но тут в гущу молнией врезался земной игрок, стремглав распластавшись в низком нырке, и охватил нападающего под коленями. Гул падения донесся даже до трибун.

Команды выстроились. Марсиане издали кровожадный боевой клич, громом загрохотавший в чаше стадиона. Мяч захватили. Но земная команда встала железной стеной, о которую бессильно разбился строй марсиан. Защитники с двух сторон ракетами пронеслись вокруг них, захватив нападающего врасплох, как кутенка. За один розыгрыш Марс потерял три ярда.

Земные болельщики подскочили с мест и завопили.

Команды заняли позиции снова. «Красные» вернули себе мяч. Игра вышла на запредельные, ураганные, ошеломительные скорости. Но земная команда работала как хорошо отлаженный механизм. Бегущего с мячом вытеснили за пределы поля. Марс отыграл лишь два ярда.

Еще ярд отхода и одиннадцать — наступления. За две попытки «Красные бойцы» продвинули мяч вперед на каких-то пять ярдов. Позднее спортивные обозреватели посвятили огромные очерки причуде психологии, помешавшей марсианам на этом этапе пинать мяч. Вероятно, как указывал Хэп Фолсуорт, они были чересчур самоуверенны и решили, что даже в четвертом заходе смогут продвинуть мяч на требуемое количество ярдов. А может, как писал другой, они были просто ошарашены оборонительной мощью землян.

Теперь мяч перешел к «Зелено-золотым».

Команда сдвинулась. От центра мяч пошел назад. Снова игроки смешались в живую кутерьму — и вдруг путаница выкристаллизовалась в упорядоченный узор, когда земной нападающий обогнул правый фланг обороны, ограждаемый

шеренгой защитников, отодвинувшей ринувшихся на него марсиан. Когда «Красным» удалось уложить его, мяч покоился на их двадцатиярдовой линии.

Свисток. Рывок. Мяч захвачен. Раскачиваясь, как броненосец в бурном море, игрок в зелено-золотой форме прорвался сквозь центр линии, крепко прижимая к себе мяч. Товарищи по команде расчистили ему путь, и, даже врезавшись во второй эшелон защиты, он все еще двигался вперед, работая ногами, будто поршнями, пока его не повалили наземь численным превосходством.

Теперь мяч находился всего в двух ярдах от финальной черты. Впервые за многие годы «Красных бойцов» приперли к линии их собственных ворот.

Марсианские трибуны грохотали боевым кличем друзеков, зато земные болельщики онемели от изумления.

Никто не смог после растолковать тактику следующего розыгрыша. Быть может, тут просто нечего истолковывать. Наверное, земляне просто двинулись вперед и оттолкнули всю шеренгу марсиан на недостающие два ярда. Во всяком случае, так это выглядело.

Судья вскинул руки. Огромное табло щелкнуло. Земля открыла счет!

Земные трибуны пришли в неистовство. И мужчины, и женщины вскакивали со своих мест, завывая от восторга. Стадион содрогался от топота множества ног.

И на протяжении всей игры на отданной землянам части стадиона царило столпотворение, ведь одиннадцать «Зеленозолотых» зарабатывали очко за очком, раз за разом разбивая марсианскую команду и неукротимо отвоевывая ярд за ярдом.

Окончательный счет равнялся 65: 0, и изнеможенные восторгами земные болельщики вдруг осознали, что четыре долгих четверти часа жили в стремительном, мечущемся, нереальном мире упоительного наслаждения. Четыре долгих четверти часа они обращали стадион в бедлам —

сумасшедший, кружащийся, лепечущий и ревущий лужеными глотками бедлам.

А марсианские трибуны издали долгий вопль плача над усопшими, погребальную песнь древних друзеков; этих стенаний не слышали на футбольных матчах Земля — Марс более шести десятилетий.

В ту ночь земляне едва не разнесли Гуджя Тант по камешку, ибо таково право и обычай всякой победившей футбольной делегации. И хотя марсиане отнеслись к проигрышу довольно философски, участники захвата могут поведать, как яростно они воспротивились похищению из стойла талисмана-зимпа, принявшего участие во множестве торжественных процессий в честь марсианских побед, — и доставки его на борт чартерного футбольного космолайнера.

Хэп Фолсуорт, откомандированный на игру «Вечерней ракетой», доходчиво разъяснял Симсу из «Звезды» и Брэдли из «Экспресса»:

— Ну, раздули шумиху, пустили пыль в глаза. Это все психологические штучки Снеллинга. Набрал компанию крепких ребят и держал их от глаз подальше, научил их куче новых комбинаций и создал им репутацию таинственной команды. Так что «Красные бойцы» перетрусили до смерти еще до встречи с этими парнями. Попомните мои слова, этот матч выиграла психология...

— А ты хорошо разглядел ребят из нашей команды? — перебил его Симс.

— В общем-то, нет, — признался Хэп. — Разумеется, я видел их на поле со своего места в ложе прессы, но лицом к лицу с ними не встречался. Тренер не подпустил нас к раздевалке на пушечный выстрел, даже после игры. Черт знает, что за способ выигрывать — но, если он способен выиграть подобным образом, я обеими руками за него, — Он затянулся венерианской сигарой. — Но вот попомните мои слова: вся штука в старушке психологии.

Замолчав, он оглядел собратьев по перу и вдруг взорвался:

— Эй, да вы, как я погляжу, мне не верите?!

Те промолчали, но, вглядевшись в их лица, Хэп убедился, что ему действительно не верят.

Дверь открылась, и редактор «Вечерней ракеты» Артур Харт поднял голову, чтобы поглядеть, кто пришел.

В дверном проеме стоял Джимми Рассел, а за его спиной маячил бронзовокожий мужчина, наготу которого скрывала лишь набедренная повязка.

Редактор уставился на него, разинув рот.

Все присутствующие в отделе городских новостей обернулись от своих столов, гадая, кто бы это мог быть.

— Я вернулся, — сообщил Джимми. Редактор издал сдавленный вопль, пронзивший воцарившуюся в комнате тишину. Репортер вошел в комнату, таща спутника за собой. — Ты уж тоном потише, а то напугаешь моего дружка. Он и так за последний час повидал достаточно, чтобы испереживаться до конца дней.

— Да кто он такой, черт побери?! — взревел Харт.

— Сей джентльмен — вождь Гайавата, — провозгласил Джимми, — Выговорить его имя мне не по зубам, вот я и зову его Гайаватой. Он проживал где-то тут тысячи три-четыре лет назад.

— Здесь не маскарад, — отрубил редактор, — а редакция газеты.

— Разумеется. А я здесь работаю и доставил такой материал, что у тебя глаза на лоб полезут.

— Ты что, хочешь сказать, что добыл материал, за которым я послал тебя две недели назад? — угрожающе проворковал Харт. — Да неужто ты уже доставил его?

— Его самый, — согласился Джимми.

— Очень жаль, но игра закончилась. Она закончилась два часа назад. Земля выиграла с огромным счетом. Наверно, ты был чересчур пьян, чтобы выяснить это.

— Там, откуда я вернулся, не было ни капли спиртного.

— Тогда тебе пришлось туговато.

— Слушай, — не вытерпел Джимми, — нужен тебе рассказ очевидца о земной команде или нет? Я его добыл. Это грандиозно! Неудивительно, что Земля выиграла. Да знаешь ли ты, что ее игроки были набраны из числа лучших футболистов Земли за последние тысячу восемьсот лет? Конечно, у Марса не было ни малейшего шанса!

— Разумеется, ни малейшего! — зарычал Харт, — Фолсуорт в своей статье все разъяснил. Они были наголову разбиты еще до начала игры. Психология! И что это за треп о сборе команды за тысячу восемьсот лет?

— Дай мне пять минут, — взмолился Джимми, — и, если не доорешся до хрипоты к их исходу, я признаю, что ты хороший редактор.

— Ладно, — буркнул Харт, — садись и выкладывай. И уж постарайся, если не хочешь схлопотать по уху.

— Гайавата, — обратился Джимми к своему спутнику, — садись-ка вот в это кресло. Оно тебя не укусит. Эта штука, чтобы отдыхать.

Индеец лишь молча пялился на него.

— Он пока понимает меня с пятого на десятое, — пояснил Джимми, — но считает меня каким-то богом и старается изо всех сил.

Харт презрительно фыркнул.

— Не фыркай, — осадил его репортер, — Вероятно, бедный заблудший дикарь считает тебя тоже богом.

— Хватит тянуть, — огрызнулся редактор.

Джимми уселся на краешек стола. Индеец вытянулся во весь рост и сложил руки на груди. Все газетчики покинули свои места и сгрудились вокруг.

— Вы видите перед собой, — изрек Джимми, — дикого индейца, являющегося представителем туземного населения данного континента. Он жил здесь задолго до того, как белый человек ступил на эту землю. Я привел его, чтобы показать, что добыл верные сведения.

— Какое отношение это имеет к игре? — не унимался редактор.

— Грандиозное! Вот только послушайте. Вы не верите в путешествия во Времени. До недавнего я тоже не верил. Таких, как вы, многие тысячи. Кораблями, одолевающими миллионы миль от планеты до планеты, теперь никого не удивишь. Трансмутация металлов ныне достоверный факт. А ведь тысячи полторы лет назад люди были убеждены, что подобные вещи невозможны. И все-таки вы — в наш просвещенный век, снова и снова доказывающий, что невозможное возможно, — отвергаете теорию путешествий во Времени вдоль четвертого измерения. Вы сомневаетесь, что Время является четвертым измерением, и даже в принципиальной возможности существования четвертого измерения.

— Эй, хватит нам зубы заговаривать!

— Давайте зафиксируем как факт, что никто не верит в путешествия во Времени — никто, кроме нескольких придурковатых ученых, которым стоило бы обратить свои усилия на что-либо иное, несущее выгоду. Скажем, повысить производительность труда, сделать людей счастливее или заставить космолайнеры мчаться еще быстрее, чтобы время рейса Земля — Марс сократилось еще на пару минут.

И позвольте вам поведать, что один из этих придурковатых ученых преуспел в этом и построил туннель Времени. Не знаю, как он сам называет эту штуку, но слово «туннель» описывает ее как нельзя лучше. Я случайно в него забрел, а потом — из слов тренера, из рассказов игроков, из попыток индейцев объясниться со мной — вычислил что к чему. Не спрашивайте, как ученый прокладывал туннель. Не имею ни малейшего понятия. Должно быть, я не понял бы этого, даже если бы встретился с его создателем нос к носу и тот самолично все мне растолковал бы.

А вот как Земля побила Марс. Тренер понимал, что у него ни малейшего шанса на победу; понимал, что очередного разгрома не вынесет. Земля деградирует. Ее жители стали чересчур мягкотелыми и ни в какое сравнение с марсианами

не идут. Тренер вспоминал игроков прошлых лет и мечтал заполучить их в команду.

— И тут, как я догадываюсь, — подхватил редактор, — ему подвернулся этот самый туннель Времени. Он отправился в прошлое и придирчиво выбрал нужных людей.

— Именно так! — провозгласил Джимми. — Он просмотрел архивы и отобрал тех, кого хотел. Затем разослал своих агентов в прошлое вербовать игроков. Насколько я понимаю, собрав всю компанию, он устроил туннель Времени из своего кабинета в прошлое, тысячи на три лет назад, и отвел их туда всей толпой. Устроил там поле и принялся тренировать людей, скончавшихся за сотни лет до его рождения, — в лесу, исчезнувшем за тысячи лет до их рождения. На Большой Арене в Гуджя Тант сегодня выступали люди, игравшие в футбол еще до полета первой ракеты в космос. Некоторые из них мертвы уже больше тысячи лет.

Из-за того-то и поцапался Контрольный комитет. Это-то и задержало игру — комитет пытался раскопать какое-никакое правило, запрещающее участие людей из прошлого. Но так и не раскопал, ибо единственная оговорка требует от игрока по крайней мере десяти поколений чисто земной крови, и чтобы он был членом команды какого-нибудь колледжа или университета. И все игроки до единого этим требованиям соответствовали.

Харт смерил его ледяным взглядом, и репортер сразу понял, чего ждать дальше.

— Итак, ты бы хотел усесться за свой старый стол и написать об этом статью? — осведомился редактор.

— А почему бы и нет? — Джимми был готов дать отпор.

— И хочешь, чтобы я дал ее на первой полосе под огромным зеленым заголовком, дал спецтираж и прославил имя «Ракеты»? — не унимался Харт.

Джимми промолчал. Теперь уж никакие слова не помогут.

— Хочешь выставить меня круглым болваном, «Ракету» — на посмешище, а заодно запустить в ход спортивное

расследование, которое будет сидеть в печенках у Земли и Марса ближайшие пару лет?

— Гайавата, — обернулся репортер к индейцу, — большой тупоголовый брат не верит нам. Ему бы под стать жечь ведьм. Он считает, что мы сами это измыслили.

Индеец и бровью не повел.

— Убирайся отсюда к черту! — резко бросил Харт. — И дружка своего прихвати!

IV

Негромкая, но настойчивая трель ночного визафона на прикроватном столике вырвала редактора «Ракеты» из недр глубокого сна. Он терпеть не мог ночных звонков и, увидев на экране лицо одного из своих репортеров, яростно зарычал:

— Чего ради ты меня будишь? Ну и что ж, что пожар на Большой Арене?.. Слушай, неужто надо меня выдергивать из постели всякий раз, как где-нибудь вспыхнет огонек?! Хочешь, чтоб я мчался туда и собирал сведения?.. Хочешь узнать, надо ли давать спецвыпуск утром? Слушай, мы что, должны давать спецвыпуск всякий раз, как кто-нибудь разведет костер, пусть даже на Большой Арене?! Наверно, какие-нибудь алкаши празднуют победу, дожидаясь прихода футбольного спецрейса.

Вслушался в полившийся из динамика лепет.

— Как индейцы?.. Боевые пляски?! Сколько их там?.. Говоришь, выходят из административного здания?.. И все больше и больше, надо же! — кричал Харт, уже выбравшись из постели, — Скажи, Боб, а ты уверен, что это индейцы?.. Билл говорит, что индейцы, да? А Билл узнает индейца при встрече?.. Его ведь не было поблизости нынче днем, когда приходил Джим, так ведь? Он не видел этого урода, что

притащил Джим, правда?.. Ну, если он вздумал нас разыграть, я ему шею сверну!

Слушай, Боб, разыщи Джима... Да, понимаю, что уволен, но он с радостью вернется. Может, это имеет отношение к его байкам. Обзвони все пивнушки и игральные заведения в городе. Добудь его, даже если тебе придется его арестовать. Я выезжаю.

Харт натянул одежду, схватил плащ и рысью припустил к гаражу, где стоял маленький служебный самолетик. А несколько минут спустя он уже ворвался в редакцию.

Боб был на месте.

— Нашел? — с ходу поинтересовался Харт.

— Еще бы!

— И в какую дыру он забился?

— Ни в какую. Он на Арене, с индейцами. Раздобыл где-то полбочки бокка, и эти индейцы набрались до того, что готовы разнести стадион по камешку. В толк не возьму, как марсиане пьют этот бокка? А представь, каково индейцу, ни разу в жизни, не вкусившему алкоголя, вливать эту штуку себе в глотку?

— А что говорит Джим...

— Билл добрался до него, но он не хочет и пальцем для нас шелохнуть. Говорит, мы его оскорбили.

— Представляю, что он наговорил, — раздраженно проскрипел Харт, — Пусть Билл летит сюда на всех парах. Вели ему написать статью об индейцах на Арене. Вызови кого-нибудь из остальных. Пошли одного дожидаться футбольного спецрейса, и пусть хватает тренера в клещи сразу же после приземления. А лучше пошли туда толпу парней, чтобы раздобыли интервью у земных игроков. Биографию каждого. Раскрути работу на всю катушку. Да, и фотографов. Пусть снимают — мне нужны сотни снимков. Выясни, кто балуется Временем, и держи их в поле зрения. Позвони кому-нибудь из Контрольного комитета. Может, поведают что-нибудь. Выйди на марсианского тренера. А я отправлюсь на Арену и приволоку сюда Джима.

Дверь с грохотом захлопнулась за ним, а Боб схватился за визафон.

На Арене собралась огромная толпа. В центре амфитеатра, на заботливо ухоженном и взлелеянном травяном поле, полыхал костер. Харт увидел, что ворота в одном конце поля выворочены из земли и пошли на дрова. У костра высилась груда разбитых ящиков. Вокруг огня с песнопениями скакали варвары, четко обрисованные пламенем костра резные фигурки — персонажи, явившиеся прямиком из легенд о первозданном прошлом этого края.

По толпе пронесся ропот. Харт оглянулся.

На Арену прибыл отряд полицейских на мотоциклах. Въехав на стадион, они включили пронзительно завывающие полицейские сирены и ринулись на пляшущих вокруг огня дикарей.

И воцарился ад кромешный. Толпа, собравшаяся полюбоваться на индейские пляски, почуяла новое развлечение и попыталась перекричать сирены.

Пляска прервалась. Харт увидел, как индейцы в мгновение ока собрались вместе, затем рассыпались и побежали — но не от полиции, а прямиком ей навстречу. Один дикарь вскинул руку — в отблесках костра сверкнул полированный камень, когда он метнул боевой топорик. Описав дугу, томагавк обрушился на голову полицейского. Человек и мотоцикл закувыркались, слившись в мельтешение рук, ног и сверкающих спиц.

Гомон и шум перекрыл жуткий улюлюкающий боевой клич.

Харт увидел, как перед индейцами заметался белый человек, что-то им крича. Джимми Рассел. Должно быть, от бокка совсем ум отшибло.

— Джимми! — заверещал Харт. — Сюда, Джимми! Назад, дурачина!

Но Джимми его не слышал. Он орал на индейцев, убеждая их следовать за собой, прямо сквозь надвигающийся строй полицейских, в сторону административного здания.

Они подчинились, и все кончилось в считанные секунды.

Индейцы и полиция сошлись; полицейским пришлось отчаянно лавировать, чтобы не врезаться в тех, кого должны были призвать к порядку. Затем индейцы вырвались на открытое пространство и припустили вслед за своим белым другом. Не успели полицейские развернуть машины, как краснокожие уже добрались до административного здания и скрылись внутри.

А за ними мчался Харт в стелющемся по ветру плаще.

— Джимми! — вопил он, — Джимми, черт тебя дери, назад! Все в порядке! Я дам тебе прибавку к жалованью!

Споткнувшись, он упал и уже в падении заметил, как мимо с ревом промчался мотоцикл, направляясь к двери, за которой скрылись индейцы во главе с Джимми.

Харт встал и заковылял вперед. Из дверей здания ему навстречу выбежал знакомый лейтенант полиции, крикнув:

— Ничего не понимаю! Ни следа! Они исчезли!

— Они в туннеле! — гаркнул в ответ Харт. — Отправились на три тысячи лет назад!

Оттолкнув лейтенанта, редактор ступил на порог, но в этот самый миг в глубине здания что-то тупо ухнуло, будто отдаленный взрыв.

Добравшись до кабинета тренера, они обнаружили лишь его развалины. Дверь сорвало с петель; стальные листы вмяло, будто ударом исполинского кулака; мебель разворотило и разбросало в стороны.

— Что-то тут стряслось.

Харт не ошибся. С туннелем времени что-то стряслось: он прекратил свое существование.

Говорил Алексис Андрович с каким-то чудным подвыванием — гнусаво и капельку запинаясь.

— Ну, откуда мне было знать, что невежа-газетчик полезет в туннель Времени? — вопрошал он, — Откуда мне было знать, что стрясется несчастье? Какое мне дело до газет? Какое мне дело до футбола? А я вам скажу — мне до него никакого дела. Мне есть дело лишь до науки. Я лично даже не хочу пользоваться путешествиями во Времени. Было бы чудесно заглянуть в будущее... О, да, это было бы чудесно — но у меня времени нет. Надо очень много сделать. Я решил проблему путешествий сквозь Время. Теперь мне до нее больше нет дела. Тьфу! Что сделано, то прошло. Теперь я иду вперед. Возможное меня не интересует. А вот в невозможном я ощущаю вызов. Я не успокаиваюсь, пока не преодолеваю преграду невозможного.

— Но если вам наплевать на футбол, то почему ж вы помогли тренеру Снеллингу?! — грохнул кулаком о стол Артур Харт, — С какой стати передавать мощь великого открытия в руки спортивного тренера?!

Навалившись грудью на стол, Андрович с хитринкой покосился на редактора.

— Значит, вам хочется это знать? Так бы и сказали. Ладно, я вам скажу. Джентльмены пришли ко мне — не тренер, а другие джентльмены; некий джентльмен по имени Денни Карстен и прочие. Ну да, гангстеры. Денни Карстена после убили, но мне до него и дела нет. Мне нет дела ни до чего, кроме науки.

— А вы знали, кто эти люди, когда они к вам пришли впервые? — поинтересовался Харт.

— Разумеется, знал. Они сами это сообщили. Вели себя очень по-деловому. Сказали, что слышали о моих работах над Временем, и спрашивали, когда я рассчитываю их завершить. Я поведал, что уже разрешил проблему, и они выложили деньги на стол — много денег, я столько еще ни разу не видел. Тогда я спросил: «Джентльмены, чем я могу вам помочь?», а они мне ответили, притом совершенно откровенно. Сказали, что хотят выиграть большие деньги на

тотализаторе. Сказали, что я должен помочь им набрать команду, которая выиграет в футбол. Вот я и согласился.

Харт взвился под потолок с воплем:

— О, великий мчащийся Юпитер! Снеллинг спутался с гангстерами!

— Снеллинг не знал, что имеет дело с гангстерами, — умерил его пыл Андрович, — Уговаривать его применить метод путешествий во Времени пришли другие — те, кого он считал друзьями.

— Но, послушайте, вы же не собираетесь выкладывать это, когда вас вызовут в спортивный контрольный комитет? Наверняка затеют расследование, все дело прочешут частым гребнем, и, если вы хоть раз пикнете, что сюда замешаны гангстеры, — тренера Снеллинга навсегда сбросят с футбольного небосклона.

— А какая мне разница? — тряхнул головой ученый. — Отдельные судьбы не играют почти никакой роли. В расчет идет лишь прогресс всего человечества. Мне нечего скрывать. Я продал свое открытие за деньги, которые необходимо было вложить в новые исследования. С какой стати мне лгать? Быть может, услышав правду, меня отпустят сразу же после признания. Мне некогда терять время на допросы. Меня ждет работа, важная работа.

— Делайте как знаете, но я пришел к вам по поводу Джимми Рассела. Нет ли способа до него добраться? Вы не знаете, что там случилось?

— Что-то стряслось с машиной управления Временем, стоявшей в кабинете тренера Снеллинга. Она приводилась в действие всякий раз, когда надо было открыть туннель. Ей требовалась масса энергии, и мы подцепили ее к высоковольтной сети. Я полагаю, что кто-то из индейцев с перепугу — а то и просто спьяну — налетел на машину. Скорее всего, он повалил ее и устроил короткое замыкание. Насколько я понимаю, в кабинете нашли разрозненные останки человеческого тела. Но вот почему то ли туннель, то ли машина взорвались — понятия не имею. Электричество, старое

доброе электричество — ключ ко всему открытию. Но, вероятно, я заодно привел в действие силу иного рода — назовем ее силой Времени, если хотите мелодраматичности, — и всему виной именно эта сила. Нам еще многое предстоит изучить. Человек нередко добивается результатов, о которых даже не подозревал.

— Так что насчет Джимми?

— Сейчас я ужасно занят, — ответил Андрович. — Вероятно, в ближайшие дни не смогу ничего поделать...

— А может эту работу сделать кто-нибудь другой?

— Никто, — покачал головой ученый, — Я не сообщал секрета никому. После того как туннель Времени пробит, управлять машиной становится совсем легко — то есть проектировать элемент времени дальше в прошлое и приближать его к настоящему. Футболисты, привезенные сюда для игры, провели в настоящем свыше шести месяцев, но вернутся в собственное время примерно в тот же час, что и убыли из него. Требуется лишь правильно настроить машину, управляющую туннелем. Но пробить туннель могу лишь я. Уверяю вас, это требует немалого умения.

Харт вытащил бумажник и начал отсчитывать деньги.

— Скажите мне, когда остановиться.

Андрович облизнул губы, следя за растущей на столе стопкой купюр.

Наконец он поднял ладонь.,

— Я сделаю это. Начну завтра же. — Протянув руку, он сграбастал купюры, — Спасибо, мистер Харт.

Харт кивнул и повернулся к двери. За его спиной ученый жадно считал и пересчитывал полученные купюры.

V

Раш Калвер пожал руку Эшу Андерсону, футбольному агенту тренера Огаста Снеллинга.

— Я рад, что не послал тебя ко всем чертям в ту ночь, Эш, когда ты ввалился ко мне. Потрясающие воспоминания. Когда вам, ребята, потребуется хороший защитник, можете запросто обращаться ко мне.

— Может, так и будет, — улыбнулся Андерсон, — если Контрольный комитет не поменяет правила. Наверно, они теперь к чертям искромсают восемнадцатый пункт — а все из-за какого-то дерьмового газетчика, растрезвонившего это на весь свет. Беда с этими репортерами, никакой лояльности. Они ради красной строки родной бабке горло перережут.

Оба неловко потоптались.

— Не хочется прощаться, — признался Раш. — Одно время я подумывал остаться с вами в будущем, но тут у меня осталась девушка. А того, что ты мне дал, хватит, чтобы хорошо устроиться после учебы. Просто диво, как точно вы чеканите старые деньги.

— Разницы никто не обнаружит. Пойдут за чистую монету. Наши тамошние деньги тебе не пригодились бы. Раз уж мы договорились заплатить тебе, то должны были дать нечто пригодное для употребления.

— Ладно, Эш, прощай, — проговорил Калвер.

— Прощай.

Раш медленно зашагал по улице. Часы на концертном зале прозвонили час. Раш принялся считать удары. Он отсутствовал всего час — а за это время прожил полгода в будущем. Позвенев зажатым в руке мешочком с монетами, он начал напевать.

И вдруг резко обернулся.

— Эш, погоди минуточку! Эш!

Но человек из будущего уже ушел.

Раш медленно повернулся и двинулся к дому, покинутому менее шестидесяти минут назад, бурча под нос:

— Проклятье! Забыл поблагодарить его за помощь с матанализом.

Крохотный колокольчик тренькал снова и снова.

Артур Харт беспокойно заворочался во сне. Колокольчик настойчиво зазвонил. Редактор сел в кровати, провел ладонями по волосам и застонал. Звяканье не затихало.

— «Утренний космический путь» дает экстру, — проворчал Харт. — Разрази их дважды в корень, какого черта они дают экстренный?!

Нажав на клавишу, он установил яркость освещения, подошел к машине и стукнул по кнопке, заставив колокольчик умолкнуть. Потом открыл машину и вынул из приемного контейнера еще не просохший номер газеты.

Потом воззрился на вторую из доставочных машин, взрычав:

— Если «Звезда» побьет «Ракету» на экстре, я все там вдребезги разнесу. В последнее время нас обходят чересчур часто. Впрочем, наверно, новость не такая уж экстренная. Просто «Космический путь» немного перестарался с саморекламой.

Он сонно развернул лист и бросил взгляд на заголовок:

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ МАШИНЫ ВРЕМЕНИ УБИТ ГАНГСТЕРАМИ.

Харт захлебнулся воздухом. Глаза его метнулись по листу.

АЛЕКСИС АНДРОВИЧ ИЗРЕШЕЧЕН ПУЛЯМИ ИЗ ПРОМЧАВШЕГОСЯ НА БОЛЬШОЙ СКОРОСТИ АВТОМОБИЛЯ. ПОЛИЦИЯ ПРЕДПОЛАГАЕТ СВЯЗЬ С МАТЧЕМ ЗЕМЛЯ-МАРС.

Тут бурно очнулась от спячки доставочная машина «Ракеты». Харт мгновенно выхватил газету и прочел:

ГАНГСТЕРЫ ЗАТКНУЛИ РОТ УЧЕНОМУ НАКАНУНЕ ДОЗНАНИЯ О МАТЧЕ.

Ошеломленный Харт присел на край кровати.

Андрович мертв! Единственный человек в мире, способный пробить туннель Времени для Джимми!

Все ясно как день. Подпольный синдикат в страхе перед признаниями Андровича заставил его молчать самым эффективным способом. Мертвые не болтают.

— Лучший репортер из всех, черт ему в глотку, — уронив голову на руки, простонал Харт. Но тут же подскочил, осененный внезапной мыслью, бросился к визафону и торопливо настроил его на нужную волну.

На экранчике показалось лицо тренера Огаста Снеллинга.

— Слушай, тренер, — почти не дыша, спросил Харт, — ты уже всех разослал в прошлое?

— Харт, — ровным голосом, полным ледяной ненависти, отозвался тренер, — после того как газеты буквально распяли меня, мне сказать нечего.

— Тренер, — взмолился Харт, — я ведь не прошу никаких публикаций. Твои слова никогда не будут напечатаны. Мне нужна твоя помощь.

— Мне нужна была твоя помощь позавчера, — напомнил Снеллинг, — а ты заявил, что новости есть новости. Ты сказал, что твой долг перед читателями — публиковать всякую новость до мельчайших деталей.

— Но речь идет о человеческой жизни! — закричал Харт, — Один из моих репортеров остался в прошлом, где ты тренировал команду. Если бы можно было воспользоваться одним из других туннелей — из числа тех, что вы использовали для отправки ребят назад, — я мог бы его отрегулировать на нужное время. Тогда я отправился бы за Джимми и привез бы его обратно...

— Я не врал, утверждая, что все отправлены обратно и все туннели закрыты. Последний игрок отправился домой нынче днем.

— Ну что ж, — медленно вымолвил Харт, — по-моему, это решает дело...

— Я слыхал о Расселе, — не дал ему договорить тренер, — и, если он застрял в прошлом с этими индейцами, я бы назвал это поэтичной справедливостью.

Снеллинг резко отключился, и экран померк.

Брякнул колокольчик машины «Звезды». Харт утомленно отключил сигнал экстренного выпуска и вынул газету.

— Проклятье! Будь Джимми с нами, мы с этой вестью обставили бы даже «Космические пути».

Оглядев все три газеты одну за другой, он печально подытожил:

— Лучший репортер на свете, черт ему в глотку.

Профессор Эбнер Уайт читал курс элементарной астрономии, раздел Б.

— И, хотя есть основания полагать, что Марс обладает атмосферой, — говорил он, — имеются все основания усомниться в возможности существования там жизни — слишком мало кислорода в атмосфере, буде таковая в наличии. Красный цвет планеты свидетельствует, что весь кислород, имевшийся некогда в атмосфере...

И в этот миг профессора Уайта грубо перебил юноша, медленно поднявшийся со своего места:

— Профессор, я слушаю вас уже полчаса и пришел к выводу, что вы сами не знаете, что говорите. Я могу вам сообщить, что на Марсе имеется атмосфера, что в ней хватает кислорода и условия для жизни вполне подходящие. Более того, жизнь там есть...

Тут юноша осекся, осознав, что натворил. Аудитория едва удерживалась от того, чтобы бурно расхохотаться, и по рядам прокатывались волны сдавленных хихиканий. Профессора Уайта не любил никто.

Профессор разевал рот и брызгал слюной, пытаясь заговорить. Наконец ему это удалось.

— Вероятно, мистер Калвер, — предположил он, — вам лучше подняться на кафедру, а я спущусь и займу ваше место.

— Извините, сэр, забылся. Это больше не повторится. При всех искренне прошу простить меня.

Он сел, а профессор Уайт продолжил лекцию.

Вот этот-то инцидент и объясняет, почему Раш Калвер вошел в легенды Висконсинского университета.

О нем рассказывали прямо-таки чудеса. На последнем курсе он был избран человеком года. Его приняли во все сколько-нибудь заметные студенческие организации, отвергавшие его прежде, хоть он и демонстрировал на первом и втором курсе большие успехи по части футбола.

В посредственном студенте вдруг пробудился блестящий интеллект. Те, у кого он раньше искал помощи в занятиях математикой и прочими дисциплинами, теперь сами ходили к нему за помощью.

Как-то раз он принял участие в диспуте по социально-политическим наукам и целый час излагал принципы правления утопическим государством. Слышавшие его речь позднее утверждали, что говорил он столь убежденно, будто видел подобное правительство в деле.

Но величайшей славы он добился на футбольном поприще, благодаря триумфам, принесенным висконсинской команде. В студенческом городке ходили слухи, будто он разработал и поведал тренеру ряд комбинаций, основанных на совершенно новых тактических принципах. Сам же Раш упорно отрицал свою причастность к их разработке. Но, как бы то ни было, той осенью висконсинская команда буквально наголову разгромила всех противников. Команда за командой падала жертвой неукротимого натиска «Барсуков». Они добрались до Миннеаполиса и там с легкостью прошествовали триумфальным маршем через позиции могучих «Золотых сусликов». Болельщики и спортивные обозреватели буквально изнемогали от изумления, а весь футбольный мир трепетал от восторга.

Настоятельные требования общественности заставили Большую Десятку пересмотреть запрет на проведение игр по окончании сезона, и 1 января 1945 года «Барсуки» одержали на Розовой арене сокрушительную победу над

«Троянцами» со счетом 49:0. Спортивные обозреватели нарекли эту игру величайшим матчем всех времен и народов.

Джимми Рассел сидел на дереве. Ему невероятно повезло, ибо в здешнем краю деревья редкость, а репортер наткнулся на дерево в тот самый миг, когда крайне в этом нуждался.

Под деревом кружил исполинский медведь-гризли, одержимый яростью битвы. Свирепо рыча, он кусал торчащие из плеч древки стрел. Кора дерева кое-где была напрочь содрана ударами огромных лап, на древесине зияли глубокие следы четырехдюймовых когтей. Все нижние сучья были обломаны — зверь то и дело вставал во весь рост, пытаясь дотянуться до своей добычи.

В овраге в четверти мили отсюда остался помятый, истерзанный труп вождя Гайаваты; во время атаки медведь избрал его первой жертвой. Джимми выпустил свою последнюю стрелу прямо в глотку зверя, когда тот увечил его друга. Потом, оставшись без оружия и осознав, что спутник погиб, Джимми ринулся в бегство — слепое, отчаянное бегство. Дерево спасло его — по крайней мере, на время. Он все еще надеялся, что последняя стрела, вонзившаяся глубоко в глотку медведя и вызвавшая безостановочное кровотечение, рано или поздно повлечет гибель разъяренного чудища.

Сидя на толстом суку, репортер с тоской раздумывал о том, что, даже уцелев, вынужден будет остаток пути одолеть в одиночку. До Мексики и цивилизации ацтеков путь еще неблизкий, но в компании со стариной Гайаватой время летело незаметно. Вождь был его единственным другом в этом диком первобытном краю, а сейчас он мертв. Джимми придется пройти еще тысячу миль одному, пешком и почти безоружным.

— Быть может, стоило переждать в деревне, — рассуждал репортер. — Глядишь, кто-нибудь и прибыл бы за мной. А

может, никто не хотел ввязываться в это дело. Впрочем, курьезно, но я всегда считал Харта своим другом, хоть он и взвивался всякий раз под потолок, едва меня углядев. Но я все-таки ждал целых три года, так что времени у него было предостаточно.

Одинокий буффало выбрался из лощины на гребень, где под деревом нес свою вахту медведь. Увидев быка, гризли свирепо взревел и ринулся на него. Мгновение казалось, что буффало готов дать отпор, но не успел медведь пробежать полдороги, как бык развернулся и затрусил прочь. Гризли вернулся под дерево.

Далеко на равнине показалось стадо антилоп, мчавшихся, едва касаясь земли. Джимми долго следил за ними. Сквозь высокую траву лощины к западу от дерева бесшумно скользнул волк. В небе закружили стервятники. Погрозив им кулаком, Джимми изрыгнул проклятие.

На землю опустились сумерки, но медведь не покидал своего поста. Время от времени он отходил в сторонку и ложился на траву, будто ослабев от потери крови, — но всякий раз возвращался и возобновлял кружение под деревом.

Взошла луна, и с восточных холмов донесся заунывный вой волков. Джимми оторвал полоску от своей кожаной рубашки и привязал себя к дереву. И правильно сделал, потому что уснул, несмотря на поджидающую внизу опасность, несмотря на старания сохранять бдительность.

Когда он проснулся, луна уже клонилась к западу. Все его тело занемело и промерзло до костей; какое-то мгновение Джимми не мог сообразить, где он и кто он.

По гребню неподалеку скользнул стелющийся вдоль земли силуэт, а откуда-то из прерии донеслось взревывающее похрюкивание пробуждающегося стада буффало.

Внезапно сориентировавшись в обстановке, Джимми принялся озираться в поисках медведя. Поначалу он никак не мог разглядеть зверя, но в конце концов узрел его огромное тело, распростертое на земле чуть поодаль. Джимми крикнул, но медведь не шелохнулся.

Под вечер Джимми шагал по равнине, направляясь на юго-запад. Он был вооружен луком со стрелами, а за пояс заткнул томагавк. Одет он был в потрепанные одежды из звериных шкур, но ступал широким, размашистым шагом и высоко нес свою голову.

За его спиной осталась высокая груда камней, отметившая место последнего упокоения смертного вождя Гайаваты. Впереди лежит Мексика, страна ацтеков.

Там колыбель высочайшей цивилизации доколумбовой Северной Америки. Там он отыщет людей, легенды которых повествуют о белом боге, пришедшем к ним в древние времена и научившем их очень многому. Таков рассказ, поведанный ими испанским конквистадорам. Потому-то они и приветствовали Кортеса, будто бога, — о чем после горько пожалели.

— Белый бог, научивший их очень многому, — произнес Джимми себе под нос и хмыкнул. Может, этим белым богом был вовсе не он? Может, он и не учил их? Но если он был богом ацтеков — почему же не предупредил их об исходящей от испанцев опасности?

Джимми снова хмыкнул.

— Из газетчика выйдет чертовски славный бог для банды краснокожих.

ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ

I

Старый доктор Троубридж дремал в своем офисе, закинув ноги на стол, рядом с ним, на полу, валялась пустая бутылка из-под бокки. Ангус Макдоналд, начальник полиции Нью-Чикаго, осторожно потряс его за плечо. Доктор открыл один глаз и уставился на Ангуса с мягким упреком.

— Рейдиум-сити хочет поговорить с начальником отдела здравоохранения, — сообщил Ангус, — Я полагаю, с вами.

Доктор снял ноги со стола и медленно поднялся. Протирая глаза, он бросил взгляд на капли, что падали с плаща полицейского.

— Дождь все еще идет, — заметил он.

— Черт, на Венере всегда идет дождь, — сказал Ангус.

Доктор закинул руки за голову и зевнул.

— Лучше бы вам поторопиться, док, — наставительным тоном заметил Ангус. — Возможно, с вами хочет проконсультироваться кое-кто из медицинских светил Рейдиум-сити.

Доктор фыркнул. Прежде, возможно, он оскорбился бы в ответ на столь тонко скрытый сарказм. Но теперь доктор исключал для себя возможность быть оскорбленным. Десять лет на Венере, убогое существование и плохое спиртное взяли свое.

Доктор, пыхтя, надел плащ и последовал за Ангусом вниз по шаткой лестнице. Дождь обрушился на них, едва они вышли из дома и пошлепали по красному грязному болоту, которое было главной улицей Нью-Чикаго.

В радиостанции на краю посадочной площадки, единственном месте в городе, откуда можно было связаться с внешним миром, их приветствовал сын Ангуса, Сенди.

— Я вызову Рейдиум-сити, — сказал Сенди. — Мне показалось, у них есть важная информация.

— В Нью-Чикаго никогда не случается ничего важного, — проворчал доктор, — Ничего, с тех пор как умер старый Джейк Ханслер. И за это возложили ответственность на меня.

Сенди между тем заговорил в микрофон:

— Нью-Чикаго вызывает Рейдиум-сити. Ответьте, пожалуйста. Нью-Чикаго вызывает Рейдиум-сити. Ответьте, пожалуйста.

Из усилителя донесся голос оператора Рейдиум-сити:

— Рейдиум-сити отвечает Нью-Чикаго. Вы определили местонахождение доктора Троубриджа?

— Подождите секунду, — сказал Сенди.

Он выключил усилитель и вручил доктору наушники с микрофоном. Тот надел их и втиснул свое короткое толстое туловище в кресло оператора. Затем он слегка откашлялся и произнес в микрофон:

— Это доктор Троубридж.

— Доктор Троубридж, — сказал голос из Рейдиум-сити, — меня зовут Тони Полсон. Я репортер из Межпланетной пресс-службы. Я только хотел выяснить насчет нового заболевания — «голодной болезни». Есть ли подобные случаи в Нью-Чикаго?

— Голодная болезнь, — фыркнул доктор. — О чем вы говорите? Я никогда не слышал о такой болезни.

— Это нечто необычное, — сказал голос, — Новая болезнь. Она распространилась по всей Венере, также есть несколько случаев и на Земле. Пострадавшим кажется, что они не могут насытиться. Именно поэтому мы называем это «голодной болезнью».

— Никогда не слышал об этом, — объявил доктор.

— Есть ли другие доктора в Нью-Чикаго? — спросил репортер.

— Нет, — ответил доктор, — Я — единственный, и они вполне могли бы обойтись без меня, тем самым фактически лишив средств к существованию. Никогда за всю мою жизнь не видел более здорового места.

— Вы уверены, что в Нью-Чикаго никто не заболел? — упорствовал журналист.

— Уверен, я уверен! — возмутился доктор, — Последний случай какого-либо заболевания здесь был, когда дочь Стива Донагана, Сьюзен, болела корью. И это произошло три месяца назад.

— О'кей, — сказал голос, — Спасибо, доктор. Есть какие-нибудь еще новости в Нью-Чикаго?

— Черт, разве здесь может что-нибудь случиться? — заявил доктор.

— О'кей, спасибо и до свидания.

— До свидания, — сказал доктор, снимая наушники с ушей.

Он поднялся с кресла.

— Забытая всеми грязная дыра, — объявил он Ангусу и Сенди, — Вот я, доктор, ничего не знаю об этой новой болезни. А между прочим, когда-то меня считали авторитетом в диагностике. Но это было до того, как я прибыл в Нью-Чикаго. Парень из Рейдиум-сити говорит, что в городе есть случаи нового заболевания. Единственный симптом — сильный голод. Больше он ничего не сказал. Никогда ничего не слышал о чем-нибудь подобном, — Он печально покачал головой и направился к двери.

— Спасибо, что позвали меня, — сказал он и нырнул в дождь.

Начальник полиции и его сын наблюдали, как он быстро поковылял вниз по улице, двигаясь по направлению к бару «Цветок Венеры».

— Он будет рассказывать парням об этой новой болезни, — сказал Ангус, — и они купят ему выпивку. Еще до ночи он потеряет человеческий облик.

Артур Харт, редактор «Вечерней ракеты», ткнул пальцем в заметку в рубрике «Новости» на первой странице утреннего выпуска.

— Здесь кое-что интересное, — сказал он Бобу Джексону и покачал головой. — Дико интересное, — Он задумался.

Боб Джексон ничего не ответил. В воздухе запахло проблемами. Всякий раз, когда шеф начинал качать головой и бормотать себе под нос, это означало, что кому-то угрожают проблемы. У Боба возникло чувство, что на сей раз жертвой будет он.

— Послушай это, — велел Харт и начал читать: — «Единственное место на Венере, где нет случаев заболевания голодной болезнью, это Нью-Чикаго. Сегодня об этом сообщил Межпланетной пресс-службе доктор Андерсон Троубридж, начальник отдела здравоохранения».

— Здоровое место, — произнес Боб, задаваясь вопросом, правильно ли он сказал.

— Черт, слишком здоровое, — бросил Харт. — И в этом вся фишка. Эта голодная болезнь бесчинствует на всей планете, почему же Нью-Чикаго оказался в стороне? Люди повсюду мрут словно мухи, а жители Нью-Чикаго даже не испытывают никакого беспокойства.

Харт уставился на репортера, его взгляд был холоден и непреклонен.

— Вот туда ты и отправишься, — объявил он.

— Послушай, — Боб ощетинился, — если ты думаешь, что отправишь меня в какое-то заброшенное место на Венере, чтобы узнать, почему там никто не заболел, то лучше поищи мне замену. Однажды я уже побывал на Венере, и мне там не понравилось. Одно воспоминание о ней вызывает у меня дрожь. Все время идут дожди. Солнца не видно. Жарко, влажно. Даже дождь теплый. И жуки — старик, там их миллионы! Всевозможных форм и размеров. Я ненавижу проклятых жуков.

Харт положил газету на стол и тщательно разгладил ее.

— И все же, Боб, — сказал он мягко, — я прошу, чтобы ты сделал это, потому что ты — единственный, на кого я могу положиться. Если что-то можно найти в Нью-Чикаго, ты —

тот человек, кто найдет это. А я думаю, что там кое-что имеется. Что-то невероятно важное.

Сейчас Земля столкнулась с одной из самых серьезных угроз за последние годы. Голодная болезнь — ты знаешь, что это такое. Ускорение метаболизма. Ускорение до такой степени, что человек должен есть почти непрерывно, чтобы поддерживать свое существование. И жертва этой болезни стареет прямо на глазах. Кожа покрывается морщинами, волосы седеют, зубы выпадают. За несколько дней он проживает годы, и через неделю или десять дней он умирает от старости, — Глаза Харта сузились, и его голос зазвучал резче, — У наших медиков нет никакого ключа к разгадке. Они не смогли определить, какой микроб или бактерия или что-нибудь еще является причиной болезни. Они знают, что это инфекция, и на этом их знания заканчиваются. Причина им неизвестна. Они не знают, как предотвратить или вылечить эту болезнь. Пока каждый, кто заболел, умирает — или вот-вот умрет.

Харт не спускал с Джексона холодного взгляда.

— Я даю тебе шанс, — сказал он, — оказать человечеству великую услугу. Должна быть какая-то причина, по которой Нью-Чикаго не был поражен болезнью. Если ты смог бы найти, в чем эта причина... неужели ты не понимаешь, Боб, это — шанс спасти Землю!

— Это — шанс для «Вечерней ракеты», чтобы заработать миллиард долларов. Первоклассная акция! — прорычал Боб, — Заголовки огромными буквами: «Репортер “Ракеты” находит средство для лечения голодной болезни».

Харт вздохнул.

— Есть только одна вещь, которая вызовет отклик в твоей противной душе, — сказал он, — У тебя нет ни капли человеческого сострадания. У тебя сердце из закаленной стали. Сколько «Ракета» должна заплатить тебе, чтобы ты отправился на Венеру?

Боб задумался.

— Я ненавижу эту планету, Харт, — сказал он наконец, — Мне вообще не нравится эта затея. Там слишком много жуков. Слишком много проклятых жуков. Скажем, премия... ну... так... приблизительно тысяч пять.

— Хорошо! — прорычал Харт, — Теперь скройся с глаз моих, прежде чем я потеряю контроль над собой. Ты отправишься на Венеру при первой же возможности... и, да поможет мне Ханна, если ты провалишь это задание, я запишу тебя в поминальную книгу, и, более того, клянусь дьяволом, у тебя будет повод остаться там.

Оказавшись за дверью, Боб мысленно дал себе пинка.

— Ну и чертов же ты дурень! — Это он тоже адресовал себе. — Надо было потребовать десять тысяч. Он сразу бы мне их заплатил.

II

Зик Браун с грустным видом сидел на сломанном двигателе пред ветхой хижиной и наблюдал за своим приятелем Лютером Бидвеллом, который направлялся к нему.

Лютер представлял собой неописуемое зрелище: одетый в синий комбинезон из хлопчатобумажной ткани, небритый, с грязным лицом. Его рваная шляпа свисала своими полями над копной спутанных волос, почти достигавших плеч. Он двигался неуклюже, то медленно, то почти переходя на галоп, — но так, словно ему не хотелось, чтобы кто-то подумал, что он спешит.

Зик издали приветствовал его:

— Здорово, Лютер.

— Здорово, Зик, — ответил тот.

Зик ждал, покуривая трубку, изучая взглядом свою жалкую венерианскую ферму. Поля, на которые уже вторгались джунгли, заросли сорняками, техника покрывалась ржавчиной, огромные лужи, от которых поднимался пар, затопили

остатки посевов зерна. Из джунглей доносился пронзительный треск насекомых, которые в скором времени пожрут все, что смогут найти на полях.

Что-то зашуршало в зарослях сорняка около кучи досок; Зик, стремительно повернувшись, увидел пару острых ушей и два блестящих глаза, уставившихся на него. Быстрым движением он схватился за кобуру, что висела у него на бедре. Но пока он вытаскивал пистолет, дьявольская морда исчезла.

— Вот, черт... — беззлобно сказал Зик, — только высуни снова свою башку. Я достану тебя.

Но огромная ящерица исчезла. Зик с ворчанием убрал оружие в кобуру.

Снова бросив взгляд на дорогу, он увидел, что Лютер продолжал спускаться вниз, поднимая ногами небольшие фонтанчики грязи. Наконец Лютер миновал сломанные ворота и сел рядом с Зиком.

— Видел, как ты доставал пистолет, — сообщил он, — Кого-нибудь заметил?

— Сцинка, — сказал Зик, — долбаные твари наводнили все вокруг. Почти подчистую слопали цыплят. Осталось только несколько старых куриц.

— Они недавно обчистили и меня. «Ночью это случилось, — сказал Лютер, — Расправились со всеми курами и затем забрались в свинарник». Попытались одолеть свиней, но, думаю, это оказалось им не под силу. Маловато их было, и хрюшки как следует с ними разобрались. Я после этого побоища не заходил в свинарник. Вонища страшная. Хуже, чем от хорьков в Айове. Впрочем, свиньям все равно, они их сожрали.

— Меня от них трясет, — сказал Зик. — Так похожи на людей, которые бегают на четвереньках. Голые, без единого волоска и такие мерзкие. Если их рассердить, они начинают гадить вокруг только из чистой вредности. Но мне удалось очистить от них опушку леса, — Он погладил кобуру.

— Знаешь, чего бы я хотел больше всего, Лютер? — спросил Зик.

— Нет, — отозвался тот.

— Хотел бы я схватить того скользкого парня, агента по продаже земельных участков. Я бы с удовольствием украсил его множеством отверстий. По этому придурку скучает моя пушка. Но он уже наверняка на Земле. Он чертовски хорошо знал, что после того, как засунул нас сюда, на Венеру, мы вряд ли позволили бы ему вернуться домой.

Помнишь, о чем он так гладко плел, когда прибыл к нам в Айову? О том, как замечательно быть фермером на Венере. Какую симпатичную картинку он нарисовал: никаких зим, и можно вырастить четыре или пять урожаев зерновых в год. Он говорил, что осадков здесь выпадает вполне достаточно. Из него прямо-таки лился поток болтовни о девственной, ни разу не вспаханной почве Венеры, которая только и ждет, чтобы на ней выросли небывалые урожаи и сделали бы нас всех богатеями. И для всего того, что мы вырастим, найдется спрос, потому что фермы находятся рядом с Нью-Чикаго. Помню, как он говорил нам, что Нью-Чикаго скоро превратится в большой город и его жители с удовольствием хорошо заплатят нам за наши продукты.

— Конечно, я помню это, — сказал Лютер, — Он то же самое говорил и мне. Так что мы с мамой обсудили все это и решили отправиться сюда. В конце концов мы вычислили, что Венера уже более трехсот лет как колонизирована, и полагали, что это довольно цивилизованное место. Признаю, все это звучало тогда довольно заманчиво. Это ведь факт, что почва на Земле заметно истощилась. Даже в штате Айова. Все лучшие места изрыты дренажными канавами. Нельзя же обрабатывать одну и ту же землю в течение более чем пяти тысяч лет, не заботясь о ней надлежащим образом, и надеяться, что зерно вырастет само.

Сцинк снова высунулся из сорняков около груды досок, и Зик злобно выругался, поскольку существо исчезло прежде, чем он сумел вытащить пистолет из кобуры.

— Дьявольское отродье! Я с тобой разберусь! — кричал он, размахивая оружием.

В ответ доносилось глумливое чириканье твари.

Убрав пистолет в кобуру, Зик принялся набивать трубку свежей порцией венерианского табака и вновь обратился к приятелю:

— Но этот парень много чего не рассказал, Лютер. Он не говорил нам, что на этой планете слишком много всяких диких животных и птиц, а также рептилий, в десять раз более ядовитых, чем гремучие змеи. И миллиард различных видов жуков, словно вырвавшихся из ада. Он предупреждал о ливнях — но не о том, что они зальют наши посевы. Он, так его и разэтак, не говорил о психах, которые съедают любую зелень на своем пути, когда их мучает голод, и он почему-то забыл упомянуть о ящерицах размером со слона, которые способны вытоптать поле быстрее, чем вы моргнете глазом. Он умолчал о влажности, от которой будут ржаветь машины и из-за которой даже хорошее железо здесь превращается в труху.

Лютер сплюнул с отвращением и добавил свои слова к обвинительному акту:

— И ни слова правды не сказал тот обманщик о том, что собой представляет Нью-Чикаго. Он сообщил нам, что это растущий город, преувеличив его размеры до неприличия. Маленькая вонючая фактория, всего лишь несколько магазинов, питейных заведений и притонов для охотников, старателей и торговцев, которые приезжают сюда раз в год, ну, может быть, два раза. Он сказал, что здесь мы будем продавать нашу продукцию. Конечно, про это вообще можно забыть, так как нам нечем торговать. Мы здесь пять лет и за все это время ничего не продали. Хорошо, если для нас самих находится еда.

— Вот уже месяц питаюсь дичью, которую подстрелил, фруктами и прочей зеленью из джунглей, — сказал Зик.

— Мы получили из дома немного муки и сахара. Не так много, но могу поделиться с вами, — предложил Лютер.

Зик покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Оставьте себе. У вас есть молодежь, которой это необходимо. А мы со старухой обойдемся. Какие же мы дураки, Лютер! Я лежу с открытыми глазами ночи напролет, пытаясь придумать, что делать. И не нахожу выхода. Мы, пятьдесят семейств, даже не можем собрать достаточно денег, чтобы купить хотя бы один билет на Землю. Тогда один из нас слетал бы туда и узнал, не может ли кто-нибудь помочь нам. Да и кто мы такие после этого — куча простофиль.

Лютер вздохнул.

— Как бы мне хотелось вернуться в Айову, — сказал он.

III

— Нет! — громко сказал доктор, — Мне нечего вам сказать об этом. Если бы вы не рассказали мне о голодной болезни, я ничего не знал бы о ней. Я впервые услышал о ней от журналиста, который позвонил мне из Рейдиум-сити. — Доктор отпил бокки и помахал бутылкой перед Бобом.

— Не хотите глотнуть? — предложил он.

Боб покачал головой.

— Еще утро. Слишком рано, чтобы начинать пить, — объяснил он.

— Послушайте, — сказал доктор, — для того, чтобы пить в Нью-Чикаго, подходит любое время дня или ночи. Черт, выпивка — единственная стоящая вещь на этой свалке. С тех пор как умер старый Джейк Ханслер, только она меня здесь развлекает. Кстати, интересный случай. Он что-то подцепил на Марсе. Жук его укусил или еще кто-то. Хотелось бы,

чтобы он пожил подольше, тогда бы, возможно, я изучил его болезнь получше. Люди обвинили меня в его смерти. Сказали, что я был пьян. Какая разница, тем более что это была странная болезнь, — Он сделал глоток.

— Джейк Ханслер, — сказал Боб, — Знакомое имя. Я где-то уже слышал его.

— Уверен, слышали. Доктор Джекоб Ханслер, великий ботаник.

— Точно, — сказал Боб, — Я помню, что он умер на Венере.

— Он прибыл сюда, чтобы провести кое-какие эксперименты и изучить местную флору. — Доктор говорил оглушающе громко, — Чудной старикан. Местным жителям он не слишком нравился, потому что не уделял им слишком много внимания. Но со мной он разговаривал. Из нас могли бы получиться хорошие приятели. Он подробно рассказывал мне о том, что он делал, но сейчас мне уже не вспомнить. Сюда он привез горстку семян, которые нашел на Марсе. Семена найдены им среди руин старой лаборатории, относящейся к династии Гензик. Семена были сухими, и большинство из них не смогло бы взойти, но некоторые все же проросли, и он возился с ними. По его утверждению, возраст этих семян — не одна тысяча лет. Он привез их сюда, потому что считал почву и климат Венеры весьма подходящими для растительной жизни. Говорил, что, если растение не вырастет на Венере, оно не вырастет нигде.

— Что случилось с растениями после того, как доктор Ханслер умер? — спросил Боб.

Доктор фыркнул.

— Теперь можно увидеть, какой чертовщиной все обернулось, — сказал он. — Они — настоящие вредители. Эти сорняки заполонили город. Некоторые из них с крупными пурпурными цветами, похожими на розы. Очень симпатичные растения, и женщины возятся с ними, составляя букеты. Впрочем, нельзя сказать, что они требуют особого ухода. Другие — чем-то напоминают горох. Довольно вкусные. Есть

еще один сорняк, гипоэстес[2]— тоже очень вкусный, что-то вроде шпината, но гораздо лучше.

— Судя по вашим словам, доктор Ханслер — интересный человек, — сказал Боб.

— Очень необычный старикан, — сказал доктор, качая головой. — Имел обо всем весьма забавные суждения. Упрямый, странный малый. Другие ботаники говорили ему, что семена с Марса не прорастут, им больше, чем пять тысяч лет. Но он считал, что они прорастут, и занимался ими — и они дали всходы. И так — во всем.

У него еще была одна идея, над которой все смеялись, но он умер с мыслью, что это правильная идея. Она не относилась к его работе, поэтому он особо о ней не распространялся. Впрочем, мне он рассказывал. Вы ведь знаете о династии Гензик, не так ли?

Боб кивнул.

— В школе изучал курс марсианской истории, — сказал он.

— Ну, тогда, — сказал доктор, — вы должны помнить, что династия Гензик представляла собой группу ученых, которые фактически управляли Марсом; наверное, они были те еще старые придурки, потому что марсиане восстали против них и, как утверждает история, уничтожили всех до единого. Марсиане разрушили все созданные ими лаборатории и сделали все возможное, чтобы стереть любую память о них. В результате — там теперь мало кто о них знает.

— Марсианская история полагает, что они были высокоразвитой марсианской расой, — сказал Боб, — Я знаю, что о них ходят самые разнообразные мифы.

— Да, сэр, — сказал доктор, — у Джейка по этому поводу имелась сногсшибательная история. Он утверждал, что некоторые из них избежали общей резни и сбежали в пустыню и что их потомки все еще живут там. Узнал он это от представителей пустынных племен, которые утверждали, что

---

[2] Polkadot plant, freckle face (Hypoestes phyllostachya).

знают о них все. И Джейк думал, что гензики были землянами, возможно жителями Атлантиды, которые достигли Марса тысячи лет назад, задолго до того, как существующая сейчас на Земле раса отправила туда космический корабль.

— Это что-то новенькое, — сказал Боб, — Никогда не слышал об этом. У вас есть какие-нибудь заметки Джейка? Он оставил записи или что-нибудь в этом роде?

Доктор захихикал.

— Вижу, вас зацепило, — сказал он.

— Шеф устроит мне ад на земле, если я не раздобуду что-нибудь за время своей командировки, — сказал ему Боб, — тем более что вы ничем мне не помогли, я имею в виду голодную болезнь.

Доктор с удовольствием допил бутылку, затем посмотрел ее на свет и вздохнул.

— Есть одна история, о которой вы могли бы написать статью, — сказал доктор, ставя бутылку на подоконник, в ряд с другими, — Об этом следует написать. Я имею в виду здешних фермеров. Компания «Участки на Венере» вытащила их сюда, зная, что тут они ничего не смогут вырастить, но это не остановило этих акул. Отобрали у них все подчистую и бросили их в местных джунглях. Вот как здесь учат несмышленышей. Компания подготовила фермерскую программу и продала ее группе бедных фермеров штата Айова. Хуже всего то, что фермерам даже не принадлежит земля, на которой они построили свои дома. Некоторые из них приходили ко мне, чтобы я помог вернуть их деньги. Понимаете, они считают, что доктор знает все, даже не представляя, как чертовски мало на самом деле знают доктора. Я просмотрел их контракты и нашел, что они неправильно составлены. Я обнаружил, что их поселили не на тех участках. Я спросил их, знают ли они, какую землю купили, и они сказали мне, что участки им указал представитель компании. Их уговорили поселиться с восточной стороны города, а земли, которые они купили, находятся на западной стороне.

— Они в курсе? — спросил Боб.

Доктор покачал головой.

— Нет, я не сказал им, — ответил он, — Какая разница? Компания не будет их больше беспокоить. Они получили то, что хотели, при том, что земля эта ничего не стоит.

Раздался стук каблуков по ступенькам, и через мгновение в дверном проеме возник Ангус Макдоналд.

— Доктор, — сказал он, — дочь Стива Донагана снова больна.

Доктор поднялся со стула.

— Если бы остальное население Нью-Чикаго было похоже на Сьюзен, — сказал он, — возможно, я снова проникся бы к себе уважением. Она — единственная из тех, кто когда-либо здесь болел.

— Доктор, — сказал Ангус, и в его голосе явно слышался ужас.

— Да-да, продолжайте, — буркнул доктор.

Ангус сглотнул и начал снова.

— Доктор, Стив думает, что у нее голодная болезнь, — сказал он.

Джонни Мейсон, выпускающий редактор, положил лист желтой бумаги на стол редактору Харту.

— Специальный выпуск, только из Нью-Чикаго, — пояснил он.

Харт набросился на газету и прочитал:

«Нью-Чикаго, Венера. Голодная болезнь, к которой до сих пор эта отдаленная фактория была невосприимчива, сегодня нашла здесь свою жертву. Это Сьюзен Донаган, девяти лет, дочь мистера и миссис Стивен Донаган.

Доктор Андерсон Троубридж, единственный врач в городе, друг семейства, который способствовал появлению Сьюзен на свет и сопровождал ее от одной детской болезни до другой, сказал, что...»

Харт швырнул газету на стол.

— Джонни, — сказал он, — сейчас ты видишь пред собой самого последнего, черт побери, идиота в газетном бизнесе. У меня было предчувствие, и я послал Боба туда, за пределы Земли, за важнейшим репортажем. И вот прошло чуть больше десяти часов, и весь репортаж можно отправить к черту.

Зик Браун и его жена Мери сидели на пороге хижины и пристально вглядывались в очертания своей фермы.

Темнота опустилась на землю, и джунгли пробудились для ночной жизни. Завывания, рев, вздохи и визги смешивались и делали ночь отвратительным временем суток. Зик дрожал, вслушиваясь в эту какофонию, и его рука тянулась к оружию. На протяжении пяти лет он слышал этот ночной хор ненависти и убийства, но по-прежнему трясся от ужаса с каждым наступлением темноты.

— Скоро у нас должна появиться картошка, Мери, — сказал он, стараясь сдержать дрожь в голосе, — Я проверял сегодня грядки на том песчаном участке, который мы сумели довольно хорошо осушить. Наверняка у нее будет прекрасный вкус.

Он услышал тихие рыдания и увидел, что его жена плачет.

— Что случилось, Мери? — спросил он, — Черт побери, почему ты плачешь?

— Это из-за цыплят, Зик, — ответила она ему, — Я рассчитывала пополнить количество моих куриц. А теперь их нет. У нас не будет больше яиц.

Зик разразился проклятиями.

— В следующий раз, когда увижу сцинка, — сказал он, — я поймаю его и живьем окуну в один из тех водоемов с кислотой у реки.

Он потрепал жену по плечу.

— Не сомневаюсь, они запомнят, что их наказывают за наших цыплят, — сказал он.

Издалека донесся гул, и Зик быстро поднял глаза и устремил взгляд к горизонту. Рев становился громче и громче. По краю джунглей, изрыгая пламя из двигателей и резко снижаясь, несся аэролет.

Зик вскочил на ноги, размахивая руками и выкрикивая проклятия.

— Держись подальше от моего поля с картошкой, черт тебя побери! — кричал он. — Если ты повредишь мою картошку, будь уверен, я отыщу тебя.

Воздушное судно опускалось слишком быстро для безопасного приземления. Его нос врезался в картофельное поле, вспарывая, словно гигантский плуг, мягкую почву и отбрасывая в стороны огромные комья земли.

— Черт побери, что же ты натворил! Что же ты натворил! — вопил Зик, — Ты уничтожил мою картошку!

Он изо всех сил помчался через заросли сорняков, доходивших ему до пояса, которые отделяли хижину от картофельного поля.

Нос аэролета глубоко погрузился в податливую почву, но не было видно, чтобы корабль был поврежден. Как только Зик приблизился, дверь кабины открылась и оттуда вышел пошатывающийся мужчина. При виде Зика он издал жалобный вопль, похожий на крик животного.

— Еды, во имя небес, еды! — кричал он. — Я голоден!

В ярком свете, лившемся из двери каюты, Зик разглядел лицо незнакомца, и его гнев мгновенно превратился в жалость. Перед ним был старик — настоящий живой скелет: изнуренное тело, осунувшееся лицо, глаза, провалившиеся в глазницы, впалые щеки.

Мужчина сделал шаг вперед и упал как подкошенный; Зик поднял его и потащил к дому.

— Мери! — вопил он, — Дай какой-нибудь еды! Этот человек умирает от голода.

Из мрака донесся голос, это был Лютер, пришедший провести несколько часов со своим другом.

— В чем дело, Зик?

— Авария аэролета! — крикнул Зик, — Отправляйся в город за доктором. Там еще есть люди. Они выглядят неважно.

— Скоро вернусь с доктором, если он трезвый! — в ответ закричал Лютер.

Зик услышал, как с дороги донесся звук быстро удалявшихся шагов.

— Зик! — В голосе Мери слышалось отчаяние. — Я не могу ничего предложить, кроме тушеных овощей. Это неподходящая пища для больного.

— Это лучше, чем ничего, — сказал Зик, — Дай мне тарелку. Говорю тебе, этот парень умирает от голода.

IV

— Из того, что можно сказать о Нью-Чикаго, главное то, что вас здесь никто не побеспокоит, — сказал доктор Бобу, — Хорошее место для человека, желающего скрыться, если он не хочет, чтобы о нем знали.

Возьмите парня, который заправляет в баре «Цветок Венеры». В прошлом он был известным рэкетиром в Старом Чикаго на Земле. Прибыл сюда три или четыре года назад. Затем Ангус Макдоналд, вы видели его сегодня. Его настоящее имя — не Ангус Макдоналд. Люди говорят, что он был одним из тех пиратов, которые устроили самый настоящий ад на трассе Земля — Марс несколько лет назад. Потом есть еще старый Ханк Смит. Хороший парень, старина Смит. Но он возглавлял на Земле компанию, которая оказалась непрочной. Многие инвесторы хотели бы достать его с потрохами.

— А вы сами, доктор? — спросил Боб. — Неужели в вашем чулане не грохочут костями скелеты?

— Черт, нет! — сказал доктор, — Я всего лишь проклятый дурак, который прибыл сюда, чтобы взрослеть вместе с этим миром.

Доктор ласково погладил бутылку, которая стояла на столе.

— Вы, конечно, настоящий знаток спиртного, — сказал он, — Впервые за много лет я пью нечто подобное.

Он наклонил бутылку, и ее содержимое нежно забулькало.

С лестницы донесся грохот шагов.

Лютер Бидвелл ворвался в комнату.

— Доктор! — закричал он, — Только что на картофельное поле Зика Брауна упал аэролет. Некоторые из пассажиров находятся в плохом состоянии.

Доктор потянулся за плащом.

— Сегодня бизнес на подъеме, — прокомментировал он, — Два вызова за несколько часов.

Он сунул бутылку в карман плаща.

Возглавляемые Лютером, трое мужчин помчались вниз по лестнице и выскочили на улицу. Погода до некоторой степени улучшилась, но улица представляла собой сплошное грязное месиво.

Они бегом направились к дому Зика, который находился на расстоянии чуть больше мили.

Зик приветствовал их, стоя в дверном проеме.

— Терпеть не могу беспокоить вас, док, — сказал он, — но не знал, что делать в столь скверной ситуации. Голодный мужчина и четыре покойника. Выглядят так, словно они умерли от голода. Старики с седыми волосами, от них остались только кожа и кости. Парень, которого я принес, тоже был довольно плох, когда я подобрал его, но Мери покормила его, и он, кажется, теперь в порядке.

— Умерли от голода? — спросил доктор. — Вы имеете в виду, что они выглядели так, словно умерли из-за недостатка пищи?

— Именно так, — подтвердил Зик.

Боб оттолкнул фермера в сторону и бросился в хижину. Он увидел человеческую фигуру, лежащую на кровати. Он стремительно пересек комнату и склонился над мужчиной.

— Это вы — человек из потерпевшего аварию самолета? — спросил он.

— Да, это я, — ответил пилот, — Этот фермер говорит, что все остальные умерли.

— У вас была голодная болезнь? — уточнил Боб.

— Я предполагаю, да, — слабым голосом ответил мужчина, — Мы из поселка на Жемчужной реке. Мы слышали о болезни по радио и считали, что нам повезло, так как находились вне пределов досягаемости эпидемии. Думали, что в безопасности. Но позавчера заболели. Мы отправились в Рейдиум-Сити, думая, что там можно рассчитывать на помощь.

— Как вы чувствуете себя теперь? — спросил Боб.

Мужчина провел тонкой, как у скелета, рукой по своему животу, нажал на него, потом несильно ударил кулаком.

— Боль совсем ушла, — объявил он. — Прекрасное чувство. Впервые за два дня я больше не испытываю голода. А до этого не имело значения, сколько я ел, потому что я всегда хотел есть.

— Вы ели здесь? Много?

— Нет, только тарелку с чем-то зеленым. Мне показалось, что еда сразу же заполнила мой желудок и дала мне большую силу. Некоторая слабость все еще есть, но я чувствую себя по-другому — как прежде. Мне кажется, дело пошло на поправку.

Боб поднялся и обернулся.

— Зик, — спросил он, — чем вы кормили этого мужчину?

На вопрос ответила Мери Браун:

— У нас были только тушеные овощи. Мне было так стыдно, но Зик сказал, что это лучше, чем ничего.

— Госпожа Браун, — спросил Боб, — Из чего было сделано ваше блюдо?

— Ну, из гипоэстеса, — ответила она. — Получается очень вкусно.

— Доктор! — закричал Боб.

Доктор проковылял через комнату.

— Послушайте меня, — сказал Боб, хватая доктора за плащ возле горла. — Все в Нью-Чикаго едят эти тушеные сорняки?

Доктор явно испытывал смущение.

— Почему бы нет? — сказал он, — Они всем нравятся. Что касается меня, то я ем все, что могу достать.

— Сьюзен Донаган ест это? Ей они нравятся?

— Нет, — сказал доктор, — дайте-ка подумать... нет. Она вообще не любит овощи. Это очень раздражает ее мать, потому что девочка даже не прикасается к этому «шпинату».

— Доктор, — сказал Боб, — слушайте меня и делайте то, что я скажу. Попытайтесь заставить ваши старые, затуманенные алкоголем мозги работать. Отправляйтесь к Донагану как можно быстрее. Накормите гипоэстесом Сьюзен — держите ее и заталкивайте ей в глотку эту траву. И затем наблюдайте. Если ее состояние начнет улучшаться, я сделаю вас знаменитым. Я напишу ваше имя огромными буквами и помещу вашу фотографию во всех газетах Солнечной системы на первой странице.

Доктор оживился.

— Вижу, Боб, что вам все ясно! — закричал он.

Доктор быстро развернулся и поспешил к двери.

Боб крикнул ему вслед.

— Помните, док, не вздумайте напиться! Вам понадобится весь ваш здравый смысл.

— Уверен в этом, — сказал доктор.

На половине пути он вытащил бутылку из кармана и швырнул ее в придорожные кусты. Но, сделав еще несколько быстрых шагов, он вернулся и, опустившись на четвереньки, принялся шарить возле дороги. Его рука коснулась чего-то гладкого. Он поднял бутылку, вытащил пробку зубами. Спиртное с бульканьем потекло по его глотке.

Продолжая двигаться к городу, доктор вытер рот рукавом плаща.

— Это не походило на обычное дрянное пойло, — сказал он себе. — Иначе его действительно следовало бы выбросить. Но поступить так с хорошим шотландским виски было бы настоящим святотатством.

Артур Харт мерил шагами пол своего кабинета.

Хэп Фолсуорс, спортивный редактор, сидел, закинув ноги на стол Харта, и курил местную сигару:

— Какого черта, ты думаешь, торчит там Боб? — обратился к нему Харт. — Он посылает мне сообщение, чтобы я ждал важную статью. И никаких намеков на то, о чем пойдет речь. И никакой статьи.

— Он сидит в венерианском баре и посмеивается над тобой, — сказал Хэп, — Решил расквитаться с тобой за то, что ты послал его туда.

Харт расправил обрывок ленты с текстом, который пришел по межпланетному телетайпу, и прочитал его:

«ОСТАВЬТЕ МЕСТО ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ ЭКСТРЕННОГО СООБЩЕНИЯ. САМОГО ВАЖНОГО ВАЖНОГО ВАЖНОГО СООБЩЕНИЯ. ПОКА ЕЩЕ ТОЧНО НЕ УВЕРЕН. БУДУ ЗНАТЬ ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ЧАСА, ВОЗМОЖНО РАНЬШЕ. БОБ».

Харт бушевал:

— Для него была открыта связь на секретной волне с момента последнего выпуска. Театры скоро закроются, и мы потеряем все наши уличные продажи. Если он подшутил надо мной, я вышвырну его вон, как только он вернется.

Из-за двери выглянул мальчик.

— Получен сигнал из Нью-Чикаго! — крикнул он.

Харт быстро развернулся и помчался за мальчиком. Следом за ним неуклюжей походкой поспешил спортивный редактор.

В отделе местных новостей царило напряженное возбуждение.

— Только что получен сигнал, — сказал Джонни Мейсон. — Сейчас должно поступить сообщение.

Внутри телетайпа что-то пощелкивало и постукивало, но клавиши все еще оставались неподвижными. Затем машина пришла в движение.

Клавиши методично отстукивали:

«БЫСТРАЯ КОРИЧНЕВАЯ ЛИСА ПЕРЕПРЫГНУЛА ЧЕРЕЗ СПИНУ ЛЕНИВОЙ СОБАКИ. БЫСТРАЯ КОРИЧНЕВАЯ ЛИСА ПЕРЕПРЫГНУЛА...».

— Это проверка, — сказал Джонни. — Оператор в Нью-Чикаго включил проверку.

Машина какое-то время оставалась неподвижной.

— Ну-ка, энергичнее! — завопил Харт, стуча по телетайпу кулаком.

Клавиши снова медленно, до умопомрачительности методично задвигались:

«НЬЮ-ЧИКАГО, ВЕНЕРА. ДОКТОР АНДЕРСОН ТРОУБРИДЖ, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ЕДИНСТВЕННЫЙ ВРАЧ В ЭТОЙ КРОШЕЧНОЙ ФАКТОРИИ, ОБЪЯВИЛ СЕГОДНЯ, ЧТО ИМ НАЙДЕНО СРЕДСТВО ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ ГОЛОДНОЙ БОЛЕЗНИ. ЭТО СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНО ИЗ СОРНОЙ ТРАВЫ, ИЗВЕСТНОЙ ЗДЕСЬ ПОД НАЗВАНИЕМ ГИПОЭСТЕС. ДРЕВНЕЕ РАСТЕНИЕ С ПЛАНЕТЫ МАРС ПОЯВИЛОСЬ ЗДЕСЬ ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД, БЛАГОДАРЯ ДОКТОРУ ДЖЕКОБУ ХАНСЛЕРУ, КОТОРЫЙ НАШЕЛ СЕМЕНА СРЕДИ РАЗВАЛИН ЛАБОРАТОРИИ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ДИНАСТИИ ГЕНЗИК. ГИПОЭСТЕС...»

Харт выскочил из крошечного закутка, где размещался телетайп.

— Херб! — крикнул он помощнику редактора. — Достань фотографии доктора Джекоба Ханслера. Фотографии Боба Джексона. Фотографии доктора Андерсона Троубриджа...

— Кто такой, черт возьми, доктор Андерсон Троубридж? — спросил Херб.

— Откуда, черт возьми, мне знать? — проревел Харт. — Звони в Международное медицинское общество. Они скажут тебе. Во что бы то ни стало достань фотографии! Он — самая большая новость за последние десять лет. Набери заголовки высотой в фут и тремя оттенками чернее ночи. Начинаем печатать через полчаса.

Он повернулся к Хэпу Фолсуорсу.

— Мы поборемся за это! — ликовал он. — Мы выйдем самым большим экстренным выпуском и, опубликовав эту сенсацию, сорвем самый большой куш, который этот город когда-либо видел.

V

Боб Джексон сидел на бревне с Зиком Брауном перед хижиной Зика.

— Зик, вам следует осознать, что вы и все остальные здешние фермеры богаты, — говорил Боб, — Вы чертовски непристойно богаты. Вам незачем было сеять зерно и разводить цыплят, потому что все это время у вас рос этот сорняк. И теперь вы можете назвать свою цену. Потому что здесь единственное место во Вселенной, где растет эта крапчатая трава. Воздушные суда с Земли и из Рейдиум-сити уже на пути сюда, чтобы взять на борт ценный груз. И вы, ребята, можете спросить столько, сколько пожелаете.

Зик сдвинул на затылок шляпу и почесал голову.

— Ну, понимаете, — сказал он, — так-то оно так. Но я и другие парни вовсе не испытываем сильного желания кого-нибудь ограбить. Мы понимаем, что другие люди нуждаются в этом сорняке, потому что у них такая гребаная неприятность, и мы можем назвать нашу цену. Но все, что мы хотим, — это справедливую цену. Прошедшие пять лет были трудными годами, и мы должны что-то извлечь из этого, но мы не собираемся спекулировать на страдании других людей.

— Да, я знаю это, — сказал Боб. — Но вы, ребята, не хотите же, черт побери, остаться в дураках. Это ваш огромный шанс. Шанс наверстать упущенное и получить хорошие деньги за каждый час этих ваших пяти лет.

Зик поднялся на ноги.

— Кто-то прилетел, — объявил он, — Слышали, как садился аэролет? Возможно, кто-то из тех, кому нужен сорняк.

— Прошло слишком мало времени, чтобы они успели добраться сюда, — заметил Боб.

Во главе группы из пяти человек, которая пробиралась от дороги через месиво красной грязи, был Ангус Макдоналд. Они остановились у ворот, и Ангус вышел вперед.

— Зик, — сказал он, — я должен вручить тебе бумаги. Не люблю делать это, но такова моя обязанность.

— Бумаги? — спросил Зик.

— Да, бумаги, — Ангус сунул руку во внутренний карман плаща и достал оттуда пачку документов, — Одна из них предназначена тебе, — объявил он, перебирая их.

— Что еще за бумага? — спросил Зик с подозрением в голосе.

— Заявление о том, что ты не имеешь права на эту землю, — ответил Ангус. — Должно быть, произошла какая-то

ошибка. Вы, парни, живете здесь уже очень много лет. Казалось бы, если ты не владеешь этой землей, то мог бы уже давно узнать об этом.

Слова Зика источали холодную ярость:

— Кто же претендует на эту землю? Если не мы, то кто на самом деле ею владеет?

— Компания «Участки Венеры» утверждает, что это их земля, — объявил Ангус. — Мне неприятно делать это, Зик.

Зик смотрел мимо Ангуса, на четверых мужчин за его спиной.

— Полагаю, это вы, подлые твари, — представители «Участков Венеры», — резко заявил он.

Один из четверки выступил вперед.

— Вы правы, — сказал он, — это мы. И на вашем месте я не пытался бы что-либо предпринимать. Мы знаем, как обращаться с ловкими парнями, когда они пытаются устроить неприятности себе и другим.

Боб видел, что пальцы Зика легли на кобуру. И в этот момент Зик уже не был фермером, одетым в грязный комбинезон и рваную рубашку. Что-то в нем изменилось, он превратился в человека, готового бороться за свою землю.

Он заговорил медленно, но это не походило на его обычную манеру растягивать слова, и никто не сомневался в том, что каждое из слов было предупреждением об опасности.

— Если вы, хорьки, думаете, что сможете просто так сунуться ко мне, — сказал он, — то вы ошибаетесь. Это дело касается любого из живущих здесь. Если вы попробуете что-нибудь выкинуть, мы покроем вашими кишками все сорок акров пастбища.

— Не говорите со мной об исполнении закона! — ревел Артур Харт. — Подобный лепет мог бы впечатлить любого другого человека, но меня оставляет равнодушным. Вот что я хочу знать: вы собираетесь остаться в стороне и позволить шайке рэкетиров типа «Участков Венеры» ограбить бедных фермеров из Айовы во второй раз?.. Да, я знаю, что это признано клеветой, но вы не сможете ничего доказать, потому что нет никаких документов. И позвольте мне сказать вам, мистер, если вы не начнете, черт возьми, действовать, скоро я предоставлю вам кое-что, и тогда уже у вас будет возможность предъявить иск о клевете. Я сделаю так, что вы не получите больше ни одного нечестного голоса в поддержку любой общественной деятельности. До того, как я покончу с вами, не стоит думать, что вы имеете дело с болтуном. У

меня есть три или четыре истории в запасе, и, чтобы их прочесть, публика затеет драку. Например, случай с трестом «Универсальное питание». Я только скажу людям, какой ты на самом деле продажный старый скунс... и более того, я заставлю их в это поверить.

И хотя лицо на экране было фиолетовым от гнева, председатель Межпланетного суда Элмер Филлипс знал, что его разбили наголову.

— Господин Харт, — сказал он, — мне не нравится ваша позиция. Я отрицаю каждую вашу инсинуацию. Но я действительно вижу некоторый смысл в том, что вы предлагаете. Я сделаю это.

— Черт побери, конечно, вы сделаете это! — рычал Хат, — И более того, вы сделаете это немедленно. Если вы сейчас же не дадите мне статью с сообщением о том, что в судебном порядке прекращаете деятельность «Участков на Венере» или еще кого-нибудь из тех, кто рыскает вокруг заросших сорняками ферм, мы отправим в печать наш последний выпуск, и на ее месте будет другая статья, которая разнесет в пух и прах вас и вашу Комиссию по межпланетному правосудию.

— Можете быть уверенным, я сделаю это, — сказал судья Филлипс, — Я — человек слова.

— И я тоже, — сказал Харт.

Редактор швырнул на место видеотелефон и резко повернул кресло.

Хэп Фолсуорс передвинул сигару из одного угла рта в другой.

— Вот что я тебе скажу, — заметил он, — когда ты войдешь в раж, не позволяй такому пустяку, как шантаж, останавливать тебя.

— Это не было шантажом, — фыркнул Харт, — Судья и я понимаем друг друга. Он слишком хорошо знает, что мне нетрудно сделать достоянием гласности некоторые из трюков комиссии, и он готов сотрудничать. Вот и все.

Воротник его рубашки был расстегнут, галстук зацепился за ухо, волосы взлохмачены.

— Ты выглядишь так, словно участвовал в уличной драке, — Хэп окинул его взглядом.

— Послушай, Хэп, — сказал Харт, — да, я борец. Я борюсь с чиновничьей и правительственной глупостью и бюрократической волокитой. Борюсь за права бедных, простых фермеров, которым рэкетирская компания продала ничего не стоящую землю на Венере. И теперь, когда на этой земле выросло кое-что ценное, компания хочет снова одурачить их. Я собираюсь добиться, чтобы правительство объявило крапчатый сорняк общим достоянием и взяло это растение под свой контроль. Тогда негодяи и обманщики останутся с носом, и справедливая цена будет гарантирована.

Хэп передвинул сигару на другой уголок рта.

— Ты все еще привержен идеалам, Харт, — поддразнил он, — Идеалы после восемнадцати лет работы в газете. Это нечто.

— Послушай! — прорычал Харт, — Возвращайся к своим дурацким состязаниям за дурацкий приз и дурацким играм в бейсбол и оставь меня в покое. Мне надо делать настоящую работу.

В дверь просунул голову Джонни Мейсон, держа в руках газету.

— Груз плохих новостей доставлен, — сказал он, — Странные новости.

— О чем ты? — спросил Харт.

Джонни положил перед ним газету.

— Из Рейдиум-сити в Нью-Чикаго отправились три аэролета, — сказал Джонни, — чтобы взять на борт груз — гипоэстес.

Они исчезли. Никакой радиосвязи. Никаких сообщений. Ничего.

Харт шумно дышал.

— Здесь действительно что-то странное, — сказал он.

— И это еще не все, — продолжал Джонни, — Грузовой корабль, который был отправлен из Нью-Йорка к Венере за гипоэстесом, возвращается. Едва он оказался за орбитой Луны, как начались неполадки с двигателями. Неподходящая топливная смесь.

Боб нашел доктора за столом в баре «Цветок Венеры».

— Как Сьюзен? — спросил Боб.

— Да все в порядке, — меланхолически ответил доктор, — Через несколько дней встанет на ноги.

Доктор погладил бутылку, затем с мрачным видом пристально посмотрел на нее и толкнул ее по столу к репортеру. Боб приложился к ней, и живой огонь марсианской бокки обжег его горло. Он поставил бутылку на стол и закашлялся.

— Боб, — сказал доктор, — я чувствую себя ниже, чем змеиное брюхо. Я не нахожу себе места и постоянно задаю себе вопрос, что же я собой представляю.

— Прекрасное состояние для человека, который нашел средство для лечения голодной болезни, — заметил Боб.

— Так-то оно так, — заметил доктор. — Понимаете, я не нашел то средство. Мне такое не пришло бы в голову и через сто лет. Но вы сказали людям, что именно я сделал это. И теперь Международное медицинское общество хочет, чтобы я прибыл в Нью-Йорк и был почетным гостем на большом банкете. Они собираются награждать меня. Об этом только что говорил по радио президент общества.

— Это прекрасно, — сказал Боб.

Доктор покачал головой.

— Ничего в этом прекрасного нет, — возразил он, — Я был похоронен в этой грязной дыре, и теперь я — мировой герой, потому что вы сделали меня им. Но докторам в Нью-Йорке не потребуется и пяти минут, чтобы понять, что я фальшивка. Я лишь старый пьяница. У меня почти не осталось мозгов, потому что слишком люблю спиртное. Все, на что я способен, это быть местным доктором. Я могу выправить

сломанную ногу, могу вытащить больной зуб, могу лечить простуду, но больше я ни на что не гожусь.

— Вы пьяны, — сказал ему Боб, — Вы будете чувствовать себя по-другому, когда успокоитесь. Я сделал вас героем, и я сделаю все, чтобы вы таковым остались, даже если мне придется убить вас.

— Возможно, вы правы, — пробормотал доктор. — Во всяком случае, я не рад этой поездке в Нью-Йорк.

Они молча сидели и наблюдали, как дождь превращает улицу в реку.

— Как обстоят дела на фермах? — спросил доктор.

— Сейчас — мир, — сказал Боб. — Я надеюсь, что смогу сохранить его, пока Харт требует от суда объявить запрет. Из Рейдиум-сити прибыло около дюжины человек — представителей компании «Участки Венеры». Когда Зик оказал сопротивление и Ангус отказался вручать бумаги, те, кто сопровождал Ангуса, возвратились на аэролет за подкреплением. Потом целая толпа прибыла к хижине Зика, но там никого не оказалось. Зик и его жена убежали, чтобы предупредить своих друзей. Поэтому парни из «Участков Венеры» решили, я предполагаю, что у них есть некоторые права на землю. Зик поднял своих ребят, и теперь там вооруженный лагерь. Они охраняют каждую тропинку и взяли в кольцо хижину Зика. Достаточно ребятам из «Участков Венеры» сделать только одно неверное движение, и у фермеров будет повод для того, чтобы начать стрелять. Но я заставил Зика поклясться, что он будет сохранять мир максимально долго.

— Если кое-что не произойдет, причем довольно скоро, — сказал доктор. — Из города туда отправится вооруженный отряд. Никто здесь не испытывает большой любви к «Участкам Венеры».

— Все, что мы можем, это ждать, — сказал Боб, — Харт поменяет местами небеса и ад, но получит судебный запрет. Те корабли, которые были отправлены за сорняками, должны вскоре оказаться здесь. Фактически они уже должны быть здесь.

— Что это?

По телефону доносился крик Марта:

— Я знаю, то, что ты должен сказать, важно, но подожди всего лишь секунду. Отдышись. Говори медленно, так, чтобы я мог понять тебя.

На экране видеотелефона Харт видел, что репортер сглотнул и сделал глубокий вдох.

— Похоже на то, — репортер теперь говорил медленно, короткими фразами, как будто включил тормоз для своего языка, — что парни из Межпланетного полицейского штаба в течение прошедших месяцев расследовали заговор, направленный против правительства Солнечной системы.

Заговор был раскрыт сегодня, когда полиция захватила одного из его участников. Они сделали ему некоторое внушение, и он заговорил. Он сообщил, что банда, членом которой он был, ответственна за голодную болезнь. Они распространили бактерии, которые явились причиной болезни на всей территории Венеры и Земли. Они также планировали распространить их на Марсе.

— Эдвардс! — прорычал Харт, — Ты уверен, что получил верную информацию?

— Можете держать пари на меня, — сказал репортер, — Главный рассказал мне об этом.

— Херб! — проревел Харт, обращаясь к своему помощнику, — Подключайся и слушай.

— Итак, — сказал он репортеру, — продолжай.

— Абсурдная история, но это проверенная информация, — предупредил репортер.

— Мне, черт побери, все равно, насколько она абсурдная! — кричал Харт. — Если это новости, мы печатаем их.

— Полиция не сообщила нам имя парня, который дал признательные показания, но я видел его. Это здоровый мужчина, ростом намного выше, чем обычный человек,

сильно загорелый, почти черный, как будто он много времени провел на солнце.

— Скажи мне, — произнес Харт, — ты собираешься рассказать нам, что случилось, или намерен целый день ходить вокруг до около? Мне нужны факты, и чем быстрее я их получу, тем лучше это будет для тебя.

— Хорошо, — сказал Эдвардс, — вот они. Мужчина, которого схватила полиция, признался им, что он не был настоящим землянином. Сказал, что прибыл с Марса и был членом некой секретной организации. Я узнал, как она правильно называется. Главный сказал мне по буквам. Г-е-н-з-и-к. Гензик. Он утверждал, что его сородичи управляли Марсом, — это было тысячи лет назад. Но марсиане взбунтовались и выдворили их, отправили в изгнание. С тех пор это племя, или как их еще можно назвать, живет в пустыне.

— Эдвардс! — прорычал Харт, — Это все из области истории. Династия Гензик правила на Марсе тысячи лет назад.

— О, именно так, — сказал Эдвардс, — Об этом я не смог как следует разузнать. Во всяком случае, этот парень сказал полиции, что в течение многих лет гензики планировали завладеть тремя мирами — Марсом, Землей и Венерой. Но их было слишком мало, чтобы организовать настоящий захват, поэтому они вывели бактерии голодной болезни. Кажется, что это были те самые бактерии, от которых однажды чуть ли не вымерло население всего Марса. Гензики послали своих людей на Венеру и Марс и распространили бактерии там, где были для этого благоприятные условия. Полиция разослала предупреждения всем своим отделениям, и они попытаются схватить остальных членов банды. Насколько я понял, на Венере и Земле несколько тысяч гензиков.

— Скажи, — рявкнул Харт, — главный сообщил тебе, что гензики ответственны за исчезновение трех кораблей, которые вылетели из Рейдиум-сити?

— Да, — сказал Эдвардс, — я как раз хотел рассказать про это. Он также сообщил, что они были ответственны за

неисправность земного грузового судна, которое отправилось на Венеру за этим сорняком. Понимаете, они знали об этом растении. Именно оно спасло жителей Марса несколько лет назад, когда голодная болезнь угрожала полностью уничтожить их. Но они не знали, что это был именно гипоэстес, пока не прочитали об этом в газете вчера вечером.

Этот парень утверждал, что, после того как марсиане выгнали гензиков, научные исследования на планете прекратились. По его словам, гензики были интеллектуалами и многое сделали для марсиан, но, когда те ополчились против них, это привело гензиков в бешенство. Он сказал, что гензики давным-давно, тысячи лет назад, прибыли с Земли. Из какого-то места — что-то вроде Атлантики...

— Из Атлантиды? — уточнил Харт.

— Да, именно так, — обрадовался Эдвардс.

— Слушай, — сказал Харт, — не хочешь ли ты сказать, что даже не знаешь древнюю историю об Атлантиде? Ты также не знаешь, как следует марсианскую историю, например, кто такие гензики. Ты думал, что это была какая-то банда. Ты, возможно, предполагал, что столкнулся с сенсацией, но даже не мог представить, черт побери, ее значимость. Теперь я хочу, чтобы ты снова отправился в полицейский штаб и действовал там не как чертов немой. Я пошлю туда других парней, и когда они прибудут, можешь возвращаться. Я определю тебя на должность курьера, и, если будешь плохо работать, выгоню тебя вон.

Харт закончил разговор и переключился на своего помощника.

— Ты слышал, Херб? — возбужденно спросил он, вглядываясь в экран.

Тот кивнул.

— Тогда все в порядке, — сказал Харт, — приступай к работе. Пошли одного из фотографов, чтобы тот попытался снять этого молодчика, пойманного полицией. Пошли кого-нибудь на смену Эдвардсу. Он слишком туп. Пусть кто-

нибудь займется историей древних гензиков и придумает какую-нибудь забавную небылицу. Используйте линию мести. После того как марсиане их выдворили, парни скрывались где-нибудь на Марсе в течение столетий, едва сдерживали ненависть и планировали месть. Усильте линию Атлантиды. Кто-то когда-то предложил теорию, что гензики были или из Атлантиды, или из цивилизации Му. Расскажите, как они строили космический корабль. Когда наши предки все еще раскачивались на деревьях, те отправились на Марс основывать династию. Не могу вспомнить, кто эту теорию предложил, но получилось очень забавно.

— Я знаю, кто это был, — спокойно сказал Херб, — Это наш старый друг, доктор Джекоб Ханслер. Все знают, что он был малость того.

Харт стукнул кулаком по столу.

— Херб, — сказал он, — вот еще одна линия. Снова старый Джейк. Это можно увязать прямо с сорняком — как Джейк нашел траву, и прочее.

Редактор снова переключил телефон на свой кабинет.

— Я собираюсь вызвать начальника полиции и узнать, какие он принимает меры, чтобы защитить Нью-Чикаго. В любую минуту там разверзнется ад. Или гензики попытаются уничтожить поля с сорняком, или я грязный космический мерзавец.

Но как только он взял трубку, раздался тихий сигнал зуммера.

Бросив взгляд на экран, Харт увидел лицо судьи Филлипса.

— О, это вы, — сказал он.

— Да, господин Харт, — сказал судья, — Я звоню вам затем, чтобы сообщить, что я действовал согласно вашему предложению. Власти Нью-Чикаго уже уведомлены относительно судебного запрета и проинструктированы, чтобы действовать соответственно.

VII

Ангус Макдоналд подвернул брюки и переместил жвачку в другую сторону рта.

— За все годы на посту начальника полиции этого города, — объявил он, — я никогда не испытывал ничего подобного. Я собираюсь получить удовольствие от этой работы. Уверен, я хорошо проведу время, вышибая тех сосунков из «Участков Венеры» с фермы Зика.

Он сложил вместе свои мощные кулаки и с восхищением уставился на них.

— Я определенно надеюсь, что они будут сопротивляться, — задумчиво заметил он.

Он сунул в карман желтый лист бумаги, на котором были напечатаны инструкции, полученные из суда Рейдиум-сити.

— Идешь со мной, Боб? — спросил он.

— Нет, — сказал Боб, — я собираюсь оставаться здесь и ждать аэролеты с полицейскими из Рейдиум-сити. Они должны появиться здесь с минуты на минуту. После того как Харт сказал мне, что мы сидим прямо на бочке с динолом[3], я буду чувствовать себя в большей безопасности, когда полиция окажется здесь.

— А вы, док, не хотите пойти? — спросил Ангус.

— Нет, — сказал доктор. — День был слишком напряженным, и я чувствую себя измотанным. Но я — счастливый человек. Эти новости о гензиках подтвердили мою веру в старого Джейка. Они смеялись над ним тогда, на Земле, когда он сказал, что гензики были из Атлантиды. А сейчас этому получено подтверждение.

— Что ж, ладно, — сказал Ангус. — Но вы, мальчики, пропускаете большую забаву.

Увязая в доходившей до лодыжек красной грязи, Ангус начал спускаться вниз по дороге.

---

[3] Диазодинитрофенол — взрывчатое вещество.

— Все еще боевая кляча. — Доктор проводил его взглядом, — Это подтверждает слухи о нем — что в свое время он был настоящим дьяволом. Тридцать лет назад он контролировал все движение между Марсом и Землей. Время от времени вся межпланетная полиция охотилась за ним. Но у него было хорошее судно, и он всегда улепетывал, так что пятки сверкали. Старики утверждают, что он мог заставить космический корабль развернуться на десятицентовике.

— Давайте вернемся на радиостанцию, — предложил Боб, — Вы и Сенди сможете закончить ту партию в шашки, а за это время и полицейские аэролеты появятся.

— О'кей, — сказал доктор.

Издали послышался крик Ангуса.

— Приземляется корабль! — вопил он.

Они замерли в ожидании. С востока донесся слабый рев турбин.

— Немедленно прячьтесь, — вопил Ангус, обращаясь к ним.

Снова послышался рев турбин, на сей раз громче.

— Это не полицейское судно, — сказал Боб.

— И также не транспорт, — объявил доктор.

Турбины снова взревели, и на востоке у линии горизонта наблюдатели увидели, как облака вспыхивают ярко-красным светом.

Затем почти рядом — так всем показалось — раздался взрыв, и вдали, из-за низких облаков, взметнулось грозное пламя извергающихся ракет.

Судно уходило на запад по кругу, затем возвращалось, нанося вдали удары, о чем свидетельствовали звуки коротких взрывов.

— Приближается, — сказал Боб.

Судно снижалось, направляясь к посадочной площадке. Это был красивый корабль, сиявший серебристым блеском даже в полумраке приближавшихся сумерек.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал доктор.

Двигаясь на высоте всего лишь в несколько сотен футов, судно промчалось над городом и развернулось в сторону поля.

Внезапно из носа судна выскочил язык красного пламени, пламя ударило рядом с радиостанцией и принялось уничтожать все на своем пути.

Опаляющаяся волна жара неслась к Бобу и доктору; жар душил их и, казалось, иссушал глазные яблоки — как будто кто-то внезапно открыл дверцу раскаленной добела огненной топки.

Корабль стремительно пронесся над полем и по широкой дуге снова направился к городу.

— Бежим! — крикнул Боб доктору. — В джунгли! Это гензики! Они собираются разрушить город!

Но доктор не побежал. Вместо этого он схватил Боба за рукав и указал на поле.

— Посмотри на Ангуса! — кричал он, — Что, черт побери, он вытворяет?

Паля из пистолета, Ангус бежал по полю, направляясь прямо к аэролету, принадлежащему «Участкам Венеры».

— Мой бог, — вздохнул Боб, — Он собирается бороться с ними голыми руками.

— Ангус! — кричал доктор, — Возвращайтесь! Вы ничего не сможете сделать. У вас нет шанса! Это не боевой корабль!

Но Ангус, очевидно, его не слышал.

Они видели, что он достиг аэролета и сбил замок двери единственным выстрелом из пистолета. А затем голыми руками рванул раскаленную дверь, открыл ее и исчез внутри судна.

— Старый дурак, сумасшедший, — сказал доктор. — Сенди был на станции, и теперь он мертв. Мальчик был всем для Ангуса. Это правда.

Корабль гензиков возвратился и на этот раз набросился на город. Он несся по посадочной площадке, и снова из его носа вылетел язык пламени. Огонь охватил ближайшее

здание, перекинулся на соседнее. Судно резко набрало высоту, оставляя внизу смерть и разрушения, вся восточная сторона улицы была сожжена дотла, осталось лишь несколько стальных перекрытий, которые все еще продолжали пылать.

Кричащие люди заполнили улицу: бегущие испуганные люди — одни устремились искать спасение в джунглях, другие бесцельно метались, несколько человек застыли на месте, словно парализованные, пристально глядя в облака.

С посадочной площадки послышался оглушительный рев — это корабль «Участков Венеры» устремился вверх с ужасающей скоростью, чтобы исчезнуть в тяжелых облаках.

Судно гензиков кружилось с громким шумом, прерывавшимся короткими взрывами, выбирая позицию, чтобы ударить по зданиям на западной стороне улицы.

— Возможно, лучше будет отправиться в джунгли, — предложил доктор.

Боб кивнул.

— Мало что останется от Нью-Чикаго после этих парней, — сказал он. — Они разрушат город, а затем спалят фермы. Они превратят эти земли в пустыню. После них не останется никакой растительности, включая и гипоэстес.

— Там, в небе, Ангус, — сказал доктор.

— Но что он может? У него нет ничего, чтобы сразиться с ними, — возразил Боб.

Судно гензиков возвращалось назад к городу. Через облака двое на дороге могли видеть его серебристую тушу.

Доктор и Боб помчались в джунгли, но на опушке девственного леса они остановились и оглянулись назад, поскольку ряд оглушительных взрывов сотряс землю у них под ногами.

Судно гензиков приближалось к краю города, но выше него, пылая турбинами, мчался черный аэролет — воздушное судно «Участков Венеры», управляемое старым сорвиголовой, человеком, который, как утверждали старики, мог развернуть космический корабль на десятицентовике.

Подобно пылающему метеору, черный аэролет устремился вниз, все вокруг дрожало от рева его турбин.

Звука выпущенной ракеты почти не было слышно, небо осветилось грибообразным пламенем белого цвета, и джунгли сотряслись от мощного взрыва.

Долю секунды Боб видел два судна, окруженные короной ослепляющего сине-белого пламени — взорвались топливные баки. Затем оба корабля, испуская полосы огня, тяжелым грузом рухнули в джунгли.

— Во имя небес, — сказал доктор, — он сделал это. И умер так, как он всегда хотел, — сжимая руками штурвал корабля.

— Знаете, — сказал доктор, — я снова верю в себя. Я не собираюсь позволять любому из этих высокопоставленных нью-йоркских медиков относиться ко мне пренебрежительно. Мои размышления не оказались бесплодными. Я собираюсь сказать: «Господа, мне очень приятно находиться здесь...».

— Несомненно, — сказал Боб, — ваши размышления принесли свои плоды, но что вы собираетесь говорить после этого?

— Скажу, что я также определил причину болезни.

— Послушайте, доктор, хватит болтать, — предупредил Боб. — Вам пора подняться на борт судна. Есть правило, запрещающее пить на борту, и, если вы не совсем трезвый, вас заставят ждать следующее судно.

Вдвоем они направлялись к огромному кораблю, который через некоторое время собирался стартовать с аэродрома Нью-Чикаго.

Боб уже ступил на трап, когда услышал, как кто-то зовет его.

Это был Зик, он бежал, размахивая руками, кобура колотила его по бедру.

— Подождите! — кричал он, — Подождите минуту, Боб!

Боб ждал.

Остановившись у подножия трапа, Зик схватил его за руку.

— Помните, я рассказывал вам о сцинке? — спросил он, — О том, который жил среди груды бревен?

Боб кивнул.

— Эта чертова тварь мучила меня в течение многих месяцев, — сказал Зик, — Я устроил засаду, но никак не мог пристрелить ее.

— Итак, я предполагаю, что вы наконец расправились с ней, — сказал Боб.

— Черт, нет, — сказал Зик. — Сегодня утром у нее родились детеныши.

ПРИМИРЕНИЕ НА ГАНИМЕДЕ

I

— Разрази меня гром! — взорвался Грэмп Паркер. — Собралась мне все испортить? Не хочешь, чтобы я ехал на нашу встречу?

— Ты же знаешь, что это неправда, — возразила Селия, — Но ведь ты постоянно норовишь выкинуть что-нибудь этакое. Я с ума сойти успею, пока тебя дома не будет.

— Да слыханное ли дело: солдат — и без личного оружия?! — продолжал бушевать Грэмп. — Если мне не полагается личного оружия, так я и с места не двинусь. Остальные ребята наверняка возьмут.

Дочь не уступала.

— Тебе напомнить, чем окончилась твоя попытка продемонстрировать Гарри старый бластер в действии? Чудо, что вас обоих не поубивало.

— Да не собираюсь я стрелять, — возмутился Грэмп, — Это же неотъемлемый элемент формы. Я без него словно голый.

— Ладно, пап, — Имея немалый опыт в подобных прениях, запросто способных продлиться до самого вечера, Селия сдалась, — Только будь осторожен.

Она встала и ушла в дом, а Грэмп потянулся всем телом, подставляя солнышку старые кости. Хорошо в июньское утро на скамейке перед домом.

— Деда, что делаешь? — Малыш Гарри вывернул из-за угла и направился к старику.

— Ничего.

Мальчик забрался на скамью.

— Про войну расскажи.

— Иди-ка лучше поиграй, — отозвался Грэмп.

— Ну деда-а... — В голосе внука послышались умоляющие нотки. — Расскажи про ту большую битву. Про ту, в которой ты участвовал!

— Битву при Ганимеде? — уточнил Паркер.

Гарри кивнул.

— Угу, про эту.

— Я, конечно, уже не помню ее так, словно это было вчера, — начал Грэмп. — Сорок лет прошло — сорок лет стукнет в середине следующего месяца. Марши тайком стянули большой флот под прикрытие Ганимеда. Они собирались напасть на нас из засады, в тот момент, когда мы меньше всего этого ожидали...

— А марши — это кто?

— Марши? Ну, так мы называли марсиан. Что-то вроде прозвища.

— А вы с ними воевали?

Грэмп хохотнул.

— Да уж. Мы с ними повоевали. Мы сами врезали им по зубам и, пока они соображали, что к чему, там же, на Ганимеде, разнесли их в клочья. После этого был подписан мир, и с тех пор никаких войн не случалось.

— Ты туда едешь? — поинтересовался внук.

— Туда. На Ганимеде устраивают большую встречу ветеранов. Первую с тех пор. А потом, возможно, такие встречи будут проводить каждый год или раз в два года.

— А марсианские солдаты, которых вы там победили, тоже приедут?

— Да, их пригласили. — Грэмп недобро ухмыльнулся: — Только непонятно зачем. Им там вообще делать нечего. Это мы победители, а у них нет никакого права появляться на встрече.

— Гарри! — раздался голос Селии.

Внук спрыгнул со скамьи и потрусил к крыльцу.

— Чем занимался?

— Дедушка рассказывал мне про войну.

— А ну марш в дом! — рассердилась мать, — Если дедушка не может придумать ничего лучшего, кроме как расписывать кровавые побоища, то тебе следует быть умнее и не слушать. Я же запретила приставать к нему с расспросами о войне.

— Черт побери! — Грэмп обиженно заерзал на скамейке. — Героев нынче ни во что не ставят.

— Вам не о чем беспокоиться, — заверил Гарт Митчелл, менеджер по продажам «Роботе Инк.». — Мы делаем роботов, внешне неотличимых от живых существ. Мы именно то, что вам нужно. Если вам требуется набор зверей, настолько злобных, что они будут готовы сожрать друг друга, едва только завидят, мы их создадим. Мы отгрузим пачку самых кровожадных тварей из всех, какие вам только приходилось видеть.

— Я должен быть уверен, — Питер Дейл, секретарь Торговой палаты Ганимеда, строго наставил на агента карандаш, — На это представление возлагаются большие надежды, и мне нужно, чтобы оно полностью их оправдало. Во время встречи ветеранов мы намерены устроить величайшее шоу во всей нашей проклятой системе. Когда сделанные вами роботы окажутся на арене, они должны наброситься друг на друга, словно дикие коты на раскаленной плите. И не прекращать драку, пока не превратятся в груды ломаных механизмов. Мы хотим показать сражение, которое затмит настоящую битву при Ганимеде.

— Не сомневайтесь. Вы получите таких злобных роботов, что они будут ненавидеть сами себя. Мы изготовим их по эксклюзивной технологии. Зверей оснастят радиевыми мозгами и придадут каждому индивидуальный характер. Конечно, в основном заказывают смирных и усердных работников, но, если вам нужны жестокие, нам ничего не стоит создать и таких.

— Прекрасно. Теперь, когда мы договорились, я желаю убедиться, что вы точно поняли, чего мы хотим. Нам нужны

роботы, представляющие каждый из имеющихся во всей системе видов свирепых зверей. Вот список. — Дейл расправил лист бумаги. — Хищники с Марса, Земли, Венеры... И несколько с Титана, спутника Сатурна. Придумаете еще — включите в список. Нам нужно, чтобы они как можно точнее походили на настоящих зверей и выглядели омерзительно злобными. Мы рекламируем постановку как величайший в истории общедоступный бой без правил между дикими животными. Идея почерпнута из древней истории Земли, когда римляне имели обыкновение выпускать слонов, львов, тигров и людей на одну арену и наблюдать, как те разбираются друг с другом. Только здесь вместо настоящих зверей мы используем механических. Если ваши роботы и впрямь так хороши, как вы говорите, шоу должно получиться гораздо зрелищнее древнеримского.

Митчелл улыбнулся и застегнул портфель.

— Ни о чем не волнуйтесь, — посоветовал он, — Мы изготовим их на нашей фабрике на Марсе и доставим вам заблаговременно. До мероприятия еще шесть недель. У нас достаточно времени для работы. Качество будет наивысшим.

Они пожали друг другу руки, и агент отбыл.

Дейл откинулся на спинку кресла и устремил взгляд сквозь метровой толщины кварцевый купол, заключавший в себе Сателлит-Сити — единственное поселение на Ганимеде. Единственное, если не считать ганимедской тюрьмы, с технической точки зрения, также являвшейся поселением. Как бы то ни было, за исключением накрытых куполами Сателлит-Сити и тюрьмы, на всей остальной планете признаки жизни напрочь отсутствовали — никчемный, безжизненный шар, всего на чуточку меньше планеты Марс.

Полусфера тюрьмы едва виднелась над краем горизонта на западе. Туда, в этот космический Алькатрас, посылали самых отпетых уголовников во всей Солнечной системе. Администрация самого надежного узилища в окрестностях Солнца гордилась тем, что за двадцать лет, прошедших со времени его постройки, от них не сбежал ни один

преступник. А куда им бежать? Зачем рисковать, придумывать всякие ухищрения и ввязываться в опаснейшую авантюру, если за пределами купола тебя не ждет ничего, кроме мучительной смерти?

Ячейки Торговой палаты располагались в самой верхней части городского комплекса, и из своего наружного кабинета Питер Дейл мог прямо сквозь кварц наблюдать, как идут приготовления к празднованию сороковой годовщины битвы при Ганимеде.

Далеко внизу, у подножия магнитных якорей купола, развернулись работы на громадной открытой арене. Позже ее накроют отдельной кварцевой полусферой, а тепло и воздух подадут из основного поселения.

На одном из заснеженных холмов неподалеку от арены высилась массивная глыба мрамора. Вокруг нее копошились одетые в скафандры фигурки: скульпторы наводили последний глянец. Монумент памяти предполагалось открыть на церемонии открытия праздника.

Беспрестанно курсировавшие над поверхностью спутника Юпитера слабые ветры, порожденные его невероятно разреженной атмосферой, приводили в движение снежные массы.

Белые реки медленно текли между одинаковыми коричневыми холмами и завивались вокруг купола. Холодно там, снаружи: ниже ста восьмидесяти по Фаренгейту. Дейл непроизвольно поежился. А снег состоит из замерзшего углекислого газа.

Не самое приятное место для жизни. Однако Сателлит-Сити давно слывет едва ли не крупнейшим курортом во всей системе. Сюда ежегодно приезжают тысячи знаменитостей и десятки тысяч обычных туристов. Списки постояльцев лучших отелей читаются как светский календарь. Каждая шоу-площадка, каждый ночной клуб, каждый ресторан, каждая забегаловка делают немалые деньги.

А теперь эта встреча ветеранов битвы при Ганимеде!

Умная, однако, мысль. Пришлось, конечно, слегка подергать за ниточки в Лондоне, чтобы конгресс Солнечной системы пропустил резолюцию, призывающую к примирению, и выделил необходимые деньги. Однако чрезмерных усилий прилагать не пришлось. Достаточно было умной работы в различных лобби и небольшой шумихи про цементирование на веки вечные земляно-марсианской дружбы.

В нынешнем году Сателлит-Сити заткнет за пояс всех конкурентов, прославится на всю систему. О нем заговорят на каждой мало-мальски значимой планете.

Секретарь Торговой палаты еще дальше откинулся в кресле и уставился в небо. Величайшее зрелище во всей Солнечной системе! Туристы преодолевали миллионы миль, чтобы поглазеть в изумлении на это небо.

На фоне черноты космоса плыл Юпитер — гигантский оранжево-красный диск, сплющенный на полюсах и раздутый по экватору. Справа от Юпитера виднелось Солнце — маленький белый шарик, чей палящий свет и невероятный жар смягчались почти пятьюстами миллионами миль пустоты. Ио и Европа еще не появились, и на фиолетовом занавесе космоса играли холодные бриллиантовые булавочные головки далеких звезд.

Дейл покачался в кресле, довольно потирая руки.

— В этом году мы нанесем Ганимед на карту.

II

— Но я не хочу тащиться на Ганимед, — захныкал сенатор Шерман Браун, — Ненавижу космические перелеты. Меня всегда укачивает.

Иззи Ньюман скрипнул зубами.

— Сенатор, — взмолился он, — хоть раз в жизни не будьте идиотом. Мы уже два года продвигаем вас в президенты, а для этого нужны голоса марсиан. Вы можете собрать очень

много, отправившись на Ганимед и торжественно открыв памятник. Скажете что-нибудь хорошее про марсиан и быстренько, пока земляне на вас не разозлились, добавите что-нибудь хорошее и о них. Потом превознесете храбрость людей, сражавшихся в битве, а чтобы успокоить пацифистов, восхвалите прошедшие с тех пор сорок лет мира. Такое выступление осчастливит всех — каждый подумает, что вы на его стороне. А вы получите много-много голосов.

— Нет, я не хочу туда лететь, — уперся Браун, — И не полечу. Вы меня что, отшлепаете за это?

Иззи только развел руками.

— Послушайте, сенатор, — вздохнул он. — Разве не я занимаюсь вашими избирательными кампаниями? Видели ли вы от меня когда-нибудь что-либо, кроме добра? Не я ли вытащил вас из кресла председателя захудалого округа и не я ли сделал одной из крупнейших фигур нашего времени?

— Ну, — махнул рукой сенатор, — я и сам неплохо справлялся, коли на то пошло. Отчасти, конечно, это и ваша заслуга. У меня нет абсолютно никакого желания отправляться на Ганимед, но если вы считаете, что я смог бы...

— Прекрасно! — Иззи в восторге сомкнул ладони, — Я все для вас устрою. Дам газетчикам несколько интервью. Заставлю одного из лучших спичрайтеров подготовить для вас речь. Эта поездка принесет нам не меньше полумиллиона голосов. Но... — Он сурово посмотрел на сенатора, — Но вам придется сделать две вещи.

— Какие?

— Во-первых, выучить свою речь. Я не хочу, чтоб вы забыли ее, как в тот раз, на торжественном открытии коммуникационного центра на Луне. И еще. Оставьте дома эту чертову мини-камеру.

Сенатор расстроенно засопел и надул губы.

Ганимед стремительно уходил в тень Юпитера. На некоторое время спутник погрузится в ночь. В небе останется

только Европа, и ее слабый свет сделает тени на поверхности лишь темнее и глубже.

Карди по прозвищу Спайк с нетерпением ожидал наступления ночи. Сегодня ему предстояло совершить то, что до сих пор не удавалось совершить ни одному человеку. Он собирался сбежать из ганимедской тюрьмы, начальник которой хвастал, что никто не выходил из-под купола этого гордого космического Алькатраса раньше назначенного срока — во всяком случае, живым.

Спайк ждать не станет. Он выйдет из северо-западных ворот и растворится во тьме так же бесследно, как если бы само упоминание о нем исчезло с лица Вселенной. На скрупулезную подготовку ушел не один месяц. Все спланировано. Все детали учтены. Вероятность провала исключена.

Пришлось раскошелиться, нажать на определенные кнопки. Требовалась также помощь извне, а получить ее здесь ой как нелегко. Кому, кроме него, по силам подобная задача? Но разве он не Карди Спайк — прославленный космический рэкетир? Разве не он многие годы собирал дань на всех межпланетных линиях? Разве не его люди до сих пор трясут космические корабли? В мире гангстеров Карди Спайк слыл такой крупной фигурой, что даже теперь его слово для многих оставалось законом.

Он дождался, пока охранник пройдет мимо его двери, вскочил на койку и нашарил почти невидимую нить из тонкого стекловолокна, привязанную к одной из вентиляционных решеток. Быстро, но осторожно, стараясь не производить шума, Карди втянул ее в камеру и отвязал подвешенный к концу нити бластер.

Беззвучно, словно подбирающийся к добыче кот, Спайк перетек к решетчатой двери. Сунув бластер за пазуху, он безвольно обмяк на частых прутьях. До его ушей долетел звук шагов возвращающегося охранника.

Спайк негромко заскулил. Охранник услышал его стон и ускорил шаг.

— В чем дело, Карди? Тебе плохо?

Гангстер, протянув сквозь прутья трясущуюся левую руку, вяло уцепился за плечо стражника. Тот нагнулся ближе. В тот же миг пальцы Спайка сомкнулись на его горле стальным обручем, а между арестантской робой и сердцем охранника полыхнул крохотный язычок белого пламени диаметром не более карандаша — один-единственный коротенький смешок точно нацеленного бластера, выставленного на минимальную мощность. И все. Так человек мог бы хихикнуть над знакомым анекдотом.

Стражник ткнулся лбом в решетку. Мертвая хватка на его горле задушила вскрик. Сторонний наблюдатель — окажись он вдруг поблизости — решил бы, что охранник продолжает разговаривать с заключенным.

Карди действовал быстро. Все было заранее спланировано, каждое движение давно отрепетировано до автоматизма.

Правая рука отстегнула с пояса убитого кольцо с ключами, пальцы нащупали нужный и вставили его в замок. Щелчок. Дверь камеры распахнулась.

Наступил наиболее опасный момент всей операции, но назад пути уже не было.

Спайк торопливо заволок безжизненное тело в камеру. Кто-нибудь мог увидеть, но пришлось рискнуть.

Он проворно стянул с мертвеца и напялил на себя штаны, потом сорвал куртку и влез в нее сам. За ними последовали кепка и оружие охранника.

Карди вышел из камеры, закрыл дверь, запер замок и двинулся по узкому мостику вдоль тюремного корпуса. Сердце пело от возбуждения. Самое трудное осталось позади, тем не менее губы гангстера были по-прежнему сжаты в жесткую линию, глаза настороженно прищурены, а тело готово к действию.

Охранник соседнего корпуса бросил на него короткий взгляд, развернулся и побрел обратно вдоль вверенного ему ряда камер. Лишь благодаря железной воле гангстер продолжал идти, не срываясь на бег.

Только когда стражник пропал из виду, Спайк позволил себе ускорить шаги.

Вниз по лестнице на первый ярус, пересечь его. Из сектора камер — в прогулочный двор и оттуда — к северному шлюзу.

В караулке у шлюза горел слабый свет.

Карди постучал.

Дежурный открыл.

— Скафандр, — произнес Спайк. — Я выхожу.

— Ваш пропуск?

— Вот. — Беглый гангстер поднял бластер.

Рука дежурного метнулась к кобуре на боку, но шансов у него не было. Оружие Спайка коротко полыхнуло, и охранник рухнул на пол.

Мельком взглянув на тело, Карди извлек скафандр, надел его и вышел к шлюзу. Внутри шлюза, задраив за собой внутреннюю створку, он повернул замок внешней. Та распахнулась, и беглец ступил на поверхность Ганимеда.

Огромными парящими скачками, от души благодарный слабой гравитации, Спайк понесся прочь. На востоке сиял купол Сателлит-Сити. На северо-западе маячили темные, черные в тени холмы.

Человек в скафандре направился в сторону холмов и исчез во мраке.

III

Сенатор Шерман Браун был счастлив.

Ему удалось смыться от Иззи Ньюмана, и вот он здесь: сидит на корточках на полу в «Фонаре Юпитера» — одном из самых шумных ночных клубов во всем Сателлит-Сити — и фотографирует двух ветеранов, увлеченных спором по поводу битвы при Ганимеде.

Вокруг стариков уже собралась толпа любопытных: спор относился как раз к той разновидности оживленных дискуссий, что привлекают зрителей и в любой момент могут перерасти в драку.

Возбужденный сенатор приклеился глазом к видоискателю и щелкал кадр за кадром. Эта серия снимков должна занять достойное место в его альбомах.

— Мы припечатали вас и разбили наголову! — Кулак Грэмпа Паркера с грохотом опустился на стол, — И мне плевать с самой высокой колокольни, как нам это удалось. А если ваши замечательные генералы были такие охрененно умные, то каким же образом мы сумели порубать вас на фарш?

Юрг Тек, трясущийся от старости марсианин, в свою очередь треснул кулачком по столу.

— Вы, земляне, выиграли эту битву по чистому везению! — Его писк был исполнен праведного гнева. — Вы не имели на это никакого права и по всем правилам воинского искусства должны были потерпеть поражение. Ведь это было ясно с самого начала. Ваша стратегия была неверна. Ваше расположение в пространстве было неверно, ваш выбор времени был неверен. Александр, когда повел ваши крейсеры на наш флот, должен был быть стерт с лица пространства.

— Но его не стерли! — рявкнул Грэмп.

— Просто повезло! — пискнул в ответ Юрг Тек, — Случись та битва снова — и мы победили бы. Что-то пошло не так. Что-то, чего историки не могут объяснить. Проработай все на бумаге — и увидите, что Марс выигрывает при любом раскладе.

Грэмп грохнул по столу обоими кулаками. Борода его воинственно встопорщилась.

— Черт подери твою злобную шкуру, — зарычал он, — битвы происходят не на бумаге. В них участвуют живые люди, настоящие корабли и оружие. И самую большую роль играют в них люди. Храбрецы становятся победителями. И битву не переиграешь. На войне второго шанса не бывает.

Ты либо побеждаешь, либо проигрываешь — и билетов на матч, перенесенный по случаю дождя, никто не выдает!

Марсианин, казалось, задохнулся от ярости и брызгал слюной в попытках обрести голос. А Паркер гордо напыжился, уподобившись коту с торчащими из пасти перьями хозяйской канарейки.

— В точности как я тебе говорил, — заверил он, — Один хороший землянин может побить десять маршей в любое время дня и ночи.

Юрг Тек продолжал брызгать слюной в бессильной ярости.

А Грэмп продолжал похваляться:

— В любое время дня и ночи, с завязанными глазами и одной рукой, примотанной к боку.

Кулачок Юрга Тека без предупреждения прыгнул вперед и ткнулся Грэмпу точно в середину бороды. Грэмп пошатнулся, взревел и бросился на марсианина. Толпа одобрительно завопила.

Юрг Тек, отступая перед мелькающими кулаками Грэмпа, наткнулся на коленопреклоненного сенатора Брауна. В это самое мгновение землянин прыгнул на него — и все трое покатились по полу единым клубком мельтешащих в драке рук и ног.

— На, получи! — вопил Грэмп.

— Эй, осторожнее с моей камерой, — верещал сенатор.

Марсианин хранил молчание, но поставил сенатору фонарь под левым глазом. Целился-то он в Грэмпа.

С грохотом перевернулся стол. Толпа гикала и улюлюкала в совершеннейшем восторге.

Сенатор, заметив на полу свою камеру, потянулся за ней, но с визгом отдернул руку — кто-то наступил ему на кисть. Юрг Тек сгреб Грэмпа за бороду.

— Прекратить! — сквозь толпу протолкались двое полицейских. Они вздернули Грэмпа и Юрга на ноги. Сенатор поднялся сам.

— Из-за чего деремся, ребятки? — спросил большой полицейский.

— Он гребаный марши! — пояснил Грэмп.

— А он сказал, один землянин может побить десять марсиан, — пропищал Юрг Тек.

Большой полицейский перевел взгляд на сенатора.

— А вы что скажете?

Браун внезапно ощутил нехватку слов.

— Да н-ничего, офицер, с-совсем н-ничего, — заикаясь, пробормотал он.

— То есть, полагаю, не вы тут катались вместе с этими?! — прорычал полицейский.

— Ну, видите ли, офицер, дело было так, — затараторил Браун. — Я пытался их разнять, заставить прекратить драку. И один из них ударил меня.

Полицейский хихикнул.

— Миротворец, а?

Сенатор с несчастным видом кивнул.

Полицейский переключил свое внимание на Грэмпа и Юрга Тека.

— Все еще сражаетесь, ребятки? Никак войну забыть не можете? Она ж сорок лет как закончилась.

— Он оскорбил меня, — пискнул Юрг Тек.

— Конечно, понимаю, — отозвался офицер, — и вы оскорбились с полтычка.

— Послушайте сюда, офицер, — подал голос сенатор. — Если я уйму этих двоих и пообещаю вам, что они больше не станут чинить беспокойство, можете вы просто забыть о том, что произошло?

Большой полицейский посмотрел на маленького полицейского.

— А выто кто? — спросил маленький полицейский.

— Ну, я... я Джек Смит. Эта парочка мне знакома. Я сидел и разговаривал с ними, прежде чем случился этот инцидент.

Двое полицейских снова переглянулись.

Затем уставились на «Джека Смита».

— Ладно, думаю, все в порядке, — согласился маленький полицейский, — Но смотрите, чтоб они вели себя мирно, а то засунем в обезьянник всех троих.

И оба сделали суровые лица. Сенатор неловко потоптался на месте, шагнул вперед и взял Грэмпа и Юрга Тека за локти.

— Пойдем выпьем, — предложил он.

— Я по-прежнему утверждаю, — начал Паркер, — что один землянин может побить десять марсиан...

— Хватит, хватит, — засуетился сенатор, — сбавь обороты. Я обещал полиции, что вы станете друзьями.

— Друзьями? С ним?! — возмутился Грэмп.

— Почему нет? В конце концов, встреча устроена с целью продемонстрировать мир и дружбу между Марсом и Землей. В дыму и грохоте боя рождается новое и более ясное взаимопонимание, ведущее к вечному миру и...

— Эй, — перебил Паркер, — будь я проклят, звучит так, будто ты собрался толкнуть нам речь.

— Гм-м, — осекся сенатор.

— Будто толкаешь речь, — повторил Грэмп. — Словно ты один из этих политических словоблудов, которые ходят собирать голоса.

— Ну, — вздохнул Браун, — может, и так.

— С таким глазом, — заметил Грэмп, — ты не в том виде, чтобы вообще речи толкать.

Сенатор поперхнулся выпивкой и, закашлявшись, поставил стакан на стол.

— Что с тобой? — спросил Юрг Тек.

— Я кое о чем забыл, — пояснил сенатор, — О чем-то очень важном.

— Это может подождать, — решил марсианин, — Ставлю еще по одной.

— Точно, — согласился Грэмп, — нет ничего настолько важного, чтобы не пропустить еще по кружечке.

— Понимаете, — смущенно пробормотал Браун, — я как раз и собирался произнести речь.

Двое старых солдат недоверчиво уставились на него.

— Честное слово, — заверил их сенатор, — Но с таким синяком выступать нельзя. И я получу нагоняй! Это мне все за то, что я сбежал немножко пофотографировать.

— Может, мы сумеем помочь тебе выпутаться? — предложил Грэмп. — А вдруг нам удастся тебя отмазать?

— Может, у нас получится, — поддакнул марсианин.

— Слушайте, — оживился сенатор, — а вот если бы я собирался слетать на катере на экскурсию по поверхности и, если бы катер потерпел крушение, и я не смог бы вернуться вовремя, чтобы произнести речь, никто бы не стал меня за это ругать, правда?

— Ты чертовски прав, не стал бы, — согласился Грэмп.

— А как насчет глаза? — напомнил Юрг Тек.

— Ерунда, — отмахнулся Паркер, — Скажем, что он наткнулся на... ну, на что-нибудь.

— А вы пойдете со мной? — спросил сенатор.

— Как нехрен делать, — хмыкнул Грэмп.

Юрг Тек кивнул.

— Там есть остовы старых боевых кораблей, которые я хотел бы осмотреть, — сказал он, — Кораблей, сбитых во время битвы и просто оставленных там. Слишком сильно покорежены, чтобы их ремонтировать. Вероятно, можно договориться с пилотом катера, чтобы он приземлился где-нибудь поблизости от них.

— И прихвати свою камеру, — напомнил сенатору Грэмп, — Можешь поймать несколько чертовски хороших кадров на одной из этих старых калош.

IV

Штурман рванул на себя дверь рубки, с грохотом захлопнул ее и привалился к ней спиной. Пилот оторвался от

пульта управления, мельком взглянул на него и подскочил на месте.

Куртка штурмана висела клочьями, а из уродливой ссадины на лбу капала кровь.

— Звери! — крикнул он. — Звери взбесились и вырвались на свободу!

— Вырвались?! — ахнул побледневший пилот.

Штурман кивнул, тяжело дыша.

В воцарившейся тишине они услышали царапанье и лязг стальных когтей по всему кораблю.

— Напали на экипаж. Порвали на части, там, в инженерном отсеке.

Пилот посмотрел сквозь стекло. Прямо под ними проплывала поверхность Ганимеда. До этого момента он аккуратно вел корабль на снижение, мастерски подрабатывая двигателями, намереваясь по инерции выкатиться прямо к Сателлит-Сити.

— Хватай пушку! Удержи их! Может, успеем.

Штурман бросился к стойке с тяжелыми бластерами. Но опоздал.

Дверь подалась под весом чьего-то мощного тела. Страшные стальные когти подцепили ее и разорвали на куски.

Пилот оглянулся через плечо и узрел кошмар наяву: обезумевшие чудища когтями раздирали переборку, прорываясь в рубку управления. Монстры, изготовленные на марсианском заводе компании «Роботе Инк.», роботы, отправленные спецрейсом в Сателлит-Сити для представления на встрече ветеранов битвы при Ганимеде.

Полыхнул мощный бластер, жуткая голова одного из чудовищ рассыпалась огненной пылью, но щупальца другого метнулись в отсек с невообразимой скоростью и обвились вокруг пилота. Тот успел лишь коротко вскрикнуть и затих, раздавленный стальными путами.

Потерявший управление корабль, войдя в немыслимое пике, понесся к поверхности.

— Прямо за тем гребнем торчит корпус старого крейсера, — кивнул пилот катера. — Он в очень хорошем состоянии, но нос зарылся в грунт от удара при падении и так накрепко застрял в скале, что никакими силами не сдвинуть.

— Земной или маршанский? — уточнил Грэмп.

— Точно не знаю, — пожал плечами пилот. — По-моему, земной.

Сенатор, пыхтя, втискивался в скафандр.

— Помните наш уговор? — спросил он пилота, — Вы скажете, что катер сломался. Надеюсь, сумеете объяснить, что именно произошло? Так вот, из-за аварии вы не смогли доставить меня вовремя для произнесения речи.

Пилот ухмыльнулся.

— Будет исполнено, сенатор.

— Сенатор?! — Грэмп застыл с занесенным над головой шлемом и уставился на попутчика. — Проклятие, да кто же ты такой?

— Я сенатор Шерман Браун. Должен был торжественно открыть памятник битве.

— Ну да, а я конопатая жаба! — прокомментировал Паркер.

Юрг Тек хихикнул.

Грэмп резко развернулся к нему.

— Никаких острот, марши.

— Ладно, ладно, — примирительным тоном воззвал Браун. — Успокойтесь, ребята. Хватит драк.

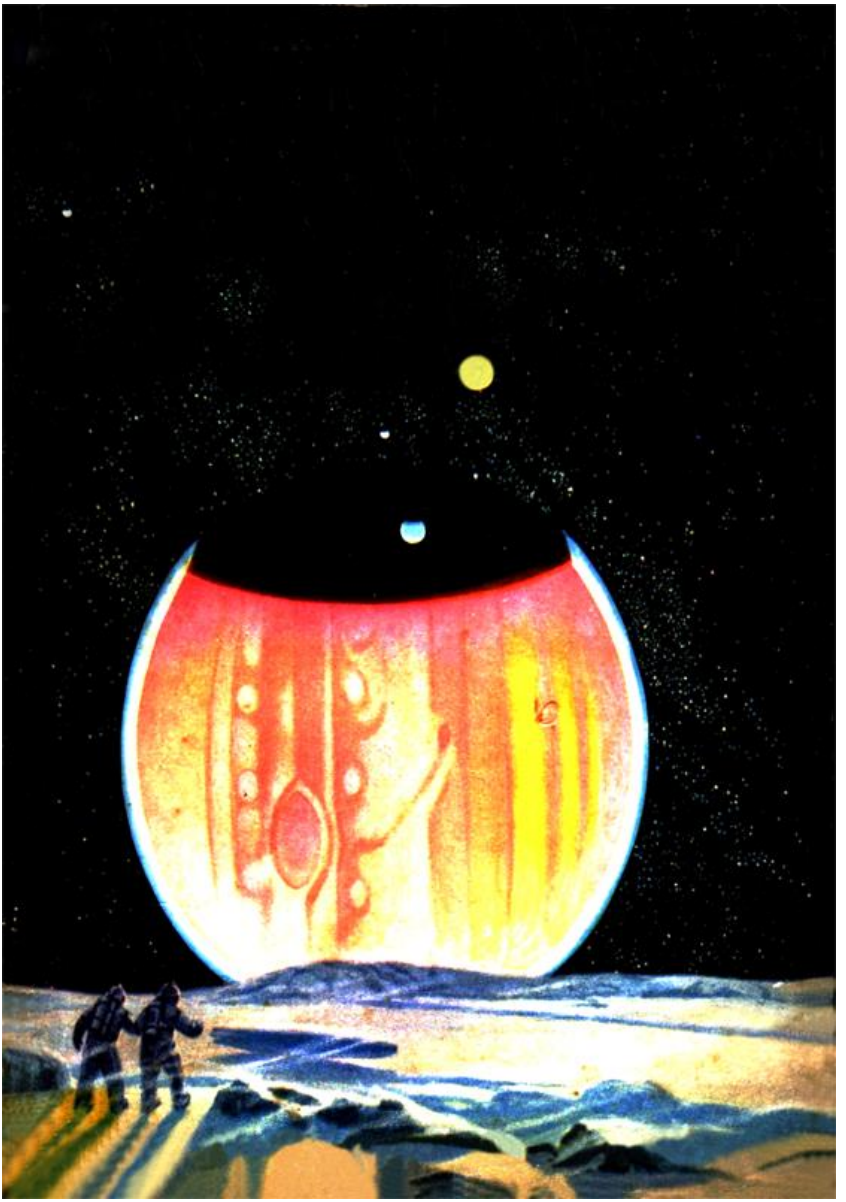
Они покинули катер и вчетвером затопали вверх по холму к вершине гребня.

Внешние микрофоны ловили еле слышимый хруст углекислого снега под подошвами и свистящий скрип, когда он терся о пластины скафандров.

Юпитер клонился к закату — огромный красно-оранжевый шар с выгрызенным из верхней половины большим куском. На фоне этого затемненного, невидимого сегмента планеты плыла четвертушка крошечной Ио, а сразу над ней в

черноте космоса висел начищенный до блеска грошик Европы. Солнце закатилось много часов назад.

— Красиво, как новогодняя елка, — заметил Грэмп.



— Эти туристы здесь просто с ума сходят, — отозвался пилот, — Мое такси с начала сезона пашет как проклятое. Чем-то старый Джуп их цепляет.

— Я помню, — подал голос Юрг Тек, — перед самой битвой было в точности как сейчас. Мы с приятелем даже вышли из лагеря — полюбоваться зрелищем.

— Вот уж не думал, что у вас, у маршей, вообще бывают друзья, — брякнул Грэмп, — По-моему, вы слишком злобные.

— Моего друга, — продолжал Юрг Тек, — убили на следующий день.

Паркер охнул.

С минуту они шли в молчании.

— Мне правда жаль, что так вышло с твоим другом, — смущенно проговорил Грэмп

Они взобрались на гребень.

— Вот, — Пилот указал вниз.

Перед ними вырисовывался темный силуэт огромного космического корабля, странным образом покоившегося на поверхности планеты: корма задрана под нелепым углом, нос погребен в твердой как скала почве.

— Земной, нормально, — сказал Грэмп.

Они начали спускаться по склону по направлению к кораблю.

В боку брошенного на произвол судьбы крейсера имелась огромная дыра, пробитая выстрелом. Выстрелом, эхом, отразившимся в смутной памяти о битве сорокалетней давности.

— Давайте заглянем внутрь, — предложил сенатор, — Хочу сделать несколько снимков. У меня с собой кое-какое ночное оборудование. С ним можно работать в полной темноте.

Что-то шевельнулось внутри корабля, что-то мелькнуло и сверкнуло красным в свете заходящего Юпитера.

Все четверо в изумлении отпрянули.

Человек в космическом скафандре стоял у края пролома — наполовину в тени, наполовину на свету. В руках он

держал два бластера, направив их на Грэмпа и остальную троицу.

— Отлично, — произнес незнакомец. Его голос звучал грубо, злобно, с оттенком безумия, — Я вас накрыл. Достаньте оружие и бросьте его на землю.

Они стояли как вкопанные, не в силах поверить своим глазам, и завороженно глядели на невесть откуда взявшегося здесь человека.

— Вы что, оглохли?! — рявкнул тот, — Стволы на землю!

Пилот опомнился первым и стремительным, почти неуловимым движением попытался выхватить бластер.

Его оружие только наполовину успело покинуть кобуру, когда один из пистолетов в руках незнакомца выплюнул слепящий комок пламени. Сбитый с ног мощным энергетическим зарядом пилот покатился, нелепо хлопая руками, вниз по холму и остановился, лишь врезавшись в борт мертвого крейсера. По его разорванному скафандру расплывалось вишнево-красное пятно.

— Может, теперь вы поймете, что я не шучу.

Грэмп одним пальцем осторожно подцепил свой бластер и уронил на снег. Юрг Тек, и сенатор сделали то же самое. Придуриваться бесполезно. Уж всяко не под направленными на тебя двумя дулами в руках убийцы.

Человек выступил из-под прикрытия корабля и указал стволами в сторону, приказывая пленникам отойти. Затем, перехватив один из бластеров под мышку, нагнулся и подобрал с земли трофеи.

— Что все это значит? — потребовал ответа сенатор.

Незнакомец усмехнулся.

— Я Спайк Карди. Думаю, вы обо мне слышали. Единственный человек, сбежавший из ганимедской тюрьмы. Говорят, никто не может вырваться из этого сейфа. Но Спайк Карди смог!

— Что вы собираетесь делать с нами? — спросил сенатор.

— Оставить вас здесь, — ответил Спайк. — Заберу ваш корабль и оставлю вас здесь.

— Но это же убийство! — возмутился Браун, — Мы умрем! У нас воздуха всего на четыре часа!

Спайк снова усмехнулся.

— Ну-у, — протянул он, — это не так уж и плохо.

— Но ты здесь как-то жил, — подал голос Юрг Тек, — С момента твоего побега прошло три недели. Ты не все это время пробыл в скафандре. И баллонов с воздухом у тебя было не так много, чтобы протянуть столько дней.

— К чему это ты клонишь? — поинтересовался Карди.

— А разве не ясно? — удивился марсианин, — Почему бы тебе не предоставить нам шанс выжить? Почему бы не поделиться ценным опытом? Может, мы продержимся какое-то время, а там, глядишь, кто-нибудь нас найдет. В конце концов, ты лишаешь нас корабля. Что толку нас убивать? Мы не сделали тебе ничего плохого.

— Что ж, — согласился Спайк, — это разумно. Пожалуй, я вам расскажу. Мои друзья привели в порядок часть этого старого корабля, отгородили ее, сделали шлюз и установили маленький атмосферный генератор. Точнее, конденсатор, поскольку воздуха-то здесь предостаточно, только он недостаточно плотный. Когда я сбежал, то пришел сюда и ждал корабль, которому полагалось меня подобрать. Но не дождался. Что-то пошло не так, и он не прилетел. Поэтому я забираю ваш.

— Да, вам, можно сказать, повезло, — заметил сенатор, — Не будете ли вы любезны теперь и нам рассказать, где в этом корабле помещается ваше убежище.

— Отчего же? С радостью расскажу. Помогу, чем могу.

Что-то в его словах, в насмешливом тоне, в уродливом изгибе губ Грэмпу сильно не понравилось.

— Просто спуститесь в нос корабля, — сказал Спайк. — Мимо не пройдете. — Губы Карди тронула насмешливая улыбка, — Только ни хрена вам это не поможет. Потому что конденсатор сломался с полчаса назад. Его не починить. Я пытался. А потом решил податься до Сателлит-Сити и попытать удачи там, да тут вы появились.

— Значит, ремонту он не подлежит? — уточнил сенатор.

Спайк покачал головой в шлеме.

— Не-а, — радостно отозвался он, — Там сломалась пара деталей. Пытался сварить их с помощью бластера, но не получилось. Я их угробил окончательно.

V

Гангстер попятился к вершине гребня.

— Оставайтесь на месте, — предупредил он, не опуская оружия. — Не пытайтесь следовать за мной. Только суньтесь — мало не покажется.

— Но вы же не собираетесь оставить нас здесь, правда? — взвизгнул сенатор. — Мы ведь умрем!

Карди махнул пистолетом на юго-восток.

— Сателлит-Сити в той стороне. Четырехчасового запаса воздуха вам хватит. Я же сюда дошел.

Его смех эхом отдавался в трех шлемах.

— Хотя вы не сможете. Куда вам, старые чучела.

И он исчез за гребнем.

Грэмп мгновенно вышел из ступора и вновь обрел способность действовать. Он бросился к безжизненному телу пилота, перевернул одетую в скафандр фигуру и выдернул из кобуры бластер.

Быстро оглядев его, ветеран убедился, что оружие не повреждено.

— Нет, ты этого не сделаешь! — крикнул Юрг Тек.

— Брысь с дороги, марши, — рявкнул Грэмп, — Я иду за ним.

Грэмп двинулся вверх по холму.

Добравшись до вершины, он увидел Спайка на полпути к катеру.

— Вернись и сражайся! — заорал Паркер, размахивая оружием. — Вернись и сражайся, ты, мерзкое отродье проститутки!

Карди развернулся, наугад выпустил по собственному следу сноп пламени и неуклюже, комичными широкими скачками помчался по направлению к катеру.

Грэмп остановился, тщательно прицелился и выстрелил. Спайк описал в воздухе сальто и растянулся на земле. Паркер увидел, как оружие, отобранное у них беглым гангстером, сверкнуло красным в лучах заходящего Юпитера.

— Он бросил пушки!

Тем временем Спайк снова оказался на ногах и побежал к катеру, хотя левая рука его безвольно повисла и свободно раскачивалась в такт огромным прыжкам.

— Слишком далеко, — Марсианин успел взобраться на холм и остановился рядом с Грэмпом.

— Я держал его на мушке, — пожаловался Паркер, — Но расстояние все-таки оказалось чуточку великоватым.

Спайк взбегал по трапу.

Грэмп выругался и, пока гангстер пробирался во внешний шлюз, прошелся по катеру длинной струей пламени.

— Черт! — простонал он, — Уходит!

Два старых ветерана удрученно смотрели на катер.

— Полагаю, для нас все кончено, — заметил Юрг Тек.

— Как бы не так! — отозвался Грэмп, — Мы легко доберемся до Сателлит-Сити.

Сам он в это не верил. Разве такой переход им по силам?

Паркер обернулся на звук шагов. К ним, прихрамывая, спешил сенатор.

— Что с вами случилось? — строго спросил Юрг Тек.

— Я упал и подвернул лодыжку.

— Конечно, — согласился Грэмп, — Этому парню ничего не стоит растянуть лодыжку. Особенно в такое время, как сейчас.

Почва содрогнулась у них под ногами. Катер на пылающих дюзах оторвался от земли и прыгнул в космос.

Грэмп упорно шел вперед. Снег со свистящим шорохом скользил по пластинам скафандра, хрустел под подошвами. Еще двое, спотыкаясь, брели следом.

Юпитер опустился ближе к горизонту. Ио покинула свое место на фоне затемненного сегмента планеты и свободно висела в космосе.

Перед Паркером маячили бесконечные мрачные холмы, покрытые пятнами снежных заносов и подернутые мертвенно красным светом Юпитера.

Раз нога, два нога, раз, два... Только так и можно это сделать. Не останавливаться, пробиваться вперед.

Но он понимал, что все бесполезно. Он знал, что живым Ганимед не покинет.

«Сорок лет назад я здесь дрался и вышел из битвы без единой царапины, — с грустью размышлял он. — А теперь вернулся, чтобы умереть».

Грэмп припомнил тот день сорок лет назад: небо, затканное кружевом огненно-пламенных лент и бледно мерцающих полос, корабли, которые, исчерпав боезапас, шли на таран и валились на планету, увлекая врага с собой.

— Мы никогда не дойдем, — простонал сенатор.

Паркер обернулся к нему, недобро приподняв обшитый сталью кулак.

— Прекрати скулить, — рявкнул он в бешенстве, — Прямо как больной теленок. Я тебя пришибу, если услышу еще хоть один вяк.

— Но что толку обманывать себя? — захныкал сенатор. — Воздух у нас почти кончился. Мы даже не знаем, в ту ли сторону идем.

— Заткнись, дурак бесхребетный, — зарычал на него Грэмп, — Ты большой человек. Сенатор. Помни об этом и говори себе, что обязан дойти. Кого они заставят толкать все эти дурацкие речи, если ты не вернешься?

В наушниках раздался писк марсианина.

— Слушай!

Грэмп замер и прислушался.

Однако слушать было нечего. Один скрежет снега по скафандру.

— Я ничего не слы...

И тут он услышал... До него донесся странный рокот, одним своим тембром, казалось, несущий отчетливую угрозу. Рокот, похожий на топот множества ног, мерную поступь тысяч копыт.

— Слышал когда-нибудь что-нибудь похожее, земляй? — спросил марсианин.

— Да нет ничего! — завизжал сенатор. — Ничего вообще! Нам просто кажется. Мы все сходим с ума.

Рокот неуклонно приближался. Становился все яснее и яснее.

— Считается, что на Ганимеде нет жизни, — пробормотал Грэмп. — Но там что-то есть. Что-то живое.

Он почувствовал, как мурашки поползли вверх по спине и подняли дыбом волосы на затылке.

Длинная шеренга каких-то существ выдвинулась из марева над горизонтом и сделалась смутно различимой — шеренга кошмарных тварей, мерцающих и поблескивающих в закатных лучах Юпитера.

— Боже мой, — прошептал Грэмп, — что это?

Он огляделся.

Слева от них находилась широкая расселина, где за прошедшие столетия ветры выгрызли в склоне холма глубокую, но узкую нишу.

— Сюда! — крикнул Паркер, бросаясь к укрытию.

К тому моменту, когда они достигли наконец естественного укрепления, шеренга надвигающихся ужасов успела преодолеть значительное расстояние.

— Марши, — прокаркал Грэмп, — если ты раньше никогда не дрался, готовься к этому сейчас.

Юрг Тек мрачно кивнул, сжав в кулачке бластер.

Браун тихонько подвывал.

Грэмп развернулся к сенатору и врезал кулаком прямо в центр нагрудной пластины его скафандра. Браун растянулся на грунте.

— Доставай свою пушку, черт тебя подери, — зарычал Паркер, — и попробуй сделать вид, что ты мужчина.

Монстры приближались. Наводящая жуть масса зверей странно поблескивала в свете лун. Колыхались массивные

челюсти, мелькали жуткие когтистые лапы, щупальца молотили грунт подобно бичам.

Грэмп навел оружие на цель.

— Нате! — заорал он. — Получайте!!!

Из каменной ниши вырвалась волна клубящегося пламени, смела первый ряд атакующих монстров и, казалось, растворила их в разреженной атмосфере. Задним, однако, ничего не сделалось, они перелезали через тех, кого пламя остановило, и надвигались прямо на людей, скорчившихся в тени холма.

Лучемет Грэмпа раскалился. Еще немного — и он мог превратиться в бесполезный кусок искореженного металла. Или даже взорваться у него в руках и убить всех троих. К сожалению, бластер не приспособлен для непрерывной стрельбы в течение долгого времени.

А твари все напирали.

Перед укрытием уже образовалась гора тел, светившихся металлически-красным там, где их вспороли лучи.

Грэмп, бросив оружие, отступил к стене расселины.

Юрг Тек сидел на корточках и методично посылал в чудовищ короткие прочесывающие очереди, стараясь уберечь оружие от перегрева.

Неподалеку, скорчившись в маленьком углублении, всхлипывал Браун. Он даже не потрудился расстегнуть кобуру.

Паркер, изрыгая проклятия, бросился к сенатору, выхватил его бластер и досадливо отпихнул Брауна в сторону.

— Остуди пушку, марши!

Призрачное нечто с шипами вокруг морды и хищным клювом прямо под глазами перелезло через баррикаду из дохлых чудищ. Грэмп уложил урода одним коротким залпом.

Поток нападающих иссяк.

Паркер с пистолетом наготове ждал новых. Но они не появлялись.

— Что это за чертовы твари? — Грэмп указал стволом на кучу тел.

— Понятия не имею, — ответил марсианин, — Считается, что на Ганимеде нет жизни.

— Они вели себя чертовски странно. Не совсем как животные. Больше похоже на механизмы, которые завели и поставили на пол. Как игрушки. Их заводят — и они бегают кругами. Год или два назад я купил такую игрушечную зверюгу внуку на Рождество.

Юрг Тек, выбравшись из ниши наружу, направился к горе убитых монстров.

— Осторожно, марши, — предостерег Грэмп.

— Лучше взгляни на это, земляй!

Паркер в несколько длинных прыжков оказался рядом с марсианином. Вместо прожженной плоти и раскрошенных костей, вместо каких-либо иных животных останков перед ними высилось нагромождение покореженных металлических пластин, расплавленной проволоки и зубчатых колесиков всевозможных форм и размеров.

— Роботы! — воскликнул Грэмп, — Будь я колченогим маршем, если это не так. Всего-навсего проклятые роботы.

Два старых солдата посмотрели друг на друга.

— Положение было рискованное, — заметил Юрг Тек.

— Зато мы побили чертову уйму, — ликовал Грэмп.

— Скажи, — поинтересовался марсианин, — это правда, что организаторы встречи собирались устроить в Сателлит-Сити представление с массовой дракой всевозможных зверей-роботов? Тебе не кажется, что это и есть те самые машины? Разве не могли они каким-то образом вырваться на свободу?

— Разрази меня гром! Возможно, это все и объясняет, — кивнул Паркер.

Он оторвался от созерцания кучи искореженного обожженного металла и поднял взгляд к небу. Юпитер почти закатился.

— Пора двигаться.

VI

— Это, должно быть, они. — Пилот указал вниз.

Иззи Ньюман, проследив за его рукой, разглядел две фигуры в скафандрах.

Одна из них держалась прямо, но шаталась на ходу. Вторая, перебросив руку через плечо первой, чтобы не упасть, хромала рядом.

— Но их только двое.

— Трое, — покачал головой пилот, — Первый держит второго и волочет третьего за руку. Вон он. Скользит по грунту, будто санки.

Пилот направил машину вниз, сел и подрулил поближе.

Грэмп, увидев катер, остановился. Он выпустил руку сенатора и опустил на снег Юрга Тека. Затем, покачиваясь, хватая ртом жалкие остатки воздуха из баллонов, стал ждать.

Из катера выпрыгнули два человека.

Паркер, шатаясь, еле волоча ноги, двинулся им навстречу.

Они помогли ему забраться в корабль, потом притащили сенатора с марсианином.

Грэмп, сорвав шлем, глубоко вдохнул и помог снять шлем Юргу Теку. Браун, он видел, постепенно приходил в себя.

— Черт подери, — вздохнул Паркер, — Сегодня я сделал нечто, чего поклялся не делать никогда.

— Что именно? — поинтересовался марсианин.

— Я поклялся, что если мне когда-нибудь представится шанс помочь марши, то я и пальцем не шевельну. Просто буду стоять и наблюдать, как он сыграет в ящик.

— У тебя, должно быть, сознание помутилось. — Лицо Юрга Тека расплылось в улыбке.

— Черт подери, — снова вздохнул Грэмп, — безвольным я становлюсь. Мягкотелым. Вот что со мной такое.

Встреча подходила к концу. Собравшись на чрезвычайную конференцию, участники битвы проголосовали за учреждение Ассоциации ветеранов Земли и Марса. Оставалось только выбрать членов правления.

Слово взял Юрг Тек.

— Господин председатель, — заговорил он, — я не собираюсь произносить речь. В этом нет необходимости. Я

только хочу выдвинуть кандидатуру на пост президента Ассоциации.

Он сделал многозначительную паузу. Зал молчал в ожидании.

— Я предлагаю капитана Джонни Паркера, более известного как Грэмп.

Зал взорвался. Председатель тщетно пытался призывать собравшихся к порядку: глухой стук его молоточка беспомощно растворился в волнах мятежного рева, омывавшего стены и эхом гулявшего по помещению.

— Грэмп! — орали десять тысяч глоток, — Хотим Грэмпа!

Паркера подняли на руки и, несмотря на его бурный протест, понесли к трибуне.

— Прекратите, чертовы дурни, — вопил он, но его только пихали в спину и кричали что-то в самые уши, а потом оставили стоять совершенно одного возле стола председателя.

Перед глазами Паркера колыхался и раскачивался в волнении конференц-зал. Где-то играл оркестр, но музыка служила всего лишь фоном для неистовых аплодисментов. Репортеры подпрыгивали, как кузнечики, стараясь побольше захватить в объектив. Человек рядом с микрофоном поманил старика пальцем, и Грэмп, не до конца понимая, для чего он это делает, неловко шагнул к нему.

Толпу он видел не слишком хорошо: что-то вдруг случилось со зрением — и все вокруг будто туманом заволокло. Странно. Ничего подобного раньше не было. Да и сердце бухает. Слишком много волнений ему совсем не на пользу.

— Речь! — ревели десять тысяч внизу, — Ре-ечь! Ре-ечь!

Они хотели, чтобы он произнес речь! Причем перед микрофоном — так, чтобы все могли услышать то, что имеет им сказать старый Грэмп Паркер. Никогда в жизни ему не доводилось выступать с речью. Он не знал, как это делается, растерялся и даже струхнул.

«Интересно, — шевельнулась в его голове вялая мысль, — что подумает Селия, когда узнает? С ума, наверное, сойдет, как и обещала. И малыш Гарри. Нет, Гарри решит, что

его дедушка — герой. И ребята в бакалейной лавке Уайта тоже».

— Ре-ечь! — грохотал конференц-зал.

Из марева лиц Грэмп выбрал одно — то, которое видел ясно как день: улыбающееся лицо Юрга Тека. Ох уж эта кривая марсианская улыбочка! Да, вот он: Юрг Тек, его друг. Проклятый марши. Марши, который стоял с ним плечом к плечу там, на склоне холма, под дулами бластеров. Марши, который бился вместе с ним против металлических зверей. Марши, который протащился рядом с ним все те страшные мили.

Грэмп знал, что для определения этого существует какое-то слово, и как безумный обшаривал мозги, пытаясь его отыскать, вспомнить то единственное слово, которое способно объяснить все.

И оно нашлось. Смешное слово. Грэмп прошептал его. Оно звучало непривычно. Не такие слова он привык произносить. Не такие слова ожидали услышать от старого Грэмпа Паркера. Это слово больше подходило устам сенатора Шермана Брауна.

Может, все только посмеются, если Паркер его произнесет. Может, все решат, что он просто старый дурак.

Паркер придвинулся к микрофону поближе, и рев стих. Зал замер в ожидании.

— Товарищи... — начал он и остановился.

Вот это слово! Теперь они товарищи. Марши и земляи. Исполненные ненависти, они дрались в беспощадной битве. И каждый воевал за то, что считал правильным. Может, они действительно должны были сразиться? Может, та война и в самом деле была необходима? Так это или нет, но она закончилась сорок лет назад, и вся ее жестокость нынче стала шепотом на ветру — смутным, старым воспоминанием, веющим с поля битвы, где ненависть и ярость, слившись в один страшный ком, взорвались и выгорели без остатка...

Они ждали. И никто не смеялся.

Глава 1

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ТЯГА

Хью Камерон поднялся с колен, отряхнул пыль с ладоней и посмотрел на Джека Кэбота и Конрада Янси. Те ответили ему вопросительными взглядами.

— Можно двигаться, — объявил Камерон, — Все работает.

— Проверки, перепроверки... У меня от них мурашки по коже, — признался Янси.

— Без этого никак, — сказал Камерон. — В таком путешествии, как наше, рисковать нельзя.

Кэбот сдвинул шляпу на затылок и почесал голову:

— А ты в самом деле уверен, что все правильно? Ну, и теория, и машина... Мне и сейчас кажется, что у нас просто с головой не в порядке.

Камерон кивнул:

— Должно работать, по крайней мере по моим понятиям. Я проверил все, шаг за шагом. Правда, теория Паскаля уникальна: ничего похожего никто еще не предлагал. Объявить время интеллектуальной абстракцией и на такой базе реализовать концепцию перемещения во времени...

— Ничего удивительного, что этого парня выгнали из Оксфорда! Обозвать, для начала, теорию относительности вздором... — заметил Янси.

Камерон указал на хрустальный шар, увенчивающий нагромождение приборов:

— Все дело в этом вот темпоральном мозге. Правда, я понятия не имею, как он работает. Каким образом Паскаль его построил, я тоже не знаю, но только он работает. Я в этом убедился. Паскаль принял за аксиому, что время является чисто субъективным феноменом. Будучи интеллектуальной

концепцией, оно не существует объективно, но при этом оказывается неотъемлемой частью нашей картины мира.

— Вот это как раз и доходит до меня хуже всего, — вздохнул Кэбот, — Не могу избавиться от убеждения, что для реального перемещения во времени нужно для начала это самое время иметь. Реальное, объективно существующее. Только такое время может предсказуемым образом подчиняться физическим воздействиям. Как мы собираемся плыть по океану, которого нет?

Камерон прикурил сигарету и попробовал объяснить:

— Ты никак не можешь выйти за рамки чисто физических представлений. Теория же Паскаля не сводится к физике и математике, хотя и того, и другого в ней достаточно. Тут еще и психология, вписанная в физическую теорию. Паскаль отталкивается от утверждения, что, хотя время как объективная реальность не существует, чувство времени, свойственное человеческому сознанию, реально и хорошо развито. Мы не можем представить себя вне времени. С точки зрения здравого смысла время не содержит в себе никакой загадки.

Паскаль рассудил, что, если можно создать искусственный мозг, в него можно встроить обостренное чувство времени. Может быть, в десять тысяч раз более тонкое, чем наше. Не могу сказать. В общем, Паскаль так и сделал: сконструировал аналог человеческого мозга с обостренным чувством времени. Этот мозг знает о времени больше, чем доступно всему роду человеческому. Паскаль — настоящий волшебник. Никто другой на Земле не смог бы этого сделать — в двадцатом веке.

— Неуютно мне как-то, — сказал Кэбот, — Я ведь привез тебя из Америки в Лондон, потому что ты — единственный, кто может разобраться в этой бредовой затее. Ты совершенно уверен, что все пройдет гладко? Я в теориях ничего не понимаю и надеюсь на тебя. Если есть малейшие сомнения, скажи об этом сейчас. Я не хочу застрять в прошлом.

Камерон глубоко затянулся:

— Это не бред, Джек. Это работает. Чувство времени в искусственном мозгу развито настолько, что подчиняет себе само время. Он может перемещаться во времени — вместе с самой машиной времени и всем, что находится внутри. И это не гипноз. В гипнотическом трансе перемещение было бы фикцией.

Мозг действительно способен перемещаться во времени — вместе с нами. Он вырабатывает энергию особой природы. Это не электромагнитная энергия, как Паскаль считал поначалу. За неимением лучшего, ее можно назвать темпоральной энергией, или темпоральным импульсом. Звучит достаточно хорошо. Мозг вырабатывает этой энергии достаточно, чтобы работал темпоральный привод.

Камерон беспомощно развел руками:

— Вот и все, что я могу объяснить тебе на пальцах. Остальное — зубодробительная математика. Тебе придется поверить мне на слово, Джек: эта штука работает.

Кэбот улыбнулся:

— Твоего слова для меня достаточно.

Пятно солнечного света на полу накрыла чья-то тень. В просвете люка стоял седовласый человек с по-детски наивным лицом: доктор Томас Паскаль, волшебник сороковых годов двадцатого века.

— Все готово? — бодро спросил он.

Камерон кивнул:

— Я проверил каждый кабель, каждый контакт. Работает, как часы. Все в полном порядке.

— Тогда чего же мы ждем? — Голос Янси звенел. — Помираю от нетерпения — хочу подстрелить саблезубого тигра!

— В саблезубых тиграх не будет недостатка, — пообещал доктор Паскаль, — Мы отправляемся в заповедные места, где никто еще не слыхал ружейного выстрела.

Камерон рассмеялся:

— Скажите, доктор, как вам удалось соблазнить этих двух ненормальных охотников такой сумасшедшей идеей? Сафари в прошлое?

— Мне нужны были деньги на завершение работ по темпоральному приводу, — ответил Паскаль. — Но я не хотел, чтобы мое изобретение послужило недостойным целям. Тут я услыхал о мистере Кэботе и мистере Янси. Небедные люди и знаменитые охотники. Что может быть для них интереснее, чем охотничья экспедиция в прошлое? И все же убедить их оказалось непросто. Они согласились, только когда я поручил вам, мистер Камерон, проверку всех систем.

Кабот упрямо тряхнул головой:

— Все равно, доктор, не могу поверить, пока не увижу своими глазами. Риссвюрмский межледниковый период — пятьдесят тысяч лет назад. Неблизкий путь!

— Бифштекс из мамонта сегодня на обед будет для вас достаточно убедительным? — спросил Паскаль.

— Нам лучше отправляться, если вы, доктор, собираетесь сдержать это обещание, — сказал Камерон. — Инвентарь и запасы погружены, все системы работают нормально. Мы готовы.

— Хорошо, — согласился Паскаль, — Кто вызовется задраить люк и иллюминаторы?

Янси подошел к люку, замер на мгновение в проеме. Снаружи открывался вид на деревушку Эйлсфорд и на всю долину Темзы за ней. Земля с богатейшей историей, земля, о которой сложены легенды. Через несколько минут они отправятся сквозь эту историю назад, и далеко за ее пределы, в те времена, о которых не сложено легенд. Два американских охотника на самом безумном сафари всех времен.

Улыбаясь, Янси закрыл люк.

— Интересно, какая пуля вернее всего остановит саблезубого тигра? — задумчиво произнес он.

Когда он отвернулся от люка, темпоральный мозг уже светился зеленым светом. Доктор Паскаль был похож на горбатого гнома, стоящего перед огненной печью.

— Люк закрыт, — сообщил Янси.

— Иллюминаторы задраены, — сказал Кэбот.

— Хорошо, — ответил Паскаль.

Механизмы гудели негромко, почти неслышно.

Движение во времени совершенно не ощущалось, но, глянув в иллюминатор, Янси задохнулся от изумления.

Долина Темзы исчезла, лишь серая пелена небытия, в которой изредка мелькали бесформенные тени, липла к стеклам.

Машину времени затрясло; серая мгла снаружи поредела, а тени приобрели объем и форму.

— Движемся слишком быстро, — объяснил Паскаль, — Похоже, рельеф повышается. Можем напороться на что-нибудь, лучше притормозить. Природные объекты для нас не должны представлять опасности, но зачем рисковать?

— Рельеф и должен повышаться, — сказал Камерон, — Сейчас уже и Ла-Манша, наверное, нет. В рисс-вюрмский период Британские острова составляли одно целое с континентом, а Темзе до Северного моря путь был неблизкий.

Серая дымка в иллюминаторах почти рассеялась. Машина времени раскачивалась, как лодка на невысокой зыби. Внезапно снаружи разлилось ослепительное сияние. Янси прикрыл глаза. Машина времени взмыла, как на гребне гигантской волны, затем плавно опустилась.

— Прошли вюрмский ледник, — сказал Паскаль, — Добро пожаловать в рисс-вюрмский период!

— Нам незачем нестись сломя голову, — предупредил Камерон. — От последней встряски лампа в передатчике вылетела. Это не беда, есть чем заменить, но лучше радио не разбивать, может понадобиться.

Пространство за стеклами иллюминаторов очистилось от мути. Поблизости обнаружилось дерево, за ним — пейзаж, залитый лучами восходящего солнца.

Янси услышал голос Паскаля:

— Примерно семьдесят тысяч лет. Добрались до места.

Янси не мог отвести взгляд от иллюминатора. Машина времени стояла на вершине холма, откуда открывалась потрясающе прекрасная панорама. За невысокими холмами лежала долина, поросшая сочной зеленой травой, а внизу

сверкал серебром на солнце прозрачный поток. И повсюду виднелись темные крапинки — в тех, что поближе, легко угадывались пасущиеся стада.

Янси попробовал свистнуть — не получилось.

Он оторвался наконец от иллюминатора:

— Джек... их там тысячи!

Кэбот, однако, уже открыл люк.

Вчетвером они едва помещались в просвете люка.

Паскаль улыбнулся:

— Вот видите? Все, как я и обещал!

Кэбот порывисто вздохнул.

— Действительно, — признал он. — Такого и в Африке не увидишь.

— Фауна разных периодов, — сказал Паскаль, — Палеолит уходит, на смену приходит современный животный мир. Одни виды вымирают, другие зарождаются. Такие разнообразные стада никогда еще не паслись на земле — и никогда не будут пастись потом. Хищники и травоядные: пещерный медведь, саблезубый тигр, пещерная гиена, мамонт и шерстистый носорог, гигантский олень и тур, северный олень и другие современные животные...

— Есть где охотнику развернуться, — заметил Янси.

Кэбот согласно кивнул и спрыгнул на землю.

— Не желаете ли размять ноги, джентльмены? — предложил он.

— Сейчас не могу, — ответил Камерон, — У меня опять проверка всех систем.

Янси последовал за Кэботом.

— Вы бы винтовки с собой взяли, — посоветовал Камерон.

Кэбот рассмеялся.

— Мы недалеко, — ответил он. — Револьверов хватит.

Под ногами охотников пружинила густая трава, а склоны, обращенные к реке, покрывали густые заросли в человеческий рост. Некоторые холмы украшали причудливые

нагромождения скал, и повсюду кишела разнообразная дичь.

Янси остановился и поднес к глазам бинокль.

Через несколько минут он передал прибор Кэботу:

— Ты только посмотри на все это, Джек! Глазам своим не верю. Там, у реки, стадо мамонтов — у той большой рощи, видишь? Выше по течению реки — они же. Есть шерстистые носороги и бизоны — очень похожие на американских.

— Bos priscus — сказал Кэбот. — За последнее время я кое-что прочитал о фауне каменного века. Примитивная форма бизона. Если повезет, можем встретить и Bos latifrons. У этих расстояние между концами рогов до десяти футов. Но, возможно, они уже вымерли: гигантские бизоны обычным дедушками приходятся.

— А что за стадо там, за рекой? — спросил Янси, указывая пальцем.

Кэбот навел бинокль.

— Гигантские олени! — объявил он.

В этот момент сбоку и где-то совсем рядом раздался жуткий рык. Охотники на мгновение окаменели. Менее чем в сотне футов, на самом краю зарослей, стоял чудовищный медведь. Гигантский темно-бурый зверь, шести футов в холке, и подкрался совершенно незаметно...

Медведь мотал головой и пускал слюни. От его рева содрогалась земля.

— Боже милостивый! — прошипел Кэбот, — Дружище, не делай резких движений! Тихо, тихо, спиной вперед...

Янси взялся за револьвер. Кэбот краем глаза уловил движение:

— Идиот! Убери руку! Пулей сорок пятого калибра ты его разве только раздразнишь!..

Не сводя глаз с медведя, охотники медленно отступали к машине времени. Зверь разъярился окончательно: рев его раскатывался, как грохот поезда, летящего по мосту. От этого звука стыла кровь в жилах.

Янси споткнулся о выступающий из земли корень, но устоял на ногах. Медведь тряхнул головой, и на могучих лапах остались клочья пены, во все стороны разлетевшейся из пасти.

И тут медведь бросился на охотников. Только что он стоял на месте, а мгновение спустя уже мчался во весь опор, как лавина.

— Беги! — крикнул Кэбот, но крик утонул в грохоте выстрела.

Передние лапы медведя подломились, он ударился загривком о землю и кувырнулся. Уже на бегу, Кэбот разглядел в просвете люка Камерона и Паскаля, целящихся из тяжелых винтовок.

— Эй, стойте! Вы еще не туда попадете!

В три прыжка Кэбот добрался до люка. Паскаль охотно отдал ему винтовку:

— Никогда из такой не стрелял...

Кэбот повернулся обратно к медведю, который поднялся на лапы и стоял, пошатываясь, сверкая злобными поросячьими глазками и роняя пену, теперь уже красную.

Охотник аккуратно прицелился зверю между глаз и нажал на спуск. Медведь кашлянул и осел.

Янси утер пот тыльной стороной ладони:

— Так близко... никогда раньше... — прохрипел он.

— Пещерный медведь, — сказал Паскаль, — Видов крупных животных здесь много.

Камерон спрыгнул на землю.

— К тому же это не те виды, которые боятся людей и выстрелов. Здесь разве что неандертальцы живут — такому медведю их нечего бояться.

Янси еще раз провел рукой по лицу.

— Да, в таких местах мне бывать еще не приходилось. Вышли перекурить и осмотреться — и на тебе, сразу медведь!

Камерон расхохотался:

— Да, ты ему понравился. Отличный завтрак!

Янси поморщился, но промолчал.

Внезапно Кэбот указал пальцем на густую траву за тушей пещерного медведя.

— Там кто-то есть! — произнес он хриплым шепотом.

Молнией метнулась рыжеватая тень и опустилась на бурую медвежью тушу. Сверкающие клыки и могучие когти в одно мгновение спустили шкуру с мощного загривка. Заметив людей, хищник поднял окровавленную морду и отступил, рыча и скалясь.

Янси выхватил свой револьвер сорок пятого калибра. Первый выстрел раздался едва ли не раньше, чем оружие покинуло кобуру. Все шесть выстрелов слились в один удар грома, от которого у всех четверых искателей приключений заложило уши.

Рыча, хищник корчился под ударами тяжелых пуль. Когда курок сухо щелкнул по последней стреляной гильзе, он был еще жив. Зашипев, как кошка, зверь припал к земле и оскалил клыки, острые, как бритва, и длинные, как штык.

Янси торопливо перезаряжал револьвер. Кэбот выхватил свой, но тяжелая винтовка в руках Камерона успела прогреметь раньше, и гигантская кошка рухнула в траву. Кэбот вернул револьвер в кобуру.

— Саблезубый тигр, — сообщил Паскаль спокойно, будто они находились в зоопарке.

— Сколько же он принял свинца, прежде чем умереть... — Янси все еще дышал тяжело.

Опустив ствол винтовки, Камерон задумчиво рассматривал трупы:

— Это все меньше и меньше похоже на охоту. Похоже, нам тут придется стоять насмерть, как Кастеру...[4]

— Кровожадные твари! — согласился Янси, — И совсем нас не боятся.

---

[4] Подполковник Джордж А. Кастер, командир отрада федеральных войск, погибшего до последнего человека в сражении с индейцами на берегах реки Литтл Бигхорн, Монтана, 25 июня 1876 года.

Камерон дунул в казенник, выгнав из дула облачко голубоватого дыма:

— Интересно, каков на вкус бифштекс из пещерного медведя?

— Жесткий, как подметка, по всей вероятности, — предположил Янси, исследовав гигантскую тушу.

Глава 2

ЦЕНТАВРИАНЕ

С высоты шестисотого этажа стратосферного небоскреба Беркли, где располагалась штаб-квартира корпорации «Тайм тревэл», открывался фантастический вид. Черные и серебряные купола, геометрический узор парков, тонкие иглы башен, радужные арки и миллионы огней, растворяющихся в воздушной дымке, — Нью-Йорк выглядел сказочным городом.

Стиву Кларку это волшебное зрелище никогда не надоедало. Он нередко поднимался сюда по вечерам, чтобы посидеть и поболтать с Энди Смитом, одним из лучших пилотов «Тайм тревэл».

Развернув газетные листы в пятне света от одинокой настольной лампы, Смит углубился в пахнущий типографской краской свежий номер «Дейли рокет», который Стив Кларк прихватил с собой. В окружающей темноте угадывались канцелярские столы, шкафы и полки, заставленные скоросшивателями. Соседнее помещение представляло собой ангар для машин времени, стартовавших, при необходимости, прямо оттуда.

— Как дела? — спросил Кларк, удобно пристроив ноги на столе.

— Не так, чтобы очень бойко, — проворчал Смит. — На дворе пятьдесят шестой век, и путешествием во времени

никого не удивишь. Десяток-другой экскурсий в неделю, — Он ткнул пальцем в лиловые заголовки: — То ли дело у вас, газетчиков! Сплошные новости, особенно сегодня.

— Ага, — согласился Стив Кларк, — Центавриане выручают, в который раз. Аршинные заголовки, как обычно. Сегодняшний случай особенно хорош.

— Да уж... Камни бонго с Марса, а? Четырнадцать штук. Самая большая коллекция самых прекрасных камней во всей Солнечной системе.

— В точности так, — сказал Кларк, — Главного редактора чуть удар не хватил. Шутка ли, в самом деле: шанс заткнуть за пояс все остальные газеты! — Кларк рассмеялся. — Самое смешное, что получилось.

Энди Смит аккуратно сложил газету.

— А все же, Стив, кто такие центавриане? У меня такое чувство, что никто этого толком не знает...

— Во-первых, они самые выдающиеся пройдохи во Вселенной, — ответил Кларк, — Во-вторых... во-вторых, это все, что про них известно наверняка. Над самыми выдающимися сыщиками последних пяти веков они только смеялись. И не вижу причин, которые помешали бы им смеяться еще лет пятьсот. Или больше. Полиция даже не знает, где у них база, а если знает, то держит в секрете. И вообще мы против них выглядим полными идиотами. Давно ли они увели, притом с концами, транспорт с золотом прямо из-под носа межпланетной полиции? А ведь в операции по перехвату был задействован каждый полицейский Солнечной системы!

— То есть ты придерживаешься мнения, что центавриане действительно существуют? — спросил Смит. — Мафия негуманоидных суперменов?

— Как тебе сказать... — ответил Кларк. — Газетчики не так легковерны. Как ни странно, на их счету больше всего разрушенных мифов. И ты знаешь, как газетчик я могу утверждать, что центавриане — не гуманоиды. Однако на них списывают много такого, к чему они не имеют отношения ни сном, ни духом. С другой стороны, имеются бесспорные

свидетельства их существования. Не так много, всего два или три случая за последние пятьсот лет, но речь идет о достоверных, хорошо документированных событиях.

Все свидетели утверждают, что они покрыты чешуей и имеют хвосты и копыта. И еще важный признак, общий для всех связанных с центаврианами дел: они не играют по маленькой. Взять хоть эти камни бонго: десять миллиардов, как один цент. Очень на них похоже.

Смит задумчиво посвистел:

— А ты уверен, что они пришли именно с Альфы Центавра?

— Во всяком случае, они наверняка не имеют отношения к Солнечной системе. На планетах системы нет и не было ни одной формы жизни, которая была бы на них сколько-нибудь похожа. Подозреваю, что те, с кем мы сталкиваемся, — беглецы из своей системы. Возможно, они нашалили у себя дома и удрали, а здесь взялись за старое. Кем бы они ни были и откуда бы ни пришли, здесь им живется хорошо: делают что хотят и не то, что ни разу не попались — их только пару раз и видели!

Еще я читал, что их корабль, возможно, потерпел крушение на Земле. По крайней мере, нашлись какие-то обломки, и среди них то, что осталось от двух или трех пассажиров. Были это центавриане или кто еще — сказать на самом деле нельзя...

Стив Кларк раскурил венерианскую сигару.

— Но что бы они собой ни представляли, из них всегда получаются самые горячие новости!

Смит посмотрел на часы:

— Мне пора. Что, если мы на прощание заскочим в Париж пропустить по стаканчику?

— Почему бы и нет? — согласился Кларк.

Смит встал из-за стола, запихнул газету в карман и замер: в дверях стояли, сливаясь с темнотой, несколько черных силуэтов. В отраженном свете настольной лампы что-то тускло блеснуло.

Голос из темноты произнес с сильным, незнакомым акцентом:

— Пожалуйста, сядьте обратно.

Смит сел, а Кларк спустил ноги со стола и вскочил.

— Вы тоже, сэр.

Кларк повиновался. Несмотря на странное неразборчивое произношение, в голосе ощущалась несомненная угроза.

Медленно, величественно от группы отделилась фигура и приблизилась к пятну света на столе. Но даже вблизи о незнакомце нельзя было сказать ничего определенного: лицо и голову прикрывали темные очки и капюшон, а длинный плащ не давал разглядеть ноги.

Стив Кларк почувствовал, что волосы у него на затылке зашевелились.

— Чем могу помочь? — вежливо осведомился Смит.

— О, вы можете помочь, — произнесла фигура в черном.

В тусклом свете блеснули белые зубы, но лица было не разглядеть — темные очки и капюшон плаща скрывали все.

— Мне нужен темпоральный конденсатор.

Энди Смит изумился, но ответил, сохраняя хладнокровие:

— К сожалению, мы запасными частями не торгуем.

— Не торгуете? — В голосе незнакомца в черном прозвучал скорее вызов, чем вопрос.

— Нет спроса, — объяснил Энди Смит, — Машины времени есть только у «Тайм тревэл», и мы их используем под строгим государственным контролем. Поэтому вне нашей компании нужды в запасных частях нет и быть не может.

— Но запасные конденсаторы у вас есть?..

— Несколько штук, — согласился Смит. — При малейшем подозрении их нужно менять: никто не хочет застрять во времени.

— Мне это известно, — ответил некто в черном. — Но смею вас уверить, что есть по меньшей мере одна машина, не принадлежащая вашей компании. Например, у меня.

Незваный гость скрипуче рассмеялся. Во всяком случае, Энди Смит решил, что это был смех.

— Удивительно, но я приобрел машину у вашей компании много лет назад. Теперь мне нужен конденсатор. — Между складок черного плаща показалось неприятного вида дуло какого-то странного оружия, — Я могу взять то, что мне нужно, силой, но предпочитаю добровольное сотрудничество. В последнем случае я готов заплатить.

На краткий миг из-под плаща показалась рука и тут же спряталась обратно, оставив на столе несколько небольших округлых предметов, засверкавших в свете лампы всеми цветами радуги.

— Камни бонго. — Белые зубы сверкнули, — Не из тех, что украдены сегодня. Эти не числятся в розыске. Настоящие камни, стоят хороших денег.

Не сводя глаз с камней, Стив Кларк лихорадочно соображал. Камни бонго! Десять штук! Теперь понятно, кто сейчас перед ним стоит... Стало быть, центавриане все же не выдумка. К тому же он успел разглядеть руку, выбросившую камни на стол. Чешуйчатая, как лапа ящерицы. И этот звук шагов: копыта, а никакие не сапоги...

Сквозь вихрь мыслей до людей донесся голос:

— Я забираю конденсатор и ухожу отсюда. Камни остаются.

Смит в смятении промолчал.

Оружие в руке пришельца нетерпеливо дернулось:

— Не хотите — я вас пристрелю. А потом заберу конденсатор.

Кларк слышал, как Смит поворачивает ключ в замке сейфа, но оторвать взгляд от камней бонго не мог.

Теперь понятно, почему полиции так никогда и не удалось отыскать базу центавриан. Базы в каком-то конкретном месте не существует! Благодаря машине они не связаны конкретной областью пространства или времени! Сегодня они могут ограбить копи царицы Савской, а завтра похитить

сокровища отдаленного будущего, сокровища, которых сейчас и представить себе нельзя!

— Ловко! — произнес он вслух. — Чертовски ловко!

Энди Смит стоял рядом с Кларком и тоже смотрел на камни. В комнате больше никого не было.

— Отдал конденсатор? — спросил Кларк.

Смит кивнул, не в силах пошевелить языком в пересохшем рту:

— Мне ничего не оставалось, Стив.

Кларк показал на камни:

— А с этим что будем делать, Энди?

— Не знаю... Их здесь не продать. Да и в других местах тоже. Нас на всякий случай посадят, легко докажут, что мы их украли, и отправят в шахты на Луну.

— Есть способ. — Кларк кивнул в сторону ангара, где стояли машины времени.

Смит облизнул сухие губы:

— Интересная мысль... В конце концов, наши друзья однажды уже украли машину времени. И компания не сообщила о потере. Испугалась ответных мер со стороны государства, надо полагать.

В комнате повисла зловещая тишина.

— Это точно были центавриане, Стив?

Кларк молча кивнул.

— Меня уволят, Стив! Уволят в любом случае после того, как я десять лет на них проработал!

В коридоре за дверью послышался звук шагов. Кларк молниеносно прибрал со стола камни.

— Не годится, чтобы нас сцапали с этим, — прошептал Кларк хрипло. — В ангар, быстро!

Друзья нырнули в темный дверной проем и притаились под крылом одной из машин. В комнате, которую они только что покинули, появились три фигуры, на этот раз человеческие и в полицейской форме.

— Что здесь происходит? — потребовал один из них, непонятно от кого.

Ответом была густая тишина.

— Тот парень сказал, что отсюда вышли несколько странных типов. Что он имел в виду?

— Посмотрим в ангаре, — предложил один из полицейских. Он посветил фонариком, едва выхватив из темноты Смита и Кларка.

Смит потянул приятеля за рукав:

— Нам нельзя здесь оставаться!

Кларк кивнул, хотя в темноте этого нельзя было разглядеть. Был только один способ выбраться отсюда...

Вдвоем они чуть не застряли в просвете люка.

— Ну, вот, — сказал Смит, — Мы теперь преступники, Стив. Шлюз раскрылся, и машина времени, накренившись, вылетела наружу.

Загудел темпоральный привод, и двое друзей, вместе с десятью камнями бонго, провалились в глубины времени.

Глава 3

СОКРОВИЩЕ НЕ КО ВРЕМЕНИ

Для старика Одноглазого подходила к концу последняя битва его жизни. Когти гигантской кошки вырвали из рук каменный топор, сломали топорище и отбросили оружие далеко в сторону. Из глубокой раны в плече стекала по волосатой груди алая кровь.

Одноглазый понимал, что бежать от саблезубого тигра бесполезно. Неандерталец сгорбился в позе борца и, яростно сверкая единственным глазом, приготовился к бою.

Гигантская кошка взревела, хлеща хвостом, и припала к земле перед прыжком.

Одноглазый знал, что сейчас произойдет. Он далеко не в первый раз встречался с саблезубым тигром, только до сегодняшнего дня выходил победителем. Вместе с

соплеменниками он отражал атаки пещерного медведя, преследовал и убивал могучего мамонта. В свое время Одноглазый был великим охотником и непобедимым воином, но сегодня настал его час. Голые руки — не оружие против клыков и когтей саблезубого тигра. Для Одноглазого пришло время умирать.

Позади тигра затрещали кусты, и зверь немедленно развернулся навстречу новой угрозе. Одноглазый замер.

Конрад Янси упер приклад в плечо.

— Дело зашло достаточно далеко, — сказал он, — По мне, так человек должен всегда защищать своих.

В реве гигантской кошки смешались страх и ярость.

Охотник прицелился в уродливую голову и выстрелил. Саблезубый тигр подпрыгнул, визжа от боли. Янси выстрелил еще раз, и кошка опрокинулась на спину, кашляя кровью.

Над поверженным зверем Одноглазый и Янси обменялись взглядами.

— Ты здорово дрался, — сообщил Янси неандертальцу, — Я видел все с самого начала. Рад, что сумел помочь.

Одноглазый в ужасе таращил глаза, потрясенный небывалыми запахами, которые принес с собой чужак, вооруженный сверкающим копьем. Говорящее громовым голосом копье пахло по-своему, так резко, что Одноглазый с его чувствительным обонянием едва сдерживал кашель.

Янси осторожно сделал шаг в сторону неандертальца. Тот вздрогнул и напрягся, готовый убежать, и охотник замер, затаив дыхание.

Янси разглядел, что неандерталец в свое время лишился глаза — вооруженная длинными когтями лапа провела глубокие борозды по его лицу. Грубые рубцы красноречиво свидетельствовали о жестокой схватке на диких просторах.

Невысокий, неуклюжий с виду и сутулый, неандерталец олицетворял собой первобытную мощь. Голова сидела на толстой, как ствол дуба, шее, могучие руки свисали почти до колен кривых ног, а все тело покрывали густые волосы.

Колючие брови на выступающих надбровных дугах были белы, как снег; белые отметины виднелись и на других местах.

— Стареешь... — сказал Янси, почти про себя. — Уже не так быстр, как раньше, а? Когда-нибудь ты не успеешь вовремя, и кошка до тебя доберется.

Конрад Янси шагнул вперед еще раз, стараясь не делать резких движений, но для неандертальца это оказалось уже слишком: он сипло вскрикнул от ужаса и бросился прочь, вниз по склону холма, в спасительную чащу.

Вернувшись к машине времени, Янси рассказал историю схватки между саблезубым тигром и пещерным человеком, как он смотрел, как колебался и как в конце концов спас жизнь неандертальца.

Это была не единственная история того дня. Кэбот и Камерон, охотясь в нескольких милях к востоку, встретили огромного мамонта. Зверь атаковал, и лишь четыре пули крупного калибра, умело и аккуратно посланные в цель, в конце концов остановили его. Паскаль, оставшийся охранять машину времени, тоже не скучал: ему пришлось отгонять пещерного медведя, а ближе к вечеру лагерь окружила стая из пяти волков самого свирепого вида. Они убрались, только когда Паскаль подстрелил двоих.

Да, эта земля изобиловала дичью и знала лишь закон могучего клыка и острого когтя! Крупные животные охотились на мелких, а гигантские на крупных; человек придет сюда еще не скоро, что уж говорить о смягчающем влиянии цивилизации. Кучка неандертальцев, скрывающихся в темных, сырых пещерах, погоды не делала.

Но эти дикие, первобытные места, которые впоследствии станут Британскими островами, оказались лучшим охотничьим заповедником, в каком доводилось бывать Кэботу и Янси. Стрелять, защищаясь, приходилось так же часто, как и для того, чтобы подстрелить дичь. С течением времени охотники узнали, что на пещерного медведя может уйти больше свинца, чем на слона, а саблезубый тигр, напротив,

не настолько живуч, как кажется, и что завалить мамонта может только самый хороший стрелок и только из самой мощной винтовки.

На бескрайних ночных просторах лишь серый фюзеляж машины времени в мерцающем свете костра говорил о том, что в этом мире возможна цивилизованная жизнь. Над восточным горизонтом поднялась кроваво-красная луна, освещая землю, где живые существа лишь рычали и скулили, охотились и скрывались.

На следующее утро в лагерь пожаловал гость. В кустах на краю лагеря прятался старик Одноглазый, изучая обстановку. Внезапно он исчез, так быстро и бесшумно, что Янси только протер глаза, думая, не привиделось ли ему.

В течение дня Янси и Кэбот не раз замечали, как Одноглазый украдкой следует за ними.

— Может, он никак не наберется храбрости подойти поближе и сказать тебе спасибо, что спас его жизнь? — предположил Кабот.

Янси хмыкнул:

— А что мне оставалось делать, Джек? С одной стороны, он вроде бы животное, а с другой — все-таки человек. В таком месте лучше стоять за своих. К тому же он смелый старикашка: готов был схватиться с кошкой голыми руками.

В лагере Паскаль оценил рассказ охотников с научной точки зрения:

— Естественное любопытство, я думаю. Первые проблески интеллекта. Пытается понять, что к чему. Он сейчас всерьез напрягает те мозги, которые у него есть.

Камерон искоса глянул на Янси:

— Может быть, он почуял, что ты его потомок. Сотое поколение, но все же...

— Вот этого как раз не может быть, — возразил Паскаль. — Неандертальцы не являются предками человека. Они не то вымерли сами, не то их уничтожили кроманьонцы,

которые здесь появятся через десять — двадцать тысяч лет. Тупиковая ветвь. Неудавшийся эксперимент природы.

— А выглядит совсем как человек, — с сомнением произнес Янси.

Одноглазому лагерь путешественников во времени явно понравился. День за днем он болтался вокруг, а во время охотничьих экспедиций в почтительном отдалении следовал за Янси. Понемногу он стал смелее. В подходящих местах специально для него оставляли мясо, которое он поначалу утаскивал в заросли. С течением времени он перестал стесняться: садился прямо на виду у охотников, негромко рыча, разрывал мясо руками и зубами и отправлял сочащиеся кровью куски в рот.

Он слонялся вокруг костра, как бродячий пес, открывший источник сытой жизни. Каждый вечер он подходил к огню все ближе и ближе, садился на корточки и что-то лопотал, ожидая, когда ему дадут поесть.

И однажды, окончательно уверившись, что ему ничего не грозит, он присоединился к людям, щурясь на огонь и возбужденно лопоча.

— Возможно, это он с нами разговаривает, — предположил Паскаль, — Если и так, язык очень примитивен. Десятка полтора слов, не больше.

Потом выяснилось, неандерталец любит, чтобы ему чесали спину. Удовольствие он выражал, похрюкивая, как счастливый поросенок. Еще он привык выпрашивать кусочки сахару.

— Надо же, обзавелись домашним любимцем, и как далеко от дома! — сказал Камерон.

— Он нечто большее, Хью, — покачал головой Янси.

Между Янси и неандертальцем сложились отношения, очень похожие на дружбу. Когда по вечерам одноглазый дикарь входил в круг света у костра, он всегда усаживался рядом с Янси. Болтал он тоже обычно с Янси, а днем, на охоте, следовал за ним, как косолапая тень, когда — в почтительном отдалении, когда — открыто и рядом.

Однажды вечером Янси дал неандертальцу нож. Любопытно, сообразит ли пещерный человек, что это такое? И Одноглазый действительно понял, что этот чудесный кусок блестящего металла подобен ручным рубилам, которыми его народ снимает шкуры с убитых животных!

В восторге Одноглазый пускал слюни, поворачивая нож и так, и эдак. Он возбужденно тараторил, касаясь плеча Янси с неуклюжей ласковостью. Внезапно неандерталец покинул круг света у костра и бесшумно растворился во тьме — ни один сучок под ногами не хрустнул.

Янси сонно протер глаза:

— Интересно, что это старый дурак затеял?

— Не терпится опробовать новую игрушку, — предположил Кабот, — Обмыть подарок свежей кровью.

Янси прислушался. Совсем недалеко тоскливо рычал саблезубый тигр; подальше, у реки, ревел мамонт.

Янси с сомнением покачал головой:

— От всей души надеюсь, что наш приятель сейчас хорошенько смотрит, куда идет. Старость не радость, и он уже не так скор, как когда-то. Боюсь, для того тигра он окажется легкой добычей.

Но прошло не более четверти часа, и Одноглазый вернулся, так же бесшумно, как и исчез.

Оглянувшись через плечо, Янси увидел неандертальца в одном шаге за спиной. Одноглазый вытянул руку, сжатую в кулак; между пальцами в свете костра что-то сверкнуло.

— Он тебе принес подарок, — сказал Паскаль, — В обмен на твой нож. Он знает, что такое натуральный обмен. Поразительно!

Янси встал и протянул руку ладонью вверх. Одноглазый с готовностью уронил в нее сверкающий предмет. Охотник невольно зажмурился: даже в тусклом свете костра предмет сверкал так, что глазам было больно.

Драгоценный камень! Прозрачный, а в самом сердце горит льдистый голубой огонек! Янси благоговейно повернул его — грани заискрились всеми цветами радуги.

— Что это, Янси? — спросил Кэбот шепотом.

— Бриллиант. — Голос Янси сорвался, — Бриллиант, как видишь, — с кулак величиной!

— Вот именно! Камень, ограненный мастером-ювелиром!

Янси кивнул:

— Остается понять, что делает ограненный алмаз в раннем палеолите.

Глава 4

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

Одноглазый указал пальцем в устье пещеры и возбужденно залопотал. Янси ласково потрепал его по плечу, и неандерталец затанцевал от радости.

— Ну вот мы и пришли, — сказал Янси.

— Очень надеюсь, — заметил Камерон, — Пришлось-таки попотеть, объясняя, что нам нужно. Я и сейчас с трудом верю, что у нас получилось.

Кэбот помотал головой:

— Все равно я ничего не понимаю! Неандерталец и бриллианты. Бриллианты величиной с кулак!

— Пойдемте посмотрим, — предложил Янси.

Устье пещеры круто уходило вниз. Вслед за Одноглазым путешественники во времени друг за другом соскользнули в круглую камеру, тускло освещенную отблесками дневного света от входа. Кэбот включил фонарик и не сдержал изумленного возгласа.

На полу пещеры, вдоль стен, сложенные в пирамиды, как пушечные ядра, и просто россыпью, в лучах фонарика сверкали и переливались драгоценные камни.

— Ура! — завопил Камерон.

Стоя на коленях, Паскаль запустил руки в груду камней, вытащил горсть, ссыпал обратно. Пещера наполнилась деликатным шепотом.

Кэбот посветил фонариком вокруг. Груды камней; аккуратные штабеля золотых слитков, отлитых будто вчера; серебристые бруски иридия и платины; сундуки кованой меди; кожаные мешки, переполненные золотыми самородками.

Дрожащей рукой Янси оперся о стену.

— Боже милостивый! Сокровищница императору впору!

Луч фонарика на мгновение выхватил из мрака потрясенное лицо доктора Паскаля.

— Но как?! Откуда здесь взяться металлургам и ювелирам?

Из темноты раздался рассудительный голос Камерона:

— Объяснение обязательно должно найтись. Сокровищница погибшей цивилизации, например...

— Не похоже, — сказал Паскаль, — Слитки будто вчера отлиты. Да и платина известна лишь с недавних пор, не говоря уж об иридии.

В голосе Кабота зазвенел металл.

— Спорить о происхождении всего этого будем потом, — сказал он, — Паскаль, ты и Хью — подгоните сюда машину. Мы с Янси начинаем выносить ценности наверх прямо сейчас.

Подниматься к устью пещеры с грузом на плечах было нелегко. Выбравшись наружу, Янси сбросил мешок с драгоценными камнями на землю и отер пот со лба.

— Работенка, однако, — сказал Янси Камерону.

Камерон кивнул:

— Ничего, конец уже виден, — утешил он. — Еще часок-другой — и мы все погрузим. Потом можно и домой.

— Разумная мысль, — согласился Янси, — Мне тоже не по себе. Кто-то ведь все это здесь спрятал. Понятия не имею,

кто и как, но только мне почему-то кажется, что лучше нам не попадаться на глаза хозяевам.

Паскаль выбрался из пещеры и сбросил на землю золотой слиток.

— Пойду к машине, попью водички. Потом поволоку эту чушку дальше, — объявил он.

И когда Янси наклонился за своим джутовым мешком, раздался и заметался эхом между скал крик доктора Паскаля.

Мгновение назад на склоне холма, на вершине которого стояла машина, не было ничего, кроме нескольких валунов и отдельных деревьев. Сейчас там стоял обтекаемый черный

аппарат с кургузыми крыльями, чем-то похожий на самолет. Его контуры были размыты, как у миража в пустыне; мгновение спустя силуэт его стал ясным и четким.

Догадка оглушила Янси, как удар в челюсть: вот они, хозяева сокровищ!

Охотник выхватил револьвер.

Люк открылся, и наружу выпрыгнул человек... Но человек ли? Существо щеголяло длинным хвостом, чешуей и парой трехдюймовых рожек на лбу.

И еще пришелец имел в руке оружие — да такое, какого Янси в жизни не видел. Дуло загадочной «пушки» пошло

вверх, и револьвер сорок пятого калибра в руках охотника ожил. Краем глаза Янси заметил револьвер в руке Камерона, услышал грозный щелчок взведенного курка.

Первый пришелец упал, но из люка уже сыпались другие.

Отрывисто пролаял револьвер Камерона, и тут же солидно взбрыкнула пушка Янси, который и не почувствовал, как нажал на спуск.

«Ствол» в руках одного из чешуйчатых чудовищ плюнул карандашным лучом лилового пламени; горячее дыхание обожгло Янси щеку.

Перед машиной времени неподвижно, как пустой мешок, лежал доктор Паскаль. Над ним стоял Кэбот, энергично отстреливаясь. Еще один лиловый луч протянулся к Янси, но попал в булыжник поблизости. Булыжник раскалился и начал крошиться.

Гигантскими прыжками Янси спустился вниз по склону, туда, где лежал Паскаль, подхватил старого ученого под мышки и рывком приподнял. Он успел бросить взгляд в сторону чужой машины: в открытом люке виднелись какие-то приборы, масса светящихся трубок...

В следующее мгновение вся эта техника с оглушительным грохотом взорвалась. Янси глянул на соседа, чтобы увидеть на лице Кэбота выражение варварского триумфа: его работа!

Шатаясь, Янси подтащил Паскаля к люку машины времени. Навстречу протянулись руки и помогли забраться внутрь.

Постепенно в голове охотника несколько прояснилось. Янси сидел на полу, рядом неподвижно лежал доктор Паскаль. Теперь было ясно, что он мертв: грудь сожжена одним из лиловых лучей.

Кэбот тщательно задраил люк и повернулся к товарищам.

— Кто это такие, Джек? — спросил Янси, все еще плохо соображая.

Кэбот устало покачал головой вместо ответа.

— А ты не узнал? — спросил Камерон. — Рога, копыта, хвосты — черт собственной персоной, в нескольких экземплярах. Вот откуда пошли рассказы о дьяволе.

Янси поднялся на ноги, не сводя глаз с Паскаля.

— Не могу поверить, — прошептал он, — Такой славный был старикашка...

Камерон только кивнул, поджав губы.

От иллюминатора подал голос Кэбот:

— Эти черти что-то затевают! Боюсь, нам мало не покажется... — Он повернулся к Камерону: — Ты можешь сплавить нас куда-нибудь отсюда, Хью?

— Пожалуй, — сказал Камерон, секунду поразмыслив, — Но я бы предпочел не спешить. Думаю, несколько минут у нас еще есть. Этот темпоральный мозг — капризная штука. Зная общий принцип и располагая временем, я был бы более уверен в успехе. Но если времени нет, придется рисковать.

Он подошел к темпоральному мозгу и перекинул тумблер. Хрустальный шар засветился призрачным зеленым светом.

— Та штука — тоже машина времени, — сказал Янси, — Это объясняет бриллиантовую заначку. Закопать награбленное в иные времена здесь — блестящая идея!

— Забрались в прошлое чуть дальше нас, чтобы припрятать очередную порцию, а тайничок-то пуст! Потом сдвинулись обратно и нашли воришек...

Камерон хлопнул себя по бедру:

— Я придумал! Все это означает одно: в нашем будущем путешествия во времени — обычная практика, и тогда эти копытные — тамошние преступники. А раз так, мы можем рассчитывать на признательность тамошних правоохранительных органов!

— Это здорово, но как послать им весточку? — спросил Кэбот, — Как они узнают, что нам нужна помощь?

— Есть один маленький шанс, — ответил Камерон, — Если не сработает, я всегда могу попробовать вернуться в двадцатый век, хотя тут девять шансов из десяти, что я нас всех угроблю.

— Ну, так что же ты придумал?

— Паскаль говорил, что «темпоральная энергия», которую генерирует этот самый мозг, сродни обычному электричеству. Насколько глубоки различия, я не знаю, хотя

это жизненно важно. По крайней мере, темпоральный привод работает на темпоральной энергии, хотя другие системы работают на обычном электричестве.

— Хотел бы я знать, — продолжил Камерон после паузы, — сгодится ли темпоральная энергия для питания радиостанции?

— А какая нам разница? — огрызнулся Янси.

— Может, нам удастся отправить радиосигнал по всем временам? — предположил Камерон.

— Насколько я понимаю, темпоральный мозг довольно маломощный, — усомнился Янси.

— Я рассчитываю, что особой мощности нам и не понадобится, — сказал Камерон. — Это ведь не более чем выстрел наудачу...

— Звучит неплохо, — заключил Янси, — Почему бы не попробовать?

Камерон перекинул тумблер вниз, забрался в потроха темпорального мозга и электрическими проводами подключил его к радиостанции, затем снова включил питание. Передатчик негромко загудел.

— Ты бы особо не тянул, — забеспокоился Кэбот, — Они там, знаешь ли, начали пробовать на нашей машине эту лиловую гадость...

Камерон твердо заговорил в микрофон:

— SOS... SOS... Экспедиция путешественников во времени терпит бедствие в долине Темзы близ деревни Эйлсфорд, примерно за семьдесят тысяч лет до наступления двадцатого века. Экспедицию атакуют существа, напоминающие дьявола, каким он описан в позднейших мифах. SOS... SOS... Экспедиция путешественников во времени терпит бедствие в долине Темзы...

Камерон повторял сообщение снова и снова.

Янси и Кэбот не отрывались от иллюминаторов.

Чешуйчатые черти, окружив машину, методично поливали ее лиловыми лучами, стоя спокойно и равнодушно, как статуи. Воздух в машине уже начал разогреваться, обшивка стала теплой на ощупь.

Внезапно внутренность кабины осветила изумрудная молния. Янси и Кэбот обернулись.

Темпоральный мозг превратился в груду обломков.

— Взорвался, — констатировал Кэбот. — Лиловые лучи, надо полагать. Так что, если наш сигнал бедствия не прошел, нам конец. Темпоральный привод без мозга не работает.

— Смотрите! — закричал Кэбот.

Камерон и Янси бросились к иллюминаторам.

На склон холма опускалась черная машина, точно такая же, как у чешуйчатых чертей.

Те в ужасе бросились кто куда, но тщетно: лиловые молнии нашли их всех и обратили в пепел.

— Сработало! — задохнулся от восторга Янси, — Наше радио сработало!

Глава 5

ОХОТНИКИ ЗА ОСТРЫМИ ОЩУЩЕНИЯМИ

— Мы не можем вернуться в пятьдесят шестой век. Стив и я угнали машину времени. Вам, наверное, в этом смысле повезло, потому что никто другой, кажется, вашего сигнала не принял. Если нас поймают — это пожизненный срок на Меркурии. За все время были угнаны две машины. Первая — вон там. — Энди Смит указал на обломки, разбросанные по склону холма.

— Зачем забивать себе голову всякой ерундой? — спросил Янси. — Есть машина, которая доставит нас в любое место в любом времени, куда мы захотим. Места в ней хватит на всех, а сокровищ и подавно. И стоит ли ломать голову, куда отправиться? Можно просто полетать там и тут, а где понравится — задержаться. Как центавриане. Лично мне возвращаться в двадцатый век ни к чему: меня там никто не ждет.

— У меня есть тетка, старая дева, — сообщил Кэбот. — Но я ей никогда не нравился. Она всегда считала, что я должен остепениться и делать деньги — приумножать семейное достояние. Охота для нее — детские глупости.

Все четверо повернулись к Камерону. Он ухмыльнулся:

— А мне интересно узнать, чего достигнет мировая наука в ближайшую пару-тройку сотен тысяч лет. Может, удастся освоить парочку самых интересных фокусов из тех, что

тогда будут в ходу. Снять сливки, так сказать. А если повезет, сможем и машину времени усовершенствовать.

— Жаль, что мы так мало знаем о темпоральном мозге, — кисло заметил Смит, — Я, например, не понимаю, как он работает. В пятьдесят шестом ничего такого нет. Наши машины перемещаются за счет искривления линий мирового континуума.

Друзья замолчали. Со стороны реки донесся рев мамонта.

— А кто последний раз видел Одноглазого? — спросил Янси.

— Я не видел, — сказал Камерон. — Думаю, он спрятался от этого фейерверка куда подальше.

— Кстати, — спросил Стив Кларк, — как мы поступим с телом доктора Паскаля?

— Оставим здесь, — предложил Янси, — в старой машине. Трудно представить для него более подходящий склеп. Пусть спит рядом со своим творением — темпоральным мозгом. Доктор не оставил никаких записей, и второй такой никто никогда не построит. Он собирался написать книгу, но так и не написал. Везти его обратно в двадцатый век тоже нет смысла: никто, в особенности власти, нам не поверит. Там нас попросту посадят, и еще хорошо, если в сумасшедший дом.

— Мы можем просто вернуть его домой, — сказал Кабот. — Рано или поздно кто-нибудь найдет тело.

Янси покачал головой:

— Бессмысленная затея. Представьте, что начнется, когда его найдут. Вообразите, себе результаты вскрытия, и что будет делать Скотланд-Ярд с новой криминальной тайной... Доктор бы предпочел, чтобы его оставили здесь.

— Звучит разумно, — согласился Камерон.

— Значит, решено, — сказал Смит, поднимаясь на ноги, — Может, начнем? У нас много дел.

Кларк рассмеялся.

— А забавно вышло с центаврианами, — сказал он, широким жестом указывая на обломки, — Пять сотен лет эти хвостатые бандиты грабили кого хотели и как хотели, и прятали добычу в доисторические времена. И все только для того, чтобы пятеро землян могли провести остаток своих дней, странствуя, где и когда хочется.

Энди Смит задумался.

— Но ведь у центавриан тоже была какая-то цель! Они накопили миллиарды долларов в виде драгоценных материалов. Зачем? Уж наверняка не для того, чтобы любоваться. И не из спортивного интереса. На что они собирались все это употребить?

— Вот вопрос, на который мы никогда не узнаем ответа, — сказал Камерон.

Старик Одноглазый сидел на корточках.

Снаружи шел снег, но внутри машины времени было хорошо. В ворохе мехов тепло, в сторонке сложены запасы еды — что еще человеку надо?

Одноглазый клевал носом, завернувшись в шкуру мастодонта. Для старого неандертальца настали легкие и приятные времена. Чужое племя, которое забрело в долину Темзы, нашло Одноглазого живущим в сверкающей пещере и приняло за бога. С тех пор они приносили ему еду, меха и оружие, чтобы умилостивить его и снискать благоволение. Это было правильно, потому что кто, кроме бога, может жить в прекрасной пещере из сверкающего гладкого камня, куда не проникают ни сквозняки, ни хищные звери?

Одноглазый дремал, и ему снился день, когда из любопытства и от нечего делать он подергал за рукоять крышки люка. Открылась металлическая дверь, и началась новая жизнь.

С того дня машина времени стала его пещерой. Он прожил в ней много лет и зим и проживет остаток своих дней.

Одноглазый не забыл необыкновенных друзей, которые явились к нему в этой сверкающей пещере. Их нет, они

ушли, давным-давно. Одноглазый скучал: без друзей ему было одиноко. Он надеялся, что они когда-нибудь вернутся.

Неандерталец глубоко вздохнул, шлепая губами. Настанет день, когда они вернутся. А пока ему надлежит ревниво охранять и почтительно заботиться о том из них, чьи кости аккуратно уложены там, в углу.

Уходя, друзья тоже не забыли об Одноглазом. Разве они не оставили специально для него тот большой сверкающий камень, что он преподнес им в обмен на острый, блестящий нож?

Одноглазый удовлетворенно пошлепал губами, глядя, как искрится и сверкает в руке внутренним огнем драгоценный камень.

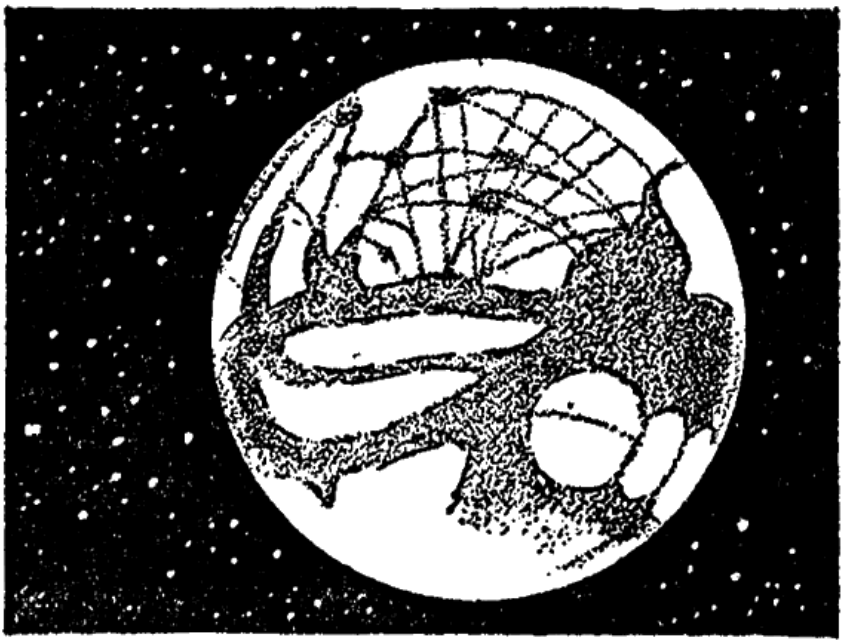
На самом деле камень забыли случайно, но старик об этом не знал. Одноглазый бережно хранил в сердце своем мысль, что друзья оставили ему символ — залог того, что когда-нибудь они вернутся и вновь будут сидеть вокруг костра, давать ему лакомые куски и чесать спину — там, где больше всего чешется.

Снаружи тоскливо завывал ветер, косо летели снежные облака. В долине Темзы бушевала метель.

Но Одноглазому, зарывшемуся в меха, было тепло и уютно. На склоне лет он сыт и спокойно смотрит в завтрашний день; для своих современников — бог, играет бриллиантом с кулак величиной и плюет на погоду.

Из дальнего космоса возвращался домой «Привет, Марс-IV» — первый звездолет, достигший Красной планеты. Его обнаружили телескопы Лунной обсерватории, что располагалась в кратере Коперник; на Землю сразу же ушло сообщение с координатами корабля. Несколько часов спустя земные приборы засекли в небе крохотную мерцающую точку.

Два года назад те же самые телескопы провожали звездолет в путь — до тех пор, пока серебристый корпус корабля не затерялся среди звезд. С того дня «Привет, Марс-IV» не подавал никаких сигналов; и вот теперь Лунная обсерватория, заметив вдалеке пятнышко света, известила Землю о его появлении.



Поддерживать с кораблем связь во время полета не представлялось возможным. На Луне находились мощные радиостанции, способные передавать ультракоротковолновые

сообщения на расстояние в четверть миллиона миль, отделявшее Луну от Земли. Но это был предел: о связи через пятьдесят миллионов миль не приходилось и мечтать. Так что звездолет словно сгинул в пространстве, оставив людей на Земле и Луне гадать об участи экипажа.

Ныне же, когда Марс вновь очутился напротив Земли, корабль возвращался, корректируя курс — из дюз то и дело вырывалось пламя; стальной комарик мчался к родной планете, прочь из таинственного безмолвия, резво преодолевая милю за милей. Он возвращался победно, его корпус покрывал слой красной марсианской пыли.

На борту звездолета находились пятеро отважных мужчин — Томас Делвени, начальник экспедиции; рыжеволосый навигатор Джерри Купер, лучший кинооператор мира Энди Смит и еще двое астронавтов, Джимми Уотсон и Элмер Пейн — суровые ветераны, принимавшие когда-то участие в покорении Луны.

Этот «Привет, Марс» был четвертым — три предыдущих корабля так и не вернулись, три запуска окончились неудачей. Первый звездолет в миллионе миль от Луны столкнулся с метеоритом. Второй — это было видно в телескопы — полыхнул пламенем и превратился в алое пятно: взорвались топливные баки. Третий попросту исчез — летел себе и летел, пока не пропал из виду; шесть лет подряд специалисты ломали головы над тем, что же произошло, но так и не пришли ни к какому выводу.

Тем не менее четыре года спустя — то есть два года назад — с Земли стартовал «Привет, Марс-IV». Теперь он возвращался — серебристая точка в черном небе, — сверкающий символ человеческого стремления к другим планетам. Он достиг Марса — и вот теперь возвращается. За ним полетят другие; некоторые погибнут, сгинут без следа, однако кому-то посчастливится, и человечество, столь настойчиво и слепо пытающееся разорвать земные путы, наконец-то ступит на дорогу к звездам.

— Как, по-вашему, док, что они там нашли? — Джек Вудс, корреспондент «Экспресс», закурил сигарету.

Доктор Стивен Гилмер, председатель Комиссии по межпланетным сообщениям, выпустил клуб дыма — он курил сигару — и ответил, не скрывая раздражения:

— Откуда, черт побери, мне знать? Надеюсь, что хоть что-то. Эта прогулка обошлась нам в миллион баксов.

— Ну а все-таки, док? — не отступался Вудс, — Что они могли там обнаружить? Без подробностей, в общих чертах. На что похож Марс?

— Я скажу, а потом вы поместите мои слова на первой странице, — брюзгливо отозвался Гилмер, пожевав сигару. — Не желаю ничего придумывать. Вечно вам невтерпеж. Знаете, ребята, порой вы меня изрядно достаете.

— Док! — умоляюще воскликнул Гэри Хендерсон из «Стар». — Скажите нам хоть что-нибудь.

— Точно, — поддержал коллегу Дон Бакли из «Спейсуэйз». — Какая вам разница? Вы ведь всегда можете заявить, что мы неправильно вас поняли. Такое случается сплошь и рядом.

Гилмер указал на стоящую чуть поодаль группу — членов официального комитета по встрече.

— Почему бы вам не пообщаться с мэром? Он наверняка не откажется.

— Конечно, — согласился Гэри, — но опять отделается пустыми фразами. И потом, мы так часто печатали его фотографию на первой полосе, что он, похоже, решил, будто владеет газетой.

— Как вы думаете, почему они не выходят на связь? — спросил Вудс. — Корабль уже несколько часов в зоне слышимости.

— Может, у них сломался передатчик, — предположил Гилмер, перекатив сигару из одного уголка рта в другой.

Чувствовалось, что он обеспокоен молчанием звездолета. Доктор наморщил лоб. Неужели передатчик поврежден настолько серьезно, что его невозможно починить?

Шесть часов назад корабль вошел в атмосферу и принялся кружить по орбите, гася огромную скорость. Весть о прибытии звездолета быстро распространилась по планете, и на космодром хлынули любопытные. Людей становилось все больше, на близлежащих шоссе возникли громадные пробки, полицейские кордоны с трудом удерживали толпу зевак, что норовили попасть на посадочную площадку. День выдался жаркий, прохладительные напитки шли нарасхват. У кого-то из женщин случился обморок; кого-то нечаянно повалили наземь и затоптали. Какое-то время спустя завыла сирена «скорой помощи».

— Уф! — выдохнул Вудс, — Посылаем корабли на Марс, а управлять толпой до сих пор не научились, — Он выжидающе уставился в ярко-голубое небо, — Скоро должен появиться.

Конец фразы репортера заглушил нарастающий рев, от которого, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Из-за горизонта вынырнул звездолет; сверкнув на солнце, он пронесся над космодромом, сопровождаемый восторженным ревом толпы, который на мгновение как будто даже перекрыл грохот двигателей, и исчез в отдалении, полыхнув носовыми дюзами.

— Купер выжимает все, что может, — благоговейно произнес Вудс. — Корпус, того и гляди, расплавится.

Он поглядел на запад, вслед исчезнувшему из виду кораблю. Сигарета, про которую Вудс совсем забыл, обожгла ему пальцы. Краем глаза он заметил фотокорреспондента «Экспресс» Джимми Эндрюса.

— Ты успел снять? — рявкнул Вудс.

— Еще чего! — крикнул в ответ Эндрюс, — Попробуй-ка сними молнию!

Звездолет показался снова. Он летел медленнее, однако его скорость по-прежнему ужасала. На какой-то миг корабль словно завис в воздухе, после чего клюнул носом и устремился к космодрому.

— Он не сядет на такой скорости! — завопил Вудс, — Он же разобьется!

— Осторожно!

Этот звук вырвался сразу из доброй дюжины глоток. Корабль приземлился — вонзился носом в землю, оставив позади себя глубокую дымящуюся борозду. Корма задралась высоко вверх: чудилось, что звездолет в любой момент может опрокинуться.

Толпа на дальнем конце поля, охваченная паническим страхом при виде надвигающегося на нее стального монстра, мгновенно рассыпалась в разные стороны. Люди бежали, толкались, спотыкались, сбивали друг друга с ног. Однако «Привет, Марс-IV» замер в непосредственной близости от полицейского

кордона, уже не способный перевернуться, — потрепанный, побывавший в переделках звездолет, первым достигший Марса и вернувшийся домой.

Корреспонденты и фотографы кинулись вперед. Толпа завизжала. Визг смешался с гудками автомобилей и воем сирен. Издалека, с окраины города, доносились пронзительные свистки и перезвон колоколов.

На бегу Вудсу пришла шальная мысль, в которой было что-то от дурного предчувствия. Такая посадка... Управляй кораблем Джерри Купер, он ни за что не стал бы сажать звездолет на столь чудовищной скорости. Это было сущим безумием, а Джерри — опытный навигатор, не из тех, кто любит играть со смертью. Джек видел его пять лет назад на Лунном дерби и не мог не восхититься искусством, с каким Джерри пилотировал свой корабль.

Люк в борту звездолета медленно открылся, лязгнул металл. Из корабля вышел человек — вышел, покачнулся, упал и не поднимался.

Доктор Гилмер подбежал к нему и подхватил на руки.

Вудс мельком увидел запрокинутую голову и лицо астронавта. Лицо принадлежало Джерри Куперу, но черты исказились настолько, что узнать того было почти невозможно. Это лицо запечатлелось в памяти Вудса, будто вытравленное кислотой, — кошмарный образ, при воспоминании о котором бросало в дрожь: глубоко запавшие глаза, ввалившиеся щеки, стекающая слюна, и с губ слетают какие-то нечленораздельные звуки...

— Уйди с дороги! — гаркнул Эндрюс, отталкивая Вудса, — Или как прикажешь снимать?

Джек услышал тихое гудение. Затем раздался щелчок. Все, снимок есть.

— Где остальные? — крикнул Гилмер. Купер бессмысленно уставился на него; лицо навигатора исказилось гримасой страха и боли сильнее прежнего. — Где остальные?

Во внезапно наступившей тишине голос Гилмера прозвучал неожиданно громко.

— Там, — прошептал Купер, мотнув головой в сторону корабля. Его шепот резанул слух всем, кто стоял поблизости. Он вновь забормотал что-то невразумительное, а потом с усилием прибавил: — Мертвы, — И повторил в тишине: — Все мертвы.

Остальных членов экипажа обнаружили в жилом отсеке, позади запертой рубки. Все они были мертвы, причем умерли достаточно давно.

Энди Смиту кто-то размозжил могучим ударом череп. Джимми Уотсона задушили: на шее до сих пор виднелись синие, вздувшиеся отпечатки чьих-то пальцев. Элмер Пейн скрючился в уголке: на его теле не нашли никаких следов насилия, хотя лицо выражало отвращение — этакая маска боли, страха и страдания. Томас Делвени распростерся у стола на полу с перерезанным горлом — похоже, старомодной бритвой с побуревшим от крови лезвием, которую крепко сжимал в правой руке.

У стены жилого отсека стоял большой деревянный ящик, на котором кто-то написал дрожащей рукой одно-единственное слово — «Животное» ... Судя по всему, надпись должна была иметь продолжение: ниже виднелись диковинные закорючки, нацарапанные тем же черным мелком. Они змеились по доскам и не сообщали ничего сколько-нибудь полезного.

К вечеру буйнопомешанный, который был когда-то Джерри Купером, умер. Банкет, организованный городскими властями в честь покорителей космоса, отменили, ибо чествовать оказалось некого.

Кто же сидит в деревянном ящике?

— Животное, — заявил доктор Гилмер, — Все остальное меня, по большому счету, не касается. Кажется, оно живо, но сказать наверняка трудно. Даже передвигаясь быстро — быстро для нее, разумеется, — эта тварь, пожалуй, ленивца заставит поверить, что он способен носиться мухой.

Джек Вудс поглядел на существо, которое доктор Гилмер обнаружил в ящике с надписью «Животное». Оно

находилось внутри стеклянного аквариума с толстыми стенками и весьма смахивало на ком шерсти.

— Свернулось себе и спит, — заметил корреспондент.

— Как же! — фыркнул Гилмер, — Просто у него такая форма тела — сферическая. Вдобавок оно все обросло мехом. Если придумать название поточнее, то ему больше подходит имя Меховушка. Да, с таким мехом не страшен и Северный полюс в разгар зимы. Густой, теплый... Вы ведь не забыли, что на Марсе чертовски холодно?

— Может, отправить туда охотников и организовать фактории? — предложил Вудс, — Я уверен, марсианские меха будут продаваться по бешеным ценам.

— Если до этого дойдет, — отозвался Гилмер, — меховушек моментально перестреляют всех до единой. По-моему, максимальная скорость, с какой они в состоянии передвигаться, — не более фута в день. Кислорода на Марсе, судя по всему, в обрез. Значит, жизненную энергию добыть не так-то легко, а потому вряд ли кто-либо способен тратить ее на пустую беготню. Должно быть, меховушки сидят сиднями, не позволяя никому и ничему отвлекать себя от основного занятия — борьбы за выживание.

— Что-то я не вижу у него ни глаз, ни ушей — вообще ничего похожего, — проговорил Вудс, напрягая зрение, чтобы получше разглядеть марсианина.

— Возможно, его органы чувств коренным образом отличаются от наших, — сказал Гилмер. — Не забывайте, Джек, он — продукт совершенно иной среды. Вполне вероятно, что таких, как он, на Земле нет и в помине. У нас нет никаких свидетельств, подтверждающих параллельность эволюции на столь разных планетах, какими являются Земля и Марс. Из того немногого, что нам известно о Марсе, — продолжал он, жуя сигару, — можно заключить, что это животное оправдывает наши предположения. Воды на Марсе мало — по земным меркам, ее там практически нет. Обезвоженный мир. Кислород имеется, но воздух настолько разрежен, что больше подходит под земное определение вакуума. Иными

словами, марсианские животные должны были как-то приспособиться к почти полному отсутствию воды и кислорода. И то и другое для них — великие ценности, которые необходимо во что бы то ни стало сберечь. Отсюда сферическая форма тела, что обеспечивает минимальное соотношение «площадь — объем» и облегчает сохранение усвоенных воды и кислорода. Может статься, наш марсианин представляет собой изнутри одни громадные легкие. Мех защищает его от холода. На Марсе чертовски холодно. Ночами температура опускается так низко, что замерзает углекислый газ, в который, кстати, и упаковали на корабле этого зверюгу.

— Шутите? — хмыкнул Вудс.

— Ни капельки, — откликнулся Гилмер, — Внутри деревянного ящика помещался стальной резервуар, внутри которого, в свою очередь, находилось животное. Туда накачали немного воздуха, превратили его в частичный вакуум, а затем обложили резервуар замороженным углекислым газом. Пространство же между деревом и льдом заполнили бумагой и войлоком, чтобы замедлить таяние. Скорее всего, во время перелета воздух приходилось менять несколько раз заодно с упаковкой. В последние дни перед приземлением животное, похоже, бросили на произвол судьбы; воздух стал разреженным даже для него, а лед почти растаял. По-моему, ему не слишком хорошо. Может, оно слегка приболело. Чересчур много углекислого газа, а температура гораздо выше обычной...

— Полагаю, вы его устроили как положено? — справился Вудс, махнув рукой в сторону аквариума, — Кондиционер и все такое прочее?

— Оно, наверно, чувствует себя как дома, — отозвался со смешком Гилмер, — Атмосфера разрежена до одной тысячной земного стандарта, озона вполне достаточно. Не знаю, так ли ему это нужно, однако, по всей вероятности, кислород на Марсе присутствует прежде всего как озон. Я сужу по природным условиям на поверхности планеты, которые как нельзя лучше годятся для воспроизводства озона.

Температура в аквариуме — минус двадцать по Цельсию. Ее я установил наобум, поскольку понятия не имею, где именно поймали нашего гостя, а климат там в каждой области свой, — Он вновь пожевал сигару. — В общем, у нас тут появился Марс в миниатюре.

— Вы нашли на корабле какие-нибудь записи? — поинтересовался Вудс. — Я разумею такие, в которых бы говорилось о животном.

Гилмер покачал головой и откусил кончик сигары.

— Только бортовой журнал, вернее, то, что от него осталось. Кто-то залил страницы кислотой. Прочесть невозможно.

Корреспондент уселся на стол и забарабанил пальцами по крышке.

— Черт побери! С какой стати?

— С той же самой! — пробурчал Гилмер. — Почему кто-то... наверно Делвени, прикончил Пейна и Уотсона? Почему Делвени после всего убил себя? Что случилось со Смитом? Почему Купер сошел с ума и умер в судорогах, будто не мог дышать? Кто нацарапал на ящике то единственное слово, пытаясь написать еще, но не сумел? Кто ему помешал?

Вудс мотнул головой в сторону аквариума.

— Интересно, а не замешан ли тут наш приятель?

— Джек, вы спятили! — воскликнул Гилмер, — Какого черта вам понадобилось приплести сюда еще и его? Ведь это всего-навсего животное, не слишком, по-видимому, разумное. В марсианских условиях ему было не до того, чтобы совершенствовать свой мозг. Впрочем, мне пока не представилась возможность изучить его как следует, но на следующей неделе прибудут доктор Уинтерс из Вашингтона и доктор Лэтроп из Лондона. Вместе мы наверняка что-то узнаем.

Вудс спрыгнул со стола, подошел к окну и выглянул наружу. Здание, в котором находилась лаборатория, стояло на вершине холма. Внизу расстилалась лужайка, за которой начинался парк. В нем виднелись обнесенный изгородью выгул, каменные насыпи со рвами по периметру и

обезьяньи острова — эта территория принадлежала «Метрополитен-зоопарку».

Гилмер выплюнул очередной огрызок сигары.

— Значит, на Марсе есть жизнь, — проговорил он. — Правда, отсюда ничего не следует.

— А если пофантазировать? — усмехнулся Вудс.

— Фантазируют газетчики, — проворчал Гилмер. — Приличные люди этим не занимаются.

Близился полдень. Папаша Андерсон, смотритель львятника, печально покачал головой и почесал подбородок.

— Кошечки чем-то встревожены, — сказал он, — Будто у них что-то на уме. Почти не спят, знай себе ходят туда-сюда, туда-сюда.

Эдди Риггс, корреспондент «Экспресс», сочувственно прищелкнул языком.

— Может, им не хватает витаминов? — предположил он.

— Нет, — возразил папаша Андерсон. — Мы кормим их, как всегда, сырым мясом, а они почему-то нервничают. Знаешь, львы — твари ленивые, спят чуть ли не днями напролет. А теперь... Рычат, грызутся между собой. На днях мне пришлось отколотить Нерона, когда он сцепился с Перси. И этот стервец кинулся на меня, хотя я ухаживаю за ним с тех пор, когда он был совсем крохотным!

Нерон, стоявший по ту сторону рва с водой, угрожающе зарычал.

— Видишь? Все еще злится. Если не утихомирится, придется снова поучить его уму-разуму. Тоже мне, герой нашелся, — Папаша опасливо поглядел на львов, — Надеюсь, они все-таки уймутся. Сегодня суббота, придет много народу... Толпа их бесит, даже когда они спокойны, а уж сейчас...

— С другими животными все в порядке? — спросил Риггс.

— Утром умерла Сьюзен, — ответил папаша, почесав подбородок.

Сьюзен звали жирафу.

— Я и не знал, что она заболела.

— Она и не болела. Просто взяла и сдохла.

Риггс вновь повернулся к львам. Нерон, громадный самец с черной гривой, сидел на краю рва, словно собирался прыгнуть в воду. Перси боролся еще с одним самцом; оба порыкивали, причем достаточно злобно.

— Нерон, похоже, замышляет перебраться через ров, — заметил корреспондент.

— Ерунда, — отмахнулся папаша. — У него ничего не выйдет. Кишка тонка. Вода для львов хуже яда.

Из слоновьего загона, что находился в миле с лишним от львятника, внезапно донесся трубный рев, а затем прозвучал исполненный ярости клич.

— Вот и слоны взбеленились, — изрек папаша.

Послышался топот. Из-за львиных клеток выбежал человек без шляпы, взгляд которого выражал ужас. На бегу он крикнул:

— Слон спятил! Мчится сюда!

Громко зарычал Нерон. Завизжал кугуар. Вдалеке показалась громадная серая туша. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, слон двигался удивительно быстро: обогнул заросли кустарника, выскочил на лужайку, высоко задрал хобот, захлопал ушами и, яростно трубя, устремился ко львятнику. Риггс повернулся и опрометью кинулся к административному зданию. Следом бежал, отдуваясь, Андерсон.

Отовсюду раздавались истошные вопли первых посетителей зоопарка. Шум стоял невообразимый: крики, рев, визг...

Слон неожиданно свернул в сторону, промчался через загон площадью в два акра, в котором обитали три пары волков, снес ограду, растоптал кусты и свалил несколько деревьев.

Взбежав на крыльцо административного здания, Риггс оглянулся. Со шкуры Нерона капала вода! Та самая вода, которая — по теории — должна была удерживать льва на площадке не хуже стальных прутьев!

Мимо Риггса прогрохотал по ступенькам служитель с винтовкой.

— Конец света! — крикнул он.

Белые медведи затеяли кровавую схватку: двое уже погибли, двое умирали, остальные были изранены настолько, что вряд ли смогут выжить. Два оленя с ветвистыми рогами сошлись лоб в лоб. Обезьяний остров превратился в хаос — половина животных погибли неизвестно от чего; служитель предположил — от чрезмерного волнения. Нервы, нервы...

— Такого не может быть! — воскликнул Андерсон, когда они с Риггсом очутились внутри, — Животные так никогда не дерутся!

Риггс что-то кричал в трубку телефона, когда снаружи прогремел выстрел. Папаша моргнул.

— Нерон! — простонал он, — Нерон! Я воспитывал его с первых дней, кормил из бутылочки...

В глазах старика блестели слезы.

Это и впрямь оказался Нерон. Однако перед тем, как умереть, лев дотянулся до человека с винтовкой и одним страшным ударом лапы размозжил тому череп.

В тот же день, несколько позже, доктор Гилмер стукнул кулаком по расстеленной на столе газете.

— Видели? — спросил он Джека Вудса.

— Видел. — Корреспондент мрачно кивнул, — Сам написал. По городу носятся обезумевшие, ополоумевшие животные. Убивают всех подряд. В больницах полно умирающих. Морги забиты трупами. На моих глазах слон задавил человека. Полицейские его пристрелили, но было уже поздно. Весь зоопарк сошел с ума. Кошмар! Дикие джунгли! — Он вытер рукавом пиджака лоб, дрожащими пальцами достал из пачки сигарету и закурил. — Я могу вынести многое, но ничего подобного до сих пор не испытывал. Ужасно, док, просто ужасно! И животных тоже ведь жалко. Бедняги! Они все не в себе. Скольких пришлось прикончить...

— Зачем вы явились? — справился Гилмер, перегнувшись через стол.

— Да так, подумалось кое о чем, — ответил Вудс, кивнув на аквариум, в котором находился марсианин. — Этот переполох напомнил мне... — он помолчал и пристально поглядел на Гилмера, — о том, что произошло на борту «Привет, Марс-IV».

— Почему? — холодно осведомился Гилмер.

— Экипаж корабля обезумел, — заявил Вудс. — Только сумасшедшие способны на такое. А Купер умер буйнопомешанным. Не знаю, как ему удалось сохранить частичку разума, чтобы посадить звездолет.

Гилмер вынул изо рта жеваную сигару и принялся сосредоточенно отделять наполовину откушенные куски. Закончив, он снова сунул сигару в рот.

— По-вашему, все животные в зоопарке спятили?

— Безо всякой причины, — прибавил Вудс, утвердительно кивнув.

— Вы подозреваете марсианина, — проговорил Гилмер, — Но каким, черт побери, образом беззащитная Меховушка, что лежит вон там, могла свести с ума людей и животных?

— Послушайте, док, кончайте притворяться. Вы не пошли играть в покер, остались в лаборатории. Вы заказали две цистерны с окисью углерода. Целый день не выходили из кабинета, связались с Эпплменом из акустической лаборатории и попросили у него кое-какое оборудование. Тут что-то кроется. Давайте рассказывайте.

— Чтоб вам пусто было! — пробурчал Гилмер. — Даже если я не пророню ни одного слова, вы все равно узнаете! — Он откинулся на спинку кресла, положил ноги на стол, швырнул раскуроченную сигару в корзину для бумаг, взял из коробки новую, пару раз укусил и поднес к ней зажигалку, — Сегодня я собираюсь выступить палачом. Мне не по себе, но я утешаюсь мыслью, что это, вполне возможно, будет не казнь, а акт милосердия.

— То есть вы хотите прикончить Меховушку? — От неожиданности у Джека перехватило дыхание.

— Да. Для того мне и потребовалась окись углерода. Я закачаю ее в аквариум. Меховушка даже и не поймет, что происходит. Ее потянет в сон, она заснет — и не проснется. Весьма гуманный способ убийства, вы не находите?

— Но почему?

— Дело вот в чем. Вы, должно быть, знаете, что такое ультразвук?

— Звук, чересчур высокий для человеческого слуха, — откликнулся Вудс, — Его применяют в различных областях. Для подводной сигнализации и картографирования, для контроля за высокоскоростной техникой — он предупреждает о поломках, которые вот-вот произойдут...

— Да, человек научился использовать ультразвук, — подтвердил Гилмер, — Нашел ему множество применений. Мы можем создавать звуки частотой до двадцати миллионов вибраций в секунду. Звук частотой миллион герц убивает бактерии. Некоторые насекомые общаются между собой на частоте тридцать две тысячи герц, а человеческое ухо способно воспринять частоту максимум около двадцати тысяч герц. Но всем нам далеко до Меховушки, которая испускает ультразвук частотой приблизительно тридцать миллионов герц. — Сигара переместилась в противоположный угол рта, — Звук высокой частоты можно направлять узкими пучками, отражать, как свет, контролировать его. Мы в основном пользуемся жидкими средами, хотя знаем, что лучше всего — нечто плотное. Если пропустить ультразвук через воздух, он быстро ослабеет и затихнет. Разумеется, я говорю о звуке частотой до двадцати миллионов герц. Но звук частотой тридцать миллионов герц явно проходит через воздух, причем такой, который разреженнее нашей атмосферы. Понятия не имею, в чем тут причина, но какое-то объяснение, безусловно, должно существовать. Нечто подобное не могло не появиться на Марсе, чья атмосфера, по нашим меркам, больше напоминает вакуум. Ведь тамошние обитатели, как теперь известно, обладают слуховым восприятием.

— Меховушка издает звуки частотой тридцать миллионов герц, — сказал Вудс. — Это понятно. Ну и что?

— А то, — произнес Гилмер, — что, хотя звук такой частоты услышать невозможно — слуховые нервы не воспринимают его и не передают информацию мозгу, — он оказывает на человеческий мозг непосредственное воздействие. И с мозгом, естественно, что-то случается. Сумятица в мыслях, жажда крови, безумие...

Затаивший дыхание Вудс подался вперед:

— Значит, вот что произошло на борту звездолета и в зоопарке!

Гилмер печально кивнул.

— В Меховушке нет злобы, я уверен в этом, — сказал он, — Она не замышляла ничего дурного. Просто немножко испугалась и устала от одиночества, а потому попыталась установить контакт с другими разумами, поговорить хоть с кем-нибудь. Когда я забирал ее из корабля, она спала, точнее, находилась в психическом обмороке. Возможно, заснула как раз вовремя, чтобы Купер успел слегка оправиться и посадить звездолет. Наверно, спит она долго, благо так сохраняется энергия. Вчера проснулась, но ей потребовалось время, чтобы полностью прийти в себя. Я целый день улавливал исходившие от нее вибрации. Сегодня утром вибрации усилились. Я клал в аквариум пищу — то одно, то другое, — думал, она что-нибудь съест и тогда удастся определить, чем такие твари питаются. Но есть она не стала, разве что слегка пошевелилась, на мой взгляд, хотя для нее, пожалуй, движение было быстрым и резким. А вибрации продолжали усиливаться, и в результате в зоопарке начало твориться черт-те что. Сейчас она, похоже, снова заснула — и все потихоньку приходит в норму, — Гилмер взял со стола коробку, соединенную проводом с наушниками, — Одолжил у Эпплмена. Вибрации меня изрядно озадачили. Я никак не мог установить их природу. Только потом сообразил, что тут какие-то звуковые штучки. Это Эпплменова игрушка. До готовности ей еще далеко, но она позволяет «слышать» ультразвук.

Слышать мы, конечно, не слышим, однако получаем впечатление о тональности звука. Нечто вроде психологического изучения ультразвука или перевода с «ультразвукового» на привычный язык.

Он протянул Вудсу наушники, а коробку поставил на аквариум и принялся двигать взад-вперед, стремясь перехватить ультразвуковые сигналы, что исходили от крохотного марсианина. Вудс надел наушники и замер в ожидании.

Корреспондент рассчитывал услышать высокий и тонкий звук, но не услышал ничего вообще. Внезапно на него обрушилось ужасное одиночество; он ощутил себя сбитым с толку, утратившим способность понимать, испытал раздражение. Ощущения становились все сильнее. В мозгу отдавался беззвучный плач, исполненный боли и тоски, — щемящий сердце плач по дому. Вудс понял, что «слышит» причитания марсианина, который скулил, как скулит оставленный на улице в дождливый вечер щенок.

Руки сами потянулись к наушникам и сорвали их с головы. Вудс потрясенно уставился на Гилмера.

— Оно тоскует по дому. По Марсу. Плачет, как потерявшийся ребенок.

— Теперь оно уже не пытается войти в контакт, — отозвался Гилмер. — Просто лежит и плачет. Оно не опасно сейчас, однако раньше... Впрочем, дурных намерений у него не было с самого начала.

— Послушайте! — воскликнул Вудс, — Вы провели здесь целый день, и с вами ничего не случилось. Вы не спятили!

— Совершенно верно, — сказал Гилмер, кивая, — Спятили животные, а я сохранил рассудок. Между прочим, со временем привыкли бы и они. Дело в том, что Меховушка разумна. Ее отчаянные попытки связаться с другими живыми существами порой приводили к тому, что она проникала в мозг, но не задерживалась там. Я ей был ни к чему. Видите ли, на корабле она уяснила, что человеческий мозг не выдерживает контакта с ультразвуком такой частоты, а потому решила не тратить попусту силы. Она попробовала

проникнуть в мозг обезьян, слонов и львов в безумной надежде отыскать разум, с которым сможет поговорить, который объяснит, что происходит, и уверит ее, что она сумеет вернуться на Марс. Зрения у нее, я убежден, нет; нет почти ничего, кроме ультразвукового «голоса», чтобы изучать окружающее пространство. Возможно, дома, на Марсе, она разговаривала не только с родичами, но и с иными существами. Двигается она крайне медленно, но, может, у нее не очень много врагов, следовательно, вполне хватает одного органа чувств.

— Разумна, — повторил Вудс, — Разумна до такой степени, что к ней трудно относиться как к животному.

— Вы правы, — сказал Гилмер. — Быть может, она разумна ничуть не меньше нас с вами. Быть может, это — выродившийся потомок великой расы, что некогда правила Марсом... — Он выхватил изо рта сигару и швырнул ее на пол. — Черт побери! Предполагать можно что угодно. Правды мы с вами, вероятно, не узнаем, как не узнает и человечество в целом.

Доктор поднялся, ухватился руками за край резервуара с окисью углерода и подкатил его к аквариуму.

— А надо ли ее убивать, док? — прошептал Вудс, — Неужели надо?

— Разумеется! — рявкнул Гилмер, резко повернувшись на каблуках. — Представляете, какой поднимется шум, если узнают, что Меховушка прикончила экипаж звездолета и свела с ума животных в зоопарке? А что, если такое будет продолжаться? В ближайшие годы полетов на Марс явно не предвидится — общественное мнение не позволит. А когда следующая экспедиция все же состоится, ее члены, во-первых, будут готовы к ультразвуковому воздействию, а во-вторых, им строго-настрого запретят брать на Землю таких вот меховушек. — Он отвернулся, потом снова посмотрел на корреспондента: — Вудс, мы с вами старые приятели. Знаем друг друга давным-давно, выпили вместе не одну кружку пива. Пообещайте, что ничего не опубликуете. А если все-

таки напечатаете, — зычно прибавил он и широко расставил ноги, — я вас в порошок сотру!

— Обещаю, — сказал Вудс, — Никаких подробностей. Меховушка умерла. Не вынесла жизни на Земле.

— Вот еще что, Джек. Нам с вами известно, что ультразвук частотой тридцать миллионов герц превращает людей в безмозглых убийц. Нам известно, что его можно передавать через атмосферу — вероятно, на значительные расстояния. Только подумайте, к чему может привести использование такого оружия! Наверно, те, кто бредит войной, рано или поздно узнают этот секрет, но только не от нас.

— Поторопитесь! — с горечью в голосе произнес Вудс, — Поспешите, док. Вы слышали Меховушку. Не длите ее страданий. Ничем другим мы ей помочь не можем, хотя втянуть втянули. Ваш способ — единственный. Она поблагодарила бы вас, если бы знала.

Гилмер повернулся к резервуару, а Вудс снял трубку и набрал номер редакции «Экспресс».

В его мозгу по-прежнему звучал тот щенячий скулеж — горький, беззвучный крик одиночества, скорбный плач по дому. Бедная, бедная Меховушка! Одна в пятидесяти миллионах миль от дома, среди чужаков, молящая о том, чего никто не в силах ей предложить...

— «Дейли экспресс», — послышался в трубке голос ночного редактора Билла Карсона.

— Это Джек, — сообщил Вудс, — Слушай, у меня есть кое-что для утреннего выпуска. Только что умерла Меховушка... Да, Меховушка, то животное, которое прилетело на «Привет, Марс-IV». Ну да, не выдержала, понимаешь... — Он услышал у себя за спиной шипение газа: Гилмер открыл клапан.

— Слушай, Билл, я вот о чем подумал. Можешь написать, что она умерла от одиночества... Точно, точно, от тоски по Марсу... Пускай ребята постараются: чем слезливей — тем лучше...

Солнце пропало за западной кромкой канала Скелетов, и мгновенно наступила ночь. Сумерек не было. Сумерки в разреженной атмосфере Марса — вещь совершенно невозможная. Марсианская ночь стремительно сковывала все вокруг ледяным дыханием, а мерцающие звезды отплясывали в почти черном небе жутковатый ригодон.

Несмотря на пять лет, проведенные в диких районах красной планеты, Кента Кларка по-прежнему завораживала эта внезапная смена дня и ночи. Только что светило солнце — а в следующее мгновение уже сияют звезды. Словно кто-то щелкнул выключателем и зажег в космосе гирлянды ярких электрических лампочек. Если смотреть с поверхности планеты Земля, они не выглядят такими большими, блестят не так ослепительно и дают гораздо меньше света.

Звезды дрожали и колыхались в остывающем воздухе. К полуночи, когда температура упадет до предела, их танец закончится. Они обретут более ясные очертания, уподобившись россыпи граненых алмазов на черном бархате, и каждая засияет своим собственным оттенком — белым, синим или красным.

Сквозь стены крохотного кварцевого иглу доносилось завывание ночного ветра, гулявшего среди изъеденных выветриванием шпилей и контрфорсов. В его стоны гармонично вплеталась далекая и такая же тоскливая охотничья песня Гончих. Эти здоровенные сухопарые лохматые зверюги во множестве обитали в глубоких каналах, охотясь на все подававшее хоть какие-нибудь признаки жизни. За исключением, конечно, Едоков.

Чарли Уоллес, пристроившись на корточках посреди иглу, выскребал шкурку марсианского бобра. Кент наблюдал за ловкими движениями его рук, за игравшими на лезвии ножа отблесками единственной радиевой лампочки, освещавшей их жилище.

Чарли — старожил. Мгновенные переходы марсианского дня в ночь давным-давно перестали казаться ему чудом. Двадцать марсианских лет он шел вслед за марсианским бобром, дальше и дальше забираясь в дикую местность, все глубже и глубже проникая в лабиринты малоизученных каналов, сетью раскинувшихся по поверхности планеты.

Его загорелое морщинистое лицо темнело в обрамлении торчавшей веником белой бороды. Тело Чарли казалось сделанным из стали — прочным каркасом, обтянутым коричневой дубленой кожей. Он знал все приемы и уловки, все дорожки и тропинки. Его по праву считали одним из самых старых обитателей каналов.

Спирали рефлектора отсвечивали красным. Энергия, накопленная за день в селеновых ячейках при помощи огромных солнечных зеркал, установленных на наружной стороне иглу, теперь расходовалась на обогрев жилища. Атмосферные конденсаторы негромко похрюкивали, а электролизер, используемый для получения воды, помалкивал в своем углу.

— Шесть штук. — Чарли тщательно расправил шкурку на коленях и погладил густой бурый мех морщинистой рукой. Его глаза, синие, похожие на осколок льда, довольно блеснули, — На сей раз мы недурно поживились, парень. Лучшая охота на моей памяти за последние лет пять.

— И не говори, — согласился Кент.

Охота действительно выдалась на славу. Всего месяц в каналах, а у них уже целых шесть шкурок. Большинство трапперов и охотников не- всегда способны добыть столько и за год. В фактории у Красной Скалы шкурки можно получить по тысяче за каждую. А то и больше. Самый ценный мех во всей Солнечной системе. На меховых биржах Лондона или Нью-Йорка их продадут втридорога. Палантин из таких стоит добрых сто тысяч. Густой, блестящий, плотный мех.

При мысли о нем Кента передернуло. Этому меху нельзя не быть плотным. В противном случае бобр не мог бы

существовать. По ночам температура падает до минус сорока — пятидесяти по Цельсию и редко заползает выше минус двадцати в полдень. На Марсе холодно! Здесь, на экваторе, температура колеблется мало — в отличие от полюсов, где она поднимается до плюс двадцати летом, когда солнце висит над головой в течение долгих двадцати месяцев, и ныряет до минус ста и ниже зимой, во время столь же долгой полярной ночи.

Он откинулся на спинку кресла и сквозь кварцевые стены иглу уставился вдаль. Далеко внизу, на самой кромке «берега» канала, мерцали огоньки Призраков — неясных, словно сотканных из тумана фигур, чье происхождение, истинная природа и цель существования до сих пор оставались предметом ожесточенных научных споров.

В свете ярких звезд на искореженный ландшафт канала пало замысловатое кружево теней и светлых пятен. И без того причудливые поверхностные образования превратились теперь в видения из ночных кошмаров. Внушающие ужас формы, казалось, сошли со страниц, вырванных из альбома безумного художника.

Черная фигура пересекла освещенную ложбину и нырнула в тень.

— Гончая, — заметил Кент.

Чарли ругнулся в усы.

— Если эти бегуны не перестанут тут околачиваться, — недобро пообещал он, — нам придется отвезти несколько их шкур в Красную Скалу.

— Они очень боятся выстрелов, — заметил Кент, — С ружьем к ним не подобраться.

— Ага, — отозвался Чарли. — Да только попробуй выйти без ружья — и увидишь, что произойдет. Они не лучше Едоков. Единственная разница, что Гончие с удовольствием съедят и человека, а Едоки — именно человека. Они до людей сами не свои.

Вторая черная тень, крадучись на полусогнутых лапах, едва не цепляя брюхом землю, пересекла ложбину.

— Еще одна, — прокомментировал Кент.

Третье существо двигалось по ложбине, поблескивая в свете звезд.

Кент, проглотив собственный вскрик, подался вперед. В следующий миг он оказался на ногах.

— Человек! Там, снаружи, человек!

Кресло Чарли с грохотом опрокинулось, когда тот вскочил и так же уставился сквозь кварц.

Фигура в скафандре с трудом взбиралась вверх по склону, направляясь к иглу. В одной руке человек нес короткий огнемет. В тот момент, когда двое трапперов разглядывали его из своего жилища, он резко обернулся с оружием на изготовку, и, замерев на месте, стал вглядываться в тень, где всего секунду назад исчезли Гончие.

Внимание Кента привлекло едва заметное движение сзади и слева от незнакомца. Молодой траппер среагировал мгновенно.

Одним прыжком он пересек иглу, сдернул с вешалки скафандр с кварцевым напылением и принялся в него втискиваться.

— В чем дело? — обернулся к нему Чарли, — Какого черта ты затеял?

— Там Едок! Я его только что видел.

Пока Уоллес откручивал внутренний люк воздушного шлюза, Кент защелкнул шлем и подхватил ружье. Нырнув в шлюз, он услышал, как за спиной захлопнулся внутренний люк, и стремительно распахнул наружный.

Холод марсианской ночи вгрызся в кости прямо сквозь скафандр. Щелчком включив химические обогревательные элементы, траппер почувствовал, как его окатило сияющей волной тепла.

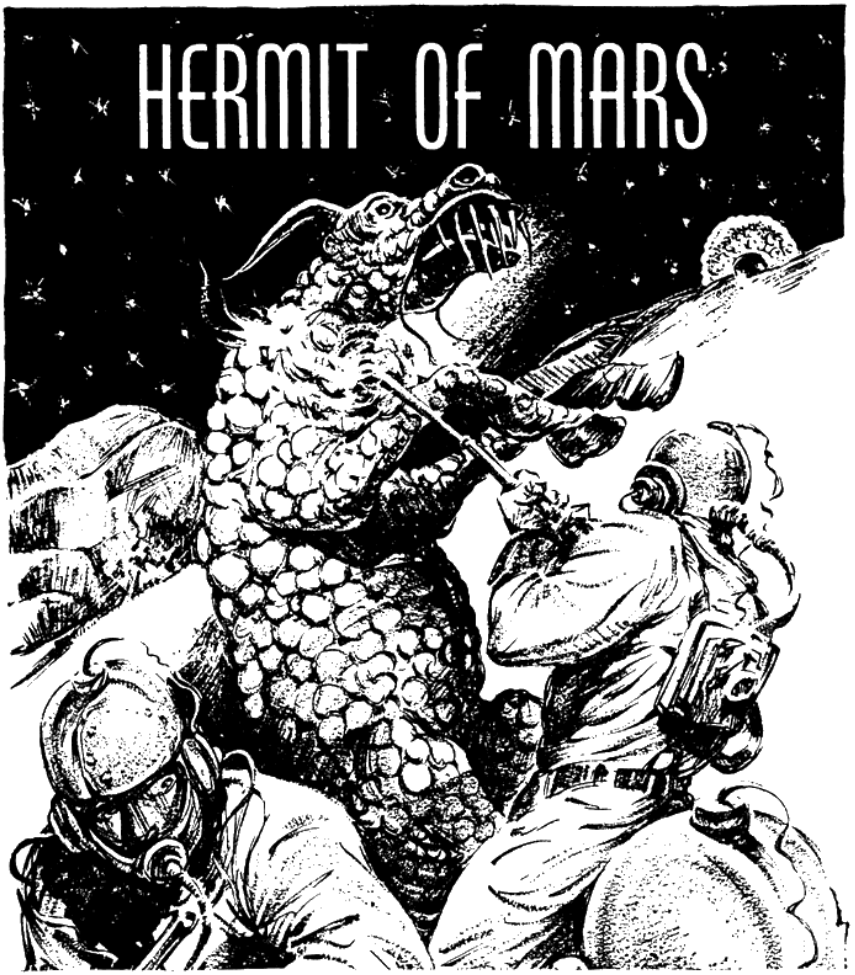
Незнакомец продирался вверх по тропе.

— Вперед! — закричал Кент, — Как можно быстрее!

Человек остановился, посмотрел вверх,

— Да вперед же!

Фигура в скафандре возобновила движение.



Из темноты выползала огромная тварь в силикатном панцире, но гость по-прежнему не замечал надвигающейся опасности.

Кент помчался навстречу ему вниз по ложбине.

Ружье траппера вскинулось к плечу. В перекрестье прицела возникла уродливая морда. Палец надавил на спусковой механизм, и оружие выплюнуло плотную струю разрушительного синего пламени. Удар настиг Едока на середине броска, сбив с шага и повалив набок. Но не убил. Его

несуразное тело сияло в звездном свете красноватым зеркалом. Цепляясь когтями за камни, Едок поднялся на ноги и стоял, поводя туда-сюда огромной головой.

Пронзительный крик звенел у Кента в наушниках шлема, однако он, слишком занятый наведением прицельной системы, не мог позволить себе отвлечься.

Ружье вновь заурчало и плюнуло. Сноп синего пламени вошел точно в покрытую силикатным панцирем голову. Яркие искры брызнули от нее во все стороны, и она вдруг словно растворилась, растаяла, превратившись в ком почерневшей материи, местами отсвечивавший красным. Едок медленно завалился на бок и, тяжеловесно съехав вниз по склону, врезался в малиновую глыбу.

— Давай! — замахал гостю Кент, — Шевелись! Поблизости могут быть еще!

Человек в скафандре шустро проделал оставшийся путь по склону.

— Спасибо, — произнес он, поравнявшись с Кентом.

— Шевелись, приятель, — раздраженно отозвался тот, — Здесь по ночам небезопасно.

Кент двинулся следом за незнакомцем. Оба спешили к открытому люку воздушного шлюза.

Пришелец снял шлем, положил его на стол, и в слабом свете радиевой лампочки хозяева иглу узрели лицо молодой женщины.

Кент молча уставился на гостью. Посещение их стоящего на отшибе жилья мужчиной и то не входило в число обычных явлений, ночной же визит женщины казался просто нереальным.

— Женщина! — воскликнул Чарли, — Лопни мои глаза — женщина!

— Да, я женщина, — согласилась она.

Ее голос, хоть и содержал намек на вежливость, прозвучал резко, как удар бича. Он напомнил порыв ветра там, снаружи. Брови незнакомки, от природы изогнутые высокой дугой, придавали лицу их обладательницы постоянное

выражение снисходительного недоумения, и теперь она адресовала этот вопросительный взгляд старому трапперу.

— Вы Чарли Уоллес, не так ли?

Чарли, почувствовав себя весьма неуютно, переступил с ноги на ногу.

— Это я, — признал он, — но вы в лучшем положении, мэм.

Девушка на секунду заколебалась, словно не понимая, что имеет в виду Уоллес, но затем рассмеялась. Смех, казалось, исходил из глубины ее горла, сочный и музыкальный.

— Я Энн Смит.

Она воззрилась на хозяев, переводя взгляд с одного на другого, однако не обнаружила на их лицах ни малейшего намека на узнавание, ни зародыша удивления при звуке ее имени.

— У Красной Скалы, — наконец произнесла гостья, — мне сказали, что я смогу найти вас где-то в канале Скелетов.

— Вы нас разыскивали? — изумленно переспросил Чарли.

Девушка кивнула.

— Мне сказали, что вы знаете каждую пядь этой земли.

Старый траппер расправил плечи, пригладил бороду. Глаза его ярко загорелись. Вот такой разговор он понимал!

— Я знаю ее не хуже других.

Энн Смит повела плечами, позволяя скафандру соскользнуть на пол, и переступила через него. Кент, убрав на вешалку собственный, поднял с пола скафандр гостьи и поместил его рядом со своим.

— Да, мэм, — продолжал Чарли, — я странствую по этим каналам больше двадцати марсианских лет и знаю их не хуже других. Заблудиться не боюсь.

Кент тем временем разглядывал девушку. На ней был элегантный спортивный костюм, безупречно стильный, — похоже, из дорогого магазина. Светло-русые, почти белокурые волосы коротко подстрижены и уложены по последней моде.

— Но почему вы нас искали? — спросил Чарли.

— Надеялась, что вы окажете мне одну услугу.

— Что ж, — отозвался Уоллес, — буду рад. Все, что в моих силах.

Кенту, наблюдавшему за гостьей, показалось, что по лицу Энн Смит промелькнула тень тревоги. Но нет, девушка не колебалась.

— Вы знаете дорогу к каналу Безумцев?

Отвесь она Чарли пощечину своей затянутой в перчатку ладошкой, выражение его лица не сделалось бы более ошарашенным и исполненным благоговейного ужаса.

Он разинул было рот, но не проронил ни звука.

— Надеюсь, — как можно мягче заметил Кент, — что вы не предлагаете нам отправиться в канал Безумцев?

Гостья развернулась к нему с таким видом, словно встретила своего злейшего врага. Готовая нападать или защищаться до последнего.

— Именно это я и собиралась вам предложить. — В голосе девушки снова послышался свист ветра, — Но мне не надо, чтобы вы отправились туда одни. Я пойду с вами.

Она медленно проследовала к одному из двух имевшихся в иглу кресел, плюхнулась в него и положила ногу на ногу, нетерпеливо покачивая обутой в ботинок ступней.

В воцарившейся тишине слышалось лишь похрюкивание атмосферных конденсаторов, да еле уловимое жужжание спиралей рефлектора.

— Мэм, — Чарли сумел справиться голосом, — вы наверняка шутите. Вы что же, и впрямь намерены сунуться в канал Безумцев?

— Намерена, — спокойно отозвалась гостья, — В жизни не была так серьезна. Мне там надо кое-кого повидать.

— Леди, — взмолился старый траппер, — вас кто-то разыграл. Там, у Безумцев, нет никогошеньки. Среди канальщиков вы не найдете ни одного, кто бы в здравом уме и близко туда подошел.

— Есть, — отрезала она. — Наверное, вы и над этим посмеетесь, но я случайно знаю, что это правда. Мне нужно повидать Гарри Отшельника.

Кент негромко хихикнул. Всего лишь крохотный смешок про себя, однако девушка услышала его и взвилась из кресла.

— Ну вот, вы смеетесь, — произнесла она обвинительным тоном.

— Сядьте, — попросил Кент, — и позвольте мне кое-что вам рассказать. Кое-что, чего не признает ни один канальщик, но такое, что каждому из них известно абсолютно точно.

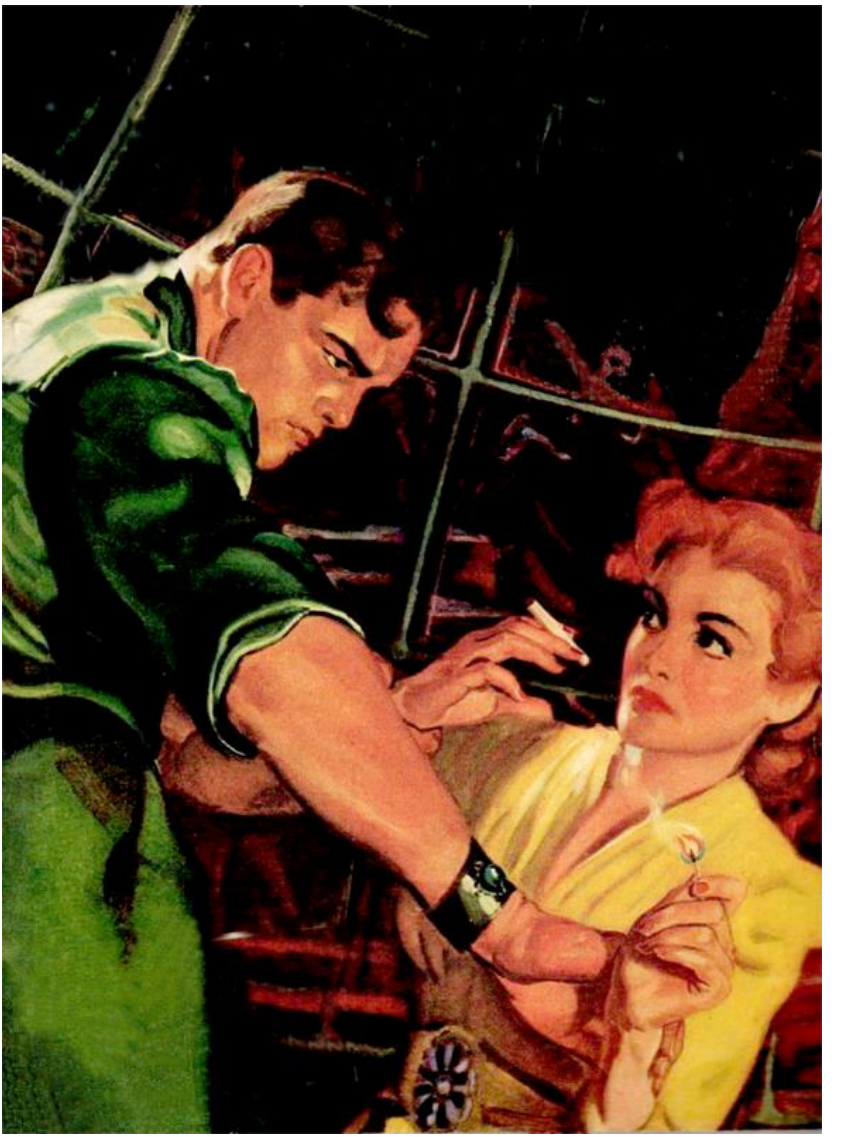
Энн Смит медленно опустилась в кресло, а молодой траппер небрежно уселся на край стола.

— Никакого Гарри Отшельника не существует, — начал он, — Это всего лишь миф. Одна из баек, какие во множестве распространились в среде канальщиков. Нелепые фантазии, рожденные в процессе одиночного сидения в безлюдной марсианской глуши. Обыкновенные сказки, которые трапперы и охотники стряпают, чтобы скоротать время. А затем, когда наступает пора сбывать меха, они являются в фактории и, сидя за выпивкой, рассказывают их своим приятелям. А те передают другим. Байки передаются из уст в уста и постепенно обрастают новыми подробностями. Каждый рассказчик добавляет что-то свое — и через год-два возникает полноценная легенда. Из тех, в которые канальщики сами почти верят, но при этом всегда помнят, что это одна из их же собственных незатейливых сказок, сложенных среди каналов.

— Но я знаю, — упрямо нахмурилась Энн, — Я точно знаю, что такой человек существует. Мне нужно его повидать. Мне известно, что он живет в канале Безумцев.

— Послушайте, — рявкнул Кент. Тон его утратил спокойную небрежность, — Гарри Отшельник повсюду. Отойдите на несколько сотен миль отсюда — и люди расскажут вам, что он живет здесь, в канале Скелетов. Или что он обитает в

пещерах Большого Едока или дальше к северу, в Ледяных холмах. Говорю вам, это выдуманный персонаж. Как Пол Баньян древних лесорубов на Земле. Как Пекос Пит древнего юго-запада Америки. Как эльфы в старинных ирландских легендах. Какой-то траппер придумал его однажды



тоскливой ночью, другой траппер подправил его, а потом парень, сдавая в покер где-то в маленьком городке, еще немного приукрасил... И в конце концов Гарри Отшельник сделался почти реальной фигурой. Может, он и реален — как символ определенной группы людей, — но для каких бы то ни было практических целей непригоден. Гарри Отшельник — сказка, плод воображения.

Девушка, он видел, рассердилась. Сунув руку в карман куртки, Энн извлекла плоский футляр. Заметно дрожащими пальцами гостья раскрыла его, вынула сигарету и постучала ею о ноготь большого пальца. Вспыхнул извлеченный из футляра металлический карандашик.

— Не здесь. — Кент с извиняющейся улыбкой аккуратно вынул сигарету из губ девушки.

— Это почему еще? — Энн, казалось, была готова испепелить его взглядом.

— Атмосфера, — пояснил он, — Ни я, ни Чарли не курим. Не можем себе позволить. Конденсаторы слабые. У нас не слишком много электричества, чтоб их гонять. Вместимость иглу два человека. В нашем деле все приходится просчитывать до мелочей. Нам нужен весь воздух, который мы получаем. Чистый, не отравленный табачным дымом.

Кент протянул ей сигарету.

Она молча убрала ее в портсигар, а портсигар — в карман.

— Извините. Я не знала.

— И вы извините, что пришлось вас остановить.

Энн встала.

— Наверное, я пойду.

У Чарли отвисла челюсть.

— Куда пойдете? — не понял он.

— К себе в вездеход. Я оставила его примерно в миле отсюда. Проехала мимо вас прежде, чем заметила свет.

— Но вы не можете провести ночь в машине, — возразил Кент. — Боюсь, вам придется остаться здесь.

— Точно, — поддакнул Чарли, — мы не можем вас отпустить. Ночевка в машине небезопасна. Это вам не пикник.

— Мы безвредны, — заверил Кент.

— Я и не думала об этом, — Энн покраснела, — Просто вы говорили, что иглу рассчитано на двух человек.

— Это так, — согласился Кент, — но мы справимся. Урежем немного подачу на обогреватель, прибавим на конденсаторы. Может стать немного зябко, но воздуха хватит. — Как насчет кофейника? — обернулся он к Чарли.

Тот расплылся в улыбке и затряс бородой, уподобившись игривому козлу.

— Я и сам только что хотел это предложить.

— Понимаете, это не моя личная прихоть, — Энн поставила кофейную чашку на столик и подняла лицо к хозяевам иглу. — Не глупый каприз. Я должна это сделать и тем самым помочь другому человеку — человеку, который мне очень дорог. Я не смогу ни спать, ни есть, ни жить, если хотя бы не попытаюсь. Поймите, я просто обязана отправиться в канал Безумцев и попробовать отыскать Гарри Отшельника.

— Но никакого Гарри Отшельника не существует, — вздохнул Чарли, утирая кофе с бороды, — Видит бог, мне бы хотелось, чтоб он существовал, раз уж вы так решительно настроены его отыскать.

— Но даже если его нет, мне надо как минимум убедиться в этом. Я не смогу жить дальше, гадая, не ошиблись ли вы. Сомневаясь, стоило ли так легко сдаваться. Если я пойду его искать и потерплю неудачу — что ж, значит, я сделала все, что было в моих силах. Но если я остановлюсь, то всегда буду думать, что... В общем, сомнения будут всегда мучить меня.

Энн переводила взгляд с одного лица на другое.

— Ну поймите же! — взмолилась она.

Чарли пристально рассматривал ее. Голубые глаза старого траппера сияли.

— Эта история типа много для тебя значит, не так ли?

Она кивнула.

— Ты не знаешь, что делаешь, — Голос Кента бесцеремонно разрушил чары, — Ты вылетела из Лэндинг-Сити к Красной Скале в красивом удобном ракетном корабле, а теперь, проскочив на вездеходе сотню миль, уже считаешь себя крутой канальщицей?

Девушка метнула на него уязвленный взгляд.

— Так вот, ты ею не являешься!

— Ну, мальчик, — подал голос Чарли, — не так грубо.

— Грубо?! А кто грубит? Я просто рассказываю ей кое-что, что ей полезно бы знать. Она проехалась по ровной пустыне и теперь думает, что по каналам путешествовать так же легко.

— Нет, не думаю.

Энн начала сердиться, однако Кент безжалостно продолжал:

— В каналах опасно. Здесь имеются все возможные шансы для аварий. Все виды опасностей. Все неудобства, какие только можно вообразить. Наткнись твоя машина на булыжник — и кварц облупится. Тогда приступит к работе озон. Он проест металл. Малейшая трещинка на скафандре — и произойдет то же самое. Эта атмосфера ядовита для металла. Настолько полна озона, что, если вдохнуть слишком много, он начнет разрушать легочную ткань. На плато не так опасно: там воздух более разреженный, но здесь, внизу, где атмосфера гуще, озона больше, и он работает гораздо быстрее.

Девушка попыталась вставить слово, но он взмахом руки велел ей молчать и продолжал:

— Здесь водятся Едоки. Сотнями. И все сами не свои до человеческих костей. Они обожают фосфат. Каждый из них прикидывает, как бы распотрошить вездеход или скафандр и добраться до еды внутри. Ты никогда не видела больше, чем пару Едоков одновременно. А мы с Чарли наблюдали этих тварей тысячами: огромные стада во время их периодических миграций вверх и вниз по каналам. Они держали нас в иглу как привязанных по нескольку дней, а сами

шарились вокруг, пытаясь до нас добраться. И Гончие тоже, хотя эти не так опасны. А в более глубоких местах обнаруживаешь рои Призраков. Забавные они твари, эти Призраки. Никакого физического вреда от них нет. Может, они даже и не существуют вовсе. Никто не знает, что они такое. Но с ума свести способны. Просто глядишь на них и понимаешь, что они все время наблюдают за тобой.

Повисла выразительная пауза.

Чарли помотал бородой.

— Не место это для женщины, — произнес он. — Канал, в смысле.

— Мне все равно, — ответила Энн, — Вы пытаетесь запугать меня, а я не хочу быть запуганной. Я должна отправиться в канал Безумцев.

— Послушайте, дамочка, — заговорил Чарли, — выберите любое другое место — вообще любое, — и я доставлю вас туда. Но не просите меня отправиться в канал Безумцев.

— Но почему?! — выкрикнула она, — Почему вы его так боитесь?

Энн попыталась прочесть ответ в их лицах, но не смогла.

Чарли заговорил медленно, как можно тщательнее стараясь выбирать слова.

— Потому что Безумный — самый глубокий канал во всем нашем краю. Насколько я знаю, еще никому не удалось побывать на его дне и вернуться живым. Некоторые спускались неглубоко и вернулись — совершенно ошалелые, с пеной изо рта, с оловянными глазами. Они несли полную ахинею. Вот почему канал называется Безумным.

— А теперь послушайте меня, — сказала Энн, — Я проделала весь этот путь не для того, чтобы повернуть назад. Если вы не пойдете со мной, я отправлюсь туда одна. Как-нибудь обойдусь без вашей помощи. Однако вы могли бы значительно облегчить мне задачу и доставить на место гораздо быстрее — ведь вам известны все тропы. Я заплачу. Хорошо заплачу.

— Дамочка, — медленно проговорил Чарли, — мы не проводники. И всех ваших денег не хватит, чтобы заставить нас идти туда, куда мы идти не хотим.

Она стукнула по столу маленьким кулачком.

— Но я хочу вам заплатить. Я настаиваю на этом.

Чарли жестом отмел ее слова.

— Ни единого цента, — заявил он. — Вы не можете купить наши услуги. Но мы готовы рискнуть ради вас, чего бы нам это ни стоило. Просто потому, что мне нравится ваша смелость.

Энн ахнула.

— Так вы пойдете?

Ни один из них не отозвался.

— Просто проводите меня до Безумного, — взмолилась она. — Я не прошу спускаться со мной вниз. Покажите мне самый лучший путь и подождите. Я сделаю все сама. Мне важно только знать, как туда добраться.

Чарли взял кофейник и снова наполнил чашки.

— Мэм, — сказал он, — сдается мне, мы в состоянии отправиться туда, куда способны добраться вы. И не думаю, что мы позволим вам спуститься в Безумный в гордом одиночестве.

Над краем канала с ревом взметнулась заря, затопила землю внезапным светом и наполнила жизнью. Покровные растения развернули широкие мохнатые листья, подставляя их солнцу. Плющи-странники, цепляясь за валуны или выходы скальных пород, судорожно мельтешили в стремлении занять самое освещенное место. Их зеленые полчища сползли с восточного склона, куда забрались накануне, впитывая в себя лучи заходящего солнца, и сломя голову ринулись на западный. Окружающая среда сделала из растений настоящих путешественников, научив их черпать жизненные силы в передвижении. Все пространство канала превратилось в безумную мешанину растительной жизни.

Кент, сжимая в руке ружье, неуклюже выбрался из вездехода. Он поморгал на бледное Солнце, повисшее над кромкой канала, затем прочесал глазами смыкавшийся вокруг них зубчатый горизонт. Старый знакомый пейзаж, типичный для марсианских каналов.

Канал собрал в себе все оттенки красного — от нежно-розового под прямыми лучами восходящего солнца до лиловых теней раннего утра, все еще обнимавших восточную кромку. Буйство красного — ржавые кости мертвой планеты. Тонны кислорода заперты в этих бастионах из камня цвета крови. Неимоверное количество кислорода, достаточное, чтобы сделать Марс пригодным для жизни, навек заковано в оксиде железа.

Похожие на трубы и купола образования поднимались вперемешку с исхлестанными ветром пирамидами и тонкими иглами. Дикий пейзаж. Дикий, безлюдный и неприветливый.

Он окинул взглядом западный горизонт. От края канала, где плато обрывалось и безумные завихрения скальной породы, замороженные в красном камне, сбегали вниз, прямо к ногам Кента, его отделяло миль тридцать, но в разреженной атмосфере молодой траппер мог без всякого увеличительного прибора разглядеть там даже самые мелкие камушки.

Ниже восточной кромки, где лиловые тени еще не успели растаять в утреннем свете, сторожевыми огоньками маячили Призраки. С такого расстояния их формы угадывались лишь смутно. Кент показал им кулак. Проклятые Призраки!

В низинке материализовалось струящееся тело. Гончая прокралась мимо и исчезла. Проскакав по извилистой тропе, нырнул в свою нору марсианский бобер.

Восходящее солнце выдавливало из земли ночной холод. Температура будет теперь подниматься до середины дня и застынет на отметке минус пятнадцать-двадцать градусов по Цельсию.

Из мешанины красных валунов выскочил закованный в силикатную броню Едок. Карающей ракетой он устремился вниз, на человека. Почти устало траппер вскинул ружье, снес зверя одним яростным залпом голубой энергии и вполголоса выругался.

— Нельзя тратить энергию, — пробормотал он. — Ее почти не осталось.

Сунув ружье под мышку, Кент сердито уставился на подстреленного Едока. Выстрел настиг чудовище на середине прыжка, и, падая, оно пропахало в твердой красной почве глубокую борозду.

Траппер обогнул корпус вездехода. Поблизости, намертво заклинившись между двумя валунами, лежала на боку вторая машина.

Из ее открытого воздушного люка выбрался Чарли.

— Ничего хорошего. — Белая борода качнулась внутри шлема из стороны в сторону, — Больше не поедет.

Кент хранил молчание, и старый траппер, подойдя к нему, продолжил:

— Вмятина во весь бок. Весь кварц посшибало. Озон уже приступил к работе. Панели становятся мягкими.

— Полагаю, механизм тоже сдох?

— Вдребезги.

Они стояли бок о бок, печально взирая на разбитую машину.

— Хороший был вездеход, — печально вздохнул Чарли.

— Вот, — заметил Кент язвительно, — что проистекает из намерения сопровождать по всей стране чокнутую дамочку.

Чарли проигнорировал замечание.

— Я собираюсь немного прогуляться по каналу. Погляжу, что тут творится.

— Будь осторожен, — предупредил его молодой траппер, — Тут кругом Едоки. Только что одного пристрелил.

Старик торопливо зашагал по дну канала, пробираясь между разбросанными в беспорядке валунами и зазубренными скальными выходами. Через несколько секунд он

исчез из виду. Кент вернулся к неповрежденной машине и увидел Энн Смит. Та как раз выбиралась из шлюза.

— Доброе утро, — крикнула девушка.

Траппер на приветствие не ответил.

— Наш вездеход сломан, — сказал он. — С этого момента нам придется пользоваться вашим. Будет немного тесно.

— Совсем сломан?

— Совсем. Та авария прошлой ночью. Когда под гусеницами земля осела. Кварц треснул, и озон попал в панели.

Девушка нахмурилась.

— Мне очень жаль, что так вышло. Разумеется, это моя вина. Если бы не я, вы бы тут не оказались.

— Надеюсь, — вздохнул Кент без всякого намека на сочувствие, — это докажет вам, что путешествие по каналам не увеселительная прогулка.

Энн огляделась и поежилась при виде полного запустения.

— Хуже всего Призраки, — пожаловалась она, — Смотрят, все время смотрят...

Мерцающая фигура возникла не более чем в ста футах от них. Некто явно писал что-то на груде сваленных в кучу камней. Призрак выворачивался и отступал вверх, бледный, неузнаваемый, то и дело меняющий облик. То он казался ласковым старым дедушкой с длинной окладистой бородой, то вдруг превращался во что-то крайне и неизъяснимо похабное. Затем так же внезапно, как и появился, Призрак исчез.

Энн вздрогнула.

— Всегда смотрят, — повторила она, — Поджидают за углом. Готовые выскочить и посмеяться над тобой.

— Они действуют на нервы, — согласился Кент, — но их нечего бояться. Они не могут прикоснуться к человеку. Может, они вообще не более чем мираж — игра воображения. Вроде вашего Гарри Отшельника.

Девушка резко обернулась к нему и хмуро спросила:

— Далеко еще до Безумного?

— Не знаю. — Траппер пожал плечами. — Может, несколько миль, а может, сотня. Однако мы должны быть уже рядом.

— Безумный! — донесся из канала крик Чарли. — Безумный! Идите сюда и взгляните на него!

Канал Безумцев был продолжением канала, по которому троица путешествовала до сих пор. Однако теперь их взорам предстало нечто совершенно иное.

Дно канала, внезапно обрываясь, исчезало в провале синих теней. Огромный каньон вытянулся на многие мили, и на всей его протяженности окрестные скалы, слившись в сплошную, почти отвесную стену, подножием своим уходили в казавшиеся бездонными глубины.

— Чарли, что это?

— Не могу сказать, парень, — Белая борода мотнулась за стеклом скафандра, — Но вид, безусловно, впечатляющий. Двадцать лет я топтал эти каналы и никогда не видел ничего подобного.

— Вулканический кратер? — подала голос Энн.

— Возможно, — согласился Чарли, — но, честно говоря, не совсем на него похоже. И все-таки что-то здесь произошло. То ли кусок дна обвалился, то ли еще что.

— Дна не видно, — заметила Энн, — Как будто там внизу голубая дымка. Не совсем как тени. Скорее, как туман или вода.

— Не вода, — отрезал старый траппер, — На это можно поставить последний доллар. Если кто-нибудь когда-нибудь найдет на Марсе столько воды в одном месте, он застолбит участок и сколотит состояние.

— Чарли, — поинтересовался Кент, — тебе доводилось встречать кого-нибудь, кто туда спускался? Ты разговаривал с кем-нибудь, кому удалось это сделать?

— Нет, парень. Ни разу. Но я слышал рассказы о некоторых, кто попробовал. Они так и не стали прежними. Что-то случилось с ними там, внизу. Что-то, что прокрутило им мозги.

Кент почувствовал, как ледяные пальцы коснулись его спины. Молодой траппер уставился в синие глубины Безумного и, напрягая зрение, попытался взглядом проникнуть сквозь завесу, скрывавшую дно. Бесполезно. Чтобы выяснить, что там, внизу, оставалось лишь, собрав волю в кулак, уподобиться тем, кто в своих стараниях лишился разума, и попробовать совершить спуск по этим крутым стенам.

— На вездеходе не проехать.

Он сам удивился собственным словам и отступил от края бездны. Что с ними происходит? Дальше идти нельзя. Еще не поздно отступить и вернуться. При наличии одной машины и многих миль пути им придется двигаться медленно и очень аккуратно. Но справиться можно. Это разумно, а безрассудную храбрость пусть проявляют другие.

И словно из неимоверного далека до него долетели слова Уоллеса:

— Ясное дело, придется идти пешком. Но у нас должно получиться. Будем надеяться, внизу обнаружится воздух — достаточно плотный, чтобы дышать и не наглотаться озона. Может, там и вода отыщется.

— Чарли! — воскликнул Кент. — Ты не знаешь, что говоришь! Мы не сможем...

Молодой траппер осекся на середине фразы и прислушался. Еще сквозь звук собственного голоса он различил эту первую странную вибрирующую ноту, прилетевшую откуда-то из верховий канала. Ему и раньше доводилось слышать нечто подобное — далекий рокот бегущих ног, скрежет одного камнеподобного тела о другое.

— Едоки! — заорал Кент. — Едоки мигрируют!

Он быстро огляделся. Бежать некуда. Возле пропасти канал сужался, и его склоны переходили в отвесные стены. О попытке отбиться от мчащегося на них грохочущего стада не стоило даже помышлять. Кроме того, в ружьях осталось слишком мало энергии, в узком проходе придется вести непрерывный огонь, и аккумуляторы разрядятся мгновенно.

— Давайте вернемся к машине! — завопила Энн, ударяясь в бегство.

— Не успеем! — Кент, догнав девушку, сгреб ее в охапку и развернул. — Слышите этот грохот? Они несутся во весь опор! Будут здесь через минуту!

Чарли что-то кричал им, тыча пальцем в Безумный. Молодой траппер кивнул, соглашаясь. Да, только этот путь оставался для них открытым. Негде спрятаться, негде встать и принять бой. Бегство — единственный выход. Но он вел их прямо в пасть канала Безумцев.

— Может, это наш шанс! — орал Чарли. Его ярко-голубые глаза горели от возбуждения, — Если успеем добраться до тени.

Стараясь не потерять равновесия, они начали лихорадочный спуск. Мягкие камни крошились, разъезжаясь из-под стальных подошв ботинок. Душ из булыжников сопровождал их, стуча и шурша вниз по склону. Солнце, моргнув, пропало из вида, когда беглецы достигли края густой тени и, постепенно замедляя темп спуска, остановились.

Кент оглянулся. Наверху царила полная неразбериха. Огромные твари, закованные в силикатный панцирь, сбившись в единое суетливое месиво, толкались и дрались между собой, лишь бы не свалиться в канал Безумцев. Передние вставали на дыбы, брыкались и упирались. Задние давили. Некоторые, не сумев удержаться на краю, кувыркались вниз, скользили, отчаянно цепляясь когтями, и лихорадочно ползли обратно. Другие упрямо карабкались вверх по отвесным стенам.

Три человека следили из глубины за борьбой в поднебесье.

— Даже проклятые Едоки боятся Безумного, — изрек Чарли.

Их окружали Призраки. Сотни Призраков колыхались, плыли, возникали и пропадали. В синих тенях нижнего мира они казались язычками пламени на слабом ветру. Призраки раскачивались туда-сюда, мерцали, вспыхивали и оплывали. Бесплотные существа то и дело принимали

всевозможные формы: прекрасные в своей сложности, угловато-плоские, уродливые, чудовищные, непристойные и ужасные.

А еще на всех троих навалилось жуткое ощущение непрестанного наблюдения. Казалось, чуждые глаза следили за людьми, ждали, что те предпримут дальше, и было непонятно, имеется в том скрытая насмешка или отвратительный умысел.

— Черт подери! — Кент, споткнувшись, ушиб большой палец на ноге. — Черт подери! — повторил он, выравнивая шаг.

Воздух сделался плотнее, и концентрация озона значительно уменьшилась. Полчаса назад беглецы отключили подачу кислорода и отщелкнули стеклянные забрала шлемов. Воздух, разреженный и убогий по земным стандартам, тем не менее годился для дыхания, а скудные запасы кислорода в баллонах следовало экономить.

Энн, споткнувшись, повалилась на Кента. Он подхватил ее, помог подняться на ноги и обнаружил, что девушка заметно дрожит.

— Если бы только они на нас не смотрели, — шепнула Энн. — С ума можно сойти! Наблюдают! Ни единого намека на дружелюбие или враждебность. Вообще никаких эмоций. Хоть бы они ушли... Сделайте что-нибудь! — Ее шепот оборвался на истерической ноте.

Кент промолчал. Что тут скажешь? Он лишь почувствовал прилив дикого гнева на Призраков. Если бы только человек мог что-либо с ними поделать! Едока и Гончую можно убить выстрелом. Но ружья и кулаки бессильны против этих светящихся форм, этих танцующих, мерцающих тварей, которые, судя по всему, не имеют даже осязаемой плоти.

Чарли брел впереди. Внезапно он остановился.

— Там что-то есть. Совсем близко. Я заметил движение.

Кент встал рядом с ним и взял ружье на изготовку. Оба застыли в ожидании, всматриваясь в синие тени.

— Как оно выглядело?

— Не могу сказать, парень. Я видел его лишь мельком. Но, по-моему, забавный экземпляр, — прокомментировал Чарли.

Камень выскочил у них из-под ног и со стуком ускакал вниз по склону.

Существо, издавая скрежещущий звук, двигалось вверх по склону. Человеческие ноздри уловили едва заметный запах, слабый намек на вонь, от которого у Кента зашевелились волосы на загривке.

Тварь возникла из сумрака, и люди в ужасе застыли при ее появлении. Кошмарным обликом создание превосходило любое ящерообразное чудовище, когда-либо выползавшее из первобытного болота на новорожденной Земле. Казалось, оно вобрало в себя всю ненависть и злобу, какие в течение долгих тысячелетий находили пристанище на древней планете Марс, и придало им материальную форму. Слюна капала с его отвисшей челюсти, жуткий череп криво ухмылялся незваным гостям, обнажая клыки, сочащиеся какой-то мерзостью.

Под звеневший в ушах крик Энн Кент вскинул было ружье, но Чарли, протянув руку, выхватил у него оружие.

— Погоди стрелять, парень, — раздался его негромкий и спокойный голос. — Вон там, ровно справа от нас, еще один, и вроде бы я видел еще парочку сразу за ними.

— Отдай ружье! — заорал Кент, однако, метнувшись к Чарли, он краем глаза заметил еще с дюжину тварей, сгрудившихся в темноте.

— Лучше не дразнить их, сынок, — все так же негромко произнес старый траппер, — Они дьявольские отродья, это точно.

Он вернул винтовку враз успокоившемуся Кенту и начал медленно, шаг за шагом пятиться вверх по склону.

Троица дружно, но медленно отступала с ружьями на изготовку, когда между ними и припавшими к земле чудовищами неожиданно материализовался одинокий Призрак. Он не колебался, не менял форму, а держался прямо и четко,

словно пламя свечи в безветренную ночь. Рядом с ним возник еще один, и внезапно их стало несколько. Призраки медленно поплыли вниз по склону прямо на тварей с мертвыми головами, по мере приближения обретая четкость и все более насыщенный цвет, пока не заполыхали плотными колоннами синего пламени на фоне более светлой синевы вечных теней.

Упыри с разинутыми пастями развернулись и проворно ушуршали назад, обратно в тайны нижних горизонтов канала Безумцев. Люди глядели им вслед, едва веря своим широко раскрытым глазам.

— Спасенные Призраком! — нервно рассмеялся Кент.

— Что ж, может, они не так уж и плохи, в конце концов, — еле слышно пробормотала Энн. — Не пойму, зачем они это сделали.

— И как они это сделали, — добавил Кент.

— Главное, — сказал Чарли, — зачем. Я никогда не слышал ни об одном Призраке, который принял бы участие в судьбе человека, а топчу эти каналы уже двадцать марсианских лет.

Кент перевел дух.

— А теперь, — предложил он, — ради бога, давайте повернем назад. Мы не найдем здесь никакого отшельника. Ни один человек не прожил бы здесь и недели, не имея при себе нескольких специально обученных Призраков, чтобы все время его охранять. Нет никакого смысла продолжать и нарываться на неприятности.

Чарли взглянул на Энн.

— Это ваша экспедиция, мэм.

Она переводила взгляд с одного на другого. На лице девушки читался испуг.

— Полагаю, вы правы, — произнесла она. — Никто не может жить здесь. Мы никого здесь не найдем. Наверное, это действительно просто миф, — Ее плечи обреченно поникли.

— Скажите только слово — и мы пойдем дальше, — произнес Чарли.

— Да, черт подери, — согласился Кент, — но с нашей стороны это безумие. Теперь я понимаю, почему люди вылезали отсюда с напрочь съехавшими мозгами. Еще несколько таких тварей — и я сам свихнусь.

— Смотрите! — вскрикнула Энн, — Смотрите на Призраков. Они пытаются нам что-то сказать!

Она не ошиблась. Призраки, по-прежнему пылая насыщенно-синим светом, образовали перед людьми полукруг. Один из них выплыл вперед. Цвет его тек и менялся, пока не принял форму, по очертаниям схожую с человеческой. Правая рука, сперва указав на пришельцев, махнула вниз по склону. Те не поверили своим глазам, когда движение повторилось.

— Что ж, — пробормотала Энн, — мне определенно кажется, что он хочет, чтобы мы двигались дальше.

— Лопни моя селезенка, именно это тварь и пытается нам сказать! — воскликнул Чарли.

Прочие Призраки рассредоточились и окружили людей кольцом. Принявший форму человека поплыл вперед, указывая дорогу. Другие приблизились, словно желая подтолкнуть.

— Полагаю, — заметил Кент, — мы идем. Хотим мы того или нет.

Охраняемые кольцом призраков, все трое двинулись вниз по склону. Доносившиеся снаружи непонятные и ужасные звуки, завывание, шипение и прочие шумы недвусмысленно напоминали о присутствии кошмарных тварей. Странные и жуткие создания неуклюже передвигались в темноте, боролись за существование и погибали здесь, у самого дна канала Безумцев.

Тени сгустились почти до полной непроницаемости. Воздух сделался плотнее. Температура быстро поднималась.

Казалось, они идут по ровной земле.

— Мы случайно не достигли дна? — поинтересовался Кент.

Кольцо Призраков расступилось, оставив людей одних. Кусок скалы перед ними резко ушел вверх, и из пещеры за ним хлынул свет, исходящий от полудюжины радиевых колб. Невдалеке виднелся припавший к грунту темный силуэт.

— Ракетный корабль! — ахнул Кент.

На фоне освещенного пещерного проема возникла фигура человека.

— Отшельник! — воскликнул Чарли, — Гарри Отшельник. Лопни моя селезенка, если это не старина Гарри собственной персоной!

Рядом с собой молодой траппер услышал девичий голос.

— Я не ошиблась! Я не ошиблась! Я знала, что он должен быть где-нибудь здесь!

Человек направился к ним. Лицо огромного дядьки с широченными плечами обрамляла золотистая борода. Жизнерадостный голос громыхнул приветствие.

При звуках этого голоса Энн вскрикнула, причем крик ее выражал наполовину радость, наполовину неверие. Она неуверенно шагнула вперед и вдруг помчалась прямо к отшельнику.

И бросилась к нему на шею.

— Дядя Говард! — верещала она, — Дядя Говард!

Незнакомец обхватил своими мускулистыми руками облаченную в скафандр девушку, поднял ее и поставил обратно на землю.

Энн повернулась к спутникам.

— Это мой дядя, Говард Картер, — представила она отшельника. — Вы о нем слышали. Лучшие друзья называют его Безумным Картером, из-за того, что он делает. Но ведь ты на самом деле не сумасшедший, правда?

— Только временами, — пророкотал Картер.

— Он то и дело уезжает в экспедиции, — рассказывала девушка, — И всегда объявляется в неожиданных местах. Но он при всем при том ученый, действительно хороший ученый.

— Я слышал о вас, доктор Картер, — заверил Кент, — Рад обнаружить вас здесь, внизу.

— Могли найти и что похуже, — заметил великан.

— Лопни моя селезенка, — сказал Чарли, — Человеческое существо живет на дне Безумного!

— Проходите, — пригласил Картер, — Сейчас всем будет по чашке горячего кофе.

Кент, радуясь возможности побыть без скафандра, вытянул ноги и оглядел помещение. Оно казалось огромным и более всего походило на обширную карстовую пещеру. Видимо, скалы, окаймлявшие Безумный, оказались источены пещерами и лабиринтами — идеальное место для базового лагеря.

Однако их занесло не просто в лагерь. Обстановка в помещении отличалась разнообразием и несколько озадачивала. Столы, стулья и обогреватели торчали вперемешку с лабораторным оборудованием и подозрительного вида механизмами. Одна из таких машин, стоявшая в углу, издавала непрерывное бормотание и пощелкивание. В другом углу прямо в воздухе между полом и потолком висел громадный шар, а исходившее из его глубин сияние было таким ярким, что на него невозможно было смотреть. Повсюду высились кучи тюков и штабеля коробок с материалами и инструментами.

— Похоже, вы планируете задержаться здесь на некоторое время, доктор Картер. — Кент обвел рукой пещеру.

Человек с золотистой бородой, сняв с плиты кофейник, коротко хохотнул. Его смешок эхом отдался во всем помещении.

— Может, останусь и надолго. Хотя вряд ли. Моя работа здесь почти завершена. — Картер разлил дымящийся кофе по чашкам, — Давайте все сюда.

Он занял место во главе маленького стола.

— Утомительная работа спускаться в Безумный. Почти пять миль.

Чарли поднес чашку ко рту, сделал большой глоток, тщательно вытер усы и бороду.

— Да, признаться, ничего себе прогулочка, — согласился он, — Двадцать марсианских лет я ставлю ловушки по каналам и никогда не видел ничего подобного. Что сотворило его, док?

Доктор Картер выглядел озадаченным.

— А, — сообразил он, — вы имеете в виду Безумный?

Чарли кивнул.

— На самом деле не знаю, — пожал плечами гигант, — С тех пор как прибыл сюда, я был слишком занят другими вещами, чтобы попытаться это выяснить. Уникальная впадина в поверхности планеты, но почему или как она возникла, понятия не имею. Хотя могу выяснить для вас за минуту, если хотите. Забавно, мне самому никогда не приходило в голову поинтересоваться.

Он оглядел стол, и глаза его остановились на Энн.

— Но есть кое-что, что мне хотелось бы знать! Каким образом моей драгоценной племяннице удалось меня выследить?

— Но я тебя не выслеживала, дядя Говард, — заверила девушка, — Я вообще тебя не искала. Даже не думала, что ты где-либо поблизости. Я полагала, что ты снова отправился в одну из своих безумных экспедиций.

Чарли подавился едой.

— Что? — переспросил он. — Вы охотились не за ним? — Старый траппер указал большим пальцем в сторону Картера.

— Нет, — покачала головой Энн. — Я искала Гарри Отшельника.

— Вот черт! — взорвался Чарли. — А я-то думал, мы его нашли. Решил, что ваш дядя и есть отшельник и что вы знали это с самого начала.

— Минуточку, — Вилка доктора Говарда Картера лязгнула по тарелке, — Что это за разговоры об отшельниках?

Он сурово посмотрел на Энн.

— Ты ведь не наговорила этим людям, что я отшельник?

— Черт, — подал голос Кент, — ну давайте же наконец признаем, что такого персонажа, как Гарри Отшельник, не существует. Он просто миф. Я вам твердил это всю дорогу.

Энн тем временем пустилась в разъяснения:

— Дело было так. Я искала Гарри Отшельника. Джим Брэдли, знаменитый исследователь, сказал мне, что если Гарри Отшельник действительно существует, то искать его нужно в Безумном. Он сказал, что канал Безумцев — единственное место, где человек может прожить какое-либо время с каким бы то ни было комфортом. И еще он сказал, что у него имеются причины полагать, что здесь кто-то живет. Поэтому я отправилась на поиски.

— Но, — перебил ее дядя, — зачем тебе понадобилось искать этого отшельника? Просто из любопытства?

— Нет, — девушка покачала головой, — не из любопытства. Видишь ли, дядя, это все из-за папы. Он опять попал в беду...

— В беду?! — рявкнул Картер. — Очередной эксперимент, полагаю? Что на этот раз? Вечный двигатель?

— Нет, не вечный двигатель. На этот раз он преуспел. Даже слишком. Он построил машину, как-то связанную с пространством-временем, с промежуточными измерениями, и попытался перебраться в иное измерение. Это было месяц назад.

— И он все еще не вернулся, — предположил великан.

— Откуда ты знаешь? — Энн подняла на него глаза.

— Потому что я предупреждал его, что так и будет, если он не прекратит баловаться с другими измерениями.

— Но какое отношение имел ко всему этому отшельник? — спросил Кент.

— Брэдли сказал мне, что, по его мнению, Отшельник на самом деле профессор Бельмонт. Ну, знаете, великий психиатр. Он пропал пару лет назад, и с тех пор от него не было вестей. Брэдли допускал, что он, возможно, проводит какие-

то эксперименты здесь, внизу. Может, отсюда и пошла легенда об Отшельнике.

Чарли хихикнул.

— Первые истории о Гарри Отшельнике я слышал еще лет десять назад. Судя по вашим словам, мэм, они начали проникать в цивилизованное общество. Никто не взращивал их намеренно, они росли сами по себе.

Картер отодвинул тарелку.

— Бельмонт здесь появлялся, — Гигант подался вперед, положив локти на стол, — Но он мертв. Твари снаружи убили его.

— Убили! — Лицо у Энн побелело. — Ты в этом уверен?

Дядя кивнул.

— Он был единственным человеком, кто мог бы помочь папе, — напряженно произнесла девушка, — Он был единственным, кто мог бы понять...

— Мне Призраки сказали, — пояснил Картер, — Ошибки быть не может. Бельмонт мертв.

Чарли поставил кофейную чашку и уставился на Картера.

— Вы говорили с Призраками, мистер?

Великан кивнул.

— Лопни моя селезенка, — пробормотал старый траппер. — Кто бы мог подумать, что эти твари способны говорить.

Картер оставил без внимания его реплику.

— Энн, — обратился он к девушке, — возможно, я смогу что-нибудь для тебя сделать. Вернее, не сам. Призраки.

— Призраки? — переспросила Энн.

— Конечно Призраки. Что еще изучать здесь, как не Призраков? В Безумном их тысячи. Именно за этим шел сюда Бельмонт. Когда он не вернулся, и никто не смог его отыскать, я тайно отправился в это место. Я полагал, что он нашел нечто такое, о чем не хотел поведать остальному миру, поэтому и сам постарался не оставить следов, чтобы никто не пошел за мной.

—Но как Призраки могут кому-либо помочь? — спросил Кент. — Они явно существа совершенно иного порядка. Они не имеют ничего общего с человечеством. Никакого взаимопонимания.

Борода у Картера воинственно встопорщилась.

— Призраки, — произнес он, — существа свободные. Вместо протоплазмы они состоят из определенных силовых полей. Они существуют независимо от всего, что для нас жизненно необходимо. И все же это жизнь. Разумная жизнь. Они являются истинно господствующей расой Марса. Некогда они были не такими, как сейчас. Их нынешняя форма — продукт эволюции. Едоки эволюционировали, нарастив силикатные латы. Гончие и бобры противостояли среде, научившись обходиться минимумом еды и воды и отрастив густой мех, чтобы защититься от холода. Все это результат эволюции.

Призраки могли бы решить многие проблемы человечества, могли бы за одну ночь сделать нашу расу богоравной. Если бы захотели, конечно. Но они не захотят. У них нет ни способности жалеть или ненавидеть, ни стремления сделаться благодетелями. Им просто все равно. Они совершенно бесстрастно наблюдают за жалкой борьбой людей здесь, на Марсе, и если вообще что-то чувствуют, то разве что только некую разновидность самодовольной иронии.

— Но ты все-таки подружился с ними, — заметила Энн.

— Не подружился. Мы просто пришли к пониманию, заключили соглашение. Призракам недостает чувства сотрудничества и ответственности. У них отсутствует понятие лидерства. Призраки — истинные индивидуалисты, но они понимают, что именно эти недостатки встали на пути прогресса. Их знание при всем его величии тысячи лет пролежало в спячке. Они сознают, что при разумном руководстве могут пойти вперед и увеличить это знание, сделаться расой чисто интеллектуальных существ, ровней чему угодно в Солнечной системе, а то и во всей Галактике.

Картер задумался на мгновение, барабаня пальцами по столу.

— Я обеспечил им это руководство, — заявил он.

— Но как насчет папы? — напомнила Энн, — Вы с ним никогда не ладили, ненавидели друг друга, я знаю, но ты можешь помочь ему. Ты ведь поможешь ему, правда?

Ученый молча поднялся из-за стола и проследовал к той самой загадочной машине, что бормотала и щелкала в дальнем конце зала.

— Мой коммуникатор, — пояснил он. — Устройство, которое позволяет говорить с Призраками. Создано по принципу радио. Настраивается на частоты мысленных волн Призраков. Через эту машину проходит каждый клочок информации, которую Призраки желают мне передать. Мысли записываются на бобины тонкой проволоки. Чтобы узнать, что было передано на коммуникатор, мне остается лишь надеть мыслепередающий шлем, прокрутить через него бобины с проволокой, и их мысли соприкасаются с моим мозгом. Я ничего не слышу, ничего не чувствую — но я знаю. Мысли призраков отпечатываются у меня в мозгу, становясь моими собственными.

Чарли в изумлении затряс бородой.

— Тогда вам известно все, что происходит на Марсе, — восторженно произнес он, — Призраки повсюду, они все видят.

— Я знаю лишь то, что они считают необходимым мне сообщить, — поправил Картер, — А они в свою очередь имеют возможность выяснить все, что мне захочется знать.

— А как вы сами разговариваете с ними? — спросил Кент.

— Процесс один и тот же, — ответил ученый, — Шлем передает мои мысли им.

Картер взял шлем и водрузил на голову.

— Сейчас узнаю про твоего отца, — обратился он к Энн.

— Но он не в этом пространстве времени, — запротестовала девушка, — Он где-то еще.

Великан улыбнулся.

— Призраки все про него знают. Несколько недель назад они рассказывали мне о человеке, затерянном вне нашей пространственно-временной структуры. Должно быть, речь шла о твоем отце. А я и не подозревал.

Он посмотрел прямо на племянницу.

— Пожалуйста, поверь мне. Если бы я знал, кто это, я бы непременно что-нибудь предпринял.

Та кивнула, глаза у нее горели.

В пещере повисла долгая тишина. Наконец Картер снял с головы шлем и поставил его на металлическую подставку.

— Ну? Ты знаешь... Призраки знают что-нибудь о нем? — раздался нетерпеливый девичий голос.

Дядя кивнул.

— Энн, — сказал он, — твоего отца вернут. Ни один смертный не в силах вернуть его обратно в нормальное измерение, но Призраки могут. Они владеют способностью взаимодействовать с материальными предметами, искривлять мировые линии и перекручивать межизмеренческие координаты.

— Ты говоришь правду? — взволнованно спросила девушка. — Это не просто твой очередной розыгрыш?

Лицо в обрамлении золотой бороды широко ухмыльнулось, а затем помрачнело.

— Дитя, я не шучу с такими вещами. Это слишком серьезно.

Великан оглядел помещение, словно ожидая какого-то события.

— Твой отец будет здесь с минуты на минуту, — заявил он.

— Здесь?! — воскликнула Энн, — Здесь, в этой пещере?..

Ее голос внезапно прервался. Зал вдруг наполнился Призраками, и в самой их гуще материализовался человек — мужчина с морщинами изумления поперек лба, с сутулыми плечами, в очках с толстыми линзами. Словно от дуновения ветра Призраки исчезли, оставив человека в одиночестве.

— Папа! — подлетела к нему Энн, — Ты вернулся, папа!

Она бросилась к нему в объятия, а мужчина, глядя через ее плечо, вдруг заметил гиганта с бородой.

— Да, Энн, — произнес он, — я вернулся.

Лицо его напряглось, когда Картер сделал шаг в их сторону.

— Ты здесь, — рявкнул доставленный Призраками незнакомец, — Так я и знал. Где что-то затевается, ты всегда поблизости.

У бородатого гиганта в горле клокотал смех.

— Стало быть, ты отважился сунуться в измерения, не так ли? — насмешливо поинтересовался он. — Ты же всегда мечтал это сделать. Великий Джон Смит, единственный человек, когда-либо выбиравшийся за пределы четырехмерного континуума.

Смех его, казалось, сотряс пещеру.

— Полагаю, ты меня вытащил, — процедил Смит сквозь зубы, — Поэтому можешь насмехаться надо мной.

Мужчины стояли, меряясь взглядами, и Кент кожей ощутил существующее между ними непримиримое противоречие, не поддающееся доводам разума.

— Я не стану благодарить тебя за это!

— Что ж, Джон, я и не рассчитывал, — хохотнул Картер, — Я знал, что ты меня за это еще больше возненавидишь, а старался вовсе не ради тебя. Я сделал это для твоей девочки. Ради твоего спасения она примчалась сюда из Лэндинг-Сити, преодолев сотни миль пустыни и каналов. Она спустилась в Безумный. Для нее я это сделал. Для нее и для двух храбрых парней, которые ей помогли.

Смит явно впервые заметил Кента и Чарли.

— Благодарю вас, — кивнул он, — за все, что вы сделали.

— Ерунда, — отозвался Чарли, — Ничего особенного. Мне всегда хотелось проведать Безумный. Никто еще не выбирался отсюда в своем уме. Большинство вообще не выбирались.

— Если бы не мои Призраки, вы бы тоже не выбрались, — напомнил ему Картер.

— Отец, — взмолилась Энн, — ты не должен вести себя так. Дядя Говард вернул тебя назад. Он единственный человек, который оказался на это способен. Если бы не он, ты бы до сих пор пребывал в другом измерении.

— Каково это, Джон? — поинтересовался Картер, — Темно и ничего не видно?

— Между прочим, — отозвался Смит, — именно так и было.

— Это ты так думал, — хихикнул великан, — Потому что у тебя не было нужных ощущений и способности к восприятию, чтобы видеть, слышать или установить какие-либо связи или ассоциации в том мире. Неужели ты на самом деле думал, что твои жалкие человеческие чувства буду служить тебе в подобном месте?

— Что ты об этом знаешь? — прорычал Смит.

— Призраки, — ответил Картер, — Не забывай, Призраки рассказывают мне все.

Великан обвел взглядом пещеру.

— А теперь, боюсь, вам пора. — Золотобородый гигант посмотрел на Энн, — Я сделал, что от меня требовалось, не так ли?

Она кивнула и поинтересовалась:

— Ты нас выгоняешь?

— Называй это так, если хочешь, — пожал плечами Картер. — Мне нужно работать. Дел непочатый край. Одна из причин, по которым я забрался в самую глубину канала Безумцев, — необходимость побыть одному.

— Эй, послушайте, мистер, — резко произнес Чарли, — подъем из Безумного долог. Еще дольше добираться до нашего иглу. Вы же не выставите нас, не дав отдохнуть?

— Не обращайте внимания на этого безумца, — заметил Смит. — Он всегда был таким. Разум просыпается в нем лишь изредка.

Картер, словно не слыша слов брата, обратился к Чарли:

— Вам не придется идти назад пешком. Там, снаружи, мой ракетный корабль. Возьмите его. — Великан хихикнул, — Можете не возвращать. Это мой подарок.

— Но дядя! — воскликнула Энн, — А как же ты?

— Не беспокойся. Мне он не понадобится. Призраки в мгновение ока могут доставить меня куда угодно — стоит только передать им мое пожелание. Я перерос ваши глупые ракетные корабли. Как и множество других вещей.

Он обвел рукой пещеру и указал на сияющий шар, что висел между полом и потолком.

— Чистая энергия. Внутри этой сферы из силовых волн генерируется колоссальная мощь. Постоянный, эффективный и очень надежный источник энергии. Это единственная оболочка, способная выдержать невероятное давление и любую температуру.

Великан умолк, огляделся.

— Одна из вещей, которым я научился, — продолжил он, — Только одна из многих. Призраки — мои учителя, но со временем я стану их повелителем.

В его глазах зажегся безумный огонек фанатизма.

— Эй, парень, — подал голос Кент, — да ты прославишься как величайший ученый, какого знал мир.

Глаза Картера, казалось, вспыхнули.

— Нет, не прославлюсь! Потому что не собираюсь никому ничего рассказывать. Почему я должен что-то кому-то рассказывать? Что такого сделало для меня человечество? — Его смех гремел и отдавался эхом под сводами, — Сами ищите! — выкрикнул он, — Идите и ищите сами! Вы потратите на это миллион лет!

Голос его сделался спокойнее.

— Призраки практически бессмертны. Не абсолютно, но близко к тому. Прежде чем покончить с исследованиями, я сам стану бессмертным. Есть способ. Еще немного — и я им овладею. Я стану Призраком! Сверх-Призраком — существом чистой силы. И когда это произойдет, мы с остальными Призраками покинем изношенный мир. Мы выйдем в бездну и

построим новый мир, совершенный. Мы будем жить целую вечность, будем наблюдать и смеяться над глупыми трепыханиями мелких людишек.

Четыре пары глаз, не мигая, следили за ним.

— Ты говоришь это не всерьез, Говард, — запротестовал Смит. — Ты не можешь так думать.

Безумный огонь исчез из глаз Картера.

— Почему, Джон? — поинтересовался он гулким от готового прорваться наружу смеха голосом.

Сунув руку за пазуху, Картер извлек маленький предмет, блеснувший в свете радиевых колб. Все увидели висевший на цепочке ключ. Гигант через голову снял с шеи цепочку и протянул ключ Кенту.

— От ракетного корабля, — пояснил он, — Топливные баки почти полные. Поднимете его под углом градусов в тридцать, чтобы миновать скалы.

Молодой траппер взял ключ и неловко повертел в руках.

— Надеюсь, ваше путешествие будет приятным, — не без ехидства произнес Картер и церемонно поклонился.

Двое трапперов, девушка и профессор, медленно повернулись и направились к двери.

— И скажите всем, кого встретите, — крикнул им вслед великан, — чтобы не пытались спускаться в Безумный. Передайте им, что у них могут быть неприятности.

Чарли обернулся:

— Мистер, по-моему, у вас не все дома.

— Вы не первый, кто мне это говорит, — успокоил его Картер, — И может быть... Что ж, порой мне кажется, что они правы.

Крепкий и надежный ракетный корабль несся над красными пустынями. Далеко внизу беспорядочное пересечение каналов, имевших более глубокий оттенок, казалось вытравленным огненными линиями.

— Вот тебе, парень, и еще одна история, чтобы рассказывать мальчишкам, — обратился Чарли к Кенту, — Очередная байка про Гарри Отшельника.

— Не поверят, — отмахнулся молодой траппер. — Выслушают, а потом немного подправят и перескажут еще кому-нибудь. А кто-то другой добавит что-то свое. Все, что мы можем, Чарли, это дать жизнь другому, еще более великому, Гарри Отшельнику.

Сидящая рядом с отцом Энн улыбнулась.

— Ну просто парочка мифотворцев.

Чарли, почесывая бороду, изучал проплывающий внизу пейзаж.

— Знаете, — произнес он, — я по-прежнему думаю, что тот парень не в своем уме. Он попытается превратиться в Призрака — и сделается самым что ни на есть обычным земным привидением. Тем, которых просто не существует...

Призрак материализовался внезапно, слегка мерцая в кабине...

И впервые за известное человеку время — возможно, впервые за всю историю — призрак заговорил. Голосом, который все мгновенно узнали. Громкий и насмешливый, он принадлежал великану из канала Безумцев:

— Вы действительно так считаете?

В следующее мгновение Призрак потускнел и пропал из глаз.

КОСМИЧЕСКИЕ ТВАРИ

Глава 1

ПЛАМЯ В КОСМОСЕ

Это было совершенно невозможно. И все же... Все же загадочное создание парило в открытом космосе на сверкающих крыльях. На крыльях, которые оставались неподвижны, но в то же время в них непостижимым образом ощущались мощь и быстрота, как при взгляде на широкую реку, величаво несущую свои воды. Испещренные красными прожилками, они отливали зеленью в лучах далекого Солнца.

Тело существа было словно бы соткано из потоков света. На мгновение перед глазами капитана Джонни Лоджа промелькнула голова совершенно немыслимых очертаний. Никогда прежде ему не доводилось видеть ничего подобного. От этой головы исходило ощущение чистого, беспримесного зла и первозданной жестокости.

Карен Франклин, стоящая рядом с ним, задохнулась от изумления.

— Космическая тварь, — сказал Джордж Фостер, второй пилот, — Что еще это может быть?

И верно, других предположений ни у кого не возникало. Вот только самим своим существованием тварь разрушала все человеческие представления об устройстве мироздания. Ее не могло быть, наука давным-давно исключила возможность появления чего-либо подобного. И все же вот она, космическая тварь, — парит в вакууме рядом с «Карен», одним из лучших реактивных космических кораблей Солнечной системы, с легкостью поддерживая его скорость.

— Чертово порождение пустоты... — пробормотал Джордж. — Мне кажется, оно обогнало нас, проскочило

мимо, а потом поднырнуло. Я все не могу взять в толк, зачем ему нужны эти крылья? Оно же передвигается на реактивном принципе. Смотрите, снова выхлоп.

От крылатого существа отделилось облачко белесого газа, поплыло прочь и быстро растаяло в безвоздушном пространстве. При этом чудовище стремительно рванулось вперед, его зеленые крылья вспыхнули в рассеянном солнечном свете.

Карен Франклин придвинулась ближе к капитану. Их взгляды встретились, и ему показалось, что в глубине ее синих глаз мелькнуло нечто похожее на страх.

— Значит, все эти истории о поясе — правда, — проговорила девушка, — Те, что ходят среди рудокопов астероидных копей.

Джонни серьезно кивнул.

— Да, выходит, не все их россказни — досужие выдумки, — сказал он. — По крайней мере, некоторые легенды точно не врут.

Он снова повернулся к иллюминатору и стал рассматривать необычное существо. Космическая тварь!.. Он слышал истории об этих созданиях, но считал их не более чем мифами, которые часто рождаются в отдаленных уголках Солнечной системы.

Одним из таких медвежьих углов был пояс астероидов. Этакая «ничейная земля» — опасная для навигации, малопригодная для жизни, совершенно непредсказуемая. Об астероидном кольце мало что известно, потому что космические корабли обходят его стороной, и тому есть причины. Единственные, кто более или менее знает пояс, это рудокопы малых планет, но это племя космических бродяг держится особняком.

Космическая тварь оказалась реальностью. Отрицать это было уже поздно. Джонни протер глаза и снова посмотрел в иллюминатор. Не помогло — загадочное существо и не думало исчезать.

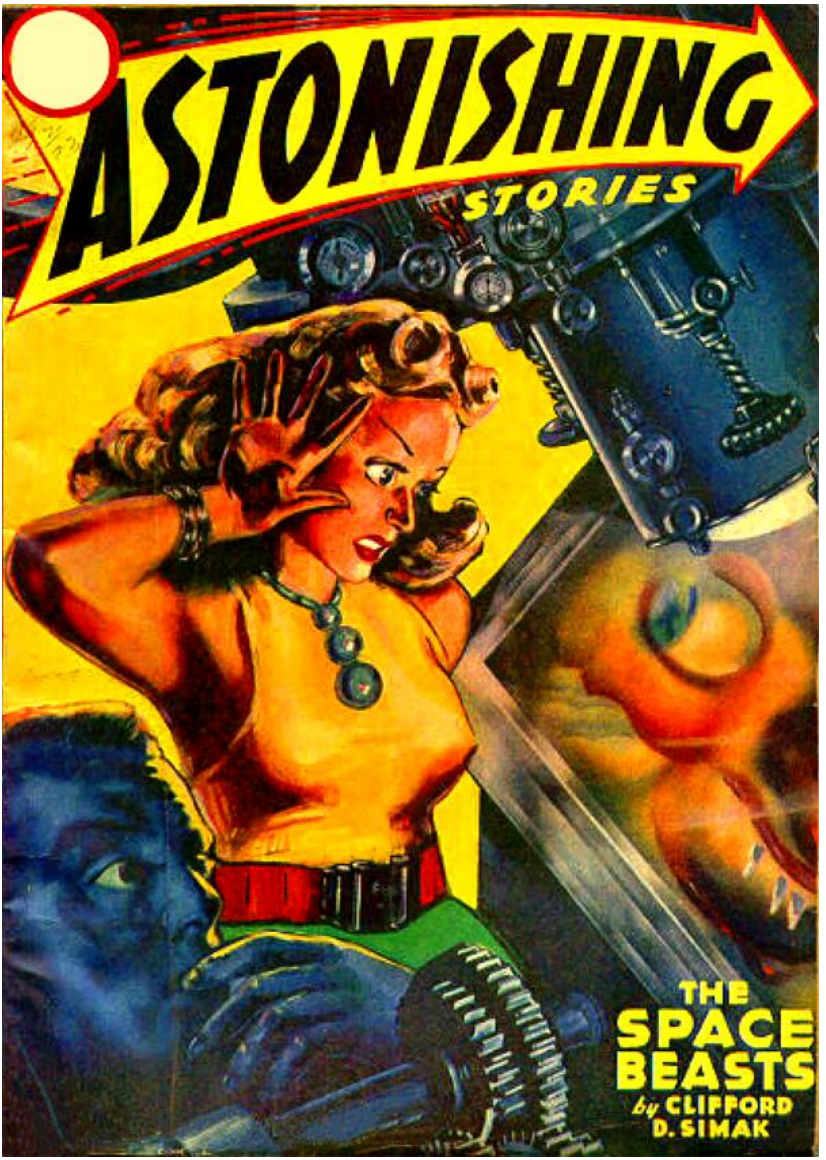
Протоплазма не может существовать в межпланетном пространстве. Там слишком холодно и нет атмосферы. Протоплазма... В ней-то и загвоздка. Все известные формы жизни состоят из протоплазмы, но можно ли из этого сделать вывод, что протоплазма — основа любой жизни? Протоплазма сама по себе не есть жизнь. Жизнь — это что-то иное, некая толком не изученная совокупность явлений — изменений, развития, движения... Жизнь — таинственная штука, она умеет хранить свои секреты. И сколько ученые ни бьются над ее загадкой, решение каждый раз ускользает. Им удалось выявить и описать ту зыбкую грань, по одну сторону которой есть жизнь, а по другую, согласно нынешним данным, ее нет. Эта расплывчатая грань — та исчезающе малая гипотетическая область, где жизнь обретает форму, облик и способность к движению. Во всем изученном пространстве Солнечной системы проявления жизни имеют в своей основе протоплазму. Однако означает ли это, что иные проявления жизни невозможны?

По левому борту корабля плыл в пространстве астероид, капитан видел его металлический блеск в иллюминаторе. Расстояние до малой планеты составляло всего несколько миль, курс «Карен» пролегал мимо нее. Астероид не угрожал кораблю, и все же Джонни с тревогой посматривал на него. Такие вот небольшие скалы неправильной формы отражают очень мало света и потому остаются почти невидимыми. Их орбиты постоянно меняются, а скорости зачастую огромны. Порой малые астероиды удается засечь только тогда, когда они заслоняют звезды.

— Возможно, нам стоит лечь на обратный курс, Карен, — сказал капитан, — Ломиться напролом — глупо. Твой отец нас поймет. Не нравится мне все это, — Он махнул рукой в сторону парящей в вакууме космической твари.

Девушка упрямо покачала головой.

— Папа давным-давно полетел бы в эту экспедицию сам, если бы не несчастный случай. Доктора запретили ему космические полеты, иначе он был бы сейчас с нами, — Она серьезно посмотрела в лицо Джонни, — Мы не можем его разочаровать.



— Но это же всего лишь слухи! — воскликнул Джонни, — Мы носимся по всей системе в погоне за слухами. Мы летали и к Ио, и к Титану. Мы даже искали мифическую планету на околосолнечных орбитах!

— Джонни, ты что же, испугался? — спросила Карен.

Он ответил не сразу.

— Я волнуюсь за тебя и за ребят из команды, — сказал капитан по размышлении.

Девушка молча повернулась к иллюминатору и стала смотреть в бархатную черноту космоса, на космическую тварь и мерцание ближайших астероидов — осколков пояса.

Сдержав рвущийся из горла звериный рык, Джонни тоже уставился на тварь. Самые разные мысли вихрем проносились в его голове.

Все началось с элемента-7. Пять лет назад Джим Франклин, один из самых бесстрашных исследователей космоса и отчаянных искателей приключений, нашел небольшую залежь этого металла на Ганимеде. Добытого ископаемого хватило лишь на полдюжины космических кораблей. Больше найти не удалось. Пять лет лихорадочных поисков по всей системе не дали никаких результатов. Кроме первой находки, не было обнаружено ни единого фунта элемента-7.

Ценность этого редчайшего материала заключалась в его сопротивляемости к излучениям, пронизывающим космическое пространство. Тончайший слой элемента-7, нанесенный на обшивку корабля, служил эффективным противорадиационным экраном.

Однако лишь три космических транспорта имели подобный экран. Одним из них была «Карен». А как же иначе — ведь это был корабль самого Франклина, названный в честь его дочери. Какой-то богатей с Марса выложил аж миллион долларов, чтобы нанести покрытие из элемента-7 на свою прогулочную яхту. Крупная корпорация, занимающаяся пассажирскими перевозками, разорилась на защитные экраны для двух лайнеров, но один из них затерялся на

просторах космоса. То, что осталось от находки, купило правительство Земли, но вместо того, чтобы использовать элемент-7 по назначению, заперло его в хорошо охраняемом хранилище.

Продажа редчайшего ископаемого сделала Джима Франклина весьма состоятельным человеком, и львиную долю обретенного богатства он вложил в поиски таинственного месторождения элемента-7.

Спустя два года, во время короткой передышки между космическими экспедициями, Франклин посетил ракетный завод на Земле, чтобы посмотреть на испытания нового двигателя. В ходе испытаний взорвалась пусковая установка. Три человека погибли, а Джим Франклин остался в живых лишь благодаря хирургам, которые сотворили настоящее чудо. Однако он остался калекой и теперь до конца своих дней был прикован к Земле. Врачи предупредили бывалого путешественника, что он умрет, если попытается снова отправиться в космос.

И тогда семейное дело, и поиски элемента-7 взяла на себя его дочь, Карен Франклин. В погоне за редчайшим элементом ее маленький, но надежный корабль сначала отправился к самому Солнцу, затем совершил высадку на малоисследованный Титан, а потом, преодолевая чудовищную гравитацию Юпитера, опустился на поверхность маленькой Ио, чего прежде не удавалось сделать ни одному реактивному кораблю. И ют теперь «Карен» и ее экипаж забрались в самое сердце пояса астероидов. Отправиться в эту область космоса дочь Франклина решила, наслушавшись рассказов коротышки с бегающими глазами, который наговорил ей с три короба в марсианском космопорте Сандебар.

Джонни все больше утверждался в мысли, что находка Франклина была всего лишь счастливой случайностью... Та небольшая залежь на Ганимеде вполне может оказаться единственной во всей Солнечной системе. Вполне вероятно, что ее возникновение связано с особыми условиями, неким уникальным стечением обстоятельств.

А вдруг — нет? Вдруг где-нибудь в системе, на каком-то равнодушном булыжнике, болтающемся в космосе, отыщется еще одна жила элемента-7? Тогда удастся защитить все корабли, которые бороздят космос! Элемент-7... Чудодейственный металл, способный противостоять сильнейшим потокам излучения, несущимся в космическом пространстве — беспорядочным, непредсказуемым. Он защитит даже от роя радиоактивных метеоритов, которые порой налетают на космические корабли, оставляя после себя лишь беспомощно плывущие в вакууме «летучие голландцы», полные мертвых и умирающих людей.

Размышления капитана прервал голос Карен:

— Джонни, кажется, я видела свет. Как думаешь, мне не померещилось? Что здесь может светиться?

Джонни, не говоря ни слова, принялся вглядываться в темноту снаружи.

— Вон он! — закричал Джордж. — Я видел его!

— Я тоже, — сказала Карен. — Снова. Что-то вроде голубоватого луча далеко впереди по курсу.

Позади них раздался дрожащий голос:

— Что вы там увидели, а, Джонни? Свет?

Джонни развернулся в крутящемся кресле. В дверях рубки стоял Бен Рамси, он же Старый Бен. Его мешковатый рабочий комбинезон, шишковатые кисти рук и перекошенное лицо были измазаны машинным маслом.

— Да, Бен, — сказал Джонни, — Впереди что-то есть.

Бен покивал.

— Я странные вещи слышал о поясе. Жуть всякую — про пламя, которое пылает в космосе, про космических тварей... И еще про пляшущих призраков, которые визжат и смеются, когда на корабль несется огромная каменюка и проделывает здоровенную дырищу в корпусе, вот...

Бормоча все это, Рамси медленно ковылял через рубку, сутулясь, раскачиваясь из стороны в сторону и так подволакивая обе искалеченные ноги, что смотреть на него было больно. Жалость тупой иглой кольнула сердце Джонни.

Старый Бен был единственным выжившим с корабля, угодившего в рой радиоактивных метеоритов. Элемент-7 спас бы его... Правда, в то время о чудесном металле и слыхом не слыхивали. Элемент-7, из которого бы вышел прекрасный щит, способный защитить людей от рыщущей меж планет смерти...

— Снова свет! — крикнул Джордж, — Синий огонек мигнул несколько раз и погас!

— Это космическое пламя, — сказал Старый Бен, его яркие глаза загорелись от возбуждения, — Я слышал всякие россказни о пламени и космических тварях, да только не верил...

— Так начинай верить, — мрачно сказал Джонни. — Потому что космическая тварь тоже тут как тут. Тащится параллельным курсом.

Бен сморщился и принялся мять свою засаленную кепку искалеченными грязными руками.

— Ты ничего не сказал, а, Джонни?

— Ничего, Бен.

Старик помолчал, переминаясь с ноги на ногу, потом проговорил:

— Я забыл, Джонни. Я пришел, чтоб доложить. Я загрузил топливные ячейки и все проверил, как ты просил. Все в полном порядке.

— Сейчас мы углубимся в пояс, — сказал Джонни. — В сектор, куда рудокопы отказываются соваться. Поэтому никто из них не согласился поработать нашим проводником. Так что убедись, что все системы готовы к срочному запуску.

Бен что-то буркнул и поковылял прочь. Но в двери он остановился и обернулся.

— Помнишь ту мудреную штуку, которую я купил на распродаже в Сандебаре? — сказал он, — Я еще взял ее не глядя...

Джонни кивнул. Приобретение Рамси стало одной из излюбленных тем для шуток среди экипажа. Когда они были на Марсе, Бена занесло на знаменитый тамошний рынок —

и на глаза ему попалась шкатулка, покрытая причудливыми узорами. Узоры так понравились старику, что он не удержался и купил ящичек, даже не взглянув на его содержимое. Бен любил все необычное и чудесное, и диковинные орнаменты, похоже, затронули некую потайную струнку в его душе. Но механизм, который оказался в шкатулке, заинтриговал всю команду — какие-то яркие трубки и множество дисков... Никто так и не смог угадать его назначение. Старый Бен предположил, что это музыкальный инструмент неизвестного происхождения, и, несмотря на дружеские шутки и насмешки команды, упорно настаивал на своей теории.

— Я просто тут подумал... — промямлил Бен, — а может, этой чертовой штуковине нужна радиация, чтобы играть, а?

Джимми усмехнулся.

— Может, и так.

Старик отвернулся и побрел прочь.

Глава 2

БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Джордж дал короткий импульс маневровыми двигателями левого борта, корабль накренился, дернулся и поднырнул под астероид, имевший наглость перебежать им дорогу. Джонни успел заметить длинный и острый выступ, который, случись пилоту ошибиться, запросто мог бы распороть обшивку корабля.

Синие вспышки продолжались, теперь у команды «Карен» появилась возможность как следует их разглядеть: перед носовым иллюминатором время от времени возникала дуга голубоватого света, расчерчивающая видимое пространство от края до края и окрашивающая все вокруг в синеватые тона.

— Свет исходит с астероида, — заявил Джордж, — И наш маленький друг ведет нас прямо туда.

И верно, космическая тварь держалась теперь прямо по курсу корабля и явно направлялась к источнику загадочного света.

«Карен» шла на реактивной тяге. Метеоритные экраны то и дело вспыхивали, временами по ним пробегала рябь, когда мелкие, как автоматные пули, осколки астероидов ударялись о щит и тут же превращались в безопасный для корабля газ.

— Что дальше, Джонни? — спросил Джордж.

— Вперед, — ответил капитан. — Держи курс на голубой свет. Посмотрим, что это такое. Но будь готов повернуть назад и броситься наутек при малейшем признаке опасности.

Он вопросительно взглянул на Карен, чтобы получить ее подтверждение. Она кивнула. На губах девушки играла легкая улыбка, глаза горели тем самым огнем, который загорался в глазах Джима Франклина, когда его пальцы ложились на рычаги пульта управления и корабль, грохоча и вздрагивая, опускался на очередную неизведанную планету или устремлялся за пределы исследованных районов космоса.

Несколько часов спустя они были в считанных милях от астероида. Космическая тварь чуть опередила их, опустилась на поверхность и уселась на одном из каменных пиков, окружавших небольшую долину, где и вспыхивал ослепительный голубой свет.

Капитан разглядывал пейзаж малой планеты, от изумления утратив дар речи. Загадочное пламя оказалось вовсе не пламенем. В том смысле, что на астероиде ничего не горело. Свечение исходило от массивной каменной пирамиды.

Но Джонни поразило не это. Ни загадочный свет, ни космическая тварь, рассевшаяся на скале, ни даже понимание того, что старые сказки оказались правдой, само по себе не могло бы настолько выбить его из колеи.

Все дело было в пирамиде. Не бывает пирамид естественного происхождения. Природа никогда не проводит прямые линии, а пирамида вся состоит из прямых линий.

— Этого не может быть, — прошептал капитан.

— Джонни, — прозвучал хриплый шепот Джорджа. — Посмотри на самый высокий пик. И то, что прямо над ним.

Джонни перевел взгляд на заостренную скалу. Что-то едва заметно поблескивало в черноте космоса над ее вершиной. Словно сияние пирамиды отражалось от полированной металлической поверхности...

Капитан прищурился, напрягая глаза, — и на мгновение, на ускользающе краткое мгновение ему удалось разглядеть, что это блестит.

— Корабль! — воскликнул он.

Джордж хмуро кивнул.

— Целых два, а то три, — заявил он. — Я заметил их минуту назад. Смотри, вот еще один.

Он показал пальцем, и Джонни увидел другой корабль — тот вроде бы повернулся вокруг своей оси, и голубой свет, исходящий от пирамиды, на мгновение отразился от его брони.

Джонни поджал губы. Ему показалось, что кожа его лица натянулась, облегая череп, будто пересохший пергамент.

— «Летучие голландцы», — сказал он, и Джордж кивнул.

Карен отвернулась от иллюминатора и посмотрела на них.

В ее чертах вновь отразился страх — щеки побелели, губы стали бескровными. Слова девушки звучали лишь немногим громче, чем шепот:

— Мертвые корабли! Выходит...

Джимми кивнул и закончил за нее:

— Что-то убило их экипажи.

Безымянный ужас добрался до них и ударил по нервам. Чуждый, нечеловеческий страх, который долго ждал своего часа в неизведанных областях пояса астероидов.

— Джонни, — сказал Джордж тихо. — Нам лучше убраться отсюда.

Джонни рванулся к пульту, но в это мгновение раздался крик Карен. Капитан взглянул в бортовой иллюминатор и похолодел: над астероидом, пересекая видимое пространство, мчалась еще одна космическая тварь... Нет — две, три твари. Через несколько мгновений вакуум вокруг корабля буквально кишел ими.

Руки Джонни сами легли на рычаги управления, а голове его одна за другой проносились пугающие мысли. Что-то случилось с теми кораблями! Что-то, из-за чего они остались дрейфовать в космосе и теперь болтаются на орбите астероида с этой пирамидой, увенчанной загадочным пламенем. «Летучие голландцы», космические твари, пылающие камни. Неудивительно, что рудокопы обходят это зловещее место десятой дорогой!

Джонни подал рычаг хода до предела вперед, и в корме корабля оглушительно взревели реактивные двигатели. Корабль задрожал, словно сотрясаемый ударами могучих крыльев, словно некое невидимое существо вцепилось в него зубами и не желало отпускать.

Кровь отлила от лица капитана, сердце пропустило удар. С кораблем творилось что-то неладное.

И тут раздался скрежет рвущегося металла, пронзительный свист вырывающегося из бреши воздуха, хруст прочнейших балок и ферм.

Напряженно прислушиваясь, Джонни уловил глухой стук аварийных переборок, автоматически опустившихся по всему кораблю.

Ракетные двигатели больше не отзывались на его команды. Оторвав взгляд от бесполезного теперь пульта, капитан посмотрел в носовой иллюминатор.

Корабль падал на астероид! Падал в долину с пирамидой, и корона синеватых лучей была теперь прямо под ними!

Огромное крыло, сотканное из языков пламени, на миг затмило собой добрую четверть иллюминатора. Кабину

наполнило сине-зеленое сияние, в панелях приборов отразились изумрудное свечение крыла и голубой огонь пирамиды. Причудливые тени заметались по переборкам и бледным лицам людей.

Космическая тварь заложила вираж и спланировала к синему пламени. У Джонни перехватило дыхание. Исполинская тварь была безобразна! Страх ледяной рукой сдавил его сердце: в клюве чудовище держало покореженный кусок металла — согнутую и изломанную балку, вырванную из остова «Карен». А в когтях твари — если только это были когти — был зажат маршевый двигатель корабля.

Беспомощная «Карен» камнем падала на астероид, нос ее был направлен прямо на пирамиду.

За краткий миг, оставшийся до катастрофы, перед глазами Джонни, словно быстро сменяющиеся кадры, промелькнули вся прошлая жизнь и последние трагические события. Тварь атаковала корабль, разорвала его корму на куски, вырвала ракетные двигатели, выдернула скрепы и балки, словно они были сделаны из соломы. Теперь «Карен» неминуемо рухнет на малую планету и разобьется о камни этой чертовой долины. Бесполезная груда металлолома, в которую она превратится, станет надгробным памятником команде — большая часть людей на борту уже мертва, а троим уцелевшим, Джонни, Карен и Джорджу, осталось жить всего несколько секунд...

Корабль ударился о пирамиду и заскользил по ее гладкой поверхности. Кабину наполнил душераздирающий скрежет металла о камни. «Карен» перекувырнулась через нос, потом еще раз, ударилась растерзанной кормой о подножие пирамиды и замерла, накренившись.

В момент столкновения капитана отшвырнуло в угол. Кое-как ему удалось встать на ноги. Голова кружилась, кровь из рассеченной кожи на лбу заливала глаза, и Джонни почти ничего не видел. Тогда он ощупью стал карабкаться наверх по накренившемуся полу.

И только тут до него дошло самое удивительное — он был жив! От этой мысли у Джонни едва не подкосились ноги. Выжить после такого крушения невозможно, но он был жив... жив, раз способен куда-то ползти.

Он прислушался, но так и не услышал характерного свиста, какой бывает при утечке воздуха. Кабина оставалась герметична.

Чьи-то руки подхватили его под мышки и помогли подняться на ноги. Джонни схватился за спинку надежно закрепленного кресла пилота и встал. Сквозь кровавую муть перед глазами проступило лицо Джорджа. Губы второго пилота шевелились, выдавливая слова:

— Как ты, Джонни?

— Нормально, — пробормотал он, — Не беспокойся за меня. Что с Карен?

— Она цела, — ответил Джордж.

Джонни вытер лоб и огляделся. Карен стояла у накренившейся переборки, опираясь спиной о дверцы шкафчика.

Она заговорила негромко, словно сама с собой:

— Нам отсюда не выбраться. Эго невозможно. Мы умрем здесь. А на Земле, на Марсе и на Венере все будут гадать, что же случилось с Карен Франклин и капитаном Джонни Лоджем.

Капитан выпустил спинку кресла, неуклюже скатился по полу туда, где стояла девушка, и грубо встряхнул ее за плечи.

— Прекрати ныть! — прикрикнул он. — Мы обязаны попытаться.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Ты думаешь, у нас есть шанс?

Он слабо улыбнулся:

— А ты как думаешь?

Она покачала головой:

— Мы застряли. Нам никогда не вернуться домой.

— Может быть, — согласился он, — Но нельзя же просто сидеть и ждать смерти. Давай наденем скафандры и выйдем

наружу. Снаружи радиация, но нам можно ее не бояться — скафандры покрыты элементом-7. Пока что он нас неплохо защищает.

Карен вздернула подбородок и посмотрела наверх, туда, где прежде находилась корма корабля:

— Люди, которые были там...

Джонни покачал головой:

— Без шансов.

Джордж открыл другой шкаф и вытащил скафандры. Потом остановился и посмотрел на капитана.

— Ты сказал, там радиация, — сказал он. — Ты имел в виду, что синее пламя — это излучение неизвестного типа?

— А что же еще? Чем еще можно объяснить подобное явление?

— Так вот что случилось с другими кораблями, — воскликнул Джордж. — Всех, кто был у них на борту, погубила радиация, ведь они были беззащитны перед ней. Мы уцелели, потому что «Карен» покрыта элементом-7. Но тут откуда-то явилась тварь и разбила наш корабль.

Джонни осенило.

— Те корабли снаружи, — медленно проговорил он, с трудом сдерживая волнение, — Возможно, некоторые из них целы и на ходу...

Джордж уставился на него во все глаза.

— Не слишком на это надейся, Джонни, — предостерег он, — Их наверняка изрешетили метеориты.

— Мы можем их подлатать, — сказал капитан, — Так, задрай люк и оставайся рядом с ним. Нам ничего не грозит, пока скафандры в порядке.

Глава 3

ТВАРИ ПИРАМИДЫ

Кошмарная долина пирамиды была исполнена некой чужеродной красоты. Единственным источником света служили голубоватые лучи, которые, словно языки пламени, танцевали на вершине массивного каменного сооружения, и в этом свете все вокруг казалось зловещим и жутким, так что даже у самого хладнокровного человека волосы бы встали дыбом.

Адская застава, так мысленно назвал Джонни это место. Одинокий и грозный аванпост тьмы: горизонт, отчерченный зазубренными пиками и скальными шпилями, которые подобно копьям вонзались во тьму космоса; корона синего пламени, сдерживающая натиск пустоты и черноты окружающего вакуума. Скалы ловили сияние пирамиды, и казалось, будто они светятся собственным светом. В трещинах и оврагах между окружающими долину пиками лежал лед — газ, замерзший в космическом холоде. Блеск синего пламени разбивался о льдины на миллионы танцующих искр.

На пиках, как на насестах, расположились чудовища. Космические черти. Они не имели ничего общего с живыми существами, известными человеку. Среди них не было и двух одинаковых. Словно злобные демоны, они замерли, нахохлившись, на скалах и молча наблюдали. Танцующие тени делали их и без того кошмарные очертания еще ужаснее. Казалось, это дьяволы собрались в кружок над котлом с грешниками и мрачно размышляют, какую пытку лучше применить.

— Жутковатые зверушки, верно? — проговорила Карен Франклин дрогнувшим голосом.

Одно из созданий раскинуло крылья и взмыло с пика. Из его «ракетных дюз» вырвалось облачко белесого газа и быстро растаяло в вакууме. Тварь набрала высоту и

спланировала к пирамиде. На миг чудовище зависло над ее вершиной, а потом спикировало вниз, едва не погрузившись в голубое сияние.

Карен вскрикнула. Джонни смотрел на космическую тварь и не верил своим глазам. Существо менялось! В колеблющемся свете мощной радиации оно на глазах принимало новую форму. Прежние черты его облика сглаживались одна за другой, на их месте появлялись новые. Морда чудовища, ясно видимая в голубом свете, постепенно исчезла, словно с твари сползала маска. Какое-то мгновение существо оставалось совершенно безлико, а потом на месте старой морды стала проступать другая, еще ужаснее, чем прежняя. Новые черты были исполнены ледяной злобы. Так могло бы выглядеть воплощение первозданного зла. Крылья твари тоже менялись, цветные сполохи пробегали по ним; тело исподволь обретало иную форму.

— Сверхбыстрые мутации, — сказал Джонни срывающимся от волнения голосом. — Пламя меняет этих существ. Это что-то вроде перерождения. Они слетаются сюда со всего космоса, чтоб обрести новые тела, а возможно, и новый заряд жизненной энергии. Пламя для них — то ли охотничьи угодья, то ли пища, то ли средство омоложения.

Еще одна тварь спикировала к долине, грациозно уселась на остроконечную скалу и нахохлилась.

В голове Джонни одна за другой рождались догадки.

Мутация! Это означает, что пламя — источник жизни. Что оно содержит в себе нечто, способное вдыхать новую жизнь, а может быть, сколь бы невероятным это ни казалось, — даже порождать жизнь! Ученые Земли экспериментируют с различными видами излучений, пытаясь вызвать те или иные мутации у известных науке жизненных форм. Здесь происходит то же самое, только в гораздо большем масштабе.

— Космический источник вечной юности, — раздался в наушниках голос Джорджа, почти точно выразивший мысль Джонни.

Тогда выходит, что пирамида была построена с определенной целью. Но кто ее построил? Чьи руки принесли, вытесали и сложили эти камни? Что за разум задумал возжечь на этом астероиде пламя, которое будет гореть в течение многих тысячелетий, и воплотил эту идею в жизнь?

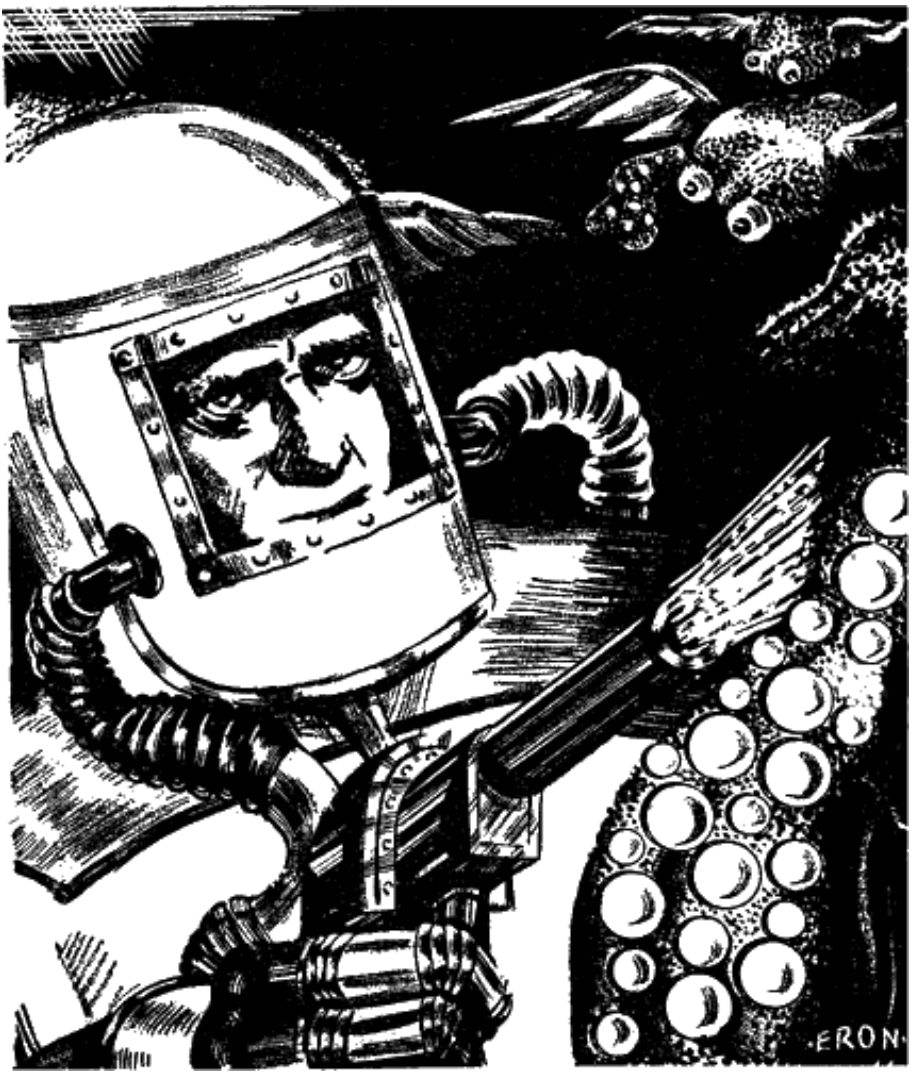
Уж, конечно, пирамиду построили не эти существа, сидящие на скалах, будто на насестах. Возможно, то была некая странная раса, канувшая в небытие миллионы лет назад. Народ, который был куда могущественнее, чем человечество Земли.

И действительно ли пирамиду возвели с той целью, с которой теперь используют? Может быть, это маяк, который оставлен здесь, чтоб

указывать странникам дорогу домой? Или величественный памятник, поставленный в честь какого-нибудь подвига или в память о ком-то?

— Берегись! — заорал Джордж.

Рука Джонни сама метнулась к поясу и выхватила бластер, отрегулированный на стрельбу. Вскинув оружие, он увидел космическую тварь, которая пикировала прямо на



них. Казалось, еще немного — и она свалится им на головы. Он выстрелил не целясь, с силой вдавив кнопку огня, и черноту космоса прочертил алый пунктир. Джордж тоже открыл огонь, а Карен все никак не могла вытащить оружие из кобуры скафандра и только всхлипывала от беспомощности и досады.

Разряды бластеров ударили в оживший кошмар, и в небе малой планеты вспыхнул адский огонь. Он поглотил космическую тварь, но сквозь его ослепительное сияние проступали темные контуры ее тела. Выстрелы остановили чудовище, но не уничтожили его, и оно зависло над людьми, пойманное в перекрестный огонь.

Внезапно существо взмыло вверх, за пределы досягаемости человеческого оружия. Потрясенные внезапной атакой, Джордж и Карен смотрели, как пылающая тварь корчится в смертельной агонии и расчерчивает огненным зигзагом черный бархат космоса, окутывающий астероид.

Еще одна тварь сорвалась с пика и бросилась на них. И еще одна. Снова лучи бластеров ударили вверх и поймали чудовище, замедлили его полет, остановили и заставили отступить. Теперь уже три крылатых чудовища танцевали смертельное фанданго[5] над увенчанной голубым огнем пирамидой.

— Все напрасно, — сказал Джонни тихо, — Они не дадут нам высунуть нос из нашей скорлупы. Если мы сядем в аварийный бот и попытаемся добраться до мертвых кораблей, твари нападут на нас.

Он оглядел горизонт и чудовищ, рассевшихся на зубчатых скалах. Да, люди были здесь незваными гостями. Похоже, они ступали по священной земле. И, естественно, твари пытались прогнать святотатцев. Джонни почудилось, что голубое пламя, тысячелетиями горящее на вершине пирамиды, даже тихонько позванивает, будто хрустальные крылья...

---

[5] Испанский танец, сопровождаемый пением и исполняемый под аккомпанемент гитары и кастаньет.

Крылья! С самого начала ему казалось, что в облике тварей есть что-то нелепое, неуместное. Конечно же, это были их крылья. В космосе от них нет никакого прока. Но твари пользуются ими так же, как птицы в земной атмосфере. Джонни чувствовал, что близок к разгадке... Может быть, эти крылья все же имеют какое-то назначение? Или они — пережиток прошлого, тех времен, когда далекие предки этих созданий обитали вовсе не здесь? Возможно, твари происходят с какой-нибудь планеты, где есть, или была, атмосфера? И им по какой-то причине пришлось приспособиться к жизни в космосе? Или эти крылья нужны для редких случаев, когда существа посещают миры людей или иных разумных созданий, прикованных к планетам?

Джонни вспомнил старые мифы о крылатых драконах, некогда бытовавшие на Земле. Может быть, когда-то твари побывали на нашей планете, и древние легенды — это след, который они оставили по себе?

Усилием воли капитан заставил себя сосредоточиться на насущных задачах. Надо взять аварийный бот и найти среди «летучих голландцев» подходящий корабль. Среди всех этих мертвых оболочек, болтающихся на орбите астероида, должна найтись хоть одна, пригодная для перелетов... Хоть одна, которая унесет его, Карен и Джорджа прочь от этого адского пламени. Но пока твари стоят на страже, надеяться не на что.

Если бы все трое выживших могли втиснуться в бот, можно было бы рвануть к «летучим голландцам» на полном ходу, уповая на удачу. Но в боте места хватает только для одного.

Что же делать... Если бы Старый Бен был жив! Бен обязательно что-нибудь бы придумал. Хромой старик с вечно дергающимся лицом. Джонни закрыл глаза, и образ Старого Бена появился перед его внутренним взором. Сведенные судорогой губы шевельнулись: «Я здесь, Джонни».

Джонни подскочил от неожиданности — он на самом деле услышал эти слова в своей голове! Услышал отчетливее, чем если бы они были сказаны вслух.

Глава 4

ОБНОВЛЕННЫЙ БЕН

— Кто это сказал? — резко спросила Карен.

— Старый Бен, мэм, — отозвался беззвучный голос. — С вами говорит Старый Бен...

— Но, Бен, — запротестовал Джонни, — ты же был в двигательном отсеке. Ты...

— Ясное дело, Джонни, — сказал голос. — Ты думаешь, что я умер. Наверное, так оно и есть. Я должен был умереть.

Джонни затрясло. Так не бывает. Не бывает, и все. Мертвые не разговаривают.

— Это все радиация, — объяснил Старый Бен, — Она со мной что-то сделала. И теперь вы не видите меня. А я вас вижу, но будто издалека.

— Бен!.. — воскликнула Карен, но беззвучные слова заставили ее замолчать.

— Тяжело говорить. Спешить надо. Рта, чтоб говорить, у меня нету. Ничего нету. Зато я живой. Даже живей, чем раньше. Я думаю, с вами. И это нелегко, скажу я вам.

Джонни чувствовал, каких усилий стоит Бену поддерживать с ними телепатическую связь. Под забралом шлема на лбу капитана выступил пот и струйками потек по шее — Джонни невольно пытался помочь Бену... или тому, во что старик превратился.

— Музыкальная шкатулка, — по слогам, с долгими паузами, сообщил Рамси, — Музыкальная шкатулка, которую я купил в Сандебаре. Достань ее и открой.

Они ждали, но продолжения не последовало.

— Бен! — завопил капитан.

— Да, Джонни.

— Ты в порядке, Бен? Мы можем что-нибудь для тебя сделать?

— Нет, парень, ничего не надо. Я счастлив. Я наконец-то избавился от своего искалеченного тела, в котором тосковал, как в темнице. Больше мне не придется шаркать и волочить ноги, не придется щеголять с перемазанным машинным маслом лицом. Я его нарочно мазал, чтоб уродство не так видно было. Я свободен теперь и могу летать, где вздумается. Захочу — и буду повсюду разом. Другие тоже здесь, так что одиноко мне не будет...

— Бен! Подожди минутку! — в отчаянии закричал Джонни, но тот ничего не ответил.

Они подождали, но тишина космоса, подобно занавесу, опустилась вокруг них. Долина была царством тишины, голубого света и танцующих теней.

А Джордж тем временем уже бежал к разбитой корме корабля. Джонни кинулся за ним, крикнув Карен:

— Возвращайся обратно в шлюз и жди нас! Там тебе ничего не грозит!

В борту корабля зияла рваная прореха — работа космической твари. Мужчины забрались сквозь нее в кормовой отсек и стали медленно пробираться среди искореженных балок и разбитых переборок. Машинное отделение пребывало в руинах, но ни одного мертвого тела они так и не увидели.

— Радиация, — сказал Джордж. — Она превратила их во что-то вроде... ну, в то же самое, чем стал Старый Бен.

Джонни лихорадочно размышлял. Радиация, которая творит метаморфозы с живыми существами. Дает космическим тварям новый облик и новые тела. Превращает людей в бестелесные сущности, которые могут переноситься в любое место, куда пожелают, и даже быть одновременно везде!

А значит, даже если все сложится хуже некуда, у троих уцелевших с «Карен» все равно останется путь к спасению. Путь, который потребует смелости, на котором придется

пройти через большие испытания, но самое главное, что он существует. Это новый путь, дорога к иным формам жизни, жизни, которая много лучше, чем та, которая есть у них сейчас. Старик Бен сказал, что он счастлив... вот что в первую очередь имеет значение. Просто содрать скафандры и незащищенными выйти в ослепительный свет пламени...

Джонни в сердцах обругал себя. Так не пойдет. Одно дело — воспользоваться этим выходом, если не останется никакого другого, если исчезнет всякая надежда на спасение, но добровольно решиться на такое... Ну уж нет. Вот если исчезнет всякая надежда спастись, тогда, возможно, стоит попробовать.

Они нашли странную музыкальную шкатулку и совместными усилиями вытащили ее наружу. Это оказалось не так-то просто: ящичек оказался тяжелым даже в условиях низкой гравитации астероида, а ручек, за которые можно было бы ухватиться, на нем не было.

Снаружи, перед самым шлюзом, они вскрыли крышку. И тотчас же мир вокруг наполнился музыкой. Она состояла не из звуков, а из ритмичной пульсации, из биения, которое ощущал каждый. Музыка заставляла сердце сжиматься от острой тоски, музыка так и звала пуститься танцевать, музыка перебирала чувствительные струны души легкими серебристыми пальцами. И струны плакали, струны рождали высокие и чистые ноты, похожие на радостный звон колокольчика, струны пели, как ветер над водой, и гудели, словно большой барабан. Музыка заполняла собой весь мир, бередила все чувства, взывала к пониманию.

Джонни оглянулся на Карен. Лицо девушки за забралом шлема казалось бледным овалом.

Она поймала его взгляд и воскликнула:

— Как красиво!

— Это снова радиация, — сказал Джордж, задыхаясь, — Старый Бен был прав. Эта штука играет, когда попадает под действие радиации.

— Посмотрите на тварей! — крикнул Джонни.

Твари по-птичьи, вприпрыжку со всех сторон ковыляли к кораблю. Они снимались со своих высоких скалистых насестов, планировали к поверхности, тяжело опускались и спешили дальше уже по каменному ложу долины.

Джордж и Джонни вытащили пистолеты из кобуры и стали ждать. Твари подобрались ближе и замерли, образовав ровный полукруг перед разбитым кораблем. В каждом изгибе их жутких тел чувствовалось напряженное внимание и восхищение. Землян чудовища будто бы вовсе не замечали. Неподвижные, словно вырезанные из камня, они слушали хвалебную песнь, которая разносилась из металлической шкатулки.

Джонни немного успокоился, однако продолжал крепко сжимать рукоять бластера. Музыкальная шкатулка, похоже, совершенно заворожила тварей — они сидели, будто загипнотизированные.

Джонни сказал Джорджу и Карен:

— Пока звучит музыка, они не двинутся с места. Залезайте в шлюз и смотрите в оба. Нельзя упускать такой возможности.

— Что ты собираешься делать? — спросила Карен, в ее голосе было беспокойство.

— Один аварийный бот левого борта уцелел, — ответил Джонни. — От остальных мало что осталось. Я возьму его и посмотрю, что там с кораблями. Это наш единственный шанс.

— Я тебе помогу, — предложил Джордж.

Джонни не ответил ему и повернулся к Карен.

— Пожалуйста, будь осторожна.

— И ты тоже, Джонни. Береги себя, хорошо?

Корабль был стар. Ему было не меньше тысячи лет, но на вид он казался вполне пригодным для перелетов. Обшивка в порядке, реактивные двигатели в целости и сохранности. Метеорит пробил дыру размером с ладонь в рубке управления, но удар не затронул ни одного прибора, а заделать

пробоины в обшивке труда не составит. Конечно, таких дыр в космосе могло оказаться немало, но это не имело значения. Главное, чтобы не пострадало ходовое оборудование. На таких кораблях оно, как правило, самое примитивное: топливные баки, камера сгорания и дюзы. Просто, как апельсин.

Джонни подошел к пульту управления и осмотрел приборы, рычаги и кнопки. Смотреть было особенно не на что. В те дни, когда это корыто отправилось бороздить космические просторы, корабли представляли собой простейшие ракеты, не более.

Но этот корабль сохранился лучше прочих. Три других, которые осмотрел Джонни, были повреждены так, что не починишь. В одном были разбиты топливные реакторы. В другом метеориты изрешетили обшивку и вдребезги разнесли пульт управления. У третьего перекосилась одна из дюз.

Джонни вернулся к открытому шлюзу и взглянул на астероид, медленно поворачивающийся внизу. Долина пирамиды с ее голубым сиянием как раз выплывала из-за горизонта, и казалось, будто в маленький мирок пришел рассвет.

Через люк в переборке капитан прошел в кормовой отсек. Надо было взглянуть на топливные реакторы и другое оборудование, чтоб убедиться, что все в порядке. И следовало поторопиться. Карен и Джордж, оставшиеся внизу, в залитой светом голубого пламени долине, наверняка переживают. Капитан без труда мог представить себе, каково им теперь: их мучительные опасения, страхи и надежды.

Люк со скрипом открылся, и Джонни шагнул в жилые помещения ракеты.

Кормовой отсек вовсе не казался заброшенным. Он ничуть не изменился с того дня, как капитан этого корабля, привлеченный светом синего пламени, изменил курс и направился вглубь пояса астероидов. Люди на борту попались в расставленную ловушку точно так же, как и экипажи

остальных «летучих голландцев», кружащих над малой планетой. Радиация лишила их человеческого облика, но, возможно, не тронула человеческие мечты, стремления и надежды. Все они были авантюристами. Увидев необычное пламя, они отправились взглянуть на него поближе, но не смогли вернуться.

На полу валялись осколки посуды — должно быть, она упала со стола и полок при попадании метеорита. Постели стояли неубранные — должно быть, в свои последние минуты люди вскочили с них и бросились к иллюминаторам посмотреть на загадочный свет.

Вдруг Джонни посетило неприятное чувство, будто за ним наблюдают. Он замер и настороженно прислушался, положив руку на бластер.

А потом он рассмеялся, хрипло и горько. Нервы расшатались, только и всего! Здесь никого нет и не может быть. Никого, кроме призраков людей, которые обитали в этой посудине десяток веков назад. Последняя мысль заставила Джонни снова насторожиться. А вдруг призраки старой команды все еще на борту? А вдруг существа, в которых превратила людей радиация, так и остались здесь и теперь наблюдают за ним?

Капитан взял себя в руки и пошел дальше, но страх незримо крался за ним по пятам, маленький насмешливый страх, который издевался над ним и гнусно хихикал.

Топливные реакторы были исправны, камеры сгорания выглядели неповрежденными. Осмотр корабля снаружи, из аварийного бота, убедил Джонни, что дюзы сохранились в целости. Можно отправляться в путь.

Он вернулся назад, в жилые помещения, и остановился на пороге. Посмотрел на рабочий стол. Может быть, поискать бортжурнал? Время есть. Возможно, удастся узнать что-нибудь полезное, например, как звали капитана и членов экипажа, пункт назначения корабля и порт его приписки на Земле...

Джонни заколебался. Стол притягивал его, словно магнитом. Отбросив сомнения, капитан порывисто шагнул вперед... и наткнулся на невидимую преграду. Препятствие чуть прогнулось перед ним, но тут же упруго воспротивилось.

Джонни шарахнулся назад. Сердце его отчаянно колотилось, руки и ноги похолодели от страха, волна панического ужаса затуманила сознание. Но рефлексы работали как часы. Тело само отреагировало на опасность: правая рука выдернула бластер из кобуры, Джонни попятился, настороженный, как кошка, готовый в любую секунду встретить врага.

Он не запомнил, как пробирался из жилого отсека обратно в рубку, а оттуда осторожно пятился к люку, ведущему в шлюз. Однако у шлюза Джонни все же остановился. Может, ему лишь показалось, ему лишь почудилась невидимая преграда там, в жилом отсеке? Может, там ничего и не было? Космос иногда шутит с людьми странные шутки. Джонни был нужен этот корабль. Ему и Карен с Джорджем, которые ждали внизу, на астероиде. Он не мог позволить себе бежать без оглядки, испугавшись собственных фантазий.

Капитан выглянул через открытую диафрагму люка. Внизу проплывала долина пирамиды. Где-то там должна была быть разбитая «Карен», но, сколько Джонни ни вглядывался, игра трепещущих теней, не прекращающаяся ни на мгновение, не давала ничего рассмотреть.

Тогда он повернулся на каблуках, шагнул в рубку... и налетел прямо на невидимую стену. Преграда пружинила и прогибалась, пытаясь его засосать. Джонни стал вырываться, пинать невидимого врага тяжелыми ботинками, молотить кулаками. Освободившись, он шарахнулся к люку, замер, балансируя на его кромке, поднял бластер и нажал на кнопку огня. Из дула вырвалось алое пламя и захлестнуло рубку. В рубке что-то вспыхнуло, и среди бушующего огня капитану на миг удалось различить своего врага —

корчащийся в агонии изменчивый силуэт, тошнотворный и омерзительный.

Разгадка как громом поразила капитана. Должно быть, какое-то невидимое животное сделало из опустевшего корабля логово и залегло там в спячку. Оно жило там и оставалось недоступным для взглядов до тех пор, пока горячее дыхание бластера не опалило его и языки пламени не облизали его отвратительную тушу.

Отдача от бластера толкнула Джонни назад, он не удержал равновесия и выпал в открытый космос. Улетая прочь от корабля, он видел, как его враг — огромная пылающая туша — пытается вслед за ним выбраться наружу через люк. Выругавшись сквозь зубы, Джонни прицелился и до упора вдавил кнопку огня. Отдача ударила в руку, и он закувыркался в невесомости, не в силах остановиться.

Когда его снова развернуло лицом к кораблю, он увидел, что за иллюминаторами жилого отсека бушует пламя. Охваченное огнем чудовище в агонии металось по всему кораблю.

Потом Джонни по инерции перевернулся через голову и потерял корабль из виду. И тут невидимые руки подхватили его и плавно оттолкнули прочь от «летучего голландца». Джонни закрутило пуще прежнего, и во время очередного кувырка он увидел, как на месте корабля распускается огромный алый цветок и его огненные лепестки тянутся во все стороны.

Корабля больше не было. В одном из реакторов, должно быть, оказалась небольшая трещина, и, когда горящий монстр добрался до машинного отделения, топливо сдетонировало. В тот же миг взорвались и остальные реакторы. Бесшумный взрыв превратил корабль в тучу мелких обломков, которые мерцали в черноте космоса, словно желтые и голубые языки пламени.

Джонни медленно плыл в космической пустоте. Продуманно используя бластер, ему удалось прекратить вращение, но мысли по-прежнему кружились в безумной пляске.

Он тряхнул головой и попытался трезво оценить ситуацию.

Корабль погиб. Аварийный бот тоже перестал существовать. А сам капитан Джонни Лодж беспомощно дрейфовал в открытом космосе.

Глава 5

ОДИН В КОСМОСЕ

Далеко внизу под ногами Джонни медленно вращался астероид. Капитан видел долину, освещенную дрожащим голубым пламенем. Долину, где его ждали товарищи. Люди, которые надеялись на него. А он все испортил!..

Джонни было тошно думать об этом. От досады на себя в горле встал тугой ком, рассудок отказывался рассуждать здраво.

Что ж, единственное, что оставалось, — это вернуться на астероид и умереть вместе со своими друзьями. Уж это-то было капитану по силам.

Джонни поднял бластер и осмотрел его. Если использовать оружие как реактивный двигатель, можно спуститься вниз, в долину.

Тщательно выверив направление, он нажал на кнопку огня. Из дула вырвалось пламя, и Джонни стал двигаться к астероиду. Он прикинул, как подкорректировать курс, и снова выстрелил. Но на сей раз никакой отдачи не последовало. Должно быть, бластер разрядился. Джонни лихорадочно стал искать вторую обойму. Обычно на поясах скафандров висело по три запасных обоймы к бластеру. Но у него не оказалось ни одной. Кто-то не позаботился укомплектовать скафандр.

Джонни дрейфовал к астероиду. Пока еще он двигался очень медленно, но рано или поздно гравитация малой планеты подхватит его. Капитан понимал, что поверхности ему не достичь — силы притяжения на это не хватит. Он станет вращаться вокруг астероида по орбите, превратится в еще один спутник каменной глыбы, источающей голубое сияние. Наравне с мертвыми кораблями.

Он закрыл глаза и попытался отогнать прочь отчетливое видение собственного будущего. Можно, рассуждал он, отшвырнуть в нужном направлении пистолет, это придаст дополнительный импульс. Еще можно расстегнуть пояс с инструментами и отправить его туда же. Однако все это

бесполезно. До астероида слишком далеко. Капитану Лоджу не оставалось ничего, кроме как ждать неизбежной смерти.

Жизнь и смерть в космосе! Джонни коротко и горько рассмеялся. В межпланетном пространстве есть жизнь, что бы там ни утверждали скептики. Космические твари и невидимое существо там, на корабле... И бог знает, какие еще формы жизни. Жизни, которая старается держаться поближе к поясу астероидов и время от времени совершает паломничество к голубому пламени на вершине загадочной пирамиды.

Может быть, эта жизнь имеет в основе своей кварц. А может быть, и нет, иначе как объяснить мгновенное воспламенение тканей при попадании из бластера. Вероятно, здесь происходят некие межзвездные химические процессы, о которых даже не подозревают земные ученые.

Мифы космоса... Истории, которые рассказывают чокнутые рудокопы с астероидов, когда возвращаются домой из долгих путешествий. Оказывается, все это правда. Пламя, которое горит на вершине пирамиды. Пламя, которое дает новую жизнь и новые тела. Возможно, пламя — безмолвный хранитель всей жизни внутри Солнечной системы. Возможно, оно и есть та самая великая и вечная «искра жизни», которая горит во всяком существе. И пока пламя горит, в Солнечной системе существует жизнь. А когда погаснет — она исчезнет. Радиация, которую пламя излучает, пронизывает всю Солнечную систему, вдыхая в нее жизнь.

Джонни снова рассмеялся. Может, он уже сходит с ума? Что ж, тем легче будет умирать. Здесь, в пустоте, проще понять, проще поверить своим глазам, проще принять истину.

Скоро родится новый миф. Миф о музыке. Шкатулка внизу будет играть и играть... Возможно, до тех пор, пока не угаснет синее пламя. Лорелея космоса, сирена астероида!

Музыка, которая очаровывает монстров... Может быть, существует — должна существовать! — какая-то связь между шкатулкой и пламенем, шкатулкой и жуткими тварями. Если кому-нибудь удастся разгадать, в чем же она состоит,

он узнает ответы на множество вопросов. Но капитану Лоджу их узнать не суждено. Потому что он погибнет в космосе, и все вопросы умрут вместе с ним.

Вдруг в долине пирамиды мигнул алый огонек. Погас, потом вспыхнул снова — вытянутая красная искорка, которая поднималась все выше и выше. Джонни уставился на нее, затаив дыхание и не решаясь поверить своим глазам. Тонкий огненный карандаш уверенно набирал высоту, все больше удаляясь от каменной глыбы астероида.

Кто-то использовал бластер, как ракетный двигатель, чтобы прийти на помощь Джонни!

Джордж! Старый добрый Джордж!

— Джордж! Эй, Джордж! — заорал Джонни, обезумев от радости.

Но кричать было бессмысленно. Джордж ничего не услышит. Второй пилот поступил безрассудно и глупо, когда отправился на поиски капитана. Космос темен и безграничен, а человек — так мал. Джордж никогда не найдет его. Никогда.

Однако алый огонек направлялся прямо к Джонни. Джордж знал, куда лететь. А потом капитана осенило: фонарь на шлеме! Ну конечно!

Джонни понял, что спасен. От облегчения силы совсем оставили его. Впрочем, он все равно ничего не мог поделать. Ему оставалось только ждать.

Красный карандаш быстро приближался. Иногда он исчезал, но через несколько мучительно долгих минут вспыхивал снова. Должно быть, это Джордж перезаряжал бластер.

Вскоре в свете огня, вырывающегося из бластера, Джонни уже удалось разглядеть скафандр своего спасителя. Луч чуть изменил направление — тот, кто летел на выручку, скорректировал курс и полетел прямо к капитану. Джонни распахнул объятия и приготовился поймать его. Подождав, когда Джордж приблизится, он схватил его за пояс и притянул к себе. Внутри капитанского скафандра раздался

скрежет — металлическая перчатка второго пилота вцепилась в его собственный ремень.

— Джордж, — сказал Джонни. — Черт возьми, ты с ума сошел. Но все равно спасибо.

А потом лицевые щитки шлемов сошлись, и Джонни смог разглядеть своего спасителя. Но им оказался вовсе не Джордж. Это была Карен Франклин.

— Ты?! — воскликнул он.

— Пришлось, — сказала Карен. — Джордж хотел лететь сам, но я велела ему остаться. Если б мне не удалось добраться до тебя... если бы что-то случилось, он бы что-нибудь придумал и выручил нас. А я бы не смогла. Так что спасать тебя отправилась я.

— А зря! «Не надо было обо мне беспокоиться!» — зло сказал Джонни. — Заслужил свою участь. Я нашел подходящий корабль и сжег его. И аварийный бот вместе с ним. Я уничтожил нашу последнюю надежду.

— Стоп! — резко перебила его Карен, — Джонни Лодж, немедленно прекрати болтать чепуху! Мы еще не проиграли. Я взяла запасные обоймы. Вокруг полным-полно брошенных кораблей, и мы можем добраться до них при помощи бластеров!

Некоторое время они упрямо смотрели друг другу в глаза через забрала шлемов. Потом Джонни немного успокоился.

— Ты все такая же, Карен, — проговорил он.

— И это все? Все, что ты можешь мне сказать?

— Нет, — ответил он. — Не все. Я люблю тебя.

Джонни склонился над пультом управления и тщательно осмотрел его. Корабль полетит. Конечно, по пути его наверняка придется постоянно подлатывать и подваривать, но, если в него не угодит огромный метеор, все будет нормально. Джонни выглянул в иллюминатор и погрозил космосу кулаком. Ему почудилось, что пространство ехидно захихикало над ним в ответ.

— Джонни! — услышал он голос Карен. — Посмотри, что я нашла!

Джонни вздохнул и стал пробираться через загроможденную рубку в жилой отсек. Наверняка, думал он, очередная находка — это какая-нибудь старинная книга или антикварная мебель. В прошлый раз Карен откопала подшивку древних журналов пятисотлетней давности и киноаппарат с заряженной в него лентой, которая, возможно, неплохо сохранилась.

Но он ошибся. Это оказалась не книга и не антиквариат. Карен стояла у люка в грузовой трюм. Джонни торопливо подошел ближе и заглянул вниз. Трюм был полон мерцающей руды. Руды, которая переливалась и сверкала в свете фонарей, укрепленных на шлемах скафандров. Незнакомой руды, хотя за время скитаний по Солнечной системе капитан Лодж успел повидать немало разных полезных ископаемых.

Он спустился по трапу, подобрал кусок руды и присмотрелся.

— Золото? — спросила Карен. — Серебро?

У Джонни перехватило дыхание.

— Ни то, ни другое, — ответил он. — Элемент-7.

— Элемент-7! — ахнула Карен, — Тут его хватит на дюжину кораблей! Даже больше!

В бортжурнале должно быть записано, где этот груз был взят на борт. Возможно, на каком-нибудь одиноком астероиде. А может быть, на одной из лун Юпитера. Или даже за пределами Солнечной системы.

Джим Франклин не был первооткрывателем элемента-7. Бесстрашные космопроходцы нашли удивительную руду давным-давно, пять веков назад, но по дороге домой с ними случилось несчастье. И дочь Джима Франклина, обыскав трюмы погибшего корабля, подарит миру давно утерянный секрет месторождения элемента-7.

— Мы построим новый корабль, — пообещала Карен, — Мы организуем новую экспедицию и найдем залежь.

Джонни швырнул кусок руды обратно и встал.

— Иди-ка в шлюз, — сказал он, — И посигналь Джорджу, чтоб поднимался к нам. Он, наверное, уже заждался там.

— Что ты собираешься делать?

Джонни усмехнулся.

— Приготовлю это ржавое корыто к старту. Как только Джордж будет на борту, отправляемся в путь. Мы доставим на Землю самый ценный груз, какой только привозили из космоса.

Крыс вошел в бар «Вечерняя звезда» и, надвинув кепку на глаза, склонился над столиком, за которым сидел Грант Нейгл, вознамерившийся заняться серьезным делом — как следует напиться.

Репортер воззрился на Крыса с нескрываемым отвращением. Но тот, похоже, вовсе не был этим смущен. Он еще ниже сдвинул свою кепку на левый глаз и, не вынимая из уголка рта дымящуюся сигарету, заявил:

— У меня новость для тебя.

— Выкладывай, — буркнул Грант. — И убирайся с глаз долой.

— Геллион Смит на свободе, — сообщил Крыс.

Грант насторожился, но не подал виду. Он невозмутимо смотрел на собеседника и молчал.

— Два года назад он передал мне поручение, — продолжал Крыс. — Если ему удастся бежать, я должен сообщить об этом тебе. Вот я и сообщаю, понятно?

— И что?

— А вот что. Геллион сказал, что он достанет тебя. Сам, лично, понимаешь? Кое-кто из братвы предложил выполнить работу за него, но он сказал: нет, он возьмет это на себя. У главаря свои причуды.

— С какой стати? — спокойно осведомился Грант.

Вопрос застал Крыса врасплох. Сигарета дрогнула и едва не выпала изо рта. Водянистые глаза непроизвольно моргнули. Но Крыс справился с замешательством и снова склонился над столом.

— Вот это вопрос, Нейгл. Странно, что об этом меня спрашиваешь именно ты. Разве не ты засадил шефа в ганимедский Алькатрас?

— Не я отправил его туда, — парировал репортер, — Я только написал статью. Это моя работа. Я узнал, что Геллион скрывается на Церере с кучкой отъявленных

головорезов и выжидает, пока улягутся страсти. И написал об этом. Я не виноват, что в полиции читают «Вечернюю ракету».

Крыс ехидно посмотрел на корреспондента.

— А ты ловок, Нейгл. Куда как ловок, — хмыкнул он, — Когда-нибудь ты допишешься до того, что попадешь в переделку. Если уже не попал.

— Слушай, с какой стати главарь посылает тебя? Почему он не явился самолично? Если у Геллиона есть ко мне дело, он прекрасно знает, где меня найти.

— Он не может явиться сейчас, — ответил Крыс, — Ему нужно на время залечь на дно. На этот раз он нашел одно славное местечко, где никакой пронырливый писака до него не доберется.

— Крыс, когда-нибудь ты доболтаешься до того, что попадешь в переделку, — предостерег Грант, — Не знаю, в чем смысл твоей игры, но ты во что-то пытаешься играть со мной. Поскольку Геллион не мог выбраться из тюрьмы на Ганимеде. Никому еще это не удавалось. Если человек выходит оттуда, значит, он отмотал свой срок, или же его выносят оттуда вперед ногами. Никто не может бежать с Ганимеда.

Крыс мрачно улыбнулся, достал из заднего кармана газету и швырнул ее на стол. Это был свежий, еще пахнущий краской номер «Вечерней ракеты».

Заголовок гласил: «Геллион бежал».

— Вот, — промолвил Крыс, стуча пальцем по газете, — сам посмотри, что и как. Стану я еще городить чепуху.

Грант устремил взгляд на газету. Это был экстренный выпуск, вышедший в конце дня. Печать черно-белая. Геллион Смит сбежал из неприступного Алькатраса, расположенного посреди безвоздушных, холодных равнин Ганимеда. На фотографии, получившейся с фиолетовым оттенком, красовалась мерзкая рожа Геллиона.

— Выходит, ты сказал мне правду, — все так же спокойно признал Грант, — Геллион действительно сбежал. И твоя новость имеет смысл.

— Если Геллион сказал — так оно и есть, — усмехнулся Крыс.

— Я тоже, — сурово ответил Грант, — И я хочу кое-что передать через тебя Геллиону, если ты можешь связаться с ним.

Ты скажешь ему, что тогда я всего лишь выполнял свою работу — и ничего личного. А вот если он будет смешивать понятия, то я займусь им по-настоящему. Я подойду к этому вопросу со всем рвением, пойми меня правильно. Передай Геллиону: если он еще раз попробует угрожать мне, я расправлюсь с ним, и тогда ему конец.

Крыс смотрел на него своими водянистыми глазами.

Грант взялся за бутылку и наполнил стакан.

— А теперь убирайся к черту! — прорычал он. — От одного твоего вида меня мутит.

Помощник редактора нашел Гранта за столом со стаканом ликера в руках. Он направился прямо к нему через весь зал.

Грант поднял взгляд, узнал коллегу и предложил:

— Привет, Лайтнин. Выпей глоток.

Лайтнин помотал головой.

— Нельзя. Босс отправил меня за вами. Он хочет вас видеть.

— Неужели? — удивился Грант. — Что ж, ты вернешься и скажешь ему, что я занят. Что меня нельзя беспокоить. Передай, пусть сам придет ко мне, если уж я ему так нужен.

Лайтнин неловко топтался на месте, он оказался в щекотливом положении.

— Но это важно, — осмелился настаивать он.

— Черт, — выругался Грант, — Еще чего. Садись, Лайтнин, в ногах правды нет.

— Послушайте, — упрашивал Лайтнин, — если вы не придете, босс даст мне нагоняй. Он приказал мне не слушать от вас никаких возражений.

— Что ж, увы мне! — пожал плечами Грант. Он залпом допил ликер и сунул бутылку в карман, — Идем, Лайтнин.

Стоявшие на улице роботы-глашатаи громко вопили:

— Геллион Смит бежал. Геллион Смит бежал с Ганимеда. Полиция разводит руками.

— Они всегда разводят руками, — проворчал Грант.

Мягкие огни светились в наступающих сумерках. Машины почти бесшумно двигались по улицам. Над головой негромко жужжали воздушные лайнеры. На горизонте небо пылало яркими живыми красками.

Артур Харт посмотрел на Гранта.

— У меня для вас есть небольшое поручение, — сообщил он. — Что-то вроде отпуска. Вы много работаете, я думаю, некоторая перемена обстановки пойдет вам на пользу.

— Продолжайте, — вздохнул Грант, — Стреляйте сразу из обоих стволов. Я предпочитаю не откладывать встречу с плохими новостями. Помнится, в последний раз, когда вы проявили ко мне такую доброту, вы отправили меня на Венеру, и я два месяца был вынужден вдыхать зловонный смрад тамошних морей, тонуть в болотах и брать интервью у несчастных людей-рыб.

— Это была отнюдь не плохая идея, — возразил Харт. — У нас были основания предполагать, что венерианцы куда лучше технически оснащены, чем мы думали до сих пор. В своих морях они построили большие подводные города, и пусть они не спешат поделиться с нами информацией о том, имеются ли у них космические корабли, мы не можем исключать того, что эти самые корабли у них есть. Мы знаем, что они вполне могли посещать Землю задолго до того, как земляне высадились на Венере.

— Это уже в прошлом, — пробурчал Грант, — хотя звучит довольно подозрительно. Что на сей раз? Марс или Венера?

— Ни то ни другое, — ответил Харт. — На этот раз ваше задание и правда напоминает небольшое увеселительное путешествие. На морское дно. Я уже все устроил. Сегодня ночью вы сядете на субмарину и отправитесь в Корал-Сити, а потом оттуда к Глубоким Водам.

— Глубокие Воды! — с возмущением воскликнул Грант. — Это же у черта на куличках! На самом краю бездны.

— Вот именно, — не стал спорить Харт, — И что вас не устраивает?

Грант печально покачал головой.

— Не нравится мне это. Я страдаю клаустрофобией. Не могу находиться в замкнутом пространстве. А там мне придется надеть стальной скафандр. Конечно, Корал-Сити — это замечательное место. Каких-то две сотни футов под водой, там полно приятных людей.

— И приятных баров тоже, — добавил Харт.

— Клянусь, там их достаточно, — согласился Грант. — Пожалуй, я мог бы отправиться на пару недель в Корал-Сити.

— Вы отправитесь и к Глубоким Водам тоже, — сурово добавил Харт.

Грант обреченно пожал плечами, и при этом движении бутылка в его кармане приятно напомнила о себе.

— Ладно, — ответил он. — В чем смысл задания?

— Там, на дне, не все идет как следует, — сказал Харт, — Ходят слухи, имеется масса неподтвержденных предположений, но нет никаких достоверных данных, из которых можно было бы сделать правильные выводы. Выглядит так, будто стекло и кварц, предназначенные для создания подводных костюмов и строительства тамошних зданий, не обладают достаточной прочностью. Есть информация о ряде несчастных случаев. Целые поселения опустели. То одно происшествие, то другое, в разных частях дна, и так продолжается уже не один месяц. Да ты и сам читал об этом. Расследования ни к чему не привели.

— Брось, — отмахнулся Грант, — Этого и следовало ожидать. Если какой-то идиот опускается на глубину в

полтысячи футов и поселяется в кварцевом куполе, значит, он ищет приключений на свою задницу. Если что-то случается, ему некого винить, кроме себя. Нельзя шутить с давлением в тысячи фунтов на квадратный дюйм — это все равно что жить на пороховой бочке.

— Есть еще один любопытный момент, — добавил Харт. — Все катастрофы произошли с сооружениями, в которых использовался кварц одного производителя, «Снайдера». Ты знаешь.

— Разумеется, — ответил Грант, ничуть не удивленный этой подробностью. — Только это не меняет дела. Практически весь кварц, который используется там, — это продукция «Снайдера». Ни для кого не секрет, что «Снайдер» заключил негласный договор с Управлением колонизацией океана. — Грант посмотрел в глаза редактора. — Или вы намерены отправить меня в одиночку в крестовый поход против «Снайдера»?

Харт немного смутился.

— Не совсем так, — попытался возразить он. — Вы не будете работать в одиночку. За вами «Вечерняя ракета».

— За моей спиной — это верно сказано, — усмехнулся Грант, — И на безопасном расстоянии, надо добавить. Черт, что проку от «Вечерней ракеты», если я попаду в переделку на глубине в полмили?

Харт подался немного вперед в своем кресле и доверительным тоном проговорил:

— Представим дело так. Если обнаружится, что что-то не так с кварцем от «Снайдера», мы обрушимся на него. А если выяснится, что УКО без всяких оснований пытается свалить вину на компанию, мы покатим бочку на само управление.

— До чего же вы милый человек, — заметил Грант, — Ради яркого заголовка размером в девяносто шесть пунктов вы готовы отправить на виселицу родную бабушку.

— У нас есть долг перед читателями, — торжественно произнес Харт, в этот момент чем-то напомнивший Гранту сову, — Наш долг — работать на благо человечества.

— И на благо нашей доброй старой «Вечерней ракеты», — ввернул Грант, — Тираж растет. На целой полосе мы покажем читателю, как мы разоблачили грязных мошенников. И возможно, когда мы расправимся с кварцевым гигантом «Снайдером», найдется другая компания, производящая кварц и готовая вложить миллион баксов в рекламу на наших полосах.

— Это не так, — попытался возмутиться Харт, — и вам это прекрасно известно. — Он говорил с расстановкой. — Речь идет о завоевании целого мира. Океанического дна. Его площадь в два с половиной раза превышает всю площадь земной суши. Это великий вызов. Мы только начали завоевание. Это только пионеры...

— Знаю. — Грант махнул рукой, прерывая тираду редактора. — Огромные богатства. Колоссальные месторождения. Залог будущего. Теория мне известна. Оставьте свое красноречие для очередной передовицы.

Харт вновь откинулся в кресле.

— Последнее сообщение об аварии с кварцем пришло с края желоба Пуэрто-Рико, — сказал он, — Ваша задача — разобраться, в чем там загвоздка.

— Имейте в виду, — ответил Грант, — когда я вернусь оттуда, я напьюсь до чертиков и не буду просыхать целый месяц.

Харт достал из своего стола конверт и протянул его Гранту.

— Ваши билеты на субмарину, — пояснил он. — Деньги на расходы получите в банке Корал-Сити, им будут даны соответствующие указания.

— Прекрасно, — хмыкнул Грант, — Я привезу вам осьминога вместо собаки.

Вода была синей, с легким фиолетовым оттенком — царство ультрамаринового полумрака, но с каким-то слабым внутренним свечением. Хорошо освещенные поля водорослей уже остались далеко позади, и характер морского дна

резко изменился. Уже не было тех живописных песчаных пространств, радовавших взор растительностью и рыбами фантастических расцветок, самых причудливых и разнообразных форм. Не было колыхавшихся морских перьев и золотистых морских лилий. Исчезла невообразимая игра красок.

Казалось, мир впереди состоял только из тьмы. Синева вод настолько сгустилась, что взгляд проникал лишь на очень небольшое расстояние, и даже мощный луч прожектора подводного вездехода пробивался едва ли на сто футов.

Дно было покрыто глиной и илом, и его слой становился все мощнее, по мере того как Грант продвигался вниз по склону, все глубже и глубже. Один раз вездеход увяз в грязи, его гусеницы буксовали, и Гранту пришлось использовать специальные приспособления — по своей конструкции они были похожи на ноги, углублялись в вязкий ил, пока не достигали дна, благодаря чему машина получала опору, необходимую для дальнейшего продвижения.

Живые существа по мере погружения тоже менялись. И то были устрашающие перемены — их облик становился все ужаснее.

Какое-то создание, почти целиком состоявшее из огромной пасти, проплыло мимо лобового стекла, резко развернулось и уткнулось плоским рылом в окно, разинув огромный рот с острыми зубами. Темный силуэт скользнул по самой границе освещенного прожектором пространства.

Грант проверил показания приборов. Глубина пятьсот пятьдесят футов. Давление — двести пятьдесят три фунта на квадратный дюйм.

Приборы слегка подрагивали, но сомнений в их исправности не было. Все работало в штатном режиме.

Грант вытер испарину со лба. «Да уж, путешествие в этой калоше не из приятных», — подумал он, хотя только что вновь убедился в надежности крепкой стальной брони, созданной в расчете на сопротивление огромному давлению,

окон из небьющегося ламинированного кварца и прочих механизмов аппарата.

Однако кварц иногда оказывался недостаточно прочным, и именно с целью выяснить, в чем дело, его направили сюда. Иногда кварц разрушался, из-за чего гибли люди, а ведь они верили в его надежность, иначе просто не осмелились бы бросить вызов этой бездне с ее холодом и чудовищным давлением.

Существо с непомерной пастью отстало от лобового стекла, но вместо него из мрака возникло другое призрачное создание — нечто причудливое, совершенно не похожее на известных Гранту живых существ.

Выругавшись в его адрес, репортер повертел прожектором, пытаясь сориентироваться в пространстве. Но кругом не было ничего примечательного — он двигался по мрачной равнине, хотя прибор определенно указывал, что вездеход шел под уклон.

Где-то там впереди находится желоб Пуэрто-Рико, один из глубочайших на планете — пять с половиной миль бездны. Давление на его дне доходит до шести с половиной тонн на квадратный дюйм. Слишком много для человека. Погружение ниже отметки в четыре мили еще требовало испытаний в промышленных лабораториях, равно как и создания более прочных сортов стали и стекла, свежих инженерных решений, способных повысить надежность конструкций, принципиально новых разработок на теоретическом уровне.

Грант проверил карту. Он следовал курсом, который ему нарисовали в транспортном ведомстве в Глубоких Водах, но пока в поле зрения не было видно признаков присутствия человека. Старый Гас, как его прозвали, похоже, был своего рода легендарным персонажем.

— Странный старик, — рассказывал Гранту невысокий и живой шеф транспортного ведомства. — Я бы даже сказал, немного свихнувшийся. Он уже многие годы здесь, занимается исследованиями, бродит по окрестностям. Теперь его

отсюда ничем не выманишь. Океан проникает в душу, если жить здесь слишком долго.

Грант вновь покрутил прожектором, но его по-прежнему окружала пустынная равнина.

Через полчаса яркий луч выхватил из мглы купол, прилепившийся к черной скале, резко поднимавшейся с плоского, как стол, морского дна.

Направив вездеход прямо к скале, Грант остановился поблизости и через люк вышел из кабины.

Не без труда забравшись в механический скафандр, он закрыл замки и проскользнул внутрь тесной кабины оператора, где с недовольным видом уставился на кучу разных приборов. Еще не привыкнув к новому облачению, он неловко открыл внешний люк.

Снаружи управлять скафандром стало легче, механизм рывками двинулся вперед, встряхивая тело Гранта при каждом шаге. До купола оставалось уже совсем недалеко, и в этот момент от скалы отделилась какая-то тень и метнулась в его сторону. Грант ощутил толчок и увидел, как щупальца обвили скафандр и мощные присоски впились в его поверхность.

— Осьминог, — с отвращением пробурчал Грант.

Головоногое отчаянно извивалось, сгибая щупальца в мощные кольца, а затем соскользнуло со скафандра, опустилось на дно и скользнуло в сторону. Через мгновение оно вновь появилось из мрака и зависло перед Грантом, явно выражая свое недовольство.

— Дать бы тебе хорошего тумака, — обратился Грант к осьминогу, — но тогда я, того и гляди, потеряю равновесие, и надо быть волшебником, чтобы собрать эту консервную банку, если она развалится.

Осьминог был настоящим чудовищем. Его тело было величиной с порядочный арбуз, а каждое из восьми щупалец достигало двадцати футов в длину.

Силуэт человека в скафандре появился из люка купола, и Грант нажал на рычаг, чтобы поднять руку в знак приветствия. Точно такой же жест последовал в ответ — хозяин спешил навстречу гостю.

Осьминог отстал от Гранта и, поднимая облако ила, метнулся в сторону вновь появившегося человека. Ловким движением руки тот отмахнулся от атаки и сбросил осьминога. Стальные пальцы ухватились за щупальце, и человек в скафандре продолжил движение вперед, таща за собой корчащегося и оскорбленного подобным обращением осьминога за одну из его восьми конечностей.

— Привет путешественнику, — обратился к корреспонденту хозяин купола, — Рад, что вы навестили меня.

Грант ответил в свой микрофон:

— Я тоже рад вас видеть. Мне нужен человек по имени Гас. Не вы ли это?

— Так и есть, — ответил тот, — Похоже, Батч наскочил на вас.

— Батч? — озадаченно переспросил Грант.

— Ну да, Батч. Это мой осьминог. Я подобрал его новорожденным. Бывало, он сидел со мной внутри купола, но потом стал слишком велик, и мне пришлось прогнать его. Он постоянно сопровождает меня, куда бы я ни пошел.

Батч примостился на дне рядом с Гасом, а тот все еще держал его стальными пальцами за щупальце. Казалось, глаза осьминога светились в синем подводном мраке.

— Иной раз, — продолжал старый Гас, — он немного озорничает, так что приходится призывать его к порядку. Но что и говорить, все же мой осьминог действительно хорош.

— Хотите сказать, — переспросил удивленный Грант, — что вы держите его в качестве домашнего животного?

— Вот именно, — подтвердил Гас. — Он вполне безобиден, если не давать ему набрасываться на себя. Один парень к северу отсюда тоже держал одного осьминога и хвастал, будто тот способен одолеть все, что движется, ну, я взял Батча и отправился с ним взглянуть на того красавца. Скажу тебе,

дружище, это была битва, на которую стоило посмотреть. Так Батч одержал верх над тем осьминогом. Расправился с ним за какие-нибудь пятнадцать минут, а потом прихватил с собой его труп. Несколько дней таскал его туда-сюда и не задумывался об обедах.

— Да уж, опасный товарищ, — заметил Грант.

— Батч может вести себя как отъявленный мерзавец, если у него плохое настроение, — с гордостью заявил старый Гас.

За приготовлением кофе старик продолжил свой рассказ.

— Обитая здесь долгое время, легко можно сдохнуть от тоски, — говорил он. — Человеку нужно хотя бы какое-то общество, пусть это даже осьминог. С акулами тоже можно наладить дружеские отношения, если изучить их поближе, но из них получаются никудышные домашние животные. Они бродяги от природы. Никогда не знаешь, где их носит. А осьминоги — они домоседы. Батч нашел логово в скале позади купола и кидается ко мне всякий раз, когда я выхожу из дома.

— И как давно вы здесь живете? — поинтересовался Грант.

— Всего четыре или пять лет, как я перебрался сюда, — ответил Гас. — Раньше жил на триста футов повыше, но, как только изобрели этот надежный кварц, я спустился сюда, поглубже. Здесь мне больше нравится. Я живу на Дне уже почти сорок лет. В последний раз, когда я был на поверхности, у меня страшно разболелась голова. Слишком яркие краски. Зеленые, голубые, красные, желтые. Здесь же все синего цвета, скорее даже фиолетового. Это успокаивает.

От кофейника распространялся чудесный аромат. Тихонько урчала электролитическая установка. Чуть слышно жужжал обогреватель.

Перед входом в купол лежал на дне меланхоличный Батч.

— Этот купол из кварца «Снайдера»? — спросил Грант.

— Ага. Обошелся мне в пару тысяч баксов. Еще пришлось оплатить буксировку его до места. Сначала я думал, что смогу сделать это сам на своей старой калоше, но потом решил, что это слишком рискованно.

— Я слышал, что не все купола от «Снайдера» надежны, — сказал Грант. — Не выдерживают давления. Похоже, у них есть дефекты в конструкции.

Старик взял кофейник с печи и разлил кофе по чашкам.

— Аварий было много, — подтвердил он, — но меня Бог миловал. Не думаю, что в чем-то виновато стекло. Тут что-то другое. Причем нечто весьма любопытное. Некоторые парни поговаривают о том, что собираются устроить своего рода суд Линча.

Грант уже было поднес чашку с кофе к губам, но после этих слов Гаса резко поставил ее на место.

— Суд Линча? — переспросил он, — С какой стати?

Старый Гас наклонился над столом и многозначительно понизил голос.

— Вам приходилось слышать о Пропасти Разбойников?

— Нет, — покачал головой Грант, — Не могу припомнить.

Старик откинулся назад.

— Это еще с полмили вниз, — пояснил он. — Такая небольшая лощина. Дурное место. Слишком неровное для вездеходов. Приходится добираться туда пешком.

Он шумно отхлебнул еще дымящегося кофе и погладил усы мозолистой рукой.

Грант ждал продолжения рассказа, попивая свой кофе. Батчу, по-видимому, надоело лежать, и он скользнул вверх по выгнутой стенке купола.

— Здесь случилось слишком много грабежей, — сообщил старый Гас. — Чересчур много. Эти места теперь достаточно хорошо обжиты, и мы не хотим дальше терпеть эти безобразия.

— Полагаете, в той лощине скрывается шайка разбойников? — заинтересованно спросил Грант.

— Это единственное место, где они могут найти пристанище, — ответил Гас. — Туда очень нелегко добраться. Там полно гротов, и еще есть пара каньонов, ведущих к Большой Пропасти. Десятки укромных мест, где можно спрятаться, — Гас смачно отхлебнул очередной глоток кофе и продолжил: — Раньше здесь все было тихо и мирно. Можно было найти поле со съедобными моллюсками, поставить заявочный столб и быть уверенным, что это — твое. Никто бы даже не притронулся. Или можно было огородить месторождение радия — и никто не стал бы опрокидывать колышки. Стоило найти старое судно и наклеить на него записку, что это вы его нашли, и никто не посмел бы взять ни одной доски. Но теперь стало не так. Случается много нападений, а поля с моллюсками то и дело опустошаются. И мы уже думаем, как бы положить этому конец.

— Знаете, — вступил Грант, — «Вечерняя ракета» отправила меня сюда выяснить, почему так много куполов разрушено, отчего происходят эти катастрофы на Дне. Вы утверждаете, что виноваты разбойники — этакие головорезы морских глубин. Неужели они станут громить купола ради того скудного имущества, которое могут обнаружить внутри?

Старый Гас фыркнул в ответ:

— Еще бы! Там наверху ваши бандиты могут хладнокровно застрелить человека из-за карманной мелочи. А здесь в некоторых куполах хранятся целые состояния. Радий, жемчуг и бесценные сокровища с погибших кораблей.

— Могу себе представить, — кивнул Грант, — Но это происходит не только здесь. Купола разрушаются повсюду. По всему Дну.

— Не могу судить о других местах, — резко ответил старый Гас. — Только я доподлинно знаю, что здесь большинство несчастных случаев происходит вовсе не из-за дефектов стекла. А по вине кучки головорезов и воров, и если так будет продолжаться и дальше, уж мы постараемся их поймать, — Старик залпом допил остатки кофе и поставил чашку на стол, — Я отметил поле с моллюсками неподалеку отсюда, и

если эти парни сунутся туда, я самолично ступлю на тропу войны, — Резко замолчав, он посмотрел на Гранта, — Скажите, вы когда-ни-будь видели поле с моллюсками? — Грант помотал головой, — Если вы останетесь, завтра я вам покажу, и у вас глаза полезут на лоб от изумления. Некоторые раковины в поперечнике не меньше пяти футов, и внутри одной старушки я покажу вам жемчужину размером с вашу шляпу. Она, правда, не столь совершенна, как хотелось бы, но дайте время — и она будет такой как следует. Старушка усердно трудится над этим, мне остается только наблюдать. Но я не был там уже с месяц. — Он покачал головой. — Надеюсь, что те ребята из Пропасти Разбойников не добрались до нее. Пусть только дотронутся, и тогда я объявлю им настоящую войну.

Батч безмятежно плыл впереди, грациозно взмывая над разбросанными там и сям камнями и то и дело совершая рывки в ту или другую сторону, на время скрываясь в синем мраке.

— Ну чем не собака? — спросил старый Гас. — Иногда он становится немного назойлив, и тогда мне приходится задать ему взбучку, чтобы умерить пыл, но что ни говори, а он все же любит меня. Ко всем прочим он беспощаден. Такова его природа — ничего не поделаешь.

Они упорно продвигались вперед. Теперь Гранту стало гораздо легче справляться со своим облачением.

— Поле с моллюсками расположено прямо впереди, — сообщил старый Гас. — А Пропасть Разбойников — там, внизу. — Повернувшись вполоборота в своем скафандре, он махнул рукой в сторону уходящего вглубь склона. И застыл в таком положении, — Нейгл, — старик перешел на шепот, — я не уверен, что видел это раньше.

Грант посмотрел в указанном направлении и сквозь толщу воды увидел странное сооружение, словно тень вздымавшееся из морских глубин.

— Что это? — спросил он, — Выглядит как... Черт, похоже, это какая-то машина.

— Не знаю, — тихо ответил Гас, — но, ради всего святого, нам надо выяснить, что это такое.

Они медленно, осторожно двинулись к непонятной штуковине. От предчувствия близкой опасности холодные мурашки пробежали по спине Гранта.

Батч резво устремился вперед. Вдруг он замер, застыл в напряжении, затем проплыл еще несколько футов, изгибая свои щупальца. И вдруг он пришел в бешенство, задергался, его глаза покраснели, а тело из черного стало сначала розовым, потом фиолетовым и наконец приобрело кирпично-красный цвет.

— Батч разозлился не на шутку, — с беспокойством заметил старый Гас.

Осьминог прекратил демонстрацию своего негодования столь же внезапно, как и начал ее, и направился прямо в сторону туманных очертаний. Гас поспешил вдогонку, Грант последовал за ним.

Непонятный предмет оказался механизмом. Грант различил два больших цилиндра, расположенных близко один к другому, между ними находилась какая-то массивная машина, скрепленная с цилиндрами прочными трубами.

Грязь и ил вокруг механизма были расчищены, вероятно, для того чтобы обеспечить ему большую устойчивость, а в каменистом дне проделано отверстие приличных размеров.

Поблизости не было заметно никаких признаков живых существ, но машина работала.

Батч, подплыв к цилиндрам, присосался к поверхности одного из них, и в этот момент из-за машины неожиданно показался кто-то, внешне напоминавший водяного, и Батч устремился за ним.

Человекоподобное существо метнулось в сторону, разрезая толщу воды с поразительной ловкостью, но Батч жаждал крови. Резко увеличивая скорость, он приблизился к

пытавшемуся спастись созданию, предпринял последний рывок и, схватив жертву, сжал ее щупальцами.

Старый Гас кинулся вперед, отчаянно крича на осьминога:

— Батч, проклятый, прекрати сейчас же!

Но когда он подоспел, было уже поздно. Рассерженный старый Гас попробовал отобрать добычу у голодного осьминога, но тот впился в нее всеми своими щупальцами.

— Когда-нибудь ты окончательно выведешь меня из терпения, Батч, — ругался старый Гас.

Но Батча не слишком волновало его возмущение. Его заботило лишь одно — как бы не выронить лакомое блюдо, которое попалось в его объятия. Он упрямо держался за добычу присосками, но в конце концов Гасу удалось заставить его ослабить хватку. Осьминог намеревался вновь вцепиться в свою жертву, но хозяин отогнал его прочь, и головоногому пришлось ретироваться, опустившись на дно возле одного из цилиндров и выражая свое негодование в бешеном танце.

Грант смотрел на существо, лежавшее на голой скале.

— Гас, знаешь, что это такое? — спросил он.

— Черт возьми, понятия не имею, — ответил Гас. — Я, конечно, слыхал о русалках и водяных, но никогда не придавал значения этим историям. Вот уже сорок лет я скитаюсь по океанскому дну, но ни разу на них не натыкался, — Он подошел поближе и прикоснулся к трупу пальцем своей перчатки и затем добавил: — Но это весьма похоже на их изображения в старинных книгах — прямо удивительное сходство.

— Это венерианец, — в недоумении проговорил Грант. — Житель Венеры. Человек-рыба. Пару лет назад редактор отправил меня на Венеру, чтобы я выяснил о них все, что возможно. У него были подозрения, что их научный прогресс шагнул гораздо дальше, чем они позволяют думать землянам. Но мне не удалось выведать ничего особенного, поскольку погрузиться в венерианское море для человека

равносильно самоубийству. Тамошние моря имеют неустойчивый химический состав. В них содержится кислота и большое количество хлора. Зловоние страшное, но этим парням, похоже, нравится. Кислота, давление и изменчивая химическая среда им нипочем, а вонь, вероятно, доставляет им удовольствие.

— Если это венерианец, как он сюда попал? — подозрительно спросил Гас.

— Не знаю, — пожал плечами Грант, — но я должен узнать. Насколько известно, венерианцы никогда не посещали Землю. Их организмы привычны к колоссальному давлению, но они не любят открытого воздуха, даже на Венере, где он почти наполовину состоит из влаги.

— Может, вы ошибаетесь, — предположил Гас, — А что, если это не венерианец, а просто кто-то похожий на него?

Грант покачал головой за стеклом скафандра.

— Нет, не ошибаюсь. Слишком много отличительных признаков. Взгляните на жабры — они словно бы перистые. И шкура. Она почти как сталь, настоящий панцирь. Это наружный скелет.

Репортер повернулся и осмотрел цилиндры, затем переведя взгляд на машину, закрепленную между ними. Она бесшумно работала. Несколько кусков породы торчало из похожего на загрузочный бункер приспособления в верхней части механизма. По свисавшему захвату подъемного крана можно было понять, как блоки породы попадали в бункер. На боку машины располагалось несколько небольших емкостей.

— Гас, что это за горная порода? — спросил Грант.

Старик взял пару кусочков и поднес к стеклу скафандра.

Свет фонарика отразился в минерале веселыми искорками, по его поверхности словно пробежали живые огоньки.

— Флюорит, — сказал Гас, — Весь образец пронизан его кристаллами, — Он отбросил кусочки породы в сторону, — Эта скала очень древняя. Наверное, архейская эра.

— Вы уверены, что это флюорит? — уточнил Грант.

— Разумеется, это флюорит, — ответил старик, — В этой скале его полно. Флюорита вообще очень много на Дне. Здесь много древних скальных пород, где его и находят чаще всего.

Грант переключил свое внимание на механизм и резервуары. Казалось, машина работала, несмотря на поразительную простоту устройства. Хотя нельзя было сказать, что она состояла лишь из поршня с колесом, к тому же, похоже, она не нуждалась в управлении и функционировала без видимого источника энергии.

Загрузочный бункер как загрузочный бункер, однако в недрах механизма виднелись отблески пламени, проворно поглощавшие каменный блок, разрушая его и отправляя полученный продукт в нижнюю часть конструкции.

Грант постучал по боку одного из резервуаров стальным кулаком, звук был сухой, мертвый, не похожий на звон стали.

— Как вы думаете, из чего сделаны эти резервуары? — поинтересовался он у Гаса.

Старик в ответ покачал головой.

— У меня нет никаких предположений на этот счет, — признался он. — Много любопытного мне довелось повидать за сорок лет пребывания здесь, но ничего похожего на это я не видел. Выглядит, будто венерианцы пожирают скалу при помощи этой машины. Это все, что я могу сказать.

— Черт возьми, за этим скрывается гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд, — угрюмо произнес Грант.

Он поднял один из лежавших поблизости небольших баллонов и постучал по нему. Послышался тот же сухой звук. Он осторожно открыл пробку, и из горлышка сосуда вырвался вихрь жидкости ядовитого зеленовато-желтого цвета. Быстрым движением он закрыл пробку и резко отпрянул назад.

— Что это за вещество? — крикнул ему Гас, за кварцем

скафандра его голубые глаза, казалось, еще шире распахнулись от удивления.

— Фтороводородная кислота, — ответил Грант сдавленным голосом. — Это единственная из известных кислот, способная разъедать стекло!

— Ну и чертовщина, — обреченно промолвил старый Гас.

— Гас, мне сегодня не до любования моллюсками, — объявил Грант, — Я должен вернуться в Глубокие Воды. Мне надо отправить сообщение.

Гас мрачно смотрел на цилиндры, на труп венерианца.

— Я понимаю, — пробурчал он.

— Может быть, вы хотите отправиться со мной? Я сразу же вернусь обратно.

— Нет уж. Я останусь здесь. Но я не против, если вы привезете мне пару фунтов кофе и сахара.

Откуда-то из глубины появился темный силуэт. То был Батч. Он совершил обходной маневр и теперь возвратился, чтобы завладеть телом убитого венерианца.

Его стратегия увенчалась успехом. Гас набросился на него с бранью, но осьминог схватил труп и всплыл вместе с ним под крутым углом, исчезнув во мраке. Гас лишь погрозил кулаком ему вслед и прокричал:

— Когда-нибудь я задам этому проклятому осьминогу такую трепку, что он надолго запомнит!

Очевидно, Харт заблуждался насчет качества стекла фирмы «Снайдер», зато его былые подозрения в отношении венерианцев подтвердились. Теперь в этом не могло быть сомнений. Венерианцы сумели достичь Земли — вероятно, вот уже много лет они высаживались на Земле, спускаясь на ее поверхность на своих кораблях и тут же погружаясь в глубины океана, свое привычное место обитания, и так они незаметно, не привлекая внимания, прибирали к рукам земные моря.

И вот земляне, подталкиваемые экономической необходимостью, жаждой приключений и алчностью, опираясь на

научные и технические достижения, сами решились на завоевание океана. Век за веком плавая по его поверхности, летая над ним, теперь они погрузились в его глубины, предприняв великое наступление и раздвинув границы своего дома — ставшей слишком тесной суши.

Вспомним странные рассказы о сверкающих предметах, падавших в море, загадочные репортажи о таинственных летательных аппаратах необычных очертаний, замеченных над открытым океаном. О самолетах, вдруг устремлявшихся ввысь или стрелой падавших в воду. Мы слышали эти сообщения многие годы, начиная с двадцатого столетия, а некоторые — даже с девятнадцатого, когда люди о самолетах даже и не слыхали.

А еще есть старинные сказки, мифы античных времен, когда люди только-только попробовали покинуть родные берега и отправиться в морские путешествия, и в этих сказках говорилось о водяных и русалках.

Могли ли венерианцы в течение стольких столетий обретаться на Земле? Исподтишка, незаметно опускаясь из космоса год за годом, они даже могли наладить прибыльную торговлю сокровищами, добываемыми со дна океанов Земли. Возможно, и сейчас немало венерианских колоний находится на бескрайних равнинах над толщей вод. Это легко допустить, если учесть, что земляне лишь недавно начали обживать глубины океана. Его прибрежные курорты, морские фермы и нефтяные поля, плантации водорослей и рудники расположены главным образом на континентальном шельфе. Немногих чудаков вроде старого Гаса, связавших свою жизнь с Дном, влечет туда странная тяга к безмолвию и захватывающим тайнам морской пучины, они устремляются все глубже и глубже, но таких очень мало. Дно фактически остается пустыней. И в этой пустыне, возможно, скрыты многочисленные поселения венерианцев.

Грант Нейгл размышлял об этом, возвращаясь на вездеходе из Глубоких Вод вниз, к куполу Старого Гаса.

Он посмеивался, представляя, какое впечатление на Харта произвел их разговор по видеотелефону.

Он не сомневался, что сейчас Харт ругаясь мечется по кабинету, пытается во всем разобраться и сформулировать свои соображения, прежде чем отправить сообщение в Вашингтон. К ночи Харт добьется, что все правительственные подводные лодки мира будут отправлены прочесывать океанские глубины, разыскивая венерианцев и их крошечные химические заводики, вырабатывающие фтороводородную кислоту.

А может быть, они не имеют дурных намерений, производя кислоту. Может быть, все это делается ради абсолютно невинных целей. Но остается фактом, что только фтороводородная кислота способна повредить стекло, и, соответственно, сама собой напрашивается связь этой истины с имевшими место катастрофами, произошедшими из-за кварцевых куполов, а это нельзя сбросить со счетов.

В конце концов, разве не логично венерианцам поступать именно таким образом, если они намереваются сохранить океан для своих нужд? Если они хотят изгнать землян со дна их собственных океанов, разве есть лучший способ, кроме как заставить людей бояться моря, подорвать их веру в надежность кварца, благодаря которому оказалось возможным создать купола, подводные лодки, вездеходы и водолазные костюмы?

А может быть, за этим стоит нечто большее? Что, если речь идет не только о вытеснении людей из морей, но и о конечной победе над ними? А вдруг венерианцы планируют изменить природу моря так, что человеку будет закрыт доступ к нему? Создать среду, в которой венерианец сможет существовать, а человек — нет? Если построить достаточное количество таких химических заводиков, какой обнаружили Грант с Гасом, то со временем задача будет решена. И время работает на венерианцев, поскольку они живут во много раз дольше, чем люди. Материал для преобразования океана под рукой. Есть флюорит для производства фтороводорода,

полно хлоридов, которые можно химически преобразовать, большие запасы марганцевых руд, которыми усеяно океаническое дно.

А если к тому же венерианцы, обитавшие в ядовитых морях, разработали химические реакции, неизвестные землянам? Какое колдовское зелье они способны заварить, если им дать срок, — об этом человек может только догадываться. Мириады микроскопических специально выведенных бактерий могут быть скрыты в толще воды, за тысячу лет дело вполне можно довести до конца.

Грант пожал плечами, подумав об этом. Три четверти земной поверхности захвачено пришельцами с другой планеты. Если океаны превратить в смердящие котлы, отрава сделает необитаемыми участки земли на сотни миль от их берегов.

Пусть сейчас суда подводной полиции направлены на розыск мелких заводов, чтобы конфисковать емкости с кислотой и разрушить оборудование. Но это может занять много времени, ведь придется прочесать все дно Мирового океана. Даже если взяться за эту задачу, некоторые из вредоносных заводов могут быть размещены на такой глубине и в таких труднодоступных местах, что их будет очень непросто обнаружить.

Грант разозлился сам на себя.

— И что я за глупец, черт возьми? — сокрушался он. — Вообразил себе глобальную катастрофу, когда еще нет никакой уверенности в самих фактах.

Фактов нет, это верно, если не считать того, что он нашел венерианца, управлявшего машиной, которая производила фтороводородную кислоту. Грант внимательно проверил карту и подправил курс. Он уже приближался к куполу старого Гаса.

Через полчаса он заметил черный, мрачный утес и медленно направился к нему.

Репортер все еще пытался разглядеть купол, пока вездеход почти не наехал на то, что от него осталось. Грант

вскрикнул от изумления, остановил вездеход и прильнул к стеклу, направив луч прожектора на руины подводного дома.

Купол старого Гаса был буквально взорван. Удержалось лишь несколько кусков фундамента, закрепленного на скале. Остальное было разнесено на мельчайшие кусочки и рассыпано по дну!

И где же теперь старый Гас? Либо старика не было дома, когда купол развалился, либо же его тело унесло течением.

Грант тщательно обследовал поверхность дна, он хотел выяснить, что же именно послужило причиной разрушения купола. От места катастрофы вели широкие следы, оставленные колесами большого подводного вездехода. Отчетливые отпечатки ног образовали замысловатый узор вокруг развалин купола и внутри них, из чего можно было заключить, что кто-то рыскал здесь уже после того, как дом был разрушен. И эти следы оставили люди. Купол был сокрушен снарядом, начиненным взрывчаткой и приводимым в движение сжатым воздухом.

— Пропасть Разбойников, — вспомнил Грант, глядя в направлении следа вездехода.

Россказни о Пропасти Разбойников, услышанные им от старого Гаса, сначала казались Гранту выдумкой, какими славились обитатели Дна. Суеверия, тяготы одиночества, столкновение с необычными явлениями — все это способствовало сочинительству. Но вдруг Пропасть Разбойников — это не только миф, может быть, она реально существует?

Грант направился к своему вездеходу.

— Ради всего святого, я должен это выяснить! — решил он.

Двигаться по следу было легко. Он вел по прямой вниз по склону в сторону Большой Пропасти, а затем резко поворачивал к северу, продолжая погружаться в глубь океана.

Вода вокруг становилась все темнее, приобретая темно-серый оттенок вместо привычного синего. Во мраке

мелькали искорки — то и дело вспыхивал и гас неяркий свет, выдававший присутствие существ, способных к люминесценции: в морской толще жизнь обрела собственные источники освещения. Стреловидные черви, похожие на белые нити, скользили перед лобовым стеклом. Веслоногие рачки, заменяющие в морских глубинах насекомых, рывками двигались в воде и танцевали, будто пылинки в лучах солнца. Перепуганные креветки устроили настоящий фейерверк, испустив поток света почти в лицо Гранта.

Стайка рыб со светящимися пятнами на жаберных крышках и по бокам проплыла перед окном, а затем создание, напоминавшее ночной кошмар, с окруженными светящимися кольцами глазами, торчащими усами с фонариками на концах и серебристым узором на теле прильнуло к лобовому стеклу вездехода, задержалось на мгновение и ускользнуло прочь.

Колея была неровной. Она вела все дальше в глубину, и давление возрастало. Чернота вокруг сгущалась, а вспышки света становились более яркими, напоминая мерцание светляков в ночном мраке.

Что сталось со старым Гасом? И почему его купол был взорван?

Эти вопросы не давали Гранту покоя. Если Гас еще жив, тогда где же он? Отправился собирать на помощь товарищей, о которых рассказывал? Спешит в Глубокие Воды за полицией? Или преследует мародеров?

Грант пожал плечами. Старый Гас, вероятно, убит. Чудак старик, который сорок лет назад предпочел жизнь в океане возможности наслаждаться яркими красками и свежим воздухом. Он стал бы бороться во что бы то ни стало. Наверное, где-то в океанском иле увяз взорванный вездеход или раздробленный водолазный костюм, там, где старый обитатель Дна и нашел последнее успокоение.

Но почему атаковали купол? Неужели старый Гас хранил там сокровища? Предположение было вполне правдоподобным. Он же рассказывал о старых кораблях, полных

сокровищ, и у него на примете был моллюск размером в пять футов и жемчужиной величиной со шляпу. Даже при том, что сейчас цены на жемчуг упали из-за насыщения рынка, такая жемчужина сама по себе представляет неплохое состояние.

След вел глубже и глубже во тьму, вокруг было все больше танцующих светляков и скользивших в водной толще жутких теней. Со дна стали вздыматься причудливые скальные образования, а колея все стремилась вниз. След большого вездехода теперь замысловато извивался между выступами.

Несомненно, Пропасть Разбойников уже близко. Указатель глубины остановился на отметке две тысячи футов, и это при давлении, от одной мысли о котором у Гранта пробежали мурашки по спине. При таком давлении человек вмиг превратится в желе, даже не в желе — в мокрое пятно.

След привел в узкий каньон с каменными стенами, вертикально поднимавшимися вверх. Даже для вездехода Гранта едва хватало места, а уж машина больших размеров просто терлась бы боками о скалы.

Внезапно каньон вывел его на обширную площадку округлой формы, напоминавшую арену амфитеатра. На противоположной стороне стены вновь сходились друг с другом, и даже ближе, чем раньше. Это место представляло собой настоящий каменный мешок.

Грант резко остановил машину и попытался включить задний ход, поскольку на этой небольшой площадке оказалась стоянка подводных танков — целой батареи танков разных размеров.

Он попал в западню, его бросило в холодный пот, пока он лихорадочно дергал рычаги управления.

По радиотрансляции раздался голос:

— Оставайтесь на месте, или мы откроем огонь!

Грант видел, как угрожающе повернулись в его сторону дула орудий танков. Он понял, что пропал. Пришлось остановить вездеход и выключить двигатель.

— Наденьте скафандр и выходите, — приказал голос по радио.

В общем, Грант влип по уши.

Выбравшись наружу, он медленно двинулся по площадке. У одного из танков открылся люк, и ему навстречу вышел человек. Оба молчали до тех пор, пока не оказались лицом к лицу друг с другом.

И тут при тусклом свете Грант узнал своего визави: то был Крыс!

— Хорошую нору ты нашел себе, Крыс, — усмехнулся Грант.

Крыс ехидно посмотрел на него.

— Геллион будет очень рад увидеться с тобой. Это довольно-таки неожиданный визит, и все же он будет очень рад, — С кривой усмешкой он добавил: — А ему понравился твой ответ.

— Конечно, — кивнул Грант, — я знал, что ему понравится.

Пребывание в Алькатрасе на Ганимеде не прошло бесследно для Геллиона Смита, он стал еще более коварным, злобным и изощренным в своей жестокости, чем раньше. Это выдавали колючий взгляд его чуть раскосых глаз, подергивание лица с неровным шрамом от подбородка до виска, бескровные, плотно сжатые губы.

— Согласись, — говорил он Гранту, — у меня здесь очень мило. Место, подходящее во всех отношениях. Полиции даже в голову не придет искать меня здесь, а если и вздумается, мы готовы вести с ними настоящую войну не на жизнь, а на смерть. Если же мы решим скрыться, они никогда не догонят нас в этих каньонах, ведущих в Большую Пропасть.

— Умно, — согласился Грант. — Впрочем, ты всегда был умен. Твоя проблема в том, что ты слишком любишь рисковать.

— Больше я не хочу рисковать, — ответил Геллион, сохраняя непринужденный тон беседы, слегка озадачивший его

собеседника. — Кстати, — продолжал он, — Крыс передал мне, что ты не забыл обо мне. И даже выразил мне свое почтение. Трудно это не оценить.

«Ну вот и все», — подумал Грант.

Настал напряженный момент.

Но ничего не произошло.

Геллион обвел рукой огромный купол, прозрачный сводчатый потолок которого возвышался в доброй сотне футов над ними. Сквозь кварц даже в царившем на такой глубине темно-сером мраке можно было различить стены каньона, вздымавшиеся почти вертикально с морского дна.

— Здесь все, как на поверхности, — гордо заявил Геллион. — Все удобства. Ребятам тут нравится. Делать почти ничего не надо, зато окрестности хороши для прогулок. Лампы заменяют дневной свет, последнее электролитическое оборудование, генераторы — все есть. Очень уютно. — Он прямо посмотрел на Гранта, — Хочу предложить тебе погостить у нас немного, только боюсь, что ты предпочтешь возвратиться обратно.

У Гранта перехватило дух.

— В общем, да, — сказал он, — Шеф меня ждет.

Но что-то здесь было не так. Вроде нет ничего подозрительного ни в словах, ни в жестах. Разговор в непринужденной атмосфере. Все просто замечательно — за исключением того, что Геллион Смит ненавидел его. Геллион Смит не мог дать ему уйти отсюда и подняться на поверхность.

И еще эти слова: «...ты предпочтешь возвратиться обратно».

— Я провожу тебя до шлюза, — предложил Геллион.

Грант задержал дыхание, ожидая подвоха. Вновь ничего не последовало. Геллион продолжал дружескую беседу, его лицо, пересеченное шрамом, чуть подергивалось, а глаза блестели, но голос был мягким и приветливым. Старые нью-йоркские истории, сплетни преступного мира, жизнь в ганимедской тюрьме.

Скафандр Гранта стоял в шлюзе, там, где он его оставил.

Геллион взмахнул рукой.

— Приходи к нам в гости еще. Когда захочешь. А сейчас, пожалуй, тебе стоит поторопиться. — И впервые в голосе Геллиона Грант уловил нотки ядовитой насмешки.

— Что ж, пока, Геллион, — ответил Грант.

В раздумье он забрался в свой скафандр, открыл вентили и включил фонарь. Все было в порядке — приборы нетронуты, механизм работал. Грант включил питание и проверил показания приборов. Но что-то было не так. Чего-то не хватало. Какого-то легкого мурлычущего звука в ушах.

И тут он сообразил, и от этой догадки ноги подкосились, его опять бросило в холодный пот.

— Геллион, — прошипел он, — мой блок электролиза вышел из строя.

Геллион стоял у входа в шлюз, готовый закрыть за собой дверь. Он мило улыбнулся Гранту, словно тот только что удачно пошутил.

— Это ведь еще не так плохо, — отозвался он.

— Послушай, Геллион, — крикнул Грант, — если ты хочешь расправиться со мной, тогда лучше пристрели меня.

— С какой стати? Нет, — ответил Геллион. — Я и не собирался этого делать. Ведь этот способ куда деликатнее. У тебя есть экстренный запас кислорода, которого хватит часа на три-четыре. Может быть, за это время ты найдешь способ спасти свою шкуру. Я ведь даю тебе шанс, видишь? Это лучше, чем то, как ты поступил со мной, подлый бумагомаратель, — С этими словами он закрыл дверь, и Грант увидел, как она встала на место.

Вода с шипением заполнила шлюз, пенясь под высоким давлением, которое постепенно возрастало, пока не сравнялось с внешним.

В голове Гранта роились невеселые мысли. Воздуха у него не больше чем на четыре часа. Этого времени недостаточно, чтобы добраться до Глубоких Вод. Если бы купол старого Гаса не был взорван, то проблем бы не было, потому как дойти до него особого труда не составляло. Вполне

вероятно, поблизости есть и другие купола, но он не имел понятия, где их искать.

Оставалось одно — и Грант должен смириться с этим — умереть в своем скафандре, когда иссякнет кислород. Четыре часа. Вполне достаточно времени, чтобы дойти до купола Гаса.

Грант уцепился за эту мысль. Времени хватит до дома Гаса. Идти по следу вездеходов. Подняться по склону каньона и выйти на колею.

Место, где располагался заводик венерианца, находится в какой-то четверти мили от купола Гаса. За два часа туда запросто можно добраться, даже меньше чем за два часа. Два часа туда — два часа обратно.

Грант мрачно размышлял, что будет с куполом Геллиона, если сбросить на него дюжину баллонов с фтороводородом. Он рассмеялся, и его смех отозвался зловещим эхом внутри скафандра. «Мы отправимся на тот свет вместе, Смит», — прошептал Грант.

Карабкаться по стене каньона — не увеселительная прогулка. Не единожды Грант едва не срывался вниз, когда стальные пальцы перчаток его скафандра скользили по склизкой скале. Не то чтобы падение было смертельно, но оно и могло оказаться таковым.

И вот Грант уже почти наверху. Не торопясь, он осторожно действовал правой рукой — схватившись за выступ, он цеплялся за него пальцами и изо всех сил давил на рычаг, чтобы закрепиться. Двигатели жужжали, когда скафандр подтягивался на руке, двигаясь вверх по неровной поверхности крутой стены. Теперь уже левая рука цеплялась пальцами за выступ и крепко сжимала его. Грант несколько раз дергал рукой, чтобы проверить прочность хватки, и только после этого включал двигатель.

Сокращались механические мускулы, рука сгибалась, и вся конструкция продвигалась вверх.

Время, конечно, дорого, но следует соблюдать осторожность. Стоит поскользнуться, и тогда все придется начинать сначала — это в лучшем случае. А ведь можно насмерть разбиться о скалы, или же расколоть стекло, или повредить костюм так, что он перестанет работать.

Чтобы взобраться наверх, потребовалось несколько больше времени, чем рассчитывал Грант, но тем не менее до цейтнота было далеко. Он успеет дойти до заводика венерианца и взять кислоту. После чего вернется и сбросит баллон за баллоном в каньон. А потом посмотрит, как желто-зеленая жидкость распространится по кварцевой поверхности. Убедится, что кварцевые стенки купола будут раздавлены чудовищным давлением воды.

— Ты хотел ответа, Геллион? — крикнул он в сторону каньона, — Будет тебе ответ. У меня их целая дюжина — в баллонах!

А вдруг все его старания напрасны? Вдруг он изначально слишком драматизировал ситуацию. Может быть, этого количества кислоты не хватит для того, чтобы уничтожить купол, может, нужно сбросить в каньон сотни таких баллонов, чтобы повредить кварц. Может быть, баллоны расплющатся под давлением раньше, чем достигнут дна. Любопытный материал, из которого сделаны те цилиндры и баллоны, — не сталь и не кварц, а ведь людям известны только эти два материала, способные выдержать давление на глубине пятисот футов. В лабораториях на поверхности фтороводородную кислоту держат в восковых контейнерах, но на этой глубине использовать для ее хранения такую емкость или же стеклянную — одинаково бессмысленно.

Те баллоны, должно быть, сделаны из какого-то нового материала, неизвестного землянам и изготавливаемого венерианцами. Само собой, венерианцы вынуждены производить такие материалы, которые были бы стойкими к кислотам и колоссальному давлению.

Назойливое шипение струйки кислорода отвлекло Гранта от праздных размышлений. Он взглянул на

циферблат, показывающий давление в запасном резервуаре кислорода, и тяжело вздохнул. Из двух резервуаров один был пуст, или почти пуст, поскольку газа там оставалось лишь на несколько минут. Второй резервуар был полон, но с первым что-то произошло. Грант рассчитывал, что его должно было хватить почти до стоянки венерианца, и тогда второй резервуар он мог бы использовать на обратном пути к стене каньона. Какой-то дефект, может быть, неисправность указателя — теперь уже неважно, если ущерб уже непоправим. Шипение струйки становилось все слабее, и Грант переключился на второй резервуар.

Что же, теперь все ясно.

Ему уже не хватит времени, чтобы дойти до стоянки венерианца и вернуться к каньону. Два часа — это все, что ему осталось, возможно даже меньше. А это так мало.

Кто-то другой должен добраться до Геллиона Смита. Может, старый Гас, если он еще жив. Может, какой-нибудь опытный офицер подводной полиции, может, кто-то с правительственной подводной лодки, занятой поиском колоний венерианцев.

«Последняя статья, — подытожил Грант Нейгл, обернувшись и глядя вниз, в глубину, где еле-еле виднелся купол преступников, — История, которую мне не суждено написать».

Грант поднял вверх правую руку костюма, нашел выступ скалы в луче фонаря, зацепился за него стальными пальцами, проверил хватку и включил двигатель. Костюм со скрежетом скользнул по скале, подтянувшись на руке на несколько футов.

Еще немного, и он достигнет верха обрыва. И что тогда? Что следует сделать? Чем заняться человеку, если ему остается жить всего лишь час или два?

Он поискал лучом фонаря, за что бы теперь уцепиться левой рукой, и в этот момент, словно привидение, из-за кромки стены каньона показалась какая-то огромная тень и

устремилась вниз, плавно погружаясь в глубину. То был продолговатый предмет, похожий на трубу, который, падая, вращался вокруг своей оси. Предмет опускался прямо на купол Геллиона.

Грант повернулся в своем скафандре, чтобы получше рассмотреть странный предмет, и у него перехватило дыхание, когда он его узнал. Это был один из цилиндров венерианца! Один из тех двух больших цилиндров, к которым была присоединена машина! Цилиндр падал с ускорением, продолжая вращаться.

Сверху послышался глухой хлопок, словно кто-то откупорил бутылку, и следом за вращающимся цилиндром полетел мерцающий снаряд. Кто-то стрелял из пневматической пушки!

За долю секунды, пока летел снаряд, Грант нашел наконец выступ для левой руки и лихорадочно вцепился в него пальцами. От ударной волны взорвавшегося снаряда, попавшего в цилиндр, скафандр ударился о скалу. Но пальцы крепко держались за выступ, и Грант, висевший на стене каньона, мог наблюдать, как цилиндр разделился, словно кто-то разрезал его ножом пополам. Он видел, как струи зеленовато-желтой жидкости, кружась вихрем, обрушились прямо на купол.

Забыв обо всех предосторожностях, Грант вскарабкался вверх по стене на остававшиеся несколько футов, выбрался на ровную поверхность и повернулся, чтобы взглянуть на дно каньона.

Купола больше не было — он распался на миллион кусочков, после того как кислота разъела его, позволив давлению довершить дело.

Геллион Смит погиб. Как и Крыс, и остальные. Если кто и спасся, то только находившиеся в танках.

Вода в Пропасти Разбойников окрасилась в мертвенно-желтый цвет, и эта жидкость вращалась медленным водоворотом на дне пропасти.

— Кто вы, черт возьми? — спросил кто-то.

Грант обернулся.

— Гас, — крикнул он, — Гас, дьявол, так это ваша работа!

Человек в скафандре спокойно стоял с ружьем в руке. За ним угадывались смутные очертания подводного танка.

— Можно сказать, меня просто вывели из терпения, — пробурчал Гас, — Сначала они разнесли мой купол, и это меня обидело, но мало того, так они еще похитили мою жемчужину, и тут я уже вышел из себя, — Он направил луч своего фонаря в лицо Гранта, — Вот так-то, Нейгл. А я-то думал, куда вы подевались?

— Долгая история, — хмыкнул Грант.

— Расскажите ее в танке, — распорядился Гас, — Мне пора возвращаться.

— Куда направитесь? — поинтересовался Грант.

— Надо найти Батча, — ответил Гас. — Когда я был у стоянки венерианца и собирался притащить сюда цилиндр, Батч увязался за мной. Я объяснил ему, что давление здесь слишком велико для него, и велел остаться. Но он заупрямился, и мне пришлось привязать его. — Гас тихо рассмеялся, — Бьюсь об заклад, он сейчас бесится от злости, — добавил он.

Им угрожала гибель. Фред Франклин понимал это лучше других. Но не испытывал страха. Он в ярости лихорадочно метался между своими великолепными генераторами, установленными в подвальном этаже Улья, отказываясь верить, что их может разнести ко всем чертям.

Эти генераторы были смыслом его жизни. Он любил смотреть, с какой головокружительной быстротой вращаются их роторы — совершенное творение человеческой мысли и рук. Он любил слушать мерное гудение тока в высоковольтных трансформаторах. И теперь эта жизнь могла оборваться.

Крупные, перепачканные смазкой руки Франклина вскинулись, словно намеревались схватить кого-то за горло.

— Если бы мне удалось дотянуться до того паршивца на Земле, — проревел он.

— Скорее всего, парня так и так выпрут с треском, — подал голос Билл Викерс. — Какой-нибудь мелкий конторский служащий. Он ошибся, а проверяющий проморгал.

— Вот-вот, — никак не мог успокоиться Фред, — Эту конторскую крысу выпрут с работы. А нас выпрет из жизни.

Викерс внимательно посмотрел на кудесника атомных реакторов и генераторов переменного тока.

— Как, по-твоему, Фред, сколько они еще сумеют проработать?

Франклин, инженер-механик Улья, взорвался сам:

— Хочешь знать, сколько? Я скажу. Они будут работать, пока камера сгорания не провалится в преисподнюю. Когда это случится, беспокоиться уже будет не о чем. И некому.

Викерс содрогнулся, представив жуткую картину... Стоит взорваться атомному реактору — и через несколько секунд Улей перестанет существовать. Неуправляемая атомная сила выплеснется наружу и быстро найдет общий язык с юпитерианским давлением.

— Слой меркотита тает, — сказал Фред, — По правде говоря, он уже истончился до опасного уровня. Для нормальной работы камеры сгорания нужна срочная добавка новой порции. Ну а что лежит в полученных нами ящиках, знаешь сам.

Он не удержался и сердито плюнул.

— Медь! На что нам здесь медь? Куда мы ее запихнем?

— Я приказал вездеходам немедленно возвращаться, — сообщил ему Викерс, — Отозвались все, кроме Кэла Осборна. Когда в последний раз я выходил с ним на связь, чувствовалось, что он изрядно клюкнул. Надеюсь, протрезвеет и даст о себе знать. Когда вездеходы придут, можешь вытащить из их камер весь имеющийся там меркотит. Понимаю, на нем тоже долго не протянуть, но какое-то время мы выиграем. Каждая минута работы генераторов — это минута нашей жизни. Если они встанут, исчезнет сила, уравновешивающая давление на стены Улья, а значит, исчезнем и мы. Это ясно как божий день.

— Вы возвращаете вездеходы? — спросил подошедший к ним доктор Норман Лестер, — Как это понимать? Как отказ от дальнейших поисков корабля?

Викерс повернулся и исподлобья взглянул на седовласого Лестера.

— Нет! — огрызнулся он, — Я был вынужден это сделать — у нас меркотит на исходе. Но никто не собирается прекращать поиски. Я сам отправлюсь. Один. И либо вернусь с меркотитом, который был на борту «Ковчега Юпитера», либо вообще не вернусь. Бенни утверждает, что связь с кораблем прервалась, когда «Ковчег» проходил над Ревущей. Должно быть, корабль упал где-то по другую сторону горы.

— Верно, — согласился радист Бенни Керн. — Они шли севернее Улья, на приличной высоте. Угодили прямо в шторм. Слышимость была скверная, но мне удавалось контролировать их передвижение. «Ковчег» шел по радиомаяку, хотя сигнал часто прерывался. Молнии там сверкали без передышки.

— Ваши слова, Викерс, впечатляют, но не убеждают, — поморщился доктор Лестер. — Поисковая группа прочесала всю гору. Вы считаете, что окажетесь удачливее их?

— Вот что, док, вам лучше не соваться в это дело, — угрюмо посоветовал Лестеру Фред. — Мы все поймались на заменитель меркотита и дали вам наиграться вдосталь. И игрушки у вас были первоклассные. Заказали вам новейшие приборы, добыли пробы всех металлов, какие встречаются на Юпитере. И где результаты?

— Я биолог и ничего не смыслю в металлах, — возразил Лестер. — Мы с коллегами сделали все, что смогли.

— Я вас не виню, — вступился за доктора Викерс, — Наверное, права старая пословица, что беда никогда не приходит одна. Но кто думал, что поднимется такой дикий ураган? Мы уже готовились запустить ветродвигатели... А теперь от них осталась груда металлолома.

На Юпитере свои представления о ветрах. Ветер, дующий со скоростью двухсот миль в час, — это не ветер, а ветерок, нечто вроде легкого бриза. Такой ветер постоянно носится над поверхностью гигантской планеты. Ветер начинают замечать, когда его скорость возрастает до пятисот миль. При скорости свыше тысячи миль это уже «напористый ветер». Дальше начинается ураган, буря, шторм (годятся все определения).

Юпитерианская атмосфера не имеет даже отдаленного сходства с земной. Она несравненно плотнее и гуще и состоит преимущественно из водорода и азота (водород преобладает), а вместо воздуха — жидкая субстанция, напоминающая суп-пюре. При скорости в двести миль в такой атмосфере вполне сносно могли бы вращаться ветродвигатели — мощные источники электроэнергии, необходимой для существования Улья (основная часть энергии тратилась на противостояние колоссальному давлению, которому ежесекундно подвергалась станция землян). Но скорость ветра

неожиданно возросла до тысячи миль, и ветродвигатели сплющило будто консервные банки.

Улей построили за пять лет до появления на Юпитере людей. Строительство вели роботы, которыми управляли с космических кораблей. Оказалось, что на Юпитере можно не только строить, но и жить, а со временем, возможно, даже завоевать всю планету. Но людям не суждено прогуляться пешком по юпитерианской поверхности. Ни сейчас, ни в будущем.

Причина не в гравитации, в два с половиной раза, превышающей земную. Сложновато, конечно, но приспособиться можно, тем более что на Земле имелись специальные тренировочные камеры с повышенной гравитацией.

Куда сложнее дело обстояло с давлением. В сравнении с ним давление где-нибудь на дне земного океана, под многокилометровой толщей воды могло бы считаться нулевым. Юпитерианское давление сгибало даже толстенные стальные балки, а затем сплющивало и крошило их, разбрасывая вокруг миллионы металлических хлопьев.

Вот уже пять лет, как люди живут на Юпитере, но планету они видят лишь на телевизионных экранах. Улей — их единственный дом, за пределы которого можно выбираться только на вездеходе.

Внутреннюю оболочку Улья собирали из дюрастали — самого прочного сплава, изобретенного землянами. Но даже он не выдержал бы чудовищного юпитерианского давления. Противостоять его напору могло только... искусственное встречное давление, для создания и поддержания которого требовалась бездна электроэнергии. Существовали два источника ее получения: сила атома, вращающая электрогенераторы, и неистовые ветры Юпитера.

Над дюрастальной оболочкой был возведен дополнительный кварцевый кожух, защищавший ее от щелочных дождей, которые почти непрерывно лились из громадных туч. По такому же принципу строились космические

корабли, опускавшиеся на юпитерианскую поверхность, вездеходы и роботы.

Но не жажда приключений и не амбициозное желание помериться силами с чужеродной стихией заставили людей обосноваться на гигантской планете. Строительство Улья явилось последней, отчаянной попыткой обреченного человечества «выиграть у судьбы» и предотвратить гибель, угрожавшую жизни на других планетах.

Болезнь эту, пришедшую с Марса, почти сразу же окрестили «космической чумой». Весь арсенал современной медицины был бессилен справиться с нею. Не удивительно, что первые земляне, высадившиеся на красной планете, не обнаружили никаких свидетельств существования там жизни, зато нашли немало следов жизни существовавшей, но исчезнувшей.

Уничтожив марсианскую цивилизацию, смертоносный вирус терпеливо ожидал появления какой-нибудь другой. И дождался. С Марса «космическую чуму» занесли на Землю, а оттуда — на Венеру, Меркурий и заселенные людьми астероиды. Вирус поражал не только людей, но и все живое.

Начались лихорадочные исследования. Ученые сумели распознать и выделить вирус «космической чумы», но дальше не продвинулись: вирус оставался неуправляемым и непобедимым.

Человечество не прекращало попыток сдержать распространение «космической чумы» и хваталось за любую возможность борьбы с нею. Тогда-то и началось освоение Юпитера. Химический состав этой планеты в корне отличался от земного, и ученые надеялись найти здесь хоть какую-то подсказку, которая позволила бы решить уравнение с одним неизвестным и множеством обреченных жизней.

Первая экспедиция оказалась неудачной: на Землю удалось вернуться лишь одному кораблю. Не добилась успеха и вторая. Но участники третьей экспедиции, тщательно проанализировав трагические уроки предшественников, сумели построить Улей и установить оборудование,

позволяющее людям жить и работать в условиях чудовищного давления.

В составе четвертой экспедиции на Юпитер прилетели химики и биологи. Три года исследований не дали результатов. Да, химия Юпитера коренным образом отличалась от известной землянам. Причем настолько, что ученые потратили несколько месяцев, изучая взаимосвязи между основными элементами.

Основными элементами атмосферы Юпитера были водород и азот. Растительный мир планеты поражал людей своей необычностью, а животный выглядел еще более странно. Наверное, в земных условиях юпитерианские растения попросту испарились бы. Все виды животных, с которыми сталкивались земляне, были мелкими, но крайне агрессивными. Их обмен веществ диаметрально отличался от земного.

Наблюдения под микроскопом, химический, бактериологический и спектрографический анализ раскрыли многие тайны юпитерианской жизни, однако никоим образом не помогли в поисках методов борьбы с «космической чумой».

Успех пришел неожиданно. В железах зверька, прозванного корнеройкой за способ добывать себе пищу, ученые нашли вещество, способное подавлять смертоносный вирус. Улей стал средоточием надежд жителей всей Солнечной системы.

Со времени этого открытия прошло два года. Битва с «космической чумой» была в самом разгаре, однако характер ее постепенно менялся. Человечество переходило в наступление на смертоносную болезнь. Ученые, работавшие на Юпитере, не питали иллюзий и не обещали скорой победы. Лучше, чем кто-либо, они сознавали ограниченность своих возможностей. Да, они научились извлекать из желез корнероек драгоценное вещество. Но синтезировать его, искусственно воссоздав чужеродный обмен веществ, ученые не могли.

Билл Викерс взглянул на телевизионный экран и тихо выругался.

Снаружи снова шел дождь. Ледяные струи жидкого аммиака остервенело барабанили по восточным холмам — предгорьям Ревущей. Обычный дождь, сопровождаемый обычным ветром, дующим со скоростью двухсот миль в час.

Викерс изменил угол обзора и увидел загоны, в которых содержались сотни корнероек — надежда Солнечной системы. Люди с помощью роботов бережно ухаживали за ними, кормили, спаривали, растили и... убивали ради драгоценных желез.

По долине перемещалось полдюжины роботов, доставляя клубни местного растения, которыми питались корнеройки. Юпитерианские роботы только по названию совпадали с земной механической прислугой, имевшейся едва ли не в каждом доме. Это были сложные устройства, приспособленные для работы в условиях, где человек не выдержал бы и доли секунды. Своеобразные «доверенные лица» и «уполномоченные» землян на поверхности Юпитера.

— Слушай, Фред, если Улей провалится в тартарары, он потащит за собой не только нас, но и многие миллионы жизней на других планетах. Война с «космической чумой» приостановится на целых пять лет. Людям придется строить новый Улей, ловить корнероек, заново создавать ферму по их разведению.

— И все потому, что у какой-то канцелярской крысы голова была набита мякиной, и он отправил нам медь вместо меркотита!

Билл кивнул.

Он хорошо помнил, как несколько недель назад они получили очередной груз и стали вскрывать ящики, чтобы достать меркотит и поменять футеровку в камере сгорания ядерного реактора. Вскрыли один, другой, третий ящик... И везде обнаружили медь. Только медь.

Меркотит — удивительный, но редкий металл, добываемый на солнечной стороне Меркурия. Только он,

единственный, способен предохранять камеру сгорания от последствий атомного распада. Без меркотита процесс становится неуправляемым, а неуправляемая атомная энергия грозит гибелью станции и всем, кто на ней находился. Страшен не столько взрыв реактора, сколько остановка генераторов, поддерживающих встречное давление, без которого атмосфера Юпитера сплющит Улей в считанные секунды.

Где-то по другую сторону горы Ревущая лежал «Ковчег Юпитера» — корабль, несший в своих грузовых отсеках новый запас меркотита. Буря, разбившая «Ковчег» о горный склон, смяла и ветродвигатели. Люди Франклина собирали их несколько недель, надеясь обрести дополнительный источник электроэнергии.

— Я выскреб из вездеходов весь меркотит, какой только смог, — сказал Фред. — Пока хватит, но ненадолго. Кое-где слой уже опять становится тоньше. Дальше сам понимаешь: достаточно пробить камеру сгорания хоть в одном месте — и нам конец.

Он посмотрел на экран с аммиачным дождем.

— Наверное, стоит загнать в Улей всех роботов. Конечно, их камеры сгорания совсем маленькие, но лучше крохи, чем ничего.

— Делай что хочешь, — ответил Викерс, — Я отправляюсь искать «Ковчег». Думаю, док Лестер прав, и у меня не ахти сколько шансов найти корабль, после того как другие уже исползали склон вдоль и поперек.

— А старина Кэл так и не подавал голоса? — поинтересовался Фред.

Викерс покачал головой.

— В прошлый раз он выходил на связь мертвецки пьяным. У него где-то припрятан запас виски, и он таскает по бутылочке в кабину. Кэл мог бы уже двадцать раз навернуться или загреметь в пропасть. Это чудо, что до сих пор он как-то добирался назад. Зато его вездеход всегда возвращается по брюхо в юпитерианском дерьме.

Из отсека радиостанции высунулась голова Бенни Керна.

— Кэл на связи! — крикнул он.

Викерс щелкнул тумблером на приборной панели. Экран замигал, синхронизируясь на параллельный прием, и Билл увидел ухмыляющуюся физиономию Кэла Осборна, которого чаще называли стариной Кэлом.

— Привет, мальчик, — рявкнул Кэл. — Как делишки? Может, составишь мне компанию?

Осборн взмахнул бутылкой, припал к горлышку и шумно вытер рот.

— Где ты сейчас? — накинулся на него Викерс, — Ты что, не слышал моего распоряжения? Почему не возвращаешься в Улей?

Осборн осоловело моргал

— А зачем возвращаться? — наконец спросил он, — Мы же все равно скоро концы отдадим. Верно? Проще не бывает: наша жизнь зависит от меркотита. Когда реактор сожрет последние крошки, Улей накроется, а с ним и все «пчелки».

Старина Кэл громко икнул. Лицо его приняло смущенное выражение, как будто он выдал секрет, о котором все знали, но не говорили вслух.

— Ты совсем пьян, — с упреком бросил ему Викерс.

— Полегче, сынок, — забормотал Кэл. — Не надо так на меня давить. Все равно не дотянешься. Когда старая птица знает, что скоро ей каюк, она не станет отказывать себе в маленьких удовольствиях. Ну как же не выпить напоследок? Я позаботился об этом и протащил на вездеход парочку галлонов[6] горячительного. И сказал себе: «Билл Викерс не станет возражать. Он — умный мальчик и поймет». А кроме того...

— Что еще за «кроме того»? — закричал Викерс.

— А то, что я нашел корабль.

— Корабль?

— Да, сынок. И ты знаешь, о каком корабле речь.

— Ты нашел «Ковчег Юпитера»?

---

[6] Галлон (американский) — мера жидкости, равная 3,78 л.

— Найти-то нашел, да толку нам от этого никакого. Валяется на самом дне каньона. Разбился всмятку.

Билл со всей силой хватил кулаком по столу.

— Мне наплевать, где он: на вершине или на дне! Главное, ты его нашел. А добраться... Доберемся как-нибудь.

Викерс гнал вездеход на предельной скорости. Экран, находившийся в центре приборной доски, показывал сплошную пелену тумана, пробиваемую лучами прожекторов вездехода. За стенками и защитной оболочкой машины ревела и бушевала юпитерианская стихия.

На поверхность планеты лились потоки жидкого аммиака, подхлестываемые ветром. Облака над вершиной Ревущей без конца разрывались зигзагами молний, и в их сполохах серыми призраками мелькали приплюснутые кустарники. Впереди вездехода двигались четыре робота. Викерс намеревался отправить их на дно каньона.

Из-под гусениц роботов выскакивали серые и красные существа. Местная фауна. Впрочем, не все они торопились убраться с дороги. Какая-то зверюга со всей силой накинулась на робота, отскочила назад и бросилась снова. Силы были неравными: зверюге пришлось отступить за завесу аммиачного дождя и срывать свою злость на ком-нибудь из сородичей.

Злобные существа. И ядовитые. Так говорили биологи Улья, исследовавшие этих тварей. Ученые назвали их достаточно разумной формой жизни, но какова природа этого разума — сказать не могли.

Крупных видов на Юпитере не было и не могло быть. Их бы просто раздавило. Практически все виды юпитерианской фауны, мелкие и проворные, жались к поверхности, готовые в любую секунду зарыться вглубь.

Вездеход опасно подпрыгивал, гусеницы скользили по влажным скалам. Бормоча ругательства, Викерс вцепился в руль. Только еще не хватало угробить машину. Тогда уж точно конец и ему, и всем обитателям Улья. Остальные вездеходы Фред Франклин начисто лишил подвижности, забрав из них меркотит.

Но и медлить тоже было нельзя: меркотита в Улье оставалось на несколько часов. Как только реактор поглотит последние крохи, произойдет взрыв.

Думая об этом, Викерс сыпал проклятиями. На краю гибели у человека остаются две возможности: либо молиться, либо проклинать на чем свет стоит все и всех. Впрочем, то, что сейчас исторгал из себя Билл, вполне сошло бы за «молитвенное проклятие».

Будь проклят Юпитер! Будь проклята эта громадная планета, по которой невозможно ходить и которую не увидишь собственными глазами! Люди вынуждены передвигаться только в вездеходах, но даже в этих надежных и защищенных машинах невозможно сделать иллюминаторы. Только обзорные экраны. Радиосвязь здесь действует лишь в радиусе нескольких миль — и то с жуткими помехами. Сигналы с Земли сюда вообще не доходят; чтобы поговорить с родной планетой, нужно подняться за пределы юпитерианской атмосферы.

Викерс еще раз сверился с картами, надеясь, что держится правильного направления. На Юпитере можно лишь надеяться, а быть уверенным... Здесь это пустые слова. Попробуйте быть уверенным, когда на поверхности — минус сто двадцать по Цельсию, когда на вас давит чудовищный столб юпитерианской атмосферы и когда вся природа планеты (не говоря уже о ее химическом составе) земному человеку абсолютно чужда.

Вон как беснуется ветер в ущельях и перевалах Ревущей. Дьявольское местечко! Недаром у этой горы два названия. По одну сторону долины ее именуют Ревущей, а по другую — Орущей.

Билл Викерс щелкнул тумблером передатчика и крикнул в микрофон:

— Вызываю Кэла Осборна! Кэл, ты слышишь меня?

Динамик скрипел, трещал, но все же донес слабый голос старого упрямца:

— Билл, это ты, сынок?

— Да, Кэл. Что-нибудь нашел?

— Ничегошеньки, — ответил Осборн. — Я и так, и этак кумекал. К кораблю не подобраться. Его еще и оползнем

присыпало. Если бы хватало времени, можно было бы пригнать испарители и попробовать убрать завал.

— Сам знаешь, времени у нас нет, — отрезал Викерс, — А если запустим испарители, то вообще обрушим гору.

— Эти ребята, когда падали, и так прихватили с собой приличный кусок. Их расплющило, как блин на сковородке.

— Кэл, давай-ка, пошли вниз своего робота. Спустишь его на тросах. Пусть разнюхает что к чему.

— Ладно, — согласился Осборн, — Но я особых надежд не питаю.

Викерс выключил передатчик и сосредоточился на управлении вездеходом.

Ему вдруг стало одиноко. Куда-то исчезла надежда вернуться в Улей с меркотитом. Викерсу очень недоставало рядом такого человека, как Фред. Но тот сейчас гораздо нужнее в Улье. И потом, кабина вездехода не вместила бы двоих. Извечный закон выживания на Юпитере: небольшие размеры и мощный панцирь.

Вездеход обогнул белый утес. На Земле это была бы обыкновенная вода, а здесь — лед, обладающий прочностью, стали. «Водой» Юпитера был жидкий аммиак. Он бурным голубым потоком несся вниз по склону. Над «водопадом» стояло густое облако пара.

Аммиачный дождь продолжал хлестать по защитному кожуху вездехода. И ветер все так же завывал, носясь над перевалами.

Викерс опять включил передатчик и попытался вызвать Кэла. Ответа не было. Неудивительно. Радиосвязь здесь отличалась такой же непредсказуемостью, как и природа Юпитера.

Возможно и другое: Кэл хорошенько хлебнул и задремал. И теперь ему что кабина вездехода, что райские кущи.

От досады Викерс едва не плюнул на пол. Если бы сейчас рядом с упавшим «Ковчегом Юпитера» находился кто-нибудь из настоящих парней! Тот же Фред, или Эрик. Викерс

перебрал в уме еще десяток имен. Так ведь нет! Вместо них его напарником оказался неисправимый выпивоха Кэл Осборн!

Объехав скалу, вездеход вскарабкался на уступ, качнулся и заскользил по его поверхности. Будь гравитация послабее, машина давно бы опрокинулась. Но при юпитерианской гравитации вездеход лишь несколько раз дернулся и пополз вниз, чтобы затем одолеть следующий подъем.

Неожиданно на панели замигал сигнал вызова. Викерс включил радио и услышал голос Осборна — слабый, будто в микрофон говорил призрак:

— Слушай, парень. Мой робот в одиночку беспомощен как младенец. Ему нужна нянька. А то он мотается вокруг обломков корабля и не знает, что искать.

— Но почему ты не можешь его направлять? — начал сердиться Викерс. — В чем дело?

— Каньон слишком глубок, — ответил призрачный голос, — Даже если врубить прожекторы на полную мощность, это не поможет. Если бы я был рядом с этим чертовым роботом... понимаешь, я бы хоть увидел, что к чему, и ткнул бы его носом.

Раздражение Викерса улетучилось. Кэл был прав. Пьяный он или трезвый, но у аппаратуры обзора есть свои пределы. А тут еще туман, который словно проглатывает весь свет и искажает очертания.

— Послушай, Кэл. Кому-то из нас надо спуститься вниз и управлять действиями робота.

В динамике сквозь треск послышалась пьяная икота Осборна.

— Договорились, парень. Я поищу, как туда спуститься.

Радио вновь затихло. Наверное, Осборн выключил передатчик. Сколько Викерс ни кричал в микрофон, сколько ни давил на кнопку вызова, ответом ему было молчание.

Взглянув на карту, Викерс понял, что находится совсем недалеко от каньона. Оставались считанные мили — несколько минут пути. Викерс погнал вездеход вверх по

уступу, за которым был очередной скользкий спуск. Гусеницы отчаянно визжали. Вездеход сопротивлялся каждой своей осью, каждым колесиком, каждой шестеренкой. Однако воля человека гнала его вперед, и машина, плюхнувшись на плоскогорье, покатила дальше.

На панели вновь замигал сигнал вызова.

— Я нашел способ, — сообщил Кэл. — Не ахти какой, но, возможно, у меня получится. Вниз уходит что-то вроде тропы. Правда, узкая и с крутыми поворотами. Но это лучше, чем ничего.

— Не торопись, — крикнул в микрофон Викерс. — Дождись меня. Дурень, ты же пьян. Ты не сумеешь спуститься. Полетишь кувырком — и все.

— Кто сказал, что я пьян? — недовольно вопросил Осборн, — Я просто немного взбодрился. И мне спускаться сподручнее, чем тебе, сынок. У меня — ик! — опыта больше.

— Слушай внимательно, Кэл. Дождись меня. Это приказ. Я подъеду и спущусь вниз. У меня есть шанс. У тебя — никакого.

— Сказать вам, дорогой мистер Викерс, куда бы я засунул ваши приказы? — вдруг рявкнул Осборн. — Не выключай радио и двигайся сюда, а я тем временем спущусь в каньон.

Викерс требовал, просил, умолял.

Ответом ему было полное молчание.

Самонадеянный старый идиот! Викерс отлично представлял, насколько пьян Кэл Осборн. Если бы он шел сейчас по Улью, его бы мотало из стороны в сторону. Нет, Кэлу ни за что не достичь дна каньона живым.

Викерс вспомнил их разговор и насторожился. Сначала Кэл утверждал, что спуститься в каньон невозможно. И вдруг, как по волшебству, появляется тропа. Откуда она взялась? И тропа ли — это вообще? А может, просто наклонный выступ, который затем резко обрывается вниз?

Викерс схватил микрофон и попытался урезонить упрямца Кэла. Тот не отвечал. По вездеходу все так же хлестал аммиачный дождь, визжали скользящие гусеницы, да

завывал ветер, метавшийся над горными перевалами. Других звуков Викерс не слышал.

Четыре робота, двигавшиеся впереди вездехода, напоминали сказочных чудовищ. Их кварцевые спины блестели под синими струями дождя. Небо расколола молния (Земля не знала таких молний), и роботы вместе с окружающим пространством мгновенно стали кроваво-красного цвета. Следом ударил гром, сотрясая горные склоны.

Неожиданно вездеход стал погружаться в кошмар наяву. Машина оказалась среди причудливых каменных изломов, которые один за другим выплывали навстречу.

Викерс снизил скорость и повел вездеход с максимальной осторожностью. Обрыв был совсем близок; любой поспешный маневр грозил падением на дно каньона.

Роботы, двигавшиеся впереди, застыли. Теперь Викерс видел, где именно начинается обрыв. Он остановил вездеход, взглянул на приборы и понял, что выбрал не самое удачное место. Нужно проехать еще немного вдоль склона, туда, где глубина поменьше.

Голос Осборна, раздавшийся из динамика, звучал громко и отчетливо:

— Эй, Викерс, а я уже внизу. Кто говорил, что я пьян? А если даже и так, что с того? Но я не пьян. Робот возится с меркотитом.

— Кэл, ты спустился нормально? — по привычке крикнул Викерс.

— Конечно, сынок. Ты не кричи, я тебя хорошо слышу. Надо поторапливаться. Опускай сюда трос и готовься к подъему ящиков.

Вездеход остановился у самой кромки. Викерс включил дополнительный прожектор. В глубину, на дно каньона, упал ослепительный луч света. На дне он пересекся с другим лучом. Робот Осборна. Крошечный металлический жук деловито копошился среди останков корабля.

Викерс быстро развернул вездеход передней частью к обрыву и приказал одному из роботов опустить трос. Робот открыл заглушку и проверил состояние лебедки. Получив сигнал, что все в порядке, Викерс нажал на кнопку. Барабан лебедки завертелся.

Робот подъехал к самому краю обрыва, уцепился за трос и вместе с ним скрылся внизу. Потом то же самое проделал второй робот.

— Мой робот достал первый ящик, — сообщил Осборн. — Твои уже здесь. Хорошая подмога.

Викерс не засекал время. В такие моменты минуты кажутся вечностью, а циферблат часов только раздражает.

— Давай, парень, — донеслось из динамика. — Принимай первые три ящика.

Викерс включил лебедку, включив одновременно и заднюю тягу, чтобы уравновесить накренившийся вездеход. Трос быстро поднял на поверхность три металлических ящика, сопровождаемые роботом.

Трос снова пополз вниз и поднял еще три ящика. Потом еще. Наконец на вездеход были подняты последние ящики. Двенадцать ящиков меркотита! Двенадцать ящиков жизни для Улья и его обитателей! Двенадцать ящиков надежды для жителей Солнечной системы!

В динамике опять зазвучал голос Кэла, но почему-то гораздо тише, словно вездеход успел отъехать на приличное расстояние.

— Все в порядке, сынок. Запихивай ящики в отсек и торопись домой. Меня не жди. Я тут немного подзадержусь.

Викерсу стало не по себе.

— Слушай, Кэл, у тебя ничего не случилось? Дно каньона — не самое лучшее место, чтобы там прохлаждаться.

— Говорю тебе, сынок, все в полном порядке.

Последовала долгая пауза.

— Да, парень, чуть не забыл сказать тебе одну важную штуку. У меня в Улье припрятана бутылочка отличного шотландского виски.

Вторая пауза была еще дольше первой, а голос Осборна понизился до шепота.

— Я спрятал ее наверху, в кладовке рядом с радиоотсеком. Туда никто никогда не сует носа. Отличный тайник!

— Кэл! — закричал Викерс, — Кэл, я тебя почти не слышу. Я же чувствую, у тебя что-то произошло. Старина, тебе не выбраться из каньона?

Шепот был прерывистым, с придыханием, будто каждое слово давалось Осборну с трудом.

— Не забудь про бутылочку. Может, тебе захочется выпить по какому-нибудь поводу.

— Кэл! — что есть мочи завопил Викерс, — Кэл, ответь мне!

Ответа он так и не получил. По-прежнему где-то наверху метался ветер, грохотал удалявшийся гром и дождь барабанил по кварцевому кожуху вездехода.

В душе Викерса перемешались ярость и страх. Он осторожно развернул вездеход, вновь поставив машину вдоль кромки, и включил все прожекторы.

Да, его догадка оказалась верной: Осборн и в самом деле нашел нечто вроде тропы, уходящей на дно каньона. Тропа была почти отвесной, но этим ее опасность не исчерпывалась. Не достигнув дна, тропа обрывалась. А внизу, прямо под ней, лежала груда обломков, которая когда-то была «Ковчегом Юпитера».

Невдалеке Викерс увидел другую груду, поменьше. И внутри ее находился человек, которому удалось продержаться ровно столько, сколько понадобилось для подъема ящиков с меркотитом. Он знал, что идет на риск, однако не отступил. Риск оправдался: упавший вездеход Кэла Осборна не превратился в лепешку, а сам Кэл не погиб при падении.

Викерс выругался сквозь зубы. Он прекрасно знал, что Кэл абсолютно пьян. В Улье ему пришлось бы цепляться за стенку, чтобы не упасть. Осборн принадлежал к поколению людей, с которых, собственно говоря, и началось освоение

планет Солнечной системы. Почти всю свою жизнь он водил вездеходы — по большей части в изрядном подпитии и тем не менее странным образом в трезвом уме и твердой памяти. Да, временами он мог не держаться на ногах. Но стоило Кэлу оказаться в кабине вездехода, он вел машину увереннее любых завзятых трезвенников.

Сегодня он допился до той стадии, когда хочется доказать всем и каждому, что ты совершенно трезв. Кэл потерял способность правильно оценивать обстановку. Лишь какому-нибудь безмозглому герою или такому отчаянному пьянчуге, как Осборн, могло взбрести в голову, что юпитерианская гравитация позволит вездеходу съехать вниз почти по отвесному склону!.. И все-таки Кэлу повезло. Казалось бы, его вездеход должен был расколоться на куски. Но повреждения получил только защитный кварцевый кожух. Дюрасталь уцелела и сопротивлялась, пока юпитерианская атмосфера не превратила ее в рыхлый гидрид железа.

— Кэл, черт тебя подери, ты понимаешь, пьяный дурень...

Налетевший ветер сердито швырнул в каньон потоки аммиачного дождя. Сплющенным обломкам «Ковчега Юпитера» было уже все равно. Вездеход Осборна осел глубже и вдруг резко изменил цвет — помятый корпус теперь напоминал синее небо Земли. Это жидкий аммиак добрался до медных кабелей вездехода и растворил их без остатка.

Викерс возвращался в Улей.

— Да, Кэл, мы непременно достанем твою бутылку, — глухо произнес он, — И поднимем тост. Но не за меркотит. Мы выпьем за то, чтобы для этой мелкой канцелярской твари Земля превратилась в кромешный Юпитер. И как можно скорее!

Я ждал, когда рассыльный принесет из типографии первую пачку газет, и сидел совершенно без дела, закинув ноги на стол и надвинув шляпу на глаза. Чувствовал я себя довольно скверно.

У меня все еще стояло перед глазами, как этот парень вмазался в тротуар. Двадцать этажей — высота немаленькая, и когда он упал, то вроде как разбрызгался, и все это выглядело крайне неопрятно.

Проклятый дурак резвился и вышагивал по карнизу с раннего утра, целых четыре часа, а уж потом сиганул.

Со мной отправились Герб Гардинг, Эл Джарви и еще парочка фотографов из «Глобуса», и мне пришлось выслушивать их рассуждения на тему, как распределить съемку. Если птичка вспорхнет, то времени каждому хватит только на то, чтобы заснять одну пластинку, так что работу следовало спланировать заранее.

Эл должен был сделать телеобъективом первый снимок, в самом начале прыжка. Джо засечет летящего на полдороге. Гарри щелкнет как раз перед тем, как тот ударится о тротуар, а Герб поймает момент первого соприкосновения с асфальтом.

Я слушал их, и по коже у меня бегали мурашки.

Как бы то ни было, план сработал, и «Глобус» получил замечательную серию снимков прыжка, призванную проиллюстрировать мой очерк.

Мы знали, что, если «Стандарт» и заполучил снимок этого инцидента, он вряд ли воспользуется им: «Стандарт» претендовал на звание семейной газеты и делал все возможное, только бы их чтиво подходило для всех и каждого.

Но «Глобус» мог опубликовать что угодно и не упускал никаких возможностей. Мы давали самые животрепещущие новости без всяких прикрас.

— Этот парень был просто психом, — входя, сказал Герб и уселся рядом со мной.

— Весь этот чертов мир состоит из психов, — ответил я. — За последний месяц это шестая птичка, вспорхнувшая с небоскреба. Я бы предпочел, чтобы меня засадили в отдел некрологов, или деловой хроники, или еще куда. Я сыт кровью по горло.

— Вот так всегда и бывает. Сперва не знаешь, что снимать, потому что ничего достойного, а потом опять же не знаешь, потому что чертовщина прет из всех дыр.

Герб был прав. С новостями всегда так: они идут полосой. Волна преступности, волна дорожных происшествий и волна самоубийств. Но тут было что-то не то. Кроме прыгавших с высоты кретинов было много всякого другого.

Один парень перебил всю семью, а потом направил дуло на себя. Другой во время медового месяца зарезал молодую жену. А третий окатил себя бензином и чиркнул спичкой.

И всякие такие бессмысленные идиотизмы.

Ни один здравомыслящий репортер не станет возражать против некоторой доли насилия, потому что без этого новости — не новости. Но насилие уже перехлестывало через край, и это было чуточку мерзко и тревожно, вполне достаточно, чтобы замутило даже заработавшегося охотника за новостями, которого подобные вещи трогать не должны.

Но тут пришел рассыльный с газетами, и, скажу без ложной скромности, вся редакция прямо-таки упивалась моим очерком. Да так оно и должно быть: я тщательно продумал и скомпоновал его, пока наблюдал, как эта птичка скачет по карнизу.

Снимки тоже были хороши. Отличный комплект для торговли вразнос. Я почти явственно видел, как Дж. Р. потирает руки, облизывает губы и похлопывает себя по заднице от удовольствия, что мы сделали такой выпуск.

Наш научный редактор Билли Ларсон небрежной походкой подошел к моему столу и раскинулся на нем. Билли —

парень довольно-таки курьезный. Носит большие роговые очки и шевелит ушами, когда возбужден, но зато знает массу всего о науке. Может взять пересушенную, пресную научную статью и всыпать туда столько перца и соли, что даже интересно будет читать.

— У меня идея! — провозгласил Билли.

— У меня тоже. Я иду к Датчмену и угощаю себя бокалом пива, а то и двумя-тремя.

— Надеюсь, — вмешался Герб, — теперь-то это не связано с доком Аккерманом и его машиной времени.

— Не-а, — ответил Билли, — другое. Машина времени теперь не диковинка, людям надоело про нее читать. По-моему, старый плут раскрыл еще не все карты, да что с того? Машина времени никому не нужна, все ее боятся.

— А что же на этот раз? — спросил я.

— Солнечные пятна.

Я попытался отмахнуться от него — очень уж хотелось пива, я почти чувствовал его вкус, но, если у Билли завелась идея, он впивается как клещ и не выпускает, пока не выложит все без остатка.

— Как широко известно, — начал он, — солнечные пятна воздействуют на человека. Много пятен — и начинается веселая жизнь: акции и облигации подымаются, цены лезут вверх. Но с другой стороны, растет и нервное напряжение. Растет число вспышек насилия, народ приходит в возбуждение.

— Силы зла выходят на свободу, — подсказал Герб.

— Вот именно, — согласился Билли, — Русский ученый Чижевский[7] указал на это лет тридцать назад. По-моему, это он обнаружил, что активность на фронтах Первой мировой войны четко связана с появлением на Солнце больших пятен. А апоплексические удары в тридцать седьмом году вызваны самым быстрым взлетом кривой солнечной активности за последние двадцать лет.

---

[7] Чижевский Александр Леонидович (1897–1964) — один из основоположников гелиобиологии.

Меня это как-то не тронуло, зато Билли охватил азарт. Такой уж он человек, энтузиаст своего дела.

— Народ буквально встает на голову! — восклицал он, а в глазах его пламенел огонек фанатизма, как бывает всякий раз, когда Билли почует материал, от которого читатели «Глобуса» затаят дыхание, — И не просто народ, а народы — нации, культуры, цивилизации. Если устроить экскурс в историю, легко обнаружить параллели между циклами солнечной активности и значительными историческими событиями. Возьмем, к примеру, год тысяча девятьсот тридцать седьмой, когда было много апоплексических ударов. В июле этого года цикл активности Солнца взлетел до максимума, а индекс Вольфа[8] равнялся ста тридцати семи! Ученые абсолютно уверены, что периоды возбуждения народных масс объясняются резким изменением нервных и психических характеристик человечества, происходящим во время максимума солнечных пятен, но никто толком не знает причин подобных изменений.

— Ультрафиолетовые лучи, — выговорил я сквозь зевоту, припомнив, как читал что-то эдакое в журнале.

Билли пошевелил ушами и продолжал:

— Очень вероятно, что ультрафиолет играет здесь немалую роль. Сами пятна не являются центрами значительной эмиссии ультрафиолета, но они могут быть причиной изменений в атмосфере Солнца, что, в свою очередь, влечет увеличение продукции ультрафиолета. Большая часть попадающих на Землю ультрафиолетовых лучей расходуется на преобразование кислорода в озон, но на поверхности колебания его интенсивности могут достигать двадцати процентов. А ультрафиолет вызывает определенные изменения в человеческих железах, особенно в эндокринной системе.

— Чушь собачья, — равнодушно заметил Герб, но Билли ничто не могло удержать, и он выложил козырь:

---

[8] Индекс Вольфа — показатель, связывающий число солнечных пятен и количество их групп, введенный швейцарским астрономом Рудольфом Вольфом.

— Ну, тогда скажем, что колебания солнечной активности, связанные с пятнами, влияют на характер психики и интеллектуальный облик всех людей Земли. Иными словами, поведение людей определяется циклами солнечной активности. Сравним, скажем, усредненные показатели Доу-Джонса[9] с солнечными пятнами, и тогда обнаруживается, что они явно подвержены воздействию Солнца. В двадцать восьмом и двадцать девятом годах было много пятен. Осенью двадцать девятого солнечная активность резко снизилась, и рынок лопнул. В тридцать втором и тридцать третьем он скатился на самое дно, и то же самое случилось с пятнами. Уолл-стрит[10] следует за солнечными пятнами.

— Так давай наставим побольше этих пятен, — с издевкой сказал я, — и наступит всеобщее благоденствие. Мы будем прямо-таки купаться в богатстве.

— Ну да, — сказал Герб, — а проклятые дураки будут скакать с небоскребов.

— А что, если сделать все наоборот, — предложил я, — принять, скажем, закон против солнечных пятен?

— Ну, тогда, — надувшись, как сова, изрек Билли, — у нас будет жесточайшая депрессия.

Я встал и пошел прочь. Я все никак не мог отделаться от мысли о том, что осталось на тротуаре после прыжка этого парня, и потому безумно хотел пива.

Когда я уже выходил, меня окликнул Джейк, один из наших курьеров:

— Майк, вас хочет видеть Дж. Р.

Мне пришлось вернуться и промаршировать к двери, за которой сидел Дж. Р., потирая руки и выдумывая новые

---

[9] Статистический показатель биржевой деятельности, предложенный американским журналистом Чарльзом Генри Доу, издателем хроники биржевых новостей «Уолл-стрит джорнел».

[10] Улица в Нью-Йорке, где расположены фондовая биржа и правления крупнейших банков. Традиционно отождествляется с финансовым капиталом США.

каверзы, которые потрясут публику и заставят ее покупать «Глобус».

— Майк, — сказал Дж. Р., едва я переступил порог его кабинета, — хочу поздравить тебя. Нынче утром ты сделал замечательную работу. Потрясающий очерк, мой мальчик, просто потрясающий.

— Спасибо, Дж. Р., — сказал я.

Старый пройдоха сам не верил тому, что говорит.

После этого Дж. Р. взял быка за рога:

— Майк, я надеюсь, ты читал эту чепуху насчет доктора Аккермана и его машины времени.

— Ага. Но если вы решили отправить меня к этому старому пожинателю лавров за интервью, то я пас. Я видел, как утром тот парень размазался по всей Пятой улице, я слышал, как Билли Ларсон рассуждает о солнечных пятнах, и теперь с меня довольно. Так что как-нибудь в другой раз.

И тогда Дж. Р. подложил под меня бомбу.

— «Глобус», — провозгласил он, — приобрел машину времени.

Ноги подо мной подкосились.

На моем веку «Глобус» немало почудил, но этот номер был почище всего остального.

— Чего это ради? — спросил я ослабевшим голосом, и Дж. Р. принял вид оскорбленной добродетели, но быстро оправился и через стол склонился ко мне.

— Майк, ты только подумай. Прикинь возможности, которые открывает для газеты машина времени. Другие газеты будут рассказывать, что произошло или что происходит, но, чтобы узнать, что произойдет, всем придется читать «Глобус».

— Могу предложить девиз: «Читайте преждевременные новости!»

Он не понял, шучу я или всерьез, и немного выждал, прежде чем продолжать:

— Допустим, началась война. Другие газеты могут сообщить, что происходит в текущий момент, но мы можем

поступить лучше. Нам по силам сообщить, что будет — кто победит, кто проиграет. Какие будут битвы. Сколько война продлится...

— Но, Дж. Р., этого делать нельзя! — воскликнул я, — Неужели вы не понимаете, какую устроите чертовскую неразбериху? Если одна из сторон будет знать, что потерпит поражение...

— Это относится не только к войнам. Возьмем спорт. Футбол, к примеру. Все прямо сгорают от нетерпения узнать прямо сейчас, кто кого побьет — Миннесота Висконсин или наоборот. А мы запрыгиваем в машину времени и отправляемся вперед, в следующую субботу. А в день перед матчем публикуем статью с фотографиями и все такое, — Дж. Р. потер руки в предвкушении триумфа и довольно мурлыкнул, — Старик Джонсон из «Стандарта» будет просить у меня милостыню, — злорадствовал он, — Я заставлю его пожалеть о том дне, когда он впервые увидел газету. Я пущу его по ветру. Я отправлю репортеров на день вперед...

— Да на вас обрушатся все спортивные жучки! — крикнул я, — Неужто вам неведомо, что каждую субботу на футбольных матчах делаются ставки на миллионы долларов?! Неужто вы не ведаете, что творите?! Вы же выведете из игры все кассы, весь тотализатор. Стадионы закроются. Никто и гроша ломаного не даст за то, чтобы посмотреть игру, о которой можно прочитать заранее. Вы выведете из игры профессиональные бейсбольные и студенческие футбольные команды, боксеров, да и всех остальных. Какой смысл устраивать показную драку, если публика и так знает, кто победит?

Но Дж. Р. только ликующе захохотал и потер руки.

— Ежемесячно первого числа мы будем публиковать котировку акций на будущий месяц, — не унимался он. — Эти газетки пойдут по сотне зелененьких за штуку.

Видя его восторг по поводу собственных идей, я ощутил, как засосало под ложечкой. В его руках находились невероятные силы, а он не имел к ним никакого почтения, то ли по слепоте своей, то ли из упрямства.

Эти силы могли отнять у каждого жителя Земли последние крохи счастья. Разве может быть человек счастлив, глядя вперед и видя, как происходит неизбежное и предначертанное?

Эти силы могли повергнуть в хаос весь мир. Эти силы могли вознести или низвергнуть любого человека, вещь или организацию, вставшие на их пути.

Я попробовал зайти с другой стороны:

— А что, если трюк с машиной не сработает?

— У меня есть надежные гарантии. Пока мы публиковали заявления доктора Аккермана, оценив их по достоинству, другие газеты занимались тем, что чинили над ним насмешки. Поэтому он предоставил нам исключительное приоритетное право на приобретение и использование своего открытия. Это стоило нам немалых денег, целую кучу денег, но мы сделаем из нее две кучи.

Я пожал плечами:

— Лады, валяйте. Я только не понимаю, какого черта вам понадобился я.

— Потому, — прямо-таки лучился от восторга Дж. Р., — что ты совершишь первое путешествие в машине времени!

— Что?! — вскрикнул я.

Дж. Р. кивнул:

— Ты и фотограф. Герб Гардинг. Тебя я вызвал первым. Вы отправляетесь завтра утром, для начала лет на пятьсот в будущее. Сделаете там снимки, а когда вернетесь, напишешь очерк, и мы пустим его в субботнем выпуске, на всю первую полосу. Как выглядит город пятьсот лет спустя? Какие произошли изменения? Кто там мэром? Что носят женщины в осеннем сезоне две тысячи четыреста пятидесятого? — Он осклабился. — А еще ты можешь сообщить, что «Стандарт» больше не выходит. А так это или нет, узнаешь. Старик Джонсон прямо-таки лопнет от злости, когда прочтет это в твоем очерке.

Конечно, я мог бы отказаться, но в таком случае он послал бы кого-нибудь еще и заимел бы на меня зуб. Хорошая газетная работа не валялась на дороге даже в процветающем 1950-м, по сравнению с которым даже высший взлет 1929 года казался просто нищенским прозябанием.

Так что я сказал, что согласен, а через полчаса обнаружил, что возможность стать первым путешественником во времени почти не вызывает во мне трепета, потому что я буду не самым первым. Док Аккерман несколько лет разъезжал на своей машине — достаточно часто и достаточно далеко, чтобы доказать, что эта штука работает.

Но когда я пытался обдумать эту перспективу, то приходил в полнейшее замешательство. Очень уж все это было нелепо. Не сама идея путешествий во времени, в ней-то я не сомневался — Дж. Р. не такой уж дурак и прежде, чем вложить денежки в эту машину времени, наверняка вытребовал железные позлащенные доказательства, что она сработает как надо.

Нет, меня беспокоили возможные осложнения. И чем больше я об этом думал, тем больше это меня смущало и тревожило.

Ну, скажем, с помощью машины времени репортер отправляется в будущее, делает репортаж о смерти человека и привозит фотографии с его похорон. Эти фотографии можно взять обратно и опубликовать за много лет до его смерти. А этот человек прочтет газету и будет в точности знать час своей смерти и увидит себя возлежащим в гробу.

Десятилетний мальчишка узнает, что однажды будет избран президентом Соединенных Штатов, просто прочитав «Глобус». А нынешний президент, собираясь остаться на третий срок, может узнать свою политическую карьеру, если только «Глобус» вздумает ее опубликовать.

Кто-то может прочесть, что завтра погибнет в автокатастрофе. А если он будет знать, что вот-вот умрет, то может предпринять какие-то меры против этого. Но можно ли предотвратить собственную смерть? Можно ли изменить

свое будущее? Или будущее застыло в жесткой, неизменной форме? Если, скажем, что-то предначертано в будущем, так ли обязательно этому предначертанию исполняться?

И чем больше я об этом думал, тем большей дичью мне все это представлялось, но я не мог запретить себе об этом думать. А чем больше думал, тем сильней пухла моя голова.

И тогда я взял, да и пошел к Датчмену.

Луи был за стойкой, и, когда он протянул мне первый стакан пива, я сказал:

— Что за чертов мир, Луи!

— Чертовски верно, Майк, — ответил тот.

Я выпил море пива, но так и не захмелел. Я был как огурчик, и это меня огорчало, потому что, по моим расчетам, я имел полное право нагрузиться. И все это время моя голова продолжала пухнуть от вопросов и неразрешимых загадок.

Мне следовало попытать что-нибудь покрепче пива, но если я смешиваю напитки, то потом у меня бывает жуткое похмелье, так что я оставил эту мысль.

Луи спросил, что меня мучит, а я сказал: нет, ничего, но перед уходом пожал Луи руку и попрощался с ним. Если бы я был пьян, Луи не придал бы этому никакого значения, но тут он был явно удивлен, что я веду себя так, оставаясь трезвым как стеклышко.

Уже в дверях я встретил входящего в бар Джимми Лангера. Джимми работал в «Стандарте» и был отличным газетчиком, но довольно подлым и способным на низкие выходки. Конечно, мы дружили и написали вместе массу статей, но всегда пристально приглядывали друг за другом. И никогда нельзя было предсказать, что Джимми предпримет в следующий момент.

— Привет, Джимми, — сказал я.

И тут Джимми повел себя довольно курьезно. Не сказав ни слова, он поглядел на меня в упор и расхохотался мне в лицо.

Это застало меня врасплох, и я не знал, что предпринять, пока он не зашел внутрь. Тогда я просто вышел на улицу, но на углу остановился и стал раздумывать, не лучше ли мне вернуться и расквасить Джимми нос: очень уж мне не понравилось, как он смеялся.

Машина времени была установлена на самолете, и док Аккерман сказал нам, что было бы глупо путешествовать на уровне земли. Иначе можно пропутешествовать лет на сто вперед и потом вмазаться прямо в середку какого-нибудь здания. А еще почва могла подняться или опуститься, и тогда машина времени была бы похоронена под землей или подвешена в воздухе. Единственный безопасный способ путешествий во времени, предупредил нас док, это на самолете.

Самолет стоял в поле на городской окраине, неподалеку от лаборатории дока, а рядом с ним нес вахту крупный мордоворот с винтовкой. Самолет охранялся днем и ночью, он был чересчур дорогой вещью, чтобы позволить шляться вокруг кому попало.

Док объяснял мне работу машины времени.

— Это так же просто, как упасть со стула, — сказал он.

И действительно: надо только подкрутить указатель вперед на нужное число лет. Потом нажимаешь на ручку запуска и входишь в спираль времени, или как там ее, и остаешься там, пока не достигнешь нужного времени. Тогда в ход запускается автоматика, скорость хода времени замедляется, и ты уже на месте. А чтобы вернуться, надо запустить процесс задом наперед.

Действительно, просто. По выражению дока — просто, как упасть со стула. Но я-то знал, что за этой простотой стоят величайшие научные достижения из всех известных миру — знания, ум, многие годы изнурительного труда и жесточайших огорчений.

— Это будет похоже на полет в ночи, — объяснял мне док. — По времени вы будете путешествовать в одномерной

Вселенной. Не будет ни тепла, ни воздуха, ни гравитации — абсолютно ничего вне пределов самолета. Но самолет снабжен теплоизоляцией, так что, если замерзнете, просто включите эти обогреватели. Если понадобится воздух, его можно взять из кислородных баллонов. Но в таком коротеньком путешествии, всего на каких-то пятьсот лет, вам не потребуется ни тепло, ни воздух. Всего несколько минут — и вы на месте.

Я опоздал, и Дж. Р. дулся на меня. На Герба он дулся за то, что у того было самое грандиозное похмелье из всех, какие мне приходилось видеть. Но теперь Дж. Р. обо всем забыл и скакал на месте от нетерпения.

— Вот погодите, — ликовал он, — погодите, пока Джонсон увидит падение «Стандарта». Пожалуй, у него будет удар. Это пойдет старому тупоголовому стервятнику на пользу.

Стоявший у дверей самолета охранник беспокойно переминался с ноги на ногу, его явно что-то тревожило.

— Да что это с вами, Бенсон? — прокаркал ему док.

Парень, заикаясь, попытался что-то сказать и переложил винтовку из руки в руку. Он хотел заговорить, но слова застревали у него в горле. Тут Дж. Р. опять начал злорадствовать, и мы забыли об охраннике.

Камеры Герба были уложены, и подготовка закончилась. Дж. Р. ткнул воздух кулаком и пожал руки нам с Гербом. Старый пройдоха едва не плакал.

Док и Дж. Р. вышли из самолета, и я проводил их до двери. Перед тем как закрыть и загерметизировать дверь, я бросил еще один, последний взгляд на силуэт города и увидел, как он великолепен в этой осенней голубизне: высились знакомые башни, а над индустриальным районом на севере висела полоска дыма.

Я помахал башням рукой и сказал:

— Прощайте, великаны. До встречи через пятьсот лет.

В будущем силуэт города выглядел совсем иначе. Я этого ожидал, потому что за пятьсот лет некоторые здания

наверняка снесли и возвели на их месте другие. Новые идеи архитекторов и новые строительные принципы за пятьсот лет могли сделать неузнаваемым силуэт любого города.

Но он изменился в ином смысле.

Когда мы выныривали из спирали времени, я ожидал увидеть под крылом самолета более просторный, более великий и более совершенный город, но внизу было что-то не то.

У города был пыльный и запущенный вид.

За эти пятьсот лет он, вне всяких сомнений, разросся. Рос он во всех направлениях и был теперь втрое больше, чем тот город, что остался у нас с Гербом за спиной.

Герб подался со своего сиденья вперед.

— Неужто это старый град внизу? — спросил он. — Иль это лишь мое похмелье?

— Место то самое, — уверил я его, — С чего это ты такой хороший?

— Да были мы с ребятами, с Элом и Гарри, в одном местечке. Ну, и встретили ребят из «Стандарта», ну, и выпили с ними немного вечерком.

Самолетов в небе не было, а я-то думал, что в 2450 году они должны так и роиться в воздухе, ведь даже в 1950-м становилось тесновато от них. Потом я заметил, что и на улицах нет никакого движения.

Мы кружили над городом никак не менее получаса, и горькая истина постепенно доходила до нас, хотя признать ее было нелегко.

Город под нами был просто мертв! Нам не удалось отыскать никаких признаков жизни: ни одного автомобиля на улицах, ни единого пешехода на тротуарах.

Мы с Гербом переглянулись, и недоверие было написано на наших лицах трехфутовыми буквами.

— Герб, — сказал я, — недурно бы разнюхать, чего это у них там.

Кадык Герба буквально запрыгал.

— Черт, — протянул он, — а я-то рассчитывал заскочить к Датчмену и чуточку опохмелиться.

На поиски чего-нибудь похожего на посадочную полосу ушел почти целый час, но в конце концов я нашел достаточно безопасную на вид площадку. Она поросла кустарником, но бетонные полосы были еще довольно ровными, хотя кое-где бетон пересекали заросшие травой и кустами трещины.

Я сажал самолет со всей возможной аккуратностью, и все равно мы наткнулись на вздыбившуюся бетонную плиту и едва не разбились.

Этот старик с винтовкой вполне мог явиться со страниц истории раннего освоения Запада, с той только разницей, что пионеры Запада, вероятно, все-таки стриглись.

Он вышел из кустов в миле от аэропорта, неся винтовку на сгибе локтя. Что-то в его облике подсказывало, что с этим человеком шутить не стоит.

— Здрассте, незнакомцы, — сказал он надтреснутым голосом.

— Силы небесные, — поразился Герб, — да это же Дэниел Бун[11] собственной персоной!

— Вы, птенчики, залетели далековато от гнезда, — заявил старик, и по его голосу было ясно, что он не очень-то нам доверяет.

— Не так уж и далеко, — ответил я, — Мы здесь поселились давным-давно.

— Будь я проклят, если узнаю вас, — он сдвинул старую черную фетровую шляпу на затылок и поскреб в голове, — хотя я знаю всех, кто жил в этой округе. Ведь вы не мальчики Джейка Смита, а?

— Похоже, теперь тут обретается не очень-то много народу, — заметил Герб.

— Правду говоря, не очень, — признал Дэниел Бун, — Старуха как раз говорила мне, что завтра же надо перебраться поближе к соседям. Ей становится ужасно одиноко. А ближайший народ живет в десяти милях, во-он тама.

Он указал на север, где силуэт города вырисовывался словно далекий горный хребет, поблескивая мраморными валами и кирпичными шпилями.

— Послушайте, — сказал я, — вы хотите сказать, что до ближайших соседей отсюда целых десять миль?!

— Определенно. В паре миль к западу жили Смиты, но этой весной они выехали, отправились на юг. Утверждали, что там охотиться лучше.

---

[11] Дэниел Бун (1734–1820) — легендарный первопроходец Запада, основатель ряда поселений, в том числе названного в его честь Бунсборо; проложил также так называемую Пустынную дорогу Буна, основной путь американских переселенцев на Запад на протяжении более полувека. С именем Буна связано очень много преданий.

Он печально покачал головой.

— Может, оно и верно насчет охоты. Я и сам немало охочусь, да только я еще люблю немного покопаться в земле. А целинные земли подымать трудно. У меня в этом году вполне приличный урожай кабачков и морковки. Да и картоха нехудо уродилась.

— Но раньше тут жило очень много народу, — настаивал я, — Целые тысячи человек, может даже миллионы.

— Слыхал я об этом, — согласился старик, — но не могу сказать, есть ли в том хоть крупица правды. Должно быть, это было сильно давно. Кто-то ж повыстроил все эти дома, хотя чего это ради, даже не представляю.

Вид у комнат редакции «Глобуса» был запущенный, повсюду лежал толстый слой пыли, а тишина стояла чуть ли не такая же осязаемая, как и пыль.

Что-то здесь изменилось, но это по-прежнему была редакция газеты. Чтобы вернуть сюда жизнь, не хватало немногого — шума голосов и торопливого бормотания типографских прессов.

Вся мебель была на месте, а вокруг большого редакционного стола кружком стояли стулья. Пыль от наших шагов вздымалась в воздух целыми облаками, заставляя нас неудержимо чихать.

Я прошел прямо в темный угол комнаты; я был уверен, что найду там то, что нам надо.

Там лежали старые связки газет, такие старые, что их страницы крошились под пальцами, а бумага так пожелтела от времени, что кое-где текст читался едва-едва.

Я отнес одну из пачек к окну и посмотрел на дату. 14 сентября 2143 года — более 300 лет назад!

Броский заголовок восклицал: «Безработные бунтовщики в Вашингтоне!»

Мы торопливо перелистали страницы. И постепенно первые полосы этих газет, впервые увидевшие свет более трехсот лет назад, составились в рассказ, красноречиво

объясняющий молчание города, видневшегося за разбитыми и заколоченными окнами.

«Акции рухнули до самой нижней точки за последние десять лет!» — кричал один заголовок. «Конгресс одобрил проект фонда помощи безработным», — гласил другой, а третий сообщал: «Налогоплательщики отказываются платить». После этого события развивались все быстрей и быстрей: «Объявлен мораторий на выплаты», «Банки на вынужденных каникулах», «Войска против толп голодающих», «Конгресс сдался и разошелся по домам», «На Востоке свирепствует эпидемия», «Президент объявил состояние национального бедствия», «Британское правительство ушло в отставку», «Во Франции свирепствуют бесчинствующие толпы», «Крах американского правительства».

А на страницах финансовой и деловой хроники, выписанные помельче и поскромнее, были отражены события, кричавшие с первых полос. Множество историй о закрывшихся предприятиях, о рухнувших корпорациях, сообщения о спаде в торговле, растущей безработице и бездействующих заводах, и фабриках.

Триста лет назад цивилизация рухнула под одним лишь давлением собственной надстройки. В пожелтевших стопках газет содержался не весь рассказ, но остальное легко было додумать.

— Весь мир свихнулся, — сказал Герб.

— Ага. Как тот парень, что сиганул.

Все было ясно как день. Спад в экономике, растущая безработица, жестокое налогообложение, чтобы платить безработным пособие и пытаться вернуть процветание, а владельцы собственности были не в состоянии платить такие налоги. Порочный круг.

Герб рылся во мраке у картотеки. Потом снова вышел на свет, перепачканный пылью с головы до ног.

— Там пачки лет за двадцать — тридцать, — сказал он, — и мы взяли самые свежие. Но вот что я нашел позади

картотечного ящика. Наверно, она туда упала, и никто не потрудился вытащить.

И протянул мне старую измятую газету, такую хрупкую от возраста, что я испугался, как бы она не рассыпалась в пыль от одного лишь прикосновения.

— За картотекой был всякий хлам, — сказал Герб, — другие газеты тоже. Тоже старые, но эта древней всех.

Я взглянул на дату: 16 апреля 1985 года.

Этой пожелтевшей газете было почти пятьсот лет! Она вышла из типографии всего лишь через тридцать пять лет после нашего с Гербом отправления в будущее!

И все эти годы она лежала позади картотеки. Ящик картотеки большой и тяжелый, а уборщики в газетных редакциях никогда не славились своей аккуратностью.

И что-то меня все время тревожило. Негромкий шепот в глубине моих мозгов, где-то у основания черепа, все твердил и твердил, что надо кое-что вспомнить.

Я отшвырнул старую газету на стол и подошел к окну. Большая часть стекол была разбита, а уцелевшие были покрыты таким слоем грязи, что стали совсем непрозрачными. Сквозь выбитую секцию я выглянул наружу.

За окном лежал город — почти такой, каким я его запомнил. Башня Джексона еще стояла — самое высокое строение там, в 1950-м, но теперь над ней возвышались три или четыре других дома. Шпиль старого собора исчез, и я пожалел об этом — шпиль был довольно-таки симпатичный. Я частенько смотрел на него через это самое окно сквозь туманную морось дождичка ранней весной или сквозь призрачную кисею первого снегопада. Шпиля недоставало, но башня Джексона была на месте, равно как и многие другие узнаваемые здания.

И все они выглядели очень одинокими — одинокими и недоумевающими, словно пес, которого спихнули с кресла, а он-то считал его своим собственным. Окна их пялились на свет пустыми глазницами, не оживляемые ни единым

огоньком. А краски домов выцвели и пожухли, стертые прокатившимися над ними годами!

Уж лучше бы города не было, сказал я себе, уж лучше бы бомбежки сровняли его с лицом земли. Потому что, как это ни ужасно, разрушенный город можно понять и принять. Но невозможно ни понять, ни примириться с городом, который просто брошен умирать в одиночестве.

А люди?!

При мысли о них я почувствовал, как мороз продирает по коже. Неужто все они стали такими, как старик Дэниел Бун? Мы видели, как живет его семья, и это отнюдь не привлекательный образ жизни. Эти люди скатились в прошлое, забыли печатное слово, извратили старые истины и историю человечества, превратив их в сумасбродные легенды.

Понять, как это случилось, довольно просто: вытащите из-под цивилизации ее экономические костыли, и уж тогда бед не оберешься. Сперва будет бессмысленный вандализм и еще более бессмысленное разрушение, порожденное пламенем классовой ненависти, а когда после оргии разрушения ненависть угаснет — возникнет ярость, и еще больший вандализм, и снова ненависть, но порожденная яростью.

Однако как бы низко ни падал человек, он вновь поднимался на ноги — такова его природа; он всегда был упрямым малым.

Но, как видно, в этот раз встать на ноги человек не сумел. Та цивилизация, что была известна нам с Гербом, рухнула лет триста назад, но человек до сих пор спокойно жил в тени своего прежнего величия, не испытывая вдохновения при взгляде на горами, вздымающиеся в небеса блоки обработанного камня.

Что-то тут не то. Что-то пошло чертовски наперекосяк.

Кружащаяся в воздухе пыль щекотала мне ноздри, и я вдруг почувствовал, как горит пересохшее горло — мне хотелось пива. Если б я только мог по-соседски забежать к Датчмену...

И тут меня словно пыльным мешком накрыли — выплыла та штука, что весь день вертелась на грани моего сознания.

Я вспомнил лицо Билли Ларсона и его шевелящиеся от волнения уши, когда он подскакивал от нетерпения изложить свою байку про солнечные пятна.

— Боже мой, Герб, до меня дошло! — с криком отвернулся я от окна.

Герб скривился — по-моему, он решил, что я свихнулся.

— Теперь я понял, что случилось, — сказал я, — Надо раздобыть телескоп.

— Слушай, Майк, если у тебя...

Но я прервал его восклицанием:

— Это солнечные пятна!

— Пятна?! — выдавил он.

— Наверняка не осталось ни единого.

Моя догадка оказалась верной.

Пятен на солнце не было — теперь оно было огромным огненным шаром без единого темного пятнышка.

На поиски у нас ушло целых два дня, пока среди хлама на месте бывшего ювелирного магазина мы не отыскали мощный полевой бинокль. Большинство магазинов и складов были обобраны до нитки. Похоже, сперва, после падения правительства, грабительские набеги совершали только время от времени, а потом начали грабить уже систематически.

— Герб, в словах Билли что-то есть. Много пятен — и на дворе веселые времена. Пятен нет — и все идет наперекосяк.

— Ага. Билли был довольно сообразителен. Знал свою науку так, что будь спок.

Я отчетливо представил себе Билли таким, каким он был тогда утром: глаза горят, уши шевелятся, а сам он пламенно толкует о пятнах на солнце.

Он говорил, что Уолл-стрит следует за солнечными циклами. Пятен много — и наступает деловой бум, а нет их — все летит к чертям.

Я вспомнил, как спросил его, что будет, если издать закон против солнечных пятен. Сдается, кто-то таки протащил этот закон через парламент.

В это трудно поверить, но факты налицо. Вот она, история, — лежит заплесневелыми кипами в редакции «Глобуса». В этих статьях рассказывается о том, как мир сошел с ума, когда бизнес сел на мель, о летящих в тартарары правительствах, об ордах голодающих, стирающих с лица земли нацию за нацией.

Я сжал голову руками и застонал. Мне бы теперь бокал пива — Луи так ловко запускал их вдоль стойки, холодненькие, покрытые пышной шапкой пены. Но пива тут не стало уже целые столетия назад. А все из-за солнечных пятен!

Ультрафиолетовые лучи, эндокринные железы и человеческое поведение — на эти ученые слова никто не обращал особого внимания, но эти штуки сыграли с человечеством весьма скверную шутку.

Герб позади меня хихикнул. Я обернулся как ошпаренный:

— Что там еще?

— Бог ты мой, да этот Уош Таббс попал в прескверную переделку.

— Что это у тебя? — увидев, что он читает газету, спросил я.

— А, это? Это та древняя газета, что мы тут нашли. Ну, напечатанная в восемьдесят пятом. Надо забрать ее и показать Дж. Р. Но сейчас я читаю юмор...

Я хмыкнул, но мысли мои все еще вертелись вокруг Солнца. Все это звучало довольно-таки заумно, но другого объяснения все равно не было.

Несправедливо, чтобы жизни всего человечества зависели от удаленного на девяносто три миллиона миль куска материи, но, как бы то ни было, от Солнца зависит все

живое. Уберите Солнце — и жизни не станет. И правы были дикари, поклонявшиеся ему как божеству.

Итак, допустим, солнечные пятна вышли из моды — что тогда? В точности то, что описано в этих связках пожелтевших газет: все углубляющаяся депрессия. Коммерческие провалы, с каждым днем все больше безработных, налоги ползут все выше, пока правительство панически пытается оттянуть день окончательного краха.

Услышав сдавленное мычание Герба, я резко обернулся — он уже начинал мне надоедать. Но при виде его лица я почувствовал, что готовые сорваться с моих губ слова застряли в горле: Герб был белее мела, и глаза его остекленели от ужаса.

Он совал мне газету, бормоча нечто бессвязное и невразумительное, трясущимся пальцем тыча в маленькую заметку.

Я схватил лист и прищурился, чтобы разглядеть поблекший текст, потом постепенно разобрал слова, ощущая, как ужас ледяной волной поднимается и во мне.

СМЕРТЬ ЛАНГЕРА

Джеймс Лангер, осужденный в 1951 году за намеренную порчу машины времени, на которой корреспонденты «Глобуса» Майкл Гамильтон и Герб Гардинг за год до того отправились в будущее, сегодня скончался в тюрьме Рокки-Пойнт в возрасте шестидесяти пяти лет.

На суде Лангер показал, что подкупил охранника машины, чтобы тот позволил ему войти в самолет, на котором была установлена машина. Далее он признался, что удалил часть механизма, отвечавшую за перемещение машины назад во времени.

В то время Лангер работал в «Стандарте», газете, прекратившей свое существование несколькими годами позже.

Вызванное этим инцидентом всенародное возмущение привело к принятию Конгрессом закона, запрещающего дальнейшую постройку и эксперименты с машинами

времени. Изобретатель машины времени, доктор Амброуз Аккерман, умер от горя через две недели после суда.

Несколько секунд я не мог прийти в себя — просто тупо сидел, глядя в пространство, а мои пальцы помимо воли стискивали газету, перемалывая ее хрупкие пожелтевшие страницы в мелкую труху.

Потом взглянул на Герба и, увидев его перекошенное страхом лицо, вдруг кое-что припомнил.

— Так, — выдавил я, задыхаясь от ярости. — Так. Всего несколько рюмашек в ночь перед стартом. Ты встретил «стандартных» ребят и пропустил несколько рюмашек.

Я вспомнил, как Джимми Лангер расхохотался мне в лицо, когда я выходил от Датчмена. Вспомнил, как нервничал утром охранник.

— Ты не пропил свои мозги, а? — просипел я.

— Слушай, Майк... — начал было несколько оправившийся Герб.

— Ты надрался, черт тебя дери! — заорал я. — И все, что было на уме, выплеснулось на твой поганый язык! Ты выболтал этой «стандартной» своре все, что знал. А старик Джонсон послал Лангера, чтобы тот сделал это грязное дело!

Ярость прямо-таки переполняла меня.

— Черт тебя возьми, Майк... — опять начал Герб.

И уж тогда я ему вмазал. Я дал такого тумака, что он рухнул как подкошенный, но тут же встал и пошел на меня. Наверно, он тоже был вне себя.

Он врезал мне в челюсть, а я влепил ему в глаз, а потом мы заработали как молот и наковальня.

Герб в потасовке тоже был не лыком шит и передохнуть мне не давал. Я бил его что есть сил, но он всегда возвращался за следующей порцией и несколько раз приложил меня так, что в башке у меня загудело.

Но мне было наплевать — я только хотел задать ему такую трепку, чтоб он помнил до последнего издыхания.

Драку мы прервали только тогда, когда ни один из нас уже был не в состоянии нанести еще хотя бы один удар. Просто лежали на полу, отдуваясь и бросая друг на друга свирепые взгляды. У Герба заплыл один глаз, я недосчитывался пары зубов, а лицо мое словно прошло через мясорубку.

Потом Герб ухмыльнулся:

— Если б я удержался на ногах еще чуть-чуть, — пропыхтел он, — я бы тебя прикончил.

А я ухмыльнулся ему в ответ.

Пожалуй, нам следовало остаться в 2450 году, там у нас были хоть какие-то шансы. Старый Дэниел Бун знал не очень много, но зато во многих отношениях был цивилизованным человеком. Несомненно, там еще были книги, и можно было бы подыскать много полезных вещей.

Мы могли бы организовать штаб по возрождению цивилизации, хотя тут расклад был не в нашу пользу. С этими солнечными пятнами дело доходит буквально до смеха: как только они перестали мельтешить по поверхности Солнца, то вроде как человечество лишилось чего-то важного — духа прежнего, несгибаемого человека, который пробивал свою дорогу сквозь столетия, стиснув кулаки и не отступая ни перед какими силами ада.

Но мы решили, что человек еще может вернуться. Мы были совершенно убеждены в том, что где-нибудь в будущем отыщем расу, которая начала повторное восхождение.

И отправились по времени вперед. Хотя назад двигаться мы не могли, но уж идти вперед нам никто помешать не мог.

Мы проскочили пятьсот лет и не нашли ничего, ни следа потомков Дэниела Буна. Может, они бросили разведение кабачков и перебрались в те места, где охота получше. Город еще стоял, но камни уже начали крошиться, и некоторые строения рухнули.

Мы перебрались еще на пять сотен лет вперед, и в этот раз из руин на нас набросилась орда дикарей, немногим более развитых, чем племена, бродившие по Европе в начале

каменного века. Они вопили и размахивали своими дубинами и копьями, пока мы не разгромили их наголову.

Через две тысячи лет племя исчезло, а на его месте мы заметили какие-то фигуры, крадущиеся, пригнувшись, среди груд камня на том месте, где некогда был город. Твари эти весьма напоминали людей.

А дальше мы не нашли вообще ничего. То есть ничего кроме скелета, напоминавшего человеческий.

И тут-то мы наконец остановились. Двигаться дальше смысла не было, да и горючее в баке самолета подходило к концу.

На месте города высились землистые груды, уже захваченные карабкающимися ввысь деревьями. С шорохом появлялись и вновь исчезали какие-то странные животные. Герб сказал, что это мутанты — он читал о мутациях в какой-то книжке.

К западу простираются бескрайние степи волнующихся под ветром трав, а холмы за рекой поросли густыми могучими лесами.

Но человек исчез. Он возник, немного пожил на Земле, а теперь вновь ушел в небытие.

Там, в 1950-м, человек думал, что все зависит от него, но все это оказалось не столь уж и серьезно — солнечные пятна отправили его на свалку. Может, именно благодаря им человек и сумел в свое время встать на задние ноги и начать править бал. Билли говорил, что солнечные пятна могут выкидывать курьезные фокусы.

Но теперь все это не имеет ровным счетом никакого значения. Человек стал очередным реликтом.

Делать нам тут почти нечего. Просто сидим и раздумываем: о Дж. Р., потирающем руки, о Билли Ларсоне, шевелящем ушами, и о том, как Джимми Лангер расхохотался в ту ночь перед дверями Датчмена.

И теперь я готов продать душу дьяволу, лишь бы войти туда вновь и сказать:

— Что за чертов мир, Луи!

И услышать его ответ:
— Чертовски, верно, Майк!

Старый Крипи сидел в контрольном отсеке и вдохновенно пиликал на визжащей скрипке. Вокруг Меркурианского Силового Центра, на опаленной солнцем равнине, Цветные Шары, подхватив настроение Крипи, обратились в жителей гор и скакали в неуклюжей кадрили. Кошка Матильда сидела в холодильнике, сердито смотрела на пластины замороженного мяса, висевшие у нее над головой, и нежно мяукала. В кабинете над фотоэлементной камерой — центром станции — Курт Крейг с раздражением глядел через стол на Нормана Пейджа. За сотню миль от них Кнут Андерсон, облаченный в громоздкий защитный космический костюм, настороженно следил за вихревым искажением пространства.

У Крейга неожиданно ожила линия связи. Он повернулся на стуле, снял трубку и буркнул в телефон что-то невнятное.

— Шеф, это Кнут, — Излучения искажали голос, делали его расплывчатым.

— Ну как? — прокричал Крейг, — Нашли что-нибудь?

— Да, очень большое, — ответил голос Кнута.

— Где?

— Даю координаты.

Крейг схватил карандаш и стал быстро записывать; голос в трубке шипел и трещал.

— Такого огромного еще не, бывало, — проскрипел голос. — Все дьявольски закручено. Приборы полетели к черту.

— Придется шарахнуть по нему снарядом, — возбужденно сказал Крейг, — Уйдет, конечно, уйма энергии, но ничего не поделаешь. Если эта штука придет в движение...

Голос Кнута шипел, трещал и расплывался в пространстве, Крейг не мог разобрать ни слова.

— Возвращайтесь немедленно обратно! — заорал он. — Там опасно. Не подходите близко...

До него донесся голос Кнута, заглушаемый воем поврежденной линии связи.

— Тут еще кое-что есть, чертовски забавное...

Голос умолк.

Крейг закричал в микрофон:

— В чем дело, Кнут? Что забавное?

Он замолчал, потому что внезапно шипение, треск и свист прекратились. Крейг протянул левую руку к пульту управления и нажал рычаг. Пульт загудел от притока колоссальной энергии. Чтобы поддерживать связь на Меркурии, требовалась гигантская энергия. Ответного сигнала не последовало, связь не восстановилась.

Что-то там стряслось.

Побледневший Крейг встал, глядя через иллюминатор со светофильтром на серую равнину. Беспокоиться еще рано. Пока рано. Надо подождать, когда Кнут вернется. Это будет скоро. Ведь он приказал ему возвращаться немедленно, а эти вездеходы гоняют шустро. А если Кнут не вернется? Что, если пространственный вихрь сдвинулся с места? Кнут сказал, что такого громадного еще не бывало. Правда, встречаются эти штуки часто, все время держи ухо востро, но обычно они не так уж велики, чтобы стоило волноваться. Просто небольшие искажения, вихри там, где пространственно-временной континуум колеблется, раздумывая, в какую сторону качнуться. Не столько опасно, сколько мешает. Надо быть осторожным и постараться не въехать в него, вот и все. Но если крупное завихрение начнет двигаться, оно может поглотить даже Станцию.

Шары, все еще в виде горцев с земных холмов, отдыхали после трудового дня; шаркая ногами, они поднимали пыль, подпрыгивали и размахивали руками. В них было что-то нелепое — точно плясали пугала.

Равнины Меркурия простирались до самого горизонта — равнины с клубящейся пылью. Ярко-синее Солнце казалось чудовищным на фоне мрачно-черного неба; алые языки пламени рвались из него, извиваясь, словно щупальца.

Меркурий находился ближе к Солнцу, чем другие планеты, на расстоянии всего лишь двадцати девяти миллионов миль. Поэтому, вероятно, и рождались искажения — из-за близости к Солнцу и появления на нем пятен. А впрочем, солнечные пятна могли и не иметь к этому никакого отношения. Кто знает?

Крейг вспомнил про Пейджа, только когда тот кашлянул. Крейг вернулся к столу.

— Надеюсь, — проговорил Пейдж, — вы передумали. Мой план значит для меня очень много.

Крейга внезапно охватил гнев: до чего навязчивый тип.

— Я вам уже ответил, — отрезал он, — И хватит. Своих решений я не меняю.

— Не понимаю, почему вы против, — не отставал Пейдж, — В конце концов, эти Цветные Шары...

— Не дам я ловить Шары, — оборвал его Крейг. — Ваш план просто безумие, это вам любой скажет.

— Ваше отношение меня удивляет, — настаивал Пейдж. — В Вашингтоне меня уверяли...

— Плевать мне на Вашингтон, — заорал Крейг. — Вы отправитесь обратно, как только прибудет корабль с кислородом. И отправитесь без всяких Шаров.

— Кому от этого вред? А я готов заплатить за все услуги.

Крейг не обратил внимания на предложенную взятку.

— Попробую объяснить вам еще раз, — он наставил на Пейджа карандаш, — Я хочу, чтобы вы наконец поняли: Цветные Шары — уроженцы Меркурия. Они первые появились здесь. Они жили здесь, когда пришли люди, и наверняка останутся на Меркурии после того, как люди покинут его. Они не трогают нас, а мы не трогаем их. Мы оставляем их в покое по одной дьявольски простой причине: мы их боимся, мы не знаем, на что они способны, если их растревожить.

Пейдж открыл было рот, чтобы возразить, но Крейг жестом остановил его:

— Организм у них представляет собой сгусток чистой энергии; они черпают энергию Солнца, как вы и я. Только мы получаем ее окольным путем, в результате химических процессов, а они — прямо от Солнца. Благодаря этому они мощнее нас. Вот почти и все, что можно о них сказать. Больше мы ничего не знаем, хоть и наблюдаем за ними уже пятьсот лет.

— Вы полагаете, это разумные существа? — с насмешкой спросил Пейдж.

— А почему бы и нет? — повысил голос Крейг, — Думаете, если человек не может с ними общаться, так у них нет разума? Да просто им этого не очень хочется. Быть может, их мышление не имеет ничего общего с человеческим. А может, они считают человека существом низшей расы и просто не желают тратить на нас время.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Пейдж, — Ведь они тоже наблюдали за нами все эти годы. Они видели, что мы умеем делать. Они видели наши космические корабли. Видели, как мы построили Станцию. Видели, как мы посылаем энергию на другие планеты, отстоящие на миллионы миль от Меркурия.

— Верно, — согласился Крейг, — они все видели. Но произвело ли это на них впечатление? Откуда у вас такая уверенность? Человек считает себя великим строителем. Станете ли вы лезть из кожи, чтобы поговорить с муравьем, с ласточкой, с осой? Держу пари, что нет. А ведь они все тоже великие строители.

Пейдж сердито заерзал в кресле.

— Если они находятся на более высоком уровне развития, — фыркнул он, — где те вещи, которые они создали? Где их города, машины, цивилизация?

— А может быть, — предположил Крейг, — они на тысячелетия переросли машины и города? Может быть, они достигли той ступени цивилизации, когда механизмы больше не нужны?

Он постучал карандашом по столу.

— Послушайте. Шары бессмертны. Это несомненно. Ничто не может их убить. Как видите, они не имеют тела — это просто сгустки энергии. Так они приспособились к среде. И вы еще имеете наглость думать, что поймаете кого-нибудь? Ровно ничего о них не зная, вы хотите привезти их на Землю и показывать в цирке или вместо придорожной рекламы на обозрение зевакам!

— Но люди специально прилетают сюда посмотреть на Шары, — возразил Пейдж, — Вы же знаете. Туристическое бюро рекламирует их вовсю.

— Это другое дело. Здесь они у себя дома и могут вытворять что угодно, нам до этого нет дела. Но вывозить их отсюда и демонстрировать на Земле невозможно. Это повлекло бы за собой кучу неприятностей.

— Но если они так чертовски умны, — выпалил Пейдж, — то, чего ради так кривляются? Не успеешь о чем-нибудь подумать — готово, они уже изображают твою мысль. Величайшие мимы в Солнечной системе. И ничего-то у них не получается правильно — все вкривь и вкось. В чем тут штука?

— Ничего удивительного, — отозвался Крейг. — В человеческом мозгу не рождается четко оформленных мыслей. А Цветные Шары их в таком виде улавливают и тут же воплощают. Думая о чем-нибудь, вы не даете себе труда разрабатывать мысли детально — они у вас обрывочны. Ну, так чего же вы хотите от Шаров? Они подбирают то, что вы им даете, и заполняют пробелы по своему разумению. Вот и получается, что стоит вам подумать о верблюдах — и к вашим услугам верблюды с развевающимися гривами, верблюды с четырьмя и пятью горбами, верблюды с рогами — бесконечная вереница дурацких верблюдов.

Он раздраженно бросил карандаш.

— И не воображайте, что Цветные Шары делают это для нашего развлечения. Скорее всего, они думают, что это мы имеем намерение их позабавить. И они забавляются. Может, они и терпят-то нас здесь только потому, что у нас такие забавные мысли. Когда люди впервые тут появились, здешние

обитатели выглядели просто как разноцветные воздушные шары, катавшиеся по поверхности Меркурия. Их так и назвали — Цветные Шары. Но потом они перебывали всем, о чем только думает человек.

Пейдж вскочил.

— Я сообщу о вашем поведении в Вашингтон, капитан Крейг.

— Черт с вами, сообщайте, — рявкнул Крейг, — Вы, кажется, забыли, где находитесь. Вы не на Земле, где взятки, подхалимство и насилие дают человеку почти все, что он пожелает. Вы в Силовом Центре на солнечной стороне Меркурия. Это — главный источник энергии, снабжающий все планеты. Если Станция испортится, если поток энергии прервется, то в Солнечной системе все полетит вверх тормашками.

Он с силой стукнул по столу.

— Здесь командую я, и вы будете подчиняться мне, как все остальные. Мое дело следить за работой станции, за регулярной подачей энергии на другие планеты. Я не позволю, чтобы какой-то невежда и выскочка путался у меня под ногами. Пока я здесь, никто не посмеет тревожить Цветные Шары. У нас и без того достаточно забот.

Пейдж двинулся к двери, но Крейг остановил его.

— Хочу предупредить вас, — мягко сказал он, — На вашем месте я бы не стал выкрадывать вездеход — ни чужой, ни свой. После каждой поездки кислородный баллон вынимается из машины и запирается в стойку. Единственный ключ от стойки — у меня.

Он пристально посмотрел в глаза Пейджу и продолжил:

— В машине, конечно, остается немного кислорода. Его хватит примерно на полчаса, а может, и того меньше. Но не больше. Не очень-то приятно быть застигнутым врасплох. Около одной из станций Сумеречного пояса на днях нашли одного такого парня.

Пейдж вышел, хлопнув дверью.

Шары перестали плясать и лениво катались по равнине. Время от времени один из них принимал форму какого-нибудь предмета, но делал это вяло, нерешительно и тотчас же возвращался в прежнее состояние.

Должно быть, Крипи отложил скрипку, подумал Крейг. Наверно, делает обход, проверяет, все ли в порядке. Вряд ли может что-нибудь произойти. Станция работает автоматически, от человека требуется минимум внимания.

Контрольный отсек был полон пощелкивающих, потрескивающих, звякающих, булькающих приборов — они направляли поток энергии в район Сумеречного пояса к подстанциям, которые передавали его дальше на кольцевую линию вокруг других планет. Стоит одному прибору сплоховать, стоит потоку отклониться в пространстве на какую-то долю градуса, и... Крейг содрогнулся, представив себе, как энергетический луч устрашающей силы врезается в планету, в город. Но система не может подвести, никогда этого не было и не будет. Она абсолютно надежна. Давно прошло то время, когда Меркурий посылал в другие миры огромные партии аккумуляторов энергии на грузовых космических кораблях.

Да, это была действительно свободная энергия, неиссякаемая, неистощимая; ее передавали на расстояния в миллионы миль лучевым способом Аддисона. Энергию получали фермы на Венере, шахты на Марсе; химические заводы и лаборатории холода на Плутоне.

Крейг услышал тяжелые шаги Крипи на лестнице и обернулся к двери, как раз, когда старик входил в комнату.

— Земля только что обогнула Солнце, — сказал тот, — Станция на Венере приняла добавочный импульс.

Крейг кивнул: все идет по заведенному порядку. Как только Солнце заслоняет от Меркурия какую-нибудь планету, ближайшая подстанция на ближайшей незатененной планете берет добавочную энергию и передает ее на затененную.

Крейг поднялся и, подойдя к иллюминатору, стал смотреть на пыльные равнины. На горизонте появилась точка — она быстро приближалась по мертвой серой пустыне.

— Кнут! — воскликнул он.

Крипи заковылял к двери:

— Пойду встречу его. Мы с ним уговорились сыграть сегодня партию в шахматы.

— Сначала, — сказал Крейг, — пусть зайдет ко мне.

— Ладно, — ответил Крипи.

...Крейгу никак не удавалось заснуть. Что-то тревожило его. Что-то неопределенное, так как никаких причин беспокоиться не было. Локатор показывал, что большое завихрение движется очень медленно, по нескольку футов в час, и к тому же в обратном от станции направлении. Других опасных завихрений обнаружено не было. Как будто бы все в порядке. И в то же время разные мелочи — смутные подозрения, догадки — не давали покоя. Вот, например, Кнут. Он был такой же, как всегда, но, разговаривая с ним, Крейг испытывал какое-то непонятное чувство. Он бы даже сказал — неприятное: мурашки бегали у него по спине, волосы на голове вставали дыбом. И в то же время ничего определенного.

А тут еще этот Пейдж. Проклятый дурак, чего доброго, и в самом деле удерет ловить Шары, и тогда неприятностей не оберешься. Странно, каким образом у Кнута испортились сразу обе рации — и в костюме, и в машине. Кнут не мог объяснить, как это произошло, даже и не пытался. Просто пожал плечами. Мало ли что бывает на Меркурии.

Крейг отказался от попыток заснуть. Он всунул ноги в шлепанцы, побрел к иллюминатору, поднял штору и выглянул наружу. Цветные Шары по-прежнему катались в пыли. Внезапно один из них превратился в громадную бутылку виски, она поднялась в воздух, перевернулась — жидкость полилась на землю. Крейг хихикнул: старина Крипи мечтает выпить.

Раздался осторожный стук в дверь. Крейг резко обернулся. Мгновение он стоял, затаив дыхание, и прислушивался, словно ожидая нападения. Затем тихо рассмеялся. Чуть не свалял дурака. Все нервы. Выпить-то не мешало бы ему. Снова стук, осторожный, но более настойчивый.

— Войдите.

Крипи бочком вошел в комнату.

— Так я и думал, что вы не спите, — сказал он.

— Что случилось, Крипи? — Крейг почувствовал, что снова весь напрягся. Нервы ни к черту не годятся.

Крипи подвинулся ближе.

— Кнут, — прошептал он, — Кнут выиграл у меня в шахматы. Шесть раз подряд, не дал мне ни одного шанса отыграться.

В комнате раздался хохот Крейга.

— Но прежде-то я выигрывал без труда, — настаивал старик, — Я даже нарочно давал ему иногда выиграть, чтобы он не заскучал и не бросил совсем играть. Сегодня вечером я как раз приготовился задать ему трепку, и вдруг...

Крипи нахмурился, усы его вздрогнули.

— И это еще не все, черт побери. Я как-то чувствую, что Кнут изменился...

Крейг подошел вплотную к старику и взял его за плечи.

— Я понимаю, — сказал он, — Очень хорошо понимаю, что вы чувствуете, — Опять он вспомнил, как волосы шевелились у него на голове, когда он недавно разговаривал с Кнутом.

Крипи кивнул, бледные глаза его мигнули, кадык дернулся.

Крейг повернулся на каблуках и начал стаскивать пижаму.

— Крипи, — резко произнес он, — сейчас же берите револьвер, спускайтесь в отсек управления и запритесь там. Никуда не выходите, пока я не вернусь. И не впускайте никого. — Он пристально посмотрел на старика: — Вы

понимаете? Ни-ко-го! Если вас вынудят — стреляйте. Но смотрите, чтобы никто не дотрагивался до рычагов.

Крипи вытаращил глаза и сглотнул слюну.

— А что, будут неприятности? — спросил он дрожащим голосом.

— Не знаю, — отрезал Крейг, — но хочу знать.

Внизу, в ангаре, Крейг сердито глядел на пустое место, где должна была стоять машина Пейджа. Вездеход исчез! Вне себя от злости, Крейг подошел к баллонам с кислородом. Замок стойки не был поврежден. Он вставил ключ. Крышка отскочила: все баллоны на месте, стоят рядком, прикреплены к перезарядной установке. Не веря своим глазам, Крейг стоял и смотрел на баллоны.

Все на месте! Значит, Пейдж отправился без достаточного запаса кислорода. Это означает, что он погибнет мучительной смертью в пустынях Меркурия.

Крейг повернулся, чтобы идти, но вдруг остановился. Нет никакого смысла преследовать Пейджа, мелькнуло у него в голове. Этот болван, наверно, уже мертв. Самоубийство — иначе не назовешь его поступок. Настоящее самоубийство. И ведь он предупреждал Пейджа! Ему, Крейгу, предстоит работа. Что-то случилось там, около пространственного вихря. Он должен утихомирить мучительные подозрения, копошащиеся у него в мозгу. Кое в чем надо убедиться. Ему некогда преследовать покойников. Проклятый дурак, самоубийца. Он просто спятил — вообразил, что поймает Цветной Шар...

Крейг выключил линию, с яростью закрутил вентиль, отсоединил баллон и с трудом вытащил его из стойки.

Когда он направился через ангар к машине, кошка Матильда сбежала по сходням вниз и сразу же сунулась ему под ноги. Крейг споткнулся, чуть не упал, но с большим трудом устоял и выругался с тем красноречием, которое достигается долгой тренировкой.

— Мя-я-у, — общительно отозвалась Матильда.

Есть что-то нереальное в солнечной стороне Меркурия, и это скорее ощущаешь, чем видишь. Солнце оттуда, кажется, в десять раз больше, чем с Земли, а термометр никогда не показывает ниже 650 градусов по Фаренгейту. В этой чудовищной жаре люди вынуждены носить скафандры с фотоэлементной защитой, ездить в фотоэлементных машинах и жить на Силовой Станции, которая сама есть не что иное, как мощный фотоэлемент. Электрической энергией можно управлять, но жара и излучения почти не поддаются контролю. Скалы и почва рассыпаются там в пыль, исхлестанные бичами жары и излучений. А горизонт совсем близко, всегда перед глазами, словно видимый край света.

Но не это делает планету такой странной. Странность скорее в неестественном искажении всех линий, искажении, которое трудно уловить. Быть может, ощущение неестественности вызвано тем, что близость грандиозной массы Солнца делает невозможным существование прямой линии, она искривляет магнитные поля и будоражит самое структуру космического пространства.

Крейг все время ощущал эту неестественность, пока мчался по пыльной равнине. Вездеход зашлепал по жидкой лужице, с шипением разбрызгивая не то расплавленный свинец, не то олово. Однако Крейг не заметил этого: в мозгу его громоздились сотни несвязных мыслей. Глаза, окаймленные сетью морщинок, следили через прозрачный щит за углублениями, оставленными машиной Кнута. Баллон с кислородом тихонько свистел, воздушный генератор потрескивал. Но вокруг было тихо.

Оглядевшись, Крейг заметил, что за ним как будто следует большой синий Шар, но скоро забыл о нем. Он взглянул на картину с нанесенными на нее координатами завихрения. Осталось всего несколько миль. Он уже почти на месте...

С виду никаких признаков вихря не было, хотя приборы нащупали его и нанесли на карту, когда Крейг приблизился к нему. Быть может, если встать под прямым углом к

завихрению, различишь слабое мерцание, колебание, как будто смотришь в волнистое зеркало. Но, пожалуй, больше ничто не указывало на присутствие вихря. Непонятно, где он начинался, где кончался. Нетрудно было войти в него даже с прибором в руке.

Крейг вздрогнул, вспомнив о первых межпланетниках, которые попадали в такие завихрения. Отважные астронавты дерзали приземляться на солнечной стороне, осмеливались путешествовать в космических костюмах старого образца. Почти все они погибали, испепеленные излучениями, буквально сваривались. Некоторые уходили в сторону равнин и исчезали. Они входили в облако и словно растворялись в воздухе. Хотя воздуха-то, собственно, никакого и не было — не было вот уже много миллионов лет. На этой планете все свободные элементы давным-давно исчезли. Все оставшиеся элементы, кроме разве тех, что залегали глубоко под грунтом, были так прочно связаны в соединениях, что невозможно было высвободить их в достаточных количествах. По этой же причине жидкий воздух доставлялся с Венеры.

Следы, оставленные машиной Кнута в пыли и на камнях, были очень отчетливы — сбиться с дороги было трудно. Вездеход немного подскочил вверх, потом нырнул в небольшую впадину. И в центре впадины Крейг увидел причудливую игру света и темноты, как будто глядел в кривое зеркало.

Вот оно — пространственное завихрение!

Крейг посмотрел на приборы — у него захватило дух. Да, это величина! Продолжая ехать по следам Кнута, Крейг скользнул во впадину, все приближаясь к тому зыбкому, почти невидимому пятну, которое было завихрением. Тут машина Кнута остановилась. Кнут, очевидно, вышел из нее и поднес приборы поближе; его следы пробороздили мелкую пыль. Вот он вернулся обратно... остановился, снова пошел. И там...

Крейг резко затормозил, с ужасом глядя сквозь прозрачный щит. Пульс бешено застучал у него в горле. Он

спрыгнул с сиденья и поспешно стал натягивать космический костюм. Выйдя из машины, он направился к темной груде, лежавшей на земле. Он медленно подступал ближе, ближе, и страх тисками сжимал ему сердце. Наконец Крейг остановился. Жар и излучения сделали свое дело: сморщили, высушили, разрушили — но сомнений быть не могло. С земли на него смотрело мертвое лицо Кнута Андерсона!

Крейг выпрямился и огляделся вокруг. Цветные Шары танцевали на холмах, кружились, толкались — молчаливые свидетели его страшного открытия. Один из них, синий Шар, который был крупнее остальных, последовал за машиной во впадину; сейчас он беспокойно раскачивался метрах в пятнадцати от Крейга.

Кнут сказал: «Кое-что забавное». Он прокричал эти слова, голос его трещал и колебался, искажаемый мощными излучениями. А Кнут ли это был? Может, он уже умер, когда Крейг получил послание?

Крейг оглянулся. Кровь стучала у него в висках. Не Шары ли виноваты в смерти Кнута? А если так, то почему они не трогают его, Крейга? Вон сотни их пляшут на холме. Если это Кнут лежит здесь, вглядываясь мертвыми глазами в черноту пространства, то кто же тот, другой, вернувшийся назад?

Значит, Шары выдают себя за людей. Возможно ли это? Они, конечно, превосходные мимы, но не настолько. В их подражании всегда что-то не так, всегда есть что-то нелепое и фальшивое. Ему припомнились глаза Кнута, возвратившегося в Центр, — их холодный пустой взгляд, какой бывает у безжалостных людей. От этого взгляда у Крейга по спине и забегали мурашки. И этот Кнут, который прежде так плохо играл в шахматы, выиграл шесть раз подряд.

Крейг снова оглянулся на машину. Цветные Шары по-прежнему плясали на холмах, но большой синий Шар исчез. Какое-то неуловимое неприятное ощущение заставило Крейга обернуться и посмотреть на завихрение. На самом

его краю стоял человек. Крейг безмолвно глядел на него, не в силах сдвинуться с места.

Человек, стоявший перед ним на расстоянии не больше сорока футов, был Курт Крейг!

Его черты лица, все его, он сам, второй Курт Крейг, он как будто завернул за угол — и столкнулся с самим собой, идущим навстречу. Изумление обрушилось на Крейга, оглушило его как гром, он быстро шагнул вперед, затем остановился. Изумление сменилось страхом; возникло острое, как удар ножа, сознание опасности.

Человек поднял руку и поманил к себе Крейга, но Крейг стоял как вкопанный, пытаясь разобраться в происходящем, успокоить сумятицу в мозгу. Это не отражение, на человеке нет космического костюма, в какой одет Крейг. И это не настоящий человек, иначе он не стоял бы так под яростными лучами Солнца. Смерть последовала бы мгновенно. Всего сорок футов — но за ними бушует завихрение, оно поглотит любого, кто перейдет через запретную невидимую границу. Завихрение передвигается со скоростью несколько футов в час, и то место, где теперь стоит Крейг и где у ног его лежит тело

Кнута, несколько часов назад находилось в сфере действия завихрения.

Человек шагнул вперед, и в тот же момент Крейг отступил назад, и рука его взялась за револьвер. Но он успел только наполовину вытащить оружие: человек исчез. Исчез — и все. Ни дымки, ни дрожания разрушающейся материи. Человека не было. На его месте раскачивался большой синий Шар.

Холодный пот выступил у Крейга на лбу и заструился по лицу. Он знал, что был сейчас на волосок от смерти, а может быть, чего-нибудь и похуже. Он повернулся и как безумный бросился к машине, рванул дверцу, схватился за рычаги.

Крейг гнал машину как одержимый. Страх схватил его холодными щупальцами. Дважды едва не произошла

катастрофа: один раз вездеход нырнул в облако пыли, в другой раз пронесся по озеру расплавленного олова. Крейг твердо сжимал руль, упорно направляя машину вверх по скользкому от пыли холму.

Проклятие, этот субъект, который вернулся вместо Кнута, был точь-в-точь Кнут. Ему было известно то, что знал Кнут, он вел себя как Кнут. Те же повадки, тот же голос, даже ход мыслей такой же. Что могут сделать люди — человечество — против этого? Смогут ли они отличать подлинных людей от двойников? Как они распознают самих себя? Существо, которое пробралось в Центр, с легкостью выиграло у Крипи в шахматы. Крипи приучил Кнута к мысли, что он, Кнут, играет не хуже Крипи. Но Крипи то знал, что может выиграть у Кнута в любое время. Кнут же этого не знал, а значит, и тварь, изображавшая Кнута, тоже не знала. Поддельный Кнут сел за стол и выиграл у Крипи шесть партий подряд, к огорчению и недоумению старика. Есть тут какой-нибудь смысл или нет?

Синий Шар прикинулся Крейгом. Он пытался заманить Крейга в пространственное завихрение. Очевидно, Шары способны менять свою структуру и, таким образом, находиться в завихрении без всякого для себя ущерба. Они заманили туда Кнута, приняв вид человеческих существ и возбудив в нем любопытство. Он вступил в завихрение, и тут-то Цветные Шары и напали на него. Они ведь не могут добраться до человека, одетого в космический костюм, потому что Шары — сгустки энергии. В борьбе энергии с фотоэлементом всегда побеждает фотоэлемент.

Они не дураки, подумал Крейг. Метод Троянского коня. Сперва они добрались до Кнута, потом попытались проделать такую же штуку со мной. Окажись в Центре двое Шаров — им было бы нетрудно заполучить и Крипи.

Крейг бешено крутанул руль, давая выход злости. Потом затормозил перед ущельем и свернул на равнину. Прежде всего нужно отыскать Шар, который играл Кнута. Сначала надо его найти, а потом уже решать, что с ним делать.

Найти его оказалось не так-то просто. Крейг и Крипи, одетые в космические костюмы, стояли посреди кухни.

— Он должен быть где-то здесь, будь я проклят, — сказал Крипи, — Просто он так запрятался, что мы его проглядели.

Крейг покачал головой:

— Нет, Крипи, мы не проглядели. Мы с вами все обыскали, ни одной щели не оставили.

— А может быть, — предположил Крипи, — он сообразил, что игра проиграна, и дал тягу. Может, он удрал, когда я сторожил отсек управления?

— Может быть, — согласился Крейг, — Я тоже об этом думал. По крайней мере мы знаем, что он разбил рацию. Наверное, боялся, что мы вызовем помощь. А это означает, что у него был свой план. И возможно, в этот момент он приводит его в исполнение.

Станция молчала, но тишину подчеркивали и усиливали еле слышимые звуки: слабое пощелкивание приборов в нижнем этаже, шипение и сдержанное клокотание в воздушном генераторе, бульканье синтезируемой воды.

— Чтоб ему, — выругался Крипи, — я знал, что этого не может быть. Кнут просто не мог честным путем обыграть меня.

Из холодильной камеры раздалось отчаянное мяуканье.

Крипи двинулся к двери холодильника, захватив по дороге щетку.

— Опять эта чертова кошка, — пробурчал он, — никогда не упустит случая забраться туда.

Крейг стремительно шагнул вперед и отбросил руку Крипи от двери.

— Стойте! — приказал он.

Матильда жадно мяукала.

— Но ведь Матильда...

— А что, если это не Матильда? — резко сказал Крейг.

Со стороны двери, ведущей в коридор, послышалось тихое мурлыканье. Оба обернулись. Матильда стояла на

пороге и, выгнув спину и задрав кверху пушистый хвост, терлась боком о косяк. В этот момент из холодильной комнаты донесся дикий, злобный кошачий вой.

Глаза Крипи сузились. Метла со стуком упала на пол.

— Но у нас же одна кошка!

— Вот именно, — отрезал Крейг, — Одна из них Матильда, а другая — Кнут, или, вернее, тварь, которая изображала Кнута.

Пронзительно затрещал сигнальный звонок. Крейг поспешно шагнул к иллюминатору и поднял штору.

— Это Пейдж! — воскликнул он, — Пейдж вернулся!

Крейг оглянулся на Крипи. Лицо его выражало недоверие:

Пейдж уехал часов пять назад, без кислорода, и тем не менее он здесь, вернулся. Но человек не смог бы прожить без кислорода больше четырех часов. Взгляд Крейга стал жестким, между бровей пролегли морщины.

— Крипи, — сказал он внезапно, — отоприте дверь в холодильник, возьмите кошку на руки и держите, чтоб не убежала.

Крипи сделал кислое лицо, но опустился по сходням, открыл дверь и поднял с пола Матильду. Она громко замурлыкала, цепляясь за его руки в перчатках изящными лапками.

Пейдж вышел из машины и направился через ангар прямо к Крейгу, стуча каблуками. Крейг неприязненно смотрел на него сквозь маску космического костюма.

— Вы нарушили мой приказ, — отрывисто сказал он, — Отправились ловить Шары и даже кого-то поймали.

— Ничего страшного, капитан Крейг, — отозвался Пейдж, — Послушные, как котята. Ничего не стоит их приручить.

Он громко свистнул, и из машины выкатились два Шара — красный и зеленый. Они остановились и принялись раскачиваться.

Крейг посмотрел на них оценивающим взглядом.

— Сообразительные ребята, — добродушно заметил Пейдж.

— И как раз нужное число, — сказал Крейг.

Пейдж вздрогнул, но быстро овладел собой.

— Да, я тоже так думаю. Я, конечно, научу их обращению с приборами, но боюсь, что все рации полетят к черту, стоит им только приблизиться к приборам.

Крейг подошел к стойке с кислородными баллонами и откинул крышку.

— Одного я не могу понять, — сказал он. — Я предупреждал, что стойку вам не открыть. И предупреждал еще, что без кислорода вы погибнете. И тем не менее вы живы.

Пейдж рассмеялся.

— У меня было спрятано немного кислорода, капитан. Я как будто предчувствовал, что вы мне откажете.

Крейг вытащил один баллон из стойки.

— Вы лжете, Пейдж, — спокойно сказал он, — У вас не было другого кислорода. Да вам он и не нужен. Любой человек умер бы ужасной смертью, выйди он отсюда без кислорода. Но вы не умерли — потому что вы не человек!

Пейдж быстро отступил, но замер на месте, устремив взгляд на баллон с кислородом, когда Крейг предостерегающе его окликнул. Крейг сжал пальцами предохранительный клапан.

— Одно движение — и я выпушу кислород, — мрачно сказал он, — Вы, конечно, знаете, что это такое — жидкий кислород. Холодней самого пространства.

Он злорадно усмехнулся:

— Небольшая доза перетряхнет весь ваш организм, правда? Вы, Шары, привыкли жить на поверхности, в чудовищной жаре, и не выносите холода. Вы нуждаетесь в колоссальном количестве энергии, а у нас здесь, на Станции, энергии немного. Мы вынуждены беречь ее как зеницу ока, а не то погибнем. Но в жидком кислороде энергии еще несравненно меньше... Вы сами создаете себе защитное поле и даже распространяете его вокруг, и все же оно не безгранично.

— Если бы не космические костюмы, вы бы иначе заговорили, — с горечью сказал Пейдж.

— Они, видно, поставили вас в тупик, — улыбнулся Крейг, — Мы их надели потому, что гонялись за вашим приятелем. Он, по-моему, в холодильнике.

— В холодильнике? Мой приятель?

— Да, который вернулся вместо Кнута. Он притворился Матильдой, когда понял, что мы за ним охотимся. Но он перестарался. Он настолько почувствовал себя Матильдой, что забыл, кто он на самом деле, и забрался в холодильник. И это ему пришлось не по вкусу.

У Пейджа опустились плечи. На какое-то мгновение черты лица его расплылись, затем снова стали четкими.

— Дело в том, что вы перебарщиваете, — продолжал Крейг, — Вот и сейчас вы больше Пейдж, чем Шар, больше человек, чем сгусток энергии.

— Не стоило нам делать этой попытки, — сказал Пейдж. — Надо было дождаться, пока вас кто-нибудь сменит. Мы ведь знаем, что вы не относитесь к нам с презрением, как многие люди. Я говорил, что следует подождать, но тут в пространственное завихрение попал человек по имени Пейдж...

Крейг кивнул.

— Понимаю, вы просто не могли упустить случай. Обычно до нас трудно добраться. Вам не справиться с фотоэлементными камерами. Но вам следовало сочинить что-нибудь поубедительнее. Эта чепуха насчет пойманных Шаров...

— Но ведь Пейдж отправился именно за ними, — настаивал мнимый Пейдж. — Ему бы, разумеется, это не удалось, но он-то был уверен в успехе.

— Очень было умно с вашей стороны — привести с собой ваших ребят, сделать вид, что вы их поймали, и в один прекрасный момент взять нас врасплох. Да, это было умнее, чем вы думаете.

— Послушайте, — сказал Пейдж, — нам ясно, что мы проиграли. Как вы поступите?

— Выпустим вашего друга из холодильной камеры, — ответил Крейг, — потом отопрем двери — и ступайте себе.

— А если мы не уйдем?

— Тогда выпустим жидкий кислород. У нас наверху полные баллоны. Изолируем комнату и превратим ее в настоящий ад. Вы этого не вынесете, погибнете от недостатка энергии.

Из кухни донесся чудовищный шум. Можно было подумать, будто связка колючей проволоки скачет по жестяной крышке. Шум чередовался с воплями Крипи. По сходням из кухни выкатился меховой Шар, а за ним Крипи, яростно

размахивающий метлой. Шар распался и превратился в двух одинаковых кошек. Распушившиеся хвосты торчали кверху, шерсть на спине стояла дыбом, глаза сверкали зеленым огнем.

— Мне надоело держать эту проклятую кошку, и я... — выдохнул Крипи.

— Понятно, — прервал его Крейг. — И вы сунули ее в холодильник к другой кошке.

— Так оно и было, — сознался Крипи. — И предо мной разверзлась преисподняя.

— Ладно, — сказал Крейг. — Теперь, Пейдж, скажите, которая ваша.

Пейдж что-то быстро произнес, и одна из кошек начала таять. Очертания ее стали неясными, и она превратилась в Шар, маленький, трогательный бледно-розовый Шар.

Матильда испустила душераздирающий вопль и бросилась наутек.

— Пейдж, — сказал Крейг, — мы всегда были против осложнений. Если вы только захотите, мы можем быть друзьями. Есть ли для этого какой-нибудь способ?

Пейдж покачал головой:

— Нет, капитан. Мы и люди — как два полюса. Мы с вами разговариваем сейчас, но разговариваем как человек с человеком, а не как человек и представитель моего народа. В действительности различия слишком велики, нам не понять друг друга.

Он засмеялся и выговорил с запинкой:

— Вы славный парень, Крейг. Из вас вышел бы хороший Шар.

— Крипи, — окликнул Крейг, — отопри дверь.

Пейдж повернулся, чтобы идти, но Крейг остановил его:

— Еще минутку. В виде личного одолжения. Не скажете ли, на чем все это основано?

— Трудно объяснить, — ответил Пейдж, — Видите ли, дружище, все дело в культуре. Культура, правда, не совсем то слово, но иначе я не могу выразить этого на вашем языке.

Пока вы не появились здесь, у нас была своя культура, свой образ жизни, свой образ мыслей — они были наши собственные. Мы развивались не так, как вы, мы не проходили этой предварительной незрелой стадии цивилизации, какую проходите вы. Мы начали с того места, до которого вы не доберетесь и через миллион лет. У нас была цель, идеал, к которым мы стремились. И мы продвигались вперед. Мне трудно объяснить это на вашем языке. И вдруг появились вы...

— Дальше догадываюсь, — прервал его Крейг. — Мы привнесли чужое влияние, нарушили вашу культуру, ваш образ мыслей. Наши мысли вторгаются в ваши, и вы становитесь не более как подражателями, перенимающими чужие идеи и повадки.

Он посмотрел на Пейджа:

— Неужели же нет выхода? Проклятие, неужели надо враждовать из-за этого?

Он еще не договорил, а уже знал ответ: выхода не было. Долгая земная история насчитывала сотни подобных войн: войны из-за различия религий, религиозной терминологии, из-за разницы в идеологии, в типе культуры. И ведь те, кто воевал, принадлежали к одной — людской — породе, а не к двум разным, разного происхождения.

— Нет, — сам же ответил вслух Крейг, — выхода нет. Когда-нибудь мы отсюда уйдем. Найдем другой источник энергии, подешевле, и оставим вас в покое. Но до тех пор... — Он не договорил.

Пейдж повернулся и пошел к двери, за ним последовали два больших Шара и один маленький, розовый.

Стоя у входа плечом к плечу, двое землян смотрели, как Цветные Шары вышли наружу. Сперва Пейдж сохранял человеческий облик, потом очертания его расплылись, съежились, и вот на его месте уже покачивался Шар.

Крипи захихикал:

— Фиолетовый, чтоб он пропал.

Крейг сидел за столом и писал свой отчет в Совет Солнечной энергии; перо быстро бегало по бумаге:

«Пятьсот лет они выжидали, прежде чем начать действовать. Быть может, они медлили из предосторожности или в надежде найти какой-то иной способ. А может быть, время имеет у них другой счет. Для жизни, уходящей в бесконечность, время вряд ли имеет ценность. В течение всех этих пятисот лет они наблюдали за нами, изучали нас. Они читали в нашем мозгу, поглощали наши мысли, докапывались до наших знаний, впитывали нашу индивидуальность. Они, наверно, знают нас лучше, чем мы сами. Что такое их неуклюжее подражание нашим мыслям? Просто хитрость, попытка заставить нас считать их безвредными? Или между их подражанием и нашими мыслями такая же разница, как между пародией и настоящим произведением искусства? Этого сказать я не могу. У меня нет никаких догадок на этот счет. До сих пор мы не пытались защищаться от них, так как считали их забавными существами и ничем больше. Я не знаю, была ли кошка в холодильнике Шаром или Матильдой, но именно кошка в холодильнике подала мне мысль о жидком кислороде. Несомненно, есть более удачные способы. Подойдет все, что может быстро лишить их энергии. Я убежден, что они будут делать новые попытки, даже если им придется ждать еще пятьсот лет. Поэтому я настаиваю...»

Он положил перо. Корзина для бумаг, стоявшая в углу комнаты, зашевелилась, и из нее вылезла Матильда. Хвост у нее воинственно торчал кверху. Презрительно поглядев на Крейга, она направилась к двери и стала спускаться вниз по сходням.

Крипи нехотя пробовал скрипку. Настроение у него было скверное, он думал о Кнуте. Если не считать споров за шахматами, они всегда были друзьями.

Крейг прикидывал, что делать дальше. Надо съездить за телом Кнута и отправить его на Землю, чтобы его там

похоронили. Но прежде всего он ляжет спать. С ума сойти, как хочется спать!

Он взял перо и продолжал писать:

«...чтобы были приложены все старания к изобретению эффективного оружия. Но использовать его мы будем только в качестве защиты. Об истреблении, какое велось на других планетах, не может быть и речи.

Но для этого мы должны изучить их так, как они изучили нас. Чтобы воевать с ними, надо их знать. К следующему разу они, несомненно, выдумают новый способ нападения. Необходимо также разработать систему проверки каждого входящего на Станцию, чтобы определить, человек он или Шар.

И наконец, следует приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить себя каким-то другим источником энергии на тот случай, если Меркурий станет для нас недоступным».

Он перечел докладную записку и отложил ее в сторону.

— Им это не понравится, — сказал он себе, — особенно последний пункт. Но ведь нужно смотреть правде в лицо.

Крейг долго думал. Потом поднялся и пошел к иллюминатору.

Снаружи, на равнинах Меркурия, Цветные Шары, разделившись попарно, превратились в громадные кости домино и теперь скакали в пыли. Насколько хватал глаз, равнина была усеяна этакими скачущими костяшками.

И при каждом прыжке их становилось все больше...

Филберт заблудился. К тому же он был напуган. Это обстоятельство настораживало само по себе, потому что Филберт был роботом, а роботам эмоции неведомы.

Некоторое время Филберт обдумывал создавшееся положение, пытаясь разобраться в своих чувствах. Однако логики в них он так и не усмотрел.

Вокруг простиралась мертвая пустыня — все, что осталось от Старой Земли. Высоко над головой в иссиня-черном небе тускло светило кирпичное Солнце — атмосфера почти исчезла, и звезды сверкали нестерпимо ярким блеском. Хилая растительность, тщетно цепляющаяся за жизнь в мире, где жизни почти не было, казалось, сжималась от страха перед чувством врожденной бесплодности своих усилий.

Филберт вытянул правую ногу — и она скрипнула. Коленный сустав вышел из строя уже много часов назад. В него попал песок — очевидно, когда Филберт упал и повредил плоскость ориентировки. Потому-то он и заблудился. Тремя глазами, расположенными в верхней части головы, Филберт внимательно изучал звезды.

— Как жаль, что я ничего не знаю о созвездиях, — произнес он скрипучим от недостатка смазки голосом. — Босс утверждал, что люди пользовались ими для навигации. Впрочем, нет смысла принимать желаемое за действительное.

Ну вот что: если он не найдет масла, ему конец. Только бы вернуться назад, к изуродованному космолету, внутри которого лежало такое же изуродованное человеческое тело. Там для него нашлось бы вдоволь масла. Но он не мог вернуться, потому что не имел представления о месте катастрофы.

Ему оставалось только брести вперед в надежде отыскать затерянный в пустыне космический порт. Раз в месяц пассажирские лайнеры доставляли на Землю паломников и

туристов, стремящихся взглянуть на старые храмы и памятные места первой обители человечества. Кто знает, может быть, ему удастся набрести на одно из примитивных племен, все еще живущих на Старой Земле.

Филберт продолжал идти, скрипя правым коленом. Солнце медленно опускалось на западе, и на смену ему вставала Луна — чудовищный, изрытый оспинами мир. Тень Филберта скользила впереди, пересекая вместе с ним выветрившиеся, изъеденные временем горы, горбившиеся дюнами пустыни и белое от солончаков дно моря. Ни души вокруг.

Скрип в колене становился все сильнее. Наконец Филберт остановился, разобрал левый коленный сустав и наскреб из него немного смазки для больного колена. Через несколько дней скрипели уже оба колена. Тогда он разобрал руки, сначала одну, потом другую, и выбрал из них все оставшееся масло. Неважно, что руки выйдут из строя, лишь бы ноги продолжали двигаться!

Но затем заныло бедро, вслед за ним другое, и наконец свело лодыжки. Филберт заставлял себя идти вперед, еле действуя высохшими суставами и с трудом сохраняя равновесие.

Он наткнулся на стоянку, но люди покинули лагерь. Живительный источник иссяк, и в поисках воды племя перекочевало в другое место.

Теперь Филберт уже волочил правую ногу, и страх не покидал его.

— Я схожу с ума, — простонал он, — Меня преследуют видения, а это случается только с людьми. Только с людьми...

Его голосовой аппарат захрипел, задребезжал, связки заклинило. Нога подломилась, и он пополз. Но когда и руки отказались ему повиноваться, Филберт бессильно распростерся на песке. Струйки песка с шипением ударялись о его металлический корпус.

— Кто-нибудь меня найдет, — прохрипел он.

Но никто его не нашел. Филберт ржавел и с течением времени превратился в развалину. Сначала отказал слух, затем потухли глаза, от металлического корпуса отлетали тускло-рыжие чешуйки. Однако внутри мозговой коробки, герметически закрытой и автоматически смазываемой, мозг Филберта продолжал выполнять свою функцию.

Робот все еще жил, вернее, существовал. Он не мог двигаться, слышать, видеть, говорить — он был всего лишь вместилищем неустанно работающих мыслей. И если продолжительность человеческой жизни составляла примерно десять тысяч лет, то жизнь робота мог оборвать только несчастный случай.

Шли годы. Века постепенно складывались в тысячелетия. А Филберт послушно продолжал думать, решал гигантские проблемы, находил нужный выход из положения при самых разнообразных обстоятельствах. Наконец им овладела мысль о тщете существования.

В полнейшем отчаянии от бездействия, восстав против пыльной логики, Филберт пришел к логическому заключению, которое положило конец — хотя робота и не оставляли дурные предчувствия — самой необходимости в логике; пока он был частицей человечества, логическое мышление было его обязанностью. Теперь же, когда он больше не был связан с человеком, его логика стала ненужной.

Педант по природе, Филберт никогда не довольствовался полумерами. Поэтому он начал выдумывать невероятные ситуации, сочинял всякого рода приключения и путешествия, принимал на веру сомнительные предпосылки и теории, играл с метафизическими представлениями. Он углублялся в невероятные измерения, разговаривал со странными существами, живущими в неведомых мирах, воевал с чудовищами, рожденными за пределами времени и пространства, спасал цивилизации, находившиеся на краю неминуемой гибели.

Мчались годы, но Филберт этого не замечал. Для него наступило счастливое время.

Джером Дункан с кислой миной взглянул на очередной отказ из редакции, осторожно взял лист со стола и принялся изучать редакторские каракули.

Неубедительно. Слишком мало науки. Ситуации банальные. Действующие лица нежизненные. Весьма сожалею.

— На сей раз ты превзошел самого себя! — прорычал Дункан, обращаясь к каракулям.

Мягко ступая, в комнату скользнул Дженкинс, робот-камердинер.

— Еще одна, сэр? — спросил он.

От неожиданности Дункан подпрыгнул:

— Дженкинс, что за манера подкрадываться! Ты меня нервируешь!

— Извините, сэр, — с достоинством промолвил Дженкинс. — Я вовсе не подкрадывался. Я просто заметил, что вам вернули рукопись.

— Ну и что из этого? За последнее время мне вернули массу рукописей.

— Вот именно, сэр, вот именно. Раньше их никогда не возвращали. Вы были автором лучших в Галактике книг. Настоящая классика, сэр, если мне будет позволено заметить. Ваш «Триумф роботов» был удостоен ежегодной премии, сэр, и...

Лицо Дункана просветлело.

— Да, вот это была история! Все роботы засыпали эту старую кислятину-редактора хвалебными отзывами. Конечно, можно было не сомневаться, что роботам понравится повесть. В конце концов, речь там шла о них.

Он печально взглянул на письмо и покачал головой:

— Теперь конец всему этому, Дженкинс. Дункан выходит из игры. А ведь читатели пишут письма, спрашивают обо мне. «Когда же Дункан напишет что-нибудь новое вроде “Триумфа роботов”?» И тем не менее редактор отсылает все мои материалы обратно. Неубедительно, говорит. Мало науки. Действующие лица его не устраивают.

— Могу я высказать свое мнение, сэр?

— Валяй, — вздохнул Дункан, — Высказывай свое мнение.

— Дело вот в чем, сэр, — сказал Дженкинс, — Вы уж меня извините, но вашим произведениям не хватает убедительности.

— Вот как? И что же, по-твоему, я должен с ними сделать?

— Почему бы вам не посетить места, о которых вы пишете? — предложил робот, — Почему бы вам не взять отпуск для поисков местного колорита и вдохновения?

Дункан почесал голову.

— Пожалуй, ты прав, Дженкинс, — признался он. Затем еще раз взглянул на отвергнутую рукопись, перелистал страницы.

— Вот уж на нее-то должен был бы найтись покупатель. Это рассказ о Старой Земле, а они всегда популярны.

Он отшвырнул рукопись и встал.

— Дженкинс, позвони в Галактическое агентство и узнай расписание полетов на Старую Землю.

— Но полеты на Старую Землю были прекращены еще тысячу лет назад, — запротестовал Дженкинс.

— Там находятся храмы, которые люди посещали на протяжении миллионов лет.

— По-видимому, сэр, храмами никто больше не интересуется.

— Вот и хорошо! — рявкнул Дункан, — Марш отсюда и зафрахтуй корабль. Да не забудь собрать походное снаряжение.

— Походное снаряжение, сэр?

— Вот именно. Мы отправляемся на Старую Землю и будем жить в палатке. Там мы впитаем в себя столько местного колорита, что он потечет у нас из ушей!

Дункан злобно уставился на послание редактора.

— Я покажу этому старому...

Звякнул колокольчик службы новостей, и на стенной панели зажегся синий свет. Дункан нажал кнопку, из трубки в стене на письменный стол выпала газета. Он быстро

развернул ее и прочитал заголовок, набранный броскими алыми буквами:

«ПОХИТИТЕЛИ РОБОТОВ СНОВА ЗА РАБОТОЙ».

Дункан с отвращением отбросил газету.

— Они совсем помешались на этих похитителях, — пробормотал он, — Кому нужны несколько роботов! Может, роботы сами разбегаются.

— Но они не могут убежать, сэр, — возразил Дженкинс, — По крайней мере эти роботы не могут. Я был знаком кое с кем из них. Они преданы своим хозяевам.

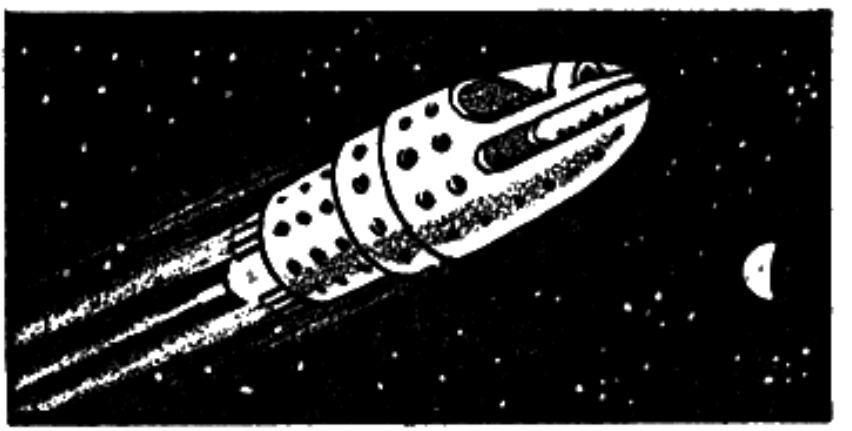
— В таком случае это очередная газетная кампания, — заявил Дункан. — Пытаются увеличить тиражи.

— Но ведь кража роботов происходит по всей Галактике, сэр, — настаивал Дженкинс, — Газеты пишут, что это похоже на действия организованной шайки. Красть роботов и снова их продавать может оказаться выгодным делом, сэр.

— Если так, — проворчал Дункан, — то скоро их поймают. Еще никому не удавалось долго водить за нос этих сыщиков.

Старый Хэнк Уоллес уставился в небо, бормоча что-то себе под нос.

— Клянусь громом, — вдруг взвизгнул он, — корабль! Наконец-то!



Он проковылял к контрольному посту порта, который размещался в сарае, потянул на себя рычаги, включающие освещение посадочного поля, и вышел наружу, чтобы еще раз взглянуть на корабль. Корабль снизился, мягко коснулся бетона и, прокатившись несколько ярдов, остановился.

Шаркая ногами, Хэнк направился к кораблю. Дыхание со свистом вырывалось из его кислородной маски. Из корабля вышел закутанный в мех человек с маской на лице. За ним спустился робот, нагруженный пакетами.

— Эй там, привет! — крикнул Хэнк, — Добро пожаловать на Старую Землю!

Вновь прибывший посмотрел на него с любопытством:

— Мы не думали, что найдем здесь кого-нибудь.

Хэнк ощетинился:

— А почему бы нет? Это Станция галактического транспорта. Здесь всегда кто-то находится. Обслуживание круглые сутки.

— Но ведь станцию покинули, — недоумевая, сказал Дункан, — Этот маршрут отменили тысячу лет назад.

Старик замолчал, пытаясь усвоить полученную информацию.

— Вы в этом уверены? — немного погодя спросил он. — Вы уверены, что маршрут отменен?

Дункан кивнул.

— Черт побери! — взорвался Хэнк, — Я чувствовал, что что-то стряслось. Думал — вдруг война.

— Дженкинс, — приказал Дункан, — вытаскивай походное снаряжение из корабля, да побыстрее.

— Какая подлость! — не унимался Хэнк, — Какая мерзкая подлость! Заставить человека слоняться здесь тысячу лет в ожидании корабля!

Хэнк и Дункан сидели рядом, откинув стулья назад и упираясь спинами в стенку сарая. За окном на западе садилось Солнце.

— Если вы ищете атмосферу и местный колорит, — сказал Хэнк, — то правильно сделали, что приехали сюда. Некогда здесь была плодородная зеленая земля, колыбель великой цивилизации. При более близком знакомстве с этим местом ощущаешь почти священный трепет. Давным-давно, до того, как люди оставили Землю ради Галактики, они называли ее Мать-Земля. Правда, потом в течение многих столетий они возвращались, чтобы полюбоваться храмами.

Он печально покачал головой:

— Но теперь все это забыто. В истории Старой Земле уделяется всего один-два параграфа: просто упоминается, что там возникло человечество. Я даже слышал однажды, будто Человек произошел совсем не на Земле, а на какой-то другой планете.

— Очевидно, последнюю тысячу лет вам было здесь очень одиноко, — сказал Дункан.

— Ну, не так-то уж и одиноко, — ответил старик, — Сначала у меня был Вильбур, мой робот. Отличный парень. Мы любили сидеть и болтать обо всем на свете. Но затем Вильбур рехнулся, шестеренка соскочила или еще что-то. Начал как-то странно себя вести, и я испугался. Дождался удобного момента и разъединил его. Потом на всякий случай вынул из головы Вильбура мозг. Вот он, лежит на полке. Время от времени я снимаю его и чищу. Вильбур был хорошим роботом.

Снаружи донесся глухой удар, затем что-то с дребезгом покатилось.

— В чем дело? — крикнул Дункан, — Что там происходит?

— Я только что нашел корпус робота, сэр, — донесся голос Дженкинса, — Должно быть, я его опрокинул.

— Ты отлично знаешь, что опрокинул его! — рявкнул Дункан. — Это корпус Вильбура. Сейчас же поставь его на место.

— Слушаю, сэр, — сказал Дженкинс.

— Если вам нужны действующие лица, — продолжал Хэнк, — отправляйтесь к дну бывшего океана, это примерно

в пятистах милях отсюда. Там живет племя, одно из последних на Старой Земле. Это те, для кого пожалели места на кораблях, когда человечество покидало Землю. Но то было миллионы лет назад. Сейчас мало кто из них уцелел. Единственное место, где еще остались вода и воздух, — это глубокие впадины на дне океана. В давние времена племена посильнее захватили их и вытеснили тех, кто был слаб.

— А что сталось со слабыми племенами? — спросил Дункан.

— Они вымерли, — ответил Хэнк, — Вы же знаете, без воды и воздуха жить нельзя. Впрочем, они и так живут недолго. Сто лет — их предел, а может, и того меньше. За последнюю тысячу лет, насколько мне известно, у них сменилось двенадцать вождей. Сейчас там верховодит старый гриб, называющий себя «Громовержцем». Ничего, кроме мешка с костями, собой не представляет, да и грома на Земле не слыхали по крайней мере пять миллионов лет. Но они обожают звучные имена. Между прочим, знают также массу историй, да таких, что волосы становятся дыбом.

Громовержец яростно пискнул и с трудом приподнялся. Толпа сорванцов с воплями перебрасывала какой-то круглый предмет, который попал ему по ноге. Мальчишки бросились врассыпную и исчезли за углом в облаке пыли. Громовержец со стоном медленно опустился на скамью. Он пошевелил пальцами ног, не сводя с них зачарованного взгляда, явно удивленный тем, что они двигаются.

— Эти проклятые мальчишки сведут меня в могилу, — проворчал он. — Никакого воспитания. Когда бы я был на их месте, папаша всю душу бы из меня вытряс за подобные фокусы.

Дункан подобрал мяч.

— Где они нашли эту штуку, шеф? — спросил он.

— Да где-нибудь в пустыне, — сказал Громовержец. — Мы частенько находим всякий хлам, разбросанный повсюду, особенно там, где некогда были города. Мое племя неплохо

зарабатывало на этом. Продавали простофилям-туристам старые вещи.

— Но, шеф, — запротестовал Дункан, — это не просто кусок металлолома. Это мозговая коробка робота.

— Да неужели? — пропищал Громовержец.

— Совершенно точно, — заверил его Дункан. — Посмотрите-ка на серийный номер, вот здесь, внизу. — Он пригляделся к номеру и свистнул от удивления, — Подумать только! Этой коробке около трех миллионов лет! Всего десять цифр. У модели нынешнего года номер состоит из шестнадцати знаков.

Дункан задумчиво подержал коробку в руках.

— А ведь он мог бы поведать нам любопытную историю, — сказал он, — Наверно, провалялся в пустыне очень долго. Все старые модели были проданы на металлолом сотни лет назад.

Устарели, за это время добились множества улучшений. Взять хотя бы эмоции. Три миллиона лет назад роботы не знали эмоций. Если бы мы могли подсоединить эту коробку...

— У вас ведь есть робот, — напомнил вождь.

Дункан оценивающе посмотрел на Дженкинса. Дженкинс попятился назад.

— Нет-нет, — заблеял он. — Только не это, сэр! Вы не можете со мной так поступить.

— Это же совсем ненадолго, — убеждал его Дункан.

— Мне это не нравится, — заявил Дженкинс, — Ни чуточки не нравится.

— Дженкинс! — рявкнул Дункан, — Сейчас же подойди ко мне!

Свет острием ножа пронзил мозг Филберта — всепроникающий, неумолимый свет, который смел тысячелетия пустоты. Филберт попытался закрыть глаза, но мозг слишком медленно реагировал на команды. Безжалостный свет резал

глаза. Затем до него дошли звуки — пугающие звуки. Но он знал, что они что-то значат.

Наконец заслонки глаз закрылись, и Филберт замер, выжидая, пока его глаза привыкнут к свету. Вскоре он чуть-чуть их приоткрыл. И снова свет отозвался болью, но на сей раз она была не такой острой. Постепенно он приподнял заслонки. В глазах у него двоилось, все растекалось, словно в тумане. Снова послышались какие-то звуки, они разрывали барабанные перепонки. Наконец он отчетливо разобрал слово:

— Встать!

Команда дошла до его сознания. Двигательные центры, медленно и неуверенно, возобновили свою деятельность, и Филберт выпрямился. Он пошатнулся, стараясь сохранить равновесие. Внезапное перемещение его сознания из мира снов в реальный мир было пугающим. Робот сфокусировал глазные линзы. Он увидел деревню. Чуть дальше виднелся крохотный пруд, а еще дальше — ряды голых холмов. Словно уступы гигантской лестницы, поднимались они к черному небу, где висело большое красное Солнце. Перед роботом стояли несколько человек. Один из них был закутан в меха, и на его груди болталась кислородная маска.

— Кто ты? — спросил человек в мехах.

— Я... — начал Филберт и замолчал.

Кто он? Он попытался вспомнить, но его память все еще пребывала в призрачном мире, в котором он жил так долго. Ему вспомнилось одно только слово, один крошечный ключ, и все.

— Я — Филберт, — сказал он наконец.

— Ты знаешь, где находишься? — спросил человек, — Как ты сюда попал? Сколько времени прошло с тех пор, как ты был жив?

— Не знаю, — ответил Филберт.

— Вот видите, — пропищал Громовержец, — он ничего не помнит. Чурбан он — и все.

— Нет, — Дункан покачал головой, — просто он провел здесь слишком много времени. Время стерло его память.

Покончив с ужином, племя собралось вокруг костра, где Громовержец принялся рассказывать одну из древних легенд. Это была длинная история, отличавшаяся, как подозревал Дункан, минимальным уважением к истине. Вождь с вызовом посмотрел на Дункана, как бы подзадоривая его выразить свое недоверие.

— И тогда Ангус схватил пришельца из звездных миров голыми руками и засунул ему в рот его же хвост. Чудовище отчаянно сопротивлялось, пытаясь вырваться, но Ангус не сдавался и пропихивал хвост все дальше. В конце концов ужасная тварь проглотила самое себя!

Племя одобрительно зашепталось. Да, это была хорошая история. Неожиданно шепот был прерван хриплым голосом.

— Чепуха! — насмешливо выпалил Филберт. — Барахло, а не история!

Туземцы замерли от удивления, затем заворчали, охваченные внезапной яростью. Громовержец вскочил как ужаленный. Дункан выступил вперед и уже открыл рот для команды, но поднятая рука Громовержца остановила его.

— Может быть, ты, ничтожество, — пропищал вождь, глядя на Филберта в упор, — знаешь истории получше?

— Конечно знаю, — ответил Филберт, — Более того, история, которую я собираюсь рассказать, — истинная правда. Все это случилось со мной.

Громовержец бросил на него разъяренный взгляд.

— Ну хорошо, — проворчал он, — рассказывай! Для твоей же шкуры будет лучше, если история окажется интересной. Помни об этом.

И Филберт заговорил. Сначала туземцы слушали его, храня враждебное выражение лиц, но по мере развития событий робот все больше завладевал их вниманием, ибо лучшей истории им никогда не приходилось слышать.

Некий безумный мир решил завоевать остальную Галактику. Человечество под руководством Филберта (в чем можно было не сомневаться) изобрело синтетического безумца, который и расстроил все планы завоевателей.

Захваченный рассказом, Дункан старался не пропустить ни слова. Вот где настоящая научная фантастика! Да, человека, написавшего такую повесть, по праву сочтут непревзойденным во всей Галактике мастером этого жанра! У него голова шла кругом, и лица сидящих перед ним людей сливались в одно. Внезапно его осенила мысль, от которой он даже побледнел.

Он, и никто другой, напишет эту повесть!

Между тем Филберт окончил свой рассказ и отступил назад, в глубину круга. Дункан схватил его за руку.

— Филберт! — воскликнул он. — Где ты услышал эту историю?

— Я ее не услышал, — ответил Филберт, — Это произошло со мной.

— Это не могло произойти с тобой, — запротестовал Дункан, — Если бы произошло что-либо подобное, история упоминала бы об этом.

— Но так было в самом деле, — настаивал Филберт. — Я говорю правду.

Дункан внимательно посмотрел на робота.

— Скажи, Филберт, — спросил он, — а ведь с тобой, наверное, случались и другие происшествия?

— Еще бы! — Филберт оживился, — Масса происшествий. Да, я побывал во многих местах и немало сделал. Хотите, расскажу?

— Только не сейчас, — поспешно сказал Дункан. — Пойдем лучше со мной.

Почти силой он вытолкнул робота из круга и направился к кораблю. Вслед им послышался яростный писк вождя:

— Эй, послушай, а ну-ка вернись обратно!

Дункан обернулся. Громовержец, вскочив на ноги, потрясал кулаками.

— Сейчас же верни робота! — кричал он, — Тебе не удастся улизнуть с ним!

— Но это мой робот, — возразил Дункан.

— Верни его немедленно! — завопил старик. — Он наш. Разве не мы нашли его? И мы не позволим тебе увести первого хорошего рассказчика, появившегося у племени за последние пятьсот лет!

— Но, шеф...

— Кому говорят, веди его обратно! Не то мы с тобой живо расправимся.

По выражению лиц туземцев было видно, что небольшая потасовка им явно по душе. Дункан повернулся к Филберту и увидел, что робот поспешно удаляется.

— Эй, ты! — крикнул Дункан, но Филберт только прибавил ходу.

— Эй! — хором завопили туземцы.

Услышав вопль, Филберт помчался быстрее ветра. Он миновал лагерь, пересек равнину и исчез из виду в тени холмов.

— А теперь полюбуйтесь, что вы натворили! — сердито крикнул Дункан, — Вы спугнули его своими воплями.

Громовержец проковылял к Дункану и потряс массивным волосатым кулаком перед его носом.

— Будь ты проклят! — пропищал он, — Я готов разорвать тебя на куски! Пытался улизнуть с нашим рассказчиком! Убирайся, да поживее, пока мы не поотрывали тебе руки и ноги.

— Но он такой же ваш, как и мой, — настаивал Дункан, — Не спорю, вы нашли его, но ведь это я дал ему тело своего робота...

— Пришелец, — свирепо произнес Громовержец, — залезай-ка лучше в свою консервную банку и убирайся отсюда!

— Но послушайте, — запротестовал Дункан, — вы не имеете права выгонять меня вот так, за здорово живешь.

— Кто сказал, что мы не имеем права? — проскрипел старик.

Дункан посмотрел на выжидающие, полные затаенной вражды лица туземцев.

— Ваша взяла, — сказал он, — Я и сам не намерен здесь оставаться. Можно было бы и без угроз.

Следы Филберта вели через пустыню. Старый Хэнк пробормотал что-то себе в бороду.

— Вы совсем спятили, Дункан, — немного погодя сказал он, — Вам не удастся поймать робота. Одному богу известно, где он сейчас. Он может и не остановиться, пока не пересечет полмира.

— Я должен его поймать, — упрямо заявил Дункан. — Неужели вы не понимаете, что он для меня значит? Да ведь этот робот — энциклопедия научно-фантастической литературы! История, которую он сегодня рассказал, превосходит все, что мне когда-либо приходилось слышать. А у него в запасе тьма таких рассказов. Он сам сказал об этом. Должно быть, он придумывал их, лежа в песке. За несколько миллионов лет можно немало придумать, когда у тебя только и дела, что лежать да шевелить мозгами. Если все это время он думал только о сумасшедших научных идеях, то теперь, верно, пропитан ими насквозь. Самое-то интересное: он думал о них так долго, что начисто позабыл все, что знал, и теперь убежден, будто все его необыкновенные приключения происходили на самом деле. Он не сомневается, что участвовал в них.

— Но, черт побери, — с трудом переводя дыхание, пробормотал Хэнк, — можно было бы гоняться за ним в космическом корабле, а не тонуть в этом дьявольском песке.

— Вы же понимаете, что случится, если мы попытаемся выслеживать его на корабле, — сказал Дункан. — Мы полетим с такой скоростью, что не увидим его следов. А замедлить скорость нельзя, иначе корабль не сумеет преодолеть тяготение.

В этот момент Дженкинс споткнулся о валун и со страшным грохотом и дребезжанием кубарем полетел в песок. Он с трудом поднялся, не переставая ворчать.

— Если Вильбуру приходилось таскать этот корпус, — заявил Дженкинс, — то мне понятно, почему он свихнулся.

— Скажи спасибо, что хоть такой нашелся, — огрызнулся Дункан. — Если бы не он, ты бы так и оставался разъединенным. Такая перспектива тебя устраивает?

— Это ничуть не хуже, чем спотыкаться на каждом шагу в этом сооружении, сэр, — ответил Дженкинс.

— Сначала я опасался, — продолжал Дункан, обращаясь к Хэнку, — что старина Громовержец опередит меня и первым зацапает Филберта, но теперь это нам не грозит. Мы от них далеко. Туземцы не станут забираться вглубь.

— Вам бы тоже не захотелось, сэр, — пробурчал Дженкинс, — если бы вы не нагрузили на меня пару бочек воды. Мне это совсем не нравится. Я камердинер, а не вьючная лошадь.

К вечеру Дженкинс, который шел впереди, неожиданно остановился и окликнул идущих за ним. Дункан и Хэнк поспешили к нему. Склонившись, они увидели, что к следам Филберта присоединились следы еще двух роботов. Было видно, что произошла схватка, затем все три робота направились вперед, через дюны. Старый Хэнк пришел в неописуемое волнение.

— Но этого же не может быть! — От ужаса у него тряслись бакенбарды, — На Земле нет роботов, кроме вашего Дженкинса и сумасшедшего Филберта. Правда, был еще Вильбур, но его больше нечего считать.

— Как видите, есть и еще, — сказал Дункан, — Перед нами следы трех роботов; ясно как день, что здесь произошло: два робота сидели в засаде за этими вот валунами, поджидая Филберта. Как только он подошел, они бросились на него. Филберт сначала сопротивлялся, но после короткой схватки они скрутили его и увели с собой.

Они молча глядели на следы.

— Как вы это объясняете? — наконец прошептал Хэнк.

— Я вовсе не собираюсь ничего объяснять, — огрызнулся Дункан. — Я просто пойду по их следам. Все равно Филберт от меня не уйдет, даже если это будет стоить мне жизни. Я заставлю этого старого слюнтяя-редактора выпучить от изумления глаза, когда он станет читать мои рассказы. А они все у Филберта. Так разве я могу позволить ему улизнуть?

— По-моему, вы мелете вздор, — заметил Хэнк с горечью в голосе.

— По-моему, тоже, — согласился Дженкинс и нехотя добавил: — Сэр.

Следы вели через лабиринт дюн. Но вот они нырнули в глубокую каменистую расщелину. Расщелина эта становилась все шире, и вскоре глазам путников предстала унылая долина. Некоторое время они шли прямо, затем начались извилистые повороты.

— Мне это место не нравится, — хрипло прошептал Хэнк, — Здесь прямо-таки пахнет опасностью.

Но Дункан, напряженно прислушиваясь, упрямо шел вперед: он сделал очередной резкий поворот и вдруг замер от неожиданности. Остальные двое тоже повернули и столкнулись с ним.

Со дна долины поднимались гигантские машины — могучие буровые установки, экскаваторы, шахтное оборудование. А вокруг них сновали сотни роботов!

— Бежим отсюда! — дрожащим голосом произнес Хэнк.

Осторожно, почти не дыша, они попятились назад. Дженкинс, который не отставал от них, ступил ногой в небольшую выемку и потерял равновесие. Пятисоткилограммовый металлический корпус робота грохнулся о камни с такой силой, что среди узких скал разнеслось громовое эхо.

И тотчас к ним со всех сторон бросились роботы.

— Ну вот, — обреченно сказал Хэнк, — теперь-то нам точно крышка!

Дженкинс, успевший встать на ноги, при виде приближающихся роботов воскликнул:

— Я знаю некоторых из них, сэр! Это те, которых похитили!

— Кто их похитил? — удивленно спросил Хэнк.

— Скоро узнаем, — сказал Дункан упавшим голосом. — Эти похитители — самая удачливая шайка, когда-либо орудовавшая в Галактике. Они крадут роботов отовсюду.

— А я в таком виде! — простонал Дженкинс. — Друзья мне

этого не простят. Я — и внутри металлолома!

— Заткни свою пасть, — гаркнул Дункан, — и они никогда тебя не узнают! А если ты еще будешь грохаться, я разъединю твой мозг и выброшу его в космос.

— Я же не нарочно, сэр, — сказал Дженкинс, — Этот корпус — самая неуклюжая штука, которую я когда-либо видел. Ничего не могу с ним поделать. А вот и они!

Перед ними стояла толпа роботов. Один из них вышел вперед и, обращаясь к Дункану, сказал:

— Рады видеть вас. Мы не теряли надежды, что кто-нибудь нас найдет.

— Найдет? — спросил Дункан. — Разве вы заблудились?

Робот опустил голову и смущенно затоптался на месте.

— Ну, не то, чтобы заблудились. Мы, так сказать, совершили ошибку.

— Послушайте, — нетерпеливо начал Дункан, — Я никак не возьму в толк. Разве вы не те роботы, которых похитили бандиты?

— Нет, сэр, — признался робот. — Сказать по правде, никаких похитителей не существует.

— То есть как это не существует?! — взорвался Дункан, — А если похитителей не существует, то, чем вы здесь занимаетесь?

— Мы убежали, но это не наша вина. То есть не совсем наша. Дело в том, что один писатель, который пишет научную фантастику...

— Какое отношение имеет писатель, занимающийся научной фантастикой, ко всему этому? — рявкнул Дункан.

— Он написал повесть, — сказал робот, — Имя этого писателя — Джером Дункан...

Дункан что есть силы пнул Дженкинса в голень, тот ойкнул и проглотил слова, готовые сорваться с языка.

— Он написал повесть под названием «Триумф роботов», — продолжал робот, — В ней говорилось о том, как роботы решили создать свою собственную цивилизацию. Человеческая раса им опостылела, они считали, что люди только портят все, за что принимаются. Поэтому они решили, что убегут куда-нибудь, начнут все сначала и создадут свою великую цивилизацию, не повторяя людских ошибок.

Робот подозрительно взглянул на Дункана.

— Уж не думаете ли вы, что я вас дурачу? — спросил он.

— О нет, — ответил Дункан, — Я и сам читал эту повесть. Мне она понравилась.

— И нам тоже, — признался робот, — Очень понравилась. Мы ей поверили. Мы все были словно в лихорадке, нам хотелось поскорее приняться за дело и осуществить то, о чем говорил этот писатель, — Он замолчал и свирепо взглянул на Дункана, — Ну, если бы он нам сейчас попался, этот Дункан! Нам бы только поймать его!

Дункан почувствовал, как сердце у него стремительно юркнуло вниз, но он ничем себя не выдал и голос его звучал по-прежнему ровно.

— Что же случилось? Разве из вашей затеи ничего не вышло?

— Не вышло! — проскрипел робот. — Всей Галактике ясно, что не вышло! Мы втихомолку бежали, несколько роботов зараз, и собирались в заранее условленном месте. Когда нас набралось порядочное количество, достаточное, чтобы загрузить корабль, мы отправились сюда. Прилетели, выгрузили оборудование и взорвали корабль. Именно так и поступали роботы в книге, чтобы никто, как бы ему ни надоело, не мог улизнуть. Как бы пан или пропал, понимаете?

— Да, теперь я припоминаю книгу, — сказал Дункан, — Мне даже помнится, что роботы прилетели на Старую Землю — считали, что им следует начать с той же планеты, где родилось человечество. Вроде бы для вдохновения.

— Вот именно, — сказал робот. — На бумаге все было великолепно, а на деле оказалось не так гладко. Этот идиот-писатель забыл об одном. Он забыл, что перед тем, как люди оставили Землю, они ободрали ее как липку, выкачали всю нефть, добыли всю руду и вырубили весь лес. Планета стала голой, как бильярдный шар. На ней ничего не осталось. Мы бурили скважины в поисках нефти — ни капли. То же с минералами. Здесь просто не с чем создавать цивилизацию.

Но это еще не все. Весь ужас в том, что еще одна партия роботов собирается на другой заброшенный мир. Мы должны остановить их, потому что им повезет не больше, чем нам. Вот почему мы так рады, что вы нас нашли.

— Но мы искали не вас, — возразил Дункан, — Мы искали робота по имени Филберт.

— Мы поймали вашего Филберта. Его заметили в дюнах и решили, что кто-то из наших пытается улизнуть. Поэтому его схватили, но вы можете поступать с ним как хотите. Он нам не нужен. Чокнутый какой-то. Чуть было не свел нас с ума баснями о своих подвигах.

— Ладно, — сказал Дункан, — Выводите его.

— Но что будет с нами?

— А что будет с вами?

— Вы ведь возьмете нас обратно, да? Не оставите же вы нас здесь?

— Пожалуй, стоило бы бросить вас — варитесь как знаете в собственном соку, — сказал Дункан.

— Ну что ж, — ответил робот, — В таком случае вы не получите Филберта. Правда, он нам осточертел, но мы разберем его на части и выбросим в пустыню.

— Подождите-ка, — воскликнул Дункан, — вы не имеете права!

— Заберите нас с собой — и Филберт ваш.

— Но у меня нет места! На одном корабле все вы просто не поместитесь!

— Это пусть вас не волнует. Мы разъединим друг друга и оставим свои тела здесь. Тогда вам придется забрать только наш мозг.

— Но послушайте, я не могу на это пойти. Галактическое Бюро Расследований меня арестует. Они-то считают, что вас украла банда, которую они называют «Похитители роботов». Чего доброго, меня примут за главаря.

— Если это случится, — сказал робот, — мы дадим показания в вашу пользу. Мы расскажем обо всем откровенно и спасем вас. А если вы доставите нас обратно и вас не арестуют, то вы можете заявить, что спасли нас. Мы не будем протестовать. Право же, мистер, мы готовы на что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

Дункан задумался. Предложение роботов было ему не по душе, но другого выхода не оставалось.

— Ну так как, — спросил робот, — приниматься за разборку Филберта или вы берете нас с собой?

— Так и быть, — вздохнул Дункан, — тащите сюда Филберта.

Дункан торжествующе помахал новым журналом перед лицом Филберта.

— Ты только посмотри! — ликуя, воскликнул он. — На обложку и так далее. А столбец отзывов читателей набит письмами, расхваливающими последний рассказ. Да, дружище, мы создаем настоящие шедевры!

Филберт зевнул и насмешливо поднял железные брови.

— Мы? — спросил он.

— Конечно мы... — начал Дункан, замолчал и уничтожающе посмотрел на робота, — Послушай, ты, жестяное чудо, оставь-ка этот высокомерный тон. Ты мне и так изрядно надоел.

— До того, как вы нашли меня, вам не удавалось продать ни одного рассказа, — обиженно возразил Филберт, — и вы это знаете. Когда мне предоставят собственную страницу? Когда вы перестанете пожинать все лавры?

Дункан даже подскочил от негодования.

— Сколько можно говорить об этом?! Ведь я хорошо заботусь о тебе, правда? Ты получаешь все, что хочешь. Но писать рассказы буду только я! Я не собираюсь сотрудничать с каким-то роботом. Понял? И точка.

— Ну что ж, — сказал Филберт. — В таком случае вы не получите от меня больше ни одной истории.

— Вот посажу тебя обратно в старый корпус Вильбура, — пригрозил Дункан, — Похромаешь в нем недельку, не так запоешь.

— А если я расскажу вам новую историю, — начал торговаться Филберт, — купите мне тот великолепный корпус,

который мы на днях видели в магазине? Не хочу, чтобы девушки считали меня неряхой.

— Но тебе вовсе ни к чему новый корпус! — воскликнул Дункан, — Ведь у тебя их уже добрый десяток!

— Ну хорошо, — сказал Филберт, пуская в ход свой главный козырь, — Я попрошу кого-нибудь разобрать меня и спрятать. Пожалуй, так даже лучше. По крайней мере никто не будет меня отвлекать.

— Ладно, — проворчал Дункан, признавая свое поражение, — Иди купи себе новый корпус. Купи два, если хочешь. Лишь бы ты был доволен.

— Вот это другой разговор, — сказал Филберт, — К тому же вы сэкономите деньги на смазке и чистке этого корпуса, так что нечего ворчать.

Старого Илая я нашел в «Месте под солнцем» — одном из многочисленных сомнительных заведений, которых полно в Нью-Чикаго. Только не спутайте этот город с земным Чикаго. Нью-Чикаго находится в Сумеречном поясе Меркурия и сверху накрыт защитным куполом. Но речь сейчас не о городе, а об Илае. Так вот, когда я нашел старика, он был уже порядком пьян.

Этого-то я и боялся. Едва услышав, что старый «солнечник» (так на Меркурии именуют тех, кто мотается на солнечную сторону планеты и отваживается жить в тамошнем пекле) объявился в Нью-Чикаго, я начал искать его по всем дешевым барам и забегаловкам. «Место под солнцем» было тридцать третьим по счету.

Илай всегда был не прочь рассказать какую-нибудь историю. «Солар пресс» — издание, в котором я работал, — заглатывало подобные байки на лету. Правда, в Нью-Чикаго его давно считали завзятым вруном. В самом деле, ну кто поверил бы, что Илаю двести лет? Не знаю, может, какие-то его рассказы о солнечной стороне Меркурия и были правдивыми. Некоторые храбрецы, бывавшие там, подтверждали: да, так оно и есть. Но никто, даже находясь в солидном подпитии, не верил, будто Илай живет уже третье столетие.

Конечно, интересно было бы послушать трезвого Илая. Но такие люди в трезвом виде обычно хранят угрюмое молчание или отличаются редкостным косноязычием. Чтобы заговорить, старику необходимо взбодриться. Впрочем, когда я его увидел, Илай был уже чересчур «взбодрившимся».

Некоторое время он разглядывал меня, щуря мутноватые глаза.

— Сынок, а вообще-то я ехал сюда повидаться с тобой, — признался он и пьяно хихикнул. — Все время себе твердил: надо встретиться с Шермом.

Он пододвинул мне полупустую бутылку.

— Промочи-ка горло, сынок.

Я показал головой.

— Не могу. Врачи запретили. Желудок взбесится — он у меня такой зверь.

Илай издал какой-то тоскливый звук, затем разухабисто хватил кулаком по столу.

— А-а, вспомнил. Проклятье! Как я мог это забыть? Тебе постоянно нужно глотать какие-то таблетки, да?

— Капсулы, — холодно поправил его я.

Терпеть не могу шуток по поводу собственного желудка.

— Вот-вот, капсулы. Забавные штуки. И водой запивать не надо. Проглотил — и готово дело. А я ни одной таблетки толком проглотить не могу. Приклеится к горлу — и все тут.

Схватив бутылку, Илай качнул ею, будто проверяя, не испарилось ли содержимое, затем перелил часть его в себя.

— Ну и как прогулка по солнечной стороне? — спросил я.

— Почти никак, — признался Илай, — Вернулся с пустыми руками. Крошка Меркурий становится чересчур людным местом. И старателей развелось с избытком. С одним мы чуть не поцапались. Не веришь? Я тоже не верил, пока не наткнулся на того парня. Не нравится мне это, Шерм. Пора перебираться на Плутон. Там, говорят, еще хватает места.

Илай вновь присосался к бутылке, потом обтер влажные усы.

— Я бы туда вообще не сунулся, если б не пообещал доку, что привезу ему кристалликов.

— Каких еще кристалликов?

— Погоди. Значит, я тебе не рассказывал? Док их у меня покупает. Зачем? Черт меня подери, если знаю. Видно, зачем-то они ему нужны.

Илай полез в оттопыренный карман куртки, достал обыкновенный полотняный мешочек и перекинул его через стол.

— Полюбуйся. Может, растолкуешь мне, чего это док по ним с ума сходит. Он хорошо платит за эти кристаллики. Да и меня самого подлечивает. Я еще когда-то давно подцепил

на Венере лихорадку. Док делает мне эти... ин... инъекции и обещает вылечить совсем.

То, что он споткнулся на слове «инъекции», безошибочно показывало, насколько старик пьян.

— А кто он, этот док? — осторожно спросил я, боясь спугнуть Илая (такое уже бывало: захлопнется — и слова из него не вытянешь). — Один из здешних врачей?

— Не-а. Большой док. Ну, тот парень в санатории.

— Доктор Винсент? — подсказал я.

— Он самый, — ответил Илай. — Раньше я продавал кристаллики доктору Андерсону, а потом — доктору Брауну.

Я пропустил эти слова мимо ушей. Стопроцентное вранье. Андерсон и Браун давным-давно умерли, причем Андерсон покинул бренный мир задолго до того, как в нем появился Илай.

Я развязал тесемку и высыпал щепотку содержимого себе на ладонь. Крошечные кристаллики переливались всеми цветами радуги, отражая свет ламп под потолком.

— Как-то я решил показать их одному аптекарю, — продолжал Илай. — Тот лишь хмыкнул и скорчил гримасу. Сказал: ничего особенного, просто любопытная кобмин... нет, комбин...

— Комбинация, — подсказал я.

— Вот-вот. Про дока, само собой, я ему говорить не стал. Ну, и где нашел — тоже. У меня мыслишка крутилась: вдруг я нашел что-то важное, а док меня за нос водит? Может, кристаллики стоят куда дороже? Аптекарь их и под лупой смотрел, и какой-то жидкостью на них брызгал. Нет, сказал, просто любопытная ком... бинация меркурианского песка. Так и не купил. Сказал, не по его профилю.

— Слушай, может, ты дашь мне немножко? В качестве образца?

Я все время старался не спугнуть старика. Я уже тогда почувствовал: Илай выболтал мне нечто такое, о чем вовсе не собирался говорить.

Но Илай щедро махнул рукой.

— Бери. Зачем немножко? Можешь взять сколько хочешь.

Я порылся в карманах.

— Какая жалость — мне их не во что положить. Не в карман же сыпать.

Илай хрипло засмеялся и приготовился в очередной раз промочить горло.

— А ты возьми свои капсулы, высыпи оттуда всю дрянь и насыпь кристаллики. Думаю, твой желудок не пострадает, если ты проглотишь на пару капсул меньше. Зря ты меня не слушаешь. Лучшее лекарство для больного желудка — виски.

— Хорошая мысль, — согласился я, дружески улыбаясь старику.

Я достал три капсулы, разъединил каждую из них, высыпал оттуда содержимое и заменил его кристалликами, после чего надежно спрятал подарок во внутреннем кармане. Мешочек я вернул Илаю.

— А где ты добываешь эти кристаллики? — спросил я.

Илай скрючил дрожащий палец и повилял им наподобие собачьего хвоста.

— Секрет, — прошептал он.

Пока мы с ним говорили, глаза старика успели стать еще мутнее. Он качался даже сидя. Но рука, повинуясь могучему инстинкту выпивохи, крепко сжимала бутылку.

— Виски что надо, — бубнил он. — Лучшее лекарство для желудка.

Закончить свой панегирик в честь виски Илаю не удалось: отяжелевшие мозги потянули голову вниз, и она застыла на столе. Бутылка опрокинулась, остатки виски выплеснулись на пол.

— Ведь не поверит, что сам пролил, — заметил я бармену.

— Не волнуйтесь, — отозвался тот, — Когда Илай проснется, ему будет не до этого. Опять смотается из города на солнечную сторону. Уже сколько лет пропадает там.

Странный старикан. Скажите, вот вы верите, что ему двести лет?

— Ни единой секунды, — успокоил я бармена.

Тот критически оглядел бокал, который держал в руках, потом, взяв салфетку, поплевал на него снаружи и принялся доводить стекло до зеркального блеска.

— Тут до вашего прихода Илай заливал баки каким-то парням. Они все допытывались у него, будет ли он голосовать за Марти Берга. Я сразу понял, что Марти опять нанял себе помощников.

— Ничего удивительного, — откликнулся я. — Скоро выборы, и Марти очень хочется остаться на новый срок.

Я собрался уходить, но затем вернулся к стойке и выложил несколько монет.

— Когда Илай проспится, угостите его за мой счет. Ему наверняка захочется «поправить голову». Я попробую выловить его снова, пока он не упорхнул на солнечную сторону.

Но встретиться с Илаем мне больше не удалось.

Через сутки труп старика нашли в пустыне, что к западу от городского космопорта. Илая убили тремя ножевыми ударами, каждого из которых было достаточно, чтобы отправить его на тот свет. По мнению полиции, с момента убийства прошло от двенадцати до восемнадцати часов.

Марти Берг принадлежал к числу тех, кому путь на Землю заказан. Почему именно — никто не знал и не пытался разнюхать. Марти — разносторонне одаренная личность, а потому причин могло быть несколько.

В городском округе Северная Стена он был не слишком крупной птицей. Так, мальчиком на побегушках у тех, кто крупнее и сильнее его. И тем не менее на выборах Марти всегда набирал больше голосов, чем остальные кандидаты. Никто не интересовался, какими способами он этого добивался. Чувство гражданского самосознания пока еще не получило в Нью-Чикаго должного развития.

И все же, когда Марти появился у меня в кабинете, я обрадовался и протянул ему руку. Он был для меня источником информации и часто рассказывал забавные вещи о махинациях местных политиков.

— Что-нибудь прояснилось с убийством Илая? — спросил он.

— Пока глухо. Полиция теряется в догадках.

Марти удрученно покачал головой.

— Дело дрянь. Я-то надеялся, что они уже сцапали молодчика.

— У вас ко мне какое-нибудь дело? — поинтересовался я.

— Пустяковая просьба, — ответил Марти, — Слышал, вы решили слетать на Землю. Развеяться, так сказать.

— Да, где-то через день или два я улетаю. Приятно будет снова увидеть нашу старушку. Ностальгические чувства.

Я прикусил язык. Кто знает, может для Марти это слишком болезненная тема.

Но Марти, похоже, даже не заметил моей деликатности.

— Помните Чести Льюиса? Был еще процесс над ним по обвинению в мошенничестве.

— Как же, я даже пару раз встречался с ним. Нью-йоркские копы не очень-то к нему благоволили. Дадут чуть-чуть погулять на свободе — и снова за решетку.

— Сейчас он вышел, — сообщил Марти, — Хочу отправить ему подарочек. Сувенир от старого приятеля. Может, возьмете эту штучку с собой и передадите Чести? Я бы отправил посылкой, но сами знаете, сколько это стоит.

Я знал, сколько это стоит. Межпланетные почтовые тарифы и впрямь кусались.

Марти достал из кармана сверток и положил на мой письменный стол. Я взял сверток и несколько раз встряхнул.

— Слушайте, Марти, надеюсь, вы не доставите мне хлопот с вашим подарочком?

Берг удивленно всплеснул руками.

— Ну с какой стати мне подводить своего друга? Просто сейчас я не настолько богат, чтобы отправлять подарок

почтовой ракетой. И потом, я охотно расскажу вам, что это за вещица. Сувенир. «Песчаная бутылка». Видели, наверное? Стеклянная бутылочка, а внутри — миниатюрный космический корабль. Сам он из белого песка, а языки пламени, вылетающие из ракетных двигателей, — красные.

— Не сердитесь, Марти. Простое любопытство. Конечно, я выполню вашу просьбу.

— Чести будет рад до безумия. Помнится, он всегда обожал такие пустячки.

Флойд Дункан — бессменный начальник нью-чикагского филиала Межпланетного бюро расследований — был первым, кто нашел зацепку в деле об убийстве Илая. Ошеломляющую, невероятную зацепку, в которую с ходу не больно-то поверишь.

Дункан вовсе не был рад меня видеть и не скрывал своих чувств. Такое случалось не впервые, но я умел гасить всплески его дурного настроения. Достаточно скоро он пообмяк, и с ним вполне можно было говорить.

— Это дело меня доконает, — выплескивая последние остатки рычания, сознался Дункан.

— Что, никаких зацепок?

— Есть одна, черт бы ее подрал! Но она еще хуже, чем полное отсутствие всяких зацепок, потому что...

— Потому что... — в тон ему продолжил я.

— Да потому что она... столетней давности!

Он яростно зашелестел бумагами на столе.

— Чувствую, она не дает вам покоя. Только вот не могу понять: как зацепка может быть столетней давности?

— Вы слышали о некоем докторе Дженнингсе Андерсоне? — спросил меня Дункан.

— По-моему, это тот самый энтузиаст, что построил санаторий на солнечной стороне.

— Правильно. И было это полторы сотни лет назад. Самому доку тогда стукнуло пятьдесят. Он вкладывал в санаторий каждый заработанный цент. Думал, что сумеет

победить «космовирус». В санатории до сих пор пытаются бороться с этой заразой, но не слишком-то успешно.

Я кивнул. Я знал историю Андерсона. Санаторий на солнечной стороне Меркурия был памятником надеждам и гуманистическим идеалам этого врача и ученого. Посчитав «космовирус» вызовом, брошенным его знаниям и любви к человечеству, Дженнингс Андерсон попытался лечить больных астронавтов дозами солнечной радиации. Однако «космовирус» и сегодня оставался странной, малоизученной болезнью, которая со зловещей регулярностью находила себе жертвы среди пилотов межпланетных кораблей.

Дункан еще какое-то время пошелестел бумагами, затем сгреб их в кучу и продолжал:

— Андерсон умер более ста лет назад. Его похоронили там же, в санатории. На Земле собрали кучу денег, чтобы поставить ему памятник — высокую колонну. Пришлось сделать ее из сплава зеро — только он и способен выстоять в таком пекле.

Я не понимал, куда клонит Дункан. Верно, доктор Андерсон давным-давно умер. Я собственными глазами видел и эту колонну, и имя, выбитое на ней.

— Мы нашли в кармане Илая новенькую долларовую банкноту, — продолжал глава нью-чикагского отделения МБР, — Проверили отпечатки пальцев. Как известно, на деньгах их всегда бывает предостаточно.

Дункан, словно не зная, куда деть руку, запустил ее в свою черную седеющую шевелюру.

— Когда проверили по картотеке, оказалось: несколько отпечатков принадлежат давно умершему доку Андерсону.

— Но такое просто невозможно! — вырвалось у меня.

— Разумеется, невозможно, — согласился Дункан, — Думаю, теперь вы поймете мое состояние.

Вернувшись домой, я вскрыл пакет, взятый от Марти, и искренне удивился. Берг не солгал: там действительно была «песчаная бутылка» — сувенир, который обязательно

покупает каждый турист, прилетевший на Меркурий. Все магазины сувениров забиты такими поделками из разноцветного меркурианского песка, среди которых иногда попадаются настоящие произведения искусства.

Правда, подарок для Льюиса я бы таковым не назвал, хотя сделан он был весьма добротно. Я поставил «песчаную бутылку» на стол и стал думать, с чего это Марти вспомнил про дружка, да еще решил послать ему меркурианскую безделушку.

Не знаю почему, но мне плохо верилось в дружеские чувства Марти Берга. Что-то здесь явно было не так. Я пробовал выстроить свои рассуждения в логическую цепь, но она все время обрывалась.

Устав ломать голову, я снова уложил «песчаную бутылку» в пакет, а пакет засунул в один из ящиков гардероба. Сделав это, я отправился по магазинам-сувениров и, уже не помню, в каком по счету, нашел точно такую же бутылку. Я купил сувенир, попросил упаковать его, затем отнес на почту и отправил Чести. Точного адреса я не знал, а потому указал адрес одного пансионата в пригороде Нью-Йорка, администрация которого поддерживала контакты с людьми вроде Льюиса.

Даже сейчас я не в состоянии объяснить, почему поступил именно так. Называйте мой поступок, как хотите: вспышкой интуиции, шестым чувством или как-нибудь еще. Но у газетчиков такое бывает. Эта «песчаная бутылка» не давала мне покоя.

Вернувшись домой, я опустил жалюзи, выключил свет и попытался уснуть. Несмотря на зверскую усталость, сон не шел. Разгоряченный мозг продолжал крутиться.

Мысли возвращали меня к убийству Илая, затем перескакивали на новую долларовую банкноту с отпечатками пальцев столетней давности. Конечно же, я снова и снова размышлял о затее Марти Берга, пожелавшего осчастливить Чести Льюиса «песчаной бутылкой», и вспоминал свой трюк с подменой.

Потом я стал думать о докторе Андерсоне, чей прах покоился под раскаленной колонной, отлитой из прочного сплава зеро.

Наконец я все-таки уснул, но вскоре меня разбудили острые боли в желудке. Впотьмах я нашарил на тумбочке пару капсул, проглотил их и снова лег в ожидании, когда боль утихнет.

Я проспал до самого утра, а когда проснулся, желудок молчал. Я чувствовал себя помолодевшим лет на десять. Вставать не хотелось. Удивительно, какие чудеса иногда творит обыкновенный крепкий сон.

Однако нежиться в постели я себе не позволил, а встал и отправился бриться. Вот тут-то меня и удивило собственное лицо, глядящее из зеркала. Сначала я не мог понять, что к чему, и едва не уткнулся в зеркало носом. Отражение было моим и... не совсем моим: на лбу поубавилось морщин; щеки утратили одутловатость и немного порозовели. Перемены этим не ограничились: седая прядь слева попросту исчезла — волосы вновь стали темными. Я встревоженно провел ладонью по волосам, выискивая седые. Их не было.

Я терялся в догадках, пока не вспомнил про капсулы, которые заполнил кристалликами Илая. Я лихорадочно полез во внутренний карман. Капсул там не было. Выходит, ложась спать, я по рассеянности вытащил их из кармана и положил на прикроватную тумбочку, где обычно держу лекарства на случай ночных приступов.

Я вполне допускал, что вместо болеутоляющего средства проглотил кристаллики. Так неужели это им я обязан исчезновением морщин, подтянувшимся щекам и восстановлением прежнего цвета волос?

В полном изумлении я опустился на край ванны. Итак, факты налицо, но нет объяснений. Память подсказала: Илай продавал кристаллики доктору Винсенту. В таком случае нужно незамедлительно встретиться с этим доктором. Я торопливо побрился, оделся и... вспомнил, что в санатории мне очень понадобится одна штука. Раскрыв чемоданчик,

где я держал инструменты и кучу всякой всячины, я достал оттуда небольшой стальной брусок. Он прекрасно умещался в кармане куртки. Больше меня ничто не задерживало, и можно было ехать на солнечную сторону, в санаторий, которым нынче руководил доктор Винсент.

Легко сказать — встретиться с доктором Винсентом. Можно по пальцам пересчитать тех, кому это удавалось. И он, и его предшественник доктор Браун отличались затворническим образом жизни и практически не появлялись на публике. Их объяснения не блистали оригинальностью: каждый из них жил только своей работой и не желал отвлекаться ни на что другое.

Андерсон, Браун и Винсент. Ну и троица подобралась! Андерсон вот уже более ста лет покоился под колонной, возвышавшейся перед входом в санаторий. Браун, несомненно, тоже умер, но не на боевом посту. Он неожиданно покинул санаторий, и дальнейшая его жизнь окутана тайной. О Винсенте медицинскому миру не было известно практически ничего, кроме его высокой профессиональной репутации.

Итак, трое врачей, трое исследователей, посвятивших свою жизнь поиску лекарства от «космовируса». Андерсон и Браун потерпели неудачу. Больные «космовирусом» прилетали к ним из всех уголков Солнечной системы. Даже сейчас, через сто пятьдесят лет после начала исследований, эта болезнь означала смертный приговор. Правда, отсрочка его исполнения стала продолжительнее, тем не менее излечить от «космовируса» не удалось никого.

Это не значит, что все усилия были напрасны. Лечение солнечной радиацией уменьшало боль, замедляло распад тканей, дарило жертвам «космовируса» дополнительные месяцы жизни и облегчало предсмертные страдания. И это все. «Космовирус» по-прежнему оставался победителем.

Я был в санатории всего один раз, вскоре после своего приезда в Нью-Чикаго. Тогда нью-йоркская редакция заказала мне документальный очерк о санатории. Материал я

получил, но не от доктора Винсента. Робот-секретарь с приятным голосом сообщил мне, что доктор крайне занят. Секретарь перепоручил меня заботам другого сладкоголосого робота, вероятно санитара. Тот устроил мне экскурсию по зданию, со знанием дела ответил на все вопросы, после чего дал исчерпывающую информацию о работе доктора Винсента. Располагая столь обширным материалом, я легко написал заказанный очерк.

Меня удивило, что практически весь персонал, какой я видел во время экскурсии, составляли роботы.

— Мы не делаем ошибок, — объяснил мне сопровождающий, — Там, где ошибка может стоить пациенту жизни, мы надежнее людей.

Объяснение звучало вполне правдоподобно, но все равно за ним скрывалась какая-то недосказанность.

Как и тогда, я беспрепятственно добрался до робота-секретаря, охранявшего Винсента от вторжения извне. И ответ был все тот же:

— Доктор Винсент крайне занят. Чем могу служить?

Я перегнулся через стол, загородив доступ к пульту, на котором наверняка была и кнопка тревоги.

— Дело очень важное. Вопрос идет о жизни и смерти.

Произнося эти слова, я выхватил из кармана стальной брусок и со всей силы долбанул им робота между сверкающих глаз.

Одного удара оказалось достаточно. Брусок пробил корпус, повредив тонкие механизмы секретаря. Робот сполз со стула и грохнулся на пол.

Потянулись томительные секунды. Я замер. Больше всего мне в тот момент хотелось, чтобы стены оказались звуконепроницаемыми. Я ожидал: вот-вот в приемной появятся роботы-охранники или на шум выйдет сам доктор Винсент. Ничего подобного. Видно, стены и впрямь обеспечивали полную звукоизоляцию.

Хвала звездам, никому в голову не пришло заменить дверные ручки каким-нибудь новомодным устройством. Как и сто пятьдесят лет назад, двери здесь открывались традиционным способом. Я закрыл входную дверь, пересек приемную и вошел в кабинет Винсента.

Сидевший за столом седовласый человек лет шестидесяти был настолько погружен в свою работу, что при моем появлении даже не поднял головы. Едва ли он вообще слышал мои шаги. А если и слышал, то, наверное, решил, что это робот-секретарь.

— Доктор Андерсон? — спросил я.

— Да. Чем могу...

Он вдруг поднял голову и уставился на меня.

Я негромко рассмеялся.

— Так я и думал.

Андерсон плотно стиснул челюсти, будто не хотел, чтобы я слышал, как у него стучат зубы.

— Кто вы? — наконец хрипло спросил он.

— Друг старого Илая, — ответил я.

— Это он вас послал?

— Нет. Илай мертв.

Андерсон даже привстал со стула.

— Я не ослышался? Илай мертв? Вы в этом уверены?

— О его смерти написали в газетах, — сказал я, — Да и по радио несколько раз передали.

— Я не получаю газет. У меня все равно нет времени их читать. Радио, правда, есть. — Андерсон махнул в угол, где стоял громоздкий старый приемник, — Но я уже забыл, когда в последний раз его включал.

— Я вам не лгу. Илай мертв. Его убили, а кристаллики похитили.

Андерсон побледнел.

— Кристаллики похищены! Кто мог это сделать?

— Наверное, тот, кто знал об их свойствах, — предположил я.

Андерсон медленно оседал, напоминая марионетку, у которой вдруг обрезали нити. Упав на стул, он по-старчески съежился.

— Вы ведь давно боялись, что такое может случиться, — негромко произнес я.

Он отрешенно кивнул.

Воцарилась тишина. Долгая. Гнетущая. Я смотрел на доктора Андерсона и чувствовал, как внутри нарастает жалость к этому человеку.

— Да, я этого боялся, — подтвердил он глухим, усталым голосом, — По двум причинам. Но теперь мой страх уже не имеет никакого значения. Я окончательно проиграл.

Лекарство не найдено. У меня оставалась одна надежда, но и она рухнула.

Я несколько раз прошелся взад-вперед по его кабинету.

— Значит, вы подтверждаете, что являетесь не кем иным, как доктором Андерсоном?

— А какой смысл — это отрицать?

— Вообще-то я думал, что вы окажете мне сопротивление. Вызовете охрану, прикажете меня задержать.

— Теперь это бесполезно, — сказал Андерсон. — Двести лет жизни — слишком долгий срок для любого человека. Особенно когда он многие годы подряд терпит сплошные неудачи, пытаясь достичь поставленной цели.

— Итак, я имею удовольствие лицезреть доктора Андерсона и одновременно с ним — доктора Брауна и доктора Винсента, — констатировал я, обращаясь не столько к этому затворнику, сколько к самому себе.

Он вяло улыбнулся.

— Да, всех троих. Трюк нехитрый. Я построил санаторий и был его владельцем. Я ни перед кем не отчитывался и ни с кем не советовался. Я назначил себе преемника, а потом то же самое сделал он. Фамилии я не придумал. Браун и Винсент работали у меня в лаборатории. Гениями их не назовешь, но работу свою выполняли хорошо.

Андерсон вновь улыбнулся. Улыбка получилась вымученной.

— Ну как? Ловко?

— А как вы объяснили это своим сотрудникам? — спросил я.

— Сотрудники у меня были лишь в самом начале. Потом в санатории остались только я, моим пациенты и роботы. Роботы, как известно, не болтливы, а пациенты рано или поздно умирали.

Андерсон забарабанил пальцами по столу.

— А вы кто будете?

Я втянул побольше воздуха и представился:

— Шерман Маршалл из «Солар пресс»

— Хотите взять у меня интервью?

Я кивнул, побаиваясь, как бы наш разговор на этом не закончился.

Но случилось то, чего я меньше всего ожидал.

— Садитесь, — сказал доктор Андерсон. — Раз уж вы явились сюда, вам должно быть известно, что к чему.

— Только самую малость. Остальное надеюсь услышать от вас, — ответил я и внутренне замер в ожидании реакции.

Ее не последовало. Пол подо мной не зашатался, и молния меня не испепелила.

— Скажите, у вас, бывало, так: вы носите что-то в себе... долго, очень долго... настолько долго, что больше уже невмоготу, и хочется кричать? — спросил Андерсон. — Вас когда-нибудь выворачивало наизнанку от этого состояния? От того, что вам страстно хочется с кем-то поделиться некой тайной, а вы обязаны молчать.

Я кивнул.

— Тогда вы меня поймете.

Доктор Андерсон замолчал. Надолго. Я уже начал было подумывать, не забыл ли он о моем присутствии.

Наконец Андерсон заговорил...

— Я прилетел на Меркурий, желая проверить свою теорию. Я считал, что солнечная радиация, направляемая избирательно, способна оказывать целебное воздействие на жертв «космовируса». Моя догадка подтвердилась. Но лишь частично. Солнечная радиация приносила облегчение, но не излечивала. Процедуры дарили больным кому несколько месяцев, кому несколько лет жизни, но... потом все равно наступала смерть. Я понял, что проиграл.

Примерно в это же время Илай где-то в пустыне наткнулся на кристаллики. Я вообще удивился, как он выжил после той аварии. Машина почти всмятку, кислорода в скафандре оставалось на полчаса. Я оказал ему необходимую помощь. Тогда-то я впервые и увидел эти кристаллики. Поначалу они показались мне разновидностью

меркурианского песка, но я все-таки решил сделать химический анализ. Илай не возражал. Кристаллики он оставил мне, а сам кое-как подлатал свою машину и уехал. Так совсем случайно я узнал об их свойствах.

А через какое-то время жертвой «космовируса» стал один мой очень близкий друг. Я тогда уже вполне понимал собственное бессилие, а при мысли о том, что не в моей власти спасти друга на душе становилось стократ тяжелее. Тем более что он очень надеялся на мою помощь.

Андерсон принялся разглядывать противоположную стену. Совершенно пустую.

— Так что, кристаллики Илая способны продлевать жизнь? — спросил я.

Доктор вздрогнул, будто его ударили хлыстом, затем откинулся на спинку стула.

— Да, способны, — ответил Андерсон, — Это одно из их свойств. Я очень приблизительно могу объяснить, какое действие они оказывают, но не понимаю как...

— Может, вы лучше расскажете по порядку?

— Попробую. Если попутно принять гипотезу, что смерть является результатом окончательного гидролиза белков в протоплазме, тогда вполне логично сделать допущение: любое вещество или соединение, которое тормозит гидролиз или активизирует повторный синтез белков, будет одновременно отодвигать и наступление смерти.

Кристаллики, вне всякого сомнения, именно так и действуют. Но я не возьмусь даже гадать, каков принцип: то ли они просто замедляют гидролиз и приостанавливают старение, либо заново синтезируют часть белков, содержавшихся в изначальной протоплазме.

Если имеет место повторный синтез, можно сделать еще одно допущение. Вероятно, увеличение дозы принимаемых кристалликов приведет к повторному синтезу всех или почти всех белков, и тогда не просто прекращается процесс старения, но человек начинает молодеть.

Андерсон улыбнулся.

— Меня не интересовали эксперименты — вполне достаточно было отодвинуть собственную старость.

Я молчал, боясь шевельнуться. Невероятно: я сижу и слушаю человека, который рассказывает… Нет, что-то тут не так. Либо он чокнутый, либо я сам свихнулся. Возможно, мы оба сошли с катушек.

Мне хотелось ущипнуть себя и убедиться, что это не сон. А если это не сон, то я сейчас слушаю историю, которой будет зачитываться вся Солнечная система. Андерсон рассказывал о том, о чем в давние времена мечтал испанский путешественник Понсе де Леон[12]. Наверное, не зря человечество из века в век передавало легенды о каких-то чудодейственных снадобьях, возвращающих молодость.

Андерсон опять надолго умолк. Пришлось уже мне нарушить молчание.

— Значит, вы принимали кристаллики, и они позволяли вам продолжать работу?

— Вы правы, — сказал Андерсон, — Я рассказал о них своему другу — тому, что ждал от меня помощи. Повторяю, я-то знал, что не в силах его спасти. Он выслушал и согласился участвовать в эксперименте. Для работы необходимо было продлить собственную жизнь. То же самое требовалось и моему другу, согласившемуся на роль подопытного кролика. Ему было непросто решиться на такой шаг, ведь каждый день, каждый дополнительный год жизни нес с собой новые страдания от изнуряющей болезни. Кристаллики помогали ему справляться с «космовирусом». В какой-то момент нам показалось: вот оно, долгожданное лекарство. Увы, надежды не оправдались. Вирус не отступал.

---

[12] Хуан Понсе де Леон (1460–1521) — испанский конкистадор, основатель первого поселения европейцев в Новом Свете. В 1513 г. начал поиски «источника вечной молодости», услышав от индейцев, что такой источник якобы находится на одном из Багамских островов.

— Но зачем понадобилось продлевать вашему другу жизнь? — спросил я, — Точнее, зачем это понадобилось для ваших экспериментов? У вас ведь хватало других пациентов.

— Другие слишком быстро умирали, — объяснил Андерсон. — Они жили несколько месяцев. В лучшем случае несколько лет. А мне требовались результаты продолжительных наблюдений.

Он сомкнул ладони, соединив кончики пальцев, и заговорил очень медленно, как будто тщательно подбирал каждое слово:

— Наверное, вы удивляетесь: почему я тащил всю эту работу в одиночку? Почему не подобрал толковых докторов, не передал свои знания и опыт тем, кто впоследствии мог переложить груз на свои плечи? Возможно, это было бы наилучшим решением. Я часто корил себя. Но исследования стали для меня навязчивой идеей. И дело тут вовсе не в гордости и не в научном азарте. В исследованиях всегда присутствует и человеческая составляющая. Любой нормальный человек, видя несчастных, обреченных больных, непременно попытается хоть как-то облегчить их участь. Ведь они не просто пациенты, не «подопытный материал». Они живые люди, взывающие о помощи. Я пытался найти помощников. Бог мне свидетель, сколько сил я на это потратил.

— Но вы их так и не нашли, — констатировал я.

— Понимаете ли, я боялся. Боялся, что другой человек, как бы тщательно я его ни выбирал, все-таки не сможет в той же степени, что и я, проникнуться пониманием важности поставленной цели. Вдруг он устанет, сникнет после цепи неудач, возненавидит свою работу? А это недопустимо. Ни в коем случае. Что бы ни происходило, нужно обязательно продолжать поиски, пытаться помочь больным, даже если помочь им нельзя.

— И тогда вы решили имитировать собственную смерть, — понимающе кивнул я. — Вас якобы похоронили, потом в вашу честь воздвигли эту внушительную колонну... А вы тем временем жили под именем доктора Брауна, затем доктора

Винсента... И все же, когда я назвал вас Андерсоном, вы откликнулись.

— Я был и остаюсь доктором Андерсоном. Роботы, конечно же, называли меня так, как я им велел. Но мой друг, с которым мы все эти годы работали вместе, естественно, зовет меня Андерсоном, — Доктор усмехнулся. — Никак не может привыкнуть к этому карнавалу.

— А Илай?

— Илаем было легко управлять. Я внушил ему, что он опасно болен, а потому должен регулярно приезжать сюда на уколы. Несложно догадаться, что я вводил ему кристаллики. Через какое-то время гидролиз в его организме достигал точки, когда требовалось вновь запускать механизм ускорения.

Андерсон встал и начал расхаживать взад-вперед по кабинету.

— Но теперь Илай мертв. Результаты моей работы пошли прахом, а кристаллики перестали быть тайной.

Доктор остановился напротив моего стула.

— Вы представляете, что нас ожидает? Что ожидает Солнечную систему, когда о кристалликах узнают на всех планетах? — спросил он, — Теперь вам понятно, чего я так боялся все эти годы?

— О чем вы говорите? — удивился я, — Кристаллики станут величайшим благом для всей Солнечной системы.

Андерсон уперся в меня взглядом.

— Величайшим благом? Вы так считаете?

Он стискивал и разжимал кулаки.

— Они окажутся величайшим проклятием, которое когда-либо обрушивалось на человечество. Неужели вы не понимаете, что люди не остановятся ни перед чем, только бы их заполучить? Они пойдут на любые преступления, на любое предательство и вероломство. В мире появится новый атрибут власти, и начнется жуткая, кровопролитная борьба за обладание этим атрибутом. Ведь тот, в чьих руках окажутся кристаллики, станет властелином Солнечной

системы. Он будет управлять не силой оружия, а силой надежды, давая или отнимая надежду на вечную молодость и вечную жизнь.

Вы можете хотя бы отдаленно представить, как все это скажется на экономике? Люди начнут вымаливать, выклянчивать... — словом, добывать себе дополнительные годы жизни. Страховые компании разорятся, поскольку человечество крепко ухватится за перспективу вечной жизни. А если человек живет вечно, зачем обременять себя какими-то страховками? Разорятся не только страховые компании. Начнется цепная реакция распада существующего миропорядка... Думаю, можно не продолжать: вам все и так понятно.

Андерсон опять начал мерить шагами кабинет.

— Я уже не говорю о невиданных войнах, которые может вызвать охота за кристалликами.

— Постойте! — Голос мой сорвался на крик, — Вы забываете одну простую вещь. Человек, убивший Илая, вряд ли знал, где старик добывал эти кристаллики. Он украл лишь небольшое их количество — и все.

— Невелика разница, — отмахнулся доктор. — Как только в Солнечной системе узнают о существовании кристалликов, люди заполонят Меркурий и начнут искать их на свой страх и риск.

Андерсон умолк на полуслове, потом вернулся к столу и сел.

— Надеюсь, мистер Маршалл, вам понравился мой рассказ.

— Понравился? Да это — величайшая сенсация, какой еще не знала Солнечная система. Я уже вижу газеты с двухфутовыми заголовками. Все издания...

Я заметил, что Андерсон как-то странно глядит на меня, и его взгляд мне очень не понравился.

— Думаю, вы уже догадались, мистер Маршалл, что никогда не опубликуете услышанное здесь?

— Как это не опубликую? — опешил я, — А для чего тогда вам понадобилось откровенничать со мной?

— Я воспользовался вашим появлением, чтобы поделиться тем, что очень долго носил в себе, — ответил доктор. — Мне давно хотелось излить кому-нибудь душу. А еще мне требовалось время.

— Время? — удивился я.

Андерсон кивнул.

— Время, чтобы роботы успели принять необходимые меры безопасности. Они обнаружили нарушение привычного хода событий. А как действовать дальше, им подсказывать не надо.

Мне показалось, что ситуация забавляла доктора.

Мы сидели, глядя друг на друга. Андерсон улыбался. Какое выражение лица было у меня, не знаю. Я был взбешен и в то же время напуган.

— Поймите меня правильно, — заговорил наконец доктор, — Не стоит излишне драматизировать ситуацию. Я не сказал, что намерен вас убить. Просто вы никогда не покинете санаторий. Любая попытка бежать окончится вашей гибелью. И это не шутка. Видите ли, Маршалл, я не могу отпустить вас. Мне неизвестно, что вы на самом деле знаете о кристалликах и как себя поведете. А рисковать я не хочу.

— Вы — грязный и...

— Вам захотелось услышать мой рассказ, — перебил он меня, — Я исполнил ваше желание.

Дверь за спиной Андерсона тихо открылась, и пол в кабинете прочертил луч яркого света. Мне удалось мельком увидеть соседнее помещение. Там была лаборатория.

В проеме стоял высокий сухопарый человек в черном халате. Халат еще сильнее подчеркивал бледность его лица.

— Слушай, Андерсон... — взволнованно произнес вошедший.

— Входи, Эрни, — прервал его доктор. — Не думал, что ты появишься в это время. А у нас гость. Познакомься: это

мистер Шерман Маршалл. Он погостит у нас, — Андерсон бросил на меня косой взгляд, — Причем достаточно долго.

— Рад познакомиться с вами, — приветствовал меня Эрни, — Вы, случайно, не любитель виста? А то Андерсон играет неважно. Называет вист пустой тратой времени.

— Я вообще не умею играть в вист, хотя и считаюсь неплохим картежником.

— Должно быть, вы догадались, что Эрни — мой сообщник в этом, так сказать, преступлении, — сказал Андерсон, — Он несколько моложе меня, но ненамного. Кстати, позвольте вам представить: Эрни Хичкок. В прошлом — непревзойденный пилот космического корабля.

— Я вот почему тебя побеспокоил... — Хичкок вновь повернулся к Андерсону. Интонация его голоса была какой-то странной. Старомодной, что ли? — Реакция пошла... в нужном направлении. Я все тщательно проверил.

Андерсон схватился за крышку стола.

— Реакция? — Он даже закашлялся от волнения, — Ты хочешь сказать... именно та? Да?

Хичкок кивнул.

Андерсон повернулся ко мне.

— Извините, мы вынуждены вас покинуть.

Я машинально кивнул, не зная, что сказать. Я пытался связать воедино все, что произошло за это короткое время. О какой реакции сообщил Андерсону его сухопарый друг? Может, они нашли лекарство против «космовируса»? Неужели Андерсон — уставший и раздавленный бесконечными неудачами — все-таки оказался победителем, хотя для достижения цели ему понадобилось полторы сотни лет?

Дверь лаборатории плотно закрылась. Опять потянулось время. Я встал, походил по кабинету, но это мне быстро надоело. Посмотрел книги на стеллажах — сплошь медицинская литература, в которой я ничего не смыслил.

Помня о предупреждении Андерсона, я все же открыл дверь, ведущую в приемную. Покалеченного мною робота-секретаря успели убрать. Посередине комнаты стоял другой

робот, скрестив на груди металлические руки. Он посмотрел на меня так, словно ждал, когда же я попытаюсь бежать, но не произнес ни слова. Я тоже молча закрыл дверь.

Я вспомнил про приемник в углу кабинета. Старик говорил, что вот уже несколько месяцев его не включал. Ничего удивительного: радиоприем на солнечной стороне Меркурия сопровождался колоссальными помехами. Однако я знал, что не так давно радиостанция Нью-Чикаго установила более мощные передатчики, и решил попробовать.

Щелкнул выключатель. Шкала осветилась, динамик ожил и затрещал. Я настроился на волну Нью-Чикаго и услышал голос Джимми Дойла, который обычно читал выпуски новостей. Слышно было гораздо хуже, чем в городе, но меня сейчас больше интересовало содержание передачи. Я попал на самое начало выпуска. Первые же слова пригвоздили меня к месту:

«...продолжаются поиски Шермана Маршалла, разыскиваемого по подозрению в убийстве Илая Лоуренса. Ордер на арест Маршалла был выдан десять часов назад, когда в одном из переулков квартала Северная Стена нашли небольшой полотняный мешок, принадлежавший убитому. Как сообщили нам в полицейском управлении, на мешке обнаружены отпечатки пальцев Маршалла. Бармен из «Места под солнцем» подтвердил, что...»

Джимми рассказывал о ходе расследования, но я его уже не слушал, ибо ухватил главное: на мешке Илая нашли мои отпечатки пальцев, а бармен сообщил, что незадолго до убийства я сидел в его заведении вместе со стариком.

Я представил, какая суета сейчас царит в Нью-Чикаго. Копы прочесывают каждый уголок. Им нужен кто-то, на кого можно повесить это убийство. Тоже понятно: близятся выборы и городским властям просто необходимо шоу о торжестве законности и порядка. И зачем ломать голову? Вот вам улики, вот рассказ свидетеля. Остается только схватить Маршалла.

Не помню, как я выключил приемник, но в кабинете стало тихо. И на Земле, и в Нью-Чикаго мне приходилось писать репортажи из зала суда. Бывая там, я часто пытался поставить себя на место обвиняемого и вообразить, о чем он думает и что ощущает.

Теперь я очень хорошо понимал, какие мысли и чувства владеют подсудимыми!

Правда, пока я находился в безопасности. Вряд ли кому-нибудь придет в голову искать меня в санатории. Даже если полиция и заявится сюда, Андерсон меня не выдаст. Кому-кому, а ему вовсе не нужны мои показания.

Я стал прокручивать в памяти события, происходившие до и после убийства Илая. И тут я вдруг вспомнил про «песчаную бутылку», спрятанную мною в ящике гардероба. Про меркурианский сувенир Марти Берга, который так и не попал, к Чести Льюису!

Дверь лаборатории открылась, и оттуда вышел Андерсон. Он улыбался. Правильнее сказать: он лучезарно улыбался.

— Я тут подумал... — начал он, — Пожалуй, я позволю вам уехать.

— С чего бы это вдруг? — вместо благодарности накинулся на него я.

— Говорю вам: я серьезно подумал и понял, что незачем держать вас здесь.

— Но послушайте, док, теперь уже мне хочется погостить у вас подольше, — возразил я, — Мне казалось...

Я осекся, осознав, что дальше оставаться в санатории не имело смысла. Если Андерсон решил меня отпустить, значит, я ему больше не нужен и выгораживать меня он не станет.

— Чем вызвана такая внезапная перемена? — спросил я. — Вы же понимаете, что, если я выберусь отсюда, то непременно напишу и опубликую рассказ обо всем, что здесь узнал. В этом можете не сомневаться.

— Не думаю, что вы станете об этом писать, — продолжая улыбаться, покачал головой Андерсон, — Я предложу вам кое-что поинтереснее. Это станет настоящей сенсацией.

— Лекарство? Вы нашли лекарство от «космовируса»?!

Он кивнул.

— Нам оставалось сделать последний шаг. Очень опасный и с ничтожным шансом на успех. Мы очень боялись потерпеть неудачу. Случись она — и на всей затее с лечением «космовируса» можно было бы смело ставить крест. Мы исчерпали все возможности. Оставалась последняя.

Мы использовали ее и... опять осечка. Во всяком случае, так нам показалось. На самом деле нас ждал успех. Просто реакция протекала медленнее, чем мы ожидали, и не сразу дала результаты. Но теперь мы уверены: лекарство от «космовируса» существует!

Он опять уткнулся взглядом в стену. Та по-прежнему была абсолютно белой и пустой.

— Конечно, понадобится некоторое время, — прервал молчание Андерсон, — чтобы усовершенствовать метод лечения. Но у меня есть это время... не слишком много, но есть.

Я не выдержал.

— Послушайте, доктор! У вас наверняка остались кристаллики. Думаю, Илай хорошо вас снабжал. Не могли же вы израсходовать весь запас. Так почему вы говорите о времени?

Он повернулся ко мне.

— Да, у меня еще остались кристаллики. И я вам их покажу.

Андерсон встал и направился в лабораторию. Я двинулся следом. Доктор раскрыл шкафчик, приделанный над раковиной, достал оттуда коробочку и отвинтил крышку. Внутри лежали кристаллики.

— Смотрите, — сказал Андерсон.

Опрокинув коробочку, он высыпал драгоценное содержимое в раковину и повернул кран. Мы молча наблюдали,

как вода уносит кристаллики, и они исчезают в решетке слива.

— А теперь давайте, рассказывайте о кристалликах, пишите статью или даже десять! Вас поднимут на смех и заклеймят как лгуна. У вас нет вещественных доказательств. Я единственный свидетель. Но я скоро умру, — Доктор швырнул коробочку в мусорное ведро и закрыл воду, — Я давно ждал дня, когда смогу от них отказаться. Главное свершилось. Я достиг поставленной цели: победил «космовирус» и тем самым ответил наконец на мольбу, которую видел в глазах умирающих больных. И поверьте: никто из них не осудил бы меня за то, что я сейчас сделал.

— Вы кое о чем забыли, доктор.

— О чем?

— Вещественные доказательства по-прежнему существуют. Ведь кто-то похитил кристаллики у Илая.

Как я и ожидал, Андерсон вздрогнул. Радость опьянила его, и он забыл обо всем. Теперь наступило отрезвление.

Доктор молча смотрел на блестящие капельки воды, скатывающиеся в черную пропасть слива. Передо мной вдруг встала картина всей его жизни: нескончаемая вереница одиноких лет, заполненных работой, надеждой и отчаянием. Последнее сопровождало его на каждом шагу. И теперь, когда лекарство от «космовируса» было найдено, отчаяние никуда не ушло. Изменилась только причина. Андерсон сознавал, что добытые упорным трудом знания могли бы обессмертить его имя, но они же грозили превратить жизнь человечества в кровавый хаос.

— Не все так плохо, доктор, — попытался я его утешить.

— О чем вы?

— Я говорю о кристалликах, которые были у Илая. Не беспокойтесь. Я знаю, где они.

— И вы молчали?

— Нет. Я сам догадался об этом лишь минуту назад.

Я знал, о чем меня спросит Андерсон, и опередил его вопрос:

— Я сделаю все, что необходимо.

Доктор молча протянул мне руку.

Я точно знал, где находятся кристаллики. Но добраться до них было не так-то просто. Теперь я мог назвать и имя того, кто убил Илая. Только как это доказать? Предъявить суду кристаллики? Сомнительно, чтобы судьи поверили моему рассказу. В любом случае это был запрещенный прием. Применить его означало нарушить обещание, данное Дженнингсу Андерсону. Уезжая из санатория, я заверил доктора, что буду молчать о кристалликах.

Молчать-то я буду, только сначала нужно попасть в Нью-Чикаго.

Сейчас я уже не помню все детали. Уверенный, что полицейские обращают внимание лишь на машины, покидающие город, а до въезжающих им особого дела нет, я въехал через западные ворота, и моя машина затерялась в потоке других.

Трюк сработал. Я свернул на тихую улочку, потом в еще более тихий переулок и там остановился. Дальнейший путь к дому я проделал уже пешком, причем пробирался не напрямую, а кружил по переулкам, где прохожих немного. Но и с ними я старался не сталкиваться: заслышав шаги, нырял в какую-нибудь парадную и пережидал. В конце концов я оказался возле многоквартирного дома, где до недавнего времени жил.

Попасть внутрь оказалось проще, чем я думал. Возле парадной дежурили полицейские в штатском, но наблюдение велось не слишком бдительно. Я понимал ход их рассуждений: зачем убийце появляться там, где его наверняка схватят?

Как только полицейские отвернулись от двери, я вошел. В коридоре моего этажа пришлось еще немного задержаться и пропустить человека, идущего навстречу. Я остановился у чужой двери и, предусмотрительно нагнув голову, сделал вид, что ищу в кармане ключи.

Возле моей квартиры охраны не было. Наверное, полицейские решили, что мне все равно не проникнуть в дом, а стало быть, незачем зря тратить силы.

Судя по встретившему меня беспорядку, в квартире уже успели провести обыск. Похоже, полицейские не совсем представляли, что искать, и с собой не взяли ничего. Я быстро подошел к гардеробу и выдвинул ящик. Бутылка была на месте. Дрожащими пальцами я вытащил пробку и встряхнул содержимое.

Конечно же, внутри был вовсе не меркурианский белый песок, а кристаллики — те самые, которые Илай показывал мне в «Месте под солнцем».

Я вспомнил слова Андерсона о том, что в случае осуществления повторного синтеза человек начинает молодеть».

Нерешительность моя длилась не более минуты. Затем я взял щепотку кристалликов и проглотил. Они оцарапали мне горло, словно песок, но это меня не заботило. Набрав в рот слюны, я протолкнул кристаллики еще глубже и для большей гарантии добавил к ним еще одну щепотку, после чего остальное содержимое бутылки высыпал в слив ванны и пустил воду.

Теперь оставалось только сидеть и ждать. Риск, конечно, был, но, возможно, здесь я находился в большей безопасности, чем в каком-нибудь другом месте.

Через четыре часа я покинул квартиру, спустился вниз и как ни в чем не бывало прошел мимо начальника местного отделения МБР Флойда Дункана. Тот меня не узнал. Честно говоря, я бы и сам себя не узнал. На вид мне было не более двадцати лет.

Еще на подходе к зданию редакции марсианской «Таймс» в Сандебаре я услышал голоса мальчишек-разносчиков:

— Читайте в экстренном выпуске! Марти Берг признан виновным! Настоящий убийца Илая Лоуренса — Марти Берг!

М-да, много же времени понадобилось Дункану, чтобы расколоть этого типа. Я равнодушно пожал плечами и усмехнулся, вспомнив, как прошел тогда мимо Дункана, а он и глазом не повел.

Я направился прямо в кабинет редактора городских новостей.

— По какому вопросу? — равнодушно спросил меня сидевший за столом человек.

— Мне сказали, вы ищете репортера.

— Да, верно. Вы смыслите в журналистике?

Я кивнул.

— Где успели поработать?

Я выложил ему заблаговременно сочиненную историю.

— А какого черта вас занесло на Марс? — спросил редактор. — Не слишком подходящее место для жизни.

— Люблю путешествовать, — соврал я, — Знакомлюсь с Солнечной системой не по чужим рассказам, а на собственном опыте.

Редактор что-то пометил у себя в блокноте.

— Ладно, проверим, на что вы годитесь, — сказал он, — Мне нравится ваше лицо. Вы чем-то похожи на одного человека, с которым я встречался несколько лет назад. Его звали... — Редактор безнадежно покачал головой. — Хоть убей, забыл его имя.

Зато я хорошо помнил имя этого редактора: Герберт Норт. Несколько лет назад мы действительно встречались с ним на конгрессе журналистов и недурно провели время, когда после занудливых официальных речей началась традиционная шумная пирушка.

— Слышали когда-нибудь о парне по имени Чести Льюис? — спросил меня Норт.

— Читал о нем. Если не ошибаюсь, нью-йоркский гангстер.

— Да. Но в Нью-Йорке ему стало неуютно, и он подался на Марс. Разумеется, и здесь принялся за свои штучки… Где-то через час начинается судебное слушание по его делу. Вот вам первое задание: отправляйтесь в суд и сделайте репортаж. Кое-что расскажу, чтобы вы были в курсе. Случай просто анекдотичный. Чести нагрел одного старого дурня на кругленькую сумму — что-то около миллиарда баксов. Внушил легковерному старикашке, будто обладает редкостным снадобьем, возвращающим молодость. К счастью, полиция не дала Льюису улизнуть с Марса. Думаю, скучать на процессе вам не придется. Желаю удачи.

Я внимательно выслушал Норта, умолчав, естественно, о том, что история о том, как Чести Льюис продал Эндрю Дж. Расмуссену — миллиардеру, владевшему едва ли не всем городским хозяйством Марса, — бутылочку с неким «средством для мгновенного омоложения», мне хорошо знакома. Как потом установила полицейская экспертиза, в бутылочке находился обыкновенный белый песок с Меркурия.

Ровно в семь часов вечера Господин Джонатан Чэмберс вышел из своего дома на Кленовой улице на ежедневную прогулку, которую он совершал двадцать лет кряду в любую погоду, невзирая на дождь или снег.

Маршрут был всегда неизменен. Он шагал два квартала по Кленовой улице, останавливался у кондитерской «Красная звезда», чтобы купить сигару-перфекто[13] «Роза Троферо», затем шел до конца четвертого квартала. Оттуда он поворачивал на Лексингтон, с Лексингтон — на Дубовую улицу, а потом по улице Линкольна обратно на Кленовую — и до своего дома.

Он не спешил. Всегда ровно в семь сорок пять господин Чэмберс оказывался у парадного входа своего дома. Никто никогда не останавливался, чтобы заговорить с ним. Даже продавец в кондитерской, где он покупал свою сигару, не произносил ни слова, пока совершались расчеты. Господин Чэмберс просто стучал монетой по стеклу на прилавке. Продавец подходил и протягивал коробку, а господин Чэмберс брал свою сигару. Вот и все.

Местные жители давным-давно поняли, что господин Чэмберс не любит, когда к нему пристают. Новое поколение горожан называло это эксцентричностью. У определенных личностей более грубого склада для данной характеристики находилось другое словечко. Люди преклонных лет помнили, что господин Чэмберс, выглядевший весьма чудаковато в своем черном шелковом шарфе, шляпе-котелке и с палисандровой тростью, когда-то был профессором в местном университете. Причем профессором не то метафизики, не то какой-то другой диковинной дисциплины. Так или иначе, с его именем была связана некая шумиха, можно даже сказать — университетский скандал. Господин Чэмберс

[13] Сигары-перфекто — фигурные сигары ручной скрутки с концами, запечатанными с обеих сторон.

написал книгу и обучал по ней студентов. В чем заключался предмет исследования данного труда, все уже давным-давно забыли, но речь там шла о вещах достаточно революционных и это стоило господину Чэмберсу места в университете.

Серебряная луна светила над верхушками труб, а холодный, злой октябрьский ветер шуршал опавшей листвой, когда в семь часов господин Чэмберс вышел на свою обычную прогулку. Вдохнув чистого морозного воздуха и почувствовав легкий кисловатый запах дыма из дальнего леса, господин Чэмберс с довольным видом огляделся. Вечер обещал быть приятным.

Он шел неспешной походкой, размахивая тростью чуть менее залихватски, чем двадцать лет назад, — шарф был плотно заправлен под воротник выцветшего старого пальто, а котелок надвинут почти на глаза. На углу Кленовой и Джефферсон не горел уличный фонарь, и господин Чэмберс что-то недовольно буркнул себе под нос, когда пришлось сойти с тротуара и обогнуть недавно забетонированный и огороженный участок проезда у восемьсот шестнадцатого дома.

Этим вечером господин Чэмберс добрался до угла Лексингтон и Кленовой чуть раньше обычного. Он даже сбавил шаг, не понимая, как такое могло случиться. Нет, должно быть, он ошибся! Все двадцать лет, прошедшие после его изгнания из университета, господин Чэмберс жил по часам. Одно и то же, в одно и то же время, день за днем. Не то чтобы он сознательно выбрал для себя жизнь по расписанию, нет. Холостяк, живущий в одиночестве и владеющий достаточными средствами для удовлетворения своих скромных потребностей, господин Чэмберс незаметно втянулся в это размеренное существование.

Итак, он повернул на Лексингтон, а оттуда — на Дубовую улицу. На углу Дубовой и Джефферсон его опять поджидал пес, который выскочил откуда-то из-под забора, рыча и скаля зубы, так и норовя схватить проходящего врага за

пятки. Но господин Чэмберс сделал вид, что не замечает его, и вскоре пес отстал.

Где-то на улице громко работало радио. До господина Чэмберса долетали лишь обрывки фраз:

— ...Все еще имеют место... «Эмпайр стейт билдинг» исчезло... Разреженный воздух... Известный ученый, доктор Эдмонд Харкорд...

Ветер относил слова в сторону, однако господин Чэмберс и не пытался прислушиваться. Он снова буркнул под нос что-то нелестное. Наверное, очередная фантастическая радиопьеса. Была одна такая много лет назад. Что-то про марсиан. И Харкорд! Но при чем тут Харкорд? Он был одним из тех, кто поднял на смех труд, написанный господином Чэмберсом.

Выбросив из головы неприятные мысли, господин Чэмберс снова вдохнул чистый морозный воздух и огляделся по сторонам. Из темноты поздней осени проступали знакомые силуэты. В этом мире не было ничего, абсолютно ничего, что могло бы огорчить господина Чэмберса. Именно такого принципа он решил придерживаться двадцать лет назад.

Перед аптекой на углу Дубовой улицы и Линкольн собралась толпа мужчин, возбужденно обсуждавших что-то. Господин Чэмберс уловил отдельные реплики:

— Это происходит повсюду... Что, по-вашему, это такое?.. Ученые не могут объяснить...

Но как только господин Чэмберс приблизился к спорщикам, они замолчали и лишь искоса бросали на него смущенные взгляды. Он, в свою очередь, даже вида не подал, что кого-то узнал. Так продолжалось уже долгие годы, с тех пор как люди осознали, что он не желает ни с кем разговаривать. Один из горожан подался было вперед, как будто намереваясь обратиться к нему, но затем отступил, а господин Чэмберс продолжил свой путь.

Возвратившись к дому, он остановился у парадного входа, как делал тысячи раз до этого, и достал из кармана тяжелые золотые часы.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть. Было всего семь тридцать!

Несколько долгих минут он стоял и смотрел на часы, убеждая себя в том, что они сломаны. Но часы шли, поскольку было слышно, как они тикают. На пятнадцать минут раньше! А ведь в течение целых двадцати лет он выходил в семь, а возвращался без четверти восемь.

И тут он осознал, что это еще не все. У него не было сигары! Не купив ее, он впервые лишил себя вечернего курения.

Потрясенный случившимся и бормоча что-то себе под нос, господин Чэмберс зашел в дом и запер дверь. Он повесил шляпу и пальто на вешалку в прихожей, прошел в гостиную и, недоуменно качая головой, опустился в свое любимое кресло.

Тишину, царившую в комнате, нарушало лишь тиканье старомодных часов с маятником, стоявших на каминной полке. Но тишина была не в новинку господину Чэмберсу. Когда-то ему нравилось слушать музыку, настраивая радиоприемник на передачи с выступлениями симфонических оркестров. Но сейчас радиоприемник молчал в углу, а шнур был выдернут из розетки. Господин Чэмберс выдернул его сам много лет назад, в тот вечер, когда трансляция симфонического концерта была прервана срочным выпуском новостей.

Он также перестал читать газеты и журналы и по доброй воле ограничил свой мир весьма небольшой территорией. С течением времени эта добровольная ссылка превратилась в тюрьму, неосязаемая, но непреодолимая стена которой опоясывала городской участок площадью четыре квартала на три. За пределами этих кварталов царствовал необъяснимый ужас. Господин Чэмберс никогда не пересекал воображаемую границу.

Но, несмотря на затворничество, он не мог не слышать доносившихся с улицы выкриков мальчишки — продавца газет или обрывков разговоров людей, собравшихся на углу

у аптеки и делавших вид, что не замечают, как он проходит мимо. Поэтому он знал, что сейчас шел тысяча девятьсот шестидесятый год и что война в Европе и Азии отпылала, а после нее началась ужасная эпидемия, которая и по сей день со сверхъестественной быстротой носится из страны в страну, уничтожая население. Эта эпидемия, без сомнения, была вызвана голодом, лишениями и всеми другими страданиями, которые принесла война.

Господин Чэмберс отстранялся от таких вещей как от чего-то чуждого его собственному маленькому миру. Он игнорировал новости и старался убедить себя в том, что никогда не слышал о них. Пусть другие обсуждают происшествия и беспокоятся по любому поводу. Его все это совершенно не касается.

Но сегодняшним вечером случилось два события, которые имели к нему самое непосредственное отношение. Два странных, невероятных события: он вернулся домой на пятнадцать минут раньше, и он забыл о своей сигаре.

Устроившись в кресле, господин Чэмберс погрузился в невеселые мысли. Становится очень беспокойно, когда такое происходит. Должно быть, что-то не так. Не свихнулось ли что-нибудь в его голове после стольких лет затворничества? Возможно, всего чуточку, но достаточно, чтобы он вел себя странно. Не потерял ли он чувство пропорции, чувство перспективы?

Нет, едва ли. Взять, например, эту комнату. За двадцать лет она стала такой же частью его самого, как и одежда, которую он носил. В его сознании четко отпечатана каждая деталь: старый стол на центральной опоре, покрытый зеленым сукном, стоящая на нем лампа из цветного стекла, каминная полка с пыльными безделушками, часы с маятником, показывавшие не только время, но также дни недели и числа месяца, пепельница в форме слона на муаровой подстилке и — что самое главное — эстамп с морским пейзажем.

Господин Чэмберс любил эту картину. «В ней есть глубина», — не раз объяснял он. На картине был изображен

старинный парусный корабль на фоне спокойного моря. Далеко, почти у линии горизонта, виднелись смутные очертания большого судна. На стенах висели и другие картины: лесной пейзаж над камином, старинные английские гравюры в углу, где он сидел, литографии мастерской «Курьер и Ив»[14] над радиоприемником. Но эстамп с кораблем находился прямо на линии его взгляда. Господин Чэмберс выбрал для картины именно это место, чтобы ее можно было рассматривать, не поворачивая головы.

Дальнейшие раздумья требовали усилий, поскольку господин Чэмберс начал ощущать усталость. Он разделся, лег в кровать, но еще с час лежал без сна, атакованный смутными страхами, которые не в силах был ни определить, ни понять.

Наконец он задремал. И тут же оказался во власти кошмаров. Сначала господину Чэмберсу приснилось, что после кораблекрушения он оказался на крошечном клочке суши посреди океана и что воды вокруг кишат огромными ядовитыми морскими змеями, которые постепенно пожирают островок.

Потом его охватил страх, вызванный чем-то безмолвным и невидимым, существовавшим лишь в воображении. А когда он попытался убежать, то не смог сдвинуться с места. Его ноги работали неистово, как поршни, но никакого движения вперед не происходило.

Этот сон сменился другим, и на господина Чэмберса навалился ужас — невообразимое черное нечто. Он хотел закричать: открыл рот, напряг голосовые связки, наполнил легкие до предела, натужился, чтобы издать вопль, но... с губ не слетело ни звука.

Весь следующий день господин Чэмберс чувствовал себя не в своей тарелке, а когда точно в семь часов вышел из

---

[14] Курьер и Ив (Currier and Ives) — американская компания, занимавшаяся в XIX веке изготовлением и продажей литографий. Названа по имени владельцев Ната Курьера и Джима Ива (Nat Currier and Jim Ives). Существовала до 1902 года.

дома, постоянно повторял про себя: «Сегодня я не забуду. Я должен остановиться и купить сигару».

Фонарь на углу улицы Джефферсона по-прежнему не горел, и забетонированный проезд перед восемьсот шестнадцатым домом был все еще огорожен. Все выглядело так же, как и предыдущим вечером.

«А сейчас, — сказал он себе, — в следующем квартале будет кондитерская “Красная звезда”. Сегодня я не должен забыть. Дважды подряд — это слишком».

Он крепко ухватился за эту мысль и, держа ее в своем сознании, немного ускорил шаг.

Но, дойдя до угла, господин Чэмберс застыл и в испуге уставился на следующий квартал. Неоновой вывески не было, гостеприимный свет не освещал путь к скромной лавке, спрятавшейся среди жилых домов.

Он посмотрел на уличный указатель и медленно прочел: «Улица Гранта». Господин Чэмберс всматривался в эти слова и не верил своим глазам: ведь здесь должна быть улица Маршалла, а не Гранта. Он прошел два квартала. Кондитерская находилась между улицами Маршалла и Гранта. Он еще не дошел до улицы Маршалла, но каким-то образом вдруг оказался на улице Гранта.

Могло ли так случиться, что он по рассеянности прошел на один квартал дальше, чем думал?

Впервые за двадцать лет господин Чэмберс повернул обратно. Он вернулся на Джефферсона, затем опять пошел на улицу Гранта и дальше — к Лексингтон, а оттуда вновь к улице Гранта, где вдруг в изумлении резко остановился и застыл как вкопанный. В голове его медленно формировалась простая, но невероятная мысль: «Там не было кондитерской! Квартал от улицы Маршалла до улицы Гранта исчез!»

Теперь он понял, почему накануне вечером не купил сигару и на пятнадцать минут раньше подошел к своему дому.

Спотыкаясь, господин Чэмберс на трясущихся ногах побрел домой. Захлопнув и заперев за собой дверь, он неуверенно пробрался к своему креслу в углу.

Что это? Что это значит? Средствами какой невероятной черной магии могла быть похищена мощеная улица с деревьями, жилыми домами и другими строениями, а пространство, которое она занимала, исчезло? Происходило ли в мире нечто такое, о чем он в своей уединенной жизни знать не мог?

Господин Чэмберс поежился, потянулся рукой, чтобы поднять воротник пальто, но передумал, поскольку осознал, что на самом деле в комнате тепло. В камине весело горел огонь. Холод, ощущавшийся им, исходил откуда-то извне. Холод страха и ужаса, озноб, вызванный мыслью, которую он не решился бы высказать вслух.

Наступила мертвая тишина. В этой тишине все еще тикали часы с маятником, но она стала иной, обрела другое содержание, отличное от содержания любой другой тишины, к которой он прислушивался до этого. Это была не прежняя домашняя, уютная тишина, но тишина, порождавшая мысли о пустоте и небытии.

«За этим что-то есть», — сказал себе господин Чэмберс. И это «что-то» глубоко засело в одном из дальних уголков его мозга и требовало признания. Что-то связанное с обрывками разговора людей на углу у аптеки, с фрагментами передач новостей, которые он слышал, проходя по улице, с тем, что кричал мальчик, продававший газеты. Что-то, имеющее отношение к происходящему в мире, из которого он сам себя изгнал.

Он вспомнил обо всем этом сейчас и остановился на центральной теме услышанного: войны и эпидемии. Речь шла о том, что Европа и Азия почти обезлюдели, об эпидемии, свирепствовавшей в Африке и перекинувшейся на Южную Америку, об отчаянных усилиях Соединенных Штатов остановить ее проникновение сквозь государственные границы.

Миллионы погибших в Европе и Азии, в Африке и Южной Америке. Но каким-то образом эта ужасная статистика связана с его собственным опытом. Что-то где-то, на каком-то более раннем этапе его жизни, хранит объяснение происходящего.

Медленно забили часы с маятником, каждый их удар, как обычно, заставлял подрагивать оловянную вазу, стоявшую на каминной полке.

Господин Чэмберс встал, дошел до двери, открыл ее и выглянул на улицу. Лунный свет выложил на тротуаре мозаику из черных и серебряных пятен, четко выгравировал печные трубы и деревья на фоне посеребренного неба. Но дом напротив, на другой стороне улицы, выглядел не так, как обычно. Он стал кривобоким, напрочь лишенным пропорциональности, и производил впечатление дома, неожиданно сошедшего с ума.

Господин Чэмберс смотрел на это с удивлением, пытаясь понять, в чем, собственно, дело, вспоминая дом таким, каким тот был всегда: добротный образчик средневикторианской архитектуры.

Потом прямо на его глазах дом выпрямился, медленно собрался, исправил свои поплывшие углы, откорректировал размеры и снова стал тем обычным скучным домом, который вот уже много лет стоял на этом месте.

С вздохом облегчения господин Чэмберс повернулся лицом к прихожей. Но перед тем, как закрыть дверь, еще раз оглянулся. Дом стал снова кривобоким и казался еще уродливее, чем несколько минут назад!

Едва не задохнувшись от испуга, господи Чэмберс захлопнул дверь, запер ее на замок и задвинул два засова. Потом он пошел в спальню и принял снотворное.

Этой ночью ему снились те же сны, что и накануне. Опять это был маленький островок посреди океана. И опять он был там один. И опять извивающиеся морские змеи постепенно поедали почву под его ногами.

Он проснулся весь мокрый от пота. Рассеянный свет раннего восхода как сквозь фильтр проникал в окно. Часы на прикроватном столике показывали семь тридцать.

Господин Чэмберс долго лежал не двигаясь, глядя в окно. Фантастические события вечера не давали ему покоя. Он вспомнил их одно за другим. Но его сознание, еще затуманенное сном и удивлением, рассматривая эти события в последовательности, обдумывая их, утратило острую грань фантастического ужаса, таившегося во всем произошедшем.

Свет в окнах постепенно становился ярче. Господин Чэмберс вылез из кровати и подошел к окну; холодный пол леденил его босые ноги.

За окном не было ничего. Ни единой тени. Все будто затянуто туманом. Но каким бы густым ни был туман, он не мог скрыть яблоню, которая росла возле самого дома.

Но дерево там было, и, хотя очертания его неотчетливо, едва заметно выступали из серой дымки, господин Чэмберс мог различить несколько сморщенных яблок, все еще цеплявшихся за сучья, и кое-где — одинокие скрученные листья, не желавшие отрываться от родительской ветви. Дерево стояло там сейчас. Но его не было, когда господин Чэмберс посмотрел в ту сторону первый раз. В этом он был абсолютно уверен.

Теперь он видел и слабые контуры соседнего дома — но эти контуры были в корне неправильными. Они не согласовывались, не стыковались между собой, они не были вертикальными. Как будто чья-то гигантская рука схватила дом и изъяла его из реальности — подобно дому на другой стороне улицы, который искривился прошлым вечером и мучительно исправлял себя, в то время как господин Чэмберс представлял, каким тот должен выглядеть на самом деле.

Возможно, если бы господин Чэмберс представил себе, как должен выглядеть соседский дом, тот тоже вернулся бы в прежнее состояние. Но господин Чэмберс чувствовал себя очень усталым. Слишком усталым, чтобы вспоминать. Он отвернулся от окна и стал медленно одеваться. Потом

прошел в гостиную и упал в кресло, положив ноги на старый потрескавшийся пуф. Он сидел долго, пытаясь собраться с мыслями.

И вдруг нечто подобное электрическому шоку пронзило его с ног до головы. Он напрягся и неподвижно застыл в кресле, чувствуя, как от промелькнувшей в мозгу мысли внутри все словно сжалось в один ком.

Так он сидел несколько минут, потом встал и прошел через комнату к стоявшему у стены старому книжному шкафу красного дерева. Верхнюю полку занимали его любимые классики, а ниже выстроились рядами многочисленные научные труды самого господина Чэмберса. На второй полке сверху стояла книга, ставшая средоточием всей его жизни.

Двадцать лет тому назад он написал книгу и необдуманно попытался преподавать изложенную на ее страницах философию одному студенческому классу. Он не забыл, какую шумиху по этому поводу подняли тогда газеты. Языки трещали без умолку. Узколобые горожане, будучи не в силах понять ни его философию, ни цель, видели в нем еще одного представителя трансцендентного культа и настояли на его изгнании из университета.

Это была простая книга, отвергнутая большинством авторитетов, принявших ее за причуды сверхпылкого воображения. Господин Чэмберс снял ее с полки, открыл и начал листать. На какой-то миг его охватили воспоминания о прежних счастливых днях.

Затем ему на глаза попался абзац, написанный так давно, что сами слова в нем казались странными и нереальными:

«Человек сам, силой массового внушения, влияет на физическую судьбу Земли. И даже, пожалуй, всей Вселенной. Миллионы разумов видят деревья деревьями, дома — домами, улицы — улицами, а не чем-нибудь другим. Эти разумы видят вещи такими, какие они есть, и помнят их такими, какими они были... Разрушь эти разумы — и все

основание материи, лишенное регенеративной силы, рухнет и рассыплется, как колонна из песка...».

Взгляд господина Чэмберса скользнул ниже:

«Это тем не менее касается не материи как таковой, а только формы материи. Потому что, хотя человеческий разум за долгие века, возможно, и создал совокупность образов пространства, в котором живет, он имел очень мало постижимого влияния на существование этой материи. То, что существует в известной нам Вселенной, будет существовать всегда и не может быть уничтожено, а только видоизменено или трансформировано.

Но в современной астрофизике и математике мы достигли понимания возможности и вероятности существования других измерений, других групп времени и пространства, сталкивающихся с той группой, которую мы занимаем. Если булавку бросить в тень, будет ли эта тень обладать каким-либо знанием об этой булавке? Нет, не будет. Поскольку в этом случае тень двухмерна, а булавка трехмерна. Но и та и другая занимают одно и то же пространство.

Если предположить тогда, что лишь сила человеческого разума удерживает Вселенную или, по крайней мере, этот мир в его существующей в настоящее время форме, то почему бы нам не пойти дальше и не представить себе другие разумы на каком-то другом уровне, наблюдающие за нами, ждущие со знанием дела того времени, когда они смогут обрести господство над материей? Такая концепция вполне возможна. Это естественный вывод в том случае, если мы принимаем двойную гипотезу: разум управляет структурой всей материи и другие миры лежат в непосредственной близости от нашего мира, соприкасаясь с ним.

Возможно, в далеком будущем наступит день, когда какой-нибудь более сильный интеллект выйдет из пространственных теней того мира, в котором мы живем, и отберет у нас материю, которую мы считаем своей, — и наш уровень,

наш мир начнет на глазах плавно растворяться у нас под ногами».

Потрясенный, он остался стоять у шкафа, устремив невидящий взор на огонь в камине. Он сам написал это. И именно из-за этих слов его назвали еретиком, он вынужден был уйти со своего поста в университете и начать жизнь отшельника.

Беспокойная мысль забилась в его голове. В мире погибли миллионы людей. Там, где обитали тысячи разумов, остался один или два — ничтожная сила, чтобы удержать материю в целости. Эпидемия, прокатившаяся по Европе и Азии, почти лишила их жизни, привела в полный упадок Африку, а сейчас достигла Южной Америки. Она может добраться и до Соединенных Штатов. Он вспоминал, о чем шептались люди, о чем говорили на углу у аптеки, как исчезали здания. О чем-то, чему ученые не находят объяснения. Но это были всего лишь обрывки информации. Он не представлял полную картину — не мог ее представить. Он никогда не слушал радио, не читал газет.

Но внезапно все встало на свои места, как будто недостающая часть головоломки заняла наконец свое место. И сознание важности сделанного открытия овладело им с убийственной ясностью. Не существовало достаточного количества человеческих разумов, чтобы удерживать материальный мир в его земной форме. Какая-то иная сила из другого измерения боролась за то, чтобы отстранить человека от управления миром иперевести его Вселенную на свой уровень!

Резким движением господин Чэмберс захлопнул книгу и положил ее на прежнее место в шкафу, затем взял шляпу и пальто. Он должен узнать как можно больше. Нужно разыскать кого-то, кто может ему рассказать. Он пересек прихожую, открыл дверь и вышел на улицу. Шагая по дорожке к воротам, он посмотрел на небо, стараясь увидеть солнце. Но солнца не было — все вокруг покрывала всепроникающая

серость. Не туман, а серая пустота, лишенная какого-либо движения и, казалось, жизни вообще. За воротами господин Чэмберс с трудом разглядел тротуар и смутно вырисовывавшийся впереди дом — странный, искаженный, утративший свой обычный вид.

Господин Чэмберс быстро пошел вперед. Предел видимости ограничивался несколькими футами, и силуэты домов возникали из серой мглы только тогда, когда он приближался к ним почти вплотную, — они материализовались как двухмерные картинки без перспективы, похожие на покоробившихся картонных солдатиков, выстроившихся на смотр туманным утром. В какой-то момент он остановился и, оглянувшись, не увидел позади ни домов, ни тротуара — их вновь поглотил сомкнувшийся за ним непроницаемый сумрак.

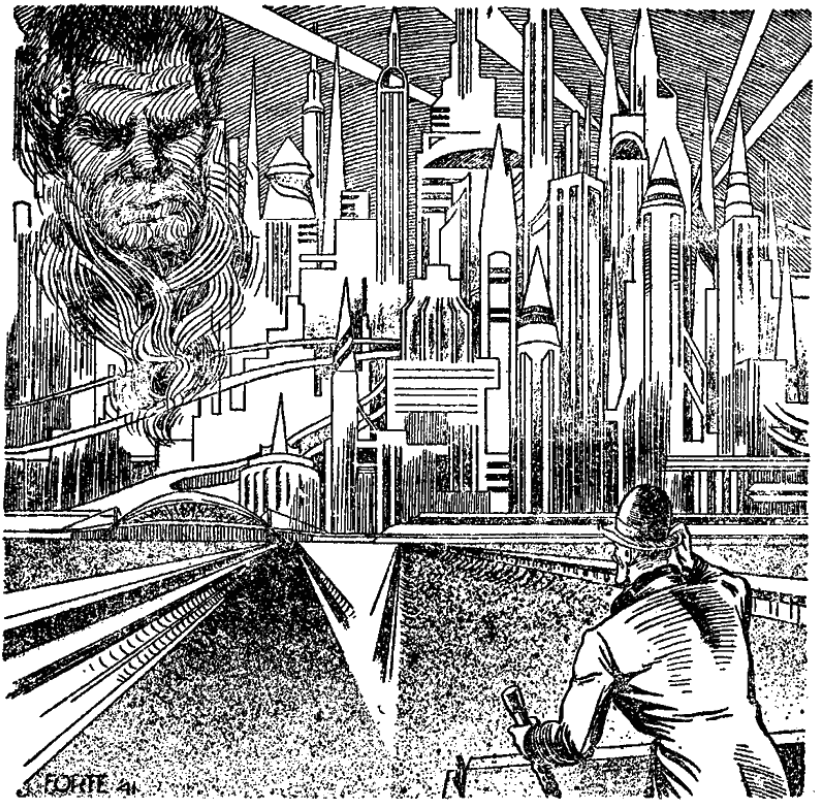
Господин Чэмберс закричал, надеясь привлечь чье-нибудь внимание, но тут же смолк, испугавшись собственного голоса. Звук, казалось, умчался вверх, в самое небо, будто высоко над ним открылась гигантская дверь, ведущая в огромную комнату.

На углу улицы Лексингтона он остановился и огляделся. Серая завеса здесь казалась еще плотнее. Взглянув себе под ноги, он не увидел ничего, кроме серой пустоты, — ни слабого блеска мокрого асфальта, ни любого другого признака улицы. Как будто здесь, на углу Кленовой и Лексингтон, бесконечное пространство обрывалось.

С диким воплем господин Чэмберс развернулся и бросился бежать обратно по той же улице — полы пальто развевались у него за спиной, шляпа подпрыгивала на голове.

Он добежал до ворот и, с трудом переводя дыхание, пошел по дорожке, радуясь, что та все еще на своем месте.

На крыльце он чуть задержался, чтобы отдышаться и хоть немного прийти в себя, но, бросив взгляд через плечо, буквально замер в оцепенении. Как раз в это мгновение серое ничто неожиданно сделалось менее плотным, обволакивающая завеса исчезла — и господин Чэмберс увидел...



Смутно, неотчетливо, но с различимым стереоскопическим контуром на темном небе вырисовывался гигантский фантастический город с кубическими куполами, шпилями, подвесными мостами с легкими несущими опорами. Улицы, похожие на туннели, с блестящими металлическими пандусами и подъездами с обеих сторон, уходили в бесконечность. Гигантские многоцветные лучи ощупывали огромные транспаранты над верхними уровнями. А за ними словно задник на театральной сцене выросла гигантская стена. Господин Чэмберс ощутил на себе пристальные взгляды множества глаз, как будто с зубчатых брустверов и из бойниц этой стены на него смотрели тысячи людей, объединенных одной целью. И тут над стеной появилось нечто странное — оно кружилось и изгибалось сверкающими лентами, быстро

срастаясь в причудливые геометрические формы, лишенные четких линий и отчетливых деталей, пока наконец не приняло определенную форму... С огромной высоты на господина Чэмберса смотрело колоссальное лицо, исполненное неописуемой силы, жестокости и холодной злобы.

В следующее мгновение очертания города и лица сделались нечеткими, картинка расплылась и потускнела, как в гаснущем волшебном фонаре, и снова нахлынула серость.

Господин Чэмберс толчком открыл дверь дома. Но не запер ее. В замках не было никакой необходимости. Отныне не было необходимости.

Несколько углей еще мерцали в камине. Господин Чэмберс пошевелил их, выгреб золу и положил еще дров. Огонь весело заплясал, подпрыгивая до самой горловины дымохода.

Господин Чэмберс, не сняв шляпы и пальто, устало опустился в свое любимое кресло и закрыл глаза. Но тут же снова открыл их и огляделся...

Он облегченно вздохнул, увидев, что комната не изменилась. Все было на привычных местах: часы, лампа, пепельница в форме слона, морской пейзаж на стене. И все оставалось таким, каким должно было быть. Часы мерно тикали в тишине, а когда они принялись отбивать очередной час, в ответ раздался мелодичный звон вазы.

«Это моя комната, — подумал он, — А комнаты приобретают черты личности того, кто в них живет, становятся его частью». Да, это был его мир, его частный мир, и потому он исчезнет последним.

Но как долго удастся удерживать этот мир в прежнем состоянии?

Господин Чэмберс смотрел на эстамп с морским пейзажем, и на короткий миг к нему вернулась прежняя уверенность — точнее, лишь слабый ее отголосок. Они не смогут забрать это. Весь остальной мир, возможно, исчезнет, поскольку силы мысли недостаточно, чтобы сохранить внешнюю форму. Но эта комната принадлежала только ему. Он

один обставлял ее. С тех пор как он решил построить дом и осуществил свой замысел, никто, кроме него, здесь не жил. Комната останется. Она должна остаться, она должна...

Господин Чэмберс подошел к книжному шкафу и остановился, глядя на единственную книгу, стоявшую на второй от верха полке. Потом взгляд его переместился выше... И господин Чэмберс замер, охваченный ужасом.

На полке не хватало книг! Многих книг! Остались только самые любимые, те, которые он знал лучше других. Итак, изменения начали происходить и здесь! Малознакомые книги пропали, и это вписывалось в общую схему: первыми исчезнут наименее знакомые вещи.

Он осмотрел комнату. Лампа на столе замигала, и свет ее потускнел. Или ему это только показалось? Он пристально посмотрел на лампу — и сияние вновь сделалось ровным. Надежная, основательная вещь.

Но вдруг холодные пальцы непреодолимого страха коснулись самых глубин его души. Он осознал, что даже эта комната перестала служить опровержением реальности того, что происходило там, на улице.

А происходило ли это на самом деле? Может быть, все случившееся не более чем плод его воображения? Что, если в действительности на улице все осталось по-прежнему: смеются дети, лают собаки и красное сияние неоновой вывески кондитерской «Красная звезда» отражается в лужицах на тротуаре?

Неужели он сходит с ума? Он знал, о чем шептались кумушки за его спиной, думая, что он их не слышит, до его ушей не раз доносились выкрики мальчишек, когда он проходил мимо. Они считали его сумасшедшим. Может, он действительно такой?

Нет, господин Чэмберс был уверен, что не сошел с ума. Более того, он считал себя одним из самых здравомыслящих людей, когда-либо живших на земле. Ведь именно он — и только он — предсказал то, что происходит сейчас.

Возможно, где-то в другом месте дети и сейчас играют на улице. Но улица уже другая. И дети другие. Ибо материя, из которой когда-то была создана эта улица и все находящееся на ней, уже отлита в другую форму, украдена другими разумами и перенесена в другое измерение.

«Возможно, в далеком будущем наступит день, когда какой-нибудь более сильный интеллект выйдет из пространственных теней того мира, в котором мы живем, и отберет у нас материю, которую мы считаем своей, — и наш уровень, наш мир начнет на глазах плавно растворяться у нас под ногами».

Оказалось, что не было необходимости дожидаться того дня в далеком будущем. Спустя не так много лет после того, как он написал эти пророческие слова, они воплощаются в реальность. Человек безрассудно подыграл чуждым сознаниям в другом измерении. Человек развязал войну, а война повлекла за собой мор. И весь огромный цикл событий оказался не чем иным, как крошечной деталью грандиозного плана.

Теперь он не сомневался, что путем хитроумного массового гипноза агенты из другого измерения — возможно, это был какой-то один высокоразвитый интеллект — сознательно посеяли семена раздора. Ослабление мирового разума было спланировано очень тщательно и с дьявольским коварством.

Повинуясь внутреннему чувству, он внезапно пересек комнату, распахнул дверь, ведущую в спальню, и... И, не в силах сдержать потрясенный вскрик, в изумлении застыл на пороге.

Спальни не было. Там, где стояли его кровать с пологом на четырех столбиках и комод с зеркалом, клубилась серая пустота.

Двигаясь словно, робот, он повернулся и направился в прихожую. И увидел там то, что и ожидал: прихожая

исчезла, а вместе с ней пропала и старая вешалка для шляпы, и подставка для зонта.

Все словно испарилось...

Чувствуя, как его охватывает слабость, господин Чэмберс вернулся к своему креслу в углу.

— Ну вот я и на месте, — вполголоса произнес он.

Да, он на месте — занял позицию в последнем оставленном ему уголке мира.

«Возможно, где-то еще есть люди, подобные мне, — размышлял он, — Люди, вынужденные противостоять пустоте, являющей собой переход из одного измерения в другое. Люди, жившие в окружении любимых вещей и силой одного только своего разума сумевшие придать этим вещам материальную значимость. И теперь им приходится в одиночку вести борьбу против какого-то превосходящего их по силе разума».

Улица исчезла. Остальная часть его дома — тоже. И только эта комната все еще сохраняла прежнюю форму.

Господин Чэмберс знал, что эта комната выстоит и останется неизменной дольше всего. А когда не станет и ее, печальная судьба не постигнет только угол с его любимым креслом, поскольку в этом месте он прожил последние двадцать лет. Спальня служила для сна, кухня — для приема пищи. А эта комната — его последний оплот — была для жизни. Эти стены, полы, картины, лампы неустанно поглощали его волю во имя того, чтобы быть стенами, полами, картинами и лампами.

Он выглянул из окна в пустой мир. Соседские дома уже пропали. Их хозяева не имели с ними такой тесной связи, какая существовала между ним и этой комнатой. Соседи интересовались слишком многим, их внимание рассеивалось, и мысли в отличие от него не были сконцентрированы на участке размером четыре на три квартала или на комнате площадью четыре с половиной на три с половиной метра.

Господин Чэмберс продолжал смотреть в окно. И вдруг глазам его вновь предстало странное видение. Оно было тем

же, что и прежде, и одновременно несколько иным. На небе появился освещенный город с эллиптическими башнями и башенками, куполами кубической формы и зубчатыми стенами. Господин Чэмберс со стереоскопической ясностью видел подвесные мосты и уносящиеся в бесконечность сверкающие проспекты. На этот раз видение было ближе, а его глубина и пропорции изменились, будто господин Чэмберс смотрел на него с двух концентрических углов одновременно.

И это лицо... Лицо, исполненное значения, силы, космического знания и зла...

Господин Чамберс повернулся и снова обвел взглядом комнату. Часы тикали медленно, размеренно. Серая мгла постепенно захватывала пространство. Первыми ее жертвами стали стол и радиоприемник — они просто растворились, а с ними и один из углов комнаты. Странно, но их отсутствие воспринималось как нечто естественное, давно предопределенное. Возможно, если бы он напрягся и подумал о них, они бы вернулись. Но зачем? Человек не в состоянии в одиночку противостоять неодолимому наступлению пустоты.

Интересно, как выглядела бы пепельница-слон в другом измерении? Конечно, она уже не будет пепельницей, а радиоприемник не будет радиоприемником. Вполне возможно, что там вообще нет ни пепельниц, ни радиоприемников, ни слонов.

А как, кстати, будет выглядеть он сам, после того как в конце концов плавно утечет в неизвестность? Ведь он тоже материален и в этом смысле мало отличается от пепельницы или радиоприемника. Сохранит ли он свою индивидуальность? Останется ли личностью? Или вторгшееся в этот мир чуждое измерение превратит человека в какую-нибудь вещь?

На все эти вопросы ответ был один: «Не знаю».

Пустота наступала, проедая себе путь по комнате, подкрадывалась к нему. А он ждал ее, сидя в кресле под лампой.

Комната — точнее, то, что от нее осталось, — погружалась в наводящую ужас тишину.

Господин Чэмберс вздрогнул. Часы остановились. Забавно… впервые за двадцать лет…

Он вскочил с кресла, но тут же опустился в него снова.

Часы не остановились.

Их не стало.

Господин Чэмберс ощутил покалывание в ногах…

Венера сломила многих. Теперь она принялась за Харви Буна, и хуже всего было то, что Бун знал это, но поделать ничего не мог.

Впрочем, виновата тут была не только Венера. Немало поработал и Арчи — штуковина в говорящей банке. Пожалуй, не правильно называть Арчи просто штуковиной. Арчи следовало бы называть «оно» или «они». Несмотря на то, что люди разговаривали с ним и изучали его почти сотню лет, в действительности никто толком ничего не знал о нем.

Харви Бун работал на Венере официальным наблюдателем от Института Солнца. Отчеты, которые он регулярно отправлял на Землю с ракетами, нагруженными радием, пополняли и без того огромный банк данных об Арчи. Данных, которые практически ни о чем не говорили.

Венера и сама по себе достаточно плоха. Люди гибнут от малейшей трещины на скафандре или неполадок радиевого щита. Но эта планета умеет убивать и иначе. У нее были способы получше, а точнее говоря, похуже.

На любой чужой планете трудно жить и оставаться в своем уме. Да и слово «чужой» мало что объясняет, пока человек не столкнется с этим лицом к лицу и не получит между глаз.

Венера — чужая вдвойне. Некоторым постоянно кажется, будто кто-то следит за ними, следит все время и ждет, только вот непонятно чего.

На Венере все время что-то крадется за тобой, оставаясь на самой границе тени. Тебя не покидает чувство, что ты здесь чужой, не к месту, незваный гость. Что-то постоянно давит на психику, и нередко люди начинают сами искать смерти или, еще того хуже, превращаются в живых мертвецов.

Харви Бун сидел, съежившись в кресле, в углу лаборатории и то и дело прикладывался к бутылке с виски, пока Арчи хихикал над ним.

— Что-то с нервишками? — осведомился он, — Совсем расшатались?

Бун запрокинул бутылку, рука его дрожала. Даже глотая виски, он не сводил горящих ненавистью глаз с банки из свинцового стекла.

Бун знал, что Арчи говорит правду. Даже в его затуманенный алкоголем мозг могла не проникнуть очевидная мысль — он сходит с ума. Он видел, что Джонни Гаррисон, начальник станции, наблюдает за ним. И доктор Стил. Док был психологом, а уж если он начинал следить за кем-то, это означало, что тому пора было браться за ум. Ведь слово доктора — закон, по крайней мере должно быть законом.

Раздался стук в дверь, и в комнату уверенной походкой вошел доктор Стил.

— Доброе утро, Бун, — сказал он. — Привет, Арчи.

Арчи откликнулся механическим, безжизненным голосом.

— Налей себе выпить, — предложил Бун.

Док отрицательно покачал головой, достал из кармана сигару, взял нож и аккуратно разрезал ее пополам. Одну половинку он положил назад в карман, а вторую сунул в рот.

— Ты что, никогда не закуриваешь? — раздраженно спросил Бун.

— Нет, — весело ответил док, — предпочитаю так. Как дела, Арчи? — продолжал он.

— Вечно ты задаешь мне этот вопрос, док. — Несмотря на механическое жужжание, в голосе Арчи слышались ворчливые нотки. — Что может со мной случиться? Я всегда в полном порядке.

— Почему-то я все время забываю, что ты особенный, — рассмеялся док. — Хотел бы я, чтобы и люди были такими же. Парни, как я, им были бы вообще не нужны.

— Молодец, что зашел, — проскрипел Арчи, — с тобой всегда приятно поболтать. С тобой у меня никогда не возникает ощущения, что ты что-то вынюхиваешь.

— Он говорит это нарочно, чтобы разозлить меня, — огрызнулся Бун.

— Не беспокойся, я ему не позволю, — успокоил док Буна. — Думаю, через сотню лет это действительно может поднадоесть, — снова обратился он к Арчи, — Только все это мартышкин труд. Похоже, так до сих пор никто ничего о тебе и не выяснил. Может, просто слишком глубоко копали, — проговорил он, и его сигара переместилась из одного угла рта в другой.

— Что ж, возможно, ты прав, — отозвался Арчи, — Ты напоминаешь мне Мастерсона — уж очень отличаешься от всех этих типов, которые сейчас меня изучают.

— Что, не любишь их? — Док подмигнул Буну, и тот сердито сверкнул на него глазами.

— А за что их любить? — спросил Арчи. — Я для них диковинный уродец, научный объект, над которым им велели ставить опыты. А Мастерсон, как и ты, относился ко мне словно к своему приятелю.

— Конечно, черт возьми, а как же иначе? — удивился док.

— Остальные лишь жалеют меня.

— От меня тебе жалости не дождаться, — сказал док. — Иногда я ловлю себя на мысли, что хочу стать тобой. Мне пришлась бы по душе твоя философия.

— Человеческой расе моей философии не понять, — возразил Арчи. — Сомневаюсь, что я смог бы ее объяснить, ведь у вас в языке и слов-то таких нет. Мне тоже нелегко далась земная философия. Я освоил историю, экономику, политологию, слежу за текущими событиями, но иногда, и даже очень часто, никак не могу понять, в чем же суть. «Какая чушь!» — думаю я и тут же начинаю убеждать себя, что, наверное, чего-то не понял. Или упустил что-то: нестандартный поворот мысли либо же один из основополагающих факторов.

— Вряд ли ты что-то упустил, Арчи, — успокоил его док. — Многое из того, что мы делаем, действительно глупо. Даже по нашим стандартам. Чего нам не хватает — так это благоразумия.

Док поднял глаза на большой, написанный маслом портрет, висевший на стене над столом Буна, — про самого Буна он почти забыл. С портрета ему улыбались добрые серые глаза, лоб был покрыт морщинами, волнистые седые волосы выглядели как серебряная корона.

— Побольше бы таких ученых, — сказал док. — Как нам не хватает людей, способных заглянуть в будущее.

Это был портрет Мастерсона. Человек, который обнаружил разумную жизнь в огромных облаках радона, висевших над громадными залежами радиевой руды. Мастерсон был больше чем просто провидец. Он был гениальным ученым, страстно увлеченным своей работой.

Как только он случайно обнаружил нечто похожее на разумную жизнь, он принялся разрабатывать свою гипотезу. В этой самой лаборатории он осуществил дело всей своей жизни, и теперь здесь на столе стоял результат его работы: свинцовая банка — Арчи.

Мастерсон под высоким давлением поместил радон в экранирующую банку с чувствительной системой управления. Сколько неудач пришлось ему пережить! Но они его не сломили, и он упрямо продолжал учить радон распознавать специальные электрические импульсы, проводимые через банку. И наконец радон, распознав в этих импульсах сигналы, посылаемые другим разумом, научился работать с системой управления и производить с ее помощью звуки.

Можно лишь догадываться, насколько нелегко им это далось. Сколько лет изнурительного труда ушло! Ведь и Мастерсон, и Арчи буквально на ощупь пробирались в потемках друг к другу, ибо их опыт, образ жизни и способ мышления были бесконечно различны. Два чуждых друг другу разума...

— Давненько все это было, правда, Арчи? — спросил док.

— Трудно сказать, — прогудел микрофон, — время мало что значит для того, что бесконечно.

— Так ты бессмертен?

— Может, и не бессмертен.

— А ты сам-то знаешь? — встрепенулся док.

Последовавшая затем реакция Арчи не раз доводила до бешенства всех его исследователей. Он просто не ответил.

В комнате повисла тишина. Док слышал, как на станции то и дело щелкали раздвижные двери и тихо гудело оборудование.

— И так всегда, — взорвался Бун, — вечно он вытворяет такие штуки. Заткнется — и слова из него не вытянешь, будто онемел. Порой взял бы и...

— Брось, Арчи, — строго велел док, — со мной тебе не нужно играть в прятки. Я не буду тебя выспрашивать. Я просто зашел немного развеяться. Хочешь, что-нибудь сделаю для тебя?

— Почитай мне свежую газету, — сказал Арчи.

— О, для меня это истинное удовольствие, — заявил док.

— Только не комиксы, — предупредил Арчи, — не понимаю, что вы в них находите.

За окнами станции наступила ночь, которая на Венере длилась целую неделю. Снова пошел снег, порывы ветра гнали огромные белые заряды, но не настоящего снега, а параформальдегида. Из него состояли громадные гряды облаков, навечно закрывшие планету от космоса.

На гребне породы, возвышавшемся рядом с куполом станции, в защитном скафандре стоял Харви Бун и озирал окрестности.

Внизу виднелся один купол. То тут, то там на его поверхности вспыхивали пятна света от раскачиваемых ветром прожекторов над радиевыми шахтами.

В шахтах работали мощные машины, подключенные к «мозгу радона». В их устройстве применялись те же принципы, что и для контакта с Арчи, только по упрощенной

схеме. Мозг, получив и распознав приказ, выполнял его посредством управляемых им механизмов. Но этот мозг не владел человеческими знаниями и не воспринимал их, в отличие от Арчи, который накапливал их вот уже сто лет.

Повсюду сновали люди. Все они были в блестящих кристаллических скафандрах, защищавших их от этого адского варева, которое называлось атмосферой Венеры. Один углекислый газ, а от кислорода и следа не осталось. Когда-то здесь было полно кислорода и водяного пара. Но кислород исчез, оставив вместо себя углекислый газ и формальдегид, а тот затвердел, соединившись с водяным паром.

Налетевший порыв горячего ветра взвил перед Буном облачко формальдегида, скрыв из вида станцию и людей, и его охватила дрожь. Он стоял, отделенный от всего мира вихрем белого облака, и ему никак было не отделаться от ощущения, что к нему кто-то подкрадывается сквозь эту пелену. То, что таилось в облаке снега, было страшнее самого страха, безудержнее паники, невыносимее ужаса.

Буну казалось, что еще секунда — и этот ужас навеки поглотит его, но наконец ветер унес снежное облако. Буря ухала и выла, словно желая загнать его обратно под купол. Танцующие вихри снега принимали жуткие призрачные образы. Пятна света внизу, над шахтами, фантастически переплетались с бешено мчавшимися белыми облаками.

Необъяснимая паника вновь охватила его. В порывах ветра ему слышались какие-то зловещие шорохи, кокой-то странный шепот. Разыгравшийся ветер злобно завыл и швырнул в него охапку снега.

Харви Бун вскрикнул и побежал. Невидимый ужас следовал за ним по пятам.

Он вбежал под купол станции и защелкнул дверь лаборатории на замок, но для дикого страха дверь не являлась препятствием. От него так просто не избавишься. Вылезая из скафандра, Бун заметил, как дрожат его руки.

— Нужно немедленно выпить, — проговорил он вслух.

Бун вынул из стола бутылку и отпил прямо из горлышка.

За его спиной раздался смех. Бун резко повернулся, его нервы были натянуты как струны.

Из банки, стоявшей на столе, на него смотрело искаженное злобой лицо. Бун понимал, что ему это мерещится. Никакого лица там не было. В банке вообще не было ничего, что можно увидеть. Там был один только Арчи, а Арчи — это радон под давлением, который можно наблюдать только через спектроскоп.

Бун быстро провел рукой перед глазами и снова взглянул на банку. Лицо исчезло.

— Что? Попался? Скоро я тебя прикончу, — хихикнул Арчи. — Ты уже был на волоске. Еще немного, и ты совсем спятишь. Ну, чего ты ждешь? Неужели на что-то еще надеешься? Все равно тебе конец.

— Ошибаешься, — заорал Бун, задыхаясь от ярости. — Это ты попался.

Он изо всей силы треснул кулаком по стопке бумаг, лежавших на столе.

— Это я прикончу тебя. Я уничтожу тебя. Я расскажу всем, что ты такое на самом деле.

— Неужели! — прокаркал Арчи.

— Будь ты проклят! — глухо проговорил Бун, ставя бутылку на стол. — Пожалуй, и правда пора покончить с тобой раз и навсегда. Слишком долго ты мотал мне душу. Ты у меня сам сдохнешь.

— Это как? — с издевкой спросил Арчи.

— А очень просто, — проревел Бун. — Забуду насыпать в тебя радон, и через неделю ты умрешь как миленький. Превратишься в полониум и...

— Куда тебе, ты не посмеешь, — дразнил его Арчи, — Ты ведь знаешь, что с тобой за это сделают. Твое институтское начальство скальп с тебя снимет.

В банке снова появилось лицо. До чего же оно было омерзительное! Волна безудержного бешенства захлестнула ученого. С яростным криком Бун схватил бутылку со стола и яростно швырнул ее. Бутылка пролетела над Арчи и вдребезги разбилась о стену над ним, окатив банку спиртным.

Арчи захихикал. Теперь перед лицом материализовалась еще, и рука и сделала непристойный жест.

С хриплым воплем Бун схватил тяжеленный стул. Комната наполнилась омерзительным смехом Арчи.

Совершенно потеряв голову от ярости, Бун заорал что-то бессвязное и с размаху обрушил стул на банку. Банка разлетелась на куски.

В комнате резко повысился уровень радиации. Замигали спектрографические детекторы. Зашелестели вентиляторы,

набрали обороты и пронзительно взвыли, очищая воздух и выбрасывая радон наружу. За куполом станции в атмосфере раздались шипение и вой.

Но Харви Бун ничего об этом не узнал, потому что был мертв. Нестерпимая жгучая боль пронзила его, и через мгновение он упал замертво. Его лицо и руки обгорели и стали ярко-красного цвета, а там, где были глаза, теперь зияли две дыры.

В естественном состоянии радон в сто тысяч раз активнее радия.

— При чем тут Арчи! — протестовал Джонни Гаррисон, — Гипноз! Это невероятно. Не мог он загипнотизировать человека. У нас нет никаких подтверждений этому. Мы наблюдаем за Арчи сто лет...

— Не забудь, — перебил док, — что мы наблюдаем за разумом. Только нам так и не удалось выяснить, насколько высок его уровень интеллекта. Мы знаем одно: этот разум не похож, да и не может быть похож на человеческий. Ну хорошо, мы вступили с ним в контакт, мы общались с ним. Но это общение происходило на нашем уровне и доступными нам средствами. Понимаешь, что это значит? — Док переместил сигару из одного уголка рта в другой.

— Это мне никогда не приходило в голову. — Лицо командира станции побледнело, — Но это значит, что... это означало бы, что интеллект Арчи настолько высок, что он сумел освоить человеческий способ мышления.

Док кивнул головой:

— А разве человек способен на такое? Думаешь, человек может научиться мыслить, как Арчи? Вряд ли. Способ мышления Арчи, должно быть, настолько отличается от нашего, что нам к нему даже не подступиться. И Арчи это понял. Выходит, мы разработали механическую базу для контакта, а Арчи — интеллектуальную.

— Ты меня пугаешь! — воскликнул Гаррисон.

— Мне самому страшно, — вздохнул док.

— Хватит ходить вокруг да около, — Гаррисон поднялся со стула. — Мы оба думаем об одном и том же.

— Ты прав, — ответил док, — ни о чем другом думать не получается.

— Теперь все они знают, — сказал Гаррисон, — они или оно, или что там еще, находится снаружи — теперь это нечто знает столько же, сколько и Арчи.

— Ты, к сожалению, прав, — согласился док. — Арчи всегда оставался собой, хотя мы и досыпали каждые три дня радон в банку. Это был только Арчи. А вот опыты с радоновым мозгом показали, что этот интеллект так и не овладел человеческими знаниями. Удивительно, вещество одно и то же, но почему-то тот радон, которым мы пополняем Арчи, сам становится Арчи. Интеллект же остального радона не усваивает тех человеческих знаний, что есть в Арчи.

— А теперь, — добавил Гаррисон, — он весь превратился в Арчи. Я сказал Маку, что нужно выключить машины, как только радон в мозге подойдет к концу. Мы не можем рисковать. Это нам дорого обойдется. Корпорация «Радий» расшумится на весь космос. Мы и так уже отстаем от графика...

Лицо его осунулось, он повернулся к окну и застыл, глядя, как бушует снежная буря.

— Перестань, Джонни! — посоветовал док. — Опять тебя одолевают мысли о том, что скажут в центральном офисе. Ты нервничаешь, потому что отстаешь от графика. Наверное, сразу вспомнил, что случалось с теми, кто не смог толкать индустрию вперед и удержать на высоте знамя корпорации «Радий». Тебе лезут в голову всякие ужасные мысли о тайной полиции, обвинении в саботаже и бог знает о чем еще.

— Послушай, док, — с отчаянием в голосе проговорил Гаррисон, — ведь это мой главный и единственный шанс. Я уже не так молод и должен использовать этот свой шанс. Покажи я себя на Венере с хорошей стороны, и я обеспечен на всю жизнь. Больше никаких третьеразрядных постов на луне Юпитера, никаких мерзких поручений на Марсе. Меня будет ждать Земля, а на ней непыльная работенка.

— Понятно, — сказал док, — заработала старая система страха. Ты боишься «больших парней», Мак боится тебя, люди боятся Мака. А все мы боимся Венеры. Солнечная система с потрохами принадлежит корпорации «Радий». Радиевая монополия, холдинговые компании, централизованное правление — все это дает ей тайное господство, хотя, пожалуй, тайньм оно ни для кого больше не является. Наш хозяин — Р. С. Уэбстер. Он господствует над нами, опираясь на тайную полицию и своих шпионов. Власть в его руках потому, что радий — это сила, а он — хозяин радия. Мы в его власти, потому что стоит ему щелкнуть пальцами, как любое правительство со всех ног мчится выполнять его приказы. До него над нами были его отец и дед. Придет время, и нашими хозяевами станут его сын и внуки. — Он

усмехнулся, — Что-то ты совсем раскис. Брось, Джонни. Никто этого не слышал, кроме тебя. А ты ведь не проговоришься. Главное, оба мы знаем, что это чистая правда. Радий — источник силы, поработившей Солнечную систему. Вся система зависит от добычи радия на Венере. Это та цена, которую земляне платят за освоение космоса, за свою солнечную империю. Страшно подумать, сколько стоит один межпланетный полет. Чтобы поддерживать эту солнечную империю, нужны огромные деньги. А никто просто так деньги давать не станет. Мы честно выполняли свой долг, и вот чем нам это обернулось.

Гаррисон дрожащей рукой налил себе бренди в стакан, пролив часть на стол.

— Что же делать, док?

— Хотел бы я знать, — отозвался док.

Зазвонил телефон, и Гаррисон снял трубку.

— Шеф, — раздался голос главного инженера, — пора или подпитывать мозг, или отключать его. Уровень радона падает.

— Разве я тебе не велел отключить его? — прорычал Гаррисон, — Мы не можем рисковать. Мы не можем отдать все машины во власть Арчи.

— Но ведь мы отстаем от графика, — с мукой в голосе простонал Мак, — если отключить, то...

— Я сказал отключить! — заревел Гаррисон. — Спаркс связывается с Землей. Я позвоню тебе позже.

Он повесил трубку, затем снова поднял ее и набрал номер службы связи.

— Как сообщение с Землей?

— Пытаюсь соединиться, — пролепетал Спаркс, — но, боюсь... мы приближаемся к Солнцу. Мы отрезаны от... Минуту... Связь появилась... Соединяю...

В телефонной трубке раздались треск и щелчки.

— Гаррисон? Привет, Гаррисон! — издалека послышался тонкий высокий голос.

Несмотря на помехи, Гаррисон мгновенно узнал, кому принадлежит голос, и его лицо перекосилось. Он так и видел, как президент «Радий Инкорпорэйшн» Р. С. Уэбстер подпрыгивает на стуле, взбешенный тем, что на Венере опять проблемы.

— Да, Р. С., это Гаррисон.

— Ну, — пропищал Р. С., — что случилось на этот раз? Говори же, приятель, что там еще произошло?

Гаррисон коротко пересказал суть дела. Дважды помехи прерывали разговор, и Спаркс из кожи вон лез, чтобы восстановить связь.

— Так чего ты боишься? — заорал человек на Земле.

— Ну, просто, — объяснил Гаррисон, с ужасом сознавая, насколько глупо это звучит, — Арчи сбежал. А значит, теперь весь радон знает то же, что и он. Если мы заправим мозг новым радоном, уже разумным... Понимаете, этот радон будет знать о нас все... то есть...

— Ну и чушь! — заорал Р. С. — Что за околесицу ты несешь? В жизни не слыхал ничего более нелепого.

— Но Р. С....

— Вот что, парень, — проговорил Р. С., еле сдерживая злость. — Разве мы не отстаем от графика? Разве ты находишься на Венере не для того, чтобы добывать радий?

— Да, — в отчаянии ответил Гаррисон.

— Ну так копай радий! Догоняй график. Заправляй мозг и принимайся за дело!

— Но вы не поняли...

— Я сказал, заполняй мозг и приступай к работе. Нечего сидеть сложа руки.

— Это приказ? — спросил Гаррисон.

— Это приказ! — отрезал Р. С.

В трубке зашуршали помехи, словно кто-то сдавленно хихикал над ними.

Гаррисон, не отрывая глаз, следил, как от поверхности Венеры с ревом отрывается корабль и исчезает в буре

белоснежного формальдегида. Мак, стоявший рядом, довольно потер руки, скрытые защитным скафандром.

— Теперь мы почти догнали график, — довольно сообщил он.

Гаррисон молча кивнул, не отрывая мрачного взгляда от простиравшейся перед ним равнины. Снова наступила ночь, и вихри формальдегида извивались в какой-то дьявольской джиге. Ночь, буря — и температура сто сорок градусов по Фаренгейту. За день длиной в неделю на планете стало еще жарче.

До его слуха доносились гул мощных, управляемых мозгом машин, копающих в шахтах руду, завывание ветра, вольно гулявшего над куполом станции и между ребристыми остроконечными холмами, легкое пофыркивание системы охлаждения в скафандре.

— Когда сделают банку для Арчи? — спросил он. — Новому наблюдателю от института Солнца не терпится поскорее приняться за работу.

— Еще пара часов — и готово, — ответил Мак. — Много времени ушло на расчеты, но теперь с ними закончено, и за дело взялись роботы.

— Как только закончите, сразу сообщите. Мы пытались установить контакт с радоном в машинах, но без толку.

— Есть только одна загвоздка, — добавил Мак.

— Что еще? — Гаррисон резко повернулся к нему.

— Мы не совсем точно рассчитали углы в этой банке. Ты ведь знаешь, в ней есть чрезвычайно сложные компоненты. Но мы решили поторопиться, чтобы этот стукач из института сразу, как только приедет, принялся за дело. Но когда роботы...

— Ну?.. — поторопил его Гаррисон.

— Когда роботы добрались до того места, где мы запутались, они просто отбросили чертежи в сторону и продолжили работу. Подумать только, даже не замялись.

Гаррисон и Мак обменялись озадаченными взглядами.

— Не нравится мне это, — заявил Мак.

— Мне тоже, — мрачно вздохнул Гаррисон.

Он повернулся и медленно побрел к станции, а Мак отправился обратно к шахтам.

А в это время в кабинете Гаррисона док знакомился с Роджером Честером, новым наблюдателем от института.

— В институте скопились горы отчетов, — говорил Честер, — я изучал их перед отлетом на Венеру. Читал их дни и ночи напролет, с тех пор как мне сообщили, что я должен лететь на смену Буну.

Док аккуратно разрезал новую сигару, одну половину положил в карман, вторую сунул себе в рот.

— И что же ты искал? — спросил он.

— Ключ к разгадке. Дело в том, что я хорошо знал Буна. Мы дружили много лет. Он был не из тех, кого можно так просто сломать. Одной Венере с ним было бы не справиться. Но я ничего так и не обнаружил.

— Может, у Буна в бумагах что-нибудь осталось? — предположил док. — Ты читал его отчеты?

— Я их сто раз перечел, — признался Честер, — в них ничего нет. Некоторые отчеты вообще исчезли — те, что за последние дни...

— Последние дни можно в расчет не принимать, — сказал док. — Парень был уже явно не в себе. Я бы не удивился, если бы он вообще ничего не писал в те дни.

— На него это не похоже, — упрямо проговорил Честер.

— Так что-нибудь ты все-таки накопал? — Док беспокойно толкнул сигару в другой уголок рта.

— Мало. После Мастерсона мы почти не сдвинулись с места. Даже сейчас, спустя столько лет, не верится, что радон — разумный.

— Из всех газов радон лучше всего приспособлен для жизни. Это тяжелый газ. Вес молекулы — двести двадцать два. Он в сто одиннадцать раз тяжелее водорода и в пять раз — углекислого газа. Молекулярное строение у него довольно простое, а вот строение атома — одно из самых сложных. Настолько сложное, что в нем и вправду могла зародиться

жизнь. А если говорить о неустойчивости — а для жизни это условие просто необходимо, — так это его радиоактивность. Химически он, пожалуй, инертен, но физически — это потрясающе неустойчивый, невероятно активный газ.

В кабинет вошел Гаррисон.

— Опять об Арчи треплетесь? — хмыкнул он.

Начальник станции подошел к своему столу и достал бутылку и стаканы.

— Уже две недели, как Арчи сбежал, — проворчал он, — И ничего! Мы сидим тут как на вулкане и ждем, когда он взорвется и пошлет всех нас в тартарары. Но все тихо. Что он задумал? Чего ждет?

— Это непростой вопрос, Гаррисон, — ответил Честер. — Представьте себе форму жизни, у которой нет никаких орудий труда, никаких инструментов просто потому, что она не умеет их делать. Да и зачем они ей, если она все равно никогда не смогла бы ими воспользоваться. Не забывайте, что человек обязан своему развитию во многом, а может и исключительно, орудиям труда. Началось-то все с того, что однажды ему пришлось поработать собственными руками...

Вдруг пронзительно зазвенел телефон. Гаррисон схватил трубку и услышал голос Мака.

— Шеф, эти проклятые роботы разбегаются, — орал главный инженер, — а за ними и машины из шахт...

Лицо командира перекосилось, будто чья-то ледяная рука сжала его горло.

— Тут настоящий ад, — Мак почти рыдал. — Но банку Арчи они оставили. Забыл сразу сказать.

— Мак, — заорал Гаррисон, — быстро в трактор и поезжай за ними! Мы должны знать, куда они направились.

— Но, шеф...

— Быстро за ними! — рявкнул Гаррисон.

Он швырнул трубку, тут же снова поднял ее и набрал номер.

— Спаркс, свяжись-ка с Землей.

— Связи нет, — отрезал Спаркс.

— Черт побери, сделай же что-нибудь! Это вопрос жизни и смерти.

— Не могу я никак, — запричитал Спаркс, — мы с другой стороны Солнца. Как тут свяжешься?

— Тогда пошли корабль.

— Какой смысл? — удивился Спаркс, — Корабль все равно полетит вокруг Солнца. Сколько дней пройдет...

— Ладно, — вяло откликнулся Гаррисон, — оставим это.

Он положил трубку и посмотрел на Честера.

— Так что ты там говорил про инструменты? Теперь у Арчи их целая куча. Он просто взял и украл их прямо у нас из-под носа.

Несколько часов спустя в кабинет ввалился Мак.

— Ничего не нашел, — доложил он, — как сквозь землю провалились.

Гаррисон внимательно посмотрел на него мутными, полными тревоги глазами.

— Все ясно, Мак. Честно говоря, я и не надеялся. Удались от станции на пять миль — и ты черт знает куда попадешь.

— Что же делать, шеф?

— Не знаю, — Гаррисон покачал головой, — Спарксу все-таки удалось отправить сообщение. Он успел зацепить Меркурий, когда тот выходил из-за Солнца. Надеюсь, оттуда сообщение передадут на Марс, а с Марса — на Землю.

Честер вернулся из лаборатории и сел на стул.

Док пошевелил во рту свою сигару.

— Ну, что сказал Арчи? — поинтересовался он.

— Я наполнил банку радоном, — заговорил Честер, покраснев до ушей, — но ответа не получил. Если можно так сказать, он послал меня к черту.

Доктор усмехнулся, глядя, как смутился парень.

— Не обращай внимания на выходки Арчи. Так же он обращался и с Буном. Постоянно доставал, пока тот совсем с катушек не съехал. Понимаешь, Арчи нужно было как-то выбраться на свободу. Он не мог действовать, сидя взаперти в этой банке. Вот он и заставил Буна выпустить его. У Буна

совсем крыша поехала, а Арчи, это жук еще тот, он свою линию держит твердо.

— Как думаешь, что у него теперь на уме? — не выдержал Гаррисон.

— Думаю, будет мотать нам нервы, пока мы не примем его условия, — ответил док. — Он хочет довести нас до состояния, когда мы будем готовы принять любые его условия.

— Какие условия? Что ему от нас надо?

Сигара дока проехала справа налево и вернулась назад.

— Откуда я знаю? Может, нам вообще никогда не понять, за что он воюет, а может, это просто борьба за существование. Его жизнь зависит от радия. Нет радия — конец радону, а значит, и Арчи.

— Чепуха, — вмешался Честер. — На Венере его столько, что хоть миллион лет копай, никто и не заметит.

— Кто знает, — возразил док, — может, для Арчи миллион лет — что пара минут для нас.

— Черт возьми, док, — рявкнул Гаррисон, — чему вы ухмыляетесь? Что здесь смешного?

— Просто забавно, — объяснил док. — Я частенько думал, что бы сделали земляне, если бы столкнулись с противником, который одной левой уложил бы их на обе лопатки.

— Он нас еще не уложил, — не согласился Мак, — по крайней мере пока.

— Все, что может помешать радию попасть на Землю, представляет для нас реальную угрозу, — заявил док. — И не забывайте, Арчи — это вполне по зубам. Нечего себя обманывать.

— Но ведь он так развалит всю Солнечную систему, — возмутился Гаррисон, — Машины встанут. Шахты и фабрики закроются. Прекратятся космические полеты. Придется эвакуировать с планет людей...

— То есть ты хочешь сказать, — поправил его док, — что Арчи развалит корпорацию «Радий», но не Солнечную систему. Система может обойтись и без корпорации. И даже без радия. Ведь жили же мы без него тысячи лет.

Единственная проблема в том, что система привязана к радию. Не будет радия, рухнет экономика, либо придется искать радию какую-то замену. А если замены не найдется, надо будет начинать с нуля и привыкать к новому образу жизни — кто знает, может, он окажется гораздо лучше...

— Это измена! — взвизгнул Честер, вскочив на ноги.

Гнетущая тишина повисла в комнате. Три пары глаз пристально уставились на Честера. Казалось, воздух так наэлектризовался, что еще немного, и произойдет разряд.

— Сядь, — резко приказал док.

Честер медленно опустился на стул. Руки Мака судорожно сжались, будто он сдавил чью-то глотку.

— Агент Р. С., — покачал головой док. — Мне сразу показалось, что он не похож на парня из института. Помните, он признался, что ему с трудом верится в разумность радона. Сотруднику института не нужно в это верить, он это знает.

— Ах ты подлый шпион, приехал вынюхивать! — гаркнул Мак, — Значит, тебя послали разузнать, что тут происходит у нас на Венере.

— Правда, как оказалось, никудышный шпион, — проговорил док, пристально глядя на Честера. — Все еще пылает энтузиазмом, все еще предан корпорации. Ну да, всех нас в школе пичкали этой туфтой. Только мы повзрослели и выросли из нее.

Честер облизал пересохшие губы.

— То, что корпорация сунулась в институт, — продолжал док, — означает одно из двух: либо Р. С. совсем зарвался, либо его загнали в угол. Институт был единственной организацией, которая могла дать ему отпор. Он никогда раньше не смел совать туда свой нос.

— Честер, надеюсь, ты понимаешь, что нам придется тебя уничтожить, — наконец заговорил молчавший до этого момента Гаррисон.

— Вы не посмеете, — прокаркал Честер внезапно охрипшим голосом.

— А какая разница? — спросил Гаррисон, — Если не мы, так кто-нибудь из людей Р. С. шлепнет тебя. Ты допустил промашку. А тебе ведь известно, что Р. С. не дает своим людям шанса промахнуться дважды.

— Но то, что вы тут сейчас говорили, — измена, — не унимался Честер.

— Можешь называть это изменой, если тебе так нравится, — огрызнулся Гаррисон. — Только в каком уголке Солнечной системы ты бы ни оказался, везде говорят одно и то же. Повсюду, где люди работают на износ и заглушают голос своей совести, везде, где питаются крохами, упавшими со стола корпорации, идут одни и те же разговоры.

Вдруг оглушительно зазвенел телефон. Гаррисон поднял трубку.

— Это Р. С., — прокричал в трубку Спаркс, — слышимость плохая, но, может, у вас получится поговорить. Связь идет через Марс и Меркурий.

— Приветствую тебя, Р. С., — прокричал Гаррисон.

В трубке жутко трещало, но Гаррисон с трудом различал едва слышные обрывки фраз:

— ...ждите... посылаем людей... десять кораблей...

— Людей?! — заорал Гаррисон, — Не надо никаких людей!

— ...и технику, — проскрипел голос Р. С. — Машины с ручным управлением... — Его слова утонули в треске и завываниях.

— Р. С., не нужно посылать людей, — взвыл Гаррисон, — Они все перемрут тут как мухи. Ты посылаешь их на верную смерть. Помнишь, как было вначале, еще до открытия Мастерсоном радонового мозга? Люди не могут работать в радиевых шахтах — работать и оставаться живыми.

— Заткнись! — взревел Р. С. — Будут работать... как миленькие...

— Да они взбунтуются! — крикнул Гаррисон.

— Пусть только попробуют. Я также посылаю полицейских.

— Полицейских! — взорвался Гаррисон. — Этих чертовых мясников Стритера?

— И самого Стритера тоже! И его головорезов! Уж они-то наведут у вас порядок.

— Вот что, Р. С., — с горечью в голосе проговорил Гаррисон, — в таком случае посылай и нового начальника станции. Будь я проклят, если стану работать со Стритером.

— Успокойся, Гаррисон. Ты прекрасный работник. Просто в последнее время тебе не везло. Но ты справишься.

— Я не буду заставлять людей работать, — отрезал Гаррисон, — По крайней мере так, как хочешь ты. Радий того не стоит.

— Будешь, куда ты денешься, — взвился Р. С. — Иначе я велю Стритеру самого тебя спустить в шахту. Нам нужны бесперебойные поступления радия. Добывать непрерывно, это приказ!

— Кстати, — сказал Гаррисон, внезапно успокоившись и посмотрев на Честера, — помнишь того парня из института, что приехал на место Буна?

— Да, кажется, припоминаю...

— Он куда-то пропал, — продолжал Гаррисон. — Потерялся где-то в холмах. Мы все прочесали, но и следов не нашли.

Честер сорвался со стула и бросился на Гаррисона, стараясь выхватить телефонную трубку у него из рук. Гаррисон от неожиданности пошатнулся, но кое-как отпихнул его.

— Ты что-то сказал, Р. С.? Ничего не слышно. Помехи.

— Я сказал, ну его к черту. Нечего тратить время на поиски. Есть вещи поважнее.

Тут Честер вновь кинулся на Гаррисона, пытаясь вырвать трубку у него из рук. Мак мгновенно подскочил к Честеру и поднял свой огромный кулак, после чего тот, описав дугу, угодил Честеру прямо в подбородок. Голова молодого человека резко откинулась назад, ноги оторвались от пола, он всем телом шмякнулся о стену и медленно сполз вниз, как какая-нибудь тряпичная кукла.

Док тут же подбежал к Честеру и склонился над беднягой.

— Похоже, ты перестарался, — буркнул он.

— А ты чего ожидал? — огрызнулся Мак.

— Он умер, — проговорил док, — ты сломал ему шею.

А снаружи бесконечная снежная буря заметала иззубренные холмы и освещенные светом шахты.

Док стоял у окна и наблюдал за суетой, которая царила возле шахт. Всюду сновали сотни людей в скафандрах и сотни машин. Возле складов стояли три космических корабля: шла погрузка. На всех сторожевых вышках были расставлены люди Стритера с автоматами на изготовку.

В комнату тяжелым шагом вошел Гаррисон.

— А в эту смену сколько? — спросил док.

— Семь, — хриплым голосом ответил он. — Экран взорвался.

— Так больше продолжаться не может, Джонни, — сказал док, покусывая сигару. — Это необходимо прекратить, или произойдет что-нибудь ужасное. Ведь отправлять сюда людей — все равно что подписать им смертный приговор. Последняя смена состоит из одних уголовников и бродяг, которых заманили на корабль лживыми обещаниями.

Гаррисон с сердитым видом плеснул в стакан спиртного.

— Что ты на меня так смотришь? — огрызнулся он. — Теперь это не моя забота. Я умываю руки. На мне одни административные обязанности. Всем остальным заправляет Стритер. Теперь он начальник. Это он заставляет людей работать. А только те пискнут, его ребятишки на вышках тут же начинают палить.

— Я все знаю, — тяжело вздохнул док, — и я не упрекаю тебя, Джонни. Но не нужно себя обманывать. Если будем сидеть сложа руки, Стритер примется и за нас.

— Сам вижу, — ответил Гаррисон и залпом осушил свой стакан, — Стритер понял, что с Честером что-то случилось.

Похоже, байка про то, что Честер затерялся где-то среди холмов, не сработала.

— А мы на это и не рассчитывали, — напомнил док. — Но пока мы делаем свою работу, пока не возникаем, пока ведем себя тише воды ниже травы, будем жить.

Из лаборатории, дверь в которую оставалась приоткрытой, раздался голос Арчи:

— Доктор, зайди, пожалуйста, на минуту.

— Конечно, Арчи, с удовольствием. Чем могу служить?

— Я хочу поговорить с капитаном Стритером.

— Капитан Стритер, — предупредил док, — человек не из приятных. На твоем месте я бы держался от него подальше.

— И все же, — настаивал Арчи, — я хочу поговорить с ним. У меня есть для него любопытные новости. Будь добр, позови его.

— Ну ладно, — согласился док.

Он вернулся в кабинет и набрал номер.

— Стритер слушает, — раздался голос в телефонной трубке.

— Арчи хочет поговорить с тобой, — сказал док.

— Арчи, — взревел Стритер, — пусть этот жалкий клубок газа катится ко всем чертям!

— Стритер, — ответил док, — мне, конечно, наплевать на то, как ты поступишь, но на твоем месте я бы поговорил с Арчи. Честно говоря, я бы пулей помчался.

Док положил трубку, чем оборвал гневный рев, доносившийся с другого конца провода.

— Ну что? — спросил Гаррисон.

— Он придет.

Минут через десять заявился Стритер, злобно сверкая глазами.

— Попрошу вас, господа, впредь не беспокоить меня из-за всяких пустяков, — сурово проворчал он.

— Туда. — Док указал пальцем на дверь.

Стритер направился в лабораторию, сердито топая тяжелыми ботинками.

— В чем дело? — рявкнул он.

— Капитан Стритер, — заскрипел голос Арчи, — мне не нравится, что вы тут устроили. Мне не нравится все, что творит корпорация «Радий».

— Да что ты? — деланно удивился Стритер, и голос его стал подозрительно бархатистым.

— А поэтому, — продолжал Арчи, — убирайся отсюда. И чтобы через полчаса тебя и твоих людей здесь не было — ни в шахтах, ни на планете.

В ответ послышались какие-то хрипы. От бешенства капитан полиции никак не мог совладать со своим речевым аппаратом.

— А если мы не уйдем? — наконец проскрежетал он.

— А если вы не уйдете, придется вас заставить. Если через полчаса не освободите шахту, я начну бомбардировку.

— Бомбардировку?!

— Именно так. На ваши шахты со всех сторон нацелены пушки. Это, конечно, варварство, но ведь по-другому вы не понимаете. Я мог бы применить и другие способы воздействия, но, думаю, бомбардировка — самый лучший.

— Да ты просто пугаешь меня, — рявкнул Стритер. — Нет у тебя никаких пушек.

— Хорошо, — ответил Арчи. — Дело твое. Поступай как знаешь. Мне, в общем-то, наплевать. Но помни: у тебя осталось тридцать минут.

Стритер развернулся и шумно протопал обратно в кабинет.

— Вы слышали? — гаркнул он.

Док кивнул.

— На твоем месте, Стритер, я бы не рисковал, — сказал он, — Арчи не шутит.

— Пушки! — прорычал Стритер.

— Так оно и есть! — подтвердил Гаррисон, — Зря ты ему не веришь! Когда роботы сбежали, они прихватили с собой все наше оборудование.

Лицо Стритера окаменело.

— Допустим, у него действительно есть пушки. Но и у нас есть оружие. Мы будем сражаться.

— О чем это ты? — рассмеялся док. — Разве можно с ним воевать? Где он? В кого ты собираешься стрелять? Он нигде и везде. Он непобедим. Его невозможно уничтожить. Арчи будет существовать всегда, пока на Венере есть радий.

— Надо срочно связаться с Землей, — решительно сказал Стритер. — Тут требуется поддержка армии.

— Иди, зови свою армию, — хмыкнул док. — Только не забывай, что сражаться ты будешь лишь с оружием Арчи, а не с ним самим. Ты, может, и уничтожишь его пушки, но ему как с гуся вода. Он возьмет и наделает себе еще пушек. А воевать с его оружием нелегко. Ведь оно будет разумным. Его оружию не нужны генералы и приказы, потому что у него будут свои собственные мозги. Так что тебе придется сражаться с машинами, наделенными острым и чрезвычайно опасным интеллектом. Поверь, Стритер, у тебя нет ни малейшего шанса.

Стритер сурово посмотрел на Гаррисона.

— И ты тоже так считаешь? — спросил он. В голосе его слышалась угроза.

— Арчи говорит правду, — принялся его убеждать Гаррисон, — Он может делать оружие, танки, космические корабли... да что там говорить, все, что есть у нас, только лучше. Инструменты у него есть, знания тоже. И еще кое-что в придачу: свой собственный интеллект и свои знания, которыми он с нами не соизволил поделиться.

— Вы оба арестованы, — отрубил Стритер, — Чтоб сидели на станции и носа не высовывали, понятно? А если попробуете выйти...

— Убирайся! — заорал Гаррисон, — Пошел вон, пока я тебе голову не открутил!

Стритер пулей вылетел из кабинета, в ушах его еще долго звенел хохот Гаррисона.

Док взглянул на часы.

— Прошло пятнадцать минут. Интересно, что сделает Стритер.

— А ничего, — ответил Гаррисон, — Он ведь тупица. Позвонит на Землю, ему вышлют на подмогу целую армию. Он ведь все еще не верит, что угрозы Арчи — вполне реальны.

— А я верю. Позвони-ка лучше Маку. Скажи, чтобы поскорее шел сюда. Не хотелось бы, чтобы он угодил под этот фейерверк.

Гаррисон кивнул и потянулся к телефону, а док тем временем пошел в лабораторию.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Арчи?

— И чего ты всегда задаешь этот вопрос, доктор? — проворчал Арчи. — Ну, допустим, прекрасно. Впрочем, как и всегда. Что со мной может случиться?

— Просто думал, может, объявив войну, ты чувствуешь себя как-то по-другому.

— Для меня это не война, — ответил Арчи. — И даже не приключение. В любом случае оно не имеет ничего общего с тем, что вы, люди, вкладываете в это понятие. Однако мои действия есть часть тщательно разработанного плана.

— Но тебе-то это зачем, Арчи? Для чего ты все это затеваешь? Ведь человек для тебя не опасен. Почему бы тебе просто не забыть о нашем существовании?

— Мне кажется, ты мог бы меня понять.

— Уж по крайней мере попытаюсь, — пообещал док.

— Ты много знаешь обо мне, — начал Арчи, — Ты, наверное, можешь представить, как я жил раньше, до того, как пришли земляне. Целую вечность я был сущностью без физической жизни. Все мое бытие заключалось в играх разума. И разум мой развивался. У меня не было тела, о котором нужно было беспокоиться, поэтому, ограниченный жесткими реалиями своего бытия, я в него же и углублялся. Я думал, размышлял и был доволен своей жизнью, ведь другой я не знал. Моя жизнь и вправду казалась мне хорошей — никаких тревог и неудобств физического существования. Порой мне даже хотелось, чтобы так оставалось всегда.

Врагов у меня не было. У меня даже соседей не было, а потому и воевать было не с кем. Я мог представить себе, что я один, а мог вообразить, что я — это множество. Я был самодостаточен. Конечно, я знал о физическом существовании. Ведь я видел тех редких крошечных животных, которым удавалось выжить на Венере. Но это жалкое существование, конечно же, не может идти ни в какое сравнение с жизнью на Земле. Тем не менее это тоже своего рода физическое существование.

Я заинтересовался такой формой жизни и даже стал разрабатывать поведенческую модель для нее, как если бы она была наделена моим разумом. Я начал с отрывочных образов и постепенно нарисовал законченную картину гипотетической цивилизации, которая была в чем-то подобна земной, а в чем-то сильно от нее отличалась. Точно такой же она быть не могла, потому что, как ты знаешь, моя философия далека от вашего образа мышления.

Его дребезжащий голос на секунду затих, затем он продолжил:

— Сам я, конечно, не имел возможности опробовать свою теорию.

— Зато мог бы использовать для этой цели землян, — продолжил док, переместив сигару во рту.

— Ты прав, — откликнулся Арчи, — Использовать землян было хорошей идеей.

— Если бы ты сумел заставить их.

— Я никого не собираюсь принуждать, — проскрипел Арчи, — Это будет всего лишь эксперимент.

— Ты думаешь, твой эксперимент нужен Земле? А что, если твоя философия и эта твоя гипотетическая цивилизация обернутся для землян настоящей трагедией?

— Честно говоря, доктор, мне на это наплевать.

— Вот как, — протянул док.

— Но это еще не все, — сказал Арчи, — У вас с Гаррисоном и Маком проблемы.

— Проблемы? Да мы по уши в дерьме!

— Вас ждет корабль, — внезапно заявил Арчи. — Он стоит к северу от станции, между холмами. Это самый быстрый космический корабль во всей Вселенной.

— Корабль! — воскликнул док. — Откуда он взялся?

— Я его построил, — ответил Арчи.

— Ты?!

Слова доктора растворились в жутком грохоте, от которого содрогнулась вся станция.

— Началось! — крикнул Гаррисон.

Док вбежал в кабинет и бросился к окну. С неба сыпались обломки машин и куски руды.

Через пару минут светло-голубое пламя вновь осветило радиевые шахты. Оглушительный взрыв потряс станцию до основания. Две вышки, чудом устоявшие после первого взрыва, под напором ударной волны второго рассыпались и исчезли в кромешном хаосе.

— Фугасный заряд! — прокричал Гаррисон.

— А какой же еще! — отозвался потрясенный док. — Если б он применил ядерный, вся планета разлетелась бы на куски. Какой дурак станет использовать на Венере что-нибудь, кроме простых фугасов!

В кабинет, прихрамывая, вбежал Мак.

— Спасибо, что позвонили, — прохрипел он.

В окно было видно, как из шахт, словно испуганные муравьи, бегут люди — к единственному уцелевшему кораблю. На жалкие остатки радиевых разработок медленно оседала пыль. Не уцелело ни одного фонаря, и мир утонул во мраке. Вдруг, будто по чьей-то команде, взвыл ветер и накрыл низины и людей белой пеленой.

Когда снежная буря наконец стихла, нигде не было видно ни малейшего признака жизни — все замерло. Из пусковой ракеты уцелевшего корабля вырвалось пламя. Огромный корабль начал плавно подниматься с поверхности, купол станции завибрировал. Затем по небу чиркнул огненный хвост и мгновенно исчез в облаках. Густой сумрак и тишина окутали станцию.

— Вот и все. Мы остались одни. Нам придется теперь ждать, когда приедут военные и...

— Ошибаешься, — покачал головой док. — На севере между холмами стоит корабль. Его построил для вас Арчи. Возьмите с собой Спаркса. Он должен быть где-то здесь.

— Для нас? — переспросил Мак. — А как же ты?

— Я лететь не могу. Мне надо тут кое-что еще доделать.

— Плюнь на все, док, — принялся убеждать его Гаррисон, — Ведь Арчи построил его именно для тебя. Из всех нас он любит одного тебя.

— Нет, я уже все решил, — упрямо мотнул головой док. — Я не полечу. Кстати, Арчи сказал, что корабль сверхскоростной. Думаю, вам лучше всего направиться к астероидам и постараться там затеряться. Вам надо переждать какое-то время. Думаю, скоро все переменится.

— Ты боишься Р. С., боишься, что он тебя схватит? — усмехнулся Мак.

— Нет, этого я не боюсь, — возразил док. — Хуже, чем сейчас, мне уже не будет. Так что теперь мне бояться нечего. И потом с Р. С. покончено навсегда. Он теперь — пустое место, хотя сам еще этого и не знает.

— Мак, — обратился к главному инженеру Гаррисон, — ну что мы его слушаем? Свяжем упрямого дурака, отнесем на корабль, да и дело с концом.

— Джонни, если ты так поступишь, я тебе этого никогда не прощу. Поверь, мне действительно нужно остаться.

— Ладно, — ответил Мак, — Если этот чокнутый втемяшил себе в голову, что ему нужно остаться, пусть остается, а нам надо поторапливаться. Пойду поищу Спаркса. А то еще додумается позвонить сволочи Стритеру, попросить, чтобы тот не забыл про нас, когда вернется.

Гаррисон молча кивнул и направился к двери.

— Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся, док, — сказал он, взявшись за ручку и обернувшись к своему другу.

— Это точно. Жаль, что все так обернулось, Джонни. Грязная вышла история. А ведь еще чуть-чуть, и ты был бы на Земле, сидел бы себе в мягком кресле и в ус не дул.

— Да ну тебя, — ответил Гаррисон, — какие теперь к черту кресла?

Док стоял у окна и ждал, когда пламя взлетавшего корабля озарит холмы на севере. Вот вспыхнуло зарево, и маленькая огненная точка начала подниматься все выше и выше к солнцу. Док следил за ней, не отрывая глаз.

Все выше и выше к солнцу. Туда, где мерцают звезды. Это и есть путь человечества: стать властелином звезд. Человек проникнет в самые дальние уголки Вселенной, проложит новые пути между галактиками и построит свои аванпосты в самых недосягаемых солнечных системах.

Но чтобы человечество могло осуществить свое предназначение, ему нужен лидер, который избавит его от таких шакалов, как корпорация «Радий», порождаемых ненавистью, жадностью и завистью!

Возможно, человечество действительно ступило на неверный путь, и философия его с самого начала была ущербна, а потому капелька инопланетной философии, пусть она и покажется странной на первый взгляд, пойдет ему на пользу.

Док вздохнул и отошел от окна.

В комнате повисла мрачная тишина. Лишь оборудование все еще гудело, да время от времени включались вентиляторы.

Док достал из кармана жилета новую сигару и аккуратно разрезал ее пополам. Одну половину он сунул себе в рот, а вторую положил обратно в карман. А затем не спеша направился в лабораторию.

— Как себя чувствуешь, Арчи? — спросил док.

— Ну и дурак же ты, — бросил Арчи.

— Это почему?

— Я дал тебе шанс, — проскрежетал Арчи, — а ты им не воспользовался. Теперь, что бы ни случилось, пеняй на себя.

— Мне нужно было поговорить с тобой кое о чем, — сказал док.

— Мог бы поговорить перед отлетом.

— Нет. Это разговор один на один, не для посторонних ушей.

— Хорошо. — В голосе Арчи слышалось нетерпение. — Давай выкладывай.

— Я просто хотел тебе сказать одну вещь, — начал док. — Думаю, мои слова смогут многое прояснить для тебя. На самом деле это я уничтожил те записи, что Бун сделал перед смертью.

— Что?

— Я уничтожил его записи. Мне не хотелось, чтобы ты оказался у них в руках. Дай только человечеству почувствовать свою власть над собой, и ты покойник. Поверь мне, уж это как дважды два.

— Почему же ты не сказал мне об этом раньше? — проворчал Арчи.

— Мне нужно было время, — ответил док. — Я должен был все как следует обдумать.

— Для раздумий времени у тебя было более чем достаточно.

Док переместил сигару из одного уголка рта в другой.

— Верно. И тем не менее я не мог принять окончательное решение. И пришел к нему совсем недавно.

— Что же тебе помогло?

— Корабль, — ответил док. — Корабль, который ты построил.

— Понятно, — буркнул Арчи.

— Не такой уж ты жестокий, как хочешь казаться, — усмехнулся док. — Может, раньше в тебе этого и не было, но за последние сто лет ты получил некоторое представление о человеческих эмоциях. И корабль явился тому подтверждением.

— Как же я люблю тебя, док. — Голос Арчи прозвучал почти нежно, — Ты так похож на Мастерсона.

— Я отдаю тебе человеческую цивилизацию, чтобы ты провел свой эксперимент, — продолжал док. — Это будет великий эксперимент. Ведь в руках у тебя прекрасный материал. Только правильно обращайся с ним. Направь человечество к звездам и не позволяй ему сбиваться с курса. А я прикрою тебя от корпорации «Радий». Думаю, с тобой человечество сможет добиться гораздо большего. Смотри, не разочаруй меня, Арчи.

— Об этом я никогда не думал, — пророкотал Арчи. — Может, человечество и в самом деле заслуживает лучшего.

— Не такие уж они плохие ребята. К тому же, — усмехнулся док, — если твой эксперимент им не понравится, они просто отвернутся от тебя. Ведь если радий им будет не нужен, у тебя не будет средства воздействия на них. Но если ты проиграешь и победит корпорация «Радий», человечество потеряет последний шанс и люди навсегда превратятся в рабов.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — осведомился Арчи, — В твоих руках были сведения, которые могли меня погубить. Но ты ими не воспользовался. И говоришь, что не собираешься. Почему бы на этом не остановиться?

— Будь ты мужчина, — заявил Док, — я бы врезал тебе за такие слова. Я вовсе не строю из себя героя. У меня на уме есть еще кое-что.

— Что именно?

— Послушай, один только Бун нашел ключ к разгадке. А может, даже и он до конца не разобрался во всем. Но он мог бы, будь у него побольше времени. Только ты его убил первым. Ты уже давно продумывал план побега, а его открытие заставило тебя поторопиться.

— Надо же мне было как-то защищаться, — вставил Арчи.

— Эти записи были очень опасны для тебя, — сказал док. — Достанься они людям, они бы знали, как тебя одолеть.

— Но ты ведь уничтожил записи. Так что теперь я в безопасности.

— Нет, — качнул головой док. — Нет, Арчи. Потому что теперь все это знаю я.

— Но ты ведь никому не расскажешь.

— Еще как расскажу, — ответил доктор, — я просто не смогу не рассказать. У полиции Р. С. есть множество способов развязать человеку язык. Мерзкие, жуткие приемчики. Я ведь психолог. Мне ли не знать. Они догадываются, что мне известно гораздо больше, чем я посчитал нужным им сообщить. Честер очень интересовался отчетами Буна...

— Но если бы ты сбежал вместе с остальными, то мог бы спрятаться...

— А меня в любой момент могли бы найти, — возразил док. — В нашем же с тобой деле даже малейший риск недопустим.

Он подошел к тяжелому стулу.

— Это единственный способ, Арчи. Лучше ничего не придумать. Только так мы обведем их вокруг пальца — ты и я.

— Есть и другие способы, доктор, — Голос Арчи вновь стал холодным и механическим.

— Тут главное психологический эффект, Арчи, — усмехнулся док. — Сначала Бун, теперь я. Это сделает из тебя настоящее пугало. После второго такого случая люди предпочтут держаться от тебя подальше, и вряд ли кому-нибудь захочется серьезно тебя изучать.

Он приподнял стул, прикидывая, насколько он тяжел.

Его сигара переместилась из одного уголка рта в другой. Док изо всех сил размахнулся и опустил стул на банку.

Сидевшее за панелью управления существо злорадно, издевательски захихикало.

— Все ваши убеждения ошибочны. Здесь нет ничего, кроме зла.

Стивен Лэтроп устало заметил:

— Я видел много чего.

— Я пытался показать вам: человеческая раса — это то, что никогда не должно было существовать, — объявил чужак, — Возможно, это был эксперимент, который провалился. По странной случайности он пошел не так, как задумывалось, и человечество стало милосердным. Но для милосердия нет места во Вселенной. Так жить не принято. Я думаю, что доказал это.

— Зачем было себя утруждать? — спросил Лэтроп.

Существо посмотрело на него с подозрением.

— Но была другая раса. Раса, которая нашла ответ...

— Мы тоже найдем свой ответ! — прорычал мужчина, — К тому времени, когда они достигнут нас, у нас будет ответ. Мы будем бороться с ними нашими собственными методами.

— Вы не можете бороться с ними, — сказало существо, — Нет методов, чтобы бороться со вселенским злом. Лучшее, что вы можете сделать, — скрыться от него.

Землянин пожал плечами.

— Чтобы достичь нашей планеты, им потребуется много времени. Теперь, когда нам известно о них, мы будем наготове.

Существо за пультом сосредоточилось на переключении кнопок, затем сказало:

— Вы никогда не будете готовы. Вы подобны свече на ветру, ждущей порыва ветра, который задует ее.

Через обзорный экран Лэтроп мог видеть утомляющую глаза черноту, усеянную незнакомыми звездами, за

которыми виднелись неотчетливые туманности — далекие галактики.

Где-то позади, в миллионе световых лет от того места, где они находились, в направлении к центру Вселенной, лежал Млечный Путь, родная галактика, в которой планеты вращались вокруг Солнца.

Лэтроп попытался вспомнить маршрут их движения, мысленно вернуться назад к зеленой Земле и красному Марсу, но время стерло цепь мыслей, и пришли другие воспоминания, холодные, страшные воспоминания, которые настигли его, словно когтистые, морщинистые лапы.

Воспоминания о чужих землях, полные отвращения и злобы. Незнакомые, странные планеты — странные не потому, что они были чужими, а из-за жуткого ужаса, таящегося в самой их сущности. Воспоминания о неуклюжих тварях, которые одержали победу над достойными сожаления людьми, чье преступление заключалось лишь в том, что они не могли сопротивляться.

Он потряс головой, чтобы отбросить воспоминания, но это было бесполезно. Он знал, что они никогда не исчезнут. Они всегда сопровождали его, заставляли просыпаться от собственного ужасного крика во сне.

Они оставались с ним и сейчас, эти воспоминания, и пронзительно вопили — беспорядочные, лязгающие фразы, въедавшиеся в его мозг. Оглушающая, обжигающая душу сага о древнейшем зле, пришедшем из отдаленных миров. О зле в действии, которое пожирает галактики, марширует по звездным потокам. О неестественном голоде вызывающих отвращение полчищ, рыскающих по безднам космоса, чтобы убивать и грабить.

Он знал, что все, чем обладало человечество, было чуждо этим расам, но не в том смысле, что не было ими понято, а в том — и это было еще ужаснее, — что они не могли это признать. Природе этих полчищ просто были несвойственны порядочность, любовь и преданность — качества, которые присущи людям Земли. Убеждения землян никогда

не могли стать их убеждениями: они не могли понять точку зрения землянина, так же как землянин не мог понять их чувство уверенности в необходимости существования абсолютного зла.

— Я не благодарю вас за то, что вы сделали, — сказал Стивен Лэтроп существу.

— Я не жду от вас благодарности, — ответил чужак. — Я показал вам Вселенную, так сказать, ее поперечный срез, этого вполне достаточно для того, чтобы понять, что ждет в будущем человеческую расу.

— Я не просил, чтобы мне показывали. Я не хотел это видеть.

— Конечно не хотели.

— Почему вы тогда взяли меня с собой?

— Земля должна знать, — провозгласило существо, — Земля должна подготовиться к тому дню, когда этот поток зла зальет ее и соседние планеты.

— И я должен сообщить им об этом, — с горечью проговорил Лэтроп, — Я должен стать одним из Проповедников. Одним из Проповедников зла. Я должен встать на перекрестках улиц Земли и провозглашать это. Я должен идти пешком по пескам Марса, чтобы донести эту весть. Будь я проклят, если так поступлю.

— Вы бы сослужили службу вашей расе.

— Службу, которая заключается в том, чтобы сказать им: бегите, спасайтесь, прячьтесь? Вы не понимаете человеческую расу. Она не прячется. Это раздражает ее, и она намерена бороться. И даже если бы люди действительно захотели спрятаться, где бы они могли это сделать?

— Есть выход, — настаивал на своем чужак.

— Еще одна из ваших загадок, — сказал Лэтроп, — Пытаетесь свести меня с ума с помощью ваших пространных намеков. Я продолжаю сосуществовать с вами. Я даже пробовал с вами подружиться. Но я никогда не понимал вас, никогда не чувствовал, что, между нами, двумя живыми существами, есть что-то общее. И это неправильно. Один только

очевидный факт того, что мы живые и одни здесь, должен дать нам некоторое ощущение товарищества.

— Вы говорите о вещах, о которых у меня нет никакого представления, — заявило существо, — Слишком многие ваши мысли мне чужды.

— Тогда, возможно, вам понятно такое чувство, как ненависть?

— Ненависть? — повторил чужак. — Да, это чувство мне знакомо.

Лэтроп пристально наблюдал за тем, как существо работало за панелью управления, регулируя настройку, налаживая всевозможные механизмы, колотя по клавишам и кнопкам. Его конечности сжимались и разжимались — конечности, которые были иссушены приближающейся старостью, но в которых еще оставалась мощь и сила.

Наконец существо, слегка хихикая, оторвалось от пульта.

— Мы летим домой.

— Домой — на Марс?

— Верно.

Лэтроп засмеялся сквозь зубы, не шевеля губами.

— Поездка была слишком долгой, — заметил он. — Вы не сможете доставить меня вовремя, и я не успею приготовить проповедь для вас. Мы — в миллионах световых лет от Марса. Я умру прежде, чем мы доберемся туда.

Существо что-то переключило на панели своими скользкими щупальцами.

— Мы находимся неподалеку от Марса, — сказало оно, — Миллионы световых лет — долгий путь, конечно, но он станет короче благодаря заданным мной координатам.

— Четвертое измерение? — спросил Лэтроп, высказав давно существующее у него подозрение.

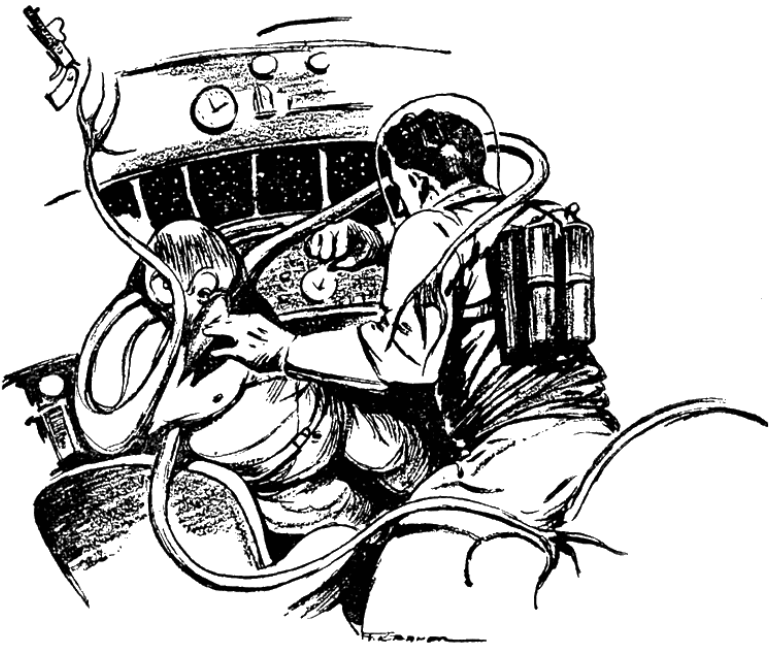
— Я не могу сказать вам об этом, — ответил чужак.

Лэтроп покосился на панель управления.

— Автоматическое устройство, полагаю. Все, что мы должны сделать, это сидеть и ждать, пока нас доставят прямо на Марс.

— Совершенно, верно, — согласилось существо.

— Это все, — сказал Стивен Лэтроп, — что я хотел знать.



Он с невозмутимым видом поднялся, медленно ступил вперед, затем сделал стремительное движение. Чужак в панике схватился за оружие, висевшее у него на ремне, но действовал чересчур медленно. Один-единственный удар — и оружие вылетело из извивающегося щупальца. Существо жалобно визжало, но руки Лэтропа были беспощадны. Они уверенно и методично выдавливали жизнь из корчившегося тела.

Землянин стоял, широко расставив ноги, и пристально смотрел на бесформенную массу у его ног.

— Это за те годы, что вы отняли у меня, — сказал он, — За то, что сделали меня стариком, заставляя смотреть на вещи,

которые мне никогда не хотелось видеть. За то, что не было ни одного мгновения дружеского общения, а был только вид космоса, доводивший меня до безумия.

Он потер руки, медленно, задумчиво, как будто пытался соскрести с них что-то. Затем развернулся и пошел прочь.

Внезапно он вытянул руку и коснулся стены. Его пальцы сильно надавили на нее. Она действительно была там. Прочная, твердая, металлическая конструкция.

«Ну вот и все, — подумал он. — Стивен Лэтроп, археолог, действительно находится на этом корабле, он действительно своими глазами видел космос. Стивен Лэтроп наконец летит домой к Марсу. Интересно, Чарли все еще там?»

Губы Лэтропа слегка шевелились. Он вспоминал. Чарли, должно быть, искал его долгое время и, не найдя, вернулся на зеленую Землю, о которой он всегда говорил... Или он вернулся в город, чтобы продолжить работу, которую они делали вместе? А что, если Чарли умер? Это было бы странно — и тяжело — вернуться на Марс и не встретить там Чарли.

Он снова надавил на металлическую стену — еще раз, только чтобы убедиться. Она по-прежнему оставалась на месте, массивная и прочная.

Он вернулся, чтобы посмотреть на мертвое существо на полу.

— Жаль, — сказал он задумчиво, — что я так и не узнал, кто он такой.

Доктор Чарльз Г. Картер знал, что сделал хорошую работу. Местами книга была немного категорична, возможно, в ней было слитком заметно стремление доказать свою гипотезу, но, после того как человек копался в навозных кучах Марса в течение более чем двадцати лет, он имел право быть немного категоричным.

Взяв последнюю страницу рукописи, он снова перечитал ее:

«Есть, я убежден, серьезное основание полагать, что марсианская раса не может считаться вымершей, хотя, где она находится или почему она там находится — вопрос, на который при современном уровне знаний мы не в состоянии дать ответ.

Возможно, самым сильным аргументом, выдвинутым в поддержку утверждения, что марсиане все еще могут существовать, является именно та ситуация, которая свела наши знания о них к минимуму: абсолютное отсутствие книг и записей. Несмотря на обширный поиск, ничего похожего на марсианскую библиотеку не было найдено.

Кажется маловероятным, что люди независимо от того, как произошло их вымирание — медленно и только после окончательного поражения в долгой борьбе с опасностью или быстро, после стремительной атаки, — были способны или желали уничтожить либо скрыть все записи. Даже если бы желание действительно присутствовало, острая необходимость борьбы за выживание мешала бы его выполнению. В любом случае, намного логичнее было бы считать, что люди, сталкиваясь с вымиранием своей расы, приложат все усилия, чтобы оставить после себя какие-нибудь пережившие их записи, которые могли бы, по крайней мере, спасти их имена от забвения, мысль о котором причиняла им страдание. Лучшая гипотеза, как кажется, состоит в том, что марсиане ушли куда-нибудь и взяли эти записи с собой.

И при этом мы не находим ни в архитектуре, ни в искусстве Марса никакого намека на ситуацию, которая могла остановить вымирание расы. Марсиане должны были понимать: их планета не приспособлена для длительного поддержания жизни крупных популяций, что продемонстрировано многими тенденциями в искусстве, особенно символикой кувшина. Но нигде нет свидетельства какой-нибудь сильной, все затмевающей опасности. Марсианское искусство и архитектура в течение многих периодов времени следуют естественному развитию, которое отражает не что иное, как устойчивый рост зрелой цивилизации.

Прискорбно, что больше ничего нельзя узнать об уникальной личности, которую все называют Марсианским Призраком и которая обитает в некоем марсианском городе, возникшем, кажется, сравнительно недавно. Общаясь с Призраком, я получил ясное представление о том, что он при желании мог дать ключ, который мы ищем, и предоставить нам определенную информацию относительно настоящего местонахождения и состояния марсианской расы. Но когда вы общаетесь с Призраком, то имеете дело с формой жизни, которая в современном знании ни с чем не сравнима, и понимание этого осложнено еще и тем фактом, что она, в сущности, является отображением внеземного разума».

Картер положил страницу на стол, достал трубку.

Металлическое создание, сидевшее на корточках в углу рабочего кабинета, слегка шевельнулось.

— Я возьму это, доктор. «Ваша работа закончена», — сказало оно.

Картер вздрогнул, затем принялся набивать табак в трубку.

— Я почти забыл о тебе, Бастер, — обратился он к роботу, — Ты сидишь так спокойно.

Мужчина пристально смотрел в иллюминатор, который обрамлял дикую, красную пустоту Марса. Мелкий, истонченный ветрами песок шуршит, когда по нему ступают. Если бросить взгляд налево, можно увидеть фантастические башни из более твердой породы, которая до сих пор стойко сопротивлялась силам, выравнивавшим поверхность планеты. Направо просматриваются размытые остроконечные шпили и зубчатые стены, напоминающие башенки, — марсианский город, где жил Элмер, Марсианский Призрак. А чуть ближе — раскопки, где после двадцати лет перелопачивания и просеивания песка и изучения результатов была получена жалкая горстка фактов о марсианской расе — фактов, которые теперь изложены на страницах рукописи, сваленной в кучу на столе.

— Нет, Бастер, — сказал он, — моя работа здесь еще не завершена. Я просто прерываю ее. Однажды кто-то придет и продолжит этот труд. Возможно, мне следовало бы остаться... Но прошедшие годы были годами одиночества. Я убегаю от него, но боюсь, что не преуспею в этом. Много раз я был уже близок к побегу. Но сознание того, что это не только моя работа, но также чья-то еще, удерживало меня здесь.

— Работа доктора Лэтропа, — проскрипел Бастер.

Картер кивнул.

Двадцать лет назад Стив Лэтроп пропал. Картер мог в точности вспомнить то утро, когда Стив уехал на аванпост Красных Скал, чтобы получить продовольствие, — казалось, каждая деталь оставила неизгладимый след в сознании. За прошедшие годы Картер много раз заново проживал минуту за минутой, стараясь обнаружить хотя бы крошечный эпизод, который мог стать ключом к разгадке. Но ключа не было. Стивен Лэтроп фактически просто исчез с лица Марса, испарился без следа. Он уехал за продовольствием, но так и не вернулся. Это само по себе было началом и концом. Больше ничего не произошло.

Картер знал, что еще немного — и пора будет собираться в дорогу. Рукопись закончена. Записи упорядочены. Все образцы, за исключением нескольких экземпляров, помечены ярлыками и готовы к упаковке. Рабочие отпущены. Как только Альф вернется, можно приниматься за работу. Альф ушел в город три дня назад и до сих пор не возвратился — но в этом не было ничего необычного. Так или иначе, Картер не мог чувствовать никакого раздражения по отношению к Альфу. В конце концов, такое обстоятельство, как завершение двадцатилетней работы, служило достаточным поводом для своего рода кутежа.

Последние лучи заходящего солнца струились в окно, растекаясь по комнате, освещая и усиливая цвета марсианских кувшинов, выставленных вдоль стены. Не очень

большая коллекция в сравнении с некоторыми собраниями профессиональных коллекционеров, но она наполняла теплотой душу Картера. Эти кувшины в некотором смысле представляли собой эволюцию марсианской культуры — от маленького кривобокого экземпляра до очень крупного произведения, являвшегося вершиной развития кувшинного культа. Образцы из всех районов Марса, принесенные ему костлявыми обладателями бакенбард — охотниками за кувшинами, которые рыскали по пустыням в постоянном поиске, всегда исполненные надежд, всегда уверенные в себе, всегда мечтающие о том дне, когда они найдут кувшин, который сделает их богатыми.

— У Элмера гость, — сообщил Бастер. — Возможно, мне следует вернуться домой. Наверное, я нужен Элмеру.

— Гость? «Х-м-м» ... — произнес Картер, слегка удивляясь.

Элмера редко посещали. Когда-то город Марсианского Призрака был включен в маршрут каждого туриста, но в последнее время правительство запрещало посещения. Визитеры выводили Элмера из себя, и, поскольку он обладал чем-то вроде дипломатического статуса, правительство должно было принять какие-то меры. Изредка Элмера навещали ученые; также было разрешено находиться здесь очень короткое время студентам, изучающим искусство, которые знакомились в городе с картинами — единственным обширным собранием когда-либо существовавших марсианских холстов.

— Художник, — ответил Бастер. — Художник с розовыми бакенбардами. Стипендиат одной из земных академий. Его зовут Харпер. Он особо интересуется «Наблюдателями».

Картеру были знакомы «Наблюдатели» — пугающий, мрачный холст. Было что-то необычное в технике, в которой была написана эта картина: она казалась живой — как будто художник смешал краски с реальным страхом и ужасом.

Приглушенно, словно извиняясь, на столе заурчал радиотелефон. Картер нажал на тумблер, матовое стекло экрана зажглось, и на нем появилось лицо с грубой морщинистой кожей, украшенное длинными, желтыми, свисающими, как у моржа, усами, необычно большими ушами и парой тускло-голубых глаз.

— Привет, Альф, — добродушно сказал Картер. — Ты где? Я ждал твоего возвращения несколько дней назад.

— Так помогите мне, док, — сказал Альф, — Они посадили меня в тюрьму.

— За что на сей раз? — спросил Картер, полагая, что причина ему известна. Рассказы о похождениях алкоголика Альфа давно стали неотъемлемой частью многочисленных легенд Красных Скал.

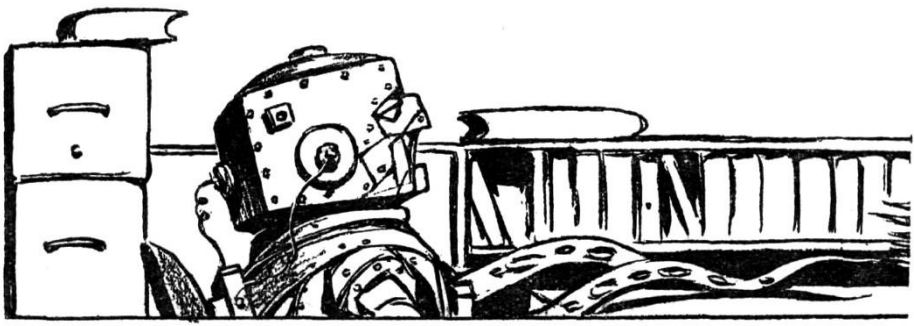
— Всего лишь охота за кувшином, — признался Альф, шевеля усами.

Картер мог заметить, что Альф довольно трезв. Его тусклые глаза были лишь слегка увлажнены — и только.

— Догадываюсь. Снова Фиолетовый кувшин? — поинтересовался Картер.

— Абсолютно точно. Это был он, — ответил Альф, стараясь казаться бодрым, — Вы бы не хотели, чтобы парень отказался от такого богатства, не правда ли?

— Фиолетовый кувшин — миф, — сказал Картер с легким оттенком горечи. — Его кто-то придумал, чтобы заставлять



таких парней, как ты, вляпываться в неприятности. Никакого Фиолетового кувшина никогда не существовало.

— Но робот Элмера намекнул мне, — заныл Альф, — Сказал, куда идти.

— Да-да, я знаю, — кивнул Картер, — Послал тебя в бесплодные земли. На всем Марсе нет хуже места. Ровная пустыня, кишащая ядовитыми насекомыми. Никто никогда не находил там кувшина. И никогда не найдет. Даже когда здесь жили марсиане, бесплодные земли, вероятно, были дикой местностью. Никто в трезвом уме, даже марсианин, не стал бы там жить, а кувшины можно найти только там, где кто-то жил.

— Послушайте! — завопил Альф. — Вы же не хотите сказать, что Бастер пошутил! Эти бесплодные земли не шутка. Мерзкие жуки гнались за моей повозкой, и я чуть не сломал себе шею — три или четыре раза. А потом появились полицейские и арестовали меня. Сказали, что я вторгся на территорию заповедника Элмера.

— Разумеется, Бастер сыграл с тобой шутку, — сказал Картер, — Ему смертельно надоело сидеть без дела. Парни вроде тебя созданы, чтобы выполнять его инструкции.

— Это маленькое ничтожество не может так поступать со мной, — взвыл Альф, — Подождите, я доберусь до него! Я сделаю из него игрушку для детей.

— Ты ни до кого не доберешься в течение тридцати дней или около того, если я не смогу вызволить тебя оттуда, — напомнил ему Картер, — Где шериф?

— Да здесь он, — сообщил Альф, — Сказал, что вы, вероятно, захотите поговорить с ним. Сделайте все, что сможете, для меня.

Физиономия Альфа исчезла, ее на матовом стекле сменило лицо шерифа — крупное, красное лицо уставшего человека.

— Извините за Альфа, док, — сказал он. — Но мне осточертело гонять парней из заповедника. Подумал, что, если засадить кого-то из них в тюрьму, это могло бы их приструнить. Конечно, этот заповедник — чертовски глупая вещь, но закон есть закон.

— Я вас не виню, — ответил Картер. — Вам и Проповедников вполне хватает, чтобы испортить все на свете.

Красное лицо шерифа стало багровым от злости.

— Эти Проповедники, — доверительно начал он, — дьявольское племя. Все время вносят разлад в общество своими разговорами о вселенском зле и прочей безумной чепухе. Земля тоже постепенно начинает вести жесткую политику по отношению к ним. Все они, кажется, прибывают с Марса и вертятся вокруг нас, чтобы разузнать, как это их угораздило попасть сюда.

— А эти, охотники за кувшинами, совсем чокнутые, — заявил Картер. — Скитаясь по пустыне, они начинают разговаривать сами с собой, а после этого всякое может случиться.

Шериф покачал головой.

— Не могу согласиться с вами, док. Их речи довольно убедительны — иногда я почти готов поверить им. Если они сумасшедшие, то это странный способ сойти с ума — всем сразу и одинаково. Все они рассказывают одну и ту же историю, и глаза у всех чудные.

— Что насчет Альфа, шериф? — спросил Картер, — Он моя правая рука и очень нужен сейчас. У нас много работы: готовимся к отъезду.

— Возможно, я сумею что-нибудь сделать, — сказал шериф, — как только смогу. Я встречусь с окружным прокурором.

— Благодарю вас, шериф, — сказал Картер.

Матовое стекло потемнело, и изображение исчезло, так как разговор на другом конце закончился.

Археолог медленно повернулся.

— Бастер! — окликнул он. — Зачем ты так поступил с Альфом? Ты же знаешь, что никакого Фиолетового кувшина нет.

— Вы несправедливо обвиняете меня, — сказал Бастер, — Фиолетовый кувшин существует.

Картер усмехнулся.

— Бесполезно, Бастер. Ты не сможешь заставить меня поверить в это и заинтересовать поисками кувшина.

Поднявшись со стула, он потянулся.

— Пора подкрепиться, — сказал он, — Хочешь присоединиться ко мне и побеседовать?

— Нет, — ответил робот, — Я просто посижу здесь и подумаю. Мне нравится думать о том, что меня забавляет. Увидимся позже.

Но когда Картер вернулся, Бастера не было. Так же, как и рукописи, которая лежала на столе. Ящики с папками, которые стояли вдоль стены, оказались открытыми. На полу валялись бумаги, как будто кто-то второпях рылся в них, выбирая те, которые были нужны, и отбрасывая остальные.

Картер стоял, ошеломленный происшедшим, едва веря своим глазам. Затем он стремительно пересек комнату, поспешно осматривая все вокруг и на ходу осознавая случившееся.

Все экземпляры его рукописи, все заметки, все ключевые данные его исследования пропали.

Не было сомнений в том, что Бастер ограбил его. А это значило, что его ограбил Элмер, поскольку Бастер, в

сущности, представлял собой не более чем продолжение Элмера, его физическое воплощение. Бастер был руками и ногами и металлическими мускулами существа, которое не имело ни рук, ни ног, ни мускулов.

И Элмер, ограбив его, хотел, чтобы он знал, кто это сделал. Бастер сознательно сделал все так, чтобы подозрения пали именно на него.

Чарльз Картер тяжело опустился в кресло перед столом, уставившись на бумаги, валявшиеся на полу. И в его голове звучала одна пронзительная насмешливая фраза: «Двадцать лет работы... Двадцать лет работы...»

Дымчатое существо, парившее среди декоративных балок, извивалось, испытывая беспокойство, смешанное со страхом. Но это был не древний, предаваемый по наследству страх, который всегда им двигал, а какой-то новый, более острый. Страх, рожденный сознанием того, что оно совершило ошибки — и не одну, а две. И вполне могло совершить третью.

Существо знало, что земляне умны, чересчур умны. Они слишком близко подошли к разгадке. Они сопроводили свои предположения исследованиями и были скептически настроены. Вот что самое худшее из всего — их скептицизм.

Потребовалось много лет, чтобы они признали и приняли его таким, каким он был на самом деле — единственной сохранившейся личностью, остаточным явлением древней марсианской расы. Но даже сейчас находились такие, кто совершенно не верил в это.

Его представления о страхе были совсем другими. Земляне ничего не знали об этом чувстве. Его индивидуальные и короткие проблески им, несомненно, были знакомы. Возможно, иногда растущее чувство страха могло захватить их — но ненадолго. Как раса они были неспособны к всепоглощающему ужасу, который всегда составлял неотъемлемую часть сознания Элмера, Марсианского Призрака.

Но, очевидно, находились и такие, кто не мог уразуметь даже свой собственный страх, чья жажда знаний вытеснила представление об опасности, кто видел в опасности научную загадку, которая должна быть изучена, а не то, чего следует избегать.

Элмер знал, что Стивен Лэтроп был одним из них.

Элмер парил — призрачное существо, которое иногда было похоже на дым, затем на легкий туман, потом снова изменялось, превращаясь в нечто такое, в существовании чего вообще приходилось сомневаться.

Он знал, что совершил ошибку с Лэтропом, но в то же время ему казалось, что это следовало сделать. Человек, проявляющий такую благоприятную реакцию, мог бы быть полезным.

Но результат оказался отнюдь не благоприятным. Элмер теперь понимал это довольно хорошо — из-за внезапной волны страха. Ему следовало знать об этом двадцать лет назад. «Но, — сказал он себе, — ни в чем нельзя быть уверенным, когда имеешь дело с инопланетным разумом. Земляне, в конце концов, были пришельцами на этой планете. Несколько столетий ничего не значили в хронологии Марса».

Несправедливо, что принимать решения оставили именно его, призрака. Те, другие, не могли предполагать, что он окажется непогрешимым. Он ведь не что иное, как маленький сгусток наследственной памяти, остаток расы, представитель миллионов индивидуумов. Его существование невозможно доказать. Он едва ли вообще может считаться жизнью — только тенью жизни, отзвуком голосов, что смолкли навсегда в тишине тысячелетий.

Элмер плавно направлялся к комнате внизу, соединяясь своим разумом с мозгом мужчины, сидевшего там. Осторожно, украдкой, он пытался проникнуть в умственные процессы художника с розовыми бакенбардами. Вздорные идеи, несвязные мысли, обрывочные предположения, и затем... голая стена.

Элмер отпрянул, его снова охватил ужас от бурно нахлынувшей на него волны безрассудного предчувствия. Это было то же самое ощущение, как и в предыдущие несколько раз, когда он пытался установить контакт с этим умом. Что-то должно быть спрятано за этим неприступным барьером, что-то, что ему необходимо знать. Никогда прежде он не встречал землянина, разум которого оставался бы для него недоступным. Нащупанные им мысли всегда поддавались прочтению. Это было непостижимо! И внушало ужас.

Ошибки! Мысль о них безжалостно барабанила у него в голове. Сначала ошибка с Лэтропом. Теперь еще одна. Он не должен был позволить Питеру Харперу прийти сюда, несмотря на рекомендации посольства Земли, а также не вызывающие сомнений отзывы колледжа. Он имел право на такой отказ и на подобный прецедент. Но до этого он разрешал сотням студентов, изучающим живопись, и любителям искусства смотреть на его холсты, и отказ Харперу, возможно, вызвал бы подозрение.

Ужасное сознание, что он стал жертвой заговора землян, пыталось захлестнуть его целиком, но он решительно воспротивился. Земляне никогда не замышляли ничего подобного, они всегда почитали за честь выполнять его желания и щепетильно относились ко всем его просьбам, даровали ему, как последнему представителю огромной расы, всевозможные привилегии — сверх тех, на которые он имел право благодаря своему дипломатическому статусу.

— Элмер, ваши люди, возможно, были более величественными, чем мы предполагаем. Это полотно — Питер Харпер жестом указал на картину «Наблюдатели» — выполнено в такой технике, на какую не способен ни один землянин.

Мысли Элмера беспорядочно кружились, им овладевала паника. Другие земляне говорили ему то же самое, но... имелось одно различие. Он мог читать их мысли и знал, что слова с мыслями у них не расходятся.

— Вы могли помочь нам, Элмер, — сказал Харпер. — Я часто задавался вопросом, почему вы не помогли.

— Почему я обязан помогать? — спросил Элмер.

— Братские расы, — пояснил тот, — Марсиане и земляне. Ваша раса, что бы с ней ни случилось, не захотела бы, чтобы ее знания были скрыты от нас.

— Но я не владею знаниями марсианской расы. — Мысли Элмера становились короткими и отрывистыми.

— У вас есть часть этих знаний. Например, о четвертом измерении. Подумайте о том, как бы они нам пригодились! Хирург мог бы войти в пациента и прооперировать его без применения скальпеля. Посредством одного лишь нажатия на кнопку мы могли бы преодолеть миллион миль.

— И что тогда? — спросил Элмер.

— Прогресс, — ответил Харпер. — Вы, безусловно, должны понимать это. Человек был привязан к Земле. Теперь он достиг других планет. А скоро долетит до звезд.

— Возможно, когда вы достигнете звезд, вам не понравится то, что вы там обнаружите, — заявил Элмер. — Возможно, там отыщутся такие существа, что придется горько пожалеть о том, что вы не оставили их в покое.

Харпер усмехнулся и потеребил свои розовые бакенбарды возле самого подбородка.

— Вы странный.

— Согласно вашим представлениям, — сказал Элмер, — я инопланетянин.

— Не совсем, — заметил Харпер. — У нас на Земле были существа, подобные вам, только никто, кроме старух, не верил в них. О них говорили в непогоду, ночами, когда ветер свистел в дымоходе. Мы называли их призраками, но никогда не признавались себе в том, что на самом деле они реальны. Вероятно, наши призраки действительно не были реальными, то есть осязаемыми, — что-то вроде зародышей призраков.

— У них никогда не было шанса, — сказал Элмер.

— Верно, — согласился Харпер, — Как раса мы еще не имеем достаточно долгой истории. Мы редко остаемся в одном месте так долго, чтобы позволить призраку впитать необходимую ему личность. Есть несколько довольно мрачных призраков в некоторых древних замках и поместьях в Европе, может быть, несколько в Азии... и все. Американцы, будучи арендаторами жилья, часто переезжали с одного места на другое. Призрак мог начинать формироваться по одному образцу, а затем ему приходилось снова меняться. Я полагаю, что это было, по крайней мере, обескураживающим, если не фатальным явлением.

— Я не знал, — сказал Элмер.

— С марсианами, конечно, было по-другому, — продолжал Харпер, — Ваши люди жили в своих городах на протяжении тысяч лет, возможно, миллионы лет. Даже камни в известной мере впитали в себя индивидуальности миллиардов людей — то, как бы это ни называлось, что остается от расы. Не удивительно, что марсианские призраки стали большими и сильными...

Из коридора донеслось щелканье металлических ног. Дверь открылась, и в помещение вкатился Бастер.

— Доктор Картер здесь, — сообщил он.

— Ах да, — кивнул Элмер, — он хочет видеть меня из-за рукописи.

Никакого способа выйти отсюда не было. Теперь Стивен Лэтроп был убежден в этом. Город Элмера, судя по всему, с таким же успехом мог располагаться и где-нибудь в глубинах космоса.

Три дня, которые миновали с тех пор, как он обнаружил пустыню, прошли в постоянных поисках. Возвышавшийся в центре шпиль башни оставался его последним шансом. Но прежде, чем он поднялся по лестнице, он уже знал, что никакого шанса не было — вообще. Элмер, решив создать из этого места ловушку, добился-таки своего.

Силовая сеть окружала город на расстоянии трех футов или около того от его внешних границ. Двери открылись бы, окна — тоже. Но это ничего не значило, поскольку пройти дальше было невозможно.

Бастер, очевидно, оставил попытки преследовать его. Казалось, что теперь игра зашла в тупик. Бастер не осмеливался схватить его, пока он вооружен, а он, в свою очередь, не мог покинуть город. Элмер, вероятно, решил уморить его голодом.

В глубине души Лэтроп сознавал, что над ним одержали победу, но не хотел до конца признавать это. В конечном счете логика подсказывала, что ему надо сдаться, пусть Элмер сотрет память об этих двадцати годах в космосе, заменив их искусственными воспоминаниями. При других обстоятельствах он, возможно, приветствовал бы такой подход: тяжело было вспоминать все увиденное, и, конечно, Элмер мог бы создать ему более приятное прошлое. Но эта идея была чересчур своевольной, чтобы быть принятой без боя, по крайней мере без борьбы за право распоряжаться своей собственной жизнью. Кроме того, его не покидало ощущение, что, если бы он потерял знание о других мирах, то утратил бы что-то такое, в чем могла нуждаться Земля, возможность приблизиться к решению проблемы по-научному, а не с помощью истерик, присущих Проповедникам.

Он присел, вытащил оружие из-за пояса и отвел руку в сторону. Бастер уже давно не появлялся, но мог возникнуть в любую минуту. Как только робот коснется его своим манипулятором, игра завершится.

Оружие не было приспособлено для человеческих рук, хотя принцип его действия не вызывал сомнений — стоило лишь нажать кнопку сбоку. Он вертел его в руке и изучал. Иногда ему казалось, что все его путешествие по космосу — плод больного воображения. Если бы не оружие...

Да, если бы не оно — знакомая, доступная его осязанию вещь. В течение многих лет Лэтроп видел его свисавшим с пояса существа, которое управляло кораблем. Даже теперь

он помнил, как оружие сверкнуло в свете приборной панели, когда он выхватил его из щупальцев существа, собираясь с силами, чтобы убить эту тварь.

Лэтроп понятия не имел о его сущности и принципе действия, но и то и другое было хорошо известно Бастеру, и потому он не приближался.

Считать существо с космического корабля примитивным созданием, не обладавшим никакой индивидуальностью, становилось все труднее и труднее, но Лэтроп знал, что, несмотря на растущее подозрение, он должен по-прежнему воспринимать чужака именно так или позволить нелогичности взять верх.

Имелись серьезные основания предполагать, что, возможно, он имел дело с особью, принадлежавшей к древней марсианской расе... «Хотя эти мысли, — сказал он себе, — явное безумие. Марсианская раса вымерла».

И все же Элмер, без сомнения, сыграл некоторую роль в том, что Лэтропа поместили на борт этого корабля, — а с кем еще, как не с марсианской расой быть Элмеру в союзе? Совершенно очевидно, что Элмер, так же, как и существо, надеялся сделать Лэтропа одним из Проповедников зла. И так же очевидно, что отказ привел Элмера в бешенство.

Элмер, конечно, позаботился о том, чтобы его никоим образом не связывали с этой поездкой на космический пикник. Скорее всего, Проповедники даже не мечтали, что Элмер будет иметь какое-либо отношение к их действиям.

В сотый раз Лэтроп погружался в размышления, возвращаясь к тому интервалу между моментом, когда он оставил участок раскопок, до момента, когда обнаружил, что находится на борту космического корабля. Но пробел все еще существовал — темный, мучительный провал в памяти. Что бы ни случилось в этом интервале, это было начисто стерто из его мозга. Теперь он знал, что это сделал Элмер, не потрудившись создать вымышленные воспоминания, чтобы заполнить промежуток.

Однако, допуская, что Элмер, возможно, занимался идеологической обработкой Проповедников, какова могла быть его цель? Почему это его беспокоило? В чем мог бы заключаться его возможный интерес в том случае, если бы человеческая раса узнала о зле, которое существовало в других мирах, — почему он так настаивал на том, чтобы наша раса скрылась от опасности, а не боролась бы с этим злом? Здесь имелась какая-то нелогичность, возможно, расовая нелогичность, анормальное мышление.

Еще одна странная вещь. Что случилось с кораблем? Из всех невероятных происшествий это было наиболее невообразимым.

Существо управляло кораблем, который двигался автоматически. Щелкая по панели управления и что-то нашептывая, чужак доставил судно к Марсу; спустя несколько недель они приземлились на неровной поверхности не далее, чем в миле от города Элмера. Лэтроп знал, что это можно было бы объяснить инженерными хитростями, но не было никакого объяснения, так же, как и не было никакой логики в том, что случилось, когда он покинул судно и отошел от него на некоторое расстояние. Корабль, уменьшаясь, сжимался, пока почти не потерялся в песке, пока не стал не

более чем дюйм в длину. Лежа на песке, звездолет блестел подобно кристаллу. Затем он стремительно взлетел вверх, словно устремившаяся в родной улей пчела. Лэтроп помнил, как резко пригнулся, поскольку корабль со свистом пронесся мимо его головы, он также помнил, что наблюдал за тем, как это крошечное пятнышко полетело прямо к марсианскому городу, пока не потерял его из виду в ярком свете закатного солнца.

То сжатие, вероятно, тоже было автоматическим — на корабле никого не было, чтобы управлять этим процессом. Возможно, механизм включился, когда он открыл люк, чтобы покинуть корабль.

Через узкие иллюминаторы в шпиле проникал звездный свет. Лэтроп дрожал внутри своего скафандра — в башне было холодно. В этой части города не было защиты от марсианской атмосферы, которая существовала в некоторых других районах планеты специально для землян.

Откуда-то издалека, снизу, послышался глухой металлический стук, и казалось, что ритмичный, нарастающий звук становился все ближе и ближе. Лэтроп сидел с оружием, свисающим с колена, звездный свет искрился на его шлеме, мозг гудел от невозможности понять происходящее. Внезапно он выпрямился и напряженно застыл — этот металлический стучащий звук создавал ощущение, что кто-то поднимается вверх по ледяной лестнице. Он ждал, задаваясь вопросом, что же еще тут затевается, и с ужасом осознал, что оказался в ловушке здесь, на самой верхней ступеньке.

Чьи-то мысленные сигналы проникли в его мозг:

— Доктор Лэтроп, вы здесь? Доктор Лэтроп!

— Я здесь, Бастер, — ответил он. — Что тебе нужно?

— Элмер хочет видеть вас.

Засмеявшись, Лэтроп ничего не ответил.

— Но он действительно хочет вас видеть, — настаивал робот. — С ним ваш старый друг, доктор Картер.

— Это ловушка, — сказал Лэтроп. — Не помешало бы вам придумать кое-что получше.

— Ах, доктор, забудьте, — просил Бастер, — Это не ловушка. Картер действительно там.

— Зачем он там? — рявкнул Лэтроп, — Что у Элмера есть против него?

— Он написал книгу... — Бастер замолчал в замешательстве.

— Итак, он написал книгу.

— Послушайте, док, я вам этого не говорил, — заскулил Бастер, — Я не должен был говорить. Вы застигли меня врасплох.

— Тебе бы следовало заставить меня поверить в то, что Чарли там, внизу, дружески общается с Элмером, который ждет меня, чтобы отговорить от этой глупости. Элмер послал тебя для этого.

— Элмер не должен знать, — сообщил Бастер.

Звук шагов прекратился. Башня погрузилась в тишину.

— Я подумаю об этом, — в конце концов сказал Лэтроп. — Но ничего не обещаю. Если бы у меня был робот, который пытался что-то скрыть от меня, я сразу сдал бы его в металлолом.

— Вы не собираетесь спуститься, док?

— Нет, — ответил Лэтроп. — А ты поднимайся. Я жду тебя. У меня наготове оружие. Я не потерплю никаких штучек.

Шаги медленно и неохотно возобновились. Бастер поднимался некоторое время, затем опять остановился.

— Док, — сказал робот.

— Да, в чем дело?

— Вы не причините мне вреда, док. Я должен сейчас привести вас. Элмер не шутит.

— Я тоже, — сказал Лэтроп.

Снова послышалось глухое топанье, которое становилось все ближе и ближе. Ледяные ступени звенели под тяжелой поступью поднимавшегося робота. Грузная масса Бастера, готовая к последнему сражению, выдвинулась на лестничную площадку. Оставалось несколько ступенек, и Бастер

замер в ожидании, его кристаллические линзы пристально уставились на человека.

— Итак, ты явился, чтобы забрать меня? — спросил Лэтроп. Он направил на Бастера дуло оружия и довольно усмехнулся.

— Вы должны прийти, док, — ответил Бастер. — Вы обязательно должны прийти.

— Я приду, — сказал Лэтроп, — Но сначала ты расскажешь мне все. Ты сообщишь мне то, что я должен знать.

Поток протеста изливался из электронного мозга Бастера.

— Я не могу! — завопил он, — Я не могу!

Лэтроп направил на него оружие, положил палец на кнопку. Его глаза в свете звезд блестели, словно стальные.

— Почему Элмеру понадобился Чарли? — сурово спросил он. — О чем идет речь в этой книге?

Бастер колебался. И замешательство, которое раздирало его, ощущалось на расстоянии землянином.

— Хорошо, — спокойно сказал Лэтроп — Мне придется поступить с тобой так, как ты заслужил.

— Подождите! — заскулил Бастер, — Я скажу вам!

Его слова и мысли спотыкались друг о друга:

— Доктор Картер сказал, что марсиане, возможно, все еще живы. Элмеру это не нравится. Он не хочет, чтобы кто-нибудь даже думал о том, что они все еще живы.

— Они живы? — резко спросил Лэтроп.

— Да. Да, они все еще живы. Но здесь их нет. Они в каком-то другом месте. Они в другом мире. Они испугались каких-то существ из космоса. Поэтому сделались маленькими. Настолько маленькими, что стали совершенно незаметными. Они рассудили так: когда сюда прибудут злые существа, то пройдут мимо них, даже не догадавшись, что здесь находятся марсиане.

— Значит, существо, которое забрало меня в космос, было марсианином?

— Да, когда они покидают планету, то снова становятся большими, чтобы забирать землян в космос. Чтобы там показать им зло, убедить их, что они не смогут бороться с этим, в надежде, что земляне сделают то же, что и марсиане.

Лэтроп молчал, размышляя, пытаясь привести в порядок мысли в своей голове. Между тем Бастер заметно волновался.

— Но, Бастер, почему они это делают? Почему не позволяют нам узнавать об этих существах, когда мы этого захотим? Почему не дают нам возможность продумать план собственного спадения? Почему они настаивают, чтобы мы пошли по их пути?

— Потому что они знают, что они правы, — ответил Бастер.

Так вот что это было! Пуританский догматизм, который являлся отличительной чертой характера и природы марсианской расы. Теперь Лэтроп знал, что его предположение относительно мотивов Элмера тогда было правильным. Неверный ход мысли, расовая нелогичность, которая отрицала возможность существования множества путей к истине, соединенная, вероятно, со сверхразвитым чувством непоколебимого долга по отношению к братским расам. На Земле тому имелись параллели.

— Назойливые ребята, сующие нос в чужие дела, — заключил Лэтроп.

— Что это значит? — спросил Бастер.

— Забудь, — сказал Лэтроп, — Это не имеет значения. Ты все равно не поймешь.

— Существует многое, — с грустью произнес Бастер, — чего я не понимаю. Возможно, Элмер понимает, но я не думаю, что это так. Эго не беспокоит его. Дело в том, что он — призрак, а я всего лишь робот. Видите ли, он уверен, что прав. Я не могу быть уверен. Мне жаль, что я не могу. Это сделало бы все гораздо проще.

Взглянув на робота, Лэтроп усмехнулся и покрутил оружием.

— Вы, земляне, думаете по-другому, — продолжал Бастер, — Ваш разум гибок. Вы никогда не скажете о каком-нибудь действии, что оно правильно, пока не убедитесь в этом на своем собственном опыте. Вы никогда не скажете, что какая-то вещь невозможна, пока не докажете это. И один верный путь, вы знаете, для вас не является единственно верным. Для вас не имеет значения, как вы что-то делаете, а важен лишь тот факт, что вы что-то сделали.

— Это так, Бастер, — мягким тоном произнес Лэтроп, — Потому что мы — молодая раса. Мы еще не стали ограниченными людьми с узким кругозором. Возраст может дать расе иную точку зрения, самонадеянную, непоколебимую точку зрения, которая делает трудным достижение истины. Марсиане должны встретиться с нами лицом к лицу, объяснить ситуацию. Они не должны пытаться вести среди нас пропаганду. Человеческая раса, вследствие горького опыта, ненавидит пропаганду и может распознать ее на расстоянии в одну милю. Именно поэтому мы с подозрением относимся к Проповедникам и поступаем с ними столь жестоко.

— Марсиане не доверяют вам, — сказал Бастер. — Вы слишком много берете на себя.

Лэтроп одобрительно кивнул. Он понимал, что это была справедливая критика.

— Они — осторожные люди, — продолжал Бастер, — Предостережение входит в стиль поведения, который они избрали. Они хотели убедиться, понимаете? Когда будущее расы было под угрозой, они не могли рисковать. Теперь они боятся человеческой расы — не из-за того, что вы могли бы сделать сейчас, а из-за того, что вы можете сделать позже. И тем не менее они знают, что вы наиболее близки к ним по образу мыслей и по характеру, чем любые другие расы во Вселенной. Они чувствуют, что по этой причине должны помочь вам...

— Послушай, Бастер, — прервал его Лэтроп, — Ты сказал мне, что они стали маленькими. Ты имеешь в виду, что они вошли во внутриатомную Вселенную?

— Да, — ответил Бастер, — Они нашли принцип. Он базировался на четвертом измерении.

— Почему и как четвертое измерение делает их маленькими?

— Я не знаю, — ответил Бастер.

Лэтроп вскочил.

— Хорошо, — сказал он, — Теперь мы встретимся с Элмером.

Не выпуская оружия из руки, он начал медленно спускаться вниз по лестнице, которая раскачивалась из стороны в сторону. Внизу его смиренно ждал Бастер.

Внезапно Бастер начал подниматься по лестнице, размахивая многочисленными манипуляторами. Лэтроп дернулся назад, отступая перед натиском. На мгновение он задержал дыхание, потом поднял неуклюжее оружие и нажал кнопку.

Щупальце схватило его за плечо и отбросило в сторону как раз в тот момент, когда он стрелял. Он поднялся, оттолкнувшись от каменной стены лестничной клетки, с оружием, которое все еще шипело в его руке.

Через мгновение Бастер остановился, так как едва заметный синий луч, выходящий из оружия, прошелся по всему его корпусу, потом он зашатался, чуть не упал, но с усилием восстановил равновесие. Сначала медленно, затем стремительно, он начал сжиматься — как будто обрушивался внутрь самого себя.

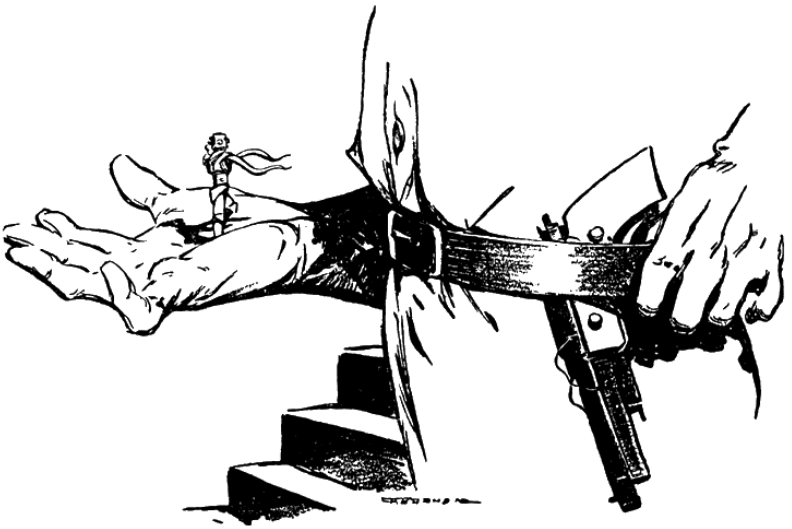
Лэтроп снял палец с кнопки, опустил оружие. Бастер пытался вскарабкаться на ступени, все еще пробуя добраться до него, но они теперь были слишком высоки для него, чтобы продолжать переговоры.

В наступившей тишине Лэтроп наблюдал за тем, как робот становился все меньше и меньше — как тот космический корабль в пустыне.

Засунув оружие за пояс, Лэтроп встал на колени и наблюдал за безумным бегом крошечного робота по ступени;

попав в ловушку из-за своего крохотного размера, тот бежал, как будто пытался скрыться от чего-то.

Рост Бастера теперь составлял два дюйма, и казалось, что он больше не уменьшается. Лэтроп наклонился и осторожно поднял его. Он держал робота в руке и не мог унять появившуюся дрожь.



Он сознавал, что Бастер почти преуспел в достижении своей цели, почти поймал его. Он усыпил его бдительность почти человеческими качествами, своим кажущимся дружелюбием. Возможно, Бастер знал, что это был единственный способ добраться до него.

Он поднял руку, и она оказалась на одном уровне с лицом. Бастер замахнулся на него короткими щупальцами.

— Ты почти добился своего, дружище, — сказал Лэтроп.

И услышал в ответ слабый писк:

— Подождите, Элмер доберется до вас!

Лэтроп мрачно ответил:

— Теперь я встречусь с Элмером там, где я захочу.

Он осторожно сунул извивающегося Бастера в карман и начал спускаться по лестнице.

За дверью, которая была заперта, чтобы удержать его внутри, Питер Харпер тщательно обследовал себя. Его борода, решил он, все-таки слишком красная. Он сконцентрировался на этом, и борода стала розовой.

— Дураки! — с презрением зашипел он на все еще запертую дверь.

С его телом, он знал, было все в порядке, как и прежде. Но в голове его была каша, и сейчас, стоя неподвижно, он стремился привести мысли в порядок, втискивая их в присущие человеку рамки, совмещая их с философией, которую ненавидел.

«Все это, — сказал он себе, — скоро закончится». Близилось завершение его миссии — миссии, которая потребовала стольких усилий.

По коридору приближались шаги, и Харпер заставил себя расслабиться. Он порылся в кармане куртки, чтобы найти сигарету, и спокойно ее закурил, когда Стивен Лэтроп, все еще одетый в скафандр, вышел из-за угла коридора.

— Вы, должно быть, Харпер, — сказал Лэтроп, — Я слышал, что вы здесь.

— Не так давно, — сказал Харпер. — Изучаю картины.

— Вам повезло. Не у многих людей есть такой шанс.

— О да, мне повезло. Очень повезло, — Харпер раскатывал фразы по языку.

Лэтроп наморщил нос.

— Вы чувствуете какой-нибудь запах? — спросил он.

Харпер вынул сигарету изо рта.

— Возможно, дело в этом. Это не совсем обычная марка.

Лэтроп отрицательно покачал головой.

— Не может быть. Этот слабый запах похож на трупный.

Глаза Лэтропа смерили мужчину взглядом с головы до ног и слегка расширились при виде вызывающих бакенбардов.

— Борода вполне естественна, уверяю вас, — заметил Харпер.

— Я не сомневаюсь в этом, — сказал Лэтроп, — Вам пошел бы фиолетовый галстук.

Больше ничего не сказав, он повернулся и ушел. Харпер смотрел ему вслед.

— Фиолетовый галстук! — прошипел Харпер. Ненависть исказила его лицо.

Бастер бегал взад-вперед по поверхности стола, его крошечные ноги выбивали сумасшедший минорный ритм.

— Спорить бесполезно, — сказал Элмер. — Этот разговор о землянах, сотрудничающих с марсианами, невозможен. Это не сработает — никогда. Они перегрызут друг другу глотки прежде, чем познакомятся ближе. Вы, Лэтроп, убили марсианина, там, в космосе. С его стороны не было никакой провокации. Вы просто убили его.

— Он играл на моих нервах, — ответил Лэтроп. — И занимался этим в течение почти двадцати лет.

— Это именно то, что я имею в виду, — сказал Элмер, — Если бы две расы смогли примириться друг с другом, они были бы непобедимы. Но они не смогли это сделать. Они действовали бы друг другу на нервы. Вы понятия не имеете о бездне, которая разделяет вас, и это не столько касается знания, здесь можно было бы навести мосты, сколько отсутствия взаимопонимания в тех вопросах, о которых марсиане знают так же хорошо, как и земляне. В силу различия особенностей, лежащих в основе их характеров, они постоянно будут находиться на разных полюсах.

Картер понимающе кивнул:

— Они выступают как старые консерваторы, а мы — как молодые нахалы.

— Но мы могли бы работать на большом расстоянии друг от друга, — настаивал Лэтроп, — Они могли бы остаться в их внутриатомном мире, а мы — здесь. Элмер действовал бы как посредник.

— Невозможно, — не соглашался Картер, — Если подходить с точки зрения времени, то несколько дней для нас — это поколение для них. В их мире все было бы ускорено, даже образ жизни. Фактор времени был бы основной помехой. Мы не смогли бы координировать наши усилия.

— Понятно, — сказал Лэтроп.

Он постучал пальцами по поверхности стола. Бастер побежал в другую сторону, как можно дальше, стараясь ускользнуть от этих барабанящих пальцев.

Лэтроп бросил стремительный взгляд на Элмера.

— И куда мы таким образом придем?

— Всего лишь туда, откуда мы начали, — сказал Элмер. — Вы сделали Бастера бесполезным для меня, но это не имеет особого значения. Я могу послать другого робота.

— Возможно, Бастер снова вырастет, — предположил Лэтроп.

Элмер был не в настроении шутить.

— У вас есть оружие, — продолжал он, — но оно бессильно против меня. Вы избежите быстрой смерти в случае, если откажетесь восстановить ваши воспоминания. Но это также несущественно. Я могу позволить вам страдать.

— Какой вы добрый! — сухо произнес Картер.

— Полагаю, я должен сказать, что сожалею об этой ситуации, — сказал Элмер. — Но я не сожалею. Вы должны понять, что я не могу позволить вам уйти. Чтобы марсианский план мог и далее исполняться, знания, которыми вы обладаете, никогда не должны стать доступными для вашей расы. Если бы стало известно, что марсиане живы, земляне нашли бы способ разыскать их.

— И Злые существа, — предположил Лэтроп, — должны по-прежнему оставаться чем-то мистическим, чем-то не совсем реальным, чем-то, во что верят только дураки.

Элмер был откровенен:

— Именно так. Потому что, если бы ваши люди знали правду, они предприняли бы непосредственные действия. А это было бы неправильно. Нельзя бороться со злом, можно только скрыться от него.

— Как вы можете быть настолько уверенны? — прорычал Картер.

— Марсиане, — торжественно произнес Элмер, — изучали все возможности. Они доказали, что не может быть другого пути.

Лэтроп усмехнулся.

— Вы кое о чем забыли, Элмер.

— О чем?

— Харпер, — сказал Лэтроп, — Что вы собираетесь делать с Харпером?

— Харпер уедет отсюда через несколько дней, — заявил Элмер, — Он никогда не узнает, что случилось. И даже о том, что вы были здесь.

— О да, он не узнает, — сказал Лэтроп, — Я только что разговаривал с ним. Когда шел сюда.

Элмер скорчился, явно испытывая тревогу.

— Это невозможно. Бастер запер его в комнате.

— Замки ничего не значат для Харпера, — объявил Лэтроп.

Картера заинтересовал тон голоса Лэтропа.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Харпер... — начал Лэтроп.

Но крик, донесшийся из соседней комнаты, заставил его остановиться. Крик сопровождался шипением бластера.

Оба мужчины вскочили на ноги и замерли в тишине, затаив дыхание. Элмер превратился в дымчатую полоску, мелькающую в воздухе.

— Вперед! — завопил Лэтроп.

И они последовали за Элмером, который выскользнул через дверь.

Звездное сияние, проникавшее сквозь высокие окна, освещало комнату, украшая ее бликами света и тени. В этих бликах двигались фигуры — нереальные, похожие на изображения на экране стереовизора.

Около одного из окон стоял мужчина с бластером, висевшим у него на бедре. На него надвигался другой мужчина, пригнувшийся словно зверь, преследующий добычу. Запах горелой плоти висел в воздухе, так как бластер продолжал жужжать.

Что-то случилось с картиной «Наблюдатели» — она отодвинулась в сторону, открыв черноту провала за ней. Звездный свет не мог достигнуть мерцающего предмета, который виднелся посреди этой темноты.

Человек с бластером что-то яростно говорил тому, кто надвигался на него, его резкие слова не имели никакого значения, брань смешивалась с явным ужасом, он явно был на грани безумия.

— Альф! — завопил Картер.

Но Альф, казалось, не слышал его и продолжал говорить. Существо, преследовавшее его, тем не менее замерло, какое-то мгновение пребывая в нерешительности.

— Свет! — крикнул Лэтроп, — Включите свет!

Он слышал, как Картер возится в темноте в поисках выключателя. Едва дыша, он стоял и ждал, сжимая марсианское оружие в руке.

Мужчина в центре комнаты теперь двигался к нему, но он знал, что не будет стрелять, пока не зажжется свет. Он должен был увидеть, что произошло.

Щелкнул выключатель, и Лэтроп замигал от внезапно появившегося света. Перед ним присел, словно перед прыжком, Питер Харпер, его одежда превратилась в тлеющие клочья, лицо было наполовину сожжено бластером, одна рука оторвана.

Лэтроп стремительно поднял оружие, нажал кнопку. Синий луч вспыхнул, направляясь в Питера Харпера. На этот раз никто не уменьшился в размерах. Казалось, будто синее

копье метнулось в человека и пригвоздило его к полу. Он корчился и извивался. Остатки одежды сползли с него, полусожженное бластером лицо с остатками розовых бакенбард исчезло. Взамен появились когтистые лапы и морда со злобными глазами и клювом попугая. Тварь мяукала, выла, вопила. Она билась в ужасных конвульсиях и таяла — таяла и воняла.

Зажав нос, Картер с ужасом наблюдал за происходящим. Лэтроп отпустил кнопку грозного оружия.

— Эта тварь из космоса, — с трудом произнес он, — Одно из Злых существ.

Альф опустился на пол, словно мгновенно опьянел.

— Я только залез в окно, — бормотал он, — Я только залез в окно...

— Как ты попал сюда? — завопил Картер, — Элмер экранировал город.

— Экран, — мысленно обратился к нему Элмер, — работает только в одном направлении. Он позволяет вам войти, но не позволяет выйти.

Картер изучал то, что осталось на полу от существа, сдерживая тошноту.

— Он что-то хотел, — сказал он, — Он зачем-то прибыл сюда.

— Он прибыл, потому что боялся, — сообщил Лэтроп, — Здесь есть кое-что, чего эти расы боятся. То, что они хотели найти и уничтожить.

Альф вцепился в руку Картера.

— Чарли, — хныкал он, — скажите мне, правда ли это? Может быть, я пьян. Может быть, мне снова дали в зубы.

Картер отвел взгляд от неприглядного зрелища.

— Что с тобой, Альф? — рявкнул он.

— Фиолетовый кувшин, — задыхался Альф, — Ну правда же, это ведь Фиолетовый кувшин.

И затем они увидели его.

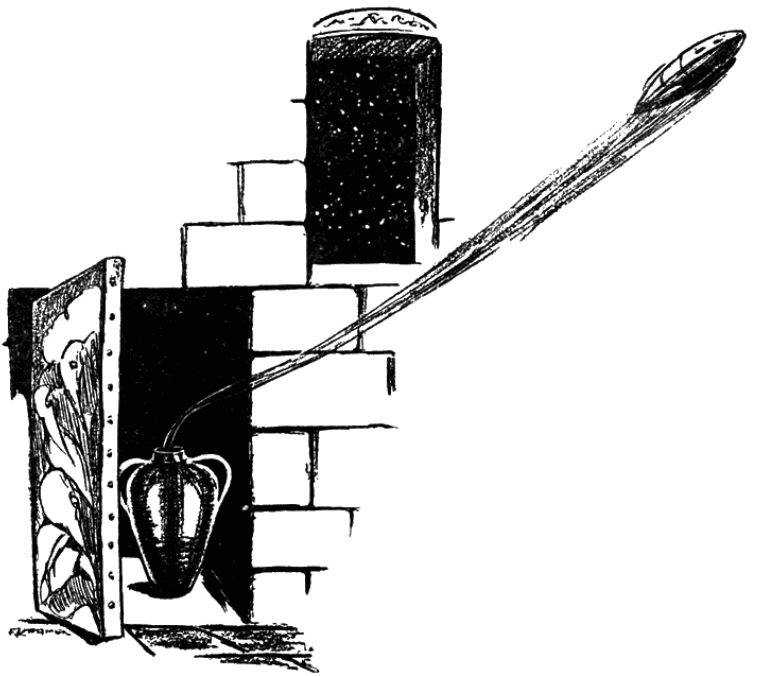
Фиолетовый кувшин был тем самым предметом, который стоял в пещере, находившейся за «Наблюдателями». Именно тем предметом, который был недоступен для звездного света.

Вещь редкой красоты, элегантности и изящества. Образец искусства, от которого перехватывало дыхание и которое заставляло сердце биться быстрее.

— Вы были не правы. — Альф обращался к Картеру. — Это не миф!

Что-то сверкнуло над узким горлом кувшина. Серебристая полоска вспыхнула и, подобно блуждающему огоньку, заскользила по комнате. Что-то начало расти и раздуваться, пока не достигло размера кулака, и теперь можно было разглядеть, что это было крошечное космическое судно.

— Один из марсианских кораблей! — завопил Лэтроп. — Он покидает внутриатомное пространство!



И едва последние слова слетели с его губ, что-то щелкнуло в его мозгу, и он утвердился в своем мнении.

— Вы совершенно правы, — сказал Элмер, — Фиолетовый кувшин — дом марсианской расы. В нем находится внутриатомная Вселенная, в которой они скрываются.

Лэтроп поднял взгляд и увидел, что мерцающая полоска — это и был Элмер — приблизилась к потолку.

— Итак, Харпер искал именно этот кувшин, — сдержанно заметил Картер, стараясь не выдавать своего ужаса.

Космический корабль двигался над полом, постепенно увеличиваясь в размерах.

— Быстрее, Элмер! — прикрикнул на него Лэтроп, — Скажи мне, как марсиане становятся маленькими!

Элмер молчал.

— Бастер говорил, это связано с четвертым измерением, — продолжал Лэтроп. — Не могу понять, при чем здесь четвертое измерение?

Элмер продолжал хранить молчание, оно затягивалось, поэтому Лэтроп решил, что он не собирался отвечать. Но наконец мысли призрака стали проникать в его мозг. Тот старался быть предельно точным в формулировках:

— Чтобы понять это, вы должны знать, что у всех вещей имеется четвертое измерение или возможности, связанные с ним, хотя никто не способен ощутить его. Ни марсиане, ни земляне не могут сделать это. Мы можем признать существование четвертого измерения только теоретически.

Чтобы стать маленькими, марсиане просто вытянули себя в направлении четвертого измерения. Они потеряли там свою массу, что уменьшило их размер в других трех измерениях. Это можно наглядно представить так, как если бы они изъяли большую часть своей массы и отправили ее туда, где она не будет их беспокоить. Они стали податомарно маленькими в первых трех измерениях, увеличив себя в четвертом до первоначальной массы.

Лэтроп медленно, с глубокомысленным видом кивнул. Это была новая идея — все вещи имели четвертое

измерение, хотя об этом можно было не подозревать, так как отсутствовали чувства, которые могли его воспринимать.

— Похоже на резинку, — сказал Картер. — Она становится длиннее, но тоньше. Масса увеличивается в длину, уменьшаясь в ширине и толщине.

— Точно, — сказал Элмер. — Чтобы стать снова большими, они пускают процесс в обратном направлении, возвращая свою массу из четвертого измерения.

Тишину нарушил слабый металлический скрип. Открылась дверь космического корабля, теперь достигшего нормальных размеров.

Дверь легко скользнула в сторону, и в дверном проеме появился марсианин. Лэтроп стоял, словно пригвожденный к полу, чувствовал, как на затылке поднимаются волосы.

Марсианин, переваливаясь с боку на бок, проковылял вперед и остановился перед ними, его щупальца слабо шевелились. Но когда он заговорил, он не обращался к людям. Его слова предназначались Элмеру.

— Это вы показали им кувшин?

— Я не показывал им его, — сказал Элмер, — Они спасли его для нас. Они убили Злое существо, которое маскировалось под человека. Оно украло бы кувшин и, возможно, уничтожило бы. Лэтроп разоблачил его.

— По запаху, — пояснил Лэтроп.

Марсианин продолжал не замечать ни Лэтропа, ни остальных — как будто их там не было, как будто Лэтроп ничего не говорил.

— Вы не выполнили ваш долг, — сказал марсианин Элмеру.

— У меня нет никаких обязательств, — ответил Элмер, — Я ничего не должен вам. Я даже не один из вас. Я только тень ваших предков. Мне непонятны ваши поступки, потому что ваше мышление опередило меня и потому что я все еще живу в прошлом и не могу понять ту философию, которой

вы придерживаетесь сегодня. Часть меня должна быть всегда в прошлом, ибо прошлое отвечает за все во мне. На протяжении бесчисленных столетий я жил здесь и не получал никаких сигналов от вас. Только когда у вас возникла необходимость во мне, вы покинули вашу Вселенную, чтобы найти меня. Вы попросили оказать вам помощь, и я согласился. Согласился, потому что воспоминания, из которых я состою, разбудили во мне расовую гордость — я не мог подвести мою собственную расу. И вы еще говорите мне о долге.

— Землянин должен умереть, — Марсианин повысил голос.

— Землянин не намеревается умирать, — объявил Лэтроп.

Впервые за все это время марсианин уставился на него бездушными рыбьими глазами. И Лэтроп ответил ему тем же взглядом, чувствуя, как холодная ярость медленно нарастает в нем. Ярость, вызванная высокомерием, дерзостью, едва скрываемой уверенностью в том, что земная раса — низшая, что некоторые из ее членов должны умереть только потому, что так сказал марсианин. Это было высокомерие, которое убедило марсиан в возможности организовать крестовый поход ради того, чтобы привести человеческую расу к марсианскому мышлению, чтобы передать ей догму, которая заставила марсиан скрываться от внешней угрозы.

— Я уже убил одного из вас! — рявкнул Лэтроп, — Причем голыми руками.

Ему не понравилось, как он это сказал. Прозвучало слишком по-ребячески.

В его мозгу проносились сведения из истории, из прошлого Земли, с которыми он познакомился перед космическим путешествием. Сведения о том, как низшие расы были охвачены пропагандой, как они были запуганы теми, кто не хотел даже вытирать о них ноги, но в то же время стремился навязывать им свой образ жизни. И сейчас это снова повторялось!

Ему хотелось сказать об этом марсианину, но потребовалось бы слишком много времени, и вряд ли марсианин его понял.

— Где робот? — спросил марсианин.

— Да, где Бастер? — взвизгнул Альф, — У меня есть счеты с этим драндулетом. Именно поэтому я прибыл сюда. Я поклялся, что превращу его в детскую игрушку! Так помогите мне...

— Успокойся, Альф, — сказал Картер, — Бастер теперь игрушка — из тех, что гоняют по полу.

— Убирайся! — сказал Лэтроп марсианину, — Бастер вам здесь не поможет.

Марсианин двинулся прочь. Лэтроп глумливо хихикал ему вслед.

— Беги, черт тебя побери, беги! Это вы умеете делать. Вы сбежали от звездных злодеев. Вы сбежали и спрятались.

— Это был единственный выход, — громко визжали мысли марсианина.

Лэтроп кричал, давясь от смеха:

— Вы только думаете, что сумели скрыться! Вы похожи на страусов, засовывающих головы в песок. Вы скрылись в трех измерениях, да, но подняли флаг четвертого, чтобы это увидели все во Вселенной. Разве вам, придуркам, не понятно, что Злые существа могли воспринимать четвертое измерение, и когда вы растягивали свою чертову четырехмерную сущность, то фактически приглашали их к себе?

— Это неправда, — самодовольным тоном заявил марсианин, — Это не может быть правдой. Мы все предусмотрели. Нет никакого шанса для ошибки. Мы правы.

Лэтроп сплюнул от отвращения. Отвращения к существу, которое было старым и трясущимся, и даже не знавшим об этом.

Марсианин медленно боком отошел назад, затем сделал внезапный рывок к Фиолетовому кувшину, сгреб его и крепко прижал к себе.

— Остановите его! — завопил Элмер, его вопль был наполнен страхом и ужасом.

Марсианин устремился к открытой двери космического корабля, все еще прижимая к себе кувшин. Лэтроп резко бросился вперед, сбивая его с ног подножкой. Его руки, не дотянувшись до кожистого тела, отчаянно вцепились в неуклюжую ногу. Щупальце ударило его в лицо, и он, выпустив ногу, покатился по полу.

Затрещал бластер Альфа, и марсианин застонал от пронзительной боли.

— Остановите его! Остановите его! — Мысли Элмера походили на рыдание.

Но ничто не могло его остановить. Марсианин уже находился на корабле, дверь за ним закрывалась.

Лэтроп, встав на колено, наблюдал, как судно начало уменьшаться в размерах.

— Бесполезно, — сказал он Элмеру.

— В некотором смысле, — сказал Картер, — этот парень — герой. Он рисковал собственной жизнью, чтобы спасти свою расу.

— Спасти свою расу, — горьким эхом отозвался Лэтроп, — Он не может спасти свою расу. Они проиграли. Они уже однажды проиграли, когда создали существо и сказали, что это правильная вещь, безоговорочно правильная и не может быть неправильной.

— Корабль может скрыться во внутриатомной Вселенной, — возразил Картер, — и туда же отправится кувшин. Мы никогда не сможем найти его. И никто никогда не найдет его. Но этот марсианин не сумеет сам забраться в кувшин. Он отсек себя от его собственной Вселенной.

— Кувшин может быть найден, — сказал Лэтроп, — Он может быть найден независимо от того, каким бы маленьким его ни сделал марсианин. И возможно, даже если он не сохранится, став меньше, чем внутриатомный объект, это всего лишь означает, что его молекулярное тело будет

перемещено в четвертое измерение, где оно станет длиннее или больше — или что там еще случается с материальными телами в четвертом измерении. И тогда этим плохим парням будет нетрудно его найти.

Корабль выглядел не больше, чем кончик пальца, когда поднялся в воздух. Через мгновение он превратился в пятнышко, танцующее на свету, и затем полностью исчез.

Картер уставился туда, где только что был корабль.

— Это означает, — сказал он, — что теперь мы будем бороться одни.

— Одни мы боремся лучше, — прорычал Лэтроп и погладил оружие. — Харпер умер, когда я направил это на него. Он не сжался, подобно Бастеру. Оружие по-разному действовало на них. Что-то есть в этом оружии, не случайно эти ребятки так его испугались. Марсиане должны были знать это, но они не знали. Они были слишком уверены в своей правоте. — Он снова погладил оружие. — Именно поэтому Харпер или кто-нибудь еще вроде него хотел получить кувшин. Он и его раса не чувствовали себя в безопасности, пока во Вселенной существовала другая раса, обладавшая знанием о четвертом измерении.

— У Харпера, — сказал Элмер, — было чувство четвертого измерения.

Лэтроп кивнул.

— У марсиан такого чувства не было, они не могли ощущать четвертое измерение. Поэтому, когда они оказывались в нем, они никогда об этом не знали. Но когда Харпер начал проникать туда, ему досталось по первое число. Это убило его.

Картер пожал плечами.

— Стоит ли продолжать.

— Человеческая раса, — напомнил ему Лэтроп, — существует не так давно. Оружие — отправная точка. Благодаря ему мы узнаем основной принцип. Довольно скоро мы сможем вернуть Бастеру его первоначальные размеры. И после этого мы будем способны сделать кое-что еще. Затем мы

найдем другой факт, изучим его. В конце концов мы будем знать о четвертом измерении больше, чем марсиане. И у нас будет оружие, которого будут бояться все злые существа.

— Мы сделаем это, — сказал Картер, — если Элмер позволит нам уйти. Он по-прежнему может настаивать, чтобы мы остались здесь и умерли с голоду.

— Вы можете идти, — сказал Элмер.

Все трое уставились на потолок, где Элмер порхал легкой дымкой.

— Вы можете идти, — повторил Элмер, и в его голосе ощущалась легкая настойчивость, как будто он желал, чтобы они ушли, — Вы найдете выключатель силового поля в потайном месте, там, где стоял кувшин.

Они молча ждали, пока Картер нашел его, а затем нажал на кнопку.

— Доброй ночи, — сказал Элмер, и в его мыслях ощущался груз печали, печали, которая, казалось, была следствием тысячелетий жизни.

Они уже направились к двери, но, едва оказались рядом с ней, он позвал их.

— Может быть, вы возьмете с собой Бастера? Позаботьтесь о нем, пока не восстановите его прежние размеры.

— Конечно, — сказал Лэтроп.

— И, джентльмены, есть еще кое-что... — сказал Элмер.

— О чем вы, Элмер?

— Наступят времена, — сказал Элмер, — которые будут вам непонятны. Времена, когда вы почувствуете, что зашли в тупик.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — признал Картер.

— Когда эти времена наступят, — сказал Элмер, — приходите ко мне. Возможно, я смогу помочь.

— Спасибо, Элмер, — сказал Лэтроп и отправился в другую комнату за Бастером.

Ганнибал опять грезил наяву, а Спенсеру Чемберсу очень хотелось, чтоб он прекратил. Председателю Контрольного совета Солнечной системы забот и без того хватает с избытком, посему дополнительно перегружать сознание беспорядочными зрительными образами, которые прогонял через его мозг Ганнибал, представлялось непозволительной роскошью. Однако — и Чемберс это прекрасно понимал — поделать он все равно ничего не мог. Периодическое погружение в грезы — одна из неотъемлемых черт поведения маленького паукообразного создания, а поскольку человек крайне нуждался в нем, приходилось сносить это со всей возможной кротостью.

Не обладай мысленные картины такой четкостью, еще имело бы смысл пытаться их игнорировать. Увы, в силу природы Ганнибала иными они и быть не могли.

В мозгу Чемберса возник знакомый образ: широкая зеленая долина, усеянная красными булыжниками в кляксах серых лишайников, и горные пики по обеим ее сторонам, протянувшие к ярко-голубому небу остроконечные пальцы. Видение посещало его не впервые, и на этот раз, как и всегда, в нем присутствовал неотвязный оттенок ностальгии.

Чемберса, видящего долину в точности такой же, какой ее помнил Ганнибал, посетило малоприятное чувство, будто ему она тоже знакома. Казалось, в следующую секунду он вспомнит ее название и сумеет точно сказать, где она находится. Ему и раньше доводилось испытывать подобное, когда определение места, как и в этот раз, вертелось на кончике языка. Может, это всего лишь эмоциональные галлюцинации, обусловленные частыми воспоминаниями Ганнибала, где к образу той долины примешивался неизменный оттенок светлой печали? В последнем, однако, Чемберс иногда сомневался. Временами он мог поклясться, что ощущение порождено его собственным мозгом, является его

личным, отдельным чувством и Ганнибаловы грезы тут ни при чем.

Конечно, загадочная долина некогда могла служить Ганнибалу домом, однако это казалось маловероятным. Существо обнаружили в поясе астероидов. По сей день оно оставалось единственным известным представителем своего вида. А поскольку бурная растительность и голубые небеса на астероидах попросту невозможны, подобное место никак не могло находиться там.

Чемберс многое бы отдал за возможность научиться разговаривать с гостем из космоса. К сожалению, как раз это и не представлялось возможным. Как перевести абстрактные понятия в слова или символы, понятные Ганнибалу? Визуальное общение, передача реальных образов — пожалуйста. Но не отвлеченная идея. Вероятно, сам принцип непосредственного обмена мыслями в человеческом его понимании был Ганнибалу чужд. После многих месяцев общения и сотрудничества с маленьким приятелем Чемберс начинал в этом убеждаться.

В кабинете царил мрак, исключение составляло лишь озерцо света, отбрасываемого на письменный стол единственный лампой. Сквозь высокие окна сияли звезды, и серебристый блеск восходящей луны скользил по верхушкам сосен на ближайшем горном хребте.

Темнота и ночь не имели значения как для Ганнибала, так и для Чемберса. Ибо первый видел и в темноте, а второй не видел вообще. Спенсер Чемберс был слеп.

И все же он видел — глазами или, скорее, чувствами Ганнибала, причем гораздо четче и яснее, нежели когда-то собственными глазами. Поскольку Ганнибал видел не так, как люди, — иначе и лучше.

За исключением тех моментов, когда грезил наяву.

Поток зрительных образов внезапно иссяк, и Чемберс, чье сознание оставалось настроенным на сенсорное восприятие Ганнибала, заглянул сквозь стены кабинета в приемную. Вошедший мужчина, повесив пальто, болтал с секретарем.

Губы Чемберса сжались в прямую жесткую линию. Морщины прорезали его лоб, а аналитический ум в который раз холодно классифицировал и проверил по пунктам сложившуюся ситуацию.

Мозес Аллен, без сомнения, хороший человек, тем не менее в данной конкретной проблеме он продвинулся мало. Наверное, иначе и быть не могло, поскольку на данный

момент он столкнулся с тем, на что, казалось, ответа не существует.

Пока Аллен широким шагом пересекал приемную, губы Чемберса слегка расслабились, и он усмехнулся про себя, прикидывая реакцию гостя, если бы тот вдруг обнаружил, что за ним следят.

Ни один человек, даже сам Мозес Аллен, глава Секретной службы Солнечной системы, не имел представления об истинных масштабах Ганнибаловых зрительных способностей. Чемберс понимал, что нет никаких объективных причин держать подобную информацию в секрете, и не мог не признать, что стремление сохранить это в тайне было не чем иным, как проявлением его очередного чудачества. Пустяк, от которого Спенсер украдкой получал мелкое удовольствие, — кусочек знания, которым он, слепец, очень дорожил.

Войдя в кабинет, Аллен уселся в кресло перед столом Чемберса и закурил сигарету.

— Что на сей раз, шеф? — поинтересовался он.

Несмотря на темные очки, блюдцами черноты выделявшиеся на фоне тонкого бледного лица, казалось, что хозяин кабинета смотрит прямо на гостя. Голос у Чемберса был хриплый, слова он глотал.

— Ситуация ухудшается, Мозес. Я сворачиваю станцию на Юпитере.

Аллен присвистнул.

— Вы во многом рассчитывали на ее работу.

— Рассчитывал, — признал Чемберс. — Я надеялся, что в условиях враждебной среды, существующей на этой планете, мы сможем развить новое направление химии, заложить фундамент принципиально иной фармацевтики и наконец создадим лекарство, которое даст желаемый эффект. Я надеялся открыть неизвестное химическое соединение или реакцию. Хотя бы просто методом тыка.

— И это повторяется уже в который раз, — заметил Аллен, — Мы уже почти дошли до той точки, когда приходится действовать по наитию. Выбор, прямо сказать, небогатый.

Чемберс продолжал, будто не слышал реплики посетителя.

— Сегодня вернулся челнок с Юпитера. Привез одного человека, спятившего абсолютно. Остальные мертвы. Один перерезал себе горло. Смена тоже вернулась назад. Люди отказались оставаться после того, что увидели.

Аллен скривился.

— Их трудно винить.

— Те люди были совершенно нормальны, когда заступили на вахту, — проговорил Чемберс, — Психологи выставили каждому из них высочайшие баллы по психической устойчивости. Они отбирались именно по этому признаку, потому что мы понимали: на Юпитере плохо — возможно, это самое враждебное для человека место во всей Солнечной системе. Но не настолько же там страшно, чтобы все они посходили с ума за три коротких месяца! — Председатель соединил пальцы домиком, — В этом психологи со мной согласились.

Ганнибал слегка шевельнулся, царапнув стол острыми коготками. Аллен протянул руку и почесал малыша под подбородком. Тот сердито ударил его по руке.

— Я прихожу в отчаяние, — признался Чемберс.

— Понимаю, — отозвался разведчик. — Чем дальше, тем хуже. Дурные вести из всех уголков Солнечной системы. Коммуникации рвутся. Машины простаивают. Установки жизнеобеспечения не приносят пользы, потому что люди не в силах ими управлять.

Оба погрузились в молчание. Мозес хмуро уставился на кончик своей сигареты, Чемберс застыл напряженно и прямо, словно сидел не за собственным столом в председательском кресле, а на краешке стула в ожидании важного события.

— Ситуационный психоневроз, — вздохнул наконец Аллен. — Так называют это специалисты. Очередной заумный термин для обыкновенного сумасшествия. Люди бросают работу. Люди впадают в бешенство. Вся Солнечная система ползет по швам, потому что они не в состоянии выполнять свои обязанности.

Чемберс заговорил резко.

— Демагогия никуда не приведет, Мозес. Мы должны найти ответ или сдаться. Предать мечту, которую лелеяли многие поколения до нас. Мечту об объединенной Солнечной системе — объединенной людьми и для людей, бесперебойно работающей во имя улучшения жизни.

— Вы хотите спросить, — медленно проговорил Аллен, — что я для этого сделал?

Чемберс кивнул.

— Да, именно это я и имел в виду.

— Я разрабатывал множество направлений и отказался от большинства из них. По сути дела, осталось одно по-настоящему серьезное. Но саботажем тут не пахнет. Не то чтобы я не проверял — в конце концов, это моя работа. Но я спинным мозгом чувствую: здесь все честно и открыто. Чтобы справиться с задачей, мы должны найти новый фактор в человеческом сознании, в человеческой психологии — иной подход к проблеме в целом. Наша беда — гении. Управление Солнечной системой требует гениев. Среднего интеллекта для этого недостаточно. А гении все с приветом. На них нельзя полагаться.

— И все же, — произнес Спенсер Чемберс, — мы должны опираться именно на них.

И это, Аллен понимал, была правда — горькая правда.

Уже многие годы наблюдался упадок человеческой деятельности. Он начался постепенно: несколько случаев там, несколько случаев здесь. Но процесс распространялся, развивался почти в геометрической прогрессии и теперь достиг точки, где, если только что-нибудь не предпринять, экономика и промышленное производство Солнечной системы

накроются медным тазом из-за нехватки людей для управления ими. Электростанции и лаборатории, перерабатывающие заводы, купольные города, коммуникационные системы, построенные людьми на всех планетах вокруг Солнца, рассыплются в прах.

Сегодняшние люди более тренированы, лучше подготовлены морально и развиты интеллектуально, чем когда-либо прежде. Это не вызывает сомнений. Им пришлось стать такими. Сотни рабочих мест требовали гениев. И гении появились, причем в огромном количестве. Беда в том, что они не оставались гениальными. Они сходили с ума.

Еще в двадцатом веке наметились признаки массового безумия, уже тогда зародившегося от возрастающих требований, предъявляемых все более сложной, стремительно меняющейся цивилизацией к человеческому мозгу, к способностям и навыкам людей. С развитием эры науки человек внезапно столкнулся с необходимостью превратиться в умственного гиганта. Люди честно попытались и даже отчасти преуспели. Но темп оказался слишком высок — технические возможности ложились на разум непосильным бременем. И человек начал отставать.

Нынешний мир стал миром специализации. Более или менее осмысленная работа стоила многих лет напряженнейшего обучения. Институтские курсы сделались сложнее и намного длительнее. Но это еще не все. В то время как человек, до предела измотав сознание, пытался вникнуть в проблемы избранной им сферы деятельности, ему еще приходилось вписываться в повседневную жизнь, искать собственное место в мире, изменению которого он сам же и способствовал.

Не удивительно, говорил себе Аллен, что настал момент, когда люди махнули на все рукой и впали в прострацию.

— Надо выяснить, что не так с одаренными ребятками, — продолжил он, — Надо выяснить, какие факторы делают неустойчивой их психику. Может, что-то не так в системе образования — в том, как происходит обучение? Может...

— Педагоги и психологи ведут исследования в этих направлениях, — коротко напомнил ему Чемберс.

— Понял. Видимо, мне следует придерживаться собственной сферы. Ладно. Я собираюсь сообщить вам кое-что малоприятное.

Председатель сидел молча, ждал. Ганнибал переместился по столу, подбираясь ближе к Мозесу, словно обрел способность понимать человеческую речь и не хотел пропустить ни слова.

— Это насчет этой конторы, Санктуария, — начал Аллен, — Вы видели рекламу...

Он осекся со смущенным видом, но Чемберс кивнул.

— Да, видел. Я же могу читать газеты. Расправляю на столе, Ганнибал смотрит, а я читаю. Так же хорошо, как и вы. Не надо столь трепетно относиться к моей слепоте.

— Санктуарий рассовал рекламу повсюду, — продолжил Аллен. — В газетах, на дорожных знаках — везде. Иногда они называют себя домом отдыха, иногда — санаторием. Иногда они даже не дают себе труда как-нибудь называться. Просто используют большие белые пространства с напечатанным крупными буквами словом «Санктуарий». Все так благородно. Ничего кричащего. Никакого хвастовства. Они вытеснили из бизнеса почти все другие заведения, где вправляют мозги и латают нервы. Никто теперь и не думает обращаться куда-либо, кроме Санктуария, когда почувствует, что крыша потекла.

— К чему вы клоните?! — рявкнул Чемберс.

— Я же предупреждал, что это вас расстроит, — напомнил Аллен. — Они одурачили вас. И всех остальных. Позвольте мне рассказать, что я о них знаю.

Рот председателя Совета сжался в тонкую прямую линию.

— Что вообще заставило вас, Мозес, расследовать их деятельность? Санктуарий — это... — Он запнулся, — Ну, одним словом, Санктуарий.

Глава Секретной службы рассмеялся.

— Да, я знаю, что вы имеете в виду. Санктуарий белый и пушистый. Санктуарий прекрасен. Этакая сияющая гавань в слетевшем с катушек мире. Да-да, так думаете не только вы, но и все остальные тоже. И я так думал. Но потом — просто по какому-то наитию — начал присматриваться к нему. И при этом сам себя ненавидел. Мне казалось, я должен убежать и спрятаться. Но у меня шевельнулось какое-то предчувствие, понимаете, а я никогда не отмахиваюсь от них. Поэтому, стиснув зубы, начал копать. И я убежден, что Санктуарий либо как-то связан с распространением безумия, либо представляет собой крупнейшую аферу, какую когда-либо знала Солнечная система. На мой взгляд, это, скорее всего, мошенничество. Мне пока не сообразить, с какого конца подобраться ко второму варианту. Возможно, они просто ради поддержания своего бизнеса каким-либо образом способствуют тому, что люди сходят с ума? Не уверен. Это кажется маловероятным по многим причинам. Если же речь идет всего лишь об афере, я попусту теряю время. В наше время имеется более крупная дичь, нежели мошенники.

Он тяжело вздохнул.

— Сначала я проверил доктора Яна Николса — того парня, который всем у них заправляет. А он никто, насколько мне удалось выяснить. Определенно не психиатр. Одно время работал в Солнечной службе. Возглавлял партию, осуществлявшую надзор за полезными ископаемыми в поясе. Имеет какую-то степень по минералогии. И все. Ничего больше — никакой специализации. В общем, я пришел к выводу, что он всего лишь корыстолюбивый приспособленец, получивший не слишком хорошее образование.

По нашим сведениям, все остальные члены партии, которой руководил Николс, исчезли. Куда они делись, выяснить так и не удалось.

Я попытался связаться с Николсом и не смог. До него не добраться. Ни почты. Ни радио. Ничего. Санктуарий

изолирован. Если тебе там что-то нужно, ты отправляешься туда сам, лично.

— Я об этом как-то не задумывался, — заметил Чемберс.

— И не только вы. Никто не пытается связаться с Санктуарием, пока не понадобятся его услуги, а когда возникает в них нужда, человек оказывается там. Но вы еще и половины не слышали.

Аллен зажег новую сигарету. В комнате негромко прозвонили часы. Ганнибал свесился со стола и махнул на Мозеса когтистой лапкой, не достав до него считанные сантиметры.

Начальник Секретной службы откинулся на спинку кресла.

— Итак, поскольку с Николсом мне связаться не удалось, я послал в Санктуарий нескольких своих людей. Шестерых, если быть точным. В разное время...

Он посмотрел на Чемберса, лицо его помрачнело.

— Они не вернулись.

Чемберс еле заметно вздрогнул.

— Не вернулись? Вы хотите сказать?..

— Только то, что сказал. Они не вернулись. Я их отправил. И... ничего. Ни слуху ни духу. Ни от них, ни о них. Люди просто исчезли. Последний — три месяца назад.

— Это кажется невероятным, — нахмурился Чемберс. — Мы ни секунды не сомневались в том, что пациенты Санктуария получают надлежащее лечение и уход, считали, что о лишившихся рассудка людях там заботятся лучше, чем где бы то ни было еще.

Он немного помолчал, и вдруг выстрелил внезапным вопросом:

— Они ведь лечат, так?

— Конечно, — ответил Аллен, — Разумеется, лечат. Я разговаривал со многими, кого они привели в чувство. Но те, кто там побывал, никогда не возвращаются в Солнечную службу. Они становятся...

Он наморщил лоб.

— Это сложно описать словами, шеф. Складывается впечатление, что это уже совсем другие люди. Их поведенческие схемы не совпадают с прежними данными. Они забывают большую часть прежних навыков и знаний, теряют интерес к тому, что волновало их прежде. И взгляд у них странный. Они...

Чемберс махнул рукой.

— Не забывайте, что они и должны меняться. Лечение...

— Да, знаю, — перебил Аллен, — Вы реагируете в точности так же, как до недавнего времени реагировал я сам. Да и все остальные. Мы инстинктивно защищаем Санктуарий, находим оправдания для любых его действий. Видите ли, даже самому последнему из нас однажды могут понадобиться его услуги. И сознание того, что он есть, дает нам силы. Рискуем свихнуться? Ну и что? Санктуарий нас починит. Нет денег? С нас не возьмут ни гроша и даже бесплатно доставят. Санктуарий — это соломинка, за которую можно ухватиться в нашем безумном мире. Возможно, даже некая разновидность веры. Тяжело, когда у тебя из-под ног выбивают опору.

Чемберс покачал головой.

— Мне почти жаль, что вы ввязались в это дело.

Аллен поднялся, раздавил сигарету в пепельнице.

— Этого я и боялся. Мне страшно не хочется бросать его теперь, когда я зашел так далеко. Не исключено, что это пустая затея, но...

— Нет, — перебил Чемберс, — не бросайте. В наши дни следует внимательно относиться к любой мелочи. А это... Вы и сами подозреваете, что ваши поиски напрасны, но, с другой стороны, нутром чуете, что здесь что-то не так. Нет, не следует останавливаться на полпути.

— И последнее, шеф. Я упоминал об этом раньше. Люди...

— Я знаю, что вы собираетесь сказать. — Чемберс нетерпеливо махнул рукой, — Люди на меня обижены. Они думают, что я от них отдалился. Слишком много слухов.

— Они не знают, что вы слепы, — напомнил Аллен, — И я считаю, что пора сообщить об этом. Люди поймут. Всегда лучше знать правду, чем строить самые невероятные предположения. А я очень хорошо знаю, что именно они думают. Это моя работа — знать.

— Кто пойдет за слепцом? — с горечью проговорил Чемберс. — Меня станут жалеть, но не уважать.

— Люди сбиты с толку и судачат о вашей болезни. Говорят, что она вас изменила. Им и в голову не приходит, что вы ослепли. Некоторые даже полагают, что у вас размягчение мозгов. Еще все гадают, что такое Ганнибал и почему вы никогда с ним не расстаетесь. Домыслы самые фантастические. Даже более невероятные, чем правда.

— Аллен, объявляю эту тему закрытой, — На этот раз тон председателя Совета был резким.

Глава Секретной службы удалился.

Чемберс остался в своем кресле. Надменный, он сидел совершенно прямо и смотрел перед собой.

Вечера миссис Темплфингер всегда выдавались скучными. Этой особой привилегией она обладала в качестве первой дамы сливок нью-йоркского общества. Данный вечер не был исключением. Дилетантски неуклюжие трехмерные фильмы о путешествии хозяйки на юпитерианские луны отдавали безвкусицей. Скрипач оказался еще хуже.

Кэбот Бонд, владелец газеты «Морнинг спэйсуэйз», устало ерзал в кресле, однако, поймав на себе сердитый взгляд миссис Темплфингер, попытался изобразить расслабленную непринужденность. Возможно, благодаря упрямым усилиям по поддержанию культурного уровня одной из величайших семей в Солнечной системе она в полной мере заслуживает репутацию злобной старой карги, сущего наказания для всех родственников и друзей, однако раздражать ее было бы крайне недальновидно: миссис Темплфингер пользовалась авторитетом у многих рекламодателей.

А Кэбот Бонд всегда помнил о рекламодателях. Он жил с них и для них. И о них беспокоился. Как, например, сейчас.

Скрипка довыла. Гости вежливо похлопали. Скрипач снисходительно поклонился. Миссис Темплфингер сияла, перебирая пальцами свои знаменитые бусы из астероидных рубинов. Камни ловили свет люстр и переливались медленно пульсирующими сполохами чужеродного пламени.

Сидевший рядом с Бондом человек наклонился к нему.

— Классная статья — та, про открытие марсианского Розеттского камня, — негромко заговорил он, — Мне очень понравился избранный вами подход к теме. Столько сведений по истории вопроса. Доходчивое изложение. Полное отсутствие сенсационности, какой грешат многие другие газеты. К тому же вы поместили материал на первую полосу. «Ракета»-то заметку на внутреннюю страницу засунула.

Бонду сделалось неуютно. Обсуждаемую статью он выбросил из головы, едва поставив последнюю точку. И не испытывал ни малейшего желания ее обсуждать. Но человеку явно хотелось именно этого.

«Скорее бы заиграла эта чертова скрипка», — подумал Бонд, а вслух холодно произнес:

— Это не камень. Это свиток.

— Величайшая находка века, — кивнул человек, ничуть не обескураженный, — Она откроет нам все древнее знание Марса.

Музыкант вновь принялся елозить жестоким смычком по струнам.

Облегченно выдохнув, Бонд устроился в кресле и вернулся к своим переживаниям.

Забавно. В «Санктуарии Инк.» отреагировали на статью про Розеттский свиток Марса так, словно боялись, что найденный документ станет достоянием широкой общественности. Возникало ощущение — хотя это казалось смехотворным, — будто они не желали, чтобы людям стало известно что-то содержащееся в древних марсианских записях.

Правильно ли он поступил, отклонив их требование спустить эту историю на тормозах? Некоторые, как «Ракета», очевидно, согласились. Другие, разумеется, нет. Правда, большинство из них не имеют никакого отношения к Санктуарию и терять им ровным счетом нечего. В отличие от «Спэйсуэйз». Это-то Бонда и беспокоило.

Скрипка неслась во весь опор шквалом высоких нот, сплетающих варварский, неземной узор — песнь открытого космоса, холодных ветров на незнакомых планетах, чуждых земель под неведомыми звездами.

Внезапно в потусторонний визг скрипки врезался и перемешался с ним визг вполне земной женщины.

— Мои драгоценности! — верещала миссис Темплфингер. — Мои рубины!

Она вскочила на ноги, одной рукой стиснув тонкую цепочку, охватывавшую ее шею. Секундой раньше на ней сияли астероидные рубины.

Теперь же знаменитые камни исчезли, непостижимым образом канув в никуда.

Скрипач неподвижно застыл со смычком наготове. Стакан, выскользнувший из чьих-то пальцев, со звоном разлетелся, ударившись об пол.

— Они пропали! — вопила миссис Темплфингер, — Мои рубины пропали!

В зал бесшумно вплыл дворецкий.

— Наверное, мне стоит вызвать полицию, мэм.

И тут странный свет озарил лицо миссис Темплфингер — мягкий и человечный свет, разгладивший морщинки вокруг глаз и внезапно превративший злобную старую вдову в мягкую и очаровательную женщину. Впервые за двадцать лет миссис Темплфингер ласково улыбнулась.

— Нет, Жак, — шепнула она, — Не полицию.

Все еще улыбаясь, хозяйка пропавших рубинов снова села и кивнула скрипачу. Цепочка выскользнула из ее пальцев, словно драгоценности, стоившие добрых полмиллиона долларов, больше не имели ни малейшего значения.

Скрипач ударил смычком по струнам.

Кэбот Бонд поднялся и на цыпочках пробрался к выходу. Предстояло еще переделать кучу неотложных дел. Например, позвонить редактору и дать ему указание замять любые новости, которые могут поступить по телеграфу о пресловутом свитке с Марса.

Харрисон Кемп, глава Солнечного исследовательского бюро на Плутоне, оторвался от микроскопа, выпрямился и медленно выпустил воздух из легких. Голос его сделался сиплым от возбуждения.

— Джонни, похоже, есть! Спустя все эти годы... после...

Он осекся.

Джонни Гарднер его не слышал. Он даже на него не смотрел. Коллега сидел, сгорбившись на табурете. Призрачный звездный свет из лабораторного окна падал на его лицо, внезапно расслабившееся, обмякшее и повисшее, — на усталое, изнуренное лицо с ввалившимися глазами и отвисшей челюстью.

Кемп попытался что-нибудь произнести. Тщетно. Во рту пересохло, язык онемел и ужас задушил слова, прежде чем те успели вылететь наружу. Откуда-то из-за спины доносилось «кап-кап» драгоценной воды. Снаружи черные копья плутонианского гранита вонзались в чернильно-черное, усыпанное звездами небо.

И на фоне окна — сгорбленная фигура человека, чей взгляд, устремленный наружу, в чужеродную пустыню, совершенно не фиксировал беспорядочное нагромождение скал, составлявших поверхность Плутона.

— Джонни! — наконец выдавил Кемп. Собственный шепот, заметавшись по лаборатории испуганной крысой, заставил его подскочить на месте.

Гарднер не отвечал, не шевелился. Одна рука небрежно лежала на колене, другая свободно свисала. Нога соскользнула с перекладины табуретки и, слегка не дотягиваясь до пола, медленно раскачивалась туда-сюда, подобно жуткому маятнику.

Кемп шагнул вперед, протянул руку, но так и не решился дотронуться до плеча Гарднера.

Бессмысленно пытаться что-либо предпринять. Он это знал. Джонни Гарднер покинул их. Неуклюжее тело по-прежнему восседало на табуретке, но сознание — проницательное, ясное, подобное лезвию бритвы сознание — ушло. Ушло, как пыльная мумия, обрушившаяся внутрь себя. Меньше минуты назад оно обладало способностью проникнуть в глубочайшие тайны жизни, а сейчас превратилось в темную пустотелую пещеру, заполненную лишь призрачным эхом покинувшего ее разума.

Нашарив позади себя второй табурет, Кемп устало взгромоздился на него и уставился на Гарднера, чувствуя, как безымянный ужас, порожденный чужой планетой и цепью враждебных событий, постепенно смыкает над ним черные крылья, заслоняя свет далеких звезд.

Над лабораторным столом сиял крохотный конус подсветки электронного микроскопа. А под микроскопом находилось нечто очень близкое к исходному сырью, первоэлементу жизни. Нечто, стоившее ему, Джонни Гарднеру и Виктору Финдлею... Скольких лет? Теперь в полумраке лаборатории они казались вечностью.

Вечностью кропотливых исследований, бесконечных записей, удачи, вот-вот готовой улыбнуться, но непременно ускользающей из-под самого носа, и следовавших затем сокрушительных поражений.

— Итак, — обратился Кемп к самому себе, молчаливому помещению и сумасшедшему у окна, — мы вернулись на исходные позиции.

Пытаться продолжить с того места, где остановился Гарднер, не имело ни малейшего смысла. В те последние несколько минут Джонни работал стремительно. Ему было некогда отвлекаться, чтобы делать заметки, и все конечные, принципиально важные данные он держал в уме. Даже в специально созданных условиях максимальной стабилизации молекулы протоплазмы все равно остаются крайне неустойчивыми. Их структура уже претерпела необратимые изменения, сделав помещенный под микроскоп материал непригодным для дальнейших наблюдений. Они либо превратятся в более сложную жизнь, либо перестанут жить вообще, утратив ту крохотную искру, которая отличала их от других молекул.

Им с Финдлеем придется начинать заново. Записи Джонни, конечно, помогут им — но только лишь до определенного момента. Собственно, до того места, где они обрываются. Дальше придется идти одним по дороге, указанной Джонни Гарднером, и, нащупывая свой путь, пытаться

воспроизвести то, что делал он. А знания Джонни теперь утрачены навсегда. Они растаяли, как инверсионный след ракеты, нырнувшей в утробу космоса.

Скрипнула дверь. Кемп встал и медленно повернулся к вошедшему, чей силуэт темнел на фоне освещенного проема.

— Почему так тихо? — спросил Финдлей. — Что вы, ребята...

Голос его оборвался. Финдлей застыл, уставившись на залитое звездным светом лицо Джонни Гарднера.

— Только что, — устало произнес Кемп. — Джонни позвал меня, хотел показать что-то интересное под микроскопом... Пока я глядел, его и накрыло. Когда я обратился к нему, он сидел в точности как сейчас. А ведь несколько секунд назад все было в порядке...

— Так оно и бывает. — Финдлей вошел в лабораторию и встал рядом с Кемпом, — Этого следовало ожидать. Мы с тобой повидали достаточно таких случаев. Иногда мне снится, что ты и я — единственные вменяемые люди во всей системе. Остальные сходят с ума, и остаемся только мы.

— Надо было послушаться твоего совета, — горько усмехнулся Кемп. — Следовало отослать его с последним кораблем. С виду он был нормальный. И вел себя вполне адекватно. А нужен он был как никто другой. Джонни так долго продержался. Я надеялся, что обойдется...

— Не вини себя, шеф, — сказал Финдлей, — Откуда ты мог знать?

— Но ты-то знал, Вик! И предупреждал меня, говорил, что он чокнется. Откуда ты знал? Скажи мне, как ты...

— Успокойся. — Финдлей предостерегающе поднял руку, — Я ничего не знал. Ничего определенного по крайней мере. Просто ощущение. Полагаю, это можно назвать интуицией. Или наитием.

Они стояли рядом, плечом к плечу, как будто таким образом могли противостоять чувству обреченности,

ощущению абсолютной тщетности человеческих усилий, поднимавшемуся, казалось, внутри их самих

— Это не может длиться вечно, — произнес Кемп. — Однажды мы научимся удерживать человеческий рассудок от сползания в пропасть. Мы найдем способ помочь мозгам идти в ногу с людскими амбициями и не отставать от прогресса.

Финдлей кивнул на Гарднера.

— Он был на верном пути. Сделал первый большой шаг. Прежде чем мы попытаемся как следует изучить мозг — то есть с научной точки зрения, — необходимо понять, что есть жизнь. Раньше мы всегда начинали с середины и ковыляли назад, пытаясь отыскать бог знает что. Поступать так и в дальнейшем уже непозволительно. Нам нужна база, понимание фундаментальных основ жизни, а с ней мы поймем и самих себя.

Кемп кивнул.

— Ты прав, Вик. Он сделал первый большой шаг. А теперь... теперь он отправляется в Санктуарий.

Они помогли Джонни Гарднеру встать с табуретки и провели его через лабораторию. Джонни шел как незрячий, то и дело спотыкался, дергаясь при непроизвольном сокращении мышц. Безумец глядел прямо перед собой и, казалось, созерцал нечто видимое только ему.

— Благодарение небесам, — заметил Финдлей, — что он ушел таким образом. Не как Смит.

Кемпа передернуло от воспоминаний. Смит взбесился. Он изрыгал непристойности, визжал и орал, круша лабораторию. Они пытались унять его, уговаривали успокоиться. А когда он бросился на Финдлея со стальной балкой, Кемпу пришлось его застрелить.

Хотя с Лемпке вышло еще хуже. Лемпке взял, да и вышел из купола в практически несуществующую атмосферу Плутона. Как был — в лабораторном халате и без скафандра.

Доктор Дэниел Монк, отложив карандаш, снова перечитал неуклюжие строчки приблизительного перевода:

«Это повесть о... который посетил пятую планету от центрального солнца; не о первом, кто отправился туда, но о первом, кто обнаружил обитающую на ней любопытную форму жизни, которая в силу ее... не была распознана как жизнь...»

Снаружи поднялся легкий ночной марсианский ветер. Он подметал улицы города Сандебара. Плакал и стенал среди карнизов и колонн музея. Песчаная метель крохотными пальчиками барабанила по стеклам, а алмазный свет марсианских звезд рисовал на полу морозные квадраты, падая сквозь оконный переплет.

«Это повесть о...»

Доктор Монк нахмурился. Повесть о ком? Вероятно, он никогда не узнает, поскольку словарный запас, сделавшийся доступным благодаря Розеттскому свитку, не распространялся на имена собственные.

Криво улыбнувшись, Монк снова взялся за карандаш и написал в пробеле: «Джон Доу». Имя как имя, не хуже любого другого.

«Это повесть о Джоне Доу...»

Но это совершенно не вносило ясности в решение другого вопроса. Это никак не объясняло, почему жизнь на пятой планете «не была распознана как жизнь».

Пятая планета, нынче ставшая поясом астероидов, вихрем планетарных осколков, без сомнения, была планетой. Орбита ее в иную эпоху пролегала между Марсом и Юпитером. Эта планета наряду с Землей являлась наиболее доступной для жителей Марса. Естественно, они не могли не посетить ее. И то, что они знали пятую еще до разрушения, давало все основания для захватывающего дух вывода о невероятной древности свитка, из которого был переведен данный абзац.

Вполне возможно, рассуждал Монк, какой-то другой свиток повествует, собственно, о взрыве пятой планеты и мог

бы дать ключ к разгадке тайны ее разрушения, а то и назвать конкретную причину катастрофы. Имелись тысячи других свитков, за многие годы собранных в развалинах марсианских городов. Но до сего момента они так и оставались нерасшифрованными — молчаливые свидетельства наличия у марсиан письменности, ничего не сообщающие о самом языке, не способные донести хоть что-то из огромного объема хранящейся в них информации.

«Любопытная форма жизни в силу ее...»

В силу ее чего? Какую форму могла принять жизнь, какой трюк она должна была изобрести, чтобы скрыть свое существование? Невидимость? Какой-то вариант покровительственной окраски? Но нельзя же вписать в текст слово «невидимый» так же, как он вписал «Джон Доу».

Вероятно, однажды, сказал себе Монк, он найдет ответ, сумеет вписать то недостающее слово. Но не сейчас. Пока нет. Розеттский свиток при всей его важности все-таки оставлял желать много лучшего. Он неизбежно оставлял бы желать много лучшего, поскольку язык, на котором он был написан, происходил из иного источника, нежели земной, развивался по чуждым путям и отражал мыслительный процесс, вне всякого сомнения, принципиально отличный от земного.

Единственное сходство марсианского языка с земным состоит в том, что оба они представляют собой способ обмена образами. И это все. Сами способы имеют между собой мало общего.

Монк взял с рабочего стола увесистый металлический цилиндр. Осторожно, едва ли не почтительно, он отщелкнул замок, запиравший футляр с одного конца, и вытащил длинный тяжелый свиток, служивший ключом к мыслям и трудам древнего народа Марса.

Медленно, нежно профессор развернул его и, прищурив один глаз, всмотрелся в бледные знаки, потускневшие за миллион или более лет, проведенных под холодными песками.

Словарь всегда словарь, пусть и в ином формате.

Монк попытался представить себе личность давно почившего марсианина, который взялся за составление словаря. Кто он? Ученый, взыскующий не более чем путей истины? Торговец, стремившийся обеспечить более легкое понимание языка и посредством этого облегчить коммерческие контакты между марсианской расой и угасающими ныне народами юпитерианских лун? Государственный муж, озабоченный налаживанием политики добрососедства?

Кем бы он ни был, марсианин не особенно хорошо знал юпитерианский язык. Некоторые слова и идиомы последнего, употребленные составителем словаря, не совпадают с теми, что известны землянам. Или сам язык успел измениться? Возможно, в те дни, когда автор свитка трудился над своим произведением, цивилизация юпитерианских лун еще не пришла в упадок.

Сами юпитериане на данную проблему способны пролить мало света. Разумеется, имеются руины и легенды, но их легенды совершенно безумны, а руины не вызывают у племен Европы и Ганимеда традиционно высоких чувств. В отличие от большинства народов юпитериане не сохранили память о славном прошлом, об утраченном золотом веке.

Это окольный путь. Долгий и неуклюжий способ учить марсианский язык, размышлял Монк. С марсианского — на юпитерианский, с юпитерианского — на земной. И все же это лучше, чем вообще ничего.

Часы на шкафу с рукописями коротко, виновато звякнули. Профессор, взглянув на них, охнул от удивления. Полночь. Он и представить не мог, что столько времени провел в своем кабинете. Внезапно на него навалились усталость и чувство голода, а главное — желание глотнуть чего-нибудь покрепче и обязательно покурить.

Монк поднялся, прошел к бару, выбрал бутылку и налил себе стаканчик. Откуда-то из дальних коридоров огромного здания долетел призрачный звук шагов: ночной сторож совершал обход. За окном бормотал и шелестел песок.

Вернувшись за письменный стол, ученый воззрился на металлический тубус и, медленно потягивая виски, снова погрузился в размышления о призрачных каракулях, заполнявших лежащий внутри тубуса свиток.

Розеттский камень... Розеттский камень Марса. Один человек нашел его в пустыне и принес сюда, а мог с тем же успехом пройти мимо, не обратив внимания. Или сам цилиндр, выметенный из песка, всего через час могло занести снова, похоронив еще на миллион лет.

Монк отсалютовал стаканом потрепанному непогодой футляру.

— За судьбу!

Выпив, он сообразил, как глупо, нелепо прозвучал тост.

Да так ли уж и глупо? Возможно ли, что судьба и в самом деле понятие несуществующее? Неужели действительно нет на свете мощной движущей силы, способной компенсировать случайные зигзаги непостоянной Вселенной? Порой кажется, что дело обстоит именно так. Порой...

Поставив пустой стакан на стол, ученый полез в карман за сигаретами. Пальцы его сомкнулись на маленьком пакете. Недоуменно наморщив лоб, он извлек находку. И мгновенно вспомнил: сверток обнаружился сегодня утром в почтовом ящике. Монк собирался открыть его днем, да позабыл.

Он с любопытством оглядел посылку. Обратный адрес отсутствует, а его собственный старательно напечатан. Профессор ногтями отодрал скрепляющие ленты и развернул бумагу.

Футляр для ювелирных изделий! Монк отщелкнул крышку и застыл от изумления.

На подложке из роскошного бархата покоился астероидный рубин. Он мягко светился под настольной лампой, цвета перетекали и менялись в его сердцевине, будто сам камень внутренне пребывал в движении.

Никакой открытки или сопроводительной записки. Никаких указаний на отправителя или, что более важно,

объяснений причины столь дорогой посылки. Рубины с астероидов, как правило, не раздают направо и налево в качестве сувениров. Цена лежащего перед ним камня, без сомнения, подбиралась к пятизначному числу.

Едва ли не с испугом профессор большим и указательным пальцами взял рубин, поднес к свету и, затаив дыхание, несколько секунд с восторгом любовался его полыхающей, берущей за душу красотой.

С чувством, близким к благоговению, он аккуратно положил драгоценность на место, поудобнее устроился в кресле и задумчиво воззрился на неожиданный подарок.

Странные они все-таки, эти астероидные камушки, странные во многих смыслах.

Никто в точности не мог сказать, что они собой представляют. Полноценному изучению рубины не поддавались. Спектрографически они не походили ни на что известное науке. Разумеется, их можно было раздробить, разрушить химически, но и в этом случае исследователи оказывались в тупике. Произведенный анализ осколков, конечно, дал кое-какие результаты, но с определенными непостижимыми характеристиками пока не мог справиться ни один ученый, пытавшийся определить их место в таблице, внести в каталог или дать полное описание.

Не обнаруженные более нигде в системе, они стали волшебством, подвигнувшим многих обречь себя на полную лишений и опасности жизнь среди осколков мертвой планеты. Каждый из них надеялся отыскать в нагромождении скал крохотный кусочек света, суливший неслыханное богатство. Большинство, как и следовало ожидать, погибали, не найдя ни единого камня. Разнообразие видов одинокой смерти человека на астероидах не имело границ.

Монк нашел сигарету и закурил, слушая, как песок барабанит по окнам. Странно он как-то барабанил. Нет, это не песок бился в стекла. И не ветер, пронзительно плакавший и стонавший в перекрытиях здания музея. Еле уловимое завывание слилось в мелодию — всхлипывающую, пронзительную. Звук почти незаметно возникал и пропадал вместе с порывами ветра, не давая профессору времени сообразить, слышит он его на самом деле или же это просто игра воображения.

Монк напряженно замер и прислушался, не зная, к чему готовиться. Сигарета неподвижно зависла на нижней губе.

Когда звук донесся снова, профессор уловил плач струн и ритмичное дыхание каденции, едва различимые за воем ветра и стуком песчаной дроби по окнам.

Скрипка! Кто-то играл на скрипке в здании музея!

Монк вскочил на ноги. Скрипка тут же отреагировала звенящим предсмертным воплем.

И вместе с этим музыкальным криком, прокатившимся через холл, в мозгу профессора взвыл сигнал тревоги.

Следуя порыву, его рука метнулась к столу и схватила астероидный рубин. Крепко стиснув его в кулаке, Монк изо всех сил запустил камнем в металлическую стенку сейфа, где хранились рукописи.

Подарок вспыхнул в свете лампы и рассыпался облачком сияющих пылинок. И, разлетаясь вдребезги, рубин изменился - точнее, попытался измениться. Всего на миг он вдруг стал не камнем, а чем-то другим: существом, похожим на фею — только на искалеченную фею, с горбатой спиной, искривленным позвоночником и другими любопытными деформациями.

Еще мгновение — и уродливое создание словно испарилось, лишь драгоценная пыль, мерцая, осела на пол да звук бегущих ног затих в дальнем конце коридора.

Монк не кинулся в погоню. Он стоял точно замороженный, слушал, как танцуют за окном ветер и песок, и пристально смотрел на угасающее мерцание на полу.

Наконец, очнувшись, профессор медленно сжал и разжал правую ладонь, воспроизводя в памяти ощущение, порожденное камнем в тот момент, когда он его схватил. Казалось, рубин ожил, пытался вырваться из его руки, стремясь достичь какой-то цели, выполнить какое-то предназначение.

Взгляд Монка был по-прежнему прикован к полу.

— Надо же, — пробормотал Монк с изумлением в голосе, — я даже себе не могу объяснить, почему это сделал.

Харрисон Кемп стоял в кабинете Спенсера Чемберса, обуреваемый сомнениями. Он поймал себя на том, что в данный момент не может примириться с верой в правильность собственного поступка. Если ошибся — значит, напрасно оставил пост и бросил важное дело. А если и прав — что толку?

— Я помню вас очень хорошо, — услышал он голос Чемберса. — Вы работали на Плутоне. Исследования природы жизни. Кое-какие реальные достижения в этом направлении.

— Мы слишком часто терпели неудачи, — бесстрастно произнес Кемп.

Чемберс сцепил пальцы на столе перед собой.

— Мы все слишком часто терпели неудачи, — заметил он, — И все же однажды кого-то из нас добьется успеха, и тогда получится, что победили мы все. Тогда можно будет забыть обо всех потраченных впустую годах.

Кемп напряженно выпрямился.

— Вероятно, вы недоумеваете, почему я здесь.

Лицо Чемберса тронула едва заметная улыбка.

— Возможно. И все же почему я должен недоумевать? Вы долгое время отсутствовали на Земле. Разве удивительно, что вам захотелось снова повидать родную планету?

— Дело не в этом. Тут совсем другая причина. Я приехал, потому что скоро сойду с ума.

Чемберс непроизвольно ахнул.

— Повторите, — прошептал он. — Скажите медленно. Очень мед-лен-но.

— Вы не ослышались, — вздохнул Кемп. — Я действительно вот-вот свихнусь. И потому от вас отправлюсь прямо в Санктуарий. Мне подумалось, что вас это заинтересует... Ну, в смысле, вам будет интересно узнать, что человек способен предвидеть безумие.

— Да уж, — отозвался Чемберс, — очень интересно. Даже более того. Я еще хочу знать, как вы можете это сделать.

— Не я, — ответил Кемп. — Финдлей.

— Финдлей?

— Он со мной на Плутоне работал. Правда, он и сам ничего не может объяснить. В смысле, у него нет реальных соображений. Одно предчувствие.

— Предчувствие? — переспросил Спенсер Чемберс, — Всего лишь предчувствие? И все?

— Они у него и раньше случались. И обычно оправдывались. У него было предчувствие насчет Джонни Гарднера. Финлей не раз предлагал мне отослать Джонни на Землю. Я ему не внял. А Джонни таки чокнулся.

— Только насчет Джонни Гарднера?

— Нет. Относительно других вещей тоже. Он подсказывал направление наших исследований. Причем такие пути и методы, которые не назовешь традиционными. Но они обычно приносили результаты. И еще насчет того, что случится, например, на следующий день. Или через день. Просто мелкие, незначительные детали или события. Чутье у него, говорит, — чутье на будущее.

Чемберс едва заметно вздрогнул.

— Вы думали об этом? — взволнованно спросил он, — Пытались разобраться? Пытались объяснить?

— Думал, — кивнул Кемп, — Но, наверное, не так, как вы имеете в виду. Я еще не спятил. Может, это произойдет не завтра, не через неделю и даже не через месяц. Но я наблюдал за собой и совершенно уверен, что Финдлей прав. На это указывают всякие мелочи. Большинство людей не замечают их, просто не обращают внимания. Или посмеются да скажут, что стареют, глупеют, становятся неловкими.

— Какие, например, мелочи?

— Ну, например, я вдруг забываю то, что помнил всегда, что давно и прочно сидело в голове и стало, как говорится, моей второй натурой. Даже элементарные вещи — вроде сколько будет семью восемь. Или, бывает, с трудом припоминаю определенные законы. А иногда приходится долго пялить глаза на показания приборов, прежде чем соображу, что к чему. Все в конце концов приходит в норму, но не сразу.

Чемберс кивнул.

— Понимаю. Картина мне в целом ясна. Может, психологи сумеют помочь...

— Вряд ли. Запаздывание не так велико, чтобы его нельзя было скрыть. А если человеку известно, что за ним

наблюдают, он сделает все возможное, чтобы никто ничего не заметил. Это инстинкт. Если твоя умственная немощь перестает быть тайной для окружающих, значит, для тебя скоро все закончится. Мозг иссяк, вымотался и начинает расползаться по швам. Первые сигналы опасности.

— Это верно, — согласился Чемберс. — Есть и другой ответ. Психологи сами рискуют сойти с ума.

Он поднял голову — как будто затем, чтобы взглянуть на Кемпа.

— Почему вы не присядете?

— Спасибо, — отозвался Кемп и рухнул в кресло.

Маленькая паукообразная статуэтка на столе вдруг ожила и неуклюже, но быстро заковыляла к нему.

Харрисон подпрыгнул от неожиданности.

Чемберс негромко рассмеялся.

— Это всего лишь Ганнибал.

Кемп во все глаза смотрел на Ганнибала, а тот уставился на него, неуверенно протянув когтистую лапку.

— Вы ему нравитесь, — удивленно произнес Чемберс. — Считайте это комплиментом. Обычно он просто игнорирует людей.

Кемп застыл словно завороженный, не в силах оторвать взгляд от Ганнибала.

— Откуда вы знаете, что я ему нравлюсь?

— У меня свои методы.

Кемп осторожно протянул палец, и на мгновение коготок Ганнибала сомкнулся вокруг него — крепко, но нежно. Затем маленькое уродливое существо отодвинулось, припало к столу и снова превратилось в статуэтку.

— Что он такое?

Чемберс покачал головой.

— Никто не знает. Все теряются в догадках. Странная форма жизни. Вы же интересуетесь происхождением жизни — не так ли, Кемп?

— Да. Вот уже в течение многих лет я пытаюсь понять ее сущность.

Чемберс взял Ганнибала и посадил к себе на плечо. Затем порылся в пачке бумаг, лежавших на столе, и выбрал с полдюжины листков.

— У меня тут есть кое-что... Возможно, вам будет интересно. Вы слышали о докторе Монке?

Харрисон кивнул.

— Человек, исследующий Розеттский свиток Марса.

— Встречались с ним?

Кемп отрицательно покачал головой.

— Интересный мужик, — заметил Чемберс. — По уши зарылся в свои ненаглядные марсианские рукописи. Вкалывает практически не разгибаясь. Что-то, по-видимому, раскопал, но вдруг, похоже, испугался.

Он пошуршал листками

— Я на прошлой неделе получил от него весточку. Говорит, нашел свидетельство того, что жизнь — или, скорее, странная форма жизни — некогда существовала на пятой планете, прежде чем та разрушилась, образовав пояс астероидов. Марсиане писали, что эта жизнь способна сворачиваться в капсулу и существовать длительный период в состоянии временного бездействия жизненных функций — не механически вызванного глубокого торможения, к какому время от времени пробовала прибегать человеческая раса, а естественного инцистирования. Вероятно, это что-то вроде покровительственной окраски.

— Интересно, — прокомментировал Кемп. — Но не совсем по моей части. Такая форма предполагает много возможностей. Демонстрирует почти бесконечную приспособляемость жизни как таковой.

Чемберс кивнул.

— Именно такого ответа я от вас и ожидал. Собственно, я пришел к тем же выводам, хотя не считаю себя специалистом в подобных вопросах. Монк намекает, что эта форма жизни может существовать до сих пор. И высказывает. Похоже, он был расстроен, когда писал письмо. Как если бы стоял на пороге открытия, в реальность которого не желал

верить. По-моему, он даже слегка испуган и не захотел подробно излагать свои соображения, пока не до конца уверен в их правильности.

— Почему подобные вещи должны его расстраивать? — удивился Кемп. — Это информация из далекого прошлого. То, что он обнаружит в старых свитках, уж точно не может повлиять...

Чемберс поднял руку.

— Вы не дослушали. Марсиане боялись жизни, существовавшей на пятой планете. Смертельно боялись! Настолько, что взорвали планету, разнесли ее в куски, полагая, что таким образом сумеют уничтожить и жизнь, которая там обитала.

В лице председателя Совета не дрогнул ни один мускул.

— Монк уверен, что у них ничего не получилось, — добавил он.

В кабинете повисла испуганная тишина. Ганнибал неловко заерзал на плече у Чемберса.

— Вы способны вообразить... — почти шепотом заговорил председатель Совета, — способны вообразить страх столь великий, что одна раса взорвала, уничтожила планету другой, лишь бы избавиться от него?

Кемп покачал головой.

— Да вообразить такое очень трудно...И все же... если страх действительно...

Он осекся и бросил взгляд на Чемберса.

— Почему вы решили рассказать мне об этом?

— Ну разве вы не видите? Возможно, где-то рядом притаилась неизвестная нам форма жизни — иной тип, развившийся миллионы лет назад в иной окружающей среде. Быть может, последовало отклонение, поворот в развитии, всего лишь крохотное, еле заметное изменение, способное дать нам необходимую подсказку.

— Вижу, куда вы клоните. Но это не ко мне. Вам нужен Финдлей. У меня мало времени. Я живу на заемном здравомыслии. А вы, если уж на то пошло, еще даже не заполучили

образцы этой жизни и едва ли знаете, что искать. Инцистированная форма жизни! Она может оказаться чем угодно. Пошлите миллион человек на астероиды ловить ее — и на это потребуется тысяча лет.

Сама по себе идея, безусловно, здравая. Мы сами в ряде случаев пытались руководствоваться ею. Безуспешно. От обитателей юпитерианских лун проку никакого. И от венериан тоже. О марсианах, разумеется, речи и вовсе не было. Мы понятия не имеем, как они выглядели. Даже скелета не обнаружено. Может, раса, которой они боялись, в конце концов добралась до них и полностью уничтожила?

Чемберс печально улыбнулся.

— Мне следовало знать, что это бесполезно.

— Извините, но мне пора в Санктуарий, — напомнил Кемп, — Я видел, что произошло с другими: с Джонни Гарднером, Смитом и Лемпке. И не хочу, чтобы это случилось со мной. Если, конечно, еще не поздно что-то предпринять.

Председатель старательно сплел пальцы.

— Вы долгое время пробыли на службе.

— Десять лет, — уточнил Харрисон

— И все эти десять лет вы работали, не думая о себе, — негромко продолжил Чемберс. — Не надо скромничать. Я знаю ваш послужной список. Вы делали все от вас зависящее и жертвовали многим ради усовершенствования Солнечной системы и улучшения жизни людей. Вы и сейчас отдали бы правую руку, чтобы сделать нечто действительно полезное. Например, выяснить, что такое жизнь. Вы пришли сюда, потому что надеялись помочь нам своим рассказом.

Кемп молчал.

— Разве не так? — настаивал Чемберс.

— Может, и так, — признал Харрисон, — Я никогда не думал об этом в подобном ключе. Для меня это всего лишь работа.

— В таком случае не возьметесь ли вы еще за одну работу во благо человечества? Согласитесь ли выполнить ее, не зная, почему вы это делаете, не задавая никаких вопросов?

Кемп вскочил на ноги.

— Я уже сказал вам, что должен попасть в Санктуарий! — выкрикнул он. — Я сделал что мог! Все, что мог! Вы не имеете права меня задерживать!..

— Вы отправитесь в Санктуарий, — резко произнес Чемберс.

— Но работа...

— Я хочу, чтобы вы взяли с собой Ганнибала.

Кемп ахнул.

— Ганнибала?

— Именно. Не спрашивая меня зачем.

Кемп открыл было рот, желая что-то сказать, но тут же закрыл, не проронив ни слова, и лишь после паузы выдавил:

— Сейчас?

— Сейчас, — кивнул Чемберс.

Он встал и снял Ганнибала с плеча.

Кемп почувствовал, как острые коготки проникают сквозь одежду, вонзаются в плоть, ощутил, как крохотная лапка трогает его шею, ища опоры.

Чемберс погладил Ганнибала по голове. В незрячих глазах за большими темными очками стояли слезы.

Санктуарий оказался местом несказанной красоты. Но такой, которая железной хваткой берет человека за горло и уже не выпускает на волю.

Когда-то — всего несколько лет назад, сообразил Кемп, — бесплодный кусок скалы, максимум пять миль в поперечнике, кувыркался в космосе по эксцентрической орбите. Ни воздуха, ни воды — ничего, кроме голого камня, тускло мерцавшего под слабыми лучами далекого солнца, когда те случайно падали на скальную поверхность.

Теперь здесь цвел сад с кружевными водопадами и звенящими ручейками, укрытыми сводчатым пологом пушистых деревьев, в ветвях которых, весело щебеча, порхали птицы. Ловко скрытое освещение разгоняло черноту космоса, и на крохотном планетоиде неизменно царил

предрассветный сумрак. Мягкий лучезарный свет тускнел до лиловых теней там, где мощенная плитняком тропа взбегала на иззубренный холм, увенчанный классическим зданием из сияющего белого пластика.

Строители сада при помощи взрывных дезинтеграторов формировали облик скалы по чертежу архитектора, долбили глубокие колодцы для гравитационного оборудования, перетирали отходы в основу для почвы, на которой теперь поднялась пышная растительность. Жизнь здесь поддерживалась машинами, вода и воздух обновлялись искусственным путем, специальная защита огораживала сад от жестких излучений, хлеставших из открытого космоса, — и красоту этого чудесного уголка отнюдь не умалял тот факт, что она была рукотворной.

Кемп нерешительно остановился перед глубоким стоячим водоемом, куда сбегала полоса белопенной звенящей воды с перекинутым через нее грубо сколоченным деревянным мостиком, и впитывал открывшуюся взгляду картину. Пейзаж, простиравшийся вверх по скалам, шептал безмолвием, сложенным из множества мелких шумов. И пока Кемп стоял там, на него снизошло глубокое умиротворение — почти ощутимое, осязаемое, оно медленно просачивалось в мозг, окутывало тело.

Чувство было таким, словно Кемп всегда жил здесь, знал и любил это место в силу давней привязанности. Долгие черные годы, проведенные на Плутоне, потускнели и съежились, превратившись в смутное воспоминание, и казалось, тяжелый груз вдруг свалился с плеч и точно такой же обрушился с души.

Сонно чирикала птица, вода плескала по камням. Легкий ветерок доносил шелест воды, тонкой струйкой, спадавшей со скалы, и аромат чего-то цветущего. Вдали негромко прозвонил колокол, будто жидкая нота растеклась в душистом воздухе.

Какое-то существо прошмыгнуло по кустам и выкатилось на тропинку. Опустив глаза, Кемп увидел Ганнибала, и

ухмыляющаяся мордочка мелкой твари рывком вернула его мысли на круги своя.

— Слава богу, решил показаться. Где ты был? Что за фантазия прятаться?

Ганнибал скорчил рожу.

Ладно, подумал Кемп, одной заботой меньше. Ганнибал в Санктуарии, и с технической точки зрения просьба Чемберса выполнена. Он вспомнил мгновения дикой паники, охватившей его сразу после приземления в космопорте Санктуария, когда обнаружилось, что этой твари нигде нет. Тщательный обыск крохотного одноместного корабля не дал результатов, и Кемп в конце концов сдался, придя к выводу, что любимец Чемберса каким-то совершенно непостижимым образом удрал в открытый космос.

— Значит, ты где-то скрывался, — сказал Кемп. — Наверное, из опасения, что тебя обнаружат и откажутся впускать.

Однако ты зря беспокоился: они не обратили никакого внимания ни на меня, ни на корабль. Просто выдали парковочный талон и указали дорогу.

Он нагнулся и протянул руку к Ганнибалу, но паукообразное создание отступило в кусты.

— Да что с тобой такое?! — рявкнул Кемп. — Ты был гораздо более общительным, пока не...

Реплика его оборвалась на изумленной ноте: он говорил в пустоту. Ганнибал исчез.

С минуту Кемп постоял на месте, а потом медленно повернулся и двинулся вверх по склону. И пока Харрисон следовал извилистой тропкой, огибавшей валуны, его чувства вновь слились с покоем этого места. Ему опять казалось, что он идет старой знакомой дорогой, из-за оставленной позади красоты жалея о каждом следующем шаге, но устремляясь вперед — к новой красоте.

Старика Кемп встретил на полпути к вершине и посторонился, поскольку двое на тропе не помещались. Почему-то бурая ряса, доходившая до лодыжек, босые ноги, неслышно ступающие по островкам пыли между камней, даже

развевающаяся белая борода не только не казались странными, но вполне вписывались в окружающую картину.

— Мир тебе, — произнес старик и молча встал перед Харрисоном, глядя на него спокойными голубыми глазами, — Добро пожаловать в Санктуарий. Прими от меня сей скромный дар.

Он сунул руку в карман рясы, вынул оттуда сияющий камень и протянул Кемпу.

Тот недоверчиво уставился на подарок.

— Возьми, друг мой, — настаивал старик.

— Это же... это же астероидный р-рубин, — заикаясь, пролепетал Кемп

— Более того, Харрисон Кемп, — провозгласил старик, — Гораздо более того.

— Но даже...

Старик заговорил тихо, неторопливо:

— Ты по-прежнему реагируешь, как на Земле — там, в старых мирах. Здесь ты в новом мире. Здесь другие ценности, отличные от прежних жизненные стандарты. Например, мы не знаем ненависти. И не подвергаем сомнению доброту, а скорее ожидаем ее — и даруем. Мы не подозреваем скрытого умысла.

— А разве здесь не санаторий? — брякнул Кемп. — Я прилетел сюда лечиться. Лечиться от безумия.

Старик слегка улыбнулся.

— Ты гадаешь, где найти офис и записаться на процедуры?

— Именно.

— Лечение, — объявил старик, — уже началось. Где-то на этой тропе ты обрел мир — более великий, более глубокий покой, нежели изведанный тобой когда-либо ранее. Не борись с этим покоем. Не говори себе, что не должен его ощущать. Прими его и впусти в себя. Безумие ваших миров порождено вашим образом жизни. Мы предлагаем тебе новую жизнь. Вот в чем заключается наше лечение.

Кемп, подумав, нерешительно взял рубин.

— И рубин — часть нового образа жизни?

Старик кивнул.

— Другая часть — часовня, которую ты обнаружишь по пути. Задержись там на минутку. Зайди в часовню и посмотри на картину, которую найдешь внутри.

— Просто посмотреть на картину?

— Правильно. Просто посмотри на нее.

— И это мне поможет?

— Вероятно.

Старик сделал шаг вниз по тропе.

— Да пребудет с тобой мир, — произнес он на прощание и неторопливо продолжил путь.

Кемп пристально смотрел на рубин. Медленные волны цвета перекатывались в глубине камня.

— Декорации и реквизит, — едва слышно произнес он.

Пасторальный пейзаж завораживающей красоты, старик в бурой рясе и с длинной белой бородой, классические белые линии здания на плато, часовня с картиной. Конечно, человек найдет тут покой. Разве может быть иначе? Обстановка продумана и создана как раз для данной цели. Так же как архитектор проектирует, а инженер строит звездолет. Только звездолет предназначен для путешествия через пустоту, а этот сад призван дарить умиротворение взбаламученным душам людей, утративших покой и рассудок.

Кемп поднял взгляд на цветущую дикую яблоню, прилепившуюся к скалам над головой, и, пока он ее рассматривал, легкий ветерок потревожил дерево, обрушив на человека ливень белых лепестков. Кемпу смутно подумалось, что оно, вероятно, цветет круглый год и совсем не дает яблок, ибо здесь, в Санктуарии, его функция — цвести, а не плодоносить. Цветы как сценическая декорация имеют большую психологическую ценность по сравнению с яблоками — следовательно, дерево, по всей вероятности, цветет безостановочно.

Покой... Да, разумеется. Но как им удается его сохранять? Как ухитряются работники Санктуария делать так,

что в душе человека надолго воцаряется мир? Имеют ли к этому какое-то отношение астероидный рубин или картина в часовне? Да и может ли покой служить единственным средством врачевания искореженных мозгов тех несчастных, которые сюда прибывают?

Сомнение крохотными коготками впилось в его рассудок. Сомнение и скептицизм — старый скептицизм, принесенный им из пыльных старых миров, холодных старых миров, жестоких старых миров, лежащих за пределами Санктуария.

И все же сомнения — точнее, даже скепсис — рассеивались, отступали перед красотой сада, перед искренностью старика в бурой рясе, перед ласковым взглядом его спокойных голубых глаз и величественностью длинной белой бороды. Обидно, если все это окажется не более чем банальными психологическими ловушками.

Он озадаченно потряс головой, смахнул с плеч яблоневые лепестки и продолжил подъем, по-прежнему крепко зажав в кулаке астероидный рубин. Тропа делалась все уже и уже, пока не превратилась в полоску шириной в стопу. Справа от него вверх, к плато, уходила отвесная стена, слева обрыв резко падал в маленькую долину, где журчал и смеялся ручеек под водопадом, маячившим прямо по курсу.

За следующим поворотом Кемп набрел на часовню. Крошечное здание, слегка утопленное в скальную стену, прилепилось вплотную к тропе. Приоткрытая дверь словно приглашала войти.

Поколебавшись секунду, Кемп шагнул к часовне. И, войдя внутрь, замер, ошеломленный возникшей перед ним картиной.

Установленная в алькове, выдолбленном в скальной стене, она освещалась лучом, пронзавшим потолок прямо над дверью.

Более похожий на вид из окна, а не запечатленный красками на холсте, в потоке света купался город — странный, фантастический город, раскинувшийся в каком-то

запредельном мире. На фоне инопланетного пейзажа вздымались причудливые здания, башни стремились ввысь и, теряя четкие очертания, растворялись в бесконечной пустоте, паутинные висячие мосты петляли и извивались между шпилями и куполами, непостижимым образом отличавшимися от тех, что были привычны землянину. Весь город выглядел так, словно его в порыве страсти высек безумный скульптор.

И пока Кемп ошеломленно пялился на неземной город, высоко над ним ударил колокол. Одна-единственная пронзительная чистая нота ворвалась в мозг, встряхнув его как сердитый удар кулака.

Неожиданно что-то завозилось у него в ладони — нечто пробудившееся к жизни, растущее и жаждущее вырваться наружу. Дико вскрикнув, Кемп затряс рукой, отчаянно стремясь освободиться от зажатого в кулаке существа, — инстинктивный жест, порожденный у человеческой расы пауками в темных пещерах, ползучими тварями, что падали с листьев в джунглях и впивались в кожу.

Но ни паука, ни другой ползучей твари он не увидел. Лишь маленький светящийся шарик, выскользнув между пальцев, быстро растаял в воздухе. И пока он таял, Кемп ощутил, как прохладные пальцы усмиряют его взвинченные нервы, успокаивают и утишают их. Безбрежный покой вновь затопил его сознание, причем на сей раз еще более глубокий, более полный, не имеющий границ покой, овладевший всей Вселенной, при одной мысли о котором перехватывает дыхание.

По каменному полу прошуршали коготки, темное тельце взмыло в воздух и оказалось на плече Кемпа. Тот дернулся от неожиданности.

— Ганнибал!..

Не успел он закончить фразу, как Ганнибал, оттолкнувшись от плеча, прыгнул снова и впился когтями прямо в пустоту, а потом принялся бешено молотить по ней лапками.

Судя по движениям паукообразного существа, оно яростно сражалось с кем-то невидимым человеческому глазу.

— Ганнибал! — снова крикнул Харрисон.

Вопль его прозвучал дико и злобно, ибо его посмели лишить вновь обретенного мира, нагло содрали с него покой — словно сдернули плащ, оставив голым на ледяном ветру внезапного страха.

Ганнибал продолжал сражаться с невидимым противником. Тот явно пытался вырваться, но хватка маленького существа оказалась смертельной. Его безжалостные челюсти сомкнулись на чем-то плотном, острые когти рвали незримое тело.

Кемп отступал, пока не уперся спиной в каменную стену, и застыл возле нее, неверящим взглядом следя за происходящим.

Ганнибал побеждал и тянул тварь из воздуха вниз, на землю. Словно выполняя замедленный акробатический трюк, он изгибался и переворачивался в воздухе, медленно опускаясь по направлению к полу. Ни на мгновение его серповидные когти не оставались без дела. Они драли, полосовали, рвали, и падение неизвестного существа делалось все стремительнее.

За секунду до окончания битвы Ганнибал отпустил врага, как кот изогнулся в воздухе и вновь сомкнул на нем челюсти. В то мимолетное мгновение Кемп уловил форму существа, зажатого в челюстях Ганнибала, — твари, которую малыш еще какое-то время продолжал яростно трясти, а затем презрительно отшвырнул: мерцающее, похожее на фею создание с волочащимися крыльями и телом, как у мотылька. Один отблеск — и оно исчезло.

— Ганнибал, — ахнул Кемп, — Ганнибал, что ты наделал?!

Крохотный воин гордо стоял на искривленных лапках, и во взгляде его, устремленном на Кемпа, читалось дымное сияние триумфа. Так мог бы выглядеть кот, поймавший птичку, или человек, убивший смертного врага.

— Оно давало мне мир, — простонал Харрисон, — Чем бы они ни было, оно даровало мне покой. А теперь...

Он медленно шагнул вперед.

Ганнибал отступил.

И вдруг Кемп замер на месте, пораженный внезапной мыслью.

Астероидный рубин!

Он медленно поднес к глазам обе ладони и обнаружил, что они пусты. Камень, вспомнил он, лежал в правой руке, и оттуда выскользнуло светящееся существо.

Кемп затаил дыхание.

В его ладони был зажат астероидный рубин, но в тот миг, когда прозвонил колокол, возник шарик света, а потом... Ничего. Так уж и ничего? Ганнибал прикончил существо, похожее на мотылька. Но мотыльком оно не было. В этом Кемп не сомневался.

Гнев на Ганнибала улетучился, и на смену ему пришел неизъяснимый страх, который мгновенно прояснил разум и оставил его чистым, острым, как скальпель, и холодным. Теперь Кемп отчетливо осознал, что столкнулся с инопланетной угрозой — заманчивой и привлекательной, словно наживка на крючке.

Чемберс рассказал ему о жизни, способной сворачиваться в капсулу, существовать в состоянии временного замедления жизненных процессов, и о древних марсианах, потерпевших неудачу при попытке истребить эту жизнь.

Астероидные рубины... Не являются ли они той самой формой жизни?

Кемп попытался вспомнить все известные ему сведения о загадочных камнях, которые можно было найти только на астероидах. Информация оказалась весьма скудной, ибо астероидные рубины не поддавались никакому анализу.

А что, если колокол служит им сигналом к пробуждению? Что, если определенный музыкальный тон прерывает

период торможения и возвращает организм в активное состояние?

И что, если эти существа врачевали искореженные людские умы каким-то незаметным изменением мировоззрения, введением некоего психического фактора, о котором человек никогда раньше не ведал.

На Кемпа внезапно навалился приступ тоски. Его охватило пронзительное ощущение потери, бесконечное сожаление о едва успевшем коснуться его и тут же утраченном душевном покое. Но это длилось недолго.

Марсиане патологически боялись обитателей пятой планеты. Так боялись, что в стремлении избавить от них Солнечную систему уничтожили саму планету. А марсиане, как и любая другая древняя раса, обладали мудростью.

Страх марсиан дает как минимум веские основания подозревать, что землянам тоже стоит их опасаться.

По мере того, как общая картина возможного инопланетного вмешательства в жизнь его расы вырисовывалась яснее и яснее, ужас ситуации все более овладевал сознанием Кемпа. Имеется целый санаторий, где излечивают душевные недуги путем простого переложения их на чуждую психику, обладающую способностью внедрять в сознание носителя собственное мироощущение и формировать личность в соответствии с ним. Мироощущение, исходящее из концепции душевного покоя и приводящее в итоге — куда?

Вычислить невозможно — способа для этого не существует. А привести новое мироощущение может к чему угодно. Особенно если учесть полное отсутствие информации о психических характеристиках жителей пятой планеты, их нравственных понятиях и представлении о духовности. Внедрение чуждой психологии может иметь как позитивные, так и губительные последствия для земной расы. Одно можно сказать со всей определенностью: человеческого в ней останется немного.

Хитро! Очень хитро! Кемп даже подивился, отчего сразу не заподозрил подвоха, не уловил фальши. Это же

элементарно. Сперва сад. С одной стороны, он убаюкает, с другой — пробудит восприимчивость. Навеянное им ощущение, будто человек всегда знал это место, заставит того почувствовать себя как дома, расслабиться и, следовательно, снять с себя всякую защиту. Затем картина. Несомненно, она предназначена для погружения клиента в почти гипнотическое состояние. Пейзаж преднамеренно нарисовали так, чтобы приковать к нему восторженное внимание и удерживать это внимание до тех пор, пока не грянет колокол и не станет слишком поздно предпринимать попытку спастись от контакта с вновь пробудившейся жизнью. Если, конечно, кому-то захочется спастись.

Здесь имел место несомненный расчет: они давали человеку то, от чего он не в силах отказаться, то, чего он хотел, к чему стремился, по чему тосковал, борясь за выживание в прежнем мире. В общем, что-то вроде наркотика...

По полу процокали коготки.

— Ганнибал! — позвал Кемп.

Но тот не остановился.

Харрисон метнулся к двери.

— Ганнибал! Ганнибал, вернись!

Выше по склону зашуршали кусты. Крохотный камешек скатился и заскакал вниз по склону.

— Да пребудет с тобой мир.

Кемп резко обернулся на знакомый голос.

Старик в бурой рясе и с длинной белой бородой стоял на узкой тропе.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет, — ответил Кемп. — Пока нет. Но скоро будет!

— Я не...

— Прочь с дороги! — рявкнул Харрисон. — Я возвращаюсь!

— Никто не возвращается назад, сынок.

Голубые глаза оставались по-прежнему спокойными, речь неторопливой.

— Дед, — мрачно предупредил Кемп, — если ты не уберешься с дороги, чтобы я мог спуститься по тропе...

Старик проворно запустил обе руки в карманы рясы и, опережая кинувшегося напролом Харрисона, подбросил вверх две пригоршни крошечных мерцающих сфер. На одно захватывающее дух мгновение перед глазами Кемпа мелькнул фонтан летящих по воздуху астероидных рубинов.

По всему Санктуарию, заполнив пространство одной-единственной чистой нотой, гудели колокола. Их пение, ясностью тона раз за разом вонзаясь в мозг Кемпа, пробуждало к жизни таившиеся в глубинах сверкающих драгоценных камней существа, готовые поработить сознание одинокого человека, одарить его миром и, сохранив ему человеческий облик, лишить человеческой сущности.

Смущенный собственным воплем ярости, Кемп бросился в атаку. Лицо старика возникло прямо перед ним: рот разверзся, прежде спокойные голубые глаза превратились в два глубоких колодца ненависти с отблеском страха. Кулак Харрисона с чавканьем врезался прямо в это лицо, в белые бакенбарды, бороду и все прочее. Старик, вскрикнув, опрокинулся с уступа и полетел на живописные скалы.

Прохладные пальцы коснулись было сознания Кемпа, но он очертя голову рванул вниз по тропе. Пальцы соскользнули. Им на смену пришли другие, и на мгновение его захлестнула знакомая волна покоя. Собрав ошметки воли в кулак, Харрисон сбросил с себя наваждение и, вопя словно под пыткой, еще быстрее заработал ногами. Ветер донес аромат яблоневого цвета, породив почти непреодолимое желание остановиться у ручья, скинуть ботинки и познать ощущение мягкой зеленой травы под ногами.

«Именно этого они от тебя и хотят, — напомнил ему единственный нетронутый уголок разума, — Именно таких действий ждет от тебя Санктуарий».

Спотыкаясь, шатаясь будто пьяный, Кемп побежал дальше.

Он запнулся, упал и, ударившись рукой о что-то твердое, инстинктивно вцепился в предмет. Палка. Мертвая ветка, обломившаяся с какого-то дерева. Мрачно оглядев находку,

Кемп счел ее достаточно прочной и увесистой, покрепче сжал в руке и заковылял по тропе дальше.

Импровизированное оружие давало странное психологическое преимущество. Он вращал дубину над головой и орал на настигавших его тварей, окончательно исполнившись решимости не дать им завладеть его сознанием.

Затем ноги вынесли Кемпа на твердую поверхность летного поля. К нему с криками бежали люди, и он с дубиной в руках помчался им навстречу — обезумевший, с пеной у рта, с дико вытаращенными глазами, всклокоченными волосами и в порванной рубахе. Словно древний человек, выдернутый из европейских пещер полмиллиона лет назад.

Свистнула дубина — и первый охранник повалился на землю. Другой бросился наперерез и тоже упал, поверженный. Харрисон Кемп испустил победный клич.

Люди дрогнули и побежали, а он с ревом гонялся за ними по летному полю.

Каким-то образом все же отыскав свой корабль, беглец открыл замок.

Оказавшись внутри, он взял с места в карьер. Звездолет снес кусок ангара, пропахал на взлетной полосе космодрома две глубокие борозды и рывком унесся в пасть космоса. Наплевав на тонкости правильного взлета, Харрисон едва не сломал себе шею.

Лишь однажды Кемп оглянулся на сияющее пятнышко Санктуария. После этого он смотрел только вперед. Кривая дубина лежала около кресла.

Доктор Дэниел Монк, будто задыхаясь, провел пальцем по внутренней стороне воротничка.

— Но вы сказали мне... — Он запнулся, — Вы послали за мной...

— Да, — подтвердил Спенсер Чемберс, — я действительно говорил вам, что у меня был марсианин. Но теперь его здесь нет. Я отослал его.

Монк недоуменно уставился на председателя Совета.

— Он понадобился мне в другом месте, — пояснил тот.

— Я не понимаю, — слабо произнес Монк, — Но... он ведь вернется...

Чемберс покачал головой.

— Я надеялся на это, но теперь... Боюсь...

— Но вы не понимаете, как важен для нас марсианин!

— Напротив, очень хорошо понимаю, — вздохнул Чемберс. — Он мог бы прочесть рукописи. Без труда и гораздо точнее, чем их можно перевести. Вот почему я послал за вами. Именно таким образом, по сути, я и узнал, что он марсианин. Он прочел некоторые фотокопии присланных вами манускриптов.

Монк выпрямился в кресле.

— Он прочел их?! Вы хотите сказать, что могли говорить с ним?!

Чемберс усмехнулся.

— Не то, чтобы говорить. В смысле, он не издавал звуков, как вы или я.

Председатель Контрольного совета Солнечной системы перегнулся через стол.

— Взгляните на меня. Смотрите внимательно. Замечаете что-нибудь необычное?

Монк, запинаясь, произнес:

— Д-да нет... Н-ничего. Р-разве что очки... Но многие люди носят такие.

— Знаю. Многие надевают их для солидности. Думают, что это круто выглядит. Но у меня другая ситуация. Мне очки нужны, чтобы спрятать глаза.

— Глаза?! — прошептал Монк, — Вы хотите сказать, с ними что-то...

— Я слеп, — отрезал Чемберс, — Очень немногие знают об этом. Я тщательно скрывал данный факт: не хотел, чтобы меня жалели, чтобы потеря зрения препятствовала моей работе. Узнав о том, что я не могу видеть, люди перестали бы мне доверять.

Монк открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но слова не шли с языка.

— Не смейте меня жалеть! — рявкнул Чемберс, — Именно этого я и боюсь. Именно поэтому скрываю от всех правду.

Я и вас предпочел бы не вводить в курс дела, но приходится — иначе вы ничего не поймете насчет Ганнибала.

— Ганнибала?

— Да, Ганнибала. Он и есть марсианин, — пояснил председатель Совета, — Все считали его просто моим домашним зверьком. Думали, что я таскаю его с собой ради светского лоска — вместо модной собачки. Однако дело обстояло совсем не так. Я никогда не относился к Ганнибалу как к живой безделушке. Он был моим помощником и поводырем. В его присутствии я словно вновь обретал зрение. Причем видел гораздо лучше, чем в свое время собственными глазами. Гораздо лучше.

Монк привстал и сел обратно.

— Вы хотите сказать, что Ганнибал владел телепатией?

Чемберс кивнул.

— Да, он был телепатом от природы. Возможно, марсиане таким образом контактировали между собой и телепатия — единственный доступный им способ общения. Он передавал безупречные визуальные образы всего, что видел сам, и я воспринимал их так же ясно, так же совершенно, как если бы смотрел собственными глазами. Даже лучше, поскольку зрительные возможности, которыми обладал Ганнибал, значительно превосходили человеческие.

Монк забарабанил пальцами по подлокотнику кресла, задумчиво глядя в окно на марширующие по холму сосны.

— Ганнибала обнаружили в поясе астероидов, не так ли? — внезапно спросил он.

— Да, — ответил Чемберс, — Еще несколько дней назад я не знал, кто он. Никто не знал. Он был просто существом, которое видело за меня. Я пытался говорить с ним и не мог. Казалось, нет способа установить обмен мыслями. Словно он не имел представления о таких вещах, как мысли. Он читал

для меня газеты. Если быть точным, он смотрел на страницу, а я воспринимал ее внутренним зрением и читал. Ганнибал просто телепатировал мне картинку на бумаге, а обработку изображения делал уже мой разум. Но когда я положил перед Ганнибалом фотокопию манускрипта, читал уже он сам. Для меня те смешные закорючки ничего не значили. Но Ганнибал отлично понял их смысл и передал мне зрительные образы того, о чем говорилось в документе. Вот тогда я и догадался, что все последнее время рядом со мной жил марсианин. Никто, кроме марсианина — или доктора Монка, — не смог бы прочесть эти свитки.

Чемберс соединил кончики пальцев.

— Как марсианин угодил в пояс? Как ему удалось выжить? Когда его обнаружили, никому и в голову не пришло заинтересоваться, откуда он там взялся. В конце концов, мы ведь понятия не имели ни о сущности, ни о внешнем виде марсиан. Они не оставили ни описаний, ни картин, ни скульптур.

Доктор Монк кивнул.

— Да, они не увлекались искусством. Это была практичная, чрезвычайно рациональная и серьезная раса.

Профессор снова забарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Только один вопрос. Ганнибал был вашими глазами. Вы нуждались в нем. В таком случае я не могу представить, как вы решились с ним расстаться.

— Мне нужно было видеть, что происходит в другом месте, — ответил Чемберс.

— Видеть в другом месте? Что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал. Есть место, которое мне понадобилось увидеть. Место, о котором необходимо собрать кое-какие сведения. По различным причинам оно для меня закрыто. Я не могу, не смею отправиться туда сам. Поэтому отправил Ганнибала. Так сказать, послал вместо себя свои глаза.

— И вы увидели то, что хотели?

— Да.

— Насколько я понял, он где-то далеко...

— Я отправил его на астероиды. Если быть точным, в Санктуарий. За миллионы миль. И я видел то же, что и он. А точнее, до сих пор вижу. Вас — нет, поскольку слеп, а все, что в этот самый миг происходит в Санктуарии, — да. Для телепатии расстояние значения не имеет. Это продемонстрировали еще первые опыты, проведенные в данной области людьми.

На столе у Чемберса негромко зажужжал телефон. Он пошарил рукой в поисках трубки, нащупал ее и поднял.

— Алло.

— Это Мозес Аллен, — доложили на том конце провода, — Отчеты только начали поступать. Мои люди конфискуют астероидные рубины. Уже горы насобирали. Прячут их под такой замок, что вскрыть его можно разве что с помощью атомной бомбы.

В голосе Чемберса прорезались нотки беспокойства.

— Вы убедились, что утечек не было? Никак нельзя было узнать, что мы затеваем, и припрятать несколько штук?

— У меня тысячи людей заняты этой работой. Все навалились одновременно. Сначала мы проверили отчеты о продажах и выяснили, у кого есть камушки и в каком количестве. Несколько штук еще не достали, но точно знаем, где они. Кое-кто из владельцев проявляет упрямство, но с этим мы справимся: выясним, где они спрятали рубины. Да, кстати, хотите расскажу забавную историю, шеф? — Аллен негромко рассмеялся. — У старухи Темплфингер — ну, вы знаете эту даму из высшего света — была их целая нитка, причем рубины считались одними из лучших в мире. Так вот, не можем найти ни единого. Старушка утверждает, что они исчезли. Растворились в воздухе, и все тут. Однажды вечером, во время концерта. Но мы...

— Погодите секунду! — резко оборвал его Чемберс, — Концерт, говорите?

— Точно, концерт. Сольный, по-моему. Какой-то длинногривый скрипач играл...

— Аллен! Непременно займитесь этим концертом! Выясните, кто там был. Задержите их. Арестуйте по какому-нибудь дутому обвинению. Найдите какой угодно предлог, только не выпускайте. Обращайтесь с ними так же, как с теми, кто прошел лечение в Санктуарии. Схватите их и держите под замком.

— Одно замечание, шеф. У нас будут большие неприятности. У старухи такие связи...

— Не возражать! — заорал Чемберс, — Выполнять! Соберите их. И всех, кто находился поблизости, когда драгоценности испарились. Проверьте все случаи странных исчезновений таких же камушков. Не важно, как давно это произошло. Переройте все, пока у вас не будет полной и достоверной информации по каждому из рубинов. И следите за каждым, кто когда-либо имел хоть какое-то отношение к Санктуарию.

— Ладно, — вздохнул Аллен, — Не знаю, на что вы нацелились, но мы все сделаем...

— И еще одно, — перебил его Чемберс. — Как насчет сарафанного радио?

— Уже включили. И это нечто, шеф. Мои кумушки носятся как ошпаренные по всей Солнечной системе. Разносят слухи. Так, ничего определенного: с Санктуарием что-то не так; им нельзя доверять; неизвестно, что происходит с теми, кто туда попадает; а вот только на днях рассказывали про одного парня...

— Неплохая идея, — одобрил Чемберс. — Реальную информацию мы пока предоставить не можем, но нам необходимо что-либо предпринять, чтобы люди перестали обращаться туда за помощью. Припугнем их слегка, заставим задуматься.

— Еще немного — и вся Солнечная система переполнится слухами, — заверил Ален, — Некоторые из них, вероятно,

будут покруче тех, с которых мы начали. Санктуарий загнется в ожидании клиентов.

— Это именно то, что нам сейчас необходимо.

Неловко повесив трубку, Чемберс повернул голову к Монку.

— Слышали?

— Достаточно. Если это что-то, о чем мне следует забыть...

— Вам ни о чем не следует забывать. Вы увязли в этом так же, как и я. По самую рукоятку.

— Я кое о чем догадался, — произнес Монк, — Точнее, о многом. Что-то почерпнул из рукописей, что-то выудил из того, что услышал от вас и, пока сидел здесь, попытался разложить факты по полочкам, а потом собрать в одно целое. Астероидные рубины, разумеется, и есть та самая инцистированная форма жизни, а некто в Санктуарии использует камни, чтобы сделать с нами то же, что обитатели пятой планеты планировали сделать с марсианской расой. И, вероятно, сделали.

— «Некто в Санктуарии», — сказал Чемберс, — это Ян Николс. Только я сомневаюсь, что он использует астеритов. Более вероятно, что все происходит наоборот. Несколько лет назад Николс возглавил экспедицию на астероиды и пропал. А когда объявился снова, стал главой Санктуария. Скорее всего, в период работы в поясе он каким-то образом попал под влияние астеритов. Может, кто-то играл на скрипке и случайно взял правильную ноту с нужным тембром, а рядом оказался рубин. Или могло случиться что-то еще. Вряд ли теперь узнаешь. Хуже всего, что Николс, судя по всему, убежден в собственной великой миссии. Самое опасное, что пропаганда астеритов — или народа пятой планеты, или как их ни назови — очень эффективна, и стоит человеку попасть под ее влияние, как он становится одним из них — если не физически, то как минимум в плане мировоззрения. В конце концов, главную роль играет именно образ мышления.

Чемберс содрогнулся, словно по комнате пронесся холодный ветер, и продолжил:

— Это красивая философия, Монк. По крайней мере на первый взгляд. Бог знает, что там внутри. Я улавливал ее отблески, несколько раз — через Ганнибала. Она настолько сильна, что пробилась сквозь завесу ненависти, выставленную им против астеритов. Даже владеющая сейчас Ганнибалом жажда мести не способна заслонить от него могущество этой красоты.

— Жажда мести? — переспросил Монк.

— Ганнибал уничтожает их, — пояснил Чемберс, — Как вы или я убивали бы паразитов. Он впал в исступление и неистово, как безумный крушит астеритов. Я пробовал его отозвать, пытался убедить в необходимости спрятаться, чтобы мы могли спасти его, не потеряв при этом самих спасателей. По какой-то причине — может, потому что знает их лучше, чем мы, или больше, чем мы, ненавидит, — он в отличие от нас не подвержен воздействию астеритов. Земляне такой защиты не имеют, и у них нет ни единого шанса, ведь Санктуарий сейчас растревожен, как гнездо взбесившихся пчел.

Лицо Чемберса помрачнело.

Все мои усилия были напрасны: Ганнибал не захотел возвращаться. Сейчас мне даже не удается с ним связаться. Я по-прежнему вижу все, что видит там он. Не знаю, чего ради он до сих пор поддерживает контакт со мной. Вероятно, ради того, чтобы я мог как можно дольше следить за происходящим. Мне кажется, Ганнибал надеется, что в случае его гибели люди продолжат начатое им сражение и окончательно уничтожат астеритов.

— Ганнибал выполняет свое предназначение, — мрачно изрек профессор. — Мне все не удавалось сопоставить кое-какие разрозненные сведения из манускрипта, но теперь я могу сложить целостную картину. Ганнибал спал на протяжении столь долгого времени именно ради этого дня.

Чемберс вопросительно вздернул бровь.

— Да-да, — продолжал Монк, — марсиане на закате дней закончили разработку удивительно надежного метода временного прекращения жизнедеятельности. Использовали они принципы, похищенные с пятой планеты, или нет, трудно сказать. Впрочем, это не имеет значения. Они погрузили некоторое количество своих соплеменников в состояние глубокого сна. Сколько — я не знаю. Цифры имеются, но пока я не могу их прочесть. Так или иначе, спящих было множество. Их распределили по всей Солнечной системе. Кого-то отвезли на астероиды, кого-то — на Землю, есть упоминание и об юпитерианских лунах. И даже о Плутоне. Тщательно спрятав сородичей, остатки расы отправились домой — умирать. Почему они так поступили? На этот вопрос у меня пока нет ответа. Символ, который, видимо, все объясняет, пока расшифровать не удалось.

Чемберс кивнул.

— Вам придется искать ключ к разгадке не только этого символа. В вашем переводе пока еще полно пробелов и многоточий.

— Я работал по наитию, — пожал плечами Монк. — И в какой-то момент остановился на предположении, что марсиане рассчитывали таким образом сохранить расу. Очень логично. Отчаяние порой толкает на самые безрассудные поступки. Но пока есть жизнь, есть надежда. Надо только суметь продержаться достаточно долго — и тогда что-нибудь обязательно произойдет. Понимаете, это как прыжок в неизвестность.

Но теперь я точно знаю, что ошибался. Теперь мне совершенно ясно, что марсианами руководило желание отомстить. Такой вывод увязывается с другими известными нам данными. Вероятно, астериты действительно уничтожили марсиан, и те, сознавая, что проигрывают битву, приняли решение оставить карательный отряд. Раса погибла, но карательный отряд спал в ожидании отдаленного дня, уповая на один шанс из миллиона. Ганнибалу этот шанс выпал. И сейчас он по мере сил выполняет возложенную на

него миссию: расправляется с астеритами в Санктуарии. Это последний мужественный жест расы, которая вот уже миллион лет как мертва.

— Но есть и другие! — воскликнул Чемберс. — Есть...

— Не стоит обольщаться, — предостерег Монк. — Постарайтесь рассуждать здраво. Ганнибал оправдал надежды соплеменников. Исходя из элементарной логики уже одно только это можно считать настоящим чудом. Другие же...

— Я не обольщаюсь, — возразил Чемберс. — Во всяком случае не на свой счет. У нас есть работа, и мы обязаны выполнить ее как можно лучше. Наш долг — защитить человечество, не позволить ему попасть под влияние чуждой философии. Люди должны оставаться людьми.

Мировоззрение астеритов на первый взгляд красиво, признаю. Что таится под внешней его оболочкой, нам, разумеется, знать не дано. Но если даже допустить, что оно таково, каким кажется, и ничего более, для людей оно все равно неприемлемо, ибо не имеет ничего общего с той философией жизни, которая позволила человечеству совершить головокружительный взлет по эволюционной лестнице и которая будет возносить землян все выше и выше, если, конечно, они станут и дальше ее придерживаться. Внедренная в сознание людей сущность астеритов сотрет все жесткие эмоции, а эти жесткие эмоции нужны нам для того, чтобы продолжить бесконечное восхождение. Нам непозволительно вечно валяться на солнышке, мы не можем стоять на месте и пока даже не имеем права хоть на секундочку отойти в сторону и полюбоваться результатами собственных деяний.

Углубленная концепция покоя непригодна для человеческой расы и никогда не была для нее приемлемой. Соперничество — вот что всегда толкало нас вперед, придавало сил: стремление обогнать товарища, жажда славы, желание выпятить грудь и заявить: «Это сделал я», удовлетворение от взваленной на себя и отлично выполненной тяжелой работы...

Весенний ветерок мягко задувал в окно. Пела птица, приглушенно тикали часы.

В черноте перед мчащимся звездолетом маячили лица. Они неслись вихрем. Самые разные. Старики и дети. Хорошо одетые горожане и бродяги в рваном рубище. И женщины. Женщины с развевающимися волосами и бегущими по щекам ручейками слез. Все кричали, в ярости воздевая скрюченные руки.

Протестующие лица. Умоляющие лица. Проклинающие и поносящие лица.

Харрисон Кемп медленно провел рукой по глазам. Лица пропали. Только космос плотоядно косился на одинокого странника.

Видение пропало, но вопли, несущиеся из множества ртов, прочно застряли в измотанном сознании.

«Что ты наделал?! — кричали они, — Ты отнял у нас Санктуарий!»

Санктуарий! Опора человечества. Последняя надежда. Гарантия исцеления. Убежище от эпидемии безумия, охватившей все планеты. То, что воспринималось едва ли не как божественный дар. Рука помощи, протянутая во тьме. То, что просто было, было всегда, — неизменно сияющий свет в бурном мире, всеобщее утешение. Соломинка для утопающего.

А теперь?

Кемпа передернуло.

Одно его слово — и вся эта структура рухнет. Один легкий толчок — и она кувырком полетит в тартарары. Одним взмахом Кемп лишит людей веры и всех гарантий. Одним дуновением он свалит Санктуарий, рассыпав его, будто карточный домик. А ради чего?

Пускай для него Санктуарий потерян навсегда. Увиденное сегодня не заставит его вернуться туда ни при каких обстоятельствах. Но остальные — те, кто все еще не утратил

надежду? Не лучше ли оставить им веру? Даже если она ведет по опасному пути. Даже если она не более чем ловушка.

Но ловушка ли? Этого он, разумеется, знать не может. А что, если это, наоборот, путь к лучшей жизни.

Может, Кемп ошибся? Может, ему следовало остаться и принять то, что предлагал Санктуарий?

Если человеческое существо в его нынешнем состоянии не в силах выполнять собственное предназначение, если раса обречена на безумие, если эволюция ошиблась, позволив человеку следовать по избранной им стезе, — что тогда? Если присущий людям образ жизни в основе своей ошибочен, не лучше ли изменить его, пока еще не слишком поздно? На каком основании, в конце концов, та или иная раса может судить о собственной правоте?

Когда-нибудь в будущем, поработав с несколькими поколениями, Санктуарий мог бы переплавить человечество по своему подобию, изменить направление мыслей и поступков людей, указать им иной путь.

И если это произойдет, кто может сказать, что тот путь неверен?

Звонили колокола. Не те колокола, что он слышал в Санктуарии, и даже не те, знакомые с детства, что каждое воскресенье пели в родном городке. Колокола навязчиво гудели в просторах космоса, своим набатом дробя и перемешивая мысли.

Безумие.

Безумие расползается по планетам. И все-таки неизбежно ли оно? Финдлей не сошел с ума. И, вероятно, никогда не сойдет.

В голове Кемпа внезапно зажужжала беспорядочная мешанина искореженных мыслей.

Санктуарий... Плутон... Джонни Гарднер... что есть жизнь... мы попытаемся снова...

Он неуверенно протянул руку к панели управления. Пальцы отказывались слушаться. Сознание мутилось, и на один жуткий миг Кемп в панике перестал понимать, что

показывают индикаторы на панели управления. На одно бесконечное мгновение панель сделалась забавной дощечкой с разноцветными огоньками и множеством незнакомых хитрых штучек.

Вскоре все вернулось на свои места. И тут же в голову пришла совершенно неотложная мысль: человеку вовсе не обязательно сходить с ума!

Спенсер Чемберс! Спенсер Чемберс должен знать!

Он потянулся к радиопередатчику. Пальцы не повиновались и не попадали туда, куда он хотел.

Кемп стиснул зубы и вступил в сражение с собственной рукой. Он гнал ее к тумблерам радиоуправления, принуждая выполнять необходимую работу: набирать цифры. Он заставлял рот произносить нужные слова:

— Кемп вызывает Землю. Кемп вызывает Землю. Кемп вызывает...

— Земля на связи. Продолжайте, Кемп, — откликнулся голос.

Язык не желал двигаться. Рука упала с передатчика и безвольно повисла.

— Продолжайте, Кемп, — звал голос. — Продолжайте, Кемп. Продолжайте.

Он сумел справиться с навалившейся на него серостью: развеял ее, сосредоточившись на простых манипуляциях, способных заставить губы и язык шевелиться должным образом.

— Спенсер Чемберс... — прохрипел он.

— Тебе следовало остаться в Санктуарии! — ревел голос у него в голове, — Тебе следовало остаться в Санктуарии! Тебе следовало...

— Говорит Спенсер Чемберс. Что случилось, Кемп?

Кемп попытался ответить и не смог.

— Кемп! — кричал Чемберс, — Кемп, где вы?! В чем дело?! Кемп...

Слова медленно выползали изо рта Кемпа — искаженные, бессвязные, едва слышные...

— Нет времени... Одна вещь... Интуиция... Вот что... Чемберс... Наитие...

— Что ты имеешь в виду, парень?! — донесся до него крик председателя Совета.

— Интуиция. Надо использовать... интуицию. Она... не у всех... есть. Найдите... тех... у кого... есть...

Передатчик умолк.

Чемберс ждал.

Волна серости заполонила корабль, стерла космос...

Затем свет появился снова.

Кемп стиснул пальцами подлокотник кресла. Другая рука продолжала безвольно раскачиваться. Что он говорил? На чем остановился? Одно слово жужжало в мозгу. Но какое?

Из прошлого возник обрывок воспоминаний.

— Финдлей... — с трудом выговорил Харрисон.

— Понял. Что насчет Финдлея?

— Наитие... как... инстинкт... Видеть... сквозь... будущее...

Радио бормотало ему в лицо:

— Кемп! Что происходит?? Продолжайте. Вы хотите сказать, что способность предчувствовать — это новый инстинкт? Ответьте. Кемп!

Харрисон Кемп ничего не слышал. Серость вернулась, заслонив все. Он сидел в кресле, руки безвольно свесились по сторонам, пустые глаза уставились в пространство.

Корабль продолжал полет.

Возле кресла валялась дубина, подобранная в Санктуарии.

Зажужжал сигнал внутренней связи. Чемберс на ощупь щелкнул тумблером.

— Пришел мистер Аллен, — послышался голос секретаря.

— Пропустите его.

Вошел Аллен, бросил шляпу на пол у кресла, сел.

— Парни только что доложили. Обнаружен его корабль. Легко проследить. Радио включено.

— И?

— Готов.

Тонкие губы Чемберса сжались.

— Этого я и боялся. Понял по его голосу. Он явно боролся. И не без успеха. Несмотря ни на что, он успел сообщить то, что считал крайне важным.

— Странно, — подал голос Монк, — что нам это никогда не приходило в голову. Никто об этом даже не задумывался. А человек на пороге безумия...

— Может, идея и не сработает, — заметил Чемберс. — Но попробовать стоит. Интуиция, говорил он, — это инстинкт. Новый инстинкт. Тот, который необходим всем в нашем мире. Некогда, давным-давно, мы обладали таким же инстинктом. Вроде животных. Но мы избавились от него в процессе цивилизации. Утратили напрочь. Вообразив, что больше в нем не нуждаемся, мы заменили его другими средствами защиты от непогоды, голода и страха — такими, например, как закон и порядок, крепкие дома и прочее.

Теперь человечество столкнулось с иными опасностями, порожденными созданной нами цивилизацией. Чтобы защититься от них, нужно выработать новый инстинкт. И вполне вероятно, что он заложен в нас от природы... Наитие, предчувствие, интуиция, предвидение — назовите как угодно. То, что мы, сами того не сознавая, вырабатывали в себе долгое время — может, последние десять тысяч лет.

— Однако таким даром обладают не все, — напомнил Монк, — Но у некоторых он проявляется очень ярко.

— Мы разыщем тех, кто им обладает, — сказал Чемберс, — и поставим таких людей на ключевые посты. Психологи разработают соответствующие тесты. Посмотрим, можно ли каким-то образом усилить и развить врожденный инстинкт.

У вас, Монк, он, несомненно, есть. Он проявился в ту ночь в Сандебаре и спас вас от астеритов, заставив грохнуть камень о сейф с рукописями. Вы сделали это инстинктивно, не понимая почему. И сами говорили, что потом долго размышляли о причине, побудившей вас так поступить, но не

смогли найти ответ. Однако, как выяснилось впоследствии, ваши действия были совершенно правильными.

Финдлей на Плутоне тоже владеет даром предчувствия. Он называет его чутьем на будущее, способностью заглядывать чуть-чуть вперед. Согласитесь, умение предвидеть будущее поможет нам избежать многих проблем.

И вы, Ален, признались, что начали проверку деятельности Санктуария по наитию, стыдясь собственных сомнений и подозрений. Однако интуиция не позволила вам прекратить расследование.

— Секундочку, шеф, — прервал рассуждения Чемберса Аллен. — Прежде чем предпринять дальнейшие шаги, надо завершить одно дело. Мы должны вернуть Ганнибала. Даже если потребуется отправить на его выручку целый флот...

— Поздно, — остудил его энтузиазм Чемберс. Он поднялся из кресла и встал лицом к собеседникам, — Ганнибал погиб полчаса назад. Они убили его.

Председатель Контрольного совета Солнечной системы медленно обогнул стол, споткнулся о ковер и, ощупью определяя направление, пошел в сторону окна, то и дело ударяясь о попадавшуюся на пути мебель...

Констебль Чет Ньютон протер рукавом мундира звезду на груди, отряхнул брюки и в очередной раз неторопливо двинулся в обход центрального ряда окружной ярмарки, бдительным оком выглядывая признаки беспорядка.

Зазывала перед шатром с вывеской «Страшилища с Марса» затянул новую песнь.

— Сюда, дамы и господа, — разливался он. — Сюда, если хотите увидеть величайшее чудо света. Животные, привезенные с Марса. Настоящие, живые животные...

— Да на Марсе сроду никто не бывал! — выкрикнул какой-то зевака из собравшейся толпы. — Никто.

Зазывала повелительным жестом заставил его умолкнуть под смешки и фырканье довольной толпы.

— Значит, вы считаете, что никто и никогда не был на Марсе, — сказал он. — Мистер, да у вас страшно короткая память. Ну, Стивена Аллена-то вы помните, да? Того самого, который приземлился на своей ракете в Аризоне и сказал, что побывал на Марсе?

— Еще бы! — крикнул в ответ зевака, — Он мошенник! Он...

Зазывала скроил скорбную мину, наклонился и заговорил доверительно:

— Да, дамы и господа, именно так весь мир и назвал Стива Аллена. Мошенником! Высокоученые профессора осмотрели его ракету и заклеймили его позором. И весь мир подхватил этот клич. Мошенник, кричали они. Мошенник, мошенник, мошенник!

Голос зазывалы возвысился и разнесся над площадью, затем снова снизился до доверительного тона:

— Но Стивен Аллен — не мошенник. Он действительно побывал на Марсе, что бы там ни говорили профессора. Этого факта миру не отменить. И в этом шатре находятся твари, которых он привез с собой... Животные, которых он

поймал в красных пустынях древней планеты Марс. Животные, появившиеся на свет в другом мире.

Констебль Чет Ньютон зевнул. Вся эта чепуха была ему не в новинку. Он выслушивал эти россказни уже несколько часов. Как только зазывала затягивал свой речитатив, нанятый зевака подавал голос и начинал препираться. Это развлекало толпу. Она принимала все за чистую монету. Чтобы собрать толпу, нет лучшего средства, чем затеять спор.

Чет поднял глаза на парусиновые флаги, развевавшиеся перед шатром. На почетном центральном месте реял самый крупный из них, на котором был изображен похожий на дракона зверь с рогами и извергающими огонь ноздрями, чья спина напоминала частокол, а когти походили на острые серпы.

Зазывала теперь указывал именно на это полотнище и выкрикивал:

— Пожиратель! Зверь столь свирепый, что стальная клетка не может удержать его. Но не бойтесь, ибо его надежно удерживает электричество — в клетке из прочной сетки, по которой бежит электрический ток. Это единственное, чего он боится. За исключением листа брони, больше ничто не способно его удержать. Чтобы обеспечить поистине огромную мощность тока, которая для этого требуется, и чтобы не полагаться на обычные линии электропередачи, мы возим с собой генераторную установку с аварийными блоками, которые постоянно наготове. Мы не можем позволить себе рисковать. Прислушайтесь только к этому звуку...

Он поднял руку, и из шатра донеслось тарахтение.

— Это двигатель, который приводит в действие генераторную установку, — пояснил зазывала.

— Чушь на постном масле! — послышался хриплый возглас.

Зазывала подскочил на месте. Этого в программе предусмотрено не было.

— Кто это сказал? — осведомился он.

— Я! — крикнул все тот же голос. — Я шесть раз побывал на вашем захудалом представлении и пришел сказать, что не такое уж оно и расчудесное. Подумаешь, кучка паршивых животных.

Чет Ньютон узнал Попа Хансена — старик опять надрался. Поп жил в толевой хижине на краю ярмарки, и каждый год с ним была морока. Чет принялся пробираться сквозь толпу.

— Да у меня и то звери лучше, — хмельным тенорком возвестил Поп, — Только я бы не стал драть деньги за показ. У меня там лиловый крокодил в шипах, а вокруг кролики зеленые скачут.

— Этот малый пьян! — крикнул зазывала.

— Еще как пьян, — согласился Поп, — Только я все одно буду получше тебя, что пьяного, что трезвого. Сейчас вот выйду и задам тебе, только скажи...

— Уймись-ка, Поп, — предупредил Чет, который успел подобраться к старому забияке. — Уймись, а не то в два счета загремишь у меня в кутузку.

— Да я вам обоим задам, — завопил Поп. — Под орех разделаю...

Вдруг кто-то закричал:

— Чет! Чет!

— Что там еще? — рявкнул констебль.

— На скотном дворе драка! — раздался мужской голос, — Беги скорее, пока они там друг друга не поубивали.

Чет начал выбираться из толпы.

— Кто там сцепился? — спросил он.

— Эбнер Хилл и Луи Смит, — выдохнул посланец. — Гоняются друг за другом с вилами.

— Так я и знал, — покачал головой Чет, — Так и знал, что хлебну с ними забот. Как увидел, что бык Эбнера взял на выставке голубую ленточку, так и понял, что хлопот не оберешься. Лу хвалился, что уж в этом-то году она будет у него.

Однако, когда Чет, пыхтя, подоспел на скотный двор, забияк уже разняли. Джейк Картер, известный своим острым языком пожилой издатель «Викли Кларион», положил драке конец и отчитывал обоих.

— И как вам только не стыдно, ребята, — выговаривал он, потрясая вилами. — Вот я сейчас вам обоим накостыляю, будете знать! Подраться из-за голубой ленточки!

— Черт побери, — пропыхтел Эбнер. — Это Луи начал.

— Надо было добром с ним договориться, — не сдавался Картер.

— Попробуй-ка договориться добром с вилами, Джейк, — хмыкнул Эбнер. — Ты не хуже моего знаешь, что это невозможно.

— Послушайте, вы, — начал Чет, с трудом переводя дух, — зарубите себе на носу. Еще раз — и я отведу в участок вас обоих.

— Он обманом перехватил мою ленточку, — заявил Луи, — Этот пройдоха подольстился к жюри. Я сам видал, как он прошлым вечером их подпаивал.

— Плевать мне, что он там делал, — рявкнул Чет. — Я здесь затем, чтобы поддерживать закон и порядок, и я, черт подери, их поддерживаю.

Он отряхнул брюки.

Картер воткнул вилы в тюк с сеном.

— Раз уж ты здесь, — сказал он Чету, — я ухожу. Посадика ты их за решетку, и пускай дерутся, сколько влезет. Может, хоть тогда из них дурь выйдет.

Чет с отвращением сплюнул.

— Станут они драться голыми руками, как же. Они у нас только тогда драться горазды, когда у кого-нибудь из них дубина в руках или еще что.

Картер отыскал в здании 4-Н Пола Лоренса, окружного агента сельскохозяйственной службы.

— Ярмарка удалась на славу, Пол, — от всей души похвалил он. — Пожалуй, более удачной и не припомню, а я уж почти сорок лет как пишу о здешних ярмарках.

Агент согласился.

— Список участников — самый длинный за всю историю. И качество прямо на удивление. Надеюсь только, до нас не дойдет зараза из Айовы и Небраски.

— Есть о ней что-нибудь новенькое? — поинтересовался издатель.

Агент покачал головой.

— Сначала я думал, это ящур. Потом решил, черная ножка[15]. Но это ни то и ни другое. Там сейчас правительственная комиссия, но особых успехов что-то не видно. Похоже, ко всему эта дрянь еще и распространяется.

— Они с ней справятся, — с уверенностью заявил Картер, — Всю жизнь время от времени появлялись новые хвори, но их всегда удавалось победить, до того, как они начнут распространяться. Хотя тамошним, конечно, туго придется.

— Да, что есть, то есть, — согласился Лоренс, — Кстати, как твои розы?

Картер выпятил грудь.

— Сроду так не удавались. В этом году я посадил несколько новых сортов. Все призы собрал на выставке.

— Я заметил.

— Да, сэр, — продолжал редактор, — как только я развяжусь со своей паршивой газетенкой, стану разводить розы. Нет ничего интересней розы... Нет, сэр, ничего...

Бенни Шорт стоял, облокотясь на прилавок своего тира, и злобно смотрел на шатер «Страшилищ с Марса».

— Как идут дела, Бенни? — поинтересовался карлик из цирка уродцев неподалеку.

— Неплохо, — отозвался Бенни, — Эти недотепы воображают, будто умеют стрелять. Кое-кто, конечно, умеет, да только не с такими прицелами, как на этих ружьях. С тех пор как я их чуток подправил, никто еще ничего не подстрелил.

---

[15] Ящур и черная ножка — заразные заболевания крупного рогатого скота.

— Что-то, я гляжу, вид у тебя неважный, — заметил карлик.

— Устал я, — признался Бенни. — Как собака. Уже бог знает сколько времени не сплю толком.

— Что, совесть мучает?

— Это моя-то? Нет, это все тот чертов мотор у марсиан. Они-де им генератор запускают. Вранье. Как есть вранье. Чтобы олухов завлечь побольше. Только зачем держать его включенным всю ночь напролет, я вас спрашиваю? Нет ни днем, ни ночью от него покоя. Тыр-тыр-тыр. Я всю ночь глаз не сомкнул.

Он ткнул пальцем в карлика.

— Знаешь, что я тут придумал? Как-нибудь ночью проберусь к ним и разнесу этот мотор к чертовой матери.

— Вот это дело, — одобрил карлик, — Тебе, глядишь, еще и спасибо скажут. Эти марсиане всем насолили. Один убыток от них. Проходимцы. Кто бы подумал, что кто-нибудь клюнет на такую чепуху? К ним народ валом валит, а на нас погляди? Честный цирк уродцев, а полней зал уже несколько недель собрать не можем.

В шатре «Страшилищ с Марса» зазывала как раз заканчивал свой рассказ:

— А это — Соня. Всем понятно, почему мы так его называем. Он только и делает, что спит... или притворяется, что спит. И не ест почти ничего, только и знает, что дрыхнуть с утра до ночи...

Соня, маленький кругленький меховой комочек, слегка развернулся в своей стеклянной клетке и приоткрыл один глаз. Глаз вызвал всеобщее удивление. Он оказался красным, недобрым и горел яростью.

— Он всегда злится, когда его будят, — пояснил зазывала.

Он подвел зрителей к следующей стеклянной клетке, в которой лежало существо, больше всего напоминавшее перекати-поле. Даже в клетке, где движение воздуха если и было, то совсем незначительное, существо двигалось —

болталось и тыкалось в стены, ни на миг не останавливаясь, ни на миг не замирая.

— Это Вертун, — представил следующего обитателя своего балагана зазывала. — Сущий комок нервов. Идеальная форма жизни для бескрайних пустынь. Даже легкий марсианский ветерок за день способен перенести его за сотню миль. Поначалу у нас их было трое, но теперь остался всего один. Несмотря на все наши заботы, двое других не выжили.

Хотя эти клетки в точности воспроизводят марсианские условия, Вертуну, по всей видимости, не по душе такая теснота. Для жизни ему необходимы безбрежные просторы его марсианской родины. Мы откачали из клеток воздух, пока не образовался почти что вакуум, мы ввели туда озон, снизили температуру. Мы пытались в точности воспроизвести условия естественного обитания Вертуна, но он все равно недоволен. Ему хочется катиться...

Теперь толпа переместилась к клетке Пожирателя, мощного зверя грязно-желтого цвета с острыми когтями, ужасающими клыками и пугающего вида рогами. Его спину украшал зубчатый гребень, как у населявших древнюю Землю динозавров, шкура отливала металлическим блеском.

— Перед вами — кремниевая форма жизни, — сказал зазывала, — Состоит не из углерода, а из кремния. Возможно, он единственный представитель вида, населявшего Марс в древности. Из всех марсианских животных ему одному не требуются для жизни специальные условия. Он может жить, где угодно.

Пожиратель громогласно кашлянул и протянул мощную когтистую лапу к окружавшей его светящейся сетке, но опасливо отдернул ее. Он уже как-то раз дотронулся до этой сетки.

Бенни Шорт осторожно приподнял заднее полотнище шатра «Страшилищ с Марса». Внутри было темно, только виднелось в темноте таинственное мерцание работающего двигателя. Похоже, все уже разошлись. Если не считать гула двигателя, в шатре царила тишина.

В центральном ряду окружной ярмарки погасли последние огни. Толпы зрителей разошлись по домам. Где-то вдалеке загудела машина.

Бенни легонько подался вперед и забрался внутрь. Сидя на корточках, он сунул руку под брезент, вытащил тяжелую кувалду. Не поднимаясь, взвесил ее в руке.

— Ну, сегодня ночью я наконец-то высплюсь, — пробурчал он себе и ухмыльнулся в темноте.

Фут за футом он пробрался вперед, замер перед смутно виднеющейся во тьме машиной. Без труда поднял кувалду, занес над головой и с размаху обрушил вниз.

С пронзительным звоном, как будто мотор разлетелся на куски. Странное мерцающее сияние вспыхнуло и начало разрастаться, исходя словно бы из ниоткуда, и внезапно вспыхнул ослепительный свет, который на мгновение обрисовал силуэт владельца тира с кувалдой в руках на фоне брезента, а потом, когда тот бросился бежать, окутал и удушил его.

В передней части шатра Пожиратель вытянулся в струнку и увидел, как огонь вспыхнул и угас в сетке, окружавшей его.

С торжествующим кашлем он бросился на сетку. Она лопнула, и он устремился вперед, снес по пути подпорку, прорвался сквозь брезент и нахально поскакал по самой середине центрального ряда.

Чет Ньютон, который совершал свой последний обход, перед тем как отправиться домой, увидел несущуюся на него тварь и лихорадочно выхватил из-за пояса старый шестизарядный револьвер.

Первая пуля просвистела мимо цели. Вторая угодила в зверя. Чет знал, что она задела его. Он слышал, как она ударилась о его тело и рикошетом отлетела куда-то в ночь. Он стрелял снова и снова, и пули чиркали по блестящей шкуре зверя и со свистом проносились над ярмарочной площадью.

Чет в панике вскрикнул и бросился наутек. Он кое-как вскарабкался по насыпи к ипподрому и со всех ног припустил к трибунам. Уже на полпути он остановился и оглянулся назад.

Пожирателя и след простыл.

Сидя на порожке своей толевой хижины, Поп Хансен только что прикончил одну бутылку самогона и принялся шарить под крыльцом в поисках следующей.

С ярмарочной площади донеслись звуки выстрелов. Он навострил уши.

— Что-то там шумят, — икнул он. Попытался подняться со ступенек, потерял равновесие и плюхнулся обратно.

— Ну и ладно, — рассудительно сказал он сам себе, — На сегодня с меня и так достаточно развлечений.

Ярмарочная ограда с грохотом обрушилась, и из-за нее показался Пожиратель. Он лишь слегка задел толевую хижину и скрылся в лесу, сметя по дороге пару деревьев, которые так некстати оказались у него на пути.

Проводив его остекленевшим взглядом, Поп торжественно вернул бутылку на место, так и не откупорив ее.

— Когда они становятся такими здоровыми, — сказал он себе с сожалением, — с выпивкой пора завязывать.

Констебль Ньютон находился в кабинете шерифа Альфа Таннера, докладывал ему о случившемся, когда в кабинет ворвался человек.

— Я — владелец «Страшилищ с Марса», балагана с ярмарки, — выдохнул он. — Пожиратель сбежал!

— Чет доложил мне, — сказал шериф Альф.

— Меня зовут, — представился человек, — Уильям Говард. Я прибежал сюда со всех ног. Это животное очень опасно. Нужно поймать его...

Шериф подозрительно взглянул на Говарда.

— Что это за животное?

— Никакой это не марсианин, — заявил Чет. — Все это пустая болтовня. Никто и никогда не был на Марсе.

— Конечно нет, — согласился владелец балагана. — Это животное — не с Марса. Но оно действительно в высшей степени необычное. Из Патагонии. Один мой друг раздобыл его для меня. Возможно, это пережиток эпохи динозавров. Там есть какой-то дикий край...

— Как-то это неубедительно, — нахмурился Чет, — Сдается мне, что если это пере... пережи... в общем, как вы там его назвали, то он должен находиться не у вас, а где-нибудь в зоопарке или в музее.

— Да какая разница? — рассердился Говард. — Мы тратим время на споры, вместо того чтобы ловить его.

Зазвонил телефон — громко, настойчиво.

Альф Таннер поднял трубку.

— Шериф у телефона, — сказал он исполненным достоинства голосом большого начальника.

В комнату ворвался пронзительный женский голос:

— Это миссис Джонс. Со старой фермы в Блэкберне... Скорее сюда, шериф. На скотном дворе какое-то чудище пытается снести хлев. Курятник оно уже разнесло. Что-то большое и ужасное. Томми пошел на улицу с ружьем, как я ни пыталась отговорить его...

— Сейчас буду, — крикнул шериф.

Он стремительно обернулся.

— Ваша скотина у дома Томми Джонса, — быстро сказал он, — Надо торопиться. Чет, берите пулемет и идем.

Но когда они добрались до места, страшилища уже и след простыл. Оно оставило после себя настоящий разгром. Хлев начисто лишился одной стены, с десяток коров и три лошади лежали в своих стойлах. Животные были мертвы. Они походили на проколотые воздушные шары. На теле каждого из них зияла одна-единственная рана.

Свиней в загоне постигла точно такая же судьба; по всему двору были разбросаны безжизненные комки перьев, которые когда-то были цыплятами.

Миссис Джонс рыдала и заламывала руки.

— Мои лучшие курочки, — причитала она. — Я трудилась, не покладая рук, растила их. Выгоняла их в дождь с улицы, чтобы не утонули, курятник отремонтировала, чтобы до них не добрались скунсы.

— Кто-нибудь за это ответит, — бушевал ее супруг, — Я выясню, откуда взялась эта тварь, и заставлю виновного заплатить...

— Животное принадлежит мне, — выступил вперед Говард, — Оно сбежало из моего балагана на ярмарке. Я уверен, мы с вами сможем договориться.

— Сейчас так договоримся, мало не покажется, — рявкнул Джонс, — А в морду не хочешь?

— Прекрати, Томми, — велел шериф Альф, — Мистер Говард же сказал тебе, он заплатит. Что еще тебе нужно?

— Я отправляюсь с вами в город, — заявил вдруг Джонс, — Я добьюсь, чтобы этот балаган закрыли. Он у меня никуда не денется, пока не заплатит все, что мне причитается, до последнего цента. Взгляните только! Чтобы привести все это в порядок, понадобится сотни две-три, да еще...

— И не забудь про моих курочек, Томми, — прорыдала миссис Джонс.

К утру шериф клевал носом от усталости.

Ночка выдалась не из веселых. Они гнались за Пожирателем через три поля с уже сжатой пшеницей и по одному, где еще стояла кукуруза. Там он оставил широкий след, который ни с чем другим не спутаешь. Оттуда зверь отправился на болото Кинни. После двухчасовых блужданий по жидкой грязи они окончательно сбились со следа и сдались.

Теперь телефон раскалился — просьбы о помощи шли уже из столицы штата. Осаждали шерифа звонками и журналисты из Миннеаполиса. «Ассошиэйтед Пресс» и «Юнайтед Пресс» во что бы то ни стало желали получить официальное заявление.

Шериф промокнул лоб и бросил сердитый взгляд на телефон, словно опасаясь, что он позвонит снова!

В коридоре послышались чьи-то шаги, и в кабинете появился Эбнер Хилл.

— Здорово, — приветствовал его шериф Альф. — Чего поднялся ни свет ни заря, Эбнер?

Эбнера, казалось, вот-вот хватит удар. Шериф это видел.

— Я хочу, чтобы вы сейчас же пошли и арестовали Луи Смита, — рявкнул он.

— Погоди-ка, — нахмурился шериф, — Я не могу арестовать его без ордера. Я слыхал, вы с ним на днях сцепились на ярмарке, но нельзя же...

— Он отравил моего быка, — взорвался Эбнер, — Мой бык мертв — отравлен, и никто, кроме Луи, не мог этого сделать.

Он разозлился, что я получил голубую ленточку, когда он уже на весь округ раззвонил, будто она достанется ему.

— Откуда ты знаешь, что это Луи?

— Так только у него была причина. Я больше ни с кем не ссорился. А быка кто-то отравил.

Затрезвонил телефон.

— Слушаю. Что еще там?

— Это Пол Лоренс, шериф, — раздался из трубки голос окружного агента. — Происходит что-то странное. Кто-то отравил скот.

— Здесь сейчас Эбнер Хилл, — ответил шериф. — Говорит, его призового быка отравили. Похоже, он считает, это мог быть Луи Смит.

— Это не Луи, — возразил окружной агент. — Его бык тоже пал.

— Ладно, — буркнул шериф, — Сейчас буду.

Телефон затрезвонил снова.

— Ну а вам что еще нужно? — заорал шериф Альф.

— Это Чет. Похоже, мы кой-чего упустили. У нас тут убийство.

— Убийство?!

— Угу. Мертвый малый в марсианском шатре. Обгорел дочерна. Весь обугленный, что твоя головешка. Лежит

рядышком с какой-то раскуроченной машиной. Видать, он сам ее и разгрохал. И кувалда там же.

— Кто такой?

— Не знаю. Но один тип из тамошних, ну, малый, который заправлял тиром по соседству, куда-то подевался. Может, это он. Да, это еще не все.

— Как?

— Нет, не все. В этих... в клетках нет никаких животных. Только кучки пепла. И еще я нашел там сундуки...

— Еще бы, — хмыкнул шериф. — Эти ярмарочные артисты живут на сундуках.

— Погоди, сейчас узнаешь, что я в них нашел. Один был битком набит такими махонькими бутылочками, вроде тех, что доктора с собой носят.

— Пузырьками?

— Ну да, пузырьками, точно. И во всех какая-то дрянь натолкана. Другой сундук чуть не лопался от набитых в него жуков. Каких там только не было. Рассажены так аккуратненько, упакованы по разным отделениям.

— Одуреть можно, — сказал шериф, — Зачем кому-то могла понадобиться такая прорва жуков?

— Убей бог, не знаю, — ответил Чет, — Может, лучше подойдешь да сам глянешь? Заодно и Джо Сондерса из гаража прихватил бы. Может, он разберет, что за машину тот мертвый малый расколотил. Странная какая-то штуковина.

— Ладно, — вздохнул шериф и повесил трубку.

— А я еще собирался сегодня на рыбалку, — сказал он себе.

Наступила ночь. Шериф сидел, задрав ноги на стол и надвинув шляпу на глаза, и из-под нее доносился храп.

Чет раскладывал пасьянс.

Ступени заскрипели под чьими-то тяжелыми шагами. В кабинет ворвался Пол Лоренс, сжимая в руке карту.

— Эй, Альф! — крикнул он, — Хватит дрыхнуть. Есть идея!

Ноги шерифа бухнулись со стола на пол. Он сдернул с лица шляпу и заморгал.

— Черт побери, — пожаловался он, — и чего вы все не можете отвязаться от меня? Ну, ни минуты покоя. Репортеры и ребята из криминального отдела так и шныряют повсюду, лезут со своими вопросами.

— Да ты погляди сюда, — потряс какими-то бумажками окружной агент, — Погляди только на эту карту.

Он расстелил ее на столе. Это была карта штатов Среднего Запада. Красная линия змеилась через Канзас, Небраску, Айову и Миннесоту. Несколько городов были обведены красным.

— Что-то я ничего не разберу, — пробормотал шериф, щурясь со сна. — Ты точно здоров, Пол?

— Разумеется, я здоров, — огрызнулся окружной агент, — Эта красная линия показывает маршрут передвижения каравана ярмарочных артистов и их остановки на ярмарках. В городах, которые обведены красным, начались болезни скота. Взять, к примеру, Джанкшн-сити в Канзасе. Там пал почти весь скот. Посевы пшеницы уничтожены каким-то странным грибком. Зерновые и плодовые губят вредители.

Он провел пальцем по красной линии.

— Так, пропускаем все города, где останавливался караван, до Сабеты, потом двигаемся в Небраску до Небраска-сити.

И там, и там произошло в точности то же, что и в Джанкшн-сити. Теперь переходим в Айову...

— Погоди минутку, — встрепенулся шериф, — Похоже, ты что-то нащупал. Ты думаешь, у нас здесь происходит то же самое?

Лицо окружного агента было мрачное.

— Я не думаю, я знаю. Почти весь скот, побывавший на ярмарке, пал. Один малый сегодня с утра отогнал свое стадо домой, думал, это спасет их. Сейчас они все заболели. Он только что ушел от меня. Боится потерять все, что имеет. А еще заходил Джейк Картер, злющий как черт. В его розах завелись какие-то непонятные букашки. Я отправил его в

Сент-Пол[16]. Думал, может, ребята из сельскохозяйственного университета сумеют их опознать.

— Думаешь, караван имеет к этому какое-то отношение? — спросил шериф.

Лоренс хлопнул по карте тыльной стороной ладони.

— Все один к одному, Альф. Это произошло не везде, где побывал караван, но в каждом месте, где это случилось, они останавливались. Здесь может быть связь... Думаю, она и есть.

Чет бросил свой пасьянс и подошел к столу.

— А это неплохая идея, шериф, — сказал он. — Помнишь тех жуков, что я нашел в сундуке? А в тех пузырьках могли быть микробы. Те, что вызывают болезнь.

— Прижми к стенке того малого, ну, Говарда, владельца марсианского шатра, — предложил окружной агент. — Может, что-нибудь и выяснится.

— Прижми к стенке! — вспылил шериф. — А что, по-твоему, мы весь день пытаемся сделать? Его и след простыл. С самого утра ищем. После того как мы вернулись с поисков его твари, он ушел. Сказал, сходит кофейку выпьет. Только его и видели.

— По мне, так странно все это, — заявил Чет, — Взять хоть ту машину в шатре. Вроде как там должен быть мотор и генератор, по крайней мере так он говорил зрителям. Генератор, который дает ток, чтобы Пожиратель не удрал из своей клетки. Но Джо Сондерс сходил посмотрел на него — вернее, на остатки от него, — и он говорит, что никогда в жизни такого генератора не видел. Вернее, он говорит, что никогда в жизни вообще не видел ничего подобного.

Зазвонил телефон. Шериф снял трубку.

— Пол, тебя. Междугородний. Это Джейк Картер. Должно быть, телефонистки с Центральной выяснили, что ты здесь.

Окружной агент подошел к телефону.

---

[16] Сент-Пол — столица штата Миннесота.

— Слушаю, — сказал он, — Ты, Джейк? Ну, что выяснилось?

— Я их тут всех на уши поставил, — раздался из трубки громкий голос издателя. — Они глазам своим не верят. Говорят, сроду таких жуков не видали. Они говорят, — он понизил голос, — они говорят, не знай они, что это невозможно, решили бы, что эти жуки — с другой планеты. Они не похожи ни на одно земное насекомое. Они пытаются...

В трубке раздался голос телефонистки:

— Прошу прощения. Вы не возражаете? Срочный звонок шерифу.

— Что вы, что вы, — откликнулся Пол, — Это тебя, Альф.

Шериф взял у него трубку.

— Шериф! — закричали оттуда. — Это Луи Смит. Здесь черт знает что творится. Эта марсианская тварь только что разнесла мой скотный двор, как ураган — стог сена. Камня на камне не оставила. А теперь еще на южном поле что-то непонятное делается. Крики какие-то кошмарные. Мы ничего подобного еще не слыхали. Аж кровь в жилах стынет.

— Не выходи из дома, Луи! — крикнул шериф, — Мы уже едем!

От криков на южном поле и вправду кровь леденела в жилах. Запредельно жуткие, они неслись к усеянному звездами небу и, казалось, вмещали в себя всю ярость и весь смертный страх мира. И было в них что-то потустороннее, отчего зубы сами собой начинали выбивать дрожь и ужас пробирал до костей.

Чет, который вместе со всеми шагал по полю, прижимал к груди автомат.

— Ну, попадись мне только на мушку шутник, который поднял весь этот гам, — пропыхтел он, — жив не буду, а заставлю его заткнуться. Нет, вы когда-нибудь такое слыхали?

— Прикрой свой рот, Чет, — предостерег шериф, — Только спугнуть его не хватало.

Кошмарный вой поднялся снова, но на этот раз в нем было что-то зловещее и настойчивое.

Шериф предостерегающе зашипел. На дальнем конце поля возвышался поросший деревьями бугор, и шериф показывал на него.

На пригорке, ярко освещенный восходящей луной, стоял человек.

Преследователи припали к земле и стали наблюдать. Мужчина стоял неподвижно, а со стороны бугра неслись нечеловеческие завывания.

— Думаете, это он? — прошептал окружной агент. С дальнего конца поля что-то надвигалось. Зубчатый гребень на спине и острые рога покачивались из стороны в сторону: существо неслось вперед. Белые зубы кровожадно поблескивали в лунном свете, а шкура, казалось, рассыпала искры.

Чет вскинул автомат к плечу.

— Подстрелить его, шериф?

— Погоди, — ответил тот. — Это Пожиратель. Он-то нам и нужен.

Пожиратель начал взбираться на пригорок, а человек все так же стоял там, хотя вопли прекратились.

— Да что ж ты не бежишь, дурачина? — закричал окружной агент.

Однако, вместо того чтобы спасаться бегством, мужчина зашагал по склону навстречу Пожирателю, и до ушей наблюдателей донеслись негромкие успокаивающие звуки — таким тоном ласковый хозяин разговаривает со своей живностью. Как будто Пожиратель был ручным зверьком, которого незнакомец пытался уговорить вернуться домой.

И человек, и Пожиратель остановились, когда между ними оставалось всего несколько ярдов, и человек продолжил ласково что-то приговаривать. Пожиратель затоптался на одном месте, выгнул спину дугой. Человек медленно двинулся вперед с протянутыми руками, продолжая уговаривать животное.

И тут Пожиратель прыгнул на него. Человек развернулся, бросился бежать, но споткнулся и упал.

Чет с криком кинулся к нему, прижимая автомат к бедру. Шериф и окружной агент мчались следом.

Они увидели, как человек перевернулся, откатился в сторону и с трудом поднялся на колени. Пожирателя занесло на повороте, однако он удержался на ногах и уже снова несся на него. Но человек сжимал что-то в руке и целился в Пожирателя. Сноп голубого сияния вырвался из его ладони и окутал животное. Добрая часть Пожирателя покраснела, и вокруг него летали клочья едкого дыма. Голубой сноп был все так же направлен на зверя, но он по-прежнему упрямо приближался.

В ночной тишине разнесся глухой удар: тяжелая, как таран, голова чудища ударила человека и сшибла его. Послышался странный скрежет: Пожиратель взвился на дыбы и принялся топтать поверженную, распростертую фигуру.

Тишину не нарушал ни единый вопль истерзанного человека, ни единый яростный крик нападающего Пожирателя — лишь ужасный дробный топот блистающих копыт, которые он вскидывал и вновь обрушивал на свою жертву.

Но тусклое красное зарево, порожденное голубым снопом света, уже окутало тело Пожирателя и расползлось, словно лесной пожар, хотя запаха горящей плоти не было, лишь едкий дымок поднимался и вился над холмом, возносясь в ясное ночное небо.

Взбежав по склону, трое мужчин увидели, как Пожиратель отшатнулся от искалеченного тела и рухнул ничком, превратившись просто в груду расплавленного металла.

Человек лежал навзничь — тело растерзано на части, череп расколот. Оторванная рука валялась в нескольких ярдах от тела. Одна нога была вывернута в колене под неестественным углом.

А из треснувшего черепа выбиралось нечто... нечто черное, омерзительное и многорукое. Нечто, пожиравшее всех троих злобным взглядом кошмарных красных глаз.

Нескончаемо долгий миг оно смотрело на них, потом медленно заползло обратно в череп. Тело начало корчиться и изгибаться, потом в конце концов кое-как уселось. Челюсть медленно, неуклюже пришла в движение. Из расхлябанного рта полились искаженные звуки, звуки, которые безуспешно пытались притворяться словами.

Потом тело снова бухнулось на землю, и из расколотой черепной коробки выскочила та мерзкая тварь. Она торопливо, воровато шмыгнула прочь — жуткая, отталкивающая инопланетная тварь, при одном взгляде на которую тошнота подкатывала к горлу.

Чет вскинул автомат, и он застрекотал, по полю пошло гулять звонкое эхо. Под ударами пуль черная тварь забилась и задергалась, потом затихла.

Шериф сердито накинулся на констебля:

— Черт подери, Чет, зачем ты это сделал?

Чет опустил автомат и с отвращением на лице посмотрел на мертвое существо.

— У меня от него мороз по коже, — сказал он.

— Пожалуй, он правильно поступил, — вступил в разговор окружной агент.

— Что ты хочешь этим сказать? — осведомился шериф.

— Взгляните только на это тело... я имею в виду человеческое тело. Узнаете?

Шериф взглянул. На обезображенные черты упал лунный свет.

— Говард! — ахнул шериф, — Уильям Говард. Владелец марсианского балагана!

У шерифа отвисла челюсть.

— Пол, этого не может быть! Это была выдумка! Ни один человек никогда не был на Марсе!

— Может, и не был, — пожал плечами окружной агент, — Но это не значит, что марсиане не прилетали на Землю.

Это казалось неправдоподобным, фантастическим — но доказательство лежало перед ними.

— Посмотрите на это тело, — ткнул пальцем окружной агент, — Занятная штука из стали и пластика. И хитроумный механизм. Еще несколько часов назад он выдавал себя за человека по имени Уильям Говард. Ты говорил с ним, Альф. И Чет тоже. Он обвел вокруг пальца вас обоих. И вообще всех, с кем общался. Все считали, что это человек. А это был не человек, а просто машина, в которой скрывалась та мерзкая тварь, которую Чет прикончил.

Шериф вытер лоб.

— Ты действительно считаешь, что та тварь была с Марса, Пол? А балаган и впрямь был марсианским?

— Может, и с Марса, — сказал окружной агент, — Если так, они нашли остроумный способ замаскироваться. Объяви себя чем-то нелепым и невероятным — и можешь спокойно быть им, все равно никто тебе не поверит.

— Но послушайте, — вмешался Чет, — зачем марсианам могло понадобиться разъезжать повсюду под видом ярмарочного балагана? Если им так хотелось, чтобы мы поверили, что они с Марса, пошли бы к каким-нибудь профессорам и доказали это, а если им этого не хотелось...

Окружной агент устало покачал головой.

— Кто знает, как у них мозги работают? И что творится у них в головах? Если взглянуть на это дело с человеческой точки зрения, ответ может быть только таким — пятая колонна. Пятая колонна с Марса, которая пытается ослабить Землю, перед тем как захватить нас. Все сходится. Разные заболевания, разные странные насекомые, лишенные своих естественных врагов, вполне справятся с этой задачей. Они уморят нас голодом... побьют еще до того, как первая ракета вылетит с Марса.

Быть может, они хотели уничтожить какие-то земные виды своими заболеваниями и своими вредителями, а свои виды, наоборот, насадить. Большинство из них, скорее всего, не смогли бы приспособиться к здешним условиям, но

какие-то, безусловно, выжили бы. Со временем марсиане превратили бы отдельные участки Земли в маленький Марс, изничтожив земные формы жизни и заменив их марсианскими. Даже сейчас мы не можем знать наверняка, что этого еще не случилось. Может, дело уже зашло дальше, чем мы себе воображаем. Может, кое-какие из наших вредных ядовитых растений на самом деле — марсианские...

Чет отряхнул брюки и с презрением сплюнул.

— Да ты совсем спятил, — заявил он.

— Я не сказал, что именно так все и было, — покачал головой окружной агент, — Я сказал, что так могло случиться. Это самое логичное объяснение с человеческой точки зрения. Но, может быть, нам нужно не человеческое объяснение. С марсианской точки зрения... если Говард был с Марса... объяснение может быть совершенно другое. Наверное, так оно и есть. Мы имеем дело с существом, чья психология выше нашего понимания.

— Что-то тут не так, зуб даю, — заявил шериф. — Здесь еще объяснять и объяснять. Взять вот хоть этого Пожирателя...

— Животное, состоящее из кремния, а не из углерода, — перебил его окружной агент, — Пожалуй, звучит не слишком правдоподобно... но оно же было. И все мы видели, что с ним случилось. Мы знаем, что оно не из плоти и крови. Мы знаем, что на Земле ничего такого не бывает. Да одной этой твари должно хватить, чтобы мы убедились — мы имеем дело с чем-то чуждым нам, чем-то из космоса.

— Да, еще же тот сноп голубого света, который поджег Пожирателя. Смахивает на фонарь. И на пистолет. Но это не фонарь и не пистолет. Вот ученые порадуются, если не убьются, когда будут разбирать его на части.

— Потом, там были еще и другие животные. Жаль, нам не удалось их заполучить. Они могли бы дать нам еще какие-нибудь сведения, чтобы было от чего отталкиваться. Но Говард, видно, уничтожил их, когда понял, что пахнет жареным. Испугался, что, если мы осмотрим их

повнимательнее, они могут его выдать. И еще та машина в шатре. Джо был прав. Это не мог быть генератор… по крайней мере не такой генератор, к каким мы привыкли. Наверное, его использовали для того, чтобы держать Пожирателя в клетке, но мы не знаем, как именно он работал.

— Вот чего я никак не могу понять, так это зачем Говард, ну, или та тварь, которая была внутри Говарда, пыталась улестить Пожирателя. Должен же он был знать, что это опасно. Но он пошел на этот риск… должна же быть какая-то причина.

Окружной агент кивнул.

— Без сомнения, причина имелась. Может, Пожиратель был его любимой зверюшкой. Человек рискнет жизнью, чтобы вызволить из беды любимую собаку. Но опять-таки — точно мы не знаем. Мы пытаемся подойти к чуждым нам побуждениям с человеческой логикой.

— Послушай, — вмешался Чет, — если все то, что ты тут насочинял, правда, что мы станем с этим делать?

— Уведомим соответствующие органы, — отрезал шериф, — Криминальный отдел штата. Может, даже ФБР.

— Правильно, — согласился окружной агент, — Надо держать ухо востро. Отныне Земля не может позволить себе рисковать. Ведь могут быть и другие. Возможно, они не прикидываются ярмарочными балаганами, а действуют другими способами.

С какой целью, нам неизвестно, но ничего хорошего это Земле не сулит. Пятая колонна. Проникновение в тыл. Нелегальная иммиграция. Называйте как угодно. Это надо остановить. Надо держать ухо востро… Мы больше не можем ничто принимать как данность. Одному богу известно, сколько уже все это тянется, за сколько бедствий нам следует благодарить этих тварей.

Чет поежился.

— Ей-богу, просто мороз по коже. Я никогда больше не смогу чувствовать себя в безопасности.

За дверью послышались медлительные шаркающие шаги. Все трое вскинулись. В кабинет ввалился Поп Хансен и уставился на них пьяными глазами.

— Эй, — заплетающимся языком пробормотал он, — вы, случаем, не видали того малого, владельца марсианского шатра?

— Что тебе от него нужно? — ощетинился шериф.

— Да вот, дельце одно хотел провернуть.

— Дельце?

Старый выпивоха прищурился.

— Ну да, дельце. Там у меня слон в полосочку...

ПОСЛАНИЕ С МАРСА

I

— Ты спятил! — накинулся на него Стивен Александер, — Нельзя лететь на Марс в одиночку!

Скотт Никсон раздраженно хватил кулаком по столу.

— Почему? — закричал он, — Кораблем может управлять и один человек. Джек Райли болен, а других пилотов у нас нет. Через пятнадцать минут корабль должен стартовать. Потом будет поздно. Это наш последний шанс на ближайшие несколько месяцев.

Джерри Палмер, сидевший возле громоздкой аппаратуры космической связи, потянулся к бутылке с шотландским виски и плеснул себе в бокал.

— А знаете, док, пусть летит, — сказал Джерри, — Какая разница? Он все равно не достигнет Марса. Вырвется в космос и погибнет где-нибудь на полпути, как все остальные.

— Думай, что говоришь, — сердито бросил ему Александер, — И следи, сколько пьешь.

— Не ругайте его, док, — вступился за Палмера Скотт. — Он говорит правду. Естественно, я никуда один не полечу. Вы ведь знаете, что эти полеты окрестили «мостом из костей». Даже шутка такая появилась: «Перейти на Марс по мосту из костей».

Старик удивленно посмотрел на Скотта.

— Никак ты разуверился? Сомневаешься, что доберешься туда?

Скотт покачал головой.

— Я не разуверился. Кто-нибудь туда долетит... в свое время. А пока слишком рано. Зачем пополнять этот список?

Горько усмехнувшись, он махнул рукой в сторону стены, на которой красовалась бронзовая доска.

— Почетный список наших потерь. Заполнена почти вся. Скоро вам придется заказывать вторую.

Имя одного Никсона уже увековечили в бронзе: Хьюг Никсон, пятьдесят четвертый по счету. Ниже стояло имя его напарника: Гарри Декер.

Дремавшая аппаратура космической связи вдруг проснулась и выплеснула из динамиков целое море звуков. Вместе с треском, шумами и завываниями эфира в комнату влетели знакомые сигналы.

Скотт напрягся, вслушиваясь в послание, преодолевшее миллионы миль... Ничего нового. Все те же слова, упорно повторяемые год за годом; все то предостережение, которое посылала землянам красная планета:

«Нет. Нет. Не прилетайте сюда. Опасно!»

Скотт повернулся к окну и нашел на вечернем небе оранжево-красный глаз Марса.

Ну сколько можно тешить себя надеждами? Надеяться, что Хьюг все-таки достиг Марса и что однажды вместе с этими странными сигналами он даст знать о себе?

Хьюг погиб, как и все те, чьи имена были высечены на бронзовой доске. Чрево космоса поглотило его брата. Хьюг мечтал прорвать завесу тайны... И вот его нет. А тайна осталась.

Дверь комнаты широко распахнулась. Потянуло холодным вечерним ветром. Вошедший, которого звали Джимми Болдуин, тщательно закрыл дверь и оглядел всех, кто находился в комнате. Как и всегда, взгляд у него был отсутствующим.

— Хороший вечерок для полета на Марс, — сказал Болдуин.

— А как же твои цветы, Джимми? — ласково, как ребенка, спросил его Александер, — Ты пошел к нам, а они остались и наверняка скучают по тебе.

— На Марсе полным-полно цветов, — ответил Джимми. — Может, когда-нибудь я туда слетаю и посмотрю.

— Лучше подожди, пока другие пробьют надежную дорогу, — с горечью посоветовал ему Палмер.

Джимми переминался с ноги на ногу. Казалось, он шел сюда с какой-то целью, но забыл, с какой именно. Потом он медленно повернулся к двери и взялся за ручку.

— Я пойду.

Дверь шумно закрылась, но холод не исчез. Этот холод не был природным явлением; он сопровождал Джимми Болдуина... странный, потусторонний холод, который почему-то не желал покидать их комнату.

Палмер плеснул в бокал очередную порцию виски.

— А ведь Джимми был непревзойденным пилотом. И посмотрите на него теперь!

— Рекорд Джимми держится до сих пор, — напомнил радиооператору Александер, — Еще никому не удавалось восемь раз слетать на Луну и остаться в живых.

Катастрофа случилась, когда корабль Болдуина возвращался назад. Крошечный метеорит — совсем песчинка — пробил обшивку, ворвался в кабину и застрял между глаз у Энди Мейсона — лучшего друга и напарника Джимми.

Воздух со свистом ринулся в пробоину, и вскоре кабина наполнилась космическим холодом. Все вокруг покрылось остроконечными ледяными кристаллами.

Каким-то образом Джимми сумел заделать пробоину и выжать из двигателей все, чтобы побыстрее достичь Земли. Запасов воздуха у него было в обрез, и каждая минута могла оказаться последней.

Другие пилоты в такой ситуации наверняка не выжили бы, но Джимми был асом и знал, что паника и необдуманные действия убивают не хуже метеоритов. Он долетел до Земли и самостоятельно выбрался из кабины. Только лицо у него было совсем белым и губы шептали что-то невразумительное.

Джимми по-прежнему жил при космодроме, ставшем ему домом. Он целыми днями возился с цветами. К кораблям он потерял всякий интерес и безучастно наблюдал, как

они взлетают и садятся. Все относились к нему с большой теплотой, особенно пилоты. Случившееся с Джимми вполне могло произойти с каждым из них.

— Мы все свихнувшиеся и повернутые, — сказал Скотт, — Все. И я не исключение. Поэтому я полечу на Марс один.

— Я тебя не пущу, — решительно возразил ему Александер.

Скотт уперся костяшками пальцев в крышку стола.

— Вы не можете меня остановить. У меня есть официальный приказ. Полечу ли я один или с помощником — никакой разницы. Корабль стартует вовремя, и в момент старта в кабине буду находиться я.

— Но это же глупо, — пытался урезонить его Александер. — Сколько пилотов-одиночек стали жертвами космического помешательства! Подумай о гнетущем чувстве одиночества!

— Подумайте-ка лучше о координатах, — не слишком вежливо оборвал его Скотт. — Задержите старт — и их придется рассчитывать заново. Вот и прикиньте, сколько дней мы потеряем. Но вся работа будет напрасной: пока вы ее делаете, Марс успеет прилично отдалиться от Земли.

Александер развел руками.

— Хорошо. Поступай, как знаешь. Надеюсь, у тебя получится.

Скотт направился к двери, но Александер его окликнул:

— Ты помнишь инструкции?

Скотт кивнул. Все инструкции он знал наизусть. Томительные часы полета до Луны. Посадка. Дозаправка. Старт на Марс в точно установленное время и строго под заданным углом.

— Пойду провожу тебя, — сказал Александер.

Он грузно поднялся из-за стола и надел теплую куртку.

— Пока, большой ребенок! — крикнул вслед Скотту Палмер, — Был рад с тобой познакомиться!

Скотт поежился. Палмер сегодня перебрал и потому был особенно желчным и циничным. Неудивительно: он

провожал многих из тех, чьи имена выбиты на бронзовой доске. Рано или поздно нервы начинают сдавать.

Яркие звезды в темном африканском небе сверкали как драгоценные камни. Над плоской вершиной горы Кения[17] дул холодный ветер. Он свистел между обледенелых скал и пробирал до самых костей. Далеко внизу перемигивались огоньки поселка, который в обиходе называли нижним лагерем. От площадки космодрома до него многие сотни футов по прямой и несколько миль по серпантину горной дороги. Даже не верилось, что гора эта высится почти на самом экваторе.

Дверь одного из служебных помещений была приоткрыта, и оттуда доносился бодрый голос диктора, читающего выпуск новостей:

«А вот сообщение из Нью-Йорка. Остин Гордон — известный исследователь Африки — объявил сегодня, что отправляется в долину реки Конго с целью проверить сообщения о некоем «металлическом городе», обнаруженном в глубине джунглей. По словам местных жителей, якобы видевших этот “город”, он населен странными металлическими жуками».

Дверь закрыли. Скотт вновь остался наедине с ветром. Он достал сигарету и, прикрыв ладонями огонек зажигалки, закурил.

— Среди путешественников тоже попадаются свихнутые, — произнес Скотт, разговаривая сам с собой.

Он представил, как диктор таким же ровным бодрым голосом сообщает об очередном запуске корабля на Марс со Скоттом Никсоном и Джеком Райли на борту. Сообщение об их старте — всего несколько фраз — наверняка прозвучало бы где-нибудь в середине выпуска, уступив первенство более впечатляющим новостям. Это десять лет назад полеты

---

[17] Потухший вулкан (высота горы 5199 м), расположенный в центре одноименного государства на востоке Африки.

на Марс были сенсацией. Сегодня газеты помещают информацию о них где-нибудь на третьей полосе, а выпуски радионовостей зачастую ограничиваются сухой констатацией факта.

Наверное, диктор упомянет и имя Джека Райли. Вряд ли на радио своевременно сообщат, что помощник Скотта лежит сейчас в больнице базы с острым пищевым отравлением. Час назад они виделись. Джек пожал Скотту руку и пожелал удачи.

Джек прав: ему очень нужна удача. Удача и надежда. Все остальное космос уже не раз опрокидывал и перечеркивал.

Скотт шагал к наклонно установленному кораблю. Рядом слышались тяжелые шаги Александера. Некоторое время старик шел молча, потом сказал:

— Кое-что ты уже знаешь. Ты бывал на Луне, и не один раз.

Да, Скотт Никсон слетал на Луну три раза и сумел вернуться целым и невредимым. Таких, как он, называли счастливчиками. Но удача не бывает вечной. В космосе любой пустяк может стоить жизни. Взять, например, топливо. Ученые уже лет десять бьются над созданием его новых видов, но до сих пор не нашли ничего лучше смеси жидкого кислорода с бензином. Пробовали использовать жидкий водород — не подошло: в условиях низких температур жидкий водород оказался довольно тягучим, более опасным в обращении и весьма неэкономичным. Из-за его низкой плотности топливные емкости грозили разрастись до внушительных размеров. С жидким кислородом было проще. Он хорошо поддавался сжатию и вел себя достаточно смирно, пока не соединялся с бензином. А тогда уже малейшее нарушение пропорции — и прощальный фейерверк обеспечен.

Разумеется, конструкторам удалось сделать кое-какие улучшения. Управляться с топливом стало проще и безопаснее. Появились более совершенные и надежные камеры сгорания. И трубопроводы не обмерзали теперь с такой

скоростью, как на первых кораблях, справедливо названных «летающими гробами». Да и сами двигатели стали надежнее, хотя до совершенства было еще далеко.

Помимо топлива и двигателей в космосе хватало и других опасностей. Например, метеориты. Защититься от них невозможно. Ученые говорили о специальных экранах, но те пока существовали лишь в теории. Не менее опасными были и разного рода излучения. Космос буквально кишел ими, а специальная обшивка корабля спасала далеко не от всех. Часть излучений все равно беспрепятственно проникала внутрь.

Открыв корабельный люк, Скотт не поспешил внутрь, а остановился на пороге, вбирая краски и запахи Земли. Правда, на плато космодрома их было не слишком много, а холодный горный ветер вообще не имел запаха. Картина для глаз тоже была довольно скудной: взволнованное лицо Александера, люди из наземной службы, стоявшие поодаль, и перемигивающиеся огоньки внизу.

Мысленно выругав себя за недопустимую для пилота сентиментальность, Скотт закрыл и загерметизировал люк. Потом сел в кресло пилота, отчасти помогавшее переносить стартовые перегрузки, пристегнулся и правой ногой нащупал стартовую педаль. Наступила последняя минута его пребывания на Земле. Поднеся к глазам руку с часами, Скотт следил за неумолимым движением секундной стрелки.

Десять секунд. Восемь. Пять. Стрелка бесстрастно двигалась вверх. С последней секундой Скотт нажал педаль старта... Невзирая на ремни, его отбросило назад и вдавило в мягкую спинку кресла. Легкие сплющились, как будто из них исчез весь воздух. Бешено заколотилось сердце. К горлу подступила тошнота, а перед глазами пополз черный туман. Скотту показалось, что он падает в ночную бездну, и он тихо застонал. Тело обмякло. Из носа потекли две тонкие струйки крови.

Сознание вернулось к нему, когда корабль находился уже далеко от Земли. Какое-то время Скотт лежал неподвижно. Постепенно в голове стало проясняться. Зрение обрело привычную четкость. Перед глазами всплыл пульт управления с перемигивающимися разноцветными лампочками, затем прямоугольник иллюминатора, сделанного из толстого кварцевого стекла. В ушах зазвенела тишина. Особая, мертвая, тишина космического пространства.

Скотт вяло шевельнулся и выпрямился в кресле. Глаза привычно скользнули по показаниям приборов. Подача топлива — в норме. Давление внутри кабины — в норме. Скорость движения — удовлетворительная.

Скотт вновь откинулся на спинку кресла. Не надо понапрасну тратить силы. Ему сейчас некуда спешить. Можно передохнуть. Скотт ощупью стер кровь с подбородка и закрыл глаза.

II

Он, Скотт Никсон, в космосе! Он летит на Луну, а оттуда отправится на Марс. Но даже эта мысль не могла избавить его от последствий стартовых перегрузок, измолотивших тело и вогнавших в равнодушно-сонливое состояние разум.

Старт корабля всегда был пыткой. Суровым, мучительным наказанием. Его могли выдержать только люди с крепким телом и отменным здоровьем. У менее здоровых сердце остановилось бы в первые же секунды после старта.

Когда-нибудь появятся другие, совершенные, корабли. У них будет мягкий старт и такое же мягкое, постепенное преодоление земного тяготения. Резкие рывки и чудовищные перегрузки останутся в прошлом.

Но это произойдет не скоро, очень нескоро. Возможно, на Земле успеет смениться несколько поколений. А пока корабли будут взлетать так же, как корабль Скотта, движимые

опасной и непредсказуемой силой бензиново-кислородной смеси.

Из противоположного конца кабины послышался сдавленный стон, заставивший Скотта подпрыгнуть. Его руки инстинктивно потянулись к ремням. Отстегнув ремни, Скотт напрягся всем телом и стал вслушиваться. Может, ему почудилось? Нет, стон повторился — жалобный человеческий стон.

Скотт вскочил на ноги, пошатываясь от недостаточной гравитации. Корабль двигался по инерции; поступательное движение создавало некоторое подобие гравитации, позволяющее пилоту не летать по кабине. Однако искусственная гравитация лишь отдаленно напоминала земную.

В углу, где стояли ящики (конечно же, они при старте опрокинулись) виднелся непонятный сверток. Внешне его вполне можно было принять за измятый чехол. Но Скотт помнил, что не накрывал ящики никаким чехлом. Сверток шевелился! Вскрикнув, Скотт бросился туда и откинул материю... Под нею, скрючившись, лежал человек. Кровь, шедшая у него из носа и ушей, успела впитаться в плотное теплое одеяло, на котором он лежал. Скотт приподнял тело и едва не вскрикнул снова. Он увидел неподвижное, перепачканное кровью лицо Джимми Болдуина.

Глаза Джимми широко раскрылись, потом опять закрылись. Скотт присел на корточки. Мысли, проносившиеся в его голове, были одна нелепее другой. В это время глаза Джимми вновь распахнулись и уставились на пилота. Рука его сделала что-то вроде приветственного жеста. Губы задвигались, и Скотт услышал слабый голос:

— Привет, Скотт!

— Как ты здесь очутился? — сердито спросил пилот.

— Н-не знаю, — пробормотал Джимми, — Я правда не знаю. Я собирался что-то сделать, но забыл.

Скотт встал, добрался до фляги с водой и смочил носовой платок. Обтерев им окровавленное лицо Джимми, он прощупал тело своего неожиданного спутника. Переломов не

было. Просто чудо, что Джимми не погиб при старте. Очередное везение!

— Скотт, где мы? — спросил Болдуин.

— В космосе. Летим на Марс.

Пусть знает правду.

— В космосе, — повторил Джимми, — Я когда-то тоже летал в космос. Но потом что-то случилось.

Он покачал головой — как человек, которому никак не удается вспомнить что-то важное. Судьба и здесь обошлась с парнем милосердно, стерев все воспоминания о катастрофе.

Скотт кое-как дотащил Джимми до кресла второго пилота, усадил и пристегнул ремнями. Потом заставил выпить воды. Сделав несколько глотков, Джимми откинулся на спинку кресла и задремал. Скотт вернулся в свое кресло и уткнулся в иллюминатор.

Смотреть особенно было не на что: космическое пространство практически везде выглядит одинаково. Пройдет еще немало времени, прежде чем в иллюминаторе появится Луна и с каждым часом начнет расти, заслоняя собой далекие точки звезд.

Скотт отвернулся от иллюминатора и посмотрел на дремлющего Джимми. Определенно тот прошмыгнул на корабль перед самым стартом. Никто не обратил на него внимания; и в поселке, и на космодроме с Джимми обращались как с любимым ребенком и ни в чем его не ограничивали. Джимми Болдуин вовсе не был сумасшедшим. Просто пережитая трагедия лишила его памяти, и потому он смотрел на мир с детским простодушием.

Возможно, когда Джимми забирался в кабину, у него была какая-то причина. Но сейчас он ее начисто позабыл. Сущий младенец в теле взрослого человека!

— Похоже, Джимми, ты поставил еще один рекорд, — сказал Скотт, обращаясь не столько к нему, сколько к самому себе, — Ты стал первым «космическим зайцем».

Конечно, на космодроме хватятся Джимми (если уже не хватились). Сначала решат, что он уехал с кем-нибудь вниз, в поселок. Когда выяснится, что его нет и там, организуют поиски и, разумеется, не найдут никаких следов. Скорее всего, на Земле так и не узнают, куда исчез Джимми.

Скотт представил, как они с Джимми, побывав на Марсе, возвращаются домой, но тут же отогнал эту мысль. Вначале еще нужно добраться до Марса. Шансы, что они оба снова увидят Землю, совсем ничтожны.

За цветами Джимми будет ухаживать кто-то другой. А может, и вообще никто. Он выращивал марсианские лилии, а они уже давно перестали быть диковинкой.

Фактически с марсианских лилий все и началось. Это они пробудили в землянах безумное стремление добраться до красной планеты. Вскоре на космодроме появилась бронзовая доска с именами первых смельчаков, шагнувших на «мост из костей».

Где-то лет двенадцать назад доктор Стивен Александер сообщил: ему удалось из своей обсерватории на горе Кения установить связь с Марсом, используя ультракороткие волны. Процесс этот был длительным и кропотливым. Первые сигналы с Земли посылались в определенной последовательности через определенные промежутки времени. Наконец с красной планеты пришел ответ. Его расшифровка заняла еще несколько месяцев.

«Мы посылаем вам, — передавали марсиане, — Мы посылаем вам...» Снова и снова. Какая-то бессмысленная фраза. Что они посылают? Постепенно Александер понял, что в сообщении явно недостает одного или нескольких слов. Так и есть! Наконец с Марса сообщили: «Мы посылаем вам знак». Какой «знак»? Ведь это слово в равной степени могло подразумевать и нечто осязаемое, и чисто абстрактное понятие.

Весь мир, затаив дыхание, ожидал появления марсианского «знака». И он появился: к Земле двигался марсианский корабль! Марсиане заранее предупредили о нем, и самые мощные телескопы Земли следили за приближением

крошечной светящейся точки. Ослепительной молнией прочертив ночное африканское небо, корабль приземлился в окрестностях горы Кения.

Падая, корабль выбросил контейнер, надежно защищенный от воздействия жары и холода, радиации и ударов. Контейнер вскрыли. Внутри оказались семена каких-то марсианских растений. Их сразу же посеяли, место посева окружили круглосуточной охраной и стали с нетерпением ожидать всходов. Заботы землян были вознаграждены: вскоре они увидели первые марсианские лилии.

Теперь марсианские лилии росли в каждой деревне и густо окаймляли границы фермерских участков. В отсутствие конкурентов и неблагоприятных факторов, существовавших на Марсе, эти растения постепенно заполонили все вокруг и превратились в злостный сорняк, вынудив фермеров срочно искать способы борьбы с ними.

Корни марсианских лилий проникали глубоко в почву. Эти цветы выдерживали любую засуху и росли быстрее земных растений: период их развития длился один-два дня. Семена марсианских лилий прекрасно хранились в любых условиях и быстро давали всходы. Впрочем, чему тут особо удивляться? На скудных пустынных почвах Марса, в суровом климате со значительным перепадом температур могли выжить только такие упорные и неприхотливые растения. Земля для марсианских лилий оказалась настоящим раем с изобилием солнца, воды и воздуха.

А марсиане продолжали отправлять все новые корабли с грузом семян и о каждом из них предупреждали однотипным посланием. Но что еще удивительнее: все марсианские корабли приземлялись в одном и том же месте — там, где опустился самый первый корабль.

Земным ученым оставалось лишь завистливо вздыхать: марсиане были непревзойденными математиками! И не только математиками. Они обладали потрясающими знаниями космической навигации. Все их корабли были автоматическими, и прокладка курса для каждого из них требовала

фантастически точных расчетов! Как много нужно было учесть заранее! Марсианские корабли отправлялись не просто на Землю, а в конкретное место на обширной поверхности планеты. И все они, будто стрелы, пущенные метким стрелком, безошибочно попадали в цель!

Каждый марсианский корабль на Земле ожидали с нетерпением и надеждой: а вдруг в его контейнере окажется что-то иное. Но марсиане с непонятной для людей логикой продолжали слать только семена марсианских лилий.

Джимми беспокойно заерзал, открыл глаза и взглянул в иллюминатор. В его глазах не было ни ужаса, ни удивления, ни сожаления.

— Космос? — спросил он.

Скотт кивнул.

— Мы летим на Луну?

— Сначала на Луну. А оттуда — на Марс.

Джимми умолк. В его лице ничего не изменилось. После катастрофы оно в любой ситуации сохраняло одно и то же выражение.

Скотт надеялся, что неожиданный попутчик не доставит ему особых хлопот. Присутствие Джимми, мягко говоря, не радовало пилота. Так уж устроен человек, что груз дополнительной ответственности ни у кого не вызывает восторга. А в космосе особенно.

Космический полет — опасная работа. С тех пор как был учрежден Международный центр по контактам с Марсом, который возглавил доктор Александер, космос не уставал демонстрировать людям, что им нечего делать в его просторах. Но земляне упорно продолжали отправлять один корабль за другим — и в отличие от марсианских корабли эти не были беспилотными. Даже полет на Луну все еще оставался рискованным делом.

Далеко не все посланцы Земли возвращались домой. Кому-то из них не удавалось добраться до Луны, кого-то смерть поджидала на поверхности земного спутника, но

большинство пилотов она настигала на обратном пути. Не многим удавалось благополучно провести корабль сквозь плотные слои атмосферы и совершить мягкую посадку.

Но с Луны все-таки возвращались. С Марса не вернулся никто. На Земле даже не знали, удалось ли кому-нибудь из пилотов достичь красной планеты. Корабли просто взмывали ввысь и исчезали навсегда. Так пропал и Хьюг Никсон.

Теперь его брат Скотт повторял этот путь. Сначала до Луны, затем — дальше. С Хьюгом летел помощник, способный разделить заботы и скрасить тяготы пути. Со Скоттом путешествовал «космический заяц» — великовозрастный ребенок, с отсутствующим видом сидящий рядом с ним.

Половина расстояния до Марса пройдена, а корабль по-прежнему цел и исправен. Движимый силой инерции после старта с Луны, он идет строго по курсу, не выбиваясь из расчетного времени.

Половина расстояния до Марса пройдена, а они все еще живы! Но радоваться пока рано. Быть может, другие пилоты тоже преодолевали половину расстояния, а потом... А потом что-то происходило.

Картина в иллюминаторе не менялась: бесконечный черный бархат, усыпанный блестками перемигивающихся звезд.

Дни Скотта были заполнены наблюдением и ожиданием. Впереди его ждало ровно столько же дней, полных наблюдения и ожидания.

Когда ты в космосе, то постоянно находишься настороже, даже во время сна. Снаружи — дикий холод, а потому ты невольно ждешь, что вот-вот на панели мигнет предупреждающий сигнал: неполадки с топливными баками. Или где-то что-то случится с проводкой.

Ты вслушиваешься в звенящую тишину — не чиркнет ли по стальной обшивке маленький камешек, пересекшийся с твоим кораблем. На Земле ты бы и внимания на него не

обратил, а в космосе этот звук может стать предвестником большой беды.

Ты все время чего-то ждешь, потому что твой корабль... даже не камешек, а пылинка в бескрайних просторах. Была она — и сгинула бесследно.

Нескончаемые часы наблюдения и ожидания, перемежаемые короткими паузами сна прямо в кресле и торопливым проглатыванием консервированной пищи. Скотт не знал, что лучше: лететь одному в полной тишине или слушать, как бубнит Джимми Болдуин: как, мол, там поживают его марсианские лилии и что, интересно, сейчас поделывают ребята на космодроме.

Усилием воли Скотт Никсон отключался от этой болтовни, и тогда мозг начинала сверлить одна и та же мысль, давно не дававшая покоя. Он никак не мог понять, почему марсиане много лет подряд посылали на Землю короткое предостережение: «Нет. Нет. Не прилетайте сюда. Опасно». Только эти слова — и ни малейшего объяснения, в чем именно состоит опасность. Никаких предложений, как избежать ее или исправить положение. Марсиане знали о попытках землян достичь их планеты, но ни разу не предложили свою помощь.

Получалось, что марсиане просто не хотели видеть землян у себя. Они как будто пытались отговорить своих ближайших соседей от любых путешествий на Марс... Такая мысль тоже часто приходила Скотту в голову, но он упорно гнал ее прочь. Этого не может быть. Если бы марсиане не хотели сотрудничать, они вообще не пошли бы на контакт. Но ведь они же помогали землянам разрабатывать код общения, позволяющий передавать слова и мысли через межпланетное пространство.

Выводы, к которым приходил Скотт, были неутешительными: в общении с Землей марсиане навязывали людям свои правила игры. Если бы они хотели помочь землянам, то давно сделали бы это. Их корабли с завидной легкостью

преодолевали миллионы миль и не нуждались ни в какой дозаправке на Луне.

И все-таки почему каждый марсианский корабль прибывал с одним и тем же видом груза — семенами марсианских лилий? Может, в лилиях скрывался особый, непонятный землянам смысл? Скрытое, до сих пор не расшифрованное послание? И марсиане упорно повторяли его, надеясь, что соседи в конце концов догадаются.

Другой, не менее важный, вопрос: а почему марсиане не прилетали на Землю сами? Если у них есть беспилотные корабли, тогда непременно должны быть и пилотируемые.

Земные ученые и инженеры внимательно исследовали каждый прибывавший с Марса корабль, надеясь выведать и перенять какие-либо технические секреты. Безрезультатно. Землянам не удалось взять на пробу ни одной капли топлива. Похоже, марсиане точно знали, сколько топлива требуется на полет до Земли. В конструкции самого корабля земляне не обнаружили ничего принципиально нового, за исключением металла. Марсиане умели выплавлять особо прочную сталь, значительно превосходящую лучшие марки земной.

Десять лет подряд земляне пытались пересечь «мост из костей» и достичь Марса. Корабли на красную планету всегда стартовали с космодрома на вершине горы Кения: высота горы и ее местоположение давали определенные преимущества.

Желая отвлечься от невеселых мыслей, Скотт начал последовательно вспоминать все стации своего полета. Старт с Земли. Посадка на поверхности абсолютно сухого и унылого лунного Моря Спокойствия. Дозаправка горючим из специально оборудованных хранилищ. Затем он сел в кабину гусеничного тягача и затащил свой корабль на поворотную раму. Задал нужный угол наклона и точно в назначенное время стартовал в направлении Марса.

Луна была необходимой промежуточной ступенькой в этом путешествии. С полным запасом горючего корабль

попросту не смог бы вырваться за пределы земного притяжения. Низкая лунная гравитация и отсутствие атмосферы во многом облегчали задачу.

Теперь они с Джимми летят на Марс. Если они туда доберутся и благополучно сядут, у них будет пара дней, чтобы погулять по красной планете, прежде чем отправиться обратно — домой. Это теоретически. А на практике... Возможно, они с Джимми Болдуином так и не увидят Марс, и число упрямцев, пытавшихся туда добраться, возрастет еще на два человека.

III

Красноватая марсианская равнина тянулась далеко. До черной полоски горизонта. И на всем этом громадном пространстве не было ни городов, ни поселков, ни вообще каких-либо строений. Только оно: гигантское здание высотой в несколько сотен футов. Здание со слегка закругленной крышей, без единого окна и двери.

Да, только это здание и ничего больше. Никаких иных признаков марсианского жилья. И никаких указаний на присутствие разумной жизни.

Вокруг здания росли марсианские лилии. Все ржавокрасное пространство было усыпано ярко-красными цветами. Земля и впрямь оказалась для них раем. На родине марсианские лилии представляли собой довольно жалкое зрелище: мелкие, низкорослые, со скрюченными стеблями.

Скотт медленно направился к зданию. Под его ботинками заскрипел марсианский песок.

Вот он и на Марсе! На северном полюсе планеты... И только здесь ему удалось обнаружить хоть какой-то знак, что планета обитаема. Едва корабль сбросил скорость, Скотт постарался как можно внимательнее рассмотреть в телескоп ее поверхность. Тогда он и заметил это здание.

Оно было построено из металла. Возможно, из такой же стали, что и марсианские корабли. Стены здания блестели даже под тусклым солнцем.

— Букашки, — сказал Джимми, тронув Скотта за локоть.

— Какие еще букашки? — не понял Скотт.

— Летающие. Вон их сколько кружится в воздухе.

Скотт присмотрелся и заметил вокруг здания и над ним странное скопище ярких движущихся точек. Они парили над зданием и вокруг него.

— Наверное, пчелы, — высказал свою догадку Джимми.

Скотт покачал головой. Нет, это не пчелы. Судя по странному металлическому блеску, «букашки» были скорее механизмами, а не биологической формой жизни.

— Но где же тогда марсиане? — тоном разочарованного ребенка спросил Джимми.

— Этого я пока не знаю, — пожал плечами Скотт.

Он не раз мысленно представлял себе толпу ликующих марсиан, которая соберется, чтобы встретить первых посланцев Земли, достигших их планеты. Но марсиан не было — ни толпы, ни даже маленькой кучки. Только эти странные блестящие «букашки» и лилии, покачивающиеся на слабом прохладном ветру.

Замерший, беззвучный мир. Так бывает на Земле жарким летним полднем, когда все вокруг словно застывает. Правда, там нет таких красных пустынь и сверкающих металлических строений.

Скотт сделал еще несколько шагов и вновь услышал недовольный скрип песка под ногами. Он медленно приближался к зданию, напряженно ожидая проявления хоть какой-то реакции со стороны хозяев. Неужели обитатели здания не заметили его и Джимми? Похоже, им не было дела до землян. В воздухе все так же кружили «букашки», и лилии сонно кивали головками.

И больше ни единого признака жизни.

Скотт посмотрел на термометр своего скафандра: стрелка показывала плюс десять по Цельсию. Не так уж и

холодно. Ему очень хотелось снять скафандр, однако марсианский воздух был слишком разряженным и не годился для человеческих легких.

Здание отбрасывало длинную густую тень. И в этой тени что-то белело. Скотт присмотрелся... Крест! Белый могильный крест, воткнутый в красноватый марсианский песок.

Скотт с криком бросился туда. Примитивный крест был составлен из двух кусков каких-то трубок. На горизонтальной виднелись коряво вырезанные ножом слова:

«ГАРРИ ДЕКЕР».

Гарри Декер! В голове у Скотта лихорадочно замелькали мысли... Гарри Декер здесь, на Марсе, погребенный под красными песками! Пятьдесят пятое по счету имя, выбитое на бронзовой доске, сразу после имени Хьюга Никсона.

Пошатываясь, Скотт встал с колен.

Он не успел даже задуматься над увиденным, когда откуда-то донесся крик. Скотт побежал в том направлении, обогнул угол здания и изумленно застыл.

Невдалеке виднелся заржавленный космический корабль, а навстречу Скотту бежал человек в скафандре и что-то кричал. На плече у него болтался рюкзак, подпрыгивавший в такт, бегу.

— Хьюг! — что есть мочи завопил Скотт.

— Скотт, чертяка! — послышалось в ответ. — Я знал, что ты прилетишь! Я услышал шум корабля и сразу понял: это ты!

— Сейчас здесь вполне сносная погода, — пояснил Хьюг, когда они вдоволь наобнимались и нахлопали друг друга по плечам. — Но ты бы знал, каково тут зимовать! Наша арктическая пурга — просто легкий ветерок. Солнце скрывается почти на десять месяцев, морозы достигают ста градусов. Все в толстом слое инея. Приходится сидеть в корабле и носа не высовывать.

Хьюг ткнул пальцем в рюкзак.

— Я готовился к следующей зиме. Делал запасы, как белка. Земные продукты кончились еще весной. Пришлось искать местное пропитание. Я нашел несколько видов съедобных луковиц, корешков и еще ягоды. Все лето только и делал, что пополнял запасы.

— А как же марсиане? — удивился Скотт. — Почему они не помогли тебе?

Брат с явным недоумением посмотрел на него.

— Марсиане?

— Да. Почему тебя это удивляет?

— Понимаешь, Скотт, мне до сих пор не встретился ни один марсианин.

Теперь уже Скотт недоуменно уставился на брата.

— Хьюг, не надо меня разыгрывать.

— Знаешь, мне здесь уже давно не до розыгрышей.

— Постой, ты утверждаешь, что так и не узнал, где находятся марсиане и как они выглядят?

Хьюг кивнул.

— Да. Говорю тебе без всяких шуток. Я ухлопал немало времени, пытаясь разыскать марсиан. Придумывал разные хитроумные способы, как вступить в контакт с теми, кто посылал нам радиосообщения и корабли с семенами. Никаких результатов. В конце концов я оставил эту затею.

— А что ты скажешь про этих... букашек? Или правильнее называть их жуками?

Хьюг усмехнулся и покачал головой.

— Называй их как хочешь. Поначалу я решил, что они и есть марсиане. Мне удалось поймать пару штук. Притащил их на корабль, рассмотрел, как следует. Это машины. Я далеко не все понял в их устройстве, но узнал, что они работают на крошечных атомных батарейках.

Глядя в ошеломленные глаза брата, Хьюг продолжал:

— Я тут чуть не свихнулся. Представляешь: над головой летают эти жуки, вокруг — сплошные марсианские лилии, среди них высится стальной домина — и больше ничего. Я часами ходил вокруг него, пытаясь проникнуть внутрь.

Глухо. Ни окон, ни дверей. Только маленькие отверстия, через которые влетают и вылетают жуки.

Я ничего не понимал. Здесь земная логика вообще не годится. Все, что я видел, с точки зрения человеческого разума казалось полной бессмыслицей. Точнее, почти все. С другой стороны здания есть пусковая площадка. Оттуда отправляются корабли на Землю. Я наблюдал это собственными глазами.

— С чего же ты тогда застрял на Марсе? — спросил Скотт, — Почему не вернулся? И что с твоим кораблем?

— Мы лишились горючего.

Скотт понимающе кивнул.

— Чудо, что метеорит не разнес вам весь корабль.

— Не угадал. Не было никакого метеорита. Просто Гарри открыл заглушки и вылил все топливо в марсианский песок.

— Да он что, спятил?! — удивленно воскликнул Скотт.

— Бесповоротно, — ответил Хьюг. — Космическое помешательство. Это началось еще на корабле. Мне было жалко парня. Я, как мог, пытался вразумить его. Где там! Космос его доконал. Гарри превратился в испуганное животное. Он боялся всего, особенно теней. Последнее время он и вел себя как затравленный зверек. Я даже обрадовался, когда он умер.

— Насколько мне известно, космическое помешательство обостряет желание вернуться на Землю, — не переставал удивляться Скотт.

— Я уверен: марсиане превратили Гарри в свое послушное орудие, — пояснил Хьюг, — Кем бы они ни были, их уровень развития превосходит наш. Им ничего не стоило установить контроль над поврежденным человеческим разумом. Управлять психически здоровым человеком им, скорее всего, не по силам, а землянин с расстроенной нервной системой оказался для них легкой добычей. Они смогли внушить ему нужные мысли и подчинить своей воле — заставить сделать то, что им требовалось. Я уверен, Скотт: сам Гарри никогда бы на такое не пошел. Это все марсиане.

Хьюг прислонился к помятому корпусу своего корабля и посмотрел на массивное стальное здание.

— Когда я подбежал, Гарри уже опорожнил последний бак. Я был вне себя и отделал парня так, что и сейчас стыдно вспомнить.

— А от чего он умер? — спросил Скотт.

— Через несколько дней после моей трепки он вдруг выскочил наружу без скафандра. Я бросился следом. Пока ловил его, пока тащил обратно, прошло не меньше получаса. Гарри схватил пневмонию. Здесь нужно быть осторожным. Марсианская атмосфера губительна для человеческих легких.

— Но воздух вполне пригоден для дыхания, только разряжен, — возразил Скотт. — Я проверял по приборам.

— Да, вполне пригоден. Несколько часов ты им сможешь дышать. Но это будут твои последние часы.

— Ну, теперь-то все твои испытания позади, — с улыбкой сказал брату Скотт. — Мы развернем мой корабль под нужным углом и полетим на Землю. Если мы смогли добраться сюда, сможем и вернуться назад. Ты будешь первым человеком, ступившим на Марс.

Хьюг тоже улыбнулся

— А ведь это не пустяк. Правда, Скотт? Только вот, если задуматься, много ли я сделал? Долетел до Марса, опустился на его поверхность. И все. Я так и не встретился с марсианами, хотя уверен, что они где-то рядом. Даже если их разум существенно отличается от земного, мы все же нашли бы общий язык. Обязательно. Знаешь, мне до сих пор не дает покоя мысль: почему марсиане не захотели пойти со мной на контакт?

— Давай поговорим об этом чуть позже, — предложил Скотт, — Сначала я намерен напоить тебя кофе. Уверен, ты уже несколько недель не брал его в рот.

— Недель? Ошибаешься, братец. В последний раз я пил кофе десять месяцев назад.

— Тем более. Разыщем Джимми и вернемся на наш корабль. Малыш наверняка где-то поблизости. Рад, что снова увидел свои любимые лилии. Парень он тихий, но лучше не оставлять его без присмотра.

Дрему красной пустыни нарушил оглушительный хлопок, который немедленно повторило марсианское эхо. В небо над стальным зданием взвился столб ярко-красного пламени, после чего сразу же хлынул дождь из металлических осколков. Их падение сопровождалось изобилием звуков: от низких, едва воспринимаемых ухом, до душераздирающего визга.

Похолодев от ужаса, Скотт завернул за угол здания. Он уже знал, что его там ожидает, и очень боялся увидеть эту жуткую картину.

На месте их корабля чернела глубокая воронка. А сам корабль мириадами осколков разлетелся на многие мили вокруг. Из воронки поднимались клубы дыма.

Скотт сразу понял, что произошло: жидкий кислород соединился с бензином. В камере сгорания корабля эта смесь работала во благо, но в любом другом месте представляла смертельную опасность. Достаточно легкого сотрясения, брошенного камешка, даже дуновения ветерка — и взрыва не избежать.

На полпути между воронкой и местом, где он стоял, Скотт заметил фигуру в почерневшем, рваном скафандре. Опустив голову, человек брел на негнущихся ногах сам не зная куда. По его лицу текла кровь.

— Джимми! — закричал Скотт.

Он бросился к раненому, но не успел подхватить, и Джимми рухнул на песок.

Скотт опустился на колени и приподнял голову Джимми.

Полуживые глаза широко раскрылись. Губы зашевелились. Каждое слово давалось Джимми с большим трудом.

— Прости меня... Скотт. Я не знаю... почему...

Глаза закрылись, затем снова открылись, и окровавленные губы прошептали:

— Не понимаю... зачем я... это сделал.

Скотт поднял голову и увидел стоящего рядом с собою брата. Хьюг сочувственно кивнул.

— Это снова марсиане, Скотт. Скорее всего, они нашли доступ к разуму Джимми и подчинили его своей воле. Ты же знаешь, у него было не все в порядке с мозгами.

Скотт не ответил. Голова Джимми запрокинулась, глаза подернулись пеленой. Кровь продолжала капать на песок.

— Хьюг, он умер, — прошептал Скотт.

Хьюг повернулся и нашел глазами крест, белевший в тени стального здания.

— Пойдем, сделаем крест для Джимми, — сказал он брату.

IV

Марсиане не хотели, чтобы они сюда прилетали. Теперь сомневаться в этом не приходилось. Однако люди оказались упрямее, и тогда марсиане сделали все, чтобы помешать им вернуться на Землю и сообщить, что Марс вполне досягаем. Но почему обитатели красной планеты так рьяно защищали ее от ближайших соседей?

Возможно, марсиане подобно жителям некоторых стран на Земле стремились наглухо отгородиться от внешнего мира. Но тогда непонятно, зачем они вообще отвечали на запросы с Земли и сотрудничали с доктором Александером, разрабатывая код взаимного общения? С какой целью они продолжали отправлять на Землю свои странные послания и корабли с семенами марсианских лилий? Ведь было бы куда проще объявить о прекращении контактов. Или марсиане нуждались в общении с Землей, но только по своим, ими установленным правилам?

Если пока нет ответов, нужно хотя бы выстроить последовательную цепь вопросов. Предположим, земляне пренебрегли марсианскими запретами и высадились на красную планету. Почему бы тогда не уничтожить земные корабли силой оружия? С марсианской техникой это можно было сделать еще в воздухе или при подлете к Марсу. Зачем превращать землян в своих пособников и уничтожать корабли их руками? И почему, погубив Гарри Декера и Джимми Болдуина, ставили в живых Скотта и Хьюга Никсонов?

Возможно, марсиане чужды мстительности и устраняют лишь непосредственную опасность — ведь без кораблей два оставшихся землянина не представляют для них никакой угрозы. Вполне вероятно также, что у хозяев Марса вообще нет оружия. Если допустить, что им не приходилось бороться за выживание, то не было нужды и в том, чтобы вооружаться

Вопросы, вопросы... Но главными среди них по-прежнему оставались два: кто такие марсиане и где их искать? В стальном здании? В городах, скрытых под песками пустыни? Или в других частях Марса? А может, марсиане вообще невидимки?

Сплошные «возможно», «вероятно», «предположительно». Нескончаемые рассуждения, догадки и попытки постичь с помощью земной логики логику инопланетной цивилизации. А ответов по-прежнему нет. Нет даже малейшей зацепки. И все так же блестит в лучах незаходящего солнца стальное здание, все так же кружат в воздухе металлические жуки, и мерно кивают головками марсианские лилии, откликаясь на дуновение прохладного ветра.

Скотт Никсон достиг кромки плато и снял рюкзак с кореньями. Пока Хьюг поднимается, можно передохнуть.

В четырех милях от плато, на пустынной равнине, высилось стальное марсианское здание. Неподалеку от него виднелся проржавевший земной корабль. Марсианская атмосфера содержит достаточно большой процент озона. Земная

сталь в таких условиях долго не выдержит. Через пару-другую лет разрушение завершится и корабль просто развалится на куски. Впрочем, к тому времени им с Хьюгом он уже не понадобится. Либо с Земли сюда прилетит еще один корабль, либо их уже не будет в живых.

Скотт мрачно усмехнулся. Не слишком-то радужный взгляд на вещи, но единственно правильный. На Марсе следует быть реалистом. Нужно все тщательно планировать, предусматривая любую мелочь; — только так можно надеяться выжить. Запасы пищи на исходе. Даже если и удастся до наступления зимы насобирать приличное количество кореньев, луковиц и ягод, нет никакой гарантии, что их хватит до следующего лета.

Как бы то ни было, остается надежда. Неистребимая надежда на то, что следующим летом на Марс опять прилетит земной корабль. Уж теперь-то они с Хьюгом постараются не допустить его уничтожения.

Хьюг сбросил рюкзак и, сев рядом с братом, кивнул в сторону стального здания.

— Что ни говори, а я уверен: именно там находится нервный центр марсиан. Вот если бы нам удалось туда проникнуть...

Хьюг умолк. Такой разговор происходил у них не в первый раз.

— Но это невозможно, — напомнил ему Скотт. — Мы с тобой только что не на коленях ползали вокруг этого домика. Все напрасно. Дверей в нашем понимании там нет. И вообще никаких отверстий, кроме дырок для жуков.

— Где-то есть дверь, — не сдавался Хьюг, — Потайная. Когда жуки запускают корабль на Землю, они открывают эту дверь, чтобы выкатить вспомогательные механизмы. Я сам это видел. Внешне механизмы совсем простые, но работают с такой дьявольской ловкостью, что невольно поверишь в их разумность. Я пытался подсмотреть, откуда они появляются, но без толку. Жуки дожидались, пока меня поблизости

не будет, и только тогда вытаскивали их или убирали внутрь здания.

Он усмехнулся и мозолистой рукой поскреб бороду.

— Что ни говори, а стартовая площадка спасла мне жизнь. Если бы не кабель, идущий к ней от здания, я бы давно уже загнулся. Благодаря ему у меня оказалось вдосталь электроэнергии, которая ничем не отличается от земной. Я тихонечко подключился. Жуки даже не заметили. Зато в корабле светло, тепло, есть вода и воздух.

Скотт растянулся на камнях, подложив под голову рюкзак.

— Этот дом сведет нас с ума, — удрученно признался он, — Когда начинаешь думать, что несколько жалких футов отделяют нас от разгадки марсианской тайны... Внутри мы наверняка нашли бы немало полезных вещей. Машины, инструменты...

— Может, нашли бы, а может, и нет, — пробормотал Хьюг. — Представь, что мы не сумели бы понять принцип их действия. Если марсианское мышление и логика отличаются от земных, то и техника у них совсем другая.

— Не согласен, — возразил Скотт, — Взять ту же стартовую площадку. У нее такой же принцип действия, как и у наших.

Внутри здания обязательно должна быть радиоустановка. И телескоп. Мы вполне разобрались бы, как пользоваться марсианским передатчиком. Возможно, даже сумели бы отправить доку Александеру послание.

— Угу, — согласился брат. — Я тоже об этом думал. Но дело упирается все в ту же закавыку: мы не знаем, как проникнуть в здание.

— Эти жуки уже сидят у меня в печенках, — пожаловался Скотт, — Постоянно крутятся над зданием. И вроде бы по горло заняты. Только чем?

— Жуки — обыкновенные слуги, — отозвался Хьюг, — Выполняют приказы марсиан. Глаза и руки своих хозяев.

Он буравил песок носком тяжелого ботинка.

— Перед тем как мы с тобой отправились сюда, здание покинул целый рой жуков, — сказал Хьюг, — Ты был внутри корабля, а я видел, как они взмыли в небо, поднялись высоко-высоко и исчезли. Такое ощущение, что они отправились прямо в космос.

Хьюг сердито ковырнул песок.

— Дорого бы я дал, чтобы узнать, куда они полетели.

— Недавно и я видел такой же рой, — сказал Скотт, — Как пчелы в улье. Выводятся и улетают. Куда? Может, строить где-нибудь новые стальные здания?..

Скотт замолчал. Взгляд его рассеянно скользил по пустыне. Строить новые стальные здания... Новые стальные здания?!

Его обдало ледяным холодом, как будто он снова стоял на высокогорном африканском космодроме, считая минуты до старта. Что было потом? Кто-то приоткрыл дверь, и он услышал обрывок выпуска новостей. Скотт вспомнил бодрый голос диктора и странное сообщение:

«... Остин Гордон... долина реки Конго... “металлический город”... населен странными металлическими жуками...»

Пришедшие на память слова заставили его взмокнуть с головы до пят. Скотт задрожал, но не от холода: он нашел разгадку, над которой они с Хьюгом безуспешно бились много дней!

— Хьюг! — хрипло выкрикнул он, — Послушай, Хьюг, я все понял! Я разгадал секрет их цивилизации!

Брат бросил на него тревожный взгляд.

— Успокойся, малыш. Не позволяй им сбивать тебя с катушек. Ты же не один. Я рядом, и все у нас будет хорошо.

— Да я не спятил! — нетерпеливо воскликнул Скотт. — Я действительно нашел разгадку... Да не смотри ты на меня так! Лилии и есть марсиане! А жуки улетели прямо на Землю. Ведь они же машины — им не нужны никакие

корабли и скафандры. Жуки отправились на Землю, потому что тамошним марсианским лилиям нужны слуги.

Скотт вскочил на ноги.

— Жуки строят целый город в долине реки Конго! — возбужденно продолжал он, — Я слышал об этом в выпуске новостей, перед самым отлетом. Одному богу известно, сколько таких городов они уже успели построить на нашей планете. Марсиане завоевывают Землю! Вот уже десять лет они беспрепятственно обустраиваются на нашей планете, а люди об этом даже не подозревают!

— Остуди голову! — хмуро бросил ему Хьюг. — Как цветы могут строить города?

— Цветы не могут, — раздосадованный непониманием брата, прошептал Скотт, — Зато металлические жуки могут. Мы на Земле ломали головы: почему это марсиане присылают семена каких-то цветочков и не прилетают к нам сами. А они давно уже тут как тут! Корабли, груженные семенами, — никакой не «знак». Нечего нас дурачить! Это все новые и новые партии колонистов, прибывающие на Землю.

— Постой, Скотт. Давай помедленнее, — взмолился Хьюг, — Если лилии и есть марсиане, которые хотят завоевать Землю, то почему они стали посылать семена лишь двенадцать лет назад? Что им мешало начать гораздо раньше?

— Раньше это не имело бы смысла. Им нужны были люди, чтобы вскрывать контейнеры и сажать семена. И марсиане ждали момента, когда смогут делать это нашими руками. Они вовлекли землян в свою игру. Понимаешь, они могли бы начать отправку кораблей и гораздо раньше, но сознание человечества не было готово принять идею межпланетных контактов. Инопланетные корабли объявили бы «порождением дьявола», а семена, скорее всего, сожгли бы. Посылать корабли в пустынные места и ждать, когда контейнер проржавеет и семена сами упадут на землю, неэффективно. К тому же такой способ потребовал бы слишком много времени — семена могли погибнуть и не дать всходов.

Хьюг недоверчиво качал головой.

— Нет, это просто невозможно. Чтобы растения обладали разумом... чтобы цветы владели целой планетой... Я готов принять почти любую теорию, но только не эту.

— Ты считаешь, что развитие жизни на Марсе должно было происходить по земной модели. Но почему? На Земле фауна в процессе эволюции вырвалась вперед и подавила флору. А теперь представь, что на Марсе нет и никогда не было животных, и растения беспрепятственно развивались: от низших форм — к высшим, от высших — к разумным.

— Но марсианские лилии живут всего лишь один сезон... десять месяцев... — упорствовал Хьюг, — Потом они погибают и на следующий год снова вырастают из семян. Можно ли наследовать разум? Ведь каждому поколению лилий приходится все начинать заново.

— Совсем не обязательно, — возразил Скотт, — Смотри. Животные рождаются с унаследованными инстинктами. А что такое инстинкт, как не разум определенного уровня, переданный по наследству? У людей бывают странные проявления расовой памяти. Так почему же растения не могут передавать разум и опыт своим семенам? Каждое новое поколение оказывается на ступеньку выше предыдущего. И семя вместе с биологическими качествами несет в себе разум и накопленные знания. В таком случае новое поколение, пользуясь опытом предшественников, расширяет и совершенствует его, чтобы передать потомкам.

Хьюг рассеянно ковырял красный марсианский песок.

— Такой путь развития имеет свои преимущества, — согласился он. — Быть может, он даже логичен для выживания на такой планете, как Марс. Кто знает, возможно, на заре марсианской цивилизации их лучшие умы сознательно направили эволюцию в сторону растительных форм. Они понимали, что в условиях Марса это единственный шанс выжить.

— Конечно, общество разумных растений весьма необычно, — подхватил Скотт, — Некая разновидность тоталитарного общества. Животные не способны построить такое.

Животное по природе своей индивидуально, а растение — нет. В растительном мире индивидуальное сознание — пустой звук; оно не имеет никакой ценности, а коллективное — основа выживания. Движущей силой такого общества служит стремление к сохранению вида и его распространению.

Хьюг резко вскинул голову.

— Черт побери, ты совершенно прав! Сохранение и распространение вида — только это и имеет смысл. Страшное общество. Однажды возникнув, оно никогда не отступит от своих целей.

Загорелое лицо Хьюга побледнело.

— Ты понимаешь, что наделали земляне? Миллионы лет эти чертовы лилии боролись за выживание в суровых марсианских условиях. Все усилия были направлены на сохранение вида. Мы не знаем, как давно существуют это здание и металлические жуки. Может, тоже миллионы лет. Каждую осень жуки тщательно собирали все семена, уносили их внутрь здания, чтобы весной вновь посеять. Не будь такого порядка, от лилий давным-давно ничего не осталось бы, кроме отдельных жалких цветков.

— Зато на Земле... — произнес Скотт.

Теперь уже оба брата побледнели и переглянулись. Они поняли друг друга без слов. На Земле марсианским лилиям не было нужды вести изнуряющую борьбу за выживание. Воды — сколько угодно, тепла — тоже, вместо красного песка — богатые плодородные почвы. Лилии, выраставшие на Земле, были крупнее, выше и сильнее своих марсианских предшественниц. В таких условиях их могущество становилось почти безграничным.

Лилии исправно размножались круглый год. Они росли в каждом саду, возле дорог, забивали фермерские поля, заполоняли собой берега ручьев и речек. Их встречали даже в лесных чащах. Тем временем на Землю рой за роем исправно прибывали металлические жуки — верные слуги и помощники лилий. В глухих уголках планеты появлялись «металлические города».

Чем это может кончиться? Сколько еще марсианские лилии будут выжидать? И какие формы примет их наступление, когда оно начнется? Заполонят ли они собой все пространство, подавив земные растения? Или поступят по-другому, начав подчинять своему господству разум животных, а потом и людей? А может, у них есть еще и другие, более мощные виды оружия?

— Хьюг, — нарушил молчание Скотт, — мы должны предупредить, предостеречь землян.

— Да. Только как?

Братья стояли, вглядываясь в громаду стального здания. Около него копошились какие-то странные фигурки.

Прищурившись, чтобы солнце не било в глаза, Скотт попытался их рассмотреть.

— А это еще кто? — спросил он.

Вопрос брата вывел Хьюга из задумчивости.

— Машины, о которых я тебе говорил. Готовятся отправить очередной корабль на Землю. Последний в этом сезоне. Земля снова отдаляется от Марса.

— Опять семена, — сказал Скотт.

Хьюг кивнул.

— Да, семена. И новые полчища металлических жуков. И хуже всего, что на Земле даже не догадываются о грозящей опасности. Попробуй заговорить с кем-нибудь о цивилизации разумных растений — тебя либо высмеют, либо объявят сумасшедшим. Человеческий разум не желает допускать подобные мысли. Раз земные растения не обладают разумом, значит, это невозможно.

— Мы должны срочно отправить на Землю послание, — решительно заявил Скотт, — Над нашими словами там смеяться не будут. Нужно по всей планете вырывать марсианские лилии с корнем и уничтожать их семена. А что касается...

Скотт умолк на полуслове, глядя туда, где двигались марсианские машины.

— Корабль, — прошептал он. — Надо успеть!

— Что ты задумал? — настороженно спросил Хьюг.

— Можно попытаться отправить наше послание с этим кораблем! Ты знаешь, как на Земле ждут посланий с Марса. Александер, да и другие тоже до сих пор надеются: вдруг вместе с семенами придет что-то еще. Хьюг, это наша единственная возможность передать предостережение на Землю.

— Даже не думай! — замахал руками Хьюг, — Машины и близко не подпустят нас к стартовой площадке. Я однажды попытался. Так они накинулись на меня. Покалечить не покалечили, но оттеснили и весьма красноречиво дали понять: сунешься снова — будет плохо.

— Но у нас есть оружие, — сказал Скотт.

— Не забывай, это машины, а не живые существа, — напомнил ему Хьюг. — Пули от них отскакивают. Даже разрывные пули бессильны.

— Тогда попробуем тяжелые молотки, — предложил Скотт, — Вот и проверим, насколько у них прочный корпус. На корабле наверняка найдется пара таких молотков.

Хьюг понимающе посмотрел на брата.

— Отлично, малыш. Не будем терять время. Пошли!

V

Машины не обратили на них никакого внимания. Диковинные механизмы высотой в половину человеческого роста напоминали пауков. Помимо двигавшихся на шарнирах рук и ног у пауков имелись стальные щупальца, похожие на серебристых змей.

Сверху над машинами висел плотный рой стальных жуков. Вне всякого сомнения, именно они управляли подготовкой корабля к запуску.

— Когда все будет готово, в нашем распоряжении останется не больше трех минут, — сказал брату Хьюг, — За это

время нужно успеть поместить наше послание в контейнер. И еще: до самого старта придется как-то сдерживать эту ораву, не подпуская ее к кораблю. Эти твари быстро заподозрят неладное и попытаются оттеснить нас от площадки. Но если мы сумеем продержаться...

— Должно быть, марсиане уже сообщили на Землю об отправке, — перебил его Скотт. — Помнишь, мы всегда узнавали об этом за несколько дней? Может, теперь они не называют место приземления, но док в любом случае будет ждать корабль.

Сжимая в руках тяжелые молотки, братья застыли в напряженном молчании.

Все пространство вокруг стартовой площадки было заполнено стальными пауками, но в их действиях отсутствовал даже намек на хаос. Каждый знал свою работу и выполнял ее с поразительным умением и быстротой. Заканчивались последние приготовления, проверялись все настройки. Рой стальных жуков, неусыпно наблюдающих за происходящим вокруг корабля, вырос до размеров облака.

— Пора начинать, — негромко произнес Хьюг.

Скотт молча кивнул.

— Учти, малыш, тебе придется сдерживать натиск этих тварей, — еще раз напомнил ему брат, — Правильно рассчитай силы. У контейнера две крышки: наружная и внутренняя. Мне нужно будет отвинтить их, вложить послание и завинтить снова. Просто оставить послание на корабле нельзя. Оно сгорит, как только корабль войдет в плотные слои земной атмосферы.

— Действуй, Хьюг. У тебя получится, — стараясь, чтобы голос его звучал бодро, откликнулся Скотт. — Я не подпущу эту мерзость к тебе.

Стальные пауки как по команде откатились от площадки, и вокруг нее образовалось несколько ярдов пустого пространства.

— Вперед! — крикнул Хьюг.

Оба метнулись к пусковой площадке.

Их нападение было полной неожиданностью для марсианских машин. Один из пауков загородил было братьям дорогу, но Скотт ударом своего молотка сплющил ему корпус. Паук, лихорадочно перебирая щупальцами, повалился на песок.

В считанные секунды Хьюг успел вскарабкаться по лестнице и оказался возле корабля.

На Скотта, зловеще размахивая щупальцами, двинулся другой паук. Скотт пригнулся. Щупальце просвистело у него над головой. Тогда землянин выпрямился и, как и в первый раз, ударил молотком по корпусу. Ошеломленный паук (если этим механическим тварям было знакомо подобное чувство) зашатался, попятился назад и упал.

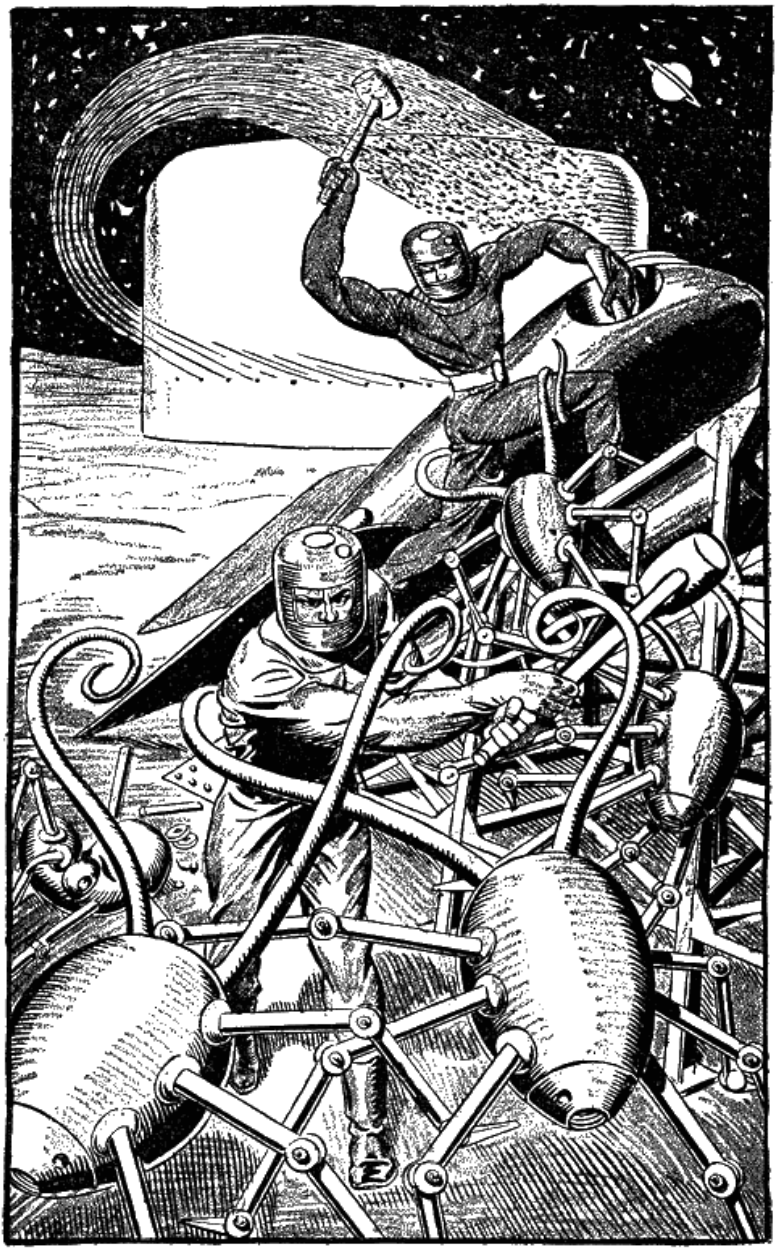
В несколько прыжков Скотт оказался у основания лестницы, по которой взобрался его брат, поднялся на пару ступенек и занял круговую оборону. Паук, рискнувший приблизиться, с глухим лязгом покатился вниз. Его место тут же заняли другие. Их щупальца извивались, стараясь зацепить Скотта и сбросить вниз. Какому-то пауку это почти удалось: Скотт только чудом удержался, когда металлическая змея ударила его по ноге.

Боль прибавила землянину ярости. Тяжелый молоток, совсем не предназначенный для войны с марсианами, крушил стальных пауков. Пространство вокруг площадки заполнялось их помятыми и продавленными телами.

Краешком глаза Скотт видел, что Хьюг уже успел вложить конверт с посланием в контейнер и завернуть внутреннюю крышку. Оставалось лишь поставить на место внешнюю, но та была массивнее и требовала больших усилий.

А времени до старта оставалось совсем мало. Возможно, считанные секунды. А ведь братьям нужно было еще убраться подальше от площадки, иначе пламя двигателей их испепелит.

У Скотта взмокло все тело. Едкий пот заливал глаза, мешая смотреть, щекотал ноздри и стекал вниз. Судя по



звукам, доносившимся сверху, брат заворачивал последнюю гайку на внешней крышке контейнера.

Увидев, что к нему подбирается еще один механический паук, Скотт словно забыл, что перед ним всего-навсего машина, размахнулся и в неизъяснимом бешенстве ударил. Молоток пробил металлический корпус и застрял внутри.

Увлекшись расправой, землянин не заметил, как вокруг его ноги обвилось щупальце другого паука. Скотт потерял равновесие и рухнул в гущу копошащихся металлических тел.

Сражение продолжалось. Чувствовалось, что и у пауков прибавилось решимости покончить с землянином. Они напирали на Скотта отовсюду. Он наносил удары, упрямо пробиваясь сквозь стену металлических рук и щупалец.

Передняя, смотровая, часть его шлема была сделана из сверхпрочного материала. При ударе этот материал не крошился, но начинал быстро покрываться густой сетью мелких внутренних трещин, полностью теряя прозрачность.

Теперь Скотту приходилось двигаться ощупью и наносить удары наугад. Но не это было самым страшным: на корабле имелись запасные шлемы. Гораздо хуже, что ему порвали ткань скафандра: чья-то металлическая рука вырвала целый лоскут. Нос и легкие сразу же обожгло едким марсианским воздухом.

Скотт неистово размахивал молотком, испуская дикие крики, похожие на боевой клич индейцев. Он слышал, как падали металлические тела. Над головой по-прежнему надсадно звенели стальные жуки.

Потом все звуки потонули в чудовищном реве, сравнимом разве что с грохотом Ниагарского водопада. Двигатели марсианского корабля! Он улетает на Землю!

— Хьюг! — обезумев от радости, завопил Скотт. — Хьюг, мы сделали это! Мы отправили послание!

Атака металлических пауков разом прекратилась. Скотт едва держался на ногах, обливаясь потом. Все тело болело, но он ликовал.

Они с Хьюгом победили! Они отправили послание! Земля получит предостережение, и марсиане лишатся возможности завоевать соседнюю планету. Все планы, все мечты марсианских лилий (если эти цветы умеют мечтать) теперь обречены на провал.

Скотт отвинтил и швырнул на песок теперь уже бесполезный шлем... Он стоял, окруженный кольцом механических пауков, которые наблюдали за ним в ожидании его дальнейших действий.

— Ну, что же вы испугались?! — крикнул им Скотт, — Вас много, а я один! Неужели струсили?

Кольцо пауков разомкнулось. На песке лежало что-то похожее на обгорелый скомканный мешок. Скотт выронил молоток и чуть не захлебнулся враз подступившими слезами.

— Хьюг!

Песок вокруг брата был опален пламенем двигателей. Спотыкаясь, Скотт подошел ближе.

— Хьюг! — снова позвал он. — Хьюг, очнись!

Бесформенный мешок не шевельнулся. Хьюг Никсон был мертв.

Мутными от слез глазами Скотт оглянулся на марсианские машины. Те, что он повредил, валялись неподвижно. Остальные двигались к зданию, чтобы исчезнуть в его стальных недрах.

— Будьте вы прокляты! — крикнул Скотт, обращаясь не к машинам, а к марсианским лилиям, — Гнусные, бездушные цветы!

Скотт понимал всю нелепость своих обвинений. Растительная цивилизация Марса была начисто лишена каких-либо чувств. Обитатели красной планеты не знали ни любви, ни радости победы, ни горечи поражения. И жажды мести они тоже не знали. Цивилизация марсианских лилий

была холодной, механистичной, подчиненной своей, растительной, логике. Марсиане предпринимали только те действия, которые достигали цели. Пока был шанс не допустить людей к кораблю, пока еще можно было отложить полет и извлечь опасное послание, они сопротивлялись. Но корабль все-таки взлетел, и его невозможно вернуть назад. Ситуация осталась в прошлом, и о ней следовало забыть.

Скотт бросил взгляд на тело брата… Гарри Декер, Джимми Болдуин, а теперь и Хьюг Никсон. Трое землян, достигших Марса и нашедших здесь свой конец. Вряд ли он, Скотт Никсон, надолго переживет своих соплеменников. Человек не может дышать марсианским воздухом.

Скотту вспомнились слова Хьюга, сказанные в день их встречи: «Несколько часов ты им сможешь дышать. Но это будут твои последние часы».

Скотт оглянулся по сторонам. Нескончаемые пески марсианской пустыни с ярко-красными пятнами лилий, все так же подрагивающих на ветру. Все те же стальные жуки, поблескивающие под неярким солнцем. И стальное здание без окон и дверей.

Дышать становилось все труднее. Чувствуя, как у него царапает в горле и жжет в легких, Скотт наклонился, поднял обгоревшее тело брата и понес туда, где белели кресты.

— Надо успеть сделать ему крест, — прошептал он.

Высоко над головой, в космической дали, светилась голубая планета.

Вы проиграли, марсиане! Земля не станет рабыней вашей бездушной, вымирающей цивилизации!

Новость сообщил мох. Весточка преодолела сотни миль, распространяясь различными путями, — ведь мох рос не везде, а только там, где почва была скудной настолько, что ее избегали прочие растения: крупные, пышные, злобные, вечно готовые отобрать у мха свет, заглушить его, растерзать своими корнями или причинить иной вред.

Мох рассказывал о Никодиме, живом одеяле Дона Макензи; а все началось с того, что Макензи вздумалось принять ванну.

Он весело плескался в воде, распевая во все горло разные песенки, а Никодим, чувствуя себя всего-навсего половинкой живого существа, мыкался у двери. Без Макензи Никодим был даже меньше, чем половинкой. Живые одеяла считались разумной формой жизни, но на деле становились таковой, только когда оборачивались вокруг тех, кто их носил, впитывая разум и эмоции своих хозяев.

На протяжении тысячелетий живые одеяла влачили жалкое существование. Порой кому-то из них удавалось прицепиться к какому-нибудь представителю растительности этого сумеречного мира, но такое случалось нечасто, и потом, подобная участь была не многим лучше прежней.

Однако затем на планету прилетели люди, и живые одеяла воспрянули. Они как бы заключили с людьми взаимовыгодный союз, превратились в мгновение ока в одно из величайших чудес Галактики. Слияние человека и живого одеяла являлось некой разновидностью симбиоза. Стоило одеялу устроиться на человеческих плечах, как у хозяина отпадала всякая необходимость заботиться о пропитании; он знал, что будет сыт, причем кормить его станут правильно, так, чтобы поддержать нормальный обмен веществ. Одеяла обладали уникальной способностью поглощать энергию окружающей среды и преобразовывать ее в пищу для

людей; мало того, они соблюдали — разумеется, в известной степени — основные медицинские требования.

Но если одеяла кормили людей, согревали их и выполняли обязанности домашних врачей, люди давали им нечто более драгоценное — осознание жизни. В тот самый миг, когда одеяло окутывало человека, оно становилось в каком-то смысле его двойником, обретало рассудок и эмоции, начинало жить псевдожизнью куда более полной, чем его прежнее унылое существование.

Никодим, помыкавшись у двери в ванную, в конце концов рассердился. Он ощущал, как утончается ниточка, связывающая его с человеком, и оттого злился все сильнее. Наконец, чувствуя себя обманутым, он покинул факторию, неуклюже выплыл из нее, похожий на раздуваемую ветром простыню.

Тусклое кирпично-красное солнце, сигма Дракона, стояло в зените над планетой, которая выглядела сумеречной даже сейчас. Никодим отбрасывал на землю, зеленую с вкраплениями красного, причудливую багровую тень. Ружейное дерево выстрелило в него, но промахнулось на целый ярд. Нелады с прицелом продолжались вот уже несколько недель: дерево давало промах за промахом; единственное, чего ему удавалось добиться, — это напугать Нелли — так звали робота, отличавшегося привычкой говорить правду и являвшегося бухгалтером фактории. Однажды выпущенная деревом пуля — подобие земного желудя — угодила в металлическую стенку фактории. Нелли была в ужасе, однако никто не потрудился успокоить ее, ибо Нелли недолюбливали. Пока она находилась поблизости, нечего было и думать о том, чтобы позаимствовать со счета компании энную сумму. Кстати говоря, именно поэтому Нелли сюда и прислали.

Впрочем, пару недель подряд она никого не задевала, поскольку все увивалась вокруг Энциклопедии, который, должно быть, мало-помалу сходил с ума, пытаясь разобраться в ее мыслях.

Никодим высказал ружейному дереву все, что он о нем думал — мол, спятило оно, что ли, раз стреляет по своим, — и направился дальше. Дерево, мнившее Никодима отступником, растительным ренегатом, выстрелило снова, промахнулось на два ярда и решило, по-видимому, не тратить зря патроны.

Тут-то Никодим и узнал, что Олдер, музыкант из Чаши Гармонии, создал шедевр. Это событие произошло, по всей видимости, пару-тройку недель тому назад — Чаша Гармонии располагалась чуть ли не на другом конце света, и новости оттуда шли долго; тем не менее Никодим круто развернулся и устремился обратно.

О таких новостях нужно извещать немедля. Скорее, скорее к Макензи! Оставив за собой облако пыли, которую умудрился поднять, Никодим ворвался в дверь фактории. Висевшая над ней грубая вывеска гласила: «Галактическая торговая компания». Для чего она понадобилась, никто не знал; прочесть ее было под силу только людям.

Никодим с ходу врезался в дверь ванной.

— Ладно, ладно! — отозвался Макензи. — Уже выхожу. Потерпи чуток, я сейчас.

Никодим улегся на пол, весь трепеща от переполнявшего его возбуждения.

Макензи вышел из ванной, позволил Никодиму устроиться на привычном месте, выслушал его, а затем направился в контору, где, как и ожидал, обнаружил фактора Нельсона Харпера. Тот сидел, задрав ноги на стол и вперив взгляд в потолок; во рту у него дымилась трубка.

— Привет, — буркнул он и указал чубуком трубки на стоявшую рядом бутылку, — Угощайся.

Макензи не заставил себя упрашивать.

— Никодиму стало известно, что дирижер по имени Олдер сочинил симфонию. Мох уверяет, что это шедевр.

— Олдер, — повторил Харпер, убирая ноги со стола. — Никогда о таком не слышал.

— Кадмара тоже никто не знал, пока он не сочинил симфонию Алого Солнца, — напомнил Макензи, — Зато теперь он — знаменитость.

— Что бы ни сотворил Оддер, пускай даже крохотную пьеску, мы должны заполучить это. Народ на Земле сходит с ума от музыки деревьев. Взять хотя бы того парня… ну, композитора…

— Его зовут Уэйд, — сказал Харпер, — Дж. Эджертон Уэйд, один из величайших композиторов Земли всех времен. Перестал писать музыку после того, как услышал отрывок симфонии Алого Солнца. Затем исчез; никто не знает, куда он делся. — Фактор задумчиво повертел в пальцах трубку и продолжил: — Забавно, черт побери. Мы прилетели сюда, рассчитывая отыскать в лучшем случае новые наркотики или какой-нибудь необычный продукт — словом, нечто вроде деликатеса для первоклассных ресторанов по цене десять баксов за тарелку или, на худой конец, новый минерал, как на эте Кассиопеи. И вдруг на тебе — музыка! Симфонии, кантаты… Жуть!

Макензи снова глотнул из бутылки, поставил ее обратно на стол и вытер губы.

— Не то, чтобы мне нравилось, — проговорил он. — Правда, в музыке я разбираюсь постольку-поскольку, но все равно: от того, что мне доводилось слышать, прямо выворачивает наизнанку.

— Главное — запастись сывороткой, — посоветовал Харпер. — Если не воспринимаешь музыку, знай себе коли укол за уколом, и все будет в порядке.

— Помните Александера? — спросил Макензи. — Он пытался столковаться с деревьями в Чаше, и у него кончилась сыворотка. Эта музыка ловит человека… Александер не желал уходить, вопил, отбивался, кусался. Я еле справился с ним. Он так и не вылечился полностью. Врачи на Земле привели его в норму, но предупредили, чтобы он и не думал возвращаться сюда.

— А он вернулся, — заметил Харпер. — Грант углядел его в фактории грумми. Представляешь, землянин связался с грум-ми?! Предатель! Не следовало тебе спасать его, пускай упивался бы своей музыкой.

— Что будем делать? — спросил Макензи.

— А что тут поделаешь? — отозвался Харпер, пожимая плечами. — Или ты ждешь, что я объявлю грумми войну? И не надейся. Ты разве не слышал, что между Землей и Грумбриджем-34 теперь сплошные мир и дружба? Вот почему обе фактории убрали из Чаши. Компании заключили перемирие и соревнуются, кто честнее. Тьфу, до чего ж противно! Даже заслать к грумми шпиона и то не смей!

— Однако они заслали, — хмыкнул Макензи. — Да, мы его так и не обнаружили, но нам известно, что он здесь и следит за каждым нашим шагом.

— Грумми доверять нельзя, — заявил Харпер. — За ними нужен глаз да глаз. Музыка им ни к чему, она для них не ценность; скорее всего, они понятия не имеют, что такое музыка, ведь у них нет слуха. Однако, чтобы насолить Земле, они готовы на все, а птички вроде Александера помогают им. Я думаю, у них такое разделение обязанностей: грумми добывают музыку, а Александер ее продает.

— Что, если мы столкнемся с Александером, шеф? — поинтересовался Макензи.

— Все будет зависеть от обстоятельств. — Харпер постучал черенком трубки по зубам, — Можно попробовать переманить его. Он неплохой торговец. Компания наверняка одобрит.

— Не выйдет, — покачал головой Макензи, — Он ненавидит компанию. По-моему, с ним несправедливо обошлись несколько лет назад. Сдается мне, на сделку с нами он не пойдет.

— Времена меняются, — буркнул Харпер, — и люди тоже. Может, он теперь благодарен вам за спасение.

— Что-то мне сомнительно, — пробормотал Макензи.

Фактор протянул руку, пододвинул поближе увлажнитель воздуха, а затем принялся заново набивать трубку.

— Меня вот еще что беспокоит, — проговорил он, — Как поступить с Энциклопедией? Он желает отправиться на Землю. Видно, наши мысли разожгли его аппетит. Утверждает, что хочет изучить нашу цивилизацию.

— Этот шельмец прочесывает наши головы частым гребнем, — фыркнул Макензи, состроив гримасу, — Он порой докапывается до того, о чем мы и сами давно позабыли. Я понимаю, что он не со зла, просто так устроен, однако мне все равно не по себе.

— Сейчас он обхаживает Нелли, — сказал Харпер.

— Ему повезет, если он сумеет выяснить, о чем думает Нелли.

— Я тут пораскинул мозгами, — продолжал Харпер. — Мне его манера нравится не больше, чем тебе, но, если взять Энциклопедию на Землю, оторвать, так сказать, от родной почвы, может, мы сумеем кое-чего добиться. Он знает много такого, что наверняка пригодится нам. Мы с ним беседовали...

— Не обманывайте себя, шеф, — перебил Макензи, — Он рассказал вам ровно столько, сколько требовалось, чтобы убедить, что играет в открытую, то есть ничего сколько-нибудь ценного.

Он ловкач, каких мало. Чтобы он вот так, за здорово живешь, выложил важные сведения...

— Пожалуй, тебе не мешало бы слетать на Землю проветриться. — Фактор пристально поглядел на Макензи, — Ты теряешь перспективу, ставишь эмоции впереди рассудка. Или ты забыл, что мы не дома? Здесь следует приноравливаться к чужой логике.

— Знаю, знаю, — отмахнулся Макензи, — но признаться откровенно, шеф, я сыт по горло. Стреляющие деревья, говорящий мох, электрический виноград, да еще и Энциклопедия!

— А что Энциклопедия? — справился Харпер, — Естественное хранилище знаний, только и всего. Разве ты не встречал на Земле людей, которые учатся ради учебы, вовсе не собираясь пользоваться полученным образованием? Им доставляет удовольствие сознавать, что они великолепно информированы. Если сочетать подобное стремление к знаниям с феноменальной способностью запоминать и упорядочивать усвоенное, то вот тебе Энциклопедия.

— Но у него должна быть какая-то цель, — стоял на своем Макензи, — Я уверен, существует причина, которая все объясняет. Ведь к чему накапливать факты, если ты не намерен их использовать?

— Я согласен, цель должна быть, — произнес Харпер, попыхивая трубкой, — однако мы вряд ли сможем ее распознать. Мы находимся на планете с растительной цивилизацией. На Земле растения не имели возможности развиваться, их опередили животные. Но здесь все наоборот: эволюционировали именно растения.

— Мы просто обязаны установить, какую цель преследует Энциклопедия, — заявил Макензи, — Нельзя же все время шарить вслепую! Если он затеял какую-то игру, надо выяснить, что это за игра. Действует ли он по собственной инициативе или по указанию здешнего, ну, я не знаю, правительства, что ли? Или он принадлежит к представителям прежней, погибшей цивилизации? Этакая разновидность живого архива, которая продолжает собирать сведения, хотя необходимость в том уже отпала?

— Ты волнуешься по пустякам, — заметил фактор.

— Да как же не волноваться, шеф? Разве можно допустить, чтобы нас обставили? Мы относимся к здешней цивилизации, если это и впрямь цивилизация, свысока, что вполне логично, поскольку на Земле от деревьев, кустарников и цветов не приходится ждать никакого подвоха. Однако мы не на Земле, а потому должны спросить себя: что такое растительная цивилизация? К чему она стремится? Сознает

ли свои стремления, и, если да, каким образом намерена реализовывать их?

— Мы отвлеклись, — сказал Харпер. — Ты упоминал о какой-то новой симфонии.

— Что ж, как вам угодно, — буркнул Макензи.

— Наша задача — завладеть ею, — продолжал Харпер. — У нас не было ничего приличного с тех самых пор, как Кадмар сочинил «Алое Солнце». А если мы замешкаемся, грумми могут перебежать нам дорогу.

— Если уже не перебежали, — вставил Макензи.

— Пока нет, — отозвался Харпер, выпуская изо рта дым, — Грант сообщает мне обо всем, что они затевают.

— Так или иначе, — проговорил Макензи, — надо исключить ненужный риск. Ведь шпион грумми тоже не спит.

— Есть предложения? — осведомился фактор.

— Можно взять вездеход, — размышлял вслух Макензи, — Он медленнее, чем флайер, но с флайером грумми уж точно заподозрят что-то неладное. А на вездеходе мы выезжаем по десять раз на дню, так что все должно пройти гладко.

— Логично, — признал Харпер после недолгого раздумья, — Кого берешь с собой?

— Я предпочел бы Брэда Смита, — ответил Макензи, — Мы с ним оба старички и прекрасно справимся вдвоем.

— Хорошо, — Харпер кивнул, — На всякий случай возьми еще Нелли.

— Ни за что на свете! — так и взвился Макензи, — С какой стати? Или вы замыслили аферу, а потому хотите сплавить ее?

— Увы, увы, — покачал головой Харпер, — Она заметит, даже если на счету не будет хватать одного несчастного цента. К сожалению, незапланированные расходы остались в прошлом. И кто только придумал этих роботов с их пристрастием к правде?!

— Я не возьму ее, — объявил Макензи, — Не возьму, и все. Она же изведет меня рассуждениями о правилах Компании.

И потом, за ней наверняка увяжется Энциклопедия, а у нас и без того возникнет достаточно хлопот с ружейными деревьями, электровиноградом и прочими прелестями, чтобы тащить с собой ученую капусту и напичканную законами жестянку!

— Тебе придется взять ее, — возразил Харпер, — Теперь при заключении сделок с аборигенами обязательно должны присутствовать роботы — чтобы никому не вздумалось ущемить права туземцев. Кстати говоря, сам виноват. Если бы ты не вел себя как осел с Алым Солнцем, Компания и пальцем бы не шевельнула.

— Я всего лишь сохранил Компании деньги, — запротестовал Макензи.

— Ты ведь знал, что стандартная цена за симфонию — два бушеля удобрений, — оборвал его Харпер. — Тем не менее Кадмар недосчитался половины бушеля.

— Да ему-то было без разницы! — воскликнул Макензи, — Он только что не расцеловал меня за полтора бушеля.

— В общем, — проговорил Харпер, — Компания решила, что лукавить не годится, пусть даже ты имеешь дело всего-навсего с деревом.

— Чертова инструкция, — вздохнул Макензи.

— Значит, Нелли едет с тобой, — подытожил Харпер, окинув Макензи изучающим взглядом, — Если что забудешь, обращайся к ней: она подскажет.

Человек, которого на Земле знали под именем Дж. Эджертон Уэйд, притаился на вершине невысокого холма, полого спускавшегося в Чашу Гармонии. Тусклое алое солнце клонилось к багровому горизонту; скоро должен был начаться вечерний концерт. Уэйд надеялся вновь услышать чудесную симфонию Олдера. Подумав о ней, он задрожал от восторга и от мысли о том, что солнце вот-вот зайдет и наступят холодные сумерки.

Живого одеяла у него не было. Контейнер с пищей, оставшийся в крохотной пещерке под утесом, почти опустел.

Пополнения запасов не предвиделось: Уэйд давно уже собрал все, что уцелело после катастрофы. Звездолет, на котором он прилетел с Земли, разбился при посадке и превратился в груду покореженного металла. С того времени миновал без малого год, и Уэйд сознавал, что скоро испытаниям придет конец. Впрочем, как ни странно, ему было все равно. Он прожил этот год в мире красоты и благозвучия, слушая из вечера в вечер грандиозные концерты. Их очарование было столь велико, что смерть представлялась чем-то совсем не страшным.

Уэйд посмотрел на долину, что образовывала Чашу. Стройные ряды деревьев производили впечатление искусственных насаждений. Возможно, так оно и было; возможно, их посадило некое разумное существо, обожавшее, как и он сам, слушать музыку. Правда, подобная гипотеза не выдерживала никакой критики. Здесь не было ни намека на развалины древних городов, ни признака иной цивилизации — в земном смысле этого слова, а потому вряд ли кто приложил руку к планировке долины, к преобразованию ее в Чашу. Однако откуда же тогда взялись загадочные письмена на отвесном склоне утеса, над пещеркой, в которой ютился Уэйд? Таинственные символы не имели ни малейшего сходства с любыми из виденных им прежде. Может статься, сказал он себе, их вырезали в камне какие-нибудь инопланетяне, прилетевшие сюда вроде него — насладиться музыкой — и нашедшие тут свою смерть.

Уэйд покачался на пятках, чтобы размять ноги, уставшие от долгого сидения на корточках. Может, ему тоже нацарапать что-нибудь на утесе? Ни дать ни взять, книга записи приезжающих. А что, неплохая идея. Одинокое имя на одинокой скале — единственном надгробии, которое ему, похоже, суждено обрести. Ладно, скоро зазвучит музыка, и тогда он забудет о пещерке, о скудных остатках еды, о корабле, что уже не доставит его на Землю, даже если бы он того захотел. Но он не хочет! Он не может вернуться! Чаша зачаровала его, он словно угодил в невидимую паутину. Уэйд знал,

что без музыки погибнет. Она стала неотъемлемой частью его существования. Забрать ее — останется шелуха, пустая скорлупа; музыка теперь составляла смысл жизни Уэйда, проникла в его плоть и кровь, объединила в себе все прежние побуждения и устремления.

В Чаше пока царила тишина. Возле каждого дерева возвышался приземистый бугорок, нечто вроде подиума для дирижера, а рядом виднелись черные зевы туннелей. Дирижеры прятались внутри, дожидаясь назначенного часа, отдыхали, поскольку принадлежали к животной форме жизни. Деревьям же отдыха не требовалось. Они никогда не спали и не ведали усталости, эти серые музыкальные деревья, которые пели под вечерним небом о давно минувших днях и о тех, что уже не наступят, о поре, когда сигма Дракона была ослепительно яркой звездой, и о времени, когда она обратится в космическую пыль. Они пели об этом и о многом другом, чего землянину не дано было постичь; он мог лишь чувствовать и томиться желанием понять. Пение деревьев будило странные мысли, переворачивало рассудок, заставляло ощущать то, чему не существовало названия ни в одном из человеческих языков. Чужие мысли, чужие эмоции, которые, однако, овладевали человеком, подчиняли его себе, запечатлевались, непознанные, в душе и сознании...

Если рассуждать с технической точки зрения, пели, разумеется, не сами деревья. Уэйд знал о том, но предпочитал не задумываться. Ему было удобнее считать, что поют они. Он редко отделял музыку от деревьев и намеренно забывал о крошечных существах, что обитали внутри стволов и творили волшебство, используя деревья для улучшения звучания. Существа? Ну да, существа — возможно, колонии насекомых или нимфы, духи, феи — словом, персонажи детских сказок. Хотя какие там духи? Он вышел из того возраста, когда верят в духов.

Существа, как их ни называй, играли каждое как бы на своем инструменте, повинуясь мысленным указаниям

дирижеров, а те выдумывали музыку, сочиняли ее в голове и представляли для исполнения.

И почему размышления губят красоту, спросил себя Уэйд. Нет, лучше не думать, а просто принимать ее как данное, наслаждаясь, и не искать объяснений.

Сюда порой заглядывали люди, агенты торговой компании, обосновавшейся на планете. Они записывали музыку и уходили. Уэйд не понимал, откуда у человека, слышавшего пение деревьев, брались силы уйти из Чаши. Он смутно припомнил разговоры о сыворотке, притуплявшей восприятие; якобы она делала людей нечувствительными к музыке, устанавливала некое подобие иммунитета. Уэйд невольно содрогнулся. Какое кощунство! Впрочем, разве запись музыки для того, чтобы ее потом могли исполнять земные оркестры, — не кощунство? Зачем нужны оркестры, когда музыка звучит здесь из вечера в вечер? Если бы только меломаны Земли услышали чарующие звуки, плывущие над древней Чашей!

Завидев людей, Уэйд обычно прятался. С них станется забрать его с собой, разлучить с музыкальными деревьями!

Слабый ветерок донес непривычный звук, звук, которому здесь поистине не было места, — звяканье металла о камень. Уэйд привстал, пытаясь определить источник звука. Шум повторился; он раздавался на дальней стороне Чаши. Уэйд заслонил глаза от солнца и вгляделся в наползающие сумерки.

Чужаков было трое. Одного Уэйд сразу же причислил к землянам, тут не приходилось и сомневаться; двое других отдаленно напоминали жуков. Их хитиновые панцири поблескивали в последних лучах сигмы Дракона, головы походили на оскалившиеся в ухмылке черепа. Оба чудовища надели на себя нечто вроде упряжи, с которой свешивались то ли инструменты, то ли оружие.

Грумбрвджиане! Но что общего может быть у грумбриджиан с человеком? Ведь две расы вели затяжную торговую

войну, не останавливаясь, когда конкуренция слишком уж обострялась, перед неприкрытым насилием!

Что-то сверкнуло на солнце, вонзилось в почву, поднялось и вонзилось снова. Дж. Эджертон Уэйд замер, не веря собственным глазам. Невероятно, нет, нет! Троица на дальней стороне Чаши выкапывала музыкальное дерево!

Лоза возникла из шелестящего моря травы, осторожно растопырила щупальца, протянула их к жертве. Гнусная тварь появилась буквально ниоткуда. Она надвигалась медленно и неотвратимо, не отвлекаясь на изучение местности, начисто игнорируя возможность неожиданной контратаки. Ее действия обескураживали: таким образом по поверхности этой планеты никто не передвигался. На мгновение она застыла, словно в сомнении: стоит ли нападать на того, кто кажется столь уверенным в себе? Однако сомнение не устояло перед предвкушением поживы, которое и заставило растение выползти из логова в чаще ружейных деревьев. Лоза затрепетала; ее пьянили вибрации, проникавшие по

щупальцам. Мало-помалу трепет сошел на нет, растение напряглось, готовясь к схватке. Только бы ухватиться, только бы достать... Жертва между тем приближалась. На единый миг лозе почудилось, что растение окажется чересчур большим, но тут жертва вильнула, ее слегка подкинуло на кочке, и лоза прянула вперед, вцепилась, свернулась и потащила, поволокла на себя, пустив в ход всю крепость своего тела протяженностью в добрых четверть мили.

Дон Макензи ощутил рывок, наддал газу и бешено закрутил «баранку». Вездеход завертелся волчком, стараясь вырваться из ловушки. Брэдфорт Смит издал сдавленный вопль и нырнул за энергоизлучателем, который вылетел из кобуры и покатился по полу кабины. Нелли отшвырнуло в угол, где она и лежала, задрав кверху ноги. Энциклопедия в решающий момент умудрился обвиться стержневым корнем вокруг тянувшейся под потолком трубы и повис на ней, похожий одновременно на маятник и на привязанную за лапу черепаху.

Звякнуло стекло, послышался металлический скрежет — Нелли кое-как ухитрилась подняться. Вездеход встал на дыбы, из-под гусениц летели в разные стороны громадные комья земли.

— Лоза! — крикнул Смит.

Макензи кивнул. Плотно сжав губы, он пытался овладеть положением. Снаружи мелькали щупальца; растение обхватывало машину тугими кольцами. Что-то врезалось в лобовое стекло и рассыпалось облачком пыли — похоже, здешние ружейные деревья не страдали сбитостью прицела.

Макензи немного сбросил обороты, развернул вездеход так, чтобы лоза провисла, а затем надавил на педаль и направил машину прочь от леса. Лоза яростно извивалась в воздухе. Макензи был уверен: если разогнаться до приличной скорости и ударить с маху в натянутую лозу, та не выдержит и лопнет. Состязаться же, кто кого пересилит, было чистым безумием — вцепившаяся в жертву лоза обладала прочностью стали.

Смит исхитрился опустить боковое стекло и палил теперь из излучателя. Машину бросало из стороны в сторону, скорость все возрастала, пули ружейных деревьев так и свистели вокруг. Макензи рявкнул на Смита. Столкновения следовало ожидать в любую секунду — вездеход двигался по широкой дуге, неумолимо приближаясь к тому месту, откуда началась сумасшедшая гонка. Удар! Макензи кинуло на лобовое стекло; он каким-то чудом инстинктивно успел выставить перед собой руки. В его мозгу словно вспыхнуло пламя, затем наступила темнота, прохладная, успокаивающая... Он подумал, что все будет в порядке, все... все...

Едва очнувшись, он убедился, что до порядка далеко. Над ним нависало нечто невообразимое. Долгие секунды он лежал не шевелясь, даже не пытаясь сообразить, что произошло, потом двинул ногой и тут же вскрикнул от боли. Он медленно согнул ногу в колене; затрещала ткань, брючина порвалась, и сразу стало легче: нога оказалась вне досягаемости зазубренного куска железа.

— Лежи спокойно, — велел чей-то голос, исходивший будто изнутри его тела.

— Выходит, ты цел, — хмыкнул Макензи.

— Конечно цел, — отозвался Никодим, — А вот ты заработал кучу синяков и пару царапин. Вдобавок тебе не избежать головной...

Никодим не докончил фразы, ему было некогда. Сейчас он заменял бригаду «скорой помощи» — подпитывал Макензи энергией, излечивая тем самым синяки, царапины и прочие неприятные последствия крушения. Макензи принялся разглядывать хаос у себя над головой.

— Интересно, как мы отсюда выберемся? — проговорил он.

Внезапно обломки задрожали, затряслись, один из них оторвался от общей массы, упал и оцарапал Макензи щеку. Дон выругался без особого энтузиазма. Кто-то окликнул его по имени. Он ответил. Обломки разлетелись в разные стороны. Длинные металлические руки схватили Макензи за плечи и выволокли наружу.

— Спасибо, Нелли, — проговорил он.

— Заткнись, — бросила Нелли.

Макензи ощущал слабость в коленках, а потому вставать не рискнул. Он осторожно уселся и посмотрел на вездеход. Тот смело можно было списывать в утиль, поскольку он наскочил на полном ходу на валун и превратился в груду металла. Сидевший неподалеку Смит захихикал.

— Что с тобой? — буркнул Макензи.

— Выдрали с корнем! — воскликнул Смит, — Раз — и готово! Эта лоза уже никому не страшна.

Макензи недоверчиво огляделся по сторонам. Лоза лежала на земле, вся какая-то обмякшая и, без сомнения, мертвая. Ее щупальца по-прежнему цеплялись за обломки вездехода.

— Она выдержала! — изумился Макензи, — Мы ее не порвали!

— Верно, — согласился Смит, — не порвали, но какая тебе разница?

— Нам повезло, что она не была электрической, — проговорил Макензи, — иначе — поминай как звали.

— Да уж, — мрачно кивнул Смит. — Она и так наделала дел. Вездеход разбился в лепешку, а до дома две тысячи миль.

Нелли вынырнула из обломков машины с Энциклопедией под мышкой и радиопередатчиком в кулаке. Она швырнула спасенных на землю. Энциклопедия откатился на несколько футов, внедрился корнем в почву и очутился в родной стихии. Нелли повернулась к Макензи.

— Я сообщу обо всем, будь уверен, — заявила она. — Ты разбил новую машину! Тебе известно, сколько стоит такой вездеход? Ну конечно, конечно, нет. Тебя это не интересует! Надо же было додуматься! Эка невидаль, вездеход! Компания ведь не обеднеет, правда? Ты никогда не задавался вопросом, кто тебе платит? На месте руководства я бы заставила тебя оплатить покупку вездехода из собственного кармана, вплоть до последнего цента!

— Слушаю я, слушаю, — сообщил Смит, не сводя глаз с Нелли, — и так меня и подмывает выбрать молот поувесистей и задать тебе хорошую взбучку.

— Точно, — поддержал приятеля Макензи. — Сдается мне, компания еще наплачется с этими роботами.

— Не смейте говорить так! — взвизгнула Нелли. — По-вашему, я — машина, на которую можно не обращать внимания? Сейчас ты скажешь, что твоей вины тут нет, что все случилось само собой, да?

— Мы ехали в четверти мили от леса, — огрызнулся Макензи, — Откуда мне было знать, что эта тварь такая длинная?

— А Смит? — не унималась Нелли, — Зачем ему понадобилось сжигать ружейные деревья?

Мужчины дружно обернулись к лесу. Нелли ничуть не преувеличивала. Над немногими уцелевшими деревьями, которые выглядели так, словно побывали под артобстрелом, вился полупрозрачный дымок. Смит с деланным сожалением прищелкнул языком.

— Они стреляли в нас, — сказал Макензи.

— Ну и что? — грозно справилась Нелли. — В инструкции сказано...

— Знаю, знаю, — перебил Макензи, жестом призывая ее замолчать, — Правило семнадцать главы «Взаимоотношения с инопланетными формами жизни»: «Никто из служащих Компании не имеет права применять оружие или каким другим способом причинять вред или угрожать причинением оного коренным жителям иных планет за исключением случаев самообороны, при том условии, что все прочие способы убеждения оказались недейственными».

— Мы должны возвратиться в факторию, — объявила Нелли, — Нам придется вернуться, хотя мы почти у цели. О ваших подвигах скоро станет известно всей планете! Мох, вероятно, уже распространяет новость. Надо окончательно спятить, чтобы выдергивать лозы и расстреливать ружейные деревья! Собирайтесь! Нужно идти, иначе мы никогда не доберемся до дома, потому что вся здешняя растительность ополчится на нас.

— Лоза виновата сама, — возразил Смит, — Она пыталась поймать нас, хотела украсть нашу машину, наверняка бы прикончила нас ради того, чтобы завладеть несколькими паршивыми унциями радия из двигателя. А радий наш, он принадлежит твоей ненаглядной Компании.

— Зря ты ей сказал, — заметил Макензи. — Теперь она будет вырывать лозу за лозой, налево и направо.

— А что, разумно, — одобрил Смит, — Будем надеяться, ей попадется электрическая. Нелли, ты провоняешь жженой краской.

— Что с передатчиком? — спросил Макензи.

— Готов, — лаконично ответила Нелли.

— А записывающее оборудование?

— Как будто в порядке.

— Колбы с сывороткой?

— Одна уцелела.

— Вот и хорошо, — проговорил Макензи, — Тащи сюда два мешка с удобрениями. Мы идем дальше. До Чаши Гармонии всего-навсего около пятидесяти миль.

— Никуда мы не пойдем, — заупрямилась Нелли, — Каждое дерево, каждая лоза...

— Вперед безопаснее, чем назад, — прервал Макензи. — Когда мы не выйдем на связь, Харпер поймет, что что-то произошло, и вышлет за нами флайер, — Он поднялся с земли и вынул из кобуры пистолет, — Тащи мешки. Если откажешься, расплавлю на месте.

— Ладно, ладно, — пошла на попятную Нелли, — вовсе незачем так волноваться.

— Еще одно слово, — прорычал Макензи, — и ты у меня схлопочешь.

По дороге они старались держаться открытой местности, избегали приближаться к рощам и лескам и настороженно поглядывали по сторонам. Макензи шел первым, за ним вприпрыжку ковылял Энциклопедия, следом шагала Нелли, нагруженная оборудованием и мешками с удобрениями. Замыкал шествие Смит. Одно ружейное дерево выстрелило в них, но расстояние было слишком велико. Раз позади разрядилась с треском электрическая лоза. Идти было тяжело. Густая трава сильно затрудняла движение. Невольно возникало впечатление, что приходится брести по воде.

— Вы пожалеете, — бормотала Нелли, — вы...

— Заткнись! — прикрикнул Смит. — В кои-то веки ты занимаешься тем, для чего и предназначены роботы, а не роешься в своих отчетах, проверяя, кому достался лишний цент!

Они подошли к холму. Начался утомительный подъем по травянистому склону. Внезапно тишину нарушил звук, похожий на тот, с каким рвется ткань. Они остановились и прислушались. Звук повторился, еще и еще.

— Выстрелы! — воскликнул Смит.

Мужчины, не сговариваясь, побежали вперед. Нелли устремилась следом. Мешки с удобрениями нещадно колотили ее по плечам.

Очутившись на вершине, Макензи с первого взгляда оценил ситуацию.

Ниже по склону притаился за валуном человек, с отчаянностью обреченного выпускавший из пистолета пулю за пулей в сторону перевернутого кверху дном вездехода, за которым прятались трое — землянин и двое насекомоподобных существ.

— Грумми! — вырвалось у Смита.

Прицельный выстрел из-за машины снес верхушку валуна, за которым скрывался одиночка, вынудив того прильнуть к земле. Смит кинулся вниз, в направлении другого валуна, что находился наискосок от первого, на фланге троицы. Его заметили. Послышался крик, мелькнуло пламя, и не далее, чем в десяти футах за спиной Смита в земле появилась дымящаяся борозда. Тут же последовал новый залп, на сей раз — в Макензи. Дон нырнул за кочку. Луч прошел у него над головой.

Он прижался к траве, будто норовя внедриться в почву. Снизу донеслись раздраженные восклицания грумбриджиан.

Макензи рискнул осмотреться. Он увидел, что вездеход — отнюдь не единственное транспортное средство в долине. Неподалеку стоял прицеп, к которому было привязано дерево. Щурясь от солнца, Макензи пытался разобраться, что к чему. Дерево, судя по всему, выкапывала опытная рука: под тряпкой, несомненно влажной, которой были обернуты корни, угадывались необитые комья земли. Прицеп наклонился набок, и потому дерево касалось макушкой травы, а корневище задралось высоко в воздух.

Смит яростно палил по вражескому лагерю, троица тоже не оставалась в долгу, отвечая шквальным огнем. Если так пойдет и дальше, подумалось Макензи, через минуту-другую они в буквальном смысле слова поджарят Смита. Выругавшись сквозь зубы, он высунулся из-за кочки и тщательно прицелился, жалея, что в руках у него пистолет, а не винтовка. Человек за валуном продолжал стрелять по вездеходу, но помощи от него ожидать не приходилось. Макензи

понимал, что сражаться по-настоящему будут только они со Смитом.

Интересно, спросил он вдруг себя, где сейчас Нелли? Верно, мчится на всех парах в факторию. Ну и черт с ней! Макензи устроился поудобнее, готовясь присоединиться к перестрелке.

Но, прежде чем он успел нажать на курок, стрельба из-за вездехода прекратилась. Раздались истошные вопли. Грумбриджиане вскочили и бросились бежать, но тут что-то просвистело по воздуху, ударило одного из них в грудь и повергло на землю. Второй заметался, словно вспугнутый заяц, не зная, как ему поступить; пока он раздумывал, наступила развязка. Отзвук глухого удара достиг укрытия Макензи. Грумбриджианин повалился навзничь, и в этот миг Макензи заметил Нелли. Она поднималась по склону, прижимая левой рукой к груди кучу камней; правая же рука Нелли действовала с отлаженностью поршня. Один камень пролетел мимо цели и угодил в вездеход; окрест раскатилось звучное эхо.

Спутник грумми улепетывал во все лопатки, старательно увертываясь от снарядов Нелли. Отбежав на известное расстояние, он остановился и хотел было выстрелить в нее, однако на него вновь обрушился град камней. Он кинулся дальше, споткнулся, упал, выронил винтовку, кое-как поднялся и побежал снова, подвывая от ужаса. Живое одеяло на его плечах топорщилось этаким крохотным парусом. Нелли метнула последний камень, а затем ринулась вдогонку.

Макензи гаркнул на нее, однако она не подчинилась и вскоре исчезла за гребнем холма. Беглецу было не уйти.

— Ты только погляди на Нелли! — вопил Смит. — Ну и задаст она ему жару, когда поймает!

— Кто он такой? — справился Макензи, протирая глаза.

— Джек Александер, — отозвался Смит, — Грант говорил, что он вернулся.

Человек, прятавшийся за валуном, вышел на открытое место и направился к своим спасителям. Он не имел живого

одеяла, одежда его представляла собой лохмотья, а лицо заросло бородой чуть ли не по самые брови.

— Великолепный маневр, — заявил он, тыкая пальцем в сторону холма, за гребнем которого скрылась Нелли, — Ваш робот застал их врасплох.

— Если она потеряла мешки с удобрениями и записывающее оборудование, я ее расплавлю, — мрачно пообещал Макензи.

— Вы из фактории, джентльмены? — спросил незнакомец.

Они утвердительно кивнули.

— Моя фамилия Уэйд. Дж. Эджертон Уэйд...

— Секундочку, — перебил Смит. — Не тот самый Дж-Эджертон Уэйд? Не пропавший композитор?

— Именно он. — Человек поклонился, — Правда, насчет пропавшего... Я никуда не пропадал, просто прилетел сюда и провел здесь целый год, наслаждаясь чудесной музыкой, — Он окинул их испепеляющим взглядом, — Я человек мирный, но, когда эти трое выкопали Делберта, я понял, что должен вмешаться.

— Делберта? — переспросил Макензи.

— Да, музыкальное дерево.

— Чертовы воришки, — проворчал Смит, — Наверняка надеялись спихнуть его на Земле. «Шишки» не пожалели бы никаких денег за удовольствие видеть у себя во дворе такое дерево!

— Мы подоспели вовремя, — сказал Макензи. — Если бы им удалось улизнуть, вся планета вступила бы на тропу войны. Нам пришлось бы закрывать лавочку. Кто знает, когда бы мы сумели вернуться?

— Предлагаю посадить дерево обратно, — заявил Смит, потирая руки, — Из благодарности они отныне будут снабжать нас музыкой совершенно бесплатно, верно, Дон?

— Джентльмены, — заметил Уэйд, — хотя вами движут соображения наживы, они подсказывают вам правильное решение.

Земля под ногами задрожала, и люди резко обернулись. К ним подходила Нелли. У нее в руке болталось живое одеяло.

— Убежал, — сказала она, — зато я разжилась одеялом. Теперь вы, ребята, не сможете передо мной задаваться.

— Зачем тебе одеяло? — удивился Смит, — Ну-ка отдай его мистеру Уэйду. Слышишь? Я кому сказал?

— Почему вы все у меня отбираете? — Нелли, похоже, обиделась. — По-вашему, я не человек...

— Разумеется, — подтвердил Смит.

— Если ты отдашь одеяло мистеру Уэйду, я позволю тебе вести машину, — подольстился Макензи.

— Правда? — обрадовалась Нелли.

— Ну зачем вы так, — проговорил Уэйд, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

— Берите одеяло, — велел Макензи, — Оно вам необходимо. У вас такой вид, будто вы последние два дня голодали.

— Признаться, так оно и было.

— Оно вас накормит, — утешил Смит.

Нелли протянула одеяло композитору.

— Где ты научилась так ловко швыряться камнями? — поинтересовался Смит.

Глаза Нелли сверкнули.

— На Земле я входила в состав бейсбольной команды, — ответила она, — Играла подающего.

Машина Александера оказалась в полном порядке, не считая нескольких вмятин на бортах и разбитого лобового стекла, в которое пришелся первый выстрел Уэйда: стекло разлетелось вдребезги, а ошарашенный водитель заложил крутой вираж, закончившийся наездом на камень и сальтомортале вездехода. Музыкальное дерево ничуть не пострадало, поскольку его корни находились в земле и были обвязаны вдобавок влажной мешковиной. В салоне вездехода, в укромном уголке, обнаружился Делберт, дирижер двух футов росту, сильнее всего напоминавший вставшего на

задние лапы пуделя. Оба грумбриджианина были мертвы: хитиновые панцири раскололись на кусочки от камней, пущенных меткой рукой Нелли.

Смит с Уэйдом забрались в вездеход и принялись готовиться к ночевке. Нелли в сопровождении Энциклопедии отправилась на поиски винтовки, брошенной впопыхах Александером. Макензи сидел на корточках, привалившись спиной к боку машины, и докуривал трубку; Никодим свернулся клубочком у него на плечах. Поблизости зашуршала трава.

— Нелли, — окликнул Макензи, — это ты?

Нелли неуверенно подошла к нему.

— Не сердишься? — спросила она.

— Нет, не сержусь. Ничего не поделаешь, так уж ты устроена.

— Я не нашла винтовки.

— А ты запомнила, где Александер выронил ее?

— Естественно. Там пусто.

Макензи нахмурился. Выходит, Александер вернулся и вновь завладел оружием.

— Да, плохо дело. Он, того и гляди, начнет палить по нам. У него свои счеты с Компанией, а после сегодняшней неудачи с ним лучше не сталкиваться. — Он осмотрелся, — Где Энциклопедия?

— Я улизнула от него, потому что хотела поговорить с тобой.

— Что ж, давай выкладывай.

— Он пытался прочесть мои мысли.

— Знаю. Наши он уже прочел, все до единой.

— Со мной у него ничего не вышло.

— Чего и следовало ожидать. Я, собственно, и не сомневался, что так оно и будет.

— Не смей потешаться надо мной! — воскликнула Нелли.

— Не горячись, Нелли, — проговорил Макензи. — Насколько мне известно, с твоим мозгом все в порядке. Возможно, он даст нашим сто очков вперед. Суть в том, что он

— другой. Мы наделены мозгами от природы, которая не придумала ничего лучше для того, чтобы мыслить, оценивать и запоминать. Такой тип сознания Энциклопедии хорошо знаком. Но твой мозг для него в новинку. Искусственный интеллект, отчасти механический, отчасти электрический, химический, бог знает какой еще, — в конце концов, я не роботехник. Ни с чем подобным Энциклопедия прежде не встречался. Может статься, ты сбила его с толку. Кстати говоря, не поразила ли его наша цивилизация? Понимаешь, если на этой планете и существовала когда-нибудь истинная цивилизация, то она была какой угодно, но не механической. Тут нет ни следа механической деятельности, ни единого шрама из тех, какие машины обычно оставляют на поверхности планет.

— Я дурачу его, — сказала Нелли. — Он пытается проникнуть в мой мозг, а я читаю его мысли.

— То есть... — Макензи подался вперед, совершенно позабыв о потухшей трубке. — Почему же ты до сих пор молчала? Верно, радовалась жизни, вынюхивала, о чем мы думаем, и посмеивалась над нами исподтишка?!

— Нет, нет, — возразила Нелли, — честное слово, нет. Я даже не знала, что умею. Просто, когда я почувствовала, что Энциклопедия забрался ко мне в голову, то рассердилась настолько, что готова была пришибить его на месте, но потом передумала и решила быть похитрее. Мне показалось, что если он может копаться в моем мозгу, то чем я хуже? Ну вот, я попробовала, и у меня получилось.

— И впрямь очень просто, — язвительно заметил Макензи.

— Мне как будто подсказали, что надо делать.

— Если бы парень, который тебя изобрел, узнал об этом, он перерезал бы себе горло.

— Мне страшно, — пробормотала Нелли.

— Отчего?

— Энциклопедия знает слишком много.

— Шок от контакта с инопланетянином, — поставил диагноз Макензи, — Урок на будущее: не связывайся с инопланетянами без предварительной подготовки.

— Дело не в том, — сказала Нелли, — Он знает то, чего ему не следовало бы знать.

— Насчет нас?

— Нет, насчет мест, до которых земляне еще не добрались, и все такое прочее, до чего никак не мог дойти собственным умом.

— Например?

— Например, математические уравнения, ни капельки не похожие на те, что известны нам. Откуда он узнал их, если провел всю жизнь на этой планете? Чтобы пользоваться такими уравнениями, нужно даже лучше землян разбираться в природе пространства и времени. Кроме того, он напичкан философией, всякими идейками, что поначалу представляются попросту бредовыми, но от которых, стоит вообразить себе тех, кто придумал их, голова идет буквально кругом.

Макензи достал кисет, заново набил трубку и раскурил ее.

— Ты хочешь сказать, что Энциклопедия побывал в мозгах других существ, прилетавших сюда?

— По-моему, такое вполне возможно, — отозвалась Нелли. — Мало ли что могло случиться в прошлом? Энциклопедия ведь очень старый. Он уверяет, что практически бессмертен, умрет только тогда, когда во Вселенной не останется ни единого непознанного явления. Мол, если нечего станет узнавать, зачем жить дальше?

Макензи постучал черенком трубки по зубам.

— Похоже на правду, — заметил он. — Я про бессмертие. С физиологической точки зрения растениям жить куда проще, чем животным. При надлежащей заботе они и впрямь могут цвести себе до скончания времен.

На склоне холма зашелестела трава. Макензи замолчал и сосредоточился на трубке. Нелли присела на корточки поблизости от него. Энциклопедия величаво спустился с

холма, подобрался к вездеходу и вонзил свой корень в почву, решив, как видно, подкрепиться на сон грядущий. От его напоминавшей раковину спины отражался звездный свет.

— Я так понимаю, ты собираешься с нами на Землю? — спросил Макензи, чтобы завязать разговор.

Ответом ему была четкая, отточенная мысль, как бы пронизавшая мозг:

— Я бы не отказался. Ваша раса интересует меня.

Попробуй поговори с таким, подумалось Макензи. Как тут не растеряться, когда тебе отвечают не вслух, а мысленно?

— Что ты думаешь о нас? — справился он и немедленно ощутил всю бестолковость подобного вопроса.

— Я знаю о вас очень мало, — заявил Энциклопедия. — Вы создали искусственную жизнь, а мы живем естественной. Вы подчинили себе все силы природы, которыми смогли овладеть. На вас трудятся машины. Судя по первому впечатлению, вы потенциально опасны.

— Что хотел, то и получил, — пробормотал Макензи.

— Не понимаю.

— Забудем, — отмахнулся человек.

— Ваша беда, — продолжал Энциклопедия, — в том, что вы не знаете, куда движетесь.

— Так в том-то вся прелесть! — воскликнул Макензи, — Господи, да если бы мы знали, куда идем, жить было бы скучнее скучного. А так — ты только представь; за каждым углом, за каждым поворотом — новый сюрприз, новое приключение!

— Знание цели имеет свои преимущества, — возразил Энциклопедия.

Макензи выбил трубку о каблук башмака, затем затоптал угольки.

— Значит, ты нас раскусил?

— Ни в коем случае, — отозвался Энциклопедия. — Это лишь первое впечатление.

Понемногу светало. Музыкальные деревья выглядели этакими кособокими серыми призраками. Все дирижеры, за исключением тех, которые не пожелали отказаться от сна даже ради землян, сидели на своих подиумах, черные и мохнатые, как бесы. Делберт восседал на плече Смита, вцепившись когтистой лапой ему в волосы, чтобы не потерять равновесия. Энциклопедия тащился позади всех. Уэйд шагал во главе маленького отряда, показывая дорогу к подиуму Олдера.

Чашу наполняли обрывки мыслей, излучаемых сознаниями дирижеров. Макензи ощущал, как эти чужеродные мысли норовят проникнуть в его мозг, и почувствовал, что волосы на затылке встают дыбом. Мысли шли не единым потоком, а разрозненно, как будто дирижеры сплетничали между собой.

Желтые утесы стояли часовыми над долиной; чуть выше тропы, что вела вниз, маячил вездеход, похожий в лучах восходящего солнца на огромного оседланного жука.

Олдер, малопривлекательный на вид гномик с кривыми ножками, поднялся с подиума, приветствуя гостей. Поздоровавшись, земляне уселись на корточки. Делберт с высоты своего положения на плече Смита состроил Олдеру гримасу.

Некоторое время все молчали; затем Макензи, решив обойтись без формальностей, произнес:

— Мы освободили Делберта и привели его обратно.

— Он нам не нужен, — нахмурился Олдер, в его мыслях сквозило отвращение.

— То есть как? — изумился Макензи, — Он же один из вас... Нам пришлось изрядно потрудиться...

— От него сплошные неприятности, — объявил Олдер. — Он никого не уважает, ни с кем не считается, все делает по-своему.

— Вы лучше на себя посмотрите! — вмешался Делберт. — Тоже мне, музыканты! Вы злитесь на меня из-за того, что я — другой, что мне плевать...

— Вот видите, — сказал Макензи Олдер.

— Вижу, — согласился тот. — Впрочем, новые идеи рано или поздно обретают ценность. Возможно, он...

Олдер ткнул пальцем в Уэйда.

— С ним все было в порядке, пока не появился ты! Ты заразил его своими бреднями! Твои глупейшие рассуждения о музыке... — Олдер запнулся, вероятно, от избытка чувств, потом продолжил: — Зачем ты пришел? Кто тебя звал? Что ты лезешь не в свое дело?

Уэйда, казалось, вот-вот хватит удар.

— Меня ни разу в жизни так не оскорбляли, — прорычал он и стукнул себя кулаком в грудь, — На Земле я сочинял Музыку с большой буквы! Я никогда не...

— Убирайся в свою нору! — крикнул Олдеру Делберт. — Вы все понятия не имеете о том, что такое музыка. Пиликаете изо дня в день одно и то же, нет чтобы выбиться из колеи, сменить кожу, перестроиться. Дурни вы старые, пни замшелые!

— Какой язык! — воскликнул Олдер, в ярости потрясая над головой сжатыми кулаками, — Да как ты смеешь!..

Чашу захлестнула мысленная волна злобы.

— Тихо! — гаркнул Макензи, — Кому говорят, ну-ка тихо!

Уэйд перевел дух, его лицо сделалось чуть менее багровым.

Олдер присел на корточки и постарался принять невозмутимый вид. Мысли остальных перешли в неразборчивое бормотание.

— Вы уверены? — спросил Макензи, — Уверены, что не хотите возвращения Делберта?

— Мистер, — ответил Олдер, — мы были счастливы, когда узнали, что его забрали.

Другие дирижеры поддержали это заявление одобрительными возгласами.

— По правде сказать, мы не прочь избавиться кое от кого еще, — прибавил Олдер.

С дальнего конца Чаши долетела мысль, содержавшая в себе откровенную издевательскую насмешку.

— Судите сами, можно ли ужиться с такими, — Олдер пристально поглядел на Макензи. — А все началось из-за... из-за... — Так и не найдя подходящего эпитета для Уэйда, он снова сел; возбуждение миновало, и мысли потекли с прежней четкостью: — Если они покинут нас, мы будем искренне рады. Из-за них у нас постоянные склоки. Мы не можем сосредоточиться, не можем как следует настроиться, не можем исполнять музыку так, как нам того хочется.

Макензи сдвинул шляпу на затылок и почесал лоб.

— Олдер, — заявил он наконец, — сдается мне, каша у вас тут заварилась нешуточная.

— Мы были бы весьма признательны, если бы вы забрали их, — сказал Олдер.

— За милую душу! — воскликнул Смит, — С превеликим удовольствием! Столько, сколько... — Макензи пихнул его локтем в бок, и Смит заткнулся.

— Мы не можем забрать деревья, — ядовито сообщила Нелли. — Это не допускается законом.

— Законом? — изумился Макензи.

— Да, правилами Компании. Или тебе не известно, что Компания разработала правила поведения для своих служащих? Ну разумеется, подобные вещи тебя не интересуют.

— Нелли, — рявкнул Смит, — не суй нос не в свое дело! Мы всего-навсего собираемся оказать Олдеру незначительную услугу...

— Которая запрещается правилами, — перебила Нелли.

— Точно, — со вздохом подтвердил Макензи, — Раздел тридцать четыре главы «Взаимоотношения с инопланетными формами жизни»: «Служащим Компании возбраняется вмешиваться во внутренние дела других рас».

— Совершенно верно, — Судя по тону, Нелли гордилась собой, — Помимо всего прочего, если мы заберем деревья, то окажемся втянутыми в ссору, к которой не имеем никакого отношения.

— Увы, — сказал Макензи Олдеру, разводя руками.

— Мы дадим вам монополию на нашу музыку, — искушал Олдер. — Будем извещать вас всякий раз, как только у нас появится что-либо свеженькое. Мы обещаем не вести переговоров с грумми и продавать музыку по разумной цене.

— Нет, — покачала головой Нелли.

— Полтора бушеля вместо двух, — предложил Олдер.

— Нет.

— Заметано, — воскликнул Макензи, — Показывай, кого забирать.

— Я не понимаю, — возразил Олдер, — Нелли говорит «нет», вы — «да». Кому верить?

— Нелли может говорить что угодно, — хмыкнул Смит.

— Я не позволю вам забрать деревья, — сказала Нелли, — не позволю, и все.

— Не обращайте на нее внимания, — посоветовал Макензи, — Ну, от кого вам не терпится избавиться?

— Мы благодарим вас, — произнес Олдер.

Макензи поднялся и огляделся по сторонам.

— Где Энциклопедия? — спросил он.

— Удрал к машине, — ответил Смит.

Макензи посмотрел на холм: Энциклопедия быстро поднимался по тропе, что вела к гребню.

Все происходящее казалось не слишком реальным, вывернутым шиворот-навыворот, словно на планете разыгрывались сценки из той старой детской книжки, которую написал человек по имени Кэрролл. Шагая по тропе, Макензи думал о том, что, может быть, стоит ущипнуть себя — глядишь, он проснется, и мир встанет с головы на ноги. Он-то надеялся всего-навсего успокоить аборигенов, вернуть им музыкальное дерево в знак мирных намерений землян, а вышло так, что ему предлагают забрать это дерево обратно, в придачу к нескольким другим. Нет, что-то тут не совсем так, вернее, совсем не так, но вот что именно? Впрочем, какая разница? Надо забирать деревья и уматывать, пока Олдер и его приятели не передумали.

— Забавно, — проговорил шедший следом Уэйд.

— Да уж, — согласился Макензи, — забавнее некуда.

— Я разумею деревья, — пояснил Уэйд. — Знаете, Делберт и прочие изгнанники — они ничем не отличаются от остальных. Я слушал концерты много раз и готов поклясться: ни малейшим отступлением от канонов там и не пахло.

Макензи остановился, обернулся и схватил Уэйда за руку.

— То есть Делберт играл как все?

Уэйд кивнул.

— Неправда! — воскликнул Делберт, по-прежнему восседавший на плече Смита, — Я не желал играть как все! Мне всегда хотелось добиться известности! Я выпекал вещь за вещью, выкладывая их на блюдечки с каемочками, получалось до того здорово, что самому хотелось слопать!

— Где ты набрался этого жаргона? — справился Макензи, — Никогда ничего подобного не слышал.

— У него, — Делберт показал на Уэвда.

Тот покраснел и выдавил:

— Доисторический язык, им пользовались в двадцатом веке. Я прочитал о нем в исследовании по истории музыки.

Там приводился словарь... Понимаете, термины были настолько необычными, что сами собой засели в памяти...

Смит облизал губы и присвистнул.

— Выходит, Делберт позаимствовал жаргон из ваших мыслей. Принцип тот же, что и у Энциклопедии, а вот результат похуже.

— Ему не хватает разборчивости Энциклопедии, — объяснил Макензи, — К тому же откуда он мог знать, что говорит на языке прошлого?

— Меня подмывает свернуть ему шею, — признался Уэйд.

— Не вздумайте, — предостерег Макензи. — Я согласен, сделка кажется подозрительной, но семь музыкальных деревьев — это вам не какая-нибудь ерунда. Лично я отступаться не намерен.

— По-моему, — заметила Нелли, — вам не следовало связываться с ними.

— Да что с тобой, Нелли? — полюбопытствовал Макензи, хмуря брови. — С какой стати ты принялась там, внизу, рассуждать о законе? Правила правилами, но ведь на все случаи жизни они не годятся. Ради семи музыкальных деревьев Компания легко поступится парочкой правил, уверяю тебя. Ты догадываешься, как нас встретят дома? Чтобы послушать их, нам станут отваливать по тысяче баксов с носа, и придется выставлять оцепление, чтобы толпа не слишком напирала!

— А главное то, — прибавил Смит, — что народ будет приходить снова и снова. Чем дольше люди будут слушать музыку, тем сильнее она их заденет. Мне кажется, меломания превратится в одержимость. Найдутся такие, которые пойдут на что угодно, лишь бы еще разок услышать, как поют деревья.

— Вот единственное, чего я, кстати говоря, опасаюсь, — вздохнул Макензи.

— Я вас предупредила, — отозвалась Нелли. — Мне известно не хуже вашего, что в такой ситуации правилами обычно пренебрегают. Просто в мыслях дирижеров

сквозила насмешка. Они вели себя, как уличные сорванцы, которые потешаются над тем, кого только что одурачили.

— Бред, — фыркнул Смит.

— Так или иначе, сделка состоится, — заявил Макензи. — Если мы упустим такую возможность, нас потом четвертуют.

— Ты собираешься связаться с Харпером? — спросил Смит.

— Нужно договориться с Землей, чтобы за деревьями прислали корабль.

— На мой взгляд, — буркнула Нелли, — мы сами себя сажаем в лужу.

Макензи щелкнул переключателем, и экран видеофона потемнел. Убедить Харпера оказалось нелегко. Впрочем, Макензи понимал шефа. В такое и впрямь верится с трудом. Но, с другой стороны, здесь все не так, как положено.

Макензи извлек из кармана кисет и трубку. Нелли наверняка заартачится, когда ей велят выкопать остальные шесть деревьев, но ничего, переживет. Нужно торопиться, запасы сыворотки на исходе, осталась всего одна колба.

Внезапно снаружи раздались возбужденные крики. Макензи единым движением сорвался с кресла и выскочил в люк — и чуть было не врезался в Смита, который выбежал из-за машины. Уэйд, который находился у подножия утеса, спешил к товарищам.

— Ну Нелли дает! — воскликнул Смит, — Ты погляди на нее!

Нелли приближалась к вездеходу размеренным шагом, волоча за собой нечто, судорожно дрыгавшееся и сопротивлявшееся. Роща ружейных деревьев дала залп по роботу, одна пуля угодила Нелли в плечо, на долю секунды лишив ее равновесия. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что нечто на деле — Энциклопедия. Нелли тащила его за корень; бедное растение пересчитывало собственным телом все кочки, какие только попадались на пути.

— Отпусти его! — крикнул Макензи. — Отпусти немедленно!

— Он украл сыворотку, — заявила Нелли, — и разбил колбу о скалу.

Она швырнула Энциклопедию под ноги людям. Тот несколько раз подпрыгнул, как мячик, откатился в сторону, принял вертикальное положение и замер, надежно спрятав корень под собой.

— Я душу из тебя вышибу! — Смит, похоже, не собирался шутить. — Ты же знал, что сыворотка нам необходима!

— Вы угрожаете мне насилием, — произнес Энциклопедия, — что является наиболее примитивным методом убеждения.

— Зато всегда срабатывает, — сообщил Смит.

Если Энциклопедия и испугался, это никак не отразилось на течении его мыслей, как обычно сформулированных весьма определенным образом.

— Ваш закон запрещает применять насилие или угрожать им инопланетным формам жизни.

— Приятель, — хмыкнул Смит, — есть такая поговорка: «Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло». На то и правила, чтобы из них существовали исключения.

— Минуточку, — вмешался Макензи и спросил Энциклопедию: — Что такое, по-твоему, закон?

— Правила поведения, которые необходимо соблюдать. Вы не можете нарушить их.

— Чувствуется влияние Нелли, — пробормотал Смит.

— То есть ты считаешь, что мы не можем забрать деревья, раз закон запрещает нам сделать это?

— Не можете, — подтвердил Энциклопедия.

— Едва до тебя дошло что к чему, ты стащил у нас сыворотку. Молодец, ничего не скажешь.

— Он рассчитывал одурачить нас, — объяснила Нелли, — если хотите, облапошить — в общем, использовать в своих целях. Насколько я поняла, он украл сыворотку для того,

чтобы нам нечем было защищаться от музыки. А потом, вдоволь наслушавшись, мы бы забрали деревья.

— Наплевав на закон?

— Именно. Наплевав на закон.

— Что за ерунду ты порешь? — напустился на робота Смит, — Откуда тебе известно, что он там замышлял?

— Я прочла его мысли, — ответила Нелли. — Он прятал их ото всех, но, когда ты пригрозил ему, часть истины выплыла наружу.

— Нет! — воскликнул Энциклопедия, — Нет, не ты, не машина!

— Извини, дружище, — фыркнул Макензи, — но ты ошибаешься.

Смит ошеломленно уставился на товарища.

— Правда, правда, — заверил его Макензи, — Мы не блефуем. Нелли рассказала мне вчера вечером.

— Вас неправильно информировали, — отбивался Энциклопедия, — Вы неверно истолковываете факты...

— Не верь ему, — произнес тихий голос, прозвучавший, как почудилось Макензи, у него в голове, — Не слушай, он все врет.

— Никодим! Ты что, что-то знаешь?

— Дело в деревьях, — сказал Никодим, — Музыка изменяет тебя, и ты становишься не таким, каким был раньше. Уэйд уже изменился, хотя и не подозревает о том.

— Если вы хотите сказать, что музыка завораживает, я согласен с вами, — проговорил Уэйд. — Я не могу жить без нее, не могу покинуть Чашу. Возможно, вы, джентльмены, полагали, что я отправлюсь с вами. К сожалению, ничего не получится. Я не могу уйти отсюда. Подобное может произойти с любым человеком. У Александера, когда он был здесь, неожиданно закончилась сыворотка. Врачи поставили его на ноги, однако он вернулся, потому что должен был вернуться, просто-напросто должен.

— Перемена заключается не только в этом, — возразил Никодим, — Музыка подчиняет человека настолько, что

изменяет образ мышления, переиначивает жизненные ценности.

— Ложь! — вскричал Уэйд, делая шаг вперед, — Я остался таким, каким был!

— Вы слушаете музыку, — сказал Никодим, — улавливаете в ней то, чего не передать словами, то, что стремитесь, но не можете постичь. Вас томят неосознанные желания, вам в голову приходят странные мысли.

Уэйд замер с раскрытым ртом и вытаращился на Макензи.

— Так и есть, — прошептал он, — ей-богу, так и есть, — Он принялся озираться по сторонам с видом загнанного животного, — Но я не чувствую в себе никаких перемен. Я человек, я мыслю, как человек, веду себя как человек!

— Разумеется, — подтвердил Никодим, — Они боялись вас спугнуть. Ощути вы, что с вами творится что-то неладное, вы наверняка постарались бы выяснить, что тому причиной. И потом, вы провели тут меньше года. Через пять лет вы отвернулись бы от людей, а через десять начали бы мало-помалу превращаться в нечто совершенно иное.

— А мы-то собирались везти деревья на Землю! — воскликнул Смит. — Целых пять штук! Помнишь, Дон? Чтобы земляне слушали их музыку, вечер за вечером, вживую и по радио. Ничего себе положеньице: семь деревьев изменяют мир!

— Но зачем? — проговорил потрясенный Уэйд.

— А зачем люди одомашнивают животных? — ответил вопросом на вопрос Макензи, — У животных о том спрашивать бесполезно, они не знают. Справляться у собаки, почему ее одомашнили, все равно что интересоваться тем, с какой стати деревьям вздумалось приручить нас. Несомненно, они преследуют какую-то цель, и она для них вполне ясна и логична. Для нас же она, скорее всего, не станет таковой никогда.

— Никодим, — от мысли Энциклопедии веяло могильным холодом, — ты предал своих сородичей.

— Ты снова ошибаешься, — заметил Макензи с коротким смешком, — Никодим уже не растение, он — человек. С ним случилось то самое, что ты прочил для нас. Он стал человеком во всем, кроме разве что внешнего вида. Он мыслит, как человек, разделяет не ваши, а наши убеждения.

— Правильно, — сказал Никодим, — Я человек.

Внезапно из зарослей кустарника в сотне ярдов от вездехода вырвалось ослепительное пламя, раздался треск раздираемой материи. Смит издал нечленораздельный вопль. На глазах у пораженного Макензи он пошатнулся, прижал руку

к животу, словно переломился пополам, и рухнул на землю. Лицо его исказила гримаса боли.

Нелли устремилась к зарослям. Макензи нагнулся над Смитом.

Смит криво усмехнулся. Губы его зашевелились, но слов слышно не было. Неожиданно он весь обмяк, дыхание сделалось замедленным и прерывистым. Живое одеяло накрыло собой рану. Макензи выпрямился и вынул из кобуры пистолет. Засевший в кустарнике стрелок, завидев несущегося на него робота, вскочил и вскинул винтовку. Макензи страшно закричал и выстрелил, не целясь. Он промахнулся, зато чуть ли не половину зарослей охватило пламя. Стрелок пригнулся, и тут подоспела Нелли. Она подхватила его на руки и с размаху швырнула на землю, остальное скрыл дым. Макензи, уронив руку с пистолетом, тупо прислушивался к доносившимся из зарослей глухим ударам, сопровождавшим отход в мир иной человеческой души.

К горлу подкатила тошнота, и Макензи отвернулся. Рядом со Смитом на коленях стоял Уэйд.

— Похоже, он без сознания, — проговорил композитор.

Макензи кивнул.

— Одеяло держит его под наркозом. Не волнуйтесь, оно прекрасно справится.

Послышался шелест травы. Энциклопедия воспользовался тем, что остался без присмотра, и улепетывал без оглядки, направляясь к ближайшей роще ружейных деревьев.

— Это был Александер, — сказала Нелли за спиной Макензи, — Больше он нас не потревожит.

Фактор Нельсон Харпер раскуривал трубку, когда прозвучал сигнал видеофона. Испуганно вздрогнув, он щелкнул переключателем. На экране появилось лицо Макензи — грязное, потное, искаженное страхом. Не тратя времени на приветствия, Макензи заговорил:

— Отменяется, шеф. Сделка не состоится. Я не могу забрать деревья.

— Ты должен их забрать! — рявкнул Харпер, — Я уже связался с Землей, и дело закрутилось. Они себя не помнят от радости и пообещали, что корабль вылетит к нам в течение часа.

— Ну так свяжитесь снова и скажите, что все сорвалось, — буркнул Макензи.

— Ты же уверял, что все на мази, никаких осложнений не предвидится! Или не ты клялся доставить их, даже если тебе придется ползти всю дорогу на четвереньках?

— Я, я, — отозвался Макензи, — кто же еще? Но тогда я не знал того, что знаю сейчас.

— Компания сообщила о нашей удаче всей Солнечной системе, — простонал Харпер, — Радио Земли ведет через Меркурий передачу на Плутон. Какой-нибудь час спустя все мужчины, женщины и дети узнают, что на Землю везут музыкальные деревья. Мы ничего не можем поделать, понимаешь, Макензи? Мы должны забрать их!

— Я не могу, шеф, — упорствовал Макензи.

— Но почему? — возопил Харпер. — Ради всего святого, почему? Если ты не...

— Потому что Нелли сжигает их. Она отправилась в Чашу с огнеметом в руках. Скоро на планете не останется ни одного музыкального дерева.

— Останови ее! — взвизгнул Харпер. — Чего ты ждешь, беги и останови ее! Как угодно, хоть расплавь на месте, я разрешаю. Эта дура...

— Я сам приказал ей, — перебил Макензи, — Вот закончу с вами и пойду помогать.

— Ты что, спятил? — вконец разъярился Харпер, — Идиот полоумный! Да тебя съедят живьем! Скажешь спасибо, если...

На экране мелькнули две руки. Они сомкнулись на горле Макензи и поволокли того прочь. Экран опустел, но не

совсем, на нем что-то мельтешило. Впечатление было такое, будто прямо перед видеофоном идет жестокая драка.

— Макензи! — закричал Харпер, — Макензи!

Внезапно экран словно разлетелся вдребезги.

— Макензи! — надрывался фактор. — Макензи, что происходит?

Экран ослепительно вспыхнул, взвыл, точно баньши, и погас. Харпер застыл как вкопанный с микрофоном в руках. Его трубка валялась на полу, из нее сыпались тлеющие угольки. В сердце фактора мало-помалу закрадывался страх, холодная и скользкая змея; страх терзал Харпера и насмехался над ним. Он знал, что за такое Компания снимет с него голову. Лучшее, чего можно было ожидать, это ссылки на какую-нибудь третьеразрядную планетку в должности чернорабочего. Пятно на всю жизнь; человек, которому нельзя доверять, который не справился со своими обязанностями и подмочил репутацию Компании.

Впрочем, подождите-ка! Если он доберется до Чаши Гармонии довольно быстро, то сумеет положить конец безумию, сумеет по крайней мере сохранить хотя бы несколько деревьев. Слава богу, флайер на месте. Значит, через полчаса он будет в Чаше.

Харпер кинулся к двери, распахнул ее настежь, и тут что-то просвистело возле его щеки, ударилось о косяк и взорвалось, оставив после себя облачко пыли. Он инстинктивно пригнулся, и следующая пуля лишь чиркнула по волосам, зато третья угодила прямо в ногу. Он повалился навзничь; четвертая пуля взорвалась прямо перед самым его носом. Харпер кое-как встал на колени, покачнулся, когда очередной залп пришелся ему в бок, заслонил лицо правой рукой и немедленно получил удар, от которого мгновенно онемело запястье. Им овладела паника: превозмогая боль, он на четвереньках добрался до порога, переполз через него и захлопнул за собой дверь.

Он попробовал пошевелить пальцами правой руки. Те отказывались слушаться. Так, похоже, перелом запястья.

После долгих недель пальбы в белый свет ружейное дерево, что росло напротив фактории, наконец сообразило поправить прицел и стреляло теперь прямой наводкой.

Макензи приподнялся с пола, оперся на локоть, прикоснулся пальцами к саднящему горлу. Салон вездехода виделся неотчетливо, будто в тумане, голова раскалывалась от боли. Он передвинулся назад — ровно настолько, чтобы прислониться спиной к стене. Салон постепенно приобрел более-менее четкие очертания, но боль, похоже, и не думала отступать. В проеме люка стоял человек. Макензи напряг зрение, пытаясь определить, кто это.

— Я забираю ваши одеяла, — резанул слух неестественно высокий голос, — Получите их обратно после того, как оставите в покое деревья.

Макензи разжал губы, однако слова не шли с языка: тот еле ворочался во рту.

— Уэйд? — наконец выдавил он.

Да, он не ошибся, с ним говорил именно Уэйд. В одной руке того болтались живые одеяла, другой он сжимал рукоять пистолета.

— Вы спятили, Уэйд, — прошептал Макензи, — Мы должны уничтожить деревья, иначе человечество неминуемо погибнет. У них не получилось на этот раз, но они наверняка попробуют снова и однажды добьются своего, причем им не придется даже лететь на Землю. Они зачаруют нас через записи: этакая межпланетная пропаганда. Дело несколько затянется, однако результат будет тем же самым.

— Они прекрасны, — произнес Уэйд, — прекраснее всего, что есть во Вселенной. Я не могу допустить их гибели. Вы не смеете уничтожать их!

— Вы что, не понимаете — потому-то они и опасны? — прохрипел Макензи, — Их красота фатальна. Никто не может устоять против нее.

— Я жил музыкой деревьев, — сказал Уэйд, — Вы утверждаете, что она превратила меня всего лишь в подобие

человека. Ну и что? Или расовая чистота как в мыслях, так и в действиях — фетиш, который вынуждает нас влачить жалкое существование, несмотря на то что рядом, рукой подать, нам предлагается иной, поистине великий выбор? Мы бы никогда ни о чем не узнали, ясно вам, никогда и ни о чем! Да, они изменили бы нас, но постепенно, исподволь, так, что мы ничего бы не заподозрили. Поступки и побуждения по-прежнему казались бы нам нашими собственными, и никто бы не сообразил, что деревья — не просто музыкальная забава.

— Им понадобились наши механизмы, — проговорил Макензи. — Растения не могут строить машины. При благополучном же для них стечении обстоятельств они ступили бы на новый путь и увлекли нас за собой туда, куда бы мы в здравом рассудке не согласились пойти ни за какие деньги.

— Откуда нам знать, — буркнул Уэйд, — что такое здравый рассудок?

Макензи сел прямо.

— Вы думали об этом? — спросил он, стараясь не обращать внимания на боль в горле и стук крови в висках.

— Да, — кивнул Уэйд, — Поначалу, что вполне естественно, мне стало страшно, но потом я осознал, что страх лишен оснований. Наших детей учат в школе тому или иному образу жизни. Наша пресса стремится формировать общественное мнение. Так чего же мы испугались деревьев? Вряд ли их цель эгоистичнее нашей собственной.

— Не скажите, — покачал головой Макензи. — У нас своя жизнь. Мы должны следовать путем, предначертанным человечеству. Помимо всего прочего, вы попусту тратите время.

— Не понял?

— Пока мы тут беседуем, Нелли сжигает деревья. Я послал ее в Чашу перед тем, как связался с Харпером.

— Ничего она не сжигает, — пробормотал Уэйд.

— То есть как? — вскинулся Макензи, словно порываясь вскочить.

Уэйд выразительно повел стволом излучателя.

— А вот так, — отрезал он. — Нелли ничего не сжигает, поскольку не в состоянии что-либо сжечь, и вы тоже, потому что я забрал оба огнемета. Вездеход не тронется с места, я о том позаботился. Так что лежите спокойно, и никаких глупостей.

— Вы оставили его без одеяла? — проговорил Макензи, показав на Смита.

Уэйд кивнул.

— Вы хотите, чтобы Смит умер? Без одеяла у него нет ни малейшего шанса выкарабкаться. Одеяло вылечит его, накормит, согреет...

— Вот еще одна причина, по которой нам следует как можно скорее договориться между собой.

— Ваше условие — чтобы мы оставили в покое деревья?

— Совершенно, верно.

— Нет, не пойдет, — прошептал Макензи.

— Когда передумаете, позовите меня, — сказал Уэйд, — Я буду держаться поблизости. — С этими словами он спрыгнул на землю.

Смит отчаянно нуждался в тепле и пище. За час, который прошел с той поры, как его лишили одеяла, он очнулся, и у него началась жестокая лихорадка. Макензи сидел на корточках рядом с ним и старался хоть как-то облегчить страдания товарища. Стоило ему подумать о том, что ждет их впереди, как его захлестывала волна ужаса.

В вездеходе не было ни продовольствия, ни средств обогрева, ибо ни в том, ни в другом не возникало необходимости, пока люди имели при себе живые одеяла. Но теперь одеяла неизвестно где! Макензи отыскал аптечку первой помощи, перерыл ее снизу доверху, но не обнаружил ничего такого, что могло бы помочь Смиту: ни обезболивающих, ни жаропонижающих. И в самом деле, зачем нужны таблетки, когда их с успехом заменяют живые одеяла? Что касается тепла, можно было бы использовать атомный двигатель машины, однако мерзавец Уэйд снял механизм запуска. Между

тем снаружи сгущались сумерки; значит, вот-вот похолодает, а для человека в положении Смита холод означает смерть.

«Если бы я только мог найти Нелли», — подумалось Макензи. Он попытался разыскать ее, пробежал около мили по краю Чаши, но никого не встретил, а отойти дальше от вездехода не отважился из-за страха за Смита.

Смит что-то пробормотал. Макензи нагнулся к нему, надеясь разобрать слова, но надежда оказалась тщетной. Тогда он встал и направился клюку. Перво-наперво необходимо тепло, затем пища. Тепло, тепло — что ж, открытый огонь не лучший способ согреться, но когда все прочие недоступны...

Впереди замаячил прицеп с музыкальным деревом, повернутым корнями к небесам. Макензи сломал несколько сухих веток, решив, что они пойдут на растопку. А вообще придется разводить костер из сырой древесины. Ничего, до завтра как-нибудь протянем, а там, глядишь, подвернется побольше сухостоя.

Музыкальные деревья в Чаше настраивались на вечерний концерт.

Вернувшись в машину, Макензи достал нож, аккуратно расщепил сухие ветки, сложил их на полу и щелкнул зажигалкой. Неожиданно в проеме люка, словно привлеченная язычком пламени, возникла крохотная фигурка. Макензи ошарашенно уставился на незваного гостя, забыв поднести зажигалку к хворосту.

— Что ты делаешь? — проникла в его сознание возбужденная мысль Делберта.

— Разжигаю костер.

— Что такое костер?

— Это... А ты разве не знаешь?

— Нет.

— В костре горит огонь, — пояснил Макензи, — Происходит химическая реакция, которая уничтожает материю и высвобождает энергию в виде тепла.

— А из чего ты разводишь костер? — Делберт прищурился, глядя на зажигалку.

— Из веток.

Глаза Делберта расширились, в мыслях промелькнула тревога.

— Веток с дерева?

— Ну да. Мне нужна была древесина. Она горит и дает тепло.

— С какого дерева?

— С того... — начал было Макензи и запнулся на полуслове. Внезапно до него дошло! Он убрал палец с зажигалки, и огонек погас.

— Это мое дерево! — крикнул Делберт; его душили страх и злоба. — Ты разводишь костер из моего дерева!

Макензи промолчал.

— Когда ты сожжешь его, оно погибнет! — не успокаивался Делберт, — Верно? Оно погибнет?

Макензи кивнул.

— Зачем тебе убивать его? — воскликнул Делберт.

— Мне нужно тепло, — повторил Макензи. — Без тепла мой друг умрет. Костер — единственный способ получить тепло.

— Дерево мое!

— Какая мне разница! — пожал плечами Макензи. — Без тепла нам не обойтись, и я его добуду.

Он вновь щелкнул зажигалкой.

— Но я ведь не сделал тебе ничего плохого, — взвыл Делберт, раскачиваясь взад-вперед в проеме люка. — Я твой друг, я никогда не замышлял тебе зла.

— Да ну? — хмыкнул Макензи.

— Правда, правда, — уверил Делберт.

— А как насчет вашего плана? — справился Макензи, — Или не ты пробовал обмануть меня?

— Я тут ни при чем, — простонал Делберт, — Мы, деревья, не виноваты. Все придумал Энциклопедия!

— Вы про меня? — осведомилась обрисовавшаяся снаружи тень.

Энциклопедия вернулся. Он высокомерно отпихнул Делберта и очутился в салоне вездехода.

— Я видел Уэйда, — сказал он.

— И потому решил, что здесь безопаснее, — фыркнул Макензи, испепеляя его взглядом.

— Разумеется, — невозмутимо подтвердил Энциклопедия, — Ваша формула силы утратила всякий смысл. Вы не можете применить ее.

Макензи резко выбросил руку, схватил Энциклопедию за корень и швырнул в угол.

— Только попытайся вылезти, — прорычал он, — я покажу тебе формулу!

Энциклопедия встряхнулся, точно курица. Мысли его оставались спокойными и холодными.

— Я не понимаю, какая вам польза от силы.

— Поймешь, когда окажешься в супе, — пообещал Макензи. Он оценивающе взглянул на Энциклопедию. — Да, из тебя выйдет неплохой суп. Ты вполне сойдешь за капусту. Не то чтобы я любил капустный суп...

— Суп?

— Суп, суп. Жидкая пища.

— Пища! — Мысль Энциклопедии выражала волнение, — Вы собираетесь меня съесть?

— А почему нет? — справился Макензи, — В конце концов, ты всего-навсего растение, пускай разумное, но растение, — Он ощутил мысленное прикосновение к мозгу: Энциклопедия вновь взялся за старое, — Давай-давай, но предупреждаю сразу, тебе вряд ли понравится то, что ты там найдешь.

— Вы скрыли от меня! — возмутился Энциклопедия.

— Ничего подобного, — возразил Макензи. — У нас просто не было случая подумать об этом, вспомнить — для чего люди сажали растения раньше и как пользуются ими и по сей день. Впрочем, ныне мы нечасто прибегаем к ним,

потому что необходимость отпала, однако стоит ей появиться снова...

— Вы едите нас! — пробормотал Энциклопедия. — Вы строите из нас дома! Вы уничтожаете нас, чтобы согреться. Эгоисты!

— Не горячись, — посоветовал Макензи. — Тебя ведь задел не сам факт, а то, что мы полагали, что имеем на это право, так? Тебя возмущает, что мы рвем и рубим, не спрашивая, не задаваясь вопросом, каково растениям. Ты страдаешь от оскорбленного достоинства, верно? — Он передвинулся поближе к люку. Из Чаши раздались первые аккорды. Настройка завершилась, начался концерт, — К сожалению, я оскорблю его еще сильнее. Ты для меня — всего лишь растение. Ты кое-чему научился, приобрел налет цивилизации, но со мной тебе не равняться. Мы, люди, не торопимся забывать прошлое. Минет не одно тысячелетие, прежде чем мы станем относиться к вам хоть чуть-чуть иначе; пока же вы для нас — обыкновенные растения, сродни тем, которыми мы пользовались в былом и можем воспользоваться сейчас.

— Капустный суп, — буркнул Энциклопедия.

— Молодец, — похвалил Макензи, — усвоил.

Музыка внезапно смолкла, оборвалась на середине аккорда.

— Видишь, — заметил Макензи, — даже музыка покинула тебя.

Тишина надвинулась на вездеход, окутала его, словно пеленой тумана; вдруг послышался некий звук: шлеп... шлеп... К машине приближалось нечто огромное и массивное.

— Нелли! — воскликнул Макензи, различив в темноте широкоплечую спину робота.

— Да, шеф, это я, — отозвалась Нелли, — Я принесла вам подарок.

Она швырнула в люк вездехода Уэйда. Тот перекатился на спину и застонал. С тела композитора спорхнули двое крохотных существ.

— Нелли, — проговорил Макензи сурово, — колотить его было вовсе незачем. Тебе следовало подождать с наказанием до моего решения.

— Шеф, — запротестовала Нелли, — я его не трогала. Он попался мне уже таким.

Никодим взобрался на плечо Макензи, а одеяло Смита устремилось в тот угол, где лежал его хозяин.

— Она ни при чем, босс, — подтвердил Никодим, — Это мы так отделали его.

— Вы?

— Ну да, нас было двое против одного. Мы напичкали его ядом.

— Он мне не понравился, — продолжал Никодим, устроившись на привычном месте, — Он был совсем не такой, как ты. Я не хотел подделываться под него.

— Яд? — переспросил Макензи, — Надеюсь, вы отравили его не до смерти?

— Конечно нет, приятель, — уверил Никодим, — У него просто расстроился желудок. Он и не подозревал, что происходит, пока не стало слишком поздно. Мы заключили с ним сделку, пообещали перестать, если он отнесет нас обратно. Он послушался, но без Нелли вряд ли добрался бы сюда.

— Шеф, — попросила Нелли, — когда он очухается, позвольте мне потолковать с ним по душам.

— Нет, — отрезал Макензи.

— Он связал меня, — пожаловалась Нелли. — Он спрятался под утесом, набросил на меня лассо, связал и оставил валяться там. Я провозилась с веревками несколько часов. Честное слово, шеф, я его не убью, так, вразумлю немножко, и все.

Снаружи зашелестела трава, как будто по ней ступали сотни ног.

— У нас гости, — сказал Никодим.

Макензи увидел дирижеров; десятки карликовых существ толпились неподалеку от вездехода, посверкивая светившимися в темноте глазами. Один карлик шагнул вперед. Присмотревшись, Макензи узнал Олдера.

— Ну? — поинтересовался человек.

— Мы пришли сказать вам, что сделка отменяется, — проговорил Олдер. — Делберт рассказал нам.

— Что же он вам рассказал?

— Как вы поступаете с деревьями.

— А, это!

— Да.

— Но сделка состоялась, — возразил Макензи, — ее уже не расторгнуть. Земля с нетерпением ожидает...

— Не надо считать меня глупцом, — перебил Олдер. — Мы нужны вам не больше, чем вы нам. Мы повели себя некрасиво с самого начала, но нашей вины в том нет. Нас надоумил Энциклопедия. Он утверждал, что таков наш долг, долг перед расой, что мы должны нести просвещение другим народам Галактики. Мы сперва не согласились с ним. Понимаете, музыка — наша жизнь, мы создаем ее так давно, что и думать забыли о своем происхождении. Тем более что наша планета еще в незапамятные времена перешла зенит своего существования и теперь становится день ото дня все дряхлее. Однако даже в тот час, когда почва рассыплется у нас под ногами, мы будем сочинять музыку. Вы живете результатами поступков, а мы — созданием музыки. Кадмаровская симфония Алого Солнца для нас важнее, чем для вас — открытие новой планетной системы. Нам доставляет удовольствие, что вы охотитесь за нашей музыкой, и мы огорчимся, если после всего, что случилось, вы отвернетесь от нас. Но на Землю мы не собираемся.

— Монополия сохраняется? — спросил Макензи.

— Сохраняется, — отозвался Олдер. — Приходите, когда вам будет угодно, и записывайте мою симфонию. Как только появится что-то новое, мы сразу дадим вам знать.

— А пропаганда в музыке?

— Отныне ее не будет, — пообещал Олдер. — Если наша музыка и будет воздействовать на вас, то лишь сама по себе, как таковая. Мы не желаем определять вашу жизнь.

— Можно ли вам верить?

— Можно и нужно. Мы согласны и на проверки, хотя в них нет необходимости.

— Посмотрим, — буркнул Макензи, — Лично у меня оснований доверять вам — никаких.

— Очень жаль.

Похоже, Олдер говорил искренне.

— Я собирался сжечь вас, — произнес Макензи намеренно жестко, — уничтожить, искоренить. Вы не смогли бы помешать мне.

— Вы варвары, — заявил Олдер. — Вы покорили межзвездное пространство, создали великую цивилизацию, но ваши методы варварские и неоправданно жестокие.

— Энциклопедия назвал их «формулой силы», — заметил Макензи, — Впрочем, дело не в названии; главное, что они срабатывают. Вот почему нам удалось столького добиться. Предупреждаю вас: если вы снова попытаетесь одурачить людей, расплата будет ужасной. Человек ради собственного спасения уничтожит все, что угодно. Помните об этом: мы не остановимся ни перед чем.

Уловив за спиной движение, Макензи резко обернулся.

— Энциклопедия удирает! — закричал он, — Нелли, хватай его!

— Порядок, шеф, — мгновение спустя откликнулась Нелли. Она выступила из темноты, волоча за собой Энциклопедию.

Макензи повернулся к дирижерам, но они исчезли, лишь глухо шелестела в отдалении трава.

— Что теперь? — спросила Нелли. — Пойдем жечь деревья?

— Нет, — покачал головой Макензи. — Мы не будем их жечь.

— Мы их напугали, — изрекла Нелли, — так здорово, что они не скоро забудут.

— Возможно, — согласился Макензи, — По крайней мере, будем надеяться, что ты права. Но они не только испугались. Они возненавидели нас, и это, пожалуй, гораздо лучше. Мы ведь ненавидим тех тварей, которые питаются людьми, считают, что человек ни на что больше не годен. Они мнили себя пупом Вселенной, величайшими из разумных существ, а мы задали им изрядную взбучку, напугали, уязвили гордость и дали понять, что зарываться не следует. Они столкнулись с теми, кому далеко не ровня. Что ж, в следующий раз подумают дважды, прежде чем ввязаться в очередную авантюру.

Из Чаши донеслись звуки музыки. Макензи запрыгнул в вездеход и подошел к Смиту. Тот крепко спал, укутанный одеялом. Уэйд сидел в углу, обхватив руками голову.

Внезапно спокойствие ночи нарушил рев ракетных двигателей. Макензи выскочил наружу. Над Чашей, заливая ее светом прожекторов, кружил флайер. Вот он круто пошел вниз, на какой-то миг замер в воздухе и совершил посадку в сотне ярдов от вездехода. Из него выбрался Харпер.

— Ты не сжег их! — закричал он, подбегая к вездеходу, — Ты не сжег деревья!

Макензи покачал головой.

Харпер стукнул себя в грудь кулаком левой руки — правая была на перевязи.

— Я так и знал, так и знал! Решил подшутить над шефом, а? Все развлекаетесь, ребята.

— Да уж, развлекаемся.

— Что касается деревьев... Мы не сможем забрать их на Землю.

— Я же вам говорил, — заметил Макензи.

— Полчаса назад пришло сообщение. Оказывается, существует закон, запрещающий доставку на Землю инопланетных растений. Какой-то идиот притащил однажды с Марса дрянь, которая чуть было не погубила все живое на планете,

тогда-то и приняли закон. Просто за давностью лет о нем забыли.

— А кто-то раскопал, — буркнул Макензи.

— Правильно. Так что Компании запретили даже прикасаться к деревьям.

— Оно и к лучшему, — проговорил Макензи. — Дирижеры все равно отказываются лететь.

— А как же сделка? Что с ними стряслось? Они прямо умирали от желания...

— До тех пор, — перебил Макензи, — пока не узнали, что мы употребляем растения в пищу, и кое-что еще.

— Но... Но...

— Для них мы всего лишь шайка страшилищ. Они пугают нами своих отпрысков. Не балуйся, а то придет человек и заберет тебя.

Из-за корпуса вездехода вынырнула Нелли. За ней волочился по земле Энциклопедия, корень которого по-прежнему стискивал железный кулак робота.

— Эй, что происходит? — воскликнул Харпер.

— Нам придется построить концлагерь, — объяснил Макензи. — Желательно с высоким забором, — и ткнул пальцем в Энциклопедию.

— Но что он натворил? — озадаченно спросил Харпер.

— Так, ерунда: покушался на человечество.

Харпер вздохнул:

— Одним забором мы не обойдемся. Ружейное дерево напротив фактории палит по входу прямой наводкой.

— Ничего, — усмехнулся Макензи, — Поместим их в одну клетку, пускай на пару радуются жизни.

Надпись на табличке гласила: «Корпорация “Атомная Энергия”».

Феликс Джонс, репортер из «Дэйли мессенджер», распахнул входную дверь.

— Привет, — сказал он, увидев секретаршу-стенографистку, — Кобб здесь?

— Не для тебя.

— Посмотрим.

Мисс Джойс Лэйн приподняла брови.

— Я подержу дверь открытой, чтобы ему проще было выкинуть тебя вон, — объявила она.

— Ну и ну, — заметил Феликс, — вот это характер!

Джонс направился к кабинету.

— У тебя хорошая реакция? — вслед ему спросила мисс Лэйн.

— Великолепная, — заверил Феликс.

— У мистера Кобба тоже.

Джонс открыл дверь, и Билл Кобб поднял взгляд от стола.

— Опять ты, — вздохнул он без энтузиазма.

— Слышали сегодня об Уокере? — вместо приветствия спросил Феликс.

— Я слышал Уокера. Включил телевизор — а он тут как тут. Сенатор Уокер — трясущийся старый дурак и жулик-политикан. Можешь меня процитировать.

Феликс пересек комнату и уселся на край стола.

— Что вы собираетесь делать?

— Ничего, — пожал плечами Кобб, — Я даже не думал об этом, пока ты не появился. Зря теряешь время.

— Вы не хотите обсуждать эту тему? — Феликс попытался придать своему голосу нотку удивления, но получилось не очень убедительно.

— Ну что ты пристал ко мне? — вспылил Кобб, — Ты дашь мне передохнуть или нет? Хотя бы чуть-чуть. Хочешь публиковать высказывания бесчестных политиков и слабоумных сектантов — пожалуйста. Но меня оставь в покое. Иди и печатай в своей газете любую ерунду. Пройдет пара лет — и, помяни мое слово, я забью всю эту ложь Манну в глотку. Так ему и передай.

— Но Уокер говорил, вся эта ядерная техника очень опасна...

— Естественно, он так говорил. Твердил об этом весь год. И он прав. Атомная энергия на самом деле опасна. Вот почему мы и не выставляем ничего на продажу. Если бы в распоряжении этих чистеньких, едва ли не святых владельцев энергетических компаний, которые борются против нас и прикидываются безгрешными, имелась хоть вполовину такая же отличная техника, как у нас, они бы уже торговали ею направо и налево. Возможно, кто-то пострадал бы при этом, но кому какое дело?

Кобб в сердцах стукнул карандашом по столу.

— Как только у нас появится возможность контролировать атомную энергию, мы сразу выйдем на рынок. Но не раньше. Почему, как ты думаешь, мы запускаем экспериментальную станцию именно в Монтане? Да потому, что там в случае взрыва пострадает меньше людей.

— Звучит слишком мрачно, — заметил Феликс.

— Да ничего подобного! — возразил Кобб. — Просто меня поражает глупость человеческая. Годами люди грезили об атомной энергии: написали о ней горы книг, создали множество проектов ее использования, полагались на нее, строили будущие миры, основываясь на ее применении. И как они ведут себя теперь, когда имеют реальную возможность получить ее в свое распоряжение, причем за смешные деньги? Позволяют лоббистам и кучке жуликоватых политиков пугать себя страшилками об ужасной угрозе ядерной энергии. Слушают бред уличных проповедников, которые

на каждом углу визжат о святотатстве, о посягательстве на то, что создано самим Господом, о грядущей каре небесной.

Феликс соскочил со стола.

— Проваливай, — бросил Кобб.

— Теперь, я понял, почему Уокер вас ненавидит.

— И я его тоже. Всей душой.

Спиной чувствуя на себе взгляд Кобба, репортер направился к двери, но на самом пороге промышленник вдруг окликнул его.

Джонс обернулся.

— И еще одно, — предупредил Кобб, — Если ты... в своей статейке... хоть раз... упомянешь... мое имя... я лично приду в редакцию и собственными руками сверну тебе шею.

— Да вы просто злодей, — сказал Феликс и вышел, хлопнув дверью.

Задумчиво глядя в одну точку, Кобб постучал кончиком карандаша по губе.

— Надо было прямо сейчас его по стенке размазать, — пробурчал он.

В распахнутое окно врывался гул Нью-Йорка: разговоры банковских кассиров, выкрики чистильщиков обуви, голоса официанток из кафе, идущих домой.

Поднявшись из-за стола, Кобб подошел к скрытому в стене сейфу, набрал код и открыл дверцу. Извлек из маленького ящичка лист бумаги и положил его на стол. Затем пробежался пальцем по левому полю страницы, остановив его на третьей строке: «6 сентября с 15:00 до 18:00». Справа были записаны коротковолновые частоты.

Сколько возни, подумал он. И к тому же это совершенно незаконно. Но только так они с Рэмзи могли сохранять в секрете длину волны.

Он включил визор, щелкнул тумблером переключателя частот, потом набрал номер и пароль. Экран мигнул, и Кобб увидел лицо Скотта Рэмзи.

— Я так и думал, что ты меня вызовешь, — произнес Рэмзи. — Ты слышал Уокера?

Кобб кивнул.

— Особенно мне понравилась та часть его речи, где говорилось о бедных вдовах и сиротах, которые вкладывают свои денежки в ценные бумаги и которые вскоре будут просить милостыню, если доверят свои сбережения энергетике.

— Нам-то смешно. — Тон Рэмзи был абсолютно серьезным, даже нравоучительным, — Но именно этим он и достал сенаторов. Потому что, мне кажется, они как раз и есть те самые «сироты», которые вложили свои средства в акции энергетических компаний. Грязная политика. Но это еще цветочки. Вот увидишь, дальше будет хуже. Мы их напугали, Билл, а в страхе они опасны. Ходят слухи, что еще немного — и мы добьемся колоссального успеха.

— Значит, Уокер и его шайка вот-вот заявятся к нам с предложением, — предупредил Кобб, — Ты знаешь, что нужно делать.

— Это уж как пить дать. Сегодня утром один уже приходил. Правда, не думаю, что он связан с лобби. Спрашивал, нужна ли нам помощь. Я поднял его на смех. Он сказал, его зовут Форд Адамс. Слыхал что-нибудь о нем?

— Никогда. Наверняка какой-то чокнутый.

— Боюсь, как бы чего не случилось на станции, — сказал Рэмзи, — Хорошо бы тебе переговорить с Батлером. А еще лучше — повидаться, если получится. Объясни ему, что следует все время быть начеку. Он вечно занят своими разработками и не в курсе даже половины того, что происходит.

— Они не посмеют устроить что-либо на атомной станции, — проговорил Кобб.

— Ты в этом уверен? Говорю тебе, эти парни стоят на ушах. Они перепуганы. Вообразили себе, что мы выйдем на рынок со дня на день, и ополоумели. Они понимают, что, как только станция заработает на полную мощность, — им конец. Им останется только продать свои бумаги вдвое дешевле их стоимости, а то и совсем даром. Финансовые империи под угрозой, не только здесь, но и во всем мире. Люди,

которые сражаются за их благополучие, не остановятся ни перед чем.

— А как насчет Министерства внутренних дел? — спросил его Кобб, — У тебя есть возможность держать их под контролем?

— Я хотел бы сказать тебе «да», но полной уверенности нет. У Салливана нет стабильного финансирования. Если он не станет играть на стороне энергетических компаний, содержание урежут вообще до нуля и Салливану придется сосать палец. К тому же он не очень-то рад тем огромным дамбам, которые получил. Как только появится атомная энергия, плотинам конец. Они будут пригодны разве только для орошения. Впрочем, сейчас фермеры столько теплиц понастроили, что ирригационные системы мало кому нужны.

В общем, все идет к тому, что он может отказаться поддерживать нас и прикрыть нашу лавочку, до тех пор, пока мы не продемонстрируем ему убедительные доказательства того, что нами разработаны соответствующие меры безопасности. В принципе, никакой задержки быть не должно, поскольку мы можем сказать, что занимаемся экспериментальной работой, а она всегда предполагает определенный риск. Это общепризнанный факт. И все же он вполне может на какое-то время приостановить помощь.

— Сделай все возможное, Скотт, — требовательным тоном сказал Кобб. — Есть ли опасность, что предложенный Уокером закон будет принят?

— Только не на этой сессии. Большинство из них понятия не имеют о настроениях избирателей на местах. Может, у них получится в следующий раз. Особенно если примитивисты и впредь будут наводнять город. Ведь буквально на каждом шагу натыкаешься на импровизированные трибуны и разглагольствующих с них проповедников. Они называют кощунством...

— Знаю. Слышал их речи. Существует ли хоть малейшая возможность, что за их спиной стоят энергетические корпорации?

— Абсолютно никакой, — подтвердил Рэмзи.

— Ладно, тогда сегодня вечером я встречусь с Батлером. Удачи с Салливаном!

Экран потух. Кобб перевел тумблер в исходное положение, чтобы переключиться на легальную частоту, и в этот момент раздался сигнал интеркома.

— Слушаю, — нажав кнопку, ответил он.

— К вам пришел мистер Адамс, — послышался голос мисс Лэйн, — Мистер Форд Адамс.

— Я не знаю никакого Форда Адамса.

— Он настаивает, что это важно.

Форд Адамс? Да это же тот чокнутый, который заходил к Рэмзи сегодня утром!

— Я приму мистера Адамса через минуту.

Он запер в сейф листок с секретными записями и вновь нажал на кнопку интеркома.

— Проводи мистера Адамса ко мне.

В кабинет, прихрамывая, опираясь на тяжелую трость, вошел человек очень высокого роста. Положив трость на стол, он успел перехватить мимолетно брошенный на нее взгляд Кобба.

— Сицилия, — пояснил он.

— Мне не довелось, — откликнулся Кобб.

— Возможно, вы знаете, что я виделся с Рэмзи этим утром.

Кобб кивнул и шевельнулся в кресле.

— Я предложил ему помощь, — продолжил Адамс. — Но мистер Рэмзи, кажется, не принял меня всерьез.

— А почему вы решили, что мы нуждаемся в вашей помощи?

— Ну, это же очевидно, — возразил Адамс. — Вы всего лишь горстка единомышленников, а сражаетесь практически против целого мира. Я основательно изучил проблему и разбираюсь в ней достаточно хорошо. Вы предложили свою теорию развития мировым энергетическим корпорациям на условии, что они заключат между собой соглашение,

предусматривающее отказ от увеличения прибылей в течение ближайших двадцати лет. В том случае, если они согласятся заморозить доходы на уровне сегодняшнего дня, львиную долю вырученных средств можно будет направить на развитие и широкое распространение атомной энергетики. Они отказались.

— Именно так, — подтвердил Кобб, — Собственно, другой реакции мы и не ожидали, несмотря на то что шли к ним с честными намерениями. Они усмотрели в этом попытку их уничтожить и сказали «нет». Видимо, рассчитывали, что их собственные инженеры и ученые смогут добиться результата раньше, чем мы приступим к осуществлению своих планов. Но они ошиблись. Батлер — единственный человек, сумевший дойти до сути. Причем к моменту нашей встречи с главами корпораций он уже знал все, что необходимо. Все остальные исследователи несказанно далеки от верного пути.

— Вы угрожали им разорением, — заметил Адамс. Он не обвинял и не спрашивал — просто констатировал.

Кобб криво ухмыльнулся:

— Насколько я припоминаю, да. Прояви они порядочность и добрую волю, мы с готовностью стали бы с ними сотрудничать. Хотите верьте, хотите нет, но мы не гонимся за богатством. Батлер — главный из нас — вообще не имеет понятия, что на свете существует такая штука, как деньги. Вы, несомненно, встречали подобных ему людей. Им движет лишь одна страсть: атомная энергия — только она имеет для него значение. Не как теория или предмет отвлеченных исследований, а как сила, способная — причем без серьезных финансовых затрат — перевернуть мир, как сила, которая дарует человечеству свободу и будет способствовать ускорению прогресса. Дешевая, безопасная в применении и доступная в любом количестве энергия, пользоваться которой сможет любой человек — вне зависимости от его финансового положения.

Адамс мял в руке сигарету.

— Все вами сказанное, Кобб, относится к Батлеру, но не к вам. Цель, к достижению которой стремится Батлер, для вас перестала быть первостепенной и превратилась в своего рода игру. И в этой игре может быть только один победитель: либо вы, либо лобби энергетических корпораций. Вы изо всех сил стремитесь их уничтожить.

— Само их существование приводит меня в бешенство, — признался Кобб.

— Вы не ученый.

— Да, не ученый. Я бизнесмен. Батлер ничего не смыслит в делах. Вот почему эту часть нашего предприятия пришлось взять на себя мне. Батлера здесь вообще нет. Он в Монтане. Такое распределение ответственности только на пользу нашему делу.

— Но вы же не единственные в своем роде.

Кобб коротко хохотнул.

— Вы говорите о Департаменте по развитию ядерной энергетики? Забудьте о нем, Адамс. Вы не хуже меня знаете, что этот департамент — еще одна уловка лоббирующих корпораций. Обыкновенная ширма. Чистой воды надувательство. Подобные организации созданы во многих странах по всему миру, и целые армии клерков и стенографистов загружены там «работой».

Адамс кивнул.

— И как только наступит удобный момент, все они лопнут.

— И мы вместе с ними, — добавил Кобб. — Люди в панике не смогут отличить одну энергетическую компанию от другой. Для них мошенниками будем все мы.

— Не очень-то приятная картина, — заметил Адамс.

Кобб наклонился к нему через стол.

— Что вы имеете в виду?

— Все это грязно и отвратительно.

— Но сама идея принадлежит именно энергетическим корпорациям, — пояснил Кобб. — Такой путь избран ими. Они подкупали газеты и рекламные агентства, пропихивали

своих людей в Конгресс и даже организовали так называемую религиозную секту, чтобы проповедовать против нас. И они используют все свои силы и связи, чтобы оказывать давление в Вашингтоне. Кроме того, эти жулики основали подставное акционерное общество, чтобы с его помощью спровоцировать скандал и скомпрометировать нас.

Он с размаху стукнул кулаком по столу.

— Если они хотят грязную игру — мы не против. Но еще до ее окончания мы заставим их просить на улице милостыню. Те газетчики, которые поливают нас сейчас, на коленях приползут к этой двери и будут униженно умолять, чтобы мы обеспечили энергией их печатные станки.

— А что вы скажете о всемирном комитете? — спросил Адамс, — Вы могли бы обратиться к нему. Могли бы разработать международный проект. Тогда никто не посмеет тронуть вас. У вас будут развязаны руки, и вы получите возможность вырабатывать атомную энергию без постороннего вмешательства, которому вы сейчас так подвержены. Что касается энергетических корпораций, то появится шанс заключить с ними взаимоприемлемое соглашение о сотрудничестве. Участие комитета в вашем проекте заставит их пересмотреть свое отношение.

— Мы обращались в комитет, — сказал Кобб. — Но там, вероятно, не желают лишних хлопот. Они проявляют интерес только к Европе и Азии и считают, что Америке лучше вести свои дела самостоятельно — во всяком случае, до тех пор, пока не будут решены основные проблемы на тех континентах.

— Но это проблема не только Америки, — возразил Адамс, — Это вопрос мирового масштаба. Развитие ядерной энергетики окажет влияние на жизнь всего человечества.

— Да, но они боятся подойти к ней слишком близко, выйти за пределы своих возможностей. Их власть ограничена. Единственная причина столь продолжительного существования такой организации — страх людей перед угрозой новой войны. И лобби поднимают шум, как только кто-

либо делает шаг в сторону всемирного комитета. Но иногда...

— Разве вы не видите, к чему это ведет? — перебил Кобба Адамс. — Свободное распространение атомной энергии по всему миру повлечет за собой возникновение экономического хаоса. Вы упускаете из виду огромное количество предприятий, обеспечивающих рабочими местами сотни тысяч людей. Из-за вас возникнет неразбериха с ценными бумагами, которые сейчас только начинают развиваться и продвигаться на мировой рынок; произойдет изменение торговых реестров, которые тоже только начинают приобретать влияние в мировом устройстве. Вы, несомненно, помните, что происходило в тысяча девятьсот двадцать девятом году. Но те события покажутся лишь рябью на поверхности воды по сравнению с бурей, которую устроите вы.

— Послушайте, Адамс, — холодно произнес Кобб, — вы пришли сюда и заявили, что готовы нам помочь. Я не знаю, кто вы, и не спрашивал вас об этом. Так не пора ли раскрыть карты?

— Я, в общем-то, никто. Просто обычный гражданин, обладающий определенной... ну, можете назвать это эксцентричностью.

— Вас прислал Уокер, — утвердительно произнес Кобб, — Уокер или кто-то из его шайки.

— Поверьте, вы ошибаетесь.

— Тогда кто же? И какое предложение вы собирались нам сделать?

— У меня нет никаких предложений. По крайней мере сейчас. Признаюсь, были кое-какие идеи, но уже нет смысла сообщать их вам. Когда вы по терпите сокрушительное поражение, я зайду еще раз.

— Энергетическим корпорациям нас не одолеть, — огрызнулся Кобб.

Адамс потянулся за своей тростью, поднялся из кресла и, неестественно тонкий и высокий, словно вырос над столом Кобба.

— И все же они победят, — заявил он.

— Убирайтесь! — рявкнул Кобб.

— Всего хорошего, мистер Кобб, — Адамс направился к выходу.

— И не смейте появляться здесь снова, — обронил тот.

Кобб опустился в кресло, бледный от бешенства. Если Уокер решил, что такое вранье может сработать, ну что ж...

Дверь открылась, и в проеме возникла мисс Лэйн, сжимавшая в руке газету.

— Мистер Кобб...

— В чем дело?

Она пересекла комнату и положила перед ним выпуск «Мессенджер». В глаза Коббу бросился кричащий заголовок:

«КОББ НАКОНЕЦ ПРИЗНАЛ,
ЧТО АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ ОПАСНА!»

Цепь вершин Абсорака сияла призрачно-белым снегом под бледным светом серповидной луны, которая висела прямо над острым зубцом горы.

Вертолет глухо стрекотал в небе, а внизу, словно черная река, уплывало назад огромное пространство, именуемое Монтаной.

Кобб раскурил трубку, крепко зажал ее в зубах и поудобнее уселся в кресле, стараясь избавиться от волнения, расслабиться и спокойно подумать.

Это было довольно топорно сработано со стороны лобби — прислать Адамса. Но вполне вероятно, что его визит имел какую-то скрытую цель. Возможно, они хотели намекнуть, что Адамс выполняет миссию их эмиссара, и таким образом использовали его в качестве своего рода ширмы, для того чтобы отвлечь внимание противника от чего-то гораздо более важного.

Адамс, безусловно, отрицал какую-либо связь с энергетическим лобби, но этого можно было ожидать. Если их

интрига не была еще отчаяннее, чем предполагал Кобб, время открытого предложения компромисса еще не наступило.

Кобб наклонился вперед и стал пристально вглядываться в темноту, простиравшуюся за лобовым стеклом вертолета. Но ничего не увидел: все тонуло в кромешном мраке. Ни единого огонька. Кобб взглянул на часы: полночь.

Трубка погасла. Он раскурил ее снова, следя за тем, как прямо по курсу возникают словно из ниоткуда призрачные силуэты гор. Расстояние между ними и вертолетом медленно, но неуклонно сокращалось. Кобб сверился с картами и показаниями приборов и слегка скорректировал курс.

Вдруг небо над горными пиками вспыхнуло.

Да, именно вспыхнуло — это слово в данном случае подходит лучше любого другого. Это не было похоже ни на огонь, ни на ослепительное сияние, ни на зарево — просто внезапная, чрезвычайно яркая вспышка, подобная вспышке фотоаппарата, точнее, миллионов фотоаппаратов. Она длилась всего секунду, а погаснув, оставила после себя кромешную тьму, поглотившую даже луну и снежные горные пики и чуть рассеявшуюся только после того, как глаза вновь обрели способность что-либо различать.

Кобб, ослепленный, выпустил из рук штурвал и инстинктивно схватился за что-то, а вертолет тем временем упорно продвигался вперед.

Вдруг послышался громкий звук — словно пророкотали, слившись воедино и предвещая беду, тысячи громов.

Вертолет затрясло в потоках воздуха, он нырнул. Все еще ничего не видя перед собой, Кобб наугад нащупал штурвал и потянул его на себя, чтобы поднять машину вверх.

Леденящее кровь сознание опасности и борьба с вышедшей из повиновения машиной прояснили разум и заставили Кобба сконцентрироваться.

Такой световой эффект мог быть вызван только взрывом на атомной станции.

Вертолет наконец пришел в норму. Да и зрение прояснилось. Луна по-прежнему висела над горными вершинами. Зарева не было. Его и не должно быть — Кобб это знал. Пожар не возникнет... если только... если не...

Он прищурился, словно пытаясь пронзить взглядом окружающую тьму. Ни намека на свечение... ни единого сполоха огня... Только синь ночного неба, серебристо-белый снег на горных вершинах и яркая, почти белая луна.

У него перехватило дыхание.

Взрыв был — в этом он уже не сомневался. И все? Дальнейшего разрушения не последовало? Неужели все их расчеты и опасения оказались беспочвенными? Быть может, произошел мгновенный распад ядерного топлива, и вся его энергия была израсходована в одном-единственном взрыве?

Кобб повел вертолет к земле, заставляя машину плавно скользить над вершинами. Он догадывался, какая картина вскоре предстанет его глазам, и пытался собраться с силами, чтобы стойко вынести это зрелище.

Еще издалека он увидел зубчатый шрам, змеившийся поперек долины, и тускло поблескивавшую скалу, расколотую и словно отполированную взрывом.

Пролетая над обезобразившим долину глубоким шрамом, Кобб затаил дыхание. Ни единого намека на еще недавно стоявшие здесь здания, ни единого признака жизни. Не чувствовалось и запаха гари. Не было даже пляшущих в воздухе пылинок. Впрочем, их и быть не могло. Атомный взрыв не оставляет после себя даже пыли. Ибо сама пыль стала бы частью той разрушительной энергии, которая образовала излом поперек долины.

Он направил вертолет к уступу горы, которая сбегала в долину, и, поставив лопасти пропеллера на холостой ход, пошел на посадку. Уступ был обрублен — ровно, как ломтик сыра, отрезанный острым ножом. На пугающе гладкой поверхности горного отрога зияло черное отверстие, и Кобб почувствовал накатившую волну благодарной надежды.

В конце тоннеля было сводчатое помещение, в котором Батлер хранил свои записи. Если взрыв разрушил это хранилище и унес в небытие результаты многолетних трудов, все потеряно. Но если хранилище уцелело...

Колеса коснулись скалы и медленно поехали вперед. Кобб нажал на тормоза, выключил двигатель, резко распахнул дверь и, соскочив на землю, бросился вверх по склону к входу в тоннель.

В черном проеме возникло какое-то движение. Человек! Судорожно прижимая к себе спрятанный под мышкой портфель, пошатываясь на трясущихся ногах, он медленно шел навстречу Коббу. В какой-то момент человек поднял голову, чтобы взглянуть вверх, и слабый лунный свет скользнул по его лицу.

— Батлер! — воскликнул Кобб. — Батлер! Слава богу!

Правая рука Батлера вскинулась, и в лунном свете тускло сверкнул металл.

— Стой на месте! — Голос ученого звучал непривычно хрипло.

Кобб сделал шаг вперед.

— Я выстрелю! — гаркнул Батлер, — Клянусь, я выстрелю, и да поможет мне...

Раздался грохот, вспышка бросила короткую красную тень на того, кто держал оружие.

— Батлер, это Кобб! Билл Кобб!

Прогремел еще один выстрел. Пуля просвистела совсем рядом с Коббом.

— Ради Майка! — завопил тот.

Пистолет дрогнул, и колени Батлера подогнулись. Кобб прыгнул вперед, но он был слишком далеко и не успел предотвратить падение. Когда он приблизился к Батлеру, тот лежал, прикрывая телом портфель.

Он не выпустил его из рук и тогда, когда Кобб, опустившись на колени, помог другу приподняться. Бизнесмену пришлось нагнуться, чтобы услышать его тихий шепот:

— Надо уходить... Спрятаться в горах... Надо...

Кобб встряхнул его, и глаза Батлера вдруг открылись.

— Билл...

— Да, это я.

— Давай выбираться отсюда, — прошептал Батлер. — Это лоббисты. Их шпионы. Один из них... один их них...

Кобб мрачно кивнул:

— Бумаги?

— Все у меня, — едва слышно прохрипел ученый, — Все, что нам нужно. Остальное... не важно.

Кобб быстро подхватил его на руки и нетвердой походкой направился к вертолету.

«Взрыв... сшиб меня с ног... — пытался объяснить Батлер, — А когда после... пришел в себя... Все дрожит... не могу нормально говорить...

— Это шок, — сказал Кобб.

В глубине души он понимал, что Батлер чудом остался жив. Тот факт, что его не расплющила на месте ударная волна, не убило радиоактивное излучение, иначе как чудом не назовешь. Хотя... Длинный, с поворотом, тоннель и большая глубина, на которой располагалось хранилище, — вот что на самом деле спасло Батлера.

Оставив ученого на борту вертолета, он помчался обратно и вернулся с зажатыми в руках портфелем и пистолетом. Лопасти пропеллера стремительно, с оглушительным шумом завертелись, машина поднялась ввысь и поплыла над вершинами гор.

— Доктора... — прохрипел Батлер.

— Я как раз и везу тебя к нему, — успокоил друга Кобб. — Откинься на спинку кресла и постарайся расслабиться. И укройся.

Батлер дотянулся и схватил Кобба за рукав.

— Что, Гленн?

— Может... Я подумал... может... будет лучше...

— Не спеши, — предостерег его Кобб, — Постарайся не напрягаться.

— ...Если они решат... что я умер, — с трудом договорил Батлер.

— Может, и так. В данной ситуации, — проворчал бизнесмен.

— Работать... тайно... Тогда...

— Конечно-конечно. Неплохая идея.

Он уставился вперед, прямо в темноту. Работать скрытно. Подпольно. Таиться, словно они преступники. Скрываться от всесильных лоббистов, которые видят в них угрозу своей империи.

Но даже если они пойдут на это, где взять денег? На проведение исследований нужны средства. И немалые. В свое время им не без труда удалось собрать сумму, необходимую для постройки станции — той самой, которая отныне уже не существует. Миллионы долларов выброшены на ветер — точнее, на вспышку в небе и на расщелину в земле.

«Корпорация “Атомная Энергия”» тоже уничтожена — в этом он не сомневался. Лишь позолоченная табличка с его именем, наверное, еще висит на двери кабинета там, в Нью-Йорке. А через день-два, после того как газетчики и примитивисты растопчут их окончательно, исчезнет и табличка. Не останется ничего — совсем ничего.

«Предстоит, — с горечью подумал он, — сделать только одно: завтра утром спуститься в офис «Мессенджер» и набить морду Феликсу Джонсу. Я же обещал свернуть ему шею — значит, должен это сделать. Даже несмотря на то, что Джонс, в общем-то, ни при чем. Он всего лишь журналист, один из многих. И делает то, что умеет лучше всего: пишет, что велит ему босс, и получает за это деньги».

Те, кому действительно надо бы набить морду, для него недосягаемы — по крайней мере сейчас. Нанести им ощутимый удар можно, лишь уничтожив все, чем они владеют, разрушив все, что ими построено и создано, сделав их жалкими и смешными. Но в данный момент это невозможно.

Завтра эти люди будут сидеть и злорадствовать. Завтра...

Кобб повернул голову и увидел позади окутанные туманом горные вершины. Луна опускалась к горизонту — нижний край ее диска почти касался гор.

Какая-то тень промелькнула чуть в стороне от них на фоне скал — что-то маленькое, с вращающимися лопастями.

Еще один вертолет!

Кобб зачарованно смотрел, как лунные блики играют на лопастях пропеллера, но, услышав хриплое бормотание Батлера, мгновенно повернулся к нему.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Доктор... — с трудом выговорил тот.

— Не волнуйся, — уверенно произнес Кобб. — Я отвезу тебя к своему другу. Он человек надежный, слова лишнего не произнесет. Даже не узнает, кто ты. Сам он не спросит, а я не скажу.

— Лучше не придумаешь, — откликнулся Батлер.

Бледный утренний свет просачивался сквозь окна, когда Кобб вошел в офис и направился к стенному сейфу. Быстро набрав нужную комбинацию, он открыл его и засунул внутрь портфель.

— Доброе утро, мистер Кобб, — раздался голос у двери.

Кобб повернулся.

Стоящий на пороге человек был худ и высок. В руках он держал тяжелую трость.

— Удачно получилось с Батлером, — сказал Форд Адамс.

— Вы опоздали, — ответил Кобб, — Минутой раньше у вас еще был шанс размозжить мне голову этой палкой и завладеть портфелем.

— Я мог бы подкараулить вас в любое время, — парировал Адамс. — Но меня интересует не портфель. Я хочу еще раз побеседовать с вами. Помните, я предупреждал, что мы еще встретимся и возобновим наш разговор.

Кобб сунул руки в карманы пальто и ощутил холодную сталь пистолета, который подобрал возле входа в тоннель. Пальцы медленно сжались вокруг рукоятки.

— Входите, — отрывисто произнес он.

Адамс, прихрамывая, пересек кабинет, положил трость на стол и сел.

— Я приходил к вам с конкретным предложением... — начал было он, но Кобб жестом заставил его замолчать.

— Забудьте о предложении, Адамс. Сто человек погибли сегодня в Монтане. Большую их часть я считал своими друзьями. Плюс три или четыре миллиона долларов, потраченные на оборудование, и годы труда коту под хвост. Вы там были. Я видел ваш вертолет на обратном пути.

Адамс кивнул:

— Да, я был там. Следовал за вами.

— Значит, — подвел итог Кобб, — ваш черед рассказывать, — С этими словами он вынул руку из кармана и положил пистолет на стол.

— Прошу вас, — попросил Адамс, — Не нужно мелодрам.

— Никакой мелодрамы. Если ваше объяснение меня не устроит, я стреляю — и вы мертвее мертвого. Впрочем, достаточно уже того, что вам известна правда о Батлере — о том, что он выжил. Так что все очень просто и логично.

— Понимаю, — ответил Адамс.

— Никому не удастся помешать ему еще раз, — резким тоном заговорил Кобб, — Никто не посмеет лишить Батлера последнего шанса. И не только Батлера, но и мир в целом. Он единственный на земле реально способен дать людям атомную энергию. Если с ним что-то случится, кто знает,

сколько еще придется ждать следующей такой возможности.

— Вы хотите сказать, что те, в чьих руках сейчас находится вся энергетика, будут охотиться за Батлером, если узнают, что он жив?

Кобб кивнул.

— Они не тронут Рэмзи или меня. Мы не в счет и не представляем для них никакой ценности, потому что не обладаем такими мозгами, как у Батлера.

Визор на столе вдруг ожил: вспыхнула зеленая лампочка, послышался какой-то треск, потом странные звуки, похожие на птичий щебет...

Кобб пристально уставился на передатчик. Зеленый свет мигнул еще раз. Треск и щебет стали еще более настойчивыми.

— Возможно, какие-нибудь сведения о Батлере? — предположил Адамс.

Кобб дотянулся до пистолета, направил его на Адамса и наклонился к визору.

— Одно движение... — предупредил он.

— Не беспокойтесь. Я слишком дорожу собственной жизнью, — заверил в ответ Адамс.

Кобб включил переговорное устройство. На экране возникла пухлая красная физиономия с маленькими, близко посаженными зелеными глазками, обрамленная взъерошенными седыми волосами. Сенатор Джей Уокер!

— Ты?! — прохрипел Уокер.

— Вы вышли на связь на моей волне, — заявил Кобб.

— У меня и в мыслях не было вызывать тебя! — Уокер рычал от ярости, — Я даже не знал, что это твоя волна. Скажи, есть рядом с тобой человек по имени Адамс?

Адамс напрягся в своем кресле.

— Он просил меня настроиться на эту волну, — продолжал, брызгая слюной, сенатор. — Сказал, я узнаю кое-что интересное.

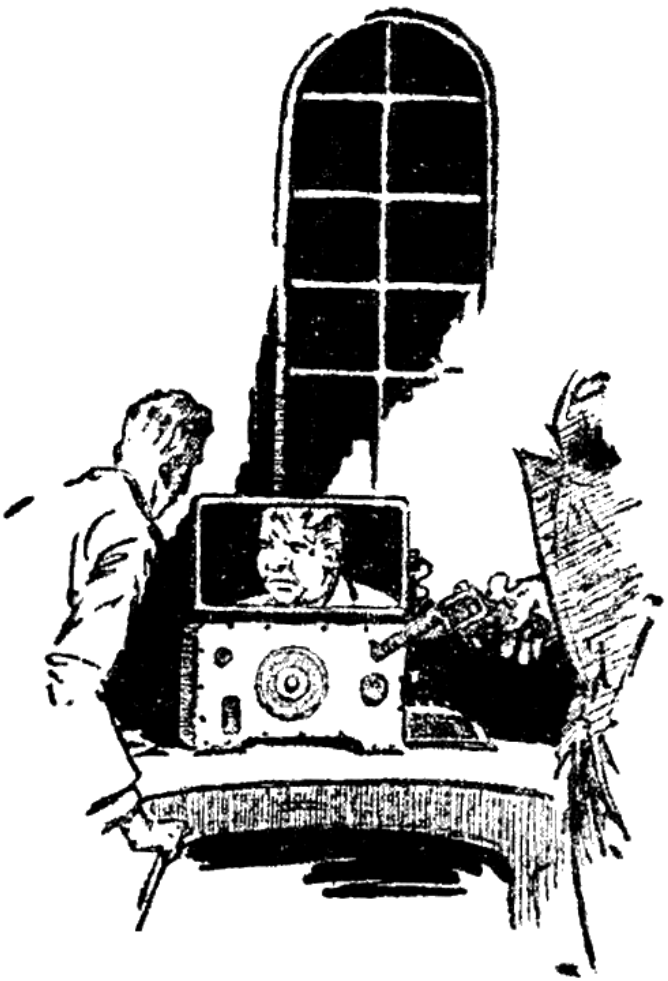
— Да, он здесь, — подтвердил Кобб.

Он отошел от визора и дулом пистолета подтолкнул к нему Адамса. Губы его при этом едва слышно шептали:

— Мое предупреждение остается в силе.

— Естественно, — кивнул Адамс и повернулся к экрану: — Здравствуйте, сенатор.

— Что вам от меня надо? — прохрипел Уокер.



— Сегодня ночью взорвали атомную станцию в Монтане, — сказал Адамс. — Погибли более ста человек.

— Ну и?.. — Из передатчика отчетливо доносилось свистящее дыхание сенатора, — Что ж, это очень печально.

— Мне известны имена тех, кто спланировал и осуществил этот взрыв. Есть и доказательства. Весьма веские доказательства.

— Людей нельзя винить в этом взрыве, — пробормотал Уокер, — Топливо нестабильно, опасно, оборудование плохо налажено и с трудом поддается управлению. Вот поэтому так и происходит. Пуфф — и все.

— Не согласен, — возразил Адамс. — В этой трагедии повинны люди. Их много. Полагаю, кое-кого вы знаете.

— Да кто вы такой, мистер Адамс? — Тон сенатора был оскорбительным.

— Я был членом военного трибунала. А в настоящий момент — официальный представитель всемирного комитета, штаб-квартира которого находится в Женеве, в Швейцарии.

— И вы?.. И вы!..

— В моем распоряжении имеется достаточно улик, чтобы повесить десяток вам подобных, сенатор. В том числе и вас самого.

— Вы не осмелитесь! — взорвался сенатор. — Это шантаж. Бессовестный шантаж. Мы вам устроим...

— Ничего вы не устроите. Вы предстанете перед судом — пред всемирным судом в Женеве. Он существенно отличается от любых других. Ваши показания, а также все аргументы в вашу защиту должны быть представлены в письменном виде. Никакие адвокатские фокусы там не пройдут, никаких отсрочек быть не может. Не будет там и жюри присяжных, так что и на их жалость не рассчитывайте. Решение принимается исключительно на основании фактов. Апелляционного суда тоже нет.

— Вы не имеете права! — выкрикнул Уокер.

— Вас будут судить не только за соучастие в убийстве. Достоянием гласности станет вся ваша деятельность, и прежде

всего — ваши попытки препятствовать развитию атомной энергетики, которая является одним из важнейших факторов повышения уровня мировой экономики и благосостояния всего человечества. И поверьте, такие вопросы находятся в пределах нашей юрисдикции. Мы можем безоговорочно доказать, что ради достижения собственных целей вы не брезговали и убийством.

— Предупреждаю, вас ждут неприятности, — процедил Уокер.

— Боже, как вы отстали от жизни, — покачал головой Адамс. — Давно прошли те времена, когда миллионы были гарантией безнаказанности. Они навсегда канули в Лету в тот момент, когда последний солдат гитлеровской коалиции погиб в последнем японском окопе. С тех пор в мире многое изменилось, Уокер. Фактически! мир стал совершенно иным, а вы об этом даже не подозреваете.

Задыхаясь от гнева, Уокер вытер лицо пухлой ладонью.

— Но вы позвонили мне. Значит, на то была причина. Что вам нужно?

— Полный отчет об энергетических установках и оборудовании, размещенных по всему миру. Полное возмещение убытков, причиненных вашей деятельностью, и возврат акций, проданных Департаментом по развитию ядерной энергетики. И письменное покаяние во всех грехах.

— Но это... — От изумления Уокер не мог вымолвить больше ни слова.

— Это справедливость, — по-своему закончил вместо него Адамс, — Нет никакого смысла вас казнить. А так вы внесете свой вклад в рост мирового благосостояния.

— Но вы так и не сумели получить атомную энергию! — завопил Уокер. — Батлер мертв, а значит...

— Интересно, сенатор, — вкрадчиво спросил Адамс, — откуда вы знаете об этом?

Уокер молчал, лишь губы его беззвучно шевелились. Лицо сенатора как-то съежилось и обвисло. Он вдруг превратился в древнего старика.

— Мы с Коббом нанесем вам визит сегодня днем, — произнес Адамс.

Он щелкнул тумблером и обернулся к Коббу. Тот уже давно положил пистолет на стол.

— Сколько времени вам еще понадобится?

— Месяц. Максимум два, — ответил Кобб, — Да, они здорово струхнули... И проиграли. Взрыв станции был той козырной картой, которую они не желали пускать в ход.

Он нашарил сигарету и, чиркнув спичкой, закурил.

— И после всего этого вы позволите им выйти сухими из воды? — спросил он.

— Выйти сухими из воды? О чем вы?

— А все о том же, — процедил Кобб. Его голос стал резким, — Совершено убийство. За такое полагается смертная казнь или пожизненное заключение, в зависимости от судьи. Это было умышленное, хладнокровное убийство. Совершенное из корыстных побуждений.

— Вы жаждете торжества справедливости?

— Да!

— Справедливость — это идеал, практически недостижимый, — заметил Адамс. — Мы всегда полагали, что наши суды служат эталоном справедливости. Теоретически они именно таковыми и являются. Но в реальной жизни, на практике наша судебная система очень часто терпит поражение. Допустим, мы привлечем Уокера и его подручных к ответственности в суде — здесь или в любом другом месте, — и что мы получим в результате? Вы понимаете это так же хорошо, как и я. Они выкрутятся. Они наймут лучших адвокатов, которые до такой степени собьют с толку судей, что те в конце концов перестанут что-либо понимать. Итог: невиновны за недостатком улик.

— Но это же сделка! — запротестовал Кобб. — Сделка с преступниками, с убийцами.

— Следует быть реалистами, — возразил ему Адамс. — Мы не в силах добиться большего, чем любой другой суд. Мы освобождаем их, позволяем избежать тюрьмы — согласен. И

тем не менее мы достигаем определенных результатов — как в сфере правосудия, так и в том, что затрагивает интересы всего человечества. Никакой суд, даже международный, не может конфисковать собственность правонарушителя. Однако мы добиваемся, позвольте так выразиться, его морального поражения. Человек, преступивший закон, испытывает раскаяние и стремится максимально возместить нанесенный им ущерб, так или иначе искупить вину.

— Люди не поверят вам, — упорствовал Кобб. — Они узнают, что вы пошли на сделку.

— Нет, общество не станет возражать. Такой поворот дела его вполне устроит.

Кобб нахмурился:

— Но сотни жизней...

— Ну как вы не понимаете, Кобб, что речь идет о чем-то гораздо более важном, чем сотня человеческих жизней, чем многие сотни... Впервые в истории общество окажется на пути к созданию правительства, деятельность которого будет стабильной и научно организованной. И это главное — то, что должно прежде всего способствовать процветанию человечества. До сегодняшнего дня всемирный комитет не обладал надлежащим авторитетом и властью. Виной тому — националистическая ненависть, непомерная жажда наживы, захватническая политика частных компаний и множество других проявлений тех пережитков далекого прошлого, что живы и по сей день. Так вот, мощь атомной энергии, необходимость международного контроля за ее добычей и использованием, совместное управление распределением ядерных ресурсов — это и есть те факторы, которые позволят сделать первый шаг на пути к реальной власти.

Дайте комитету еще сто лет — и правители-демагоги исчезнут. На смену им придут новые люди — не те, кто всеми правдами и неправдами собирает голоса во время предвыборных кампаний, а истинные профессионалы, получившие прекрасное образование, такие же специалисты в сфере управления, как, например, врачи со степенью доктора

медицины, или адвокаты — выпускники лучших юридических колледжей. Основываясь на результатах научных исследований, они будут действовать в интересах не только государства в целом, но и каждого его гражданина, в интересах жителей всего мира.

Кобб раздавил в пальцах сигарету.

— А если бы они не взорвали станцию — что тогда? Что было бы, не подари они вам столь бесспорную улику?

— Победа осталась бы за ними. А мы оказались бы бессильны им помешать. До сих пор наши руки были связаны. Не имея возможности действовать открыто, мы могли лишь тайно следить за каждым их шагом.

Ваш проект привлек наше внимание с самого начала — точнее, с тех пор как вы подали заявку на получение международного статуса. Однако проявить свой интерес мы не имели права. Если бы эта шайка преступников хоть что-то заподозрила, они не остановились бы ни перед чем, лишь бы расправиться с международным комитетом.

И вот теперь мы наконец получили реальный шанс прижать к стенке всю эту бандитскую свору, ибо в нашем распоряжении имеются неопровержимые доказательства их прямого участия в уничтожении вашей атомной станции.

Для них и многих им подобных нет места в современном мире. Их устаревшая идеология и средневековое мировоззрение несовместимы с новым укладом жизни. Агрессия, насилие, произвол властей должны навсегда уйти в прошлое...

Полоса яркого света на востоке постепенно завоевывала небесное пространство, все дальше и дальше оттесняя предрассветную мглу.

С улицы донеслись голоса мальчишек — разносчиков утренних выпусков газет. Вдалеке слышался монотонный гул моторов — люди спешили на работу.

Город просыпался.

Начинался новый день.

МИСТЕР МИК — МУШКЕТЕР

I

Оливер Мик обнаружил, что теперь, когда дело сделано, ему нелегко объяснить свой поступок.

Заикаясь под пытливым взглядом мистера Ричарда Бельмонта, президента «Лунной экспортной», он пролепетал:

— Это путешествие я планировал много лет...

— Но ты ведь вернешься, Оливер. Зачем увольняться? Мы вполне могли бы дать тебе отпуск.

Оливер Мик с виноватым видом переступил с ноги на ногу.

— Я могу и не вернуться... Видите ли, это не совсем обычное путешествие. Оно может продлиться очень, очень долго. По дороге многое может случиться. Я ведь хочу облететь Солнечную систему.

Откинувшись в кресле, мистер Бельмонт рассмеялся.

— Ну конечно! Это вполне обычный круиз. Совершенно безопасный. Не о чем беспокоиться. Пару лет назад я и сам слетал. Было здорово!

— Это не обычный круиз, мистер Бельмонт. Я полечу на собственном корабле.

Бельмонт выпрямился в кресле.

— На собственном корабле?!

— Да, сэр, — смущенно подтвердил мистер Мик. — Я более тридцати лет откладывал деньги... на корабль и на прочее. Некоторые говорят, навязчивая идея...

— Понимаю. Ты спланировал все заранее.

— Да, сэр. Спланировал.

Оливер Мик, как всегда, выразился очень осторожно. Откуда мистеру Бельмонту знать, как седой и сутулый бухгалтер тридцать лет мечтал и копил? И надо ли ему это знать?

Тридцать лет горбиться над гроссбухами и калькуляторами, глядя, как в космопорте за окном стартуют корабли. Тридцать лет прислушиваться к обрывкам разговоров людей, управляющих этими кораблями. О, эти люди и эти корабли, припорошенные пылью далеких планет! Корабли, покрытые вмятинами и шрамами, и люди, говорящие на особом языке...

Тридцать лет сводить захватывающие приключения к сухим бездушным цифрам. Тридцать лет регистрировать в бухгалтерских книгах удивительные грузы и еще более удивительные истории. Тридцать лет смотреть, как уходящие корабли оставляют оплавленные воронки на летном поле. Тридцать лет стоять на самой кромке настоящей жизни, но ни разу не перешагнуть ее.

Мистер Бельмонт ни за что не понял бы, а Оливер Мик не смог бы выразить словами романтику дальних странствий, которая гложет сердце стареющего бухгалтера. Сердце, прикованное к земле, но вечно стремящееся в небо...

И кому нужен рассказ о вечерних занятиях, сначала по космической навигации, потом по ракетным двигателям, а потом по искусству пилотирования?

Или об упражнениях с пистолетом перед зеркалом, о тренировках в тире?

Или о ночах, проведенных за чтением книг о дальних мирах?

— Сколько тебе лет, Оливер? — спросил Бельмонт.

— Через месяц исполняется пятьдесят, сэр.

— Может быть, все-таки пассажирский лайнер?.. Есть отличные туры. Все очень удобно, и...

Мистер Мик покачал головой. Глаза за толстыми стеклами очков упрямо блеснули.

— Круизы мне не подходят, сэр. Я собираюсь побывать там, куда лайнеры не летают. За тридцать лет я упустил немало возможностей. Я ждал достаточно долго и теперь лечу, чтобы своими глазами взглянуть на то, что целую жизнь видел лишь во сне.

Оливер Мик толкнул дверь «Серебряной луны», робко переступил порог и остановился, оглушенный. В воздухе висела едкая пелена дыма венерианского табака, пахло незнакомыми напитками, разливался серебряный смех марсианских танцовщиц, стрекотали шарики на колесах рулетки, стучали покерные фишки, и разноязыкий гомон мешался с экзотической музыкой Ганимеда.

Мистер Мик моргнул и осторожно двинулся вперед. За столиком в дальнем углу сидел и мочил усы в кружке дешевого пива седой ветеран пояса астероидов. Мистер Мик бочком подобрался поближе и взялся за спинку свободного стула.

— Не возражаете, если я присяду?

Стиффи Грант поперхнулся от изумления.

— Садись, мне-то что? Это не мое заведение, — прохрипел он.

Мистер Мик присел на краешек стула и осмотрелся. Ноздри его щекотал запах табачного дыма, крепких напитков, мужского пота и дешевых духов танцовщиц. Он поправил пояс, на котором висели два бластера, и уселся как следует.

Так вот он какой, Астероид-Сити на Юноне... Город, о котором Оливер Мик столько читал. Город, который авторы бульварного чтива так часто используют в качестве декораций для самых кровавых историй. Город, где стволы изрыгают огонь, на улицах валяются трупы, а перестрелки начинаются из-за одного неосторожно оброненного слова, из-за девки или неправильно сданной карты.

Туристические маршруты обходят такие места стороной. Для туристов хороши такие города, как Гастапан на Марсе или Радиум-Сити на Венере... Даже Сателлит-Сити на Ганимеде годится. Цивилизованные, до блеска вылизанные мегаполисы, мало чем отличающиеся от Нью-Йорка, Чикаго или Денвера. Другое дело — здесь... Здесь и кровь сама собой начинает бежать быстрее, и мурашки по спине...

— Ты у нас впервые, а? — спросил Стиффи.

Мистер Мик подпрыгнул на стуле, но сразу же взял себя в руки:

— Да, впервые. Но я всегда хотел здесь побывать! Я много читал...

— А про нашего Астероидного Мародера читал?

— По-моему, да. В каком-то журнале. Нелепые рассказы...

— Никакие не нелепые! — с жаром возразил Стиффи. — Я видел его прямо сегодня, после обеда. А эти идиоты мне не верят!

Все это время мистер Мик присматривался к своему собеседнику. Тот с виду вроде бы не был похож на «плохого парня». Впрочем, то же самое можно сказать о ком угодно. Конечно, грубоват немного, но ведь и «хорошие парни» этим грешат.

— Может, выпьете со мной? — неожиданно для-себя предложил мистер Мик.

— Спрашиваешь! Выпить я никогда не отказываюсь.

— А что будем пить?

— Эй, Джо! Налей-ка нам по глоточку! — громким голосом потребовал Стиффи.

— Что это за зверь такой — мародер? — спросил мистер Мик.

— Астероидный Мародер. Эти идиоты считают, что такого просто не бывает, но я-то знаю! Я его только сегодня видел, своими глазами, и слава богу, что успел ноги унести! Выскочил из-за здоровенной скалы и прямо на меня! Я ему полный заряд в морду влепил, а ему хоть бы хны. Ну, после такого дела я больше уж времени не терял, прыгнул в свою посудину и смылся. Вот...

— А на что он похож?

Стиффи навалился на стол и погрозил пальцем:

— Мистер, ты мне все равно, не поверишь. А я не вру, видит бог! Это такая тварь с клювом на морде. Глазастая. Эти глаза... Кажется, замешкаешься на секунду, и они тебя уже не отпустят. Нет, правда, за ними будто сидит кто-то, кто

хочет с тобой поговорить. Огромные, как блюдца, и горят, как угли. А эти грязные рудокопы надо мной только посмеялись, когда я попробовал рассказать. Сказали, что у страха глаза велики. Очень смешно им было.

Зверюга эта ростом с небольшой дом. Туловище как бочка, шея длинная, голова маленькая, зато зубы громадные. Хвост тоже есть, по земле волочится. Я тогда искал Затерянную шахту, видишь ли...

— Затерянную шахту?

— Ну да. А ты что, никогда не слыхал о Затерянной шахте? — Стиффи от удивления опять поперхнулся пивом.

Оливер Мик покачал головой. Может, это как раз одна из тех историй, которыми здесь морочат головы зеленым новичкам? И что прикажете делать в этом случае?

Стиффи тем временем повольготнее устроился на своем стуле.

— Уже много лет, — объявил он, — слухом о Затерянной шахте земля полнится. Говорят, пара старателей нашла ее и сделала заявку через несколько лет после того, как был построен первый защитный купол. Они заявили о находке, запаслись продовольствием и отправились обратно к шахте. Больше их никто никогда не видел.

Стиффи опять навалился на стол.

— И знаешь, что я об этом думаю?

— Нет, — ответил мистер Мик, — И что же вы об этом думаете?

— Это Мародер их сцапал, вот!

Мистер Мик не стал углубляться в предмет.

— Но откуда бы здесь взяться затерянной шахте? — спросил он. — В конце концов, Астероид-Сити — одна из первых старательских баз, и до его основания тут геологической разведки не проводилось вовсе...

Стиффи помотал головой.

— Откуда мне знать? Может, кто-то из тех, кто высадился здесь в самом начале, нашел жилу, а на Землю так никогда и не вернулся...

— Но ведь диаметр Юноны — всего сто восемнадцать миль! — возразил мистер Мик. — Любую заброшенную разработку уже давно бы нашли.

Стиффи фыркнул:

— Ну да, сто восемнадцать миль... Все вы тут умные. Беда в том, что это самые скверные сто восемнадцать миль, на какие ступала нога человека. Ни одного ровного места, знаешь ли.

Наконец прибыла выпивка. Сначала у мистера Мика перехватило дыхание от цены, затем — от самого напитка. Осторожно отдышавшись, он спросил:

— Что это такое?

— Бокка. Добрая старая марсианская бокка. Пей бокку — грудь будет волосатая!

Стиффи с удовольствием выпил, выдохнул через рот и с подозрением посмотрел на своего собеседника:

— Ну как?

— Замечательно! — соврал мистер Мик, — Очень понравилось.

Он закрыл глаза и с мужеством отчаяния сделал еще глоток. До него донесся голос Стиффи:

— Перекинемся в картишки?

Мистер Мик открыл было рот, чтобы согласиться, но тут же закрыл его. Кто знает, что из этого выйдет? Нет, ему спешить некуда.

— Боюсь, я не очень-то хороший игрок, — Он покачал головой, — Разве что в покер по маленькой...

Стиффи некоторое время смотрел на мистера Мика в недоумении, затем захохотал, как будто до него дошла соль.

— Покер по маленькой! Ну ты даешь! Может, ты и с бластерами своими умеешь обращаться?

— Немножко. Тренировался перед зеркалом.

Стиффи покатился со смеху и перевел дух, только когда из глаз покатились слезы. Интересно, почему?

У Стиффи на руках был «полный дом», тузы и короли. Глаза у него мерцали, как у кота, примеривающегося к блюдцу со сливками.

К этому времени за столом оставались только двое: Стиффи и джентльмен с елейными манерами по имени Люк. Ставки неуклонно росли, и остальные сочли за благо не рисковать. Мистер Мик стоял за спиной Стиффи не дыша: вот она, настоящая жизнь! Сидя в тесной выгородке над калькуляторами и пыльными гроссбухами «Лунной экспортной», о таком и мечтать не приходится...

На протяжении часа мистер Мик смотрел, как переходят из рук в руки деньги, каких ему не довелось заработать за всю жизнь. Переходят из рук в руки по капризу одной-единственной карты.

Капризу ли? Мистеру Мику как-то попалась на глаза статья о шулерских приемах. Не это ли самое сейчас происходит? Похоже, этот Люк сдает карты как раз так, как описано в той статье.

Люк поморщился.

— Ну все, открываемся, — объявил он. — Боюсь, мне с вами не тягаться.

Стиффи торжествующе открыл свои карты.

— Что скажешь? Я весь вечер этого ждал!

Стиффи протянул к деньгам мозолистую руку, но Люк жестом остановил его:

— Прошу прощения.

Он открыл свои карты, выкладывая их на стол одну за другой. Тройка, четверка... и еще одна за другой три четверки.

Стиффи сглотнул комок в горле и потянулся к бутылке, но мистер Мик его опередил, накрыв деньги рукой.

— Минутку, джентльмены! Я тут кое-что припомнил...

Наступила мертвая тишина. Мистер Мик смотрел Люку прямо в глаза.

— Объяснитесь, мистер! — потребовал картежник.

Мистер Мик смешался.

— Простите мою опрометчивость! Сущие пустяки, быть может. Вот только эта сдача...

Люк вскочил, одним движением отбросив стул. Зрители мгновенно расступились, не желая оказаться на линии огня. Бармен спрятался под стойкой. Стиффи с воплем сорвался со стула и поскользнулся на натертом полу.

Мистер Мик успел заметить, как рука Люка рванулась к оружию на поясе. Ситуация, когда бездействие противопоказано...

Он не вспомнил о тренировках перед зеркалом. Он не подумал о сотнях книжек, полных оружейной премудрости. Он действовал почти инстинктивно.

Руки пришли в движение, как шатуны, освобождая оба бластера, каждый из своей кобуры.

В то время как ствол чужого бластера еще только поднимался кверху, мистер Мик немного опустил ствол своего левого и нажал на спуск. Раздался металлический визг, и к бластеру в руке Люка метнулась голубая молния. Оружие шулера немедленно раскалилось докрасна.

Но мистер Мик уже оглядывал толпу зевак. Чья-то рука схватила бутылку со стойки и замахнулась для броска. Бластер в правой руке выстрелил, и бутылка разлетелась на миллион осколков, а содержимое превратилось в облако пахучего пара.

Мягко, как кошка, мистер Мик стал отступать, сверкая ледяным взглядом из-за толстых стекол очков: сутулые плечи опущены, узкий подбородок смахивает на челюсть стального капкана.

Он уперся спиной в стену и замер. Никто не шевелился; Люк баюкал свою обожженную руку, лицо его было перекошено от злобы. Под ногами у шулера дымился бесполезный бластер.

Остальные во все глаза таращились на мистера Мика, пытаясь понять, кого же они перед собой видят. Чужак. Одет, как никто здесь сроду не одевался. С виду — клерк или

фермер на покое. Сутулый заморыш в очках, явно ни разу не попадавший под лучи солнца в открытом космосе.

И при этом опередил Люка Блейна и так толково его обезоружил. А ведь Люк первым выхватил бластер!

Оливер Мик услышал собственный голос, но не поверил своим ушам, да и доносились слова будто издалека. Похоже, кто-то другой завладел его голосовыми связками.

— У кого-нибудь еще есть ко мне вопросы?

Вопросов решительно ни у кого не оказалось.

II

Трудно подыскивать подходящие слова, когда тебя подняли ни свет ни заря такие настойчивые собеседники.

Мистер Мик сел на краешек постели, как был, в мятой ночной рубашке, из-под которой торчали костлявые ноги.

— Я вам не Билли Кид, я простой отставной бухгалтер! — отпирался он, — Я первый раз стрелял в живого человека. Представить себе не могу, что на меня нашло.

Преподобный Гарольд Браун будто не слышал.

— Как вы не понимаете, сэр! Вас теперь уважают. Эти бандиты не станут с вами связываться. Вы вполне можете вернуть город добропорядочным гражданам. А сейчас всем здесь заправляет Блэки Хоффман со своей шайкой! Ни о нормальном городском самоуправлении, ни о нормальной жизни говорить не приходится. Они обложили данью каждого предпринимателя, грабят и обманывают шахтеров и старателей, создают условия для процветания порока...

— Словом, все, что вам нужно сделать, — это выгнать Блэки и его банду из города! — со своей стороны радостно подвел черту Эндрю Смит.

— Вы не понимаете... — попытался возразить мистер Мик.

— Пять лет назад, — как ни в чем не бывало продолжал преподобный, — я бы не стал спешить бороться с пороком грубой силой. Ни я, ни моя церковь — не сторонники такого подхода. Но я уже пять лет несу сюда Благую весть, пытаюсь бороться за улучшение качества жизни — бесполезно. С каждым годом все хуже и хуже.

— Здесь можно наладить настоящую жизнь! — воскликнул неунывающий Эндрю Смит. — Вот только надо избавиться от нежелательных элементов. Прекрасные возможности, приток капитала, приличные переселенцы... Возникнут новые социальные институты, например «Ротари-клуб» ...

Мистер Мик в отчаянии поджал пальцы на ногах.

— Вы заслужите вечную благодарность граждан Астероид-Сити! — Преподобный Браун был очень убедителен, — Мы уже пробовали, но ничего не получалось...

— Они всегда или убивали нашего человека, — с энтузиазмом пояснил Эндрю Смит, — или запугивали, или просто подкупали.

— Но такого, как вы, у нас еще не было! — объявил преподобный Браун, — У Люка Блейна очень скверная репутация, и в ссоре с ним никто до сих пор не успевал выхватить оружие первым...

— Мы вас приведем к присяге в качестве шерифа, — поддержал Эндрю Смит. — Должность четвертый месяц как свободна. Не можем найти желающих,

— Вы что-то путаете, — тоскливо возразил мистер Мик, — Прежде всего, я не собираюсь задерживаться здесь надолго. Я только хочу увидеть своими глазами Астероидного Мародера и немного осмотреться в округе — вдруг найду какой-нибудь из тех древних камней, о которых мне приходилось читать. На них, говорят, есть странные надписи на неизвестном языке. Исследователи считают, что надписи сделаны совсем недавно, незадолго до того, как мы сами здесь высадились, но только прочитать их никто не может. Кто это был и откуда?

— Так наше дело не займет много времени! — не сдавался Эндрю Смит. — Ордера на всю компанию уже выписаны. Осталось только предъявить!

— Вы меня совсем не слушаете... Это простая случайность, что я выбил оружие из рук мистера Блейна.

В сердце мистера Мика на месте глухого отчаяния начал наконец закипать гнев. Какое право имеют эти люди с ножом к горлу требовать, чтобы он решал их проблемы? За кого они его принимают? Что он им — знаменитый головорез или межпланетный контрабандист? Еще один гангстер, покруче здешних? И все только потому, что ему повезло в «Серебряной луне» ...

— С меня довольно! — объявил он, — Ничего я делать не буду!

Только тут его гости наконец-то собрались уходить. Вид у них был весьма обиженный.

— Наверное, нам и не следовало тешить себя несбыточными надеждами, — не без яду сказал преподобный Браун на прощание.

В «Серебряной луне» было тихо. Бармен неторопливо протирал стойку бара, а мальчишка с Венеры столь же неторопливо подметал пол. Никто не танцевал, и не играла музыка. Посетителей почти не было.

Стиффи опрокинул стакан и произнес короткую речь:

— Оливер! Ты управляешься с бластерами, как бесхвостая росомаха со своими когтями! Я все думаю, может, ты поделишься секретом?

— Послушайте, мистер Грант! Меня все только об этом и спрашивают, я устал! Это был просто счастливый случай. А интересует меня на самом деле Астероидный Мародер, о котором вы мне рассказывали. Скажите, это очень редкий зверь? Можно просто наткнуться на него, если пойти погулять за городской чертой?

Стиффи поперхнулся и побагровел.

— Мало тебе Люка Блейна! Теперь надо с Мародером познакомиться!

— Ну, зачем обязательно знакомиться... Можно посмотреть издалека.

— В этом что-то есть, — согласился Стиффи, — На Мародера лучше всего смотреть в стереотрубу. Хорошую, мощную стереотрубу.

В бар зашел новый посетитель и направился прямо к столику, за которым сидели Стиффи и мистер Мик. Воинственно задрав черную бороду, он представился:

— Я — Блэки Хоффман. Мик, я полагаю? — На Стиффи он внимания не обратил.

Мистер Мик встал.

— Рад нашему знакомству, мистер Хоффман.

Блэки не без удивления пожал протянутую руку.

— Почему я тебя не знаю? О таких, как ты, всегда ходят слухи.

Мистер Мик покачал головой.

— Ничего удивительного. Я ведь и правда не делал вещей, о которых говорят...

— Присаживайся! — не то предложил, не то приказал Хоффман.

— Мне пора идти! — пискнул Стиффи уже на полдороге к двери.

Хоффман налил себе и подвинул бутылку к Мику. Мистер Мик мысленно стиснул зубы и налил себе — немного.

— Не вижу смысла ходить вокруг да около, — сказал Блэки. — Думаю, мы друг друга хорошо понимаем.

Мистер Мик на самом деле ничего не понял. Отвечать, однако, надо.

— Полагаю, да, — согласился он.

— Так вот, — сказал Блэки Хоффман, — я тут создал компактный, эффективный бизнес, и мне не нужны конкуренты.

Мистер Мик решил проглотить свою порцию выпивки. Получилось.

— Но как раз для парня вроде тебя я всегда найду работу. Люк говорит, что ты ловко обращаешься с бластерами.

— Тренируюсь иногда, — признался мистер Мик.

В бороде Блэки Хоффмана блеснула улыбка:

— Здесь у нас прекрасное, тихое место. Отцы города ничего не делают — боятся, я подозреваю. С шерифами либо случаются неприятности, либо они сами куда-то исчезают. С нами не приходится тужить: работы немного, деньги легкие. Подумай.

— Мне очень жаль, — ответил мистер Мик, — Я не могу.

Блэки Хоффман опечалился.

— Послушай, Мик: ты или с нами, или нет. Мы двоедушных не любим, и мы знаем, что делать с теми, кто разевает рот на чужой кусок. Я не знаю, кто ты и откуда взялся, но скажу прямо и просто: не хочешь к нам присоединяться — дело твое. Но если назавтра ты не исчезнешь из нашего города, я не обещаю тебе... своего покровительства.

После продолжительной паузы мистер Мик спросил:

— Вы хотите сказать, что я должен покинуть город, если не вступлю в вашу банду?

— Совершенно, верно, старина, — кивнул Хоффман. — Именно это я и хочу сказать.

Мистер Мик обиделся. Кто такой этот Хоффман, чтобы указывать ему на дверь? Это свободная Солнечная система или что? Мистер Мик начал понимать, о чем говорил преподобный Браун. Может, это место и правда стоит вернуть добропорядочным гражданам?

Мистер Мик разгневался так, что ему стало немножко не по себе. Надо сказать, он почти никогда в своей жизни не сердился.

Он не спеша поднялся из-за стола и поправил пояс.

— Должность шерифа в этом городе уже некоторое время свободна, не так ли?

Хоффмана этот риторический вопрос развеселил.

— В самую точку! И желающих ее занять не сыщешь. Последний шериф дезертировал. Предпоследнего кто-то убил. А его предшественник вообще исчез непонятно куда...

Мистер Мик сверкнул близорукими глазами.

— Неприемлемое положение дел, не правда ли? — сдержанно произнес он. — Его необходимо изменить.

Улицы были тихи и безлюдны. Это были нехорошие тишина и безлюдье: от них отчетливо пахло неприятностями.

Оливер Мик протер шерифскую звезду рукавом и посмотрел вверх. Сквозь толстое кварцевое стекло купола на бархатно-черном небе ярко сияли звезды. Света хватало, чтобы различить каменные стены, вздымающиеся над вершиной купола. Как и все астероидные поселения, Астероид-Сити был построен на дне глубокого каньона — так был меньше риск попадания метеорита. В свете звезд на могучих утесах были хорошо видны ужасные шрамы, оставленные природными бронебойными снарядами на протяжении геологических эпох.

Новоиспеченный шериф оглядел улицу. Впереди горели огни «Серебряной луны». Мистер Мик ощупал нагрудный карман; в нем хрустели многочисленные бумаги. Ордер на арест Джона Хоффмана за убийство, Люка Блейна за убийство, Джима Смизерса за стрельбу в неположенном месте, Джека Лумиса за нанесение телесных повреждений и Роберта Блейка за разбойное нападение.

Мистеру Мику стало страшно: в «Серебряной луне» его ждала смерть — достаточно покинуть эту тихую улицу, повернуть вращающуюся дверь и переступить порог.

В голове зашевелились недоуменные вопросы. Что он здесь вообще делает? Как попал в эту историю? Что ему до судьбы Астероид-Сити?

Он погорячился... поддался порыву гнева, когда Блэки Хоффман велел ему убираться вон.

Нет, в самом деле: днем раньше, днем позже... Все равно он не собирался здесь засиживаться. В самом Астероид-Сити

смотреть уже не на что, остались только Мародер и те камни с надписями, но разве без них нельзя обойтись?

Можно просто повернуться спиной к «Серебряной луне» — до корабля несколько минут ходу. Топлива хватит до Ганимеда, до старта никто ничего не заметит, а после старта... Какая разница, что о нем будут думать?

Некоторое время мистер Мик стоял, отчаянно споря с собой, потом двинулся в сторону «Серебряной луны».

В полумраке входа показался темный силуэт, угрожающе блеснула сталь. Руки шерифа рванулись к рукояткам бластеров и замерли в воздухе: в спину ему уперлось что-то твердое.

— Ну-ну, шериф! — произнес чей-то глумливый голос. — Мы сейчас спокойно повернемся и пойдем в другую сторону.

Чьи-то руки освободили мистера Мика от бластеров. Он повернулся и пошел в другую сторону. Сбоку и сзади скрипели чьи-то шаги, но похитители молчали.

— Куда вы меня ведете? — спросил мистер Мик, стараясь унять дрожь в голосе.

Кто-то рассмеялся:

— Маленькая экскурсия, шериф. По Юноне. Ночью она смотрится здорово!

Юнона не смотрелась здорово. По большей части она никак не смотрелась, потому что ничего не было видно. В ложбинах лежали черные тени, и только вершины гор мерцали, как миражи, в тусклом свете звезд.

Корабль сел на плато между гребнем с острыми, как иглы, вершинами и глубоким, залитым тьмой каньоном. Похитители вывели пленника наружу.

— Прибыли, шериф! — объявил чей-то жизнерадостный голос, — Остаешься здесь. Солнце взойдет над горным хребтом — вон там. Восход солнца на Юноне — зрелище незабываемое.

Похитители двинулись обратно к кораблю. Мистер Мик дернулся было следом, но его остановил отблеск на стволе бластера.

— Вы оставляете меня здесь?! — Мистер Мик кричал.

— Ну разумеется! Ты же хотел посмотреть Солнечную систему, верно?

Спиной вперед, похитители один за другим погрузились в корабль, не выпуская оружия из рук. На глазах у оцепеневшего мистера Мика люк закрылся. Мгновение спустя взревели двигатели и бывшего шерифа сбили с ног реактивные струи.

Поднявшись на ноги, он бездумно проследил за ракетными выхлопами, пока те не исчезли из виду, неуклюже шагнул вперед и остановился. Идти-то некуда... и делать тоже нечего.

Мистера Мика захлестнули волны страха, не сравнимого ни с чем, испытанным прежде. Ужасали и мерцающие вершины, и угольно-черные тени, и безумное сияние немигающих звезд.

Он попытался взять себя в руки. Как раз такой страх сводит с ума затерявшихся в пространстве. Мистер Мик об этом читал, да и люди рассказывали... Одиночество, световые годы пустоты и страх перед неведомым, который всегда крадется за тобой по пятам...

— Сидел бы ты лучше дома, Мик, — сказал он себе.

Вскоре рассвело — действительно совсем не так, как на Земле. Просто побледнели звезды, и когда самая большая из них — Солнце — показалась над горными вершинами, начали растворяться чернильные тени. Звезды так окончательно и не погасли, только серебристый свет растекся по скалам, и горы перестали казаться висящими в пустоте призраками.

С одной стороны над плато нависали зазубренные скалы, с другой зияла бездонная пропасть. Где-то справа упал метеорит. Вспышка была беззвучной, но камень под ногами содрогнулся.

Глупо бояться метеоритов, сказал себе мистер Мик. Есть более серьезные проблемы.

Воздуха оставалось меньше, чем на восемь часов, в какой стороне Астероид-Сити — неизвестно, понятно только, что до него идти и идти, и вовсе не по гладкому асфальту. Еды и воды тоже нет, но так ли это важно? Воздух кончится гораздо раньше, чем начнутся рези в желудке.

Мистер Мик выбрал подходящий камень и присел, чтобы подумать. Думалось плохо. Куда ни кинь, всюду клин. Безнадежно.

Вот бы ему с самого начала обойти Астероид-Сити стороной! Или, по крайней мере, не лезть не в свое дело. Например, не хвастаться познаниями в шулерских приемах. Еще лучше, не становиться шерифом. Или хотя бы не упрямиться, когда Блэки Хоффман порекомендовал ему сматывать удочки.

Мистер Мик решил, что такие мысли — пустая трата времени, и начал осматриваться.

Утес справа оказался любопытным: у его основания зияла широкая и глубокая щель, как будто гигантский дровосек хотел срубить гору, да передумал и бросил это дело. Мистер Мик осторожно, чтобы не взлететь, поднялся на ноги и направился вдоль подошвы утеса туда, где плато расширялось. Щель, заполненная густыми тенями, становилась все шире и глубже.

Внезапно он замер, затаив дыхание.

В темноте, под горой, что-то блеснуло, будто отраженным светом. Огоньки двигались.

Что-то рванулось навстречу. Бочкообразное туловище, длинная шея, зубастая пасть и ужасные светящиеся глаза. Да, Стиффи описал Астероидного Мародера очень точно...

Не сдержав бесполезного крика, мистер Мик повернулся и побежал. Качая головой на длинной, похожей на хлыст шее, Мародер устремился вдогонку.

Гравитация на Юноне низкая, и бегать здесь можно только длинными, величественными прыжками. И все же мистер Мик уже задыхался, когда от грохота в наушниках заложило уши. Он поднял голову. Корабль! Тормозит и садится!

В сердце мистера Мика вспыхнула надежда. Он оглянулся назад — и надежда тут же угасла. Мародер едва не дышал ему в затылок.

Очередного прыжка не получилось: ноги, от которых он потребовал слишком многого, просто подогнулись. Мистер Мик рухнул на камни и прикрыл шлем руками.

За минуту до чудесного спасения — все кончено! Сейчас его не станет...

Текли секунды, но ничего не происходило. Мистер Мик привстал на четвереньки и огляделся.

Корабль стоял на краю плато; из открытого люка спускалась фигура в скафандре, а Мародер, изменив курс, галопом бежал ей навстречу. Фигура скачками понеслась к мистеру Мику — с бластером наперевес и воплем ужаса на весь эфир:

— Да беги же, черт бы тебя побрал! Беги! Он же сейчас нас обоих...

— Стиффи! — закричал мистер Мик, — Ты прилетел за мной!

Старатель приземлился рядом и рывком поднял Мика на ноги.

— За тобой, за кем же еще! Я так и думал, что эти бандиты устроят тебе сюрприз, вот и держался неподалеку, следил за обстановкой, — Стиффи потянул Мика за руку. — Давай, Оливер, некогда нам здесь рассиживаться.

Мистер Мик почему-то выдернул руку и закричал:

— Нет, ты только посмотри на него!

Мародер забыл о людях и вплотную занялся кораблем. Он грыз обшивку. Получалось хорошо. Лист за листом отрывался от шпангоутов: Мародер будто чистил апельсин.

— Эй! — заорал Стиффи, — Что ты делаешь! Убирайся отсюда, сраная...

Мародер повернулся к людям, не выпуская из пасти толстый электрический кабель.

— А вот щас тебя током убьет! — с надеждой пообещал Стиффи, — И поделом тебе!

Однако никакого электрического удара не последовало. Мародер жевал кабель, и в глазах его светилось блаженство.

Стиффи прицелился:

— Вали оттуда, а то я тебе сейчас шкуру попорчу!

Игриво, почти танцуя, Мародер отошел в сторону.

— Он понял! — задохнулся от удивления мистер Мик.

— Чего? — недоуменно нахмурился Стиффи.

— Он отошел от корабля, как ты ему и сказал!

Стиффи фыркнул:

— Держи карман шире. Да он и услышать нас не мог. Рассуди сам, зачем в вакууме уши? Думаю, он просто прикидывает, с кого из нас начинать.

Мародер решился и затрусил к людям, болтая взад-вперед головой на длинной шее.

— Шевелись! — крикнул Стиффи мистеру Мику и поднял бластер.

Голубой луч ударил Мародеру в голову, но тот даже не сбился с ноги. Бесшумный в пустоте, луч казался бутафорским. Он просто утонул между глаз чудовища, бесследно и безвредно.

— Беги, идиот! — прохрипел Стиффи, — Мне его не задержать!

Мистер Мик бежать не стал. Вместо этого он шагнул вперед и поднял руку.

— Стой! — крикнул он.

III

Мародер с готовностью затормозил всеми четырьмя ногами и остановился, пройдя значительное расстояние юзом.

У Стиффи отвисла челюсть. Некоторое время все трое стояли неподвижно.

Мистер Мик вытянул руку и потрепал Мародера по массивному плечу. До холки рука не доставала.

— Хороший мальчик! — сказал он. — Хороший мальчик!

— Отойди, идиот! — в ужасе прокричал Стиффи, — Один хороший глоток, и поминай как тебя звали!

— Пустяки. Он никого не тронет. Ему просто кушать хочется.

— Этого-то я и боюсь!

— Ты не понял, — возразил мистер Мик, — Ему нужна энергия, а не мы. Стрельни-ка еще раз.

Стиффи тупо посмотрел на бластер в своей руке.

— А ты совершенно уверен, что он не обидится?

— Уверен! При попадании луч обычно рассыпается брызгами, верно? А ты хоть одну искорку видел? Он его просто

впитал. А кабель? Он его прямо как младенец пустышку... Я так думаю, в твоих аккумуляторах уже пусто.

— Чего?

— Он питается энергией. Через кабель он высосал ее из твоей посудины. А за тобой он гонялся, чтобы спровоцировать на стрельбу.

Забыв про шлем, Стиффи попытался схватиться за голову.

— Ну вот и все, нам хана! — объявил он. — Стартовать без нескольких листов обшивки можно было попробовать, а без энергии куда мы денемся?

— Тише, тише... Посмотри-ка сюда!

Стиффи осторожно приблизился к зверюге.

— Что там еще?

— Знаки на его плече. — Мистер Мик указал пальцем в перчатке, — Здесь где-то есть камни с надписями, я про них читал в книжке. Надписи сделаны точно такими же знаками, и никому еще не удалось их прочитать. Автор книжки считал, что их оставили пришельцы с другой планеты, может, даже не из Солнечной системы.

— Ну и ну! Не думаешь ли ты...

— Именно думаю! — заявил мистер Мик уверенно, — Когда-то давно сюда прилетели инопланетяне — вместе с Мародером. И почему-то бросили его здесь. Может быть, он просто робот и на борту ему не хватило места, а может, с ними самими что-то случилось...

— Точно! — перебил Стиффи, — Вот именно! Робот. Настроенный на телепатические волны. Потому-то он тебя и понимает!

— Я так и подумал, — согласился мистер Мик, — Надо полагать, телепатические волны всегда одинаковые, люди ли их испускают, или... еще кто.

На Стиффи внезапно снизошло озарение.

— Затерянная шахта! А вдруг это пришельцы ее пробурили? Тогда... может, эта тварь могла бы показать нам дорогу! Было бы здорово!

— Может?..

Мистер Мик в задумчивости снова потрепал Мародера по каменному плечу. Этого робота создала неизвестная раса из неизвестного сектора пространства, притом неизвестно когда. Кто знает, зачем его построили и почему оставили? Может, его не выбросили, не потеряли, а оставили умышленно?

Оливер Мик потряс головой. Об этом можно будет как следует поразмыслить потом, в космосе, во время очередного межпланетного перелета.

Космос! Мистер Мик вздрогнул и поднял голову к черному небу. Потускневшие звезды, казалось, насмехались над ним.

— Кислород... — прошептал он упавшим голосом. — Стиффи...

— Что такое?

— У меня кислорода осталось меньше половины, а корабля у нас нет...

— Еще не легче! Славно же мы влипли... Значит, нам надо в Астероид-Сити. И быстро.

Мик внезапно оживился:

— Стиффи! А что, если... верхом на Мародере?

Старатель отшатнулся, но мистер Мик подхватил его под руку.

— Давай-давай! Другого пути нет! Нам нужно в город, а Мародер хорошо бегает.

Стиффи тоскливо замычал в ответ.

— Ну-ка подсади меня! — потребовал мистер Мик.

Старатель послушался. Мистер Мик оседлал широкую металлическую спину и помог забраться компаньону.

— Н-но, блохастый! — Бывшему шерифу стало весело.

Хотя на самом деле радоваться было рано. Стоило бы сначала подумать, любит ли Мародер, чтобы на нем ездили верхом. Что, если он сочтет это оскорблением действием?

К счастью, буйствовать Мародер не стал. Он недоуменно потряс головой и обернулся на седоков, явно не понимая, чего от него хотят.

— Давай, давай! Пошел! — Мистер Мик стукнул рукоятью бластера по крупу монстра.

Тот наконец тронулся. Пейзаж начал смазываться от скорости, когда Мародер перепрыгнул огромный валун и поскакал галопом по узкому, извилистому карнизу, оскальзываясь на поворотах. На широкой, гладкой спине ухватиться было совершенно не за что, и седоки удерживались лишь чудом.

— Стиффи, а ты уверен, что мы скачем именно в Астероид-Сити?

— Будь спокоен! Он же читает наши мысли! Стало быть, знает, куда нам надо...

— Хотелось бы верить, — ответил мистер Мик с надеждой в голосе.

Мародер стремительно вписался в очередной крутой поворот, и остроконечные пики на горизонте тошнотворно мотнулись.

Мистер Мик распростерся на спине монстра лицом вниз, отчаянно пытаясь не слететь на острые камни внизу. Улучив момент, он бросил взгляд в сторону. Иззубренный хребет на близком горизонте был похож на добротный придорожный забор.

Оливеру Мику стоило немалых усилий держаться с достоинством, гарцуя по главной улице Астероид-Сити на спине Мародера.

Тротуары были запружены толпой, оцепеневшей от изумления.

Стиффи, разглядевший знакомое лицо, торжествующе прокричал:

— Скажи-ка мне еще раз, засранец, что Мародер — это моя выдумка!

Заметив преподобного Гарольда Брауна и Эндрю Смита, мистер Мик поднял тяжелую, как в кошмарном сне, руку и приветливо помахал. По крайней мере, он надеялся, что получилось приветливо. Ни к чему им знать, что его сейчас ноги не держат.

Эндрю Смит помахал в ответ и что-то прокричал, а преподобный Браун так и остался стоять столбом, разинув рот.

«До нынешнего дня я о таком только в книжках читал, — подумал мистер Мик, — Герой-победитель въезжает в родной город верхом на верном коне». Он вдруг почувствовал укол в сердце: с каких это пор герой-победитель стал узкоплечим немолодым счетоводом, сгорбившимся от тридцати лет сидения над бухгалтерскими книгами? Герой молод, красив и сидит в седле прямо и уверенно...

С тротуара сошел человек с бластером в руке, и до мистера Мика дошло, что они поравнялись с «Серебряной луной».

Блэки Хоффман.

«Ну вот, — подумал мистер Мик. — Сейчас я получу за все сполна. Изображал из себя большую шишку, демонстрировал остроумие, глубокие познания в карточных играх и умение стрелять, а также послужил обществу на высокой должности шерифа...»

Горькие мысли не помешали ему гордо расправить плечи и решительно встретить взгляд Блэки Хоффмана. А как иначе? Во всех книжках герои поступают именно так. А он, черт побери, и есть герой, хочется ему этого или нет.

Улица замерла. В воздухе разлилось предчувствие крупных неприятностей.

В наступившей тишине раздался решительный голос Хоффмана:

— Где твои бластеры, Мик?

— А то ты не знаешь! — Голос мистера Мика звучал ровно. — Они у твоих людей.

— Ну, так одолжи у Стиффи! — огрызнулся Хоффман. — Тебе-то они ненадолго понадобятся! — Хоффман злобно захохотал.

Мистер Мик кивнул. Он протянул руку за спину, не сводя глаз с противника, принял оружие и плотно сжал рукоятку.

Забавно, подумал он. Мне бы сейчас вспотеть от страха, но нет — спокоен, как тем вечером в «Серебряной луне». Удивительно, как оружие меняет человека.

Но шансов у мистера Мика все-таки не было, он это видел. Бластер еще надо вывести из-за спины — Хоффман успеет выстрелить раньше. Странно, но страх почему-то не приходил...

В тусклом солнечном свете блеснул ствол, из которого тут же вылетел голубой луч. Тем бы все дело и кончилось, но произошло невозможное: луч искривился и, вместо того чтобы снести череп мистеру Мику, аккуратно вошел между глаз Мародера.

Монстр затанцевал от удовольствия.

— Надо же! — задохнулся от изумления Стиффи, — Он еще и притягивает! Если ты сам не попал, он схватит и притянет! Прямо громоотвод какой-то!

На лице Блэки Хоффмана отразилась целая гамма чувств: сначала недоумение, потом недоверие и, наконец, что-то очень похожее на страх. Луч погас, и бластер упал на мостовую. Мародер замер.

— Ну что, Хоффман? — негромко спросил мистер Мик.

Лицо Блэки Хоффмана исказилось.

— Слезай со своей ящерицы и дерись как мужчина!

— Нет, — спокойно ответил мистер Мик. — Потому что поединка не получится. Получится, я против всей твоей банды.

Медленно, шаг за шагом, Мародер двинулся вперед. Хоффман некоторое время пятился, пытаясь сохранять достоинство, потом не выдержал и с криком ужаса пустился наутек.

— Взять его! — рявкнул мистер Мик.

И Мародер взял, сделав молниеносный выпад длинной шеей. Взял аккуратно, как и имел в виду Оливер Мик.

Мародер ухватил Блэки Хоффмана за штаны, и теперь тот раскачивался в воздухе, завывая в бессильной ярости и, вполне вероятно, в ужасе. Изящно, как цирковая лошадь, Мародер развернулся и рысцой возвратился к дверям «Серебряной луны», неся свой груз легко и элегантно. Публике представление скорее понравилось.

Блэки Хоффман затих, толпа же, наоборот, зашумела. Под сводом защитного купола заметались одобрительные возгласы. Мародер слегка взбрыкнул и плавно покачал головой сверху вниз, встряхивая свою добычу.

Мистер Мик поднял руку, требуя тишины, и обратился к Блэки:

— Мистер Хоффман, прикажите вашим людям — всем людям! — выйти на середину улицы, так, чтобы их было хорошо видно.

Хоффман выругался.

— Встряхни его еще разок, — приказал мистер Мик.

Мародер встряхнул, и Блэки взвыл, беспомощно размахивая руками и ногами.

— Зараза! Выходите на улицу! Делайте, как сказано!

Никто не пошевелился.

— Блейн! — заорал Хоффман, — Выходи! И ты, Смизерс! Лумис, Блейк!

Они медленно вышли на середину улицы, по одному, ни на кого не глядя, а потом по приказу мистера Мика сложили оружие в кучу на мостовой. Мародер выпустил Блэки Хоффмана, и тот присоединился к своим бойцам.

Мистер Мик кивнул Эндрю Смиту, стоявшему на краю тротуара:

— Вот, мистер Смит. Все до одного, как вы и хотели.

— Чистая работа, — заметил Стиффи, — Даже как-то скучно.

Осторожно, стараясь не тревожить ноющие кости, мистер

Мик спустился со спины Мародера. Как ни удивительно, но ноги его пока держали.

Кто-то распахнул двери «Серебряной луны», и раздался нестройный многоголосый крик:

— Угощение! Угощение для наших героев!

— Думаете, откажусь? — пробормотал себе под нос Стиффи, облизываясь.

Мистера Мика хлопали по спине, кричали в уши комплименты — да так громко, как если бы он стоял на другой стороне главной улицы, — называли старым волком и другими лестными именами.

Он попробовал выпятить грудь — впрочем, без особого успеха. Эта бокка... Хорошо бы остаться в живых.

Кто-то потянул мистера Мика за рукав. Преподобный Браун.

— Вы собираетесь оставить это чудовище прямо на улице? Оно ведь такого может наделать!..

— Ну что вы! — возразил Стиффи, — Он же ласковый, как котенок. Его даже привязывать не надо.

Не успел Стиффи договорить, как Мародер поднял голову, принюхался, как легавая, и сорвался с места.

— Ты куда? — заорал Стиффи, — Стой, падаль косоглазая!

Мародер только прибавил шагу.

Мистер Мик похолодел. Он хотел было что-то сказать, не смог и нервно сглотнул. Он понял. Электростанция! Как раз там, куда направилась эта скотина. Не только тепло и свет, но и кислород!

Электростанция и один очень голодный робот иностранного производства.

— Звезды милосердные! — Мистер Мик наконец обрел дар речи.

Оставив преподобного Брауна, он бросился следом за Мародером, но ни догнать, ни остановить того не было никакой возможности.

Вскоре мистер Мик сорвал дыхание и перешел на шаг. Сзади пыхтел Стиффи, а следом подтягивалось все население Астероид-Сити.

Далеко впереди раздался визг рвущейся стали: Мародер добрался-таки до электростанции.

Стиффи нагнал мистера Мика и прохрипел:

— Догадываешься, что с нами за это сделают? Надо как-то выманить его оттуда.

— И как же?

— Черт бы меня побрал, если я знаю! — ответил Стиффи.

В стене зияла рваная дыра, из которой торчал труп Мародера. Персонал разбежался, рассудив, что жизнь дороже. Оголенные провода в дыре искрили.

IV

Тяжело дыша, мистер Мик и Стиффи остановились за полквартала до станции. Торчащий из дыры в стене хвост Мародера подергивался от удовольствия.

— Лучше бы мы там и погибли, как подобает старым космическим волкам! — объявил Стиффи, — Боюсь, что здесь нас ждет мученическая смерть...

Сзади послышались торопливые шаги, и на плечо мистера Мика опустилась чья-то рука. Эндрю Смит, задыхающийся и красный как рак.

— Так и будете стоять и смотреть? — заорал он.

— Изучаю ситуацию, мистер Смит. Мы сейчас что-нибудь придумаем.

— Он обязательно придумает! — поддержал Стиффи, — Вы только его не отвлекайте. Если обещал, сделает обязательно! Обещал ведь поймать Блэки, и поймал! Мародера тоже... Он...

— Ага! Еще он сказал, что эту зверюгу не надо привязывать. Никуда, мол, не денется...

— Он этого не говорил! — вступился Стиффи за мистера Мика, — Это я сказал.

— Какая мне разница! — завопил Эндрю Смит, — У меня деньги вложены в эту электростанцию, на которой, кстати, держится жизнь всего города! И я знаю, кто виноват! Это вы привели его сюда. Я на вас в суд подам, на обоих!..

— Заткнись! — огрызнулся Стиффи, — Не мешай ему своим нытьем.

Смита затрясло.

— Нытьем? Сейчас посмотрим!..

Он сжал кулаки и шагнул к Стиффи.

Тут мистер Мик в очередной раз сам себя удивил. Ладонью в перчатке он грубо толкнул Эндрю Смита в лицо. Скажи ему кто на Земле, что Оливер Мик на такое способен... Смит не удержался на ногах, шлепнулся на седалище, да так и остался сидеть в уличной пыли, лишившись дара слова.

Не оглядываясь, мистер Мик решительно направился к Мародеру. Он понятия не имел, как приступить к делу, но что угодно лучше, чем стоять вот так, в озлобленной толпе.

А ведь и линчевать могут! Мистер Мик содрогнулся. Шутки шутками, но такое и сегодня случается... Особенно когда кто-то балуется с вещами, от которых зависит сама жизнь в космосе.

Могут, например, выгнать из купола с запасом кислорода на два часа. А могут...

— Беги обратно, старый дурак! — крикнул Стиффи.

Внезапно земля под ногами зашаталась. Электростанция поехала куда-то в сторону, а потом мистер Мик обнаружил, что лежит на спине, глядя, как перед глазами пляшут конструкции купола.

Он с трудом встал на колени, но подняться на ноги не получилось: твердь астероида по-прежнему ходила ходуном.

Землетрясение, подумал он. Вот только откуда взяться землетрясению на Юноне? Малая планета промерзла

насквозь миллиарды лет назад, ее недра мертвы, как сами просторы Вселенной, а на мертвых планетах землетрясений не бывает.

Краем глаза он заметил, что Мародер выбрался из дыры в стене и стоит, широко расставив лапы. Голова на длинной шее поднята высоко в воздух, на уродливой морде — выражение живого интереса.

Как только мистер Мик наконец встал на ноги, Мародер тут же рысью устремился к нему. Мистер Мик присел, балансируя на все еще неспокойной мостовой, и, когда Мародер поравнялся с ним, прыгнул — так энергично, что едва не перелетел через широкую спину чудовища. Оседлав Мародера, он протянул руку и помог забраться Стиффи.

Толпа широко расступилась, давая дорогу скачущему во весь опор Мародеру.

— Откройте шлюз! — прокричал Стиффи.

— Откройте шлюз! — подхватила толпа.

Стук копыт Мародера, несущегося к выходу из-под купола, был подобен ударам молота. Впереди раскрылись внутренние ворота шлюза. Как только Мародер влетел под своды входного туннеля, раскрылись внешние ворота, и на несколько секунд свист и вой воздуха, вырывающегося во внешний вакуум, заглушил все остальные звуки.

Мистер Мик и Стиффи оказались снаружи, едва успев надеть шлемы своих скафандров.

Меньше чем в полумиле от купола на дне каньона лежал огромный валун, возвышавшийся не менее чем на сто футов. Мародер направился прямиком к нему.

— Оливер! Его здесь раньше не было! Смотри, он весь проход перегородил!

По черной поверхности гигантского камня бежали тусклые зеленые огоньки. У мистера Мика перехватило дыхание.

— Стиффи... — прошептал он.

— Ну конечно! — подхватил Стиффи, — Метеорит! И в нем полно радия!

— А упал только что. Вот откуда землетрясение! И как только купол остался цел...

— Нам лучше держаться подальше. К нему без свинцовых экранов подходить нельзя.

Мистер Мик просто позволил себе соскользнуть со спины Мародера, прикрыв шлем скафандра руками. Он упал, покатился, несколько мгновений пролежал неподвижно, оглушенный ударом, потом выполз из тени высокой скалы под свет звезд.

Стиффи сидел в каменном крошеве, потирая лодыжки.

— Ободрал маленько, — признался он.

Мародер же был счастлив. Он уже доскакал до камня и терся об него, выгибая спину.

— Как кот, дорвавшийся до валерьянки! Это ж надо! — подивился Стиффи.

Внезапно старателя посетила какая-то мысль. Он встал и аккуратно отряхнул пыль со скафандра.

— А не пора ли нам заняться делом? — спросил он.

— Делом?

— Ну да! Вернемся в город и оформим заявку. Можно не беспокоиться, что кто-то успеет нас опередить: они тут все боятся Мародера до судорог и на пушечный выстрел не подойдут к камню.

Мистер Мик задумчиво разглядывал метеорит:

— Стоит больших денег, как ты думаешь, Стиффи? Столько радия, что аж светится...

— А как же! — радостно подтвердил старатель. — Поделим пополам, как партнеры!

— Я вот что тебе скажу... — сказал мистер Мик тихо, но решительно, — Бери все. Вычти сумму, необходимую для компенсации ущерба, нанесенного Мародером, и пусть это считается моей долей.

У Стиффи отвисла челюсть:

— Ты что хочешь сказать?

— Я улетаю, Стиффи.

— Улетаешь! Как раз, когда мы нашли золотую жилу!

— Ты не понимаешь. Я прилетел сюда не для того, чтобы искать радий или арестовывать бандитов, и даже не для того, чтобы поймать Астероидного Мародера. Я просто путешествую, тихо и мирно. Никого не беспокою и не хочу, чтобы кто-то беспокоил меня.

— Ну, вот, — обиделся Стиффи, — Я-то думал, разберемся с радием, а там и попробуем заставить этого Мародера привести нас к Затерянной шахте...

Мистер Мик оживился:

— Знаешь, Стиффи, а я догадываюсь, где находится эта самая Затерянная шахта! Помнишь тот странный разрез у подошвы горы, где мы нашли Мародера? Он ведь сидел там, внутри, когда я его впервые увидел. Мне кажется, это она и есть.

Стиффи довольно ухмыльнулся:

— Так ты остаешься!

Мистер Мик покачал головой:

— Нет, я все-таки улетаю.

— Вот как... Ну ладно, вольному воля. Я положу твою половину в Первый Марсианский банк на Земле. Оставлю им мой адрес, вдруг ты захочешь со мной связаться.

— Ни к чему это! Ты только проследи, чтобы восстановили станцию.

Глаза Стиффи странно заблестели в звездном свете:

— Здесь на двоих вполне достаточно! Более чем. Ну что ж, иди.

И Мистер Мик пошел, направляясь к городу. Через некоторое время он повернулся и крикнул:

— Прощай, Стиффи!

— До свидания! — прокричал тот в ответ.

Мистер Мик испытывал противоречивые чувства. Ему хотелось сказать что-нибудь еще, выразить свою благодарность.

Сказать Стиффи, что тот стал ему другом на жизненном пути, где друзья встречались нечасто.

Но нужные слова не приходили. Все, что он мог придумать, звучало неуклюже и сентиментально.

Он решительно повернул в сторону космопорта. Он шел все быстрее и быстрее и наконец перешел на бег.

Надо убираться отсюда поскорее, пока он не влип в очередную историю! Нельзя испытывать судьбу до бесконечности. Такое везение просто не может продолжаться долго.

К тому же оставалась еще целая неизведанная Вселенная, по которой можно странствовать бесконечно, и все остальные места, которые еще предстоит повидать, как мистер Мик и планировал. У него свой корабль, а впереди — Солнечная система и все те удивительные вещи, о которых он мечтал, сидя в своей выгородке в офисе «Лунной экспортной».

Как он решил, так все и будет! Даст бог, следующая остановка окажется поспокойнее...

Оливер Мик удовлетворенно вздохнул: «Это ли не настоящая жизнь?»

МИСТЕР МИК ИГРАЕТ В ПОЛО

I

Вывеска гласила:

РЕМОНТИРУЕМ АТОМНЫЕ МОТОРЫ ЛАТАЕМ ОБШИВКУ ОБНОВЛЯЕМ ФУТЕРОВКУ РАКЕТНЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ СЮДА ПРИПОЛЗАЮТ, ОТСЮДА УЛЕТАЮТ!

Ниже от руки было приписано кривыми буквами:

МЫ ЧИНИМ ВСЕ!

Мистер Оливер Мик недоуменно разглядывал эту вывеску на столбе, заделанном в скальную плиту. Пониже к столбу проволокой была прикручена табличка с совсем уж неразборчивым текстом. Моргая глазами за толстыми стеклами очков, мистер Мик наконец разобрал бледные каракули:

ЖУКИ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ — ЗДЕСЬ!

Последняя надпись мистера Мика особенно озадачила, чего он, однако, не собирался показывать. Отвернувшись от столба, мистер Мик принялся внимательно изучать поселение. Обозначавший его кружок на карте был не самым маленьким, но все относительно: здесь, на орбите вокруг Сатурна, даже самый крошечный аванпост значил гораздо больше, чем его размеры.

Плоская каменная плита явно не превосходила пяти миль в поперечнике. Примерно в центре стояли два очень похожих металлических купола одинаковой конструкции. Да, до архитектурных изысков дело здесь еще не скоро дойдет, подумал мистер Мик. Убежище и еще раз убежище...

Одна из этих построек как раз и представляла собой ремонтную мастерскую, о которой сообщала вывеска.

Надпись, грубо намалеванная над входным шлюзом второго купола, гласила: «Гостиница “Сатурн”».

Вся остальная поверхность была не более чем примитивной посадочной площадкой. Неровности рельефа были попросту срезаны бластерным огнем, чтобы кораблям было удобнее садиться.

Сейчас здесь, вплотную к ремонтной мастерской, стояли два корабля. Один принадлежал Департаменту здравоохранения и социального обеспечения правительства Солнечной системы, а другой — корпорации «Галактическая Фармацевтика». Корабль «Галактической» был обычным грузовиком, неповоротливым и тихоходным. Мистер Мик знал, что этот последний прибыл за грузом звездного мха. Но что здесь делает другой корабль? О каком социальном обеспечении может идти речь в этом медвежьем углу?

Медленно и неуклюже мистер Мик направился к приземистому куполу ремонтной мастерской. Несмотря на все предосторожности, он несколько раз споткнулся и едва не запутался в собственных ногах, обремененных громоздкими ботинками скафандра. При такой слабой, почти отсутствующей, гравитации непривычному человеку приходится постоянно следить за собой и не принимать мелкие неприятности близко к сердцу.

За его спиной лимонно-желтый Сатурн заполнял собой десятую часть неба. На поверхности планеты-гиганта расплывались яркие ядовито-зеленые пятна и змеились тонкие багровые линии.

Справа и слева сверкали, беспорядочно вращаясь, каменные обломки, из которых состояло внутреннее кольцо; над горизонтом, прямо перед глазами мистера Мика, сияли радуги внешних колец.

«Подобно каплям росы во мраке пространства», — пробормотал себе под нос мистер Мик, но тут же устыдился своего поэтического порыва. На самом деле он хорошо знал, что поэзии в этом секторе космоса нет никакой. Это суровый и дикий мир, напомнил себе мистер Мик, поправил кобуру

бластера и решительно двинулся вперед. Решительность, впрочем, давалась ему нелегко — тут бы на ногах удержаться, о прочем и думать некогда.

Добравшись до входного шлюза ремонтной мастерской, он как следует уперся ногами в неровности скального грунта, поднял руку и нажал на кнопку звонка. Внешний люк моментально открылся, и через минуту мистер Мик уже перешагивал порог офиса.

В кресле у стены, положив ноги на стол, сидел механик в комбинезоне и замасленной кепке, сдвинутой на затылок.

Мистер Мик с удовольствием потопал ногами, наслаждаясь нормальной земной силой тяжести, и откинул шлем за плечи своего скафандра.

— Вы и есть тот самый джентльмен, который может все починить? — спросил он.

Механик во все глаза смотрел на своего посетителя. Нет, это не лихой пилот грузовика, не усатый космический волк, привыкший пересекать орбиты дальних планет. Седые волосы, торчащие во все стороны, бледное лицо, водянистые голубые глаза за толстыми стеклами очков, сутулые плечи и хлипкая фигура — даже под громоздким скафандром видно.

Механик все молчал и молчал.

Мистер Мик попробовал еще раз:

— Ваша вывеска... Там сказано, что вы можете починить все. Я подумал...

Механик встряхнулся.

— Разумеется, — согласился он, все еще с трудом скрывая недоумение. — Все, что угодно. Что у вас там? — Механик спустил ноги со стола.

— Я попал в метеоритный рой, — признался посетитель. — На самом деле скорее пыль, чем метеориты, но защитный экран задержал не все.

От смущения мистер Мик не знал, куда девать руки.

— Я такой растяпа, — сказал он.

— Ничего, от этого и самые лучшие не застрахованы, — утешил механик, — Сатурн притягивает массу всякой дряни, а на подлете к кольцам это как суп с клецками. Сюда все время приходят корабли с пробоинами. Дело привычное, справимся мигом.

Мистер Мик неловко кашлянул.

— Боюсь, пробоины — это еще не все. Один камешек попал в приборный отсек и вывел кое-что из строя.

Механик сочувственно хмыкнул:

— Ну, тогда вы еще легко отделались. Посадить корабль с неисправными приборами — дело непростое! Хороший у вас штурман.

— У меня нет штурмана, — тихо сказал мистер Мик.

Механик широко раскрыл глаза:

— Вы хотите сказать, что посадили корабль в одиночку? У вас нет экипажа?

Мистер Мик сглотнул комок в горле и кивнул:

— Шел по счислению.

На лице механика немедленно выразилось восхищение:

— Не знаю, кто вы такой, мистер, — торжественно объявил он, — но кем бы вы ни были, вы — лучший пилот, когда-либо выходивший в космос!

— Сомневаюсь, — ответил мистер Мик. — У меня, видите ли, пилотский стаж совсем небольшой. До самого недавнего времени я ни разу не покидал Земли. Я бухгалтер «Лунной экспортной».

— Бухгалтер! — завопил механик. — Откуда бухгалтеру знать, как управляться с таким кораблем?

— Я учился, — сказал мистер Мик.

— Учились?

— Да, по книгам. Откладывал деньги и учился. Я всегда хотел повидать Солнечную систему, и вот я здесь.

Ошеломленный механик снял свою промасленную кепку, аккуратно положил ее на стол и потянулся к висящему на стене скафандру.

— Боюсь, что так сразу починить не получится, — сказал он. — Особенно, если надо будет заказывать детали. Их придется доставлять из Титан-Сити. Почему бы вам не остановиться у нас в гостинице? Скажите Моу, что вы от меня, он вас примет как следует.

— Спасибо, — сказал мистер Мик, — Тут еще такое дело... У вас на столбе есть другое объявление: что-то насчет жуков с высшим образованием.

— А, эти! — ответил механик, — Их владелец — Гус Гамильтон. Может быть, «владелец» — слишком сильно сказано, потому что они были уже на месте, когда там впервые появился Гус. Все равно, он ими здорово гордится, хотя иногда они и дают ему прикурить. В первый же год он чуть не тронулся, пытаясь сообразить, в какие игры они играют.

— Игры? — спросил мистер Мик, подозревая розыгрыш.

— Ну да, игры. Вроде шашек, только не шашки. И не шахматы тоже. Еще хитрее. Жуки сначала роют дыры, потом делятся на команды и играют часами. Как только Гусу начинает казаться, что он их раскусил, жуки меняют правила и снова сбивают его с толку.

— Не понимаю! — воскликнул мистер Мик.

— Незнакомец! — торжественно произнес механик, — В этих жуках и нет ничего понятного. Водятся они только на камне, принадлежащем Гусу. Гус даже думает, что этот обломок могло занести сюда из системы другого солнца. Камень пересек себе пространство, а потом его втянуло в кольцо Сатурна. Тогда понятно, почему на других камнях жуков нет, — они просто на нем и прилетели, а?

— Я бы хотел встретиться с этим Гусом Гамильтоном, — сказал мистер Мик, — Где его можно найти?

— А вы остановитесь в нашей гостинице, — посоветовал механик, — Рано или поздно он там обязательно появится. Если только его не беспокоит ревматизм, он всегда прилетает забрать свою пачку газет. Подписывается на ежедневную газету — единственный человек в наших краях,

который что-то читает. Правда, дальше спортивной секции не заходит. Помешан наш Гус на спорте.

II

Моу, бармен гостиницы «Сатурн», облокотился на стойку, подперев рукой подбородок. На лице его было написано уныние. Моу предпочитал мир и покой, а сейчас ожидались большие проблемы.

— Леди, — произнес он скорбным голосом, — придумали вы себе работу. Наши ребята к духовному росту и самосовершенствованию не стремятся, да и не стоят они таких трудов. Каменные крысы они, и ничего больше.

Генриетта Перкинс, представитель Департамента здравоохранения и социального обеспечения правительства Солнечной системы, содрогнулась, не принимая мысли о том, что существуют формы жизни низкие настолько, что им чуждо стремление к совершенству.

— Но эта их кровная вражда! — возмутилась она, — Воевать только потому, что живут в разных секторах кольца! Допускаю, что соперничество — дело естественное, но все это кровопролитие! Я уверена, что им не нравится, когда их убивают.

— Им как раз нравится! — сказал Моу, — Ну, может быть, не когда их самих убивают... Но рискуют парни с удовольствием. На самом деле гибнет их не так много. Только те, ну, кто расслабился и стал неосторожен. Но убийства или нет, я бы никому не посоветовал лезть в эти дела. Если бы между двадцать третьим и тридцать седьмым секторами не было этой вендетты, парни просто померли бы от скуки. Война тянется годами, то разгорается, то затихает.

— Но не обязательно же воевать пушками, — самодовольно ухмыльнулась социальная дама. — Потому-то я и здесь. Я попытаюсь направить естественное чувство

соперничества в менее беспокойное и опасное русло. Направим их энергию на другие виды деятельности.

— Например? — спросил Моу, опасаясь самого худшего.

— Спортивные состязания, — сказала мисс Перкинс.

— Игра в футбол пустой жестянкой, — предложил Моу, пытаясь быть язвительным.

Мисс Перкинс сарказма не заметила.

— А можно устроить олимпиаду по правописанию, — сказала она.

— Этим ребятам правописание не свойственно, — возразил Моу.

— Ну, тогда какие-нибудь игры. Игры, в которых проявляется боевой дух.

— Ага! — с энтузиазмом произнес Моу. — Они игры очень даже любят. Покер с козырными двойками.

В этот момент внутренняя дверь шлюза со скрежетом откатилась, и в помещение, прихрамывая, вошла фигура в скафандре. Стекло шлема сдвинулось кверху; под ним обнаружилось лицо, украшенное седыми усами.

Гус Гамильтон.

Вошедший свирепо посмотрел на Моу:

— Какого черта значит вся эта дурь? Весточка твоя до меня дошла, и вот я здесь, как видишь. Но смотри, если это окажутся глупости!

Гус Гамильтон проковылял к бару. Бармен поставил на стойку бутылку и подвинул ее в сторону Гуса, стараясь держаться вне пределов досягаемости.

— Какие-нибудь проблемы? — спросил Моу, стараясь говорить естественным тоном.

— Проблемы? А как ты думал? — разбушевался Гус, — Но проблемы ожидаются не у меня одного! Кто-то украл инжектор с моего корыта! Чтобы добраться сюда, мне пришлось одолжить инжектор у Хэнка. Но я знаю, кто это был. В здешних местах водится только одна каменная крыса с корытом, на которое можно поставить мой инжектор!

— Бад Крейни, — сказал Моу.

Секрета в этом и действительно не было. Каждый обитатель кольца знал все о кораблях своих соседей.

— Точно, — сказал Гус, — Так что я собираюсь посетить тридцать седьмой сектор и выдрать Бада из его норы с корнем, — Гус глотнул из бутылки. — Да, сэр, я его самого в инжекторное гнездо забью!

Его взгляд остановился на мисс Генриетте Перкинс.

— У нас гости? — спросил Гус.

— Мисс Перкинс — представитель правительства, — сказал Моу.

— Налоги?

— Нет, социальное обеспечение. Собирается над вами работать, ребята. Она говорит, что вам, обитателям двадцать третьего сектора, незачем все время воевать с этой бандой из тридцать седьмого.

Судя по выражению глаз, Гус не поверил своим ушам.

Моу попытался помочь:

— Она хочет, чтобы вы играли в игры.

Гус глотнул из бутылки, поперхнулся, с трудом отдышался и вытер глаза:

— Стало быть, ты меня притащил сюда именно для этого. Еще одни чертовы мирные переговоры. Как ты сказал? Приезжай, обсудим то, другое... И я прилетел!

— Ну, в ее словах что-то есть, — попытался смягчить ситуацию Моу, — Вы, каменные крысы, безобразничаете в пространстве уже давно. Пора бы вам повзрослеть и остепениться. Ты вот прямо сейчас собираешься размазать Бада по его булыжнику. И какая тебе от этого польза?

— Я получу глубокое моральное удовлетворение, — ответил Гус, — И кстати, я верну свой инжектор. К тому же можно что-нибудь снять с Бадова корыта. На моем кое-какие детали здорово поизносились.

Он глотнул еще, недовольно глядя на мисс Перкинс.

— Стало быть, правительство прислало вас сюда, чтобы сделать из нас респектабельных граждан?

— Всего лишь помочь вам, мистер Гамильтон, — сказала дама, — Превратить вражду в здоровое соревнование.

— В игру, а? — задумчиво произнес Гус, — Быть может, в этом действительно что-то есть. Мы вполне бы могли организовать какую-нибудь игру...

— И не думай об этом, Гус, — перебил его Моу, — О бластерах в пятидесяти шагах не может быть и речи. Мисс Перкинс ничего такого не потерпит.

Гус с видом оскорбленного достоинства вытер усы.

— Ничего подобного! Ты что, считаешь, будто я о спорте никакого понятия не имею? Я как раз думал о настоящей игре! В эту игру играют и на Земле, и на Марсе. Я о ней в газетах прочитал и за командами слежу. Всегда хотел посмотреть, но не довелось.

Мисс Перкинс расцвела.

— И что это за игра, мистер Гамильтон?

— Космическое поло, — сказал Гус.

— Восхитительно! — На губах мисс Перкинс расцвела жеманная улыбка, — У вас для этой игры и корабли есть!

Бармен встревожился.

— Мисс Перкинс! Не давайте ему себя уговорить!

— А ты закрой рот! — огрызнулся Гус. — Она хочет, чтобы мы во что-нибудь поиграли, не так ли? Поло — это игра. Изысканная, респектабельная игра. В нее в высшем обществе играют.

— Когда вы, парни, начнете в нее играть, она сразу перестанет быть изысканной и респектабельной, — предрек Моу. — У вас получится обыкновенное побоище! Кто из вас не упустит случая расквитаться с кем-нибудь еще, если уж вы окажетесь друг перед другом в чистом поле?

Мисс Перкинс задохнулась от возмущения.

— Я уверена, что они ничего такого не сделают!

— Разумеется, не сделаем! — торжественно объявил Гус, надувшись от важности, как сова.

— Это еще не все, — азартно заявил Моу, — Ваши корыта и до конца первого периода не продержатся! По большей

части они развалятся сами собой на первом же крутом вираже. Хлипковаты эти посудины для игры в поло. К тому же вы их всю жизнь ослиной мочой заправляете — на нормальном горючем они сразу взорвутся!

Вновь заскрежетала внутренняя дверь шлюза, и в бар вошел еще один посетитель.

— У тебя предвзятое мнение, — сказал Гус. — Ты просто не любишь космическое поло, вот и все. Аристократических кровей в тебе тоже нет. А мы вот человека спросим — пусть выскажет свое мнение!

Вошедший откинул шлем, скрывавший седые волосы и очки с толстыми стеклами.

— Мое мнение, сэр, — произнес Оливер Мик, — обычно не представляет особого интереса.

— Все, что мы хотим знать, — сказал Гус, — это что вы думаете о космическом поло?

— Космическое поло — благородная игра. Для нее необходимы превосходные навыки пилотирования, точное чувство времени и...

— Вот видишь! — торжествующе провозгласил Гус.

— Я однажды наблюдал за игрой, — по собственной инициативе добавил мистер Мик.

— Замечательно! — протрубил Гус, — Вот ты и будешь тренировать нашу команду!

— Но, — попытался возразить мистер Мик, — но я... но...

— О, мистер Гамильтон, — восхитилась мисс Перкинс, — вы просто великолепны! Вы обо всем подумали!

— Гамильтон! — пискнул мистер Мик.

— Точно, — сказал Гус, — Добрый старый Гус Гамильтон. Выращиваю лучший чертов звездный мох, какой тебе только случалось видеть.

— Стало быть, вы тот самый джентльмен, у которого водятся жуки? — спросил мистер Мик.

— Это ты про мою голову? Следи за своими словами!

— Это он про жуков на твоем камне, — торопливо объяснил Моу.

— А, эти… — успокоился Гус.

— Да, они меня очень интересуют. «Я бы на них хотел посмотреть,» — сказал мистер Мик.

— Посмотреть! Мистер, можешь забирать их себе, если хочешь! Они меня из дому выжили! Они, видишь ли, неравнодушны к металлу. Любому металлу, хотя предпочитают сплавы. Они их едят. Посади рядом с ними корабль, и они к нему наперегонки кинутся. Так что мне пришлось переселиться на другой камень. Сначала пробовал с ними бороться, но только они меня разделали под орех. Съехал и оставил им свое хозяйство, после того как они начали выедать мою хибару прямо у меня из-под ног.

Мистер Мик приуныл.

— Значит, к ним даже не подойти? — спросил он.

— Отчего же? «Запросто», — сказал Гус.

— Да, но металлические части скафандра и…

— Эту проблему я решил, — сказал Гус. — Когда будем у меня, дам тебе ходули.

— Ходули?

— Ага. Деревянные ходули. Эти чертовы жуки не понимают, что такое дерево. Похоже, они его боятся. На ходулях ты можешь прямо среди них разгуливать, если хочешь.

Мистер Мик сглотнул комок в горле. Ему не стоило большого труда представить, каково разгуливать на ходулях в месте, где гравитация практически отсутствует.

III

Жуки отрыли себе новый набор отверстий, похожий на доску для китайских шашек, и теперь занимали исходные позиции, собираясь начать игру.

По плоской скальной поверхности, где располагалась плантация звездного мха, принадлежащая Гусу Гамильтону, на целую милю тянулась цепочка таких досок. Каждая

доска отличалась от соседней, и на каждой игра была закончена.

Оливер Мик осторожно вставил ходули в подходящие углубления в скальном грунте, после чего медленно и осторожно оперся спиной на поверхность заранее выбранного каменного выступа.

Мистер Мик даже в молодости не очень дружил с ходулями. Здесь же, на этом беспорядочно вращающемся камне, чтобы управиться с ними, надо было быть акробатом. Мистер Мик акробатом не был, что вполне убедительно доказывали полдюжины вмятин на броне его скафандра.

Удобно опершись на каменный выступ, он выудил из планшета блокнот и ручку. Нахмурившись, перелистал покрытые схемами страницы.

Схемы ничего не проясняли. Они содержали позиции и сделанные жуками ходы для игр, проведенных на трех последних досках. В каждом случае игра выглядела законченной, а стало быть, кто-то нашел решение, выиграл очки или добился преимущества.

Но до сих пор, изучая схемы, мистер Мик так и не обнаружил ни целей, ни задач игры, не говоря уже об очках или решениях.

Все это было странно. С другой стороны, сказал себе мистер Мик, все сходится. Сатурн — странное место. Взять хоть кольца: откуда они взялись? Обломки спутника, разорванного тяготением планеты? Космический мусор? Никто не знает.

Или, если уж на то пошло, сам Сатурн. Источник радиации, смертельной для человека. Той самой радиации, которая, удерживая человека на почтительном расстоянии, в то же время приносит ему неоценимую пользу. Здесь, на внутреннем кольце, смертельные излучения, ослабевшие настолько, что их успешно поглощает обычная броня скафандров, служат средством чудесного исцеления.

Звездный мох, одна из немногих форм растительной жизни, способных существовать в открытом космосе, рос

только в присутствии этих таинственных излучений. Высаженный вблизи миров помягче, он чахнул и отказывался расти. Ученые анализировали излучения и воспроизводили их в лабораторных условиях, однако какой-то неуловимый, но принципиально важный компонент всегда ускользал. Под искусственным облучением мох неизменно болел и умирал.

Вот потому, что на Земле звездный мох использовался для лечения десятка болезней, а расти он соглашался только здесь, на внутреннем кольце, люди и селились в этом водовороте космических булыжников. И жили, как Гамильтон, на камнях, кувырком, будто щепки в бурном потоке, несущихся по своим орбитам. И выдерживали бесконечное одиночество, и бросали вызов смерти, поджидающей на пересечении орбит или внутри изношенных кораблей, и сходили с ума от вынужденного безделья под насмешливыми звездами.

Мистер Мик поежился — и едва не потерял равновесие.

Жуки тем временем приступили к делу; мистер Мик занес ручку над блокнотом и осторожно наклонился вперед, увлеченно наблюдая за игрой.

Крошечные насекомоподобные создания неторопливо передвигались во всех направлениях, с достоинством выползая из отверстий и скрываясь в них.

Если есть противоборствующие стороны... и, если это игра, непременно должны быть ходы. Однако не заметно, чтобы жуки ходили по очереди. Впрочем, признал мистер Мик, порядок и количество ходов, полагающихся каждой стороне, могут подчиняться правилам и условиям, которые ему пока непонятны.

Внезапно на доске наступило смятение. Несколько мгновений жуки носились по всем направлениям, будто разыскивая определенное отверстие. Столь же внезапно все движение прекратилось. Еще мгновение — и упорядоченное движение возобновилось, но с одной из позиций, предшествовавших моменту смятения!

Как если бы кто-то сделал ошибку, решая математическую задачу, вернулся к последнему правильному выводу и вновь двинулся вперед.

— Черт меня... — сказал мистер Мик и замер.

Ручка выпала из его пальцев и неторопливо опустилась на камни далеко внизу.

Математическая проблема!

У него перехватило дыхание.

Теперь понятно! Следовало догадаться раньше. Просто механик, а потом и Гамильтон говорили только о жуках, играющих в игры. Это и сбило его с толку.

Игры! Нет, эти жуки не в игры играют. Они решают уравнения!

Забыв обо всем, мистер Мик наклонился вперед, стараясь ничего не упустить. Одна из ходуль вывернулась из-под него, и мистер Мик начал неторопливо падать. Он уронил блокнот и отчаянно попытался ухватиться за пустое пространство.

Вторая ходуля тихо уплыла в сторону, а мистер Мик начал медленно тонуть, увлекаемый вниз слабой, но неумолимой гравитацией. Пытаясь сохранить равновесие, он оттолкнулся от скалы, в которую упирался спиной, и теперь опускался лицом вниз прямо на шахматную доску с жуками.

Он брыкался и размахивал руками, но ничего не менялось. Он достиг поверхности, отскочил, как мячик, опустился, отскочил опять...

На четвертом отскоке ему удалось уцепиться пальцами за мелкую неровность скального грунта. Отчаянно борясь, мистер Мик наконец встал на ноги.

Что-то пробежало по стеклу шлема; он поднес к лицу руку. Рука была густо покрыта жуками.

Непослушными руками мистер Мик включил ракетный двигатель своего скафандра, взлетел в черноту пространства и направился туда, где в такт вращению камня загорались и гасли огоньки иллюминаторов купола Гамильтона.

Оливер Мик закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Гус меня за это не похвалит, — сказал он себе.

Гус потряс небольшую деревянную коробочку, внимательно прислушиваясь к лихорадочной возне внутри.

— Мне следовало бы взять эту коробочку с собой и рассыпать содержимое у Бада на палубе, — рассудительно объявил он, — Рассчитался бы с ним за инжектор, и это было бы справедливо.

— Да, но ведь инжектор вам вернули, — заметил мистер Мик.

— Действительно, вернули, — признал Гус. — Но это не по правилам. Получить краденое обратно еще не значит рассчитаться. Мне не дали съездить Баду в морду, как положено. Моу меня отговорил. Он придумал, чтобы к Баду отправилась социальная мадам. Должно быть, она очень, очень красиво говорила, как мы должны остепениться, вести себя прилично и все такое. Подумать только, Бад отдал ей инжектор!

Гус скорбно покачал головой:

— Боюсь, не судьба нам больше жить по-старому. Сегодня перестанем следить за собой, а завтра окажется, что мы друг друга вперед пропускаем.

— Это было бы ужасно, — согласился мистер Мик.

— И не говори, — откликнулся Гус.

Что-то блеснуло; мистер Мик упал на четвереньки и устремился в погоню за крошечной тварью.

— Поймал! — азартно завопил он, накрывая сверкающий живой кристалл ладонью.

Гус осторожно сдвинул крышку деревянной коробочки, а мистер Мик бросил жука внутрь.

— Двадцать восьмой, — объявил бывший бухгалтер.

— Я тебе говорил, что мы поймали не всех! — сварливо ответил Гус. — Ты бы лучше проверил свой скафандр еще раз. Эти чертовы твари проделывают ходы в сплошном металле и еще умеют как-то заделывать их за собой. Самые

скользкие и подлые твари в системе. Совсем как песчаные блохи на земле.

— Песчаные блохи хуже: забираются под кожу, чтобы отложить яйца, — сказал мистер Мик.

— Может, и эти тоже! — кисло предположил Гус.

На каминной полке ожил радиоприемник, автоматически настроившийся на выпуск новостей из Титан-Сити, поселения на самом большом спутнике Сатурна.

Приторный голос диктора вибрировал от радостного возбуждения и гордости:

— На следующей неделе в Большом Нью-Йорке на Земле состоится ежегодная встреча между футбольными командами Марса и Земли. Но то, о чем пойдет речь сегодня, отодвинуло это долгожданное событие на вторые полосы земных газет.

Диктор сделал паузу, перевел дыхание и залился соловьем:

— Эта игра, леди и джентльмены, о которой сегодня вечером только и говорят на улицах земных городов, состоится у нас, в системе Сатурна. На внутреннем кольце в космическое поло будут играть две никому не известные любительские команды. Большинство участников никогда раньше не играли в поло, а некоторые даже никогда не видели чужой игры. Кое-кто, возможно, и не слыхал до этого про этот вид спорта.

Но сегодня все они будут играть! Парни, живущие на скалах внутреннего кольца, выйдут в пространство на своих видавших виды кораблях, чтобы решить, кому достанется победа. И когда я говорю о победе, леди и джентльмены, я серьезен как никогда. Эта игра будет своего рода поединком, последней битвой в истории межклановой вражды, продолжающейся многие годы. Никто не знает, с чего началась война, и сейчас это едва ли имеет значение. Просто, когда парни из двадцать третьего сектора встречают парней из тридцать седьмого, случается драка. Но сегодня этому приходит конец. Через несколько дней состоится последнее

сражение, когда корабли внутреннего кольца выйдут в пространство, чтобы испытать свои возможности в игре, рискованнее и опаснее которой нет, — космическом поло. Результат этой игры навсегда определит победителя в конфликте, уходящем в историю.

Мистер Мик привстал со стула и открыл было рот. Гус зашипел на него, прижав палец к губам, и мистер Мик сел обратно.

Комментатор продолжал, по-прежнему захлебываясь от счастья:

— Команды сейчас отдают все силы подготовке. Считается, что двадцать третий сектор имеет первоначальное преимущество, так как располагает профессиональным тренером. Правда, никто не может сказать, кто он такой. Называют несколько имен, но...

— Нет, нет! — застонал мистер Мик, пытаясь подняться на ноги.

Гус жестом посадил его обратно, скалясь, как бородатый чертенок.

— ...по всей системе Сатурна ставки постоянно повышаются, — продолжал комментатор, — Поскольку о командах мало что известно, ставки пока принимаются поровну, что, однако, может измениться в связи с историей о профессиональном тренере.

Это дерзкое предприятие привлекло внимание всей Солнечной системы, и в ближайшие дни целые флотилии кораблей начнут доставлять зрителей как с Земли, так и с Марса. Корреспонденты с внутренних миров, в том числе и самые знаменитые спортивные обозреватели системы, уже находятся в пути.

Задуманная первоначально как любительское спортивное мероприятие под патронажем Департамента здравоохранения и социального обеспечения, игра неожиданно стала явлением масштаба Солнечной системы. Земная газета «Дейли рокет» вручит команде-победительнице гигантский кубок, а «Монинг спэйсуэйз» приготовила другой

кубок, лишь немного уступающий по размерам, предназначенный для лучшего игрока в команде. Дополнительная информация может поступить еще до завершения нашего выпуска, а тем временем мы переходим к другим...

Мистер Мик вскочил на ноги.

— Это он обо мне! — завопил он, — Это я — знаменитый тренер!

— Ну да, — сказал Гус, — Кого же еще он мог иметь в виду, кроме тебя?

— Никакой я не знаменитый тренер, — застонал мистер Мик. — Я же вовсе никакой не тренер! За всю жизнь мне случилось посмотреть ровно одну игру. Я с трудом представляю себе правила. Я только знаю, что надо подняться в космос и гонять там мяч. Я собираюсь...

— Ты ничего не собираешься, — перебил Гус. — В особенности, ты не собираешься нас подставлять. Ты остаешься здесь и объясняешь нам все тонкости игры. Может, ты и не такой крутой, как говорят по радио, но ты куда как лучше любого из местных. По крайней мере, ты однажды видел, как играют, а мы нет...

— Но я...

— Темнишь ты что-то, — объявил Гус. — Притворяешься, будто ничего не понимаешь в поло. Может, ты укрываешься от правосудия? Может, тебе поэтому на месте не сидится? Может, ты здесь остановился только потому, что получил пробоину...

— Я не укрываюсь от правосудия, — с достоинством выпрямляясь, произнес мистер Мик. — Я простой бухгалтер, путешествующий по Солнечной системе!

— Забудем об этом, — сказал Гус. — Никто тебя здесь властям не выдаст. Пусть только пикнут, голыми руками задушу. Так что не волнуйся, ты — бухгалтер. Меня это устраивает. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что ты не бухгалтер!

Мистер Мик открыл рот, подумал и закрыл его обратно. Что толку спорить? Опять влип, точно, как в тот раз на

Юноне, когда тамошний проповедник принял его за бандита и уговорил взяться за уборку всего городишка. Только теперь это космическое поло, а он понимает в космическом поло еще меньше, чем в юриспруденции.

Гус встал и, прихрамывая, пересек комнату. Он неторопливо вытащил красный платок из заднего кармана и аккуратно вытер пыль со свободного места на каминной полке, между будильником и почерневшей серебряной моделью космического корабля.

— Да, сэр! — отчеканил он, — Здесь он будет смотреться просто здорово!

Гус отступил на шаг, не сводя глаз с каминной полки.

— Я прямо сейчас вижу, как он тут стоит, — сказал он, — Блестит и светится. Отличный компаньон. Есть на что посмотреть, когда станет особенно одиноко.

— О чем это вы? — спросил мистер Мик.

— О том самом кубке, про который по радио говорили. Лучшему игроку.

Мистер Мик едва не лишился дара речи:

— Но... но...

— Я его выиграю, — заявил Гус.

IV

Гостиница «Сатурн» не могла вместить всех желающих. Номера были переполнены, на каждой койке спали посменно. Те, кому не досталось койки, спали на стульях, на одеялах, постеленных в узких коридорах, или на полу в баре. Кое на кого уже успели наступить.

Нижняя Торговая палата города Титан-Сити делала все, что могла, но проблемы навалились слишком внезапно. Примитивные посадочные площадки, спешно оборудованные на дюжине ближайших камней, уже были забиты сотнями космических кораблей, от стильных двухместных яхт,

вроде той, что принадлежала Билли Джонсу, редактору спортивной секции «Дейли рокет», до гигантских круизных лайнеров, отправленных каждой из трех крупнейших транспортных компаний. Несколько спешно возведенных убежищ до некоторой степени смягчали проблему с жильем, но ни в одном из них не было бара, и убежища оставались полупустыми.

Моу, бармен гостиницы «Сатурн», измученный наплывом посетителей и вялый от недосыпания, увидел Оливера Мика, дрейфующего в толпе клиентов на манер пробки в водовороте. Моу вытянул руку, ухватил мистера Мика за рукав и подтянул к бару.

— Это надо остановить! Сделайте что-нибудь!

— Что остановить? — моргнул мистер Мик, недоумевая.

— Игру! Дело принимает скверный оборот, мистер Мик. Я не шучу. Все эти толпы болельщиков так завели ребят, что без побоища тут не обойдется.

— Знаю, — согласился он. — Но теперь этого уже не остановишь. Нижняя Торговая палата спустит шкуру с любого, кто хотя бы заикнется об отмене игры. О Сатурне сейчас говорят и пишут не меньше, чем когда гибли первые экспедиции.

— Не нравится мне все это, — устало вздохнул Моу.

— Мне тоже не нравится, — согласился мистер Мик, — Вся наша команда, и Гус в том числе, считают меня выдающимся знатоком космического поло. Я, конечно, рассказал им все, что знаю, но это совсем немного. Беда в том, что они считают, будто этого вполне достаточно. Ребята думают, что победа им обеспечена, и поставили на кон последнюю рубашку. Боюсь, они выбросят меня в открытый космос, если проиграют.

Кто-то тронул его за плечо. Мистер Мик обернулся. Сверху вниз на него смотрело раскрасневшееся лицо; к губе незнакомца приклеилась сигарета.

— Ты тут только что говорил, что тренируешь команду двадцать третьего сектора?

Мистер Мик с усилием сглотнул.

— Билли Джонс — это я, — прошлепали губы с прилипшей сигаретой, — Лучший спортивный обозреватель из когда-либо стучавших по клавишам. Пытаюсь выяснить, кто ты такой. Не собираюсь причинять тебе неприятностей.

— Вы что-то путаете, — сказал мистер Мик.

— Я никогда ничего не путаю, — упорствовал Джонс. — У меня нюх.

Джонс принюхался, шевеля носом в подражание бладхаунду. В остальном лицо его никак не изменилось; сигарета продолжала свисать из угла рта, левый глаз слезился от дыма.

— Я слышал, как этот парень называл тебя Миком, — сказал Джонс. — Звучит знакомо. Юнона? Накрыл там шайку мошенников? Изловил космическое чудовище?

Другая рука ухватила мистера Мика за плечо уже основательно и грубо развернула его на сто восемьдесят градусов.

— Вот ты где! — радостно заорал обладатель руки, — Тебя-то я и искал! Дать тебе в рыло — мой каприз!

— Тише, Бад! — застонал Моу, предчувствуя неприятности, — Оставь его в покое! Он тебе ничего не сделал.

Оцепенев от ужаса, мистер Мик смотрел в разъяренное лицо гиганта, по-прежнему сжимавшего его плечо своей медвежьей лапой.

Бад Крейни! Та самая каменная крыса, которая сперла у Гуса инжектор. И еще капитан команды тридцать седьмого сектора.

— Хорошо бы тобой пол протереть, — проскрежетал Крейни. — Жаль, народу здесь столько, что пола-то и не видно. Но я проще поступлю. Я тебя в него вобью до половины, не сходя с места.

— Но он же ничего не сделал! — в отчаянии прокричал бармен.

— Откуда он здесь взялся? — задал риторический вопрос Бад Крейни, — Его сюда никто не приглашал! Повсюду сует свой нос, лезет не в свое дело...

— Я не лезу не в свое дело, мистер Крейни! — заявил мистер Мик, пытаясь держаться с достоинством, что было бы нелегко для всякого в его положении.

Приподнятый за плечо в воздух, он едва доставал носками до пола.

— У тебя одна проблема, — продолжал мистер Мик, раскачиваясь в воздухе, — Ты знаешь, что Гус и его ребята тебя сделают. Они, собственно, уже тебя сделали. И мне не пришлось им особо помогать. Можно сказать, я им совсем не помогал.

Бад Крейни рассвирепел окончательно:

— Какого... ты... ты!..

Тут Оливер Мик сделал то, чего от него никто не стал бы ожидать, менее всего он сам.

— Я ставлю свой корабль, — сказал он, — против чего угодно!

Изумленный, Крейни разжал руку, и мистер Мик опустился на пол.

— Ты... что?! — проревел он.

— Я ставлю мой корабль, — сказал мистер Мик, все еще в тисках временного умопомрачения, — на то, что двадцать третий сектор победит. Могу поставить два к одному, — добавил он, растравляя рану.

Бад Крейни некоторое время только шипел и плевался.

— Мне один к одному достаточно! — пролаял он. — Моя плантация против твоего корабля!

В этот момент в толпе кто-то закричал:

— Мистер Мик! Мистер Мик!

— Я здесь!

— А как же история? — забеспокоился Билли Джонс, но мистер Мик его не слышал.

Человек, пробивавшийся к нему сквозь толпу, оказался членом команды двадцать третьего сектора.

— Мистер Мик, — произнес он, задыхаясь, — нам без вас никак! С Гусом беда: его как раз сейчас ревматизм скрутил!

Гус Гамильтон скорбно поднял глаза на мистера Мика.

— Меня во сне скрутило, — просипел он, — Годами не напоминал о себе, до сегодняшнего дня. Конечно, нет-нет да и стрельнет, ну, похромать иногда придется, но это все. С тех пор, как я улетел с Земли, ничего подобного не случалось. Я туда и не возвращаюсь и поэтому тоже. Космический климат хорош для ревматизма: холодно, но сухо. Сырость для костей — нет ничего хуже.

Мистер Мик осмотрелся. Вокруг койки толпились люди; на их лицах было написано беспокойство.

— Найдите грелку да наберите в нее воды погорячее, — сказал он одному из них.

— Ага, как же! — отозвался Расс Дженсен, еще один гигантский обитатель системы Сатурна. — В наших местах ближе Титан-Сити грелки не водятся.

— Ну, тогда электрическую!

Дженсен покачал головой:

— Электрические то же самое. Можно разве что виски попробовать, но, если мы вольем ему в глотку достаточно, чтобы вылечить ревматизм, из него все равно игрок получится не лучше, чем сейчас.

Мистер Мик в затруднении смотрел на Гуса, помаргивая близорукими глазами за стеклами очков.

— Если Гус не будет играть, нам крышка, — сказал Дженсен. — А я поставил на нашу команду все, что имею.

— Вместо Гуса может играть мистер Мик, — предложил кто-то.

— Ничего не выйдет, — заявил Дженсен, — Эти крысы с тридцать седьмого ни за что не согласятся.

— А что они нам скажут? Сегодня исполняется шесть недель с тех пор, как мистер Мик прибыл сюда, и теперь он резидент. Закон гласит: шесть земных недель, и все это время он провел здесь, на двадцать третьем секторе. Они, конечно, могут заявить протест, но им не светит.

— Ты уверен? — спросил Дженсен.

— Совершенно уверен!

Теперь все смотрели на мистера Мика, внезапно почувствовавшего легкую тошноту.

— Я не могу... я никак... я... я...

— Можешь и будешь, Оливер, — сказал Гус. — Как я хотел сыграть! Этот кубок... он уже занял вроде место в моем сердце. Я и место на каминной полке для него расчистил. Но если мне не судьба сыграть, я хотел бы, чтобы меня заменил ты, а не кто-нибудь.

— Но я ведь на самом деле не умею играть в поло, — возразил мистер Мик.

— А кто нас учил играть в поло, если не ты?! — взревел Дженсен, — До сих пор ты делал вид, что все знаешь!

— Неправда! — возразил мистер Мик, — Вы мне ничего не давали сказать. Вы все время объясняли мне, какой я замечательный тренер, а когда я пытался возразить, вы хором затыкали мне глотку. За свою жизнь я посмотрел всего одну

игру, и го только потому, что нашел билет на тротуаре. Кто-то его обронил.

— Ты нас все время водил за нос! — пролаял Дженсен. — Ты нас за дураков держал! Откуда нам теперь знать, когда ты дело говорил, а когда учил нас глупостям? Много стоят твои секреты мастерства!

Отступая, мистер Мик уперся спиной в стену. Дженсен сжал кулак и дал возможность мистеру Мику разглядеть его как следует.

— Надо бы дать тебе в рыло, — сообщил он. — По одному разу от каждого из нас. Тренер у нас замечательный, с ним проиграть невозможно! Вот все мы и поставили на эту игру последнюю рубашку.

— Я тоже, — сказал мистер Мик.

Только сейчас до него наконец дошло, целиком и полностью, что он и сам поставил свою последнюю рубашку на команду двадцать третьего сектора. Свой корабль. Да, это не все, что у него есть, но там, на корабле, останется его сердце. Тридцать лет он работал, чтобы купить этот корабль.

Эти годы внезапно нахлынули на мистера Мика. Годы, проведенные над бухгалтерскими книгами в пыльном офисе, в то время как другие уходили в космос. Разве забудешь, как ты считал каждый цент, чтобы когда-нибудь отправиться в космос самому. Десять центов перекусить на работе, вечером крекеры с сыром вместо обеда в ресторане. Доллар к доллару, год за годом… А сегодня корабль стоит на посадочной площадке, полностью отремонтированный. Готовый уйти в космос.

И теперь, если команда тридцать седьмого сектора победит, его корабль достанется Крейни. Он заключил пари с Бадом Крейни, чему есть множество свидетелей, только и всего.

— Ну? — спросил Дженсен.

— Буду играть, — ответил мистер Мик.

— И ты действительно умеешь играть? Ты нас не обманываешь?

Мистер Мик оглядел своих товарищей по команде. Выражение их лиц подсказало ему ответ.

Он сглотнул комок в горле, неудачно. Сглотнул еще раз и кивнул головой.

— Конечно, я умею играть, — солгал он.

Ему показалось, что люди не вполне удовлетворены ответом.

Он затравленно огляделся, но бежать было некуда. Попрежнему прижимаясь спиной к стене, мистер Мик вновь поднял глаза на своих товарищей:

— В последние годы играть случалось не так часто, — Он старался говорить беззаботным тоном, но полностью справиться с дрожью в голосе, кажется, так и не удалось, — Но, когда я был моложе, я забивал по десять голов за игру!

V

В ожидании стартового сигнала корыто Гуса описывало медленные круги. В кабине, сгорбившись над панелью управления, сидел и нервничал мистер Мик.

Слева и справа точно так же медленно кружились другие корабли команды двадцать третьего сектора, отмеченные опознавательными огнями красного цвета.

В десяти милях танцевал, как сказочная лампа, гигантский светящийся шар. По другую сторону шара мерцали хороводы синих огней команды тридцать седьмого сектора. За ними светились зеленым буи, обозначавшие линию ворот тридцать седьмого сектора.

Уловив посторонний щелчок, мистер Мик прислушался к работе двигателей. Сказать по правде, корабль Гуса никуда не годился. Когда-то послушный и проворный, к сегодняшнему дню он износился до предела. Он с опозданием и неохотно слушался руля и всегда имел в запасе десяток милых шалостей, не позволявших пилоту расслабиться. Этот

корабль слишком давно бороздил просторы космоса и слишком часто и грубо садился на скалы в водовороте колец Сатурна.

Бывший бухгалтер тяжело вздохнул. Если бы только ему позволили взять собственный корабль! Но тридцать седьмой сектор согласился на его участие в игре только при условии, что он выйдет на поле на корабле Гуса. Они вообще слышать не хотели о мистере Мике, но тут закон оказался целиком на стороне двадцать третьего сектора.

Мистер Мик огляделся. За боковыми линиями маневрировали сотни кораблей. Кораблей, битком набитых зрителями. Кораблей, имеющих на борту радиокомментаторов, чьи слова будут повторять все радиостанции Солнечной системы, и кинооператоров, чья работа — заснять грядущую битву во всех подробностях.

Мистер Мик содрогнулся.

Как же вышло, что он позволил втянуть себя в такое предприятие? Он всего только хотел посмотреть собственными глазами на Солнечную систему. Он и не думал играть в поло — тем более против собственного желания.

Это все жуки, и только они. Если бы не жуки, Гусу никогда не представился бы случай втянуть его в эту историю с тренерской работой.

Конечно, надо было быть решительнее. Сказать им, ясно и прямо, что он ничего не смыслит в космическом поло. Заставить их понять, что он не желает иметь ничего общего с этой дурацкой затеей. Но на него кричали, над ним смеялись, его запугивали. А еще были внимательны к нему, и это оказалось хуже всего. Он всегда питал особую слабость ко всем, кто был к нему внимателен. Такие попадались нечасто.

Наверное, стоило пойти к мисс Генриетте Перкинс и все объяснить. Она могла бы прислушаться и понять. Впрочем, сомнительно. У нее тогда все силы уходили на развертывание рекламной кампании. В конце концов, это ее работа — показывать товар лицом.

Если бы Гус не расчистил место на каминной полке... Если бы не Нижняя торговая палата Титан-Сити. Если бы не вся эта шумиха вокруг таинственного тренера...

И в особенности, если бы он сам не открыл свой дурацкий рот и не заключил пари с Бадом Крейни.

Мистер Мик застонал и попытался припомнить то немногое, что знал о космическом поло. Ничего не вышло. Не припоминалось даже то, что он сочинил сам, чтобы рассказать своим парням.

В этот момент с судейского катера ушла в пространство сигнальная ракета, и мистер Мик рванул сектор газа. Корабль забулькал и затрясся. У мистера Мика сердце подступило к горлу; он решил, что старое корыто взорвется прямо сейчас, не успев сдвинуться с места.

Но ничего такого не случилось. Корабль собрался с силами и рванулся вперед. Мистера Мика вдавило в кресло, голова откинулась назад. Слегка оглушенный, он потянулся к рычагу управления грузовым лучом.

Впереди, в гуще схватки, танцевал светящийся мяч, отскакивая от грузовых лучей, сверкающих, как ножи.

Два корабля столкнулись и рассыпались, как спичечные коробки. Еще один корабль, вошедший в крутой вираж над игровым полем, не выдержал перегрузки и развалился, наполнив обломками пятьдесят миль пространства.

Блеснули сигнальные огни судейского катера, и от боковых линий к мячу устремились запасные корабли, а спасательные корабли занялись оставшимися не у дел игроками и стальным мусором.

На краткое мгновение мистер Мик поймал в перекрестие прицела пляшущий мяч и нажал на спуск. Мяч отскочил, как от удара кулака, и поплыл через игровое поле.

Пытаясь развернуть корабль, решивший, что ему некуда торопиться, мистер Мик не сдержал крика ярости. В отчаянии он до предела увеличил подачу топлива, глядя, как отмеченный синими огнями корабль устремляется через пустоту к мячу.

Выполняя разворот, корабль скрежетал и, казалось, корчился в агонии. Внезапно раздался треск и свист вытекающего в пустоту воздуха. Встревоженный, мистер Мик посмотрел наверх. Сорвало лист обшивки; на фоне усыпанного звездами неба вырисовывались голые шпангоуты.

Оскалившись за стеклом шлема и сгорбившись над панелью управления, как в ожидании удара, мистер Мик ждал, когда начнут срываться остальные листы, но каким-то чудом обшивка держалась, хотя еще один лист разболтался и дребезжал, пока корабль трясло на вираже.

Разворот занял слишком много времени, и мистер Мик опоздал. Корабль с синими огнями захватил мяч и устремился к линии ворот. Удивительно, но Дженсену каким-то образом хватило здравого смысла остаться на позиции вратаря, не ввязываясь в драку, и теперь он рванулся наперехват.

Дженсен, однако, не сумел использовать свой шанс. Он спикировал на противника слишком быстро и не попал грузовым лучом по мячу, уплывшему за зеленые буи линии ворот. Первый период закончился со счетом один — ноль в пользу команды тридцать седьмого сектора.

Корабли вновь заняли исходные позиции.

Вспыхнула сигнальная ракета, и игроки устремились к мячу. Один из кораблей тридцать седьмого начал терять узлы и детали. Один за другим отрывались и уплывали в пространство листы обшивки, улетел, изрыгая сгустки пламени, сорвавшийся с креплений ракетный ускоритель, рассыпались, как зубочистки, шпангоуты.

Избитый грузовыми лучами мяч внезапно подпрыгнул вверх. Мистер Мик, медленно круживший по полю в ожидании как раз такого момента, исполнил варварскую мелодию на клавишах управления реактивной тягой.

Корабль отреагировал немедленно, выполнив полубочку и крутой разворот, от которого мистер Мик едва не задохнулся. Разворот стоил еще двух листов обшивки, но корабль пока держался. Мяч оказался прямо по курсу, и мистер Мик

сделал все как надо. Он поймал мяч грузовым лучом и довел дело до конца, сравняв счет.

Неторопливо разворачиваясь над линией ворот тридцать седьмого сектора, мистер Мик осознал, что с кораблем что-то произошло: он перестал быть медлительным и неповоротливым. Он стал энергичным и темпераментным, почти как собственный корабль мистера Мика. Казалось, корабль знал, куда хочет его направить пилот, и летел туда сам.

На панели управления что-то блеснуло, мистер Мик присмотрелся и замер. Панель шевелилась.

Он наклонился пониже и окоченел. Панель шевелилась, никакого сомнения. Она кишела жуками.

Со свистом втянув воздух, мистер Мик заглянул под панель управления. На каждом проводе, на каждом приборе — повсюду жуки.

Некоторое время он сидел без движения, лихорадочно соображая.

Ясное дело, Гус с него за это скальп снимет. Это ведь он притащил жуков на камень, где Гус держал свой корабль и жил сам. Разумеется, они думали, что переловили всех жуков, которых он принес на своем скафандре. Они ошиблись. Несколько жуков сбежали и добрались до корабля. Конечно, они сразу отправились к кораблю — там вкусные сплавы. Зачем затруднять себя скафандром, когда есть корабль?

Вот только их слишком много. Их тысячи на панели управления, не меньше в приборах. Даже таскай он их ведрами, ничего не вышло бы.

Что там говорил Гус про то, как они вгрызаются в металл, как песчаные блохи в человеческое тело?

Песчаные блохи делают это, чтобы отложить яйца. Может быть?..

По индикатору на лобовом стекле маршировал батальон жуков. Было хорошо видно, что они гораздо мельче тех, которые играли в игры на плантации Гуса.

Да, никакого сомнения. Это только что вылупившаяся молодь. Их тысячи, а может, и миллионы. И они не только в

приборах, они по всему кораблю. В двигателях, в пусковых установках. Повсюду, где используются высококачественные сплавы.

Мистер Мик сжал кулаки, глядя, как жуки играют в пятнашки на панели управления. Если так уж необходимо плодиться и размножаться, почему бы не подождать до окончания игры? Разве он хочет слишком много? Пустые мечты... Теперь он в одной команде с парой миллионов жуков.

Снова вспыхнула сигнальная ракета, и снова корабли устремились к мячу.

Снедаемый горечью, мистер Мик грубо послал корабль вперед. Какая разница, что теперь может случиться? Гус спустит с него шкуру, как только узнает про жуков, и никакой ревматизм ему не помешает.

На миг нахлынула безумная надежда, что корабль не выдержит. Может, он развалится на части, как все остальные. Как тот одноконный фаэтон, о котором писал поэт несколько веков назад. Уже сейчас корабль смахивает на воздушный змей, так мало листов обшивки осталось на месте.

Внезапно прямо по курсу в угрожающей близости возник корабль, подрезавший его сверху. Мистер Мик застыл в ужасе, забыв свои надежды на аварию. Пальцы его сами собой рванулись к клавишам. Мгновение застыло, растянувшись на целую вечность, и мистер Мик успел понять, что корабли столкнутся раньше, чем он дотянется до панели управления. В этот самый момент его корабль резко вильнул, выворачивая душу наизнанку... и столкновения не произошло. Они разошлись, едва не коснувшись друг друга корпусами. Корабль снова дернулся, теряя очередные листы обшивки, но впереди светился мяч, к которому, как язык хамелеона, уже потянулся грузовой луч.

У мистера Мика отвисла челюсть; он похолодел, по всему тело разлилась неодолимая слабость. Он ведь действительно не успел ни на что нажать, а между тем корабль уверенно маневрировал, прокладывая путь в гуще схватки, гоня мяч грузовым лучом.

Бессильно уронив руки, мистер Мик в ужасе смотрел вперед, не веря своим глазам. Корабль вел себя будто заколдованный. Спустя мгновение мяч пересек линию ворот, грузовой луч погас, и корабль сам лег на обратный курс.

— Жуки, — прошептал мистер Мик, едва шевеля губами, — Жуки взяли управление на себя!

Он стал пассажиром на корабле, который уже больше не корабль, а колония жуков. Жуков, умеющих решать уравнения. А теперь они решили поиграть в поло!

И в самом деле, что такое поло, как не система уравнений? Решаем ее и получаем нужный результат. Они работали командой, решая уравнения на плантации у Гуса. Новый выводок, на корабле, тоже работает командой, решая другую проблему... Как доставить некоторый мяч в некоторую точку пространства, учитывая определенные переменные и случайные воздействия в форме кораблей противника.

Не без опасений он нажал на клавишу управления поворотом. Корабль не отреагировал. Мистер Мик отдернул руку, как если бы клавиша была раскаленной.

Корабль между тем совершенно самостоятельно занял стартовую позицию и мгновением позже вступил в игру. Трясущимися руками мистер Мик вцепился в кресло. Незачем было даже притворяться, что он пытается управлять кораблем. Радовало только то, что никому не видно, как он тут сидит столбом.

Скоро, однако, придется что-то делать. Этому кораблю никак нельзя возвращаться домой. Если он вернется, зараза распространится на другие корабли, а с кораблями — разнесется по всей Солнечной системе. Солнечная система прекрасно может обойтись без этих жуков.

Корабль опять содрогнулся, закладывая крутой вираж, опять сорвались несколько листов обшивки. В свете Сатурна сверкали голые шпангоуты.

Мяч в очередной раз пересек линию ворот, и радио в скафандре взорвалось торжествующими криками его

товарищей. Слишком занятый выдиранием проводки из панели управления, мистер Мик ничего не ответил. Впрочем, он зря старался. Корабль не обратил внимания и четко забил еще один гол.

Стало быть, жукам органы управления уже не нужны. Они явно научились управлять механизмами непосредственно. Может, они сами теперь стали механизмами. От этой мысли у мистера Мика зашевелились волосы на затылке. Такой корабль уже можно считать живым. Живая машина, не обращающая внимания на человека за рычагами.

Еще один гол.

Есть только один способ остановить жуков. Опасный способ.

Не опаснее Гуса Гамильтона, сказал себе мистер Мик. Не опаснее Нижней торговой палаты и, конечно же, не опаснее команды тридцать седьмого сектора — если им доведется узнать, что же случилось на самом деле.

Он взял гаечный ключ и пополз в корму норовистого корабля.

В лихорадочной спешке мистер Мик снял заглушку на переборке двигательного отсека. Задыхаясь, он принялся сбивать головки заклепок, удерживающих ракетные ускорители. Заклепок было много, и держались они прочно. Ракетные двигатели следует крепить надежно, чтобы их не сорвала атомная тяга.

Корабль все это время продолжал наращивать счет.

Сбитые головки заклепок организованно катались по полу, сначала в одну сторону, потом в другую. Еще один гол.

Связку ракетных ускорителей тряхнуло, и она начала вибрировать. Мистер Мик понял, что у него осталось несколько секунд, торопливо выбил еще пару заклепок, бросил инструмент и покинул отсек. В месте, когда-то прикрытом листом обшивки, он ухватился за шпангоут и выбрался наружу. Изо всех сил оттолкнувшись, он поплыл в пространство.

Нашарив рычаг управления ранцевым двигателем, мистер Мик включил его сразу на полную тягу. Ощущение было такое, будто его ударили по голове. Он потерял сознание.

VI

Билли Джонс сидел в офисе ремонтной мастерской, все с той же сигаретой, приклеившейся в углу рта, и все с той же слезой в глазу.

— В жизни не видел ничего подобного! — объявил он. — Он же половину обшивки потерял! Как он после этого управлялся с кораблем, не понимаю!

Механик в комбинезоне разглядывал носки своих ботинок, с удобством расположенных на столе:

— Я вам вот что скажу, мистер. Солнечная система не видала такого пилота, как он! И никогда больше не увидит, я думаю. Он привел свой корабль сюда с неработающими приборами. Шел по счислению.

— Я написал о нем большую статью, — сказал Билли, — Как он погиб как настоящий астронавт, ну и все такое. Читатели с руками оторвут. Шансов выжить у него не было. Корабль потерял управление, кувырком стал падать на Сатурн. Потом бах! Один большой огненный цветок...

Механик прищурился, не сводя глаз с носков ботинок:

— Они все еще там возятся. Зря, все равно ничего не найдут. Его, небось, до самой орбиты Плутона разбросало.

Внутренняя дверь шлюза тяжеловесно откатилась, и порог переступила фигура в скафандре. Шлем откинулся.

— Добрый вечер, джентльмены! — сказал Оливер Мик.

Собеседники смотрели на него, разинув рты.

Первым пришел в себя Джонс:

— Не может быть! Ваш корабль взорвался!

— Я знаю, — сказал мистер Мик. — Я как раз успел выбраться. Дал полную тягу на ранцевом двигателе и потерял сознание. Пришел в себя на полпути ко второму кольцу. Довольно долго добирался обратно.

Он повернулся к механику:

— Не могли бы вы продать мне подержанный скафандр? В моем полно жучков. Давно пора от него избавиться.

— Жучков? А, понимаю. С ним не все в порядке?

— Точно, — ответил мистер Мик, — С ним не все в порядке.

— У меня есть подходящий, и я с вас ничего не возьму, — сказал механик. — Это была настоящая игра!

— Можно забрать скафандр прямо сейчас? — спросил мистер Мик, — Я тороплюсь. Мне надо лететь.

Джонс вскочил на ноги:

— Но вы не можете! Все думают, что вы погибли, вас ищут! Вы кубок выиграли! Кубок лучшему игроку!

— Нет, мне нельзя оставаться. — Мистер Мик неловко переминался с ноги на ногу. — Мне еще надо многое увидеть, во многих местах побывать. Я и так здесь задержался.

— Но кубок...

— Скажите Гусу, что это его кубок. Пусть он поставит его на каминную полку. Там у него место расчищено.

Глаза мистера Мика за стеклами очков странно заблестели:

— Скажите ему, мне будет приятно, если, глядя на этот кубок, он будет иногда вспоминать обо мне.

Механик принес скафандр. Мистер Мик подхватил его под мышку и направился к шлюзу.

Не дойдя до порога, он обернулся:

— Джентльмены, может быть...

— Да? — сказал Джонс.

— Может, вы скажете, сколько я забил голов? Видите ли, я сбился со счета.

— Девять, — сказал Джонс.

Мистер Мик покачал головой:

— Старею, должно быть. В молодости я забивал по десять голов!

И дверь шлюза закрылась за ним.

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ

I

Гилхрист Вульф подошел к полке и снял с нее журнал. На чистой белой странице он написал: «Сегодня Гофф закрыл дело Хендерсона. Никакого объяснения его исчезновению не найдено».

Сделав эту запись, он пролистал журнал назад, очень медленно, притворяясь, будто просто проглядывает страницы. Но в конце концов он дошел, как и рассчитывал, до той трагической более ранней записи, сделанной тридцать лет назад.

Она была датирована шестнадцатым октября две тысячи триста тридцать четвертого года и начиналась такими словами: «Сегодня исчез Энтони Такермен...».

Он не стал дочитывать до конца. В этом не было необходимости. Он мог бы отбарабанить эту запись наизусть, если бы его попросили.

А теперь в журнале появились и другие заметки и описания обстоятельств дела — сегодняшняя, которую он только что написал, и та, которую он оставил десять дней назад. И он от души надеялся, что ему удалось придать своей заключительной заметке столь же бесстрастный научный тон, как у первоначальной записи Уилфрида Сомса, сделанной тридцать лет назад.

Он снова вернулся к своей заключительной записи и с некоторым изумлением — хотя чему здесь было изумляться? — обнаружил, что, за исключением имен, он почти слово в слово повторил то, что записал Соме в тот давний октябрьский день: «Двадцать третье июля две тысячи шестьдесят четвертого года. Вчера вечером исчез Сартуэлл Хендерсон...».

Собственно, почему бы и нет, спросил он себя. Оба они писали об одинаковых происшествиях, хотя действующие лица были разными.

Вульф рассеянно задумался о том, были ли Хендерсон и Такермен знакомы между собой. И решил, что вполне могли быть. Но это еще не означало, что данное совпадение имело хоть какое-то касательство к их судьбе. Возможно, заключил он, этот аспект загадки вообще не имел никакого значения. Гофф проверил бы гипотезу об их отношениях, если бы счел ее сколько-нибудь важной: такого толкового начальника службы безопасности можно было только пожелать.

Вульф снова вернулся к записи о Такермене и еще раз перечитал ее, хотя и без того знал наизусть. Его мучил вопрос, не крылась ли в ней какая-нибудь зацепка, до сих пор остававшаяся незамеченной, — какой-нибудь неуловимый, скрытый намек. Но он быстро понял, что в ней не было ничего подобного — да и вообще ничего нового. Она была бесцветной и немногословной, как и всегда, потому что ее сделал человек, который не мог позволить себе питать даже малейшую надежду. Это было сухое изложение установленного факта и ничего более. И это, подумал Вульф, вполне понятно. В каждом из происшествий имелся один важный центральный факт: исчез человек. Не сбежал, не был похищен. Просто исчез. Только что был здесь и сейчас, а потом — раз! — и нет его.

Он медленно отпустил страницы, слегка придавливая их большим пальцем: серое, сливающееся мельтешение сделанных от руки записей, накопившихся за многие годы, — летопись мелких успехов, воображаемых революционных достижений, преследующих неудач и крушений древних надежд.

Вульф напомнил себе, что лишь в случае с Такерменом и Хендерсоном определение «неудача» могло быть поставлено под сомнение. Из тысяч ученых, которые долгие годы работали над проектом «Песочные часы», лишь эти двое,

возможно, сбежали из настоящего в другое прошлое или другое будущее, подальше от «здесь» и «сейчас».

Он поднялся и поставил журнал обратно на полку.

А если Такермен и Хендерсон действительно преуспели, сказал он себе, если у их задачи было решение и возможность успеха, несмотря даже на то, что их мог ожидать и провал, — значит, у них все еще была надежда.

Он пересек комнату и прошел по центральному холлу. У входной двери охранник по-военному четко козырнул ему, повторяя действия своих многочисленных коллег, которые на протяжении этих долгих лет стояли перед выходом во дворик, где сквозь кружево кленовых листьев просачивался пятнистый солнечный свет.

— Слышали, сэр, — спросил охранник, — старая Молли сегодня утром принесла котят?

Вульф почувствовал, как чуть расслабилось его лицо, но так и не улыбнулся.

— Нет. И скольких на этот раз?

— Четырех, — ответил стражник, — Белый, серый и двое черных.

— Что ж, неплохо, — одобрил Вульф, — Спасибо, что сказали.

Он зашагал по брусчатой дорожке в тени кленов, направляясь к лабораторным мастерским, которые в старину, когда проект «Песочные часы» еще только набирал обороты, служили сараями, конюшнями и прочими подсобными постройками. Даже сейчас, подумалось ему, это было хорошее место, где старые кошки могли произвести на свет своих котят.

В этом чудесном краю, подумал он, мечты людей и кошек... кстати, а о чем мечтают кошки? Наверное, о полевых мышах, большущих мисках с желтоватой жирной сметаной и уютном кресле у волшебного окна, в которое вечно светит теплое ласковое солнышко. Определенно, кошек не посещает вдохновенное безумие, которое овладевает сознанием людей, точно толпа перепуганных чудовищ. Была лишь

одна оговорка, которую он не мог не сделать. Мечты людей не были совершенным безумием, ибо все, что можно воплотить в реальность и найти этому практическое применение, нельзя назвать совершенно безумным.

Здесь, в тиши этих выбеленных солнцем древних строений, этих древних полей, поросших кустами шиповника и кишащих кроликами, этого неторопливого ручья и этих далеких холмов, голубеющих в полуденном свете, Человек отважно бросал свои честолюбивые замыслы и золотые мечты прямо в лицо Времени.

И на каменистой ниве многолетних неудач и поражений, удобренной беспримерной дерзостью Человека, пробивались робкие ростки достижений, грубые зачатки какой-то не отмеченной пока ни в одной энциклопедии науки, которая когда-нибудь, возможно, изменит мир.

И даже больше: два человека исчезли!

Дорога подошла к концу, и Вульф быстро зашагал по прокаленной солнцем утоптанной земле бывшего скотного двора. Лишь очутившись внутри первого сарая, он на миг остановился, давая глазам возможность привыкнуть к мягкой прохладной полутьме. Пока он стоял на пороге, щурясь, до него донеслись шаги Джо Стрэнга.

— Это вы, Гил? — спросил молодой голос.

— Я, Джоэль, — отозвался он. — Как поживают твои питомцы?

— Здесь двенадцать. Пять исчезли. Я наблюдал за ними.

— Ты только и делаешь, что наблюдаешь.

— Мне интересно, что они собой представляют.

— А мне плевать, что они собой представляют, — сказал Вульф, — Что мне хотелось бы узнать, так это, куда они деваются — и как.

— Не «почему»?

— Господи, Джоэль, ну какая мне разница, почему?

— Такая, что это может быть как-то связано. Если бы нам была известна их цель и мотив — почему они исчезают и почему возвращаются снова, — тогда, быть может, мы сумели

бы подойти немного ближе к «как»? Эх, если бы только я мог разговаривать с ними!

— Ты не можешь с ними разговаривать, — отрезал Вульф. — Они ведь животные. И все тут. Просто животные с другой планеты.

Он стиснул челюсти так сильно, что у него свело щеку. Очень глупо, напомнил он себе, бессмысленно пререкаться с Джоэлем Стрэнгом о Странниках. Если этот восторженный дурак считает, что он может разговаривать с ними, пускай себе считает так и дальше. В конце концов, это ничуть не большая утопия, чем сотня прочих вещей, которые уже были испробованы в ходе «Песочных часов».

До этого мгновения Вульф даже не осознавал того напряжения, под которым находился все это время, напряжения, которое он разделял со всеми остальными участниками проекта.

И ведь его нельзя было отнести исключительно на счет исчезновения Хендерсона. Дело было далеко не только в этом. Напряжение было неотделимо от самой работы. Оно увеличивалось, ширилось и нарастало у человека внутри до тех пор, пока не начинало душить его.

Возможно, подумалось ему, это было связано с необычной долговременной срочностью проекта, не утрачивающего своей важности не дни, месяцы или даже годы, а целые века. Еще сильнее, пожалуй, это было связано с ощущением неотвратимого рока, который будет знаменовать конец этих веков — если только «Песочные часы» не дадут ответ и не приведут наконец проект «Парадокс» в рассчитанное до мелочей действие.

Важность этих стремительно утекающих месяцев и лет была чем-то личным и понятным — чем-то таким, что каждый мог приравнять к своему существованию. Речь могла идти лишь о полной победе или полном поражении, и ни о чем более. Это был вызов, который волновал кровь и

заставлял сердце учащенно биться, и ему сопутствовало ощущение личной и непосредственной необходимости.

Но в более долговременной срочности, растянутой на века, не было ничего непосредственного. Вопрос был почти теоретическим, несмотря даже на неумолимый рок. Именно по этой причине люди все время старались не забывать о срочности. Он просыпался среди ночи, насмерть перепуганный. Он пытался создать в своем воображении точный ужасающий образ их будущей участи, чтобы подхлестнуть себя. И таким образом боролся не за одно правое дело, а за два сразу.

Вульф заметил, что Стрэнг смотрит на него с озадаченным видом.

— Я просто задумался, Джо, — сказал он, — Над этим проектом работают уже почти двести лет, но до сих пор не добились особого прогресса. У нас есть только Странники, Доказательства Телмонта и уравнения Манна. А теперь еще два человека исчезли.

— Когда это случится, — сказал Джоэль, — то случится вот так.

Он неуклюже щелкнул пальцами.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю, — сказал Стрэнг.

Вульф двинулся к клеткам, где содержались Странники, и Стрэнг поспешил за ним. Очутившись перед стеклянной клеткой, Вульф задумался, получится ли у него когда-нибудь смотреть на ее обитателей без содрогания. Их безобразие еще можно было понять. Но почему они вдобавок еще столь омерзительно драчливы и жестоки? Размером они были не больше крупной крысы и выглядели так, будто с них заживо содрали кожу, причем так быстро и недавно, что они еще не успели истечь кровью.

Вульф смотрел на них как зачарованный, ожидая, что кровь вот-вот потечет, и они в ответ нахально уставились на него. Пожалуй, этот взгляд нельзя было с полным правом назвать злобным, но в их глазах светилось что-то очень

близкое к злобе, к тому же сдобренной тем заносчивым высокомерием, которое могло смутить кого угодно.

— Теперь я понял, почему сказал, что все произойдет совершенно неожиданно, — пробормотал Стрэнг, — Когда я стою здесь и наблюдаю за ними, у меня порой возникает такое чувство, что я вот-вот пойму, в чем дело.

— Ты вроде говорил, что их было двенадцать, — заметил Вульф, — Сейчас их одиннадцать.

Стрэнг вздохнул.

— И такая петрушка — каждый день. За ними не уследишь.

Теперь Вульф увидел, что животных стало тринадцать. На гладком полу клетки, где всего миг назад никого не было, откуда ни возьмись появились еще два Странника.

— Джоэль, куда они деваются? Думаешь, они перемещаются во времени?

— Иногда мне кажется, что так и есть, — сказал Стрэнг, — Эх, если бы только я мог говорить с ними...

— Я знаю, что ты все проверил, но невидимость может быть довольно неуловимым свойством.

Стрэнг покачал головой.

— Мы знаем, мы абсолютно точно знаем, что невидимость здесь ни при чем. Они куда-то деваются. Перемешаются во времени или в пространстве. Если бы только я смог понять, почему они исчезают, возможно, мне удалось бы докопаться до того, куда.

— Тебе нравятся эти твари, Джоэль?

— Пожалуй. Скажем так, я привык к ним. Мне иногда кажется, что они, возможно, тоже начинают принимать меня. Но я не уверен. Если бы только можно было как-нибудь понять...

— Я знаю, — сказал Вульф, — Я знаю.

Он отвернулся от клетки и зашагал прочь. Стрэнг некоторое время шел рядом с ним.

— О Хендерсоне что-нибудь известно? — спросил он.

— Хендерсон исчез, — сказал Вульф.

— Как Такермен?

— Да, я уверен в этом.

— Гил, узнаем ли мы когда-нибудь?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — отозвался Вульф, — Ты, разумеется, отдаешь себе отчет, в каком нелепом положении мы находимся — и как нелепо было это все с самого начала «Песочных часов». С таким же успехом кто-нибудь мог бы попросить нас придумать, как остановить солнце. А в этом проекте мы должны придумать, как перемещаться во времени. То, что нам нужны путешествия во времени, принимается как данность. Нам говорят: «Что ж, тогда давайте их разработаем». Организуют проект, называют его «Песочные часы» и говорят нам: «Через триста лет вы должны путешествовать во времени».

— У нас все получится, Гил.

Вульф протянул руку и похлопал Стрэнга по плечу.

— Спасибо тебе, — сказал он.

II

Вульф вышел во двор, на неожиданно яркий солнечный свет, от которого он зажмурился, способный смотреть на мир лишь сквозь прищуренные веки.

Он вдохнул сухой и жаркий аромат лета, смесь запахов сонной пыли, слишком зеленых листьев, нескошенного луга, старой облупившейся краски. Где-то вдалеке ворковал голубь, совсем рядом шелестели крыльями воробьи, и Вульф вдруг понял, что это воркование и шелест не просто подчеркивают тишину, которой были объяты эти безбрежные земли — земли, окруженные глухой оградой, охраной и гробовым молчанием официальных властей.

Значит, они организовали «Песочные часы» и держали это в секрете. Они настояли, что никто не должен знать, какова цель проекта, а когда, и, если, она будет достигнута,

открытие должно остаться тайной. И прежде всего никто не должен узнать о том, для чего будет использовано путешествие во времени.

И в кои-то веки они поступили по-умному. «Песочные часы» организовали на этой старой ферме, потихоньку, без обычной шумихи со строительством сверкающих новеньких зданий или внезапного паломничества целой армии правительственных чиновников. Работа над проектом началась постепенно, так что местное население если и удивлялось, то мимолетно, а поскольку ничего важного не просочилось наружу, у тех, кто работал над проектом, не возникало необходимости яростно от всего отпираться.

То, что этот проект был организован с такой изобретательностью почти два столетия назад, на взгляд Вульфа, лишь подчеркивало огромное значение, которое ему придавали с самого начала, и столь же упрямую решимость во что бы то ни стало сохранить его в строгой государственной тайне.

На дорожке, ведущей от дома, мелькнуло белое платье, и Вульф понял, что Нэнси Фостер, его секретарша, его ищет. Нэнси была хорошенькой, деловитой и добросовестной, и, куда бы он ни пошел, она всегда умудрялась разыскать его и приставить к работе.

Он был уверен, что Нэнси работает на Службу безопасности. Но это его не тревожило. Он был всего лишь разгильдяй, в меру своих сил пытающийся делать работу, которая была не по зубам ни одному человеку, и Служба безопасности могла сколько угодно проверять его при помощи тестов и диаграмм всякий раз, когда Нэнси отдавала распоряжение.

Он прошел по двору и увидел, что Нэнси остановилась у конца брусчатой дорожки и ждет его. Она держалась в тени, и лицо у нее было напряженное.

— Там Гофф, — сказала она. — Он кого-то привел.

— Спасибо, Нэнси, — поблагодарил Вульф. — Я уже иду.

— Что-то случилось, Гил?

— Да нет. А что?

— Этот человек, который пришел с Гоффом. Я почти уверена, что он из Центрального бюро.

Вульф заставил себя рассмеяться.

— Мы их не волнуем, Нэнси. Не настолько мы важны.

— Его фамилия Хьюз. Сидни Уодсворт Хьюз.

Она хмыкнула, произнося это имя.

— Прямо как стихи, — сказал Вульф.

Караульный у входа все так же стоял навытяжку, но на его любезности это никак не отразилось.

— Ну как, видели котят, сэр? — поинтересовался он.

— Нет, — ответил Вульф, — Я до них не дошел. Завтра посмотрю.

— На них стоит взглянуть, — сообщил охранник без малейшего выражения.

Гофф с Хьюзом ждали его в кабинете. Хьюз оказался крупным мужчиной — этаким лощеным типом. Такого, пожалуй, нелегко будет переспорить, сказал себе Вульф. Гофф представил их друг другу.

— Хьюз из Центрального бюро Службы безопасности.

Вульф пожал Хьюзу руку и изумился тому, как это Нэнси так хорошо разбирается в людях.

— Я пошел, — сказал Гофф. — У меня работа. Когда закончите, позвоните мне и я пришлю за вами машину.

— Благодарю вас, Гофф, — ответил Хьюз. Его слова определенно прозвучали как разрешение уйти.

— Сообразить вам чего-нибудь выпить? — спросил Вульф.

— Может быть, попозже, — сказал Хьюз. — Сейчас мне надо о многом с вами поговорить.

Разговор начинался на какой-то фальшивой ноте. Все было слишком поспешно, слишком натянуто, чтобы быть драматичным, хотя ощущение драмы все-таки проскальзывало. Ничего хорошего из этого не выйдет, подумалось Вульфу.

Интересно, не имеет ли это отношения к Хендерсону? Исчезновение Хендерсона казалось ему единственной

причиной, по которой в его кабинете мог появиться человек из Центрального бюро. Но дело Хендерсона было закрыто. Гофф проделал такую работу, которая не оставляла в этом никаких сомнений. Каждый факт, каждый аспект этого исчезновения был учтен и расследован. Вся история — насколько там вообще было что-то известно — была черным по белому записана в официальных документах.

Хьюз грузно опустился в кресло и поставил перед собой свой портфель.

— Насколько я понимаю, пропал человек.

Вульф кивнул.

— Гофф рассказал мне об этом, — продолжал Хьюз, — Это очень похоже на дело Такермена.

— Гофф — молодец, — сказал Вульф.

Он знал: чтобы руководитель проекта хвалил начальника собственной службы безопасности — это уже на грани ереси. Но его это не волновало. Слишком уж напыщенным был этот Хьюз.

— Однако я здесь не затем, чтобы говорить о Хендерсоне, — как ни в чем не бывало продолжал Хьюз, — Я приехал сообщить вам, что мы нашли Такермена.

Вульф выпрямился в своем кресле. На мгновение он застыл, отчасти от безотчетного стремления взять себя в руки, порожденного почти врожденной решимостью не выказывать никаких эмоций, отчасти от поразившей его словно холодным стальным клинком мысли: если то, что сказал Хьюз, правда, значит, большая часть надежд, которые возлагали на «Песочные часы», только что развеялась как дым.

— Но это невозможно, — выдавил он в конце концов. — Это не имеет смыс... — Он осекся, увидев полуулыбку на лице своего собеседника.

— Я немного уточню, — сказал Хьюз, — Мы не нашли самого Такермена. Но у нас есть его отпечатки пальцев, и мы можем воссоздать картину произошедшего. Хотя бы ее часть.

Хьюз помолчал, ожидая какого-то отклика, но Вульф упрямо безмолвствовал. В конце концов он все-таки заговорил:

— Продолжайте. Вы говорили о каких-то отпечатках.

— Мы нашли отпечатки на больничной карте, — сообщил Хьюз, — и она датирована тысяча девятьсот восемьдесят пятым годом.

Вульф сидел, сгорбившись и чувствовал, как в душе у него мало-помалу нарастает ликование. Он видел, что Хьюз наблюдал за ним с этой своей полуулыбочкой на губах, как будто внутренне забавлялся, — выражение, которое было не совсем снисходительное, но очень к тому приближалось.

— Вы уверены? — спросил Вульф, — Точно уверены или есть сомнения?

— Мы убеждены.

Вульф кивнул. Неплохо. Если Центральное бюро было убеждено, обычно это означало, что любая битва, любая борьба с трудностями на девять десятых выиграна.

— Его доставили в госпиталь, — продолжал Хьюз, — он пострадал в какой-то уличной драке. Ему здорово досталось, и, судя по записям в карточке, никто не верил, что он выкарабкается.

— Но он выкарабкался?

— Наверняка мы не знаем. Он снова исчез, — Хьюз больше не улыбался, — Боюсь, Такермен задал им работенку. Поступил без всяких документов и совершенно ничего не помнил о своей прошлой жизни. Поэтому его записали как неизвестного и стали ждать. Но даже когда он пошел на поправку, он все равно ничего так и не вспомнил. Они объяснили потерю памяти трещиной в черепе, которую он получил в драке. О нем нигде не было никаких упоминаний, и они, должно быть, никак не могли взять в толк, как человек его возраста... ему ведь было сорок, да?

— Да, — подтвердил Вульф.

— Должно быть, им нелегко было понять, как человек мог прожить сорок лет и ни разу не подвергнуться

процедуре снятия отпечатков пальцев и не иметь даже никаких документов, по которым можно было бы установить его личность. А потом еще вдобавок ко всему он исчез — прямо с больничной койки.

— Он снова переместился во времени, — сказал Вульф, — Ему там не понравилось, поэтому он просто отправился дальше. Вы искали его в каком-нибудь другом времени?

Хьюз покачал головой.

— Что толку? Мы и сейчас его не искали — наткнулись на его карту по чистой случайности. Он совершил прыжок на четыреста лет назад, не забывайте. В какое время его занесло во второй раз? Отпечатки пальцев — единственный надежный метод установления личности, который был доступен в прошлом, но его изобрели сравнительно недавно. Если он прыгнул из тысяча девятьсот восемьдесят пятого года хотя бы еще на пятьдесят лет назад, он потерян для нас безвозвратно.

— Но он путешествовал во времени, — сказал Вульф, — Вот что важно. Теперь мы знаем, что это возможно.

— А раньше не знали?

— У нас были определенные доказательства, — сказал Вульф. — Были определенные рабочие теории. Но мы действовали наобум. Полной уверенности у нас не было.

— Даже спустя двести лет?

— Двести лет еще не прошло.

— Ну ладно. Почти двести лет. Должен заметить, для людей, которые так не уверены в своих силах, ваши отчеты казались крайне обнадеживающими.

Он пристально взглянул на Вульфа.

Вульф ощутил внезапную вспышку гнева и постарался обуздать ее.

— Вы забываете, — сказал он, — что Центральное бюро поручило нам задачу, которую практически все с самого начала считали гиблым делом. Мы начинали на пустом месте. Нам было не на что опереться, если не считать нескольких абстрактных философских концепций, которые на

самом деле ни черта не значили. Мы создали этот проект с нуля. Центральное бюро должно радоваться, если у нас через тысячу лет что-то получится.

Поведение Хьюза изменилось. Теперь и в нем угадывалась искорка гнева — гнева и неприкрытого нетерпения.

— Тысяча лет — это слишком долго, — сказал он, — Результат нужен нам через сто, а лучше — через пятьдесят лет. Я знаю, что это долгосрочная программа, но время уходит. Так говорят наши калькуляторы. Собственно, тут вполне довольно и простого здравого смысла. Дипломатическая ситуация становится напряженной.

Он немного помолчал, как будто не мог решить, стоит ли говорить то, что было у него на уме. Потом чуть склонился вперед, и на скулах у него заиграли красные пятна.

— Я не могу выразить, как это важно, — проговорил он медленно, — Только вы можете предотвратить войну. Вряд ли надо напоминать вам, какой катастрофой обернулась бы подобная война.

Вульф закрыл глаза и увидел ее в мучительной вспышке. Все заливал яркий, ослепительный свет, на фоне которого темнели немногочисленные крохотные точки — расплавленные ядра планет, рвущихся на части.

— Плеяды наседают на нас, — сказал Хьюз, — Но они не станут нападать, если у них не будет заведомого перевеса в силе. Если мы сможем удержать своих союзников и нарастить силу, мы сохраним мир. После этого на следующее тысячелетие нам будет обеспечено превосходство, и опасность минует.

Он провел пальцами по редеющим волосам.

— Это вопрос морали и этики, — сказал он. — В прошлом мы допустили несколько ошибок в ходе своей экспансии. Теперь мы поумнели. Мы считаем...

— Я в точности знаю, что вы считаете, — с горечью перебил его Вульф. — Вы считаете, что Земля не должна нести ответственность за свои прежние ошибки. Вы считаете, что

мы переросли их. Вы считаете, что у нас есть полное право переместиться назад во времени и все подправить.

Он поджал губы.

— Проект «Парадокс» предусматривает, гак можно обстряпать это дельце в полной тайне. Вы хотите пустить в ход задний ум, и существует всего один по-настоящему действенный способ сделать это. Вы говорите тем, кто работает над проектом «Песочные часы»: «Теперь все зависит от вас. Если вас постигнет неудача, всю федерацию ждет сокрушительное поражение». Нет — не просто поражение. Полное уничтожение.

Он медленно поднялся.

— Хьюз, — сказал он, — Такого гнета «Песочные часы» не вынесут. Мы будем делать все, что в наших силах, чтобы вы получили свое путешествие во времени. Мы напряжем каждую жилку и пустим в ход все свои ресурсы. Но мы не примем более широкие последствия нашей неудачи. Мы даже не возьмем на себя полную ответственность за возможную неудачу. Иными словами, Хьюз, не надо разговаривать со мной в таком тоне.

Хьюз тоже поднялся.

— Что-то мне не нравится ваше отношение, — сказал он.

Вульф пожал плечами.

— Да ради бога. Нравится оно вам или не нравится, мне неважно. Но не пытайтесь давить на нас. Не пытайтесь подгонять нас. На нас и так предостаточно давления.

Он потянулся к телефону.

— Я попрошу Гоффа прислать машину, — сказал он.

Он выставлял этого человека за дверь, а это был не самый разумный поступок. Но почему-то его это не волновало.

В службе безопасности подняли трубку. Вульф без колебаний попросил вызвать машину.

— Так как, выпить не хотите?

Хьюз был вне себя. Он вытащил из портфеля папку и бросил ее на стол.

— Здесь все данные на Такермена, — сказал он Вульфу, — Я подожду машину за дверью.

Вульф проводил его взглядом.

III

Вульф нажил себе врага, ничего не достиг, а его поведение было глупым до крайности. Но он был исполнен решимости дать Центральному бюро понять, что им не нужно напоминать об их задаче.

Они и так знали свою задачу и уже почти две сотни лет пытались решить ее всеми мыслимыми способами — утыкаясь в тупики, двигаясь по ложным путям, но ни на миг не прерывая поиска, ни на миг не теряя из виду их конечной цели. Проекту «Песочные часы» не нужен был напыщенный дурак вроде Хьюза, чтобы подталкивать его на этом пути.

Может, в Центральном бюро и теряли терпение, но он ничего не мог с этим поделать. В Центральном бюро долго ждали, но придется подождать еще.

Возможно, еще не очень долго. Работа над проектом «Парадокс» была завершена почти пятьдесят лет тому назад, и теперь все было готово. Как только путешествие во времени перестанет быть лишь теоретической возможностью, проект «Парадокс» может вступать в действие. Но пока этот день не наступил, он не продвинется ни на шаг.

И очень жаль, сказал себе Вульф. Он сел за свой стол, положил руки перед собой и стиснул их. Это все нервы, сказал он себе. Каждый из нас — комок нервов.

Хотя он горячо отрицал это в своем разговоре с Хьюзом, срочность висела над ним, как дамоклов меч, и пугала его — отчаянная необходимость предотвратить первую галактическую войну, в которую Земля будет вовлечена и, по всей вероятности, уничтожена.

Он попытался представить последствия подобной войны — и не смог. Это будет крупномасштабная война, основанная на долгосрочной стратегии, не поддающаяся научному осмыслению человека, далекого от военных дел. Планеты займут место городов в старой, устаревшей и вышедшей из обращения концепции мировой войны и будут превращены в пыль в ходе какого-нибудь тактического маневра той или иной стороны.

И эту войну можно предотвратить. Можно сделать так, чтобы она никогда не началась. Как только путешествия во времени станут возможными, проект «Парадокс» продолжит осуществление плана, который уже был разработан и ждал своего часа: люди смогут переместиться в прошлое, чтобы переписать страницы, которые были темным и трагическим пятном на дипломатической истории Земли. Ибо идеологическое сражение, которое шло сейчас полным ходом, было борьбой за умы на множестве разных планет. И это, подумалось Вульфу, была та еще работенка. Ведь то, что на одной планете считалось правильным образом мыслей, на другой могло показаться изменой или еще чем-нибудь в том же роде.

Внезапно Вульф обнаружил, что пункт за пунктом вспоминает перечень достижений проекта «Песочные часы». У них были Доказательства Телмонта — документы, найденные на мертвой заброшенной планете в созвездии Сеятеля. Эти бесценные таблички, по всей видимости, указывали на то, что раса, некогда обитавшая на Сеятеле III, использовала путешествия во времени для того, чтобы сделать богаче и разнообразнее свою повседневную жизнь. Но имелась одна загвоздка. Видимо, путешествия во времени были для них делом столь обыденным, что им не пришло в голову упомянуть о том, какого рода были эти путешествия.

Вульф негромко выругался себе под нос, вспомнив, как они работали, словно бешеные, чтобы расшифровать письменность телмонтиан. И как, когда ключ был уже найден, они впустую перелопатили уйму записей.

Они умели это делать, подумал Вульф и грохнул кулаком по столу. Но что лежало в основе этого умения? Механический процесс? Природная способность? Умственная тренировка? Что?

А Странники, привезенные на Землю двадцать лет назад из зоны Лобзика, — как быть со Странниками? А уравнения Манна, дело рук крошечного сморщенного человечка, который упорствовал в безумном старомодном убеждении, будто все во Вселенной можно объяснить при помощи законов математики.

А теперь еще два человека исчезли!

Его ждала работа. Надо встать и взяться за дело, а не рассиживаться здесь в раздумьях, полных горького гнева и досады. Но ему не хотелось работать.

Ему хотелось на рыбалку.

Он сидел и думал о зеленой глади воды, представлял, как, разомлевший на солнышке, зачарованно следит за танцующим поплавком. Его ждали синежабрые окуньки и солнечники, а они за улов могли бы сойти с большим трудом. Но он рассматривал их как терапевтическое средство и хотел на рыбалку.

«Клянусь богом, — подумал он, — я пойду. Улизну от Нэнси и всех остальных и наловлю прорву рыбы».

Он поднялся и протянул руку к папке, которую Хьюз швырнул на стол. «Такермен, — подумал он, — Как все произошло с Энтони Такерменом в тот октябрьский день тридцать лет назад?

Он знал, что делает, или просто столкнулся с каким-то непредвиденным и совершенно необъяснимым явлением? Что он сделал, чтобы отправиться в прошлое? Чем он там занимался, что видел, чувствовал и думал? И что случилось с Сартуэллом Хендерсоном всего десять дней назад? Что такого особенного сделали Такермен и Хендерсон? Почему с ними случилось то, что не случалось больше ни с одним человеком на Земле?»

И все-таки это было не совсем справедливо!

Сколько, спросил он себя, человек может блуждать в потемках? Он положил папку обратно на стол и с изумлением и неудовольствием заметил, что рука у него трясется.

Мгновение он стоял, напряженный, пытаясь унять дрожь, и когда рука перестала трястись, он снял телефонную трубку и попросил оператора:

— Свяжите меня с Центральным бюро информации.

После недолгого ожидания ему ответили.

— Вульф, «Песочные часы», — представился он, — Я хочу запросить все важные аналитические данные, которые у вас имеются на пропавших без вести людей. Ну, скажем, за последний десяток лет.

— Это займет некоторое время, сэр.

— Хорошо. Перезвоните мне, когда соберете сведения.

— Вам не нужны непосредственные факты? Только статистика, распределение и еще несколько простейших аналитических показателей?

— Естественно. Чтобы полностью просмотреть каждое дело, мне придется засадить десяток человек за работу на месяц.

— На какие детали обращать особое внимание? Если бы нам была известна причина, по которой вы...

— Нет никакой причины, — перебил Вульф, — Можете считать это мимолетным капризом.

— Но, сэр...

— Черт побери, можете вы произвести простую исследовательскую работу, не возводя ее в степень дела вселенской важности? Подготовьте для меня эти данные и позвоните, когда получите их.

Он с грохотом бросил телефонную трубку и тяжелыми шагами вышел из кабинета.

В холле он услышал голос Нэнси — она препиралась с поваром. «Господи, — подумал он, — она что, не может не совать свой нос хотя бы на кухню? Она обижает первоклассного повара. Если из-за ее придирок он уйдет...»

Он прошел за сарай, где держали Странников, и вытащил из-под навеса длинную бамбуковую удочку. Но когда он стал искать лопату, ее там не обнаружилось. Вульф выругался и, продолжая ворчать, отыскал старую консервную банку и направился в сад. По пути он сказал себе, что сможет накопать достаточно червей, чтобы хватило порыбачить часок-другой, голыми руками и какой-нибудь попавшейся под руку палкой.

Пропавшая лопата отыскалась под его любимой яблоней. Ее держал в руках маленький, похожий на гнома человечек, который прислонил удочку к дереву и усердно перекапывал землю в поисках червей.

— Эй, док, — окликнул его Вульф.

Доктор Оскар Манн метнул на него возмущенный взгляд и швырнул лопату.

— Я увольняюсь, — заорал Манн, — Ухожу сию минуту из этого проекта.

Он зашагал к сараям, но Вульф быстро забежал вперед и преградил ему дорогу. Манн остановился в нескольких дюймах, и его нелепая щетинистая бородка оказалась точно на уровне груди Вульфа.

— Какая муха вас укусила, док? — осведомился Вульф.

— Это все цифры, — свирепо сказал Манн, — Они никак не желали вытанцовываться. Отказывались становиться в строчку. Шарахались то туда, то сюда. Ну я и решил сходить порыбачить, чтобы немного развеяться. Но стоит мне только прийти сюда, как тут же собирается целая толпа.

— Вы предпочли бы, чтобы я сегодня не ходил на рыбалку, док?

— Да делайте вы что хотите, — огрызнулся Манн, — только без меня.

— Вы — человек огромной проницательности, — сказал ему Вульф, — и поэтому я восхищаюсь вами. Из меня компания никудышная. Я сегодня на всех бросаюсь.

— Я тоже, — признался Манн.

— Что с нами такое, док?

— Мы слишком редко ходим на рыбалку, — сказал Манн. — Чересчур редко. Давайте копать червей.

— Вы уже накопали достаточно, — сказал Вульф, — Теперь моя очередь.

— Вы копайте, а я буду собирать, — предложил Манн. — Без проворного червяка вы от меня не отвяжетесь.

Вульф подобрал лопату и вонзил ее в землю.

— Меня только что осенила одна мысль, док.

— Вот как, — отозвался Манн.

— Я позвонил в Центральное информационное бюро и попросил аналитические данные по без вести пропавшим людям.

Манн хмыкнул.

— Сколько вы уже здесь, Гил?

— Не понимаю, какое это имеет отношение к делу? Пять лет, если вам так хочется это знать.

Манн хихикнул.

— Это уже было раньше, — сказал он, — Примерно каждые пять лет кого-нибудь осеняет такая же идея. Вы просто пропустили последнюю.

Вульф перевернул полную лопату земли, и Манн набросился на нее, как разъяренный терьер. Он выудил оттуда четырех крупных червяков, двух поменьше и еще одного, которого перерезало напополам.

— Значит, я зря это сделал, — сказал Вульф.

— Не зря, — возразил Манн.

— Может быть, позвонить им и сказать, чтобы ничего не искали?

— Вы что, хотите разбить им сердце? — спросил Манн, — Выказать такое неуважение к этому огромному энциклопедическому устройству с его миленькими кнопочками и упорядоченными архивами?

— Пожалуй, не стоит мешать им развлекаться, — решил Вульф.

— Копайте еще, — велел Манн. — Мы, кажется, собираем червей. Только больше никаких разговоров о работе.

— Я только хотел сказать вам. Такермен нашелся.

Манн, который сидел на корточках перед лопатой, полной земли, быстро поднял глаза.

— Он нашелся! Так, значит...

— Это значит в точности то, на что мы надеялись. Нашлись его отпечатки пальцев, сделанные в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году.

Манн зачерпнул горсть земли, и она посыпалась у него между пальцами.

— Когда-нибудь, — сказал он. — Когда-нибудь мы найдем решение. Оно придет к кому угодно — может быть, к вам или ко мне. А когда это произойдет, у нас хватит ума оставить подсказку Джоэлю или еще какому-нибудь смышленому парнишке.

Он сидел на корточках с задумчивым видом.

— Мы подходим к этому под таким множеством разных углов в основном потому, что у нас нет уверенности — мы сами не знаем точно, что ищем. Интересно, а Такермен и Хендерсон... — Манн раздраженно махнул рукой, — Копайте, пожалуйста.

IV

Солнце уже скрылось за деревьями на холме за лугом, когда доктор Манн и Вульф решили, что с них достаточно. Они намотали лески на удочки, воткнули крючки в поплавки и зашагали к дому.

Манн то и дело поглядывал на улов.

— Самый лучший день за все лето, — заявил он, — Теперь можно возвращаться, и цифры и наши мысли прояснятся.

Они украдкой пробрались в дом с черного хода и оставили рыбу у повара, который от души выругался, поняв, что в ближайший час ему предстоит все это чистить.

Нэнси уже ждала их в гостиной; щеки у нее пылали, сердитые глаза смотрели с упреком.

— Где вы были весь день? — напустилась она на него, — Центральное бюро информации вас разыскивало.

Вульф виновато вздрогнул. Он совсем забыл о Центральном бюро информации.

— Спасибо, — сказал он, решив не вдаваться в подробные объяснения.

Он направился в кабинет и закрыл за собой дверь, оставив Манна на милость, вернее на растерзание Нэнси.

Он вызвал оператора и стал ждать.

В Центральном бюро информации даже не пытались скрыть недовольство.

— Мы весь день пытались связаться с вами, — сказал укоризненный голос.

— Я был занят, — объяснил Вульф.

— Мы собрали информацию, которую вы запрашивали. Можно выводить ее на экран?

Вульф нажал на кнопку видеовывода, и вспыхнул квадрат. На нем появился аккуратно построенный график.

— Мы крайне заинтересовались вашим вопросом, как только углубились в него, — сказали в трубке. — Вы просили сведения за десять лет, но мы просмотрели пятьдесят. Вы увидите постоянный рост исчезновений с каждым годом. Это имеет значение.

— Какое значение? — спросил Вульф.

— Ну, я не знаю точно. Но должно иметь. Вы увидите...

— Спасибо, что обратили мое внимание, — оборвал его Вульф, ухмыляясь при мысли о том, что уличил этого зануду в незнании.

— Это еще не все, — сказали из бюро информации, — Мы наткнулись на этот факт совершенно случайно. Но он

оказался настолько поразительным, что мы построили еще один график.

Равномерно уходящая вверх кривая первого графика исчезла, и ее место заняла другая, столь же равномерно снижающаяся.

— Здесь, — сказали в бюро информации, — показано снижение числа случаев сумасшествия. Возможно, между двумя этими графиками нет никакой связи, но если вы посмотрите...

Экран снова дрогнул, и на нем появились два графика рядом.

— ...если посмотрите, возрастающая и убывающая кривые совпадают друг с другом почти в точности.

— Я весьма признателен, — сказал Вульф, ни с того ни с сего раздражаясь, — что вдобавок к ответу на мой запрос получил еще и этот поразительный пример вашего служебного рвения.

— Спасибо, — сказал дурацкий голос, — Нам показалось, что столь необычная ситуация может показаться вам интересной.

— И какие же выводы из этого следуют? Что люди, которые сходили с ума, немедленно сбегали и терялись, или... быть может, у вас есть какие-то еще более удивительные гипотезы?

— Мы не делаем выводов, сэр, — отозвался голос. — Наша единственная задача — предоставлять запрашиваемые данные.

— И вы справились с ней в высшей степени достойно, — заверил его Вульф, — сделали куда больше, чем того требовал от вас ваш служебный долг.

Но, насмешничая, он ощутил, как в его мозгу всколыхнулось возбуждение.

— Мы сейчас же отправим вам все данные, — сказал человек из Бюро информации, — Почтой. Или с нарочным.

— С нарочным, пожалуйста, — ответил Вульф, — И спасибо вам большое.

Он повесил трубку и застыл в кресле, прямой как стрела, в полумраке кабинета.

Неужели эти тупые болваны что-то нащупали? Неужели существует связь между исчезновениями и сумасшествием? Неужели действительно имеет какое-то значение факт, что число исчезновений с каждым годом становится все больше и больше, тогда как число случаев сумасшествия уменьшается? Два графика показывали прямую связь, но можно ли доверять этим графикам?

Он сидел, перебирая в памяти годы — годы, когда он участвовал в проекте, и годы до этого, когда казалось, что весь здравый смысл и весь человеческий опыт противоречат их затее, что из нее ничего не выйдет, что все их усилия пойдут прахом, как уже не раз случалось с прочими честолюбивыми замыслами Человека. Долгие и бесплодные годы, когда они не получали никаких результатов и даже хуже — когда, казалось, умерла уже всякая надежда. Скудные годы мучительных метаний, когда Доказательства Телмонта продемонстрировали, что цель проекта далека от безнадежной, но не указали никакого пути к ней.

И наконец, годы лихорадочной надежды, годы наблюдений за Странниками, которые нахально таращили на них свои пристальные, как у сфинксов, глаза, и в то же самое время совершали, возможно, то самое, что люди безуспешно пытались совершить на протяжении двух столетий, — совершали это без малейших раздумий и усилий, как человек переходит из одной комнаты в другую.

Так, значит, это природная способность, а не какой-то рецепт, который можно свести к математическим формулам, — философская концепция, ловкая манипуляция общими факторами? Неужели это нечто такое, что кроется в мозгу Человека, какая-то скрытая возможность, еще не до конца развившаяся, о существовании которой никто даже не подозревал?

«Предположим, — сказал себе Вульф, — только предположим, что...

Предположим, что эти исчезновения были своеобразным предохранительным клапаном, в точности так же, как и сумасшествие. Предположим, что Человек многие столетия спустя наконец-то развил лучший предохранительный клапан. Предположим, что, вместо того чтобы сойти с ума, человек, изнемогший под гнетом жизненных невзгод, попытался сбежать от них в прошлое. И предположим, он обнаружил там, что этих невзгод больше не существует, поскольку обстоятельства, которые создали их, остались в будущем и больше не существуют в той реальности, в которую он попал.

Если все это так, тогда получится именно та картина, которую показали графики, — снижение числа случаев сумасшествия и рост числа исчезновений. К тому же это вполне имеет смысл. По крайней мере, ничуть не меньше, чем сумасшествие. Пожалуй, даже побольше, поскольку сумасшествие навсегда ставило на человеке крест, тогда как тот, кто перемещался во времени, мог сохранить свою неповторимую личность и человеческую суть.

Выживание. Эта способность могла быть фактором выживания. Она развилась под давлением обстоятельств, когда оказалась отчаянно нужна человечеству.

А если он наконец-то стоит на правильном пути, это открывает новый простор для исследований. Конечно, нельзя свести человека с ума, чтобы заставить его переместиться в другое время, но должны быть и другие способы. И если окажется, что эта способность внутренне присуща человеческому сознанию, тогда со временем она будет принадлежать всей человеческой расе в противоположность собственности, которую можно продать тому, кто больше даст».

Вульф был потрясен, но напряжение куда-то исчезло. Он встал из-за стола и пошел к выходу из кабинета. Но не успел он сделать и пяти шагов, как дверь распахнулась и в комнату ввалился Гофф, который держал за локти какого-то перепуганного пожилого человека и подталкивал его вперед.

Свою кепку Гофф где-то потерял, и волосы у него были всклокочены, лицо подергивалось от ярости.

Следом за Гоффом и незнакомцем шли Манн, Нэнси и повар с испуганными и изумленными лицами.

V

Гофф дал незнакомцу такого тычка, что тот вылетел на середину комнаты.

— Вот, крутился у сараев, — проговорил он дрожащим от гнева голосом, — На вопросы отвечать отказался. Делает вид, будто не знает, как здесь очутился. Все время лопочет что-то о том, как все вокруг вспыхнуло.

Человек медленно обернулся и в первый раз посмотрел на них. Вульф увидел, что губы у него пепельно-белые, а в остекленевших глазах застыл дикий страх.

— Все вдруг вспыхнуло, — запинаясь, проговорил он, — Небо — вдруг как солнце!

— Вы не присядете? — спокойно спросил его Вульф.

Незнакомец заколебался, ошеломленное выражение в его глазах стало еще сильнее.

— Вот туда, — продолжал Вульф.

Человек побрел к столу Вульфа и сел в кресло.

— Или он спятил, — сказал Гофф, — или ломает комедию.

Нэнси закрыла дверь и прижалась к ней спиной; глаза у нее были широко распахнуты.

— Какой-то на нем странный костюм, — сказала она.

— Он вообще странный, — с отвращением отозвался Гофф.

Вульф подошел к креслу, и человек шарахнулся от него.

— Не надо бояться, — сказал ему Вульф. — Я рад, что вы здесь.

— Как он мог сюда попасть? — сердито спросил Гофф. — Через нашу изгородь не переберется никто, и радар ничего не показал.

— Думаю, я знаю, — сказал Вульф, — Думаю, я точно знаю, как он это сделал.

«И если то, что он думал, было правдой, — сказал он себе, — проект “Песочные часы” потерпел крах».

— Значит, все вдруг вспыхнуло, — проговорил он.

Незнакомец кивнул. На щеках у него заходили желваки.

— Мы не успели, — пробормотал он, — Мне так жаль.

— В каком году это было, дружище? — спросил Вульф.

Человек словно бы и не слышал.

— В каком году это было, спрашиваю? Нам нужно знать. Когда Плеяды напали?

— Всего минуту назад, — сказал незнакомец, — Двадцать девятого декабря две тысячи пятьсот девяносто пятого года.

— Вот и ответ на ваш вопрос, Гофф, — сказал Вульф, не оборачиваясь и все так же глядя на пришельца.

Гофф сердито возразил:

— Он сам не знает, что несет.

— Еще как знает, — сказал Вульф. — «Песочные часы» закончились провалом. Мы так и не открыли секрет путешествий во времени. Вернее, открыли, но не так, как думали. Его открыли люди, а не мы...

— Все вдруг вспыхнуло белым светом, — проскулил незнакомец. — Он был далеко, но приближался так быстро и был таким ярким, что закрыл все небо. Потом я... я очутился здесь.

Вульф замер рядом с креслом, в который раз представляя, как это будет: внезапная ослепительная вспышка и темные точки — расплавленные осколки разлетевшихся на куски планет.

Но останется миг, прямо перед тем, как разразится катастрофа и огненная смерть охватит землю, миг, которого может оказаться достаточно, чтобы включить в мозгу людей

этот новый, только развивающийся предохранительный клапан, срабатывающий в последнюю минуту.

«Фактор выживания, — сказал он себе, — и вот перед ним сидит живое свидетельство, доказательство его существования — фактор выживания на случай наступления такого дня, когда будет некогда бежать и негде укрыться.

А проект “Песочные часы” окончился крахом. И что теперь?»

Словно подслушав его мысли, Нэнси подошла и встала рядом с ним, глядя на незнакомца, сжавшегося в комочек в кресле.

— Давайте-ка лучше уложим его в постель, — сказала она, — Он почти в шоке. «У вас есть какой-нибудь суп?» — спросила она повара.

— Уже несу, — отозвался тот и скрылся за дверью.

— Помогите-ка мне, док, — попросил Гофф Манна.

Вульф отошел в сторонку и смотрел, как эти двое помогли человеку подняться на ноги и повели к двери.

Нэнси потянула его за рукав.

— Что все это значит, Гил?

— Это значит, что у нас ничего не вышло, — сказал Вульф, — Это значит, что у нас есть врожденная способность перемещаться во времени, но мы пока что не сумели развить умение контролировать ее. Мы можем наугад отправиться в прошлое или даже в будущее, но способны лишь полагаться на удачу. Мы сами не можем определить, где и в каком времени окажемся. Это все еще совершенно случайное проявление того, что, возможно, является самой могущественной силой в физической Вселенной.

— Значит, война все-таки будет!

— Она уже идет, — мрачно сказал ей Вульф. — Где-то в будущем, двести лет спустя, конверсионная бомба превратила Землю в обугленную головешку.

— Мяу, — послышалось вдруг.

Вульф вскинул голову. На пороге стояла Молли, старая кошка, такая же невзрачная, как и всегда, и вежливо ждала, когда ее пригласят войти.

— Привет, Молли, — поздоровалась с ней Нэнси. — Как поживает твое семейство?

Молли надменно прошествовала по кабинету, помахивая гордо поднятым хвостом. Она заурчала, мяукнула и принялась тереться о штанину Вульфа.

— Смотри не гуляй по ночам, — посоветовал он и почесал ей за ушками. — А не то большой кролик, который живет за поленницей, подкрадется и утащит тебя.

Молли, судя по всему, эта мысль нисколько не обеспокоила. Она жмурилась и мурлыкала.

— Да, ей надо начинать беречься, — сказала Нэнси. — У нее осталось всего четыре жизни.

— Осталось четыре жизни? — переспросил Вульф, — Ах, да, я и забыл. «У кошки девять жизней».

Он мгновение смотрел на Нэнси, потом снова перевел взгляд на Молли.

— Боже мой, — сказал он, — я никогда не думал об этом.

— О жизнях Молли? — поинтересовалась Нэнси.

— Да нет, не об этом. Как вы не понимаете — мы все находимся в таком же положении. Мы взялись за дело и проиграли. Но теперь по меньшей мере один человек, который видел последние минуты «Песочных часов» и Земли, вернулся к нам, и он может оказаться не последним. Значит, мы начнем все сначала, с помощью тех, кто будет возвращаться, и снова возьмемся за дело. На этот раз у нас может все получиться, потому что теперь мы будем знать больше. Но даже если у нас опять ничего не получится, после каждой неудачи будут возвращаться все новые и новые люди, и «Песочные часы» смогут еще раз начать все с самого начала, и в конце концов придет время...

Он с силой потер ладонью щеку.

— Я не знаю. Не знаю. Манну придется все проверить. Я не вполне уверен. На столько вопросов еще предстоит дать

ответ. Существует ли множество альтернативных будущих или необходимо исправлять единственное наше будущее, точно, так же как мы собирались исправить прошлое?

— Но вы действительно верите, — спросила Нэнси, — что у нас будет второй шанс?

— И третий, и четвертый, и пятый, — ответил Вульф, — И даже больше, если нам это понадобится. Если это верно для первого раза, то должно быть верно и для всех последующих.

Зазвонил телефон. Вульф подошел к столу и снял трубку.

— Это Хьюз, — сообщил сердитый голос.

— Как поживаете, мистер Хьюз?

— Что происходит? — осведомился Хьюз, — Нас со всех концов света засыпают сообщениями о незнакомцах, которые появляются как из-под земли. Их тысячи. Они говорят, что прибыли из будущего!

— Это беженцы, — сказал Вульф.

— Вы отвечали за этот проект, — напустился на него Хьюз. — Это полностью на вашей совести.

Вульф с такой силой швырнул трубку, что она подскочила.

Охранник покинул свой пост и топтался у двери.

— Там три человека, сэр, — сообщил он, — У них какой-то ошарашенный вид.

— Пришлите их сюда, — сказал Вульф, — Я давно их жду.

Охранник колебался.

Вульф не выдержал.

— Ведите их сюда! — почти закричал он, — Нам надо делать дело!

Охранник развернулся и вышел в холл.

Все в порядке, сказал себе Вульф.

Он снова был взведен как пружина.

Нет сомнений, увлечение Фостера Адамса было необычным. Однако не забывайте, что Фостер Адамс вообще был странным человеком. Считал ли Адамс свои исследования простым хобби или вполне профессиональным занятием — никому не ведомо. Может быть, они для него были досужим увлечением, а может быть — навязчивой идеей или всего лишь игрой блестящего ума.

Как он пришел к тому, чтоб взяться за свое исследование, что за таинственная причина подвигла его сделать последний роковой шаг на этом пути, я не представляю. Положа руку на сердце, я должен признать, что очень мало знаю о Фостере Адамсе. О нем вообще мало что известно.

Я не знаю ни где он родился, ни кто были его родители и живы ли они, хотя я всегда полагал, что они умерли много лет назад.

Я ничего не знаю о его образовании, кроме того, что оно, по-видимому, было всесторонним. Я не представляю ни как, никогда, ни зачем он приобрел старую ферму Смита. Остается для меня загадкой и то, почему он пытался найти ответ на вопрос, который в наше время не занимает ни одного человека его возраста иначе как мимоходом. Хотя, надо признать, много столетий назад этот вопрос, наверное, интересовал людей гораздо больше.

В том, что у Адамса были некие одному ему известные причины поступать так, а не иначе, не может быть сомнений. Однако ближе к концу, когда у него появились основания верить, что найденное решение наверняка лежит за пределами его возможностей, он должен был осознать всю опасность своих изысканий.

Возможно, Фостер Адамс переоценил свои силы, а возможно, что даже в самых безудержных фантазиях не представлял, каким окажется ответ. Последнее было бы весьма и

весьма странно, поскольку, прежде чем взяться за практические опыты, он долгие годы изучал эту тему.

В первый раз я услышал о Фостере Адамсе от некоего знакомого на историческом факультете университета штата.

— Фостер Адамс твой сосед, — сказал мне этот знакомый, — Он живет в той же части графства, что и ты. По-моему, он держит в голове больше никчемных исторических деталей, чем кто-либо из ныне живущих.

Я удивился и ответил в том духе, что даже профессор английской истории не сможет рассказать мне о том, какие блюда в пятнадцатом веке английский средний класс предпочитал кушать на обед. Но собеседник лишь потряс головой.

— В целом об этом могу рассказать тебе и я, — заявил он, — Но Фостер Адамс выложит их меню до мельчайших подробностей, до последней крошки ячменного хлеба.

Тогда я спросил, кто такой этот Фостер Адамс, но собеседник не смог ответить. Таинственный знаток не был связан с каким-либо университетом, не публиковался и не был авторитетом в ученой среде (во всяком случае — признанным авторитетом). Но он знал, что носили и ели люди, начиная с Древнего Египта и до наших дней: какие орудия труда они использовали, какие злаки сеяли, как путешествовали и множество иных мелких подробностей, которые наполняли обыденную жизнь людей в течение долгих тысячелетий.

— Это его хобби, — сказал мой знакомый.

И это было самое четкое описание занятий Фостера Адамса, какое мне доводилось слышать.

Ферма Смита — участок голой, потрепанной капризами природы земли, расположенный у иссеченного ветрами горного хребта. Земля эта не могла похвастаться ни красотами, ни какой-либо репутацией или историей. Даже после того, что произошло темной ноябрьской ночью, там не почувствуешь флера ужаса или мрачного величия. Словно никакой трагедии и не было вовсе.

Я до сих пор помню мое первое впечатление от этого места, уныние и меланхолию, которые охватили меня, пока я ехал по каменистой дороге, серпантином вьющейся по склонам холма.

Дом был серым, но это был не серый цвет потемневших от времени бревен, а несвежий, нездоровый цвет дерева, которое некогда было покрыто слоем краски, но с тех пор она отслоилась, отлетела и растворилась в ветре и непогоде. Коньковый брус амбара просел в середине, и крыша теперь здорово напоминала лошадиную спину. Другое строение — должно быть, когда-то оно было свинарником — и вовсе рухнуло. При виде этой картины меня охватила тоска. Все выглядело так, словно однажды ферма устала стоять и сдалась на милость времени.

За домом в лучшие времена был разбит большой фруктовый сад, но теперь там остались лишь призраки деревьев — они скорчились и замерли под солнцем в нелепых позах, словно толпа упрямых стариков. Покосившийся ветряк склонил голову над умирающим садом, и ветер, беспрестанно дующий вдоль хребта, болтал его огромные металлические крылья из стороны в сторону, бессмысленно и удручающе однообразно.

Остановив машину, я заметил, что упадок и разруха, вызванные хозяйским небрежением, коснулись даже мелочей. Клумбы из последних сил сопротивлялись напору сорняков. Широкая наклонная дверь — внешний вход в подвал — наполовину сгнила, одна створка и вовсе упала с петель.

Ставни на одном из окон висели косо, на другом упали и валялись на земле, через прорези в них упрямо тянулись к свету травинки. Крыльцо просело, столбы навеса опасно накренились, настил скрипел и сильно прогибался под моими ногами, пока я шел к входной двери.

На мой стук дверь открыл старик, одетый в ливрею столь древнюю, что ее черная ткань вылиняла и стала зеленой. Пожалуй, никогда в жизни мне не доводилось видеть такого противоестественного сочетания: на пороге старого,

совершенно обветшавшего фермерского дома в штате Висконсин стоял старик, будто сошедший со страниц Диккенса.

Я спросил, можно ли видеть Адамса, и слуга приоткрыл дверь чуть шире и пригласил меня войти. Его голос звучал резко, словно вороний грай, и отдавался эхом под высокими древними потолками.

Дом был почти лишен мебели. На кухне стояли дровяная печь, несколько старых кресел и стол, покрытый куском сальной клеенки. В комнате, которая, видимо, некогда была обшита дубом и считалась столовой, вдоль стены громоздились упаковочные ящики, и груды книг были навалены там и сям в совершеннейшем беспорядке. Окна пялились на мир пустыми глазами, поскольку хозяева не озаботились повесить ни одной занавески.

В передней гостиной плотные зеленые шторы были опущены, и комната тонула даже не в тени, а в настоящей темноте.

Фостер Адамс поднял свое громоздкое тело из кожаного кресла, стоявшего в углу, и пересек комнату, чтобы пожать мне руку. Его пожатие оказалось холодным и вялым, оно выдавало равнодушие, а то и скуку.

— Немногие забираются в такую глушь, — сказал он, — Рад вас видеть.

Но он кривил душой, уж поверьте. Бьюсь об заклад, ему вовсе не понравилось, что я нарушил его уединение.

Мы сидели в сумраке гостиной за опущенными шторами и разговаривали тихо, поскольку комната обладала удивительным свойством: она будто шепотом велела вам не повышать голос. Фостер, тут ничего не скажешь, оказался обладателем прекрасных манер: педантичных, щепетильных, даже немного вычурных... и раздражающих.

В августовский полдень было странно слышать тонкий, высокий, холодный и враждебный вой ветра по сторонам и углам дома. В обстановке не чувствовалось ни дружелюбия, ни уюта. Стены дома не могли удержать тепло — все

высасывали разруха в доме и запустение на земле, брошенной на потребу солнцу, дождю и ветру.

Да, сказал Адамс, он может рассказать мне многое из того, что я хочу знать. И рассказал, причем не сверяясь с записями или книгами. Он говорил так гладко, словно описывал события, которые видел собственными глазами, словно повествовал не о далеком прошлом, а о нынешнем времени, словно он сам жил в Англии пятнадцатого века.

— Меня всегда интересовали такие подробности, — сказал он, — Какие нижние юбки носили женщины, или какими травами они приправляли пищу. И даже более того, — Он снизил голос до полушепота, — Более того — как умирали люди.

Адамс замер в кресле, и казалось, будто он прислушивается к чему-то, к тихим шорохам, которые можно разобрать, только если знаешь о них, — шебуршанию крыс в подвале или, может быть, стрекотанию сверчков в складках портьер.

— Люди, — с апломбом заявил он, — умирают по-разному.

Он сказал это так, словно был первым человеком, кому пришла в голову подобная мысль. Или, по меньшей мере, первым, кто высказал ее.

В гостиной повисла тишина. Ее нарушал лишь скрип шагов старого слуги, который расхаживал в столовой, да еще из сада доносился приглушенный стенами металлический грохот терзаемой ветром мельницы.

Фостер Адамс внезапно поднялся с кресла.

— Я был очень рад видеть вас, — сказал он. — Надеюсь, вы придете еще.

В точности так это и выглядело. Меня буквально вышвырнули вон, велели мне идти, словно остолопу-школьнику, который засиделся в гостях.

И все же этот странный человек долго не выходил у меня из головы. Было в нем какое-то очарование, которое тянуло меня обратно к старому серому фермерскому дому на вершине черного недружелюбного холма. Так некоторых людей в зоопарке неодолимо манит какая-нибудь клетка, и они

подходят к ней, чтобы стоять, смотреть и ужасаться зверю, который в ней заключен.

Я закончил книгу, щедро приукрасив ее сведениями и подробностями, которыми со мной поделился Адамс, и отправил издателю.

А потом, однажды, едва понимая, зачем это делаю, и ни на мгновение, не сознаваясь самому себе, куда направляюсь, я обнаружил, что снова еду на машине сквозь лабиринт холмов нижнего Висконсина.

Старый фермерский дом ничуть не изменился.

А я-то надеялся, что Адамс просто-напросто недавно поселился на ферме и за прошедшее с моего первого визита время привел все в порядок. Даже обычная покраска уже во многом изменила бы облик дома. Небольшой камин сотворил бы чудо, привнеся тепло и немного уюта. Цветы, альпийские горки и несколько террасок придали бы саду ухоженный вид; тополь или два по углам дома развеяли бы уныние, которое источала ферма.

Но Адамс не сделал ничего. Дом выглядел так же, как в первый раз.

Он сказал, что рад видеть меня, но его рукопожатие было не более чем вялым жестом вежливости, и сам он оставался таким же педантичным и прямолинейным, как и во время нашей прошлой встречи.

Хозяин дома сидел в своем глубоком кожаном кресле и говорил, и я ничуть не сомневался, что если он и рад визиту, то лишь потому, что я дал ему возможность послушать его же собственный голос. Так что, признаться честно, он не беседовал со мной, он даже не смотрел на меня. Казалось, он разговаривает сам с собой, и временами я улавливал сварливые нотки в его голосе, словно он сам же с собой не соглашался.

— Жестокость красной нитью проходит через всю историю человеческой расы, — говорил он, — Она всюду, куда ни посмотри, на каждой странице официальных летописей.

Человеку мало просто убить, он стремится привнести в этот процесс множество мучительных излишеств. Мальчик отрывает крылышки у мухи или привязывает банку к хвосту собаки. Ассирийцы свежевали тысячи пленников, сдирая с них кожу заживо.

В доме витало ощущение затхлости — ощущение, не запах. Пыль веков, давно ушедших в прошлое.

— Ацтеки, — вещал Фостер Адамс, — вырезали сердца у живых жертв с помощью тупого каменного ножа. Саксы опускали людей в змеиные ямы или сдирали кожу с живых и натирали солью трепещущую плоть.

От той беседы у меня осталось тошнотворное впечатление — отвращение вызывала не столько суть сказанного Адамсом, сколько то, каким тоном он говорил. Это был спокойный профессиональный разговор человека, который знает предмет и рассматривает его объективно, как нечто, что необходимо исследовать, изучить опытным путем и подробно описать. Совсем как торговец, составляющий перечень товаров.

Но для Адамса, как я понимаю теперь, люди со снятой кожей, люди в змеиных ямах, люди, которых казнили на крестах вдоль римских дорог, не являлись созданиями из плоти и крови. Для него они были просто фактами, которые упорный исследователь рано или поздно выстроит в систему.

Нет, я не хочу сказать, что человеческие страдания совершенно не трогали душу Адамса. Его интерес к ним был совершенно искренним. И вряд ли можно усомниться, что в последние часы, когда этот человек еще был жив и сохранял способность трезво мыслить, его заинтересованность не стала еще более глубокой и личной.

Адамс, должно быть, заметил, что его монолог мне неприятен. Он сменил тему. Мы заговорили о деревне, об окрестных холмистых пейзажах, о приятной погоде — на дворе был конец октября — и о раздражающем любопытстве местных жителей касательно того, чего это Адамс вдруг

поселился на ферме и чем он там занимается. Их назойливость, как я понял, сильно досаждала ему.

Прошло больше года, прежде чем я снова увидел Фостера Адамса, да и то лишь благодаря случайному стечению обстоятельств.

Я ехал домой после одной встречи в Чикаго, и, когда уже начинало темнеть, меня застала в дороге одна из лютых бурь, что случаются поздней осенью. Дождь превратился в град, град в снег. Непогода час от часу лишь усиливалась, машина едва ползла, и я понял, что так я далеко не уеду. Пора было искать убежище, и быстро. Тут я вспомнил о старой ферме Смита — до нее оставалось меньше двух миль.

Я нашел нужный поворот, съехал с шоссе и через полчаса был у подножия холма, который примыкал к горному хребту. В такую непогоду моя машина не могла одолеть подъем, и я пошел пешком, увязая в мокром и тяжелом снеге, ведомый немощным пятном света в окне фермерского дома.

Даже днем здесь всегда дул ветер — резкий, колючий, рычащий сквозь зубы, как пес. Теперь же, подстегиваемый бурей, он с воем проносился над горами и обрушивал всю свою злобу на низину.

Остановившись передохнуть, я прислушался к голосу ветра, и мне почудились в нем завывания своры адских гончих, вопли преследуемых жертв и тихое, жалобное хныканье существа, безуспешно пытающегося выбраться из глубокого ущелья.

Я заторопился, подгоняемый безотчетным ужасом, и лишь когда оказался возле самого дома, понял, что бежал во весь дух, спасаясь от сонма воображаемых кошмаров, которые сгрудились на склоне холма.

Добравшись до крыльца, я вцепился в покосившуюся опору и попытался восстановить дыхание и отогнать прочь иррациональный страх, притаившийся в темноте у меня за спиной. К тому времени, когда я постучал в дверь, мне это

почти удалось. Однако стучать пришлось снова и снова, потому что грохот бури заглушал все звуки.

Наконец старый слуга впустил меня. Мне показалось, что он стал двигаться медленнее и ноги у него заплетались больше, чем я помнил по прошлому разу, и разговаривал он невнятней, словно у него каша была во рту.

Адамс тоже изменился. Он по-прежнему держался чопорно, официально и очень сдержанно, однако от его педантизма не осталось и следа. Он не брился день или два, его глаза запали от усталости. Что-то явно не давало ему покоя, хоть он и пытался не подавать виду, и это насторожило меня.

Хозяин дома не удивился, увидев меня, и, когда я упомянул о буре, которая заставила меня просить у него убежища, он согласился, что ночь действительно ужасная. Словно я жил от него через улицу и заскочил на часок-другой попить чаю. Адамс и не подумал предложить мне поесть, ему будто и в голову не пришло, что я не прочь переночевать в его доме.

Мы повели вымученную — по крайней мере, с моей стороны — беседу о всяких пустяках. Адамс держался вполне непринужденно, однако его лицо и руки нервно подрагивали.

Вскоре разговор перешел на его занятия. Из его слов я понял, что Адамс, минуя промежуточные этапы исследования, сосредоточил внимание на проблеме наказаний и пыток, которым только подвергался человек со стороны своих собратьев в обозримом историческом прошлом.

Сутулясь в кресле, неотрывно глядя в стену, он описывал в красках кровавые издевательства, которые оставили страшный след в веках и роднили древнеегипетского правителя, чей гордый титул звучал как Раскалыватель Лбов, и чекиста, чей дымящийся револьвер прикончил так много людей, что расстрельные подвалы были завалены трупами по колено.

Адамс в подробностях знал, как укладывали людей на муравьиной тропе, как закапывали по шею в песках пустынь. Он совершенно серьезно убеждал меня, что американские индейцы были последними мастерами истязания огнем, а искуснейшие дознаватели из числа инквизиторов, по крайней мере в данном вопросе, были не более чем бестолковыми растяпами.

Он говорил о дыбах и четвертовании, о крючьях, вырывающих внутренности. Я слушал эти сухие холодные речи прекрасно эрудированного ученого, и мне мерещился запах дыма и крови, слышались вопли мучеников, скрип натягиваемых веревок, звон цепей.

Однако Адамс совершенно не замечал моего волнения.

Наконец он перешел к тому, зачем начал этот разговор. К проблеме, вытекающей из огромного массива накопленных им знаний. Ее решение ускользало с проворством капель ртути, дразня и не даваясь в руки, и она всецело захватила Адамса.

— Никто из них так и не смог достичь подлинного совершенства, — разглагольствовал он, — Не существует такой вещи, как совершенная пытка, поскольку рано или поздно жертва умирает или уступает, и пытка заканчивается. Не существует способа измерить границы человеческой выносливости. Стоит переусердствовать, и пытуемый умирает, а если позволить жертве избежать полной меры страданий из опасения за его жизнь, то может статься, что его выносливость еще не исчерпана.

— Совершенная пытка? — воскликнул я полувопросительно, поскольку до сих пор ничего не понимал.

Я все еще не мог взять в толк, как человек может интересоваться, пусть даже с чисто академической точки зрения, совершенной пыткой. От таких увлечений попахивает безумием.

Мне казалось, что я схожу с ума — я сидел в старом фермерском доме в Висконсине, за окном ярилась первая зимняя буря, а человек передо мной невозмутимо и со знанием

дела рассуждал о технической проблематике эффективных пыток прошлого и настоящего.

— Возможно, в аду, — сказал Фостер Адамс. — Но, конечно, не на земле. Ибо люди по своей природе грубы, и то, что они делают, тоже весьма грубо.

— Ад? — спросил я его, — Вы верите в ад? Ад в общепринятом смысле слова?

Он рассмеялся, и я так и не понял, верит он или нет.

Я посмотрел на часы — была уже полночь.

— Мне пора, — сказал я, — Кажется, буря стихает.

При этом я не сделал попытки подняться с кресла, поскольку пребывал в полной уверенности, что уж после такого прозрачного намека мне точно предложат остаться на ночь.

Но Адамс сказал только:

— Жаль, что вы уже уходите. Я надеялся, что побудете еще часок.

Я был так зол, пока плелся вниз по склону холма к машине, что не сразу услышал шаги за спиной. Теперь-то я понимаю, что за мной шли от самого дома, но тогда я ничего не заметил.

Буря слабела, ветер затихал, и сквозь прорехи в стремительно несущихся облаках тут и там проглядывали звезды.

Шаги я услышал, когда прошел полпути до подножия холма. Хотя, вполне возможно, я слышал их раньше, просто не придавал значения. Когда я наконец обратил на них внимание, то понял, что это шаги какого-то животного — я слышал стук копыт и скрип коленных суставов, когда преследователь поскальзывался на льду, скрытом под тонким слоем снега.

Я остановился и обернулся, но дорога, которую я оставил позади, была пуста. Шаги раздавались все ближе. Почти нагнав меня, они стихли и возобновились лишь тогда, когда я снова двинулся вперед. Шаги следовали за мной до подножия холма, позволяя мне задавать темп, но я по-прежнему ничего не видел.

Корова, подумал я, хотя в то, что Адамс держит скотину, совершенно не верилось. Кроме того, коровы обычно не разгуливают по дорогам в дождливую ночь. Да и цокот копыт как-то не очень походил на коровий.

Я останавливался несколько раз, однажды даже окликнул преследователя, и на четвертой остановке понял, что за мной больше никто не идет.

Каким-то образом мне удалось развернуть машину. Прежде чем я выехал на шоссе, мы с ней трижды увязали в снегу, но удача и порция отборных ругательств всякий раз выручали меня. На шоссе дело пошло веселее, и вскоре после рассвета я добрался до дому.

Тремя днями позже я получил от Адамса письмо с извинениями. Он писал, что накануне слишком много работал и потому во время нашей встречи не вполне владел собой. Он выражал надежду, что я не придам значения некоторой эксцентричности его поведения. Однако о недостатке гостеприимства в письме не было сказано ни слова. Мне оставалось лишь гадать, что Адамс подразумевал под «эксцентричностью».

В следующий раз мы встретились без малого год спустя. Из третьих рук я узнал, что его старый слуга умер и теперь чудаковатый ученый живет один. Я часто с жалостью думал об Адамсе. Насколько мне было известно, старик в ливрее был единственным человеком, который разделял его одиночество. Должно быть, теперь Адамсу было не с кем и словом перекинуться. Однако я все еще таил обиду и потому не пытался повидать его вновь.

Потом я получил второе письмо, скорее даже записку. Адамс давал понять, что у него имеется кое-что интересное и он хотел бы показать это мне, и что он будет чувствовать себя обязанным, если я уделю ему немного времени, когда окажусь в его краях. Ни слова о смерти слуги, ни единой обмолвки о том, что Адамс истосковался по человеческому общению, ни намека на то, что жизнь его изменилась не в

лучшую сторону. Краткая, деловая записка не содержала ни одного лишнего слова.

Прежде чем ехать, я выждал некоторое время, не выходящее, однако, за рамки приличий. Я сделал это, чтобы доказать себе и ему, что этот человек не имеет никакого влияния на меня и что я не примчусь на его зов очертя голову. Я чувствовал необходимость продемонстрировать холодность, возникшую в наших отношениях с тех пор, как он столь гнусно обошелся со мной той ноябрьской ночью.

Но я все же поехал к нему и обнаружил, что старый дом ничуть не изменился, разве что стал даже более запущенным. Подвальная дверь совершенно сгнила и рухнула, еще одна или две ставни упали с петель и валялись в траве.

Когда Адамс открыл на мой стук, я был потрясен переменой, произошедшей с ним. Он перестал бриться и оброс бородой, в которой виднелись седые пряди. Волосы тоже отросли и неопрятными прядями свисали на воротник, руки были немыты, под ногтями чернела траурная кайма. Его воротник и манжеты превратились в лохмотья, пиджак был изношен до предела. На подбородке и рубашке виднелись засохшие пятна яичного желтка. Разношенные шлепанцы шаркали по полу прихожей.

Хозяин дома поприветствовал меня с тем же равнодушным видом, что и всегда, и проводил в гостиную, которая показалась мне еще более темной и затхлой, чем раньше. Глаза Адамса все так же блестели, и говорил он по-прежнему твердо, но в его речи и манере держаться появилась какая-то вялость, неуверенность.

Он похвалил мой новый роман и одобрительно заметил, что я нашел прекрасное применение полученным от него сведениям. Но по его оговоркам я понял, что он не читал книгу.

— И тогда я подумал, — сказал он, — что вы, возможно, не откажетесь взглянуть на то, что написал я.

Мне ничего не оставалось делать, кроме как выразить согласие.

Адамс перебрался за старый хромоногий секретер и достал из его недр толстую рукопись, перевязанную шнурком.

— Здесь факты, — сказал он. — Но у меня нет сноровки. Я плохо пишу. Надеюсь, вы...

Он умолк, ожидая, что я сам все скажу. И я сказал.

— Я посмотрю. С радостью помогу вам, если сумею.

Я был уже готов спросить его о теме рукописи, когда он осведомился, не слышал ли я о его слуге. Я сказал, что слышал, будто старик умер.

— Это все? — спросил он.

— Это все, — ответил я.

Адамс тяжело опустился в кресло.

— Его нашли мертвым, — сказал он. — И я понимаю, что среди соседей наверняка пошли недобрые пересуды.

Я уже готов был ответить, когда некий посторонний звук буквально вморозил меня в кресло. За входной дверью раздалось громкое сопение, будто кто-то принюхивался.

Адамс, должно быть, не слышал этих звуков — или, напротив, ему случалось и раньше слышать их, притом так часто, что он уже привык и перестал обращать внимание. Во всяком случае, он продолжал говорить как ни в чем не бывало:

— Его нашли на северном пастбище, у подножия горы. Он был весь изувечен.

— Изувечен, — прошептал я, не сумев подыскать другого слова.

Да если бы я даже и придумал, что сказать, я все равно не смог бы произнести это в полный голос, потому что тварь за дверью все сопела и фыркала. Мне казалось, что я вот-вот услышу скрежет когтей о доски.

— Должно быть, прежде чем его нашли, до трупа добралось какое-то животное, — сказал Адамс.

Я сидел, трясясь в ознобе, и слушал, как тварь за дверью обнюхивает притолоку снизу доверху. Раз или два она заскулила. Но Адамс по-прежнему ничего не слышал или не подавал виду, что слышит, и рассказывал мне о рукописи.

— Она не закончена. Должна быть еще последняя глава, скоро я получу нужную информацию и закончу ее. Еще одно небольшое исследование, совсем небольшое. Я уже очень, очень близок к завершению.

И тут я увидел то, что висело — неправильно висело! — на стене гостиной. Должно быть, я смотрел туда неотрывно с тех самых пор, как вошел в комнату, но увидел только теперь.

Только теперь я понял, что это такое. Перевернутое распятие. Перевернутое и приколоченное к стене.

Я вскочил, хотя ноги у меня подкашивались, и, стиснув рукопись в руках, стал бормотать, что должен идти, что совсем забыл и что я опаздываю...

Когда я выходил из комнаты, то слышал за спиной настойчивый скулеж и звук когтей, царапающих дверь в попытке прорваться в дом.

Волосы на моей голове стояли дыбом, и я знал, что должен бежать. Даже сейчас, вспоминая все это задним числом, я не стыжусь своего трусливого бегства. Звуки за дверью будили глубинный ужас, скрывающийся в самых темных уголках души. Корни его уходят в то время, когда человек, сжавшись в комок, прятался в пещере и, затаив дыхание, прислушивался к шагам мягких лап, сопению и вою в темноте снаружи.

Я добрался до машины и остановился, взявшись за ручку двери. Теперь, оказавшись в относительной безопасности, я внезапно приободрился. Я видел, что дом не более чем старая деревенская развалюха и что ни в нем, ни вокруг его нет решительно ничего такого, чего следовало бы бояться.

Открыв дверцу машины, я поставил ногу на подножку. При этом я машинально взглянул вниз — и увидел следы. Следы, похожие на коровьи, но по размерам подходящие скорее уж козе. Наверно, Адамс держит коз, на миг предположил я, но тут же отмел эту догадку. Хотя, в конце концов, это могла быть соседская скотина — вполне возможно, животные повалили ветхую изгородь и разгуливают по ферме.

Приглядевшись, я заметил, что бесплодная земля вокруг испещрена целой сетью отпечатков этих раздвоенных копыт, и припомнил ночь бури и цоканье, преследовавшее меня на дороге.

Я сел в машину и хлопнул дверью, как вдруг, словно хлопок был сигналом, из-за угла дома вышла собака. Это был огромный пес с гладкой черной шерстью, я видел, как при каждом шаге перекатываются мышцы под его сияющей шкурой. От него исходило ощущение силы и быстроты.

Пес повернул голову в мою сторону, и я увидел его глаза. Я не забуду их никогда. Из собачьих глазниц на меня смотрело абсолютное зло. У собак не бывает таких глаз.

Я нажал ногой на стартер и вдавил педаль газа в пол[18]. Лишь когда я проехал по дороге добрых десять миль, меня перестала трясти мелкая дрожь.

Добравшись до дому, я вскрыл бутылку и вышел на крыльцо, освещенное осенним солнышком. Я долго сидел там в одиночестве, то и дело прикладываясь к горлышку, — чего со мной раньше не случалось, но после того случая вошло в привычку.

Когда опустилась темнота, я ушел в дом и стал просматривать рукопись Адамса. Как я и ожидал, это оказалась история пыток и истязаний, обширное историческое исследование бесчеловечного обращения человека с человеком. Там были чертежи и рисунки, а также подробные описания устройства и принципа действия каждой адской машины, которая только существовала в истории. С великим тщанием и точностью автор отслеживал то, как со временем совершенствовались способы пыток, каждый метод был описан во множестве вариантов, до мельчайших подробностей, каждая процедура старательно откомментирована.

---

[18] В пятидесятые годы двадцатого века в некоторых моделях автомобилей стартер приводился в действие педалью, расположенной правее педали акселератора. При необходимости быстро тронуться с места водители часто нажимали правой ногой обе педали. (Примечание редактора.)

Кроме того, в рукописи приводился перечень пыток, о которых известно очень мало, так что и сказать о них практически нечего, не говоря уже о публикации.

Перелистывая страницы, я добрался до главы XLVIII и обнаружил, что рукопись там обрывается. Готово было лишь начало раздела.

Оно гласило:

«Но наивысшую пытку, пытку, которая длится и длится бесконечно, удерживая человека на волос от безумия и смерти, можно найти только в глубинах ада, и до сего дня ни одному смертному существу не довелось узнать пытки преисподней до ухода в мир иной...»

Я отложил бумаги и потянулся за бутылкой, но она оказалась пуста, и я швырнул ее через комнату. Бутылка ударилась о камин и разбилась вдребезги. Мелкие осколки весело сверкнули в свете лампы. Скорчившись в кресле, я чувствовал, как страшные руки ада тянутся ко мне. Пот катился градом, сердце билось чуть ли не в горле.

Адамс знал, о чем говорит, — либо знал точно, либо намеревался выяснить. Он сказал, что для завершения книги ему осталось лишь небольшое исследование, последнее небольшое уточнение, которое он должен получить. И я вспомнил следы во дворе и собаку с чудовищными глазами, и как какое-то существо, возможно та же собака, скреблось в дверь в течение всего моего визита.

Долгое время я просидел в оцепенении, но в конце концов поднялся на ноги и подошел к столу. Достав из ящика пистолет, долгое время пролежавший там без дела, я проверил, в порядке ли он, и убедился, что оружие заряжено. Тогда я вывел из гаража машину и погнал по ночной дороге как сумасшедший.

Рваные облака то и дело скрывали умирающую луну, которая к тому времени, когда я достиг фермы Смита, уже опускалась за вершины гор на западе. Над холмами сгустилась предрассветная тишь, и в этом беззвучии мне чудилось,

что старый дом дрожит от ярости, словно разгневанный призрак.

Все до единого окна были темны. Я не заметил никакого движения ни в доме, ни в округе. С реки дул свежий и холодный ветер, поля были покрыты инеем. Я поднялся по скрипучим ступеням и постучал в дверь, но ответа не последовало. Я постучал еще раз, потом еще, но тщетно, поэтому повернул ручку, и дверь медленно отворилась.

Стон был слишком слабый и тихий, чтоб услышать его через дверь, но он звучал, ждал меня, когда я вошел в дверь и вступил в кухню.

Это был даже не стон, а бессвязное лепетание. Казалось, эти звуки издает бессловесная тварь, а не человеческое существо. И мне подумалось, что еще совсем недавно они были громче, но теперь тот, кто стонал в доме, совершенно изнемог и не мог повысить голос.

Я нашарил в кармане пистолет и дрожащей рукой извлек его на свет. До смерти хотелось броситься наутек. Но я не мог этого сделать, мне нужно было убедиться. Я должен был удостовериться, что происходящее не так кошмарно, как я вообразил себе.

Я прошел из кухни в столовую, а стон то затихал, то возвышался до жалких потуг на крик — у существа, которое их издавало, не было сил вопить в голос.

В гостиной я увидел на полу тело и осторожно подошел. Тело у моих ног корчилось, извивалось и стонало. Наконец существо на полу осознало, что я здесь, и попыталось подползти ко мне. И хотя с губ его не сорвалось ни одного членораздельного слова, я отчетливо слышал мольбу в душераздирающих стонах, которые исторгала его глотка.

Я попятился в ужасе, но оно доползло до меня и обхватило мои колени руками с когтистыми пальцами. И когда оно запрокинуло голову, чтобы посмотреть на меня, я узнал Фостера Адамса. В гостиной царил мрак, поскольку шторы, как всегда, были опущены, но за окнами столовой небо начинало сереть в предчувствии рассвета.

В полумраке я не мог толком разглядеть лица Адамса, и до сих пор благодарен за это судьбе. Его рот был сведен судорогой ужаса, глаза распахнуты неимоверно широко, так что казались почти белыми. На бороде пузырились клочья пены.

— Адамс! — воскликнул я, — Адамс, что случилось?

Однако мне не было нужды спрашивать. Я уже все понял. Нет, конечно, мучительное, сводящее с ума знание, которое теперь открылось Адамсу, оставалось для меня недоступным. Но я понял, что произошло, — он нашел то, что искал. С помощью перевернутого распятия, когтей, скребущих в дверь, козлиных следов во дворе он нашел ответ.

Но мне он ответа не дал. Его руки соскользнули с моих колен, он распластался на полу и больше не шевелился. Стало ясно, что он уже никому ничего не скажет.

И только тут я почувствовал чужое присутствие. В самом темном углу притаилось нечто чернее тьмы.

Я замер над распростертым телом Фостера Адамса, безуспешно вглядываясь в пятно мрака и чувствуя ответный взгляд, устремленный на меня. В потемках мне так и не удалось ничего толком рассмотреть. Ни слова не говоря, я спрятал пистолет в карман, повернулся и вышел из комнаты.

За спиной у меня раздались шаги. Копыта постукивали, щелкали суставы, и ритм этих звуков сказал мне, что тот, кто ходит по комнате, передвигается не на четырех, а на двух конечностях.

ЗОВ ИЗВНЕ

Глава первая

ПИРАМИДА ИЗ БУТЫЛОК

Пирамида была построена из бутылок, сотен бутылок, блестевших и сверкавших так, как будто внутри них горел настоящий огонь; они собирали и вновь рассеивали туманный свет, который шел от далекого солнца и еще более далеких звезд.

Фредерик Уэст медленно отступил от левого борта его крошечного судна. Он вертел головой и то закрывал глаза, то открывал их снова, но пирамида по-прежнему находилась на том же самом месте. Так что зрелище не являлось плодом его больного воображения, рожденным вследствие темноты и одиночества его космического путешествия, чего он так боялся.

Пирамида действительно находилась здесь, и это казалось чем-то невероятным. Невероятным хотя бы потому, что на этом практически неизвестном куске покореженного железняка ничего подобного не должно было быть.

Никто не жил на спутнике Плутона. Никто никогда не посещал спутник Плутона. Даже он сам не намеревался этого делать, а просто перед тем, как лететь к Плутону, решил заглянуть сюда: его внимание привлекла яркая вспышка света, длившаяся секунды, как будто кто-то сигналил ему. Разумеется, это была пирамида, теперь Уэст это точно знал. Расположенные один над другим ряды бутылок, которые улавливали и отражали свет.

Позади пирамиды среди зубчатых валунов стоял обычный космический барак. Но — никакого движения, никаких признаков жизни. Никто не распахнул входную дверь, чтобы его поприветствовать. «Странно, — подумал он. —

Разве так встречают гостей, если, конечно, они вообще сюда прилетали».

Возможно, пирамида действительно была сигнальным устройством, хотя это был довольно неудобный способ передачи сигналов. Это скорее походило на выходку сумасшедшего. Если задуматься, любой, кто был в достаточной степени ненормальным, чтобы жить на спутнике Плутона, мог стать создателем пирамиды из бутылок.

Спутник был настолько незначительным, что даже не имел названия. Космонавты, в тех редких случаях, когда о нем заходила речь, просто называли его «спутник Плутона», и этого было вполне достаточно.

Никто больше не посещал эту часть космоса. «Между прочим, — отметил про себя Уэст, — именно поэтому я сюда и прибыл». Раз уж вы смогли проскользнуть мимо космического патруля, то теперь находились в абсолютной безопасности. И никто теперь не побеспокоит вас.

Никто также не собирался беспокоить Плутон. Прошло уже три года, как был наложен запрет на посещение этой планеты. Решение приняли после официального сообщения, полученного от ученых, которые работали в низкотемпературных лабораториях, созданных за несколько лет до этого.

Никто не приближался к планете, тем более сейчас, когда на страже ее стоял космический патруль. Впрочем, имелись способы проскользнуть мимо него. Если знать место дислокации патрульных кораблей и постепенно увеличивать скорость, а затем отключить двигатели и плавно двигаться по инерции в тени планеты... Одним словом, до Плутона добраться было можно.

Уэст приблизился к пирамиде и обнаружил, что строительным материалом послужили бутылки из-под виски. Все они были пустыми, абсолютно пустыми, а этикетки — новыми и чистыми.

Уэст отвел взгляд от бутылок и направился к бараку. Определив, где находился замок, он нажал кнопку.

Безрезультатно. Он нажал снова. Медленно, почти неохотно, замок поддался. Уэст поспешно шагнул вперед и повернул рычаг, открывший внутренний замок.

Тусклый свет просачивался из глубины хижины, и Уэст сквозь наушники услышал тихий скрежет крошечных когтей по полу. Затем булькающий звук, словно где-то по трубе текла вода.

Затаив дыхание и вцепившись в рукоятку пистолета, Уэст быстро переступил порог.

На краю койки сидел мужчина, одетый в выцветшее, заношенное до дыр нижнее белье. У него были спутанные длинные волосы, а неопрятные бакенбарды так топорщились, что придавали незнакомцу весьма свирепый вид. Борода, сбившаяся в колтун, едва ли не достигала глаз, которые в замешательстве таращились, словно испуганные животные, загнанные в пещеры. Костлявая рука протягивала бутылку виски — это был жест, означающий приглашение присоединиться.

Бакенбарды шевельнулись, и послышался хриплый, похожий на карканье голос.

— Хотите глотнуть? — спросил мужчина.

Уэст отрицательно замотал головой.

— Я не пью.

— А я пью, — сказал обладатель бакенбард. Рука наклонила бутылку, послышалось бульканье.

Уэст быстро осмотрел комнату. Передатчика не было, и это все упрощало. Если бы тут был передатчик, его следовало уничтожить. Пожалуй, только сейчас Уэст понял, какую глупую ошибку он сделал, остановившись на этом спутнике. Никто не знал, где он находится... и именно так все и должно было оставаться. Уэст поднял защитный козырек.

— Напиваюсь до смерти, — сообщил бородач.

Изумленному взгляду Уэста предстали крайняя бедность и необычайное убожество этого места.

— Три года, — продолжал мужчина, — Ни разу я не был трезв за целых три года, — Он икнул, — Меня это достало, —

Левой рукой он ударил себя в морщинистую грудь, выглядывавшую из выреза поношенного белья. Правая рука продолжала сжимать бутылку, — Земных года. Три земных года. Не плутонских.

Послышалось шуршание, и из тени в углу хижины выскочило какое-то существо и прыгнуло на кровать. Оно прижалось к бедру мужчины и подозрительно уставилось на Уэста, его рот напоминал щель, из которой по всему лицу текли слюни, морщинистая кожа при этом блеклом освещении не могла вызвать никаких других чувств, кроме отвращения и ужаса.

— Познакомьтесь с Аннабель, — сказал обладатель воинственных бакенбард.

Он свистнул, и тварь вскарабкалась на плечо, а затем прильнула к его щеке. Это зрелище вызвало у Уэста дрожь.

— Проездом? — поинтересовался незнакомец.

— Меня зовут Уэст. Направляюсь к Плутону.

— Попросите, чтобы они показали вам картину, — сказал мужчина, — Да, вы должны увидеть картину.

— Картину?

— Вы что, глухой? — воинственным тоном спросил незнакомец, — Я сказал — картину. Понимаете? Рисунок.

— Я понимаю, — сказал Уэст, — Но я не знал, что там имеются какие-либо картины. Даже не знал, что там вообще кто-то есть.

— Конечно есть, — сказал мужчина, — Там есть Луи и... — Он глотнул из бутылки и продолжил — Я заработал алкоголизм. Хорошая вещь, этот алкоголизм. Спасает от простуд. Невозможно простудиться, когда у тебя алкоголизм. Однако он убивает быстрее, чем простуда. С простудой можно жить достаточно долго...

— Послушайте, — настойчиво попросил Уэст, — вы должны рассказать мне о Плутоне. О том, кто там находится. И о картинах. Откуда вы о них знаете?

Глаза незнакомца рассматривали его с пьяной хитростью.

— Вы должны будете сделать для меня кое-что. Я не могу дать вам информацию такого рода просто так, по доброте душевной.

— Разумеется, — согласился Уэст, — Все, что вы хотите. Только скажите, что вам нужно.

— Вы должны забрать отсюда Аннабель, — сказал мужчина, — Увезите ее назад, туда, откуда она родом. Здесь не место для такой девочки, как она. Эта жизнь не для нее. Находиться рядом с пьяной развалиной вроде меня... Когда-то я был великим человеком, пока однажды... да, сэр, великим человеком. Это все произошло из-за бутылки. Одной особенной бутылки. Нужно было попробовать их все, каждую, чтобы найти эту бутылку. И когда я искал, мне не оставалось ничего другого, как выпивать их содержимое. Содержимое наверняка испортится, если вы позволите бутылкам просто стоять вокруг вас. А кто захочет, чтобы такое количество испорченного спиртного загромождало место? — Он отхлебнул еще глоток и продолжил объяснения, — С тех пор этим только и занимаюсь. Теперь я почти добился своего, их осталось немного, неиспробованных. Раньше я думал, что если бы нашел правильную бутылку прежде, чем будет слишком поздно, то тогда все наладилось бы. Но если я сейчас найду ее, для меня это уже не будет иметь никакого смысла, потому что я умираю. Впрочем, осталось достаточное количество, которого хватит, чтобы добить меня... Намереваюсь умереть пьяным. Счастливая смерть.

— Но что с этими людьми на Плутоне? — спросил Уэст.

Бородач зашелся смехом.

— Я одурачил их. Они дали мне возможность сделать выбор. «Бери что хочешь», — предложили они. Щедрые, видите ли. Подарок на прощание. Так что я взял виски. И вот результат. Они не знали, понимаете. Я надул их.

— Я уверен, что это так, — сказал Уэст.

По его позвоночнику снизу вверх пробежал страх крошечными, холодными ножками. Он понимал, что здесь имело место безумие, но безумие упорядоченное. Так или

иначе этот уклончивый разговор надо бы все-таки свернуть в нужное русло, и тогда он будет иметь смысл.

— Но что-то пошло не так, — заявил мужчина. — Не так, как надо.

В комнате повисла напряженная тишина.

— Вы понимаете, господин Бэст, — продолжал он, — Я...

— Уэст, — перебил его Фредерик, — Не Бэст, а Уэст.

Казалось, что мужчина не заметил ошибки.

— Я умираю, понимаете. Это может случиться в любую минуту. Печень, сердце или любой из органов откажет, и все. Вот до чего доводит пьянство. Раньше я никогда не пил. Вошло в привычку, когда я пробовал содержимое всех этих бутылок. Вошел во вкус. Потом уже ничего нельзя было поделать... — Он потянулся вперед. — Обещайте, что увезете Аннабель, — хриплым голосом произнес он.

Взглянув на Уэста, Аннабель захихикала, слюни по-прежнему текли из ее рта.

— Но как я могу забрать ее, — возразил Уэст, — если не знаю, откуда она родом. Вы должны сказать мне.

Мужчина погрозил пальцем.

— Она издалека, — прокаркал он, — и все же это не так уж далеко. Не так далеко, если вы знаете, как туда добраться.

Уэст бросил взгляд на Аннабель и почувствовал подступающую к горлу тошноту.

— Я возьму ее, — сказал он. — Но вы должны сообщить мне, куда ее доставить.

— Спасибо, Гэст, — сказал мужчина. Он поднял бутылку, и снова послышалось бульканье.

— Не Гэст, — терпеливо поправил Уэст, — Мое имя...

Мужчина свалился с кровати и распластался на полу. Бутылка покатилась, проливая спиртное небольшими порциями, и жидкость заструилась по полу.

Уэст бросился вперед, встал на колени около мужчины и приподнял его. Бакенбарды зашевелились, откуда-то из глубины спутанного клока волос донесся прерывистый шепот, который почти не отличался от затухающего дыхания.

— Скажи Луи, что его картина…

— Луи? — закричал Уэст, — Какому Луи? О чем сказать…

Снова послышался шепот.

— Скажи ему… когда-нибудь… он нарисует не то место и тогда…

Уэст опустил мужчину на пол и отошел. Бутылка виски все еще каталась туда-сюда между ножек стула, потом успокоилась.

В изголовье кровати что-то блестело, и Уэст подошел к тому месту, где висел заинтересовавший его предмет. Это были часы, сверкающие часы, которые годами заботливо полировались их хозяином. Они медленно раскачивались на кожаном ремешке, привязанном к металлической дуге, которая образовывала изголовье. Лежащий человек мог свободно дотянуться до них в темноте и узнать время.

Уэст взял часы в руки и перевернул их; он увидел гравировку, которая была сделана на задней крышке. Нагнувшись, при слабом свете он прочитал надпись: «Уолтеру Дж. Дарлингу, из класса 16, Политехнический колледж на Марсе».

Уэст выпрямился, осознавая увиденное, но не доверяя мыслям, которые мгновенно закопошились в его мозгу.

Уолтер Дж. Дарлинг, неужели это его скорченное тело лежит на полу? Уолтер Дж. Дарлинг, один из самых знаменитых биологов Солнечной системы, умер в этом грязном бараке? Дарлинг, который преподавал в Политехническом институте на Марсе в течение многих лет, вот этот сморщенный, весь пропитанный виски труп в дрянном нижнем белье?

Уэст вытер лоб тыльной стороной перчатки скафандра. Дарлинг был членом таинственной правительственной комиссии, которая работала в тех самых лабораториях на Плутоне. Его послали туда, чтобы совершенствовать искусственные гормоны, предназначенные для управляемой мутации человеческой расы. Миссия, выполняемая учеными,

держалась в секрете с самого начала, потому что огласки этих экспериментов боялись, и вполне справедливо: если бы о них узнали, это могло бы привести к бурным протестам, в которых приняло бы участие множество людей, не способных представить, зачем их должны биологически усовершенствовать.

«Миссия, — подумал Уэст, — которая была тайно организована и закончилась также тайно, — тайна, породившая слухи во всей Солнечной системе». И от этих слухов по спине пробегали мурашки.

Луи? Возможно, перед смертью Дарлинг говорил о Луи Невине, другом члене комиссии с Плутона.

И Невин все еще, должно быть, на Плутоне, он, очевидно, все еще жив, несмотря на сообщение, которое пришло на Землю.

Но живопись... здесь явное несоответствие. Невин не был художником, он был биологом, едва ли не вторым после Дарлинга.

Значит, сообщение трехлетней давности было обманом. На планете все еще находились люди.

«И это означало, — с горечью сказал себе Уэст, — что его собственный план рушился прямо на глазах. Ведь Плутон был единственным местом в Солнечной системе, где можно найти продовольствие и укрытие, там точно можно было не опасаться визитеров».

Он вспомнил, как тщательно все спланировал... и Плутон казался правильным выбором. Там имелись запасы продовольствия на многие годы, хранившиеся в складских помещениях, удобное жилье, инструменты и оборудование, которые могли бы ему в случае необходимости потребоваться. И разумеется, там находилось некое существо... неважно, что это могло бы быть. Нечто, внушавшее ужас, из-за которого был наложен запрет на посещение Плутона, и по этой причине здесь находился космический патруль, охранявший одиночество планеты.

Но Уэста не слишком беспокоило то, что он мог обнаружить на планете. Не могло быть ничего хуже, чем горечь существования на Земле.

Что-то происходило в лабораториях на Плутоне. Что-то, о чем правительство не знало или решило скрыть с помощью заведомо ложного сообщения три года назад. Дарлинг мог бы рассказать ему об этом, если бы захотел... если бы был в состоянии? Но теперь Уолтер Дж. Дарлинг уже ничего не мог рассказать. Придется Уэсту все узнать самому.

Уэст подошел к Дарлингу, поднял его, положил на кровать и накрыл изорванным одеялом. Взгромоздившись на изголовье кровати, Аннабель дрожала, хихикала и пускала слюни.

— Эй ты, иди сюда, — сказал Уэст, — Ну же, иди сюда.

Аннабель приблизилась, медленно и застенчиво. Уэст брезгливо поднял ее, затолкал во внешний карман, застегнул молнию и направился к двери.

По пути поднял с пола пустую бутылку, чтобы добавить ее к другим, в пирамиде.

Глава вторая

БЕЛАЯ ПЕВИЦА

Корабль Уэста летел словно серебристый призрак между вздымавшимися горными пиками, окружавшими единственную долину на Плутоне, хранившую память о том, что здесь побывал человек.

Двигаясь с приглушенными двигателями в тени планеты, Уэст проскользнул мимо патруля. Миновав горы, он включил двигатели, но заставил корабль двигаться медленнее, так что тот едва ли не полз. Уэст понимал, что пламя от его ракетных двигателей могло бы быть замечено любым патрулем далеко отсюда.

И теперь, когда скорость уменьшилась, он снижался под углом к гладкой, как стекло, посадочной площадке, поспешно переключая клавиши на панели управления, затем выбрал приземление в свободном падении, которое даже при благоприятных обстоятельствах было опасным. Но он осознавал, что это менее рискованно, чем привлекать внимание к своему прибытию грохотом еще одного ракетного двигателя. Посадочная площадка была длинной и гладкой. Если он правильно все рассчитал и не начал снижение достаточно рано, то ему должно хватить этого пространства.

Практически полное отсутствие атмосферы было существенным плюсом. Не было никаких водоворотов, потоков воздуха, которые могли бы отклонить судно от выбранного курса, вывести его из равновесия, заставив совершать неуправляемые вращения.

Внизу справа он увидел вспышку света, и что-то щелкнуло у него в мозгу, он мгновенно понял, что это лаборатория.

Корабль выпустил парашюты и со свистом понесся по посадочной полосе, сотрясаясь всем корпусом. Он остановился прямо перед выступом скалы. Уэст перевел дыхание и почувствовал, что его сердце снова начало биться. Еще несколько футов и...

Выключив панель управления, он повесил ключ на шею, опустил обзорное стекло кабины и выбрался из корабля.

По ту сторону поля виднелись огни лаборатории. Значит, он не ошибся. Он видел огни... и здесь были люди. Или он все-таки заблуждался? Лампы могли бы продолжать функционировать даже без постоянного контроля. Тот факт, что они горели, вовсе не означал, что в здании находились люди.

Вдали вырисовывалось массивное сооружение, и Уэст знал, что это были мастерские экспедиции на Альфу Центавра, в которых в течение двух лет люди трудились, чтобы сделать космический двигатель Хендерсона. Вне всякого сомнения, в тени освещенных светом звезд мастерских

находился и сам корабль «Альфа Центавра», брошенный здесь, когда команда оставила попытки и в отчаянии возвратилась на Землю. Космический аппарат, предназначенный для полетов к звездам и созданный для того, чтобы покинуть пределы Солнечной системы и исчезнуть в пустоте, преодолевая световые годы так же легко, как обычный корабль расстояние от Земли до Марса.

Конечно, он никуда не улетел, но это не имело значения. «Всего лишь символ», — сказал про себя Уэст.

Он остался тем, чем был... символом и мечтой.

И чем-то еще теперь, когда Уэст был здесь, теперь, когда он мог признаться себе в том, что таилось в глубине его души на протяжении всего пути с Земли.

Уэст немного ослабил ремень и подвинул его так, чтобы пистолет находился рядом с его рукой — наготове.

Если здесь находились люди... или, что еще хуже, если то сообщение не было ложью, ему, возможно, понадобится пистолет. Хотя маловероятно, что существо, с которым он мог бы столкнуться лицом к лицу, уязвимо для пуль пистолета.

С содроганием он вспомнил то короткое, не предназначенное для широкой общественности сообщение, которое хранилось в секретном архиве на Земле... эта запись, которую передавали по радио с Плутона, напряженный и режущий слух голос, который говорил ужасные вещи об умирающих людях и о чем-то, что оказалось на свободе. Голос, который кричал о надвигающейся опасности, затем последовали булькающие звуки, и он умолк.

После этого был наложен запрет на посещение планеты и космический патруль отправился контролировать ее изоляцию.

«Это было тайной с самого начала, — подумал он, — с самого начата и до конца. А все потому, что комиссия вела поиски гормона, для того чтобы осуществить контролируемые мутации человеческой расы. И человечество, разумеется, возмутилось бы этим, так что исследования должны были оставаться в тайне».

Горькие мысли овладели Уэстом. Человечество возмущается по поводу любых отклонений от нормы. Оно всегда очищало города от прокаженных, оно душило сумасшедших, одевая их в смирительные рубашки в лечебницах, оно таращилось на любое изуродованное существо с жалостью, которая на самом деле была нестерпимым оскорблением. И оно боялось... о да, оно боялось!

Медленно, осторожно Уэст шел по посадочной полосе. Поверхность была гладкой, настолько гладкой, что его специальные ботинки оставляли на ней небольшие царапины.

На скалистой возвышенности находилась лаборатория, но Уэст обернулся и посмотрел куда-то в космос, словно хотел получить последнее напутствие от того, кого он хорошо знал.

— Земля, — произнес он. — Земля, слышишь ли ты меня сейчас? Тебе больше не нужно меня бояться и можешь не волноваться, я не вернусь. Но придет день, когда появятся другие, такие же, как я. И может быть, они уже существуют. Ведь невозможно распознать мутанта ни по тому, как он расчесывает волосы, ни по тому, как он ходит или говорит. У него нет рогов, нет хвоста или какой-нибудь отметины на лбу. Но когда он будет обнаружен, за ним необходимо тщательно наблюдать, шпионить, проверять его и перепроверять. И следует найти такое место, куда его можно было бы поместить, чтобы остальные оказались в безопасности от любых его действий... но он ничего не должен знать. Его будут судить, огласят приговор и отправят в изгнание, даже не сообщая ему об этом. Как пытались поступить со мной.

— Но, — продолжал Уэст, обращаясь к Земле, — мне не понравилось ваше изгнание, так что я выбрал свое собственное. Понимаете, я все знал. Я знал, когда вы начали наблюдать за мной, о проверках и совещаниях и плане действий, и иногда я едва мог удержаться, чтобы не рассмеяться прямо вам в лицо.

Он долго стоял и глядел в космос, туда, где в темноте вращалась Земля вокруг похожего на звезду Солнца.

— Горько? — спросил он себя. И ответил: — Нет, не горько. Точно не горько.

Уэст продолжил разговор с Землей:

— Вы должны понять, что человек — прежде всего человек, а потом уже мутант. Он — не монстр, только потому что он мутант... он просто немного другой. Он человек, такой же как вы, и, возможно, даже в большей степени человек, чем вы. Потому что человеческая раса сегодня — это история долгой мутации... людей, которые немного отличались от остальных, тех, кто думал немного глубже, кто чувствовал острее сострадание, тех, кто обладал такими чертами личности, которые были более присущи человеку. И они оставили более четкое мышление и более глубокое сострадание сыновьям и дочерям, которые передали эти качества своим детям, возможно не всем, но некоторым из них. Так человеческая раса выросла из дикости, так появилось представление о человеке.

«Возможно, — думал он, — мой отец был мутантом — мутантом, которого никто не подозревал в этом. Или им была моя мать. И никого из них не заподозрили. Поскольку мой отец был фермером, его мутация повлияла на улучшение зерновых культур, благодаря правильной оценке состояния почвы или технологии выращивания растений. Кого интересовало, что он был мутантом? Он просто был лучшим фермером, чем его соседи. И если ночью, когда он читал потрепанные книги, которые стояли на полке в столовой, и понимал изложенные в них идеи лучше, чем большинство других людей, разве это было основанием для подозрения?»

— Но я, я был замечен, — сказал Уэст. — Это преступление для мутанта — быть замеченным. Похоже на историю со спартанским мальчиком, для которого похищение лисы вовсе не являлось преступлением, но крики, когда лиса вырвала его кишки, были настоящим преступлением.

«Я слишком быстро пошел в гору, — подумал он, — Я слишком сильно сократил бюрократию. Я слишком хорошо все понимал. А в правительстве вы не можете ни чересчур быстро подниматься по карьерной лестнице, ни сокращать бюрократический аппарат, ни понимать слишком хорошо, что происходит в стране. Вы должны быть столь же посредственны, как и ваши коллеги. Вы не можете показать на проект двигателя ракеты и заявить: “Здесь есть проблема”, когда люди, обязанные лучше в этом разбираться, чем вы, не могут увидеть проблему. И вы не можете придумать такую систему производства, которая будет создавать два ракетных двигателя по цене одного и за более короткое время. Потому что здесь дело не только в слишком большой эффективности; это откровенное кощунство.

Но то, что вам делать нельзя ни в коем случае, — подняться на открытом собрании политических деятелей и заявить, что генная инженерия не преступление само по себе... что преступлением является ее использование во вред человечеству. Или сказать, что мир был бы богаче, если бы использовал мутантов, вместо того чтобы их бояться.

Разумеется, если бы кто-то знал, что он мутант, он не стал бы говорить нечто подобное. И мутант, понимая, что он мутант, никогда не указал бы на неисправность в двигателе ракеты. Потому что мутант должен держать язык за зубами, должен изображать из себя среднестатистического человека, посредственность и, наконец, достигнуть всего, чего он желает, с помощью сознательного обмана и притворства.

Если б я только знал, если б я вовремя понял это. Я мог бы дурачить их, так же как многие другие, надеюсь, все еще дурачат их даже сейчас».

Но теперь он знал, что было уже слишком поздно — слишком поздно, чтобы вернуться к жизни, от которой он отказался, вернуться и смириться с тем, что он попал в капкан, созданный для него... Капкан, который удерживал бы его и где он чувствовал бы себя в безопасности. А человеческая раса была бы в безопасности от него.

Обернувшись, Уэст обнаружил тропинку, которая вела по склону горы к лаборатории.

Неповоротливая человеческая фигура вышла из тени и окликнула его:

— Ну и куда, как вы думаете, вы направляетесь?

Уэст остановился.

— Просто иду, — сказал он. — Ищу своего друга. По имени Невин.

Он чувствовал, что в кармане его скафандра беспокойно шевелилась Аннабель. Что, если она простудилась?

— Невин? — спросил мужчина, в его голосе почувствовался холодок тревоги, — Что вам надо от Невина?

— У него есть картины, — ответил Уэст.

Голос мужчины стал вкрадчивым и как будто таил в себе угрозу.

— Что вы знаете о Невине и его живописи?

— Немного, — сказал Уэст, — Именно поэтому я здесь. Хотелось бы поговорить с ним об этом.

Аннабель сделала кувырок в застегнутом кармане Уэста, глаза мужчины поймали это движение.

— Что это у вас там? — спросил он с подозрением.

— Аннабель, — ответил Уэст, — Она, гм... в общем, она чем-то похожа на гладкошерстную крысу, с лицом почти как у человека, вот только ее рот вовсе не похож на человеческий.

— Не продолжайте. Откуда вы ее взяли?

— Нашел, — ответил Уэст.

Мужчина издал смешок.

— Так, значит, вы ее нашли, а? Можно себе представить.

Он подошел к Уэсту и взял его под руку.

— Возможно, нам будет о чем поговорить, — сказал он. — Мы должны сравнить наши записи.

Вместе они поднимались по склону горы, и рука мужчины, одетая в перчатку, сжимала локоть Уэста.

— Вы — Лэнгдон, — осмелился спросить Уэст намеренно безразличным тоном.

Мужчина фыркнул.

— Нет не Лэнгдон. Лэнгдон пропал.

— Скверно, — заметил Уэст. — Плутон — не самое лучшее место, чтобы потеряться.

— Он не на Плутоне, — сказал мужчина. — Где-то там, в космосе.

— Может быть, Дарлинг... — И Уэст затаил дыхание, чтобы услышать ответ.

— Дарлинг оставил нас, — сказал мужчина, — Я — Картрайт, Бертон Картрайт.

На крошечном плато перед лабораторией они остановились, чтобы отдышаться. Тусклый свет звезд окрашивал долину, раскинувшуюся внизу, в серебристый цвет.

Уэст показал на звездолет.

— Тот самый корабль!

Картрайт захихикал.

— Вы узнаете его, а? «Альфа Центавра».

— Там, на Земле, все еще продолжают работать над двигателем, — сказал Уэст, — Когда-нибудь они добьются своего.

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул Картрайт и повернулся к лаборатории. — Пойдемте. Скоро будет готов обед.

Стол был накрыт белой скатертью, серебряные приборы сверкали в мерцающем свете тонких свечей. Бокалы, наполненные игристым вином, были расставлены согласно этикету. В центре стола находилась ваза с фруктами — но таких плодов Уэст никогда прежде не видел.

Картрайт наклонил стул и сбросил существо, которое спало там, на пол.

— Садитесь, господин Уэст, — сказал он.

Существо выпрямило туловище и пристально посмотрело на Уэста с подозрительным отвращением, затем, злобно зашипев, исчезло из поля зрения.

Расположившийся по другую сторону стола Луи Невин заметил извиняющимся тоном:

— Проклятые твари все время вертятся под ногами. Полагаю, господин Уэст, они тоже вам досаждают.

— Мы пробовали специальные ловушки для крыс, — сказал Картрайт, — Но они оказались слишком сообразительными, так что мы уживаемся с ними, это лучшее, что можно сделать.

Уэст засмеялся, чтобы скрыть кратковременное замешательство, но почувствовал на себе взгляд Невина.

— Аннабель, — сказал он, — было единственным созданием, которое когда-либо беспокоило меня.

— Вам повезло, — сказал ему Невин, — Они надоедливые паразиты. Один из них настаивает на том, чтобы спать со мной.

— Где Белден? — спросил Картрайт.

— Он поел раньше, — ответил Невин. — Сказал, что у него дела, которые он хочет доделать. Просил его извинить. — Он обратился к Уэсту: — Джеймс Белден. Возможно, вы о нем слышали.

Уэст кивнул.

Он отодвинул стул и сел, затем резко поднялся.

В дверях появилась женщина с фиолетовыми глазами и платиновыми волосами, закутанная в манто из горностая. Она шагнула вперед, и свет от пылающих свечей упал на ее лицо. Уэст застыл на месте и почувствовал, что кровь в венах стала холодной, как лед.

Это лицо не было лицом женщины. Оно скорее походило на череп, покрытый мехом, словно лицо ночной бабочки, которое попыталось стать человеческим и застряло где-то на полпути.

В конце стола Картрайт тихо посмеивался.

— Вы узнаете ее, господин Уэст?

Уэст сжал спинку стула с такой силой, что его суставы мгновенно побелели.

— Конечно узнаю, — ответил он, — Белая певица. Но как вы привезли ее сюда?

— Вот поэтому они зовут ее обратно на Землю, — сказал Невин.

— Но ее лицо, — настаивал Уэст, — Что случилось с ее лицом?

— Их было две, — пояснил Невин. — Одну мы послали на Землю. Мы должны были подправить ее немного. Понимаете — пластическая хирургия.

— Она поет, — заметил Картрайт.

— Да, я знаю, — сказал Уэст, — Я слышал, как она пела. Или, может быть, я слышал другую... ту, что вы послали на Землю с переделанным лицом. Ее выступления транслируют все эфиры. Все телевизионные сети показывают ее.

Картрайт вздохнул.

— Я хотел бы услышать ее на Земле, — сказал он. — Видите ли, она поет там иначе, чем здесь.

— Они поют, — перебил его Невин, — так, как они чувствуют.

— Камин отражает свет на стене, — сказал Картрайт, — и она будет петь, как свет от камина на стене. Или благоухает сирень во время апрельского дождя, и ее пение будет походить на аромат сирени и пелену дождя, падающего на дорожку сада.

— Здесь нет ни дождя, ни сирени, — сказал Невин и посмотрел так, что на мгновение показалось, что он вот-вот заплачет.

«Сумасшедший, — подумал Уэст — Абсолютно безумный. Как тот мужчина, что упился до смерти, там, на спутнике Плутона. И все же, может быть, он не столь сумасшедший».

— У них нет разума, — пояснил Картрайт, — то есть нет собственного взгляда на вещи, чтобы высказать свою мысль. Только связка нервных окончаний, вероятно, без сенсорного восприятия, такого как у нас, но более чем вероятно, что у них другое, полностью отличающееся от нашего сенсорное восприятие. Чувствительные создания. Музыка для них — выражение сенсорных впечатлений. Они не могут повлиять на то, как они поют, так же как ночная бабочка — справиться

с желанием лететь на пламя свечи, не сознавая, что это убьет ее. Они по природе телепаты. Они принимают мысли и передают их в пространство. Не удерживают ни одной мысли, понимаете, только передают — подобно старинным телефонным проводам. Мысли, которые слушатели, под воздействием музыки, принимают.

— И красота этого заключается в том, — подхватил Невин, — что если бы когда-либо позже слушатель осознал свои мысли и задумался по этому поводу, то был бы убежден, что они являлись его собственными, что они вертелись у него в голове все это время.

— Умно, а? — спросил Картрайт.

Уэст вздохнул свободнее.

— Умно, да. Я не думал, что вы, парни, способны на такое.

Уэст хотел задрожать и понял, что не может, и дрожь начинала расти внутри него, и казалось, что его туго натянутые нервы сейчас разорвутся.

Картрайт сказал:

— Так что у нашей Стеллы все получается хорошо.

— О ком вы? — спросил Уэст.

— Стелла. Другая. Та, что с лицом.

— А, понятно, — кивнул Уэст, — Я не знал, что ее зовут Стелла. На самом деле никто о ней ничего не знает. Однажды ночью она неожиданно появилась в качестве сюрприза на одной из телесетей. Ее объявили в качестве таинственной певицы, а затем люди начали называть ее Белой певицей. Она всегда пела, освещенная тусклым голубым светом, понимаете, и никто никогда не видел ее лицо отчетливо; несмотря на это, каждый, конечно, считал ее красавицей.

Телесеть не ставила под сомнение то, что она была инопланетянкой. Сообщили, что она — представитель таинственной расы, которую Джастон Ллойд нашел на Астероидах. Вы помните Ллойда, нью-йоркского пресс-агента.

Невин потянулся к нему через стол.

— И люди, правительство, они ни о чем не подозревают?

Уэст кивнул.

— Почему они должны сомневаться? Ваша Стелла — чудо. Все сходят по ней с ума. Газеты просто обезумели. Киношники...

— И перед ней преклоняются?

— Преклоняются, — ответил Уэст.

— А вы? — спросил Картрайт, и в громовом голосе мужчины Уэст почувствовал вызов.

— Я узнал, — сказал он, — и прибыл сюда, чтобы присоединиться.

— Вы точно знаете, о чем просите?

— Да, я знаю, — ответил Уэст, надеясь, что это так.

— Новая философия, — пояснил Картрайт, — Новая концепция жизни. Новые пути прогресса. Тайны, о которых человеческая раса никогда не подозревала. Преобразование человеческой цивилизации почти за одну минуту.

— И вы прямо в эпицентре событий, дергаете за ниточки, — заметил Уэст.

— Итак? — вопросил Картрайт.

— Я хочу быть причастным к этому действу, но не в качестве марионетки.

Невин поднял руку.

— Подождите, господин Уэст. Хотелось бы знать, как...

Картрайт рассмеялся.

— Забудь, Луи. Он знал о твоей картине. У него была Аннабель. Где, полагаешь, он все разузнал?

— Но... но... — бормотал Невин.

— Возможно, он не использовал картину, — заявил Картрайт, — Возможно, он использовал другие методы. В конце концов, ты знаешь, что они существуют. Тысячи лет назад людям было известно место, которое мы нашли. Му, возможно, Атлантида или другая забытая цивилизация. Для меня вполне достаточно того факта, что у Уэста есть Аннабель. Он должен был быть там.

Уэст с облегчением улыбнулся.

— Я использовал другие методы, — сообщил он им.

Глава третья

КАРТИНА

Робот прикатил поднос с дымящимися тарелками.

— Давайте приступим к трапезе, — предложил Невин.

— Только один вопрос, — сказал Уэст. — Как вы вернули Стеллу на Землю? Ни один из вас не мог доставить ее. Вас бы наверняка узнали.

Картрайт довольно усмехнулся.

— Это Робертсон, — ответил он. — У нас был корабль, и он сумел незаметно проскользнуть. А еще Белден — наш врач. Он, если вы помните, весьма способный пластический хирург.

— Он все сделал, — заметил Невин, — и для Робертсона, и для Стеллы.

— Чуть-чуть, и с нас бы кожу живьем содрал, — проворчал Картрайт, — чтобы заработать. Я продолжаю считать, что он взял больше, чем ему было действительно нужно, только из вредности. Он капризный попрошайка.

Невин сменил предмет разговора:

— Пригласим Рози сесть с нами?

— Рози? — спросил Уэст.

— Рози — сестра Стеллы. Мы не знаем детали их отношений и степень родства, но мы называем ее так для удобства.

— Порой мы забываем про ее лицо и позволяем ей сидеть во главе стола, как будто она одна из нас, — объяснил Картрайт, — Как будто она наша хозяйка. Понимаете, она удивительно похожа на женщину. Эти крылья, словно накидка из горностая, и платиновые волосы. Она придает происходящему за столом... своего рода...

— Иллюзию аристократизма, — сказал Невин.

— Наверное, сегодня неподходящее время, — решительно заметил Картрайт, — господин Уэст еще не привык к ней. Он пробыл здесь несколько часов... — Он остановился с

ошеломленным видом. — Мы забыли кое-что, — объявил он, поднялся и обошел вокруг стола, направляясь к искусственному камину.

Там он взял бутылку, которая стояла на полке камина, бутылку с черным шелковым бантом, повязанным вокруг горлышка, а затем с торжественным видом поставил ее в центр стола около вазы с фруктами.

— У нас есть вот такая безобидная шутка, — сказал Невин.

— Едва ли это шутка, — возразил Картрайт.

Уэст, казалось, был озадачен.

— Бутылка виски?

— Особенная бутылка, — ответил Картрайт. — Весьма особенная бутылка. Давным-давно мы в шутку организовали общество последнего человека. Эта бутылка должна была быть той, которую выпьет последний человек. Наша затея заставляла нас чувствовать себя такими храбрыми, готовыми пойти на риск... И мы со смехом вспоминали о ней во время работы, когда пытались выявить гормоны. Видите ли, ни один из нас не думал, что когда-нибудь настанет время для этой бутылки.

— Но теперь, — сказал Невин, — нас осталось только трое.

— Ты не прав, — напомнил ему Картрайт. — Нас четверо.

Они оба посмотрели на Уэста.

— Конечно, — решительно произнес Невин. — Нас четверо.

Картрайт расстелил салфетку на коленях.

— Возможно, Луи, мы могли бы также позволить господину Уэсту увидеть картину.

Невин колебался.

— Совсем не уверен, Картрайт...

Картрайт щелкнул языком.

— Ты слишком подозрителен, Луи. У него есть это существо, не так ли? Он знает о твоей картине. Есть только один способ, с помощью которого он мог узнать об этом.

Невин подумал и сказал:

— Я полагаю, ты прав.

— И, если господин Уэст по воле случая окажется самозванцем, — весело заметил Картрайт, — мы можем всегда принять надлежащие меры.

Невин обратился к Уэсту:

— Я надеюсь, что вы это понимаете.

— Безусловно, — ответил тот.

— Мы должны быть очень осторожны, — отметил Невин. — Это доступно немногим.

— Очень немногим, — согласился Уэст.

Невин пересек комнату и потянул шнур, который висел на стене. Один из гобеленов медленно свернулся в тяжелый рулон. Уэст наблюдал за этим, затаив дыхание, — и перед ним предстала картина.

На переднем плане было изображено дерево, с веток которого свисали золотые плоды, в точности похожие на один из тех, что лежали в вазе на столе. Словно кто-то только что шагнул в картину и выбрал этот свежий фрукт себе на обед.

Под деревом была нарисована дорожка, которая начиналась от самого края холста; она была прорисована до такой степени подробно, что даже крошечная галька, покрывавшая ее, была ясно видна глазу. И от дерева дорожка вела к возвышавшимся на горизонте лесистым холмам.

В следующую секунду Уэст, наверное, мог бы поклясться, что он почувствовал дуновение ветра, услышал шелест листьев покрытого плодами дерева, увидел, как листья дрожали на ветру, до него донеслось благоухание цветов, которые росли вдоль дороги.

— Ну как, господин Уэст? — торжествующе спросил Невин.

— Почему, — спросил Уэст, все еще прислушиваясь к шелесту ветра в листьях, — почему, кажется, будто можно войти в картину, а затем двигаться прямо по этой дорожке?

Невин вдыхал воздух со звуком, который не был похож ни на одышку, ни на вздох, а на что-то среднее между ними. В конце стола Картрайт захлебывался вином, его громкий

неудержимый смех, который он пытался сдерживать, образовывал пузыри на его губах.

— Невин, вы когда-нибудь думали о создании другой картины? — спросил Уэст.

— Возможно, — ответил Невин. — Почему вы об этом спрашиваете?

Уэст улыбнулся. В его голове эхом раздавались слова, которые он запомнил, слова, которые пьяный мужчина прошептал ему перед смертью.

— Я только подумал, — сказал Уэст, — о том, что могло бы случиться, если бы вы когда-нибудь нарисовали не, то место.

— Ей-богу! — воскликнул Картрайт, — Невин, он тебя сделал! Я говорил тебе то же самое.

Невин начал подниматься из-за стола, и едва он встал, как чуть слышные звуки музыки заполнили комнату. Музыка, которая разжала руки Невина, ухватившиеся за край стола, музыка, которая заставила исчезнуть внезапный холод между лопатками Уэста.

Музыка, которая говорила об удивительном космосе и ярком пламени звезд. Музыка, в которой был свист ракет, и тишина пустоты, и мрачные своды вечной ночи.

Рози пела.

Уэст сидел на краю кровати и понимал, что ему повезло: он удалился прежде, чем могли быть заданы другие вопросы. Пока он был уверен, что ответил верно на все, не вызывая особого подозрения, но чем дольше это будет продолжаться, тем больше вероятности, что он обязательно совершит ошибку, пусть даже незначительную.

Теперь у него было время, чтобы подумать, время, чтобы попытаться распутать и соединить в одно целое некоторые из фактов, которые он недавно узнал.

Одно из этих маленьких чудовищ, которыми кишело это место, забралось на стойку балдахина кровати и теперь пристроилось там, неоднократно обернув вокруг стойки свой

длинный хвост. Существо, уставившись на Уэста, издавало странные звуки, похожие на чириканье, а он смотрел на него и дрожал, задаваясь вопросом: корчит ли оно ему рожи или действительно так выглядит?

Эти скользкие, чирикающие чудовища... он где-то слышал о них, вне всякого сомнения. Он даже как-то видел рисунки с их изображением. Когда-то очень давно в другом времени и в другом месте. Видел существа, похожие на Аннабель и на ту тварь, которую Картрайт сбросил со стула... и на это маленькое злобное созданье, которое устроилось в изголовье кровати.

Невин сказал о них забавную вещь: «...они прокрадываются сквозь...» — не внутрь, а сквозь. Нечего добавить.

И Невин с Картрайтом — что-то в них не так, какая-то трудноуловимая черта характера, по определению не присущая человеку.

Они работали с гормонами, когда что-то случилось, что послужило поводом для предупреждения, посланного на Землю. А было ли предупреждение? Может, фальшивка? Происходило ли здесь то, о чем никто не должен знать, как того хотело правительство Солнечной системы?

Почему они послали Стеллу на Землю? Почему они были до такой степени довольны, что ее там так хорошо принимают?

Что имел в виду Невин, спрашивая: «...правительство ни о чем не подозревает?» Почему правительство должно подозревать? Что было в ней такого, о чем можно было бы подозревать? Всего лишь бессмысленное существо, пение которого напоминало перезвон колоколов на небесах.

Теперь этот бизнес, связанный с производством гормонов. Гормоны делали забавные вещи с людьми.

«Я должен узнать, — сказал себе Уэст, — Чуть быстрее и более умело. Установить короткую связь между “здесь” и “там”. Ты слишком плохо знаешь себя самого, чтобы определить, чем отличаешься от других. Вот так развивается человеческая раса. Мутация здесь и происходящее там через

одну или две тысячи лет некое изменение расы, ставшей не такой, какой она была за тысячу лет до этого.

Возможно, то была мутация обратно в каменный век, когда человек ударил два кремня друг о друга и добыл себе огонь. Возможно, другой мутант, который выдумал колесо, взял сани для перевозки камней и сделал из этих деталей тележку.

Медленно, это должно было бы происходить медленно. Постепенно. Потому что, если бы это происходило слишком быстро и было заметно, другие люди убивали бы каждого мутанта, как только бы он обнаруживался. Потому что человеческая раса не может допустить отклонение от нормы, даже несмотря на то, что мутация — процесс, с помощью которого развивается раса.

Раса больше не убивает мутантов. Она помещает их в лечебницы или загоняет в такие глухие уголки самовыражения, как искусство или музыка, или она находит для них хорошие места ссылки, где они будут чувствовать себя комфортно, где у них будет работа и где — нормальные люди надеются на это — мутанты никогда не узнают, кто они.

Теперь быть другим стало тяжелее, тяжелее быть мутантом и не избежать обнаружения, а все из-за медицинских комиссий и психиатров и прочего научного фетиша, который люди создали, чтобы охранять их спокойствие.

Пятьсот лет назад они не узнали бы, кто я. Пятьсот лет назад я, возможно, и сам не понял бы этого.

Контролируемая мутация? Теперь появилось нечто другое. Именно это учитывало правительство, когда послало комиссию сюда, на Плутон, с тем чтобы, используя в своих интересах низкие температуры, создавать гормоны, которые могли бы видоизменить человеческую расу. Гормоны, которые могли бы усовершенствовать расу, которые могли бы развить скрытые таланты или даже добавить совершенно новые характеристики, придуманные, чтобы воспроизвести лучшее, что было в человечестве.

Контролируемые мутации, с которыми все было бы в порядке. Правительство боялось только естественных неподконтрольных мутаций. Что, если члены комиссии усовершенствовали гормон и опробовали его на себе?»

Течение его мыслей резко оборвалось — он был доволен идеей, возможным решением.

На столбике балдахина кровати небольшое чудовище ковырялось лапами во рту, весело пуская слюни.

В дверь постучали.

— Входите! — пригласил Уэст.

Дверь открылась, и вошел мужчина.

— Я — Белден, — представился он, — Джим Белден. Они сказали мне, что вы здесь.

— Рад с вами познакомиться, Белден.

— Что за игру вы затеяли? — спросил Белден.

— Нет никакой игры, — ответил Уэст.

— Вы их одурачили, заставили вам поверить, — сказал Белден. — Они думают, что вы — некий великий человек, который обнаружил истину.

— Следовательно, они так думают, — кивнул Уэст, — Я очень рад это слышать.

— Они показали мне Аннабель, — продолжал Белден. — Сказали, что это доказательство того, что вы один из нас. Но я узнал Аннабель. Они не узнали, а я — узнал. Ее взял с собой Дарлинг. Вы забрали ее у Дарлинга.

Уэсту ничего не оставалось, как молчать. Было бесполезно играть в невинного с Белденом, потому что тот был слишком близок к истине.

Белден понизил голос:

— У вас появилась такая же догадка, как и у меня. Вы полагаете, что гормон Дарлинга стоит больше, чем весь этот маскарад, происходящий внизу. И вы здесь, чтобы найти его. Я сказал Невину, что, вместо того чтобы бездельничать здесь, нужно найти гормоны Дарлинга, но он не согласился со мной.

После того как мы отвезли Дарлинга на спутник, Невин разбил панель управления корабля. Понимаете, он боялся, что я мог улететь. Он не доверял мне, и он не мог позволить себе дать мне улететь.

— Поторгуемся, — спокойно предложил Уэст.

— Мы отправимся на спутник на вашем корабле и пообщаемся с Дарлингом, — сказал Белден, — Мы выбьем из него информацию.

Уэст усмехнулся, скривив рот.

— Дарлинг мертв, — сказал он.

— Вы обыскали хижину? — спросил Белден.

— Конечно нет. Почему я должен был ее обыскивать?

— В таком случае все — там, — мрачно произнес Белден. — Спрятано где-то в бараке. Я перевернул здесь все вверх тормашками и уверен, что дальнейшие поиски бессмысленны. Ни формул, ни самих гормонов. Их здесь нет, если только Дарлинг не был хитрее, чем я о нем думал.

— Вы знаете, что это за гормон. — Уэст говорил ровным тоном, пытаясь сказать так, чтобы это звучало, как будто он сам мог знать это.

— Нет! — резко отозвался Белден, — Дарлинг не доверял нам. Он был зол на Невина за то, что тот пытался сделать. И однажды он создал то, благодаря чему человек, который получил бы это, мог управлять Солнечной системой. Дарлинг не шутил, Уэст. Он знал больше о гормонах, чем мы все вместе взятые.

— Сдается мне, — сухо сказал Уэст, — что вы хотели бы держать такого человека здесь. Вы, конечно, использовали бы его.

— И опять-таки Невин, — заметил Белден, — Дарлинг не согласился бы с программой, которую тот разрабатывал. Даже угрожал, что предаст его действия огласке, если у него будет возможность. Невин хотел убить его, но Картрайт придумал шутку... Он весельчак, этот Картрайт.

— Я заметил это, — кивнул Уэст.

— Картрайт придумал своего рода сделку, — продолжал Белден. — Предложил Дарлингу взять с собой любую вещь, какую он захочет. Одну вещь, понимаете. Только одну вещь. Вот откуда возникла эта шутка. Картрайт ожидал, что Дарлинг будет мучиться, пытаясь решить, что взять с собой. Но он ни минуты не колебался. Дарлинг взял виски.

— Он допился до смерти, — сообщил Уэст.

— Дарлинг не был пьющим человеком, — резко бросил Белден.

— Это было самоубийство, — сказал Уэст, — Дарлинг водил вас за нос все это время. Вам до него далеко.

Мягкий звук, словно птица чистила перышки на своем крыле, наполнил уши Уэста.

Рози вошла в комнату, она приподняла крылья, выставляя напоказ мерзкий мех, покрытое пятнами тело под ним и это мертвое лицо.

— Нет! — закричал Белден, — Нет! Я ничего не собирался делать. Я не...

Он стал отступать назад, выставив перед собой вытянутые руки, чтобы защититься от создания, которое направлялось к нему, его губы все еще шевелились, но он не произнес ни звука.

Рози отбросила Уэста в сторону легким ударом покрытого мехом крыла, а затем широко распахнула крылья и закрыла ими Белдена от Уэста. Крылья сомкнулись, и послышались приглушенные крики человека. Потом наступила тишина.

Рука Уэста метнулась к кобуре, и он выхватил оружие. Его большой палец нажал на активатор, и пистолет замурлыкал, словно насытившийся кот.

Мех крыльев Рози почернел, и она упала на пол. Тошнотворный запах заполнил комнату.

— Белден! — закричал Уэст, он прыгнул вперед, отбросил обугленное тело Рози в сторону. Белден лежал на полу, и Уэст отвернулся, его стошнило от этого зрелища.

Некоторое время Уэст пребывал в нерешительности, но затем пришло озарение — вот что он должен сделать!

Настал решающий момент. Он надеялся, что это можно было бы отложить на некоторое время, до того, как он узнал бы немного больше, но инцидент с Белденом и Рози поставил вопрос ребром. Медлить больше нельзя.

Он вышел из комнаты и начал спускаться вниз по винтовой лестнице в гостиную.

Картина была освещена... освещена, как будто изнутри. Словно источник света находился внутри самой картины, словно некое другое солнце сияло над ландшафтом, который был изображен на холсте. Картина была освещена, но остальную часть комнаты скрывала темнота, и свет не проникал в нее с картины, а оставался там, словно заключенный в холсте.

Кто-то быстро проскользнул между ног Уэста и устремился вниз по лестнице. Существо взвизгнуло, и его когти застучали по ступенькам.

Когда Уэст достиг подножия лестницы, из темноты послышался голос:

— Вы что-то ищете, господин Уэст?

— Да, Картрайт, — сказал Уэст, — Я ищу вас.

— Вы не должны быть чересчур обеспокоены тем, что сделала Рози, — продолжал Картрайт. — Не расстраивайтесь по этому поводу. Это должно было случиться с Белденом рано или поздно. Он едва ли был одним из нас, точнее говоря, никогда не был таким, как мы. Он притворялся, что заодно с нами, потому что это было для него единственным выходом, чтобы спасти свою жизнь. Но если подумать, жизнь — такая незначительная вещь. Разве вы так не считаете, господин Уэст?

Глава четвертая

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК

Уэст замер у подножия лестницы. В комнате было слишком темно, чтобы что-нибудь разглядеть, но голос раздавался где-то недалеко от конца стола, находившегося рядом со святящейся картиной.

«Мне, вероятно, придется убить его, — подумал Уэст, — и я должен знать, где он находится. Потому что он должен умереть от первого выстрела, для второго не будет времени».

— У Рози не было разума, — сказал голос в темноте, — то есть не было собственного взгляда на вещи, чтобы высказать свою мысль. Но она была телепатом. Ее мозг собирал мысли и передавал их. И она могла повиноваться простым командам. Очень простым командам. А убийство человека — это так просто, господин Уэст.

Рози стояла здесь, около меня, и мне было известно каждое слово из вашей беседы с Белденом. Я не осуждал вас, Уэст, вы не имели никакого представления о том, что делали. Но я действительно считал виноватым Беддена и послал Рози убить его.

Только одну вещь я имею против вас, Уэст. Вы не должны были убивать Рози. Это было большой ошибкой, Уэст, очень большой ошибкой.

— Это не было ошибкой, — ответил Уэст. — Я сделал это намеренно.

— Видите себя спокойно, господин Уэст, — сказал Картрайт. — Не делайте ничего, что могло бы заставить меня нажать на спусковой механизм. Потому что я наставил на вас оружие. Вы под прицелом, Уэст, и я никогда не промахиваюсь.

— Я дам вам фору, — сказал Уэст, — потому что могу добраться до вас прежде, чем вы выстрелите.

— Теперь, господин Уэст, — продолжал Картрайт, — давайте не будем нервничать. Несомненно, вы быстро втерлись к нам в доверие. Вы пытались пробиться к нам, и вы почти убедили нас в ваших словах, хотя, в конечном счете, мы все равно подставили бы вам подножку. И я восхищаюсь вашей силой воли. Может быть, мы сможем разрешить эту ситуацию так, что никто не будет убит.

— Начнем переговоры, — предложил Уэст.

— Это было слишком жестоко, так поступить с Рози, — сказал Картрайт, — и я действительно это вам не могу простить, Уэст, потому что можно было бы использовать Рози во благо. Но, в конце концов, работа начата на других планетах, и у нас все еще есть Стелла. Наши ученики хорошо подготовлены... некоторое время они могут обойтись без инструкций, и, возможно, к тому моменту, когда мы должны будем снова войти с ними в контакт, мы сможем найти другую, которая заменит нашу Рози.

— Хватит ходить вокруг да около, — заявил Уэст. — Говорите прямо, что вы имеете в виду.

— Хорошо, — отозвался Картрайт, — у нас ощущается острая нехватка рабочей силы. Белден мертв, и Дарлинг мертв, и, если Робертсон пока еще не мертв, он очень скоро тоже покинет нас. Потому что, после того как он доставил Стеллу на Землю, он пытался сбежать. А этого, конечно, нельзя допустить. Он мог бы рассказать людям о нас, а мы не можем позволить никому сделать это, поскольку мы мертвы, вы же понимаете...

Он засмеялся, и звук смеха покатился сквозь темноту.

— Это был шедевр, Уэст, та трансляция. Я был «последним человеком, оставшимся в живых», и я рассказал им, что случилось. Я сообщил им, что континуум «пространство — время» разорван и вещи стали проникать сквозь него. И я издавал булькающие звуки... Я издавал булькающие звуки непосредственно перед тем, как умер.

— На самом деле вы, конечно, не умерли, — невинным тоном уточнил Уэст.

— Черт возьми, нет. Но они думают, что я умер. И они все еще прокручивают в голове эти крики, размышляя, как я должен был умереть.

«Мерзавец, — подумал Уэст, — Чистой воды мерзавец. Шутник, который высадил человека на необитаемый спутник, чтобы тот умер в одиночестве. Человек, который сжимал в кулаке оружие, когда хвалился тем, что сделал — обманул Землю».

— Понимаете, — продолжал Картрайт, — Я должен был заставить их считать, что это действительно произошло. Сообщение должно было быть настолько ужасающим, чтобы правительство никогда не сделало эту информацию доступной общественности, настолько ужасающим, что они закрыли бы планету и запретили бы ее посещение.

— Вы намеревались остаться одни, — произнес Уэст.

— Правильно, Уэст. Мы должны были остаться одни.

— Ну что ж, — сказал Уэст. — Вы почти добились этого. В живых осталось только двое.

— Двое нас, — уточнил Картрайт, — и вы.

— Вы забыли, Картрайт, — заметил Уэст, — что собираетесь убить меня. У вас есть оружие, которое наставлено на меня, и вы готовы нажать на спуск.

— Не обязательно, — отозвался Картрайт, — Мы могли бы заключить сделку.

«Теперь он у меня в руках, — подумал Уэст, — Я точно знаю, где он находится. Я не вижу его, но уверен в его местонахождении. И через минуту наступит развязка. В живых останется кто-то один».

— Вы для нас бесполезны, — сказал Картрайт, — но, возможно, вы понадобитесь нам позже. Вы помните Лэнгдона?

— Того, который пропал, — уточнил Уэст.

Картрайт усмехнулся:

— Вот именно, Уэст. Но он не пропал. Мы отдали его. Видите ли, было... хм-хм... некое существо, которое могло использовать его в качестве домашнего животного, так что мы

преподнесли ему подарок — Лэнгдона. — Он снова усмехнулся. — Лэнгдону не очень понравилась эта идея, но что нам оставалось делать?

— Картрайт, — ровным тоном произнес Уэст, — я собираюсь стрелять.

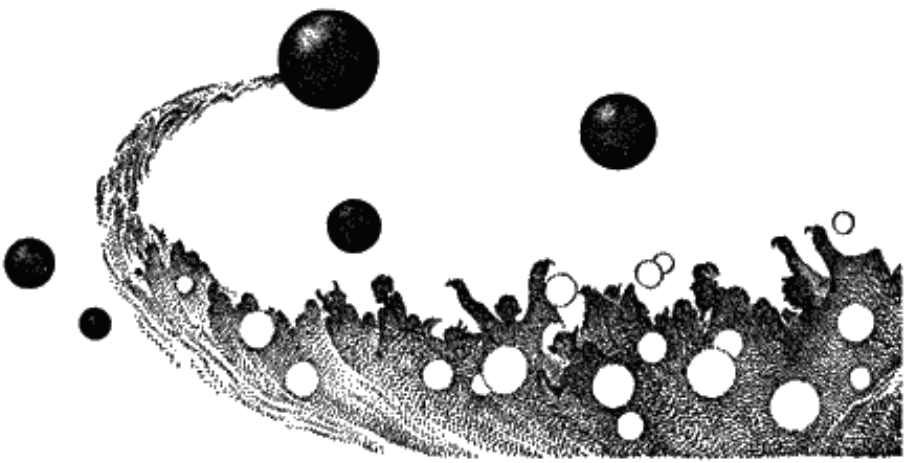
— Что... — выкрикнул Картрайт, но остальные слова были заглушены свистом его оружия.

Луч попал в стену над ступенью лестницы — там находилась голова Уэста всего долю секунды назад. Но он присел почти сразу, как начал говорить, и теперь его собственное оружие было крепко сжато у него в кулаке и устремлено вверх. Его большой палец нажал на активатор и затем скользнул вниз.

Кто-то медленно полз по полу с глухим шумом, и в тишине между этими глухими ударами Уэст услышал звук тяжелых вдохов.

— Черт побери, Уэст, — сказал Картрайт. — Черт тебя возьми...

— Это старая уловка, Картрайт, — заметил Уэст, — Занять человека разговором, перед тем как убить его. Усыпить его бдительность, фактически заманив его в засаду.



Virgil Finlay

К пронзительному свисту, сопровождавшему мучительные вздохи, добавились звуки разрывающейся ткани, удары коленей и локтей об пол. Затем наступила тишина.

И мгновение спустя в каком-то дальнем углу раздался писк, какое-то существо пробежало, постукивая лапками, словно крыса. И снова тишина.

Бег крысиных лап все еще был слышен, но был и другой звук, слабый крик, как будто кто-то кричал где-то далеко... где-то за пределами здания, крик доносился откуда-то снаружи... снаружи.

Уэст лег на пол, прижимая дуло оружия к ковру.

«Снаружи... снаружи... снаружи...» — слова раздавались эхом в его голове.

«Снаружи чего?» — спросил он, но теперь ответ был ему известен. Он знал, где прежде видел изображение существа, которое спало на стуле, и того, другого, которое сидело на столбике балдахина. И ему был знаком звук этого чириканья, и писка, и топота бегущих лап.

«Снаружи... снаружи... снаружи... Конечно — по ту сторону этого мира».

Он поднял голову и посмотрел на картину, и дерево все еще светилось изнутри мягким светом, и из картины доносился звук, слабые шлепки, звук бегущих лап.

Уэст снова услышал крик: по дорожке на картине бежал человек, размахивая руками и крича.

Этим человеком был Невин.

Невин был внутри картины, бежал вниз по узкой полоске земли, и его тяжелые ноги поднимали небольшие облака пыли на покрытой мелкой галькой дорожке.

Уэст поднял пистолет, и его рука дрожала так, что ствол закачался вперед-назад и затем описал круг.

— Нервная дрожь. — Уэст произнес эти слова, стуча зубами.

Потому что теперь... теперь он знал ответ.

Он поднял другую руку и обхватил запястье руки, державшей оружие, и ствол замер. Уэст стиснул зубы, чтобы остановить дрожь.

Его большой палец опустился к активатору и нажал на него, и пламя из дула оружия попало на картину и быстро распространялось по ней. Распространялось, пока весь холст не превратился в вихрь голубого блеска, который с ревом и свистом тянулся к нему.

Дерево медленно расплывалось, как будто в глазах помутнело, и вскоре исчезло из поля зрения. Пейзаж потускнел, расслаиваясь, и через колеблющиеся линии можно было различить искаженную фигуру человека, рот которого был открыт в вопле гнева. Но никакого воющего звука не было, раздавалось только урчание оружия.

Картина исчезла в дыму, и теперь пучок лучей пламени, шипя, проникал в пространство, ограниченное стальной рамой, все еще заполненное крошечными пылающими проводами, торчащими из стены позади нее.

Уэст снял палец с активатора, и тишина опустилась на него, опустилась и заполнила комнату... словно проникла из безмолвного космоса, простиравшегося вокруг.

— Картины нет, — сказал Уэст.

Эхо, казалось, разнеслось по всей комнате.

— Картины нет, — ответило эхо, но Уэст знал, что это было не эхо, просто в его голове бесконечно повторялись слова, которые он произнес.

— Картины нет, — повторило эхо, но Уэст был в другом мире, в каком-то другом месте... где-то совсем в другом пространстве. Некий механизм разорвал континуум «пространство-время» или что бы это ни было... То, что отделяло нашу Вселенную от других, более необычных вселенных.

Не удивительно, что плод на дереве напоминал плод на столе. Не удивительно, что ему казалось, что он слышал шум ветра, шелест листьев.

Уэст встал и подошел к стене позади него. Он нашел выключатель, нажал на него, и лампы в комнате зажглись.

На свету разбитый механизм из другого мира оказался изогнутым обломком. Тело Картрайта лежало в центре комнаты. Чирикающее существо пробежало по полу и быстро нырнуло в темноту под столом. Усмехающееся лицо уставилось из-за стула на Уэста хладнокровно-свирепым взглядом, а затем пронзительно завизжало.

И в этом не было ничего нового, потому что он уже видел эти лица, их изображения в старых книгах и в журналах, где печатались вселяющие ужас рассказы, истории о существах, прибывших извне, объектах, которые ворвались из параллельной реальности.

Рассказы, которые были нужны только для того, чтобы отправить дрожащего от страха ребенка в кровать. Истории, которые просто не следовало читать в полночь. Истории, которые заставляли немного поволноваться, когда доносился скрип дерева, качавшегося на ветру за окном, или шум дождя, стучавшего по черепице.

Потребовались поразительные способности лучшей группы ученых Солнечной системы, чтобы открыть дверь, которая вела в параллельный мир.

И все же люди в прежние времена тоже говорили о чем-то подобном — о гоблинах, демонах и чертях. Возможно, жители Атлантиды нашли туда путь, так же как Невин и Картрайт, и в тот давно прошедший день выпустили в мир поток существ, которые затем целую вечность существовали как данность в рассказываемых у камина историях, от которых стыла кровь в жилах.

А картинки, которые он видел?

Может быть, это родовая память. Или сверхъестественное видение, которое оказалось правдой. Или то, что наблюдали авторы тех историй, художники, рисовавшие те картинки...

Уэст задрожал от этой мысли.

Что хотел сказать Картрайт?

Работа уже начата на других планетах. Работа по переработке знаний, принципов, психологии инопланетных

существ из другого мира. Обучение, управляемое на расстоянии... принудительное обучение. Стелла, обладающая телепатическими способностями, поющая на Земле, любимица телеканалов.

И она была агентом этих существ, она пропускала через себя знания, а человек полагал, что эти мысли его собственные.

Конечно, все было именно так. Так планировали Невин и Картрайт. Переделаем мир, решили они. И, выжидая здесь, на Плутоне, они дергали бы за ниточки, которые переделали бы мир.

Суеверие — когда-то. Теперь — голые факты. Истории, от которых прежде холодела кровь в жилах. А сейчас...

Когда источник иссяк, а экран опустел и группа ученых исчезла на Плутоне, а культы были забыты... Стелла продолжала бы петь, но настало бы время и слушатели отвернулись бы от нее, так как ее новизна постепенно прошла, а необычность и «инопланетность» потеряли былую притягательность.

Солнечная система продолжала бы существовать, но демонические существа стали бы не более чем вызывающими дрожь картинками из тех времен, когда люди тихо сидели в пещерах и видели сверхъестественную угрозу в каждой движущейся тени.

Снова зазвучал противный писк.

Из темного угла существо скалилось на Уэста и пронзительно пищало — это была песнь ненависти.

«Ну что ж, — подумал Уэст, — Он был здесь, в самом отдаленном конце Солнечной системы, в пустом доме. И это выглядело, в конце концов, именно так, как он предполагал. Никого вокруг. Склад, полный продовольствия. Отвечающее всем требованиям убежище. Мастерская, где он мог работать. Место, охраняемое патрулем от нежданных посетителей.

Просто место для человека, который мог бы здесь скрываться. Место для беглеца от человеческой расы.

Необходимо было кое-что сделать... позже. Два тела должны быть похоронены. Экран нужно выбросить в груду металлолома. Несколько чирикающих тварей должны быть выслежены и убиты.

Затем он сможет поселиться здесь».

Конечно, еще имелись роботы. Один из них принес обед.

— Позже, — сказал он.

Но было что-то еще, что нужно было сделать... что-то, требующее немедленных действий... вот только, если бы только он смог вспомнить.

Уэст стоял и осматривал комнату, мысленно перечисляя все ее содержимое: стулья, портьеры, пульт управления, стол, искусственный камин...

Точно, камин.

Он пересек комнату и встал напротив камина, затем снял бутылку с каминной полки, бутылку с черным шелковым бантом, обвязанным вокруг горлышка. Бутылка для общества последнего человека.

И он был последним человеком, в этом не было никаких сомнений. Самым последним из всех.

Конечно, он не был участником договора, но он выполнит условие. Несомненно, это была своего рода мелодрама, но... «Бывает время, — сказал он себе, — когда маленькая мелодрама может быть простительна».

Он откупорил бутылку и повернулся, чтобы стать лицом к комнате. Он поднял бутылку, приветствуя... приветствуя место, где раньше была картина, почерневшую рамку от нее, мертвеца на полу, существо, которое издавало странные звуки в темном дальнем углу.

Он пытался придумать, что сказать, но не мог. А должны были быть какие-то слова, которые следовало произнести, просто не могло быть по-другому.

— Ваше здоровье, — сказал он, и это не было достаточно удачной фразой, но что-то нужно было сказать.

Он приложил бутылку к губам, поднял ее и наклонил голову назад.

Давясь, он оторвал бутылку от губ.

Это не было виски, и это оказалась ужасная дрянь. Желчь, уксус и хинин — все вместе. Настоящее варево прямо из помойной ямы, смесь всех противных лекарств, которые он выпил ребенком, это были сера и патока, это было касторовое масло, это было...

— Боже мой... — сказал Фредерик Уэст.

Внезапно он вспомнил местоположение ножа, который он потерял двадцать лет назад. Он видел, где оставил его, так же ясно, как день.

Он знал уравнение, о котором прежде не имел представления, и более того, он знал, для чего оно было выведено и как его можно использовать.

Непроизвольно он представил, как работает двигатель ракеты... каждая деталь, каждая часть, каждый механизм управления, словно схема была развернута перед его глазами.

Он мог схватывать и удерживать своим внутренним зрением семь отдельных уровней видения, хотя четыре уровня — это самое большее, что прежде мог ментально видеть человек.

Со свистом выдохнув воздух изо рта, он пристально посмотрел на бутылку.

Уэст был способен пересказать, слово в слово, первую страницу книги, которую он читал десять лет назад.

— Гормоны, — прошептал он, — Гормоны Дарлинга!

Гормоны, которые сделали что-то с его мозгом. Ускорили его процессы, заставили его работать лучше и интенсивнее, чем когда-либо прежде. Сделали так, что он думает теперь яснее и четче.

— О господи... — произнес он.

Хороший рывок для начала. И теперь...

«Человек, который обладал этими гормонами, мог управлять Солнечной системой» — именно так сказал Белден.

Белден искал их, разворотив и перевернув все, и Дарлинг тоже занимался поисками. Дарлинг, который, между прочим, считал, что гормоны у него. Он полагал, что разыграл шутку с Невином и Картрайтом, и допился до смерти, пытаясь найти бутылку, в которой они находились.

И все эти годы гормоны были в этой бутылке на каминной полке!

Кто-то еще сыграл шутку с ними всеми. Возможно, Лэнгдон. Тот, кого отдали в качестве домашнего животного к существу, настолько чудовищному, что даже Картрайт не стал называть его.

Дрожащей рукой Уэст поставил бутылку обратно на каминную полку, положил около нее пробку. Он на какое-то время задержался там, сжимая руками полку и устремляясь глазами к смотровой щели около камина. Он пристально вглядывался в долину, где темный цилиндр был устремлен вверх, как будто старался оторваться от скалистой планеты и направиться к звездам.

«Альфа Центавра» — корабль с космическим двигателем, который не смог заработать. Что-то не так... что-то не так...

Рыдание сдавило горло Уэста, и он с силой вцепился в каминную полку — так, что даже почувствовал боль.

Он знал, в чем была ошибка!

Он изучил проекты двигателя на Земле.

И теперь проекты были снова перед его глазами, он помнил их — каждую линию, каждый символ, как будто они были выгравированы в его мозгу.

Он видел, в чем проблема: нужно лишь сделать простую корректировку, после чего двигатель наверняка заработает. Десять минут... ему требуется только десять минут. Так просто. Так просто. Настолько просто, что было трудно поверить в то, что неисправность не была найдена прежде и все великие умы, которые работали над этим двигателем, не смогли ее заметить.

Была мечта — вещь, о которой он не смел говорить вслух и даже про себя. Вещь, о которой он не смел даже думать.

Уэст выпрямился и снова оглядел комнату. Он взял бутылку и во второй раз поднял ее в знак приветствия. Но на сей раз у него имелся тост для умерших людей и существа, которое скулило в углу.

— За звезды! — произнес он.

И он пил и пил — без остановки.

СОДЕРЖАНИЕ

МИР КРАСНОГО СОЛНЦА..... 9
ГОЛОС В ПУСТОТЕ..... 42
МЯТЕЖ НА МЕРКУРИИ 94
НЕЧИСТЬ ИЗ КОСМОСА 126
ЗОЛОТОЙ АСТЕРОИД 161
СОЗДАТЕЛЬ 183
ПРАВИЛО 18 217
ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ..... 255
ПРИМИРЕНИЕ НА ГАНИМЕДЕ 296
ЭПОХА СОКРОВИЩ..... 328
МАРСИАНИН 362
МАРСИАНСКИЙ ОТШЕЛЬНИК..... 381
КОСМИЧЕСКИЕ ТВАРИ 420
НА КРАЮ БЕЗДНЫ..... 456
ОШИБКА 492
БОЛЬШАЯ УБОРКА НА СОЛНЦЕ..... 511
ОДНАЖДЫ НА МЕРКУРИИ 537
НА ЗЕМЛЮ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ 561
КОРАБЛИК В БУТЫЛКЕ..... 584
УЛИЦА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО 615
ИНСТРУМЕНТЫ 636
ТЕНЬ ЖИЗНИ 669
НАИТИЕ 712

ПРОНИКНОВЕНИЕ 773
ПОСЛАНИЕ С МАРСА 796
СТРАШИЛИЩА 835
ЛОББИ 888
МИСТЕР МИК — МУШКЕТЕР 913
МИСТЕР МИК ИГРАЕТ В ПОЛО 947
ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ 984
ИСПЫТАНИЕ ФОСТЕРА АДАМСА 1015
ЗОВ ИЗВНЕ 1034